

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХС.

1893.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

Екзотеричный кав., № 80.
2920.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го іюля 1893 года). *О принятіи Императорскимъ Московскимъ университетомъ капитала для учрежденія преміи имени Льва Ивановича Поливанова и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день іюля 1893 года, Высочайше соизволилъ на принятіе правленіемъ Императорскаго Московскаго университета капитала въ 3.600 рублей, пожертвованнаго сему университету бывшими воспитанниками частной гимназіи Поливанова, въ Москвѣ, для учрежденія, изъ процентовъ съ капитала, при историко-филологическомъ факультетѣ университета, одной преміи имени Льва Ивановича Поливанова.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату, для опубликованія, съ приложеніемъ копій положенія объ означенной преміи ¹⁾.

2. (19-го августа 1893 года). *О принятіи завѣщаннаго Императорскому Московскому университету потомственному почетною гражданкою А. А. Сазиковою капитала, для учрежденія, изъ процентовъ съ оного, одной преміи имени завѣщательницы, и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день августа 1893 года, Высочайше

¹⁾ Положеніе печатается ниже, на стр. 5—7.

соизволил на разрѣшеніе Императорскому Московскому университету принять завѣщанный университету потомственному почетному гражданскою А. А. Сазиковою капиталъ въ десять тысячъ рублей для учрежденія, изъ процентовъ съ сего капитала, одной преміи имени завѣщательницы за лучшее сочиненіе по всеобщей исторіи.

Донося о такомъ Высочайшемъ повелѣніи правительствующему сенату, министръ народнаго просвѣщенія, 3-го сентября 1893 года, представилъ утвержденное имъ положеніе объ означенной преміи ¹⁾.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го октября 1893 года *утверждены*: экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, генералъ-лейтенантъ *Дубровинъ* — непремѣннымъ секретаремъ сей академіи, съ 4-го сентября 1893 г., съ оставленіемъ въ должности сверхштатнаго члена военнo-ученаго комитета главнаго штаба и по полевой пѣшей артиллеріи; почетными попечителями на три года: гимназій: Екатеринбургской — состоящій при министерствѣ юстиціи, коллежскій совѣтникъ *Соломирскій* и Екатеринославской — верхнедѣпровскій уѣздный предводитель дворянства *Бродскій*; реальныхъ училищъ: Кубанскаго Александровскаго — старшій помощникъ начальника Кубанской области и наказнаго атамана кубанскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ *Яцкевичъ* и Севастопольскаго — севастопольскій городской голова, отставной вице-адмиралъ *Вейсъ*.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью, главному садовнику ботаническаго сада Императорскаго Московскаго университета *Вобсту* — по 1-е ноября 1893 года.

Командированы съ ученою цѣлью за границу: оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію *Позднѣвъ* — по 1-е января 1894 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ ин-

¹⁾ Положеніе напечатано въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть ССLXXIX (октябрь 1893 года), стр. 29—30.

ститутѣ *Видеманъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ химіи *Хрущевъ*—на одинъ годъ, съ зачетомъ первому въ командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на два мѣсяца; окончившій курсъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Периаментъ* — на два года.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, ассистенту при кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней и приватъ-доценту Императорскаго Харьковскаго университета, доктору медицины *Попову* — по 1-е января 1894 года.

Уволенъ въ отпускъ за границу: сверхштатный ординаторъ при клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь *Пенкославскій* — на шесть мѣсяцевъ; оставленный за штатомъ доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, титулярный совѣтникъ *Ростовцевъ*—по 17-е апрѣля 1894 г. (Выс. пов. 19-го августа 1893 года).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го сентября 1893 года). *Положеніе о преміи имени Л. И. Поливанова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія существованія Московской частной гимназіи Л. И. Поливанова учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ премія имени Л. И. Поливанова.

§ 2. На премію назначается основной капиталъ въ 3.600 руб., доставленный бывшими воспитанниками гимназіи Л. И. Поливанова.

§ 3. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ внутренняго 4¹/₂ процентнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ депозитахъ Московскаго университета, и остается навсегда неприкосновеннымъ; преміи же присуждаются изъ процентовъ съ капитала.

Примѣчаніе 1. Капиталъ сей можетъ быть во всякое время увеличиваемъ, если кто-либо пожелаетъ сдѣлать взносъ въ оный. и послѣ передача его въ вѣдѣніе Императорскаго Московскаго университета.

Примѣчаніе 2. Отъ Императорскаго Московскаго университета зависятъ, по его усмотрѣнію, обращать капиталъ въ иныя процентныя бумаги, но съ тѣмъ, чтобы таковыя были непременно государственныя или гарантированныя правительствомъ.

§ 4. За трудъ, признанный исполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія, составившаяся изъ процентовъ за четыре года, за вычетомъ суммъ, издержанныхъ на необходимые расходы на публикаціи и канцелярскія потребности, касающіяся сей преміи.

§ 5. Премія, оставшаяся неприсужденною или по какимъ либо обстоятельствамъ невыданною, присоединяется къ основному капиталу.

§ 6. Премією награждаются написанныя на русскомъ языкѣ печатныя: 1) оригинальныя сочиненія: а) ученныя сочиненія по исторіи русской и иностранной словесности, какъ письменной, такъ и устной; б) ученныя сочиненія по исторіи русскаго языка; в) ученныя сочиненія по теоріи словесности; 2) переводы въ стихахъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній древне-греческой и римской литературы. обладающіе, при всѣхъ прочихъ, и художественными достоинствами.

§ 7. Изъ категоріи трудовъ, подходящихъ подъ правила этой преміи, исключаются: 1) труды. со времени выхода конхъ въ свѣтъ прошло до дня присужденія болѣе пяти лѣтъ; 2) труды. уже награжденные какою-либо премією, а равно и послѣдующія изданія такихъ трудовъ, если они не подвергались полной переработкѣ, при которой могутъ считаться за новые труды; 3) сборники необработанныхъ матеріаловъ; 4) труды профессоровъ Императорскаго Московскаго университета.

§ 8. Премія имени Л. И. Поливанова присуждается историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго Московскаго университета чрезъ каждые четыре года, начиная съ 1897 года.

§ 9. Премія присуждается по представленію одного или нѣсколькихъ профессоровъ вышеозначеннаго факультета, въ одномъ изъ осеннихъ факультетскихъ засѣданій, о чемъ деканъ предупреждаетъ членовъ факультета въ одномъ изъ засѣданій предшествующаго весенняго полугодія.

§ 10. Авторы трудовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ пункта 6 сихъ правилъ, присылаютъ оныя въ вышеозначенный факультетъ для соисканія преміи не позже, какъ за девять мѣсяцевъ до дня

торжественнаго акта, на коемъ объявляются результаты присужденія преміи.

Примѣчаніе. Помимо трудовъ, присылаемыхъ авторами для соисканія преміи, могутъ быть награждаемы оною и другія сочиненія, соответствующія § 6, по представленію профессоровъ историко-филологическаго факультета.

§ 11. О результатахъ присужденія объявляется чрезъ каждые четыре года 12-го января на торжественномъ актѣ Императорскаго Московскаго университета.

§ 12. О результатахъ cadaго присужденія публикуется въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, а также сообщается въ годовомъ отчетѣ Императорскаго Московскаго университета того года, въ который премія присуждается.

§ 13. Ежегодно одинъ разъ въ вышеозначенныхъ *Вѣдомостяхъ* публикуется извлеченіе изъ настоящихъ правилъ, дабы лица, желающія представить свои труды для соисканія преміи, могли ознакомиться съ условіями, на коихъ она присуждается.

§ 14. Преміи выдаются лишь самимъ авторамъ или же ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но никакъ не издателямъ удостоенныхъ преміи трудовъ.

§ 15. Еслибы съ теченіемъ времени то или другое изъ настоящихъ правилъ оказалось неудобопримѣнимымъ, то объ измѣненіи оныхъ Императорскимъ Московскимъ университетомъ, по предложенію историко-филологическаго факультета, испрашивается разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ однако же самое наименованіе и назначеніе преміи не могутъ быть измѣнены.

2. (3-го октября 1893 года). *Положеніе о преміи въ память покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Василія Николаевича Лешкова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ суммѣ 700 рублей, собраннаго Московскимъ юридическимъ обществомъ, назначается чрезъ каждые 3 года премія В. Н. Лешкова въ размѣрѣ до 100 рублей за лучшія студенческія сочиненія, преимущественно по полицейскому праву.

§ 2. Темы для сочиненій назначаются юридическимъ факультетомъ Императорскаго Московскаго университета для студентовъ всѣхъ

семестровъ, равно какъ студенты могутъ и сами избирать темы съ одобренія факультета.

§ 3. Срокъ для представленія сочиненій трехгодичный со времени объявленія о заданныхъ темахъ.

Примѣчаніе. Студенты, окончившіе курсъ, сохраняютъ въ теченіе одного года право на представленіе сочиненій.

§ 4. Разборъ представленныхъ сочиненій и присужденіе за нихъ премій принадлежатъ юридическому факультету, при чемъ въ случаѣ равенства всѣхъ другихъ условій, премія присуждается за сочиненія на темы по полицейскому праву.

§ 5. О рѣшеніяхъ факультета по присужденію преміи В. Н. Лешкова сообщается состоящему при Императорскомъ Московскомъ университетѣ юридическому обществу.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

5-го октября 1893 года *утверждены*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сохотскій* и Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коршъ*—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора: первый съ 16-го сентября и второй съ 22-го августа 1893 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вейсманъ*—ординарнымъ профессоромъ греческой словесности сего института, со 2-го сентября 1893 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, докторъ уголовного права *Вульфертъ*—ординарнымъ профессоромъ сего лица по уголовному праву, съ 22-го сентября 1893 г.; директоръ Павлоградской шестиклассной прогимназіи, преобразованной въ гимназію, статскій совѣтникъ *Сизъ*—директоромъ сей гимназіи, съ 9-го сентября 1893 г.; инспекторъ Ефремовской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Панкратовъ*—директоромъ Ржевской прогимназіи, съ 1-го августа 1893 г.; директоръ Благовѣщенской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зерновъ*—директоромъ Оренбургскаго учительскаго института съ 21-го сентября 1893 г.; Бобровскій первой гильдіи купецъ *Кашенко*—вновь почетнымъ попечителемъ Бобровской прогимназіи, на три года.

Назначены: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ *Розенъ*—деканомъ факультета восточныхъ языковъ сего университета на четыре года, съ 22-го сентября 1893 г.; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра—*Рустицкій* и Московскаго, прозекторъ сего же университета *Губаревъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Казанскаго, по каедрѣ оперативной хирургіи, съ 12-го сентября, и второй—Юрьевскаго, по каедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, съ 1-го октября 1893 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета магистръ *Форстенъ*—экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, съ 2-го сентября 1893 г.; исправляющій должность инспектора Варшавскаго реальнаго училища, заслуженный преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ *Стефановичъ* и инспекторъ-руководитель Ленчицкой учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Пясецкій*—начальниками учебныхъ дирекцій; первый—Радомской, съ 1-го сентября, и второй—Калишской, съ 1-го октября 1893 г.; директоръ Красноярской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Савенковъ*—инспекторомъ училищъ города Варшавы, съ 1-го октября 1893 года.

Перемѣщены: экстраординарные профессора по каедрѣ оперативной хирургіи Императорскихъ университетовъ: Московскаго—*Бобровъ* и Казанскаго *Малиновскій*—на каедру хирургической факультетской клиники: первый—того же университета и второй—въ Императорскій университетъ св. Владиміра, оба съ 12-го сентября 1893 года.

Оставлены на службѣ: директоръ Измаильской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Чеховскій*—по 1-е іюля 1896 г.; окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лукьяновъ*, съ 20-го сентября, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сохоцкій*, съ 16-го сентября, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ярошенко*, съ 9-го сентября, директоры: Тифлисской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дробозовъ*, съ 15-го іюня, реальныхъ училищъ: Сызранскаго—статскій совѣтникъ *Ивановъ*, съ 1-го сентября, и Самарскаго статскій совѣтникъ *Херувимовъ*, съ 12-го сентября, и народныхъ учи-

лицъ Тверской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безобразовъ*, съ 5-го января 1893 г., всѣ семеро на пять лѣтъ, и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кожевниковъ*, съ 22-го августа 1893 г., по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части.

Продолженъ срокъ командировки, съ ученою цѣлью, преподавателю С.-Петербургской второй гимназіи *Кедрову*—по 1-е сентября 1894 г. въ Москву.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, ординатору госпитальной клиники Императорскаго Казанскаго университета *Тихову*—по 15-е октября и преподавателю Московской второй гимназіи, статскому совѣтнику *Гююню*—по 28-е ноября 1893 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: инспекторъ народныхъ училищъ, состоящій при управленіи Кіевскаго учебнаго округа, инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ *Синицкій*—на 21-й день, съ 10-го октября 1893 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Бехтеревъ* и директоръ Николаевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Таратынъ*—на 28 дней и директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, статскій совѣтникъ *Семигиновскій*—на два мѣсяца, съ 20-го октября 1893 г., и б) за границу, помощникъ столначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, титулярный совѣтникъ *Приклонскій*—по 15-е октября 1893 года.

Дозволено носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, бывшему директору Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища, статскому совѣтнику *Мааку*.

Уволены: деканъ факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Висильевъ*, съ 22-го сентября, и ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Кюстнеръ*, съ 1-го октября 1893 года, оба, согласно прошеніямъ, отъ сихъ должностей; наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Адвокатовъ*, съ 1-го сентября, и начальникъ Калишской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Царевскій*, съ 1-го октября 1893 года, оба, согласно прошеніямъ, по болѣзни, отъ службы, съ дозволеніемъ послѣднему носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харь-

ковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Владимировъ*, съ 20-го сентября, профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, статскій совѣтникъ *Краузэ*, съ 1-го сентября, и директоръ Оренбургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Титковъ*, съ 8-го сентября 1893 года, всѣ трое, согласно прошеніямъ, отъ службы, съ дозволеніемъ первому и второму носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному блюстителю сорожскаго сельскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Осташковскаго уѣзда, архимандриту Ниловой пустыни *Арсенію*, вышневолоцкому головѣ *Самойлову*, попечителямъ начальныхъ училищъ: Заевского, Осташковскаго уѣзда, *Болтъ* и Ключинскаго. Вышневолоцкаго уѣзда, *Болотину* и попечительницѣ Чернецкаго начальнаго училища, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, землевладѣлицѣ *Детловой*—за сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу училищъ; дочерямъ генераль-маіора Софіи и Александрѣ *Ильинимъ*—за ихъ тридцатилѣтнюю усердную и успѣшную педагогическую дѣятельность.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе *А. И. Незеленова* (въ двухъ частяхъ). Изданіе 2-е (безъ измѣненій). Часть I: отъ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. С.-Пб. 1893. Каждая часть продается отдѣльно по 1 рублю“—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки, изданныя подъ редакцію *Сергія Шаранова* (Москва. 1893. Въ 16-ю д. л.): 1) „Латичева женитьба, *Симо Матавуля*“, стр. 20.—2) „Дядя Пера, *Янко Веселиновича*“, стр. 20.—3) „Василева любовь, *Венцеслава Новака*“, стр. 27. Цѣна каждой книжки 5 коп.—допустить въ ученическія бібліотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Л. Георгіа*“

іевскаго и *С. Манштейна*. Геродотъ. Греко-персидскія войны. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 31 рисункомъ и географическою картою. Объяснилъ *Г. О. фонъ-Гаазе*, преподаватель Одесской 2-й гимназіи. С.-Пб. 1893. Часть I: текстъ, стр. 84.—Часть II: Комментарій, стр. 168. Цѣна за обѣ части 80 коп.“—рекомендовать въ видѣ пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства.

— Книгу: „Тридцатилѣтняя война. *Фридриха Шиллера*. Съ примѣчаніями историческими и грамматическими, словаремъ и географическою картою. Для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ издалъ *И. Фростичъ*. Москва. 1892. Стр. IV+265. Цѣна 1 рубль“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Вторая книга исторіи Тридцатилѣтней войны, *Фридриха Шиллера*. Снабдилъ словаремъ и объясненіями *Θ. Кейзеръ*. Изданіе второе пересмотрѣлъ *Р. Гретманъ*. Москва. 1892. Стр. XXII+274. Цѣна 90 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Очерки по исторіи педагогики. Пособіе для занимающихся воспитаніемъ дѣтей и для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Составилъ *К. Ельницкій*. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1891. Стр. 158. Цѣна 75 коп.“—допустить для библиотекъ учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

— Книгу: „Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Изданіе 6-е. Составилъ *К. Ельницкій*. С.-Пб. 1893. Стр. 143. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки начальныхъ училищъ, а равно и въ ученическія библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и женскихъ гимназій, въ которыхъ существуютъ педагогическіе классы.

— Изданія: 1) „Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть вторая: Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель Второго московскаго кадетскаго корпуса. Изданіе 2-е. Москва. 1892. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“—2) *Deutsche grammatische Wandtabellen von F. Mey. Tabelle 1—5*. Въ большой листъ. Цѣна по 25 коп. каждая таблица“—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи нѣмецкаго синтаксиса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство для ухода за больными, ранеными, умалишенными, родильницами и новорожденными, и первая помощь

въ случаяхъ, угрожающихъ опасностью для жизни. Карманная книга для фельдшеровъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія, сидѣлокъ, патлатныхъ служителей, носильщиковъ, фельдшерскихъ учениковъ и для каждой семьи. *Leitfaden der Krankenwartung von Dr. Kibel.* Перевелъ и передѣлалъ Ф. Фейнш, д-ръ и членъ многихъ ученыхъ обществъ. С.-Пб. 1891. Стр. 201. Рис. 54. Цѣна 1 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Изданіе: „V, VI и VII таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей *Ст. Цыбульскаго*, учителя Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи, съ текстомъ къ нимъ, подъ заглавіемъ: „Римское войско. Составъ и вооруженіе“. С.-Пб. 1893. Стр. II+20“,—рекомендовать какъ учебное пособие по классическимъ древностямъ и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Учебный историческій атласъ. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. 72 карты по всеобщей исторіи. С.-Пб. 1893.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „Историческая географія Европы. Эдуарда Фримана. Въ двухъ томахъ. Томъ I: Текстъ. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго.—Томъ II. Карты. Изданіе Солдатенкова. Цѣна 6 рублей за два тома. Москва. 1892.“—одобрить для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Научно-популярная оптическая гигиена глаза. Д-ра М. Рейха, бывшаго окр. окулиста Кавказскаго военнаго округа, главнаго врача Харьковскаго военнаго госпиталя, для педагоговъ, учителей, студентовъ, врачей—не-окулистовъ, образованныхъ людей вообще. Съ 11 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1893. Стр. II+144. Цѣна 1 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Брошюру: О борьбѣ съ засухами въ черноземной области посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга“. Сочиненіе проф. И. А. Костычева. С.-Пб. 1893. 8°, 83 стр.—рекомендовать для ученическихъ библіотекъ реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, городскихъ и уѣздныхъ учи-

лищъ, а также для учительскихъ библиотекъ сельскихъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, находящихся въ районѣ черноземной области, то-есть, въ учебныхъ округахъ: Одесскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ и Кавказскомъ, а также въ Туркестанѣ и Южной Сибири.

— Журналъ *Вѣстникъ Иностранной Литературы*, издаваемый Г. П. Кондратьевымъ. С.-Пб. 8 номеровъ съ 1-го сентября 1892 г. по 1-е апрѣля 1893 г. Цѣна 1 руб. въ годъ—одобрить для учительскихъ библиотекъ какъ низшихъ такъ и среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Сочиненіе: „Начальная сельскохозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ“. Составилъ Н. П. Пономаревъ. Изданіе 2-е (С.-Пб. 1893. 8°. 144 стр. съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 50 к.)—одобрить для ученическихъ и учительскихъ библиотекъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Книгу: „Какъ водить пчелъ“. Составилъ проф. Бутлеровъ. Изданіе 3-е,—рекомендовать для библиотекъ среднихъ и низшихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Какъ дѣлають простую мебель. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ со столярнымъ ремесломъ“. Составилъ І. Ануфриевъ. Вологда. Изданіе 2-е. 1893,—одобрить для учительскихъ библиотекъ начальныхъ школъ.

— Книгу: „Химическая технологія, сочиненіе Р. Ванера, обработано Ф. Фишеромъ, перевелъ съ 13-го нѣмецкаго изданія В. Тязенгольтъ, изданіе К. Риккера. 8°. VIII+1106 стр. Съ 623 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1892. Цѣна 8 руб.“—одобрить для учительскихъ библиотекъ среднихъ техническихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Древне-классическія реаліи. Справочная книга и повторительный курсъ для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По Мартину Вольрабу и другимъ руководствамъ составилъ, согласно съ новыми учебными планами гимназическаго курса, а также и § 69 правилъ объ испытаніяхъ, Михаилъ Георгиевскій, преподаватель С.-Петербургскихъ VI и X гимназій. Съ 125 рисунками. Часть 1: текстъ. стр. 112. Часть II: рисунки. Изданіе редакціи „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ“. С.-Пб. 1893. Цѣна за

обѣ части 70 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій по книгамъ *Ходобая* и *Виноградова*. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. *П. Виноградовъ*. Выпускъ I. Москва. 1893. стр. IV+79+69“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Методы и принципы географіи. Руководство къ методикѣ географіи. *Д. Ю. Петри*, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1892. стр. 315. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать вниманію преподавателей и для приобрѣтенія въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Л. Георгиевскаго* и *С. Манштейна*: 1) *М. Туллій Цицеронъ*. Рѣчь за Лигарія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 2 рисунками и географическими картами. Объяснилъ *В. Алексѣевъ*. С.-Пб. 1893. Стр. 15+43. Цѣна 30 коп. — 2) „*М. Туллій Цицеронъ*. Рѣчь за Архія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 4 рисунками и географическими картами. Объяснилъ *И. Нетушилъ*, профессоръ Императорскаго харьковскаго университета. С.-Пб. 1893. Стр. 15+47. Цѣна 30 коп.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Отрывки изъ греческихъ писателей для письменнаго и устнаго перевода въ V, VI, VII и VIII классахъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ Московской 1-й гимназіи. Москва. 1893. Стр. 6+392. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства.

— Брошюру: „Сборникъ геометрическихъ задачъ для учениковъ VII и VIII классовъ гимназій. (Примѣнительно къ правиламъ испытанія учениковъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 12-го марта 1891 года). Составилъ *Н. Сорокинъ*, преподаватель Кіево-Печерской гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1893. Стр. VI—52. Цѣна 50 коп.“ — одобрить какъ пособие для VI и VII классовъ гимназій.

— Брошюру: „*М. С. Корелинъ*. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Изданіе редакціи журнала *Русская мысль*. Москва. 1893.

Стр. 55⁴.—одобрить для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюры: „1) Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. *Іосифъ Сениовъ*. Изданіе редакціи журнала *Дѣтское чтеніе*. С.-Пб. 1893. Стр. 47. Цѣна 20 коп.“—2) „Любимый богатырь русскаго народа. *Іосифъ Сениовъ*. Изданіе редакціи журнала *Дѣтское чтеніе*. С.-Пб. 1893. Стр. 28. Цѣна 15 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній младшаго и средняго возраста.

— Книгу: „Курсъ электричества (читанный въ электротехническомъ институтѣ Монтефіоре при университетѣ въ Лютихѣ). *Эрика Жерара*, директора электротехническаго института. Томъ I. Теорія электричества и магнетизма. Электрометрія. Теорія и устройство производителей и преобразователей электрической энергіи, 266 рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Переводъ *М. А. Шателена*, подъ редакціей *А. И. Садовскаго*. Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*. С.-Пб. 1893. Стр. XIII + 700. Цѣна за полное изданіе въ двухъ томахъ (болѣе 1300 стр. съ 523 рис.) 8 рублей“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. IV, курсъ старшихъ классовъ. Москва. 1893. Стр. XIV + 460. Цѣна 1 р. 40 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Изданіе: „Краткій обзоръ“ дѣятельности Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1890 — 1891 и 1891 — 1892 гг. (Двадцать второй обзоръ. С.-Пб. 1892. Стр. 336. Цѣна четырехъ выпусковъ 1 рубль.“—рекомендовать для приобрѣтенія, на ряду съ другими журналами, въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: „Сочиненія *Григорія Оедоровича Квитки* (р. 1778 + 1843): Томъ III. Повѣсти и разказы *Грыцька Основьяненко*. Харьковъ. 1889. Стр. 341. Цѣна 1 руб., и томъ IV. Повѣсти и разказы *Грыцька Основьяненко* и статьи историческія. Харьковъ. 1890. Стр. 515. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—рекомендовать для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: „О положеніи ученыхъ въ правленіи Домиціана. Повѣсть въ стихахъ Римской поэтессы *Султіціи* (Введеніе, текстъ. переводъ и примѣчанія). Составилъ *П. Черняевъ*, преподаватель Императорской Казанской 1-ой гимназіи. Казань. 1893. Стр. 36. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Учебникъ физики для среднеучебныхъ заведеній. Составилъ *С. Ковалевскій*, преподаватель физики въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное. Спб. 1893. Стр. VIII+450. Цѣна 2 руб. 20 коп.“—рекомендовать какъ учебное руководство для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, по теорію потенціала признать излишнею для сихъ заведеній.

— Книгу: „*Какъ*. Сборникъ физическихъ задачъ. Переводъ съ французскаго *Н. И. Мамонтова*. Москва. 1893. Стр. IV+227. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также для бібліотекъ учительскихъ институтовъ и для фундаментальныхъ бібліотекъ женскихъ гимназій.

— Книги: „*А. И. Никитскаго*: 1) Очеркъ внутренней исторіи Пскова. С.-Пб. 1873. Стр. X+344. Цѣна 1 руб. 50 коп.—2) Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. С.-Пб. 1879. Стр. II+216. 3) Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. Москва. 1893. Стр. XIX+307“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „По Южной Америкѣ. Томъ третій. Съ картою Южной Америки. Составилъ *А. С. Юнинъ*. С.-Пб. 1893. Стр. 675. Цѣна 4 рубля“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Люсьенъ Оже*. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ историко-археологическою цѣлью. Переводъ *Владимира Вольфсона*. С.-Пб. 1892. Стр. III+250. Цѣна 1 руб.“—допустить для ученическихъ бібліотекъ средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реального училища. Часть вторая. 5-е изданіе. Одесса. 1893. Стр. XII+272. Цѣна 1 рубль“—одобрить въ

качествѣ руководства для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „*Элементарный учебникъ анатоміи и фізіологіи человека*, проф. *М. Дювала* въ Парижѣ и *П. Константена* въ Реннѣ. Переводъ съ французскаго приватъ-доцента Петербургскаго университета *В. Фаусека*. Съ 368 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1893. Стр. 424. Цѣна 2 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „*П. Цѣтковъ*. Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому правописанію съ приложеніемъ повторительныхъ диктовокъ. Первый годъ обученія. Изд. 3-е, исправленное. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 48 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „*И. Т. Яхонтовъ*. Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку. Учебное пособіе для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1892. Въ 8-ку. Выпускъ первый (курсъ 1-го и 2-го года обученія). Стр. 60. Цѣна 25 коп. Выпускъ второй (курсъ 3-го года обученія). Стр. 62. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „*И. Т. Яхонтовъ*. Методическое руководство къ „Сборнику письменныхъ упражненій по русскому языку“. Для учителей и учительницъ начальныхъ школъ. С.-Пб. 1892. Въ 8-ку, 109 стр. Цѣна 45 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя *П. Барышниковымъ* книги: 1) „Русская хрестоматія (Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія), съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики и задачъ для письменныхъ упражненій. Часть первая. Курсъ перваго отдѣленія городскихъ училищъ. Изд. 2-ое, исправленное. М. 1893. Въ 8-ку. 132 стр. Цѣна 35 коп.“ и 2) „Русская хрестоматія, съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики. за-

дать для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть вторая. Курсъ второго отдѣленія городскихъ училищъ. Изд. 2-ое, исправленное. М. 1893. Въ 8-ку, 180 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить въ городскія училища для класснаго пользованія.

— Книгу: „Повторительный курсъ краткой русской грамматики. составленный по программѣ школъ С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества. С.-Пб. 1892. Въ 12-ю д. л., 55 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— „Сборникъ методически распределенныхъ арифметическихъ задачъ. Составилъ Фридрихъ Доне. Часть I. Четыре дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ отъ 1—10, 1—100 и 1—1000. (Съ удареніями надъ словами). Изд. 2-ое, передѣланное. Рига. 1893. Въ 8-ку. 76 стр. Цѣна въ переплетѣ 20 коп.“—допустить къ употребленію въ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.

— Книгу: „К. Елмицкій. Методика начальнаго обученія отечественному языку. Изд. 7-е. С.-Пб. 1893. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа 9-го минувшаго сентября, открыть VII классъ при Павлоградской прогимназіи, въ который принято 19 учениковъ.

— 19-го августа сего 1893 года въ городѣ Лальскѣ открыто двухклассное городское, по положенію 31-го мая 1872 года, училище.

— 23-го августа сего 1893 года открыто Звенигородское городское, по положенію 31-го мая 1872 года, училище.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа Починковское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губ., съ 1-го минувшаго сентября преобразовано въ таковое же двухклассное.

— 4-го и 6-го сентября сего 1893 года открыты: Вереysкое двухклассное и II Московское трехклассное городскія, по положенію 31-го мая 1872 года, училища.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа на ст. Узловой Сызрано-Вяземской желѣзной дороги открыто 8-го сентября сего года, на средства управленія названной желѣзной дороги, одноклассное училище.

ныя на темы, избранныя или одобренныя юридическимъ факультетомъ того же университета.

Сообщая о семъ, начальство Московскаго учебнаго округа ходатайствовало какъ о разрѣшеніи Императорскому Московскому университету принять жертвуемый Московскимъ юридическимъ обществомъ капиталъ на указанный предметъ, такъ и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на удовлетвореніе вышеприведеннаго ходатайства начальства Московскаго учебнаго округа и на предоставленіе ему, министру народнаго просвѣщенія, права утвердить положеніе о помянутой преміи ¹⁾).

Государь Императоръ, въ 20-й день сентября 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

5. (20-го сентября 1893 года). *О присвоеніи низшему механико-техническому училищу въ г. Архангельскѣ наименованія: „Техническое училище Императора Петра I“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 20-й день сентября 1893 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе открываемому съ наступающаго учебнаго года въ г. Архангельскѣ низшему механико-техническому училищу наименованія: „Техническое училище Императора Петра I“, въ ознаменованіе исполнившагося, 30-го іюля 1893 года, двухсотлѣтія со дня перваго посѣщенія города Архангельска Императоромъ Петромъ Великимъ.

6. (27-го сентября 1893 года). *Объ учрежденіи при Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память проѣзда чрезъ Забайкалье Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.*

Приамурскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ объ учрежденіи при Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Троицкосавскимъ городскимъ обществомъ капитала въ 5.100 рублей стипендіи, въ память проѣзда въ 1891 году чрезъ Забайкалье Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

¹⁾ Положеніе напечатано въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть ССХС (ноябрь 1893 года), стр. 7—8.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, по доведеніи о семъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, изволилъ изъявить согласіе на присвоеніе такого наименованія проектируемой стипендіи.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на удовлетвореніе означеннаго ходатайства.

Государь Императоръ, въ 27-й день сентября 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

7. (8-го октября 1893 года). *О принятіи капиталовъ, пожертвованныхъ Кяхтинскимъ купечествомъ на учрежденіе стипендіи въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ, въ Читинской гимназій и въ Читинской женской прогимназій.*

Въ память посѣщенія Сибири въ 1891 году Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, Кяхтинское купечество пожертвовало Императорскому Томскому университету 15.338 руб. 98 коп., Читинской гимназій—3.100 руб., Читинской женской прогимназій 3.023 руб. 25 коп., на учрежденіе, изъ процентовъ съ этихъ капиталовъ, стипендій въ снхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе какъ на принятіе Томскимъ университетомъ, Читинскою гимназіею и Читинскою женскою прогимназіею означенныхъ капиталовъ, такъ и на учрежденіе при указанныхъ учебныхъ заведеніяхъ на проценты съ этихъ капиталовъ стипендій въ память посѣщенія Сибири Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

Государь Императоръ, въ 8-й день октября 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

8. (25-го октября 1893 года). *Объ учрежденіи при Рижскомъ казенномъ приходскомъ училищѣ должности врача.*

Попечитель Рижскаго учебнаго округа обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи при Рижскомъ казенномъ приходскомъ училищѣ должности врача безъ содержанія, но съ правами государственной службы, присвоенными врачамъ при уѣздныхъ училищахъ. При этомъ тайный совѣтникъ Лавровскій объяснилъ, что учрежденіе означенной должности, помимо

желательнаго систематическаго со стороны врача наблюденія за учениками, вызывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что контингентъ учащихся въ названномъ училищѣ составляютъ дѣти бѣднѣйшихъ обывателей Московскаго предмѣстья города Риги, для которыхъ медицинская помощь вообще мало доступна.

Признавая, по приведеннымъ основаніямъ, удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства весьма желательнымъ, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ на сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 25-й день октября 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

9. (25-го октября 1893 года). *О предоставленіи пенсіонныхъ правъ преподавательницамъ Казанскаго училища для глухонѣмыхъ дѣтей.*

Въ городѣ Казани существуетъ училище для глухонѣмыхъ дѣтей, содержимое на средства мѣстнаго общества призрѣнія и образованія глухонѣмыхъ. Преподавательницы сего училища, не смотря на то, что руководятъ въ высокой степени благотворнымъ и труднымъ дѣломъ обученія и воспитанія глухонѣмыхъ дѣтей, по уставу онаго не имѣютъ права на полученіе пенсіи. Между тѣмъ матеріальное положеніе сихъ лицъ, въ виду ограниченности денежныхъ средствъ содержащаго училища общества, весьма не обезпечено; во время же болѣзни и подъ старость онѣ должны остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Въ виду изложеннаго и вслѣдствіе ходатайства попечителя Казанскаго учебнаго округа, признавая справедливымъ приравнять упомянутыхъ учительницъ по правамъ на пенсію къ лицамъ, занимающимся обученіемъ и воспитаніемъ въ частныхъ домахъ, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе тѣмъ изъ преподавательницъ училища глухонѣмыхъ дѣтей въ городѣ Казани, которыя имѣютъ званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ, права на установленныя пенсіи изъ находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія капитала на производство пенсій и единовременныхъ пособій домашнимъ наставникамъ, учителямъ и учительницамъ, подъ условіемъ двухпроцентнаго вычета изъ всего получаемаго ими по службѣ содержанія на усиленіе сего капитала.

Государь Императоръ, въ 25-й день октября 1894 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

10. (25-го октября 1893 года). *Объ учрежденіи при Рязанской мужской гимназіи, вмѣсто одной, двухъ стипендій имени Императора Александра II.*

Въ 1866 году Рязанское благородное собраніе пожертвовало, въ память избавленія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II отъ угрожавшей Ему 4-го апрѣля того года опасности, капиталъ въ 4.000 рублей для учрежденія, на счетъ процентовъ съ него, при мѣстной гимназіи, а затѣмъ и въ университетѣ стипендіи для одного изъ бѣднѣйшихъ сиротъ, уроженцевъ Рязанской губерніи. На учрежденіе этой стипендіи въ томъ же году послѣдовало Высочайшее соизволеніе, при чемъ воспитаннику гимназіи, пользующемуся этою стипендіею, Всемилостивѣйше разрѣшено именоваться стипендіатомъ Его Императорскаго Величества.

Нынѣ министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія ходатайство совѣта старшинъ сего собранія и мѣстнаго губернскаго земства, которому предоставлено право выбора стипендіата, объ учрежденіи при Рязанской гимназіи, вмѣсто одной, двухъ стипендій для воспитанниковъ сей гимназіи съ наименованіемъ ихъ стипендіатами Императора Александра II, въ виду того, что стипендіальный капиталъ со времени его пожертвованія возросъ съ 4.000 до 10.750 рублей и проценты съ него достаточны для двухъ стипендій.

Къ сему министерство внутреннихъ дѣлъ присовокупило, что съ его стороны не встрѣчается препятствія къ удовлетворенію изъясненнаго ходатайства.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при Рязанской гимназіи двухъ стипендій съ наименованіемъ воспитанниковъ, которые будутъ пользоваться таковыми, стипендіатами Императора Александра II.

Государь Императоръ, въ 25-й день октября 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(25-го октября 1893 года). *Утверждены:* бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, членъ-корреспон-

дентъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сонинъ*—ординарнымъ академикомъ сей академіи по части чистой математики, съ 1-го мая 1893 года; младшій чиновникъ при начальникѣ Терской области, баронъ *Штейнелъ*—почетнымъ попечителемъ Владикавказской мужской гимназіи.

Назначенъ директоръ Рижскаго реального училища Императора Петра I, статскій совѣтникъ *Поповъ*—окружнымъ инспекторомъ Рижскаго учебного округа.

Продолженъ срокъ командировки за границу, съ ученою цѣлью: приватъ-доценту Императорскаго Московскаго университета *Иванцову* и оставленному при С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію, окончившему курсъ въ семъ университетѣ съ дипломомъ первой степени *Медоранскому*—по 1-е января; ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскому совѣтнику *Тумасу*—по 15-е апрѣля; исправляющему должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета *Павловскому*—по 20-е августа; сверхштатному помощнику прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Московскаго университета, лѣкарю *Власову*—по 1-е сентября, и сверхштатному ординатору при клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней Императорскаго Варшавскаго университета, доктору медицины *Савельеву*—по 1-е октября 1894 года.

Командированы за границу, съ ученою цѣлью: приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ольденбургъ*—по 1-е января 1894 г., съ зачетомъ въ командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на 28 дней, сверхштатный лаборантъ при патолого-анатомическомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь *Шамшинъ*—на одинъ годъ, съ зачетомъ въ командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на два мѣсяца; окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени *Спасскій*—на два года, съ 15-го октября 1893 года.

Продолженъ срокъ отпуска въ Россіи и за границу члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику *Корнилову*—до начала ноября 1893 г.

Уволенъ, согласно прошенію, чиновникъ особыхъ порученій при предсѣдателѣ Императорскаго Россійскаго историческаго музея, коллежскій ассесоръ князь *Щербатовъ*—отъ службы.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

3. (6-го іюля 1893 года). *Положеніе о стипендіи учреждаемой Вспомогательнымъ обществомъ купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ въ Московскомъ реальномъ училищѣ въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 1.200 рублей, пожертвованнаго Вспомогательнымъ обществомъ купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ, учреждается при Московскомъ реальномъ училищѣ стипендія сего общества въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ второго восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Московскаго реального училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища; проценты же съ него, въ количествѣ 60 р. въ годъ, за вычетомъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на уплату за право ученія въ семь училищъ стипендіата.

§ 3. Вспомогательному обществу купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ предоставляется право избранія стипендіата изъ сыновей и родныхъ братьевъ дѣйствительныхъ членовъ общества, обучающихся въ Московскомъ реальномъ училищѣ и заслуживающихъ того по своему отличному поведенію и хорошимъ успѣхамъ въ наукахъ.

§ 4. Въ случаѣ же незамѣщенія къ 15-му августа вакансіи кандидатомъ общества по какимъ бы то ни было причинамъ, общество лишается права замѣщенія этой вакансіи въ семь учебномъ году, проценты же остаются свободными.

§ 5. Стипендіаты лишаются права пользованія этой стипендіей въ случаѣ выбытія, кромѣ смерти отцовъ и братьевъ, изъ числа членовъ общества, о чемъ правленіе доводитъ до свѣдѣнія училищнаго начальства.

§ 6. Стипендіаты, оставшіеся на второй годъ въ томъ же классѣ, могутъ пользоваться стипендіей, только съ согласія правленія общества.

§ 7. Могуція образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки выдаются стипендіатамъ об-

щества для приобрѣтенія учебныхъ пособій по усмотрѣнію училищнаго начальства.

§ 8. Если при увеличеніи платы за ученіе въ Московскомъ реальномъ училищѣ процентовъ съ означеннаго капитала будетъ не достаточно, и обществомъ не будетъ внесено добавочнаго капитала, то стипендія, по окончаніи курса находящимся въ училищѣ стипендіатомъ, вновь не замѣщается до тѣхъ поръ, пока изъ процентовъ не составится сумма достаточная для уплаты за право ученія.

§ 9. Въ случаѣ закрытія реального училища означенная стипендія переводится въ другое учебное заведеніе вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія по назначенію Вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ.

§ 10. Если общество прекратить свое существованіе, то правленіе его сообщаетъ училищному началству рѣшеніе послѣдняго общаго собранія о порядкѣ замѣщенія этой стипендіи.

4. (17-го іюля 1893 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы губернскаго секретаря Ольги Васильевны и ея покойнаго мужа Александра Воронцовыхъ при Кременчугскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 18.835 руб. 56 коп., полученнаго отъ продажи недвижимаго имущества, завѣщаннаго въ вѣдѣніе попечительства или общества вспомошествованія бѣднымъ ученикамъ Александровскаго Кременчугскаго училища вдовою губернскаго секретаря Ольгою Васильевою Воронцовой, и выросших на капиталъ процентовъ, а также изъ остатковъ отъ доходовъ съ сего имущества до продажи его, учреждается при означенномъ училищѣ, согласно волѣ завѣщательницы, три стипендіи имени Ольги и Александра Воронцовыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа на сумму восемнадцать тысячъ восемьсотъ рублей и въ наличныхъ деньгахъ въ количествѣ тридцати пяти рублей пятидесяти шести копѣекъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Кременчугскаго Александровскаго реального училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Оставшіеся отъ покупки $\frac{1}{2}$ бумагъ 45 р. 56 коп., а равно могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи и по другимъ причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи или же для образованія новыхъ сти-

пендіи упомянутого въ § 1 наименованія, по усмотрѣнію общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища.

§ 4. Проценты съ упомянутого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5%-наго сбора по закону 20-го мая 1885 г. и расходовъ по обмѣну облигацій на новыя въ случаѣ надобности, назначаются на содержаніе и воспитаніе бѣднѣйшихъ, при томъ успѣшно занимающихся, учениковъ Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища или могущаго замѣнить оное въ Кременчугѣ другаго средняго учебнаго заведенія.

§ 5. Право избранія кандидатовъ на стипендіи пожизненно принадлежитъ душеприказчику Ольги Воронцовой, врачу Александру Александровичу Несвицкому, по смерти же его сіе право переходитъ преемственно, по нисходящей линіи, къ его дѣтямъ мужскаго и женскаго пола, по старшинству первородства, а въ случаѣ пресѣченія его рода и при малолѣтствѣ наслѣдника право это предоставляется ближайшему его родственнику въ боковой линіи, также по старшинству первородства. Въ случаѣ же неизвѣстности мѣста жительства означенныхъ лицъ, общество вспомошествованія нуждающимся ученикамъ избираетъ въ данномъ случаѣ само кандидата на открывшуюся вакансію.

§ 6. Право же назначенія стипендіатовъ изъ числа вышеозначенныхъ кандидатовъ принадлежитъ обществу вспоможенія нуждающимся ученикамъ Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, каковыя стипендіи выдаются по принадлежности директоромъ Кременчугскаго реальнаго училища.

§ 7. Если стипендіаты, по окончаніи ими полнаго курса ученія въ Кременчугскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ, поступятъ для дальнѣйшаго образованія въ высшее учебное заведеніе и не будутъ имѣть для того средствъ, то сохраняютъ право на полученіе одобрительныхъ о нихъ отзывовъ отъ ихъ учебнаго начальства впредь до окончанія курса сего заведенія, полагая срокъ для такового не болѣе пяти лѣтъ.

§ 8. Обществу вспомошествованія нуждающимся ученикамъ сего училища предоставляется право лишить стипендіата стипендіи, въ случаѣ еслибы послѣдовало заявленіе педагогическаго совѣта о малоуспѣшности или дурномъ его поведеніи, а также если стипендіатъ пріобрѣтаетъ средства, дѣлающія для него ненужнымъ пособіе.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

5. (23-го іюля 1893 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени дворянки Викторіи Бартошевичъ при гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 26-й день 1891 г. положенія комитета министровъ, на проценты съ капитала въ 18.000 р., составившагося а) изъ суммы, вырученной отъ продажи домовъ умершей дворянки Викторіи Бартошевичъ, завѣщанныхъ ею на воспитаніе, изъ доходовъ съ оныхъ, ея родственниковъ, и б) изъ доходовъ отъ отдачи этихъ домовъ, до продажи, въ арендное содержаніе, учреждаются при гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа три стипендіи имени завѣщательницы Викторіи Бартошевичъ.

§ 2. Означенный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и заключааясь въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, состоитъ въ завѣдываніи и распоряженіи управленія Виленскаго учебнаго округа и хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго управленія.

§ 3. Стипендіями имени Викторіи Бартошевичъ должны воспользоваться, прежде другихъ, дѣти обоюго пола Валеріи Рудовичъ, урожденной Комаровской, а послѣ нихъ стипендіи предоставляются обучающимся въ гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа дѣтямъ мужскаго пола, происходящимъ отъ братьевъ завѣщательницы, Комаровскихъ, и нисходящаго отъ нихъ потомства, съ сохраненіемъ стипендій за ними воспитанниками въ случаѣ поступленія ихъ, по окончаніи гимназическаго курса, въ университетъ или другія высшія учебныя заведенія, на все время пребыванія ихъ въ сихъ заведеніяхъ.

§ 4. Если не окажется кандидатовъ мужскаго пола, соотвѣтствующихъ означеннымъ выше условіямъ, то стипендіи имени Бартошевичъ назначаются обучающимся въ одномъ изъ правительственныхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа лицамъ женскаго пола, изъ фамиліи Комаровскихъ, то-есть, происходящихъ отъ братьевъ завѣщательницы.

§ 5. При избраніи кандидатовъ и кандидатокъ на стипендіи дается преимущество дѣтямъ, менѣе обеспеченнымъ матеріально и лучше учащимся.

§ 6. Выборъ и утвержденіе стипендіатовъ принадлежитъ попечителю Виленскаго учебнаго округа.

§ 7. Стипендіи, каждая въ размѣрѣ двухсотъ пятидесяти рублей въ

годъ, выдаются по полугодіямъ впередъ. Стипендіатамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стипендіи высылаются чрезъ начальства сихъ заведеній; стипендіи же, назначенныя дѣтямъ, обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдаются родителямъ ихъ или лицамъ, заступающимъ мѣсто родителей.

§ 8. Стипендіату, окончившему полный курсъ университета или другаго высшаго учебнаго заведенія, выдается изъ процентной суммы съ капитала въ единовременное пособіе двѣсти пятьдесятъ рублей.

§ 9. Наличныя деньги 396 р. 78 к., полученныя по купонамъ съ означенныхъ $\%$ бумагъ, а равно остатки процентной суммы, оказывающіеся за выдачею стипендій въ указанномъ выше (§ 7) размѣрѣ, а также могущіе образоваться вслѣдствіе невыдачи стипендій по немѣнѣю кандидатовъ на оную, сберегаются на выдачу пособія стипендіату по окончаніи имъ курса высшаго учебнаго заведенія (согласно § 8), при чемъ наблюдается однакожь, чтобы за накопленіемъ изъ остатковъ нужной на пособіе суммы (250 руб.), излишекъ былъ обращаемъ въ государственныя $\%$ бумаги и присоединяемъ къ капиталу на предметъ образованія новой стипендіи.

§ 10. Пользованіе стипендіею имени Бартошевичъ не налагаетъ на лицъ, кои будутъ получать оную, никакихъ обязательствъ.

§ 11. О вызовѣ заявленій отъ родственниковъ о кандидатахъ на открывшуюся свободную стипендію публикуется въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, расходъ по каковой публикаціи относится на счетъ остатковъ отъ процентныхъ бумагъ съ капитала.

6. (20-го августа 1893 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени сотника Пятіизбянской станицы, 2-ю Донскаго округа, Области войска Донскаго, Матвѣя Матвѣевича Курнакова при Новочеркасской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемь тысячъ рублей, заключающагося въ четырехъ-процентныхъ облигаціяхъ 4-го внутренняго займа, пожертвованныхъ казачкою Пятіизбянской станицы, Области войска Донскаго, дѣвицею Марією Ивановною Кузнецовою, учреждаются при Новочеркасской гимназіи двѣ стипендіи имени сотника Матвѣя Матвѣевича Курнакова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ мѣстномъ областномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Новочеркасской гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., составляютъ двѣ стипендіи по сто пятидесяти рублей каждая, которыя выдаются стипендіатамъ помѣсячно, за мѣсяцъ впередъ.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть бѣднѣйшіе изъ учениковъ Новочеркасской гимназіи, казачьяго сословія и лучшіе по успѣхамъ и поведенію, при чемъ преимущество отдается уроженцамъ Патинзбѣнской станицы, если таковыя окажутся въ числѣ кандидатовъ на стипендіи, и объ избраніи стипендіатовъ сообщается жертвователю.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Новочеркасской гимназіи.

§ 6. Жертвователю или довѣренное съ его стороны лицо пожизненно пользуется правомъ рекомендовать педагогическому совѣту кандидатовъ на стипендію, удовлетворяющихъ указаннымъ въ § 4-мъ условіямъ.

§ 7. За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе стипендіаты могутъ быть лишены стипендій, по опредѣленію педагогическаго совѣта Новочеркасской гимназіи, о чемъ доводится до свѣдѣнія жертвователю.

§ 8. Стипендіату оставшемуся на второй годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только въ виду особо уважительныхъ причинъ, какъ напримѣръ, продолжительной тяжкой болѣзни, и при томъ лишь одинъ разъ въ теченіе учебнаго курса.

§ 9. Могушіе образоваться отстатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, обращаются педагогическимъ совѣтомъ на вспомошествованіе бѣднѣйшимъ ученикамъ, о чемъ сообщается жертвователю.

7. (5-го октября 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени князя Владиміра Андреевича Долгорукова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6.000 руб., пожертвованнаго потомственною почетною гражданкою Варварою Алексѣевною Морозовою и заключающагося въ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ одна стипендія имени князя Владиміра Андреевича Долгорукова, въ память двадцатипятилѣтней службы его въ званіи московскаго генералъ-губернатора.

§ 2. Стипендія назначается одному изъ студентовъ университета безъ различія факультета, но на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентовъ съ капитала, за вычетомъ изъ нихъ пятипроцентнаго государственнаго налога.

§ 4. Могушіе оказаться свободными остатки отъ стипендіи должны присоединяться къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (10-го октября 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ (6.000 руб.), пожертвованнаго Императорскому университету Св. Владиміра дѣйствительными статскими совѣтниками Николаемъ и Феодоромъ Артемовичами Терещенко и заключающагося въ шести облигаціяхъ $4\frac{1}{2}\%$ займа общества Курско-Кіевской желѣзной дороги, учреждается на юридическомъ факультетѣ университета стипендія имени „князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова“, состоявшаго почетнымъ членомъ университета.

§ 2. Означенный капиталъ не можетъ быть обращенъ университетомъ ни на какія другія цѣли и, при неисполненіи университетомъ этого условія, за жертвователями и ихъ наслѣдниками остается право требовать возврата капитала.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентовъ съ капитала.

§ 4. Стипендія назначается правленіемъ университета Св. Владиміра студентамъ православнаго исповѣданія, безъ различія сословій, отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ, во всемъ согласно съ общими правилами назначенія стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 5. Могушіе въ какомъ либо полугодіи образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки процентовъ съ капитала выдаются сти-

пендіату слѣдующаго полугодія въ единовременное пособіе при окончаніи имъ курса университета.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на студента никакихъ обязательствъ.

9. (14-го октября 1893 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ въ память посѣщенія Сибири въ 1891 году Ею Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 15.338 руб. 98 коп., пожертвованнаго торгующимъ чрезъ Кяхту купечествомъ, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ двѣ стипендіи въ память посѣщенія Сибири въ 1891 году Ею Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

§ 2. Стипендіаты избираются, правленіемъ университета, изъ уроженцевъ Сибири, преимущественно Забайкальской области, и по возможности изъ лицъ податнаго состоянія, по представленіямъ педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ будутъ поступать въ университетъ кандидаты на стипендіи.

§ 3. Могушіе по какимъ-либо причинамъ образоваться остатки отъ стипендій причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 4. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (16-го октября 1894 года). *Положеніе о стипендіи при Читинской женской прогимназіи въ память посѣщенія Сибири Ею Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го октября 1893 года, въ память посѣщенія Сибири Ею Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, при Читинской женской прогимназіи учреждается одна стипендія на проценты съ капитала въ три тысячи двадцать три руб. двадцать

пять коп., пожертвованнаго на сей предметъ Кяхтинскимъ купечествомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или правительствомъ гарантированныя бумаги, оставаясь неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность названной прогимназіи, причисляется къ ея специальнымъ средствамъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года обращенію въ казну, употребляются на содержаніе одной изъ недостаточныхъ ученицъ прогимназіи.

§ 4. Право избранія стипендіатки, изъ числа уроженокъ Забайкальской области и преимущественно изъ податнаго сословія, а равно и право лишенія ея стипендіи, принадлежитъ попечительному совѣту, по представленію педагогическаго совѣта прогимназіи.

§ 5. Проценты, могущіе оказаться свободными вслѣдствіе незаѣщенія стипендіи и по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— Книгу: „Исторія русской словесности *А. И. Незеленова*. Томъ II (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). С.-Пб. 1893. Изд. 2-е“—одобрить какъ руководство при преподаваніи словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціей *А. Н. Чудинова*. Пособіе къ изученію русской литературы“: Выпускъ VIII. *Н. М. Карамзинъ*. Избранныя сочиненія. Часть 1. Повѣсти. Разсужденія. Стихотворенія. С.-Пб. 1892. Стр. II + 199. Цѣна 55 коп.—Выпускъ IX. *Н. М. Карамзинъ*. Избранныя сочиненія. Часть II. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями С.-Пб. 1892. Стр. VII + 272. Цѣна 60 коп.—Выпускъ X. *М. В. Ломоносовъ*. Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія. Прозаическія статьи. Матеріалы для изученія его сочиненій. С.-Пб. 1892. Стр. II + 91. Цѣна 35 коп. — Вы-

пускъ. XI. *Г. Р. Державинъ*. Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія, съ примѣчаніями. Объяснительныя статьи. С.-Пб. 1892. Стр. I + 121. Цѣна 40 коп. Выпускъ XII. *Кн. А. Д. Кантемиръ*. Избранныя сатиры I и II и IX. С.-Пб. 1893. Стр. II + 95. Цѣна 40 коп.—Вып. XIV. *А. П. Сумароковъ*. Избранныя драматическія произведенія. С.-Пб. 1893. Стр. VI + 171. Цѣна 50 коп.—одобрить для ученическихъ библіотекъ соотвѣствующихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Того-же изданія: Выпускъ XIII. *Билины*. С.-Пб. 1893. Стр. IV + 173. Цѣна 50 коп.—Выпускъ V. *Титъ скучаю* въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ. С.-Пб. 1893. Стр. V + 144. Цѣна 40 коп.—рекомендовать для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Реальный словарь классической древности *Фр. Любкера*. Полный переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціей, съ дополненіями и исправленіями профессора *В. И. Модестова*. Съ 197 полиптиками, 30-ю картами въ текстѣ и 3-мя отдѣльными таблицами. С.-Пб. 1888. Стр. IV + 1208 + III. Цѣна 6 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій и программъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита Литовскаго и Виленскаго, и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1839 г., съ тремя портретами высокопреосвященнаго Іосифа. Сочиненіе *Г. Я. Кипріяновича*. Вильна. 1893. Стр. XVIII + 448“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Въ память девятисотлѣтняго юбілея Волынской епархіи, 992—1892. Городъ Владиміръ Волынской губерніи въ связи съ исторіей Волынской епархіи. Историческій очеркъ *Н. П. Теодоровича*. Съ 9-ю гравюрами. Приложена статья: Празднованіе 900-лѣтняго юбілея Волынской епархіи. Почаевъ. 1893. Стр. 234 + 269 + XIII“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Кіевского и Виленскаго учебныхъ округовъ.

— Брошюру: „Краткій дополнительный курсъ средней исторіи. (Средній курсъ). Изданіе 2-е (исправленное). Составилъ преподаватель Харьковской прогимназіи *Г. Гинце*. Харьковъ. 1893. Стр. 88. Цѣна 25 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книгу: „Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изд. 2-е, проф. *Н. А. Осокина*. Казань. 1892. Стр. 217. Цѣна 75 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ. *И. И. Бормана*. Часть I. Электростатика и электрическій токъ. С.-Пб. 1893. Стр. VIII + 470. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать, какъ выдающуюся по своимъ достоинствамъ, для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа 24-го сентября сего года послѣдовало открытіе Старицкаго городского училища по Положенію 31-го мая 1872 года. взаимнѣ уѣзднаго.

— 3-го минувшаго октября послѣдовало открытіе въ гор. Ельцѣ, Орловской губерніи, двухкласснаго городского училища по Положенію 31-го мая 1872 года, при 110 учащихся.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа, 3-го октября сего года въ селѣ Киселевѣ, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи, при фабрикѣ товарищества бумаго-прядильно-ткацкой мануфактуры бр. Горбуновыхъ, открыто сельское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, всецѣло на средства названнаго товарищества. Учащихся въ день открытія явилось 52 чел.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа 1-го октября текущаго года, одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія въ м. Стольномѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, преобразовано въ таковое же двухклассное.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 9-го октября текущаго года въ поселеніи Кустонаѣ открыто 3-е одноклассное русское училище министерства народнаго просвѣщенія. при 40 учащихся, съ приютомъ для 15 бѣднѣйшихъ мальчиковъ.

— По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, 17-го минувшаго октября открыто Шеморбашское, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, сельское одноклассное инородческое училище министерства народнаго просвѣщенія.

— По донесенію главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края,

въ текущемъ учебномъ году открыты приходскія училища: въ гор. Самаркандѣ—женское одноклассное и въ селеніяхъ Романовкѣ (менонитское), Гродековѣ, Грозномъ, Ключевомъ, Кузьминкѣ, Луговомъ, Черняевкѣ, Кауфманкѣ, Дирфеевкѣ, Егорьевскомъ, Черной Рѣчкѣ, Красноводскомъ и Антоновкѣ — для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 2-го минувшаго октября открыта аульная школа у киргиза аула № 4 Юсупова на урочищѣ Каналыкулѣ, Иргизскаго уѣзда, при 10 учащихся.

ДЕИСУСЪ НА ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Деисусомъ (испорченное *δέησις* моление), какъ извѣстно, называется трехъ-личная (триморфос, откуда *триморфiон*, *трипрѣмънос* парастасис) ¹⁾ икона, изображающая по срединѣ Спасителя, а по сторонамъ его Богородицу и Иоанна Предтечу. На сколько эта иконописная композиція была популярна въ средневѣковой Руси, можно видѣть хотя бы изъ того, что новгородцы, доѣзжавшіе до земнаго рая, приносятся моремъ „къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ написанъ *деисусъ* лазоремъ чуднымъ и велымъ издивленъ паче мѣры, *яко не человѣческими руками творенъ, но Божією благодатию*“ ²⁾. „Посланіе Архіепискупа Новгородскаго Василія ко Владыцѣ Тѣрскому Теодору“, изъ котораго мы взяли эту ссылку, относится, какъ извѣстно, къ XIV вѣку; мы имѣемъ документальное свидѣтельство о существованіи чеканнаго деисуса отъ XIII вѣка: въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1288 г. (Полное собр. русск. лѣт., II, 223) мы читаемъ, что Владиміръ Васильковичъ „еуангеліе списа опракосъ, окова е все златомъ и каменіемъ

¹⁾ Изъ фактовъ, указанныхъ г. Мансветовымъ (*Древн. Моск. арх. общ.*, IX, 1883 г., стр. 48), видно, что слово *δέησις* въ смыслѣ иконы извѣстнаго состава существовало и въ Византіи въ XI—XII вѣкѣ, но тогда составъ этотъ еще не успѣлъ вполне обособиться и опредѣлиться; а ко времени Діонисія Фурнаграфіота терминъ этотъ былъ забытъ; въ намъ попалъ онъ въ XII—XIII вѣкѣ, руссифицировался по народной этимологіи и остался на мѣкѣ. Въ византійской иконографіи во главѣ всѣхъ художественныхъ фактовъ нашей категоріи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поставить извѣстную мозаику св. Софіи (*Salzenberger*, Tab. XXVII, ср. Визант. альбомъ *гг. Уварова*, стр. 40), гдѣ моленіе возноситъ императоръ, лежащій у ногъ Христа, а Богородица и ангелъ съ посохомъ только присутствуютъ. Что касается до термина, то слѣдуетъ обратить вниманіе на *δέησις εἰκονάφους* Маврикія (*Theoph. de Boor*, I, 284).

²⁾ Истор. хрестоматія, *Буслаева*, 1861 г., стр. 9.

дорогимъ съ женцюгомъ и *деисусъ* на немъ скованъ отъ злата¹⁾. Свидѣтельствъ отъ XV столѣтія значительно больше; не мало и самыхъ памятниковъ; одна изъ драгоцѣннѣйшихъ иконъ въ знаменитой коллекціи М. Н. Постникова есть *деисусъ лавной*, о которомъ собиратель говорить¹⁾: „можно за вѣрное полагать, письма Андрея Рублева“. Въ древнѣйшихъ сохранившихся до нашего времени церквахъ русскихъ на столбахъ, отдѣляющихъ алтарь отъ средней части храма, изображается благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, а на аркахъ—*деисусъ*²⁾; слѣдовательно, эта композиція и здѣсь, какъ въ новгородскомъ сказаніи о раѣ, помѣщается надъ входомъ въ святое мѣсто. Когда на позднѣйшихъ (XVII вѣка) иконахъ художникъ хочетъ воспроизвести простѣйшую форму храма, онъ, по наблюденію профессора Покровскаго³⁾, вмѣсто высокаго иконостаса, изображаетъ одинъ простой *деисусъ*. По словамъ того же изслѣдователя⁴⁾, „въ нормальномъ, полномъ иконостасѣ деисусъ составляетъ первый рядъ иконъ“. Другой извѣстный знатокъ иконографіи г. Ровинскій говоритъ: „Отъ трехъ иконъ деисуса, составляющихъ необходимую принадлежность *второго* тябла иконостаса, все это тябло получило названіе *деисуса*“⁵⁾. Противорѣчіе здѣсь несущественно, тѣмъ болѣе, что нѣсколько выше (стр. 165 и 166) профессоръ Покровский и самъ указываетъ деисусъ въ интересныхъ церквахъ Ростова (Спаса въ сѣняхъ и Іоанна Божьего слова) во второмъ рядѣ изображеній алтарной преграды.

Въ Переписной книгѣ московскаго Благовѣщенскаго собора XVII вѣка⁶⁾ поминается цѣлый рядъ деисусовъ, которые всѣ помѣщаются

¹⁾ Каталогъ христіанскихъ древностей и пр., М., 1888, стр. 6, №№ 111—113. Ср. *ibid.*, №№ 140—142, „деисусъ поясной“, который собиратель относитъ къ XIV вѣку (стр. 7).

²⁾ Н. Покровский: Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ, М., 1890 г., стр. 75. Что въ томъ же мѣстѣ помѣщался деисусъ и въ византійскихъ храмахъ, неопровержимо доказываетъ 136 глава „О св. храмѣ“ Симеона Θεσσαλονικійскаго. См. Sym. Thessal. у Migne, tom. CLV, col. 345. Τα δεῖσταυλα (Steph. Thesaurus: Cancelli quibus βῆμα α παο disparatur) διὰ τῆς διαφορᾶς δεῖκνυσι τῶν αἰοφύτων πρὸς τὰ νοητά.... Ὅθεν καὶ ὑπεράνω τοῦ κορυφῆτου μέσος μὲν ἔστι διὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων ὁ Σωτῆρ, ἐκατέρωθεν δὲ ἡ Μῆτιρ τε καὶ ὁ Βαπτιστὴς etc.

³⁾ *Ib.*, о. с., стр. 132.

⁴⁾ *Ibid.*, 169.

⁵⁾ Русскія народныя картинки, IV, стр. 667. Здѣсь же г. Ровинскій различаетъ двѣ формы изображенія Спасителя въ деисусѣ: Спаса, благословляющаго съ Евангеліемъ, и Спаса-уныніе, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ положенъ во гробъ.

⁶⁾ См. Сборникъ любителей древне-русскаго искусства на 1873 г.

„надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образы, на тѣблахъ“. Это все деисусы *сложные*, въ которыхъ, кромѣ основныхъ трехъ фигуръ, изображены и другія: одинъ изъ нихъ „на двенадцати доскахъ“ (стр. 7), другой „штилистовый“ (стр. 17), третій „на девяти доскахъ“ (стр. 48); изъ состава другихъ деисусовъ (стр. 35, 39, 40), въ которыхъ заключаются иконы архангеловъ Михаила и Гавріила, апостоловъ Петра и Павла и святителей, видно, что и они тоже помѣщаются не на трехъ доскахъ, а болѣе, и сами составляютъ небольшой иконостасъ, или точнѣе—длинное тѣбло его ¹⁾.

Надъ входною дверью въ оружейную палату въ XVII вѣкѣ была помѣщена сложная композиція: „Деисусъ стоящій, съ припадающими святыми“, въ которомъ Богоматерь и Предтеча изображены съ протянутыми впередъ руками, а въ Евангеліи, которое держитъ Спаситель, написанъ текстъ: „Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко приѣмете, и будетъ вамъ“ ²⁾.

Что сложные деисусы существовали у насъ и много раньше XVII вѣка, доказываетъ въ высшей степени интересная новгородская икона деисуса-седмицы второй половины XV вѣка, гдѣ, кромѣ Богоматери и Предтечи, изображенныхъ *въ молитвенномъ положеніи*, находятся два архангела и апостолы Петръ и Павелъ ³⁾.

Въ XVII вѣкѣ деисусъ (очевидно, простой) помѣщается въ царскихъ хоромахъ—а, стало быть, и вообще въ большихъ домахъ—„на переднемъ крыльцѣ надъ дверьми“ или „надъ дверьми переднихъ стѣнъ“ ⁴⁾, и даже въ началѣ второй половины XIX вѣка пишущій видалъ 3 иконы, составляющія деисусъ, на воротахъ старыхъ купеческихъ домовъ въ Замоскворѣчѣѣ. Иконы эти были обыкновенно старыя, вѣроятно, большею частью XVII вѣка, вслѣдствіе чего и

¹⁾ С. А. Усовъ (Сочиненія, III, 138 и слѣд.) въ статьѣ „О значеніи слова деисусъ“ старался доказать, что деисусы не изображенія моленія, а самыя иконы, на которыхъ молялись (въ противоположность тѣмъ, въ которыхъ прикладывались). Доказательства его остроумны, но неубѣдительны: факты подобраны имъ только изъ XVII и XVIII вѣковъ, когда употреблявшіе терминъ не понимали его значенія, и самъ авторъ,—указывая на моленія въ старыхъ боярскихъ родахъ, состоявшія обыкновенно изъ богородичныхъ иконъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, и прикладывались,—разрушаетъ свою аргументацію.

²⁾ См. *Вѣстникъ общ. люб. древне-русскаго искусства*, 1874 г., №№ 4—5, стр. 37.

³⁾ См. статью Г. Филимонова: „Иконные портреты русскихъ царей“ (*Вѣстникъ общ. люб. древне-русскаго искусства*, 1875, №№ 6—10), стр. 62—66.

⁴⁾ *Забѣлики*, Бытъ русскихъ царей, Матеріалы, стр. 11 и 17.

въ настоящее время терминъ *деисусъ* употребляется для обозначенія древней, старообрядческой иконы ¹⁾.

Было бы излишне перечислять по различнымъ „Описаніямъ“ простые и сложные деисусы въ видѣ старинныхъ иконъ въ окладахъ или изображенные на св. предметахъ, хранящихся въ ризницахъ болѣе древнихъ церквей и монастырей нашихъ; но считаемъ нужнымъ отмѣтить нѣкоторыя разновидности той же композиціи въ нашей богатой иконографіи XVII вѣка и указать мѣсто нахожденія ихъ въ храмовой росписи.

Во многихъ церквахъ деисусъ изображается въ куполѣ, при чемъ Спаситель имѣетъ форму Вседержителя ²⁾ или Еммануила ³⁾.

Въ Богоявленской церкви въ Ярославлѣ въ сводѣ храма изображено такъ называемое „Отечество“, то-есть, Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ на тронѣ, вверху же Св. Духъ, а по сторонамъ Богоматерь и Предтеча въ молитвенномъ положеніи ⁴⁾.

Въ Ярославлѣ же въ Ильинской церкви въ малой апсидѣ изображенъ дискосъ, на которомъ лежитъ агнецъ Божій—Исусъ Христосъ; надъ нимъ два ангела съ орудіями страстей; на одной сторонѣ отъ дискаса—Богоматерь съ *крыльями* и свиткомъ, на которомъ написано: „Владыко многомилостиве Господи Іисусе Христе, приклони ухо твое“... На другой сторонѣ—Іоаннъ Предтеча *тоже съ крыльями* и свиткомъ съ словами: „Азъ видѣхъ и свидѣтельствова, се агнецъ Божій вземляй грѣхъ міра“ ⁵⁾. Тожественно изображеніе деисуса и въ церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ ⁶⁾.

Въ XVIII вѣкѣ Спаситель въ деисусѣ изображается, какъ „великій“ или „вѣчный архіерей“ ⁷⁾.

Оригинальную разновидность деисуса мы находимъ на грузинской иконѣ XVII вѣка, которую описываетъ и воспроизводитъ проф. Кондаковъ ⁸⁾: это собственно икона Спаса, надъ которымъ изображены

¹⁾ *Истор. Вѣстн.*, 1892, ноябрь, стр. 394, статья г. Ясинскаго: „Стадіонъ“. Овъ „православныхъ поповъ не признавалъ, молился *домитионовскимъ деисусамъ*“. Ibid: „главный доходъ составляли бѣглые попы, *деисусы* и фабрики“.

²⁾ *Псковскій*, о. с., стр. 163 (ср. 110).

³⁾ Ibid., 167.

⁴⁾ Ibid., 157.

⁵⁾ Ibid., 126.

⁶⁾ Ibid., 139.

⁷⁾ Ibid., 162. *Ровинскій*, о. с., IV, 667.

⁸⁾ Описъ памятниковъ древности въ Грузіи и пр., С.-Пб., 1890, стр. 96—97, рис. 43.

два серафима; съ боковъ, какъ бы на поляхъ иконы, мы видимъ Богоматерь и Предтечу въ положеніи молящихся; это положеніе рѣзко отличаетъ ихъ отъ св. Димитрія и св. Георгія, которые изображены ниже ихъ, лицомъ къ зрителю. Въ самомъ низу изображены заказчики.

Для опредѣленія источниковъ какъ композиціи деисуса вообще, такъ и разновидностей его и мѣста его находенія, естественно обратиться къ искусству древне-христіанскому и потомъ къ византійскому.

Въ искусствѣ древне-христіанскомъ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, памятникахъ доконстантиновскаго времени, мы этой композиціи не находимъ; мало этого: можемъ сказать съ увѣренностью, что, хотя бы количество памятниковъ увеличилось вдвое или втрое, искать ее было бы бесполезно: этому періоду была чужда идея о необходимости посредничества между Спасителемъ и *вступающимъ* въ него человѣчествомъ, а въ нашей композиціи, какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ фактовъ, именно лежитъ эта идея. Къ тому же и высокое почитаніе Предтечи связано, какъ извѣстно, съ эпохой церкви торжествующей и развитія отшельничества и монашества.

Первые храмы въ честь Іоанна Крестителя, по словамъ Пипера ¹⁾, построены въ Константинополѣ и въ Александріи въ концѣ IV вѣка. Весьма возможно, что сказанія о посвященіи его имени упраздненныхъ языческихъ храмовъ ²⁾ имѣютъ историческое основаніе; но происходить это послѣ Константина, въ концѣ IV и въ V вѣкѣ. Въ это время распространеніе и усиленіе культа Предтечи идетъ очень быстро и на востокъ и на западъ, и при Григоріѣ Великомъ его имени посвящена масса храмовъ.

Къ этому періоду относится, надо полагать, и созданіе нашей композиціи, какъ это думаетъ и Кауленъ, утверждающій, что совмѣстное изображеніе Спасителя въ славѣ, Богоматери и Крестителя встрѣчается съ самаго ранняго времени среднихъ вѣковъ ³⁾.

¹⁾ *Ferd. Piper, Iohannes der Täufer in griechisch. Kunstvorstellungen (Evang. Kalender-Jahrbuch für 1867), стр. 60.* Мощи Крестителя перенесены въ Александрію около 390 г. См. Theophanes, ed. *De Boor*, I, 76. О перенесеніи главы Предтечи въ Константинополь при Θεодосіѣ ср. у Кедрена, ed. Bonn, I, 554. О храмѣ Предтечи, основанномъ Студіемъ, см. Theoph. *De Boor*, I, 113.

²⁾ Самый извѣстный случай, упоминаемый всѣми толкователями Данта,—во Флоренціи, изъ храма Марса; ему же посвященъ храмъ Аполлона въ Кассино, храмъ Януса въ Миланѣ (*Martigny, Dictionnaire, Jean Baptiste*).

³⁾ *Kaulen (Wetzer u. Welte's Kirchenlexikon, 1889, Bd. VI, S. 1596): Mit welcher Begeisterung die bildende Kunst die Person des hl. Iohannes immer zu*

Отъ V по VIII вѣкъ включительно дѣйствительно культурной жизнью христіанское человѣчество живетъ только въ предѣлахъ восточной имперіи; разоренный, невыбродившійся западъ существуетъ остатками древности и заимствованіями съ востока. Въ восточной половинѣ христіанскаго міра естественно искать и первыхъ памятниковъ нашей композиціи.

Первое датированное упоминаніе о ней мы находимъ въ VII вѣкѣ у Софронія изъ Дамаска, сперва софиста, а съ 629 г. патріарха Іерусалимскаго, который въ Похвалѣ свв. Киру и Іоанну говоритъ: „Придя въ храмъ нѣкій совершенный... увидали мы величайшую и удивительную икону; въ срединѣ ея красками написанъ Христосъ; нѣлѣво мать Христа, Госпожа наша Богородица и Приснодѣва Марія, а направо Креститель самого Спаса и Предтеча“¹⁾. Положимъ, ищѣлемый видѣть все это во снѣ, но во снѣ люди видятъ то, что знакомо имъ въ дѣйствительности.

Однимъ изъ древнѣйшихъ сохранившихся до нашего времени деисусовъ слѣдуетъ считать, думаемъ мы, извѣстную миниатюру въ рукоп. Космы Индикоплова въ Ватиканѣ (№ 699), относимую къ VI—VIII, а вѣроятнѣе всего относящуюся къ VII вѣку. Проф. Кондаковъ, воспроизведшій эту миниатюру въ атласѣ къ своей „Исторіи византійскаго искусства“²⁾, удивляется „почти второстепенному мѣсту“, занимаемому въ ней Христомъ. Но мы полагаемъ, что лѣвую часть миниатюры слѣдуетъ разсматривать отдѣльно отъ правой; нѣлѣво изображена наша композиція, въ которой центральное мѣсто занимаетъ Христосъ (онъ же и нѣсколько выше Предтечи), а направо Захарія и Елисавета; ни Богоматерь, ни Предтеча не имѣютъ здѣсь молитвеннаго положенія, и при Богоматери написанъ текстъ: ἰδοὺ γὰρ ἀπὸ τοῦ νῦν μακαριοῦσιν με πασαι αἱ γυναικες (Luc., I, 48).

Также не выражена, судя по описанію и по надписи, идея мо-

verherrlichen gesucht hat, ist bekannt. Namentlich erscheint *seit dem frühesten Mittelalter* bei der Darstellung des verherrlichten Heilandes der hl. Iohannes regelmäßig neben der hl. Jungfrau als Zeuge und Theilnehmer der Glorie Iesu Christi.

¹⁾ *Migne, Patr. Gr., LXXXVII, 3557: ἐλθόντες εἰς νέων τινα τέλειον.... μέγα τὴν εἰκόνα καὶ θαυμασίαν βλέπομεν, μέσον μὲν τὸν δεσπότην Χριστὸν γεγραμμένον χρώμασιν ἐχούσαν, Χριστοῦ δὲ τὴν μητέρα καὶ δεσποιναν ἡμῶν τὴν Θεοτόκον καὶ ἀειπαρθένον Μαρίαν εὐώνυμον καὶ δεξιὴν Ἰωάννην τὸν Βαπτιστὴν αὐτοῦ τοῦ Σωτῆρος καὶ Προδρόμου.*

²⁾ Одесса, 1876, стр. 97—98. Атласъ, pl. V. Ср. *Айналовъ и Гудинъ*, Кіево-Софійскій соборъ, С.-Пб., 1889, стр. 49.

ленія и предстательства за людей въ триптихѣ изъ слоновой кости, принадлежащемъ казанатенской библиотекѣ, о которомъ говоритъ Пиперъ, со словъ Гори ¹⁾; здѣсь Иисусъ Христосъ также представленъ стоящимъ на землѣ (wo er auf Erden gedacht wird) и поучающимъ людей.

Не проявлено моленіе и на слоновой кости (X вѣка?), украшающей окладъ мюнхенскаго Евангелія (Cim. 144, lat. 22021), гдѣ Иисусъ Христосъ изображенъ уже какъ Вседержитель на тронѣ между Крестителемъ и Богоматерью. Подобныхъ случаевъ можно набрать десятки и на востокѣ и на западѣ и въ болѣе позднее время.

Повидимому, называть такія изображенія *деисисомъ*, моленіемъ, можно только по аналогіи; по существу же это только изображеніе трехъ самыхъ высокихъ лицъ новаго завѣта ²⁾. Въ такомъ случаѣ въ нашей композиціи надо выдѣлить двѣ ступени развитія; на первой она будетъ только *триморфъ*—простое сопоставленіе Христа, Богоматери и Предтечи, а на второй *деисисъ*; для второй только мы и должны отыскать *terminus a quo* и литературно-художественный источникъ. Принять на себя роль послѣдняго, такъ сказать, напрашивается изображеніе Страшнаго Суда съ своими многочисленными литеатурными параллелями, а *terminus a quo* есть время сформированія

¹⁾ Piper, l. c., 62, Gori, Thea. diptych. III, tab. XXVI. Надпись см. Corpus Inscript. Graec., IV, composuit Herm. Roehl, 1877, № 8785.

²⁾ Коранъ, который отражаетъ въ себѣ вѣрованія христіанскихъ простецовъ того времени, въ одной и той же главѣ (III, потомъ XIX) разказываетъ о рожденіи Іоанна Предтечи и о Благовѣщеніи. Въ позднѣйшихъ легендахъ (Weil, Bibl. Leg., 1845, стр. 282 и слѣд.) чудо Господа надъ Маріей (ея небесное кормленіе) даетъ Захарію поводъ молиться о сынѣ. Іоаннъ и Марія вырастаютъ вмѣстѣ, какъ два цвѣтка, на радость вѣрующимъ. Herbelot, Bibl. orient., s. v. Iahia Ben Zaccaria приводитъ указаніе, что Предтеча первый увѣровалъ во Христа. Предтечѣ у мусульманъ даются тѣ же эпитеты, что и Дѣвѣ Маріи, и онъ также признается изъятымъ отъ грѣха.

Jacobus de Voragine (Leg. Aur. изд. Graesse, стр. 590) говоритъ: Tres natiuitates Ecclesia solemnizat, scilicet natiuitatem Christi, Sanctae Mariae et Iohannis Baptistae, quae tres designant tres spirituales natiuitates: cum Iohanne namque in aqua, cum Maria in poenitentia, cum Christo renascimur in gloria. Въ Rationale div. off. G. Durandi (изд. Lugd., 1565 г., стр. 418) о Предтечѣ сказано: sicut beata virgo sanctificata fuit in utero matris ita et ipse.

Но любопытно, что знаменитый латургистъ XIII вѣка называетъ Іоанна Крестителя Lucifer et turtur, на основаніи извѣстнаго текста Пѣсни Пѣсней. Въ напечатанной мною въ Roman. Studien Повѣсти: De pugna Ierusalem et Babilonis exercituum, гордицею на основаніи того же текста называется *молитва*—деисисъ—

этого изображенія. Въ такомъ случаѣ и въ нашей русской иконографіи даже до позднѣйшаго времени надо различать два вида деисусовъ: 1) родъ переживанія древней формы, гдѣ три главные новозавѣтныя лица сопоставлены именно въ силу своего главенства; сюда будутъ относиться всѣ *главные* и *погрудные* деисусы, помѣщаемые надъ входомъ въ храмъ или въ алтарь его (а по аналогіи и во всякую храмину христіанина), и 2) *деисусы* собственно, простой или сложный, въ которомъ Предтеча и Богоматерь умоляютъ Христа за людей, и который явится, такъ сказать, художественною синекдохой Страшнаго Суда.

Можетъ быть, со временемъ обнаружится рядъ фактовъ, на основаніи которыхъ ходъ дѣла окажется именно таковъ. Но при тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ единство нашей композиціи и обратный ходъ дѣла по отношенію къ изображенію Страшнаго Суда; то-есть, сопоставленіе на одной иконѣ Спасителя, Богородицы и Предтечи (также, какъ и встрѣчающееся изрѣдка изображеніе Спасителя, Богородицы и *Архангела*), по нашему мнѣнію, всегда, начиная съ древнѣйшихъ временъ, имѣло въ себѣ идею моленія и предстательства, хотя и не всегда выражаемую и ясно сознаваемую, и при составленіи композиціи Страшнаго Суда деисусъ вошелъ въ него, какъ готовый элементъ. Это, конечно, не исключаетъ возможности того, что въ послѣдствіи композиція Страшнаго Суда повлияла на развитіе позднѣйшихъ формъ деисуса.

Вотъ наши основанія.

Вопервыхъ,—апріорное. Въ виду символическаго глубокоидейнаго характера христіанскаго искусства, трудно допустить, чтобы данныя лица были сопоставляемы только ради своего первенствующаго значенія. При всей молодости христіанской археологіи въ иконныхъ композиціяхъ изслѣдователямъ всегда удастся найти внутренній смыслъ, въ особенности при посредствѣ богатыхъ данныхъ патристической литературы. Триморфъ былъ бы исключеніемъ, или намъ пришлось бы прибѣгнуть къ маловѣроятному предположенію, что въ умѣ художника крещеніе Христа было его вторымъ на землѣ рожденіемъ, и Іоаннъ Креститель являлся какъ бы параллелью къ Богоматери.

Вовторыхъ, за такой ходъ дѣла данныя литургической литературы. Во всѣхъ или почти всѣхъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ текстахъ литургій Богоматерь и Предтеча поминаются или рядомъ, или отдѣленные упоминаніемъ о живоносномъ крестѣ и небесныхъ безтѣлесныхъ силахъ, поминаются именно, какъ предстатели и молителіи за вѣ-

рующихся ¹⁾. Да и въ нынѣшней греческой литургіи церкви молится: παναγία Δεσποίνα Θεοτόκε, πρέσβευς ὑπὲρ ἡμῶν τῶν ἀμαρτωλῶν... ἅγιε Ἰωάννη Προφήτα καὶ Πρόδρομε καὶ Βαπτιστὰ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ι. Χ. πρέσβευς ὑπὲρ ἡμῶν τῶν ἀμαρτωλῶν ²⁾.

Втретьихъ, за наше предположеніе нѣкоторыя важныя данныя литературы гимновъ. У кардинала Питры (Analesta, 1876, стр. 320 и слѣд.) мы находимъ гимнографа Домиція, который, по мнѣнію издателя, annumerandus priscis melodis videtur, neque a Romani schola amovendus. Въ концѣ его гимна въ честь Предтечи читаемъ:

Ἦν τοῦ Θεοῦ
οὐ εἶ Θεὸς προάναρχος
τοῦ ἀνάρχου πατρὸς
σύνθρονος καὶ τοῦ πνεύματος,
ἀρρήτως, ἀφράστως
τεχθεὶς ἐκ παρθένου,
ὁ δι' ἀνθρώπους
ἄνθρωπος τέλειος
ἀτρέπτως γενόμενος,
παράσχου πᾶσι
δοῦναι καὶ ἄφρασιν
καὶ ἐπιστροφὴν
τοῖς προσκυνοῦσί σοι
καὶ σῶσον πάντας

¹⁾ С. А. Swainson, The greck Liturgies, Lond., 1884, см. литургію Василия—стр. 88 (здѣсь между Богоматерью и Крестителемъ помѣщены арх. Михаилъ и Гавріилъ), литургію Златоуста—стр. 92, Іакова—252 и др. Rotulus Messanensis: τῆς παναγίας: ὅπως εὐχαῖς καὶ πρεσβείαις αὐτῶν οἱ πάντες ἐλεηθῶμεν и т. д. Ср. Собрание древнихъ литургій Востока и Запада, изд. ред. Христианскаго Ученія, С.-Пб., 1874 г., I, 167; II, 34—35; III, 128; III, 58, ср. 102—103. Ср. Н. Θ. Красносельскій, Матеріалы для исторіи чинопоследованія литургіи св. Іоанна Златоуста, Казань, 1889, стр. 20: διὰ πρεσβειῶν τῆς ὑπερευλογημένης δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου... τοῦ τιμίου ἐνδόξου προφήτου Προδρόμου ὡν ταῖς ἰκεσίαις ἐπίσχεψαι ἡμᾶς ὁ Θεός. Ср. ibid., 11, 42, 43, 44, 85, 98. Ср. ею же: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки, Казань, 1884 г., стр. 130, 175—176, 228—229, 264, 291—292, 301. Весьма любопытно, что часть профоры, вынутая въ честь Богородицы, владется священникомъ направо (ἐν τῇ δεξιᾷ μέρει τοῦ δεσποτικοῦ ἄρτου), то-есть, тамъ же, гдѣ помѣщается Богоматерь въ денсусѣ. О русскихъ вставкахъ въ эту же молитву о проскомидіи, см. Красносельскій въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1884 г., янв. (отд. оттискъ, стр. 8—9).

²⁾ Ὁρολόγιον, изд. въ Римѣ, 1876, стр. 113 и passim. >

ταῖς ἰκεσίαις
 τῆς παναγώμου σου μητρὸς
 καὶ τοῦ ἐνδόξου Βαπτιστοῦ
 καὶ αὐτὸς γὰρ πρεσβεῖαι
 ὑπὲρ πάντων ὧν ὑπάρχει
 профήτης, κήρυξ, ὁμοῦ καὶ πρόδρομος.

Вчетвертыхъ, наконецъ, за насъ же и данныя изъ исторіи изображенія Страшнаго Суда. Гг. Айналовъ и Рѣдинъ¹⁾, занявшіеся этимъ вопросомъ уже *на основаніи* и *послѣ* работы Н. В. Покровскаго, вполне убѣдительно показали, что „изображеніе деисуса дѣлается составной частью страшнаго суда по мѣрѣ осложненія послѣдняго“. А гг. Айналовъ и Рѣдинъ знаютъ деисуса только отъ X вѣка, между тѣмъ какъ мы считаемъ доказаннымъ его существованіе въ VII вѣкѣ. Тѣ же исследователи прекрасно выбрали примѣръ (въ Гелатскомъ Евангеліи XII вѣка), чтобы показать вліяніе картины Страшнаго Суда на нашу композицію.

Но едва ли можно согласиться съ гг. Айналовымъ и Рѣдинымъ относительно происхожденія самой композиціи деисуса. Они полагаютъ (стр. 50), что она сложилась подъ вліяніемъ церемоніи византійскаго двора, называвшейся *δέησις*, во время которой по сторонамъ императора становились въ позѣ адораціи придворныя лица. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, какую церемонію имѣютъ въ виду гг. Айналовъ и Рѣдинъ и откуда они взяли ея названіе и описаніе²⁾. Еслибъ существовала въ Византіи такая труднопонимаемая церемонія и еслибъ она дѣйствительно имѣла вліяніе на иконопись, изъ нея долженъ былъ бы явиться деисусъ сложный, многоличный: при императорахъ находилось не два лица, а гораздо болѣе; деисусъ же простой долженъ былъ явиться его сокращеніемъ, такъ сказать, символомъ; а этому противорѣчатъ приведенные факты, да и сами авторы „Фресокъ Кіево-Софійскаго собора“, очевидно, держатся мнѣнія о первоначальности деисуса-триморфія.

¹⁾ Фрески Кіево-Софійскаго собора, стр. 48—49.

²⁾ *De Oange* и др. знаютъ только чиновника или чиновниковъ *ἐπὶ τῶν δέησεων*, то-есть, „у принятія прошеній“. Церемоніи поклоненія (*προσκύνησις*) было очень много, но оныя сюда не относятся; торжественная ихъ обстановка могла имѣть вліяніе на иконопись, но только *въ общемъ характерѣ* подходящихъ сюжетовъ.

О видахъ прошеній императору, въ томъ числѣ и о *δέησις*, и о порядкѣ разбора ихъ см. *Zachariä von Lingenthal: Geschichte des griechisch-römisch. Rechts*, 3-te Aufl., Berl., 1892, стр. 356 и 358.

Мы полагаемъ, что „лирическій и вмѣстѣ торжественный характеръ“ нашей композиціи вполнѣ удовлетворительно объясняется изъ ея основной идеи, изъ литературныхъ фактовъ (считая таковыми и молитвы) и изъ эсхатологическихъ представлений, разсмотрѣніемъ которыхъ мы займемся ниже. Если Богородица и Предтеча являются ходатаями „за насъ грѣшныхъ“, они должны быть изображены въ молитвенномъ предстоаніи, и Христосъ, какъ Судія,—возсѣдающимъ на тронѣ. Гг. Айналовъ и Рѣдинъ, кромѣ знаменитой мозаики Кіево-Софійскаго собора ¹⁾, изъ раннихъ деисусовъ упоминаютъ лимбургскую эмаль (948—959 г.), на которой за Богоматерью и Предтечей изображены архангелы, а по сторонамъ апостолы, слоновую кость Габзобиявильскаго собранія того же состава, двери церкви св. Марка, два кавказскихъ деисуса и фреску въ церкви Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ. Мы можемъ пополнить ихъ указанія, впервые, изъ рѣдкой въ настоящее время книги *Pauli Pasiaudii: De cultu Iohannis Baptistae* ²⁾ (Romae, MDCCCLV, in-4°). Онъ на стр. 230 приводитъ (въ гравюрѣ) триптихъ греческой работы изъ слоновой кости, гдѣ центральное мѣсто занимаетъ деисусъ: Иисусъ Христосъ на тронѣ съ Евангеліемъ, правою рукою благословляетъ; около трона два ангела; налѣво отъ зрителя Предтеча, направо Богоматерь, оба, какъ умоляющіе, протянули руки къ Христу. Тотъ же авторъ, по поводу деисуса св. Марка изъ Сансовино приводитъ любопытную легенду о благочестивомъ скульпторѣ, il quale avuto comandamento da Deciano (corrige Diocleziano) Imperatore, che scolpisse Giove, Giunone e Mercurio fece un Gesu Cristo, una Nostra Donna ed un S. Giovanni Battista, onde fu per ciò da quel empio martirizzato. Et esse statue furono portate da Aquilea a Venezia (Venezia descritta etc., p. 103, Ven., 1663 г.). Если повѣрить этой легендѣ, окажется, что композицію деисуса надо отнести къ началу IV вѣка, если не раньше (Deciano скорѣй могло произойти изъ Деція, чѣмъ изъ Діоклетіана); но мы вовсе не склонны къ этому, хотя и не считаемъ невѣроятнымъ существованіе скульптурныхъ деисусовъ въ доиконоборческую эпоху. Далѣе: въ самое послѣднее время сдѣлались извѣстными три древнихъ деисуса, находящіеся въ мѣстѣ родины славянскихъ первоучителей, въ Солуни. Въ послѣдней книжкѣ

¹⁾ Ср. о ней Н. Захаревскій, Описаніе Кіева, II, 795—796; Н. Семеновскій, Кіевъ и пр., 6-ое изд., 1881 г., 89, и Толстой и Кондаковъ, Древности, IV, 123—124.

²⁾ Я пользовался ею въ Мюнхенской бібліотекѣ.

Byz. Zeitschrift за 1892 г. (III и IV Heft, стр. 479 и слѣд.) г. Папагеоргіу опубликовалъ очень древній (можетъ быть, VI—VII вѣка) рельефъ на слоновой кости, изображающій св. Димитрія Солунскаго съ копьемъ, лукомъ, стрѣлами и щитомъ. Эта икона обложена позднѣйшими, но относящимися, по мнѣнію издателя, къ X столѣтію серебряными пластинками съ изображеніями 12 апостоловъ и деисиса изъ 3-хъ фигуръ на верху; въ немъ Богоматерь и Предтеча „простираютъ съ моленіемъ руки къ Господу“ ¹⁾. Въ этой же статьѣ Папагеоргіу говоритъ о двухъ древнихъ домашнихъ церквахъ (... παλαιὸν ἱδιστικὸν ἐκκλησίαν ἢ κοινὴς προσκυνητήριον), недавно открытыхъ въ Солуни; одна изъ нихъ открыта въ ноябрѣ 1888 г. на глубинѣ 1¹/₂ метровъ ниже поверхности почвы; въ ней сохранился мозаичный деисисъ ²⁾ въ такой формѣ: Вседержитель, имѣя въ лѣвой рукѣ раскрытое евангеліе съ словами: ἐγὼ εἰμι τὸ φῶς καὶ ἡ ζωὴ, и благословляя десницею, *стоитъ* ³⁾ между Богородицей (справа отъ него) и Предтечей (слѣва). Предтеча въ правой рукѣ держитъ кадило (θυμιατήριον, turibulum) очень архаичной формы, которымъ кадитъ къ Господу, а лѣвой поддерживаетъ свою одежду. Едва ли нужно доказывать, что кадило есть *символъ моленія*.

Другая церковь открыта въ іюнѣ 1892 г. на глубинѣ 3-хъ метровъ подъ почвой. Въ ней мы имѣемъ деисисъ простой въ той же формѣ, какъ и на пластинкѣ при иконѣ св. Димитрія Солунскаго. Въ обѣихъ церквахъ деисисъ помѣщенъ „на св. бемѣ“ (ἐν τῇ ἀγίῳ βῆματι, то-есть, какъ авторъ объясняетъ выше, на балюстрадѣ, отдѣлявшей бему), стало быть, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии явился иконостасъ.

Гори ⁴⁾ описываетъ миниатюру деисиса по греческой рукописи X вѣка (во Флоренціи), гдѣ Иисусъ Христосъ съ Евангеліемъ въ лѣвой

¹⁾ ἀμφότεροι ἐκύντες τὰς χεῖρας ἐκείτας πρὸς τὸν Κύριον (стр. 481).

²⁾ Этого термина Папагеоргіу, какъ и другіе нерусскіе археологи, не знаетъ и называетъ композицію ἡ τριπρόσωπος παράστασις (стр. 482).

³⁾ Положеніе Спасителя есть какъ бы переходъ отъ изображенія въ Космѣ Ивдиокловоу и триптихѣ Казанетской бібліотеки къ трону позднѣйшихъ деисисовъ. Одинъ изъ авторовъ „Фресокъ Кіево-Софійскаго собора“ г. Рѣдинъ въ монастырѣ св. Лазаря, въ евангеліи № 1400, которое онъ относитъ по стилю къ VIII — IX вѣку (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891 г., № 12, стр. 300—301), указываетъ деисисъ простой: „Христосъ (во весь ростъ) благословляетъ правой рукой именованно, а въ лѣвой держитъ гиматіи“. Къ сожалѣнію, г. Рѣдинъ ничего не говоритъ о положеніи Богоматери и Предтечи.

⁴⁾ Thesaurus vet. dipt., III, tab. XII.

рукъ благословляетъ десницей, Предтеча изображенъ съ книгою. Богоматерь молитвенно сложила руки. Стшиговскій.¹⁾ относитъ къ 1000 году армянскій рукописный деисисъ (художникъ-грекъ), гдѣ „всѣ три фигуры выступаютъ съ достоинствомъ, какъ у Космы Индикоплова“.

Между X и XII вѣками помѣщаются рельефный деисисъ на слоновой кости, хранящійся въ баварскомъ національномъ музеѣ.²⁾ Онъ работанъ несомнѣнно по византійскому оригиналу, но, судя по малограмотной греческой надписи, на западѣ. Въ немъ оригинально обратное расположеніе боковыхъ фигуръ (Предтеча лѣвѣе отъ зрителя); молитвенное положеніе ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

Ранній (1004 г.) западный деисисъ на аналоѣ для чтенія евангелія описываетъ Пачауди (I. с., р. 238); въ немъ Иисусъ Христосъ возсѣдаетъ in throno Majestatis; кромѣ Богоматери и Предтечи, изображены по обѣ стороны трона ангелы. Затѣмъ отмѣтимъ два кавказскихъ деисиса, недавно описанныхъ проф. Кондаковымъ: 1) на окладѣ Бертскаго грузинскаго евангелія (XI—XII вѣка) Иисусъ Христосъ изображенъ на тронѣ съ евангеліемъ; Богоматерь и Предтеча въ молитвенныхъ позахъ³⁾; 2) на Хахульской иконѣ (XI вѣка)⁴⁾ тотъ же составъ изображенія; но ниже изображено уготованіе престола (этимасія).

Этимасія составляетъ обыкновенно часть изображенія Страшнаго Суда; переходимъ къ деисису, какъ элементу этой большой композиціи

Проф. Покровскій въ своей монографіи, посвященной изображеніямъ Страшнаго Суда (Труды Одесскаго арх. съѣзда), указываетъ съ XI вѣка и до XVII и XVIII вѣковъ длинный рядъ изображеній, въ которыхъ деисисъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей: въ рукописяхъ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (стр. 298), въ стѣнописи церкви Георгія въ Оберцеллы, въ Рейхенау, *идѣ вмѣсто Предтечи стоитъ ангелъ съ крестомъ, а Христосъ показываетъ свои раны* (стр. 301; ср. *Janitschek*, *Gesch. d. deutsch. Malerei*, 1870, стр. 60), въ латинскомъ евангеліаріѣ 1194 года въ Вольфенбюттелѣ (стр. 299), въ *Hortus deliciarum* (*ibid.*), въ Торчеллевской мозаикѣ, *идѣ у Христа на ру-*

¹⁾ Byz. Denkmäler. Das Etschmiadzi-Evangeliar etc., Wien, 1891, стр. 76.

²⁾ См. *Hugo Graf*: Kataloge des bayer. Nationalmuseums, V Bd., стр. 21, Taf. VII (№ 159), Münch., 1890.

³⁾ *Кондаковъ*, Опись памятниковъ древности въ Грузіи, С.-Пб., 1890 г., стр. 45, рис. 32. Ср. *Гр. Толстой и Кондаковъ*, Древности, IV, 110, рис. 83.

⁴⁾ *Гр. Толстой и Кондаковъ*, Древности, IV, стр. 90.

какъ и ногамъ видны раны отъ гвоздей (табл. 2), въ фрескѣ Старо-ладожской церкви XII вѣка (стр. 306), въ Спасонередницкой церкви близъ Новгорода 1199 года (ibid.), въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ, XV вѣка, гдѣ мѣсто Спасителя занимаетъ престолъ съ орудіями страстей и чашей съ кровью (стр. 309), въ Постниковскомъ собраніи на новгородской иконѣ № 921, которую собиратель относитъ къ XV же вѣку, въ Елисаветградскомъ евангеліи XV—XVI вѣка (стр. 311), въ церкви Саламинскаго монастыря 1735 года (стр. 314 и слѣд.) и въ лубочной картинѣ (стр. 318—319, табл. 13).

Ө. И. Буслаевъ въ своемъ изслѣдованіи о Лицевомъ Апокалипсисѣ ¹⁾ указываетъ деисисъ въ изображеніи Страшнаго Суда сокращеннаго состава, гдѣ къ ногамъ Христа припадаютъ Адамъ и Ева. Проф. Брокгаузъ въ своей интересной монографіи ²⁾ показываетъ нашу композицію въ аеонскихъ Страшныхъ Судахъ и прочая. Во всѣхъ этихъ случаяхъ значеніе Богоматери и Предтечи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: они являются ходатаями за родъ христіанскій ³⁾. Не можетъ быть также сомнѣнія и относительно того, по какой причинѣ деисисъ попалъ въ изображеніе Страшнаго Суда и сталъ его неотъемлемой частью.

Уже въ словѣ Ефрема Сирина грѣшныя на Страшномъ Судѣ обращаются къ Богоматери и молятъ о ея ходатайствѣ ⁴⁾; въ молитвахъ своихъ тотъ же Ефремъ моляетъ Богоматерь исхитить его отъ горькаго мучительства бѣсовъ ⁵⁾, называетъ ее умилоствленіемъ праведнаго Судіи-Христа ⁶⁾, единственной предстательницею и хо-

¹⁾ М., 1884 г., стр. 524 и 643.

²⁾ Die Kunst in den Athos-Klöstern, Lpz., 1891 г., стр. 144, 147 и др.

³⁾ Въ Hortus deliciarum (XII вѣка) на свиткѣ Богоматери написано: Sancta Maria filio tuo pro ecclesia supplicat; на свиткѣ Предтечи: Iohannes Baptista supplicat. Въ знаменитой Эрмитажской Аеонской (2-е изд. 1885 г., стр. 174) по объ стогрону (ἐν τοῖς ἁγίοις καὶ ἐν τοῖς ἁγίοις; оттого и возможна перемѣна мѣста Богоматери и Предтечи) Христа-Судіи должны быть помѣщены ἡ Παῦλα καὶ ὁ Πρόδρομος προστάταις ποιοῦντες, и въ приложеніи приведены стихи (къ сожалѣнію, плохо изданные), выражающіе ихъ моленіе.

Любопытно, что въ русскомъ (Строгановскомъ) подлинникѣ этого объясненія нѣтъ (Буслаевъ, Очерки, II, 134), но указано молитвенное положеніе Адама и Евы, которые молятся, конечно, за весь родъ человѣческій.

⁴⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и пр., Тула, 1879 г.

⁵⁾ Сочиненія Ефрема Сирина, изд. Моск. Дух. Акад., VII, 165, ср. 166, 167 и слѣд.

⁶⁾ Ibid., 171.

датынницею ¹⁾) и молить о ея заступничествѣ за царей, за всю паству, за городъ и за страну.

Извѣстно, какъ быстро возрастаетъ почитаніе Богородицы послѣ Эфесскаго собора 431 года; извѣстно, что она становится постоянною посредницею между христіанами и своимъ предвѣчнымъ сыномъ, что ея помощи приписывается всякое одолженіе христіанъ надъ погаными и избавленіе отъ всякихъ бѣдствій общественныхъ и частныхъ; извѣстно, что эта идея находитъ разнообразное выраженіе въ памятникахъ литературы и искусства, и извѣстно, наконецъ, что ни въ одномъ изъ литературныхъ памятниковъ эта идея не выражена съ такою ясностью, силой и своеобразною поэзіей, какъ въ апокрифѣ, извѣстномъ у насъ подъ именемъ: *Хожденіе Богородицы по мукамъ* (*Ἀποχάλοις τῆς ὑπεράγιας Θεοτόκου*). Къ сожалѣнію, апокрифъ этотъ до сихъ поръ остается не обследованнымъ, и не только темна его литературная исторія, не только не собраны его средневѣковые пересказы, но даже и греческій текстъ, столь часто встрѣчающійся во всѣхъ книгохранилищахъ, не имѣетъ сколько нибудь научнаго изданія ²⁾). А между тѣмъ именно этотъ памятникъ, полагаемъ мы, и ввелъ нашу композицію въ картину Страшнаго Суда и оказалъ замѣтное вліяніе на ея дальнѣйшее развитіе.

Нѣкоторый свѣтъ на литературную исторію *Хожденія* можетъ бросить, повидимому, другой апокрифъ: „Видѣніе апостола Павла“, которому недавно г. Шелелевичъ посвятилъ очень обстоятельное изслѣдованіе ³⁾). Павлово видѣніе, или Апокалипсисъ апостола Павла ⁴⁾), упоминается въ такъ называемомъ декретѣ Геласія и другихъ ран-

¹⁾ Ibid., 173. Ср. 182, 186, 188 и т. д.

²⁾ Литературу его смотри у *Порфирьева* „Апокрифич. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ“ (Спб., 1890 г.), стр. 109—110. Ср. о немъ у *Θ. Баттишкова*, „Споръ души съ тѣломъ“ (Спб., 1891), стр. 154. Прим. и 243 прим. Ср. о немъ поверхностную статью *М. Gidel*, *Étude sur une Apocalypse de la Vierge Marie* (Paris 1871; перепеч. въ его *Nouvelles Études sur la littérature grecque moderne*, Paris, 1878, стр. 313 и слѣд.).

Кромѣ *Извѣстій Акад. Наукъ* 1862 г., текстъ „Хожденія“ (новогреческаго) изданъ для назидательнаго чтенія въ Иерусалимѣ въ 1881 г. небольшою брошюрою. Въ настоящее время въ моемъ распоряженіи два греческ. текста „Хожденія“ по рук. XVII вѣка (Аѳонской бібліотеки № 352 и ея же № 356), изъ которыхъ одинъ представляетъ любопытныя черты древности. Я скоро надѣюсь издать ихъ для сравненія съ славянскими переводами.

³⁾ Харьковъ, 1892 г., 2 части.

⁴⁾ См. у *Порфирьева*, l. с., стр. 106. *Шелелевичъ*, I, 35 и слѣд.

нихъ индексахъ; первоначальная его редакція, полагають, составлена еретиками; позднѣйшая до насъ дошедшая — православными монахами и направлена, вѣроятно, противъ несторіанъ и павликіанъ. Въ ней высоко поставлено почитаніе Богородицы ¹⁾; но по плану первоначальной еретической редакціи все же первенствующая роль и заступничество за грѣшныхъ христіанъ было предоставлено не ей, а апостолу Павлу. Самая популярность Павлова Видѣнія — а что оно было популярно, доказывается разнообразіемъ его редакцій — вызвала къ жизни другой апокрифъ, гдѣ заступничество было бы возложено на общепризнанную ходатайницу и посредницу; и такой апокрифъ при всей даровитости его автора долженъ былъ непременно сохранить на себѣ слѣды подражанія Апокалипсису Павла. Такъ это и случилось. Оставляя въ сторонѣ подражаніе въ подробностяхъ, которое можетъ быть обследовано только послѣ хотя бы приблизительнаго возстановленія первоначальной редакціи — иначе легко отнести на счетъ подражанія позднѣйшую интерполяцію другъ съ другомъ сходныхъ по содержанію памятниковъ — нельзя не замѣтить его въ общей схемѣ. Богоматерь, какъ апостолъ Павелъ, созерцающая муки адскія при посредствѣ ангеловъ и сжалевшись надъ грѣшниками, приглашаетъ небесныя силы принять участіе въ *моленіи* ²⁾ за родъ человѣческій, и архангелъ Михаилъ ссылается на много разъ испытанную бесполезность такихъ моленій.

При новомъ соединенномъ моленіи Господь указываетъ на страданія Христа, за людей перенесенныя, но, наконецъ, соглашается ради просящихъ помиловать грѣшныхъ христіанъ и дать имъ покой на извѣстный срокъ. Составитель Хожденія, взявъ чужую схему, по общимъ законамъ подражанія вводилъ удвоенія и утроенія и усиливалъ краски; не смотря на свой талантъ, который выразился, между прочимъ, въ смѣлой мысли, что Богородица намѣрена сама мучиться съ христіанами, „понеже чада нарекошася сына моего“, составитель такъ мало скрывалъ подражаніе, что въ греческомъ текстѣ (Извѣстія, Срезневскаго, 556) грѣшники ссылаются на апостола Павла, „который не спросилъ объ насъ“, и апостолъ выводится съ тѣмъ же эпитетомъ: ἡγαπημένος (слав. возлюбленникъ Божій), какой ему придается въ Видѣніи.

¹⁾ Самой тяжелой мукой въ колодцѣ, запечатанномъ 7-ю печатями, подвергаются тѣ, бѣо: οὐκ ἐμποδίσαντες θεοτόκον τὴν ἁγίαν Μαρίαν, *Шепелевичъ*, I. с., 44.

²⁾ Въ Аѳинскомъ текстѣ № 362 нѣсколько разъ этотъ актъ, къ которому приступаетъ Богоматерь, называется δέησις δι' τὴν ἀπαρτρωλήν.

Къ какому времени относится возникновение Хождения? Жидель ¹⁾, не приводя оснований, говоритъ: „я не усомнюсь возвести его, по крайней мѣрѣ, къ VIII или IX вѣку“. Въ текстѣ, находящемся теперь въ моемъ распоряженіи (аэонск., 352), есть факты, подтверждающіе голословное мнѣніе Жиделя о древности памятника: упоминаются діакоиссы (позднѣ онѣ обратились во вдовъ священниковъ, не соблюдавшихъ вдовства своего); самымъ страшнымъ грѣхомъ считается отговаривать язычниковъ отъ крещенія.

Въ древнѣйшемъ славянскомъ текстѣ (XII вѣка, см. у Тихонравова, Памятн., II, 28), который безъ существенныхъ измѣненій переходитъ въ XVII вѣкъ (см. Памятн. стар. лит., III, стр. 123), есть одна ошибка писца, которую легко исправить и посредствомъ композиціи денсиса. Богородица, послѣ того какъ первая ея мольба отвергнута, говоритъ: „где соуть слоужители престолу? Кде есть Іоаннъ Богословець?“ ²⁾. Но Іоаннъ Богословъ уже принесъ свое моленіе со смысломъ на евангеліе, которое онъ проповѣдовалъ людямъ.

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ любопытный примѣръ взаимодействія иконописи и христіанской поэзіи: авторъ этой редакціи Хождения, вспоминая о часто видѣнной имъ иконѣ денсиса, заставляетъ Богородицу взывать прежде всего къ Предтечѣ; а позднѣ Хождение и другіе литературные памятники, съ нимъ въ этомъ пунктѣ сходные, побуждаютъ иконописцевъ вносить денсисъ въ композицію изображенія страшнаго суда.

Но Хождение произвело, повидимому, и самостоятельную иконописную композицію. Въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ есть старая (время не опредѣлено) икона Богоматери безъ младенца, называемая „Надежда Христіанъ“. Въ лѣвой рукѣ у нея хартія, на которой написанъ ея разговоръ со Христомъ. Она говоритъ: прими моленіе (δέξῃ δέξου) своей матери милостиво.—Чего, матъ, просишь?—Спасенія смертныхъ.—Они разгнѣвали меня.—Сжался, сынъ мой!—Но они не обращаются (ἀλλ' οὐκ ἐπιστρέφουσιν).—Спаси благодатію!—Они получаютъ избавленіе“ ³⁾.

¹⁾ Études etc., 320.

²⁾ По рукописи XV вѣка Григоровича (Тихонравова, ib., 38): где Іоаннъ Креститель? Въ греч. текстѣ Срезневскаго и двухъ моихъ этого обращенія нѣтъ; въ текстѣ Тихендорфа (Aposcal. аросг., XXIX) Богородица rursus precatur, advocatis Iohanne Baptista, prophetis etc.

³⁾ Порфирій Успенскій, Аѳонъ, I, II, 201. Икона, судя по изображенію грузинскаго царевича Іосея, заказана для него.

Мы сомнѣваемся, можно ли поставить въ такую же зависимость отъ нашего памятника изображеніе Богоматери въ церкви Іоанна Латеранскаго, которое Рого де Флери не безъ основанія относитъ къ XII вѣку ¹⁾. Богоматерь съ короной на головѣ держитъ въ правой рукѣ крестъ, какъ скипетръ; надъ нею десница Господня, готовая низвергнуть молнію, которую Богоматерь удерживаетъ своими моленіями. Вѣроятно, что эта икона исходитъ изъ общей идеи заступничества Богоматери за христіанъ и связана съ однимъ изъ многочисленных *Miracles de S-te Vierge* ²⁾.

Подобное же частное чудо (но исходящее изъ общей идеи, выраженной въ деисисѣ) имѣетъ, вѣроятно, въ виду и русскій путешественникъ Антоній Новгородецъ (1199—1200 г.?), который видѣлъ въ св. Софії Константинопольской „мѣсто ограждено мѣдію и да на не чловѣци не вступаютъ, но то мѣсто цѣлуютъ народи; на томъ бо мѣстѣ молилася св. Богородица къ сыну своему и Богу нашему за родъ христіанскій; тоже видѣлъ святой попъ въ нощи, стражъ нощный“ ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Хожденіе Богородицы, такъ сказать, закрѣпляло эти чудеса и способствовало ихъ выраженію въ искусствѣ.

Въ томъ же Хожденіи есть двѣ подробности, очень важныя для дальнѣйшаго развитія нашей композиціи: 1) по славянскому тексту XII вѣка на первую мольбу Богоматери за грѣшниковъ слышится гласъ: како хочу тѣя помиловати и вию гвоздіа въ дланѣхъ сыну моему (Тихонравовъ, 28; этого нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ греческихъ текстахъ); на вторую ея просьбу самъ Христосъ отвѣчаетъ: „воды и просихъ и даша ми зълъчі разиѣшены съ оцѣтомъ“ (Тихонравовъ, Памятн. стар. русск. лит., III, 123, 124. Въ аеонск. рукописи 352: ѿѿр ѡѣтѣа хѡ ѡѡхѡи моѡ ѡѡс пиѡи рѡта хѡлѣс мерѣиѡѡѡ etc.). Эта черта, какъ увидимъ ниже, получила особенно сильное развитіе въ западномъ искусствѣ, а у насъ, какъ уже давно ука-

¹⁾ La Sainte Vierge, II, 27.

²⁾ Одинъ изъ самыхъ характерныхъ разказовъ: Del angre qui getoit brandous et Nostre Dame les recevoit (одинъ святой мужъ видѣлъ, какъ ангелъ бросалъ пламя на землю, а Богоматерь тушила его). См. *Zeitschr. f. rom. Phil.*, 1877, стр. 363. Заступничество Богоматери за христіанъ передъ сыномъ (иногда безплодное) часто бываетъ предметомъ и народныхъ пѣсень. См., напр., въ *Mélusine*, V, 224, пѣсню изъ Rémyilly: „Le courroux de l'enfant Jésus“. Въ русскихъ жонныхъ молитвахъ Богородица часто ходатайствуетъ предъ Христомъ за грѣшниковъ. См. *Труды Орловской ученой архивной комиссіи*, вып. V, Орелъ, 1889, стр. 20.

³⁾ Изд. II. И. Савваитова, стр. 79.

зано, она перешла въ духовные стихи. 2) Здѣсь упоминаются Адамъ и Ева, избавленные отъ древняго проклятiя силою честнаго креста. Этой черты нѣтъ въ Видѣнiи Павла, а мы уже видѣли, что она совпадаетъ съ характернымъ иконописнымъ фактомъ въ композиціи страшнаго суда.

Заканчивая свои замѣчанiя о Хожденiи, считаю нужнымъ хотя бы мимоходомъ указать болѣе, чѣмъ вѣроятное влияние этого памятника на народную поэзію: отсюда, повидимому, перешло въ разныхъ странахъ въ народъ представленіе о субботнемъ покоѣ для грѣшниковъ, играющее роль въ циклѣ сказанiй о явленiи мертваго жениха ¹⁾).

Другой эсхатологическій памятникъ, важный для иконописи Страшнаго Суда вообще и деисуса, какъ его составной части, въ особенности, „Слово Паладія мниха о второмъ пришествiи Христови, о Страшномъ Судѣ и будущей жизни“. Оно обследовано еще хуже, и мы даже не имѣемъ его греческаго текста. Но на Руси, какъ извѣстно, это Слово пользовалось огромной популярностью, очень часто украшалось миниатюрами ²⁾ и имѣло непосредственное влияние на духовные стихи о страшномъ судѣ, которыхъ нѣкоторыя редакціи начинаются ссылкой на это Слово (безъ имени автора) и переложениемъ его лирическаго обращенiя къ душѣ ³⁾.

Въ этомъ Словѣ находимъ слѣдующія подробности, имѣющія отношенiя къ нашей композиціи:

1) Ангелы несутъ Крестъ Господень и престоль Судіи (этимасія) ⁴⁾.

2) Грѣшники вопіють къ *Богоматери*, ангеламъ, *Предтечѣ* и другимъ святымъ, умоляя ихъ о ходатайствѣ, „дабы легчайша мука была и мала отрада и мало утѣшеніе и мала польза“, но ангелы указываютъ имъ на бесполезность ихъ просьбы.

3) Когда послѣ приговора Судьи грѣшники взываютъ къ самому Христу, онъ отвѣчаетъ имъ указанiемъ на свои страданiя за родъ человѣческій.

4) Послѣ суда при огненной рѣкѣ грѣшники еще разъ обращаются къ *Богоматери*, къ пречестному кресту, къ *Предтечѣ* и другимъ. Сахаровъ (стр. 162) сопоставляетъ въ данномъ мѣстѣ текстъ Пал-

¹⁾ См. *Озонастичъ*, Ленора, Варшава, 1893, стр. 55.

²⁾ *Покровский*, о. с., 334, 357 и разсѣм.

³⁾ *Сахаровъ*, Эсхатол. сказанiя, стр. 153 и слѣд.

⁴⁾ То же въ духовн. стихахъ (*Сахаровъ*, 156).

ладія съ Словомъ Ефрема Сирина, гдѣ именно нѣтъ Предтечи, и тѣмъ, совершенно не имѣя въ виду нашей композиціи, доказываетъ ея вліяніе на вліятельный литературный памятникъ.

Данное мѣсто Палладія повліяло на духовный стихъ и вмѣстѣ съ послѣдующимъ у Палладія описаніемъ рая (Сахаровъ, 165), куда праведники входятъ въ извѣстномъ порядкѣ—*сначала Богородица, за нею Предтеча*, и вмѣстѣ съ житіемъ Василия Новаго, гдѣ порядокъ входа въ горній Іерусалимъ приблизительно тотъ же (Сахаровъ, 179), повліяло на искусство, произведя миниатюру, въ которой композиція деисиса оказывается перенесенной въ рай. Такое изображеніе мы находимъ, наприимѣръ, въ поздней редакціи апокалипсиса (Буслаевъ, стр. 645) и въ иллюстраціяхъ къ тому же Палладію мниху (Покровский, о. с., стр. 357), найдемъ, безъ сомнѣнія, если поискать, и въ лицевыхъ рукописяхъ Василия Новаго и на иконахъ. Что здѣсь изображенъ именно *деисиса*, видно изъ воздѣтыхъ рукъ Богоматери (Покровский, l. c.), хотя ей въ раю послѣ суда и молить не о чемъ, а въ житіи Василия Новаго ходатайницей за грѣшныхъ является аллегорическая фигура Милостыни. Въ миниатюрѣ Палладія, которую описываетъ Н. В. Покровский, въ деисисѣ мѣсто Спасителя замѣняетъ Св. Троица. Русское искусство знаетъ и другую замѣну нашей композиціи, если только это можно назвать замѣной. Въ извѣстной новгородской иконѣ „Софія Премудрость Божія“ по сторонамъ престола, на которомъ воссѣдаетъ огневидный ангелъ, стоятъ Богоматерь и Предтеча ¹⁾; ихъ же находимъ мы на той иконѣ Софій-Премудрости, которую преданіе приписываетъ Андрею Рублеву.

Въ Софіи новгородской всѣ три лица деисуса изображены съ крыльями; что Софія, какъ ангелъ, не могла быть изображена иначе, понятно само собою. Крылатому Предтечѣ Ѳ. И. Буслаевъ въ своей превосходной монографіи „Общая понятія о русской иконописи“ посвятилъ всего нѣсколько строкъ (стр. 79), но такихъ вѣскихъ, что къ нимъ до сихъ поръ трудно прибавить что нибудь, кромѣ неважныхъ подробностей ²⁾. Но какъ объяснить крылья у Богоматери? По нашему мнѣнію, нѣкоторое вліяніе имѣетъ и молитва, которая на крыльяхъ возносится къ престолу Господню; но важнѣй всего тотъ законъ,

¹⁾ Ровинскій, Народныя картинки, IV, 650.

²⁾ Обращаемъ вниманіе на конецъ надписи на перипатетической мощехрани-
тельницѣ, описанной у *Пачауди* (стр. 181): Φίρεϊς πτέρυγας, ὡς ἰσθθεῖς ἀγγέλους
Εὐλοῦς ὦν, αὐλός, ὡς Σωτὴρ ἔφρ.

который играетъ такую видную роль въ исторіи языка подъ именемъ закона *ложной аналогии* ¹⁾).

Во всѣхъ вышеуказанныхъ литературныхъ памятникахъ Предтеча, какъ ходатай за грѣшныхъ, имѣетъ роль второстепенную. Но такъ было не всегда; кое-гдѣ онъ выдвигается и на первое мѣсто. Въ краткомъ, очень фантастичномъ сербскомъ словѣ „О послѣднемъ вѣщѣ, како родить се Антихристъ“ по поздней(?) бѣлградской рукописи № 273 (л. 112^a—137^b) ²⁾ *моленіе* описывается такимъ образомъ: „Тогда разлучеть праведники отъ грѣшники и тогда поженеть діаволъ грѣшники въ муку вѣчную, и Богъ Господь разгнѣваетъ се иже николи же гнѣва не имуть, понеже видѣвъ дѣла сздания ему вѣдушта въ муку. И речеть Господь къ Іоанну Кръститѣлю: что стояши, Іоаннѣ, унишь, по что не просиши прошенія отъ мене, и дамъ ти, како дахъ апостолюмъ и пророкомъ, а ты не хоштешъ прошенія просити отъ мене. Тогда пріеть дръзновѣніе Іоаннѣ, речеть: Господе, егоже прошу у тебѣ, даждь ми, рабу твоему. И Господь речеть: въ истину, егоже просиши, дамъ ти. И умиленіомъ гласомъ речеть: Господи, хошту дѣла руку твоею да ми дашь и ихъже еси діаволу прѣдалъ грѣшныхъ. Тогда повѣлитъ Господь Іоанну да поиметь грѣшныя отъ діавола. И рече (речеть?) светаа Богородица Іоанну: радуй се, Кръстителю Господень, ибо Господь съ тобою. Тогда же светаа Богородица подъ крылы своемъ тъкмо еретикъ и блудныкъ и мныхъ прѣбывае въ блудѣ, не подместити ихъ светаа Богородица. Тогда привѣдетъ ихъ Господь въ свѣте правѣдныихъ, идѣже не мръкнѣтъ николиже“. Въ заключеніе составитель совѣтуетъ молить Бога „и светаго Іоанна Кръстителя да извѣдетъ ны отъ напасти“.

Возвращаемся къ художественнымъ воспроизведеніямъ моленія. Въ композиціи страшнаго суда положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ сильно искушаетъ изслѣдователя привлечь къ дѣлу если не придворную византійскую церемонію (за неимѣніемъ таковой), то порядокъ разбирательства въ высшемъ византійскомъ судѣ ³⁾. Спаси-

¹⁾ Этотъ же законъ, осложненный художественною метафорой, дѣйствуетъ и въ пририсовкѣ крыльевъ къ чашѣ съ Христомъ, когда она изъ рукъ Предтечи переходитъ въ руки Господа. См. Труды 1-го арх. съѣзда, статья *Буслаева*: „Для иконографіи души“, стр. 848 и слѣд.

²⁾ *Starine*, XVI (1884 г.), Приѣа о Antichristu, стр. 81 и слѣд. Ср. *Jagič-Kozak*: *Bibl. Uebersicht der biblisch-apocryphischen Literatur bei den Slaven (Jahrbuch f. protest. Theologie, 1892)*.

³⁾ *Zachariä v. Lingenthal*, о. с., 361—362.

тель является, какъ *προκαθήμενος* (предсѣдательствующій), сидящіе ниже его 12 апостоловъ—*ἀπόστολοι, πάρεδροι, συνεδριάζοντες*, а Богоматерь и Предтеча—*συγγήγοροι*, адвокаты грѣшнаго человѣчества.

Мы полагаемъ, что означенный судебный церемоніаль не остался безъ вліянія на закрѣпленіе формъ нашей композиціи, какъ части страшнаго суда; но не этотъ церемоніаль создалъ ее; на православноѣ востокѣ она существовала и въ другихъ совершенно самостоятельныхъ формахъ.

Денсусъ съ Софіею-Премудростію вмѣсто Спасителя доказываетъ съ полнѣйшей убѣдительностью, что наша композиція не слилась окончательно съ изображеніемъ страшнаго суда, а продолжала разрабатываться и отдѣльно отъ него, и что всѣ русскіе поздніе денсусы нельзя объяснять, какъ синеодоху вмѣсто страшнаго суда. Это подтверждается тѣмъ, что и въ византійскомъ искусствѣ денсусъ самостоятельный встрѣчается довольно часто и до позднѣйшаго времени, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Г. Рѣдинъ въ вышеуказанной статьѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* отмѣчаетъ денсусъ въ Лаврентіевскомъ евангеліи № 160, XII—XIII вѣка; здѣсь Христосъ-Вседержитель держитъ евангеліе на лѣвомъ колѣнѣ, а десницею благословляетъ; Богоматерь и Предтеча въ молитвенныхъ позахъ.

Въ парижскомъ сборникѣ (В. №№ 2243) медицинскихъ трактатовъ XIV вѣка на л. 10 изображено нѣчто въ родѣ апофеоза медицины, и верхнюю часть этой любопытной миниатюры занимаетъ денсусъ съ Христомъ-Оммануиломъ, съ склоняющейся къ нему Богоматерью и Предтечею, за которыми изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ¹⁾.

Іоаннъ Кантакузень (Hist., III, 36), какъ указалъ еще Начіауди²⁾, упоминаетъ объ изображеніяхъ Спасителя, Богородицы и Крестителя на митрѣ патріарха Іоанна.

Въ иномъ положеніи дѣло на католическомъ западѣ: явно тамъ одолеваетъ лирическая форма, стоящая въ связи съ изображеніемъ страшнаго суда и, что особенно любопытно, повидимому, съ тѣми литературными памятниками, которые пока больше извѣстны въ восточныхъ версіяхъ; эта форма къ концу среднихъ вѣковъ замѣтно принимаетъ все болѣе и болѣе сантиментальный характеръ. Вотъ небольшой перечень денсусовъ въ западной миниатюрѣ, которые мнѣ

¹⁾ См. *Bordier*, Description des peintures etc., Paris, 1883, стр. 257—258.

²⁾ О. с., стр. 237.

встрѣтились, можно сказать, случайно въ рукописяхъ Парижа и Мюнхена и въ новѣйшихъ изданіяхъ, когда я собиралъ матеріалъ для другой работы. Въ мюнхенскомъ бревіаріѣ XII вѣка (lat. 8271, сит. ріст. 54) на выходномъ листѣ изображенъ благословляющій Спаситель на тронѣ съ евангеліемъ; направо отъ него женская фигура съ нимбомъ, протянувшая руки съ моленіемъ; налѣво крылатый *ангелъ* съ такимъ же нимбомъ; внизу молящійся *аббатъ* безъ нимба.

Въ мюнхенскомъ же бревіаріѣ XIII вѣка (lat. 2640, с. ріст. 75¹), f. 13 v.) любопытно и самое мѣстонахожденіе деисуса: онъ помѣщенъ между сошествіемъ въ адъ и вознесеніемъ. Спаситель сидитъ на тронѣ въ тогѣ, наброшенной такимъ образомъ, что ясно видна рана на боку его, равно какъ и раны на рукахъ и ногахъ; *съ уста его вложены два меча остриями*; у ногъ его налѣво Богоматерь съ простертыми къ нему руками; направо Креститель въ той же позѣ.

Въ мюнхенской же псалтыри XIII вѣка (lat. 2641, с. ріст. 74) на окладѣ миниатюра, закрытая слюдой: Спаситель возсѣдаетъ на тронѣ безъ спинки и показываетъ раны на рукахъ; впереди его крестъ, верхняя часть котораго доходитъ ему до пояса. Внизу, въ видѣ бюстовъ, налѣво Богоматерь, направо Креститель, оба съ сложенными молитвенно руками.

Въ калѣкахъ гр. Бастара я нашелъ снимокъ съ рукописи S. Martial de Limoges второй половины XIII вѣка: изображено второе пришествіе Христа; его умоляютъ: Богоматерь и *святый среднихъ лѣтъ*.

Въ гѣрлицкой рукописи Abb. (ок. 1300 г.) за вознесеніемъ и сошествіемъ Св. Духа слѣдуетъ изображеніе втораго пришествія: Спаситель въ мандорлѣ возсѣдаетъ на радугѣ; изъ распростертыхъ рукъ его брызжетъ кровь; налѣво на колѣняхъ Богоматерь, направо Креститель (его легко узнать по волосатой одеждѣ); сверху два ангела несутъ орудія страстей; внизу два ангела съ трубами²).

Въ мюнхенской рукописи Золотой Легенды (lat. 10177, с. ріст. 60, f. 11) передъ статьей: „De adventu Domini“, изображенъ Спаситель на тронѣ; пронзенный бокъ открытъ; на рукахъ и ногахъ видны раны. Налѣво стоятъ колѣнопреклоненная съ сложенными молитвенно руками Богоматерь; направо въ такой же позѣ *юная мужская фигура*. Внизу

¹) Рукопись по миниатюрамъ очень интересная, къ сожалѣнію, сколько я знаю, почти не затронутая изслѣдователями: у Куглера (*Museum*, 1884, стр. 165) ей посвящено всего 4 строки.

²) *Paul Piper*, Die geistliche Dichtung des Mittelalters, I, 234.

видны грѣшники. Наверху два ангела несутъ орудія страстей и крестъ. Здѣсь любопытенъ и самый текст ¹⁾: *Tertium est insignia passionis, scilicet crux, clavi et cicatrices in corpore. Haec enim erunt primo in ostensionem suae gloriosae victoriae et ideo in excellencia gloriae apparebunt. Unde Chrysostomus super Matth. Crux et cicatrices radiis solis erunt lucidiore.*

Въ калькахъ гр. Бастара (Bibl. Nat., отд. эстамповъ) собранъ цѣлый рядъ изображеній страшнаго суда XIV—XV вѣковъ, въ которыхъ всегда налѣво отъ Спасителя, съ открытыми ранами, но съ плащомъ на плечахъ, видна молящаяся Богоматерь, иногда въ коронѣ, иногда безъ нея; помѣщенная направо отъ него мужская фигура—чаще юноша въ длинной одеждѣ (то-есть, Іоаннъ Богословъ), рѣже—человѣкъ среднихъ лѣтъ въ одеждѣ мохнатой (Креститель).

Очевидно, роль Крестителя постепенно забывается, и композиція распятія все больше и больше влияетъ на изображеніе втораго пришествія, вѣроятно, не безъ влияния представленія объ Іоаннѣ Богословѣ, какъ авторѣ Апокалипсиса.

Іоаннъ Богословъ является и въ такой миниатюрѣ, которая находится въ очевидной связи съ литературнымъ памятникомъ, родственнымъ нашему „Хожденію Богородицы“.

Въ бревиаріѣ Національной Библіотеки, писанномъ въ Испаніи въ XV вѣкѣ (lat. 1064, in-8°) на л. 147 Спаситель и Богоматерь изображены, какъ на предыдущихъ; направо отъ Спасителя колѣнопреклоненный *святый въ красной тогѣ*. *Въ почвѣ видны шесть четырехъ-угольныхъ отверстій, изъ которыхъ высостываются головы грѣшниковъ*. Та же миниатюра повторена на л. 242, гдѣ отверстій одиннадцать; *въ нихъ ясно виденъ адскій огонь, и грѣшники оказываются погруженными въ него въ разной степени: одинъ до половины, другіе по шею; а у нѣкоторыхъ видны только макушки* ²⁾.

Но и Креститель не забывается до самаго конца среднихъ вѣковъ и даже далѣе, и встрѣчаются въ видѣ переживанія изображенія, стоящія иными подробностями въ поразительно близкой связи съ иконописью православнаго востока. Всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи миниатюра бревиарія Національной Библіотеки, писаннаго

¹⁾ Ср. Leg. Aurea, ed. Grässe, стр. 9.

²⁾ Тихонравовъ, 24... рѣза искожаше огньна. и тоу быше множество моужъ и женъ. и бяху погружени. ови до пояса. ови до пазухоу. ови до шии. а друзии до върха.

и роскошно иллюминированнаго въ Италіи въ XIV вѣкѣ (lat. № 757, in-4°). л. 155: Спаситель возсѣдаетъ на радугѣ въ мандорлѣ и показываетъ раны свои; надъ нимъ рѣютъ ангелы съ орудіями страстей; надѣво внизу колѣнопреклоненная Богородица *держитъ въ рукахъ сосцы свои; у ногъ ея стоятъ въ гробу нагія души, молитвенно сложивши руки*; направо отъ Спасителя Креститель—*держитъ въ рукахъ свою отрубленную голову*; при немъ такія же молящіяся души.

И такъ здѣсь въ одной миниатюрѣ цѣлая эсхатологическая поэма: Христосъ указываетъ на свои страданія, понесенныя для избавленія рода человѣческаго, а Богоматерь и Креститель предстательствуютъ за грѣшниковъ, указывая на свои заслуги.

Въ часословѣ Национальной Библіотеки, приписываемомъ Елизаветѣ Баварской, женѣ Карла V (lat. 1403, in-32°), на л. 75 мы имѣемъ деисусъ, выдѣленный изъ изображенія втораго пришествія: Богоматерь и Креститель (бородатая фигура въ мохнатой одеждѣ) на колѣняхъ на обычныхъ мѣстахъ; Спаситель показываетъ раны свои. Но нѣтъ орудій страстей, и по 4-мъ угламъ изображенія помѣщены символы евангелистовъ.

Въ нѣмецкой живописи XV вѣка, судя по тѣмъ примѣрамъ, которые я имѣю подъ руками, вышеуказанный мотивъ о душахъ при Богородицѣ и Крестителѣ развивается такимъ образомъ, что Богородица является предстательницей за праведныхъ, а Креститель за грѣшныхъ. Яничекъ ¹⁾ воспроизводитъ алтарную икону Стеф. Лохенера, гдѣ Христосъ съ обнаженными ранами сидитъ на радугѣ, поставивъ ноги на другую меньшую; Богоматерь и Креститель—на колѣняхъ; за Богоматерью ангелъ несетъ душу праведную или очищенную отъ грѣховъ; за Крестителемъ два ангела сражаются за душу съ дьяволомъ.

Въ старой пинакотекѣ въ Мюнхенѣ есть картина (№ 182) школы Цейтблома (?), изображающая Спасителя въ мандорлѣ сидящимъ на радугѣ; въ ногахъ его земной шаръ. Направо отъ него колѣнопреклоненная Богоматерь; сзади нея ангелъ и души праведныхъ; надѣво Іоаннъ Креститель на колѣняхъ, а *сзади него дьяволъ и души грѣшныхъ*. Богородица и Предтеча сложили руки для молитвы. Въ этихъ двухъ случаяхъ, очевидно, мы имѣемъ дальнѣйшую форму развитія нашей композиціи, гдѣ два лица деисуса-моленія раздѣляютъ

¹⁾ Janitschek, Gesch. d. deutschen Malerei, 1890, послѣ стр. 230.

между собою роли такимъ способомъ, который явно противорѣчитъ всякой традиціи.

Заканчивая нашъ этюдъ, который, въ качествѣ перваго опыта обработки этой темы, никоимъ образомъ не можетъ претендовать ни на полноту, ни на богатство выводовъ, мы считаемъ нужнымъ указать два факта, свидѣтельствующіе, по нашему мнѣнію, о вліяніи нашей иконописной композиціи на византійско-русскій *фольклоръ*.

Извѣстный Политисъ въ своей книжкѣ: *Μαλέτη ἀπὶ τοῦ βίου τοῦ νεωτέρου Ἑλλήνου* (Εν Ἀθῆναις, 1874, I, 212—213), говоритъ, что на существующемъ до сихъ поръ праздникѣ Паркѣ (Μοῖρα), который празднуется вскорѣ послѣ рожденія ребенка, созываются родственники и друзья, и зажигаются три лампы; одна изъ нихъ посвящена Іисусу Христу, другая Богородицѣ, а третья Предтечѣ.

Въ Калѣкахъ Перехожихъ (вып. IV, стр. 239 и слѣд.) существуетъ рядъ вариантовъ стиха, гдѣ описываются стоящіе рядомъ въ церкви или въ 3-хъ церквахъ три гроба:

Въ первомъ во гробѣ Іоаннъ Предтеча ¹⁾).

Во другомъ во гробѣ Мать Марія,

А во третьемъ и Іисусъ Христосъ.

Надъ Иваномъ Предотечей свѣчи теплятся,

Надъ Матерью Маріей розы цвѣтутъ.

Надъ гробомъ Господнимъ ангели поютъ.

Думаемъ, что безъ вліянія деисуса такое сопоставленіе лицъ въ данномъ случаѣ и объяснить невозможно.

А. Ивриничниковъ.

¹⁾ Вариантъ, напрямѣръ, стр. 240: Иванъ Богусловъ.

ЗАМѢТКА О ДІОПТРѢ ¹⁾.

Несомнѣнно, что философѣй интересовались въ Россіи въ весьма древнія времена. Въ этомъ легко убѣдиться, просматривая наши древнія рукописи. Къ философскимъ памятникамъ принадлежитъ Діоптра, дошедшая до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ древнѣйшій относится къ 1305 г.

1. Діоптра или зеркало (XIV—XVII вѣковъ).

Въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ находятся слѣдующіе девять списковъ:

XV—XVI вѣковъ:

1) № $\frac{70}{508}$ изъ рукописей Пискарева, красивымъ мелкимъ полууставомъ, 221 л. въ 4-ку.

XVI вѣка:

2) № $\frac{71}{508}$ изъ рукописей Пискарева, скорописью, 204 л. въ 4-ку.

Въ послѣсловіи при объясненіи слова Діоптра вмѣсто „русского рѣчью“ написано „ростовскою рѣчью“.

3) № 290 изъ рукописей Большакова, полууставомъ, 362 л. въ 4-ку (списокъ неполный и поврежденный).

4) № 96 Діопатра или Діопатра по каталогу Востокова; первые 22 л. скорописью, дальше полууставомъ, всего 90 л. въ 4-ку, обрывается на 4-й главѣ 4-го слова (не достаетъ 2-хъ главъ 4-го и всего 5 го слова).

¹⁾ Считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю благодарность гг. хранителямъ рукописныхъ отдѣленій Императорской Публичной Библіотеки И. А. Бычкову и Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея покойному Д. П. Лебедеву и С. А. Долгову за любезное содѣйствіе, оказанное мнѣ при настоящей работѣ.

Внизу по листамъ связною скорописью написано: сія книга предисловіе Михаила Пселлоса гѣмѣи діопатра нашѣи же языко нарицается зеркало и писана стго священномученика власія служителю діакону Григою.

Рукопись сія уже въ 1551 г. принадлежала нѣкому попову сыну Петрушкѣ Иванову (см. приписку на 191 л. и *Востокова*, Описание словенскихъ и русскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума, стр. 167).

Начала XVII вѣка.

5) № 202 Діоптра Филиппа инока по каталогу Ундольскаго, скороп. на 217 л. въ 4-ку.

Въ послѣсловіи значится: Сію богодухновенную книгу, глаголемую еллинскою рѣчью Діоптра, а русскою рекше Зерцало писа рука берна многогрѣшна Сидорки Гаврилова сына, на Верхотурѣ (слѣдуетъ длинное моленіе объ исправленіи погрѣшностей).

XVII вѣка.

6) № 201 по каталогу Ундольскаго, скороп. 361 л. въ 4-ку.

7) № $\frac{79}{507}$ Діопатра или Зерцало богословно, изъ рукописей Пискарева, полууставомъ, 255 л. въ листъ.

По листамъ современная подпись: Сія книга, глаголемая богословное Зерцало князя Ѳеодора Семенова Шаховскаго, и подписалъ своею рукою.

Въ концѣ л. 184 сказаніе объ отлученіи латинянъ и еще 5 вставокъ.

На заглавномъ листѣ современная надпись: по почерку, сходному съ почеркомъ словъ св. Ѳеодора Студита, должна быть написана въ концѣ XVI вѣка.

8) № 95 по каталогу Востокова, скороп. 308 л. въ 4-ку.

Описание рукописей, стр. 166: „Послѣ оглаголанія сочинителя славянскій переводчикъ приложилъ свое послѣсловіе, обращенное къ нѣкому Зиновію, по просьбѣ коего онъ трудился надъ переводомъ: яже по бози прошеніе твое отдать о святомъ доусѣ возлюбленный брате Кир Зиновіе.

Послѣсловіе сіе заключается словами: „молю же убо святѣишу ти і иже о Господи твою любовь, яко да и ты о мнѣ помолити по реченному. Молю же бо рече дрѣгъ о дрѣзѣ и прочее глаголаша мя, а не творяща благое. Дальше слѣдуютъ 4 поученія аввы Дорофея (л. 292, 304, 305, 308).

9) № 1092 изъ рукописей Лукашевича, малороссійскаго скорописью, 220 л. въ 4-ку (листы не перенумерованы).

Діоптра или Зерцало не имѣетъ ничего общаго съ Великимъ Зерцаломъ ¹⁾, а также съ Діоптрою „альбо зеркало и выражение живота людскаго на томъ свѣтѣ“, произведеніемъ, напечатанномъ въ Евью въ 1612 году ²⁾. Она написана на греческомъ языкѣ ³⁾, а авторомъ ея былъ Филиппъ Пустынникъ, которому приписываются еще два произведенія ⁴⁾, а не Михаилъ Пселлъ, какъ это думали прежде ⁵⁾. Поводомъ къ такому недоразумѣнію послужило „Предсловіе Михаила Пселлоса книзѣ глаголемѣи діоптра нашъ же языкѣ нарицается Зерцало“ ⁶⁾, и неопредѣленность или двусмысленность букв-

¹⁾ Владиміровъ, Исслѣдованіе о Великомъ Зерцалѣ, издано Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, Москва, 1884. — Къ исслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ (Ученныя Записки Казанскаго университета, 1884 года).

²⁾ № 105 старопечатныхъ книгъ въ Румянцевскомъ Музеѣ и № 1098 рукописей Лукашевича, тамъ же. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, т. I, №№ 210, 544, 545, 679 (Сборникъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. 42, 1886 года).

³⁾ Въ Парижской Национальной Библіотекѣ находятся 6 рукописей Діоптры и подлѣйшая обработка текста Филіатомъ (въ XII или началѣ XIII вѣка). Рукописи эти описаны у *Auzan*, Bibliothèque de l'école des hautes études, 1875, 22-е fasc.; въ Синодальной библіотекѣ, рукопись № 148 (по каталогу Маттея, № 149). Горскій и *Невостровецъ*, Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, т. II, стр. 449—462. Нѣкоторые свѣдѣнія о Діоптрѣ сообщаетъ *Fabr.*, Bibl. Gr., X, p. 62—63. Свѣдѣнія эти перепечатаны у *Migne*, Patr. Gr., t. 127, p. 701—703, гдѣ изданъ латинскій текстъ (p. 710—878), переведенный Понтаномъ въ Ингольштадтѣ (въ 1804 году). Переводъ сдѣланъ съ діоптрозы Филіата (*Оврз*, p. 15), чѣмъ и объясняются отступленія въ немъ отъ подлинника. Онъ появился сначала въ *Bibliotheca magna patrum*, t. XXI (*Оврз*, пред.) и по недоразумѣнію въ Описаніи рукописей Соловецкой библіотеки, т. I, № 340, значится, что въ *Magna Bibliotheca patrum*, t. XXI, напечатанъ греческій текстъ Діоптры, до сихъ поръ еще не заданный.

⁴⁾ *Iw. Müller*, Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaften, München, 1891, S. 356, это—*Tractatus de rebus Armeniae* (*Migne*, t. 127, pp. 879—902) и *Κλαυθροί Φιλίππου* *Les pleurs de Philippe*, изданъ. Оврз въ упомянутомъ выше сочиненіи. Хотя Плачъ и вошелъ въ Діоптру, Оврз считаетъ его самостоятельнымъ произведеніемъ, ссылаясь при томъ на достаточно вѣскія доказательства, именно небольшой объемъ Плача, который не соответствуетъ остальнымъ частямъ Діоптры, на отсутствіе диалогической формы и на лирическій характеръ этой поэмы (pp. 13—14).

⁵⁾ *Migne*, pp. 701—703.

⁶⁾ Находится во всѣхъ спискахъ Румянцевскаго Музея на л. 1, а также въ древнѣйшемъ спискѣ Діоптры, хранящемся въ Чудовомъ монастырѣ, который

венной загадки, скрывавшей въ себѣ имя автора и разъясненной Калайдовичемъ, на основаніи Алфавитовъ ¹⁾).

Диоптра написана въ 16-й годъ царствованія Алексѣя Комнина ²⁾, вступившаго на престолъ въ апрѣлѣ 1081 г., слѣдовательно въ 1096 г. или началѣ 1097 г., а не въ 1105 г., какъ это считаютъ Понтанъ и Минъ (pp. 701—703, 813), а также Оврѣ (р. 14), который не отрицаетъ того, что Диоптра написана въ 16-й годъ царствованія Алексѣя Комнина и не въ 1095 г., какъ это признается Калайдовичемъ, Востоковымъ и Срезневскимъ ³⁾. Авторомъ ея не могъ, слѣдовательно, быть Михаилъ Пселлъ, который умеръ, по всей вѣроятности, до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина.

Сложнѣе вопросъ о томъ, какъ понимать „εις μέρη τῶν Σμολένων“ (Диоптра, конецъ 5-го слова). Жилъ ли Филиппъ въ нашемъ Смоленскѣ, какъ это полагаютъ Калайдовичъ (*Безсоновъ*, стр. 153) и Филаретъ (Обзоръ, стр. 17), или же въ Македоніи, каково мнѣніе Горскаго и Невоструева (стр. 456). Если „Македонскаго Смоленска“ нѣтъ еще не видѣлъ, какъ съ ироніей замѣчаетъ Филаретъ, то въ предѣлахъ Македоніи по нижнему теченію рѣки Месты жили смоляне, племя сомменное съ смолянскими полабскими и съ нашими ⁴⁾. Съ другой стороны, у насъ не имѣется никакихъ указаній на то, что Филиппъ пріѣзжалъ

Горскій и Невоструевъ (Описаніе рукописей Синодальной бібліотеки, II, 449, прим.), *Срезневскій* (Древніе памятники русскаго письма и языка, въ Извѣстіяхъ П. отдѣленія Академіи Наукъ, т. X, вып. 1, стр. 32) и *Филаретъ* (Обзоръ русской духовной литературы, 3-е изданіе, 1884, стр. 17) считаютъ оригиналомъ перевода. Рукопись эта № 141/1 на пергаментѣ и бамбучинѣ, уставомъ, въ 2 столбца, значится у *Смирнова* (Памятники Московской древности, № 146) подъ № 113. Начало предисловія Михаила Пселла гласитъ: „Εὐμας πάντων τῶν δημιουργὸς καὶ συγγραφεύς“... Листовъ показано 91, но имѣются три дублета 2¹, 3¹, 4¹ и читать слѣдуетъ такъ: загл. листъ, 3, 4, 2¹, 3¹, 1, 2, 4¹, 5 и т. д.

¹⁾ 1—4; *Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея; *Безсоновъ*, Біографія Калайдовича (*Русская Бесѣда*, 1860, кн. 2, стр. 153).

²⁾ *Мидне*, р. 813. Показаніе это опущено въ рукописи Чудова монастыря и во всѣхъ спискахъ Румянцевскаго Музея.

³⁾ *Безсоновъ*, Біографія Калайдовича, стр. 153; *Калайдовичъ*, О времени происхожденія нашей Библии. (*Труды Общества Любителей Россійской словесности*, 1823, ч. III, стр. 10); *Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума, стр. 166; *Срезневскій*, Древніе памятники, стр. 32. Въ „Описаніи рукописей Соловецкой бібліотеки“, I, № 340, говорится даже, что Диоптра написана въ 1090 году.

⁴⁾ *Дриномъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами (*Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*, 1872, кн. IV, стр. 165 и 168).

въ Россію, и потому вѣрнѣе будетъ предположить, что *ἐκ μέρτι τῶν Σπολέων* находилось въ предѣлахъ Македоніи, а не Россіи.

Г. Дриновъ, сравнивая болгарскій списокъ съ русскимъ, приходитъ къ убѣжденію, что родиною переводчика была Болгарія, и ссылается, при томъ, на болгаризмы, которые встрѣчаются въ нашихъ спискахъ (стр. 165), но нельзя не пожалѣть, что онъ не приводитъ ни одного примѣра. Какъ извѣстно, болгарскій и сербскій колориты придавали часто рукописи только переписчики, и они видѣли въ этомъ даже своего рода щегольство ¹⁾.

Русскимъ инокомъ считаютъ переводчика Горскій и Невоструевъ, опираясь, при томъ, на смыслъ послѣсловія, въ особенности же на выраженіе „русскою рѣчию Зерцало“ ²⁾.

Если „русскою“ замѣнено въ нѣкоторыхъ спискахъ „ростовскою“, то возможно, конечно, предположить, что переводъ совершенъ въ Ростовѣ, какъ это думаютъ Горскій и Невоструевъ ³⁾.

Но не имѣютъ ли какого либо значенія двѣ надписи, которыя находятся на древнѣйшемъ спискѣ Чудовскомъ? Изъ нихъ не видно того, чтобъ переводъ былъ сдѣланъ въ Россіи, то-есть, можно предположить, что существуетъ и такой переводъ, который въ Россіи не былъ сдѣланъ.

Надписи эти слѣдующія:

1. (Загл. л.). „Се писахъ азъ последна в иноцахъ и грешни евъсевие родомъ сръбинъ ю плъмена по ѿцу... въ иности же бихъ слуга Цара Турьскога. Игъдримъ Баазита бежа виже ѿ Цара того въ светюю гору постригохъсе“.

2. (Л. 90). „в лѣ гѣѡи списана быст(ь) Книга сіа рекома по Еллинѣ Диоптра по намъ же Зръцало в бгспсеномъ Костантинополи, в державное лѣто царства Іѡан(а) Палеолога при архиепископи Нилѣ мѣсяца Генвариа в глѣмѣи прѣстѣи обители иперивлепто рукою сщнънаго Киръ Зиновиа“.

Какъ согласить вторую надпись съ примѣчаніемъ Калайдовича ⁴⁾, что „переводчикъ переложилъ сію книгу въ Ростовѣ для нѣкоего

¹⁾ *Потинъ*, Описанія рукописей А. Х. Востокова (*Ученыя Записки II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ*, кн. II, вып. 2, 1856, стр. 15).

²⁾ Описаніе рукописей, стр. 456, и № 505, л. 218; № 507, л. 179; № 202, л. 215. „роуской“ № 15, л. 89.

³⁾ Стр. 456 и № 201, л. 355; № 506, л. 199.

⁴⁾ *Калайдовичъ и Строевъ*, Описаніе рукописей графа Толстаго, I, № 7.

друга Зиновія?" Былъ ли это тотъ самый Зиновій, который жилъ въ Константинополѣ въ царствованіе Іоанна Палеолога?

Съ полною достовѣрностью можно сказать только то, что переводчикъ принадлежалъ къ славянской народности и былъ основательно знакомъ съ греческимъ языкомъ. Къ такому выводу можно придти, сравнивши „Плачь и рыданія“ съ греческимъ текстомъ, изданнымъ у Оврѣ, и выводъ этотъ подтверждается также и мнѣніемъ Горскаго и Невоструева, которое основывается на знакомствѣ съ рукописью № 148 Синодальной библіотеки (Описаніе рукописей, II, стр. 450).

Къ какому времени можно отнести переводъ Діоптры?

Срезневскій считалъ, что Діоптра Филиппа Пустынника, написанная имъ въ 1095 году для смоленскаго инока Каллиника, была тогда же, вѣроятно, и переведена на славянскій языкъ (Древніе памятники, стр. 34). Гипотеза эта ничѣмъ не подкрѣпляется, ссыла же на смоленскаго инока Каллиника какъ бы ослабляетъ степень ея вѣроятности.

Важно обратить вниманіе на то, является ли церковно-славянскій переводъ переводомъ съ подлинника?

Для рѣшенія этого вопроса мы воспользуемся изслѣдованіемъ рукописей Національной библіотеки, которое произвелъ Оврѣ. Онъ пришелъ именно къ тому заключенію, что ни одну изъ этихъ рукописей нельзя считать произведеніемъ самого Филиппа (pp. 5—13). Оврѣ находитъ возможнымъ раздѣлить рукописи Діоптры на два класса: къ 1-му онъ причисляетъ рукописи А, В, С, ко второму Д и Е. При этомъ замѣтитъ, что рукопись Чудова монастыря и 8 списковъ Румянцевскаго Музея (за исключеніемъ № 1092), которые всѣ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, не подходятъ вполне ни къ одному изъ установленныхъ Оврѣ классовъ. Списки эти всего ближе, однако же, къ рукописямъ А и Е.

Черты общія съ А: а) Плачь помѣщенъ въ началѣ Діоптры; б) есть вставка о самовластномъ человѣкѣ и другая 'Ερώτησις περί πρεσβείας καὶ προστασίας, которая могла служить подлинникомъ для „о пяти дѣланіихъ; о молитвѣ и ѡ обѣтѣ“.

Черты общія съ Е: а) Предисловіе Михайла Пселлоса; β) Стихи Константина Ивеста; γ) Списатели стиса.

Сличивши греческій текстъ „Плача“, изданный Оврѣ съ церковно-славянскимъ переводомъ его въ Діоптрѣ XV вѣка (рукопись Толстаго Фп. I, № 43, въ Императорской Публичной Библіотекѣ), профессоръ

Батюшковъ приходитъ къ слѣдующимъ интереснымъ выводамъ: 1) переводъ сдѣланъ съ текста, уже подвергшагося измѣненіямъ; 2) древность и близость его къ оригиналу явствуетъ изъ опущенія тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя издатель отмѣтилъ, какъ вѣроятныя интерполяціи (Сказанія о спорѣ души съ тѣломъ въ средневѣковой литературѣ, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1891, февраль, стр. 333).

Мы изложимъ сейчасъ тѣ выводы, къ которымъ пришли, сравнивши Дюптру въ переводѣ Понтана и „Плачь“, изданный Оврэ съ церковно-славянскимъ текстомъ рукописи Чудова монастыря и списковъ Румянцевскаго Музея.

Отмѣтимъ сначала отличія церковно-славянскаго текста отъ латинскаго:

Вопервыхъ, иное распределение матеріала:

а) 4 книги соотвѣтствуютъ 5-ти словамъ, при чемъ къ 4-й присоединена и 5-я;

б) каждая книга раздѣлена на большее число главъ, именно:

1-я книга изъ 15 главъ	соотвѣтствуетъ	второму слову изъ 10 главъ.
2-я „ „ 17		третьему „ 14
3-я „ „ 12		четвертому „ 6
4-я „ „ 20		пятому 11

в) *Flebilis lamentatio et querimonia adversus animam* составляетъ 20-ю главу 4-й книги у Миня; „Плачевъ и рыданія инокъ грѣшна и странна, ими же спирашеся къ своей души“—первое слово церковно-славянскаго текста (оно не раздѣляется на главы).

Восторгахъ, вставки и добавленія:

а) Въ началѣ: а) Предисловіе Михаила Пселлоса; б) Стихи Константина нѣкоего Ивеста о Книзѣ гл҃меніи дѣшпатра сирѣчь зеркало; γ) Списатели стисы отвѣщательны явѣ яко къ спротивляющимся.

б) Въ текстѣ: а) lib. II, cap. 17, p. 795: между „*manus autem utrinque ad naturalem quidem usum invalidae sunt etc*“... и „*Audisti quaestionem*“ (№ 15, лл. 36—41; № 505, лл. 98—109; № 507, лл. 75—85; № 201, лл. 151—172; № 95, лл. 121—136; № 96, лл. 69—80).

б) lib. IV, cap. 16, p. 805 между (Ex Cyrillo patriarcha Alexandrino) „*et ordo in ordinem non convertetur et quae sequuntur*“ и „*Si igitur verissimum est*“ (изъ Аванасія, Григорія Нисскаго, № 15, лл. 79—81; № 505, лл. 196—201; № 506, лл. 176—181; № 507, лл. 160—164; № 95, лл. 254—261; № 201, лл. 316—325; № 202, лл. 192—197).

γ) Между сар. 18 и 19, lib. IV, p. 868: 1) о самовластіи чело-
вѣчествѣ; 2) разсужденіе вѣщамъ о вещи; 3) о чувствахъ душев-
ныхъ; о пяти дѣланихъ; о молитвѣ и ѿ обѣтѣ; 4) словеса оубо пи-
саная приидоша въ конецъ (№ 15, лл. 85—89; № 505, лл. 210—212;
№ 506, лл. 190—199; № 507, лл. 172—179; № 95, лл. 275—287;
№ 201, лл. 340—355; № 202, лл. 207—214).

б) Въ пятомъ словѣ № 1092: 1) ѿ совѣкупленіи мужествѣ съ
женою; 2) разрѣшеніе отецъ о раствореніи.

с) Въ концѣ: добавленіе въ церковно-славянскомъ текстѣ или
вставка между сар. 19 и 20, lib. IV, у Миня—Послѣсловіе перевод-
чика. „Срамъ есть блудницамъ о целомудріи бесѣдовати“... (№ 15,
лл. 89; № 505, лл. 218—221; № 506, лл. 199—203; № 507, лл. 179—
181; № 95, лл. 287—292; № 201, лл. 355—361; № 202, лл. 214—217).
Заключительныя слова „Еже Богъ дарова долгъ иже тобою по Бозѣ
прошennyй отданъ бысть“ (№ 506, л. 203; № 507, л. 181; № 202,
лл. 217); „молю же убо святыню ти ї иже, о Господи, твою любовь,
яко да и ты о мнѣ помозиши по реченному. Моли же бо рече другъ
о друзѣ и прочее глаголаша мя, а не творяща благое“ (№ 95, л. 292;
№ 505, л. 221; № 201, л. 361; № 15, л. 90).

Встрѣтыхъ—пропуски:

α) Два предисловія, помѣщенные у Миня: 1) Philippus Solitarius
pessator, abjectus et peregrinus Callinico monacho salutem; 2) idem
ad lectorem (pp. 709—710).

β) а) Предисловіе Миханла Пселлоса до „Ельма всѣхъ творецъ“
въ № 202; б) начиная съ „Ельма всѣхъ творецъ“ до „Лоуче есть
рече мало праведникоу“ въ № 1092.

γ) Lib. I, сар. 11, pp. 747—754, отъ „Si ergo vis, accede, poenitere
incipere“ до „Sed age hic sermonem finiamus ipsi Verbo Verborum
largitori gratias agentes“. „Аще ктому хочещи прибѣгнути“ до
„Азъ же zde конецъ слоуву положѣ и възславлю Господа“ (№ 15,
л. 18; № 505, л. 51; № 506, лл. 54—55; № 507, л. 39; № 95, лл. 62—
63; № 96, л. 38; № 201, л. 77; № 202, л. 52).

δ) Lib. II, сар. 16, p. 793 до lib. III, сар. 1, p. 797: „per dilec-
tionis motum et actionem“—„Animaе, inquam, quae vitam hanc inno-
center degit ista beatitas contingit“. № 506, л. 91: „оупражненіе вла-
даеть“—л. 92: „яко исповѣдуемъ на праведнаа оубо сиде ѿчищеннаа“.

ε) 1) Fragmentum, pp. 877—878: „De modo quo celebramus dies
tertium, nonum et quadragesimum“, опущено во всѣхъ спискахъ, за

исключеніемъ № 1092: „(ω) памяти оумръшихъ“; 2) словеса убо писаная придоша въ конецъ въ №№ 505 и 1092.

θ) „Срамъ есть блудницамъ“ въ № 1092.

Вчетвертыхъ, сокращенія и замѣна словъ:

α) Lib. III, cap. 12, p. 822: „O Spiritus Paraetele“, „О Царю, Боже“ и т. д. (Конецъ 4-го слова во всѣхъ спискахъ).

β) Lib. IV, cap. 16, p. 860: „Ex quo transgressio hominum generi coeipit“... № 15, л. 79; № 505, л. 190; № 506, л. 162; № 507, л. 153; № 95, л. 242; № 201, л. 303; № 202, л. 185: „Вражда и рать плоти на духъ“....

γ) Lib. IV, cap. 12, p. 855: „Paulus haec loquitur ad Romanos scribens: Si enim spiritus Christi est“.... № 505, л. 185; № 506, л. 166; № 507, л. 149, а во всѣхъ остальныхъ „Добрѣ Павелъ рече иногда къ Коринтяномъ: яко духъ Господень въ васъ живеть“....

На основаніи вышеприведенныхъ различій текстовъ латинскаго и церковно-славянскаго можно прайти къ заключенію, что оригиналомъ для Чудовской рукописи и списковъ Румянцевскаго Музея не послужила диортоза Филиата.

Покажемъ теперь близость церковно-славянскаго текста къ греческому, обративъ при томъ вниманіе А) на опущеніе тѣхъ мѣстъ, которыя Оврѣ считаетъ вѣроятными интерполяціями; В) на мѣста, которыя, по мнѣнію Оврѣ, сомнительны, и гдѣ церковно-славянскій текстъ можетъ уяснить пониманіе греческаго; С) на вставки и пропуски, характеризующіе наши списки, въ отличіе отъ рукописей Национальной Библіотеки.

А.

а) Во всѣхъ спискахъ: стихи 166, 167, 224 и въ стихахъ 129 οὐκί σοι, 299 Φιλάτη 318 Ψοχή, 355 Χριστέ μου.

б) Во всѣхъ спискахъ, кромѣ 1092: стихи 280, 281, 363, 364, 365 и въ стихѣ Ψοχή μου.

В.

Стихъ 4-й: и тщити истинно показати-го (текстъ Чудовской рукописи);

стихъ 11-й: не наоучаеши штиѣтоу въ шномъ мірѣ (тамъ же);

стихъ 35-й: яко да съгрѣшенніи свои плачю яже злѣ сдѣлѣя (тамъ же);

стихъ 75-й: языкъ любоукорныи досадами красиса (тамъ же);
стихъ 90-й: и мертви въ троусѣ въскѣноутъ вси (тамъ же);
стихи 161-й и 162-й: юни же повелѣнію бога и судіи твоего
 аще еси чиста и несквернаа (тамъ же);

стихи 189-й и 190-й: егда въструбитъ (труба № 505) страшна
 (и № 505) съ шумомъ велицемъ въ трусѣ востанутъ вси;

стихъ 217-й: и хероувимыи и сѣрафимыи и силами всѣми (Чу-
 довская рукопись и № 505) и силами всѣми (№ 1092) и херу-
 вими же и серафими и силы же вса (въ остальныхъ);

стихъ 262-й: часто хоцещи обзирати (взирати № 95) сѣмо же
 и овамо и нѣсть помогаа и иже избавляя и тя (вульгата) нѣсть
 ниже избавляющаго та (№ 1092);

стихъ 264-й: тяжкая, что древнѣе, чѣмъ метала (Оврѣ, р. 80);

стихи 285-й и 286-й: авраама и моусеа и вса прѣркы (правед-
 ника въ № 96) авраама и мелхиседека к сим же а по законѣ мои-
 сеа, ѿрона и вса пророкы (№ 1092). Примѣчаніе Оврѣ, р. 86;

стихи 289-й и 290-й: и вса преподобныи прочее связателя же
 подобнѣ бгѣю паки же и прѣчу (вульгата) бѣоу мѣрамъ съ прѣчею
 паки (№ 1092). Примѣчаніе Оврѣ, р. 86;

стихи 327-й и 328-й: се душе моя рѣхъ тебѣ (тобе № 96) хо-
 тящаа быти и добраа и лютаа вса (въспомануохъ Чудовская руко-
 писъ, № 95, № 505, воспоминаути № 1092, помявухъ № 506, 507,
 201, 202) нѣшняго вѣка ѡтчасти будущаго также;

стихъ 329-й: о спсѣніи своемъ непецыса вины не предлагаа
 (вульгата);

стихъ 341-й: и безмѣрными (бесмѣстными № 1092) дѣянии
 стоудными и скверными (Чудовская рукопись);

стихъ 346-й: Ѡ нечювьствиа моего и невниманиа (тамъ же);

стихъ 355-й: и Петра Апостола (тамъ же).

С.

а) Въ списокѣ № 1092 не опущены слѣдующіе стихи, которые
 Оврѣ считаетъ вѣроятными интерполяціями:

стихи 280-й и 281-й: не глѣю бо чювственный рай в он же адам
 вниде, но рай глѣю вѣнже восхоцѣ бысть Павелъ;

стихи 363-й, 364-й и 365-й: да не наслѣдять мене сатана и
 похвалатся слоуе ѡко отрынѣ ма Ѡ твой рѣкъ и ограды во или
 хоцу или не хоцу сѣси ма Хѣ мои.

b) Вставка и замѣна словъ:

стихъ 38-й: 'αἰετοὶ аггели № 95, въ прочіихъ спискахъ „они“;

стихъ 158-й: и праведникъ всѣхъ и преподобныхъ и мученикъ счинение (№ 506) и преподобныхъ и мученикъ счинение всѣхъ праведныхъ (въ остальныхъ спискахъ);

стихъ 176-й: муки № 506, 201 в моукы № 1092;

стихъ 306-й: тамъ бо тма многа (много № 1092) мрачнага и не свѣтлага (не свѣтимага № 506) № 507, 96, 201, 202;

стихъ 317-й: Христа и Бога № 1092. Такого варианта нѣтъ въ рукописяхъ Національной Библіотеки (Оврэ, р. 92);

стихъ 330-й: вы же вси (вкоупѣ № 1092) братіе и отцы;

стихъ 331-й: плачатся три раза въ № 202, два раза въ № 96, 505, 1092.

c) Пропуски:

стихи 28—65 въ № 202;

стихи 61—94 въ № 506;

стихи 361 и 362 во всѣхъ спискахъ, кромѣ № 1092;

въ стихѣ 306: многа въ № 95 и 505;

въ стихѣ 331: моя въ № 95 (грубыя моя стихи).

Выводъ нашъ будетъ слѣдующій. Церковно-славянскій переводъ Діоптры существуетъ въ двухъ редакціяхъ — одна изъ нихъ близко подходитъ къ подлиннику и къ ней принадлежатъ Чудовская рукопись и 8 списковъ Румянцевскаго Музея; другая — дальше отъ первоначальнаго текста, и въ основаніи ея лежитъ, по всей вѣроятности, вариантъ позднѣйшаго происхожденія, но не діортоза Филиата, куда относится № 1092 въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Перейдемъ теперь къ содержанію Діоптры.

Діоптра представляетъ разговоръ души съ тѣломъ о правилахъ христіанской вѣры, иначе о Богѣ и ангелахъ, пришествіи антихриста и кончинѣ міра, о разлученіи души съ тѣломъ, мытарствахъ души и страшномъ судѣ, объ устройствѣ вселенной и человѣка.

Повтантъ обращаетъ вниманіе на то, что разговоръ этотъ не отличается живостью, и Филиппъ не обнаруживаетъ достаточнаго знакомства съ сущностью діалогической формы (705—706). Заключение это кажется намъ справедливымъ, потому что дѣйствительно никакого разговора и не происходитъ. Диалогическая форма не вытекаетъ изъ необходимости противопоставить другъ другу два различныя міровоззрѣнія, представителями которыхъ *должны* были бы служить душа и тѣло. Интересъ Діоптры заключается въ томъ, что если

авторъ и выражаетъ два противорѣчащія одно другому міровоззрѣнія, онъ дѣлаетъ это помимо введеннаго имъ въ Діоптру діалога.

Разговоръ этотъ отличается еще другою любопытною чертою, которая поразила Горскаго и Невоструева своею странностью (стр. 450), именно тѣмъ, что *тѣло просвѣщаетъ душу*. Черта эта не совсѣмъ, можетъ быть, вѣрно истолковывается Понтаномъ, который приравниваетъ тѣло къ anima irrationalis Августина (705—706), такъ какъ врядъ ли Филиппъ былъ знакомъ съ произведеніями блаженнаго Августина. Если мы имѣемъ здѣсь одно изъ византійскихъ сказаній, принадлежащихъ къ циклу „Спора души съ тѣломъ“ (ст. проф. Батюшкова въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1891, февраль), нельзя не обратить вниманія на слабое развитіе драматическаго элемента и своеобразную роль души — госпожи и владычицы, являющейся только ученицей своей служительницы и рабыни — тѣла. Роль души пассивна: она разъ только обрываетъ зазнавшуюся служительницу, которая осмѣливается объявить ей, что „душа безъ тѣла ничто“ (№ 507, л. 41).

Отношеніе души къ тѣлу проливаетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторый свѣтъ на мирно уживающійся рядомъ съ дуализмомъ материализмъ, не познавшій себя самъ и всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій.

Мы постараемся охарактеризовать вкратцѣ оба воззрѣнія.

Авторъ обнаруживаетъ большую начитанность въ Священномъ Писаніи и знакомство съ 22 духовными писателями (Понтанъ, 705—706). Правда, Гретсеръ отмѣчаетъ неточность ссылки на I. Дамаскина въ вопросѣ о нисхожденіи I. Христа въ адъ (lib. II, cap. 11 и 12 — это прямо противорѣчитъ cap. 4, lib. II, de fide orthodoxa, и подобное мнѣніе слѣдовало бы даже назвать еретическимъ: *Bellarminus*, St. August., *liber de haeresibus*, p. 79; *Migne*, t. 127, p. 777), а Понтанъ обращаетъ вниманіе на то, что въ сочиненіяхъ Григорія Нисскаго нѣтъ разговора о воскресеніи съ Макримою (lib. II, cap. 16 и 17, прим., p. 789), но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Филиппъ не былъ знакомъ съ произведеніями I. Дамаскина и Григорія Нисскаго. Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ приписывалъ имъ сочиненія, которыя лишь впоследствии были признаны подложными, въ его же время таковыми не считались. Проф. Батюшковъ указываетъ на то, что разлученіе души съ тѣломъ въ Плачѣ составлено цѣликомъ по Ефрему Сирину (стр. 334),

но не касается вопроса о томъ, былъ ли Филиппъ непосредственно знакомъ съ „Словомъ о суетѣ жизни и покаяніи?“.

Въ Дюптрѣ находится предсказаніе, представлявшее глубокой интересъ для нашихъ предковъ конца XV вѣка (*Горскій и Невоструевъ*, Описание рукописей, стр. 458), именно, говорится, что міръ долженъ былъ кончатся по истеченіи 6-й хиліады въ 7000 г. (lib. III, cap. 8). Концу предшествуетъ, какъ извѣстно, пришествіе антихриста, этого первоисточника зла, источникомъ котораго является въ каждомъ данномъ случаѣ наше тѣло. Хотя тѣло и создано одновременно съ душою и находится съ нею въ связи (№ 95, л. 234), оно—органъ ея, гусленница, а не гусли, какъ душа (№ 95, л. 247; *Greg. Nyss. de homin. orig.*, cap. 12; *Migne, Patr. gr.*, t. 44, p. 161). Въ рѣзкомъ противорѣчіи другъ съ другомъ находятся эти два фактора человеческой жизни: тѣло принадлежитъ къ низшему, видимому, доступному виѣшнимъ чувствамъ міру, а душа къ высшему, не сущему и постигаемому только умомъ (№ 95, л. 69, л. 186). Человѣкъ причастенъ обоимъ мірамъ, чѣмъ и обуславливается его трагическое положеніе. Онъ не такое простое существо, какъ украшающіе престолъ серафимы, херувимы, архангелы и ангелы (№ 507, л. 88). Въ немъ борются два элемента—плоть и душа, и смотря по тому, беретъ ли верхъ одинъ изъ этихъ двухъ факторовъ, или же между ними устанавливается равновѣсіе—человѣкъ плотянь, духовень или душевень (№ 507, л. 188). Устройство души представляетъ нѣчто весьма сложное, и не легко примирить тѣ противорѣчія, въ которыя впадаетъ здѣсь авторъ.

Онъ говоритъ, что душа вѣчна, потому что она находится въ вѣчномъ движеніи, и пользуется, слѣдовательно, аргументомъ Платона въ *Федрѣ* (*Phaedr.*, 24).

Душа, какъ прообразъ св. Троицы, заключаетъ въ себѣ три нераздѣльныя части (№ 15, л. 74). Въ нее входятъ: 1) *ὁ νοῦς*—mens или *anîmus*, умъ, „часть болшая, бестрастнъ, бестелеснъ, движущаяся“ (№ 95, л. 248), и способностями его надо считать въ тѣсномъ смыслѣ слова „разумѣніе, мысль, размышленіе и мудрованіе“ (№ 507, л. 154)—сколки съ Дамаскиновыхъ *νόησις*, *ἐννοια*, *ἐνδύμησις* и *φρόνησις* (*de fide orthodoxa*, cap. 22; *Migne, Patr. gr.*, t. 94, pp. 941—943), въ болѣе же широкомъ: „помысленное или размысленное, памятное и мечтательное“—это три умныя силы, мѣстопробываніе которыхъ, а, слѣдовательно, и самого ума, находится въ мозгу (№ 95, л. 188 и 246); 2) *ὁ λόγος*—ratio, слово, о которомъ говорится, что

оно заключается въ сердцѣ (№ 95, л. 188); 3) ἡ ψυχὴ—*ánima*, собственно душа. Ее можно бы отождествить съ бессловеснымъ или яростнымъ и желательнымъ, пребывающими „въ крови самой и окрестъ сердца“ (№ 96, л. 188).

На сколько трудно выяснитъ себѣ понятіе о трехъ нераздѣльных частяхъ души, имѣющихъ пребываніе въ различныхъ органахъ тѣла, на столько же не вяжется съ понятіемъ объ ея духовности то, что въ ней заключается и бессловесный элементъ. Душа раздѣляется одновременно, во первыхъ, на помысленое (размысленое или словесное), яростное и желательное (№ 95, л. 72, 182, 222, 238); во вторыхъ, на словесное и бессловесное: „Силы три душевныя предрекохъ(ъ) яже имать помысленое і яростное і желательное. Двѣ же части тоже словесно и бессловесно“ (№ 94, л. 240).

Словесное, помысленое или размысленое составляетъ одну изъ трехъ душевныхъ силъ, также одну изъ трехъ умныхъ силъ, одну изъ двухъ частей души и не соотвѣтствуетъ тому смыслу, который соединяется съ *ratio*. *Ratio* надо понимать, такимъ образомъ, въ четвероякомъ смыслѣ.

Попыткою довольно смѣлою синтеза представляется причисленіе ума къ пяти душевнымъ чувствамъ (умъ, мысль, слова, молчаніе и чувство, № 507, л. 59 и 174 и вставка γ). Умъ не только ставится здѣсь на одну доску съ собственнымъ своимъ проявленіемъ въ мысли и съ способностями, какъ памятью и воображеніемъ, но онъ даже подводится подъ одну категорію съ сердечною способностью и даже съ слагою, почему и утрачиваетъ не только свое значеніе ἡγεμονία, но и специфическій характеръ, свойственный умственной способности, какъ таковой.

Если три душевныя способности представляются сколками съ Платоновскихъ, двѣ части души напоминаютъ способности λογικαί и αἰσθητικαί, на которыя раздѣляется душа въ комментаріи „de anima“ Іоанна Филопона ¹⁾. Филопонъ былъ довольно извѣстный византийскій философъ VII вѣка—комментаторъ Аристотелевскихъ сочиненій, и Филиппъ могъ быть знакомъ съ его многочисленными произведеніями. Если въ Діоптрѣ и нѣтъ прямыхъ указаній на такое знакомство, это можно объяснить тѣмъ, что Филопонъ считался основателемъ ереси тритеизма, и по тому самому Филиппъ не могъ на него ссылаться, хотя бы и находился подъ его вліяніемъ.

¹⁾ I fol. B^a, Siebeck, Geschichte der Psychologie, 1884, Bd. I, 2-te Abth., S. 279 u. 513.

Какъ были разносторонни вліянія, которыя испытывалъ на себѣ авторъ Діоптры, обнаруживаетъ его попытка разобраться въ мнѣніяхъ относительно мѣстопробыванія *principatus*'а души—ума.

„Аристотель мудрый съ нимъ и Ипократъ,—говорится въ Діоптрѣ (№ 95, л. 73),—въ сердцѣ глаголетъ уму пребываніе имати, Галинъ же не тако, но въ главизнѣ мозгу (главномъ мозгѣ, № 507, л. 45), нисъскій же Григорій не согласуетъ къ симъ, но съпротивъ глаголетъ имъ и инако наоучаетъ“, говоря, что „тѣлесными нѣкими частями умъ не держится, но во всемъ убо тѣлеси проходя (приходя, № 507, л. 45) на сущихъ(ъ) здоровыхъ(ъ) органѣхъ(ъ) и оудѣхъ(ъ) дѣйствуетъ свое, на немощныхъ(ъ) же недѣйственно пребываетъ(ъ)“ (№ 95, л. 73).

Григорій Нисскій понимаетъ подъ умомъ душу вообще въ обширномъ смыслѣ слова. Вышеприведенная ссылка на него заимствована изъ *de homin. orif.*, cap. 12 ¹⁾, и обнаруживаетъ непосредственное знакомство Филиппа съ этимъ произведеніемъ.

Относительно же мнѣній Гипократа и Аристотеля надо сказать слѣдующее. Авторъ Діоптры не принялъ въ соображеніе того, что по ученію и Гипократа и Аристотеля въ сердцѣ находится источникъ тепла — оно заключаетъ въ себѣ *πυρρα* ²⁾; то же, что Стагиритъ понимаетъ подъ душею, вѣдь форма по отношенію къ тѣлу и матерія по отношенію къ воѣ. Что касается Галена, то онъ считаетъ мозгъ центромъ сознанія (III, 625, 665), но въ сердцѣ заключается, по его мнѣнію, источникъ аффектовъ и произвольныхъ движеній. Итакъ, прежде, чѣмъ сравнивать величины разнородныя, Филиппу слѣдовало бы привести ихъ къ одному знаменателю, чего онъ именно не дѣлаетъ.

Среди восьми пороковъ, которые противопоставляются четыремъ добродѣтелямъ, немаловажную роль играетъ печаль, пронтекающая изъ печали и ярости. Она образуетъ, въ свою очередь, одну изъ четырехъ страстей, на ряду съ желаніемъ, сладостью (сладостра-

¹⁾ *Migne*, *Patr. gr.*, t. 44, pp. 161—163: Sic se mens per universum organum suum didens et applicans se ratione consentanea membris singulis per facultates naturae suae convenientes in iis quae recte habent secundum naturae vim suam exercet; in caeteris quae artificiosum ipsius motum per imbecillitatem capere nequeunt tacet atque odiosa est. Est enim hoc menti peculiare ut in membris natura bene affectis efficacitatem suam obtineat: ea vero quae depravata sunt aversetur.

²⁾ *De corde*, 8, *Hipp.*, ed. *Linden*, t. I, и *Aristot. de anima*, lib. I, cap. 23, p. 1734; lib. II, cap. 8, p. 1402.

стіемъ) и боязнью (§ 95, л. 227). „Страсти не свойства“,—разсуждаетъ авторъ, не объясняя, однако, въ чемъ заключается это различіе, и какъ бы намекая только на то, что въ отличіе отъ свойствъ страсти характеризуются мимолетностью и произвольностью (§ 95, л. 229).

Филиппа можно назвать индетерминистомъ, потому что онъ говоритъ, что Богъ создалъ человѣка смертнымъ, но съ залогомъ на безсмертіе, и вложилъ его судьбу въ собственныя руки, предоставивъ ему избрать добродѣтель или порокъ. Такъ „Господь человѣка созда самовластна, яко аще восхоцеть самовластіемъ своимъ въ путь животный пойдти, живъ будетъ во вѣки, аще ли отъ злаго провзволненія своего поидеть въ путь смертный, вѣчно мучиться будетъ“ (§ 15, л. 26 и вставка γ).

Не вьжется, конечно, съ злымъ произволеніемъ человѣка то, что пороки называются чрезвычайными (§ 95, л. 225 sq.). Не отзвукъ ли это ученія Платона, который считалъ зло только отрицаніемъ добра? У Платона встрѣчается также раздѣленіе добродѣтелей на теоретическія или созерцательныя и на практическія. Тѣло предоставляет душѣ созерцать добродѣтель и отмежевываетъ себѣ область добрыхъ дѣлъ, куда доступъ открытъ, однако, и ея госпожѣ (*Migne*, lib. I, cap. 11, p. 748). Былъ ли Филиппъ знакомъ съ эннеадами или только съ какимъ либо комментариемъ Платона, мы рѣшить не беремъ.

Отзвукомъ стоицизма можно считать ученіе о среднемъ или безразличноиъ τὰ μέσα ἀδιάφορα (вошедшее въ вставку γ: „Овы же суть во истину добры; овы же злы. Во истину убо добры мудрость, правда, цѣломудрие, мужество, во истину же злы безуміе, неправда, блудъ, страхование. Средняя же богатство, нищета, слава, безчестіе, недугъ, многоучение, ненаучение и таковая. Средняя же нѣкакo глаголытся, заеже о себѣ ниже по истинѣ добра суть, ниже по истинѣ зла, но противупотребѣ пріемлющихъ или се или ино бывающа, сирѣчь богатство убо суть на милостыню даваемо, нищета, когда научаетъ терпѣнію“, и т. д.

Если въ рукописяхъ Національной Библіотеки и нѣтъ тѣхъ вставокъ, которыя вошли въ церковно-славянскій текстъ, отсюда еще не слѣдуетъ, что переводчикъ прибавилъ ихъ отъ себя. Весьма возможно, что онѣ находились въ той рукописи, съ которой сдѣланъ переводъ, но и не невозможно, что мы имѣемъ предъ собою позд-

нѣйшія вставки. Очень интересно, что въ этихъ вставкахъ затрогиваются философскіе вопросы и преимущественно вопросы нравственные.

Взглядъ на тѣ этическія понятія, которыя мы находимъ въ Дюптрѣ, обнаружить формальное отношеніе автора къ своему предмету. И въ этикѣ, какъ и въ психологіи, на первомъ планѣ стоитъ классификація понятій, и авторъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на анализъ тѣхъ понятій, которыя онъ такъ тщательно классифицируетъ.

Всего несостоятельнѣе кажется намъ двойственность мировоззрѣнія, которою характеризуется психологія Филиппа. Безтѣлесная душа вѣдь должна стремиться въ горнія страны, быть независимою отъ тѣла, одухотворять его и составлять для него все, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она къ нему приязана, ея существованіе немислимо безъ мозга, и поврежденіе его влечетъ за собою уничтоженіе духовной жизни, какъ умственной, такъ и нравственной.

Такъ „мозгу бо моему сущу здраву и цѣлу три силы ѿ душе ражають тебе четырьехъ добродѣтели и колесницу четвероконну и правду и мудрость“ и т. д. (№ 507, л. 44). „Но аще кто нынѣ увзымлетъ будетъ язвою великою отъ желѣза зктѣ или отъ иного вида, потребляетъ умъ и трикупно силы своя“ (№ 507, л. 156). „Когда здравы всѣ органы, тогда дѣйствуетъ душа по естеству показующи въ тѣлѣ дѣйства своя якова оубо и силы же вкоупѣ“ (№ 507, л. 122).

Не смотря на то, что душа не въ состояніи возстановить или поддержать здоровье тѣла, — на это не встрѣчается нигдѣ ни малѣйшаго намека, — авторъ находитъ, тѣмъ не менѣе, возможнымъ сравнить ее съ солнцемъ (№ 507, л. 122) и тѣмъ еще рѣзче обнаруживаетъ слабость своей души, которая далеко не то, чѣмъ бы ей слѣдовало быть, и не стоитъ на высотѣ своего призванія. Авторъ тѣмъ яснѣе показываетъ, что не сознаетъ двойкой истины, которой служить, того, что исповѣдуетъ открыто дуализмъ, а принадлежитъ въ то же время къ школѣ мыслителей, *sedes* которыхъ сопсѣмъ иное.

Правда, что Филиппъ охотно ссылается на авторитетъ Гиппократа и Галена, „ветхихъ мудрецовъ, любу мудрствовавшихъ о твари“ (№ 95, л. 73 и 286), и что онъ позагааетъ въ основаніе устройства міра и человѣка ихъ „физику“ — ученіе о 4-хъ элементахъ и о 4-хъ сокахъ; онъ усваиваетъ себѣ безсознательно и дальнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ этого ученія.

Быль ли Филиппъ непосредственно знакомъ съ произведеніями Гиппократа и Галена, мы рѣшить не беремъ; весьма возможно, что

онъ является и здѣсь только послѣдователемъ Филопона, такъ какъ въ комментаріи „о душѣ“ встрѣчаются крайніе выводы теоріи смѣшенія, говорится, что „ἄκρως ταῖς χράσιν τοῦ σώματος τὰς τῆς ψυχῆς συνάμειν“ ¹⁾.

Зародышъ ученія о 4-хъ стихіяхъ находится уже у Гомера, и можно истолковать, пожалуй, въ такомъ смыслѣ и четверицу пиеагорейцевъ ²⁾. Не было греческаго философа, который не внесъ бы своей лепты въ ученіе о 4-хъ элементахъ, впервые сформулированное матеріалистомъ Эмпедокломъ (V вѣка) ³⁾.

Теорія эта многимъ обязана стоикамъ, въ особенности Цицерону и его антиподу Сенека. Оба они формулируютъ отношеніе воздуха къ прочимъ элементамъ ⁴⁾. Какъ ни были различны воззрѣнія на πνεῦμα Клеанта и Хризаппа, понятіе это содѣйствовало развитію ученія о стихіяхъ ⁵⁾.

Не было медика-физиолога, начиная съ Алькмеона (VI вѣка) ⁶⁾ который не потрудился бы ради блестящаго развитія и широкаго примѣненія теоріи, преобразившейся въ сочиненіяхъ знаменитаго Гиппократъ въ ученіе о 4-хъ сокахъ и получившей, благодаря трудамъ Галена характеръ теоріи 13-ти темпераментовъ.

Мы выяснимъ сейчасъ тѣ положенія, которыми исчерпывается въ Діоптрѣ ученіе о 4-хъ элементахъ, и постараемся указать соотвѣтствующіе имъ тезисы въ сочиненіяхъ Гиппократъ и Галена.

1. Характеристическіе признаки стихій слѣдующіе: а) земля суха и студена; б) вода мокра; в) воздухъ теплъ; г) огонь теплъ и сухъ ⁷⁾.

2. Стихія видоизмѣняются въ 4 сока, именно:

„Елма четверосоставно тѣло устрояется отъ земля и воздуха, отъ огня и воды, четвертого сямъ равносоставна составляетъ человѣка кровь и хрякотину, ниже желтъ черную отъ воздуха убо прие́млетъ(ь) отъ(ь) огня желтая желтъ бываетъ“ ⁸⁾.

¹⁾ De anima, fol. B'a, Siebeck, I^o, 279.

²⁾ Трубецкой, Метафизика въ древней Греціи, Москва, 1890, стр. 216.

³⁾ Zeller, Philosophie der Griechen, I^o, 725^b; Stein, Die Erkenntnisstheorie der Stoa, Berlin, 1888, S. 22 sq.

⁴⁾ Cicero, De natura deorum, II, 33; Seneca, Quaestiones naturales, III, 10.

⁵⁾ Stein, S. 175 и 335.

⁶⁾ Авторъ проблематическаго сочиненія „De natura“: Sprengel, Histoire de la médecine, I, 241.

⁷⁾ № 95, л. 186; Hipp., ed. Linden, t. I, de diaeta, I, 5.

⁸⁾ № 95, л. 207; Hipp., I, de natura humana, 1, 2; Galen., IV, 740, V, 676. Siebeck, I^o, 281.

3. Характеристическіе признаки 4-хъ соковъ:

„Разумѣй же убо отъ земли черная желчь. Суха бо есть та и студена, яко же и мати ея. Хряканіе же отъ воды студено и мокро суще. Кровь же отъ воздуха мокра и тепла естествомъ. Отъ огня бо желтая желчь суха и тепла бо та“ ¹⁾.

4. Преобладаніе одного изъ нихъ является характеристическимъ признакомъ времени года и каждаго изъ 4-хъ возрастовъ:

„Кровь растетъ въ весну — желчь же въ лѣтѣ. Черная желчь осень возрастаетъ. Хряканіе же і тово время зимное. Въ сихъ убо четырехъ же всего лѣта премѣненія бывають и обращенія составомъ“ ²⁾.

„Суть же намъ и четыре не подобіи возраста. Начало восхожденіе въ возрастъ и преращеніе подобіи дѣтемъ, мужемъ, старцемъ и послѣдняя старости“ ³⁾.

Авторъ Діоптры приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, неразрывно связаннымъ съ теоріею медицинскою школы:

а) *Душевные свойства находятся въ зависимости отъ состава тѣла.*

„Целомудріи оубо едини, блудни же друзіи, гневливы и яростны и вою иносѣхъ и инѣхъ прѣсто. Иныя кротки видомъ издѣтѣска, иныя храбра и мужественны... дѣйства же ихъ вижу неравна (зѣло тоже и тѣлеса, ихъ ваонъ сіа равна: пропущено въ № 95, л. 185) яко штъ четырехъ сложена видимыхъ стихіихъ“... (№ 507, л. 118).

Можно даже замѣтить, что избытокъ крови и холеры (тѣпло и сухость) свойства положительныя, имѣющія результатомъ душевную крѣпость или разумность, избытокъ же хрякотани и желчи (студеность и мокрота)—свойства отрицательныя, послѣдствіемъ которыхъ является душевная слабость или порочность.

„Яко отъ теплаго сложения благораствореніе слежаще имать же мокроту сравнену теплотѣ. Сими тѣлеса суть добра и красна и воляга. Аще же теплота лихомствуетъ, охужается мокрота. Душа сихъ крѣпка

¹⁾ № 95, л. 186; Hipp., t. I, de structura hominis, 1: „Sanguis autem calidus et humidus; pituitas frigida et humida; flava bilis humida et sicca; atra vero sicca et frigida.“

²⁾ № 95, л. 187; Hipp., t. 1, Aphor. XIV; Galen in Aphor. Hipp. (usq. Elzevir), Comm., I, XIV; Hipp. de diaeta. 28—36.

³⁾ № 507, л. 133; senior et senex (семь возрастовъ у Гипократа, t. I, de aetatibus).

и кипяще разумомъ. Теплота же еще умалняется, умножается мокрота, измождавшие таковыя суть я расслабленіи ¹⁾).

б) Душевные свойства находятся въ зависимости отъ мѣста и времени—большую роль играютъ климатическія условія.

„Откуда отъ самого рождества і юна возраста обрѣтаются нѣкоторіи естественни кротцѣ, нини же гнѣвливы, друзіи же женолюбцы і блудницы (ини женоненавистники опущено въ № 507) и воздержницы. Суть нѣцыи своимъ (естествомъ опущ. въ № 95) благоподатливъ і естествене нѣцыи благоумни и разсмотреливы, друзіи же леностиві і несмыслени? *Отвѣтъ:* Не Богъ есть творяи оваго челоувѣка цѣломудра, инаго паки блудника, ниже оваго убо гнѣвлива (другого долготерпѣлива вставлено въ № 507 и 505), но родивъ суть нѣцыи растворени, а (не № 507) странамъ і мѣстомъ (и составомъ и въздухомъ № 505 и 201), и временемъ обращенія и премененія. Прочее убо отъ вины естественныя составомъ телеснымъ, послѣдующа ради (нѣкихъ винъ № 507) вины і нравомъ і временемъ растворенія ²⁾ и растворенія“ (№ 507, л. 125; № 505, л. 156).

„Аще обрящется преисполненіе теплаго состава въ часъ зачатія младенцу, бываетъ рожаемое теплаго растворенія любожително и благоподатно. Аще ли паки подвоженіемъ студенаго состава, зачатіе будетъ чистотнаго обычая и студенѣйшаго рожаемое обрѣтаемо подобнъ (опущено въ № 505, л. 156) и прочее о другихъ обоихъ составѣхъ. Сухо бо единственна и горькаго и бодростна рождаетъ челоувѣка. Мокрое же леностива и чревообядлива ³⁾ и вещна и сквернава“ (№ 507 л. 125, № 505, л. 156).

Итакъ, между тѣломъ и душою существуетъ связь. Авторъ Диоптры не только помѣщаетъ главную часть души—умъ въ мозгъ и считаетъ, что его поврежденіе влечетъ за собою уничтоженіе духовной жизни, но, по его мнѣнію, и добродѣтели и пороки развиваются,

¹⁾ № 85, л. 218; Hipp., de structura hominis, 2: „Qui vero flavae bilis participes sunt, desides pusillanimes pavidі, imbecillesque esse solent. Pituitas vero inertes et frigidi sunt; de diaeta, I, 25 — 37; Galen., VI, 14, 16, 16; IX, 244; Siebeck, I, 282, 284.

²⁾ № 95, л. 195; Hipp., t. I, de aëribus, aquis, locis; *Lucret.*, de rerum natura, I, 295; *Senec.*, de ira, II, 18, 20.

³⁾ № 95, л. 196; Hipp., t. I, de natura humana, IV: „Si non calidum ac frigidum et seccum ac humidum moderate ac aequaliter inter se haberent, sed alterum alterum multum praecelleret et fortius debiliore praestaret, generatio fieri non posset; de diaeta, I, 19, 20.

благодаря извѣстному смѣшенію или растворенію (*ταῖς ἁρμύραις*) элементовъ. Психическій элементъ находится, слѣдовательно, въ зависимости отъ строенія тѣла, то-есть, тѣло подчиняетъ себѣ душу. Ясна причинная связь между двумя факторами человѣческой жизни, связь, которая заключаетъ въ себѣ рѣзкое противорѣчіе съ сущностью дуализма.

Идти дальше въ этомъ направленіи уже некуда. Надъ обоснованіемъ этихъ самыхъ положеній, которыя, не нуждаясь въ доказательствахъ, считаетъ несомнѣнными авторъ Дюптры, еще долго и много придется поработать психо-физиологѣ.

Какъ скоро дуализмъ призналъ главенство души надъ тѣломъ, на его обязанности лежитъ прочное обоснованіе этой теоріи. Нашъ авторъ дуалистъ только на словахъ и не въ состояніи провести своего міровоззрѣнія. Объявляя, что душа—владычица тѣла, онъ обнаруживаетъ слабость этой госпожи; желая объяснить то, чѣмъ она должна быть, онъ наглядно показываетъ то, что она собственно есть. Это дуализмъ *de jure* и материализмъ *de facto*.

Сложностью души обуславливается формализмъ или схематичность психологическихъ и этическихъ понятій. Сложность души имѣетъ, въ свою очередь, источникомъ двойственность міровоззрѣнія автора.

Интересно было подмѣтить связь Дюптры съ греческою философіею—знакомство Филиппа съ Платономъ, Аристотелемъ, Плотинимъ, а также съ представителями медицинской школы, именно съ Гиппократомъ и Галеномъ. Было ли то знакомство съ ихъ произведеніями или только съ комментаріями на этихъ авторовъ, мы рѣшить не беремся, хотя послѣднее кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

М. Безобразова.

ОДНО ИЗЪ РѢДКИХЪ ЯВЛЕНІЙ СЛАВЯНСКОЙ ФОНЕТИКИ.

Славянскіе языки имѣютъ нѣсколько словъ съ *ъ*-ремъ или его потомками тамъ, гдѣ мы ожидали бы *ъ*-ра и гдѣ родственныя слова имѣютъ *ъ*-рь, *ы*, *у*. Эти слова слѣдующія:

Церковно-славянское прилагательное *бѣдрнѣ*, откуда форма среднего рода *бѣдрнѣо* (Синайскій Требникъ 106); церковно-славянское прилагательное *бѣждрь* (Супрасльская рукопись, Слова Григорія Богослова XI вѣка). Рядомъ обще-славянскія *бѣдръ*, *бѣдѣти*, *будити* и т. п., литовское *bydrius* и др. Сравни церковно-славянское *бѣдръ* (Маріинское Евангеліе 101), ср.-болгарское *бѣдръ* (Карпинское Евангеліе XIII вѣка 122 об.).

Церковно-славянское *въплѣ* (Супрасльская рукопись), средне-болгарское *веплѣ* (Болонская Псалтырь, Карпинское Евангеліе XIII вѣка, Ефремъ Сиринъ XIV вѣка, Хронографъ Манассія XIV вѣка и другіе ¹⁾). Рядомъ церковно-славянское и древне-русское *въплѣ* (Остромирово Евангеліе, Супрасльская рукопись и друг.), *въпити*, *въз-ѣпити*, современное русское *воплѣ*, *вопити*. Древній гласный корня виденъ изъ русскаго *въплѣ*, чешскаго *ирѣти*.

Церковно-славянское и древне-русское *дѣбрь*, откуда *дѣбрь* (Ассеманово Евангеліе 154), современное русское *дѣбрь*. Рядомъ древнерусское *дѣбрь* (Златоструй XII вѣка 80 об., Евангеліе 1317 года 50 и друг.), современное бѣлорусское *добрь* (*Шейнъ*, Матеріалы, II, 215), чешское *děbř*, польское *debrza*, сербское *дубок*, литовское *dubus*, *dūburis*.

¹⁾ Изъ средне-болгарскихъ текстовъ *веплѣ* перешло въ русскіе. Это слово съ *е* мы находимъ, напримѣръ, въ Евангеліи 1527 года Публичной Библ. 56.

Церковно-славянское без-дѣныѣ (Святославовъ Сборникъ 1073 года 111 об.), откуда безденіе (Синайскій Требникъ 7, Синайская Псалтырь 73, Супрасльская рукопись 57), древне-русское у-дѣние, уденье (Новгородская Лѣтопись по Синодальному списку 205), современное великорусское без-дѣнный (*Барсова*, Причитанія, II, словарь), малорусское денце, денечко, бѣлорусское денцѣ, дзенцѣ (*Романовъ*, Бѣлорусскій сборникъ, I, 9; *Шейнъ*, Матеріалы, II, 209), изъ *дѣныце. Рядомъ церковно-славянское дѣно, современное великорусское донцѣ, донышко, литовское *diubus*, *dīburiš*. Сравни церковно-славянское и древне-русское дѣно, бездѣна (вполнѣ обычныя въ древне-русскихъ текстахъ), род. п. множ. безденъ (Синайская Псалтырь 148), современное великорусское дѣнышко.

Древне-русское мѣдльнѣ, мѣдлити (Остромирово Евангеліе, Святославовъ Сборникъ 1073 года и друг.), откуда медленѣ, медлiti Рядомъ церковно-славянскія мѣдль, мѣдль, мудьнѣ, мудити, старо-великорусское мотчанье (изъ мѣдчанье) медленность, польское *maidzić*, литовское *mauda*, *maudoti*.

Древне-русское рѣдрь (Святославовъ Сборникъ 1073 года: рѣдрь, Прологъ XIV вѣка: (ре)дрь. *Лавровскій*. Описаніе семи рукописей, 15), откуда старо-русское редрь (Акты Юрид., 459, XVII вѣка), современное сѣверно-великорусское рѣдрь. Рядомъ обще-славянскія рѣдѣти, руда и друг., санскритское *gidhīras*, греческое *ῥοδρός*.

Церковно-славянское и древне-польское рѣпѣтати, рѣпѣть, откуда рѣпѣтаніе (Синайскій Требникъ 168), рѣпѣть (средне-болгарскій Македонскій Апостолъ, *Arch. für slav. Phil.* X), старо-польское *gzerpać* (*Biblia kr. Zofii* 83). Рядомъ, съ другимъ суффиксомъ, обще-славянское рѣпѣтати, рѣпѣть, современное русское рѣпѣтати, чешское *gerpati* литовское *giras* и друг.

Древне-русскія скѣрбь, скѣрбь, скѣрбьнѣ, откуда скѣрбь, скѣрбѣнъ (очень часто въ древне-русскихъ текстахъ, начиная съ древнѣйшихъ). Рядомъ древне-русское скѣрбь, откуда современное скорбь, латышское *skīgt* быть безсильнымъ. Сравни древне-русское скѣрбѣти, скѣрбѣти (Галицкое Евангеліе около 1266 года и друг.).

Древне-русское сѣсъць (Архангельское Евангеліе 1092 года, Путятина Миней XI вѣка, Стихирарь 1157 года и друг.), откуда сѣсѣць (Добрылово Евангеліе и друг., часто). Рядомъ церковно-славянское и древне-русское сѣсъць, откуда сосѣць (Ассеманово Евангеліе 130), современное русское сосѣць, соска, церковно-славянское и древне-русское сѣсати (сѣсъца сѣсуть Успенскій Сборникъ XII вѣка, сѣсущая

съсѣца Паремейникъ XII—XIII вѣка Типогр. Библ.), современное русское сосать, малорусское висисати, польское wysysać. Рядомъ древне-русское сѣсати (Стихирарь XII вѣка Академія Наукъ 11 об., 159), современное русское сисѣка.

Церковно-славянское и древне-русское трѣсть, трѣстьк, откуда трѣсть, трѣстье (Синайскій Требникъ 91, 100, Юрьевское Евангеліе XII вѣка и друг.), чешское třítí. Рядомъ древне-русское трѣсть (Архангельское Евангеліе 1092 года и друг.), откуда трость, польское tręść, литовское trušis (солома). Сравни современное сѣверно-великорусское трѣсточка, чешское třtina, польское trzcina (изъ *трѣстина).

Къ этимъ словамъ, кажется, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія слова:

Церковно-славянское бышнѣ (Супрасльская рукопись), древне-русское бышю. бешю (Житіе Саввы Освященнаго XIII вѣка 83 об.). Рядомъ церковно-славянскія бышнѣ, бѣхъма, бѣхъмъ (Супрасльская рукопись), древне-русскія бѣшю, бошю, бѣхъма, бѣхма. Сравни древне-русское бѣхъма, бѣхма (Богословіе Іоанна Дамаскина XII вѣка 17, Выголексинскій Сборникъ XII—XIII вв. и друг.).

Церковно-славянское и древне-русское до-вольнѣ, доволенѣ (Остромирово Евангеліе, Супрасльская рукопись, Пандектъ Антиоха XI вѣка, Патерикъ Синайскій XIV вѣка и друг.). Рядомъ церковно-славянскія и древне-русскія до-вольнѣ, доволенѣ, доволѣ, воля, велѣти, латинскія volo, velle и друг.

Обще-славянское стѣблѣ. Рядомъ греческое στοφόс, στοφρός ¹⁾.

Явленіе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, на нашъ взглядъ, заключается въ слѣдующемъ:

Если въ словѣ находится рядомъ два слога, одинъ съ з-ремъ, другой, слѣдующій, съ ѳ-ремъ (трѣсть), то з перваго можетъ быть замѣненъ черезъ ѳ.

Это явленіе принадлежитъ къ числу спорадическихъ (сравни дрожь, дѣждь, кѣзѣ, плѣть, тѣщѣ) и можетъ восходить лишь къ позднѣйшей эпохѣ обще-славянскаго періода (какъ показываетъ к въ смѣрбѣ).

Оно можетъ быть объяснено какъ ассимиляція гласныхъ въ рядомъ стоящихъ слогахъ, однородная съ тою, которую мы имѣемъ въ древне-русскомъ телесе, телеси и т. д. (при тѣло), въ малорусскомъ

¹⁾ Сравни также неясныя этимологически обще-славянскія лѣсть, мѣсть хрѣбѣть, церковно-славянское мѣчьѣ, древне-русское мѣчѣта, рѣль.

багать, гараздъ, горячий, вѣроятно, въ великорусскомъ ребёнокъ (при ребёнокъ), въ ново-греческомъ ἀρχανός=ὄρρηνός, μοναστήρ, μοναχός и т. п. (Foy, Lautsystem der griechischen Vulgarsprache, 98) ¹⁾.

Мы отмѣтили выше бадръ, дѣно, трѣстина. Ихъ ѣ легко объясняется тѣмъ, что слова бадръ, дѣно, трѣстина подверглись влиянію близко родственныхъ бадрънъ, бадръ, -дѣнье, трѣсть.

А. Соболевскій.

¹⁾ Объ этомъ явленіи въ другихъ языкахъ см. *Rassu*, Etude sur les changements phonétiques, 186—189.

ДИНАСТІЯ БАГРАТИДОВЪ ВЪ АРМЕНИИ.

І. Источники.

Главными источниками по изложенію исторіи Багратидской династіи въ Арменіи служатъ творенія армянскихъ писателей Іоанна Католикоса, Оомы Арцруни, Стефана Асогика, Аристакеса Ластиверци, Матеея Эдесскаго, Вардана, Киракоса, Стефана Сюнийскаго. Мхитара Айриванкского, Михаила Сирійца, Самуила Анійскаго и отчасти коннетабля Смбата, а затѣмъ арабскихъ—Ибнъ-Хордадбѣ, Ель-Истахри, Ибнъ-Хаукаля, Мукадесси, Ель-Хамадани и Ель-Белазури, византійскаго императора Константина Багрянороднаго и отчасти грузинская хроника мене Вахтанга. Кромѣ того, множество свѣдѣній разсыяно у разныхъ византійскихъ писателей, которые, однако, говорятъ о странѣ лишь мимоходомъ, излагая событія своей родины.

Іоаннъ Католикосъ, біографическія свѣдѣнія о которомъ мы сообщимъ при описаніи царствованій Смбата I и Ашота II, оставилъ послѣ себя „Исторію Арменіи“ отъ сотворенія міра почти до самой его смерти въ X-мъ вѣкѣ. Она была издана въ Іерусалимѣ въ 1843 и въ 1868 гг. и въ Москвѣ въ 1853 г. покойнымъ профессоромъ Еминымъ; переведена на французскій языкъ Ж. Сентъ-Мартеномъ и издана послѣ его смерти Лажаромъ въ 1841 г.¹⁾ Все твореніе Іоанна состоитъ изъ 187 главъ, изъ которыхъ главы 15—187 принадлежатъ исторіи царствованій Ашота I, Смбата I и Ашота II. Сочиненіе представляетъ хорошую картину состоянія Арменіи этой эпохи, изобилуетъ многими интересными эпизодами, но, благодаря близости автора

¹⁾ Histoire d'Arménie par le patriarche Jean VI, dit Jean Catholikos, traduite de l'arménien par M. Saint-Martin. Ouvrage posthume, publié par F. Lajard, Paris, 1841.

къ Багратидскому дому, сочиненіе это не отличается безпристрастіемъ тамъ, гдѣ оно касается царскихъ интересовъ. Въ этихъ случаяхъ возстановленію истины часто помогаетъ писатель противоположнаго направленія—*Оома Арцруни*.

Оома Арцруни былъ одинъ изъ немногихъ армянскихъ писателей, принадлежащихъ къ нахарарской или феодальной партіи; онъ относится враждебно къ царственной династіи Багратидовъ. Жилъ онъ, судя по всѣмъ даннымъ, въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, но гдѣ—неизвѣстно. Онъ принадлежалъ къ царской фамиліи Васпуракана, Арцруни, и написалъ исторію въ трехъ книгахъ, касающуюся этой династіи. Первая изъ нихъ начинается отъ Ноя и доходитъ до паденія Аршакидской династіи въ Арменіи, вторая—до эпохи нашествія Буги, а въ третьей исторія доходитъ до послѣднихъ лѣтъ жизни автора. Издана эта книга была въ Константинополѣ въ 1852 г., въ Петербургѣ профессоромъ Патканьяномъ и недавно въ Тифлисѣ; переведена на французскій академикомъ Броссе въ I томѣ его коллекціи армянскихъ историковъ ¹⁾. Сочиненіе это, какъ замѣчено, сильно противорѣчить взглядамъ Іоанна Католикоса и этимъ доставляетъ желанную точку опоры для исторической критики при изученіи событій соотвѣтствующей эпохи.

Стефанъ Асоикъ, или пѣвецъ, иначе Стефанъ Таронскій, былъ родомъ изъ Тарона, принадлежалъ, какъ кажется, къ вардапетамъ, или ученымъ, и жилъ въ эпоху Смбата II и Гагика I. Онъ составилъ исторію въ трехъ книгахъ отъ Адама до 1004 года, представляющую главный источникъ для исторіи Арменіи эпохи Абаса, Ашота III, Смбата II и Гагика II. Авторъ стоялъ очень близко къ царскому дому и сообщилъ массу интересныхъ подробностей, которыя иначе совершенно бы ускользнули отъ нашего вниманія. Издано было это сочиненіе въ 1859 г. въ Парижѣ Шахназарьяномъ, въ 1864 году въ Москвѣ профессоромъ Еминимъ и въ 1885 г. въ Петербургѣ. Переведено же оно на русскій языкъ профессоромъ Еминимъ ²⁾.

Аристакесъ Ластивертци. Изданъ въ Венеціи въ 1844 году. переведенъ на французскій Еваристомъ Прюдомомъ ³⁾. О жизни его из-

¹⁾ Histoire des Ardzrouni, par le vartabed Thoma Ardzrouni, traduite par M. Brosset. Collection-Brosset, t. I.

²⁾ Всеобщая исторія Степаноса Таронскаго, Асоикя по прозванію. Переведена Н. Еминимъ, Москва, 1864.

³⁾ Histoire d'Arménie, par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par M. Ev. Prud'homme, въ Revue de l'Orient, Paris, 1864.

вѣстно очень мало, кромѣ того, что онъ былъ вардапетомъ изъ Ластиверта и умеръ въ концѣ XI вѣка. Его „Исторія Арменіи“ есть продолженіе исторіи Стефана Асогика, но начинается нѣсколько раньше конца той, со смерти куропалата Давида; кончается же плѣненіемъ византійскаго императора, Романа Діогена, султаномъ Альп-Арсланомъ. Мемуары Аристакееса, какъ очевидца многихъ событій, имѣютъ громадную важность, но, къ сожалѣнію, они очень испорчены переписчиками и переполнены анахронизмами.

Маттеей Эдесскій. Очень важный писатель для исторіи послѣднихъ Багратидовъ. Онъ былъ родомъ изъ Эдессы, былъ игуменомъ и жилъ въ XI—XII вѣкахъ. Отъ него осталась чрезвычайно важная и любопытная хроника, въ которой, кромѣ историческихъ свѣдѣній, находятся еще остатки пропавшихъ произведеній армянскихъ писателей, какъ апокалипсическое твореніе Іоанна Козерна и записка армено-григоріанскаго ученія Гагикомъ II. Къ сожалѣнію, эта хроника, передающая событія отъ 962 до 1136 г., сильно испорчена переписчиками и тоже наполнена анахронизмами. Издана она была въ Іерусалимѣ въ 1867 году и переведена на французскій языкъ Дюлорье во II части его „Исторической армянской бібліотеки“ ¹⁾.

Кирикось Гандзакскій родился въ Гандзакѣ, теперешнемъ Елисаветполѣ, въ провинціи Арцахъ. Учился онъ въ монастырѣ Норъ-Гетикъ у ученика славнаго Мхитара Гоша, Мартироса, и у историка Ванакана. Послѣ взятія Шамхора татарами въ 1235 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ со своимъ учителемъ, Ванаканомъ. Изъ плѣна онъ бѣжалъ въ свой монастырь и умеръ въ 1272 г. Его „Исторія Арменіи“ состоитъ изъ предисловія, гдѣ онъ перечисляетъ 17 своихъ предшественниковъ, краткаго изложенія исторіи отъ Григорія Просвѣтителя до 1165 года, изложенія догматовъ христіанской церкви и подробной исторіи 1241 года. Для исторіи Багратидовъ важно его историческое обозрѣніе, такъ какъ оно представляетъ изложеніе исторіи армянской церкви и рисуетъ состояніе духовенства въ нашу эпоху. Издано было это сочиненіе въ Москвѣ въ 1858 и въ Венеціи въ 1865 г.; переведено же на французскій языкъ академикомъ Броссе ²⁾.

Варданъ Великій—историкъ одной эпохи съ Киракосомъ. Онъ написалъ „Всеобщую исторію“ отъ сотворенія міра и до своего времени.

¹⁾ Chronique de Mathieu d'Edesse—въ Bibliothèque historique arménienne, par Ed. Dulaurier, Paris, 1858.

²⁾ Kirakos de Gantzak. Histoire d'Arménie. Въ „Deux historiens arméniens“, traduits par M. Brosset, St. Pétersbourg, 1870.

Для Багратидовъ онъ важенъ только отчасти, такъ какъ даетъ нѣкоторыя указанія, не встрѣчающіяся у прочихъ, но, какъ историкъ очень поздній и не очевидецъ, допускаетъ много ошибокъ, о которыхъ мы будемъ говорить при нашемъ изложеніи. Изданъ онъ былъ въ Венеціи въ 1862 г. и въ Москвѣ профессоромъ Еминнымъ въ 1861 г., который и перевелъ его цѣликомъ на русскій языкъ ¹⁾).

Стефанъ Сюнійскій—писатель очень важный въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается провинціи Сюника, гдѣ позднѣе утвердилась Тондракская ересь. Изданъ онъ былъ частично въ Мадрасѣ въ 1775 г., и въ Москвѣ Воск. Іоаннисъ-ищемъ въ 1858 г., а цѣликомъ въ Парижѣ Шахназарьяномъ въ 1859 году и въ Москвѣ профессоромъ Еминнымъ въ 1861 г.; переведенъ цѣликомъ на французскій языкъ академикомъ Броссе ²⁾). Изложеніе Стефана содержитъ исторію Сюника отъ начала до конца XIII столѣтія.

Мхитаръ Айриванскій и *Михаилъ Сиріецъ* оставили сочиненія, имѣющія характеръ краткихъ хронологическихъ обзорѣній. Первый изъ нихъ изданъ въ Москвѣ профессоромъ Еминнымъ въ 1860 г., а въ Петербургѣ профессоромъ Патканьяномъ въ 1867 году, который и перевелъ его по-русски ³⁾). Французскіе переводы того же автора сдѣланы академикомъ Броссе и Дюлорье. Второй изданъ въ Іерусалимѣ въ въ двухъ различныхъ редакціяхъ и переведенъ на французскій Ланглуа. Особеннаго значенія они не имѣютъ.

Самуилъ Анеци составилъ хронологическія таблицы, въ которыхъ находится, однако, много интересныхъ указаній. Изданы онѣ съ латинскимъ переводомъ кардиналомъ Маемъ и Зохрабомъ сначала въ Миланѣ въ 1818 г., потомъ въ Римѣ въ 1839 г. и въ Эчміадзинѣ въ 1893 г.; переведены на французскій языкъ академикомъ Броссе, во II томѣ его коллекціи армянскихъ историковъ ⁴⁾). Это произведеніе есть собственно сокращеніе хроники Евсевія съ добавленіями и ея продолженіемъ.

Коннетабль Смбаѣ сообщаетъ только нѣкоторыя указанія о послѣднемъ Багратидѣ, Гагикѣ II, хотя занимается исключительно въ своей хроникѣ Рубенидской династіей Кяликін. Онъ былъ из-

¹⁾ Всеобщая исторія Вардана Великаго. Перевелъ Н. Эминъ, Москва, 1861.

²⁾ Histoire de la Siounie, par Stéphanos Orbélian, traduite de l'arménien par M. Brosset, St. Pétersbourg, 1864—1866.

³⁾ Хронографическая исторія, составленная отцомъ Мехитаромъ, вардапетомъ Айриванскимъ. Переводъ К. Патканова. С.-Петербургъ. 1869.

⁴⁾ Samuelis presbyteri Aniensis temporum ad suam aetatem ratio... Joh. Zohrabus et Ang. Majus ediderunt. Mediolani, 1818.

данъ Іоаннисьянцемъ въ Москвѣ въ 1856 г. и въ Парижѣ Шахназарьяномъ въ 1859 г., а переведенъ на французскій языкъ Ланглуа ¹⁾).

Абуль-Касимъ Джафаръ Ибнъ-Хордадбѣ. Сначала былъ визиремъ при халифѣ Мутамедѣ, а потомъ директоромъ почты въ Джебель; умеръ въ 912 году. Свѣдѣнія его очень важны, какъ почерпнутыя изъ официальныхъ архивовъ. Написалъ онъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Книга путей и государствъ“, въ которомъ есть свѣдѣнія объ Арменіи. Текстъ этого трактата вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ изданъ Барбье де Менаромъ въ *Journal Asiatique*, 1865 г. Недавно лучшее изданіе сдѣлано Де-Гузъ въ его „Библіотекѣ арабскихъ географовъ“.

Абу-Исхакъ Ибрахимъ Ель-Фариси Ель-Истахри. Жилъ въ Х вѣкѣ, лично путешествовалъ съ торговою цѣлью и изложилъ результаты своихъ путешествій въ „Книгѣ путей и государствъ“, гдѣ находится сжатое описаніе странъ, покоренныхъ мусульманами. Издана она Де-Гузъ въ его „Библіотекѣ арабскихъ географовъ“ и въ сокращенномъ видѣ переведена на нѣмецкій языкъ Мордтманномъ.

Абуль-Касимъ Мухаммедъ Ибнъ-Хаукаль. Жилъ въ Х вѣкѣ, лично былъ на Кавказѣ, какъ и Ель-Истахри, и написалъ „Книгу путей и государствъ“. Трудъ этотъ очень сходенъ съ трудомъ Ель-Истахри, но за то въ немъ описываются народные обычаи, произведенія природы и т. п. Издано оно Де-Гузъ въ его „Библіотекѣ арабскихъ географовъ“.

Ибнуль-Факихъ Ель-Хамадани. Умеръ въ 981 году и написалъ „Книгу странъ“, которая есть сокращеніе географическаго труда Ель-Джейгани. Книга эта содержитъ много свѣдѣній объ Арменіи, но сильно искажена переписчиками. Издана она Де-Гузъ въ его „Библіотекѣ географовъ“.

Шемсуддинъ Мухаммедъ Ель-Мукадесси былъ сыномъ архитектора. Онъ извѣдывалъ большую часть мусульманскихъ странъ, оставаясь подолгу въ болѣе значительныхъ городахъ, чтобы вполне изучить особенности каждой страны и ея жителей. Ель-Мукадесси былъ человекъ исключительно практическій, а потому онъ обращаетъ главное вниманіе на то, что полезно или интересно знать людямъ. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ сочиненіи „Лучшее изъ дѣлений для познанія климатовъ“, которое издано Де-Гузъ въ его

¹⁾ Extrait de la Chronique de Sempad, traduite par L. Langlois, St.-Petersbourg, 1862.

„Библіотекѣ арабскихъ географовъ“ Оно отличается систематичностью изложенія и содержитъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній.

Абу-Джафаръ Ахмедъ Ель-Белазури. Былъ багдадскимъ имамомъ, умеръ въ 892 г. и написалъ „Книгу завованія странъ“, въ которой сообщилъ множество важныхъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній. Издана она Де-Гуэ подъ заглавіемъ „Ahmed al-Beladsori, Liber expugnationis regionum“.

Константинъ Багрянородный, императоръ Византіи, царствовалъ отъ 944 по 959 г. Онъ отличался замѣчательною литературною дѣятельностью, за которою часто забывалъ и государственныя заботы. Отъ него дошелъ до насъ цѣлый рядъ работъ, отрывковъ и сочиненій. Въ трактатѣ его „De administrando imperio“, представляющемъ родъ руководства къ управленію государствомъ для его сына Романа, есть любопытныя свѣдѣнія объ исторіи Тарона и эмирахъ Мапазкерта. Лучшее изданіе этого сочиненія выѣстъ съ латинскимъ переводомъ сдѣлано Бандури и перепечатано въ Боннскомъ „Corpus scriptorum historiae byzantinae“.

Хроника мепе Вихтанга есть громадный сводъ разновременныхъ лѣтописей и документовъ, изъ которыхъ многіе написаны съ предвзятою цѣлью, многіе составлены лицами невѣжественными. Довѣрять ей нѣтъ никакой возможности, но нѣкоторыя указанія и тутъ имѣютъ цѣну. Издана она и переведена съ грузинскаго на французскій академикомъ Броссе подъ заглавіемъ „Histoire de la Géorgie“.

II. Происхожденіе Багратидовъ. Арменія до ихъ воцаренія.

Въ 428 году прекратилась Аршакидская династія въ Арменіи. Долгая борьба съ Персіею, происки Византіи, внутренняя анархія довели страну до полного отчаянія и цѣлый столѣтія она оставалась раздѣленною на мелкія владѣнія. Въ такомъ видѣ застало ее арабское завоеваніе; оно довершило бѣдствія страны, сопровождаясь разореніемъ и ведя за собою тяжкую дань завоевателямъ. Только три оазиса, три свѣтлыхъ точки было среди водворившагося хаоса—католикосъ съ клиромъ, фамиліи Мамиконьяновъ и Багратуни. Католикосъ былъ фактически царемъ, у него была власть духовная и нравственная, онъ былъ единственнымъ лицомъ, въ которомъ соединялись, какъ въ фокусѣ, народныя интересы, ибо вѣра за которую нація боролась, была залогомъ ея самобытности; однако, возрѣнія и правила православной церкви мѣшали тому, чтобы католикосъ и по

праву сдѣлался главою государства. Мамиконяны прославились въ персидскую эпоху беззавѣтною борьбою за отечество; это была благородная фамилія, никогда не запятанная себя никакимъ преступленіемъ, но они не были по происхожденію армянами, ихъ считали выходцами, и потому подъ ихъ властью не могла соединиться нація. Оставалась Багратидская фамилія, представители которой были аспетами и вѣнценалагателями еще въ эпоху аршакидскую, и вотъ подъ ихъ властью объединилась Армения, а затѣмъ и всѣ страны Кавказа.

Послѣ уничтоженія персидской монархіи Дарія Кодомана Арменія, когда-то представлявшая единое политическое цѣлое подъ властью Тиграна I, распалась на множество мелкихъ государствъ, представлявшихъ независимыя владѣнія. Когда же она подпала власти Аршакида Вагаршака, всѣ эти независимые владѣтели обратились въ царскихъ вассаловъ или нахараровъ. Аршакиды, принявшіе титулъ царя царей, или шаханъ-шаховъ, такимъ образомъ оставляли всѣмъ имъ номинально какъ бы царскій титулъ, а самыхъ выдающихся старались привязать къ себѣ разными почестями. Такимъ образомъ, одинъ древній родъ, правившій независимо областю Спера у *Береговъ Чернаго моря* между нынѣшними Лазистаномъ и Ачарою, Багратиды, сдѣланы были генералиссимусами и коронователями государей по наследству. Этотъ родъ производилъ себя отъ древняго полубога Спера Ангела ¹⁾, которому за его геркулесовскую силу оказывала страна суетверное почтеніе.

Тотъ ореолъ, которымъ пользовались Багратиды, ихъ значеніе и вѣсь въ народѣ не могли всегда правиться Аршакидской династіи, и когда они выказали сочувствіе къ первосвященнику Іудей, Гиркану, расходившееся съ политикою царствующаго дома, они подверглись чуть не поголовному истребленію. Другая древняя фамилія, Арцруни, впоследствии бывшая ихъ ожесточенными врагами, вступилась за нихъ, и вотъ за 30 приблизительно лѣтъ до Р. Х. главу рода Багратидовъ, Енамія, поселили у Алагѣза ²⁾. Отъ него-то и ведутъ свой родъ Араратскіе Багратуни Арменіи. Надо думать, что Багратиды никогда не забывали своего царственнаго и божественнаго про-

¹⁾ *Себосъ*, отд. I, стр. 7, русскій переводъ Патканьяна, соединяетъ въ одинъ два рода—Ангелонъ и Багратуни. Объ Ангелѣ см. у Хор., II, 8. Къ этому же относится восклицаніе Хоренскаго въ кн. III, 65: „я считаю тебя человекомъ, а не княземъ, ведущимъ свое происхожденіе, родъ и начало отъ боговъ!“.

²⁾ *Моисей Хоренскій*, II, 24, переводъ Эмина, стр. 75. *Вова Арцруни*, I, 5.

исхожденія, такъ какъ послѣ принятія Арменіей христіанства, когда уже стало неприличнымъ и грѣшнымъ дѣломъ производить себя отъ языческихъ боговъ, они стали себя выводить изъ знатнаго рода еврея Шамбата, будто бы высленнаго въ Арменію Навуходоносоромъ ¹⁾. Съ теченіемъ времени Багратиды стали выводить себя отъ жены Ури, соблазненной Давидомъ, какъ это мы находимъ въ твореніи Константина Багрянороднаго „De administrando imperio“ ²⁾. Но и этого было мало: христіанское смиреніе не помѣшало Багратидамъ прямо производить себя отъ Христа Иисуса — генеалогія, усвоенная, правда, только въ Грузіи послѣ 1000-го года. Въ эпоху анархій и междоусобицъ въ Арменіи до 683 года, фамилія Багратидовъ захватываетъ все болѣе и болѣе земель и дѣлается самою могущественною изъ нахарарскихъ родовъ страны. Хосру II Парвизъ послѣ окончанія революціи Вахрама Чубина пожаловалъ Смбагу Багратида въ награду за услуги его въ этомъ дѣлѣ титулъ марзпана (маркграфа) Арменіи, который онъ и передалъ своему сыну Варазтироцу ³⁾. Вскорѣ является и вполнѣ самостоятельный правитель изъ Багратидскаго дома. Послѣ смерти правителя Арменіи Григорія Мамиконяна въ 683 году, два года эта несчастная страна оставалась безъ правителя. Пользуясь мятежами и раздорами среди нахараровъ, Ашотъ Багратидъ самовольно захватилъ въ свои руки управленіе страной. Будучи человѣкомъ недальновиднымъ, онъ сейчасъ же прервалъ сношенія съ Византіей, которая только одна тогда поддерживала Арменію, и сталъ платить дань арабамъ. Императоръ Юстиніанъ II, разсерженный этимъ, отправилъ противъ него значительную армію. Арабы въ свою очередь, полагая, что грековъ призвалъ самъ же Ашотъ, стали опустошать страну. Тщетно Ашотъ напрягалъ всѣ свои военныя способности—онъ палъ въ битвѣ, а страна была опустошена арабами, и только захватъ всѣхъ ея провинцій греками спасъ ее отъ совершеннаго истощенія. Снова арабы опустошили Арменію, поставили тамъ своего намістника, а сына Ашота, Смбага, отослали въ Дамаскъ. Ему, однако, удалось бѣжать изъ плѣна и съ помощію того же императора Юстиніана вновь вернуть себѣ свое владѣніе. Опять, но не надолго Арменія почувствовала себя независимою, и арабы, не смотря на всѣ ихъ попытки, не сейчасъ смогли отнять у армянъ это благо.

¹⁾ Моисей Хоренскій, I, 22 (стр. 36).

²⁾ De administrando imperio, 45 гл., 197 стр. Боннскаго изданія.

³⁾ Иоаннъ Католикосъ, глава 10.

Только въ 704 году арабскій правитель, Касимъ, созвалъ подъ разными предлогами большое число армянской аристократіи въ Нахичеванскую церковь и сжегъ ихъ живыми. Испуганный Смбагъ бѣжалъ въ Лазикъ, и страна подчинилась арабамъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло до самыхъ послѣднихъ халифовъ изъ династіи Омайядовъ. Но, когда произошли смуты въ халифатѣ между Омайядами и Аббасидами, вновь образовалось въ Арменіи нѣсколько самостоятельныхъ владѣній и, между прочимъ, патриціатъ, или главенство въ странѣ, опять перешелъ въ руки фамиліи Багратидовъ, которымъ эти смуты въ халифатѣ не мало помогали. Такъ, когда въ 835 году нѣкто Бабекъ, родомъ персъ, задумалъ освободить свое отечество отъ арабовъ и произвелъ сильное возстаніе, армяне помогли полководцу халифа, Афшину, въ послѣдствіи такъ дурно имъ за это отплатившему, и выдали даже головою измѣнника. Этотъ поступокъ, совершенный опять однимъ изъ Багратидовъ, Сахломъ, приобрѣлъ этому дому расположеніе арабовъ. Арменія въ эту эпоху состояла изъ цѣлой массы почти независимыхъ владѣній. Это не нравилось халифу Мутаваккилю, который и послалъ противъ армянъ своего полководца Абу-Саада. Но, къ удивленію, Абу-Саадъ оказался побѣжденнымъ и убитымъ армянами ¹⁾. Съ этихъ поръ начинается интересный эпизодъ, отлично рисующій положеніе этого времени, а именно эпизодъ нашествія Буги ²⁾.

Узнавъ о гибели Абу-Саада, халифъ Мутаваккиль снарядилъ новое войско, которое должно было навсегда смирить мятежную страну, и поручилъ командованіе надъ нимъ своему рабу, родомъ турку, Бугѣ. Буга былъ чрезвычайно энергичный и жестокій человекъ, достойная креатура такого тирана, какъ Мутаваккиль. Арабы въ своихъ набѣгахъ все-же отличались нѣкоторою гуманностью, но крайней мѣрѣ, они въ большинствѣ случаевъ удовлетворялись податью или хараджемъ. Буга же былъ неумолимъ; впрочемъ, и данныя ему инструкціи не были мягкими. Отправляя его, халифъ далъ ему повелѣніе обезоружить и избить все годное для военныхъ цѣлей населеніе, а знать обратить въ мусульманство и увезти въ Багдадъ. Буга въ точности исполнилъ это безчеловѣчное приказаніе. Быстро онъ явился въ Двинѣ, захватилъ всю знать въ плѣнъ и сталъ грабить

¹⁾ S. *Martin*, Mémoires sur l'Arménie, t. I, p. 338 etc.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 13. *Гома Ариуни*, III, 8—14. *Beladsori*, Liber expugnationis regionum, г лава объ Арменіи.

и опустошать страну. Отсюда онъ двинулся въ Васпураканъ, но здѣсь нашелъ неожиданный отпоръ. Ашотъ Арцруни встрѣтилъ его во главѣ войска и нахараровъ, однако былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Уныніе и печаль распространились по Арменіи. Почти все способное къ оружію населеніе было вырѣзано, поля оставались неубранными. Нахарары трепетали за свою безопасность и за самое свое существованіе. И вотъ въ эту критическую минуту Смбагъ Багратидъ, генералиссимусъ и правитель Арменіи, рѣшается на геройскій и великодушный подвигъ. Чтобы спасти страну и населеніе, онъ самъ лично отправляется къ Бугѣ и добровольно передаетъ ему себя и свое владѣніе. Буга осыпаетъ его знаками почтенія, но это не спасаетъ страну, которая въ конецъ опустошается и обезлюдивается, благодаря то тамъ, то сямъ возникающей партизанской войнѣ. Наконецъ, Буга отправился въ Багдадъ, ведя съ собою и несчастнаго правителя Арменіи. Здѣсь безчеловѣчный Мутаваккиль, по своему обыкновенію, замучилъ его смертью мученика.

Послѣ смерти Смбага все представляло изъ себя полную анархію, и лишь его сынъ Ашотъ да Арцруни представляли пункты, около которыхъ группировалась Арменія. Въ ихъ рукахъ должна была объединиться страна, предоставленная до сихъ поръ своей жестокой участи.

III. Географическій очеркъ Арменіи эпохи Багратидовъ и торговые пути въ странѣ.

Свѣдѣнія о географіи Арменіи эпохи Багратидовъ мы находимъ въ разбросанномъ видѣ у вышеуказанныхъ армянскихъ авторовъ и въ болѣе систематическомъ порядкѣ у арабскихъ географовъ Ибнъ-Хордадбѣ, Ель-Истахри, Ибнъ-Хаукаля, Ель-Мукадесси, Ель-Хамадани и Белазури. Поставимъ впереди арабовъ, такъ какъ они передаютъ намъ то, что находили въ официальномъ извѣстномъ перечнѣ странъ халифата, а затѣмъ перейдемъ къ свѣдѣніямъ національныхъ авторовъ. Первый изъ географовъ, Ибнъ-Хордадбѣ, дѣлитъ Арменію на четыре главныхъ части. Къ первой онъ причисляетъ Сисджанъ, Ерранъ, Бидлисъ, Бердаа, Бейлаканъ, Филе и Ширванъ. Изъ этого перечня видно, что Ибнъ-Хордадбѣ подъ первую Арменіей разумѣлъ цѣлыхъ три страны: Албанію съ армянскими князьями во главѣ, Ширванъ съ мусульманскою династіей и часть собственно Арменіи, къ которой слѣдуетъ причислить одни Сисджанъ,

Бидлисъ и Бейлаканъ. Филе, вѣроятно, та загадочная страна Филанъ-шаха, которая до сихъ поръ нигдѣ не найдена и которая, судя по положенію окружающихъ мѣстъ, есть Кабала арабовъ и Капала Моисея Каганкатваци. Это опредѣленіе первой Арменіи нѣсколько исправляетъ двойное дѣленіе Белазури, у котораго первая Арменія состоитъ изъ Сисджана и Еррана или Сисджана, Еррана и Тифлиса. О двухъ первыхъ онъ говоритъ, что они находятся во власти хазаръ. Слѣдовательно, свѣдѣнія этого писателя относятся къ самой начальной эпохѣ Багратидовъ. Ель-Хамадани считаетъ первую Арменію исключительно Алабанію и Ширванъ, считая послѣднюю состоящей изъ Бейлакана, Кабалы и Ширвана.

Во II-й Арменіи Ибнъ-Хордадбѣзъ называетъ Хазаранъ, Согдебиль, Бабъ-Фирузъ и Курръ; Белазури—въ одномъ дѣленіи Джурзанъ, а въ другомъ—Сираджъ-тейръ, Багревандъ, Дебиль и Бусфурджанъ; Ель-Хамадани—Джурзанъ, Согдебиль, Бабъ-Фирузъ-Кобадъ и Лакзъ. Изъ этого перечня видно, что Джурзанъ и Хазаранъ, Курръ и Лакзъ—названія однихъ и тѣхъ же мѣстностей. Слѣдовательно, второю Арменіей арабы считали Васпураканъ, большую часть Арарата и мѣстности отсюда до Куры. Въ III-ей Арменіи у Ибнъ-Хордадбѣзъ—Сефурджанъ, Дебиль, Сираджъ-Тейръ, Бирзендъ и Нешва, у Белазури—Каликала, Хилать, Арджишъ и Баджунейсъ, у Ель-Хамадани—Бусфурджанъ, Дебиль, Сираджъ-Тейръ и Багревандъ и Нешва. Изъ этого перечня опять видно, что относительно II и III Арменіи арабы часто путались, такъ какъ обѣ онѣ составляли части однихъ и тѣхъ же Арарата и Васпуракана, и что подъ Бирзендомъ и Багревандомъ нужно опять понимать одну и ту же мѣстность. Наконецъ, четвертою Арменіей Ибнъ-Хордадбѣзъ считаетъ Шимшатъ, Хилать, Каликалу, Арджишъ и Баджунейсъ; Белазури и Ель-Хамадани тоже согласны съ этимъ опредѣленіемъ. Однако всѣ эти названія останутся непонятными, если мы не сообщимъ ихъ армянскихъ эквивалентовъ:

Сисдшанъ-Сисаканъ.

Бидлисъ-Бидлисъ.

Филе-Кабала-Капала.

Хазаранъ-Джурзанъ—близъ Тифлиса.

Курръ-Лакзъ—?

Багревандъ-Бирзендъ.

Дебиль.

Бусфурджанъ-Сефурджанъ.

Нешва.

Каликала.

Бейлаканъ-Пайтакаранъ.

Тифлисъ-Тифлисъ.

Согдебиль—?

Бабъ-Фирузъ Кобадъ-Перошъ-Кавать.

Сираджъ-Тейръ—?

Багревандъ.

Двинъ.

Васпураканъ.

Нахичеванъ.

Каринъ, Ерзерумъ.

Хилать.
Ардшишъ.

Бадшунейсъ.
Шимшатъ.

Хлатъ.
Арджавшъ, Арджуджъ, у Хоренскаго
м. 6. Арчшакъ-овить.
Бушуникъ въ Васпураканѣ.
Самосата.

Что же касается до армянскихъ источниковъ, то отъ эпохи Багратидовъ до насъ не дошло ни одной географіи Арменіи. Географія, приписываемая Хоренскому, и хотя ему не принадлежащая, но составленная гораздо раньше нашей эпохи, дѣлитъ Арменію на двѣ главныхъ части—на Малую и Великую. Вся Малая Арменія въ эпоху Багратидовъ принадлежала Византіи, отчего она и не указывается у арабскихъ писателей, описывающихъ лишь владѣнія мусульманскія. Исключеніе составляла одна Самосата, которая составляла то часть византійской, то арабо-багратидской Арменіи. Великую Арменію армянская географія дѣлитъ на Верхнюю, Четвертую, Ахцникъ, Туруберанъ, Мокъ, Корчайкъ, Персъ-Арменію, Васпураканъ, Арцахъ, Сюникъ, Пайтакаранъ, Ути, Гугаркъ, Тайкъ и Араратъ. Изъ этихъ названій въ эпоху Багратидовъ сохранялись Ахцникъ, Мокъ, Васпураканъ, Сюникъ, Ути, Гугаркъ и Тайкъ. Верхняя Арменія, названіе которой уже исчезло изъ употребленія, частью принадлежала Багратидамъ, какъ Даранаги, куда ѣздили для осмотра пещеры Мани Іоаннъ Католикосъ, а частью Византіи, какъ Каринъ. Сперъ былъ родиной династіи Багратидовъ, какъ мы это говорили, но такъ какъ о немъ въ эпоху ихъ царствованія нѣтъ упоминаній, то надобно думать, что они имъ уже не владѣли. Названіе „Четвертая Арменія“ еще извѣстно Стефану Асогику, но, вѣроятно, болѣе по привычкѣ. Большая часть ея носила названіе области Неферкерта вмѣсто древняго Цопка и принадлежала эмирамъ Маназкерта. Ахцникъ составлялъ владѣнія Багратидскаго дома. Часть Туруберана на востокъ отъ озера Вана принадлежала фамиліи Арцруни и не носила уже особаго названія, а страна на западъ отъ озера, то-есть, Таронъ—составляла сначала особое владѣніе, а потомъ стала принадлежать Византіи. Мокъ и одна часть Корчайка, тоже потерявшего свое названіе, принадлежала Багратидамъ, а другая часть, именно малый Агбакъ. Арцруни. Изъ Персъ-Арменіи упоминаются теперь лишь Ерца, Херъ и Заревандъ, принадлежавшіе Арцруни. Самъ Васпураканъ распался на множество отдѣльных владѣній. Большая часть его принадлежала Арцруни, но съ другой стороны Маназкертъ и Беркри составляли особое владѣніе эмировъ, какъ и Гогтенъ. По Өомѣ Арцруни ¹⁾

¹⁾ *Бома Арцруни*, III, 29.

слѣдующія области здѣсь принадлежали Арцруни: Човашъ, Торгаванъ, Артазъ, Мардастанъ, Гарни, Арберани, Агандротъ, Палуникъ, Мецнуни, Тосбъ-Рештуни, Богуникъ, Гугавъ Арташезіанъ, Куганъ-овитъ, Арчишакъ-овитъ, Арной-отъ, Агбагъ, Аке и Тагріанъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить не упоминаемые у Хоренскаго Баргиловитъ и Крджуникъ. Сюникъ, который распался на провинціи собственно Сюникъ, Багкъ, Вайодзоръ и Чахукъ, принадлежалъ весь Багратидамъ, хотя династы здѣсь были почти независимы. Арцахъ носилъ названіе Сисакана и принадлежалъ также Багратидамъ, какъ и Ути и Гугаркъ, изъ котораго выдѣлилась особая провинція Таширъ. Тайкъ составлялъ особое владѣніе съ куропалатомъ во главѣ. Главною артеріею Арменіи попрежнему оставался Арарать. Здѣсь лежали старая и новая столицы—Двинъ и Ани, усыпальница первыхъ Багратидовъ—Багаранъ и ихъ убѣжище—Еразговоръ, но и эта страна распалась на отдѣльныя провинціи. Такъ упоминаются—Аршаруникъ, Ашощкъ, Багревандъ, Ванандъ, Двинъ, Ерасхадзоръ, Коговитъ, Никъ и Цагкотенъ. Изъ нихъ Ванандъ и Двинъ составили послѣ особыя владѣнія: первое, составившее особое царство, и второе, управляемое мусульманскими эмирами. Остальное принадлежало Багратидамъ. Такимъ образомъ ихъ владѣнія состояли изъ большей части Арарата, Ути, Гугарка, Сисакана, Сюника, Мока, Агдзника и частей Верхней, Пайтакарана и Корчайка; большая же часть Васпуракана и части Турубера, Корчайка и Персъ-Арменіи принадлежали фамиліи Арцруни. Остальное представляло самостоятельныя владѣнія, изъ которыхъ даже одно, Апахуникъ, было занято тюркскимъ племенемъ Кайзиковъ (Турубера). Армянскіе историки приводятъ массу названій различныхъ мѣстечекъ и укрѣпленій въ этихъ предѣлахъ. Упомянуть ихъ здѣсь мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ, во первыхъ, они встрѣтятся при самомъ изложеніи, а, во вторыхъ, масса ихъ даже не можетъ быть опредѣлена, другія же хорошо извѣстны изъ географіи Хоренскаго. Мы здѣсь представимъ въ общемъ изложеніи свѣдѣнія арабскихъ авторовъ о торговыхъ и, слѣдовательно, и стратегическихъ путяхъ въ странѣ, о торговлѣ и ея особенностяхъ.

Ибнъ-Хордадбзъ, офиціальныи почтъ-директоръ, указываетъ слѣдующіе пути въ Арменіи:

Варсанъ-Бердаа-Мансуръ.	12 дневныхъ переходовъ.
Бердаа-Тифльсъ	10
Бердаа-Дербендъ	15
Бердаа-Дебиль.	7
Меренъ-Дара.	10

Дара-Нешва.	20 фарсавговъ.	} Пути, суще- ствовавшіе и въ эпоху Сассани- довъ.
Дара-Ардебиль.	20	
Варсанъ-Кубанъ	3	
Варсанъ-Ширванъ	7	
Варсанъ-Бердаа	3	
Бедлъ-Бердаа	30	

У Ель-Истахри и Ибнъ-Хаукаля изложеніе путей гораздо яснѣе и опредѣленнѣе. Такъ, по нимъ изъ Ардебилѣ шло два пути—одинъ черезъ Бирзэндъ, Балхабъ, Варсанъ, Бейлаканъ и Юнанъ въ Бердаа; другой чрезъ Курсера, Марагу, Урмію, Селмасъ, Хой, Беркари, Арджишъ, Хилатъ, Бедлисъ, Неферкертъ въ Амидъ. Изъ Бирзенда или Багреванда шель путь чрезъ Шемахи, Ширванъ, Абхазъ, Самурскій мостъ къ Дербенду; изъ Бердаа чрезъ Ганджу, Шамкоръ, Хунанъ, Кала въ Тифлисъ и чрезъ Калкатусъ, Матрисъ, Давмисъ, Кейлакуинъ и Сисаканъ въ Двинъ. Эти же авторы указываютъ какъ и кратчайшіе пути изъ Бердаа въ Ардебиль, Двинъ и Тифлисъ, такъ и тѣ, по которымъ совершались набѣги на Арменію изъ Азербейджана, какъ изъ Харрана чрезъ Марагу, Шимшатъ и Сумейсатъ въ Малатіе (изъ Самосаты въ Мелитену); изъ Мараги въ Двинъ, Урмію, Селмасъ, Хой, Нешаве и оттуда прямо въ Двинъ и, наконецъ, изъ Мараги въ Динаверъ. Ель-Мукадесси подтверждаетъ эти указанія, но показываетъ еще дороги изъ Килава или Кейлакуина чрезъ Двинъ, Хой, Селмасъ, Урмію, Дахерраканъ, Марагу въ Ардебиль; изъ Хоя чрезъ Юнисъ, Тифлисъ, Тила, Шекки и Лакъ въ Дербендъ и изъ Мараги черезъ Кандаріе и Каріе въ Шамкоръ. Изъ массы этихъ географическихъ именъ многія тождественны съ армянскими, но многія остаются совершенно неизвѣстными, и армянскіе писатели или ничего о нихъ не говорятъ, или, вѣроятно, называютъ ихъ совѣмъ другими названіями. Изъ всего этого перечня ясно выступаетъ тотъ фактъ, что главными торговыми пунктами страны были Дебиль и Бердаа (Партавъ), и что отъ нихъ товары шли къ Дербенду и Ардебилу и обратно. Сюда же необходимо прибавить Трапезундъ, гдѣ происходила главная торговля Византіи съ Кавказомъ. Описывать Дербендъ, Ардебиль и даже Бердаа—не наша задача, такъ какъ они въ нашу эпоху не принадлежали Арменіи. Мы начнемъ съ Дебиля, покажемъ, какіе товары тамъ скоплялись, и перейдемъ къ описанію передаточныхъ торговыхъ пунктовъ въ сочиненіяхъ арабскихъ писателей. Дебиль, или Двинъ,—говоритъ Ель-Мукадесси.—знаменитый городъ съ неприступною крѣпостью, въ которой много всякаго добра, имя города знаменито, и въ немъ славятся суфи (мистическая мусуль-

манская секта). Рѣка въ немъ обильна водою и окаймлена огородами красиваго предмѣстья, крѣпость въ городѣ сильная, рынки лежатъ на перекресткахъ, воздѣланная его земля способна возбудить удивленіе, главная мечеть находится на большомъ холмѣ; вблизи же ея христіанскій храмъ, которымъ владѣютъ курды; при немъ есть замокъ. Жители строятъ зданія изъ глины и камня, въ городѣ множество воротъ, изъ которыхъ замѣчательны: Киндарскія, Тифлисскія и Алійскія. Преобладающее населеніе составляютъ христіане, но теперь жители города покорились, и крѣпость ихъ разрушена. Далѣе Ель-Мукадесси указываетъ, что въ Двинѣ процвѣтало производство шерстяныхъ одеждъ, ковровъ, подушекъ, матерій для паланкиновъ, и что въ 3 фарсангахъ отъ этого города находится монастырь, выстроенный изъ бѣлаго тесаннаго камня въ видѣ конуса. Входъ въ него,—говоритъ онъ,—состоитъ изъ 8 воротъ, раздѣленныхъ столбами; вдали же отъ входа находятся иконы, и онѣ поставлены такъ, что, изъ какихъ воротъ ни войдешь, вездѣ увидишь вдали изображеніе. На западъ отъ монастыря находится скала, дающая цѣлительное масло. Въ этой области,—прибавляетъ этотъ замѣчательный авторъ,—водится карминъ—это червь, появляющійся въ землѣ. Когда онъ оттуда выползаетъ, его убиваютъ густымъ дымомъ и потомъ обрабатываютъ въ печахъ (кавказская пуря). Всѣ эти свѣдѣнія дополняетъ Ель-Истахри, который говоритъ, что Дебилъ больше Ардебиля, и указываетъ на производство тамъ парчи. Эти товары развозились по вышеуказаннымъ путямъ. Что же касается до предметовъ ввоза, то, по Ель-Истахри, изъ Трапезунта доставлялись въ Двинъ парча и византійскія ткани и, по Ель-Мукадесси, изъ Дербенда—полотняныя одежды, тонкія ткани, шафранъ и превосходные мулы и изъ Бердаа, какъ главнаго рынка, шелковыя матеріи, фрукты и рыба. Кромѣ того, по Ибнъ-Хаукалю, по всей Арменіи была набѣяна масса марены, которая отсюда развозилась по всему Востоку. Изъ передаточныхъ рынковъ Ибнъ-Хаукаль указываетъ на Варсанъ съ рѣками и каравансараями. Курсера, гдѣ торговали бязью, спеціями, индиго, ароматами, уксусомъ, утварью, золотомъ, серебромъ, лошадьми, мулами, ослами, быками и овцами, Сера и Хунеджъ, гдѣ торговый оборотъ простирался до суммы въ милліонъ дирхемовъ, а прибыль до 100 тыс. динаровъ. Изъ этому Ель-Мукадесси прибавляетъ описаніе рынковъ въ Хилатѣ и Урміи. Вотъ въ какомъ положеніи была страна въ самую тяжелую для нея эпоху, во время Сибата I; о слѣдующихъ эпохахъ арабскіе географы не сообщаютъ никакихъ особыхъ свѣдѣній, такъ какъ

позднѣе они всѣ—компиляторы авторовъ X столѣтія, о чемъ нельзя не пожалѣть историку.

Во вторую половину Багратидскаго правленія, когда Двинъ сталъ мусульманскимъ достояніемъ, главною артеріей страны сталъ до тѣхъ поръ незначительный Ани. Считаемо нужнымъ сообщить нѣсколько словъ объ этомъ важномъ пунктѣ по описаніямъ путешественниковъ и даннымъ армянскихъ писателей. Ани, этотъ главный типъ позднѣйшихъ Багратидскихъ городовъ, былъ выстроенъ на возвышенномъ плато между Ахурианомъ или Арпа-чаемъ и Аладжа-чаемъ. Вся эта мѣстность испещрена троглодитскими пещерами, если только эти пещеры принадлежатъ дѣйствительно троглодитамъ. Верхняя часть плато была обведена двумя крѣпостными стѣнами—главною съ воротами и башнями и низенькою впереди, которая, вѣроятно, служила мѣстомъ или бастіономъ для прицѣлки стрѣлковъ изъ лука. Башенъ было очень много, и всѣ онѣ были снабжены лучными бойницами и, вѣроятно, исключительно были назначены для стрѣлковъ, такъ какъ бойницъ по стѣнамъ не было. Всѣ стѣны были покрыты разнообразными украшеніями, а въ мѣстахъ болѣе доступныхъ находились въ башняхъ большія амбразуры для балистъ. Въ теперешнемъ своемъ положеніи внутренность этой огады наполнена развалинами церкви и мечетей; изъ развалинъ домовъ сохранились одни дворцы. Это заставляетъ предполагать, что прочія постройки были простыми кавказскими саклями, разрушившимися отъ времени; улицъ, какъ видно, не существовало никакихъ. Все это указываетъ, что Ани не былъ такою великолѣпною столицею, какъ о ней говорятъ армянскіе историки, и что это просто было царское мѣстопребываніе, укрѣпленное гнѣздо, какъ и всѣ города того времени, и что онъ никогда не могъ соперничать съ прежнею столицею, Двиномъ, центромъ торговли и промышленности.

IV. Арменія въ эпоху Ашота I.

(859—889). Михаилъ Пяпица (до 867). Василій Македонянинъ (867—886). Левъ Мудрый (отъ 886). Мутаваккиль. Мустансиръ (861). Мустейнъ-Біла (862—866). Мутаъ (866—869). Мутеди-Біла (869—870). Мутамадъ (870—892).

Почти спустя четыре съ половиною столѣтія послѣ паденія царства Аршакидовъ въ Арменіи вновь воскресло единовластіе въ странѣ въ лицѣ Ашота I Багратиды. Мы уже говорили въ предыдущихъ главахъ, какъ единовластіе подготовлялось постепенно, и видѣли, что

крайне тяжелое положеніе заставляло искать выхода на пути къ полному освобожденію отъ чуждаго ига; нуженъ былъ только рѣшительный толчокъ. Онъ заключался въ самыхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Послѣ смерти халифа Васика-Билла, сильно интересовавшагося Кавказомъ и посылавшаго туда даже научныя экспедиціи ¹⁾, халифатъ арабовъ сталъ быстро клониться къ упадку. Халифы Багдада стали перемѣняться чуть не каждый годъ, и при томъ между ними нерѣдко попадались самые безчеловѣчные деспоты. Этотъ періодъ началъ тотъ Мутаваккиль, о которомъ мы уже говорили, своего рода арабскій Неронъ. Жестокость его превзошла всякую мѣру: такъ, чтобы наказать визири, онъ его сжигалъ живьемъ, дворецъ свой онъ наполнилъ дикими звѣрями и змѣями и не позволялъ своимъ придворнымъ ни бѣжать отъ нихъ, ни обороняться. Боясь безпрестанно заговора, Мутаваккиль позвалъ разъ всѣхъ своихъ придворныхъ на обѣдъ и произвелъ здѣсь всеобщее избіеніе, въ которомъ и самъ участвовалъ. Страхъ за собственную жизнь принудилъ его роднаго сына къ убійству жестокаго отца, но и Мустансиръ, какъ звали его, не выжилъ долго, такъ какъ умеръ въ годъ же своего воцаренія отъ печали и угрызений совѣсти. Слѣдующимъ халифомъ былъ Мустейнъ-Билла, занимавшій тронъ около трехъ лѣтъ. Турецкая стража Багдада, учрежденная еще халифомъ Мутассимомъ, стала распорядиться трономъ по своему произволу. Она стала тѣмъ же, чѣмъ были въ Римѣ преторьянцы ²⁾. Не трудно понять, какъ легко было въ это время образоваться самостоятельному Армянскому царству, тѣмъ болѣе, что въ эту самую эпоху изъ одряхлѣвшаго халифата образовалось не мало отдѣльныхъ владѣній, какъ владѣнія Саффаридовъ, Саманидовъ и Тулонидовъ. Халифату пока оставались Аравія, Джезире, Иракъ-Аджемъ, Азербейджанъ, Арменія, провинціи при Каспѣ, провинціи при Индѣйскомъ океанѣ и Иракъ-Араби, но и эти области защищать было очень трудно. Тохариды и Саффариды угрожали халифату изъ Хорасана и Табаристана ³⁾. Чтобы обезопасить себя съ этой стороны, халифатъ рѣшился создать вассальное и благодарное царство на Кавказѣ, которое бы по вѣрѣ было въ корнѣ враждебно шиизму, и такимъ царствомъ явилось государство Багратидовъ, въ которомъ съ

¹⁾ См. свѣдѣнія объ экспедиціи Селлама у Ибнъ-Хордадбѣ (*Journal Asiatique*, 1865).

²⁾ *Sedillot*, Histoire des arabes, t. I, p. 246.

³⁾ *Sedillot*, Histoire des arabes, t. I, p. 253.

этою же цѣлью халифатъ задумалъ соединить всѣ силы Кавказа и направить ихъ противъ шиизма. Мы увидимъ, какъ не ошиблись визири халифовъ.

Еще не окончился трауръ по спарапетѣ Арменіи, Смбаѣ, какъ сынъ его, Ашотъ, получилъ отъ правителя Арменіи и Адербейджана, Али Армени, титулъ князя князей Арменіи ¹⁾. Этотъ титулъ лучше всего объясняетъ, каково было тогда положеніе страны. Еще въ эпоху управленія пареянскаго дома Аршакидовъ Арменія, какъ мы уже говорили, получила совершенно пареянское устройство. Такъ какъ вездѣ пареяне оставляли туземныхъ царьковъ, переименовывая ихъ лишь въ сатраповъ, то и въ Арменіи были ими оставлены всѣ мѣстные мелкіе владѣтели, при чемъ царь являлся лишь ихъ сюзереномъ. Послѣ паденія Аршакидскаго дома Арменія подъ главенствомъ арабовъ, потерявъ царя, сохранила всѣхъ своихъ мелкихъ владѣтелей. Завоеватели пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы господствовать надъ страной. Армянскіе патриціи,—говоритъ Ель-Белазури ²⁾,—существовали въ этой странѣ испоконъ вѣку. Каждый изъ нихъ защищалъ свою страну. Если же какой либо правитель арабовъ,—продолжаетъ онъ,—появлялся въ пограничной мѣстности, то они старались его провести; если же видѣли, что онъ человѣкъ воздержный, то прекращали съ нимъ всякое сношеніе; если же видѣли, что онъ могущественъ, то платили ему подать и изъявляли покорность. При такихъ отношеніяхъ арабы могли владѣть страной только подъ условіемъ разногласій и ссоръ между мѣстными правителями. Фактически главою являлся одинъ католикосъ, и это очень рано поняли арабы, стараясь въ важныхъ случаяхъ или взять въ плѣнъ это лицо, или его принизить. Такимъ образомъ Ашоту досталось чрезвычайно странное владѣніе. Огромная область отъ крайнихъ границъ Ванскаго округа до самаго Аракса—Васпураканъ—ему не принадлежала совсѣмъ, такъ какъ тамъ фактически владычествовала фамилія Арцруни; Сюникъ, область между Араксомъ и верхнею частью Севанги, принадлежала потомкамъ владѣтеля Григорія Суфана; Андзеваци, Мокъ и другія владѣнія были въ рукахъ князей или ишхановъ. Ашотъ явился жалкимъ царемъ, въ родѣ первыхъ Капетинговъ во Франціи, сдѣлался какимъ-то посредникомъ между халифатомъ и князьями. Но у него оказалась въ рукахъ неожиданная сила—расположеніе духо-

¹⁾ *Иоаннъ Католикосъ*, глава 16.

²⁾ *Beladursi, Liber expugnationis regionum*, глава объ Арменіи.

венства съ католикомомъ во главѣ; въ этихъ кругахъ дѣлѣли мечту о возвращеніи того славнаго прошлаго, которое рушилось съ послѣднимъ Аршакидомъ, мечту о восстановленіи древняго царства. Были и другіе элементы, на которые можно было опереться въ стремленіи къ такой цѣли. Множество шихановъ было уведено въ плѣнъ еще Бугою, и многіе изъ нихъ приняли въ плѣну мусульманство. Теперь они воротились, но не воротилась ихъ прежняя сила, подломленная въ корень отвращеніемъ къ нимъ населенія, никогда не прощавшаго никому ренегатства. Такимъ образомъ Ашотъ могъ опираться, кромѣ духовенства, и на волю народную. Времена были тяжкія. Двинъ, столицу Арменіи, полуразрушило страшное землетрясеніе; каждый имѣлъ тамъ или родственника или друга; утѣшенія, а тѣмъ паче денежной помощи искать было не откуда, и взоры измученнаго народа сами собою остановились на восходящей звѣздѣ—Ашотѣ Багратидѣ ¹⁾).

Но до исполненія надеждъ на лучшее будущее было еще далеко; новыя бѣдствія посѣтили страну. Чаханъ, предводитель тюркскаго племени Кайзиковъ, населявшихъ область Апахуникъ на сѣверо-востокѣ Ванскаго озера, прошелъ огнемъ и мечемъ по областямъ Ашота. Братъ правителя, Абасъ, встрѣтилъ его возлѣ Аракса съ ничтожными силами и разбилъ на голову ²⁾). Хотя это почти единственное событіе такого рода въ эту эпоху, о которомъ говорятъ армянскіе историки, но можно думать, что подобныхъ набѣговъ было гораздо болѣе. Ашотъ, видя все это, привился дѣятельно за объединеніе Арменіи. Онъ посадилъ свояка, Васака Бакура, ишханомъ Сюника, тѣмъ обезопасилъ себя съ востока, хотя и не надолго, такъ какъ Суфаны вскорѣ опять воротились въ лицѣ Григорія Суфана; далѣе Ашотъ создалъ нѣкотораго рода правильно организованную, хотя небольшую дружину, поручивъ ее своему брату Абасу со званіемъ великаго спарапета, а послѣ смерти католикаса Захаріи онъ посадилъ на его мѣсто вполнѣ ему преданнаго Георгія, родомъ изъ Гарни ³⁾). Параллельно съ этою централизацией, или скорѣе съ этимъ подготовленіемъ централизациі, идетъ другое политическое движеніе въ Васпураканѣ со стороны фамиліи Арцруни.

Въ Азербейджанѣ послѣ Буги распоряжался сынъ его Муса. Противъ него возмущались жители Казвина, и пришлось выслать про-

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 16.

²⁾ *Brosset, Samouel d'Ani*, p. 427, 429.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 17.

тивъ города военный отрядъ. Между предводителями отряда и между солдатами находились плѣнные Бугою армяне и среди нихъ извѣстный Ашотъ Арцруни. За услуги, оказанныя имъ въ усмиреніи возстанія, Муса отправилъ Ашота и его брата въ Васпураканъ, снисходя къ притязаніямъ рода на главенство Арменіи. Населеніе встрѣтило своихъ давнишнихъ господъ съ восторгомъ¹⁾. Ашотъ I не былъ въ это время на столько силенъ, чтобы бороться съ Арцруни, которые, надобно полагать, даже временно признали его номинальное верховенство, но уже тогда замѣчалось, что антагонизмъ между ними долженъ былъ разгорѣться хоть бы въ силу того, что Васпураканское владѣніе было основано Буидами, враждебными халифату. И вотъ Ашотъ Арцруни началъ округлять свои владѣнія. Онъ напалъ на Гургена Андзеваци, но потерпѣлъ полное пораженіе, такъ какъ не имѣлъ еще правильно организованной военной силы. Тутъ въ первый разъ въ дѣло вмѣшались Багратиды, желая выказать свое право быть посредниками между князьями, и благодаря имъ дѣло уладилось мирно²⁾. Тогда Ашотъ Арцруни обратился въ другую сторону Васпуракана—къ неприступной крѣпости Амюку у Ванскаго озера, занятой тюркскимъ племенемъ усманиковъ. Такая попытка не понравилась халифату, и полководецъ арабскихъ войскъ въ Арменіи Иса-ибнъ-Шейхъ-Амиди подкрѣпилъ гарнизонъ Амюка 15.000 корпусомъ. Не смотря на отчаянныя усилія, и здѣсь Ашотъ долженъ былъ отступить. Такимъ образомъ всѣ попытки Арцруни были неудачны, и Ашотъ I могъ бы воспользоваться моментомъ, чтобы захватить себѣ Васпураканъ, но тогда онъ еще не имѣлъ твердой и прочной опоры³⁾. Послѣ смерти Ашота Арцруни владѣнія его наследовалъ сынъ его *Григорій Дереникъ*. Изъ примѣра отца онъ могъ видѣть, что изнеможенная страна, которой населеніе разбѣжалось или вымерло, не можетъ бороться, и потому онъ началъ свое правленіе тѣмъ же, чѣмъ Багратиды: онъ сталъ заниматься приведеніемъ своего небольшого владѣнія въ порядокъ, но сейчасъ же встрѣтилъ оппозицію со стороны халифата, желавшаго соединить всю власть въ рукахъ Ашота I. Однако у арабовъ все же не было полного довѣрія и къ своему протеже. Тотъ же Иса-ибнъ-Шейхъ посадилъ для наблюденія за нимъ своего подручника Іаманика въ Бердаа, а самъ

¹⁾ *Өма Арцруни*, III, 16.

²⁾ *Өма Арцруни*, III, 17.

³⁾ *Өма Арцруни*, III, 18.

рѣшили покончить все разомъ полнымъ опустошеніемъ Васпуракана. Оома Арцруни приписываетъ ему планы разоренія всей Арменіи, но тенденціозность Оомы, смотрѣвшаго на факты глазами Арцруни, допускаетъ сомнѣніе. Испуганный Дереникъ вошелъ въ сношенія съ обиженными отъ Багратидовъ нахарарами, и они начали интриговать при дворѣ халифа, прося его прислать имъ, вмѣсто Исы. Ахмеда ибнъ-Халеда. При дворѣ халифовъ въ это время большую силу имѣли происки придворныхъ, и интрига увѣнчалась успѣхомъ: халифъ согласился, но, какъ оказалось, съ особою цѣлью, такъ какъ Ахмедъ получилъ тайно приказаніе дѣйствовать въ духѣ Исы ¹⁾). Григорій Дереникъ видѣлъ, что положеніе его трудно и почти безвыходно, и обратился опять къ политикѣ Ашота—политикѣ завоеванія. Онъ присоединилъ къ своей области Херъ и Заревандъ, но погибъ измѣннически у города Хера ²⁾). Такимъ образомъ изъ всего тогдашняго хода событій было видно, что будущность Арменіи всецѣло зависѣла отъ однихъ Багратидовъ.

Багратидскій домъ въ это время сталъ играть ту же роль, какую играли раньше на Кавказѣ Аршакиды. Въ Мингреліи и Иверіи царствовали Багратиды, и потому халифатъ могъ совершенно справедливо надѣяться на возможность созданія цѣлаго царства, вполне обязаннаго ему и могущаго обуздывать окружающихъ хищниковъ. И вотъ онъ подноситъ Ашоту I царскую корону въ 885 году ³⁾; этотъ фактъ, конечно, вовсе не означалъ полнаго отдѣленія Арменіи отъ халифата. Окружныя мелкія княжества и царства чутьемъ поняли то громадное значеніе, какое теперь пріобрѣтали Багратиды, и добровольно признали ихъ главенство. Они не прочь были найдти себѣ въ лицѣ ихъ защитниковъ передъ мусульманскою властью, а, можетъ быть, не чужды были идеи о полномъ торжествѣ христіанства и видѣли въ Ашотѣ I залогъ своего избавленія. Колхида, Иверія, владѣнія въ Ути—все слилось воедино, и образовалось федеративное Кавказское царство, которое, какъ мы увидимъ позднѣе, могло уже внушить страхъ арабамъ, не ожидавшимъ такого моментальнаго усиленія. Въ такомъ смыслѣ нужно понимать слова Стефана Асогика, что Ашотъ I побѣдилъ всѣ окружныя народы ⁴⁾). Это была побѣда не си-

¹⁾ Оома Арцруни, III, 19—20.

²⁾ Иоаннъ Католикосъ, глава 18.

³⁾ Иоаннъ Католикосъ, глава 18.

⁴⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 2.

лою оружія, а силою идеи. Въ эту эпоху въ Византіи еще царствовалъ Василій Македонянинъ, родомъ армянинъ ¹⁾. Національное чувство заговорило въ немъ сразу, когда онъ узналъ объ образованіи Кавказскаго царства. Византія уже давно лелѣла мечту подчинить своей власти единовѣрные ей царства Кавказа, что ей никогда прочно не удавалось. Дворъ прельстился возможностью пріобрѣсти себѣ тамъ симпатію дешевымъ способомъ одобренія, и Василій прислалъ отъ себя корону Ашоту I. Такимъ образомъ царство было признано отовсюду фактически.

Этой же эпохѣ Арменія обязана появленіемъ ея трехъ даровитыхъ писателей: Шапура Багратида, Саака Апикурэша и Хамама Аревелци (Восточнаго). Шапуръ Багратидъ ²⁾ написалъ, по словамъ Іоанна Католикоса, исторію Багратидовъ до смерти Ашота I. Въ этомъ любопытномъ произведеніи, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшемъ, по словамъ Іоанна, находилось описаніе нашествія Буги на Арменію и исторія царствованія Ашота I. Іоаннъ Католикосъ сдѣлалъ изъ нея многочисленныя заимствованія. Хотя академикъ Броссе утверждаетъ, что о жизни его ничего неизвѣстно, Шапуръ Багратидъ, какъ сынъ царя, упоминается въ эту эпоху у Оомы Арцруни—одинажды во время войны Арцруни и Андзеваци, другой—во время исторіи Ахмеда ибнъ-Халеда ³⁾. Изъ этихъ указаній можно заключить, что Шапуръ Багратидъ не поддерживалъ тенденцій своего дома, и это, можетъ быть, одна изъ причинъ исчезновенія его сочиненія. Писалъ онъ, по словамъ Іоанна Католикоса, на языкѣ народномъ, то-есть, на одномъ изъ армянскихъ нарѣчій.

Саакъ, по прозванію Апикурэшъ, упоминается Стефаномъ Асогикомъ ⁴⁾, который говоритъ, что онъ написалъ отвѣтное письмо на посланіе Фотія, патріарха Византіи. Посланія Фотія армянскому католикосу Захарію и великому князю Ашоту, равно и отвѣтное письмо составленное Саакомъ Апикурэшомъ въ настоящее время изданы на арм. языкѣ съ русскимъ переводомъ г. Марра въ Сборникѣ Палест.

¹⁾ *Лебо* въ *Histoire du Bas-Empire*, t. XV, l. LXX, p. 31—32 ст. изд., говорить, что Василій былъ родомъ изъ Адрианополя, но не указываетъ точно, что онъ родился тамъ. По свидѣніямъ Стефана Асогика, III, 2, и *Samouel d' Ani*, p. 427, онъ родился въ деревнѣ Тиль Таронской области. Это, вѣроятно, и послужило поводомъ патріарху Фотію создать ему аршакидское происхожденіе.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 15.

³⁾ *Оома Арцруни*, III, 17, 20. *Киракосъ*, пер. *Brosset*, p. 41, n. 6.

⁴⁾ *Стефанъ Асогикъ*, III, 2.

Общ., т. XI, Прилож. VIII—IX, стр. 179—279. Въ извлеченіи посланіе Фотія приводится Варданомъ ¹⁾, который при этомъ и указываетъ, что Саакъ Апикурэшъ получилъ приказаніе отвѣтить на это письмо.

Хамамъ Аревелци былъ тоже изъ духовнаго званія. По словамъ Стефана Асогика ²⁾, онъ написалъ комментарий на притчи Соломоновы, составилъ толкованія на (38 главу) Іова „Кто сей скрываѣй“ и нѣкоторыя части псалтыря и объясненіе грамматики. Какъ замѣчаетъ Самуилъ Анеци ³⁾, онъ былъ человѣкъ всесторонне образованный.

Такимъ образомъ при этомъ изложеніи мы сталкивались съ владѣтельными князьями, съ духовенствомъ; интересно прослѣдить и всю жизнь тогдашняго армянскаго общества, но, къ сожалѣнію, мы не находимъ объ этомъ почти никакихъ указаній. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нахарарской партіи, Ёома Арцруни, о своихъ бывшихъ товарищахъ ⁴⁾: армянскіе князья не признавали никакого божественнаго наказанія, безбожіе, пьянство, развратъ и мужеложство были обыкновеннымъ явленіемъ. Какъ низко пало нравственное чувство нахараровъ, можетъ служить яркимъ примѣромъ исторія Дереника, который схватилъ Ашота, куропалата Тарона, и заперъ его въ Севангѣ, а потомъ отказался его освободить, не смотря на просьбы Католикоса Георгія ⁵⁾. Трудно, однако, сказать положительно, что подобное нравственное состояніе было присуще и всему армянскому народу; но, безъ всякаго сомнѣнія, положеніе его было ужасно. Тревоги извнѣ, притѣсненія нахараровъ, грабежи и захваты—все это представляло скорбный конгломератъ, изъ котораго съ трудомъ пробивались начатки правильнаго устройства. Увѣренія Стефана Асогика о неутомимой дѣятельности Ашота не требуютъ особаго подтвержденія, такъ какъ иначе нельзя было бы себѣ и представить, чтобы первый царь Багратидъ могъ передать власть въ руки своего потомка. Высокая нравственная оцѣнка его личности тоже должна считаться основательною и справедливою, ибо несомнѣнно, что онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ сердца угнетеннаго народа.

¹⁾ Варданъ, русск. пер., стр. 104. *Samouel d'Ani*, p. 428.

²⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 2.

³⁾ *Samouel d'Ani*, p. 429.

⁴⁾ Ёома Арцруни, III, 18.

⁵⁾ Ёома Арцруни, III, 20.

V. Арменія въ эпоху Сибата I.

890—914. Левъ Мудрый (до 911). Александръ (911—912). Константинъ VI Багрянородный. Мутамель (до 892). Мутедиль (892—902). Муктефи (902—908). Муктедиль (908—932).

Въ 889 году подвигался къ крѣпости Багарану печальный эскортъ. Носильщики въ разукрашенномъ платьѣ несли на вѣки охладѣвшее тѣло основателя Армянскаго царства, отряды его постоянного войска охраняли святыню, пѣніе псалмовъ католикоса и духовенства смѣшивалось съ воемъ наемныхъ плакальщицъ и плачемъ народа, хоронившаго того, кто даровалъ ему на минуту покой и отдыхъ. За трупомъ шло три сына Ашота; старшаго между ними, Сибата, не было, такъ какъ онъ воевалъ тогда въ Гугаркѣ и, подчинивъ эту область царству, отдыхалъ въ Еразговорѣ, въ Ширакской области ¹⁾. Представлялся вопросъ, что же будетъ съ осиротѣлымъ молодымъ царствомъ? Между тѣмъ среди царской фамилии готовилась междоусобная война. Абасъ, бывший начальникомъ армянской арміи или спарпетомъ, тотъ Абасъ, который дрался съ кайзиками, склонилъ на свою сторону постоянный отрядъ Багратидскаго войска и рѣшился отнять власть у законнаго наследника. Это предвидѣлъ Атернерсехъ, царь Иверіи, и, боясь Абаса, отличавшагося своимъ крутымъ и гордымъ характеромъ, первый перешелъ на сторону Сибата, который съ гугаркской арміею двигался къ Вананду, чтобы принять тамъ царскія регаліи. Войска, съ одной стороны, Абаса, а съ другой—Сибата и Атернерсеха начали опустошать страну. Тогда патриотическій духъ проснулся въ духовенствѣ, и католикосъ Георгій первый принялся за примиреніе враждующихъ противниковъ. Хитрый Абасъ воспользовался случаемъ, чтобы усилиться, и выпросилъ у Сибата, какъ бы въ залогъ примиренія, двѣ важныхъ крѣпости. И вдругъ послѣ заключенія мира онъ бросается въ Ширакъ, но, не надѣясь на свои силы, да и боясь боя въ открытомъ полѣ, запирается въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ. Войска Сибата осадили укрѣпленіе, но, какъ надобно думать, царь Арменіи не отважился на рѣшительный шагъ и, удовольствовавшись номинально покорностью своего дяди, возвратилъ ему его владѣнія и воротился. Въ это самое время отъ арабскаго правителя Азербейджана, Афшина, получается царская корона Сибату. Хали-

¹⁾ *Иоаннъ Католикосъ*, глава 20.

фать въ это время продолжалъ понемногу распадаться. Нѣкогда любимецъ халифа Мутасима, энергичный боецъ противъ сектатора Перси, Баба, потомъ самъ склонившійся къ зороастризму и за это подвергшійся немилости, Афшинъ почти неограниченно правилъ Азербейджаномъ. но въ этомъ случаѣ руководился мыслью халифа, который желалъ отдалить Армению отъ византійскаго вліянія. Католикосъ Георгій, пользуясь такимъ прекраснымъ предлогомъ для упроченія царства въ рукахъ Багратидовъ, торжественно короновалъ Смба, не смотря на то, что въ странѣ были партіи; особенно партія нахараровъ, которые далеко были несогласны съ этимъ. Плоды этого обнаружались тотчасъ же. Абасъ, затаившій ненависть къ племяннику до поры до времени, но, совершенно теперь обезсиленный въ военномъ отношеніи, рѣшился, по крайней мѣрѣ, погубить патріарха, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на виновника своихъ бѣдствій. Надобно думать, что этотъ шагъ былъ заранѣе обдуманъ, что Абасъ надѣялся посадить на патріаршій тронъ лице, себѣ преданное. Но для достиженія цѣли ему, конечно, нужно было такое лицо, которое могло бы имѣть авторитетъ въ глазахъ народа. Такое лицо онъ нашелъ довольно скоро ¹⁾).

Это былъ Маштоцъ. Тонкій, съ впалыми глазами, босой, въ изодранномъ и кишащемъ нечистью платѣ, онъ жилъ въ глубокомъ уединеніи на островѣ Севанга. Погруженный въ вѣчное созерцаніе Божества и въ мысли о религіозной философіи, онъ сорокъ лѣтъ пытался одною травой и изнурялъ свое хилое тѣло подвигами суроваго аскетизма. Но въ этомъ живомъ полутрупѣ скрывался глубокій умъ, сильная эрудиція и большія познанія въ богословіи и религіозной философіи. У него даже былъ организаторскій талантъ ²⁾. Такъ онъ, по свидѣтельству Стефана Асогика ³⁾, ввелъ пѣніе псалмовъ по канону св. Василія и составилъ цѣлый сборникъ богослужебныхъ молитвъ и церковныхъ чтеній со введеніемъ, гдѣ онъ изложилъ свой взглядъ на правила христіанства. Этотъ сборникъ носитъ названіе „маштоца“ Вліяніе этой личности на народъ было громадно, и даже долго его ученики пользовались равнымъ съ нимъ уваженіемъ.

Вотъ къ нему-то обратился Абасъ, надѣясь уговорить его оклеветать католикоса, но расчетъ его оказался невѣрнымъ. Вмѣсто от-

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 20.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 20. *Евразмъ*, пер. Brosset, p. 43. *Ома Арипуни*, III, 26.

³⁾ *Стефанъ Асогикъ*, III, 3.

вѣта онъ получилъ грозное письмо, гдѣ святой анахоретъ призывалъ его къ покаянію ¹⁾. Дальнѣйшая судьба Абаса неизвѣстна; только Іоаннъ Католикосъ говоритъ, что онъ просилъ пощады у Георгія, а его сподвижники умерли отъ болѣзни ²⁾. Скорѣе можно думать, что всѣ они были или отравлены или умерщвлены по приказанію Смба-та. Надобно полагать при этомъ, что это возстаніе и эти интриги были далеко явленіемъ не единичнымъ. Такъ, Варданъ указываетъ, какъ на преемника Ашота I, его сына Папа. Можетъ быть, онъ и былъ поставленъ царемъ какою либо частью армянъ во время этой борьбы за власть Смба-та ³⁾.

Въ это время въ Византіи царствовалъ сынъ Василія Македонянина, Левъ Мудрый. Какъ императоръ армянскаго происхожденія и по традиціонному взгляду Византіи на Арменію, какъ на опорный пунктъ въ борьбѣ съ арабами, онъ послалъ Смбату грамоту, въ которой онъ называлъ его возлюбленнымъ сыномъ, увѣрялъ его въ своей дружбѣ и союзѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признавалъ за нимъ право на званіе *царя*, такъ какъ Византія все еще смотрѣла на Арменію, какъ на свою непреложную собственность ⁴⁾.

Но слухъ о союзѣ Смба-та со Львомъ достигъ и до двора халифа; отсюда было дано приказаніе или совѣтъ Афшину—немедленно двинуться съ войсками къ Арменіи, чтобы въ случаѣ нужды ворваться въ нее. Положеніе страны было не таково, чтобы бороться съ халифатомъ, и потому Смба-тъ прибѣгъ къ мировой сдѣлкѣ. Собравъ, что было у него постояннаго войска, и получивъ подкрѣпленіе отъ подручныхъ владѣтелей, всего, по показанію Іоанна Католикоса, 30.000,—число, вѣроятно, преувеличенное,—онъ принесть, тѣмъ не менѣе, повинную Афшину, увѣряя его въ полной своей преданности и дружбѣ и указывая, что онъ имѣлъ въ виду лишь облегчить торговыя сношенія съ греками. Афшинъ удалился. Смба-тъ изъ этого инцидента понялъ, какъ важно ему собственное усиленіе, и съ этою цѣлью двинулся прямо на Двинъ, занятый арабами. Застигнутый врасплохъ гарнизонъ былъ избитъ, правители были взяты въ плѣнъ и отправлены въ оковахъ въ Византію. Захвативъ столицу, Смба-тъ уже явился на дѣлѣ сильнымъ правителемъ и уже однимъ обаяніемъ своего могущества

¹⁾ См. письмо у Іоанна Католикоса, глава 21.

²⁾ Іоаннъ Католикосъ, глава 22.

³⁾ Варданъ, русск. пер., 117 стр.

⁴⁾ Іоаннъ Католикосъ, глава 22. Стефанъ Асаникъ, III, 3.

заставилъ многихъ себѣ подчиниться. Два года его царствованія послѣ этого прошли въ объединеніи царства, которое теперь стало простирается до города Карина, отъ Кларджа до Чернаго моря, до границъ Мингреліи и Кавказскаго хребта въ провинціяхъ Гугаркъ и Цанаръ, до самаго Дарьяльскаго ущелья, затѣмъ отъ Куры до Тифлиса, въ Удіи до Шамкора. По этому указанію Іоанна Католикоса можно думать, что Армянское царство простиралось отъ Эрзерума до Дарьяльскаго ущелья, отъ Тифлиса до Шамкора по теченію Куры и на западѣ до самаго Трапезунда. Такимъ образомъ на Кавказѣ явилось два сильныхъ царства: Васпураканское Арцруни и Армяно-Иверійское Багратидовъ, между которыми столкновеніе было неизбѣжно ¹⁾. Но въ то самое время, когда Симбатъ уже готовился объявить Двинъ столицею Армянскаго царства, этотъ городъ постигло ночью въ третій годъ его правленія ужасное землетрясеніе, которое нѣсколько разъ повторилось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. До 70.000 человекъ въ это время погибло, и, пораженный ужасомъ, католикосъ Георгій вмѣсто того, чтобы ободрить населеніе, самъ бѣжалъ въ Эчмиадзинъ ²⁾. Тогда явился тотъ, который никогда не боялся ни смерти, ни людскаго несчастія—аскетъ Маштоцъ. Онъ сталъ проповѣдовать покаяніе и написалъ посланіе къ потерпѣвшимъ, убѣждающее смириться духомъ и покаяться. И благодарный народъ сталъ уважать Маштоца болѣе, чѣмъ католикоса, который никогда ни въ чемъ не помогъ бѣдствующему населенію ³⁾. Затруднительное положеніе Арменіи побудило Афшинъ воспользоваться случаемъ, чтобы ограбить страну, и, нимало не медля, съ сильнымъ отрядомъ зербейджанскихъ солдатъ онъ двинулся впередъ. Можетъ быть, при этомъ онъ имѣлъ въ виду и отмстить за пораженіе мусульманъ у Двина.

Населеніе Арменіи не могло сопротивляться, а несчастный царь узналъ о движеніи врага уже тогда, когда Афшинъ былъ у Нахичевани. Собственныхъ войскъ у царя было мало, собрать ихъ не было никакой возможности, и Симбату I пришлось бѣжать къ сѣверу, чтобы тамъ составить ополченіе. Въ виду всеобщаго бѣдствія католикосъ Георгій рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ отправился лично къ Афшину и сталъ его умолять пощадить Арменію. Хитрый врагъ сначала предложилъ въ видѣ условія привести къ нему Симбата, желая

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 22.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 23. *Ома Арцруни*, III, 22.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 24 и 25.

захватить царя и тѣмъ положить конецъ его возрастающему могуществу. Но Смбаѣ не поддаѣлся на приманку и не согласился на предложеніе обманутаго католикоса, тѣмъ болѣе, что онъ уже сформировалъ армію изъ жителей сѣверныхъ областей царства. Благородный католикосъ былъ заключенъ въ оковы на основаніи дошедшаго до Афшина слуха о приближеніи Смбаѣ. Черезъ три дня произошла жаркая битва. Армяне дрались за свою независимость и за родину и на этотъ разъ побѣдили. Афшинъ долженъ былъ заключить миръ и въ досадѣ велѣлъ подвергнуть плѣннаго католикоса истязаніямъ ¹⁾. Тогда знать Арменіи, по Іоанну Католикосу, рѣшила выкупить католикоса и послала Афшину значительную сумму. По указаніямъ Киракоса Гандзакскаго, Георгія выкупили князя Албаніи ²⁾. Трудно сказать, чье показаніе справедливо, но само собою разумѣется, что претіяжъ католикоса погибъ безвозвратно послѣ Двинскаго эпизода. Іоаннъ Католикосъ описываетъ помпу при его возвращеніи, но эта помпа оказывалась однимъ духовенствомъ и церквами ³⁾.

Оглянемся теперь назадъ на развитіе Васпураканскаго владѣнія Арцруни. Послѣ смерти Дереника осталось трое сыновей—Ашотъ, Гагикъ и Гургенъ. Они раздѣлили поровну свои владѣнія, при чемъ Ашоту досталась сѣверная часть до Нахичевани, Гагику—страны у Ванскаго озера, а Гургену—старая Персѣ-Арменія до горъ Курдистанскихъ. Въ это самое время Абу-Мерванъ, остиканъ, или арабскій правитель Арменіи, видя, какъ падаетъ его авторитетъ среди притязаній Багратидовъ и Арцруни, сталъ захватывать повсюду укрѣпленныя мѣста Васпуракана, а вмѣстѣ съ тѣмъ задаривать знать подарками ⁴⁾. Случился фактъ, который сразу измѣнилъ политическія отношенія между владѣтелями Арменіи. Афшинъ, видя трудность дряхлому халифату бороться съ молодымъ, національнымъ царствомъ, сталъ дѣйствовать подкупомъ и интригами. Прежде всего онъ склонилъ на свою сторону Ашота Арцруни, который и безъ того былъ недоволенъ усиленіемъ Смбаѣ. Фактъ союза не ускользнулъ отъ вниманія царя, который, не видя возможности вести войну на два фронта, пригласилъ остикана Арменію Абу-Мервана и Гургена Андзавади завладѣть Васпу-

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 26.

²⁾ *Киракосъ*, пер. Brosset, p. 43. У *Стефана Асоники*, III, 3, Георгія выкупилъ Хамамъ, царь Албаніи.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 26.

⁴⁾ *Ома Арцруни*, III, 21—22.

раканомъ. Получивъ царскую инвеституру, оба они быстро захватили страну и раздѣлили ее между собою пополамъ. Только у Вана, гдѣ были жена Ашота и его гвардія подъ начальствомъ Исы Акеаци, они встрѣтили упорное сопротивленіе. Голодъ и жажда, однако, заставили храбрыхъ защитниковъ уступить силѣ. Ашотъ въ это время былъ у Афшина. Услышавъ о захватѣ своихъ владѣній, онъ выпросилъ у арабовъ войско и кинулся въ Васпураканъ. Теперь перевѣсъ силы оказался на сторонѣ Ашота, и узурпаторы постыдно удалились послѣ первыхъ стычекъ. Изъ нихъ Гургенъ Андзеваци скоро умеръ, а Абу-Мерванъ, не желая смириться, сталъ просить помощи у Смба́та. Царь Арменіи послалъ своего брата, историка Шапура, который и возстановилъ Абу-Мервана въ Васпураканѣ ¹⁾. Тогда Арцруни нашли другой выходъ: они обратились за помощью къ правителю Сиріи и Месопотаміи, Ахмеду, тогда не зависѣвшему отъ халифата. Случай къ борьбѣ скоро представился. Греческое войско захватило Каринъ, но, не будучи въ состояніи въ немъ удержаться, отступило. Этимъ воспользовался Ахмедъ и захватилъ область. Смба́тъ счелъ это за оскорбленіе и послалъ письмо къ Ахмеду, прося его очистить завоеванную область. Тотъ, считая себя болѣе сильнымъ и, вѣроятно, подстрекаемый Арцруни, у которыхъ было все отнято, отказался. Смба́тъ опять созвалъ сѣверное ополченіе, на которое болѣе всего надѣялся, но по несчастному ослѣпленію приблизилъ къ себѣ Гагика Арцруни. Около этого времени Гагика держалъ въ оковахъ Абу-Мерванъ, но затѣмъ, допустивъ себя подчиниться какому-то обольщенію, далъ ему свободу и палъ жертвою измѣны, организованной освобожденнымъ плѣнникомъ. Смба́тъ, желая загладить прежнее, призналъ Гагика главою Васпуракана, а его брата Гургена—марзпаномъ; съ такимъ титуломъ тогда соединялась должность церемоніймейстера. Думая, что Гагикъ ему благодаренъ, Смба́тъ присоединилъ къ себѣ его отряды, но тотъ нашелъ случай отмстить царю за прошлое. Онъ завелъ войско Смба́та въ тѣснины, гдѣ оно и погибло ²⁾. Ужасъ распространился въ Арменію, которая была лишена всего войска. Царь бѣжалъ въ Багревандъ. Гагикъ Арцруни притворился ничего незнающимъ. И посреди общаго упадка духа вновь закипѣли нахарарскія распри. Арменія, казалось, должна была рухнуть безвозвратно. Слухъ о событіяхъ до-

¹⁾ *Жома Арцруни*, III, 22. *Іоаннъ Католикосъ*, глава 27.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 28. *Жома Арцруни*, III, 23—24. *Стефанъ Асоикъ*, III, 3.

шелъ до Афшина, который опять рѣшился воспользоваться безпомощностью Смбага. Онъ бросился въ Утію и Иверію, желая зайти царю съ тыла, но сильно ошибся. Сѣверные народцы, гордые своимъ воинскимъ духомъ и храбрые, какъ львы, возгорѣлись мужествомъ. Поставивъ себѣ девизомъ месть за недавнее поражение, они организовали сами защиту страны. Тогда Афшинъ повернулъ къ Вананду и бросился къ Карсу, гдѣ заперлась царская фамилія и знать Арменіи. Не видя ниоткуда помощи, комендантъ Карса, Хасанъ Гентуни, сдалъ крѣпость на капитуляцію. Все царское семейство попало въ плѣнъ къ Афшину, у Смбага не оставалось ничего, кромѣ горсти храбрецовъ и упованія на Божію помощь ¹⁾. За Арменіей настала очередь Васпуракана. Напрасно Гургенъ Арируни завелъ переговоры съ Афшиномъ; тотъ его заковалъ въ оковы. Онъ бѣжалъ и съ братьями бросился въ Агбагъ. Афшинъ захватилъ страну. Владѣтели въ отчаяніи ведутъ партизанскую войну, но ихъ банды разбиваютъ, и спасается лишь одинъ ихъ подвластный, Ашотъ Варажнуни ²⁾. Общая гибель висѣла надъ Арменіей, и въ эту страшную эпоху первый образовался несчастный Смбагъ. Онъ смирился передъ остиканомъ, призналъ себя его вассаломъ и далъ ему въ заложники своего сына Ашота и племянника Смбага. Этимъ шагомъ онъ спасъ свою страну отъ гибели и разоренія ³⁾.

Во время всеобщаго унынія и печали умеръ страдалецъ, католикосъ Георгій. При звукѣ трубъ духовенство и ишханы несли его измученное тѣло; народъ, конечно, валилъ толпами, смотря на него, какъ на мученика. чѣмъ онъ искупилъ свою вину при землетрясеніи въ Двинѣ ⁴⁾. Кого же теперь оставалось избрать католикосомъ? Кому могла достаться высокая честь пастыря угнетеннаго духомъ народа? Взоры всѣхъ обратились къ Маштоцу. Въ немъ должна была возродиться погибавшая Арменія, надѣявшаяся теперь лишь на одного Бога. При единогласномъ кликѣ народа духовенство и знать возвели святаго на мѣсто, ему по праву принадлежащее. Съ возведеніемъ его, казалось, все придетъ въ новую колею, казалось, что вновь счастье явится удѣломъ страны, но правленіе его было однимъ блестящимъ метеоромъ. Изнуренный постами, часто по днямъ не принимавшій пищи,

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 29.

²⁾ *Гома Арируни*, III, 25.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 29—30.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 30.

Маштоцъ такъ ослабилъ свой организмъ, что не выжилъ и года ¹⁾. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ правилъ семь мѣсяцевъ ²⁾, по другимъ—восемь или девять ³⁾, а по третьимъ—годъ или около года ⁴⁾. Единогласное желаніе народа было увѣковѣчить патріаршество въ его родѣ, но такового не находилось, и любимый ученикъ Маштоца, Іоаннъ, впоследствии извѣстный писатель, былъ поставленъ народомъ на его мѣсто. Счастіе сначала дѣйствительно покровительствовало Арменіи въ это короткое время. Куропалать Иверіи, Атернерсехъ, призналъ себя подвластнымъ Смбаѣ, за что и былъ имъ коронованъ ⁵⁾. Узнавъ о фактѣ и боясь вновь усиленія Смбаѣ, Афшинъ кинулся къ Тифлису, разорилъ эту страну и Ширакъ и заставилъ Смбаѣ бѣжать къ Атернерсеху, но, какъ бы по молитвамъ святыхъ маштоцистовъ и Маштоца, патрона Арменіи, возгорѣлись у Афшина несогласія и мятежи въ самомъ Азербейджанѣ. Онъ быстро воротился назадъ, оставивъ въ Арменіи своего сына, Давдада, и начальника евнуховъ.

Въ это время Смбаѣ съ иверійскими войсками подошелъ къ Ани, позднѣе столицѣ Багратидовъ, на берегу Ахуряна. У начальника евнуховъ силы были довольно незначительны, рисковать боемъ было очень трудно, и потому онъ вошелъ въ мирные переговоры съ Смбаѣмъ и уступилъ ему Арменію подъ условіемъ годовой дани. Но, не желая пропускать удобнаго случая, онъ ограбилъ на обратномъ пути владѣнія Георгія Севордійскаго ⁶⁾. Афшинъ, желавшій лишь мстить, а не мириться, разсердился на своего внука, отставилъ его отъ должности, даже приказалъ его умертвить, но посреди приготовленій умеръ. Сынъ Афшина, Давдадъ, бѣжалъ въ Азербейджанъ. Такъ Богъ опять спасъ Арменію отъ нашествія и отъ дани, которая была бы тяжелѣе перваго ⁷⁾. Но, кромѣ нашествій, внутренніе мятежи и несогласія раздирали Арменію. Такъ Ашотъ Арируни рѣшился воспользоваться смертью Афшина, чтобы унижить своего врага, апостата Хасана Арируни. Въ жаркой битвѣ апостатъ былъ схваченъ и заключенъ въ оковы, но на этомъ Ашотъ не успокоился, а двинулся къ Севангъ, гдѣ заперлось его семейство, и требовалъ сдачи крѣпости.

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 31.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 31.

³⁾ *Тома Арируни*, III, 26.

⁴⁾ *Стефанъ Асоикъ*, III, 3. *Samouel d'Ani*, p. 429. *Киракосъ*, стр. 43.

⁵⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 32.

⁶⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 33.

⁷⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 34. *Тома Арируни*, III, 26.

угрожая въ противномъ случаѣ умертвить Хасана. Въ дѣло вмѣшались Смбаѣ I и католикосъ Іоаннъ, но, какъ мало было ихъ нравственное вліяніе въ Васпураканѣ, показываетъ тотъ фактъ, что они добились лишь сдачи укрѣпленія, но Хасана, тѣмъ не менѣе, ослѣпили. Іоаннъ Католикосъ раздражается по этому случаю проклятіями на голову Ашота, но такое же проклятіе можно было сдѣлать и всѣмъ нахарарамъ Арменіи ¹⁾. Въ провинціи Апахуникъ оставались еще владѣтелями турки кайзики, одинаково опасные какъ Багратидамъ, такъ и Арцруни. Противъ нихъ совершили походъ соединенныя на этотъ разъ силы и имѣли успѣхъ, который, впрочемъ, не сопровождался особыми благотѣльными послѣдствіями для народа ²⁾. Въ это время на мѣсто Афшина явился новый остиканъ Азербейджана, Юсуфъ, его братъ, которому было суждено довершить разореніе Арменіи.

При первомъ появленіи Юсуфа въ Азербейджанѣ, Смбаѣ написалъ письмо ему и халифу и обѣщалъ имъ полную покорность. Юсуфъ прислалъ ему въ отвѣтъ знаки царскаго достоинства ³⁾, но тогдашнее положеніе страны не позволяло продолжать долѣе дружественныхъ отношеній. Арабы требовали по своему обычаю или хараджа, или обращенія въ исламъ, но въ Арменіи не было и не могло быть никакихъ денегъ, никакого богатства у народа, ишханы не хотѣли платиться, отступничество народъ считалъ хуже самой смерти, кругомъ свирѣпствовали мятежи, многіе совѣтники царя сошли въ могилу, и царь принужденъ былъ не выслать должной дани. Это навлекло на него полное неудовольствіе Юсуфа, и онъ явился съ войсками въ Арменію. Несчастный Смбаѣ успѣлъ лишь защитить проходы и долженъ былъ явиться съ повинною. Незвѣство, отдалъ ли онъ арабамъ все послѣднее, или ограничился обѣщаніями, но арабы на время оставили въ покоѣ Арменію, остиканъ даже вновь короновалъ Смбаѣ, но спокойствіе это было кажущимся ⁴⁾. Смуты и горе грозили отовсюду, еще разъ измученная страна была доведена до гибели. Въ XI главѣ своей исторіи Іоаннъ Католикосъ указываетъ, какъ на что-то сверхъестественное, какъ на необыкновенную милость Господа. на урожай, бывшій въ Арменіи ⁵⁾. Дѣйствительно. въ такую тяжелую годину, когда некому было обрабатывать поля, урожай являлся истин-

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 35.

²⁾ *Ома Арцруни*, III, 28.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 35.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, гл. 37, 39.

⁵⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 40.

нымъ благословеніемъ Божиимъ. Онъ же давалъ возможность владѣтелямъ еще разъ обратиться къ народнымъ средствамъ и собрать новое ополченіе ¹⁾). Благодаря урожаю, Сибатъ, получившій инвентитуру отъ императора Льва, послалъ ему дань изъ своей скудной казны ²⁾). Въ то время Константинъ, царь Мингреліи, желая усилиться на счетъ сосѣдей, захватилъ Гугаркъ и Карталинію до Аланскаго прохода или Дарьяла, вѣроятно, отданныхъ Сибатомъ Иверіи. Испуганный Атернерсехъ попытался его удалить увѣщаніями, потомъ прибѣгъ къ помощи Сибата. Войско армянскаго царя двинулось противъ мингрельцевъ. Константинъ уже думалъ отступить, но былъ, вѣроятно, схваченъ Атернерсехомъ и приведенъ къ Сибату. Плѣнника заключили въ замокъ Ани, но вскорѣ царь Арменіи счелъ за лучшее его выпустить и осыпать почестями, такъ какъ не желалъ создать себѣ врага на сѣверѣ, гдѣ его силы не могли вести борьбы на двѣ стороны. Но освобожденіе Константина не понравилось Атернерсеху, который поклялся отмстить Сибату при первомъ удобномъ случаѣ. Случай къ этому, какъ оказалось, представился необыкновенно скоро. Юсуфъ тѣмъ временемъ подготовилъ свое полное отложіеніе отъ халифата. Въ рѣшительный моментъ халифъ, не осмѣлившійся бороться съ нимъ одними своими силами, поручилъ или скорѣе приказалъ Сибату идти къ нему на помощь. Хитрый царь сталъ служить и написать и вашимъ: онъ двинулъ по зову свои войска, но тайно переписался съ Юсуфомъ. Этотъ случай заставилъ арабскаго остикана отнестись къ Сибату враждебно и искать другаго царя, который былъ бы ему безусловно преданъ ³⁾). Такимъ лицомъ ему казался Гагикъ Арируни. Къ тому же у Сибата были смуты. Пользуясь всеобщими приготовленіями къ войнѣ, Атернерсехъ возбудилъ среди царскихъ придворныхъ заговоръ убить царя. Нахарары вообще были недовольны усиленіемъ Багратидовъ, а особенно сборами дани, и потому между ними составилась враждебная имъ партія. Узнавъ объ этомъ, Сибатъ съ арміей двинулся во владѣнія иверійцевъ, и Атернерсехъ, застигнутый врасплохъ, принужденъ былъ просить пощады ⁴⁾).

Теперь мы опять отступимъ назадъ и посмотримъ, какъ усилива-

¹⁾ *Иоаннъ Католикосъ*, глава 41.

²⁾ *Иоаннъ Католикосъ*, глава 42. Относительно дани въ Арменіи не мѣшаетъ сравнить по тому же поводу хвастливыя замѣчанія Константина Багрянороднаго въ 43 главѣ „De administrando imperio“.

³⁾ *Иоаннъ Католикосъ*, глава 43.

⁴⁾ *Иоаннъ Католикосъ*, главы 44, 45, 46 и 47.

лось въ лицѣ Арцруни царство Васпуракана. Послѣ смерти Ашота Арцруни Гагикъ получилъ главенство въ этой странѣ. Прежде всего онъ отдѣлилъ своему брату, Гургену, весь юго-западъ страны подъ своимъ верховнымъ господствомъ, а затѣмъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своего небольшого владѣнія. Тѣ деньги, которыя накопились въ его казнѣ отъ урожаевъ, налоговъ и военной добычи, такъ какъ послѣдняя въ это время составляла главный финансовый ресурсъ на Кавказѣ, онъ употребилъ на помощь многочисленнымъ сиротамъ и вдовамъ военнаго класса и на украшеніе церквей и городовъ ¹⁾. У Оомы Арцруни мы находимъ при этомъ интересныя страницы, по которымъ мы можемъ заключать о тогдашней архитектурѣ въ Арменіи. Часть этихъ церквей была построена на высотахъ и холмахъ, какъ церковь Богоматери на горѣ Рештуни, часть въ пещерахъ, какъ Вантоспская церковь у города Маназкерта. Въ послѣднихъ строился цѣлый рядъ церквей другъ надъ другомъ и въ горизонтальномъ направленіи. Тутъ же, въ этихъ скалахъ, были выстроены увеселительныя залы, входы къ которымъ представляли изъ себя правильныя лѣстницы. По этому описанію можно видѣть, что постройка эта была того же типа, какъ постройки въ Уплисъ-цихе и въ Вардзизъ въ Грузіи. У крѣпостцы Гета, откуда былъ спускъ къ долинѣ Аракса и гдѣ производилась охота въ большихъ размѣрахъ, онъ выстроилъ залу для пиршествъ. За подобными религиозными и увеселительными постройками слѣдовали и стратегическія. Такъ, на рѣкѣ Кармиръ былъ выстроенъ цѣлый укрѣпленный городъ съ цитаделю, помѣщавшеюся въ пещерѣ. Одною изъ главныхъ его построекъ была церковь въ Адамакертѣ на половинѣ разстоянія между озерами Вапа и Урмисъ. Въ этомъ мѣстѣ не было камня и его отовсюду свозили на повозкахъ ²⁾. Но подобныхъ дѣлъ было далеко недостаточно. Нельзя было быть Перикломъ въ странѣ, черпающей всѣ свои ресурсы въ одной боевой добычѣ, и гдѣ государственное устройство было исключительно феодальнымъ. Приходилось заботиться о централизациіи власти, о естественной защитѣ границъ. И въ этомъ направленіи были достигнуты важныя успѣхи. Первымъ внутреннимъ врагомъ былъ Шапухъ-Майманикъ, захватившій область Чахукъ на югѣ Васпуракана. Его гнѣздомъ была цитадель Агаракъ. Другой—Григорій Абу-Хамза засѣлъ въ Арджуджѣ. Гагикъ поступилъ такъ, какъ поступали Ка-

¹⁾ *Ома Арцруни*, III, 29.

²⁾ *Ома Арцруни*, III, 32.

петинги во Франціи, то-есть, Шапуха онъ покорялъ силою, а на дочери Абу-Хамзы женился. Побѣдивъ знать, онъ двинулся уже на пѣлыя отложившіяся области. Въ суровую зиму Гагикъ забрался въ область Мока, прошелъ по горамъ и навелъ ужасъ на жителей; отсюда прошелъ къ Ериварку, въ долину Арованикъ и даже добрался до того Амюка, который никакъ не поддавался его предку, Григорію Деренику. Вѣроятно, Гагикъ отличался большими стратегическими талантами, такъ какъ при несовершенствѣ тогдашнихъ осадныхъ средствъ взялъ это укрѣпленіе и истребилъ гарнизонъ. Но владѣніе такимъ важнымъ пунктомъ, который могъ служить прекрасною опорой для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, возбудило окружающихъ мусульманъ и кайзиковъ, открывшихъ въ свою очередь военныя дѣйствія, которыя окончились для нихъ полною неудачею ¹⁾. Такое усиленіе Васпураканскаго владѣнія повело къ двумъ результатамъ: къ враждебнымъ отношеніямъ со стороны Симбата I и дружественнымъ—со стороны остикана Юсуфа, который былъ во враждѣ съ царемъ Арменіи. Симбатъ I, тоже боясь за Амюкъ и пользуясь удаленіемъ Гагика, подкупилъ его коменданта сдать ему крѣпость, а затѣмъ такимъ же образомъ захватилъ и другіе пункты ²⁾. Съ другой стороны Гагикъ, вѣроятно, въ вознагражденіе за потерянное, сталъ просить уступки ему Нахичевани, отданной Симбатомъ въ держаніе Симбату Сисаканскому ³⁾. Все это возбудило множество неудовольствій, которыя должны были скоро обратиться въ открытую вражду.

Остиканъ Юсуфъ рѣшилъ во что бы то ни стало или ослабить обоихъ противниковъ, или въ крайности водворить одного Гагика, который казался ему болѣе надежнымъ и сговорчивымъ. Тогда онъ прислалъ Гагику царскую корону. Обыкновенно полагаютъ, что тутъ дѣло идетъ о коронѣ Васпуракана, что и было дѣйствительно впоследствии, но въ данный моментъ, судя по словамъ Іоанна Католикоса, очевидца, дѣло шло объ общей коронѣ Арменіи ⁴⁾.

Симбатъ сразу понялъ ту опасность, которая грозила странѣ отъ раздвоенія власти, онъ понялъ, что ему теперь придется поставить на карту все, то-есть, свою жизнь, честь и благо своей страны, и съ этихъ поръ онъ становится беззащитнымъ героемъ, живо сочувствующимъ

¹⁾ *Өма Арируни*, III, 32.

²⁾ *Өма Арируни*, III, 32.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 48.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 48. *Өма Арируни*, III, 32.

щимъ счастьемъ своей страны, а личность Гагика Арцруни, не смотря на всѣ панегирики ему Оомы Арцруни, покрывается вѣчнымъ позоромъ ¹⁾. Смбаť сначала попробовалъ задобрить Юсуфа подарками и послалъ съ ними къ нему Іоанна Католикоса, но остиканъ удержалъ Іоанна плѣнникомъ, зная, что съ потерю духовнаго главы начнется полная анархія, а затѣмъ сталъ отовсюду стягивать отряды, въ числѣ которыхъ находились и войска Гагика и Гургена. Военныя дѣйствія должны были открыться съ весною ²⁾.

Остиканъ, ведя за собою въ цѣпяхъ несчастнаго католикоса Іоанна, двинулся къ Нахичевани, гдѣ съ нимъ соединились наспураканскіе отряды. Какъ нужно думать, Смбаť къ отпору не приготовился, такъ какъ границы оставались открытыми. Первое сопротивление было оказано сюнийцами подѣ начальствомъ ихъ ишхана, но малочисленность войска, отсутствіе всякой помощи были причиною пораженія ³⁾ ихъ, и въ самый день Пасхи Сюникъ былъ захваченъ невѣрными и, когда вслѣдъ за тѣмъ Юсуфъ расположился лагеремъ на Араксѣ, ишханъ Суфанъ явился къ нему съ повинною ⁴⁾. Вслѣдъ затѣмъ Юсуфъ потребовалъ дани. Смбаť собралъ, сколько могъ, но и это оказалось уловкою, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ войска остикана кинулись на того же Смбаťа. Ограбленный царь Арменіи бѣжалъ въ Иверію. Юсуфъ двинулся за нимъ по пятамъ, захватилъ Тифлисъ, Уджарму, Бочорму, Уплисъ-цихе, разорилъ всю Самцхе и Джавахети ⁵⁾. Атернерсехъ не былъ въ силахъ остановить это триумфальное шествіе, а Смбаť заперся въ фортѣ Гегарчкѣ ⁶⁾. Все подчинилось Юсуфу, и онъ утвердился въ Двинѣ. Іоаннъ Католикосъ, бѣжавшій изъ плѣна, уже не могъ нигдѣ найти покоя и бѣжалъ въ Албанію, а потомъ къ Атернерсеху, который самъ удалился въ сѣверо-западныя горныя области царства ⁷⁾. Въ это время, пользуясь уходомъ Юсуфа, опять и Смбаť воротился въ Еразгаворъ, свою столицу, но это было уже не надолго. Было наскоро собрано жалкое войско подѣ командою Ашота и Мушега, сыновей царскихъ. При первомъ же боѣ съ Юсуфомъ въ этомъ войскѣ уже открылась из-

¹⁾ *Оома Арцруни*, III, 40.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, гл. 49—50. *Оома Арцруни*, III, 32.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 51.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 52.

⁵⁾ *Лѣтопись Вахтанга*, пер. Brosset, t. I, l. 1, pp. 275—276.

⁶⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 52.

⁷⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 55.

мѣна, слѣдствіемъ которой было лишь то, что Мушегъ, попавшійся въ плѣнъ, былъ отравленъ ¹⁾). Разореніе охватило Арменію, множество знати погибло отъ меча арабовъ, женщины были уведены въ плѣнъ. Напрасны были и геройскіе примѣры партизанской войны, которые не могли помочь дѣлу уже потому, что единодушія не было. Виновникомъ этого горя, этого ужаса являлся одинъ Гагикъ Арцруни, и въ эту страшную минуту онъ, наконецъ, понялъ всю низость своего поведения. Въ отчаяніи, видя разореніе и гибель, мучимый совѣстью, онъ уже готовъ былъ помириться съ Смбагомъ, но понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и что лучше пока держаться нейтралитета ²⁾). Императоръ Византіи, Левъ, тоже въ свою очередь понималъ, что Арменія можетъ быть для него навсегда потерянной, и уже приготовился къ войнѣ съ арабами, но смерть похитила и его и его планы. Братъ его и наслѣдникъ Александръ не имѣлъ никакой возможности помочь армянамъ, такъ какъ въ имперіи были и свои нужды, и такимъ образомъ отважный Смбагъ остался одинъ со своею идеею Армянскаго царства ³⁾). Онъ заперся въ замкѣ Капуйтѣ въ Ерасхадзортѣ, но всеобщія гибель и горе вынудили его на благороднѣйшій подвигъ: презирая смерть, онъ выдалъ себя Юсуфу и былъ имъ замученъ ⁴⁾). Такъ отлетѣла въ вѣчность душа того, который такъ героически защищалъ свою вѣру и отечество во всю свою жизнь и погибъ мученикомъ, оставивъ своимъ преемникамъ лишь одно разореніе и гибель. Стефанъ Асогикъ въ своей исторіи говоритъ о мнимомъ благоденствіи Арменіи въ эпоху Смбага I ⁵⁾). Не могло быть, конечно, его, такъ какъ тому мѣшали постоянныя войны, битвы и смуты, но слова извѣстнаго писателя Арменіи все же нельзя отвергнуть а priori, какъ это мы сейчасъ увидимъ изъ современныхъ арабскихъ описаній Арменіи Ель-Истахри, Ибнъ-Хаукаля, Мукаддеси и Хамадани ⁶⁾). Обыкновенно полагаютъ, что арабскіе географы всѣ путешествовали во второй половинѣ X вѣка; слѣдовательно, тотъ Смбагъ, сынъ Ашота, о которомъ они говорятъ, есть Смбагъ II, шахиншахъ армянъ, сынъ

¹⁾ Иоаннъ Католикосъ, гл. 57, 60. *Стефанъ Асогикъ*, III, 4.

²⁾ Иоаннъ Католикосъ, глава 64.

³⁾ Иоаннъ Католикосъ, глава 65.

⁴⁾ Иоаннъ Католикосъ, гл. 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74. *Стефанъ Асогикъ*, III, 4. *Satmél d'Ani*, p. 435. *Киракосъ*, стр. 44.

⁵⁾ *Стефанъ Асогикъ*, III, 3.

⁶⁾ *Bibliotheca geographicorum arabicorum*, *Де-Гузэ*, томы I, II, III, IV. Статьи объ Арменіи.

Ашота III; но, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не говоритъ объ Ани, какъ столицѣ, и даже вовсе не упоминается въ ихъ произведеніяхъ объ этомъ городѣ, а столицей считается Двинь, и такъ какъ самъ Ибнъ-Хаукаль заявляетъ, что „тамъ управляетъ Санбатъ, сынъ Ашота, и городъ уже не въ рукахъ христіанскихъ старѣйшинъ“, то нужно думать, что всѣ эти свѣдѣнія относятся къ самому началу X вѣка, къ царствованію Смбага I. Это подтверждаетъ названіе столицы Двиномъ, такъ какъ Ани тогда, какъ мы видѣли, была незначительною крѣпостцю и получала значеніе столицы уже въ эпоху Смбага II. Къ тому же Ибнъ-Хаукаль упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ, что „у этого Санбата отнялъ царство Юсуфъ“.

Вотъ что говоритъ этотъ послѣдній географъ о тогдашнемъ положеніи Арменіи: цари и владѣтели живутъ здѣсь въ большомъ довольствѣ и имѣютъ превосходныя плантаціи, замки, лошадей; большія населенныя области, владѣнія ихъ, богаты. Въ тѣхъ областяхъ, горахъ, городахъ и мѣстностяхъ такая дешевизна, плодородіе, пастбища, такой разноцвѣтный мраморъ, такое множество стадъ, хлѣба, такіе верблюды, такое множество деревьевъ, рѣчекъ, плодовъ, финиковъ свѣжихъ и сухихъ, брусевъ, что, еслибы было объ этомъ разказано тому, кто лично самъ этого не видѣлъ, то онъ сталъ бы отрицать размѣры всего этого. У царей этихъ странъ царства обширныя, силы ихъ велики, они наслаждаются странами, благоденствуютъ въ нихъ, есть у нихъ мѣстности, доставляющія истинное наслажденіе по своей прелести, прекрасныя одежды и слуги, быстрые кони, дорогіе мулы, дѣти всякаго рода, изъ среды которыхъ они могутъ всегда имѣть невольницъ-пѣвицъ, повара, кухарки, обдѣланная въ золото и серебро посуда, какъ-то фарфоровая, блюда, тазы, кулы (кувшинъ съ узкимъ, длиннымъ горлышкомъ), посуда, выточенная изъ драгоцѣннаго камня, точно изъ шлифованнаго дорогаго стекла, дорогая хрустальная посуда. Эти цари ежегодно доставляютъ установленную дань и необходимыя вещи царю Азербейджана, и она для нихъ на столько легка, что они не прекращаютъ ее вносить и отъ нея не отказываются. Но, такъ какъ, перечисляя владѣтелей, арабскій географъ ставитъ первымъ Ширванъ-шаха Мухаммеда, потомъ Абхазъ-шаха или царя мингрельцевъ, Константина, то нужно все же думать, что всѣ эти слова слѣдуетъ *только отчасти* относить къ Арменіи. Почти то же мы находимъ и у географа Ель-Мукадесси, который прямо указываетъ на изобиліе плодовъ земныхъ и на дешевизну въ Арменіи и при томъ говоритъ о существованіи въ этой

странѣ фабрикъ. Противоположно этому свѣдѣніе Мехкула Сирійца, находящееся у Ель-Хамадани, гдѣ говорится, что Армения въ его время такъ была опустошена, что даже кольца на ногахъ женщинъ были изъ такого же матеріала, какъ и лошадиныя копыта, и что женщины даже смущались, когда онъ поглядывалъ на нихъ. Какъ согласить эти противорѣчивыя свѣдѣнія? Въ главѣ о географическомъ дѣленіи и о торговыхъ путяхъ въ Арменіи мы говорили объ оживленной торговлѣ, центромъ которой служила эта страна. Въ теченіе нашего повѣствованія мы видѣли тотъ удивительный рокъ, который охранялъ Арменію при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, при полномъ финансовомъ и политическомъ разстройствѣ. Существованіе государства въ настоящее время при такихъ условіяхъ было бы немисляемымъ, но не то было встарину. Непріятельскія войска, опустошавшія страну, почти всегда щадили купцовъ—это былъ ихъ принципъ. Купцы пользовались разстройствомъ и давали готовый доходъ разореннымъ владѣтелямъ, отъ которыхъ требовали дани ихъ же разорители. Правда, эти купцы служили часто шпионами, но прощать имъ все понуждала необходимость, такъ какъ иначе нигдѣ начево нельзя было бы взять. Ибнъ-Хаукаль говоритъ исключительно о владѣтеляхъ, которые возвращали съ лихвою отъ купцовъ свои потери, и эти же купцы опять въ свою очередь наживались отъ удачныхъ походовъ. Земля была плодородна. Некогда будетъ сѣять хлѣбъ,—выручатъ фрукты и дынь, и вотъ гдѣ скрывался секретъ того, какъ жила въ эту эпоху страна. И лишь тяжелымъ воспоминаніемъ остается сообщеніе Мехкула Сирійца, ясно высказывающее, каково было при этомъ круговомъ грабежѣ народу, которому было нечего грабить, а оставалось лишь страдать да терпѣть.

Не смотря на всѣ эти бѣдствія въ эту эпоху были еще и писатели. Такъ, кромѣ Маштоца, Стефанъ Асогикъ¹⁾ указываетъ еще на другого автора—Гагика, написавшаго „Завѣтъ св. Атома“, который онъ въ воспоминаніе мучениковъ вписалъ въ книгу, называемую „Книгою Атома“. Атомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими былъ замученъ въ провинціи Агбагъ еще Бугою. Тогдашній патріархъ, Іоаннъ, посвятилъ ихъ памяти одинъ праздникъ²⁾. Вѣроятно, Гагикъ слышалъ преданія, болѣе подробныя, чѣмъ мы, и написалъ объ этомъ книгу, которая, быть можетъ, носила и религіозно-политическій характеръ.

¹⁾ *Стефанъ Асогикъ*, III, 3.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 13.

VI. Армения въ эпоху Ашота II.

914—928. Константинъ VII Багрянородный. Романъ Лакапезъ. Муктедиръ-біла.

Легко себѣ представить, что представляла изъ себя страна послѣ смерти главы и въ эпоху полной анархіи. Юсуфъ былъ ярый фанатикъ, не желавшій даже властвовать надъ невѣрными, и въ этомъ была его главная ошибка. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться временемъ и утвердиться въ странѣ, онъ занимался грабежомъ и насилиемъ, попирая ногами вѣру побѣжденныхъ и потому совершенно естественно возбудилъ взрывъ народнаго патриотизма. Прежде всего создались легенды о чудесахъ царя-мученика ¹⁾. Это подлило энтузіазма въ сердца многихъ, и когда сынъ царя, храбрый Ашотъ, появился съ небольшимъ отрядомъ, имѣя первоначально въ виду лишь месть за отца, вся Армения возстала, какъ одинъ человекъ. Почти всякій считалъ себя обиженнымъ и разореннымъ, да къ тому же успѣхъ возстанія былъ на первое время довольно значителенъ. Ашотъ и братья его, Абасъ, кинулись въ Вагревандъ, откуда выгнали арабовъ, затѣмъ въ Ширакъ, оттуда въ Гугаркъ, къ Тифлису и въ Тамиръ, Агасевъ и Аршаруни. Этимъ смѣлымъ маршемъ вся почти страна оказалась очищенной отъ невѣрныхъ ²⁾. Видя такой успѣхъ, царь Иверія прислалъ корону Ашоту ³⁾. Вся Армения сплотилась вмѣстѣ, опять напрягла свои измученныя силы, но не могла уже бороться съ новымъ нашествіемъ и, когда Юсуфъ вновь ворвался въ нее съ войсками, предоставивъ безумному Гагику защищать предѣлы Азербейджана отъ вѣшнихъ враговъ, она пала также скоро, какъ и ожила. Поднялись убійство, грабежъ, истребленіе ⁴⁾. Пользуясь анархіей, византійцы, жители Мингрелии, всякій сбродъ Грузин, удины и горцы Кавказа съ разныхъ сторонъ ворвались въ страну ⁵⁾, нахарары и владѣтели Армении, пользуясь тѣмъ же, стали захватывать другъ у друга владѣнія ⁶⁾. Некому стало обрабатывать поля, такъ какъ никто не имѣлъ желанія обрабатывать ихъ для враговъ, и оттого страшный

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 76.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 80.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 81.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 82—83.

⁵⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 93.

⁶⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 95.

голодъ довершилъ полное опустошеніе ¹⁾). Кажалось, земля готова была разверзнуться, чтобы поглотить страну, но опять рокъ пощадилъ Арменію. При византійскомъ дворѣ вновь возникла мысль о сохраненіи въ этой странѣ христіанскаго оплота имперіи, и патріархъ Николай написалъ письмо къ католикосу Іоанну, обѣщая имперскія войска и прося его употребить свою инициативу въ соединеніи отрядовъ Ашота съ абхазцами и иверійцами ²⁾). Этимъ шагомъ Византія желала создать коалицію изъ христіанскихъ народовъ Кавказа противъ иноземнаго вторженія. Усилія католикоса Іоанна, исполнявшаго просьбу, однако, на первый разъ оказались тщетными, но съ другой стороны повели къ двумъ важнымъ результатамъ, то-есть, во-первыхъ, къ увеличенію отрядовъ Ашота, къ которому стали толпами сбѣгаться армяне, а, во-вторыхъ, къ отпаденію отъ эмира Адербейджана Гагика, который заперся въ тѣснинѣ Васпуракана и сталъ соединять окрестныхъ владѣльцевъ. Ашотъ II былъ вытребованъ къ византійскому двору, тамъ обласканъ и отпущенъ съ войсками на родину ³⁾, Абасъ удался въ Иверію и тамъ женился ⁴⁾). Чувствовалась возможность созданіи сильной коалиціи изъ Византіи, Арменіи и Иверіи, которая дала бы странѣ нѣкоторую временную передышку. Ашотъ II не сталъ медлить и въ двухъ битвахъ на голову разбилъ арабское войско. Все опять завоиловалось ⁵⁾). Тогда только Юсуфъ понялъ свою громадную ошибку и, видя, что силы одного Адербейджана не могутъ бороться съ коалиціею, принялся за обычное восточное средство раздѣленія силъ врага, а именно короновалъ другаго Ашота, бывшаго главнокомандующимъ армянскаго войска, царемъ Арменіи. Вся страна теперь распалась на два враждебныхъ лагеря — арабскій во главѣ съ Ашотомъ самозванцемъ и византійскій во главѣ съ Ашотомъ II ⁶⁾). Напрасно Католикосъ Іоаннъ, видя бѣду, старался примирить обоихъ Ашотовъ ⁷⁾. Въ Арменіи было три царя, и всѣ они враждовали другъ съ другомъ.

Благодаря этому, такъ сказать, политическому скандалу, исчезло въ Арменіи всякое понятіе о законности. Вся та централизація, ко-

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 96.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 99, 100, 101.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 108.

⁴⁾ *Стефанъ Асочикъ*, III, 6.

⁵⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 111—112.

⁶⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 120.

⁷⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 129.

торой такъ упорно добивался Симбатъ и за которую онъ легъ мученикомъ, была уничтожена въ корень. Въ Арменіи каждый сталъ считать себя законнымъ владѣльцемъ — все распалось, и теперь Ашоту II пришлось заниматься всѣмъ съ самаго начала. Поэтому всю его дѣятельность этой эпохи мы можемъ раздѣлить на двѣ части: на борьбу за централизацію и борьбу за корону. Къ величайшему нашему сожалѣнію, до насъ дошла подробныя свѣдѣнія только о первой половинѣ царствованія Ашота, когда ему еще не удавалось ничего соединить, сплотить въ цѣлое. Удалось ли это именно ему, или его преемнику, мы этого не можемъ сказать, такъ какъ свѣдѣнія наши о двухъ слѣдующихъ Багратидахъ—Абасѣ и Ашотѣ III—очень скудны и недостаточны.

Самымъ первымъ опаснымъ врагомъ являлся дядя Ашота II, Исаакъ, удѣльный владѣтель Утіи, соединившійся съ нѣкимъ Моисеемъ Сюнийскимъ. Ашотъ двинулся на него, присоединивъ къ своимъ отрядамъ войска архіепископа Гугарка. Моисей былъ разбитъ, бѣжалъ въ Сюникъ, чтобы оттуда сдѣлать набѣгъ на владѣнія Ашота, но и здѣсь былъ отбитъ и даже убитъ ¹⁾. Такая рѣшительность со стороны царя заставила призадуматься нахараровъ, и они нѣсколько разъ пытались отдѣлаться отъ него убійствомъ, но онъ два раза избѣжалъ этого счастливо. Подобныя обстоятельства сдѣлали его осторожнымъ и подозрительнымъ, отчего многимъ не разъ приходилось прибѣгать къ помощи Іоанна Католикоса ²⁾. Послѣ участи Моисея въ Утіи наступила очередь Двина, который былъ взятъ штурмомъ Ашотомъ ³⁾. Вслѣдъ затѣмъ Ашотъ соединился съ Атернерсехомъ. Съ этихъ поръ борьба за централизацію соединяется съ борьбою за корону.

Ишханъ иверійскій, Гургенъ, будучи личнымъ врагомъ Ашота II, соединился съ Ашотомъ самозванцемъ, но былъ разбитъ. Это вызвало отпаденіе Атернерсеха отъ союза съ Ашотомъ II, но опять не надолго, такъ какъ въ рѣшительной битвѣ въ Тамирской долині самозванецъ былъ разбитъ ⁴⁾. Оставался теперь еще одинъ претендентъ—царь Гагикъ, котораго пока удерживали въ границахъ его политическія отношенія къ остикану Юсуфу. Но вотъ въ эту самую эпоху знаменитый остиканъ, возмущившійся противъ халифа, былъ взятъ имъ

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 132, 133, 134, 135.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 136, 137.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 140.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 142, 143.

въ плѣнъ, и на его мѣсто былъ назначенъ нѣкто Несръ Сбукъ ¹⁾. Сбукъ продолжалъ политику Юсуфа и прежде всего рѣшился поддержать Ашота II признаніемъ его шаханшахомъ. Дѣло теперь устроилось такимъ образомъ, что приходилось или столкнуться двумъ силамъ опять, или разойтись мирно ²⁾. Умный Гагикъ, пользуясь постоянною войною Ашота съ феодалами и ограничившись лишь титуломъ царя Васпуракана, сталъ приводить свои дѣла въ порядокъ и тоже заключилъ миръ съ Сербухомъ. Этимъ онъ вдвойнѣ выигрывалъ, такъ какъ та централизація, которой такъ упорно и безуспѣшно добивался Ашотъ, сохранилась въ Васпураканѣ прочнѣе и сильнѣе, и такимъ образомъ Гагикъ могъ уже спокойно усиливаться на счетъ сосѣдей ³⁾. Ашотъ тоже рѣшился на уступки и, подавляя нахараровъ, заключилъ окончательный миръ со вторымъ Ашотомъ, теперь уже совсѣмъ ослабленнымъ и принявшимъ его подданство ⁴⁾. Тогда нахарары, при видѣ ихъ полнаго неуспѣха, придумали новую комбинацію. У нихъ явился новый мятежный предводитель, храманатаръ Арменіи. Амрамрайнъ Цликъ. Пользуясь тѣмъ, что Ашотъ приводилъ въ порядокъ свои границы въ Утіи, они составили мятежный отрядъ, который, однако, сейчасъ же распался при приближеніи царской арміи. Но Амрамрайнъ не терялъ надежды ⁵⁾. Онъ бѣжалъ въ Мингрелію къ царю этой страны, и тотъ, тоже съ безпокойствомъ смотрѣвшій на удивительныя событія, совершающіяся въ Арменіи, далъ ему отрядъ такъ называемаго „железнаго войска“ ⁶⁾. Въ Мингреліи, царь которой въ это время былъ прямо въ вассальной зависимости отъ Византіи и гдѣ были прямыя сношенія съ Трапезундомъ, все войско было вооружено по византійскому обычаю въ сплошныя латы въ то время, какъ другіе кавказскіе народы носили кольчужные доспѣхи. Съ этою арміей, на которую кругомъ смотрѣли со страхомъ и трепетомъ, Амрамрайнъ укрѣпился на лѣсистыхъ равнинахъ Куры. Здѣсь должно было столкнуться военное искусство византійцевъ съ отчаянною смѣлостью жителей Кавказа. Послѣдніе не могли противостоять регулярной арміи, и Ашотъ, по неосторожности, былъ запертъ въ тѣснинахъ. Его солдатамъ предложили его выдать. До сихъ поръ счастливый, Ашотъ

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 148.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 148.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 149.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 152.

⁵⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 152.

⁶⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 153.

долженъ былъ бѣжать отъ своихъ собственныхъ войскъ и запереться въ Хахавахарскомъ укрѣпленіи ¹⁾. Этимъ шагомъ Ашотъ неожиданно терялъ всѣ свои шансы; Амрамраинъ его держалъ точно въ клѣткѣ. Напрасно онъ просилъ помощи у своего недруга, Гагика, обѣщая ему все: обстоятельства скорѣ сложились и для того неблагоприятно ²⁾. Багдадъ въ это время окружили новыя полчища турокъ изъ Туркестана ³⁾, и стѣсненный халифъ опять воротилъ изъ заключенія Юсуфа, считавшагося послѣ разгрома Арменіи искуснымъ полководцемъ. Надежды халифа оправдались. Юсуфъ поправилъ дѣла халифата и, названный остиканомъ всего Прикавказья, бросился на Гагика, чтобы отмстить своему вѣроломному другу ⁴⁾. Гагикъ, при вѣсти о приближеніи Юсуфа къ Курдистанскимъ горамъ, бѣжалъ въ свои тѣсныя ⁵⁾, пограничный ишханъ Андзеваци, Атомъ, удалился въ укрѣпленное мѣсто и занялъ всѣ дефиле войсками ⁶⁾. Но страхъ приближенія грознаго разорителя Арменіи заставилъ его смириться и заплатить дань. Все населеніе слѣдующей провинціи, Агбага, бѣжало въ лѣса и горы. Тогда, появивъ, что трудно ожидать большаго сопротивленія, Юсуфъ по своей обычной политикѣ перемѣнилъ фронтъ и послалъ Гагика корону всей Арменіи ⁷⁾. Обстоятельства были исполнѣ благоприятны. Ашотъ былъ въ рукахъ Амрамрайна, вся страна безъ главы, и Гагикъ, вмѣсто помощи, согласился опять на заманчивый титулъ. Тогда Юсуфъ назначилъ отъ себя въ Арменію остиканомъ прежняго Несра Сбука ⁸⁾. Несръ былъ хорошимъ и искуснымъ политикомъ. Понимая, что и Гагика, да и другаго нельзя усиливать, что значить въ Арменіи царь и что нахарары, онъ подъ видомъ милости сталъ созывать главныхъ князей въ свое временное мѣстопробываніе, Нахичеванъ, а отсюда отправилъ ихъ въ оковахъ въ Двинъ. Такъ были захвачены ишханъ Сюника и братъ ишхана Сисакана ⁹⁾.

Устремившись къ Двину, Несръ такимъ же образомъ арестовалъ христіанскихъ старѣйшинъ ¹⁰⁾. Видя насильственные и крутыя мѣры

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 154.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 155.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 156.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 158, 159.

⁵⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 160.

⁶⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 161.

⁷⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 162.

⁸⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 163.

⁹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 165.

¹⁰⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 166.

Несръ, Іоаннъ Католикосъ обратился къ нему съ просьбою пощадить хоть религіозныя чувства его и духовенства ¹⁾. Несръ сначала было и согласился, но, возбужденный факихами, онъ принялся безпощадно пропагандировать исламъ. Съ этою цѣлью онъ разорилъ Гарнійскій монастырь, затѣмъ захватилъ Бюраканъ, мѣстопребываніе Іоанна Католикоса, гдѣ былъ онъ взятъ было въ плѣнъ, но спасся бѣгствомъ къ Ашоту, тоже ушедшему изъ рукъ Амрамрайна въ Багаранъ ²⁾. Бюраканъ затѣмъ былъ оставленъ арабами, и туда собрались всѣ хрістіане, не желавшіе принять исламъ. Услышавъ объ этомъ, Несръ поспѣшно окружилъ Бюраканъ войсками и началъ отчаянную осаду, въ которой осажденные дрались за жизнь и вѣру, а осаждавшіе фанатики—за превосходство своей религіи. Осажденными командовалъ діаконъ Ѳеодоръ. Онъ былъ убитъ, и лишенія съ разногласіями, возникшія въ крѣпости послѣ его смерти, принудили сдать крѣпость. Раздраженные мусульмане подвергли всѣхъ въ фортѣ поголовному истребленію. Начались обычныя неистовства ³⁾. Къ счастью, въ это время Несръ былъ отозванъ въ Азербейджанъ Юсуфомъ, и на его мѣсто былъ поставленъ Бешръ ⁴⁾. Послѣдній не выказалъ подобнаго же военнаго таланта и потерпѣлъ нѣсколько пораженій, но положеніе страны было ужаснымъ. Оба несчастныхъ царя Арменіи, Ашотъ и Гагикъ, сидѣли, какъ взаперти, боясь двинуться дальше; у нихъ не было ни владѣній, ни власти, ни подданныхъ. Все было въ полной anarchіи, и въ это-то страшное время неожиданно умеръ католикосъ Іоаннъ.

Армянскіе авторы не говорятъ ничего о послѣднихъ годахъ жизни Ашота II, такъ что при настоящемъ состояніи источниковъ мы не можемъ сказать ничего о томъ, въ какомъ видѣ онъ оставилъ свое царство своему брату, Абасу. А такъ какъ съ Абасомъ уже начинается эпоха полнаго усиленія Багратидской династіи, пробѣлъ этотъ является болѣе, чѣмъ невознаградимымъ. Будемъ же надѣяться, что когда либо найдутся документы, которые освѣтятъ эту скорбную, но важную страницу исторіи Арменіи!

Эпоха Ашота II имѣла своего писателя. Іоанна Католикоса, о которомъ мы говорили какъ при изложеніи самой исторіи, такъ и въ главѣ объ источникахъ исторіи Багратидовъ. Изящныя искусства про-

¹⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 168.

²⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 170, 171.

³⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, главы 173—182.

⁴⁾ *Іоаннъ Католикосъ*, глава 184.

цвѣтали тогда лишь въ Васпураканѣ, гдѣ отличался архитекторъ Мануилъ, занимавшійся реставраціей Вана. Архитекторъ въ Арменіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и живописцемъ. Постараемся извлечь изъ описанія Өомы Арцруни данныя объ архитектурѣ того времени.

Изъ этого описанія прежде всего необходимо вывести тотъ фактъ, что въ Арменіи постройки производились изъ большихъ тесанныхъ камней, связанныхъ между собою известью, и что кирпичъ, надобно думать, армянамъ не былъ извѣстенъ. Между островомъ Агтамаромъ и берегомъ озера Вана такимъ образомъ была выстроена плотина. Внутри самаго города были разбиты террасами сады, и выстроены дворецъ правильной кубической формы, какъ и большинство мусульманскихъ жилищъ на востокѣ. Указанія на куполы и корридоры еще болѣе утверждаютъ въ этомъ, и нужно полагать, что въ эту эпоху въ постройкѣ домовъ принимался въ расчетъ обыкновенный ихъ мусульманскій типъ. Какъ строились церкви снаружи, описаніе Өомы Арцруни не говоритъ, но есть за то любопытное указаніе на украшеніе ихъ внутри, наравнѣ съ образами, рисунками животныхъ, птицъ и т. п. Подобные орнаменты не разъ мнѣ самому лично приходилось видѣть въ армянскихъ и грузинскихъ церквахъ. Судя по словамъ Арцруни, они служили исключительно для украшеній. Въ такой же церкви обыкновенно рисовалась на стѣнѣ, по византійскому обычаю, фигура царя съ церковью въ рукѣ, тоже украшеніе или сувениръ, пережившій вѣка и до сихъ поръ встрѣчающійся во многихъ кавказскихъ церквахъ ¹⁾).

Между указаніями того же писателя есть одно, въ которомъ говорится, что при дворѣ находились пажы и музыканты ²⁾). Подтвержденіе этому мы уже видѣли въ словахъ Ибнъ-Хаукаля. Это было при всѣхъ мусульманскихъ дворахъ, и можно думать, что въ Арменіи этого времени устройство царскаго двора было хотя отчасти параллельно устройству такового и въ халифатѣ.

Въ эту самую эпоху, когда горѣла эта ожесточенная война за власть, за вѣру и за централизацію въ фамиліяхъ Багратуни и Арцруни, въ Арменіи существовало владѣніе, правители котораго смогли удержать свою независимость и даровать своимъ подданнымъ относительную безопасность. Это была страна Тарона, лежащая на западной сторонѣ озера Вана, подобно тому, какъ Васпураканъ ле-

¹⁾ Өома Арцруни, III, 86—37.

²⁾ Өома Арцруни, III, 36.

жалъ на его востокѣ. Въ этой области господствовали разныя фамиліи—сначала Слкуни, а потомъ Мамиконьяны, но незадолго до воцаренія Багратидовъ тамъ водворилась отрасль этой фамиліи. Первое время страпа, подобно другимъ, была подвержена всѣмъ ужасамъ нашествій. но когда въ 898 г. тамъ сталъ править Григорій, дѣло радикально измѣнилось ¹⁾. Григорій былъ очень умная и энергичная личность, отлично понимавшая всѣ тогдашнія событія. Онъ понималъ, что бороться съ арабами при финансовомъ разстройствѣ невозможно, и потому онъ наружно сталъ оказывать полное повиновеніе императору Льву, пользуясь его подарками, и даже выхлопоталъ для себя постоянную субсидію. Не желая при томъ ссориться съ арабами, онъ сталъ въ то же самое время доносить все, что онъ слышалъ отъ императора, халифу, чѣмъ приобрѣлъ и здѣсь полное сочувствіе. Императоръ Левъ, зная это и не чувствуя себя въ силахъ дѣйствовать открыто, сталъ вызывать Григорія въ Константинополь, гдѣ онъ желалъ его удержать, но тотъ подъ разными предлогами умѣлъ всегда уклониться отъ добровольнаго плѣненія. Но у него была опасность съ другой стороны, благодаря постоянно повторяющимся смутамъ среди самой Багратидской фамиліи. Два его брата, Апоганъ и Арка, вѣроятно, смотрѣвшіе съ неудовольствіемъ на его усиленіе, стали обнаруживать это недовольство. Это отягчено поняли императоры Византіи, осыпали почестями Апогана и поставили его почти самостоятельнымъ владѣтелемъ въ одной части Тарона. Апоганъ былъ человѣкъ мирнаго характера и не посягнулъ на владѣнія брата. Скоро умеръ Арка, и Григорій посидѣвши захватить его двухъ сыновей, чтобы лишить ихъ отцовскаго наслѣдія, но напрасно глава Тарона употреблялъ всѣ свои силы, чтобы ихъ удержать. Императоръ Византіи заставилъ ихъ освободить и даже далъ имъ также самостоятельныя владѣнія. Такъ раздробилась страна, пользовавшаяся относительно спокойствіемъ и безопасностью, возбуждавшими безсильную зависть у всѣхъ окрестныхъ владѣтелей, какъ у Ашота II, Атернерсеа и Гагика, которые даже побуждали императора Византіи отнять у Григорія субсидію.

Послѣ смерти Григорія и Апогана, отъ перваго остались сыновья Ашотъ и Багратъ, а отъ втораго — Торникъ, Ваханъ и Симбатъ ²⁾.

¹⁾ *Brosset*, Sur le Taron et les Taronites, II appendice къ I тому его „Collection d'historiens arméniens“.

²⁾ *Чамчянъ*, Исторія Арменіи, на арм. яз., II томъ, стр. 725.

Между ними возникли несогласія, дошедшія до междоусобной войны. при чемъ часть владѣній была отнята у Торника. Доведенный до крайности, боясь за собственное существованіе, онъ отдалъ свое владѣніе императору Роману Лакапену, не смотря на ненависть того къ армяно-григоріанизму. Романъ послалъ въ Таронъ своего прото-спасаарія Кринита, но онъ не засталъ уже Торника въ живыхъ, принялъ страну на основаніи его завѣщанія и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ требовать у Баграта завоеванныя имъ части владѣній Торника. Тотъ отказался, но уступилъ за нихъ императору мѣсто въ Лазикѣ. Улннуть. Съ этихъ поръ Таронъ, разбившійся на мелкія владѣнія, понемногу теряетъ свою самостоятельность и дѣлается полнымъ владѣніемъ Византіи съ ишханами изъ армянъ ¹⁾.

VII. Армения въ эпоху Абаса и Ашота III.

928—977. Романъ Лакапенъ (до 944). Константинъ VII Багрянородный (до 959). Романъ II (до 963). Василий II и Константинъ VIII. Никифоръ Фока (до 969). Іоаннъ Цимискій (до 975). Василий II Болгаробойца. Муктедиръ-Била (до 932). Кагиръ (до 934). Ради (до 940). Мутеки (до 944). Мустекфи (до 946). Муті (до 974). Тан.

Послѣ смерти Ашота, который въ эпоху всей своей тревожной жизни не могъ жениться и оставить себѣ преемника, армянское духовенство объявило царемъ его брата, Абаса, которому стали благопріятствовать и самыя событія. Въ Азербейджанѣ уже не было тѣхъ грозныхъ Саджидовъ, халифатъ окончательно терялъ свою силу. Въ самой Армении всѣ сословія были такъ изнурены войною и бѣдствіями, что уже никто не могъ ни воевать, ни обороняться. У нахараровъ не было ни хлѣба, ни денегъ—все было растрчено и уничтожено, большинство поселянъ было разорено, и такимъ образомъ Абасу пришлось царствовать надъ полупустынею. Однако и въ первую эпоху его правленія произошло нѣсколько непріятныхъ событій. Одинъ изъ преемниковъ Юсуфа, но какой—именно, не извѣстно, вторгся съ войсками въ Армению и, благодаря ея опустошенности, дошелъ безпрепятственно отъ Нахичевана до Двина. Абасъ сталъ просить помощи у Гагика, но, такъ какъ помощь долго не являлась, самъ вступилъ въ битву и былъ разбитъ. Испуганный, онъ бросилъ все и бѣжалъ

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ „De administrando imperio“ Константина Багрянороднаго, гл. 43, стр. 182—191 Боняскаго изданія.

въ Иверію, но помощь вскорѣ прибыла. Гагикъ въ свою очередь разбилъ азербейджанцевъ и прогналъ ихъ вонъ. Этимъ онъ оказалъ услугу всему своему отечеству, такъ какъ набѣги азербейджанцевъ уже болѣе не повторялись ¹⁾. Такимъ же образомъ Гагикъ отбросилъ дилемцевъ, дѣлавшихъ набѣги на его страну ²⁾. Все это показываетъ, что въ это время царство Васпуракана достаточно сплотилось. Между тѣмъ и Абасъ воротился изъ напраснаго бѣгства, но тутъ опять столкнулся съ новымъ набѣгомъ—Абхазца Бера, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ твореніяхъ Стефана Асогика и Самуила Анеци ³⁾.

Приближалась вторая половина X столѣтія, на которое всѣ смотрѣли, какъ на послѣднее пятидесятилѣтіе передъ пришествіемъ Спасителя. Умножались монастыри и богоугодныя заведенія какъ на западѣ, такъ и на востокѣ; всѣ старались заботиться о своей душѣ, о своихъ поступкахъ. Императоръ Византін, Романъ Лакапенъ, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на григоріанизмъ въ Арменіи. Хорошо понимая общую связь между нимъ и православіемъ, онъ рѣшился тамъ, гдѣ не могъ ничего достигнуть убѣжденіемъ, прибѣгнуть къ силѣ и воздвигъ настоящее гоненіе на армянъ своего государства, но ошибся въ расчетѣ. Армяне, понимая, что ихъ единственное спасеніе заключается въ обособленности вѣры, не сдавались ни на какія угрозы ⁴⁾. Сознавая свое полное безсиліе, Романъ Лакапенъ задумалъ составить коалицію изъ православныхъ народовъ Кавказа, чтобы сломить григоріанизмъ въ самомъ его центрѣ, но и это предпріятіе ему не удалось, такъ какъ здѣсь развился рано политическій смыслъ, и въ странѣ понимали отлично всю невыгоду соединенія съ Византіей. Вызвался на экспедицію лишь владѣтельный князь Абхазія, Беръ, который съ черкесскимъ и абхазскимъ ополченіемъ явился въ Арменіи, вѣроятно, болѣе для грабежа, но подъ предлогомъ помѣшать построенію въ Карсѣ Абасомъ великолѣпнаго кафедральнаго собора по григоріанскому обряду. Беръ подступилъ къ Курѣ и послалъ къ Абасу посла съ подобнымъ требованіемъ. Въместо отвѣта онъ увидѣлъ скоро на другомъ берегу армянскую армію. Самъ царь переплылъ рѣку, за нимъ войско, и нестройныя толпы горцевъ,

¹⁾ *Ома Ариуни*, III, 38.

²⁾ *Ома Ариуни*, III, 39.

³⁾ *Стефанъ Асогикъ*, III, 7. *Samouel d'Ani*, p. 437.

⁴⁾ *Киракосъ*, пер. Brosset, p. 44.

не привыкшихъ биться въ открытомъ полѣ, обратились въ постыдное бѣгство. Самъ Беръ былъ взятъ въ плѣнъ и затѣмъ осѣпленъ. Такъ окончилось неразумное предпріятіе Романа Лакапена.

Судя по всѣмъ словамъ армянскихъ историковъ, вторая половина царствованія Абаса прошла совершенно спокойно, такъ какъ собственные смуты, недостатокъ выдающихся личностей мѣшали исламу производить наступательное движеніе въ Арменію. Но за всѣмъ тѣмъ, какъ происходило умиротвореніе края, какіе издавались законы, какъ сплочивалась власть, остается неизвѣстнымъ. Стефанъ Асогикъ, подробнѣе всѣхъ описывающій эту эпоху, сообщаетъ свѣдѣнія лишь о чудесахъ святыхъ и о ихъ жизни. Судя по этому, надобно думать, что въ странѣ преобладало исключительно религіозное направленіе, что духовенство старалось строить монастыри, гдѣ бы могло спастись все то, что избѣгало алчности нахараровъ. Католикосомъ въ это время былъ Теръ-Ананія, который, повидимому, старался водворить прочно уставъ св. Василія Великаго среди монаховъ. Значеніе монастырей въ Арменіи было то же, что и въ Западной Европѣ. Они служили крѣпостями, мѣстами, гдѣ процвѣтали науки и искусства, гдѣ скрывались ученые, или вартапеты, но перечислять здѣсь всѣ выстроенные монастыри не въ нашей задачѣ.

Эпоха Абаса имѣла своихъ писателей: такъ, между прочимъ, въ эту эпоху жили старецъ Петросъ, написавшій поученіе на дни великаго поста, другой Петросъ, комментаторъ Библии ¹⁾, но всѣхъ извѣстнѣе были Ананія Нарекскій и Ухтанесъ. Первый изъ нихъ отличался неутомимою литературною дѣятельностью, при чемъ онъ не только писалъ самъ, но и побуждалъ другихъ къ работѣ. Такъ, онъ побудилъ Ухтанеса, писателя этой эпохи, составить свое сочиненіе. Какъ искусный философъ, онъ самъ составилъ книгу подъ заглавіемъ „корень вѣры“ противъ дифизитовъ, а затѣмъ по просьбѣ католикоса Ананія трактатъ противъ тондракской ереси. Ухтанесъ, епископъ Едессы, въ то же время написалъ сочиненіе, состоящее изъ трехъ частей: во первыхъ, изъ краткаго обзорѣнія исторіи, во вторыхъ, изъ исторіи раскола между армянами и иверійцами и, втретьихъ, изъ исторіи обращенія въ христіанство народа Цадъ. Последняя часть еще нигдѣ не найдена, первая есть простая компиляція изъ трудовъ Монсея Хоренскаго, Монсея Каганкатваца, Евсевія и Агаангела и доходитъ до эпохи Константина Великаго, вто-

¹⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 7.

рая часть, хотя и дышетъ фанатизмомъ, представляетъ большую важность для исторіи Грузіи. Ухтанесъ былъ изданъ въ Эчмиадзинѣ въ 1871 году, переведенъ по-французски академикомъ Броссе ¹⁾).

Здѣсь не въ первый разъ мы встрѣчаемъ названіе „тондракская ересь“, которой и рѣшаемся заняться, но прежде, чѣмъ говорить о ней, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о маркіонитствѣ и манихействѣ, дѣтищемъ которыхъ она является и которыя были такъ сильно распространены въ Арменіи, что Езнику Коглскому, епископу Багреванда, пришлось писать противъ нихъ особое опроверженіе уже въ V вѣкѣ. Маркіонъ, сынъ епископа Синопа, поселился между 140 и 160 гг. по Р. Хр. въ Римѣ, гдѣ и послѣдовалъ валентіанизму, хотя нѣсколько его и передѣлалъ. Все его ученіе было діаметрально противоположно Ветхому Завѣту. Подобно валентіанамъ, онъ училъ, что вселенная создана Деміургомъ, имѣющимъ лишь ограниченную власть и ограниченное могущество. Этотъ Деміургъ и есть Іегова евреевъ. Богъ послалъ на землю Христа по своему милосердію, и тѣло его не состояло изъ земнаго существа, но имѣло способность страдать. Христосъ далъ людямъ откровеніе спасающее людей. Вѣрующіе во Христа и ведущіе святую жизнь войдутъ въ царствіе небесное, туда же войдутъ и люди, умершіе до явленія Христа, но увѣровавшіе въ него при сошествіи его въ адъ, а невѣрные останутся подъ властью Деміурга и, смотря по заслугамъ, получатъ или низшую степень блаженства, или осужденіе. Къ этому примѣшивались еще строгій аскетизмъ и анабаптизмъ. Маркіонъ отвергалъ Ветхій Завѣтъ, но признавалъ посланія Павла и варіантъ Евангелія отъ Луки, въ которомъ было много пробѣловъ. Развѣтѣмъ маркіонитства явилась секта манихеевъ. Основателемъ ея явился магъ Мани, сначала изгнанный изъ Персіи, но потомъ возвратившійся, при чемъ онъ пріобрѣлъ большую власть и значеніе. Онъ хотѣлъ соединить зороастризмъ съ христіанствомъ и говорилъ, что онъ и есть тотъ утѣшитель, о которомъ сказалъ Христосъ. Долго онъ боролся съ магами, но при сассанидскомъ шахѣ Врамѣ I Вараранѣ былъ убитъ, и содранная съ него кожа была повѣшена на воротахъ столицы по персидскому обычаю. Мани полагалъ два начала, враждебныя искони другъ другу: демона и Бога. Въ царствѣ мрака долго боролись между собою злыя силы, но, дойдя разъ до царства свѣта, соединились вмѣстѣ для борьбы съ нимъ. Для этой

¹⁾ Brosset, Oukhtanès d'Ourha. Introduction.

же борьбы Богъ создалъ человѣка изъ вѣчнаго свѣта и далъ ему во владѣніе свѣтъ, огонь, воду и воздухъ. Человѣкъ былъ побѣжденъ и, хотя и спасся, часть его свѣта была увлечена въ царство мрака. Для избавленія того Богъ создалъ землю, но свѣтъ, душа человѣка, не освободился. Тогда отъ Бога произошли Христосъ, или Митра, и Святой Духъ. Первый живетъ на солнцѣ и на лунѣ, а второй, въ зѣирѣ вселенной, и оба они понемногу освобождаютъ плѣненный свѣтъ. Чтобы удержать оставшееся, демонъ создалъ теперешняго человѣка, въ которомъ постоянно борются оба начала. Душа свободна, но она скована соблазнами и обольщеніями діавола. Для скорѣйшаго окончанія всего Христосъ покинулъ престолъ и явился, окруженный призракомъ тѣла. Его страданія и смерть лишь кажущіяся, такъ сказать, эмблематическія. Какъ Христосъ избавляетъ своимъ ученіемъ, такъ и спасеніе исходитъ отъ его креста, но апостолы поняли его ученіе, не какъ слѣдуетъ; и вотъ для довершенія побѣды свѣта явился Мани—утѣшитель. Въ концѣ міра свѣтъ освободится вполне, и злыя силы вновь будутъ враждовать между собою. Въ сектѣ манихеевъ было двѣ степени: совершенныхъ или избранныхъ и слушающихъ. Первые одни знали тайны ученія, не вступали въ бракъ, не ѣли мяса, не пили вина. Вторые были не связаны ничѣмъ, но молитвами избранныхъ получали за все прощеніе. Въ вознагражденіе за это они приносили имъ оливки, свѣтлые плоды, главную пищу манихейскаго духовенства. Подобно маркіонитамъ, они соблюдали полнѣйшій аскетизмъ и праздновали воскресный день постомъ. Главнымъ ихъ праздникомъ былъ день смерти Мани, называемый „праздникомъ каедры“. Манихейство и маркіонитство были занесены въ Арменію изъ Персіи. Въ то время, благодаря религіознымъ гоненіямъ огнепоклонниковъ, множество армянъ наружно совратилось въ зороастризмъ. Упреки духовенства и вѣрующихъ, расточаемые ими публично, упреки собственной совѣсти — заставляли ихъ выбирать нѣчто среднее, въ чемъ бы примирялись старыя вѣрованія съ новыми. Такимъ среднимъ казалось манихейство, и вслѣдствіе этого множество армянской знати совратилось въ эту ересь. Во время нашествія арабовъ и въ арабскую эпоху манихейство потеряло свое значеніе и почти исчезло въ Арменіи, но возродилось въ сектѣ павликіанъ или новыхъ манихеевъ. Нѣкто Самуилъ, дьяконъ изъ селенія Зарехованъ въ области Цагкоцъ, вошелъ въ сношеніе съ Мечуенкомъ, однимъ изъ послѣдователей этой секты, извѣстнымъ тогда медикомъ и астрологомъ, который его убѣдилъ послѣдовать махинеи-

скому вѣроученію. Это было въ 840 г. Новый прозелитъ поселился въ провинціи Апахуни въ деревнѣ Тондракѣ и сталъ, величая себя епископомъ, по армянскимъ писателямъ, отрицать будущую жизнь, провидѣніе, благодать Св. Духа и таинства, то-есть, однимъ словомъ проповѣдовать манихейство. Населеніе мѣстечка, выведенное изъ терпѣнія и безъ того невыносимыми поборами духовенства, кинулось толпами къ новатору. Но при первыхъ же шагахъ обнаружилось, что основатель секты былъ человѣкъ грубый и непрigотовленный. Желая заманить большее количество адептовъ въ свое вѣроученіе, такъ какъ онъ боялся духовенства и считалъ необходимымъ собрать даже вооруженную силу, онъ устроилъ вечера, въ которые его послѣдователи предавались вакханаліямъ, посылалъ женщинъ для совращенія молодежи и общалъ прощеніе грѣховъ, благодаря извѣстной *догмѣ прощенія* манихейства. Адепты его стали называть себя тондраками. избирали особаго епископа и составляли сначала секту довольно замкнутую. Черезъ нѣкоторое время они разбились уже на три толка: собственно тондракскій, тулаильскій и хицискій, по названіямъ трехъ деревень, гдѣ жили послѣдователи новой вѣры. Первый обратилъ вниманіе на расколъ католиковъ Іоаннъ въ 847 г. и проклялъ Симбата съ послѣдователями, но это не повело ни къ какимъ результатамъ, и секта сильно распространилась, не смотря на жаркія преслѣдованія ея духовенствомъ. Послѣднее создало настоящую инквизицію, гдѣ несчастныхъ сжигали, душили, били палками, вырывали глаза и выжигали каленымъ желѣзомъ на лбу изображеніе лисицы, но эти мѣры не могли быть постоянны и дѣйствительны. такъ какъ, вопервыхъ, тогдашнія тревожныя времена не могли дать духовенству значительной и прочной силы. а, во вторыхъ, несчастное населеніе, угнетаемое поборами, скорѣе соглашалось быть сожженнымъ живымъ, чѣмъ терпѣть ужасную жизнь. Католиковъ Ананія, во время котораго эта секта создала себѣ цѣлое гнѣздо уже въ Сюникѣ, принужденъ былъ измѣнить политику и дѣйствовать письменными убѣжденіями, но и это не помогло, и секта распространилась до самой Месопотаміи. Такъ было до 1050 г., когда дука Месопотаміи, имѣвшій почти неограниченную власть въ это время. Григорій Магистросъ, не принялся за ихъ истребленіе. Возбужденный двумя недовольными священниками этой секты, онъ ворвался въ Тондракъ и предалъ огню и мечу населеніе, которое частью погибло, частью обратилось въ армяно-григоріанизмъ. Съ этихъ поръ армянское манихейство перестало существовать за исключеніемъ отдѣльных при-

мѣровъ, такъ какъ у него главы не было, да и другіе интересы скоро отвлекли отъ нея вниманіе населеніе, такъ какъ ему пришлось трепетать и за самую свою жизнь.

Послѣ смерти Абаса въ 952 г. воцарился его сынъ, Ашотъ III. Въ это время главные антагонисты багратидовъ, Арцруни, были уже значительно ослаблены, и потому этотъ царь, занимавшійся болѣе духовными дѣлами, чѣмъ политикою, одну половину своего царства съ городомъ Карсомъ отдалъ въ полное владѣніе своему брату, Мушегу. Стефанъ Асогикъ ¹⁾ указываетъ на истинно сверхъестественное благочестіе царя, проводившаго все свое время среди послѣдняго отребія. Но это явленіе становится понятнымъ, если вспомнить, что приближался конецъ тысячелѣтія отъ Р. Хр. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на всѣ дѣянія Ашота. Царствованіе его есть царствованіе церкви, никакихъ политическихъ дѣйствій мы у него не видимъ. Халифатъ умиралъ понемногу, кругомъ горѣла междоусобная война въ Византіи, и Ашотъ II. прозванный Милосердымъ, могъ спокойно спать, занимаясь одною религіозною частью. Что дѣлалъ въ это время народъ, какъ жила страна, намъ неизвѣстно, но вѣчный разладъ и привычка къ мятежамъ создали и въ духовномъ мірѣ преповы.

Еще при жизни католикоса Ананія въ Сюніи, бывшей тогда центромъ топдракской ереси, одинъ изъ епископовъ Іаковъ вмѣстѣ съ какимъ-то Хосроемъ вздумали ввести кое-какія нововведенія и исправленія въ священныхъ книгахъ и обрядахъ. Изъ нихъ Киракосъ ²⁾ упоминаетъ объ исправленіи названія для дня воскреснаго „куріакѣ“ вмѣсто „куракѣ“, объ отищеніи волосъ дѣтямъ до извѣстнаго возраста, а главное— о прекращеніи взятокъ католикосу со стороны высшаго духовенства, которое должно было его считать лишь *primus inter pares*. Во всемъ этомъ не было, конечно, никакой ереси, но алчному духовенству Арменіи все это представилось въ другомъ свѣтѣ. Изъ новаторамъ пристало почти все населеніе страны, такъ какъ, вѣроятно, они требовали и другихъ уступокъ отъ всесильнаго клира. Духовенство сначала попробовало запугать врага угрозами, но тщетно католикосъ и вартапеты составляли посланія и увѣщанія. Епископъ Іаковъ, не ожидая пощады, укрѣпился въ одномъ замкѣ, а владѣтельница Сю-

¹⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 8

²⁾ Киракосъ, стр. 45.

ника, на просьбу патріарха выдать мятежниковъ, отвѣчала отказомъ, такъ какъ нахарары всегда смотрѣли на католикоса, какъ на проводника Багратидской идеи. Только послѣ смерти Іакова, когда со смертью главы рушились его начинанія, рѣшился католикосъ самъ отправиться въ Сюнію и отобрать подписку въ покорности. Сдѣлалъ ли онъ уступки, или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ ¹⁾.

Но только что клиръ оправился отъ этой смуты, возникъ расколъ въ самой его средѣ. По смерти Теръ-Анашія католикосомъ былъ избранъ Теръ-Ваханъ. Это былъ первый католикосъ того времени изъ партіи нахараровъ. Онъ былъ родомъ изъ провинціи Багской—по Стефану Асогику, Балгской—по Киракосу. Провинція Балгъ лежала въ томъ Сюникѣ, гдѣ тогда рождались всѣ религіозныя смуты и несогласія въ Арменіи. Теръ-Ваханъ послѣдовалъ общему примѣру и сталъ явно клониться уже къ принципамъ Халкидонскаго собора. Это возломило самого царя, который собралъ въ Ани, тогда еще небольшой крѣпостицѣ, соборъ, торжественно низложившій Вахана и объявившій католикосомъ Стефана изъ той Севанги, которая служила въ эту эпоху разсадникомъ католикосовъ Арменіи. Ваханъ бѣжалъ въ Вазпураканъ, надѣясь тамъ возбудить старинную ненависть къ Багратидамъ, и нашелъ тамъ убѣжище. Абусахль, сынъ Гагика, призналъ его главою Арменіи, и оба католикоса стали громить другъ друга апоемами. Къ счастью, этотъ скандалъ продолжался не долго, такъ какъ оба врага умерли. Преемникомъ Теръ-Степану былъ избранъ одинъ изъ членовъ собора, низложившихъ Вахана ²⁾, Теръ-Хачикъ, епископъ Аршарунійскій.

Послѣдніе годы царствованія Ашота III наполнены свѣдѣніями о постройкѣ храмовъ и объ обширной экзегетической дѣятельности по комментаторству Священнаго Писанія. Въ архитектурѣ, между прочимъ, мы теперь въ первый разъ встрѣчаемъ употребленіе круглаго купола, раньше этой эпохи Арменіи въ церквахъ неизвѣстнаго. Надобно думать, что въ это время здѣсь было сильное вліяніе Византии, ведшей въ это время непрерывныя войны на границахъ Вазпуракана ³⁾.

¹⁾ *Киракосъ*, стр. 45—46. Стефанъ Сюнеци, *Brosset*, p. 162, n.

²⁾ *Киракосъ*, стр. 46. Стефанъ Асогикъ, III, 8.

³⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 8.

VIII. Армения въ эпоху Смбага II.

977—989. Василій II Болгаробойца. Тая.

Не смотря на кажущееся умиротвореніе въ странѣ, въ Армении далеко еще не было спокойно. Съ часу на часъ можно было ждать или возмущенія нахараровъ, или смуть въ самой династии, и потому приближенные покойнаго царя поспѣшили въ тотъ же день провозгласить царемъ старшаго его сына, Смбага, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе это произведетъ на другаго брата, Гагика, и на дядю, Мушега. Смбагъ отлично понималъ свое положеніе, понималъ полную ненадежность всего окружающаго, разслабленнаго ханжествомъ Ашота III, и положилъ прежде всего перенести столицу въ мѣсто, гдѣ было бы болѣе преданное Багратидамъ населеніе, опираясь на которое можно было бы властвовать надъ всею Арменией. Такимъ мѣстомъ являлась важная стратегическая крѣпостца Ани. И вотъ здѣсь Смбагъ основываетъ свое мѣстопробываніе, обводитъ большое пространство каменной стѣною, устраиваетъ желѣзные ворота, строитъ церкви ¹⁾. Главнымъ помощникомъ ему является знаменитый тогда архитекторъ Трдатъ, который былъ въ то же время и граверомъ и позднѣе прославился реставраціей храма св. Софіи въ Константинополѣ ²⁾. Шагъ былъ сдѣланъ очень умно, такъ какъ послѣдствія скоро показали всю справедливость царскихъ опасеній. Въ домѣ Багратидовъ никогда не было установлено прочно престолонаслѣдіе, и права на престолъ переходили то на сыновей, то на братьевъ царя. У покойнаго Ашота оставался еще братъ въ Карсѣ, Мушегъ, и онъ-то объявилъ себя претендентомъ на корону Армении. Смбагъ предупредилъ своего дядю и съ помощью вѣрной дружины, ворвавшись въ его страну, уже взялъ крѣпость Шатякъ и двигался къ Карсу. Мушегъ былъ не приготовленъ къ подобному шагу и бѣжалъ къ куропалату Тайка, Давиду, тогда совсѣмъ самостоятельному владѣтелю. Грузинскія войска затѣмъ вступили въ Ширакъ, но, едва только они начали было опустошать страну, какъ разнеслась удивительная вѣсть, что Смбагъ уже въ Тайкѣ. Давидъ былъ принужденъ отступить и просилъ мира. Смбагъ согласился. Такъ по началу его царствованія было видно, что страна неспокойна, и, дѣйствительно, смуты въ госу-

¹⁾ Стефанъ Асаникъ, III, 11.²⁾ Стефанъ Асаникъ, III, 27.

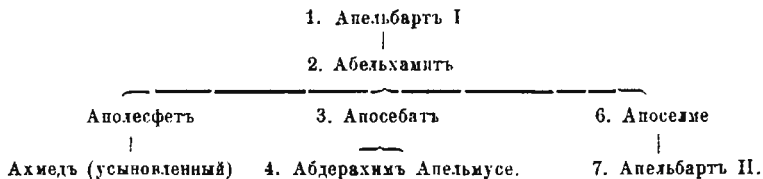
дарствѣ этимъ не окончились ¹⁾. Мстительный Мушегъ обратился за помощью къ главѣ извѣстныхъ въ это время грабителей и разбойниковъ, дилемцевъ, Абульхаджу, племяннику Салара. Тотъ сначала долго не рѣшался устроить какой либо набѣгъ, но впоследствии сжегъ монастырь Хоромость и въ знакъ побѣды увезъ его накопленный крестъ. Дилемцы въ это время, на сколько объ этомъ можно судить по словамъ Стефана Асогика, владѣли многими городами Арменіи, а между прочимъ, и Двиномъ и совершали набѣги на сосѣднюю христіанскую страну Гохтенъ, гдѣ управлялъ мусульманскій эмиръ Абу-тльпъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нападенія дилемитовъ вывели изъ терпѣнія Абу-тльпа; вѣроятно, и Смбагъ побуждалъ его къ этому, и вотъ онъ разбилъ дилемитовъ, взялъ въ плѣнъ Абульхаджа и отнялъ у него всѣ его захваты въ Арменіи. Абульхаджъ потомъ бѣжалъ изъ плѣна, долго странствовалъ по Кавказу, ища союзниковъ, побывалъ и у императора Василия, но, ничего не найдя, воротился въ Дилемъ, гдѣ и былъ задушенъ возставшею противъ него знатью, недовольною его неудачами ²⁾. Какія мѣры предпринималъ далѣе Мушегъ для борьбы съ Смбагомъ, какъ утверждался Смбагъ и расширялъ свою власть, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Византія въ эту эпоху вела жестокия войны съ болгарами и для этой цѣли тамъ употребляли армянскіе отряды, которые славились своею храбростью и набирались или въ византійскихъ владѣніяхъ Арменіи, или прямо нанимались. Постоянная тревога и страхъ отъ нападеній арабовъ заставляли жителей толпами оставлять родину и искать безопасности на византійской службѣ. Арабскіе эмиры въ Арменіи въ эту эпоху сильно размножились и грабили страну; такъ, тотъ же Абу-тльпъ совершилъ набѣгъ въ Васпураканъ ³⁾, Ель-Батнъ ⁴⁾.

¹⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 11.

²⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 12.

³⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 13.

⁴⁾ Константинъ Багрянородный въ своей „De administrando imperio“, гл. 44, стр. 191—197, рисуетъ слѣдующую генеалогію предшественниковъ Ель-Батна, эмировъ Маназкерта, Хилата, Беркри и Арзена:

эмиръ Хилата и Неферкерта, разорилъ Таронъ ¹⁾). Обстоятельства круто переѣнились. Надобно думать, что Смбаъ въ эту эпоху принужденъ былъ исключительно бороться съ анархіей. Въ концѣ концовъ царство его достигло того значенія, что считалось почти главнымъ на Кавказѣ, если не считать владѣній куропалата Тайка. Послѣ смерти Мушега, доведшаго свою страну до такого положенія, что грабежъ и убійство являлись дозволеннымъ и обычнымъ дѣломъ, въ Карсѣ воцарился его сынъ Абасъ ²⁾ (984 г.). Это былъ человекъ умный и энергичный, истый образчикъ Багратида. Возстановивъ въ странѣ полный порядокъ, устроивъ правильный судъ и организовавъ порядокъ въ клирѣ, онъ создалъ изъ своей страны образцовое кавказское царство. А какъ было въ этомъ отношеніи въ другихъ мѣстахъ, рельефно рисуетъ небольшой разказъ Стефана Асогика. Въ одной изъ областей Васпуракана, Херѣ, игралъ въ одномъ мѣстѣ прекрасный мальчикъ. Его увидѣли совершавшіе набѣгъ арабы и захватили съ собою. Увидя это, какой-то Саркисъ погнался за ними и освободилъ плѣннаго. Эта причина, — говоритъ историкъ, — послужила поводомъ къ разоренію Васпуракана арабами ³⁾.

Тотъ же Стефанъ Асогикъ разказываетъ рядъ небольшихъ анекдотовъ, великолѣпно рисующихъ и положеніе царства Смбаъ. Царь, по его словамъ, все свободное отъ правленія время проводилъ въ пьянствѣ и дебошахъ, при чемъ произволъ его не зналъ никакихъ предѣловъ. Между прочимъ, у царя былъ складъ травы и сѣмянъ въ городѣ Ани, и его кто-то сжегъ. Въ это время одинъ безумецъ, или прямо сумасшедшій, взобравшись на церковный амвонъ, сталъ выхваляться, что онъ сжегъ царскій амбаръ. Не разобравъ, въ чемъ дѣло, царь приказалъ его убить, выколоть ему глаза и выбросить за городскія ворота. Тѣло похоронили монахи, но царь приказалъ его вынуть и бросить собакамъ. Вдобавокъ Смбаъ еще женился на своей племянницѣ. Все это ясно указываетъ, что полный произволъ царствовалъ всюду, и единственнымъ уставомъ лишь являлась царская воля ⁴⁾.

Смерть Смбаъ II довольно загадочна. По указанію Стефана Асогика, царь скончался отъ скорби по своей умершей женѣ и на пре-

¹⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 14.

²⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 17.

³⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 19.

⁴⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 29.

столя взошелъ брать его, Гагикъ. Въ это же время,—продолжаетъ онъ,—распространился слухъ, что царь похороненъ живымъ, и будто бы для успокоенія черни и войска Гагику пришлось вырывать его трупъ изъ могилы ¹⁾).

Памятникомъ архитектуры эпохи Смбата остается начатый при немъ великолѣпный кафедральный соборъ въ Ани, описанный академикомъ Броссе. Но, такъ какъ онъ былъ оконченъ при Гагикѣ I, то мы скажемъ о немъ при обзорѣнїи этого царствованія. Замѣтимъ, что въ надписяхъ на немъ имя Смбата совершенно не пишется.

IX. Арменія въ эпоху Гагика I.

989—1020. Василій II Болгаробойца. Тая (до 991). Кадиръ-Біла.

Время Гагика I считается апогеемъ величія Багратидской династїи. Правда, оно наполнено у армянскихъ историковъ разнообразными свѣдѣніями о постройкахъ церквей и соборовъ, но никакія болѣе точныя указанія не дошли до насъ, за исключеніемъ упоминаній о чисто-внѣшнихъ событіяхъ. Постараемся дать себѣ возможный отчетъ въ этихъ указаніяхъ.

Гагикъ, по словамъ Стефана Асоевика ²⁾, былъ самый уныый, самый лучший полководецъ, самый щедрый и самый благочестивый изъ всей Багратидской династїи. Всѣ эти качества можно отчасти признать за нимъ вслѣдъ за армянскимъ историкомъ. Гагикъ былъ женатъ на Катрамидѣ, или Катранидѣ, дочери Васака, ишхана Сюника, и, слѣдовательно, съ этой стороны владѣлъ самымъ непокорнымъ удѣломъ своего царства, гдѣ постоянно рождались мятежи, ереси, политическія и религіозныя несогласія. Со стороны Тифлиса и Гандзакъ Иверійскимъ полемъ и провинціей Ташира владѣлъ его племянникъ Давидъ, и такимъ образомъ съ этой стороны царство Багратидовъ могло защищаться, не тратя ни одного солдата. Послѣдствія всего этого обнаружились скоро. Давидъ изъ своей орлиной резиденціи. Самшвилде, завладѣлъ Тифлисомъ, затѣмъ разбилъ на голову эмира Гандзакъ Фадлуна. Марзпанъ Димитрій, ишханъ Гага, вздумалъ оставить армяно-григоріанизмъ, но былъ силою покоренъ Давидомъ. Самъ Гагикъ подчинилъ своей власти Вайодзоръ, Хаченъ и Парисось и

¹⁾ Стефанъ Асоевикъ, III, 29.

²⁾ Стефанъ Асоевикъ, III, 30.

тѣмъ округлилъ свои владѣнія ¹⁾). Теперь оставалось лишь украшать страну и заниматься ея устройствомъ. Духовенство въ эту эпоху тоже приобрѣло огромную силу. Престоль Антиохіи оставался вакантнымъ, такъ какъ городомъ владѣли арабы. Угнетеніе христіанъ усилилось ²⁾). Жители, имѣвшіе постоянныя сношенія съ Арменіей, стали обращаться къ католикосу этой страны, который сталъ фактически патріархомъ всей Сиріи. Антиохія и Тарсъ подчинились ему добровольно въ духовномъ отношеніи ³⁾). Нужно было лицо, которое могло бы съ честью исполнять новое призваніе, и кто знаетъ, быть можетъ, навсегда перетянуть духовное верховенство изъ рукъ одряхлѣвшей Византіи, и вотъ на бѣду старый, умный католикосъ Теръ-Хачикъ умираетъ. Кто могъ его замѣнить? Царь Гагикъ обратился къ древнему монастырю, Севангѣ.

Еще будучи ребенкомъ, Гагикъ зналъ одного человѣка, одного монаха, который удивлялъ его своими знаніями и своею набожностью. Тогда приближался роковой тысячный годъ, и экзальтированный ребенокъ, напуганный разказами о Второмъ Пришествіи Господнемъ, бо страхомъ и трепетомъ прислушивался къ малопонятнымъ рѣчамъ. Видя истомленного отъ постовъ и молитвы монаха, онъ, будучи юношею, подарилъ ему монастырь около Севанги. Святая жизнь и подвиги привлекали къ этому чудному монаху отовсюду богомольцевъ, которые усыпали дорогу; и самъ монастырь получилъ прозваніе Шогага или „свѣтлаго“. Теръ-Саркисъ, какъ звали его, былъ истымъ аскетомъ вѣка, былъ вторымъ Маштоцемъ, и на немъ остановился царь. Собрался соборъ въ Ани подъ предсѣдательствомъ старшаго епископа Аршаруни, Теръ-Сахака, и по желанію царя выбрали католикосомъ Теръ-Саркиса. Царь Гагикъ былъ увѣренъ, что онъ нашелъ себѣ твердую опору въ духовенствѣ, тотъ столбъ, на который должны были опираться Багратиды, и не ошибся ⁴⁾).

Въ это время на югѣ совершились событія, которыя, ослабивъ съ одной стороны всю опасность, оттуда грозившую, должны были вовлечь Гагика въ борьбу, которая по своему ожесточенію напоминала эпоху Юсуфа или скорѣе событія эпохи битвы при Аварайрѣ.

Въ Четвертой Арменіи, гдѣ былъ въ это время эмиръ въ Не-

¹⁾ Стефанъ Асотикъ, III, 30.

²⁾ Lebeau, Histoire du Bas-Empire, t. XVI, l. 76, ch. 49.

³⁾ Стефанъ Асотикъ, III, 31.

⁴⁾ Стефанъ Асотикъ, III, 32.

феркертѣ тотъ же Батнѣ, случилось страшное землетрясеніе, разрушившее и разорившее не только его области, но и часть областей, принадлежавшихъ Гагику ¹⁾. Къ тому же въ это время эмиру Батну пришлось вести упорную борьбу съ другими мусульманами. Среди этой борьбы Батнѣ умерѣ. Эмиромъ сталъ сынъ его сестры, Ибнъ-Мерванъ. Пользуясь политическою слабостью страны, куропалатъ Тайка, Давидъ, бывшій въ эту эпоху, какъ мы это говорили, самостоятельнымъ владѣтелемъ, двинулся во владѣнія Ибнъ-Мервана, осадилъ, взялъ Маназкертъ и выгналъ оттуда всѣхъ жителей-мусульманъ. Этотъ совершенно неполитическій поступокъ повелъ къ религиозной войнѣ. Ибнъ-Мерванъ распространилъ вѣсть объ этомъ поруганіи ислама по всему Востоку, прося у всѣхъ защиты противъ ненавистныхъ христіанъ. Быстро составила религиозная коалиція изъ всѣхъ окрестныхъ владѣтелей, и главою войска былъ избранъ эмиръ Азербейджана, Мамланъ. Но Давидъ заранѣе предугадалъ, къ чему поведетъ его поступокъ, и въ свою очередь послалъ къ христіанскимъ владѣтелямъ, прося ихъ соединиться противъ общаго врага—мусульманъ. Образовалась въ свою очередь коалиція христіанъ изъ куропалата Тайка, Давида, Гагика, царя Арменіи, Абаса, царя Вананда, и Баграта, царя иверійцевъ. Главный лагерь христіанъ былъ въ Ваггаршакертѣ. Члены коалиціи, желая съ другой стороны лишить Ибнъ-Мервана возможности дѣйствовать, возбудили племянника умершаго Батна, Абу-Машара, въ свою очередь возстать противъ своего родственника. Такимъ образомъ дѣло мусульманъ разстроилось въ самомъ началѣ, и азербейджанцы, ограбивъ Багревандъ, поспѣшно отступили ²⁾. Абу-Машаръ сдѣлался эмиромъ въ Неферкертѣ и, боясь возстанія со стороны мусульманской части населенія, выгналъ его изъ Неферкерта. Этотъ казусъ до такой степени раздражилъ мусульманъ его владѣній, такъ какъ изгнанники разбѣжались повсюду, что въ городѣ Амидѣ, или Діарбекирѣ, произошелъ заговоръ, и Абу-Машаръ, посѣтившій его, былъ убитъ, а страна осталась въ полной анархіи ³⁾. Подъ видомъ какъ бы мести за смерть эмира, а въ сущности пользуясь безпорядками для увеличенія своихъ владѣній, куропалатъ Давидъ послалъ отрядъ своего войска къ городу Хилату, гдѣ въ это время жилъ братъ Ибнъ-Мервана, провозглашенный эмиромъ. Осада этого города

¹⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 36.

²⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 38.

³⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 39.

затянулась. Между прочимъ, легкомысленные грузины устроили для себя въ загородныхъ армянскихъ церквахъ стояла и обиталища и стали ругаться надъ армянскими святынями. Это раздражило противъ нихъ даже армянъ, жившихъ въ Хилатѣ. Жители города сдѣлали вылазку, когда грузины безмятежно спали, часть ихъ вырѣзали, а часть взяли въ плѣнъ. Такъ совершилась месть за изгнаніе мусульманъ изъ Неферкерта и Маназкерта ¹⁾. Между тѣмъ къ Кавказу приближалось огромное ополченіе мусульманской коалиціи опять подъ начальствомъ Мамлана: казалось, повторяются времена Юсуфа. Куропалатъ Давидъ такъ былъ старъ, что уже не могъ самъ воевать и поручилъ командованіе своими войсками вождю Гавриилу, сыну Ачопентра. Другіе христіанскіе владѣтели, соображая свою малочисленность и многочисленность врага, сочли за лучшее обороняться въ крѣпостяхъ и ущельяхъ, гдѣ было легче дѣйствовать съ малыми войсками. и потому отправили къ Давиду только вспомогательные отряды—иверійцы подъ начальствомъ Перса, сына Джоджика, а армяне—подъ начальствомъ Вахрама Пахлавуні, Симбата Магистра и марзпана Ашота. Это были лучшіе мѣстные полководцы, войско было самое отборное, молодецъ къ молодцу, но, когда они увидѣли огромныя полчища врага, то не рѣшились драться и заперлись въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ села Цнбо въ провинціи Апахуникѣ. Мусульмане двигались широкимъ потокомъ, все бѣжало передъ ними, все горѣло, и они кольцомъ оцѣнили армію христіанъ, желая ее взять живьемъ. Страхъ и смятеніе распространились въ христіанскомъ лагерѣ. Никто не рѣшался выйдти сражаться; только пятеро грузинъ вышли противъ врага и погибли, какъ герои, въ неравномъ бою. Видя замѣшательство христіанъ, мусульмане забыли всякій боевой порядокъ; они окружили ихъ и лѣзли отовсюду. Бѣжать было некуда. Нужно было или умереть, или драться. Въ такомъ положеніи часто одушевленіе охватываетъ человѣка; часто трусъ обращается въ героя. Такъ было и теперь. Быстро построились христіане въ боевой порядокъ, вскочили на коней и ринулись, какъ лвы, на врага. Не ожидавшіе ничего по добнаго, враги смѣшались и скоро побѣжали въ постыдномъ бѣгствѣ. Мамланъ былъ самъ увлеченъ бѣгущими, и бывшіе плѣнники гнали врага до самаго Арджиша. Этою битвою рѣшилась участь Кавказа, и мусульманское нашествіе съ юга послѣ этого долго не грозило

¹⁾ Стефанъ Асочикъ, III, 40.

Багратидамъ, но теперь стало надвигаться уже другое — христіанское царство, Византійская имперія ¹⁾).

Благодаря влиянію и частымъ сношеніямъ съ Византією, при дворахъ царьковъ на сѣверѣ Закавказья давно господствовали чисто византійскіе обычаи. Императоры Византіи, давно отчаявшись въ возможности опять завладѣть когда-то имъ принадлежавшими, а теперь уже мусульманскими областями, совершали походы на востокъ лишь для помны, для славы, но, считая себя императорами всѣхъ восточныхъ христіанъ, всегда старались завладѣть ихъ землями фактически. Не желая же показать предъ арабами свою слабость въ этомъ отношеніи, они почти никогда не совершали въ эти страны походовъ, а прибѣгали къ подкупамъ, интригамъ и убійствамъ. Такъ и теперь, узнавъ, что куропалатъ Давидъ, по бездѣтности, завѣщалъ свое царство Византіи, императоръ Василій Болгаробойца, если вѣрить Асогику, не уважая сѣдинъ старика и считая настоящий моментъ благоприятнымъ, поспѣшилъ подкупить одного изъ его придворныхъ отравить Давида, что и было исполнено ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ императоръ Василій, воевавшій въ это время въ Киликіи, боясь какихъ либо дѣйствій со стороны армянскаго царя, Гагика, лично двинулся въ Тайкъ и сталъ распоряжаться самовластно. Такъ, онъ выселялъ всю недовольную знать въ Византію, а затѣмъ самъ принялъ власть въ свои руки. Всѣ сосѣдніе владѣтели изъявили ему покорность и понемногу отдались подъ его покровительство ³⁾. Лишь одинъ Гагикъ, чувствуя свою силу, оставался непреклоннымъ и даже явно показалъ свое пренебреженіе къ Византіи, отнявъ у своего племянника Абусахля, наговаривавшаго на него Василю, провинціи Когойовитъ и Цагкойотнъ ⁴⁾. Тщетно императоръ Василій показывалъ себя истымъ армяниномъ, издавалъ эдикты о полноправности армяно-григоріанскаго исповѣданія—онъ встрѣтилъ несокрушимый отпоръ. Тогда онъ возбудилъ къ возстанію племянника Гагика, Давида, который оборонялъ сѣверъ царства, но, боясь полного разрыва съ Гагикомъ, императоръ все же не подкрѣпилъ того войсками. Гагикъ поспѣшно вступилъ въ Таширь, опустошилъ всю страну и угрожалъ Самшвидѣ. Давидъ

¹⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 41.

²⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 43. *Аристакесъ Ластивертци*, глава I. *Матей Зоескій*, глава 24.

³⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 43. *Аристакесъ Ластивертци*, глава I.

⁴⁾ Стефанъ Асоикъ, III, 43.

защищался отчаянно, но его силы были слабы. Тогда католикосъ Теръ-Саркисъ отправился къ нему въ станъ, представилъ ему всю бесполезность борьбы и примирилъ обоихъ родственниковъ ¹⁾. Въ это время въ Четвертой Арменіи пресѣлся родъ мѣстныхъ владѣтельныхъ князей Парисоса, и Гагикъ, послѣ недолгаго спора съ эмиромъ Гандзака, Фадлуномъ, раздѣлилъ ихъ владѣнія съ нимъ пополамъ ²⁾. Прочія политическія событія эпохи Гагика намъ неизвѣстны, такъ какъ о нихъ ничего не говорятъ армянскіе писатели, изъ которыхъ только ясно, что онъ умеръ спокойно, въ глубокой старости.

Время Гагика I обыкновенно считается эпохою процвѣтанія изящнаго искусства въ Арменіи. Такъ, въ эту эпоху создавалось большинство зданій и церквей въ Ани, столицѣ Багратидовъ ³⁾; въ эту эпоху процвѣтала и литература. Аристакеъ Ластивертци ⁴⁾ называетъ тутъ слѣдующихъ писателей: вардапетовъ Саркиса, Тирана и Еноха, придворныхъ католикоса, отъ которыхъ, однако, ничего не осталось, Самуила Камурджадзорскаго, котораго Мхитаръ Айриванскій ⁵⁾ считаетъ творцомъ армянскаго праздничнаго календаря, а Стефанъ Асогикъ ⁶⁾—извѣстнымъ комментаторомъ библіи, философомъ и музыкантомъ, Іосифа Хундауцскаго, тоже прославленнаго Асогикомъ ⁷⁾. Стефанноса Таронскаго, о которомъ мы говорили въ главѣ объ источникахъ исторіи Багратидовъ, Іоанна Верблюженка и Григорія Нарекскаго. Іоаннъ Верблюженко былъ однимъ изъ армянскихъ ученыхъ, особенно извѣстныхъ своими математическими и астрономическими трудами. Кромѣ книгъ чисто догматическаго характера, которыя не дошли до насъ, Іоаннъ составилъ, по просьбѣ Ананіи, епископа Вагаршакерта, хронологическій трактатъ о календарѣ, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько отрывковъ, а позднѣе, по просьбѣ католикоса Петра, преемника Саркиса, написалъ исторію Багратидовъ, которая не сохранилась. Когда же въ 1007 году въ Константинополѣ произошли большіе безпорядки по поводу празднованія Пасхи, императоръ Василій просилъ царя Арменіи прислать къ нему Іоанна Верблюженка и Іосифа Хундауцскаго, но они отказались, отвѣчая пись-

¹⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 45.

²⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 48.

³⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 47. Киракозъ, стр. 46—47. *Samouel d' Ani*, pp. 441, 443.

⁴⁾ Аристакеъ Ластивертци, глава 2.

⁵⁾ Мхитаръ Айриванскій, 57 стр. московскаго изданія.

⁶⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 7.

⁷⁾ Стефанъ Асогикъ, III, 7.

момъ. Тогда это порученіе исполнялъ Самуилъ Камурджадорскій ¹⁾. Григорій Нарекаци былъ сынъ Хосроя Великаго, епископа Андзеваци. Сначала онъ учился, вѣроятно, подъ руководствомъ своего отца, потомъ указаннаго нами Ананіи Нарекскаго. Двадцати лѣтъ онъ написалъ комментарий на Пѣснь пѣсней, потомъ, по просьбѣ своихъ братьевъ, послѣдовательно 95 священныхъ элегій, разные панегирики и гимны и изъясненіе 38-й главы книги Іова. По высотѣ своихъ идей, по страстности и лиризму онъ не имѣетъ себѣ соперника въ армянской литературѣ, но многія мѣста его произведеній мало понятны. Всѣ его сочиненія за исключеніемъ послѣдняго комментарія были изданы отцомъ Аветикомъ въ Венеціи.

Изъ выдающихся построекъ эпохи Гагика слѣдуетъ упомянуть монастырь Мармашенскій, построенный Вахрамомъ Пахлавуни у восточнаго притока Арпа-чая, храмъ св. Григорія, выстроенный Гагикомъ въ память эпохи тысячелѣтія со дня рожденія Спасителя въ долинѣ Цагкоцадзоръ по эчмиадзинской модели, и Анійскій кафедральный соборъ. Мармашенская церковь, — говоритъ академикъ Броссе ²⁾, — въ длину и ширину 22 армянскихъ локтя, прочно выстроена изъ тесанныхъ камней и замѣчательно пропорціональна въ своихъ частяхъ. Внутри въ ней нѣтъ колоннъ. Въ центрѣ крыши elegantный куполъ изъ каменныхъ плитъ, образующихъ борозды. Внутри алтарь, два жертвенника и одна дверь на востокъ. Возлѣ двери колокольня. На сѣверѣ и на югѣ отъ главной церкви двѣ маленькихъ съ коническимъ куполомъ изъ тесанныхъ камней. Сѣверная 16 локтей въ длину и ширину, и при ней направо и налево придѣлы, южная — 12 локтей въ длину, 10 въ ширину. Въ церкви св. Григорія куполъ, по словамъ Броссе ³⁾, тоже коническій, нижняя часть котораго соединялась съ крышею безъ выступовъ. Но самымъ рельефнымъ представителемъ стиля эпохи Гагика является кафедральный соборъ. Съ наружной стороны онъ представляетъ изъ себя правильную крестообразную базилику съ первобытною башнею-куполомъ по серединѣ. Крестъ соединенъ выступами въ правильный параллелограмъ, и оба конца его выдаются лишь на крышѣ; куполъ, какъ и всегда, круглая башня, оканчивающаяся конусомъ. На каждой сторонѣ собора аркадные двери. Стилъ характеризуютъ правильная наружная колоннада съ

¹⁾ *Маттеѣй Эдесскій*, главы 33—34.

²⁾ *Brosset, Les ruines d'Ani, I partie, p. 64.*

³⁾ *Brosset, Les ruines d'Ani, I partie, p. 36.*

арками, плотно прилегающая къ стѣнѣ, узкія въ видѣ готическихъ окна и изобиліе надписей. Внутри собора правильный колоннадный нефъ, колонны котораго состоятъ изъ цѣлой группы уступовъ и мелкихъ колоннъ; на стѣнахъ же отсутствуетъ всякая стѣнная живопись, какъ это бываетъ въ мусульманскихъ мечетяхъ. Колонны въ европейскомъ стилѣ, въ родѣ колоннъ Толедо и Кордовы. нѣтъ ¹⁾. Итакъ, мы видимъ здѣсь армяно-грузинскій стиль совершенно разившимся. Базилика, основа купола въ немъ—византійскія, простота внутри и простота снаружи взяты изъ мусульманскаго міра. острые конусы, октаэдры и додекаэдры—это уже изобрѣтеніе кавказскаго армянскаго духа, создавшаго и въ письмѣ острые углы и геометрическія фигуры. Съ этихъ поръ стиль эпохи Гагика переносится и въ другія страны на Кавказѣ. Соборъ въ Мцхетѣ, церкви въ Метехахъ, Цилканахъ. Нино-цивиндѣ есть точное воспроизведеніе этого мусульmano-византійскаго армянскаго стиля. Въ немъ чудесно вылилась идея соединенія арабовъ и Византіи, которая долго существовала и въ политической жизни Кавказа.

Х. Армения въ эпоху сыновей Гагика I.

1020—1040. Василій II Болгаробойца (до 1025). Константинъ VIII (до 1029). Романъ III Аргиръ (до 1034). Михаилъ IV Пафлагонянинъ. Кадиръ-Билла (до 1031). Кайемъ биэмр'лла. Тогруль-бекъ Сельджукидъ (его наст. движеніе съ 1030).

Свѣдѣнія этой эпохи о политической и социальной жизни Арменіи крайне сбивчивы и не полны. Киракосъ и Варданъ приводятъ лишь немногіе, отрывочные факты, да кромѣ того, они и не современники этой эпохи; Аристакесъ Ластивертци и Матѳей Эдесскій наполнены анахронизмами, многія событія въ нихъ перемѣшаны, многія запутаны. Трудно сказать при современномъ состояніи арменологіи, искажены ли два послѣднихъ писателя переписчиками, или въ самыхъ рукописяхъ были эти анахронизмы по извѣстнымъ цѣлямъ, присущимъ автору, но изъ свѣдѣній этихъ намъ придется выбирать лишь самыя рельефныя.

Послѣ смерти Гагика I у него осталось два сына: Смбаѳъ, носившій имя Іоанна, какъ и теперь множество жителей на Кавказѣ по-

¹⁾ *Brousset*, Les ruines d'Ani, atlas, pp. VIII и IX.

силь два имени — одно каноническое и другое мѣстное. и Ашотъ ¹⁾. Варданъ ²⁾ и надпись на Анійскомъ кафедральномъ соборѣ ³⁾ называютъ еще и третьяго—Абаса, но здѣсь слово „vordi“, вѣроятно, скорѣе означаетъ понятіе „наслѣдникъ“, и подъ именемъ Абаса, какъ это уже замѣтилъ и Чамчіанъ ⁴⁾, слѣдуетъ понимать царя Карса, Абаса, сына Мушега. Іоанну, —говорить Варданъ,—отецъ отдалъ корону, Ани, Ширакъ, св. Григорія съ долиною Ашотка, Анбердъ, равнину Арарата, Кайанъ, Кайцонъ и область Севордійцевъ; остальное раздѣлялъ между Абасомъ и Ашотомъ. Слѣдовательно, по его указанію, Іоанну досталась большая часть провинціи Араратъ и Ути, Абасу—Ванандъ, а Ашоту—остальное. Указаніе это, по нашему мнѣнію, не совѣтъ вѣрно и основано исключительно на привычкѣ Вардана спокойно взирать съ высоты своего величія на политическіе перевороты отечества. Мы будемъ здѣсь слѣдовать Аристакесу Ластивертци и Матеею Эдесскому. Судя по обоимъ писателямъ, Гагикъ умеръ, не назначивъ никого наслѣдникомъ; католикоса Саркиса тоже не было тогда въ живыхъ, а былъ Петръ Гетадардзъ, человекъ благочестивый до аскетизма, восторженный, но, какъ мы увидимъ, алчный къ деньгамъ и совершенно негодный для той политической роли, которую онъ долженъ былъ играть. Іоаннъ былъ человекъ умный и рѣшительный, и потому онъ посмѣшилъ захватить въ свои руки Ани съ окрестностями и тамъ короновался, но это еще не значило, что его признаютъ или ему подчиняются всѣ области. Ашотъ выпросилъ помощь отъ Сенекерима, царя Васпуракана, и съ этими войсками въ свою очередь захватилъ большую часть Арменіи и осадилъ брата въ Ани. Іоаннъ призвалъ къ оружію все населеніе столицы, которое въ это время было такъ многочисленно, что могло выставить 40.000 пѣхоты и 20.000 кавалеріи. Какъ-бы это число ни было преувеличено и если изъ него выключить наемные отряды и отрядъ окружающихъ поселянъ, все же населеніе города было не менѣе 100 — 200 тысячъ человекъ. Страна очутилась въ такой же анархіи, въ какой она была въ эпоху Симбата I. Можно было даже предположить, что корона навсегда ускользнетъ изъ рукъ Багратидовъ.

Еще въ прошлое царствованіе мы видѣли выдающуюся личность,

¹⁾ *Аристакесъ Ластивертци*, глава 2. *Матеей Эдескій*, глава 8.

²⁾ *Варданъ*, 125 стр. армянскаго текста.

³⁾ *Brosset*, *Les ruines d'Ani*, I partie, pp. 23—24.

⁴⁾ *Чамчіанъ*, *Исторія Арменіи*, томъ II, стр. 896 арм. текста.

Вахрама Пахлавуни, который происходилъ отъ древнихъ царей, Аршакидовъ. Взоры народа обратились къ этой фамилии, и въ эпоху этихъ смутъ она играла почти царскую роль. Такъ и теперь, когда стали совершаться битвы подъ стѣнами Ани, Пахлавиды явились главными инициаторами примиренія. Они собрали знать, пригласили посредникомъ старшаго Багратида, Георгія, абхазскаго и грузинскаго царя, и примирили обонхъ братьевъ на томъ условіи, чтобы Іоаннъ былъ царемъ Ани и его окрестностей, то-есть, скорѣ провинціи Арарата, а остальныхъ частей царства—Ашотъ ¹⁾. Это раздѣленіе повело Армению къ пагубѣ, такъ какъ оно совсѣмъ лишило ее нравственной силы. Оставался лишь одинъ шагъ, чтобы погубить ее совсѣмъ. Однако и это соглашеніе между братьями представляется удивительнымъ въ виду общаго состоянія нахарарскаго класса въ Арменіи. Примѣръ многихъ царствъ Кавказа, подчинившихся императору Василю, подѣйствовалъ давно на всѣхъ отрешающимся образомъ, давно поняли въ странѣ, что только подъ властью одного дома можетъ существовать Армения, и нахарары обратились къ Пахлавидамъ, которые тѣмъ не менѣе, по уваженію на Востокъ къ царской династіи, явились въ эту эпоху только майордомами и, ослабивъ царей, усилили страну. Но всѣ эти смуты были лишь сигналомъ дѣйствительныхъ бѣдствій. Тотъ же Георгій, который явился медиаторомъ, пользуясь своею военною силою, бросился на Іоанна подъ пустымъ предлогомъ, не объявляя войны, ворвался въ Ани, избилъ жителей, разграбилъ кафедральный соборъ и увезъ съ собою царя плѣнникомъ. Царь былъ имъ потомъ отпущенъ за отданныя Абхазіи три крѣпости, но этотъ примѣръ показалъ ясно всѣмъ, что случилось съ Багратидскимъ домомъ ²⁾. Все возстало, и другой братъ, Ашотъ, долженъ былъ бѣжать въ Константинополь. Съ большими трудами, вѣроятно, съ неимоверными уступками, онъ получилъ отрядъ, съ которымъ коекакъ утвердился опять ³⁾. Несчастія соединили братьевъ, и они стали дѣйствовать сообща. Это возбудило недовольство Апирата Пахлавуни, главнокомандующаго Іоанна, который, вѣроятно, хотѣлъ наслаждаться добычею и боевыми подвигами, и онъ со всѣмъ войскомъ, доходившимъ до 12.000 конницы, убѣжалъ къ эмиру Двина, Абульсевару, который, однако, опасаясь такой массы христіанъ, приказалъ убить

¹⁾ *Аристокесъ Ластивертци*, глава 2. *Матвей Эдесскій*, главы 8 и 9.

²⁾ *Аристокесъ Ластивертци*, глава 2.

³⁾ *Аристокесъ Ластивертци*, глава 2.

Апирата ¹⁾). Чамчянъ, неизвѣстно, по какимъ документамъ, рисуетъ здѣсь событія иначе. Онъ говоритъ, что Ашотъ подговорилъ Апирата схватить Іоанна и убить, но онъ будто бы схватилъ Іоанна и опять посадилъ его на тронъ и, боясь мести со стороны Ашота, бѣжалъ къ Абульсевару ²⁾). Во всякомъ случаѣ генералиссимусомъ теперь сдѣлался Васакъ Пахлавуни. На бѣду, среди этой анархіи въ Арменіи. явился теперь начинавшій усиливаться, Тогруль-бекъ съ арміей турокъ-сельджуковъ. Цари не собрали никакихъ армій, и даже полководецъ Васакъ со своимъ сыномъ Григоріемъ, знаменитымъ писателемъ Арменіи, пировали въ великолѣпномъ дворцѣ, выстроенномъ ими въ Ани. Только когда сельджуки разорили весь Никъ, они узнали о бѣдѣ. Было собрано наскоро около 5.000 человекъ, и это храброе, но жалкое войско двинулось на сельджуковъ. Въ сраженіи, не смотря на всѣ легенды, которыми разукрасили его современники, Васакъ былъ убитъ, а войско его уничтожено. Враги опустошили Арменію ³⁾). Съ другой стороны императоръ Византіи, призванный несчастнымъ Сенекеримомъ, владѣнія котораго тоже опустошили сельджуки, вступилъ на Кавказъ. Георгій, царь грузинъ и абхазцевъ, выступилъ противъ него и былъ разбитъ ⁴⁾). Такъ какъ союзникомъ грузинъ былъ въ это время Іоаннъ, то онъ, боясь наказанія за свою оплошность, совершенно неумѣстную, отправилъ къ императору католикаса Петра Гетадардза съ богатыми дарами и обѣщалъ завѣщать свое царство Византіи. По указаніямъ Вардана, Іоаннъ вообще боялся Георгія и по этой причинѣ заключилъ подобный союзъ съ Византіей ⁵⁾). Какъ бы то ни было, но положеніе Арменіи было отчаяннымъ. Слѣдствіемъ его былъ страшный голодъ, доведшій страну до такого ужаснаго состоянія, что многіе продавали женъ и дѣтей, чтобы спастись отъ голодной смерти. Мусульмане, то-есть, арабы и сельджуки, даже византійцы на югъ, грабили и опустошали страну. Цари были совершенно безсильны—безъ войска, безъ денегъ. Оставалась одна сила—духовенство, но католикосъ Петръ Гетадарцъ вмѣсто нужной помощи увлекался аскетизмомъ и религиозными упражненіями, не имѣя никакихъ политическихъ способностей. Такимъ же образомъ знаменитый

¹⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 10.

²⁾ *Чамчянъ*, *Исторія Арменіи*, т. 2, стр. 899 арм. текста.

³⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 11. Я здѣсь слѣдую указанію Дюлорье, хотя и думаю, что дѣло здѣсь могло идти и о простомъ набѣгѣ дилемитовъ.

⁴⁾ *Аристокеевъ Ластивертци*, глава 2. *Матвей Эдесскій*, глава 32.

⁵⁾ *Варданъ*, стр. 126 арм. текста.

ученый этой эпохи, Іоаннъ Козернъ. занимался предвѣщаніями по поводу бывшаго тогда затмѣнія, которымъ лишь пугалъ и безъ того запуганное населеніе ¹⁾. Въ эту же эпоху совершилось и религіозное событіе. Католикосъ Петръ вмѣсто того, чтобы врачевать общее зло, чтобы стараться соединить нахараровъ въ одно компактное цѣлое, сталъ осыпалъ царя требованіями поста, молитвы и аскетической жизни, указывая на общій разладъ, какъ на слѣдствіе гнѣва Божія. Царь Іоаннъ, хотя и слабый, но очень умный человекъ, не согласился съ его доводами. Это породило несогласія между ними. и неразумный аскетъ тайно уѣхалъ въ Васпураканъ. Четыре года оставалась Армения безъ католикоса въ то время, какъ тотъ преспокойно сидѣлъ въ монастырѣ Цараванкъ, четыре года царилъ полный разладъ и въ клирѣ армянскомъ. и тщетно несчастный царь старался его утѣшить и успокоить. Выведенный изъ терпѣнія, Іоаннъ выказалъ притворно полное повиновеніе католикосу, употребивъ посредниками тѣхъ византійскихъ чиновниковъ, которые были управителями завоеванныхъ вокругъ имперскихъ областей. Католикосъ дѣйствительно прибылъ, но у самаго Ани былъ схваченъ, обвиненъ въ сношеніяхъ съ врагами и арестованъ. Іоаннъ вызвалъ изъ Санахинскаго монастыря игумена Діоскора, но подобный выборъ не принесъ никакой пользы, такъ какъ народъ, ничего не понимавшій въ политикѣ, считалъ Петра Гетадардза святымъ, какъ онъ его почитаетъ и до сихъ поръ; о немъ ходили легенды, гдѣ онъ признавался чудотворцемъ, а потому народъ называлъ Діоскора самозванцемъ. Весь клиръ къ тому же состоялъ изъ креатуръ Петра, а такъ какъ Діоскоръ былъ личнымъ врагомъ католикоса, то всѣ духовные боялись за свои мѣста и должности и открыто роптали. Скандалъ и безпорядки были полные. Нахарары отлагались повсюду, мусульмане и византійцы отовсюду грозили царству, внутри никто не зналъ, кто католикосъ, кто глава, самъ царь не имѣлъ никакого авторитета. Раздавались крики. что царь—виновникъ всего бѣдствія, что царь негоденъ Богу, и въ полномъ отчаяніи Іоаннъ хотѣлъ уже воротить католикоса. Католикосъ оставался непреклоннымъ, и только съ помощью Іосифа. католикоса Агваніи. прибывшаго въ Армению во главѣ блестящей свиты, удалось склонить упрямаго аскета. Іосифъ созываетъ въ Ани соборъ и въ торжественномъ засѣданіи онъ проклинаетъ, изгоняетъ Діоскора и возстановляетъ Петра. Суровый аскетъ возвращается въ городъ.

¹⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 48.

осыпаемый знаками преданности черни. Какъ разъ въ этотъ день совершалось водосвятіе, и чернь бросилась на Діоскора, разорвала его одежду, избива его и съ позоромъ провожала до Санахина. Измученный, истерзанный несчастный католикосъ умеръ отъ стыда и побоевъ ¹⁾. Черезъ два года послѣ этого событія умеръ Ашотъ, братъ Іоанна, всю жизнь свою проведеній въ тревожныхъ набѣгахъ и оставившій брата въ покоѣ. Безшабашная армія удальцовъ, съ которой онъ совершалъ свои набѣги, отомщая огнемъ и мечемъ врагамъ, поступила на службу Византіи ²⁾. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого умеръ и Іоаннъ, и оба они были погребены въ общей царской гробницѣ ³⁾. Съ этихъ поръ исторія Арменіи есть исторія ея агоніи въ борьбѣ не съ мусульманами, а съ Византійскою имперіей.

Отъ эпохи Іоанна и Ашота мы не знаемъ никакихъ особыхъ произведеній, такъ какъ труды Григорія Магистроса принадлежать болѣе эпохѣ полного паденія Арменіи, но до насъ дошли отъ Іоанна Козерна отрывки въ твореніи Ананіи Ширакаци, вставленные неизвѣстнымъ авторомъ, и апокалипсическое его сочиненіе въ твореніи Матвея Эдесскаго ⁴⁾. Последнее было вызвано всеобщимъ ожиданіемъ пришествія Антихриста, котораго ждали со дня на день въ эту эпоху во всемъ христіанскомъ мірѣ, и состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ ученый докторъ занимается своею основною идеей, а во второй уже изрекаетъ политическія предсказанія о Византійской имперіи. Впрочемъ, вторая часть, если я не есть дополненіе самого Матвея Эдесскаго, то во всякомъ случаѣ не принадлежитъ Іоанну Козерну.

Въ эту эпоху окончило свое существованіе второе армянское царство—Арцруни. Здѣсь мы находимъ необходимымъ пробѣжать его некрасивую исторію послѣ смерти Гагика I Арцруни въ 937 году. Послѣ кончины этого основателя царства Васпуракана, страню его вполнѣ завладѣли арабы. Спустя долгое время полной анархіи и кулачнаго права, такъ какъ завоеватели не наложили на страну своихъ законовъ, а лишь собирали хараджъ, сыновья Гагика, Сенекеримъ и Дереникъ, собравъ отрядъ искателей приключеній, которыхъ было тогда много въ Арменіи, захватили цитадели Вана и Амюка и утвер-

¹⁾ Матвей Эдескій, главы 49—50. Киракосъ, стр. 47—48.

²⁾ Матвей Эдескій, глава 53.

³⁾ Матвей Эдескій, глава 56.

⁴⁾ Матвей Эдескій, глава 48.

дѣлились тамъ. Благодаря этимъ стратегическимъ пунктамъ, имъ удалось возбудить возстаніе во всемъ Васпураканѣ, освободить страну и провозгласить себя царями. Въ ихъ царствованіе анархія еще продолжалась, такъ какъ арабы не упускали случая совершать набѣги на страну, а сама она еще служила прибежищемъ всякаго сброда и подонковъ общества. Послѣдующіе Арируни владѣли почти однимъ Амюкомъ, который служилъ имъ убѣжищемъ, хотя и носили царскій титулъ. Это были Абдульмесія, о которомъ упоминаетъ одинъ Ома Арируни, Абусахль-Хамазаспъ, Ашотъ. Послѣ его смерти царство вновь оправилось при правленіи Сенекерима и брата его, Гургена, священника, о которомъ сохранилось мало свѣдѣній, но который, вѣроятно, управлялъ духовною частью. Но лишь только начало понемногу оживать царство, какъ Тогруль-бекъ прошелъ по нему огнемъ и мечемъ. Тогда Сенекеримъ отдалъ Васпураканское владѣніе императору Василию ¹⁾.

XI. Армения въ эпоху Гагика II.

1040—1080. Михаилъ IV Пафлагонянинъ (до 1042). Константинъ IX Мономахъ (до 1054). Θεодора (до 1056). Михаилъ VI Стратіотикъ (до 1057). Исаакъ Комненъ (до 1059). Константинъ X Дука (до 1067). Романъ IV Диогенъ (1068—1071). Михаилъ VII (до 1078). Никифоръ Ватазиатъ. Кайемъ биемр'ла (до 1075) Муктеди. Тогруль-бекъ (до 1062). Альп-Арсланъ (до 1072). Меликъ-Шахъ.

Царь Армения Іоаннъ Багратидъ или Смбаѣ III былъ женатъ на дочери императора Романа Аргира ²⁾; кромѣ того, въ эпоху бѣдствій, какъ мы видѣли, онъ по личному своему желанію завѣщалъ свое царство Византіи, и потому, лишь только вѣсть объ его смерти дошла до Константинополя, тамъ рѣшились воспользоваться этими предлогами, чтобы обратить Армению въ простую византійскую провинцію. И потому не успѣли еще оправиться армяне, какъ въ Армению явился лично съ войсками императоръ Михаилъ Пафлагонянинъ ³⁾. Въ эту эпоху, кромѣ династіи Багратидовъ, отъ которой единственнымъ остаткомъ былъ молодой сынъ Ашота—Гагикъ, было двѣ фамиліи—Пахлавидовъ и князей Сюника, которые по своей силѣ и значенію

¹⁾ *Стефанъ Асоикъ*, III, 46; *Ома Арируни*, III, 41; *Матвей Эдесскій*, глава 32.

²⁾ *Samouel d'Ani*, p. 445.

³⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 56. *Аристокесъ Ластивертци*, глава 10.

могли наследовать царскій тронъ. Представителями Пахлавидовъ были старый генералиссимусъ Вахрамъ, его сынъ Григорій и сынъ убитаго Васака, знаменитый Григорій Магистръ, а изъ князей Сюника—Саркисъ, носившій названіе Веста. Первымъ человѣкомъ, воспользовавшимся тогдашнимъ состояніемъ Арменіи, былъ Вестъ, который, не ожидая ничего рѣшенія и пользуясь тѣмъ, что стоялъ очень близко къ послѣднему царю Іоанну, захватилъ всю казну, какую только онъ могъ найти въ царскомъ дворцѣ, захватилъ окрестные замки и объявилъ себя царемъ, вручая себя и свое царство Михаилу Пафлагонянину ¹⁾. Съ другой стороны другой придворный, Давидъ Анхогинъ, убѣжавъ въ Аванію и собравъ тамъ значительное число искателей приключеній, совершалъ набѣги по странѣ и грабилъ Арменію ²⁾. И въ эту же эпоху византійскія войска быстро приближались, и скоро предъ испуганной столицей расположилась стотысячная армія. Положение было отчаянное. И въ эту критическую минуту не потерялись одни Пахлавиды, кровные враги Саркиса, поставившіе себѣ задачей или захватить престолъ самимъ или играть роль майордомовъ при Меровингахъ. Старый Вахрамъ вооружилъ всѣхъ жителей, воодушевленныхъ отчаяніемъ, и, воспользовавшись безпечностью грековъ, воображавшихъ, что Ани уже въ ихъ рукахъ, бросился въ атаку. Неожидавшіе этого, византійцы обратились въ постыдное бѣгство, порядокъ разстроился въ ихъ рядахъ и лагерѣ, и Арменія была спасена ³⁾. Этою битвою Пахлавиды пріобрѣтали себѣ громадное значеніе и силу у всѣхъ армянъ и могли бы прямо захватить власть, но въ данную минуту они на это не рѣшились. Видѣли ли они непрочность царской власти въ Арменіи, или боялись такъ явно посягнуть на почти священное уваженіе къ Багратидамъ въ глазахъ народа, или сдѣлали это по старой привычкѣ, сказать трудно. Письма Григорія Магистра тоже не даютъ никакого отвѣта на это. Какъ бы то ни было, но они пробудили къ дѣятельности забывшаго все Петра Гетадардаа, собрали въ Ани всеобщій соборъ и на немъ провозгласили царемъ Гагика II ⁴⁾. Гагикъ II былъ совершенно исключительной личностью. Это былъ нѣжный, впечатлительный молодой человѣкъ, глубоко религіозный и глубоко ученый. Погруженный въ свои книги, онъ забывалъ все на

¹⁾ Матвей Эдесскій, глава 56. Аристанесъ Ластивертци, глава 10.

²⁾ Матвей Эдесскій, глава 57.

³⁾ Матвей Эдесскій, глава 48.

⁴⁾ Кириакосъ, стр. 4^а.

свѣтъ—и горе, и радость, и дѣла государства ¹⁾. Такая личность казалась Пахлавидамъ удобною креатурой, съ которой они могли дѣлать все, что имъ угодно, а католикосу — благочестивымъ мужемъ, истымъ благословіемъ неба. И дѣйствительно первое время Гагикъ не имѣлъ своей воли, а дѣйствовалъ по ихъ указкѣ. По внушеніямъ Пахлавидовъ, онъ погнался за Саркисомъ, схватилъ его, заперъ въ темницу и конфисковалъ его имущество ²⁾. Турки-сельджуки въ это время грабили на югѣ, и вотъ противъ нихъ направился съ одною арміею Григорій Магистръ, а съ другою — самъ Гагикъ. Невѣрные были отбиты, и, казалось, вся Арменія будетъ наслаждаться прочнымъ покоемъ ³⁾, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Пафлагонянинъ, еще разъ возбужденный Давидомъ Анхогиномъ, хотя и опять двинулся на Арменію, но, на сколько мы можемъ объ этомъ судить, области Гагика остались нетронутыми ⁴⁾. Смерть этого неумолимаго врага армянъ и вступленіе на царство въ Византію Константина Мономаха, казалось, обѣщали общее спокойствіе.

Между тѣмъ притязанія Пахлавидовъ, ихъ невыносимая опека, ихъ гордость и высокомеріе, наконецъ любовь и симпатія къ нимъ народа, ихъ открытая жизнь стали возбуждать опасенія въ Гагикѣ. Не смотря на свою скромность и приниженность, онъ рѣшился воротить изъ темницы Саркиса Веста и дать ему прежнія права и преимущества ⁵⁾. Оскорбленный нахараръ не преминулъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы отвратить Гагика отъ оставшагося главнымъ тогда Пахлавида, Григорія. Въ это самое время совершилъ набѣгъ на Арменію эмиръ Абульсеваръ. Саркисъ Вестъ обвинилъ Григорія въ сношеніяхъ съ арабами, и на этомъ основаніи тотъ былъ лишенъ всякаго значенія при дворѣ и отосланъ въ свое имѣніе. Но и на этомъ Саркисъ не успокоился. Онъ сталъ обвинять Григорія, въ то время устроившаго школу и предававшагося ей со всею горячностью своей души, въ сношеніяхъ съ Византіей, и главный Пахлавидъ долженъ былъ подъ страхомъ смерти бѣжать въ Константинополь ⁶⁾. Съ его уходомъ уже болѣе не оставалось ни одного способ-

¹⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 53.

²⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 60. *Аристакеъ Ластивертци*, глава 10.

³⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 60.

⁴⁾ *Матвей Эдесскій*, главы 61—62.

⁵⁾ *Аристакеъ Ластивертци*, глава 10.

⁶⁾ *V. Langlois, Mémoire sur la vie et les écrits du P. G. Magistros (Journal Asiatique, Janvier, 1869, pp. 9—10).*

наго къ управленію государствомъ человѣка въ Арменіи. Саркись Вестъ, видя, что его цѣли исполняются, завелъ переговоры попрежнему съ Константинополемъ и предложилъ свои услуги увезти тѣшайшаго Гагика ко двору императора Константина Мономаха, а затѣмъ предать въ руки византійцевъ и всю Арменію. И вотъ Константинъ Момахъ пишетъ письмо къ Гагику, увѣряя его въ своей дружбѣ, и просить его пожаловать къ нему, какъ бы желая его видѣть. Онъ клянется на Св. Крестѣ и Св. Евангеліи, онъ закликаетъ его священнѣйшими клятвами. Гагикъ не вѣритъ, но его убѣждаютъ Саркись Вестъ и придворные. Католикось, легковѣрный аскетъ Петръ Гетадардзъ, убѣжденъ ихъ клятвами, царь отправляется. Вслѣдъ за Гагикомъ Саркись Вестъ посылаетъ ключи Ани въ подарокъ Константину Момаху ¹⁾. Матѳеѣй Эдесскій приводитъ при этомъ любопытный разговоръ между Гагикомъ и Константиномъ Момахомъ. Императоръ будто бы призвалъ Гагика и, показывая ему городскіе ключи, заявилъ, что ему уже отдана Арменія. Гагикъ заплакалъ и воскликнулъ: „Да будетъ судьбою между мною и предавшими меня Христосъ! Я одинъ господинъ и повелитель Арменіи, и я ни за что не отдамъ тебѣ моего царства, такъ какъ ты насильно меня удержалъ здѣсь“. Тридцать дней упорствовалъ несчастный царь и, наконецъ, былъ принужденъ согласиться. Это былъ 1044 годъ, и съ этихъ поръ фактически прекратилась династія Багратидовъ въ Арменіи ²⁾.

Такъ партія Саркиса Веста, католикоса и ихъ приближенныхъ отдала царство въ руки Константина Мономаха, но это не значило, что ему передана вся Арменія, и потому для утвержденія своей власти византійскій императоръ послалъ къ Ани значительное войско подъ начальствомъ Николая Аккубитора ³⁾. Посылка эта состоялась еще и потому, что, по свѣдѣніямъ Кедрина, византійскій правитель Иверіи, Михаилъ Іезидъ, не могъ тогда же исполнить это порученіе по недостатку военныхъ силъ ⁴⁾. Нахарары Арменіи, составивъ союзъ, вѣроятно, подъ предводительствомъ Пахлавидовъ, не знали, пригласить ли имъ на царство Давида, царя Абхазіи, Абульсевара ли, эмира Двина, отъявленнаго врага византійцевъ, или Баграта, царя Грузіи ⁵⁾.

¹⁾ Матѳеѣй Эдесскій, глава 65. *Аристакеъ Ластивертци*, гл. 10.

²⁾ Матѳеѣй Эдесскій, глава 65. *Аристакеъ Ластивертци*, гл. 10.

³⁾ Матѳеѣй Эдесскій, глава 66.

⁴⁾ Кедренъ, II, стр. 558 Бонвск. изданія.

⁵⁾ *Аристакеъ Ластивертци*, глава 10.

Послѣдняя причина, можетъ быть, и была предлогомъ того, что Іезидъ не рѣшился на предпріятіе. Народъ по природному своему инстинкту ненавидѣлъ грековъ и рѣшился лучше умереть, чѣмъ сдаваться. Одушевление было необыкновенное. Подъ стѣнами Ани изнѣженные византійцы сошлись съ отчаянными отрядами армянъ, у которыхъ не оставалось ничего, кромѣ чести и любви къ отечеству. Греки были разбиты на голову и постыдно отступили въ Угтикъ на зимнія квартиры ¹⁾. Но у патриарха Петра Гетадардза не было ни чести, ни ума, за исключеніемъ аскетическаго лицемѣрія и ненасытной жажды къ деньгамъ. Подкупленный золотомъ Византіи, онъ силою своего духовнаго сана покорилъ населеніе, и побѣдители открыли ворота побѣжденнымъ ²⁾. Въ награду за это католикосъ Петръ былъ назначенъ правителемъ города, а правителемъ Арменіи сдѣланъ Михаилъ Іезидъ. Изъ всѣхъ трехъ претендентовъ на корону Арменіи одинъ Абульсеваръ не смирился и готовился дать отпоръ византійцамъ. Чтобы предупредить всѣ важныя послѣдствія въ случаѣ его удачи, Михаилъ Іезидъ лично съ войсками осадилъ его столицу Двинъ. осыпавъ жаднаго католикоса почестями и подарками. Вмѣстѣ съ собою онъ взялъ и генералиссимуса Вахрама, котораго боялся оставить въ столицѣ. Византійское войско было разбито, а Вахрамъ и его сынъ. Григорій, убиты ³⁾. Теперь не оставалось никого, кто бы могъ возбудить страну къ возстанію противъ грезившаго ига, но, все же боясь дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны Абульсевара, императоръ назначилъ правителемъ вмѣсто Іезида другую, болѣе способную личность—Катакалона Кекавена. Катакалонъ былъ еще осторожнѣе Іезида. Онъ удалилъ католикоса изъ города Ани и поселилъ его сначала въ Арзенъ, а потомъ приказалъ запереть въ крѣпости Когджричъ ⁴⁾; самъ же хотѣлъ двинуться противъ Абульсевара, но зимнее время и сильные дожди остановили военные дѣйствія ⁵⁾. Лѣтомъ же Катакалонъ совершилъ удачный набѣгъ, но и онъ остался безъ результатовъ, такъ какъ скоро обстоятельства такъ перемѣнились, что византійцамъ пришлось не утверждать свое владычество въ странѣ, а самимъ бороться противъ новаго страшнаго врага ⁶⁾. Этотъ врагъ

¹⁾ *Матей Эдесскій*, глава 66.

²⁾ *Аристакеъ Ластивертци*, глава 10.

³⁾ *Аристакеъ Ластивертци*, гл. 10. *Матей Эдесскій*, гл. 68.

⁴⁾ *Аристакеъ Ластивертци*, глава 10.

⁵⁾ *Матей Эдесскій*, глава 70.

⁶⁾ *Матей Эдесскій*, глава 71.

былъ очень усилившіяся Тогруль-бекъ, основатель величія турокъ-сельджуковъ.

Зная хорошо то политическое состояніе, въ какомъ находилась Армения, быть можетъ, и призванный самими нахарарами, Тогруль-бекъ послалъ въ эту страну двухъ своихъ генераловъ, Ибрагима и Кутлумиша, съ сельджукскою арміею. Турки были дикій народъ, плохо подчинявшійся военной дисциплинѣ, не смотря на весь военный геній первыхъ сельджуковъ, и потому весь походъ свой они сопровождали грабежами и убійствами. Бурнымъ потокомъ они двинулись къ Арзену, какъ городу, гдѣ было населеніе, наиболѣе преданное Византіи, и гдѣ были скоплены греками большія богатства. Передъ воротами его сельджуки нашли готовое къ бою войско, но послѣ первыхъ стычекъ оно отступило. Сельджуки ворвались за нимъ въ городъ и предали его огню и мечу. Матей Эдесскій и Аристакесъ Ластивертци разказываютъ о громаднхъ богатствахъ и многочисленномъ населеніи, бывшемъ въ городѣ ¹⁾. Это богатство, вѣроятно, принадлежало купцамъ и византійской казнѣ, которая сially здѣсь переполнилась, благодаря разграбленію Арменіи; многочисленность населенія тоже понятна, такъ какъ Арзень былъ пунктомъ, куда спасались многіе отъ грабежей и насилій, совершавшихся кругомъ. Константинъ Мономахъ, узнавъ о гибели Арзена и боясь потерять совершенно страну, отправилъ войско и поручилъ командованіе имъ Катакалону, Григорію Магистру и Липариту Орбельяни, но и эта армія была разбита, а Липаритъ взятъ въ плѣнъ ²⁾. Тогда императоръ рѣшился на послѣднее средство—вызвать католикоса Петра въ Константинополь. Съ плачемъ проводили его клиръ и придворные и зарыли муро, которымъ помазывались армянскіе государи, на дно рѣки Арпа-чая ³⁾. Въ Византіи прожилъ католикосъ три года, а потомъ жилъ въ городѣ Севастіи до самой своей смерти. Умирая, онъ назначилъ преемникомъ себѣ своего внука Хачика, жившаго въ Арменіи. Узнавъ объ этомъ, императоръ и его потребовалъ въ Константинополь. Долго отказывался католикосъ, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить угрозамъ ⁴⁾.

¹⁾ Матей Эдесскій, гл. 73. Аристакесъ Ластивертци, гл. 12.

²⁾ По свидѣніямъ Смбата Коннетабля, Гагикъ и два сына Сенекерима Васпураканскаго содѣйствовали побѣгу Хачика изъ Византіи и возвели его на тронъ въ III Арменіи. См. стр. 76 армянскаго текста.

³⁾ Матей Эдесскій, глава 74.

⁴⁾ Аристакесъ Ластивертци, гл. 14. Матей Эдесскій, гл. 81, 89.

Въ 1055 году султанъ Тогруль-бекъ уже лично прошелъ огнемъ и мечемъ по Арменіи, и только отчаянная храбрость и мужество жителей Маназкерта, подъ стѣнами котораго онъ былъ задержанъ, спасли страну отъ совершеннаго истребленія ¹⁾. Погромы сельджуковъ послѣ этого продолжались почти непрерывно, голодъ и разныя бѣдствія доводили Арменію до крайняго разоренія, и лишь одинъ Гагикъ, сынъ Абаса Вандскаго, избѣжалъ пока полнаго разгрома, если не считать набѣга сельджукской арміи на Карсъ въ 1030 г., въ которомъ городъ былъ разграбленъ, жители частью избиты, а знать и большинство другихъ спаслись въ цитадели, но и тутъ нападеніе было сдѣлано ночью ²⁾. Въ Византіи уже не стало императоровъ изъ Македонскаго дома, и на тронѣ сидѣли Комнены. Одинъ изъ нихъ, Константинъ Дука, видя полную невозможность бороться съ сельджуками во враждебной ему Арменіи, сначала попытался воротить эту страну къ православію. Найдя одного изъ армянскихъ богослововъ, Якова Санахинскаго, онъ склонилъ его написать сочиненіе о соединеніи воедино толка армянъ съ православіемъ ³⁾. Но ненависть къ своимъ притѣснителямъ и религіозная схизма положили корни глубже, чѣмъ могъ это думать недальновидный императоръ. Проектъ его остался проектомъ, и Гагикъ II убѣдилъ его не трогать послѣдняго достоянія христіанъ на армянскомъ Востокѣ. Тогда у Константина Дуки явился новый, своеобразный проектъ оживить Армянское царство и противопоставить его силы могучимъ сельджукамъ. Не сообразилъ императоръ, что нельзя привязать къ себѣ людей, у которыхъ онъ же отнялъ все ихъ достояніе, что сельджуки представляли изъ себя грозную, единую силу, которая все ломала и уничтожала при своемъ движеніи, и что странѣ, находящейся въ полномъ финансовомъ и матеріальномъ разстройствѣ, не устоять передъ такою силою. Обстоятельства скорѣ показали всю ошибочность его политики. Лишь только освобожденный Гагикъ II достигъ Севастіи, какъ занялся себя звѣрскимъ убійствомъ греческаго митрополита города, Марка, а затѣмъ и прервалъ всякія сношенія съ Византіей ⁴⁾, но ни Гагику, ни Константину Дукѣ не пришлось властвовать надъ Арменіей. Преемникъ Тогруль-бека, Альп-Арсланъ, разорилъ ее огнемъ и мечемъ и почти совершенно ею за-

¹⁾ Матвей Эдесскій, гл. 78. *Аристокесъ Ластивертци*, гл. 16.

²⁾ *Аристокесъ Ластивертци*, глава 15.

³⁾ Матвей Эдесскій, главы 85, 93.

⁴⁾ Матвей Эдесскій, гл. 94. *Киракосъ*, стр. 53—54.

владѣль. Несчастный Гагикъ II опять обратился за помощью къ Византіи, и новый императоръ, Романъ Диогенъ, явился лично съ войсками въ Арменію, но подъ стѣнами Маназкерта былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ¹⁾. Арменія была окончательно опустошена сельджуками. Старый царь обратился въ авантюриста. Въ Тарсѣ въ это время владѣствовали армянскій князь Абульгарибъ, и вотъ къ нему-то направился со своими сподвижниками Гагикъ, умоляя его двинуться вмѣстѣ на борьбу за родную страну, но Абульгарибъ отказался. Раздраженный и опечаленный старикъ бросился на область владѣтеля и сталъ ее опустошать, но у крѣпосцы Кивистры былъ измѣннически схваченъ и запертъ. Тщетно другіе армянскіе авантюристы, какъ Гагикъ Ванандскій, Атомъ и Абусахъ Арцруни, вѣроятно, бывшіе съ нимъ, окружили крѣпость—осажденные задушили несчастнаго старика, на веревкѣ повѣсили его тѣло на городской стѣнѣ, а потомъ погребли. Бывшій слуга Гагика унесъ его несчастное тѣло и принесть въ Арменію, гдѣ былъ потомъ отравленъ владѣтелемъ Ани, Мануче, его сынъ Іоаннъ. Такъ печально окончилось Багратидское царство въ Арменіи! Миръ вашему праху, почившіе владѣтели ²⁾!

Главнымъ литературнымъ памятникомъ этой эпохи являются сочиненія того Григорія Магистра, о которомъ мы говорили въ этихъ строкахъ. Григорій Магистръ, сдѣланный потомъ дукомъ Месопотаміи и умершій въ 1058 году, былъ замѣчательно трудолюбивый и ученый человекъ. Въ письмѣ своемъ къ мусульманскому эмиру, Ибрагиму, жившему съ нимъ въ Константинополѣ, онъ говоритъ: „прочитывая всевозможныя книги, я не брезгаю ни ложными исторіями халдеевъ, ни еллиновъ, ни каппадокійцевъ, ни персовъ и ни многихъ другихъ, но все это выложить вамъ невозможно“. Григорій Магистръ,—говорятъ Викторъ Ланглау,—отличался обширною ерудиціей, сильно развитою памятью и, если бы онъ жилъ пятью вѣками раньше, то, безъ сомнѣнія, былъ бы однимъ изъ самыхъ великихъ и самыхъ знаменитыхъ писателей своего отечества. Произведенія Григорія Магистра были и въ прозѣ и въ стихахъ. Въ стихахъ имъ составлена большая поэма о событіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта отъ сотворенія міра до пришествія Спасителя. Она состоитъ изъ 1000 строфъ и написана авторомъ въ три дня въ 1049 году въ Константинополѣ по просьбѣ эмировъ

¹⁾ *Аристакесъ Ластисертци*, гл. 24—25. *Матвей Эдесскій*, гл. 86, 102, 103. Григорій Абульфараджъ, 263 стр. сирійскаго текста.

²⁾ *Матвей Эдесскій*, глава 119. См. примѣчаніе къ № 7 *Дюлорье*.

Мануче и Ибрагима, изъ которыхъ первый отказывался принять христіанство потому, что Евангеліе написано въ прозѣ. Сверхъ того, Григорій написалъ стихами нѣсколько писемъ, рѣчь въ стихахъ о крестѣ и стихотвореніе, посвященное Петру Гетадардзу по поводу посланки ему пастырскаго жезла. Въ прозѣ Магистромъ написаны: комментаріи на грамматику, или прямо грамматика, составленная по просьбѣ его старшаго сына, Вахрама, множество переводовъ съ сирійскаго и греческаго языковъ, какъ Федона и Тимея Платона, книги Олимпіодора, поэмъ Каллимаха и Андроника и затѣмъ геометріи Евклида. Отъ Григорія же Магистра осталось 83 чрезвычайно важныхъ и интересныхъ письма къ разнымъ лицамъ. Письма эти догматическаго характера, философскаго и представляютъ изъ себя домашнюю переписку. Они заключаютъ множество интересныхъ указаній не только относящихся къ Арменіи, но и ко всему тогдашнему міру. Къ сожалѣнію, эта великолѣпная 'своего рода энциклопедія' нѣкъмъ еще не переведена и не изучена—только краткое содержаніе всѣхъ писемъ пересказано Викторомъ Ланглуа. Стиль Григорія, однако, носить всѣ признаки разложенія языка и потому очень трудно понимаемъ ¹⁾).

Кромѣ Григорія Магистра, эта послѣдняя эпоха богата множествомъ писателей, отъ большинства которыхъ не сохранилось ничего, кромѣ имени. Такъ, исключая Якова Савахинскаго, автора идеи соединенія церквей, особенно отличались изъ нихъ, по указанію Матвея Эдесскаго, самъ царь Гагикъ II, Тиранъ Габанеци, Сайлаканъ Ластиверци, Атомъ Андзеваци, Саркисъ Севанеци, Іосифъ Енцаеци, Георгій Уцеци, Анавій Гохпатскій, Яковъ Карахадъ, Антоній и Тимоевъ, Павелъ, Іосифъ, Іоаннъ, Оаддей, Георгій Тамреци, Баркчакъ и др. ²⁾), кромѣ того, Гагикъ, царь Вананда, Нерсесъ Багревандскій, но отъ всѣхъ ихъ лишь сохранился трактатъ о вѣрѣ армянской Гагика II, который сохранилъ намъ тотъ же Матвей Эдесскій. Въ этомъ любопытномъ сочиненіи Гагикъ излагаетъ понятія армянъ о Св. Троицѣ, опровергаетъ еретиковъ и говоритъ о времени отправленія армянами праздниковъ и совершеніи постовъ. Въ богословскомъ отношеніи трактатъ этотъ имѣетъ важность неоцѣненную ³⁾). Кромѣ

¹⁾ V. Langlois, Mémoire sur la vie et les écrits du Prince Grégoire Magistros (*Journal Asiatique*, janvier, 1869).

²⁾ Матвей Эдесскій, главы 93—95.

³⁾ Матвей Эдесскій, глава 93.

того, Григорій Магистръ въ своихъ письмахъ еще упоминаетъ про Саркиса Севанеци, что онъ былъ знатокъ восточныхъ языковъ и перевелъ съ нихъ много произведеній. По указанію Сукьяса Сомальяна, отъ него, впрочемъ, осталась одна бесѣда объ умершихъ ¹⁾).

ХІІ. Общій взглядъ на политическое и социальное положеніе Арменіи этой эпохи.

Этою главою оканчивая наше обозрѣніе политической и социальной жизни Арменіи въ эпоху правленія династіи Багратидовъ, считаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на прошлое и очертить въ краткихъ словахъ то, что само напрашивается какъ выводъ изъ предыдущаго изложенія. Мы видѣли, что Арменія въ древнѣйшія эпохи была раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, что эта система обратилась въ эпоху Аршакидовъ въ настоящій феодализмъ. Феодализмъ Арменіи, однако, не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ Западной Европѣ. Тамъ король или императоръ раздавалъ лены своей дружинѣ, а покоренное населеніе обращалось въ крестьянъ. Здѣсь, напротивъ, мѣстные владѣтели оставались во всей своей силѣ въ своихъ владѣніяхъ, а царь, ихъ покорившій, являлся лишь ихъ царемъ царей. Это произошло оттого, что не силою оружія, не огнемъ и мечемъ покоряли Аршакиды окрестные народы, а лишь соединяли ихъ въ добровольную коалицію противъ той силы, которая имъ грозила на Западѣ, то есть, всепоглощающей Римской имперіи. И потому, когда въ Арменіи пала царствующая династія, царства ея остались въ полной силѣ, не было только связывающаго ихъ звена: царя царей. Религиозная борьба, которую вела Арменія съ Сассанидами, придавала странѣ характеръ теократическій, и во главѣ народа явилась личность духовная—католикосъ, но, когда новая враждебная сила, арабы, охватила все окружающее, коалиція царей-династовъ Арменіи выдѣлила изъ самой своей среды новое звено—династію Багратидскую. Погромы и религиозныя войны, коварная политика Сассанидовъ и Византійской имперіи, уводившихъ армянскую молодежь въ далекія страны, давно уже уничтожили ея цвѣтъ и цвѣтъ армянскаго общества, и страна не въ силахъ была стряхнуть то иго, которое, какъ желѣзное кольцо, охватило ее; но, когда грозный халифатъ сталъ разлагаться на свои составныя части, въ этотъ моментъ Багратиды подняли голову.

¹⁾ Quadro della storia litteraria di Armenia, p. 73.

Сами же враги, ослабѣвая съ годами, создали изъ нихъ, какъ оборонительный барьеръ, новое царство и поддерживали ихъ въ первую эпоху, но Багратиды были не тѣмъ, чѣмъ была Аршакидская династія. Обстоятельства уже сильно измѣнились. Багратиды не могли довольствоваться пустымъ царскимъ титуломъ и хотѣли полной власти, полной силы—однимъ словомъ фактическаго объединенія страны подъ своимъ верховенствомъ, Армения этой эпохи представляла удивительное зрѣлище. Среди нахараровъ и знати скоплялись богатства, и являлось полное благосостояніе, накопленное цѣною полного истощенія народнаго. Низшіе классы населенія вслѣдствіе постоянныхъ войнъ обнищали до невозможнаго, страшные поборы обращали ихъ въ настоящихъ бравы и бандитовъ, и они цѣлыми толпами шли въ войска, при чемъ награбленные ими у одного владѣтеля богатства шли на пополненіе ненасытныхъ требованій другаго. Положеніе было ненормальнымъ и нетерпимымъ въ правильномъ государствѣ, и вотъ первые Багратиды, Ашотъ I, Смбаѣ I и Ашотъ II, всю свою жизнь преслѣдуютъ единую идею—объединенія страны подъ своею властью. Усилія, ими употребленныя, были просто сверхчеловѣческія.

Страшные погромы не одинъ разъ обращали всѣ ихъ труды въ ничто, но они вновь предавались тому же съ удвоенною энергіей. Недостатокъ историческихъ данныхъ о второй половинѣ царствованія Ашота II не даетъ намъ возможности указать моментъ, когда это объединеніе совершилось, но уже въ эпоху Абаса и Ашота III мы находимъ страну вполне окрѣпшей и власть прочную въ рукахъ Багратидской династїи. Приближался тысячный годъ, въ который всѣ народы вселенной ждали пришествія Спасителя. Замолкли ссоры и распри, всякій думалъ о своей душѣ и о своемъ спасеніи; кто только могъ, строилъ храмъ или обновлялъ старый, стали строго преслѣдоваться появившіяся ереси, однимъ словомъ направленіе общества стало глубоко религіознымъ. Это мы замѣчаемъ и въ исторїи Арменїи этой эпохи. Полное разложеніе халифата, частыя перемѣны императоровъ Византіи создали въ эпоху Смбаѣ II и Гагика I уже прочную, сильную монархію, которая даже не испугалась арміи Василія Болгаробойцы, но все это было лишь до тѣхъ поръ, пока въ могучихъ рукахъ держалась связывающая власть. Но лишь только въ эпоху Смбаѣ III и Ашота IV власть эта пошатнулась, вновь появились феодальныя царства, вновь распалась страна, и никакія силы уже не могли ее соединить. Къ тому же послѣдній царь Арменїи, Гагикъ II, былъ болѣе богословъ, ученый и философъ, чѣмъ правитель. Поддаваясь влиянію

то однихъ, то другихъ нахараровъ, онъ погубилъ свое царство и свою страну, чему способствовалъ и послѣдній католикосъ этой эпохи—Петръ Гетадарцъ, личность очень жадная, властолюбивая, но мало-способная. Государство сельджуковъ, вновь охватившее желѣзнымъ кольцомъ Арменію, убило въ ней всякую самостоятельность. Такъ окончилось царство Багратидовъ Арменіи, явившееся блестящимъ метеоромъ среди печальнаго разоренія! Какъ и всякая болѣе или менѣе счастливая пора, эпоха Багратидовъ вновь пробудила было засыпавшую литературную дѣятельность. Явились въ полномъ своемъ блескѣ главнымъ образомъ исторіографія и богословіе, и наконецъ, все это сосредоточилось, какъ въ фокусѣ, въ гениальныхъ твореніяхъ Григорія Магистра. Эпоха бѣдствій и горя доставила много слезъ населенію Арменіи и духовенству, и лишь въ литературной дѣятельности вновь оживала душа, оживало заснувшее чувство и любовь къ Богу и родинѣ. Эпоха Багратидовъ есть также эпоха развитія и даже созданія армянской архитектуры. Мы видѣли, какъ образовался и какъ развивался армянскій стиль, и уже замѣтили, что въ этомъ стилѣ чудесно сочетались Византія и мусульманство.

Наравнѣ съ Багратидами въ Васпураканѣ другая фамилія, Арируни, производила тоже объединеніе, которое здѣсь совершилось нѣсколько скорѣе, чѣмъ въ остальной Арменіи, благодаря страшной опасности, грозившей странѣ отовсюду. Пагубная борьба Гагика I съ Багратидами, возбужденная арабами, однако, сильно подорвала въ странѣ народное благосостояніе и уваженіе къ царственной династіи, и потому, лишь умеръ этотъ царь, первыя нашествія уничтожили въ ней всѣ плоды объединенія. Запершись въ своихъ укрѣпленіяхъ на берегахъ Ванскаго озера, послѣдніе Арируни всю свою жизнь вели партизанскую войну и, наконецъ, принуждены были уступить свое царство Византіи. Погромы сельджуковъ, послѣдовавшіе затѣмъ, убили и здѣсь всякую самостоятельность. Считаемо не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о сословіяхъ въ Арменіи, духовенствѣ, царѣ и его чиновникахъ. Сословіи въ странѣ было три: нахарары, народъ и духовенство, отдѣльнаго сословія купцовъ и ремесленниковъ не существовало. Нахарары, или ишханы, были феодальными царьками, имѣвшими каждый свой дворъ, свое даже небольшое войско, которое, впрочемъ, не было постояннымъ, а набиралось въ случаѣ нужды изъ простаго народа. Нахараръ былъ исполнѣ властенъ надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ, которые ему безусловно

подчинялись. Должность нахарара иногда давалась и царемъ, какъ ленъ, и не соединялась ни съ какимъ содержаніемъ, за исключеніемъ подати, которую всѣ нахарары, безъ исключенія, собирали царю въ извѣстномъ количествѣ со своихъ подчиненныхъ. Лены нахараровъ обыкновенно были наслѣдственны въ одномъ родѣ, изъ котораго одинъ избирался патріархомъ или главою и утверждался царемъ, но бывали случаи, что нахарарство одного передавали другому, что всегда вело къ ожесточеннымъ междоусобнымъ войнамъ. Нахарары имѣли право вести войну другъ съ другомъ, даже избивать другъ друга, и только въ важныхъ случаяхъ и чаще въ семейныхъ спорахъ въ ихъ дѣла вмѣшивался самъ царь. Монеты, однако, нахарары не били. Простой народъ дѣлился на жителей крѣпостей (берд), городовъ (кагак), сель (гюг) и мѣстечекъ (аван). Населеніе крѣпостей представляло изъ себя чисто военное сословіе, которое и составляло ихъ гарнизонъ. Оно было по большей части малочисленно. Многія крѣпости стояли даже безъ всякаго населенія и строились просто для будущей необходимости въ неприступныхъ мѣстахъ и дефиле. Изъ жителей крѣпостей составлялась у Багратидовъ лучшая часть ихъ боевой арміи. Жители городовъ были по большей части купцы и ремесленники и пользовались за своими стѣнами сравнительнымъ благосостояніемъ, такъ какъ могли торговать и заниматься ремесломъ, не смотри ни на какія военныя пертурбаціи. Поэтому послѣ самыхъ страшныхъ разгромовъ они обыкновенно быстро оправлялись. Въ случаѣ опасности они тоже обыкновенно составляли боевые отряды, но никогда не отходили отъ стѣнъ своего города. Относительно городовъ мы замѣчаемъ явную противоположность ихъ значенія со значеніемъ таковыхъ же въ Западной Европѣ. Тамъ обыкновенно города составляли главную силу монарховъ, и поэтому тѣ усердно ихъ поддерживали. Тутъ мы не замѣчаемъ ничего подобнаго. Въ Арменіи, правда, города живутъ самостоятельною жизнью, въ послѣднюю эпоху даже городъ Ани одинъ поддерживалъ своего государя, но въ большинствѣ случаевъ они представляли часто прямо враждебное населеніе, и Багратиды искали себѣ опоры не въ нихъ, а въ нахарарахъ и жителяхъ сель и мѣстечекъ. Дѣло въ томъ, что этнографическій составъ городского населенія былъ сложенъ: кромѣ армянъ, видимъ здѣсь мусульманъ и евреевъ, которые рѣдко сочувственно относились къ христіанскому войску. Жители городовъ часто прямо омульманивались изъ чисто коммерческихъ соображеній и интересовъ, и здѣсь царствовала

такая вѣротерпимость, что христіанскій храмъ обыкновенно стоялъ рядомъ съ мусульманскою мечетью, какъ объ этомъ не разъ говорятъ арабскіе географы ¹⁾. Къ тому же грабежи и поборы, совершавшіеся царскими войсками въ городахъ, не рѣдко отвращали отъ царя населеніе. Жители селъ и мѣстечекъ представляли изъ себя забитое, одиачное населеніе, въ которомъ, кромѣ вѣншности, почти не было ничего христіанскаго. Жили они исключительно земледѣліемъ и полеводствомъ для нуждъ кавалеріи царя и нахараровъ, но частыми войнами во многихъ случаяхъ оставляли поля необработанными, и оттого постоянная голодовка и лишенія обращали все способное къ труду населеніе въ авантюристовъ. Впрочемъ, необыкновенное плодородіе почвы часто выручало ихъ въ этомъ отношеніи; кромѣ того многіе крестьяне занимались выдѣлкою суконъ и разною кустарною промышленностью и сбывали свои произведенія на городскихъ базарахъ, но вырученные суммы никогда не шли на нужды самого населенія.

Постояннаго военного сословія въ Арменіи не существовало, хотя первые Багратиды и имѣли при себѣ постоянную дружину, подобную дружинѣ русскихъ князей. Войска набирались прямо изъ сельскаго населенія и изъ той массы авантюристовъ, которые наполняли всѣ уголки Арменіи. Никакого жалованья это войско не получало, а должно было кормиться добычею и грабежами. Оттого для него не готовились провіантъ и для него не было никакой правильной фуражировки. Состояло войско исключительно изъ кавалеріи: армянская пѣхота была лишь въ византійской арміи; офицерами и генералами были нахарары; вооружалось оно, чѣмъ попало, но обыкновенно имѣло при себѣ лучный снарядъ, щиты и шашки; дисциплины тоже никакой не знало. Единственнымъ боевымъ строемъ былъ чакать, состоявшій въ томъ, что войско становилось въ компактную массу лицомъ къ непріятелю. Въ случаѣ обороны оно выставляло впередъ шашки, а въ случаѣ атаки на врага сразу стрѣляло и кидалось съ гикомъ въ безпорядкѣ. Болѣе организованнымъ сословіемъ было духовенство. Во главѣ его былъ католикосъ, обладавшій неограниченною властью и не всегда даже повиновавшійся царю. Онъ одинъ могъ и былъ въ состояніи заставить повиноваться себѣ всѣхъ нахараровъ, одинъ пользовался почти суевѣрнымъ уваженіемъ у всего населенія. Избирался онъ общимъ соборомъ, и его окружалъ пышный дворъ, на подобіе царскаго, гдѣ все

¹⁾ *De Guo*, *Bibliotheca geographicorum* gr., т. II, III, главы объ Арменіи.

блистало богатствомъ и великолѣпїемъ; ему въ странѣ принадлежало до 500 деревень. Затѣмъ вся Арменія, по словамъ Матвея Эдесскаго ¹⁾, была раздѣлена на 500 діоцезовъ, во главѣ которыхъ стояли епископы, принадлежащіе очень часто и къ бѣлому духовенству, такъ какъ имѣли женъ и дѣтей. Нѣкоторые изъ епископовъ были главными, или архіепископами: таковы были архіепископы Аршаруни и Гутарка. Кромѣ епископовъ, существовали еще доктора или ученые на подобіе мусульманскихъ факиховъ, священники, діаконы и монахи. Изъ нихъ 12 епископовъ, 4 ученыхъ, 60 священниковъ и 500 діаконъ составляли постоянную свиту католикоса. Изъ этого перечня ясно, какое множество было духовенства въ Арменіи. Епископы представляли изъ себя тѣхъ же нахараровъ, и среди нихъ не разъ случались примѣры отложенія и ересей, такъ что католикосу иногда приходилось употреблять противъ нихъ даже вооруженную силу. Такое множество духовенства объясняется тѣмъ, что въ Арменіи былъ обычай, состоявшій въ томъ, что каждый членъ фамиліи строилъ свою особую церковь и имѣлъ въ ней своего священника и нѣсколькихъ діаконъ. При этомъ духовенство всегдѣ не составляло такого военнаго сословія, какъ это бывало въ Западной Европѣ; случаи участвованія священника въ битвѣ въ Арменіи были очень рѣдки. Иногда какой либо епископъ, правда, управлялъ осажденными, но опять самъ никогда не сражался, а лишь направлялъ ходъ защиты. Вся эта масса церковниковъ страшно угнетала населеніе, такъ какъ средства на ихъ содержаніе добывались отъ простаго народа. Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, какъ я сказалъ, были еще доктора, или вартанеты, подобные мусульманскимъ факихамъ. Они не исправляли богослужебныхъ требъ и не касались обрядовъ церкви; они комментировали Священное Писаніе, писали опроверженія ересей, сочиненія въ защиту армяно-григоріанизма, составляли гимны, житія святыхъ, и они же писали исторію государства. Жили они въ монастыряхъ и при дворахъ царя и католикоса, отчего ихъ и смѣшиваютъ съ монахами, но въ сущности это былъ совершенно отдѣльный классъ, на что указываетъ множество мѣстъ у армянскихъ авторовъ. Многіе изъ нихъ пользовались громаднымъ уваженіемъ и даже приглашались въ Константинополь императоромъ. Совершенно замкнутымъ, отдѣльнымъ классомъ отъ прочаго духовенства являлись монахи, игравшіе такую же роль, какую они играли въ первыя времена своего появленія во

¹⁾ Матвей Эдесскій, глава 89.

Франціи и Италіи. Въ Арменіи они появились въ эпоху Месропа, но тогда составляли лишь незначительную братію, группировавшуюся около Великаго Саака и носившую названіе спудеевъ. Въ эпоху Аршакидовъ и даже междущарствія число монастырей было очень незначительно, уставъ ихъ еще былъ не вполне выработанъ, но въ эпоху Багратидовъ они разрослись до огромнаго количества. Начало такому увеличенію положилъ Маштоцъ, основавшій знаменитый монастырь на островѣ Севангѣ, и его ученикъ, Іоаннъ Католикосъ. Маштоцъ первый ввелъ правильный распорядокъ монастырскихъ религіозныхъ гимновъ, а затѣмъ былъ введенъ уставъ св. Василія Великаго, очень популярный на всемъ Востокѣ. Благодаря ряду католикосовъ изъ среды монаховъ, они приобретаютъ весьма важное значеніе въ народѣ, горячо, какъ и въ Западной Европѣ, оспариваемое свѣтскимъ духовенствомъ. Какъ и тамъ, здѣсь происходила упорная борьба за власть, ясно сказавшаяся при борьбѣ католикосіата съ Тондракскою и другими ересями, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ.

Во главѣ всего правленія стоялъ, какъ мы говорили, царь, окруженный придворнымъ штатомъ и составлявшій центръ администраціи. Большинство названій придворныхъ чиновъ не дошло до насъ; только, какъ кажется, нахарары не могутъ быть считаемы настоящими административными лицами. Армянскіе писатели указываютъ лишь четыре административныхъ и придворныхъ чина: великаго спарапета, ишхана ишхановъ, храманадара и марзпана. *Спарапетъ*—это персидское аспахапетъ, то-есть, начальникъ конницы. Онъ совсѣмъ не начальствовалъ отдѣльнымъ коннымъ отрядомъ, а былъ простымъ, знатнымъ нахараромъ, которому поручалась команда надъ арміею. Въ эпоху Аршакидовъ страна была раздѣлена на 4 военныхъ округа, откуда собирались войска, и въ каждомъ изъ которыхъ былъ свой полководецъ. Теперь полководецъ былъ одинъ, и при томъ наслѣдственный. Существовалъ ли у спарапета какой либо штабъ, какъ управлялось имъ войско, армянскіе памятники не даютъ на это никакого отвѣта. *Ишханъ ишхановъ* былъ какъ бы посредникомъ между царемъ и нахарарами, былъ ходатаемъ предъ царемъ и предъ католикосомъ за нахараровъ; онъ же передавалъ нахарарамъ царскія приказанія и въ важныхъ случаяхъ судилъ тяжбы между знатью. Такая дѣятельность предполагаетъ у него развитую канцелярію, но отъ нея не осталось никакихъ слѣдовъ, если приказы не передавались изустно. *Храманадаръ* была должность очень сходная съ грузинскою дастуртъ-ухуцеси. Это былъ придворный секретарь царя, издатель и отчасти составитель цар-

скихъ приказовъ и декретовъ. Храманадарамъ, вѣроятно, принадлежать многіе законы, дошедшіе до насъ въ позднѣйшемъ сборникѣ Мхитара Гоша. *Марзпанъ* былъ то же, что въ эпоху Карла Великаго *маркграфъ*. Это былъ начальникъ, или губернаторъ, пограничной области, который долженъ былъ смѣтрѣть за границею, вѣдать оборону пограничныхъ крѣпостей, давать знать о сосѣднихъ событіяхъ. Позднѣе это значеніе утерялось, и марзпанъ обратился въ простаго церемоніймейстера. Такъ жила Арменія въ эпоху отъ IX вѣка по XI вѣкъ.

А. Грешъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская бібліографія о Коменскомъ.

Всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ указаніями и справками при составленіи нижеслѣдующаго бібліографическаго списка, а именно: Э. А. Вольтеру, Г. М. Князеву, Н. А. Кричагину, Б. П. Ламбину, Е. Ст. Преженцовой, П. А. Сырку и сотрудникамъ по Отдѣлу Коменскаго, въ особенности Н. С. Карцову и В. П. Протейкинскому, которому всецѣло принадлежитъ списокъ № III, приношу искреннѣйшую благодарность.

I. СОЧИНЕНІЯ КОМЕНСКАГО ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

1. Orbis visibilis I. A. Коменскаго. *Видимый міръ (свѣтъ)*, на латинскомъ, руссiйскомъ, нѣмецкомъ, италіанскомъ и французскомъ языкахъ представленный. При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва, 1768 г., 477 стр. Издатель Веберъ (или Х. А. Чеботаревъ?), перев. проф. Шаденъ. — 2-ое изд. Въ Университетской типографіи Н. Новикова. Москва, 1788 г., 22+554 стр.

2. *Зрѣлище Вселенной*, на латинскомъ, руссiйскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изданное для народныхъ училищъ Россiйской Имперіи. Съ эстампами. Въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1787 г., въ 8°. Ц. 1 р.—Послѣднее изданіе—1808 г. ¹⁾.

¹⁾ Вышедшая въ 1773 г. при Императорской Академіи Наукъ книга *Изъ Хмелевскаго* „Свѣтъ зримый въ лицахъ“ (перев. съ нѣмецкаго, 4-ое изд., 1817 г.) ничего общаго, кромѣ заглавія, съ сочиненіемъ Коменскаго не имѣетъ. Приготовленный подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1703 г. переводъ пастора Э. Глюкъ, какъ и др. его переводы („Vestibulum“ и „Janua hserata“), напечатаны не были.

3. *Единое есть на потребу* (Unum necessarium), въ приложеніи къ труду *Фр. Палацкаго „Жизнь А. Коменскаго“* въ *Трудахъ Киевской Академіи*, Киевъ, 1869 г. (Только одна глава).

4. *Великая Дидактика*. Переводъ *Боданова*, редакція *С. И. Миропольскаго*, въ приложеніи къ журналу *Семья и Школа* Ю. И. Симашки. С.-Петербургъ, 1875—1877 гг. 4.000 экз. (Распродано).

5. *Лабиринтъ Свѣта и Рай Сердца*. Гл. 10-ая: „Путешественникъ обозрѣваетъ сословіе ученыхъ“, переводъ *М. С. (Матвѣя Ив. Соколова): Славянскій Ежегодникъ* (изд. Киевскаго Славянскаго Общества), 6-ой вып., стр. 164—174. Киевъ, 1884 г.

6. *Открытая дверь языковъ, Гимназія* Г. А. Янчевецкаго. Ревель, артъ 1892 г., кн. LI, LIII, LVIII.

7. *Материнская Школа*, перев. съ нѣмецкаго *М. Н. Воскресенской: Образованіе* В. Д. Сиповскаго. С.-Петербургъ, май 1892 г. Отдѣльные оттиски, изд. редакціи журнала *Образованіе*. С.-Петербургъ, 1892 г. Ц. 50 коп., II+64 стр., 1.000 экз.

8. *О культурѣ природныхъ дарованій* („De ingeniorum cultura“), перев. съ латинск. *Л. Н. Модзалевскаго. Образованіе*, февраль и мартъ 1893 г. Отд. оттиски, изд. редакц. журн. *Образованіе*. С.-Пб., 1893 г. Ц. 30 к.

9. *Великая Дидактика*. (Избранныя педагогическія сочиненія А. Коменскаго. Часть I). Перев. съ латинск. *А. Адольфа* и *С. Любомудрова*. Съ портретомъ Коменскаго, очеркомъ его жизни и дѣятельности и объяснительными примѣчаніями. Москва, 1893 г., XXVII+308 стр. Изд. книжн. маг. „Начальная Школа“. Ц. 1 р. 50 к.

10. *Великая дидактика*. Перевелъ съ латинскаго *А. Щепинскій*. С.-Пб., 1893 г., XVI+326 стр. Ц. 1 р. 50 к.

II. СОЧИНЕНІЯ И СТАТІИ О КОМЕНСКОМЪ.

1. *М. А. Коркуновъ*. О книгѣ *І. А. Коменскаго „Видимый Свѣтъ“*. *Извѣстія II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ*, С.-Пб., 1855 г., т. 4, вып. 4, стр. 199—206.

2. *П. Д. Шестаковъ*. *І. А. Коменскій, педагогъ XVII вѣка: Воспитаніе Чумикова*, Москва, 1862 г., т. XI, кн. 1, стр. 12—30; кн. 4, стр. 176—192; кн. 5, стр. 225—239.

3. — *А. Коменскій и его „Didactica Magna“: Учитель* *І. И. Паульсона*, С.-Пб., 1869 г., № 7, стр. 214—222; № 8, стр. 245—255; № 9—10, стр. 286—299.

4. П. Е. Попырко. Я. А. Коменскій: *Филологическія Записки*, 1869 г., вып. 4, стр. 1—8, и вып. 5, стр. 1—20.

5. Фр. Палацкій. Жизнь Амоса Коменскаго: *Труды Киевской Академіи*, Киевъ, 1869 г. и сл., кн. I и II.

6. А. Д. Юркевичъ. Идеи и факты изъ исторіи педагогики. *Журналъ Мистист. Народн. Просв.*, сент. 1870 г., стр. 16—21.

7. Н. И. Куликовъ. Коменскій, педагогъ XVII вѣка, по Люцу и Витштоку. *Ж. М. Н. Пр.*, окт. 1870 г., стр. 189—195.

8. С. И. Миропольскій. Коменскій и его значеніе въ педагогіи. *Ж. М. Н. Пр.*, май 1871 г., стр. 1—22; июнь, стр. 97—135; июль, стр. 1—66.

9. В. И. Гризоровичъ. I. А. Коменскій, словянскій педагогъ—реалистъ XVII столѣтія. Публичная лекція, читанная 26-го ноября 1870 г. Одесса, 1871 г.

10. — А. Коменскій, основатель новой педагогики, переводъ съ нѣмецкаго (Питтенгейма?): *Школьная Жизнь*, 1873—1874 гг. Прилож., стр. 3—56, С.-Пб., 1875 г.

11. — Я. А. Коменскій и Великая его Дидактика: *Вѣстникъ Воспитанія* Е. А. Покровскаго, Москва, 1890 г., № 5.

12. М. В. (М. Н. Воскресенская). Я. А. Коменскій. Біографія и краткій обзоръ его педагогическихъ трудовъ. „Педагогическій Календарь“ на 1891—1892 гг., стр. 181—206, Москва, 1891 г.

13. Л. Н. Модзалевскій. Амосъ Коменскій, основатель новой педагогики. (По поводу 300-лѣтія со дня его рожденія). С.-Пб., 1892 г. Ц. 20 коп. (Съ портр. и образчикомъ „Живой азбуки“ К—го).

14. (Г. К. Шмидъ). Сообщение (о „Comenius-Gesellschaft“), *Ж. М. Н. Пр.*, январь 1892 г.

15. К. М. (К. Н. Модзалевскій). Трехсотлѣтній юбилей Я. А. Коменскаго и предполагаемое чествованіе имени его въ Германіи: *Русская Школа* Я. Г. Гуревича, С.-Пб., февраль 1892 г., стр. 86—90.

16. А. Б. (А. С. Будилевичъ). I. А. Коменскій: *Славянское Обозрѣніе*, С.-Пб., февраль 1892 г., стр. 173—181 (съ портретомъ Коменскаго).

17. Д. Д. Семеновъ. Я. А. Коменскій: *Міръ Божій* В. П. Острогорскаго. С.-Пб., февраль 1892 г., стр. 57—77.

18. М. Н. Воскресенская. Я. А. Коменскій. Его жизнь и педагогическія сочиненія. *Образованіе*, 1892 г., кн. 2, стр. 99—122, и кн. 3, стр. 195—214.

19. ** Я. А. Коменскій. *Русская Школа*, мартъ 1892 г., стр. 8—24.

20. А. Б. (А. С. Будиловичъ). Дидактика І. А. Коменскаго въ ея отношеніяхъ къ славянской школѣ нашего времени. *Славянское Обзорніе*, мартъ 1892 г., стр. 329—350 (съ заглавнымъ листомъ амстердамскаго изданія дидактическихъ сочиненій Коменскаго).

21. А. Д. Средняя школа Коменскаго и наши гимназіи. *Славянское Обзорніе*, мартъ 1892 г., стр. 351—358.

22. Н. Васильковъ. А. Коменскій—основатель рациональной педагогической гигиены. *Вѣстникъ Воспитанія*, 1892 г., № 3, стр. 1—11.

23. Д. Д. Семеновъ. Мастерская гуманности по идеѣ Я. А. Коменскаго. *Вѣстникъ Воспитанія*, 1892 г., № 3, стр. 12—19.

24. Г. А. Янчевецкій. Я. А. Коменскій. Съ портретомъ. *Гимназія*, 1892 г., кн. II, стр. 3—14.

25. — Ко дню 300-лѣтія со дня рожденія знаменитаго педагога-славянина І. А. Коменскаго: жизнь и педагогическіе труды его. *Странникъ*, 1892 г., кн. 3, стр. 554—570.

26. П. Ѳ. Каптеревъ. Материнская школа по Амосу Коменскому. *Образованіе*, 1892 г., кн. 4, стр. 291—307.

27. А. Смирновъ (свящ.). Христіанскій педагогъ Я. А. Коменскій. *Православный Собесѣдникъ*, 1892 г., кн. 3 и 4, стр. 286—329; кн. 5, стр. 123—135.

28. В. А. Гольцевъ. Памяти Я. А. Коменскаго: *Русская Мысль*, 1892 г., кн. 4, стр. 98—103.

29. И. Ц. Пиотровскій. Преобразовательная дѣятельность А. Коменскаго. „Jahresbericht der deutschen Hauptschule zu St. Petri“, С.-Пб., 1892 г.

30. А. Б. (А. С. Будиловичъ). Еще къ юбилею Коменскаго: *Славянское Обзорніе*, апрѣль 1892 г., стр. 557—559.

31. К. Я. Гротъ. Славянскія основы идей и дѣятельности І. А. Коменскаго. *Славянское Обзорніе*, май—іюнь 1892 г., стр. 105—119.

32. К. Я. Гротъ. Переписка Я. А. Коменскаго. *Славянское Обзорніе*, май—іюнь 1892 г., стр. 205—210 ¹⁾.

33. Ѳ. В. Ржиса. Очеркъ жизни и дѣятельности І. А. Коменскаго въ 300-лѣтнюю годовщину рожденія славянскаго педагога XVII вѣка. Нижний Новгородъ, 1892 г., 64 стр., 240 экз. Ц. 30 коп. ²⁾.

¹⁾ Мелкія замѣтки о Коменскомъ встрѣчаются еще въ I томѣ, стр. 225, 292, 395 сл. и 599; во II томѣ, стр. 151 и 220.

²⁾ Отзывъ В. Ч. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1892 г., № 190. Одобрень для ученическихъ библіотекъ.

34. А. Д. Вейсманъ. А. Коменскій и его Дидактика. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, августъ 1892 г., стр. 34—67.

35. М. В. (М. Н. Воскресенская). Я. А. Коменскаго „Великая Дидактика“ (краткое изложеніе въ 9 главахъ). „Педагогическій календарь“ на 1892—1893 гг., стр. 177—195, С.-Пб., 1892 г.

36. О. Л. Яреми и А. И. Степовичъ. Я. А. Коменскій (1592—1670). Чтеніе въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 15-го марта 1892 г., Кіевъ, 1892 г., 65 стр., 1000 экз. (Яреми: Объ историческомъ значеніи дѣятельности Коменскаго въ связи съ дѣятельностью „чешскихъ братьевъ“. Степовичъ: О литературныхъ произведеніяхъ Коменскаго и его педагогической системѣ).

37. В. М. Тренюхина и О. В. Кайданова. Въ помощь голодающимъ. І. А. Коменскій. Рѣчи, прочитанныя на (въ?) засѣданіи Тифлискаго Общества Взаимнаго вспоможенія Учительницъ и Воспитательницъ, посвященномъ памяти І. А. Коменскаго по случаю 300-лѣтняго юбилея дня его рожденія. Тифлисъ, 1892 г., 28 стр., 960 экз. Ц. 20 коп. (Тренюхина: Жизнь, дѣятельность и личность І. А. Коменскаго. Кайданова: Основные идеи І. А. Коменскаго) ¹⁾.

38. А. И. Словинскій. Основные принципы „Великой Дидактики“ Я. А. Коменскаго. Тифлисъ, 1892 г. (Съ портретомъ).

39. Л. Н. Модзалевскій. Жизнь І. А. Коменскаго. „Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго музея за 1890—1891 и 1891—1892 гг.“. С.-Пб., 1892 г. Ц. 30 коп., стр. 57—70.

40. С. И. Миропольскій. Учебно-воспитательные идеалы Коменскаго въ исторіи педагогики. Тамъ же, стр. 76—88.

41. Е. А. Лѣве. Я. А. Коменскій и его взгляды на преподаваніе языковъ. Тамъ же, стр. 166—171.

42. Л. Н. Модзалевскій. 300-лѣтній юбилей отца народной школы А. Коменскаго въ С.-Петербургѣ. Собраніе рѣчей гг. Каптерева, Миропольскаго, Модзалевскаго и Сентъ-Илера. Съ портретомъ Коменскаго. (Въ приложеніи гимнъ Коменскому, слова В. С. Карцева, музыка В. И. Глазача). С.-Пб., 1893 г. Ц. 30 коп.

43. К. К. Сентъ-Илеръ. Я. А. Коменскій. *Педагогическій Листокъ* (прилож. къ журналу *Дѣтское Чтеніе*, П. Я. Преображенскаго). С.-Пб., 1892 г., январь—іюнь, стр. 3—13.

¹⁾ Отзывъ К. М. въ *Русской Школѣ*, іюль—августъ 1892 г., стр. 247—249, и *Русскій Начальный Учитель*, 1892 г. № 8 и 9, стр. 313.

44. Е. А. Лёве. Monatshefte der Comenius-Gesellschaft. Erster Jahrgang. 1, 2 u. 3 Heft. Leipzig. 1892. Журнал Министерства Народнаго Просвѣщенія, февраль, 1893 г., стр. 482—485.

45. О. В. Ржиса. Почитателямъ памяти Коменскаго. Предисловіе къ Уставу Материнской Школы. Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1893 г., №№ 6 и 7 (10-го и 17-го февр.).

III. ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ, ПОЯВИВШИЯСЯ ПО ПОВОДУ 300-ЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ КОМЕНСКАГО.

1. — Я. А. Коменскій, славянскій мыслитель и педагогъ XVII вѣка: Правительственный Вѣстникъ, 1892 г., № 13.

2. О. Булаковъ. Славянскій Колумбъ европейской педагогіи: Новое Время, № 5760 (12-го марта 1892 г.).

3. С. И—ва. А. Коменскій: Русская Жизнь, 1892 г., № 74.

4. В. Ермиловъ. Коперникъ воспитанія: Русскія Вѣдомости, 1892 г., № 107.

5. Н. Васильковъ. А. Коменскій и его взглядъ на школу (ко дню 300-лѣтняго юбилея): Казанскій Вѣстникъ, 1892 г., № 431 (24-го марта).

6. Ф. (И. І. Фесенко). Ив. А. Коменскій, великій славянскій педагогъ: Южный Край, № 3849 (16-го марта 1892 г.). Отдѣльные оттиски: Харьковъ, 1893 г.

7. А. И. Словинскій. Великій педагогъ Я. А. Коменскій: Кавказъ, 1892 г., № 70.

IV. СТАТЬИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ, ПОЯВИВШИЯСЯ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССИИ.

1. Dr. A. Brehme. I. A. Comenius. St.-Petersburger Herold, 15-го марта 1892 г.

2. Eugen Loev. I. A. Comenius. St.-Petersburger Zeitung, №№ 163, 164, 166 и 167 (11-го, 12-го, 14-го и 15-го іюня 1892 г.).

3. Prof. W. Ruin. I. A. Comenius. Ett sekularminne. Finsk Tidskrift för vitterhet, vetenskap, konst och politik, utg. af F. Gustafsson och M. G. Schybergson. Гельсингфорсъ, 1892 г., томъ 32, стр. 369—382.

V. СОЧИНЕНІЯ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ПЕДАГОГИКИ, ВЪ КОТОРЫЯ ВОШЛИ СТАТЬИ О КОМЕНСКОМЪ.

1. А. Н. Пытинъ и Д. В. Стасовичъ. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. С.-Пб., 1865 г., стр. 315, 317—320.

2. *Л. Н. Модзалевскій*. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія. т. I. стр. 374—398. С.-Пб., 1866 г.; 2-ое изд.—1874 г.; 3-е—1892 г.

3. *К. фонъ Раумеръ*. Исторія воспитанія и обученія, переводъ съ 3-го изд. подъ редакціей Н. Х. Весселя. Ч. II, С.-Пб., 1878 г., стр. 122—196.

4. *П. В. Евстафьевъ*. Начальныя основанія педагогики. Вып. 2-й. Дидактика и методика. С.-Пб., 1880 г., стр. 348—356; 44, 46, 77, 89, 90, 97, 109, 116, 176, 201, 235, 342, 346, 378, 383, 426 и 431.

5. *Д-ръ Фр. Диттесъ*. Исторія воспитанія и обученія. Съ 2-го нѣм. изд. перев. А. Николичъ и К. Модзалевскій. С.-Пб., 1873 г., стр. 170—181 (§ 29). Перев. съ нѣм. подъ редакціей К. Н. Модзалевскаго. Изд. 2-ое. С.-Пб., 1875 г., стр. 170—181 (§ 29).

6. *Ю. Паротцъ*. Всеобщая исторія педагогики для руководства учащимся въ нормальныхъ школахъ. Перев. съ франц. А. А. Гергардта. (Изъ журн. „*Семья и Школа*“). С.-Пб., 1875 г., стр. 170—180 (§ 15).

7. *Ельницкій*. Очерки по исторіи педагогики. С.-Пб., 1885 г., стр. 71—80.

8. *А. Степовичъ*. Очеркъ исторіи чешской литературы. Кіевъ. 1886 г. (Изд. Кіевск. Славянск. Общества). XII+336 стр. Ц. 1 р. 50 к.; стр. 130—145; 71, 84.

9. *Г. И. Паульсонъ*. Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ. С.-Пб., 1887 г., ч. I, стр. 30—38.

10. *Квикъ* (Rob. Quick). Реформаторы воспитанія. Перев. и мѣстами передѣлка съ англійск. З. Перцовой. Отд. оттиски изъ журнала *Вѣстникъ Воспитанія*, Москва, 1893 г. ¹⁾, стр. 79—96.

Евг. Лѣво.

¹⁾ Отзвы *П. Г. Мизюева* въ *Русской Школѣ*, дек. 1892 г., стр. 180—182 (тамъ же о Коменскомъ вообще, стр. 168—170), и *Русское Богатство*, 1893 г., № 3.

Новый трудъ въ области учебной литературы по русскому уголовному процессу.

В. Случевскій. Учебникъ русскаго уголовного процесса, въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб., 1891—1892 гг.

Если вообще всякое новое явленіе въ сферѣ нашей бѣдной учебно-юридической литературы должно возбуждать вниманіе интересующихся условіями нашего университетскаго преподаванія, то это въ особенности примѣнимо къ такому произведенію, какъ „Учебникъ русскаго уголовного процесса“ г. Случевскаго. Дѣло въ томъ, что нашему уголовно-процессуальному праву и до недавно осуществленной судебной-административной реформы не суждено было подвергнуться законченной обработкѣ съ чисто учебными цѣлями. Нельзя же назвать учебниками ни извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ комментариевъ гг. Чебышева-Дмитріева ¹⁾ и Неклюдова ²⁾, ни солиднаго труда профессора Фойницкаго ³⁾, котораго вышелъ всего первый томъ. Единственную и при томъ, къ сожалѣнію, незаконченную попытку изданія университетскаго учебника по русскому уголовному процессу представляетъ собою работа покойнаго профессора Тальберга ⁴⁾, первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ какъ-разъ въ годъ изданія законовъ о недавней судебной-административной реформѣ.

Эта бѣдность нашей учебной литературы по русскому уголовному процессу, впрочемъ, вполне понятна. Дѣйствительно, судебная реформа 20-го ноября 1864 г., создавшая эпоху въ нашей процессуальной исторіи, потребовала такой массы труда чисто-практическаго направленія, что для выполненія его оказалось нужнымъ привлечь и преподавателей уголовного права и судопроизводства. Такой потребности и удовлетворяють работы того поколѣнія русскихъ ученыхъ криминалистовъ, которые въ періодъ введенія судебной реформы 1864 г. были уже вполне готовы къ труду. Практическія руководства, комментаріи, систематическіе своды данныхъ кассационной прак-

¹⁾ Русское уголовное судопроизводство по Судебнымъ Уставамъ 20-го ноября 1864 г., С.-Пб., 1875.

²⁾ Руководство для мировыхъ судей. Уставъ угол. судопр., С.-Пб., 2-ое изд., 1872 г.

³⁾ Курсъ уголовного судопроизводства, С.-Пб., 1884 г.

⁴⁾ Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Кіевъ, т. I, 1889 г.; т. II, вып. 1—1891 г.

тики, издавія законовъ съ тезисами изъ кассационныхъ рѣшеній — вотъ что, сверхъ диссертаций и вообще научныхъ трудовъ, печатаютъ эти наши ученые. Печатаютъ они, впрочемъ, и учебники. Но и эти учебники, и вышеупомянутыя научныя работы имѣютъ предметомъ своимъ, главнымъ образомъ, матеріальное уголовное право, а не процессъ. Не объясняется ли это, между прочимъ, тѣмъ, что тѣ наши ученые криминалисты, которыхъ реформа 1864 года застала въ разгарѣ ихъ дѣятельности, въ періодъ своей подготовки имѣли дѣло съ до-реформеннымъ уголовнымъ процессомъ, а этотъ послѣдній, вслѣдствіе своей устарѣлости и общепризнанныхъ недостатковъ, не могъ въ глазахъ этихъ, въ то время молодыхъ, ученыхъ вызвать иного къ себѣ отношенія, кромѣ чисто-отрицательнаго, и вообще возбудить охоту къ научнымъ занятіямъ этою частью криминалистики? Можетъ быть, къ этой причинѣ присоединялось и другое обстоятельство, а именно взглядъ на формальное уголовное право, какъ на нѣчто менѣе важное и трудное, какъ на такую, пожалуй, отрасль криминалистики, которая требуетъ болѣе практической сноровки, чѣмъ теоретическаго изученія.

Какъ бы, однако, ни было, но только слѣдующее за введеніемъ судебной реформы 1864 г. поколѣніе ученыхъ стало избирать предметомъ своихъ специальныхъ занятій формальную часть уголовного права.

Но какъ эти тогда молодые ученые процессуалисты, такъ и выдающіеся практики временъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ судебной реформы 1864 г., начинали, какъ это и естественно, не съ учебниковъ уголовного процесса, а съ детальной обработки отдѣльных вопросовъ реформированнаго уголовно-процессуальнаго права. Общія же труды по уголовному процессу, если и появлялись изъ-подъ пера старѣйшихъ криминалистовъ, то, какъ сказано раньше, эти труды имѣли болѣе практическій характеръ.

Вотъ вѣроятныя, мнѣ кажется, причины того, что работы нашихъ процессуалистовъ въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ являются или въ видѣ опытовъ научной и практической обработки отдѣльных вопросовъ и стадій производства, или въ формѣ практическихъ руководствъ и систематическихъ сводовъ данныхъ практики.

Только послѣ накопленія такого матеріала, только послѣ выработки и уясненія взглядовъ на важнѣйшіе процессуальные вопросы, только послѣ удовлетворенія насущныхъ практическихъ потребностей, созданныхъ судебною реформой 1864 г., рѣчь могла пойти объ учеб-

никахъ, могущихъ претендовать на значеніе и ожидать спроса за тѣсными предѣлами аудиторіи даннаго преподавателя. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Какъ мы выше упоминали, въ 1889 году покойный профессоръ университета св. Владиміра Д. Г. Тальбергъ начинаетъ изданіе своего „Пособія къ лекціямъ“, а въ прошломъ (1892) году преподаватель училища правовѣдѣнія и товарищ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената В. К. Случевскій заканчиваетъ свой „Учебникъ“, явившійся какъ нельзя болѣе кстати послѣ недавней судебно-административной реформы, съ одной стороны, и преобразованія университетскихъ экзаменовъ—съ другой.

Конечно, въ виду вышеизложеннаго такое явленіе въ сферѣ нашей юридической литературы, какъ этотъ учебникъ г. Случевского, не могло пройти незамѣченнымъ въ нашей специальной періодической печати. И дѣйствительно въ нашихъ юридическихъ журналахъ есть уже два отзыва объ этой книгѣ ¹⁾. Оба эти отзыва, однако, имѣютъ дѣло съ первою частью сочиненія. Разбора же всего труда г. Случевского, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется. Этотъ-то пробѣлъ мы и пытаемся восполнить настоящею рецензіей.

Начнемъ нашъ разборъ съ вопроса о системѣ.

Намъ кажется, что принятую авторомъ систему можно одобрить только въ общемъ, а никакъ не въ деталяхъ. Г. Случевскій, конечно, правъ, когда слѣдующее за введеніемъ изложеніе дѣлитъ на два большихъ отдѣла: отдѣлъ судоустройства, заканчиваемый въ первой части, и отдѣлъ судопроизводства, которому посвящена вторая часть сочиненія. Но намъ кажется, что въ введеніе вошло не все то, что, согласно своему значенію и отношенію какъ ко включенному въ это введеніе, съ одной стороны, такъ и къ дальнѣйшему изложенію—съ другой, должно было бы занимать тамъ свое мѣсто.

Такъ, если уже авторъ, какъ это и слѣдовало, желалъ во введеніи дать опредѣленіе уголовного процесса, указать на его мѣсто въ ряду другихъ отраслей права, на признаки сходства и различія съ другими сферами,—вообще, если, повторяю, авторъ обнаружилъ желаніе установить предметъ дальнѣйшаго трактованія и отмежевать его отъ сосѣднихъ областей, то не понятно, почему онъ о нѣкото-

¹⁾ См. краткую и очень сочувственную записку въ *Юридической Лѣтописи* за февраль 1892 г. и болѣе подробный отзывъ о первой же части „Учебника“ профессора А. М. Володимірова въ *Журналъ гражд. и уголовн. права* за февраль 1891 года.

рыхъ изъ подобныхъ вопросовъ говорить не во введеніи, а въ дальнѣйшемъ изложеніи. Во введеніи, напримѣръ, авторъ указываетъ на соотношеніе уголовного процесса къ матеріальному уголовному праву, а также къ гражданскому судопроизводству, но не говоритъ объ „основаніяхъ къ отграниченію уголовного судопроизводства отъ административнаго“,—объ этомъ рѣчь у г. Случевского идетъ въ началѣ второй части труда.

Точно также не понятно, почему вопросъ „о средствахъ толкованія уголовно-процессуальныхъ законовъ“ авторъ отнесъ къ отдѣлу судоустройства (ч. I, § 18), а не къ тому мѣсту введенія, гдѣ онъ говоритъ вообще объ источникахъ уголовно-процессуальнаго права; здѣсь, вслѣдъ за вопросомъ о дѣйствіи уголовно-процессуальныхъ законовъ въ пространствѣ и времени, можно было, какъ это обыкновенно и дѣлается, сказать и объ обращеніи съ ними, то-есть, между прочимъ, и о ихъ толкованіи. Вѣдь изучающій уголовный процессъ долженъ быть знакомъ съ правилами толкованія уголовно-процессуальныхъ законовъ уже тогда, когда онъ, послѣ общихъ понятій, излагаемыхъ во введеніи, приступаетъ къ усвоенію положеній самой системы дѣйствующаго права, первую часть которой представляетъ судоустройство. И почему это толкованіе всѣхъ вообще процессуальныхъ законовъ отнесено именно къ отдѣлу судоустройства? Вѣдь правила толкованія процессуальныхъ законовъ необходимы какъ для судоустройственной, такъ и судопроизводственной частей процесса. Вѣдь правила толкованія процессуальныхъ законовъ нельзя же разсматривать, только какъ правила для дѣятельности однихъ судовъ.

И далѣе—намъ кажется не вполне удачнымъ трактованіе о существѣ основныхъ началъ уголовного процесса (публичный характеръ этого процесса, начала обвинительности, непосредственности и проч.) не во введеніи, а во второй части учебника, посвященной системѣ судопроизводства въ тѣсномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь эти начала объясняютъ и въ извѣстномъ смыслѣ обуславливаютъ, опредѣляютъ не только нормы, регулирующія собственно судопроизводство но и основы судоустройства. Такъ, прежде всего, принципъ публичности (*Officialmaxime*) уголовного процесса сказывается въ основѣ всей судебной организаціи, въ ея государственномъ характерѣ. Далѣе, напримѣръ, изъ начала публичности и обвинительности (состязательности) вытекаетъ необходимость особаго отъ суда органа публичнаго, государственнаго обвиненія (прокуратура), равно какъ и така,

организация защиты, которая покоилась бы на признании общественного значенія дѣятельности защитника ¹⁾).

Затѣмъ вообще извѣстно, что такія начала процесса, какъ непосредственность, гласность, обвинительность и свобода внутренняго убѣжденія судьи отъ такъ называемой формальной теоріи доказательствъ, находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ началомъ судоустройства, на которомъ покоится институтъ суда присяжныхъ ²⁾. Такую связь упомянутыхъ организационныхъ началъ процесса какъ между собою, такъ и съ основами судоустройства долженъ признать въ особенности тотъ, кто, какъ авторъ разсматриваемаго учебника, настаиваетъ на томъ, что „уголовный процессъ складывается не по однимъ только рационалистическимъ, но и по историческимъ основаніямъ“ (ч. I, стр. 15). Впрочемъ, что касается связи организационныхъ принциповъ уголовного процесса между собою, то намеки, указанія на эту связь проскальзываютъ даже въ изложеніи нашего автора. Въ самомъ дѣлѣ, говоря во введеніи объ основныхъ типахъ процесса въ исторіи, и именно о процессѣ типа слѣдственнаго, г. Случевскій вскользь указываетъ и на соотношеніе этого начала въ историческомъ его проявленіи съ другими принципами (негласностью и письменностью). Тѣмъ нужнѣе было, намъ кажется, въ этомъ же введеніи ознакомить читателя съ сущностью этихъ началъ, равно какъ и съ сущностью имъ противоположныхъ принциповъ (непосредственности и гласности), а не откладывать этого ознакомленія до второй части учебника. Жаль также, что, трактуя во введеніи объ обвинительномъ и слѣдственномъ типахъ процесса, какъ они обрисовались въ исторіи, авторъ не ставитъ этого изложенія въ соотношеніе съ самою идеею, сущностью этихъ двухъ противоположныхъ началъ. Дѣло въ томъ, что въ исторіи то или другое изъ этихъ началъ являлись осложненными или совершенно посторонними ихъ идеѣ процессуальными положеніями и институтами, вытекавшими изъ другихъ, часто непроцессуальныхъ основаній и взглядовъ, или различными отступленіями отъ одного изъ упомянутыхъ началъ въ сторону начала противоположнаго. Въ виду этого автору, приступающему къ изложенію исторически данныхъ формъ проявленія упомянутыхъ

¹⁾ Ср. *И. Я. Фойницкій*, Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное, С.-Пб., 1885.

²⁾ См. мое изслѣдованіе „Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи“, Одесса, 1876, стр. 123 и сл.

двухъ основныхъ принциповъ процесса, слѣдовало предварительно условиться съ читателемъ насчетъ самой сущности, идеи этихъ принциповъ, какъ это, напримѣръ, и дѣлаютъ авторы. съ воззрѣніями которыхъ по этому предмету, повидимому, солидаренъ г. Случевскій ¹⁾. Только послѣ такого уясненія сущности этихъ двухъ принциповъ, только послѣ сопоставленія этихъ началъ въ ихъ чистомъ видѣ съ конкретнымъ осуществленіемъ ихъ въ исторіи для незнакомаго съ предметомъ читателя стало бы яснымъ и обоснованнымъ то вышеупомянутое утвержденіе автора, изъ котораго онъ исходитъ, то-есть, что „уголовный процессъ складается не по однимъ только рационалистическимъ, но и историческимъ основаніямъ“.

Итакъ, намъ кажется, что, затронувъ во введеніи вопросъ о принципахъ и типахъ процесса, авторъ долженъ былъ бы дать намъ связанный очеркъ всѣхъ этихъ началъ какъ въ историческомъ ихъ проявленіи, такъ и въ ихъ существѣ и чистотѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи слѣдовало бы указать, въ чемъ собственно сущность обвинительнаго и другихъ началъ процесса, каковы тѣ главнѣйшія консеквенціи, тѣ логическія послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ ихъ идеи. Между тѣмъ авторъ откладываетъ это послѣднее выясненіе существа организационныхъ принциповъ процесса до второй части книги, посвященной детальному изложенію системы судопроизводства. Во введеніи же, говоря объ обвинительномъ и слѣдственномъ типахъ процесса, г. Случевскій не останавливается на такомъ выясненіи существа и главнѣйшихъ послѣдствій какъ этихъ, такъ и другихъ началъ, а характеризуетъ эти типы съ различными историческими ихъ наслоеніями и придатками, не вытекающими изъ ихъ существа. Конечно, и во второй части сочиненія, то-есть, при изложеніи деталей процесса, при изложеніи процессуальныхъ нормъ даннаго законодательства, приходится имѣть дѣло съ тѣми же началами процесса. Но тамъ существо ихъ уже должно быть предполагаемо извѣстнымъ, и дѣло тамъ должно идти о томъ, на сколько данное положительное право провело въ деталяхъ тотъ или другой принципъ, и наоборотъ—какія отступленія данному законодательству пришлось сдѣлать отъ этихъ началъ.

Не вполне удачнымъ кажется мнѣ и расположеніе частей въ отдѣлѣ судоустройства. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ общихъ понятій о судебной власти, разъясняющихъ необходимость существованія ея ор-

¹⁾ Ср., напримѣръ, *Glaser*, Handbuch des Strafprocesses, I, стр. 18 и слл.

гановъ (§ 15), ея признаки (§ 16) и проч. (§§ 17—21), авторъ обращается къ учению „объ условіяхъ занятія должностей по судебному и административно-судебному вѣдомствамъ и пріобрѣтенія судебного званія“ (§§ 22—28); затѣмъ идутъ отдѣлы „о правахъ, преимуществахъ и обязанностяхъ должностныхъ лицъ судебного и административно-судебнаго вѣдомствъ“ (§§ 29—31), „о надзорѣ за судебными и административно-судебными установленіями“ и объ отвѣтственности лицъ этихъ вѣдомствъ (§§ 32—43), и только послѣ всего этого трактуется о судебной организаціи, то-есть, о системѣ судебныхъ установленій и должностей и проч. Намъ же кажется, что въ дидактическихъ интересахъ порядокъ долженъ быть обратный. Неудобно лицу, незнакому съ системой учреждений и должностей судебного и административно-судебнаго вѣдомствъ, изучать правила о комплектованіи этихъ ему неизвѣстныхъ учреждений и о замѣщеніи этихъ извѣстныхъ ему только по названію должностей. Правда, это неудобство можетъ быть до нѣкоторой степени устранено тѣмъ, что еще до цѣльнаго очерка системы судебныхъ учреждений и должностей авторъ, принявшій оспариваемый мною порядокъ, можетъ при изложеніи условій и порядка замѣщенія отдѣльныхъ должностей дѣлать предварительныя поясненія о существѣ этихъ должностей и объ ихъ отношеніяхъ къ другимъ органамъ. Но тогда мы будемъ встрѣчаться съ массою повтореній, тогда о каждой должности, о каждомъ учрежденіи рѣчь будетъ идти дважды—однѣй разъ кратко, въ видѣ предварительнаго поясненія, а другой разъ—въ связномъ и цѣльномъ очеркѣ системы судебныхъ учреждений. Намъ кажется, что принятый авторомъ распорядокъ мыслимъ развѣ въ трактатѣ или Handbuch'ѣ, но едва ли удобенъ въ учебникѣ.

Много въ такомъ же родѣ можно сказать и противъ принятаго авторомъ расположенія матерій во второй части учебника, посвященной собственно судопроизводству. Здѣсь послѣ 4-хъ вступительныхъ параграфовъ авторъ говоритъ объ „обрядкахъ и формахъ судопроизводства“ (§§ 5—10, посвященные выясненію значенія обрядовъ и формъ и изложенію правилъ о протоколахъ, постановленіяхъ, опредѣленіяхъ, резолюціяхъ, приговорахъ, журналахъ, повѣсткахъ и судебныхъ срокахъ); затѣмъ идетъ ученіе объ основныхъ началахъ уголовного процесса (§§ 11—19, въ которыхъ говорится о публичномъ характерѣ уголовного процесса, о началѣ произвольности дѣйствій частныхъ лицъ въ процессѣ, о значеніи основныхъ началъ и правилъ, о непосредственности, гласности, состязательности, равно-

правности сторонъ, о презумпціи невинности подсудимаго, объ исключительныхъ правахъ защиты); далѣе, подъ рубрикой „способы и средства дѣйствія органовъ судебной, административно-судебной властей, а также органовъ, содѣйствующихъ имъ“ (§§ 20—27), авторъ трактуеть о законности и целесообразности способовъ и средствъ дѣйствій судебныхъ, объ осмотрахъ, о свидѣлствованіяхъ, обыскахъ и другихъ подобныхъ дѣйствіяхъ, о мѣрахъ обезпеченія исполненія обязанностей лицами, вызываемыми къ суду, и проч.; за этимъ слѣдуетъ „ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ“ (§§ 28—38); далѣе, послѣ § 39, трактующаго вообще о „предметѣ уголовно-судебнаго производства“, идутъ ученія о гражданскомъ (§§ 40—45) и уголовномъ (§§ 46—58) искахъ и „объ отношеніяхъ уголовного приговора къ предъявленному на судѣ обвиненію“ (§ 59); наконецъ, дальнѣйшее изложеніе второй части посвящено ходу уголовного процесса, начиная съ предварительнаго производства (дознаніе, предварительное слѣдствіе и преданіе суду) и до исполненія приговора включительно.

Такова система учебника.

Обратимся теперь къ вопросамъ о задачахъ его автора. о матеріалѣ, надъ которымъ онъ оперируетъ, о методахъ и руководящихъ взглядахъ, имъ усвоенныхъ,—вообще къ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ дать общее понятіе о характерѣ разсматриваемаго труда и о результатахъ, полученныхъ его авторомъ. Г. Случевскій, смотря на свой трудъ, какъ на сочиненіе, заключающее въ себѣ „систематическое изложеніе догмы дѣйствующаго у насъ уголовно-процессуальнаго законодательства“, какъ на „попытку извлеченія изъ дѣйствующаго процессуальнаго законодательства (за исключеніемъ ч. 2. т. XV Свода Зак.) общихъ началъ и систематическаго ихъ изложенія“ (предисловіе къ 1-й части, стр. III), оперируетъ главнымъ образомъ надъ источниками нашего реформированнаго уголовного процесса, то-есть, надъ судебными уставами Императора Александра II и законами, относящимися къ судебнo-административной реформѣ 12-го іюля 1889 года. Какъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи, онъ не включалъ въ свой трудъ историческаго элемента и не пользовался сравнительнымъ методомъ изслѣдованія догмы. Впрочемъ, это заявленіе въ обоихъ отношеніяхъ является слишкомъ категорическимъ. Такъ авторъ, какъ мы упоминали раньше, даетъ во введеніи краткій очеркъ тѣхъ типовъ процесса, изъ послѣдовательной смѣны которыхъ одного другимъ слагается уголовно-процессуальная исторія Запада и

нашего отечества. Далѣе, слѣды пользованія исторіей встрѣчаются и въ слѣдующемъ за введеніемъ изложеніи.

Справедливость требуетъ, однако, по этому поводу сказать, что при этомъ своемъ обращеніи къ процессуальной исторіи авторъ нѣрѣдко дѣлаетъ довольно крупныя промахи.

Такъ, напримѣръ, изъ словъ автора, сказанныхъ на 18-й стр. 1-й части, выходитъ, будто обвинительная форма процесса западно-европейскихъ средневѣковыхъ государствъ (за исключеніемъ Англіи) появилась не самостоятельно, а позаимствована („проникла“ изъ Рима и „самостоятельно“ развилась въ Англіи и у насъ¹⁾). Между тѣмъ извѣстно, что въ томъ именно видѣ, какъ ее рисуетъ авторъ, обвинительная форма процесса самостоятельно возникала у всякаго народа на первой ступени его государственнаго развитія. что, въ частности, старый нѣмецкій процессъ, пока именно онъ оставался нѣмецкимъ, покоился на чисто-состязательномъ началѣ¹⁾.

Встрѣчаются также значительныя неточности въ тѣхъ историческихъ свѣдѣніяхъ объ англійскихъ процессуальныхъ институтахъ, которыя приведены на стр. 183 и сл. 1-й части. Такъ, здѣсь говорится, что „суды уже въ XV столѣтіи составлялись тамъ подъ предѣтельствомъ странствующихъ коронныхъ судей, вслѣдствіе чего участіе въ судѣ мѣстныхъ народныхъ судей сдѣлалось кореннымъ условіемъ судоустройства“. Между тѣмъ извѣстно, что твердую организацию институту путешествующихъ судей (*justitiarum itinerantes*), — вѣдь о нихъ, конечно, рѣчь въ только-что приведенныхъ словахъ, — получилъ уже въ концѣ XII столѣтія, когда онъ сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ²⁾.

Затѣмъ не вѣрно, будто бы уже въ половинѣ XIV столѣтія присяжные изъ свидѣтелей превратились въ судей, будто „съ этого времени слѣдуетъ поэтому считать моментъ закончившагося образованія нынѣшняго суда присяжныхъ“. Напротивъ, извѣстно, что даже только продуцированіе другихъ доказательствъ предъ присяжными въ гражданскихъ дѣлахъ окончательно сформировалось около половины XV

¹⁾ См. *Glaser*, Handbuch des Strafprocesses, I, стр. 54; ср. также *Zachariae*, Handbuch des deutschen Strafprocesses, I, стр. 123: „Schon durch die Natur des ältern deutschen Strafrechts.... war der *accusatorische* Process die durch die grosse Mehrzahl der verfolgten Delicte, *nothwendig* gegebene Form des Strafverfahrens“.

²⁾ См. *Zachariae*, l. c., стр. 157, ир.; также *Geyer*, Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts, стр. 98.

столѣтія, по уголовнымъ же дѣламъ это имѣло мѣсто позднѣе ¹⁾. Известно также, что и такое продуцированіе доказательствъ еще не знаменовало собою превращенія самихъ присяжныхъ изъ свидѣтелей (конечно, не въ современномъ смыслѣ) въ настоящихъ судей. Дѣло въ томъ, что присяжные малаго джюри еще въ XVI столѣтіи могли давать свой вердиктъ только по своимъ свѣдѣніямъ о дѣлѣ, безъ другихъ доказательствъ. Бинеръ полагаетъ, что въ уголовномъ процессѣ свидѣтельское значеніе присяжныхъ прекратилось только въ половинѣ XVII столѣтія ²⁾.

Неудачна также историческая справка о шеффенахъ, данная г. Случевскимъ на стр. 190 части 1-й: „Существованіе шеффеновъ въ Германіи,—говоритъ нашъ авторъ,—относится къ древнему періоду ея исторіи; съ теченіемъ времени, въ особенности въ періодъ принятія Германіею чужеземнаго права, институтъ шеффеновъ затерялся и только въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія впервые законодательствомъ Ганновера введенъ въ жизнь“ Какъ положеніе этого мѣста въ изложеніи автора (онъ говоритъ выписанныя только-что слова вслѣдъ за тѣмъ, какъ раньше обрисовалъ сущность современнаго института шеффеновъ), такъ и самый текстъ этой справки можетъ дать поводъ незнакому съ германской процессуальной исторіей лицу думать, что тѣ шеффены, которые въ половинѣ текущаго столѣтія введены въ Ганноверъ и которыми въ семидесятыхъ годахъ хотѣли въ Германіи замѣнить суды присяжныхъ, суть по существу тѣ же шеффены, которыхъ существованіе въ Германіи „относится къ древнему періоду ея исторіи“. Между тѣмъ общезвѣстно, что старые германскіе шеффены (scabini) эпохи ихъ процвѣтанія имѣютъ съ новѣйшими нѣмецкими шеффенами общаго только имя. Аналогію новѣйшимъ судамъ шеффеновъ представляютъ только шеффены времени ихъ упадка, вырожденія, то-есть, шеффены той „слѣдовавшей за принятіемъ Германіею чужеземнаго права“ эпохи, когда, какъ говоритъ авторъ, „судъ шеффеновъ затерялся“. Я говорю здѣсь о судахъ эпохи Каролины, когда, какъ давно уже показалъ Цахаріэ, послѣдовало то коренное измѣненіе взглядовъ на отношеніе судьи къ шеффенамъ, которое именно и приближаетъ эти суды шеффеновъ XVI вѣка къ новѣйшему шеффенгерихту ³⁾.

¹⁾ Biener, Das englische Geschwornengericht, I, стр. 181 и слл.

²⁾ Biener, l. c., стр. 185.

³⁾ См. статью Цахаріэ, помѣщенную въ *Archiv des Criminalrechts*, 1857 г. стр. 85 и слѣд.

Подобное отношеніе къ исторіи достойно вообще сожалѣнія, но въ особенности оно неожиданно со стороны лица, которое, какъ мы упоминали, само придаетъ важное значеніе „историческимъ основаніямъ“ уголовного процесса.

Но главное—не въ этихъ отдѣльныхъ промахахъ. Важно то, какъ воспользовался г. Случевскій исторіей уголовного процесса для выработки тѣхъ исходныхъ взглядовъ, при помощи которыхъ можно научно обосновать и опѣнить отдѣльные институты и положенія уголовно-процессуальнаго права.

По этому поводу нельзя не замѣтить нѣкоторой неясности и неустойчивости воззрѣній автора. Встрѣчаются мѣста въ его книгѣ, въ которыхъ высказывается мысль, что общая тенденція законодательнаго и научнаго движенія послѣдняго времени, тенденція, основанная на данныхъ исторіей урокахъ, выражается въ стремленіи конструировать уголовный процессъ на обвинительномъ началѣ (конечно, не въ смыслѣ того частно-состязательнаго характера процесса, которымъ у всякаго народа процессуальная исторія начинается), на сколько при этомъ такому проведенію этого начала въ той или другой стадіи, въ томъ или другомъ моментѣ процесса не стоятъ на дорогѣ тѣ или другія непреодолимые препятствія въ условіяхъ времени и мѣста. Но, съ другой стороны, въ этомъ же трудѣ приходится имѣть иногда дѣло и съ такими, позволю себѣ сказать, неосторожными выраженіями автора, которыя отзываются совсѣмъ инымъ. „Уголовный процессъ,—говорятъ г. Случевскій на 253 и слѣдующихъ страницахъ 2-ой части,—ведется отъ имени государства не для разрѣшенія какого либо спорнаго вопроса матеріальнаго права, а исключительно для разрѣшенія вопроса о томъ, подлежитъ ли и кто именно осужденію за совершеніе преступнаго дѣянія, и долженъ ли онъ быть подвергнутъ опредѣленному закономъ наказанію? Субъектомъ права на наказаніе является исключительно государство, *и не существуетъ поэтому такихъ въ уголовномъ процессѣ сторонъ, которыя могли бы быть признаны за субъектовъ, оспаривающихъ у государства право ея на примѣненіе наказанія*“. И далѣе: „Уголовный процессъ проникается полностью публичными интересами и, служа выраженіемъ отношеній, существующихъ между государствомъ и его подданными, *не низводитъ государство въ положеніе стороны, борющейся съ подсудимымъ, какъ равноправнымъ ему противникомъ*“.

За первое изъ этихъ мѣстъ автора во всякомъ случаѣ нельзя, мнѣ кажется, не упрекнуть въ неясности. По положенію, занимаемому

этимъ мѣстомъ въ § 57, трактующемъ о сторонахъ въ уголовномъ процессѣ, по отношенію этого мѣста къ предыдущему и послѣдующему наложенію въ этомъ параграфѣ, можно думать, что, говоря о несуществованіи въ уголовномъ процессѣ сторонъ, которыя могли бы *оспаривать* у государства его право на примѣненіе наказанія, авторъ собственно хотѣлъ сказать, что въ уголовномъ судѣ за тѣми субъектами процесса, которыхъ называютъ сторонами, нельзя признать того *безотчетнаго права расторженія* самимъ предметомъ спора, какое стороны имѣютъ въ процессѣ гражданскомъ, что, другими словами, такъ называемый *Dispositionsprincip* въ уголовномъ процессѣ не долженъ имѣть мѣста, и именно потому, что настоящимъ субъектомъ права на кару является государство, а не его процессуальный представитель (прокуроръ).

Во второмъ изъ вышеприведенныхъ мѣстъ авторъ говоритъ нѣчто, заслуживающее упрека другаго рода. Вѣдь если государству, при осуществленіи его „публичныхъ (карательныхъ) интересовъ“ незачѣмъ считаться съ лицомъ, имѣющимъ испытать на себѣ наказаніе, какъ съ равноправнымъ (въ процессуальномъ отношеніи, конечно) противникомъ, если, въ глазахъ г. Случевского, такое нежелательное, по его мнѣнію, отношеніе было бы чуть ли не унижительнымъ для государства, если то производство, которое можетъ завершиться наложеніемъ карательнаго взысканія на данное лицо, должно, „проникаясь публичными интересами“, служить выраженіемъ обычныхъ (нужно полагать, ибо никакой оговорки не сдѣлано) отношеній „между государствомъ и его подданными“,—тогда не понятно, почему и въ этой карательной сферѣ государство не осуществляетъ своихъ интересовъ такимъ же несудебнымъ порядкомъ, какимъ оно осуществляетъ свои публичные интересы въ другихъ сферахъ.

Разсматриваемое выраженіе г. Случевского, такимъ образомъ, можетъ, пожалуй, произвести такое впечатлѣніе, какое получается отъ порядковъ, существовавшихъ въ начальную эпоху государственной жизни народовъ, когда, при первыхъ проявленіяхъ сознанія публично-правовой природы уголовного права, шло дѣло, какъ говорить Глазеръ, о поставленіи въ опасность такихъ настоятельныхъ жизненныхъ условий едва окрѣпшаго государственнаго организма, что реакція противъ этого имѣла скорѣе характеръ непосредственнаго проявленія верховной власти и военной дисциплины, чѣмъ судебного производства ¹⁾.

¹⁾ *Glaser, Handbuch des Strafprocesses, I, стр. 20.*

Но времена эти вѣдь давно прошли! Теперь государственная власть отказалась отъ такого осуществленія своего права на кару, теперь, какъ говорить тотъ же, часто г. Случевскимъ цитируемый, Глазеръ, государство не можетъ „*sich selbst Recht zu nehmen*“. Напротивъ, государство должно осуществленіе своего права на кару въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поставить въ зависимость отъ безпристрастнаго приговора независимаго суда. Въ признаніи этого начала, этого основнаго правила, разсуждаетъ Глазеръ, уже заключается принятіе государствомъ положенія стороны, равной по своимъ процессуальнымъ правамъ лицу, которое подлежитъ наказанію только подъ условіемъ признанія такого наказанія заслуженнымъ въ формахъ юридическаго процесса. И такое положеніе стороны въ процессѣ нисколько не унижаетъ государства, или, какъ выражается г. Случевскій, не „низводитъ“ его, а, напротивъ, возвышаетъ въ этическомъ и правовомъ смыслѣ весь тотъ процессъ, результатомъ котораго является какъ приговоръ о наказаніи, такъ затѣмъ и самый фактъ отбытія этого наказанія осужденнымъ. Правда, это желательное равенство сторонъ въ процессѣ не можетъ быть вполне осуществлено въ дѣйствительности, ибо здѣсь, какъ разсуждаетъ Глазеръ, другъ противъ друга стоять, съ одной стороны, слабое физическое лицо, имѣющее живѣйшій интересъ быть именно оправданнымъ, а съ другой—самое мощное изъ юридическихъ лицъ, государство, заинтересованное въ данномъ процессѣ только условно: государство имѣетъ интересъ получить обвинительный приговоръ только подъ условіемъ, что онъ покоится на истинѣ и правѣ, интересу государства осужденіе невиннаго противорѣчить даже болѣе, чѣмъ оправданіе даннаго виновнаго. Вотъ, по мнѣнію Глазера, основаніе того издавна безспорнаго положенія уголовного процесса, по которому всякое сомнѣніе должно быть толкуемо въ пользу подсудимаго, вотъ *raison d'être* такъ называемый *favoris defensionis*.

Итакъ, вотъ какъ государство, исходя изъ своихъ же интересовъ, изъ идеи наказанія, должно относиться къ подсудимому. А тутъ намъ говорятъ, что уголовный процессъ „не низводитъ государство въ положеніе стороны, борющейся съ подсудимымъ, какъ равноправнымъ ему противникомъ“!

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ разобранныхъ только-что выраженій автора и которые не вяжутся не только съ основными положеніями современной процессуальной науки и положительнаго права, но и съ дѣйствительными воззрѣніями

самого г. Случевского, говорящаго, какъ видно изъ другихъ мѣстъ книги, и о равноправности сторонъ въ уголовномъ процессѣ и о такъ называемомъ *favor defensionis*. Все это, надо полагать, не болѣе, какъ результаты неосторожнаго отношенія автора къ употребляемымъ выраженіямъ.

Посмотримъ теперь, какъ авторъ нашъ аргументируетъ въ пользу того основнаго своего положенія, съ которымъ онъ обращается къ обозрѣнію историческихъ типовъ процесса и которое, въ свою очередь, авторомъ отчасти обосновывается при посредствѣ ссылки на исторію. Я здѣсь говорю о положеніи, формулированномъ г. Случевскимъ въ заголовкѣ § 8 части 1-й такъ: „невозможность научнаго построения уголовного процесса по основаніямъ юридическаго отношенія“. Первымъ аргументомъ автора является слѣдующее соображеніе: „начать съ того,—говоритъ г. Случевскій,—что о юридическихъ отношеніяхъ сторонъ къ суду можетъ идти рѣчь только въ процессѣ, въ которомъ существуютъ стороны“. Совершенно справедливо. Итакъ, судя по обороту только что приведенной фразы г. Случевского и по отношенію ея къ *thema probandi*, нужно полагать, что онъ не признаетъ существованія сторонъ въ уголовномъ процессѣ, какъ ихъ не признаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей ¹⁾. Но въ томъ-то и дѣло, что изъ дальнѣйшаго видно, что г. Случевскій признаетъ существованіе сторонъ и въ уголовномъ процессѣ, но только „не въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуютъ онѣ въ гражданскомъ судѣ“. Но, въ такомъ случаѣ, позволимъ себѣ спросить: разрушается ли такимъ аргументомъ отвергаемая г. Случевскимъ попытка конструировать уголовный процессъ „по основаніямъ юридическаго отношенія“? Вѣдь юридическое отношеніе сторонъ къ суду возможно и тамъ, гдѣ стороны понимаются „не въ томъ смыслѣ, какъ въ гражданскомъ судѣ“. Для юридическихъ отношеній вѣдь, и по мнѣнію г. Случевского, нужно только, чтобы стороны существовали, а онѣ есть и въ уголовномъ процессѣ.

Таковъ первый аргументъ. Не сильнѣе, намъ кажется, и второй. Онъ состоитъ въ разсужденіи такого рода: „о существованіи сторонъ можно говорить только въ процессѣ, принявшемъ формы обвинительнаго процесса“; въ слѣдовавшемъ же затѣмъ, въ исторической постепенности, процессѣ слѣдственномъ сторонъ вовсе не было; нако-

¹⁾ Напримѣръ, *John* въ своемъ сочиненіи „*Strafprocessordnung für das Deutsche Reich*“, II, 185.

нецъ, въ современномъ „слѣдственно-обвинительномъ“ процессѣ стороны нѣтъ ни во время производства полицейскаго дознанія, ни при исполненіи приговора. „Конструкція, такимъ образомъ,—заключаетъ г. Случевскій,—примѣнимая къ одной только исторической формѣ уголовного процесса—обвинительному типу процесса и не захватывающая всѣхъ стадій существующаго уголовного производства, едва ли можетъ разсчитывать на успѣшное примѣненіе“.

По поводу такой аргументаціи позволю себѣ спросить: не въ томъ ли заключается весь смыслъ урока, даннаго исторіей континентальнаго уголовного процесса, что такъ забывать природу всякаго юридическаго процесса, какъ это дѣлалъ слѣдственный порядокъ судопроизводства, видѣвшій въ подслѣдственномъ почти исключительно объектъ судейскаго усмотрѣнія, безнаказанно нельзя? Вѣдь не въ томъ ли и заключалась основная ошибка стараго слѣдственного процесса, что въ своихъ совершенно, впрочемъ, резонныхъ заботахъ объ осуществленіи „публичныхъ интересовъ“ онъ, вмѣсто созданія особаго представительства этихъ интересовъ на судѣ въ лицѣ публичнаго обвинителя, равнаго по своимъ процессуальнымъ правамъ другому субъекту процесса—подсудимому, сосредоточилъ эти противорѣчащія функціи обвиненія и защиты въ рукахъ единственнаго субъекта процесса—судьи, и тѣмъ самымъ устранилъ всякое понятіе сторонъ въ процессѣ, а судья затруднилъ сохраненіе должнаго безпристрастія? Вѣдь изъ того, что „уголовный процессъ проникается полностью публичными интересами“, изъ того, что настоящимъ субъектомъ того матеріальнаго права, объ осуществленіи котораго рѣчь идетъ въ уголовномъ судѣ, является государство, изъ того, далѣе, что ни процессуальный представитель государства на судѣ (прокуроръ), ни подсудимый не могутъ безотчетно, по произволу распоряжаться этимъ предметомъ спора въ уголовномъ судѣ, какъ не имъ принадлежащимъ, еще не слѣдуетъ, что они не могутъ трактоваться на судѣ, какъ субъекты извѣстныхъ процессуальныхъ правъ, какъ стороны въ этомъ смыслѣ. Это, впрочемъ, признаетъ и самъ г. Случевскій въ другомъ мѣстѣ книги (ср. II часть, стр. 255 въ концѣ). Мало того, онъ признаетъ, что „долгій историческій опытъ привелъ современныя законодательства къ убѣжденію, что сосредоточеніе всѣхъ судебныхъ функцій по рѣшенію дѣла въ рукахъ уголовного суда—функцій обвиненія, защиты и собственно судейскія, не обезпечиваетъ интересовъ правосудія, что интересы эти требуютъ, чтобы къ уголовно-судебной дѣятельности примѣненъ былъ принципъ раздѣленія

труда", что „только благодаря развитію начала состязательности въ процессѣ оказалось возможнымъ установить болѣе правильное отношеніе между интересами обвиненія и защиты, чѣмъ тѣ, которыя существовали между ними при господствѣ слѣдственнаго начала“ (II, 255—256). Но если все это такъ и по мнѣнію г. Случевскаго, то тогда можно ли доказывать невозможность конструкціи уголовного процесса «по основаніямъ юридическаго отношенія»? Вѣдь если на судѣ есть различные интересы, между которыми нужно установить правильное отношеніе, если есть на судѣ процессуальные представители этихъ различныхъ интересовъ, то, значить, задача законодателя должна именно состоять въ регулированіи возникающихъ на этой почвѣ процессуальныхъ отношеній нормами уголовно-процессуальнаго права, при томъ на началахъ состязательнаго (обвинительнаго) принципа въ комбинаціи съ другимъ принципомъ уголовного процесса—началомъ публичности, официальности. И можно ли при такихъ взглядахъ автора, которые мы сейчасъ привели въ его же выраженіяхъ, аргументомъ противъ возможности такъ конструировать уголовный процессъ,—приводить непримѣнимость такой конструкціи къ старому слѣдственному судопроизводству, потому именно и забракованному наукой и новѣйшими законодательствами, что этотъ типъ процесса не зналъ другихъ процессуальныхъ субъектовъ, кромѣ судьи?! Г. Случевскій въ разбираемомъ нами мѣстѣ былъ бы правъ только тогда, когда замѣнилъ бы свою вышеупомянутую *thema probandi* другою, когда настаивалъ бы только на невозможности *такъ* конструировать уголовный процессъ, какъ строится процессъ гражданскій. Но это вѣдь—совсѣмъ другое сравнительно съ тѣмъ, что, какъ мы видѣли, пытается доказать г. Случевскій, и что поставлено въ заголовкѣ § 8-го части 1-й его учебника.

Что касается, наконецъ, упомянутой выше ссылки на непримѣнимость конструкціи по началу состязательности къ полицейскому дознанію и къ исполненію уголовного приговора, то и это, по нашему мнѣнію,—не аргументъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, для доказательства одного спорнаго положенія ссылаться на такое же, пожалуй, даже болѣе спорное. И дѣйствительно, между процессуалистами, согласными между собою въ томъ, что уголовный процессъ представляется особымъ юридическимъ отношеніемъ, нѣтъ, однако, согласія по вопросу о томъ, относится ли дознаніе къ уголовному процессу въ собственномъ смыслѣ, или нѣтъ. То же самое можно сказать и касательно исполненія приговора. При этомъ тѣ писатели, которые не

считаютъ этихъ производствъ частями *судопроизводства* въ собственномъ смыслѣ, исходятъ именно изъ тѣхъ соображеній, которые по этому поводу приведены г. Случевскимъ въ вышецитированномъ мѣстѣ ¹⁾ Впрочемъ, и нѣкоторые изъ наиболѣе послѣдовательныхъ въ проведеніи обвинительнаго принципа процессуалистовъ не рѣшаются пуститься въ такую, какъ говорятъ нѣмцы, *Consequenzschere*, по крайней мѣрѣ, относительно полицейскаго дознанія, а считаютъ послѣднее, какъ въ виду его связи и значенія для дальнѣйшаго производства, такъ и въ виду должностнаго характера лицъ, его производящихъ, и необходимости регулировать эту дѣятельность правовыми нормами, также частью судопроизводства ²⁾, тѣмъ болѣе, что и здѣсь, на дознаніи, нерѣдко встрѣчаются случаи, когда можно говорить о сторонахъ, и что цѣль дознанія не исчерпывается подготовкой матеріала для возбужденія преслѣдованія ³⁾.

Таково отношеніе автора къ основнымъ вопросамъ науки уголовного процесса. Въ виду вышеизложеннаго неудивительно, что г. Случевскій и въ дальнѣйшемъ изложеніи мало обращаетъ вниманія на выясненіе истиннаго значенія обвинительнаго начала въ его примѣненіяхъ къ отдѣльнымъ стадіямъ и моментамъ процесса, въ отличіе отъ противоположнаго ему принципа слѣдственнаго. Особенно неудачно, по нашему мнѣнію, изложено авторомъ отношеніе обвинительнаго принципа къ организаціи дознанія, предварительнаго слѣдствія и преданія суду. Здѣсь на ряду съ вѣрными мыслями встрѣчаются чаще, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, не только неясности, но и прямые противорѣчія и невѣрныя характеристики. Такъ, напримѣръ, характеризуя на стр. 299 и сл. (2-й ч.) германское и австрійское законодательство по вопросу о преданіи суду, авторъ, очевидно, проглядѣлъ то коренное различіе, какое по отношенію къ организаціи этой процедуры существуетъ между австрійскимъ уставомъ уголовного судопроизводства 23-го мая 1873 года и германскимъ уголовно-процессуальнымъ кодексомъ 1-го февраля 1877 года (считая по новому стилю; у г. Случевского германскій уставъ отнесенъ почему-то къ 21-му декабря 1876 года). Причиною всего этого, по моему мнѣ-

¹⁾ См. *Bennecke*, *Lehrbuch des deutschen Reichs-Strafprocessrechts*, стр. 3, прим. 10.

²⁾ *Planck*, *Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens*, стр. 204 сл.; *Glaser*, *Handbuch*, I, стр. 277, пр.

³⁾ *H. Orloff*, *Das Ververfahren des deutschen Strafprocesses*, Giessen, 1893, стр. 99 сл.

нію, было именно невнимательное отношеніе автора какъ къ принципиальной сторонѣ вопроса, такъ и къ только-что упомянутымъ уголовно-процессуальнымъ источникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ г. Случевского на стр. 298 и 299 (2-й части), нужно думать, что въ его глазахъ обвинительный принципъ былъ бы соблюденъ въ этой стадіи процесса только тогда, когда дѣло преданія обвиняемаго суду было бы предоставлено исключительно обвинителю, безъ всякаго контроля суда. Съ этой точки зрѣнія и австрійскій кодексъ, какъ не вполне „эманципировавшій обвинительную власть изъ-подъ власти судебной“, не смотря на уклоненія отъ французскаго типа организаціи преданія суду, все-таки въ глазахъ г. Случевского, повидимому, не вполне вѣренъ обвинительному принципу. Во всякомъ случаѣ, ни въ отношеніи къ обвинительному началу, ни въ другихъ отношеніяхъ г. Случевскій не видитъ существенной разницы между австрійскимъ и германскимъ кодексами. Между тѣмъ обвинительный принципъ отнюдь не противъ вмѣшательства суда въ эту процедуру, ибо, не говоря о другихъ, непроцессуальныхъ послѣдствіяхъ преданія суду, уже одно сидѣніе на скамьѣ подсудимыхъ является такимъ стѣсненіемъ для обвиняемаго, что подвергать его этому можно или съ его на то согласія, или по опредѣленію безпристрастнаго суда, а не по одностороннему желанію страстнаго, а можетъ случиться—и недобросовѣстнаго обвинителя. Въ виду изложеннаго, австрійскій законъ, требующій вмѣшательства суда второй инстанціи въ дѣло преданія суду ¹⁾ только тогда, когда противъ обвиненія заявлено въ установленный срокъ возраженіе со стороны обвиняемаго, когда онъ требуетъ промежуточнаго опредѣленія суда второй инстанціи о допустимости обвиненія, стоитъ вполне на точкѣ зрѣнія обвинительнаго принципа. (См. §§ 208, 209, 210 и слѣдующіе австрійскаго устава уголовного судопроизводства).

Напротивъ (а не „точно также“, какъ на 1-ой строкѣ 300 стр. говорятъ г. Случевскій), германскій уставъ требуетъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда по дѣлу было произведено предварительное слѣдствіе, вопросъ о дачѣ дѣлу дальнѣйшаго хода (или, какъ выражается германскій уставъ, „объ открытіи главнаго производства“) или объ оставленіи обвиняемаго безъ преслѣдованія былъ особо рѣшенъ судомъ, при чемъ такое рѣшеніе необходимо независимо отъ того, какъ къ

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о производствѣ по преступленіямъ и проступкамъ, а не по т. н. Uebertretungen.

дальнѣйшему ходу дѣла относятся стороны. Такимъ образомъ, это особое промежуточное опредѣленіе суда о дальнѣйшемъ направленіи дѣла должно имѣть мѣсто какъ тогда, когда отъ обвиненія отказывается прокуроръ, такъ и тогда, когда противъ передачи заявленнаго обвиненія въ судъ, рѣшающій дѣло приговоромъ, не возражаетъ и обвиняемый. Итакъ, вопреки утверженію г. Случевского германскій уставъ знаетъ особый обрядъ преданія суду и требуетъ этого обряда даже тогда, когда между сторонами о дальнѣйшемъ направленіи дѣла нѣтъ спора. Германскій уставъ даетъ, такимъ образомъ, возможность фигурирующему въ качествѣ обвинительной камеры суду взять на себя роль отступающаго обвинителя, заключенія котораго, на основаніи § 204, не связываютъ усмотрѣнія его (то-есть, суда) при постановленіи опредѣленія объ открытіи засѣданія по дѣлу или о прекращеніи преслѣдованія обвиняемаго, такъ что судъ можетъ дать дальнѣйшій ходъ и такому дѣлу, по которому прокуратура, на основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія, полагаетъ нужнымъ прекратить преслѣдованіе (§ 206). Процедура преданія суду существуетъ по германскому праву и по тѣмъ изъ подсудныхъ *Landgericht*'амъ дѣламъ, по которымъ предварительное слѣдствіе не было произведено (§ 201), съ тою только разницею, что здѣсь судъ, играющій роль обвинительной камеры, приступаетъ къ рѣшенію составляющаго предметъ этой процедуры вопроса только въ виду формулированнаго стороной обвиненія (§§ 197 и 201). Мало того, даже при производствѣ дѣлъ, подсудныхъ шеффенгерихтамъ, далеко не всегда, по германскому уставу, можно обойтись безъ особаго промежуточнаго суда вышеуказаннаго значенія (§ 211 герм. уст. угол. суд.).

Изъ сказаннаго, кажется, ясно, что въ то время, какъ австрійскій кодексъ, сохраняющій за судомъ второй степени значеніе безпристрастнаго рѣшенія *спора* сторонъ по вопросу, глубоко затрогивающему интересы одной изъ нихъ, стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія обвинительнаго (состязательнаго) принципа, какъ начала раздѣленія функций обвиненія, защиты и суда между тремя субъектами процесса,—германскій уставъ уголовного судопроизводства, напротивъ, возлагаетъ въ этой стадіи процесса обвинительныя функции на самый судъ, то-есть, смѣшиваетъ въ лицѣ послѣдняго роли суда и обвиняющей стороны, и требуетъ вмѣшательства перваго (то-есть, суда) въ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ предъявленнаго обвиненія даже тогда, когда противъ утвердительнаго рѣшенія этого вопроса не возражаетъ и противная обвинителю сторона (обвиняемый). Не-

вѣрность германскаго устава обвинительному началу, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Таковы недостатки разбираемаго труда по части принципиальнаго освѣщенія того матеріала, съ которымъ авторъ имѣетъ дѣло. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ здѣсь указать и на нѣкоторую невнимательность автора къ даваемымъ имъ опредѣленіямъ различныхъ процессуальныхъ понятій. Особенно недостатокъ этого рода сказывается въ томъ отдѣлѣ сочиненія, который посвященъ ученію о доказательствахъ.

Начнемъ съ опредѣленія уголовныхъ доказательствъ, даваемаго на 133 стр. (2-й части): „Подъ уголовными доказательствами,—говорить г. Случевскій,—слѣдуетъ разумѣть тѣ фактическія данныя, которыя выясняются *на судебномъ слѣдствіи*, при условіи соблюденія всѣхъ установленныхъ на этотъ предметъ принциповъ, обрядовъ и формъ судопроизводства, и на основаніи которыхъ судья вырабатываетъ въ себѣ въ отношеніи обсуждаемаго преступнаго посягательства убѣжденіе, которое затѣмъ и кладетъ въ основу *своего приговора*“. Въ этомъ опредѣленіи нельзя не видѣть напраснаго суженія объема понятія о доказательствахъ въ уголовномъ процессѣ, ибо и въ другихъ отдѣлахъ, въ другихъ стадіяхъ процесса, кромѣ судебного слѣдствія, рѣчь также идетъ о доказательствахъ, ибо и для другихъ, кромѣ приговора, актовъ судебной власти встрѣчается надобность въ доказательствахъ. Но лучше предоставимъ самому г. Случевскому опровергать его же собственное опредѣленіе доказательства. На страницѣ 170 (2-ой же части), какъ разъ въ концѣ изложенія ученія о доказательствахъ, г. Случевскій говоритъ: „ошибочно было бы думать, что уголовныя доказательства, при производствѣ дѣла на судѣ уголовномъ, представляются только для выясненія той матеріальной истины, которая осуществилась въ качествѣ историческаго событія въ фактѣ изслѣдуемаго преступленія. Въ этихъ доказательствахъ нуждается судъ на судебномъ слѣдствіи, имѣющемъ своимъ назначеніемъ разрѣшеніе вопроса о виновности по существу, но какъ на этомъ судебномъ слѣдствіи, такъ точно также и ранѣе того, во время движенія дѣла по различнымъ процессуальнымъ моментамъ его, нерѣдко встрѣчается надобность въ установкѣ болѣе частныхъ положеній, требующихъ въ свою очередь доказательствъ для установки своей“. Затѣмъ идутъ примѣры. Всякій согласится, что такія самоопроверженія едва ли уместны вообще, а въ учебникѣ—въ особенности.

Нельзя также назвать удачнымъ тотъ способъ выраженія различія

между прямыми и косвенными доказательствами, который данъ г. Случевскимъ на страницѣ 165 (2-ой части). „Доказательства,—говоритъ г. Случевскій,—по способу воспріятія, бываютъ: *прямые и непрямые или косвенные* (улики). Подъ уликами разумѣются такія внѣ преступнаго дѣйствія лежащія обстоятельства, на основаніи совокупности которыхъ, путемъ умозаключенія, оказывается возможнымъ прійти къ убѣжденію о существованіи или несуществованіи доказываемаго положенія. Подъ прямыми доказательствами разумѣются, наоборотъ, такія, для которыхъ этой множественности не требуется; судья изъ даннаго доказательства дѣлаетъ прямое заключеніе о доказываемомъ положеніи“. Затѣмъ идутъ примѣры. По поводу этого опредѣленія нужно прежде всего замѣтить, что въ основѣ его лежатъ старое и невѣрное положеніе, будто никогда *одно* косвенное доказательство не можетъ породить увѣренности ¹⁾, вслѣдствіе чего само опредѣленіе является неточнымъ. Но, оставляя въ сторонѣ эту неточность, данное г. Случевскимъ опредѣленіе косвенныхъ доказательствъ очень походитъ на тѣ старыя опредѣленія, по поводу которыхъ Глазеръ справедливо замѣчаетъ, что авторы ихъ, въ сознаніи, что подобными опредѣленіями въ сущности ничего не выяснено, хотѣли помочь дѣлу примѣрами, подраздѣленіями и классификаціей источниковъ косвенныхъ доказательствъ ²⁾. Такъ же, какъ мы выше упомянули, поступаетъ и г. Случевскій. приведа примѣры, которые говорятъ, конечно, больше, чѣмъ его опредѣленіе. Если г. Случевскій хотѣлъ уже показать различіе между прямыми и косвенными доказательствами, то, вѣсто такихъ внѣшнихъ и непостоянныхъ признаковъ, какъ множественность, слѣдовало выяснить тотъ критерій для различія опредѣляемыхъ понятій, который дается уже самими названіями этихъ понятій ³⁾. Сверхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, въ настоящемъ трудѣ встрѣчаются довольно крупныя неточности по части передачи авторомъ нормъ дѣйствующаго у насъ уголовно-процессуальнаго права.

Такъ на страницѣ 142 (часть 1) учебника г. Случевскій говоритъ, что судебная палата, въ качествѣ суда первой инстанціи, вѣдаетъ дѣла по преступленіямъ противъ порядка управленія, перечисленнымъ въ 201¹ статьѣ устава уголовного судопроизводства по закону 7-го іюля 1889 г. (вошедшему въ продолженіе 1890 г.), въ тѣхъ

¹⁾ Cp. *Glaser*, Handbuch, I, 738.

²⁾ *Ibidem*, стр. 739.

³⁾ Cp. *Geyer*. Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts. стр. 706.

случаяхъ, „когда виновному угрожаетъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или *ограниченіемъ* правъ состоянія, въ усиленномъ составѣ съ участіемъ, сословныхъ представителей“. Между тѣмъ, на основаніи только что приведеннаго закона, дѣла эти вѣдаются судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей „въ тѣхъ случаяхъ, когда виновному грозитъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ *всѣхъ* правъ состоянія или *всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ*“, а это, какъ извѣстно, не то же, что „ограниченіе правъ состоянія“ (ср. ст. 30, 43—49, 50 и 51 уложенія о наказаніяхъ). При томъ, изъ изложенія г. Случевского на стр. 142 и 143 какъ бы выходитъ, что указанное только-что правоположеніе имѣть значеніе для подсудности судебной палатѣ съ сословными представителями только дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, а не *всѣхъ* дѣлъ, означенныхъ въ ст. 201¹ устава уголовного судопроизводства; между тѣмъ это, конечно, не такъ по тексту этой статьи, какъ онъ изложенъ въ продолженіе 1890 г., основанномъ на законѣ 7-го іюля 1889 года.

Такая же неточность допущена авторомъ и относительно условій подвѣдомственности судебной палатѣ должностныхъ лицъ, поименованныхъ въ 1072 ст. устава уголовного судопроизводства (ср. конецъ 143 стр. учебника г. Случевского со статьей 1073 уст. уг. суд. по прод. 1890 г., основанному на законѣ 7-го іюля 1889 г.).

На страницѣ 55-й (2-й ч.) разбираемаго учебника мы имѣемъ дѣло съ еще большею погрѣшностью автора относительно источниковъ нашего дѣйствующаго уголовно-процессуальнаго права. Дѣло въ томъ, что приведенное г. Случевскимъ постановленіе 624 статьи уголовного судопроизводства объ открытіи дверей засѣданія, происходившаго непублично, было существенно измѣнено нашимъ законодателемъ задолго до изданія 2-й части разбираемаго учебника, какъ это можно видѣть по справкѣ съ текстомъ этой статьи по продолженію 1890 года.

Въ заключеніе нашихъ указаній на промахи г. Случевского не можемъ не присоединиться къ профессору В. М. Володимірову, когда онъ въ вышеупомянутомъ отзывѣ своемъ о первой части разсматриваемаго учебника, на ряду съ другими цѣнными замѣчаніями, ставитъ автору въ упрекъ какъ включеніе такихъ иногда мелкихъ подробностей, которыя для знакомящагося съ элементами, началами предмета имѣютъ мало значенія, такъ и недостатки языка этого сочиненія.

Каковы бы, однако, ни были погрѣшности автора въ томъ или другомъ отношеніи, книга его, и по нашему мнѣнію, является по-

лезнымъ вкладомъ въ нашу учебную литературу по уголовному процессу. Авторъ употребилъ не мало труда на собраніе, обзоръ и эксплуатацію съ намѣченными имъ цѣлями того обширнаго и разнообразнаго матеріала, который заключается въ источникахъ какъ нашего, такъ и иностраннаго уголовно-процессуальнаго права, такъ, затѣмъ, и въ данныхъ нашей судебной практики, и, наконецъ, въ иностранной и особенно отечественной литературѣ по уголовному процессу. Если, какъ мы старались показать выше, авторъ при этомъ не сдѣлалъ всего желательнаго и всего, при его подготовкѣ и начитанности, для него возможнаго, то все же для первой въ нашей литературѣ законченной попытки такого рода сдѣлано достаточно много, чтобы этотъ учебникъ сталъ полезнымъ пособіемъ при изученіи уголовного процесса. Конечно, каждому преподавателю, усматривающему вышеозначенныя и другія погрѣшности настоящаго учебника, придется взять на себя заботу о томъ, чтобы на ряду со многими вѣрными и цѣнными изучающіе предметъ не усваивали и этихъ допущенныхъ авторомъ погрѣшностей. Лучше, однако, было бы, еслибы самъ г. Случевскій въ слѣдующемъ изданіи книги озаботился объ исправленіи всего, въ такомъ исправленіи нуждающагося. Еслибы настоящая работа моя послужила автору вѣкоторымъ въ этомъ отношеніи пособіемъ, то цѣль ея въ моихъ глазахъ была бы достигнута.

В. Палаузовъ.

Кн. Евгений Трубецкой. Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Часть I. Міросозерцаніе влеченнаго Августина. Москва. 1892. 8°. 270 стр.

Историческое изслѣдованіе міросозерцанія Августина сопряжено съ большими трудностями, частью свойственными всякой исторической работѣ, частью специальными. Къ перваго рода трудностямъ я причисляю необходимость поставить себя въ ту эпоху, которой занимаешься, придавать понятіямъ именно то значеніе, которое они тогда имѣли, и не вносить въ нихъ ничего новаго, современнаго намъ; ко второму роду я отношу обширность матеріала (сочиненія Августина представляютъ 15 большихъ томовъ въ изданіи Миня, самъ Августинъ въ своихъ *Retractationes*, написанныхъ незадолго до смерти въ 430-мъ году, называетъ 93 своихъ сочиненій); богатство литературы, которая разсматриваетъ Августина съ различныхъ, иногда противоположныхъ точекъ зрѣнія, наконецъ, богатство самой литературной

дѣятельности Августина, который писалъ по разнымъ поводамъ, имѣя почти всегда въ виду частную опредѣленную цѣль, при чемъ изложеніе общихъ философскихъ воззрѣній не входило въ его расчеты. Кн. Евг. Трубецкой весьма удачно справился съ указанными затрудненіями и далъ намъ книгу, написанную превосходнымъ языкомъ, которую читать пріятно и поучительно. Онъ въ своемъ изложеніи весьма успѣшно переплетаетъ историческія событія съ мыслями и стремленіями Августина, такъ что получается картина эпохи, религиозные интересы которой становятся вполне понятными. Кн. Трубецкой въ своей книгѣ даетъ въ извѣстномъ отношеніи больше, чѣмъ общается, въ другомъ меньше, чѣмъ можно ожидать. Читатель знакомится не только съ Августиномъ, но и съ ученіемъ манихеевъ, донатистовъ, пелагіанъ и ихъ исторической ролью, — и можно сказать, что страницы, посвященные этимъ еретическимъ ученіямъ, самыя интересныя, — за то не получается полного освѣщенія самого Августина. Авторъ не разказываетъ ни біографіи, ни возникновенія сочиненій Августина, имѣя въ виду лишь изложеніе его міросозерцанія, но такъ какъ у Августина не было вполне законченнаго міросозерцанія, не было, что называется, системы, то попытка нашего автора не могла вполне удался. Гг. Звѣревъ и Лопатинъ въ превосходной, сжатой, но содержательной рецензіи¹⁾ на книгу кн. Трубецкаго (*Вопросы философіи*, № 18) указали на недостатки сочиненія, изъ коихъ важнѣйшій, конечно, тотъ, что авторъ говоритъ о системѣ Августина, въ то время какъ Августинъ относительно самыхъ существенныхъ вопросовъ мѣнялъ свои воззрѣнія и не свелъ ихъ къ одному знаменателю. Второй существенный недостатокъ, усмотрѣнный гг. Звѣревымъ и Лопатинымъ, состоитъ въ томъ, что нашъ авторъ не коснулся антропологическихъ и психологическихъ мнѣній Августина. Эти недостатки вѣсколько не заслоняютъ крупныхъ достоинствъ книги. Къ числу послѣднихъ несомнѣнно относится мастерское расположеніе матеріала, мастерская компоновка сочиненія, въ которомъ все чрезвычайно ловко помѣщено и всесторонне освѣщено. Такимъ крупнымъ талантомъ, каковъ былъ Августинъ, можно заниматься двоякимъ способомъ: можно слѣдить хронологически за его тру-

¹⁾ Другая рецензія П. Виноградова, помѣщенная въ іюльской книжкѣ *Русской Мысли* имѣетъ характеръ апологетическій; излагая содержаніе книги, пр. Виноградовъ съ любовью отмѣчаетъ большія достоинства книги, сглаживая ея недостатки.

дами и разсматривать каждый изъ нихъ, какъ самостоятельное цѣлое (такъ, напримѣръ, поступаетъ Гротъ съ Платономъ) или же можно стремиться схватить общія руководящія идеи мыслителя и, намѣтивъ ихъ, изобразить самую суть писателя, при чемъ сами собой выясняются его роль и значеніе. Вторая задача, конечно, значительнѣе, важнѣе—ее-то и старается выполнять кн. Трубецкой. Если у Августина и не было системы¹⁾, то во всякомъ случаѣ у него были излюбленныя идеи, которымъ онъ придавалъ особенную важность, и которыя исторически оказались важными; ихъ-то нашъ авторъ отмѣтилъ весьма рельефно и поставилъ въ соответственныя историческія рамки.

Книга кн. Трубецкаго первое русское сочиненіе, посвященное Августину²⁾, и если нашъ авторъ прибавляетъ весьма немногое къ тому, что можно найти въ нѣмецкихъ и французскихъ книжкахъ (впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить вполне оригинальное и, какъ намъ кажется, плодотворное сопоставленіе, которое кн. Трубецкой дѣлаетъ въ концѣ книги, а именно сопоставленіе нѣкоторыхъ сторонъ ученія Августина съ ученіемъ юристовъ-стоиковъ, Ульпіана и др., при чемъ оказывается большое сходство въ ихъ мысляхъ и даже выраженіяхъ), то это нисколько не умаляетъ значенія его книги. Откровенно говоря, я (а, можетъ быть, и другіе читатели) нисколько не сожалѣлъ бы, еслибы отсутствовали тѣ поправки, которыя кн. Трубецкой дѣлаетъ къ сочиненіямъ Гарнака, Рейтера и др. Эти поправки,—допустимъ, что онѣ дѣйствительныя поправки³⁾,—лишь нарушаютъ цѣльность впечатлѣнія; можетъ быть, книга отъ этого стала ученѣе и болѣе пригодной для диссертациі, но она несомнѣнно проиграла въ художественности. Впрочемъ, наши историки и наши филологи въ большинствѣ случаевъ чувствуютъ себя учениками нѣмецкихъ и фран-

¹⁾ Попытки кн. Трубецкаго доказать противное смотри стр. 53—54 и 266.

²⁾ Въ введеніи кн. Трубецкой отмѣтилъ всѣ немногочисленныя статьи объ Августинѣ, появившіяся на русскомъ языкѣ.

³⁾ Нѣкоторыя поправки весьма сомнительны; для примѣра беру: кн. Трубецкой характеризуетъ (стр. 187 и 188) стоиковъ, какъ фаталистовъ, и порицаетъ Клязена за его сопоставленіе стоиковъ съ пелагианами. Всякое сравненіе всегда хромеетъ на одну ногу, но въ данномъ случаѣ Клязенъ правъ. Никто не настаивалъ такъ на свободѣ чловѣка, на независимости его, какъ стоики, и это не мѣшало имъ вѣрить въ непреодолимый высшій законъ. Стоицизмъ вообще представляется какъ въ физикѣ, такъ и въ психологіи сочетаніе не всегда удачное прямо противорѣчивыхъ ученій, въ данномъ случаѣ внутренней свободы съ внѣшнимъ непреодолимымъ закономъ.

цузскихъ ученыхъ и считаютъ за честь исправить ошибки своихъ учителей; только русскіе математики и естествоиспытатели чувствуютъ себя свободными.

Обратимся теперь къ самой книгѣ кн. Трубецкаго. Интересное историческое введеніе, составленное на основаніи обширнаго знакомства автора съ первоисточниками и лучшими сочиненіями западно-европейскихъ ученыхъ въ родѣ Буассье, Гарнака и др., опредѣляетъ роль христіанской церкви въ первыхъ вѣкахъ нашей эры. Кн. Трубецкой настаиваетъ на томъ, что одна церковь представляетъ единство, скрѣпляя и связуя собой имперію, распадающуюся въ процессѣ внутренняго разложенія и подъ напоромъ внѣшнихъ враговъ. Весьма любопытно, однако, какими средствами церковь пользуется для достиженія своей цѣли, и чего она достигаетъ. Вѣдь съ точки зрѣнія христіанской, „государство Цицерона—и вообще языческое государство—всецѣло основано на неправдѣ“ (стр. 224). Государство и язычество для Августина суть понятія соотносительныя, и это не только Августиновское, но вообще древне-христіанское воззрѣніе. Государство, чуждое церкви, ничѣмъ не отличается отъ шайки разбойниковъ (стр. 225), напримѣръ, „Римское царство, основанное шайкой разбойниковъ, разрослось путемъ ряда завоеваній, то-есть, путемъ систематическаго разбоя“ (стр. 226). Августинъ выражаетъ вполне христіанскую мысль, говоря: *virtutes ethnicorum splendida vitia*. Эта точка зрѣнія вполне понятна и изъ нея вытекаетъ необходимость для христіанина избавиться отъ такого порядка, который основанъ на неправдѣ. Между тѣмъ какъ поступаетъ церковь? Она спасаетъ общество и государство тѣмъ, что постепенно беретъ на себя всѣ функціи языческаго государства, судебную, административную и даже военную. Все зданіе католической, средневѣковой теократіи,—говоритъ князь Трубецкой,—покоится на соединеніи двухъ крайностей: аскетическомъ презрѣніи ко всему мірскому и сліяніи духовнаго съ мірскимъ, низведеніи всего временнаго и боготвореніи временныхъ формъ земной дѣйствительности (стр. 73). Если въ IV вѣкѣ и не было еще епископовъ-полководцевъ—такими они сдѣлались ужъ позднѣе (Синезій, впрочемъ, можетъ отчасти подойти подъ этотъ типъ), то уже и въ это время епископы учатъ, что цѣль оправдываетъ средства. (Опытатъ говорить: не все ли намъ равно, каковы суть работники, лишь бы то, что сдѣлано ими, было хорошо. Богъ показалъ, что многое злое оправдывается благою цѣлью, стр. 137). Они рекомендуютъ насиліе для убѣжденія еретиковъ и даже для рѣ-

шенія догматическихъ разногласій (Оплатъ и Августинъ, стр. 137 и 155: „люди могутъ быть приведены къ добру лишь силою. Самъ Богъ предписываетъ насиліе, какъ это видно изъ притчи о домохозяинѣ“ (стр. 157). „Масса людей такова, что должны быть воспитываемы ко спасенію толчками и ударами“, (стр. 159). Августинъ, правда, рекомендуетъ не подвергать смертной казни донатистовъ, но вѣдь слишкомъ ужъ странно было бы человѣку, который самъ прошелъ черезъ манихейство и пелагианство, требовать смертной казни еретиковъ; тогда ему пришлось бы и для себя требовать оной. Такимъ образомъ, христіанская церковь вмѣсто того, чтобы найти новую форму жизни, сама сдѣлалась языческимъ государствомъ, и могло дойти до того, что на церковь стали смотрѣть (напримѣръ, Константинъ), какъ на орудіе свѣтской власти. „Для спасенія императора и имперіи нуженъ единый Богъ и единая католическая церковь“ (стр. 8), и свѣтская власть оказывается рѣшающей принципиальные вопросы христіанской догматики. Выходитъ такимъ образомъ, что церковь достигла совершенно иного, чѣмъ то, къ чему стремилось христіанство, къ перерожденію человѣчества путемъ внутренняго катарсиса.

Въ книгѣ князя Трубецкаго превосходно указаны двѣ черты Августиновскаго міросозерцанія: первая та, что юридическія понятія играютъ первенствующую роль въ мышленіи Августина, идемъ порядка, единства; вторыхъ—то, что въ Августинѣ въ теченіе всей жизни оставалось весьма и весьма много языческаго, а Августинъ можетъ служить представителемъ лучшихъ людей того времени, наравнѣ съ Тертуліаномъ и Кипріаномъ, удачный обликъ коихъ князь Трубецкой даетъ въ концѣ своего введенія; этимъ отчасти и объясняется внѣшняя удача и внутренняя неудача христіанства. Въ первой главѣ авторъ старается изобразить генезисъ міросозерцанія, въ дѣйствительности же перечисляетъ главные моменты, внутреннія и внѣшнія условія, опредѣлившія какъ мышленіе, такъ и дѣятельность Августина. По своей натурѣ Августинъ психологъ, умѣющій читать малѣйшее движеніе собственной души, и поэтому ему понятны и другіе люди. Вслѣдствіе этого центральнымъ интересомъ умозрѣнія Августина является внутренній міръ человѣческаго сознанія; князь Трубецкой настаиваетъ, однако, на томъ, что неправильно было бы охарактеризовать настроеніе и мышленіе Августина словомъ субъективизмъ. „Все мышленіе Августина въ его до-христіанскую эпоху есть родъ гигантскихъ усилій, чтобы вырваться изъ этой отрица-

тельной, мрачной глубины субъективнаго сознанія къ объективному свѣту и правдѣ, освободиться отъ грѣховной личности и ея роковаго раздвоенія“ (стр. 26). Раздвоеніе нашего существа есть начало разложенія и смерти; какъ спастись отъ смерти, отъ раздвоенія нашей природы — въ этомъ центральный интересъ философіи Августина, который привелъ его черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней къ христіанству¹⁾. Цицероновскій „Гортензій“ привлекъ Августина къ философіи, но первою системой, овладѣвшей его мышленіемъ, было манихейство; въ манихействѣ ему правился рационализмъ, фантастическій характеръ системы и этико-психологическій дуализмъ, родственныи основному настроенію Августина. Свое тогдашнее настроеніе Августинъ характеризовалъ словами: „*taedium vivendi et moriendi metus*“. Въ манихействѣ Августинъ вскорѣ долженъ былъ разочароваться, ибо дуализмъ этой системы не выдерживаетъ самой элементарной философской критики, и Августинъ сталъ искать истины въ міросозерцаніи новоплатониковъ. Князь Трубецкой называетъ этотъ переходъ Августина отъ манихейства къ неоплатонизму скептическимъ его періодомъ, но въ сущности натуры, подобныя Августину, менѣе всего способны и склонны къ скепсису, поэтому и это измѣненіе образа мыслей Августина слѣдуетъ приписать въ такой же мѣрѣ скептицизму, какъ и всѣ послѣдующія. Нашъ авторъ думаетъ также, что въ неоплатонизмѣ Августина привлекалъ мистицизмъ, „который былъ врожденъ“ (стр. 39) блаженному Августину. Откровенно говоря, я усомнился бы назвать Августина мистикомъ, слѣдуя изложенію князя Трубецкаго. Августинъ — тонкій психологъ, но это далеко не одно и то же, какъ думаетъ почтенный натуралистъ М. Ю. Гольдштейнъ: говоря о томъ, какъ химія избавилась отъ понятія жизненной силы, г. Гольдштейнъ такъ высказывается о мистицизмѣ: „Тормозящее вліяніе жизненной силы состояло главнымъ образомъ въ томъ, что пытливый умъ человѣка успокоивался, сваливая всѣ непонятныя явленія на жизненную силу, имѣвшую особыя права и преимущества, такъ какъ съ нею была связана духовная дѣятельность человѣка, а тутъ уже недалеко до мистицизма²⁾“, — я говорю, что это не одно и то же, въ противномъ случаѣ оказалось бы, что нашъ

¹⁾ Кн. Трубецкой насчитываетъ тѣ ступени развитія, которыя обыкновенно указываются всѣми историками философіи; см., напримѣръ, статью Виндельбанда объ Августинѣ.

²⁾ См. *Заграничный Вѣстникъ*, 1882, апрѣль, стр. 201, Очеркъ исторіи химіи.

натуралистъ самъ мистикъ, ибо, когда онъ писалъ свою статью, онъ, конечно, проявилъ духовную дѣятельность, хотя и не очень значительную.

Въ чемъ выразился мистицизмъ Августина? Въ томъ ли, что онъ, въ противность манихейству, требуетъ единого духовнаго начала и единство обосновываетъ психологически, подобно Декарту. Но въ требованіи единого принципа заключается начало философіи вообще, а вовсе не мистицизма въ специальности. Единство—основной принципъ мышленія и бытія (стр. 57). Утвержденіе, что познаніе можетъ быть рассматриваемо какъ счисленіе, само по себѣ тоже не заключаетъ мистицизма, и къ нему одинаково примкнуть какъ пиагорейцы, такъ и матеріалисты (напримѣръ, Гоббсъ). Признаніе неизмѣнной истины присущей всѣмъ разсуждающимъ и понимающимъ (стр. 59), есть скорѣе принципъ раціоналистическій, чѣмъ мистическій, сущность коего, какъ мнѣ кажется, заключается въ особомъ индивидуальномъ способѣ постиженія верховнаго единства. Теорія творенія блаж. Августина представляетъ міровой процессъ, какъ закономѣрное развитіе вѣчнаго Божественнаго единства. Шесть дней творенія толкуются Августиномъ въ смыслѣ шести идеальныхъ моментовъ творческаго процесса: все это суть моменты чисто раціоналистическіе. Нашъ авторъ, изложившій весьма удачно ученіе Августина, въ которомъ онъ видитъ систему христіанскаго неоплатонизма, при чемъ христіанское ученіе логосъ и твореніи вступило въ нѣкоторый органическій синтезъ съ ученіемъ Пиагора и ученіемъ объ идеѣ Платона (стр. 68), въ мѣткомъ критическомъ анализѣ показываетъ, какъ ученіе Августина распадается на части; онъ указываетъ на смѣшеніе Августиномъ порядка природнаго и сверхприроднаго (стр. 72), на раздвоеніе между частью и цѣлымъ—индивидомъ и космосомъ¹⁾ (стр. 82); земная дѣйствительность представляется Августину то какъ прекрасный величественный храмъ въ которомъ обитаетъ Богъ, то какъ мѣсто казни (стр. 85). Эта двойственность у Августина происходитъ отъ того, что въ немъ, хотя и принявшемъ христіанство по внутреннему убѣжденію, оставалось весьма много языческихъ элементовъ, и даже на чисто христіанскіе вопросы онъ смотритъ съ языческой точки зрѣнія. Но языческая, греческая точка зрѣнія есть раціонализмъ, даже греческій мистицизмъ (я не хочу отрицать того, чтобы у Платона не было мистиче-

¹⁾ Этими остроумными критическими соображеніями кн. Трубецкой опровергаетъ собственное положеніе о существованіи системы у Августина.

скихъ элементовъ) носить на себѣ этотъ характеръ и глубоко отличается отъ христіанскаго. Кн. Трубецкой гораздо яснѣ выставилъ на видъ язычество Августина, его рационализмъ, чѣмъ мистическую сторону его ученія. Напримѣръ, весьма отчетливо указано, что Августинъ на Боговоплощеніе, центральный принципъ христіанства, смотритъ, какъ на одну изъ манифестацій вѣчнаго порядка. Порядокъ есть абсолютная цѣль, а Боговоплощеніе лишь средство, наиболее подходящий способъ нашего спасенія, слѣдовательно нѣчто внѣшнее по отношенію къ нему. Центральный догматъ христіанства низводится до степени инцидента, вызваннаго грѣхомъ человека (стр. 91). Точка зрѣнія Августина на отношеніе авторитета къ разуму тоже языческая, и только въ послѣднемъ своемъ сочиненіи *Retractationes* онъ отказался отъ нея. Блаженство для него состоитъ въ знаніи, и потому: „кто довольствуется однимъ внѣшнимъ авторитетомъ откровенія, презирая науки, или не будучи въ состояніи имъ обучиться, въ этой, по крайней мѣрѣ, жизни не могутъ быть названы блаженными: авторитетъ необходимъ только для невѣжественной массы, а не для мудрыхъ“ (стр. 96). Вліяніе св. Амвросія сказалось въ переходѣ Августина отъ неоплатонизма къ христіанству.

Перечисливъ главнѣйшіе моменты развитія Августина, кн. Трубецкой останавливается на четырехъ главныхъ актахъ въ жизни Августина: на борьбѣ его съ манихеями, къ которымъ онъ самъ раньше принадлежалъ, на борьбѣ съ донатистами, на борьбѣ съ пелагіанствомъ, къ которому Августинъ одно время тоже былъ близокъ, и наконецъ на вѣнцѣ дѣятельности блаж. Августина, на его сочиненіи „*Civitas dei*“, въ которомъ Августинъ наиболее полно высказался.

Въ борьбѣ съ манихеями Августинъ стоялъ за единство мірового порядка, и несомнѣнно, что Августинъ проявилъ болѣе философскаго дарованія, чѣмъ его противники, манихеи дуалисты. Единство Августинъ понималъ, какъ вѣчный законъ, тождественный съ абсолютнымъ благомъ: природный порядокъ, непосредственное выраженіе Божественной мудрости, есть благо, *natura in quantum natura bonum est*. Только благо реально, зло есть отрицаніе бытія, не имѣющее реальности и служащее только къ совершенству блага, для его отгѣненія. Зло самымъ существованіемъ свидѣтельствуетъ о добрѣ, служа эстетической антитезой добру. Зло не нарушаетъ порядка вселенной; оно возникаетъ, благодаря отклоненію нашей воли отъ источника блага. Кн. Трубецкой очень мѣтко замѣчаетъ, что Августину, не смотря на его стремленіе къ единству, не удастся справиться съ манихей-

скимъ дуализмомъ: „Внутренній міръ индивида по отношенію къ цѣлому является въ ученіи Августина чѣмъ-то безразличнымъ и случайнымъ. Вслѣдствіе этого непобѣжденный и непримиримый эгоизмъ твари, проявляющійся, какъ злое начало, есть для него лишь слѣпая случайность, необъяснимый дефектъ съ точки зрѣнія разумнаго порядка: зло противопоставляется порядку, какъ нѣчто абсолютно иррациональное, слѣд. абсолютно ему внѣшнее, не смотря на то, что система Августина не признаетъ ничего внѣшняго порядку; съ другой стороны, сама эта система ничего не въ состояніи противопоставить злу, кромѣ внѣшней уголовной реакціи закона. Для цѣлаго въ сущности безразлично добро и зло въ отдѣльныхъ его частяхъ, лишь бы сохранилось цѣлое. Поэтому торжество порядка выражается не въ упраздненіи зла, а лишь въ томъ, что ему отводится „подобающее ему мѣсто“ въ мірозданіи. „Оно не уничтожается, а, напротивъ того, содержится закономъ“ (стр. 82). Боговластіе, какъ фактъ вѣчной дѣйствительности, только центральная тема антиманихейской проповѣди Августина; въ связи съ этимъ Августинъ учитъ объ авторитетѣ вселенской церкви, какъ временномъ, земномъ явленіи: Боговластіе въ порядкѣ социальномъ и это ученіе вводятъ Августина въ кругъ практическихъ интересовъ дѣйствительности.

Въ III главѣ кн. Трубецкой разсматриваетъ борьбу Августина съ донатистами: въ этой борьбѣ Августинъ еще болѣе, чѣмъ въ борьбѣ съ манихеями, былъ правъ. Донатизмъ, осужденный, благодаря стараніямъ Августина, въ Карфагенѣ въ 411 году, еще нѣкоторое время влечилъ жалкое существованіе, а потомъ вполне исчезъ; въ этомъ спорѣ Августинъ такимъ образомъ добился полного торжества, и именно потому, что онъ стоялъ за истину. *Magna vis veritatis et praevaleret*. Но, именно благодаря такой полной побѣдѣ, историку можно было бы отнестись къ Донату и его ученію вполне объективно и, простивъ ему прегрѣшенія, которымъ миновала давность въ 1500 лѣтъ, постараться понять значеніе донатизма, благодаря коему онъ могъ просуществовать съ начала IV-го до VII-го вѣка (хотя расцвѣтъ донатизма со смерти Мензурія 311 до 411 г.). Августинъ, конечно, выставляетъ лишь слабыя стороны донатизма: во первыхъ, его узкій націонализмъ, которому Августинъ противопоставляетъ единую вселенскую церковь, во вторыхъ, его ограниченіе спасительной силы церкви и ея таинствъ субъективнымъ состояніемъ ея служителей, коему Августинъ противопоставляетъ объективную Божественную организацію, дѣйствующую и спасающую независимо отъ человѣческихъ качествъ служителей церкви.

„Вопросъ этотъ.—замѣчаетъ кн. Трубецкой весьма основательно,—становится особенно тревожнымъ въ концѣ IV и V вѣка, когда существованіе общества виситъ на волоскѣ, подвергаясь постоянно опасности извнѣ и изнутри“ (стр. 109). Конечно, Августинъ выказалъ большую широту взгляда, большое предвидѣніе и пониманіе исторіи, когда настаивалъ на объективномъ характерѣ церкви. Но въ сущности стремленія Доната были родственны Августиновскимъ, и онъ исходилъ изъ факта разлагающагося общества, и онъ искалъ спасенія общества, и нельзя не отнестись съ глубокой симпатіей къ требованію нравственнаго совершенства священнослужителей, ибо если руководители плохи и низки, то каковымъ могло быть стадо? Въ основѣ донатизма находится этический моментъ, который слѣдуетъ отмѣтить; этотъ моментъ былъ заглушенъ посторонними, случайными вліяніями. но при оцѣнкѣ донатизма нельзя не принять его въ расчетъ. Кн. Трубецкой говоритъ, что по донатистическому ученію святость перестаетъ быть нравственнымъ императивомъ, идеаломъ, къ которому должно стремиться: она разсматривается, какъ качество, которымъ общество, въ лицѣ его пастырей, обладаетъ въ дѣйствительности (стр. 126), но что же сказать о католической церкви, въ которой благодать дѣйствуетъ независимо отъ качествъ священнослужителей? Ежели въ донатизмѣ этический моментъ является извращеннымъ и обращеннымъ въ противоположный ему, то можетъ показаться, что въ католической церкви этический моментъ вовсе отсутствуетъ; къ святости не зачѣмъ стремиться, ибо благодать дѣйствуетъ независимо отъ воли человѣка; къ тому же Августинъ не признаетъ свободы человѣка. Если поводомъ къ донатистическому расколу и послужило случайное событіе, связанное съ именемъ Мензурія, епископа кареагенскаго, то Донатъ Великій сумѣлъ придать расколу принципиальный характеръ, и многое въ условіяхъ церковной жизни оправдывало новое движеніе. Развѣ можно отрицать всякое значеніе за Донатовскимъ протестомъ („какое дѣло императору до церкви“) и требованіемъ двухъ царствъ и двухъ царей. На сколько были далеки донатистскіе епископы, подобно вообще большинству епископовъ того времени, отъ идеала святости, это показываетъ намъ Августинъ: въ 305 году Секундъ созвалъ епископовъ для выбора епископа городу Циртѣ. Передъ выборами председатель пожелалъ выяснитъ вопросъ, нѣтъ ли между ними предателя (то-есть, лица, выдавашаго священныя книги свѣтской власти), ибо таковой не имѣлъ права выбора и самъ не могъ быть выбраннымъ въ епископы. Первый епископъ, спрошенный Секун-

домъ, сознался въ своей винѣ и просилъ не упоминать объ этомъ бо-
лѣе, ибо Богъ простилъ его; двое другихъ заявили, что они взамѣнъ
святыхъ книгъ выдали еретическія и медицинскія книги; четвертый
признался, что онъ бросилъ, будучи къ этому принужденъ, евангеліе
въ огонь, и просилъ прощенія. Секундъ обратился къ пятому, Пур-
пурію по имени, и спросилъ его, правда ли, что онъ убилъ двухъ
дѣтей своей сестры, Пурпурій тогда возразилъ: „Ты думаешь меня
запугать, какъ другихъ, но ты самъ что дѣлалъ? Развѣ ты не выдалъ
или не приказалъ выдать священныхъ книгъ, когда у тебя ихъ требо-
вали? Иначе какъ объяснить, что ты свободенъ. Я убилъ и убиваю
всѣхъ, кто меня тѣснитъ, но ты молчи, чтобы я не рассказалъ боль-
шаго“ ¹⁾. Настоящимъ несчастьемъ для донатизма было присоеди-
неніе къ нему циркумцелліоновъ, которыхъ, кстати сказать, нашъ
авторъ рисуетъ съ истинно княжескимъ презрѣніемъ, но, изображая
ихъ разбойниками и грабителями, утверждаетъ все-таки, что движе-
ніе имѣло социально-революціонный (читай: воровской и грабитель-
скій) характеръ. Этимъ присоединеніемъ можно оправдать тѣ суровыя
мѣры, которыя были рѣшены и приведены въ исполненіе послѣ Кар-
еагенскаго собора въ 411 году.

Въ 4-ой главѣ кн. Трубецкой разсматриваетъ самую интересную
борьбу, которую велъ Августинъ съ противникомъ, отличавшимся не
меньшимъ дарованіемъ. Если въ борьбѣ съ манихеями и донатистами
Августинъ стоялъ на принципиально-правильной точкѣ зрѣнія и по-
тому одержалъ побѣду, то врядъ ли можно сказать то же самое о
борьбѣ его съ Пелагіемъ и его партіей. Споръ ихъ о свободѣ чело-
вѣческой воли выходитъ далеко за предѣлы чисто догматическаго во-
проса, хотя и ведется на почвѣ религіозной. Свой точки зрѣнія оба
противника формулировали вкратцѣ слѣдующимъ образомъ. Пелагій
говоритъ: „*Sua unicuique sine fraude et gratia*“; Августинъ молится:
„*Da quod jubes, et jube quod vis*“. Сущность пелагіанства заключается
въ индивидуалистическомъ направленіи, Пелагій, не отрицая благо-
дати, отрицаетъ лишь наслѣдственный грѣхъ и учитъ индивидуаль-
ному спасенію cadaquo по заслугамъ. Сколько свѣтлаго въ этомъ
взглядѣ на человека, хотя онъ можетъ быть и ложенъ. Наслѣдствен-
ный грѣхъ дѣйствительно устанавливаетъ, какъ говоритъ князь Тру-
бецкой, нѣкотораго рода единство человечества, но единство, отъ
котораго нужно избавиться, и въ указаніи на свободу собственной

¹⁾ *Ribbek, Donatus u. Augustinus, 1858, стр. 53—54.*

воли, какъ на средство спасенія, находится великій стимулъ къ личному совершенствованію и спасенію. Два родоначальника пелагіанства, Пелагій и Целестій, развили двѣ стороны ученія. Пелагій трактовалъ о природѣ и благодати, Целестій о первородномъ грѣхѣ и крещеніи. Характеристика этихъ лицъ сдѣлана княземъ Трубецкимъ весьма тонко: „Пелагій, будучи монахомъ ревностнымъ и строгимъ, руководился во всей своей проповѣди мотивомъ аскетическимъ: онъ вѣрилъ, что человѣкъ спасается дѣлами закона, и хотѣлъ побудить своихъ послѣдователей къ аскетическому, внѣшнему дѣланію. Практическая цѣль, дѣла для него стояли на первомъ планѣ. Догматическихъ споровъ онъ не любилъ; чуждый желанія увеличивать количество церковныхъ догматовъ, онъ вовсе исключалъ изъ числа догматовъ ученіе о свободѣ и благодати. И тѣ ученія, съ которыми выступилъ Пелагій, были для него самого не цѣлью, а лишь средствомъ для того, чтобы возбудить въ людяхъ дѣловую энергію. Законникъ по существу, онъ всего менѣе хотѣлъ быть новаторомъ; напротивъ, онъ считалъ себя истиннымъ и консервативнымъ католикомъ, охранителемъ закона... Пелагій всячески старался о томъ, чтобы представить свое ученіе, какъ древнѣйшее преданіе вселенской церкви, подкрѣпить его авторитетными именами отцовъ церкви. Изъ опасенія возбудить скандалъ и оттолкнуть отъ себя вліятельныхъ представителей господствующей церкви, онъ часто умышленно затемнялъ свою мысль, скрывая или оставляя въ туманѣ ея послѣдствія“ (стр. 165—166). „Целестій есть прежде всего популярный проповѣдникъ. Живой и чрезмѣрно словоохотливый, онъ проповѣдуетъ явно и публично, распространяя всѣми средствами пелагіанское ученіе среди массъ; болѣе смѣлый, чѣмъ Пелагій, онъ не стѣсняется высказать свою мысль до конца; онъ увлекается своею проповѣдью и пріобрѣтаетъ болѣе послѣдователей, чѣмъ серьезный и осторожный Пелагій. Ученики его предпочитаютъ называться въ честь его целестіанами, нежели пелагіанами. Главная причина этой популярности заключается, какъ намъ кажется, именно въ томъ, что Целестій выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о первородномъ грѣхѣ, отъ котораго предпочитаетъ отмалчиваться Пелагій. Понятно, что прямое, явное отрицаніе наслѣдственного грѣха должно было въ гораздо большей степени льстить свѣтскому настроенію массъ, чѣмъ суровая, аскетическая проповѣдь Пелагія, которая во имя естественной свободы требовала отъ человѣка подвиговъ. Вообще Целестій, „внухъ отъ рожденія“, человѣкъ, не испытывшій глубокой внутренней борьбы, гово-

рунь, вносившій въ религіозную проповѣдь софистическіе приемы популярнаго риторика,—есть по преимуществу представитель той легко-мысленно-свѣтской религіозности, которая приходится по плечу людямъ поверхностнымъ. Вспомнимъ, что сценой дѣятельности Целестія была въ особенности сѣверная Африка, куда онъ бѣжалъ изъ Рима послѣ нашествія Алариха. Здѣсь, на родинѣ донатистовъ, считавшихъ святость общимъ достояніемъ членовъ земной церкви, должно было быть особенно популярнымъ ученіе, утверждавшее, что святость дается человѣку легко, что она доступна каждому“ (стр. 167—168).

Очень хорошо указана княземъ Трубецкимъ связь между ученіемъ Пелагія, конимъ онъ хотѣлъ вывести общество изъ нравственнаго растлѣнія, и историческимъ событіемъ, катастрофою 410 года. Особенность пелагіанскаго ученія заключается, по мнѣнію князя Трубецкаго, въ томъ, что оно исходитъ не изъ конкретнаго наблюденія человѣческой природы, а изъ отвлеченнаго понятія свободной человѣческой личности, и отрицаетъ всякій мистическій элементъ въ христіанствѣ (стр. 179), почему пелагіанство и могло вырождаться въ чистый рационализмъ. въ ученіе Юліана Экланскаго, который училъ, что Св. Писаніе не можетъ заключать въ себѣ ничего противнаго разуму, ибо разумъ есть верховный критерій истины. Девизомъ проповѣди Юліана служить Номо а део emancipatus. Конечно, многое въ пелагіанствѣ подлежало критикѣ, и эту критику взялъ на себя Августинъ; онъ смотритъ на спасеніе, какъ на социальный, не индивидуальный актъ человѣческой воли, и спасаетъ человѣка благодать, дѣйствующая исключительно черезъ церковь. Пелагій вѣрилъ въ силы человѣка, Августинъ исходитъ изъ безсилія его; поэтому первый ищетъ спасенія въ свободной дѣятельности человѣка, второй въ Божественной помощи, въ благодати. Человѣкъ связанъ двоякими узами съ родомъ человѣческимъ: общимъ происхожденіемъ отъ Адама, то-есть, первороднымъ грѣхомъ, и узами благодати во Христѣ, воплощенной въ церкви. Свобода человѣка представляется Августину, лишь какъ нѣчто отрицательное, какъ злое начало, благодать же какъ всемогущая, неодолимая сила, уготовленная предопредѣленіемъ Бога относительно добра. „Когда Богъ хочетъ спасти кого либо, Ему не въ состояніи противиться никакой произволъ“. Какими мрачными должны показаться взгляды Августина въ сравненіи съ свѣтлымъ ученіемъ Пелагія; какъ связать съ представленіемъ о всеблагомъ Богѣ это предопредѣленіе, которое однихъ избираетъ, другихъ же ни въ чемъ неповинныхъ безъ милосердія караетъ! Князь Трубецкой старается

пояснить ученіе Августина, въ которомъ центральнымъ понятіемъ является вѣчный порядокъ, дѣйствующій, какъ предопредѣленіе, а не богочеловѣческая личность Христа. Пелагіанство было осуждено на Ефесскомъ соборѣ, но продолжало существовать подъ видомъ полупелагіанцевъ. Неуспѣхъ борьбы Августина съ Пелагіемъ князь Трубецкой объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Дѣйствительно, по скольку законъ возводится въ верховный и абсолютный принципъ, между благодатью и свободой нѣтъ возможнаго примиренія. Если благодать можетъ торжествовать лишь черезъ уничтоженіе человѣческой свободы, то по отношенію къ человѣческой волѣ она есть безусловно чуждый и внѣшній законъ. По стольку и свобода есть безусловно враждебный благодати принципъ. Если законъ есть всеобщій и необходимый способъ дѣйствія благодати, то благодать и свобода суть вѣчно внѣшнія, чуждыя и взаимно враждебныя другъ другу сферы. Для христіанства законническаго весь споръ о благодати есть лишь безысходное противорѣчіе: оно должно вѣчно колебаться между противоположными и одинаково неудовлетворительными рѣшеніями Августина и Пелагія. Для латинскаго христіанства споръ этотъ имѣть роковое значеніе, лишь по скольку оно возводитъ свою особенность въ верховный принципъ, принимая себя за цѣлое христіанство; но онъ не опасенъ для него, по скольку оно стоитъ на почвѣ вселенско-христіанскаго идеала. Ибо съ точки зрѣнія основнаго христіанскаго принципа—Богочеловѣчества, отношеніе между благодатью и свободой не есть вѣчная вражда: борьба между ними есть явленіе нашей несовершенной, земной дѣйствительности. По скольку грѣховное человѣчество не вмѣщаетъ въ себя благодати, она дѣйствительно есть для него внѣшній законъ. Но законъ есть форма временной, а не вѣчной дѣйствительности. Ибо въ вѣчной дѣйствительности благодать примиряется съ совершенной человѣческой свободой въ совершенномъ Богочеловѣчествѣ“ (стр. 212—213).

Послѣдняя глава (V) интереснаго сочиненія князя Трубецкаго разбираетъ главное сочиненіе Августина: „*Civitas dei*“, въ которомъ апологетъ представилъ результаты своего многосторонняго мышленія и дѣятельности; но, помимо соединенія элементовъ, намъ уже извѣстныхъ изъ полемики съ манихеями, донатистами и пелагіанами, въ „*Civitas dei*“ встрѣчается анализъ вопросовъ, ранѣе Августиномъ не затронутыхъ; сюда, напримѣръ, слѣдуетъ отнести вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Гг. Лонатинъ и Звѣревъ не безъ основанія указали на то, что эта глава менѣе всего удалась нашему автору.

„Въ предыдущихъ главахъ авторъ израсходовалъ значительную часть матеріала, представляемаго систематическимъ ученіемъ Августина, поэтому въ послѣдней главѣ приходилось повторяться, чего князь Трубецкой не хотѣлъ. Оставалось придать изложенію Града Божія характеръ отрывочныхъ дополненій, что онъ и сдѣлалъ“. Это сужденіе справедливо, но автору нельзя было иначе поступить. Обширное сочиненіе Августина представляетъ собой проведеніе одной основной мысли, а именно доказательства, что идеаль града Божія не опредѣляется ходомъ событій, а оправдывается судомъ исторіи. „Градъ Божій предшествуетъ созданію времени въ вѣчномъ Божественномъ планѣ, присутствуетъ отъ начала въ бѣгѣ времени, непрестанно переходитъ въ вѣчность, переживая самую временную дѣйствительность; онъ есть начало, середина и конецъ міроваго процесса“ (стр. 217). Эта мысль дѣлаетъ возможной философію исторіи (можно сказать, что изъ всѣхъ бывшихъ попытокъ построенія исторіи идея промысла Бога даетъ наиболѣе твердую и ясную основу)¹⁾, но, въ сущности говоря, она вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ и интереса самую исторію: мы всегда заранѣе знаемъ, чего во всякомъ событіи слѣдуетъ искать, и знаемъ, что найдемъ перстъ Божій; читатель поэтому долженъ испытывать нѣкоторое утомленіе, ибо чтеніе производитъ впечатлѣніе ланизыванія всѣмъ извѣстныхъ фактовъ исторіи на нить, которая во всѣхъ подробностяхъ заранѣе показана читателю. Въ доказательствѣ основной идеи о промыслѣ Божіемъ Августинъ пользуется результатами своей борьбы съ еретиками, и связь общаго взгляда Августина на исторію съ его борьбой противъ манихеевъ, донатистовъ и пелагианъ у князя Трубецкаго очень хорошо показана.

Основной принципъ антимахейской проповѣди очевиденъ въ идеѣ вѣчнаго храма Бога, какъ архитектурнаго единства вселенной. „Градъ Божій не только факторъ религіозной жизни человѣчества, — онъ вѣнецъ всей космической организаціи: въ немъ Богъ господствуетъ надъ преображеннымъ веществомъ черезъ обновленнаго человѣка, ибо царствіе Божіе не есть только новое небо, но и новая земля“ (стр. 234).

„Въ различеніи между царствіемъ Божіимъ въ его земной дѣйствительности и въ его вѣчномъ идеальномъ состояніи мы узнаемъ

¹⁾ Идея прогресса менѣе опредѣленна; она была-бы исполнѣ опредѣленной, еслибы цѣль прогресса могла быть установлена, но въ такомъ случаѣ идея прогресса отличалась бы лишь на словахъ отъ идеи промысла Бога.

основной мотивъ антидонатистской проповѣди Августина“ (стр. 236). Наконецъ, и антипелагіанская проповѣдь цѣликомъ воспринята Августиномъ, который всюду противопоставляетъ благодать свободѣ, „какъ два взаимно враждебные социальные принципа, которые своимъ взаимнымъ антагонизмомъ опредѣляютъ ходъ всемірной исторіи. Благодать воплощается въ коллективной организаціи града Божія, а свобода проявляется, какъ злое сатанинское начало, порождая изъ себя грѣховную организацію земного царства“ (стр. 244).

Заканчивая этотъ обзоръ книги князя Трубецкаго, остается только поблагодарить автора за то, что онъ далъ интересную книгу русскому образованному обществу; нужно обладать значительнымъ талантомъ, чтобы заинтересовать вопросами, которые кажутся вполне отжившими, теоріями, въ которыя современный читатель не вѣритъ.

Э. Радловъ.

Гипнотизмъ по учению школы Шарко и психологической школы (1881—1893)
А. Н. Гилярова. Кіевъ. 1893.

Въ Россіи гипнотизмъ далеко еще не пользуется той широкой популярностью, какую онъ приобрѣлъ за послѣдніе 20—30 лѣтъ за границей; соотвѣтственно этому и литература этого вопроса на русскомъ языкѣ очень не обширна, а между тѣмъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ интересъ и значеніе этого отдѣла биологіи возрастаютъ; вотъ почему появленіе, въ русской литературѣ гипнотизма, книги, знакомящей съ современнымъ положеніемъ этого вопроса, имѣетъ нѣкоторый интересъ и цѣну. Трудъ г. Гилярова представляетъ томъ большаго формата въ 400 страницъ убористой печати. Большая часть книги—около 330 страницъ—посвящена фактической сторонѣ вопроса; на остальныхъ 70-ти страницахъ излагается рядъ теорій и подводятся итоги. Такая крупная неравномѣрность „въ распредѣленіи труда“ между фактами и теоріей объясняется отчасти положеніемъ изслѣдуемаго вопроса и его „молодостью“: трудно и едва-ли не преждевременно создавать теорію тамъ, гдѣ еще далеко не твердо установлено и не закончено изслѣдованіе самыхъ фактовъ. Наблюденіе и опытъ составляютъ пока главнѣйшіе моменты въ изученіи гипнотизма; поэтому, вѣроятно, и г. Гиляровъ, поставившій себѣ ближайшею

цѣлью „представить современное состояніе вопроса о гипнотизмѣ на основаніи работъ наиболѣе выдающихся изслѣдователей“, отводить въ своей книгѣ такое широкое мѣсто этой сторонѣ вопроса и весьма мало останавливается на теоріяхъ. И надо отдать справедливость — въ настоящемъ трудѣ собрана масса фактическаго матеріала, такъ что по богатству ихъ книга г. Гилярова едва-ли не единственная на русскомъ языкѣ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ говоритъ, что „трудъ его состоялъ лишь въ группировкѣ матеріала и критическомъ освѣщеніи какъ его, такъ и существующихъ объясненій изъ принциповъ экспериментальной методы и экспериментальной психологін“ (стр. I). „при чемъ руководствомъ служилъ завѣтъ Бэкона собирать „подобно пчелѣ“ лучший экспериментальный матеріалъ и дѣлать изъ него выводы на основаніи личной аналитической и синтетической умственной работы“ (стр. II). Эти положенія вмѣстѣ уже съ вышеопредѣленной „цѣлью“ труда на столько обрисовываютъ значеніе книги, что для ея бѣглой оцѣнки рецензенту остается только прослѣдить, на сколько удачно выполнилъ свои стремленія авторъ.

Откинувъ историческую часть вопроса (о чемъ, кстати сказать, нельзя не пожалѣть), авторъ сразу старается ввести читателя въ курсъ дѣла и, давая обильный рядъ опытныхъ изслѣдованій и наблюденій, онъ въ то же время знакомитъ читателя и съ исторіей того раскола, который возникъ среди французскихъ изслѣдователей гипнотизма. Напрасно только этому расколу г. Гиляровъ, какъ и многіе другіе авторы, придаетъ слишкомъ большое значеніе, отозвавшееся даже на заглавіи труда, гдѣ предупреждается, что рѣчь будетъ о двухъ различныхъ школахъ. Этотъ послѣдній терминъ выбравъ, думается, не вполне удачно и придаетъ нѣсколько ложное освѣщеніе положенію вопроса, который по настоящимъ результатамъ его изслѣдованій едва-ли позволяетъ говорить о школахъ, гдѣ предполагается собраніе связанныхъ, координированныхъ ученій. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ мы не находимъ, и поводомъ къ дѣленію на „школы“ послужило слѣдующее обстоятельство. Шарко, изучая гипнотизмъ надъ истеричными больными Сальпетриера *никогда* наблюдалъ надъ ними три состоянія—летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ, каковыя и считаетъ за *характерныя* и *типичныя* явленія гипноза; другіе изслѣдованія производились въ Нанси, гдѣ они велись не надъ истеричными и не было наблюдаемо „характерныхъ“ трехъ состояній гипноза: *inde ira*—произошелъ расколъ среди ученыхъ,

дальше выразившійся еще рѣзче въ томъ, что въ Нанси обратили наибольшее вниманіе на внушеніе—фактъ психологическій—и положили его въ основу своихъ изслѣдованій, а Шарко и его послѣдователи, сблизивъ гипнозъ съ истеріей, приняли это за исходный пунктъ своихъ опытныхъ изысканій преимущественно фізіологическаго характера... Французскіе авторы, повидимому, очень ладки на громкія клички, а намъ такое вышеуказанное положеніе вещей позволяетъ прибегнуть на будущее столь почтенный титулъ какъ „школа“. То-же можно замѣтить и о классификаціи изслѣдователей по принадлежности къ тремъ типичнымъ теоріямъ—фізіологической, психологической и флюидической; авторъ самъ говоритъ, что „въ теоретическихъ построеніяхъ представители фізіологической и психологическихъ школъ между собою сходятся“ (стр. 392), а съ другой стороны, не имѣаетъ замѣтить, что такіе, напримѣръ, ярые послѣдователи Шарко, какъ Бине и Фере, повидимому, очень тяготеютъ къ флюидической школѣ, которая характеризуется признаніемъ „животнаго магнетизма“. Трудъ Binet et Féré прямо озаглавленъ „Le Magnétisme animal“ и, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, можно придти къ заключенію, что вышеуказанный терминъ выбранъ авторами не случайно, но, заключая въ себѣ понятіе причинности, имѣетъ, повидимому, большое значеніе въ ихъ глазахъ. Дѣло въ томъ, что Бине и Фере, изслѣдуя магнитныя вліянія въ гипнозѣ, находятъ ихъ едва-ли не безпредѣльными, ибо дѣйствіе магнита простирается, по ихъ словамъ, не только на область чисто фізіологическихъ явленій, но даже и психологическихъ и при томъ на самую высшую изъ нихъ, волевою. На сколько отсутствуетъ здѣсь увлеченіе—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что большая часть другихъ изслѣдователей не получили такихъ эффектовъ. Существуютъ, напримѣръ, изслѣдованія Крафть-Эбинга, произведенныя въ присутствіи болѣе 100 лицъ и не давшія столь блестящихъ результатовъ въ области магнитныхъ вліяній. Значить, и здѣсь существуетъ разнъ въ изслѣдованіяхъ и нѣкоторая спутанность въ раздѣленіи авторовъ по принадлежности къ теоріямъ.

Группировка матеріала, предлагаемая г. Гилларовымъ, не представляетъ почти ничего новаго, планъ изложенія почти цѣликомъ заимствованъ у „школы Шарко“, и главная новизна состоитъ лишь въ параллельныхъ добавленіяхъ изслѣдованіями другихъ авторовъ („школы Нанси“). Конечно, цѣльность и полнота картины много выиграиваютъ отъ этого, а отъ сопоставленія двухъ, часто противоположныхъ по результатамъ изслѣдованій, получается значительно болѣе правиль-

ное освѣщеніе вопроса, и является нѣкоторая возможность критически отнестись къ предлагаемому матеріалу. Тѣмъ не менѣе, быть можетъ, было бы выгодно и полезно для дѣла произвести нѣкоторую перестановку въ порядкѣ изложенія и выдвинуть на болѣе видное мѣсто фактъ такой первостепенной важности, какъ „гипнотическое воспитаніе“, который, къ сожалѣнію, теперь помѣщенъ почти въ самомъ концѣ изложенія явленій гипнотизма и при томъ разобранъ и представленъ далеко не такъ обстоятельно, какъ требовала-бы того важность самаго явленія.—Такое положеніе вещей надо объяснить едва ли не тѣмъ, что г. Гиляровъ, въ ущербъ объективности труда, отдаетъ нѣкоторое предпочтеніе „школѣ Шарко“; такъ на страницѣ 79 мы читаемъ слѣдующее по поводу спора между „школой“ Нанси и „школой“ Сальпетриера о трехъ пресловутыхъ фазахъ гипноза, наблюдаемыхъ послѣднею и отвергаемыхъ первою: „Представители школы въ Нанси, несомнѣнно, весьма убѣжденные, преданные дѣлу и не лишенные остроумія люди. Но въ противоположность послѣдователямъ Шарко, они (за исключеніемъ Бони) практики и наблюдатели, а не теоретики и экспериментаторы. Тогда какъ школа Шарко сосредоточиваетъ свое вниманіе на точныхъ и строгихъ экспериментахъ, школа Нанси по большей части ограничивается записываніемъ наблюденій“. Далѣе г. Гиляровъ замѣчаетъ, что одни изъ представителей Нанси увлекаютъ только „горячею искренностью убѣжденій“, другіе „недостатокъ доказательствъ пополняютъ избыткомъ смѣлости“ и т. д. Не мѣшаетъ замѣтить на это, что изъ той громадной массы опытовъ, которые продѣланы учеными „школы Шарко“, весьма мало опытовъ отличаются „точностью и строгостью“, ибо въ своемъ, по истинѣ необычайномъ, увлеченіи экспериментированіемъ Сальпетриеръ совершенно игнорируетъ „гипнотическое воспитаніе“, и „желанные“ результаты опытовъ въ большинствѣ случаевъ, получались послѣ вторичнаго, а то и третичнаго и болѣе воспроизведенія ихъ надъ однимъ и тѣмъ же истеричнымъ. „Точность“ опытовъ подчасъ такова, что нужно имѣть много смѣлости, чтобы утверждать, что то или иное добытое явленіе не есть результатъ внушенія; съ другой стороны они одно-сторонни уже по одному тому, что производятся почти исключительно надъ истеричными, которые *почему-то*, по мнѣнію Шарко, пользуются привилегіей по части явленій гипнотизма, хотя по наблюденіямъ Бони, „истерія довольно часто является неблагоприятнымъ условіемъ для вызванія сомнамбулизма, вѣроятно, вслѣдствіе

сопровождающей ее подвижности ума" ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, предлагаемый г. Гиляровымъ выходъ изъ спорнаго вопроса рѣшить дѣло довѣріемъ къ авторитету ²⁾, совершенно несогласенъ съ естественно-научнымъ принципомъ, позволяющимъ преклоняться только передъ непреложными фактами. а не передъ авторитетами. Полагаясь на „авторитеты“ школы Шарко пришлось бы, подчасъ, вѣрить, напримѣръ, такимъ „научнымъ наблюденіямъ“, какія встрѣчаемъ хотя бы у Ш. Рише ³⁾: „Нервные темпераменты (?) гораздо чувствительнѣе другихъ (къ гипнозу). Вообще говоря женщины небольшого роста, брюнетки съ черными глазами, черными густыми волосами, густыми бровями—весьма благоприятные (для гипнотизаціи) субъекты“. Не слишкомъ-ли много у этого авторитета серьезнаго научнаго наблюденія?

Относительно выбора фактовъ можно было бы желать болѣе тщательной сортировки, ибо „документальный сводъ экспериментально провереннаго матеріала“ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ тщательнѣе дестиллированъ. Бэконъ, совѣтуя собирать „подобно пчелѣ“, разумѣлъ при этомъ, что не со всякаго цвѣтка беретъ пыль пчела. Г. Гиляровъ, напримѣръ, весьма обстоятельно излагаетъ изслѣдованія Питра о гипногенныхъ, гипнофренартрическихъ и идеогенныхъ зонахъ. По существу дѣла онѣ не имѣютъ никакого значенія, являясь весьма неопредѣленными по результатамъ: самъ авторъ этихъ зонъ не нашелъ для нихъ ни опредѣленнаго мѣста. ни опредѣленнаго числа и еще менѣе постоянства народженія у экспериментируемыхъ. Что же остается отъ зонъ? Вообще при выборѣ фактовъ слѣдуетъ имѣть въ виду то страстное увлеченіе изслѣдованіями, которое особенно охватило „школу“ Шарко; оно вѣдь все же мѣшаетъ объективно-научнымъ изысканіямъ... Впрочемъ, г. Гиляровъ въ предисловіи оговаривается сознавая, что „задача эта (критика фактовъ) была бы лучше выполнена, еслибъ ее взялъ философски-образованный неврологъ“... За всѣмъ тѣмъ изложеніе фактической стороны вопроса вполнѣ достигаетъ своей цѣли и дѣйствительно даетъ полную детально обработанную картину добытыхъ наукою результатовъ.

Иное дѣло теоретическая сторона: не богатая сама по себѣ, она

¹⁾ Le Somnambulisme provoqué. Recherches physiologiques et psychologiques par Beaunis (русскій пер. стр. 2).

²⁾ Гиляровъ, стр. 79.

³⁾ Ш. Рише. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и лды интеллекта (русскій пер. 1885, стр. 85).

представлена г. Гиляровымъ крайне блѣдно; здѣсь читатель уже совсѣмъ не найдетъ той полноты и, тѣмъ менѣе разработки, какъ въ первой части труда (на протяженіи 55 стр., 335—390, изложено болѣе 11 теорій!) Критическое отношеніе автора въ этой части труда значительно слабѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Гиляровъ просто на просто ограничивается краткимъ, но достаточно рѣзкимъ замѣчаніемъ о несостоятельности какой либо теоріи, а иной разъ, — упомянувъ, что „такой-то авторъ своими философскими разсужденіями свидѣтельствуеетъ о такой неясности и слабости мысли, что его теорія можетъ развѣ служить образцомъ того, какъ объяснять вообще не слѣдуетъ“, — оставляетъ читателя въ полномъ невѣдѣніи, въ чемъ собственно заключается „неясность и слабость мысли“ „наповаль убитаго“ г. Гиляровымъ злополучнаго автора, съ теоріей котораго онъ не нашелъ нужнымъ знакомить... Подъ такую же „горячую руку“ подвернулся и еще одинъ авторъ—Альфредъ Леманъ, физиологическая теорія котораго считается одною изъ довольно удачныхъ; а между тѣмъ г. Гиляровъ и на этотъ разъ упоминаетъ, что она „несостоятельна“ уже потому, что „факты болѣе извѣстные пытается объяснить изъ вовсе неизвѣстныхъ“, а тремя строками выше говорить, что она „*опирается на предполагаемая сосудодвигательныя измѣненія мозга*“. Можно подумать, что „неизвѣстное“, которымъ пытается Леманъ объяснить „болѣе извѣстное“, и есть „предполагаемая“ сосудодвигательныя измѣненія мозга, однако, это едва-ли такъ; дѣло-то въ томъ, что сосудодвигательныя измѣненія мозга, о которыхъ идетъ рѣчь, вовсе не „предполагаемая“, а на самомъ дѣлѣ существующія, признаны физиологіей и доказаны опытами Моссо, изъ которыхъ слѣдуетъ, что во время сна объемъ мозга рѣзко падаетъ; это зависитъ отъ спаденія его сосудовъ, а при пробужденіи увеличивается, и сосуды его расширяются. Сосуды конечностей испытываютъ обратное измѣненіе: во время сна расширяются, во время бодрствованія суживаются. Всякое раздраженіе во время сна органовъ чувствъ, даже не вызывающее пробужденія, увеличиваетъ объемъ мозга и уменьшаетъ объемъ конечностей. Рефлексы во время сна нѣсколько повышаются, но болевые рефлексы, вызываемые, напримѣръ, раздраженіемъ кожи иглами-электродами, рѣзко падаютъ. Это физиологическое явленіе и служатъ „опорнымъ“ пунктомъ теоріи Альфреда Лемана; въ немъ нѣтъ „предположеній“; иное дѣло, какъ пользуется и толкуетъ его Леманъ, но вѣдь объ этомъ г. Гиляровъ не счелъ нужнымъ сообщать читателю. При изложеніи теоріи Вундта—„последняго слова науки“—г. Гиля-

ровъ прибѣгаетъ далеко не къ удачному приему: предлагая читателю самостоятельно сгруппированныя переводныя выдержки изъ соотвѣтственнаго сочиненія Вундта (*Hypnotismus und Suggestion*) г. Гиляровъ дѣлаетъ при этомъ такіе выпуски въ своемъ переводѣ, что въ его передачѣ теорія Вундта является во многихъ мѣстахъ совершенно непонятною, неясною для читателя... Вслѣдъ за переданными теоріями гипнотизма въ § 12 дѣлается „критическій сводъ“ имъ, въ которомъ однако мы не найдемъ критической оцѣнки, касающейся существа вопроса; авторъ ограничивается довольно таки поверхностными „общими соображеніями“, подчасъ выраженными уже не философскимъ языкомъ, а довольно „легкимъ стилемъ“. Такъ при „оцѣнкѣ“ фізіологическихъ теорій г. Гиляровъ говоритъ: „По самому авторитетному изъ авторитетовъ, для объясненія предполагаемыхъ процессовъ въ мозгу мы должны предположить стѣсненіе иннервации въ предполагаемомъ субстратѣ предполагаемаго центра апперцепціи. По нашему предположенію, быть можетъ, лучше воздержаться отъ всякихъ предположеній, которыя не ведутъ ни къ чему, кромѣ другихъ предположеній, предполагающихъ въ свою очередь новыя предположенія“ (стр. 390—391). Не входя въ оцѣнку такого „критическаго приема“, позволимъ себѣ замѣтить, что на страницѣ 395 авторъ рекомендуетъ помнить „великій завѣтъ“—*non ridere sed intelligere*, который, по мнѣнію г. Гилярова, особенно долженъ быть дорогъ философу...

Въ общей оцѣнкѣ труда г. Гилярова можно сказать, что книга его, имѣя чисто компилятивный характеръ, отличается богатствомъ матеріала и довольно обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ трактуемаго вопроса, почему и является полезной и интересной для всего образованнаго общества. Предъявлять къ ней высокія научныя требованія нельзя, не только потому, что это переводно-компилятивный трудъ, но и потому, что авторъ не имѣетъ специальной біологической подготовки, каковое обстоятельство не позволило ему подойти съ надлежащею критикою къ предлагаемому имъ матеріалу.

ВВ.

Книжные новости.

Жизнь Иосифа Сьмашки, митрополита Литовскаго и Виленскаго, и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію въ 1839 г., съ тремя портретами высокопреосвященнаго Иосифа. Сочиненіе *Г. Я. Кипріяновича*. Виленъ. 1893. Стр. XVIII+448. — Въ 1890 году, если не ошибаемся, вышла книга священника Николая Извъкова „Высокопреосвященный Иосифъ (Сьмашко)“. Послѣ небольшихъ статей (Козловича, гр. Толстого и др.) книга отца Извъкова была первою попыткою дать полную біографію знаменитаго святителя. Нынѣ мы привѣтствуемъ вторую такую попытку, еще болѣе удачную. Передъ нами большой томъ въ 450 страницъ большого формата, написанный съ живою любовью къ личности митрополита и его дѣлу, основанный на изученіи всей относящейся къ предмету литературы, построенный научно и объективно. Г. Кипріяновичъ начинаетъ свое изложеніе краткимъ разказомъ объ установленіи уни въ Литвѣ и Западной Руси и о судьбахъ ея до той поры, когда начинаются въ средѣ униатовъ попытки освобожденія отъ католическаго гнета и рождается движеніе въ сторону православнаго обряда, подготовившее почву для дѣятельности Иосифа Сьмашки. Затѣмъ въ первыхъ двухъ главахъ разказывается о воспитаніи и дѣятельности Сьмашки до 1827 года, когда составлена была имъ извѣстная записка о воссоединеніи униатовъ съ православною церковію. Въ главахъ III—VIII излагается самая исторія воссоединенія униатовъ отъ реформъ митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго и до 1839 года. Главы IX—XI заключаютъ въ себѣ описаніе жизни и дѣятельности Иосифа въ санѣ архіепископа Литовскаго, а затѣмъ митрополита Литовскаго и Виленскаго съ 1839 до 1860 года. Главы XII и XIII содержатъ свѣдѣнія о дѣятельности митрополита Иосифа за послѣдніе годы его жизни, въ эпоху мятежа и до 1868 года. Эти двѣ главы обработаны авторомъ, по его заявленію, съ особымъ вниманіемъ, потому что здѣсь онъ не имѣлъ руководства въ „Запискахъ“ митрополита и долженъ былъ особенно трудиться надъ собраніемъ матеріала. Наконецъ, главы XIV и XV посвящены характеристикѣ митрополита, какъ общественнаго дѣятеля и частнаго человѣка. Далѣе слѣдуютъ: въ главѣ XVI краткій перечень и характеристика литературныхъ трудовъ Иосифа и въ „Приложеніяхъ“ статья объ отцѣ митрополита Иосифа протоіерей Іосифѣ Сьмашкѣ и замѣчанія о торжествѣ 50-лѣтія воссоединенія униатовъ. Повторяемъ, что трудъ г. Кипріяновича отличается положительными достоинствами; хорошимъ изложеніемъ, полнотою матеріала, серьезностью и объективностью взглядовъ. Конечно, въ немъ найдется чтó исправить: по недоразумѣнію, разумѣется, авторъ считаетъ профессора Виленскаго университета Ив. Ив. Черняйскаго, читавшаго въ 1805—1821 г., итомпомъ С.-Петербургскаго университета, основаннаго только въ 1819 году (стр. 17). На стр. 319-й затѣмъ авторъ говоритъ объ открытіи въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ попечительство князя Ширинскаго-Шихматова 100 народныхъ училищъ и замѣчаетъ, что въ нихъ большинство учителей были поляки; между тѣмъ, по сви-

дѣтельству открывавшаго эти училища тайнаго совѣтника В. П. Кулина, въ нихъ не было опредѣлено учителей ни одного поляка. Однако, не смотря на эти и подобные мелкіе недочеты, книгу г. Кипріановича слѣдуетъ признать весьма цѣнною и полезною.

Въ память девятисотлѣтняго юбилея Волынской епархіи. 992 — 1892. Городъ Владиміръ Волынской губерніи въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ *Н. И. Теодоровича*. Съ 9-ю гравюрами. Приложена статья: Празднованіе 900-лѣтняго юбилея Волынской епархіи. Почаевъ. 1893. Стр. 234+269+XIII. — Книга г. Теодоровича раздѣляется на двѣ почти равныхъ по объему части. Въ первой прежде всего излагается исторія города Владиміра-Волынска, и вообще Волынской земли, — въ рядѣ очерковъ, посвященныхъ русскимъ и русско-литовскимъ князьямъ, бывшимъ на Волыни, начиная съ князя Всеволода, котораго посадилъ во Владиміръ отецъ его Владиміръ Св. въ 988 году, и до превращенія Волыни въ Волынское „воеводство“ въ срединѣ XV вѣка. Прослѣдивъ кратко дальнѣйшія судьбы Волыни, послѣ уніи 1569 и 1596 годовъ, авторъ переходитъ къ перечню епископовъ, православныхъ и уніатскихъ, бывшихъ на Волыни, съ 992 года и до настоящаго времени. Онъ даетъ сначала краткія жизнеописанія епископовъ „Владимірскихъ и Берестейскихъ“ и затѣмъ — съ 1795 года, когда была возстановлена православная Волынская епархіа. — жизнеописанія епископовъ „Волынскихъ и Житомирскихъ“; при этомъ прилагаются перечни епископовъ Холмскихъ, Лудкихъ и Острожскихъ, какъ православныхъ, такъ и уніатскихъ. Такимъ образомъ, авторъ предлагаетъ сводъ историческаго матеріала, съ помощью котораго можно изучить главные факты политической и церковной жизни края. Но, къ сожалѣнію, онъ не обрабатываетъ этого свода въ цѣльный и связный историческій разказъ о Владимірѣ и о г. Волыни, такъ что слѣдить въ его изложеніи за послѣдовательною смѣною событій довольно трудно. За этою собственно историческою частью въ книгѣ слѣдуетъ описаніе древностей Владиміра Волынскаго — древнихъ православныхъ церквей и монастырей, нѣкогда существовавшихъ и нынѣ еще существующихъ во Владимірѣ, и сообщаются свѣдѣнія о Свято-Владимірскомъ братствѣ, учрежденномъ въ 1888 году „для под. держанія и охраненія древнихъ памятниковъ православія и для возстановленія и укрѣпленія началъ православія и русской народности во Владимірѣ Волынскомъ и вообще на Волыни“. Вторая половина книги, составляющая „приложеніе“ съ особой наглазкою, заключаетъ въ себѣ подробнѣйшее, на 269 страницахъ, описаніе празднованія 900-лѣтняго юбилея Волынской епархіи въ 1892 году въ самомъ Владимірѣ, въ Волынской губерніи. въ Житомирѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ. Сносбъ изложенія г. Теодоровича таковъ, что сообщаетъ трудъ характеръ справочный — сборника свѣдѣній, расположенныхъ во вѣншемъ порядкѣ. Врядъ ли найдетъ читатель (разумѣемъ не специалистъ по мѣстной исторіи), который безъ напрасленія прочтетъ цѣлкою книгу г. Теодоровича; но съ нею охотно будутъ справляться тѣ, кому надобно знать мелочи мѣстной Волынской исторіи. Такой характеръ книги позволяетъ сказать, что она не возбудитъ общаго интереса. но будетъ очень полезна на Волыни и въ сосѣднихъ съ ней мѣстностяхъ

I. Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. *Иосифъ Сениговъ*. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. С.-Пб. 1893. Цѣна 20 коп. Стр. 47.—

II. Любимый богатырь русскаго народа. *Иосифъ Сениговъ*. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“ С.-Пб. 1893. Цѣна 15 коп. Стр. 28.—Первая изъ этихъ брошюръ представляетъ собою довольно обстоятельный разказъ о Великой Сѣверной войнѣ, въ которомъ на ряду съ чисто историческими подробностями авторомъ приводятся анекдоты и историческія пѣсни. Событія Петровской эпохи на столько интересны, что посвященная имъ брошюра г. Сенигова будетъ, конечно, читаться, не смотря на замѣтные недостатки въ построеніи и изложеніи ея. Прежде всего послѣдовательность въ началѣ разказа г. Сенигова нельзя назвать строгою. Первая фраза его очерка говоритъ, что въ 1703 году былъ основанъ Петербургъ, вторая фраза объясняетъ, что „прежде чѣмъ основать этотъ городъ, Петру Великому пришлось вступить въ борьбу со шведскимъ королемъ“. Затѣмъ страница посвящена характеристикѣ этого короля, то-есть, Карла XII. Окончивъ характеристику, авторъ довольно неожиданно заявляетъ, что „Петръ Великій смотрѣлъ на всякую войну... какъ на школу для своего войска и народа. Но прежде чѣмъ отдать русскимъ въ такую тяжелую школу, какою была для нихъ Великая Сѣверная война, Петръ счелъ нужнымъ, на сколько возможно лучше, приготовить свой народъ къ этой войнѣ“ (стр. 4). Поэтому авторъ переходитъ къ описанію до-петровскихъ войскъ и новыхъ потѣшныхъ полковъ. Въ концѣ этого описанія (на стр. 9—10) однако оказывается, что передъ самою войною, въ 1698 г., Петръ все еще не успѣлъ устроить новую свою армию и торопился собрать ее наскоро. Сообщивъ это, авторъ тотчасъ же задается вопросомъ, сумѣлъ ли Петръ Великій вдохнуть въ свою армию „духъ дисциплины, воинственный духъ“, и рѣшаетъ вопросъ утвердительно на основаніи нѣсколькихъ анекдотическихкихъ разказовъ (стр. 10—15), изъ которыхъ послѣдній (стр. 14) свидѣтельствуетъ не о твердости дисциплины, а напротивъ, о существованіи ропота въ войскахъ, получавшихъ горькую крупу. Только на 15-й страницѣ, послѣ анекдота о горькой крупѣ, авторъ обращается къ вопросу о причинахъ войны со Швеціею и разказываетъ самый ходъ борьбы уже безъ уклоненій въ сторону, останавливая разказъ для того лишь, чтобы привести отрывокъ народной пѣсни, относящейся къ тому или другому эпизоду шведской войны. Такимъ образомъ вступленіе въ очеркъ г. Сенигова весьма растянуто и въ сущности не вводитъ читателя въ пониманіе основной темы. Есть въ разказѣ и отдѣльныя неудачныя мѣста: На стр. 5-й читаемъ неправильное сообщеніе, что въ XVII вѣкѣ стрѣльцовъ „пытались устроить и обучить на европейскій ладъ, но стрѣльцамъ это не нравилось, а потому ихъ обученіе не было успѣшно“. На стр. 6-й не менѣе странны слова, касающіяся регулярныхъ солдатъ XVII вѣка, что „изъ 20 человѣкъ едва одинъ умѣлъ владѣть оружіемъ“. На стр. 19-й замокъ Травендалъ превратился въ „Травендомъ“. На стр. 22-й объясняется, что „Карлъ XII нанесъ пораженіе саксонскимъ войскамъ“, а раньше не упоминалось объ участіи въ войнѣ Саксоніи или саксонскихъ войскъ.—Вторая брошюра г. Сенигова разказываетъ о жизни и подвигахъ любимаго русскаго богатыря Ильи Муромца. Все изложеніе построено на той мысли, что „глубокое уваженіе нашихъ предковъ, съ какимы они относились къ Ильѣ Муромцу, объясняется истинно-

христіанскимъ поведеніемъ... богатыря" (стр. 20). Эта мысль не нова и пущена въ оборотъ, если не ошибаемся, К. С. Аксаковымъ (Соч., т. I, изд. 1861 г., стр. 338, 385). Но у К. Аксакова это утвержденіе имѣетъ въ виду только опредѣлить общую основу міросозерцанія нашего былиннаго эпоса, основу несомнѣнно христіанскую. А г. Сениговъ желаетъ характеризовать Илью Муромца, какъ лицо, стоящее на высотѣ христіанской морали. Понятно, что такая характеристика не можетъ соответствовать дѣйствительнымъ чертамъ Ильи, какъ онъ рисуется въ былинахъ, и авторъ принужденъ обо многомъ, грубѣйшемъ въ поведеніи Ильи Муромца, умалчивать. Дѣятельность богатыря поэтому у г. Сенигова изображена односторонне и не полно, съ нѣкоторой идеализаціей. Встрѣчаются и частности не вполне удачныя. Нельзя, напримѣръ, удовлетвориться такими опредѣленіями: застава богатырская—„маленькая крѣпость" (стр. 3); пожня—„нива, вычищенная изъ-подъ лѣса" (стр. 9); расшива—„парусное судно" (а между тѣмъ его „тянуть бичевою"—стр. 13); „началь по сидущимъ (то-есть, *среди* непріятельскаго войска) погуливать" (стр. 12). Содержаніе былиннаго эпоса опредѣляется авторомъ тоже не совсѣмъ-то удачно (стр. 5): „въ былинахъ разсказывается главнымъ образомъ о событіяхъ, происходившихъ въ княженіе Владиміра Святаго, а также о нашествіи татаръ". Не производятъ хорошаго впечатлѣнія и дословныя позаимствованія у К. Аксакова безъ указанія на статью послѣдняго (Слич. у г. Сенигова стр. 13 и 19; у Аксакова—370 и 385).

Justus Perthes' TASCHEN-ATLAS. 29 Auflage. Vollständig neu bearbeitet von Hermann Habenicht. Mit geographisch-statistischen Notizen von H. Wichmann. Gotha 1893.—Justus Perthes' ATLAS ANTIQVVS. Taschen-Atlas der alten Welt von Dr. Alb. van Kampen. Gotha. 1893.—Громадный успѣхъ карманнаго географическаго атласа, который вышелъ въ нынѣшнемъ году 29-мъ изданіемъ, побудилъ Пертеса издать историческій атласъ въ томъ же форматѣ и духѣ. Въ настоящее время появились въ свѣтъ карманный атласъ древняго міра. Оба атласа по вѣщному изяществу не оставляютъ желать ничего лучшаго: удивительно тщательная и красивая гравировка, прекрасно подогнанныя краски, вѣрныя географическія очертанія, наконецъ, отличная бумага и изящный переплетъ—все это при первомъ взглядѣ на атласы располагаетъ въ ихъ пользу. Не смотря на свой дѣйствительно карманный форматъ (около 4 вершковъ въ длину и 2—въ ширину), оба атласа отличаются значительнымъ обиліемъ записанныхъ въ нихъ данныхъ. Такъ въ *Atlas antiquus* на 24 картахъ находимъ не менѣе 7000 именъ. Но эта полнота, дѣлая атласы прекраснымъ справочнымъ изданіемъ, имѣетъ свое неудобство: недостатокъ мѣста принудилъ большинство названій отгравировать чрезвычайно мелкимъ шрифтомъ, трудность чтенія котораго увеличивается еще тѣмъ, что на всѣхъ почти картахъ нанесены въ изобиліи горныя хребты, сильно затемняющіе карты; поэтому иногда для прочтенія той или иной надписи приходится прибѣгать къ лупѣ. Обращаясь къ *Atlas antiquus* въ частности, мы должны замѣтить, что подборъ картъ сдѣланъ, въ общемъ, весьма удачно. Неудобна только таблица 5—*Regna antiquissima Orientis*, гдѣ авторъ даетъ 8 границъ различныхъ государствъ въ различныя эпохи. Границы эти пересекаютъ одна другую и пересчитываются до такой степени, что ориентировка на картѣ становится довольно за-

труднительной. На этой же картѣ границы Ассирійской монархіи показаны доходящими до Инда, что врядъ-ли справедливо.—Удобство и пригодность географическаго атласа для заграничной публики доказывается самой его распространенностью. Поэтому мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями о немъ съ русской точки зрѣнія. Нельзя не сознаться, что въ русской своей части атласъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Такъ, онъ даетъ одну карту Европейской Россіи, и то въ масштабѣ очень маломъ—всего 1:20.000.000. Отдѣльной карты Азіатской Россіи совсѣмъ нѣтъ. Благодаря этому мы на картахъ не находимъ даже нѣкоторыхъ довольно значительныхъ городовъ, упомянутыхъ въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, которыя предпосланы атласу. О болѣе мелкихъ городахъ, конечно, и говорить нечего. Не обошлось дѣло и безъ пропусковъ и курьезовъ. Такъ, подробно указывая всѣ пароходства, совершающія рейсы вокругъ Азіи по Индійскому и Великому Океанамъ, авторъ совершенно игнорируетъ русскій добровольный флотъ. Затѣмъ пароходства по Ладожскому и Онежскому озерамъ неизвѣстно почему сочтены германскими (?). Сообщая статистическія свѣдѣнія о Россіи, авторъ дѣлитъ ее на Сѣверную, Центральную, Западную, Южную, Остзейскій край, Малороссію, царство Казанское и царство Астраханское. Не смотря на указанные недостатки, атласъ Пертеса представляють незамѣнимое справочное пособіе. Ихъ можно приобрести въ магазинѣ Щепанскаго (С.-Пб., Казанская, д. 8—10) по слѣдующей цѣнѣ: *Taschen-Atlas*—1 р. 40 к., *Atlas antiquus*—1 р. 50 к., безъ пересылки.

Сворникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань. 1892. Съ 35 таблицами и 11 снимками картъ.—Первая статья сборника, принадлежащая г. Малиновскому, выясняетъ задачи дѣятельности Петровскаго общества вообще. Это общество имѣетъ свою цѣль самое разностороннее научное изученіе Астраханскаго края, и г. Малиновскій пытается выяснитъ все обиліе матеріала, представляемаго Астраханскимъ краемъ для изслѣдованій въ историческомъ, этнографическомъ, археологическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Другая статья того-же автора разсуждаетъ объ Астраханскомъ кремлѣ, построенномъ по образцу Московскаго еще въ царствованіе Іоанна Грознаго. Въ настоящее время высказывается мнѣніе, что не стоитъ сохранять этотъ кремль, какъ предметъ не нужный и даже вредный въ гигиеническомъ отношеніи; разумѣется, авторъ держится противоположнаго взгляда. Выдающуюся работой въ сборникѣ представляется изслѣдованіе г. Житецкаго объ экономической жизни Астраханскихъ калмыковъ. Оно дѣлится на три части. Въ первой трактуется о природѣ калмыцкой степи, и вообще объ условіяхъ степной жизни этихъ инородцевъ. Во второй части указываются важнѣйшія отрасли калмыцкаго труда: прежде всего скотоводство и охота, затѣмъ сѣнокосеніе, табакководство, а также отхожіе промыслы—пастушескій и рыболовный. Въ третьей части г. Житецкій говоритъ о нищѣ калмыковъ. Въ общемъ, все изслѣдованіе г. Житецкаго объ Астраханскихъ калмыкахъ обращаетъ на себя вниманіе количествомъ собранныхъ матеріаловъ и обстоятельностью наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ. Замѣтка г. Хлѣбникова „о состояніи табакководства въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса Астраханской губерніи“ обращаетъ

вниманіе на то, что занятіе этимъ промысломъ, служа для калмыковъ переходной ступенью отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому, имѣетъ поэтому осязательное экономическое значеніе для всего края. Статьи гг. Никольскаго и Виноградскаго посвящены изученію явленій мѣстной природы, а трудъ г. Миллера посвященъ историко-географическимъ справкамъ—о названіяхъ и географическихъ картахъ Каспійскаго моря. Это море перемѣнило въ своемъ прошломъ до 30 названій, которымъ авторъ пытается дать историческія объясненія.

А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. Изданіе Харьковскаго губвѣнскаго статистическаго комитета. Харьковъ. 1893.—Г. Твердохлѣбовъ въ этомъ трудѣ даетъ любопытный очеркъ дѣятельности Ахтырскаго уѣзднаго училища. Въ первый періодъ существованія, съ 1790 по 1806 годъ, Ахтырское училище имѣло видъ такъ-называемаго малаго народнаго. Во второй періодъ, съ 1806 по 1834 годъ, училище преобразовалось въ уѣздное двухклассное; не лишено интереса, что въ эти годы, при недостаткѣ женскихъ школъ, въ немъ обучались и дѣвочки, хотя при этомъ не получали аттестатовъ объ окончаніи курса. Наконецъ, въ третій періодъ, съ 1834 года до настоящаго времени, Ахтырское уѣздное училище является трехкласснымъ. Авторъ останавливается преимущественно на характеристикѣ лицъ, дѣйствовавшихъ въ училищѣ, и особое вниманіе удѣляетъ одному изъ его смотрителей, Водяницкому, который, какъ хорошій преподаватель и начальникъ училища, пользовался большимъ уваженіемъ, не только въ средѣ педагогической, но и во всемъ мѣстномъ обществѣ. Водяницкій умѣлъ привлекать вниманіе общества къ дѣламъ училища и содѣйствовалъ болѣе тѣсному общенію среди своихъ сослуживцевъ. Это проявилось въ томъ, главнымъ образомъ, что смотритель и учителя разрабатывали доступные имъ вопросы изъ области мѣстнаго быта и природы. Число учившихся въ Ахтырскомъ училищѣ, по словамъ автора, опредѣлить трудно; но извѣстно, что многіе ученики училища переходили въ гимназію, а для такихъ открывался доступъ и въ университетъ. Изъ людей, выдвинувшихся, на примѣръ, на поприщѣ науки, профессора Бейеръ и Е. С. Гордѣенко получили свое первоначальное образованіе именно въ Ахтырскомъ училищѣ. Хотя училище за свое столѣтнее существованіе вынесло не мало и бѣдъ, испытывая часто недостатокъ какъ въ средствахъ матеріальныхъ, такъ и въ личномъ составѣ своихъ дѣятелей, однако оно всегда дѣйствовало и дѣйствуетъ съ несомнѣнною пользою, неизмѣнно служа благой задачѣ отечественнаго просвѣщенія.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Къ ЛІТЕРАТУРНОЙ ІСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ СБОРНИКОВЪ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. В. А. Яковлева. Одесса.

— БАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. (1544—1648). Томъ I: БОРЬБА ИЗЪ ЗА ЛИВОНІЮ. Изслѣдованіе Г. Форстена. С.-Пб. (Извлечено изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*).

— С. Буличъ. ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ въ СОВРЕМЕННОМЪ ЛІТЕРАТУРНОМЪ и НАРОДНОМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. Часть I. С.-Пб.

— Бумаги А. А. Краевского. Опись ихъ собранія, поступившаго въ 1889 году въ Императорскую Публичную Библиотеку. Составлена *Н. А. Бичковымъ*. С.-Пб.

— *N. Karčjev. CAUSES DE LA CHUTE DE LA POLOGNE. Deuxième édition. Vevey. 1894.*

— СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА *Древняя и Новая Россія*. 1875—1881. С.-Пб.

— ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1893 годъ, книга 3-я, томъ 166-й. Москва.—Содержаніе: Объявленіе о второмъ конкурсѣ на соисканіе премій Г. Ѳ. Карпова. I. МАТЕРІАЛЫ историческіе: 1.—Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. Сообщилъ дѣйствительный членъ *А. Н. Зерцаловъ*. I—IV+1—15. 2.—Матеріалы для исторіи Общества: 1) Письма О. М. Бодянского къ отцу 1821—1846 гг. и 2) Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому 1846—1848 гг. Съ предисловіемъ дѣйствительнаго члена *А. А. Титова*. I—X+1—88. II. МАТЕРІАЛЫ историко-литературныя. 1.—Сказаніе о построеніи обиденнаго храма въ Вологдѣ во избавленіе отъ смертоносныхъ язвъ. I—21. III. Исслѣдованія. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Исслѣдованіе *Василія Васильева*. I—VIII+1—256. 2.—Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства во времена изданія 1-го Литовскаго статута. Очеркъ 3-й: Составъ общества въ повѣтахъ наместниковъ-державцовъ и должностная дѣятельность сихъ послѣднихъ. Исслѣдованіе *М. К. Любаскаго*. 297—764. IV. Симв. 1.—Къ исторіи Московскаго мятежа 1648 г. Сообщилъ *А. Н. Зерцаловъ*. 1—12. 2. Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска П. Т. Савелова. Сообщилъ *Л. М. Савеловъ*. 13. 3.—О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г. Сообщилъ онъ же. 14—15.

— Синодикъ въ недѣлю православія. Сводный текстъ съ приложеніями. Ѳ. Успенскаго. Одесса.

— ИЗВѢСТІИ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Томъ LXXI. Труды Антропологическаго отдѣла. Томъ XIII. *А. А. Ивановскій*. Монголы-торгоуты. М. 1893.

— *А. Гардифф. Основы исторической критики (NOTIONS ÉLÉMENTAIRES DE CRITIQUE HISTORIQUE)*. Перевелъ съ французскаго *М. Агеевъ*. Воронежъ.

— *М. Халанскій*. Южнославянскія сказанія о Кракевичѣ Маркѣ. I. Варшава.

— Профессоръ Слутинновъ и „Электромагнитная теорія свѣта“ *Д. А. Гольдшаммера*. Казань.

— СТРАНИЦА изъ исторіи народнаго образованія въ Куванско й области *А. Ѳ. Селивановъ*. (Извлечено изъ газеты *Школьное Обозрѣніе*) С.-Пб.

— ЗАПИСКИ о преподаваніи отечественнаго языка и словесности. Сводъ мнѣній о преподаваніи языка и словесности и разборъ учебниковъ и пособій. Составилъ *В. Федоровъ*. Мариуполь.

— *Гедоръ Штерк*. МЕТАФИЗИКА міровыхъ процессовъ. Основы. С.-Пб.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ И ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ ¹⁾.

III.

„У Буслава долго не было дѣтей. Стоснулся Буславъ, сядилъ на бѣль-горючъ камень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище. Объявилась ему бабища матерая и говорила таковы слова: „Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичъ! не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-ка къ Авдотѣ Васильевны, бери за груди за бѣлья,.... заигрывай. Понесетъ она дѣтище любимое, сильнаго могучаго богатыря“ (*Рибниковъ*, I, стр. 335).

Этотъ вступительный разказъ былины о Васильѣ Буслаевичѣ имѣетъ видъ неяснаго, полузабытаго отрывка. Разказъ намекаетъ на какой-то запретъ, нарушенный Буславомъ, на какое-то особенное, вѣщее значеніе „бабища матерой“, но эти намеки оставались, очевидно, темными и загадочными для мысли пѣвца, забывшаго полное очертаніе древняго преданія. Первые строки былины, которыя, повидному, должны были объяснить слѣдующее за ними повѣствованіе о Васильѣ, оказываются такимъ образомъ полустертыми, на половину оборванными. Есть, однако, возможность разглядѣть въ этихъ испорченныхъ временахъ строкахъ кое-какія подробности, повторяющіяся въ другихъ, полнѣе сохранившихся памятникахъ. Путемъ сопоставленія такихъ подробностей можно, если не вполне возстановить полузабытый разказъ, то, по крайней мѣрѣ, угадать его общій смыслъ.

Кн. Курбскій въ началѣ своей „Исторіи князя великаго московскаго“ разказываетъ о разводѣ Василья Ивановича съ Соломоніей и

¹⁾ *Продолженіе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 годъ.

о женитьбѣ его на Еленѣ Глинской. Второй бракъ Василья, заключенный при жизни первой жены, изображается, какъ дѣло преступное и нечестивое: „Князь великій Василій московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божіа дѣломъ своимъ и сіе приложилъ:... живши со женою своею первою, Соломонидою, двадцать и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество не хотящу и не мыслящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащъ, и затворити казаль ребро свое въ темницу, зѣло нужную и уныніа исполненную, сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ собѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ не токмо мнихомъ, но и сигклятомъ его“. И не напрасно, какъ оказалось, смущались святые люди нечестивымъ бракомъ. Беззаконіе не прошло безслѣдно: оно дало страшный плодъ. „Тогда зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и *родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость*“. Далѣе, въ главѣ шестой, Курбскій снова возвращается къ браку Василья съ Еленой и передаетъ при этомъ такіа подробности: „Василій со оною предреченною законопреступною женою, юною сущюю, самъ *старъ будучи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію*... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы.... и оттуду провожаху ихъ къ нему лехущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ, *по произволенію презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродилися ему два сына*: единъ таковой прелютый, и кровопійца, и погубитель отечества, иже не токмо въ Русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но во истину нигдѣ же никогда же мяю;.... а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, такожь, аки дивы якой, родилсѣ¹⁾“.

Московскій князь Василій и новгородецъ Буславъ одинаково томятся отсутствіемъ потомства. Чтобы помочь горю, князь обращается къ чародѣямъ. Новгородецъ спрашиваетъ совѣта у бабищи матерой. роль которой такимъ образомъ выясняется: бабища принадлежитъ очевидно, къ числу такихъ же вѣщихъ людей, какъ и тѣ чаровники, которыхъ искалъ Василій Ивановичъ, „да помогутъ ему ко плодотворенію“. При помощи ворожбы исполняется желаніе бездѣтныхъ стариковъ. Какъ плодъ чародѣйства, рождается въ Москвѣ жестокій

¹⁾ Сказанія князя Курбскаю, стр. 4—5, 88—89 (по 3 изд.).

Иванъ Васильевичъ, въ Новгородѣ буйный Василій Буслаевичъ. Еще ранѣе подобное же вліяніе волхвованія замѣчено было въ Полоцкѣ. Въ древней лѣтописи подъ 6552 (1044) годомъ находимъ такую замѣтку о полоцкомъ князѣ Всеславѣ: „В сеже лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславъ, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, *сего же роди мати отъ волхвованья*,—матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навязи нанъ, да носить е до живота своего“, еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ,—*сего ради не милостию есть на крове пролитъ*“¹⁾.

Говоря о задаткахъ лютости царя Ивана въ самомъ его рожденіи, Курбскій является выразителемъ мнѣнія, распространеннаго въ древнюю пору, когда искали объясненія людскихъ характеровъ и дѣлъ въ воздѣйствіи высшихъ таинственныхъ причинъ. „Родилася въ за-

¹⁾ Лѣтописи по Лаврентіевскому списку, стр. 151. Выраженіе: „се язвено навязи нанъ“, вѣрно объяснилъ г. Халанскій: „Язвено едва ли здѣсь значить „язвина“ (Карамзинъ, Исторія; Иловайскій, Исторія Россіи. I, 111)... Церковно-славянское язвенокъ, язвено, изъно—дѣрма, дѣрмата, corium (Miklovich, Востокъ: Церковно-слав. слов.); стало быть, *язвено на главѣ*—родимое, напоминающее пѣшедокое helm или haube или польск. czerpek—w czerpku się rodzić“ (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1892, № 1, стр. 138). Значеніе „сорочки“ (pileus naturalis) какъ амулета, извѣстное у многихъ народовъ, удерживалось у насъ до поздняго времени. „Вышедшій изъ утробы младенецъ въ сорочкѣ,—писалъ Чулковъ,—почитается отъ простолюдиновъ весьма щастливымъ, отъ чего и произошла пословица: въ сорочкѣ родился. Сію сорочку сымая владуть въ маленькій кошелечекъ или мошоночку и привязываютъ на шнурокъ младенцу, на которомъ обыкновенно носятъ крестъ, которая мошонка называется ладонкою, вѣря, что щастіе отъ того младенца въ присутствіи оной сорочки никогда уже не отойдетъ“ (Абелега русскихъ суевѣрій, стр. 295; ср. стр. 229—230). Относительно повѣрій, связываемыхъ съ сорочкой, см. Grimm, D. Mythologie, II, 728—729, III, 265, по 4 изд.; Plova, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, I, 12—15, по 2 изд.; Аванаскѣвъ, Поэт. воззрѣнія славянъ на природу, III, 360—361; Потебня, О Доляхъ и сродныхъ съ нею существахъ въ Труднохъ Московскаго Археологическаго Общества II, 20; Веселовскій, Разысканія въ области русск. духъ стиха, вып. V, гл. XIII, 174—175; Сумцовъ, Культурныя переживанія, гл. 78, 176—178. Въ запасѣ этихъ повѣрій о сорочкѣ мы не найдемъ основаній для того, чтобы выраженіе: „сего ради немилостию есть на крове пролитъ“, поставитъ въ связь съ предшествующимъ предположеніемъ: „матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ“; то обстоятельство, что Всеславъ родился въ сорочкѣ, не объясняетъ его кровожадности. Замѣчаніе объ „язвѣнѣ“ имѣетъ, очевидно, значеніе вводнаго предположенія; слова же: „сего ради немилостию есть“... нужно поставить въ связь съ первымъ предположеніемъ: „роди мати отъ волхвованья“.

конопреступленію и во сладострастію лютость“.... Хорошія дѣти—Божія награда за цѣломудріе, за добрую, благочестивую жизнь. Нечестіе и невоздержность находятъ себѣ выраженіе и казнь въ дурномъ, зломъ и развратномъ потомствѣ. Злые люди—плодъ грѣха, преступнаго увлеченія, нарушенія Божіихъ заповѣдей. „Многы жены,—читаемъ въ старинномъ поученіи,—не любовно с мужьми своими живуще, нъ ревнощами и свары и *многими чарамы*, и непокориви мужемъ своимъ суще. Того ради проказньство на ражающаеся дѣти приносятъ. По сему бо извѣстно ны есть велми, яко испрѣва Канинъ бѣ по преступленіи Божии заповѣди зачатъ; Авель же плодъ бысть послушанія и чядо покоренія в заповѣдехъ Божіихъ. Тако бо и нынѣ же в бестрашіи Божіи пребываютъ и не творяще воля его, безъ закона живуще, того дѣля проказньство на пороженіе свое приводятъ. *по преслушаніи бо заповѣди Божіа аще ся зачнетъ младенецъ, та нсть добра в немъ*“¹⁾. Не ограничиваясь такими общими соображеніями, древняя мысль охотно останавливалась на ближайшихъ обстоятельствахъ человѣческаго зачатія. „Аще смесится кто с женою в пятницу и в субботу и в недѣлю, да аще зачнетъ, и будетъ тать. или разбойникъ, или блудникъ“²⁾. Такъ сказано въ „Заповѣди святыхъ отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“. Подобный же запретъ и подобная же угроза повторяются въ пересказахъ стиха о двѣнадцати пятницахъ:

Кто эти пятницы не станетъ постить
И постомъ и молитвами,
Ежели во-въ тѣ пятницы
Мужъ женѣ прилеженъ будетъ,
Зародится отъ нихъ дѣтище недоброе,
Либо воръ, либо лгутъ, либо пьяница,
Клеветникъ, еретникъ, или душамъ пагубникъ³⁾.

Нагляднымъ выраженіемъ этихъ указаній на день зачатія можетъ слу-

¹⁾ А. С. Архамельскій, Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, IV (Творенія І. Златоустаго въ древне-русскихъ Измарагдахъ), стр. 189—190.

²⁾ *Тихонравова*, Памятники отреченной русской литературы, II, 302—303, 312. Давняя извѣстность у насъ этой суевѣрной заповѣди подтверждается Вопросаніями Кирика, который говоритъ: „Прочтохъ же ему (еп. Нифонту) изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ лежить чловѣкъ, а зачнетъ дѣтя“, и т. д. „А ты книги родятися съжечи“, отвѣчалъ чуждый суевѣрія епископъ (*Калайдовичъ*, Памятники русс. словесности XII вѣка, стр. 188—189).

³⁾ *Безсоновъ*, Калѣки переходже, вын. VI, стр. 131.

жить ново-греческое повѣрье о каликантсарахъ (*καλικάνταροι*), страшныхъ существахъ, появляющихся во время святокъ. По представленію, удержавшемуся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Хіосъ, Закинѣ), каликантсары—люди, родившіеся на 25-е декабря или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Рождественской недѣли (до 1-го января). „Ein solcher Mensch,—говоритъ B. Schmidt,—ist nämlich nach des Volkes naivem Wahn genau neun Monate vorher, an Maria Verkündigung (*Εὐαγγέλιον: τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου*, 25 März) gezeugt worden, und man hält es für eine Ungeheuerlichkeit, dass ein sündhaftes Weib zu derselben Zeit empfangen und gebäre, zu welcher die jungfräulich reine Gottesmutter empfangen und geboren hat“. Въ наказаніе за невоздержность отца и матери родившійся въ концѣ декабря дѣлается на время святокъ злымъ и кровожаднымъ оборотнемъ, который нападаетъ на людей, впивается въ тѣло, рветъ его зубами и когтями. Особенно опасны каликантсары для дѣтей. Подобное же повѣрье извѣстно и на Руси: на Благовѣщенье, по мнѣнію галичанъ, зарождаются вѣдьмы и упыри ¹⁾).

Чаровниковъ, помогавшихъ Василью Ивановичу „ко плодотворенію“. Курбскій называетъ „совѣтниками сатанинскими“. „Чары,—говоритъ далѣе этотъ писатель,—яко всѣмъ есть вѣдомо, безъ отверженія Божія и безъ согласія со діаволомъ не бывають“ ²⁾). Такимъ образомъ помощь чародѣевъ ко плодотворенію сводится къ воздѣйствію на человѣческое рожденіе духа тьмы, высшей, но злой силы. Для обнаруженія этой силы чародѣяніе было лишь однимъ изъ средствъ. Воздѣйствіе духа тьмы могло выражаться и болѣе открыто, безъ посредства волхвовъ и волшебницъ. Средневѣковое повѣрье помнило древне-миеологическія представленія объ инкубахъ и суккубахъ ³⁾), о сношеніяхъ людей съ демонами, о зачатіи отъ змѣи и дракона ⁴⁾).

¹⁾ B. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen, I, 145—146. *Λεωκάνταροι*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, 471. Этихъ значеніемъ Благовѣщенія, какъ дня воздержанія по преимуществу, объясняется, почему въ разказѣ объ отношеніяхъ Чурилы къ женѣ Бермяты былина отиѣчаетъ день ихъ свиданія: „Наканунѣ было праздниа Христова дня, честнова Христова Благовѣщенья“ (*Рыбикомъ*, II, стр. 125, 124, III, стр. 136; *Гильфердинъ*, ст. 1065 1142, 1312). Это обстоятельство придаетъ волокитству Чурилы значеніе нечестія неуваженія къ святой праздничной ночи.

²⁾ L. c., 89.

³⁾ Сводъ извѣстій о древне-римскихъ инкубахъ см. въ Preller's Römische Mythologie, 337 (2 Aufl.).

⁴⁾ Указанія на повѣрья о змѣяхъ-насмѣльникахъ будутъ приведены ниже, въ гл. VII.

Эти стародавнія представленія прилаживались къ новымъ вѣрованіямъ, при чемъ инкубы и змѣи сливались съ образами дьявола и аггеловъ его ¹⁾. Въ апокрифныхъ Дѣянїяхъ апостола Θомы разказывается о женщинѣ, къ которой привязался демонъ, посѣщавшій свою любимицу по ночамъ. Связь эта, тянувшаяся пять лѣтъ, истомила бѣдную женщину. Молитва святаго апостола избавила ее отъ ласкъ нечистаго ²⁾. Въ ряду сочиненій плодovitаго византїйскаго писателя Михаила Пселла есть небольшой трактатъ о демонахъ: Περί ἐνεργείας δαιμόνων. Трактатъ этотъ изложенъ въ формѣ разговора двухъ лицъ, именуемыхъ: Τυρόθεος и Θράξ. Послѣдній, ссылаясь на какого-то монаха Марка, опытнаго въ распознаванїи злыхъ духовъ, говоритъ, что есть демоны любострастные, способные къ плодотворенію: Πολλὰ γοῦν οὗτος εἶπα καὶ ἐπεσφύρειν ἄτοπα καὶ δαιμόνια. Καὶ ποτέ μου πυθόμενου αἱ τινὲς εἰσι δαίμονες ἐμπαθεῖς. „καὶ μάλα, ἥ δ' ὅς· ὥστε καὶ σπέρμαίνειν τούτων, ἐνίοις καὶ σφάλῃας ἀπογεννᾶσθαι τοῖς σπέρμασιν“. Такіе демоны возбуждаютъ и въ людяхъ плотскія вожделѣнія: Ἐνίοτε δὲ καὶ τὰ ἐν ἡμῖν ὑπογάστρια γαργалиσμοῖς ἐρεθίζοντες εἰς ἐμμανεῖς καὶ παρανόμους ἔρωςτας ὑποπλήγους καὶ μάλιστα ἤν γε καὶ τὰς ἐν ἡμῖν ἐνδέρμους ὑγρότητας λάβωσι συνεργούς ³⁾.

Подобныя же свидѣтельства можно отыскать и въ памятникахъ западно-европейской письменности. Въ „Бесѣдѣ о чудесахъ“ (Dialogus miraculorum) Caesarii Heisterbacensis находимъ разказы: De virgine, quam daemon in specie viri procabatur (dist. III, cap. VI); De miraculis sancti Bernardi abbatis, qui incubum daemonem a muliere

¹⁾ Обширный запасъ извѣстій и разсужденій о сношенїяхъ людей съ демонами можно найдти въ сочиненїи *Mart. del Río: Disquisitionum magicarum libri sex* (1612). На вопросъ: An sint unquam daemones incubi et succubae et an ex tali congressu proles nasci queat?—авторъ отвѣчаетъ положенїями: 1) Solent malefici et Lamiae cum daemonibus, illi quidem succubis, hae vero incubis actum Venereum exercere; 2) Potest etiam ex hujusmodi concubitu daemonis incubi proles nasci; 3) Attamen daemones nequeant vi sua et ex propria substantia more animantium generare и т. д. (lib. II, quaestio XV) Разсмотрѣнїемъ среднихъ вѣковыхъ представленій о демонахъ занимались *Roskoff* (*Geschichte des Teufels*, см. Bd. I, Ss. 297 fg.), *Dreyer* (*Der Teufel in der deutschen Dichtung des Mittelalters*), *Graf* (*Naturgeschichte des Teufels*, см. гл. VII) и др. На русскомъ языкѣ есть статья *Зотова*, Документ. исторїя черта (*Историч. Вѣстникъ*, 1884, т. XV). Ср. *Суминовъ*, „Культурныя переживанїя“, гл. 125, стр. 276—281.

²⁾ *Lipsius*. Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. I, 257—258.

³⁾ Ψάλλος. M. Psellus de operatione daemonum cum notis Gaulmini, cur. T. Fr. Boissonade (1838), pp. 15, 19.

fugavit (cap. VII); De filia Arnoldis sacerdotis, quam daemon corripuit (cap. VIII); De muliere in Briseke, quae moriens confessa est, se sex annis cum daemone incubo peccasse (cap. IX), и др. „Cremetum humanum.—объясняеть Цезарій,—quod contra naturam funditur, daemones colligunt et ex eo sibi corpora, in quibus tangi viderique ab hominibus possint, assumunt: de masculino vero masculina et de feminino feminina. Sicque dicunt magistri in his, qui de eis nascuntur. veritatem esse humanae naturae, eosque in iudicio, ut vere homines, resurgere“¹⁾).

Послѣдняя замѣтка помѣщена Цезаріемъ въ концѣ главы, имѣющей заглавіе: Exemplum de Hunts et de Merlino et quod in filiis incuborum sit veritas humanae naturae (cap. XII). Мерлинъ, propheta Britannorum, и воинственные гунны (fortissima gens Hunorum) служатъ такимъ образомъ доказательствомъ, что не только возможна связь демоновъ съ представительницами человѣческаго рода, но возможно и появленіе плодовъ этой связи. Послѣ сошествія І. Христа въ адъ, разсказывается въ романѣ о Мерлинѣ, духи тмы, пораженные разгромомъ своей вѣковой твердыни, задумали отыскать какое нибудь средство возстановить свою власть надъ людьми. На общемъ совѣщаніи, состоявшемся по этому поводу, одинъ изъ бѣсовъ вызвался помочь адской бѣдѣ. Онъ вступаетъ въ связь съ непорочною дѣвой, воспользовавшись ея оплошностью: она забыла перекреститься на сонъ грядущій и такимъ образомъ сдѣлала возможнымъ приближеніе нечистаго. Царство тмы надѣется, что сынъ демона разрушитъ среди людей то, что сдѣлано сыномъ Божиимъ. Надежды эти, однако, не сбылись. Родившійся отъ демона Мерлинъ вышелъ въ мать, а не въ отца: доброе начало побѣдило злое. Отъ отца Мерлинъ наслѣдовалъ только знаніе прошлаго; Господь даровалъ ему и знаніе будущаго²⁾).

То, что не удалось аду въ былое время, исполнится въ концѣ вѣковъ, когда духъ зла явится въ образѣ человѣческомъ и утвердить, хотя и не надолго, свою власть надъ людьми. Посланецъ ада, имѣющій явиться передъ послѣднимъ днемъ міра, — антихристъ. Мнѣнія свѣдущихъ людей о томъ, какъ именно родится

¹⁾ *Caesarii Heisterbacensis Dialogus miraculorum, recogn. Ios. Strange (1851), pp. 116—120, 120, 121, 121—122, 124—125.*

²⁾ *Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныхъ легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, стр. 204, 316.*

противникъ Христа. не одинаковы. *Nascetur autem ex copulatione patris et matris sicut alii homines. non ut aliqui dicunt de sola virgine, sed tamen totus in peccato concipitur (l. concipietur), in peccato generabitur et in peccato nascitur (l. nascetur). In ipso autem conceptionis suae initio diabolus simul introibit in uterum matris ejus et ex virtute diaboli confovebitur et contutabitur in ventre matris et virtus diaboli semper cum illo erit* ¹⁾). Упомянутое въ этомъ отрывкѣ мнѣніе, будто антихристъ родится отъ дѣвицы, встрѣчается, между прочимъ, въ старо-славянскомъ переводѣ передѣланнаго слова св. Иполита объ антихристѣ: „діаволь отъ скверныя жены изыдетъ на землю, родится же по привидѣнію отъ дѣвцы“ ²⁾).

Антихристъ, воплотившійся дьяволъ, явится лишь завершителемъ долгой и непрерывной работы духа тьмы надъ развращеніемъ чело-вѣческаго рода. Попытки сатаны передать свою природу людямъ обнаруживались не разъ. Отъ времени до времени появлялись люди. въ характерѣ и дѣятельности которыхъ замѣчались черты, указывавшія на ихъ демоническое происхожденіе. Таковъ императоръ Юстиніанъ, какъ его изображаетъ Прокопій въ своихъ *‘Ανέκδοτα* ³⁾). „Юстиніанъ, еще въ молодыхъ годахъ захватившій въ свои руки власть, сталъ виновникомъ бѣдствій для римлянъ; о такихъ бѣдствіяхъ, о такомъ ихъ множествѣ не слыхано во всѣ предшествующіе вѣка. Онъ не задумываясь отнималъ у однихъ жизнь, у другихъ—имущество; для него ничего не значило погубить тысячи людей, не уличенныхъ ни въ какомъ преступленіи“ ⁴⁾). Прокопій сравниваетъ Юстиніана съ заразительной болѣзью; но отъ заразы,—прибавляетъ исто-

¹⁾ *Haupt's Zeitschrift f. d. Alterthum*, X (1856), 266 — 267 (De Antichristo quomodo nasci debeat).

²⁾ *Срезневскій*, Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ (1874), стр. 106.

³⁾ Подробный пересказъ содержанія, переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ и историческую оцѣнку этого сочиненія Прокопія см. въ книгѣ *Куръанова*: Отношенія между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи, стр. 347 и слѣд.

⁴⁾ *‘Ιουστινιανός* : νέος ὢν ἐπὶ διώκειτο τὴν ἀρχὴν ζύμπασαν καὶ γέγονε Ῥωμαίος συμφορῶν αἴτιος, οἷας τε καὶ θάσας ἐς τὸν ἅπαντα αἰῶνα οὐδεὶς που πρότερον ἄκοῦ ἔλαβεν. Ἐς τε γάρ ἀνθρώπων ἀδικον φόνον καὶ χρημάτων ἀρπαγὴν ἀλλοτρίων ῥῆστα ἔχωρει, καὶ οὐδὲν ἦν αὐτῷ μυριάδας πολλὰς ἀνθρώπων ἀφινισθῆναι, καίπερ αὐτῷ αἰτίαν οὐδεμίαν παρὰχομένῃν (*Procopius* ex recensione G. Dindorfii, vol. III, p. 45).

рикъ,—многіе спаслись; Юстиніанъ не щадилъ никого ¹⁾. „Природа, казалось, собрала отъ разныхъ людей ихъ пороки и вложила ихъ въ душу этого человѣка“ ²⁾. Жестокость Юстиніана, его преступныя наклонности объясняются обстоятельствами его рожденія. „Мать Юстиніана признавалась, что онъ не былъ сынъ ея мужа Савватія или другаго какого нибудь человѣка. Передъ зачатіемъ (сына) постигала ее демонъ, котораго она не видѣла, но присутствіе котораго ощущала. Демонъ сходился съ ней, какъ мужъ съ женой, и потомъ исчезалъ, какъ сонъ“ ³⁾.

Нечеловѣческая природа Юстиніана обнаруживалась иногда съ полной ясностью. Какой-то святой монахъ, приведенный къ Юстиніану, въ ужасѣ бѣжалъ, увидѣвъ, что на тронѣ сидитъ демонъ ⁴⁾. „Что онъ былъ не человѣкъ. — замѣчаетъ еще Прокопій,—а демонъ въ образѣ человѣческомъ. это засвидѣтельствуетъ каждый, кто только обратитъ вниманіе на множество зла, сдѣланнаго имъ людямъ. Въ чрезвѣчности сдѣланнаго обнаруживается сила сдѣлавшаго. Мнѣ кажется, что никто, кромѣ Бога, не могъ бы опредѣлить число погубленныхъ Юстиніаномъ. Легче, думаю, сосчитать весь песокъ, чѣмъ множество жертвъ этого царя“ ⁵⁾.

¹⁾ Τὸν μὲν οὖν λοιμὸν, ὥσπερ μοι ἐν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις ἐρρήθη, καίπερ ἐπισκῆψαντα εἰς τὴν γῆν ἐμπάσαν, διέφυγον ἄνθρωποι οὐχ ἡσούς ἢ ὅσοις διαφθάρῃαι τετύχηκεν, ἢ οὐδαμῇ τῇ νόσῳ ἀλόντες ἢ ὑγιαζόμενοι, ἐπεὶδὴ σφισιν ἀλώνα ξυνέβη· ἄνδρα δὲ τοῦτον διαφυγεῖν ἀνθρώπῳ γε ὄντι τῶν πάντων Ῥωμαίων οὐδενὶ ξυνηγέθη, ἄλλ' ὥσπερ τι ἄλλο ἐξ οὐρανοῦ πάθος ὄλῳ τῷ γενεῖ ἐπεισπεσὼν ἀνέπαφον οὐδένα παντελῶς εἶσε (ibid., 45—46).

²⁾ Πᾶσαν ἢ φύσις ἐδόκει τὴν κακοτροπίαν ἀφελομένη τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους· ἐν τῇ τοῦδε τοῦ ἀνδρὸς καταθέσθαι ψυχῇ (ibid., 57).

³⁾ Λέγουσι δὲ αὐτοῦ καὶ τὴν μητέρα φῖναι τῶν ἐπιτηδείων τισιν ὡς οὐ Σαρβατίου τοῦ αὐτῆς ἀνδρὸς οὐδὲ ἀνθρώπων τινὸς υἱὸς εἶναι· ἦνιχα γὰρ αὐτὸν κόκιν ἐμείλιν, ἐπιφοιτᾷ αὐτῇ δαιμόνιον οὐχ ὀρώμενον, ἀλλ' αἰσθησέν τινα ὅτι δὴ πάρεστιν αὐτῇ παρὰ τὸν, ἅτε ἄνδρα γυναικὶ πλησιάζοντα, καθάπερ ἐν ὀνείφῳ ἀφανισθῆναι (ibid., 80). Нѣтъ подобнаго разсказывали о патриархѣ Фотіѣ его враги (Исавиоуъ—Платоноуъ, Къ насцѣдowanіямъ о Фотіѣ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1892, маѣ, стр. 2).

⁴⁾ Φάναί λέγουσιν αὐτὸν ἀντακρῶς ὡς τῶν δαιμόνων τὸν ἀρχόντα ἐν τῷ παλάτιῳ ἰ τοῦ θρόνου καθήμενον ἰδοι (p. 81).

⁵⁾ Ὅτι δὲ οὐκ ἄνθρωπος, ἀλλὰ δαίμων τις, ὥσπερ εἴρηται, ἀνθρωπόμορφος ἦν, τεκμηριώσῃ το ἄν τις τῷ μεγέθει σταθμώμενος ὡς εἰς τοὺς ἀνθρώπους κακῶν ἐδρασεν, ἐν γὰρ τῷ ὑπερβάλλοντι τῶν πεπραγμένων καὶ ἡ τοῦ δεδραχότος δύναμις εὐδελος γίνεται, τὸ μὲν οὖν μέτρον ἐς τὸ ἀκριβές· τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἀνηρημένων εἰπεῖν οὐκ ἂν ποτέ μοι δοκεῖ τῶν πάντων τινὶ ἢ τῷ θεῷ δυνατόν εἶναι. Θάσσον γάρ τις, οἶμαι, τὴν πᾶσαν ψάμμον ἐξαριθμῆσαιεν ἢ ὅσους βασιλεὺς οὕτως ἀνήρκεα (p. 106).

Похожъ былъ на Юстиніана падуанскій правитель Эццелино. Мать его призналась, что зачала своихъ дѣтей, Ezzelino и Alberico, отъ демона. Узнавъ объ этомъ, Эццелино заявляетъ, что постарается стать достойнымъ сыномъ своего отца. Добившись власти, онъ пользуется ею только для проявленія своей беспощадной жестокости; Альберикъ помогаетъ кровожадному брату. Но демонское отродье ждалъ печальный конецъ. Потерпѣвъ пораженіе въ битвѣ, Эццелино умираетъ въ отчаяніи; вскорѣ погибъ и его братъ ¹⁾).

По народному повѣрью дѣти, родившіяся отъ демона, бываютъ обыкновенно безобразны, обжорливы, капризны, злы ²⁾). Припомнимъ при этомъ старо-русскую новѣсть о бѣсповатой женѣ Соломоніи, къ которой повадились ходить „окаяннии демони“. Явились и дѣти демонскія: „и зача... в утробѣ и носила ихъ *полтора юда*“. По истеченіи этого срока, „прииде къ ней отъ тѣхъ темнотныхъ демоновъ жена, и нача с нею водитися; и роди ихъ шесть, а *видѣнемъ они сини*, и взя ихъ та жена, что съ нею водилась, и унесе изъ храмины подъ мостъ. Отецъ же ея прииде въ домъ со всѣми домашними и начаша ясти, и они темнотныхъ демони, которые родились, вставше изъ-подъ моста, *каменіемъ начаша метати и землю бросати*“. Много страдала отъ бѣсенятъ и мать, „*понеже ссаху ея за сосцы, яко змии лютии*“ ³⁾).

Одно изъ преданій, развившихся на почвѣ представленій „о демоническихъ натурахъ“, получило въ средніе вѣка литературную обработку и пользовалось значительной извѣстностью среди читателей стараго времени. Въ преданіи этомъ выступаетъ передъ нами Робертъ, по прозванію дьяволъ, герцогъ нормандскій, въ чертахъ котораго нельзя не замѣтить несомнѣннаго сходства съ нашимъ Васильемъ Буслаевичемъ.

Для того, чтобы это сходство не затерялось среди неодинаково передаваемыхъ подробностей бытины, припомнимъ здѣсь ея общее очертаніе.

Буславъ и Мамелѣа—бездѣтная чета, томящаяся желаніемъ увидѣть у себя чадо милое. Чадо рождается, подобно Всеславу Полоцкому, „отъ волхвованія“. Вскорѣ затѣмъ Буславъ умираетъ.

¹⁾ Graf, op. cit., 203—204.

²⁾ Суммоу, Культурныя переживанія, стр. 278.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, I, 153—154.

Когда Василью исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его учиться книжной мудрости. Мальчикъ выказываетъ счастливыя дарованія, дѣлается прекраснымъ грамотѣемъ и пѣвцомъ. (Сказка *Сахарова* замѣчаетъ, напротивъ, что „грамота и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло“). Вѣстѣ съ блестящими способностями рано сталъ обнаруживать Василій иныя непривлекательныя черты своей природы:

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
 Сталъ онъ на улицѣ похаживать,
 Со робятами шутки пошучивать:
 Кого за ногу, нога-то прочь,
 Кого за руку, рука-то прочь.

Злой и буйный нравъ Василья дѣлаетъ его опаснымъ для окружающихъ. Появляется Василій на какомъ-то новгородскомъ праздникѣ (братчина, пиръ у князя), праздникъ оканчивается бѣдой. Затѣвается кулачный бой; при участіи Василья потѣха превращается въ кровавое побоище. Встрѣчается Васька съ старцемъ-паллигримомъ, своимъ крестнымъ отцомъ и наставникомъ; тотъ пытается образумить буяна и платится за это жизнью.

Окруживъ себя шайкой отчаянныхъ головорѣзовъ (одинъ изъ пересказовъ указываетъ при этомъ возрастъ Василья: 18-ти лѣтъ), сынъ Буслава разбойничаетъ не только въ Новгородѣ, но и далеко за его предѣлами. Его знаютъ „казаки-разбойники“, стоявшіе на заставѣ корабельной въ устьѣ Волги.

Подъ вліяніемъ какого-то потрясенія душевное настроеніе Василья мѣняется. Въ разбойникѣ пробуждается совѣсть. Онъ задумываетъ покаяться, „душу спасти“, и съ этою мыслью отправляется въ Іерусалимъ градъ. Въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ, разказывающихъ о путешествіи Василья въ Святую Землю, былина оканчивается извѣстіемъ о преждевременной смерти новгородскаго удальца послѣ неудачнаго прыжка черезъ какой-то камень. Но есть основаніе утверждать, что существовалъ изводъ былины съ инымъ окончаніемъ. Въ этомъ древнемъ изводѣ не было рѣчи о безвременной смерти удальца; говорилось, напротивъ, какъ Василій сталъ уважаемымъ новгородскимъ гражданиномъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ посадникомъ. Приуроченіе извѣтія о Васильѣ къ году осады Новгорода суздальскими войсками даетъ поводъ къ догадкѣ, что древняя былина разказывала о какомъ-то участіи Василья въ защитѣ роднаго города отъ наступающихъ враговъ.

Возвратимся къ западному родственнику Василья Буслаевича. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ извѣстно въ нѣсколькихъ пересказахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ къ XIII вѣку ¹⁾. Этому именно столѣтію принадлежать: а) небольшой прозаическій разказъ, написанный по-латыни доминиканскимъ монахомъ Стефаномъ (Etienne de Bourbon) ²⁾; б) французскій романъ въ стихахъ (*li Romans de Robert le Diable* или *li livres de Robbert le Deable*) ³⁾; в) нормандская хроника (*Les croniques de Normendie*), въ составъ которой вошла повѣсть о Робертѣ ⁴⁾. Въ XIV вѣкѣ появились: г) сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ (*le Dit de Robert le Deable*), написанное въ четырехстрочныхъ строфахъ ⁵⁾, и д) драматическая обработка преданія о Робертѣ: *Miracle de Nostre Dame de Robert le Diable* ⁶⁾. Въ XV вѣкѣ стала извѣстна прозаическая передѣлка преданій о Робертѣ:

¹⁾ Обзорѣніе пересказовъ саги о Робертѣ, а также изслѣдованіе о составѣ саги см. въ книгѣ *K. Breul*'я: *Sir Gowther. Eine engliche Romanze aus dem XV Jahrhundert, kritisch herausgegeben nebst einer litterarhistorischen Untersuchung über ihre Quelle sowie den gesamten ihr verwandten Sagen-und Legenden-Kreis mit Zugrundelegung der Sage von Robert dem Teufel*, 1886. Изъ болѣе ранней литературы о Робертѣ слѣдуетъ упомянуть богатую содержаніемъ статью *Ed. du Meril*'я: *De la légende de Robert le Diable* (помѣщена въ *Revue Contemporaine*, 1854, т. XIV, перепечатана въ сборникѣ статей *Du Meril*'я: *Etudes sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire*, 1862).

²⁾ Разказъ озаглавленъ: *De multiplici utilitate penitencie*. Текстъ—у *Breul*'я: *Anhang*, Ss. 208—210.

³⁾ Романъ изданъ былъ въ 1837 г. *Trébutien*'омъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Содержаніе романа подробно пересказано было *Литтре* и *Келлеромъ*. Статья Литтре помѣщена въ *Histoire littéraire de la France*, т. XXII (1852), а потомъ вошла въ сборникъ его статей, переведенный *Л. Маркевичемъ* на русскій языкъ (Варвары и средніе вѣка, Одесса, 1874). Нѣмецкій пересказъ Келлера, составленный по изданію *Trébutien*'а, появился въ 1840 году (*Altfranzösische Sagen, gesammelt von H. A. Keller*, II Bd., Ss. 58—166).

⁴⁾ Хроника рано появилась въ печати; есть изданія 1487, 1500 и др. годовъ; нѣтъ эти старопечатныя изданія представляютъ, конечно, величайшую рѣдкость. Краткое извлеченіе изъ хроники помѣщено было въ *Mélanges tirés d'une grande bibliothèque*, X, pp. 196—201. Ср. слѣд. примѣч.

⁵⁾ *Auguste Fichard*, *Le Dit de Robert le Diable* (*Revue de Paris*, 1834, т. VII, 30—51). Пересказъ содержанія и отрывки текста; въ примѣчаніяхъ—нѣсколько мѣстъ изъ Нормандской хроники. Нѣкоторыя строфы изъ *Dit* приведены въ указанной выше статьѣ *Du Meril*'я и въ приложеніи къ книгѣ *Breul*'я (211—215). Полный текстъ „Сказанія“ не изданъ.

⁶⁾ *Miracle* изданъ былъ а) отдѣльно въ 1836 и въ 1879 гг. и б) въ сборникѣ: *„Miracles de Nostre Dame... publiés par G. Paris et U. Robert“* (т. VI).

La vie du terrible Robert le Dyable ¹⁾. Въ XVIII вѣкѣ издана была новая переработка сказанія о нормандскомъ герцогѣ: Histoire de Robert le Diable et de Richard sans Peur, son fils ²⁾.

Кромѣ французскихъ, извѣстны еще пересказы испанскіе, англійскіе, нѣмецкіе, а также португальскій и голландскій. Всѣ эти пересказы ведутъ свой родъ отъ французскихъ оригиналовъ, преимущественно отъ Vie. Нѣкоторой своеобразностью отличаются только: а) англійская поэма о сынѣ австрійскаго герцога, именуемомъ Sir Gowther ³⁾, б) нижне-нѣмецкое стихотвореніе: De vorlorne Sone ⁴⁾, и нѣмецкій прозаическій разказъ о французскомъ королѣ, изданный недавно К. Борняскимъ ⁵⁾.

Познакомимся съ содержаніемъ разказовъ о Робертѣ Дьяволѣ.

1) Родители Роберта долгое время были бездѣтны. Въ горѣ и отчаяніи они обращаются къ духу тьмы. Рождается сынъ. Audivi a duobus fratribus, a fratre, qui hoc se legisse asserebat, quod, cum uxor cujusdam comitis prole careret et dominum multum rogasset pro ea optinenda, nec daretur ei, ad ultimum promisit dyabolo, quod eam ei daret, si eam ei procuraret, quod et fecit. Que concepit et peperit filium, quem baptizatum vocavit Robertum. Такъ разказываетъ Etienne de Bourbon. Въ романѣ XIII вѣка вмѣсто „какого-то графа“ (cujusdam comitis) выступаетъ „герцогъ нормандскій“; въ хроникѣ и въ Dit ния герцога—Aubert, въ Vie и Histoire—Hubert ⁶⁾. Мать Роберта

¹⁾ La terrible et merveilleuse vie de Robert le Diable lequel après fut homme de bien съ предисловіемъ и примѣчаніями—въ Nouvelle bibliothèque bleue o légendes populaires de la France, précédées d'une introduction par M. Charles Nodier et accompagnées de notices littéraires et historiques par M. Le Roux de Lincy, 1842. Отдѣльно Vie издавалась много разъ. См. еще Uhland's Schriften, Bd. VII, 655—661.

²⁾ Bibliothèque bleue ou recueil d'histoires singulières et naïves (1769). Есть русскій переводъ: Исторія Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго Дьяволомъ, переведенная съ французскаго И. Яковкинъ), С.-IIб., 1785.

³⁾ Breul, op. cit.

⁴⁾ Flos unde Blankflos. Von Stephan Wasoldt. Als anhang: De vorlorne Sone (Robert der Teufel) und De Segheler, Bremen, 1880 (Niederdeutsche Denkmäler, Bd. III).

⁵⁾ K. Borinski, Eine ältere deutsche Bearbeitung von Robert le Diable (Germania, 1892, I, 44—62). Новѣсть издана по двумъ рукописямъ XV вѣка.

⁶⁾ Въ нѣмецкой повѣсти, изд. Борняскимъ: „ein kunig des lanndes franckengreich“. Имена короля и его сына не названы. Въ нижне-нѣмецкомъ стихотвореніи eyn ritter (безъ имени). Въ англійскомъ пересказѣ — герцогъ австрійскій (Estryk, Ostrych); сынъ его—Gowther.

въ романѣ—дочь графа; въ хроникѣ и въ Vie—дочь (въ Dit—сестра) герцога Бургундскаго; въ „Исторіи“—Матильда, дочь герцога Бретанскаго. Долго (longuement въ романѣ; въ другихъ пересказахъ—17, 18, даже 40 лѣтъ) нормандскій герцогъ и его жена ожидали дѣтей; они молились, давали обѣты, но тщетно: герцогиня оставалась безплодной. Разъ, въ то время, когда мужъ былъ на охотѣ, одинокая женщина съ особенной силой почувствовала свое горе. Отчаявшись въ помощи Божіей, она обращается къ дьяволу: „Молю тебя, дьяволъ,—говоритъ она,—услышь меня! Если ты дашь мнѣ дитя, я буду съ этихъ поръ молиться тебѣ“.

Diable, fait—cle, je te jroi
Que tu entenges ja vers moi;
Se tu me dones un enfant,
Je te proi des ore en avant ¹⁾.

Въ Vie это обращеніе къ демону передано такъ: „Si je conçois aujourd'hui un enfant, au Diable soit-il donné, et dès à présent je lui donne de bonne volonté“ Подобная же фраза—въ Мираклѣ. Вернувшійся съ охоты мужъ,—разсказываетъ далѣе романъ,—вошелъ къ жепѣ. По дѣйствию дьявола, въ немъ вспыхнула страсть. Вскорѣ затѣмъ герцогиня почувствовала себя беременной, но надежда стать матерью не радовала ее: вспоминая свое обращеніе къ духу тьмы, она не ждала добра. Когда наступило время рожденія, несчастная женщина цѣлую недѣлю страдала, прежде чѣмъ увидѣла сына ²⁾.

Въ нормандской хроникѣ виновникомъ грѣха является мужъ; *указывается при этомъ день зачатія Роберта, un jour de samedi* ³⁾. Жена отказывалась исполнить грѣшное желаніе мужа, но должна была уступить его настойчивости, при чемъ у нея вырвалось неосторожное слово. Намекъ объясняется приведеннымъ выше замѣчаніемъ старо-русскаго па-

¹⁾ Nouvelle bibliothèque bleue..., p. 300.

²⁾ Въ Vie и Histoire страданія матери Роберта продолжены на цѣлый мѣсяцъ. Эпосъ знаетъ еще болѣе тяжелые роды (*Миллеръ*, *Илья Муромецъ*, стр. 117).

³⁾ Le duc Aubert vint par ung samedi de chacier des forests et voust gésir oy de sa moullier. La dame refusa à gésir a son mary et com la dame ne osa deneer la compaignie de son Seignour, par courouz cle dist que ja n'eust Dieu part en chose qu'ilz feissent. Нижне-нѣмецкій пересказъ (*De vorlorne Sone*) упоминаетъ о святкахъ (en wypachten auende dat gheschach)... Въ англійскомъ стихотвореніи прибавлена еще такая подробность: бездѣтный герцогъ грозитъ развестись съ женой, если она не подаритъ ему сына. Подобная угроза встрѣчается и въ другихъ англійскихъ памятникахъ (*Веселовскій*, *Св. Георгій въ легендѣ*, лѣснѣ и обрядѣ, стр. 117).

мятника: „аще сѣсѣтся кто с женою въ пятницу и *въ субботу*“ и т. д. Въ „Исторіи Роберта“ обращеніе къ демону замѣнено волхвованіемъ. Герцогиня обращается къ колдуну еврею, который владѣлъ искусствомъ вызывать тѣни, предсказывать будущее, а также умѣлъ лечить безплодныхъ женщинъ (*rendre fécondes les femmes stériles*). Послѣ нѣсколькихъ заклинаній, произнесенныхъ колдуномъ, въ глубинѣ пещеры, гдѣ совершалось чародѣяніе, появился молодой человекъ удивительной красоты и бросился къ ногамъ Матильды. Явившійся успѣлъ увѣрить довѣрчивую даму, что онъ не кто иной, какъ ея мужъ, лишь помолодѣвшій при помощи волшебнаго искусства. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ наединѣ съ мнимымъ мужемъ, Матильда замѣтила, что дѣлившій ея восторги совершенно измѣнился: кажущееся сходство съ герцогомъ исчезло. Оскорбленная и разгнѣванная женщина требуетъ объясненія. „Я демонъ,—сказалъ обманщикъ,—дѣтя, которое ты зачала, будетъ имѣть твои добродѣтели и мои пороки; молчи, скрой отъ мужа то, что съ тобой было; вопреки волѣ неба ты хотѣла имѣть сына; черезъ девять мѣсяцевъ ты его увидишь“ ¹⁾. Герцогиня вернулась домой и послѣшила лечь въ постель, ссылаясь на нездоровье. На другой день подъ утро вошелъ къ ней мужъ: *il la trouva un peu abattue, il se coucha auprès d'elle et lui fournit des raisons de douter, si le fils qui devoit naître d'elle, appartiendrait au duc ou au démon*. Когда настало время рожденія, Матильда испытывала страшныя боли, продолжавшіяся цѣлый мѣсяцъ. Появленіе на свѣтъ Роберта сопровождалось знаменіями: небо покрылось тучами, слышались страшныя удары грома; дворецъ герцога казался въ огнѣ; одна изъ дворцовыхъ башенъ разрушена была ураганомъ; сова влетѣла въ комнату Матильды и погасила крыльями всѣ свѣчи, которыя снова зажглись сами собой. О подобныхъ же знаменіяхъ, кромѣ Исторіи, разсказываетъ и Vie ²⁾.

¹⁾ Разсказъ о видѣніи демона едва ли можно считать присочиненіемъ редактора „Исторіи“; подобный же разсказъ встрѣчается въ болѣе древнемъ пересказѣ—въ стихотвореніи о Gowther'ѣ.

²⁾ О подобныхъ же знаменіяхъ разсказываетъ Vie: *Peu après que l'enfant fut né, il sourdit une nuée si obscure qu'il sembloit qu'il dût venir nuit et commença à tonner si merveilleusement et éclaira tellement, qu'il sembloit que le ciel fût ouvert et le feu par toute la maison. Les quatre vents furent aussi émus par telle manière que la maison trembloit tant qu'il y tomba une grande partie de la terre. Lors les seigneurs et dames qui étoient là, pensoient tous prendre fin, vu les terribles tempêtes qui couroient alors: mais à la fin Dieu voulut que le temps s'apaisât et fut doux et serein* (Nouv. bibliothèque bleue..., pp. 7—8).

2) Робертъ—злой и капризный ребенокъ: онъ кусалъ кормилицъ, постоянно кричалъ, а когда подросъ, бросалъ въ окружающихъ все, что попадало подъ руку, сталъ драться съ сверстниками. Злой ребенокъ получилъ прозвище „Дьяволъ“, которое за нимъ и осталось.

3) Когда Роберту исполнилось семь (въ нѣкоторыхъ пересказахъ восемь) лѣтъ, родители выбрали для него опытнаго наставника. Мальчикъ былъ даровитъ, но учился неохотно. Много горя пришлось испытать его наставнику: требованіе занятій, надзоръ, какое нибудь замѣчаніе раздражали Роберта, приводили его въ бѣшенство. Кривая развязка завершила эти тяжелыя отношенія. Учитель сына нормандскаго герцога умеръ такой же насильственной смертью, какъ и наставникъ нашего Васьки Буслаева; *Робертъ убилъ своего наставника*. „Son maître,—разказываетъ нормандская хроника,—le reprinst une fois et s'en voust corriger Robert. Quant Robert eust été corrigiez, com son maître se dormoit, it occist d'ung coustel trenchant“ ¹⁾. Подобный же разказъ въ Dit. По разказу, внесенному въ Vie, Робертъ высказываетъ передъ умирающимъ наставникомъ увѣренность, что освободился отъ ученья навсегда. Puis Robert dit à son maître, en lui jetant son livre par dépit: „Maître, voilà votre science, jamais prêtre ni clerc ne sera mon maître, je vous l'ai assez fait connaître“ ²⁾. Въ позднихъ пересказахъ смерть воспитателя изображается, какъ слѣдствіе злой продѣлки Роберта. Однажды ночью воспитатель поднялся въ комнату Роберта, чтобы посмотреть, спитъ ли онъ. Мальчикъ, ожидавшій посѣщенія, пропустилъ старика и приблизъ къ полу его туфли, оставленные на краю лѣстницы. Наставникъ, возвращаясь, всунулъ ноги въ туфли и хотѣлъ спускаться, но потерялъ равновѣсіе и упалъ. Получивъ при этомъ тяжелые ушибы и раны, онъ не долго жилъ (Histoire).

4) Съ лѣтами дурныя наклонности Роберта начали обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе. Еще мальчикомъ сталъ онъ, подобно Василью Буслаеву, по улицѣ похаживать: кого за руки возьметъ—рука прочь, кого за ногу—нога прочь. Vie описываетъ это буйство Роберта въ выраженіяхъ, почти дословно сходныхъ съ былинной: Il commença bien jeune à mener mauvaise vie, il rompoit les bras à un et les jambes à l'autre.... Toujours alloit l'enfant par les rues, frappant et heurtant ce qu'il rencontroit, comme s'il fût enragé; nul n'osoit se trouver

¹⁾ *Pichard*, I. c.

²⁾ *Nouv. bibliothèque bleue...*, p. 10.

devant lui ¹⁾. Когда Роберту пошелъ 16-й годъ,—говорить романъ,—слухъ объ его проказахъ распространился по всей странѣ, такъ что никто не рѣшался появляться при дворѣ герцога. Робертъ билъ, а нерѣдко и убивалъ всѣхъ, кто только попадался ему на встрѣчу. Даже молившіеся въ церкви, міряне и священники, не могли считать себя безопасными отъ его нападеній. Справиться съ нимъ никто не могъ. На двадцатомъ году,—замѣчаетъ романъ.—Робертъ превосходилъ всѣхъ и ростомъ, и силой. Родителямъ Роберта приходилось безпрестанно выслушивать жалобы на ихъ буйнаго сына.

5) Не довольствуясь одиночными проказами, Робертъ задумалъ собрать себѣ дружину хоробрую. Дружина составила изъ сорванцевъ, похожихъ на братьевъ названныхъ новгородскаго удалца. Къ Роберту шли люди, не умѣвшіе или не хотѣвшіе жить трудомъ, люди, не находившіе себѣ мѣста въ обществѣ, любители легкой наживы, дешево цѣнившіе и свою, и чужую жизнь. Robert fit assembler avec lui tous les mauvais garçons du pays, et les retint pour le servir; car il y en avoit de mauvais et de diverses sortes, comme larrons, meurtriers, gens pervers et mauvais,... gens gloutons et orgueilleux et les plus terribles de dessous les cieux: *de telles gens Robert fit une grande assemblée et il étoit capitaine* (Vie) ²⁾. Въ Мираклѣ дружинники Роберта получаютъ прозвища въ родѣ тѣхъ, которыя въ нѣкоторыхъ пересказахъ примѣняются къ братьямъ названнымъ Василемъ Буслаева: Увалень (Lambin), Петля (Boute-en-Courroie) ³⁾, Раздави-чарочку (Brise-Godet), Бражникъ (Rigolet). Припомнимъ Котельную Пригарину, Оому Благоуродливаго и другихъ товарищей нашего Васьки.

6) Мать Роберта, чтобы образумить его, вызвать въ немъ желаніе исправиться, совѣтуетъ герцогу посвятить сына въ рыцари. Герцогъ соглашается, надѣясь, какъ и его жена, что, получивъ званіе, налагающее извѣстныя обязанности, Робертъ откажется отъ прежней жизни. По случаю посвященія новаго рыцаря при нормандскомъ дворѣ устроенъ былъ большой праздникъ, закончившійся турниромъ. Явившись на этотъ турниръ, Робертъ ведетъ себя такъ, какъ Василій Буслаевичъ послѣ заклада съ новгородцами. Потѣха превращается

¹⁾ Ibid., p. 9.

²⁾ Ibid., pp. 15—16. Въ хроникѣ составъ Робертовой дружины опредѣляется эпическимъ числомъ—30.

³⁾ О значеніи выраженія Boute-en-courroie см. замѣтку G. Paris) въ *Romania*, т. XXI (1892), № 83, pp. 407—413.

въ кровавую битву: всѣхъ рыцарей, которыхъ только встрѣчалъ Робертъ, онъ сбрасывалъ съ коня, и при томъ съ такой силой, точно шелъ бой не на животь, а на смерть. „Онъ умертвилъ въ этотъ день болѣе тридцати человекъ и навелъ на всѣхъ такой ужасъ, что никто больше не рѣшался сразиться съ нимъ“, — замѣчаетъ романъ. Затѣмъ Робертъ побывалъ еще на нѣсколькихъ турнирахъ и вездѣ, гдѣ онъ появлялся, праздникъ оканчивался бѣдой. Особенно подробно описывается турниръ въ „Исторіи“. Привожу это описаніе по русскому переводу прошлаго вѣка: „Назначенный для торжества и поединковъ день наступилъ уже, и съѣхавшіеся кавалеры всѣ приготовились къ принятію Роберта.... Робертъ, выступивъ на мѣсто поединка, представилъ въ себѣ неустрашимѣйшаго ратоборца; не довольствовался тѣмъ, что побѣждалъ всѣхъ ихъ; но еще выбивалъ у нихъ оружіе, умерщвлялъ подъ ними лошадей и съ толь превеличайшимъ искусствомъ сражался противу наступающихъ, что какъ скоро какой нибудь отважный кавалеръ на его нападалъ, такъ скоро усматривалъ жизнь свою въ опасности и оставлялъ на мѣстѣ поединка или плечо (un bras) или ногу. Всѣ кавалеры имъ были не довольны; и для того предложилъ имъ, что сразится онъ одинъ со всѣми ими вмѣстѣ; по сему противорѣчили законы кавалерства, потому что не было ни малѣйшей славы отъ такой побѣды; но быть отъ одного многимъ побѣжденнымъ было еще гораздо стыднѣе. И потому, дабы учинить свою сторону хотя нѣсколько равною, Робертъ требовалъ, чтобъ ему позволено было выбрать хотя такихъ товарищей, которые бы едва только еще на лошадяхъ сидѣли, и выступить имъ на мѣсто поединка для его подкрѣпленія. Кавалеры, опасаясь, дабы не причтено было имъ въ знакъ трусости, ежели ему откажутъ въ его требованіи, на то согласились: можетъ быть, они чрезъ то надѣялись отмстить ему соединенными силами за всѣ удары, которые каждый изъ нихъ получилъ отъ его въ довольномъ количествѣ. Молодые его товарищи, бывшіе только единственно зрителями сихъ поединковъ, выступили на мѣсто сраженія въ числѣ пятнадцати человекъ. Кавалеры, бывшіе еще въ состояніи съ нимъ сражаться, всѣ предстали: и какъ ихъ числомъ было гораздо болѣе, то они хотѣли было метнуть жребій. но Робертъ требовалъ, чтобъ всѣ они съ нимъ сразились. *Лишь только далъ онъ знакъ своимъ товарищамъ къ нападенію, какъ тотчасъ большая половина лошадей была опрокинута, и кавалеры принуждены были отступить.* Тогда Робертъ разъярившись бросился въ ихъ средину; въ одно мгновеніе шишаки, копыя и шпаги

были переломаны; самые неустрашимѣйшіе изъ ихъ затрепетали; онъ ихъ гналъ и опрокидывалъ все, что ни попадалось подъ его удары. Конье его изломалось; притупленная шпага его имѣла уже видъ пилы; но онъ тѣмъ опаснѣйшія еще давалъ раны; наконецъ она въ рукахъ у его изломилась; онъ взялъ у своего товарища другую, которая также вскорѣ переломилась. *Итакъ, не имѣя чѣмъ поражать другихъ, увидѣвъ желѣзную дубину (une bagre de fer), лежащую на мѣстѣ сраженія; скочивъ съ лошади, схватилъ сіе новое оружіе и безъ разбору билъ ею какъ лошадей, такъ и кавалеровъ.* Сраженіе учинилось чрезвычайно кровопролитно; трое изъ самыхъ мужественнѣйшихъ кавалеровъ потеряли тутъ жизнь свою; мѣсто сраженія покрылось обломками оружія, отрубленными членами и убитыми лошадьми. Робертъ еще не престававъ сражаться; но герцогъ, отецъ его, приказалъ прекратить поединки и объявилъ, что турниръ уже окончился; но сынъ его нимало не внималъ его повелѣніямъ и дышалъ единственно только кровопролитіемъ и убійствомъ. Восьмеро оставшіеся кавалеры, не взирая ни на число, ниже на неравенство силъ, соединились для совокупнаго на его нападенія. Робертъ дождался ихъ съ твердостью и, чтобъ не быть себѣ обхвачену съ боковъ, приказалъ двумъ своимъ товарищамъ подкрѣпить себя и защищался съ толикимъ мужествомъ, что принудилъ трехъ своихъ соперниковъ грызть землю. Наконецъ народъ, на его негодуя за столь многую пролитую кровь, заропталъ и возмущился. Робертъ, безразсудный Робертъ дерзнулъ и на его напасть; уже чернь (la populace) начала въ него бросать каменьями, и бунтъ начиналъ быть всеобщій. *Герцогиня съ заплаканными глазами бросается въ сраженіе, вбѣгаетъ предъ Роберта и показываетъ видъ, что намѣревается она пасть на копья: тогда-то она, постыдився сего движенія, отдалъ оружіе своей матери и далъ себя вести въ покои* (au palais) ¹⁾.*

При описаніи посвященія Роберта въ рыцари нормандская хроника вводитъ еще такую подробность: когда отецъ взялъ мечъ, чтобы дать новому рыцарю обычный обрядовой ударъ, сынъ обнажилъ и свой; онъ поразилъ бы отца, еслибы его не удержали. Описаніе турнира опущено. Изображеніе неудачнаго рыцарства Роберта въ хроникѣ и сказаніи (Dit) предшествуетъ разказу объ образованіи разбойничьей шайки ²⁾.

¹⁾ Исторія..., стр. 52—58.

²⁾ Въ Vie и Histoire отецъ посылаетъ за сыномъ особый отрядъ; Робертъ.

Любопытную особенность находимъ въ нѣмецкомъ разказѣ о французскомъ королѣ, у котораго былъ буйный сынъ. Старикъ умеръ. *Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jaren, do starb sein vater der kunig von franckenreich.* Сыпъ наследовалъ тронъ, но, сдѣлавшись королемъ, остался такимъ же необузданнымъ буяномъ, какъ и прежде. Умеръ отъ гори и австрійскій герцогъ, о которомъ разказываетъ старо-англійское стихотвореніе ¹⁾. *Sir Gowther* сталъ герцогомъ, но продолжалъ вести прежнюю жизнь.

7) Въ душѣ Роберта совершается перемѣна. Задумавъ покаяться и исправиться, онъ идетъ въ Римъ къ святому отцу. Тотъ отправляетъ его къ благочестивому отшельнику, который, выслушавъ исповѣдь разбойника, назначаетъ ему суровую эпителию.

Cum aliquando mater sua ei dixisset, commota ad querelas conque-rencium de eo, quod pro nihilo circa eum laboraretur, quia constabat ei, quod non faceret, nisi malum, ipsam impetit extracto gladio dicens, quod aut eam occideret aut ei diceret, cur hoc ei dixerat et cur esset ita malus. Ipsa autem, timore perterrita, refert, quomodo eum dyabolo dederat... Такъ разказываетъ латинская проза XIII вѣка. Въ другихъ пересказахъ обстоятельства, вызвавшія передомъ въ настроеніи Роберта, изображаются съ подробностями, не упомянутыми въ латинской статьѣ. Последнимъ злодѣяніемъ Роберта, — говорится въ романѣ, — было нападеніе на женскій монастырь. Монахини были перебиты, зданія монастыря преданы огню. Вслѣдъ за тѣмъ Робертъ отправляется въ замокъ (*château d'Arques*), гдѣ находилась его мать. При приближеніи разбойника всѣ разбѣгаются; никто не является даже взять его лошадь. Это одиночество, этотъ общій ужасъ поражаютъ Роберта. Въ его душѣ поднимаются мучительные вопросы:

разбилъ этотъ отрядъ, ослѣпилъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ къ отцу. Въ латинскомъ разказѣ XIII вѣка грѣхи юности Роберта описываются кратко: *qui cum cresceret per processum temporis, crescebat malicia plus et plus in eo, ita primo quod mammas nutricum mordebat, post major alios percuciebat, post, quem occurrebat, destruebat et rapiebat, post virgines rapiebat et deflorabat et conjugatas, homines capiebat et occidebat; et cum, procedente tempore, cresceret in flagitiis, factus miles, fit magis scelestus.* Въ стихотвореніи: *De vorlorne Sone* не говорится ни о чемъ подобномъ, — обстоятельство, котораго приведетъ воспутись въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ Въ ниже-нѣмецкомъ разказѣ:

*Do it to achte jaren quam,
de dot do den vader nam.*

отчего онъ такой злой. отчего всякая добрая мысль тотчасъ же заглушается въ немъ иными. не добрыми влеченіями. Робертъ догадывается. что причина зла должна скрывается въ самомъ его рожденіи... Слѣдуетъ разказъ о свиданіи Роберта съ матерью, которая, по настоячивому требованію сына, открываетъ ему тайну демонскаго вліянія на его зачатіе. Сказаніе (Dit) не упоминаетъ о нападеніи на женскій монастырь ¹⁾; послѣднимъ преступленіемъ Роберта, вызвавшимъ раскаяніе въ его душѣ, представляется убійство трехъ пустынниковъ. Vie и Histoire увеличиваютъ число этихъ послѣднихъ жертвъ Роберта до семи. Онъ встрѣтилъ *старцевъ пилигримовъ* въ лѣсу. „Нещастіе, — разказываетъ Исторія, — привело къ нему семь пустынниковъ (Hermites), *проходившихъ черезъ Нормандію и возвращавшихся изъ Рима*. Сін злочастные сами къ нему пришли спрашивать дороги“. Робертъ притворился сначала благочестивымъ, разспрашивалъ пилигримовъ объ ихъ путешествіи, а потомъ перевелъ разговоръ на искушенія, которымъ подвергаются пустынники. При этомъ по знаку Роберта появились передъ монахами пять молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ разбойники скрывали въ укрѣпленіи, построенномъ среди лѣса. Пустынники бѣжали, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ (en faisant de grands signes de croix). Робертъ погнался за ними и двухъ убилъ. Одинъ изъ оставшихся обратился къ Роберту съ грозной обличительной рѣчью. „По сихъ словахъ Робертъ разъярился; а *пустынники на него напали* (les Hermites s'élancent sur lui); лишь только сбили его съ ногъ. то женщины подняли ужасный крикъ, который даже слышанъ былъ и въ крѣпости, откуда трое законопреступниковъ выскочили на помощь Роберту; пустынники, симъ уstraшенные, побѣжали, а Робертъ, съ товарищами своими погнавшись за ними, умертвилъ всѣхъ ихъ одного послѣ другаго. Одинъ изъ нихъ умирая сказалъ Роберту съ спокойнымъ и веселымъ духомъ: Робертъ! ты радуешься, а душа твоя раздирается; я никакъ не промѣняю моей участи на твою: умираю невиненъ и безъ всякаго смущенія; я тебя прощаю; да и худо бы я поступилъ, когда бы пустился во гробъ съ мерзостнѣйшимъ чувствованіемъ ненависти; о! когда бы и небо тебя простило также, какъ я! Прости; я тебя не ненавижу и предвижу, что грызенія совѣсти обратятъ тебя къ добродѣтели; вспоминай о мнѣ и моихъ товарищахъ только въ подобное сему время

¹⁾ Въ нормандской хроникѣ есть разказъ о нападеніи на женскій монастырь, но разказъ этотъ помѣщенъ передъ извѣстіемъ о посвященіи Роберта въ рыцари.

и будь увѣренъ, что мы всѣ тебя простили⁴. Слова умирающаго, его спокойствіе передъ смертью тронули Роберта и подготовили его раскаяніе. Разговоръ съ матерью завершилъ перемѣну въ его душѣ¹⁾. Въ нормандской хроникѣ подробности обращенія Роберта передаются иначе. Старый герцогъ послѣ того, какъ сынъ его сталъ во главѣ разбойничьей шайки, объявилъ Роберта лишеннымъ покровительства закона: каждый могъ безнаказанно отнять у него свободу и жизнь. Этимъ объявленіемъ воспользовался виконтъ de Coutance, у котораго Робертъ убилъ сына. Собравъ дружину, виконтъ напалъ на Роберта; разбойничья банда была разбита; предводитель ея, тяжело раненный, находитъ убѣжище у какого-то отшельника. Тотъ ухаживаетъ за больнымъ и успѣваетъ вылечить не только тѣло, но и душу Роберта: подъ вліяніемъ благочестиваго пустынника разбойникъ перерождается, отрекается отъ прежней жизни и отдается заботамъ о спасеніи своей души. Въ нѣмецкой статьѣ, изданной Боринскимъ, раскаяніе молодаго французскаго короля связано съ описаніемъ неудавшагося сѣзда знатныхъ людей. *Nu geschah zu einen zeiten das ein grosser hoff wart aussgeruffet yn dem lande zu frankenreich. Zu dem hofte komen uil fursten und heren dy dar zu besant und geladen wurden.* Когда стало извѣстно, что на этомъ собраніи будетъ присутствовать и молодой король, никто не явился на зовъ. Король, подъ вліяніемъ чувства стыда и оскорбленнаго достоинства, созываетъ совѣтъ и проситъ объяснить причину того страха, который охватилъ приглашенныхъ на сѣздъ. Совѣтъ намекаетъ королю на его жестокость, а за разъясненіемъ причины зла предлагаетъ обратиться къ матери. Подобныя же подробности передаются и въ поэмѣ о *Gowther'*²⁾.

Послѣ свиданія съ матерью и раскрытія тайны рожденія Робертъ отправляется въ Римъ. *Quod* (сказанное матерью) *cum audisset*,—передаетъ *Etienne de Bourbon*,—*relictis omnibus, ivit Romam ingerens se, quomodo posset confiteri papae multotiens. Ad ultimum, in quadam processione, per pedes eum arripit, dicens, quod prius se occidi permitteret, quam non loqueretur ei. Qui cum audisset eum, misit eum ad quemdam sanctum inclusum; qui cum in missa sua rogaret dominum, quod intimaret, quam penitentiam ei injungeret, quia perplexus*

¹⁾ Исторія... стр. 72—85.

²⁾ Въ испанской драмѣ съ содержаніемъ, взятымъ изъ преданій о Робертѣ, грѣшникъ исправляется послѣ явленія Христа, который обращается къ разбойнику съ словами обличенія и увѣщанія (*Brewl*, 96—96, 232).

erat de hoc, quod factum ejus audierat, mittitur ei per columbam quaedam carta, in qua erat scriptum, quod daret ei in penitencia, quod de cetero non loqueretur, nisi de licencia dicti inclusi; quod fatuum se faceret, et injurias sibi illatas a pueris et aliis sibi pacenter portaret, et quod de cetero cum canibus jaceret et non comederet, nisi (quod) ab eis auferret. Quam cum audiret, accepit penitentiam illam gratanter quasi munus a deo sibi missum, promittens, ut hanc penitentiam consummaret. Tonsus ut fatuus ab heremita ivit ad civitatem regiam; Insecutus a pueris, ascendit aulam regiam, pugnat cum canibus, rapit ea, quae eis prociuntur, ab eorum dentibus; curiales proiciebant ossa et alia eis, ut viderent pugnam eius et cauum. Cum autem rex perpenderet, quod aliter non vellet comedere, nisi proceretur canibus, multa eis proiciebat, ut ille, quem fatuum credebatur, ea comederet. Nolebat jacere, nisi cum canibus sub gradibus, ubi pernoctabat in fletu et oratione. Rex autem, multum ei compaciens, non sinebat eum molestari. Въ романѣ покаяніе Роберта изображается съ такими же подробностями. Кающійся грѣшникъ бросилъ свой мечъ, обрѣзалъ волосы и пустился въ путь. Придя въ Римъ, онъ убѣдился, что увидѣть „святаго апостола“ не легко. Робертъ прибѣгаетъ къ хитрости: прокрадывается незамѣтно въ капеллу св. Іоанна, гдѣ папа каждый день служилъ мессу, и куда не впускали обыкновенно никого. Когда обѣдня окончилась, Робертъ приблизился къ папѣ, распростерся передъ нимъ и, обнявъ его ноги, съ слезами молилъ выслушать исповѣдь грѣшника. Служители хотѣли отогнать Роберта, они готовы даже убить его, но папа ихъ останавливаетъ, выслушиваетъ признанія грѣшника и приказываетъ ему идти къ благочестивому отшельнику, жившему недалеко отъ Рима. Робертъ исполняетъ приказаніе. Пустынникъ затрудняется указать способъ покаянія для такого необычнаго грѣшника; покаяніе для него можетъ быть опредѣлено только волей Божіей. Послѣ долгой пламенной молитвы Роберта и старца совершается чудо: съ неба упало письмо, въ которомъ изложены были нужныя наставленія. Робертъ долженъ былъ выдержать тройную эпитимию: долженъ юродствовать, притворяться безумнымъ и, ходя по улицамъ, терпѣливо переносить толчки и удары прохожихъ; долженъ притворяться нѣмымъ, не произносить ни одного слова, что бы ни случилось; долженъ, наконецъ, питаться только вмѣстѣ съ собаками. Выслушавъ это повелѣніе, Робертъ спѣшитъ приступить къ его исполненію. „Съ палкою въ рукахъ, которой онъ угрожаетъ каждому, не приводя, однако, въ исполненіе своей угрозы,

въ одеждѣ юрдовиваго онъ входитъ въ Римъ. гдѣ народъ свѣтаетъ надъ нимъ и бьетъ. Опъ молча переноситъ все и, когда оскорбленія становятся ему не подъ силу, скрывается во дворецъ императора. Здѣсь тоже привратники останавливаютъ его и бьютъ, но ему удается пробраться къ самому императору. Императору жаль этого бѣдняка, и онъ пускаетъ его подъ свой столъ. тѣмъ болѣе, что родъ помѣшательства, которымъ одержимъ Робертъ, возбуждаетъ веселость принца. Роберту даютъ кусокъ мяса, но вмѣсто того, чтобы его взять, онъ позволяетъ схватить его находящейся тутъ же собакой. потомъ ссорится съ нею и отнимаетъ кусокъ. Такъ проходитъ жизнь сына нормандскаго герцога; онъ ходитъ по городу, гдѣ его бьютъ, возвращается драться съ собакой за порцію хлѣба подъ столъ императора, не произносить ни одного слова и отдыхаетъ въ одной конурѣ съ собакой¹⁾. Сходно въ общихъ чертахъ описывается покаяніе Роберта и въ другихъ пересказахъ; разницы касаются подробностей. Въ хроникѣ и въ поэмѣ о Gowther'ѣ эпитимія налагается на Роберта не отшельникомъ, а самимъ папой. Въ Dit и Histoire говорится, что передъ отравленіемъ въ Римъ Робертъ направился къ своей дружинѣ и сообщилъ ей о своемъ намѣреніи отказаться отъ прежней жизни; убѣдившись, что дружинники не выказываютъ желанія подражать теперь своему бывшему вождю, Робертъ перебилъ одного за другимъ всѣхъ пераскаивныхъ грѣшниковъ. Въ разказъ о путешествіи въ Римъ Histoire вводитъ нѣсколько приключеній, неизвѣстныхъ по болѣе древнимъ пересказамъ: въ какомъ-то савойскомъ городѣ Робертъ выступаетъ на сценѣ въ роли Полифема; вытаскиваетъ затѣмъ изъ болота завязшаго въ немъ рыцаря, оказываетъ покровительство молодымъ супругамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій тещи. Въ нѣмецкомъ разказѣ о французскомъ королѣ нѣсколько особенностей: кающійся идетъ сначала къ священнику, отъ него къ епископу, далѣе—къ папѣ, наконецъ—къ отшельнику²⁾; въ составъ эпитиміи введена новая подробность—хождение на четверенькахъ (*er solt krichen auf dem ertrich, als eine vihe*); время покаянія въ большей части пересказовъ семь лѣтъ, въ нѣмецкой статьѣ—шесть; кающійся не возвращается въ Римъ, а идетъ въ Анулю, ко двору неаполитанскаго короля: *Vnt er schide sich mit grossen frewden von dem Einstdel vnd*

¹⁾ *Litttr.*, op. cit., 253.

²⁾ Подобный же порядокъ въ *De vorl. Sene*.

kam... in das lant gen Pullen (Apulien) an des kunigs hoff gen Napels.

8) По истеченіи семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Робертъ терпѣливо выдерживалъ наложенную на него эпитимію, онъ отправился въ Іерусалимъ и жилъ тамъ отшельникомъ до блаженной кончины. Robert... apres ce qu'il ot esté sept ans à Romme sanz parler, il ala a Jherusalem ou il fust hermite toute sa vie et vesqui et mourut tres saintement. Такъ говоритъ нормандская хроника. Во всѣхъ остальныхъ пересказахъ содержаніе заключительной части повѣсти о Робертѣ—иное. Въ латинской прозѣ XIII вѣка передается слѣдующее. На страну, гдѣ отбывалъ Робертъ свою эпитимію, напали какіе-то враги (barbari). Ангелъ Господень явился Роберту, повелѣвая ему принять участіе въ битвѣ, привелъ кающагося къ источнику, который находился въ царскомъ саду, и далъ ему тамъ бѣлое вооруженіе съ краснымъ крестомъ и бѣлаго коня (eum armavit armis albis cum cruce rubra et imposuit super equum album). Вооружившись, Робертъ поспѣшилъ къ мѣсту битвы, разбилъ и прогналъ враговъ, а затѣмъ, слѣдуя наставленію, данному ангеломъ, сложилъ оружіе и оставилъ коня на томъ мѣстѣ въ саду, откуда отправился въ бой. Была у царя нѣмая дочь. Она видѣла изъ окна, какъ Робертъ отправился въ путь и какъ сложилъ оружіе послѣ побѣды. Когда царь вернулся домой и сталъ разспрашивать о рыцарѣ въ бѣломъ вооруженіи, дѣвушка указала на юродиваго, но отецъ не обратилъ на это вниманія. Спустя нѣкоторое время, враги снова валили на царя, у котораго пріютился Робертъ. По повелѣнію ангела, Робертъ отправляется къ источнику, вооружается, какъ прежде, бросается въ бой и одерживаетъ побѣду. Царь, слѣдившій за дѣйствіями неизвѣстнаго рыцаря, отдалъ своимъ дружинникамъ приказаніе схватить побѣдителя, желая наградить его по заслугѣ. Одинъ изъ дружинниковъ, пытаясь исполнить волю царя, но не имѣя силъ догнать Роберта, пустилъ въ него копье и ранилъ побѣдителя въ ногу, при чемъ желѣзный наконечникъ копья остался въ рапѣ. Робертъ, добравшись до источника, снялъ вооруженіе, вынулъ желѣзо изъ раны и прикрылъ ее (mustum supra vulnus posuit). Царская дочь, видѣвшая все это, поспѣшила къ источнику и взяла брошенный Робертомъ наконечникъ копья. Царь объявилъ между тѣмъ, что отдаетъ побѣдителю руку своей дочери и признаетъ его своимъ наслѣдникомъ. Сенешаль царскій, узнавъ о такой наградѣ, задумалъ обмануть своего повелителя: ранилъ себя въ ногу, отломилъ желѣзо у копья и представлялъ

его, какъ доказательство своихъ подвиговъ; воинъ, ранившій Роберта, хотя и видѣлъ обманъ, не рѣшился, однако, заявить, что представленный сенешалемъ обломокъ копья не тотъ, которымъ раненъ былъ побѣдитель. Нѣмая царевна знаками старалась объяснить, что она отвергаетъ притязанія сенешала, и продолжала указывать на Роберта. Когда король рѣшился силой принудить дочь подчиниться его рѣшенію, отверзъ Господь уста нѣмой; она разказала отцу все, что видѣла, и принесла наконецникъ копья, который дружинникъ призналъ своимъ. Въ это же время, по Божію откровенію, пришелъ пустынный, наложившій эпитимію на Роберта, и разрѣшилъ ему прервать молчаніе. Истина открывается ¹⁾. Въ другихъ пересказахъ повѣсти о Робертѣ основное содержаніе послѣдняго отдѣла передается сходно съ латинской статьей; отличія заключаются лишь въ прибавленіи или опущеніи тѣхъ или другихъ подробностей. Въмѣсто неопредѣленныхъ варваровъ (*barbari*) въ романѣ и въ позднѣйшихъ пересказахъ являются турки или сарацины; три раза подступаютъ они къ Риму и каждый разъ отражаются Робертомъ. Нѣмецкій разказъ говорить о двухъ приступахъ къ Неаполю; нападаютъ „турки и невѣрные“ (*dy Turcken vnd dy vnglaubigen*). Въ англійскомъ стихотвореніи рѣчь идетъ о войнѣ съ персами; при каждомъ изъ трехъ нападеній герой появляется въ вооруженіи неодинаковаго цвѣта (чернаго, краснаго, бѣлаго); о продѣлкахъ сенешала не упоминается ²⁾.

Побѣдителю царь (король, императоръ) предлагаетъ руку дочери, но Робертъ отказывается отъ брака. Отказывается онъ также отъ нормандскаго наслѣдства и удаляется въ пустыню. *Cum autem rex vellet ei fillam suam unigenitam dare et regnum suum resignare et illud ei dimittere, et homines patris sui, hoc audientes, eum repeterent, ut eis dominaretur, noluit eos exaudire; sed cum dicto heremita, relictis omnibus, ivit et heremiticam duxit vitam.* Таково же заключеніе романа о Робертѣ и нѣмецкаго разказа о французскомъ королѣ. Романъ прибавляетъ, что по смерти Роберта тѣло его принесено было въ Римъ и погребено у святаго Іоанна, именуемаго Латеранскимъ, какъ войдти въ церковь—направо:

Enterré l'ont à Saint Iehan,
Celui que l'on dit de Latran,
Si com entre et moustier à destre.

¹⁾ Въ *Vie* явившійся пустынный говоритъ: *vous êtes maintenant agréable à Dieu, car au lieu de diable vous aurez nom l'homme de Dieu.*

²⁾ Въ *De vorl.* Соне Робертъ узнается не царевной, а побѣжденнымъ султаномъ.

Позже мощи св. Роберта перенесены были во Францію графомъ Пюи (Pui) и положены въ основанномъ имъ монастырѣ.

Въ другихъ пересказахъ (Dit, Vie, Histoire) повѣсть заканчивается извѣстіемъ о бракѣ побѣдителя съ дочерью царя, при дворѣ котораго жилъ кающийся удалецъ. Послѣ женитьбы,—говорить Vie,—Робертъ возвратился на родину и принялъ на себя управленіе Нормандіей (отецъ Роберта умеръ еще до возвращенія сына). Послѣ долгой добродѣтельной жизни герцога Робертъ скончался, оставивъ сына Ришара, который прославился, какъ участникъ походовъ Карла Великаго. Также оканчивается исторія ¹⁾. Припомнимъ при этомъ заключеніе Чулковской сказки о Васильѣ Буслаевичѣ: „Онъ владѣлъ надъ Новымъ-Градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими... Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные“.

IV.

Вторая часть повѣсти о Робертѣ (разказъ объ его борьбѣ съ не-
вѣрными) встрѣчается, какъ мы видѣли, не во всѣхъ пересказахъ. Нормандская хроника, сохранившая одинъ изъ старѣйшихъ вариантовъ повѣсти, не говоритъ ни объ юродствованіи Роберта при дворѣ какого-то царя, ни о побѣдахъ, одержанныхъ покающимся удальцомъ. Пересказъ хроники заканчивается извѣстіемъ о путешествіи Роберта въ Іерусалимъ и объ его пустынножителствѣ въ Палестинѣ. Нижне-нѣмецкое стихотвореніе (De vorlorne Sone) отступаетъ отъ другихъ вариантовъ въ изображеніи дѣтства и юности человека, обреченнаго дьяволу. Vorlorne Sone чуждъ тѣхъ дурныхъ наклонностей, той жестокости и буйства, которыя доставили Роберту прозвище дьявола. Герой нѣмецкаго разказа—юноша даровитый и добрый, возбуждающій общія симпатіи:

de moder settede to der schole dat kynt,
wysheyt he beghunde leren synt,
also dat he wart kunsten ryk;

¹⁾ Поэма о Gowther'ѣ оканчивается разказомъ о томъ, какъ онъ вернулся въ Австрію, какъ потомъ наслѣдовалъ владѣнія и корону императора, какъ много сдѣлалъ добра при жизни и какъ, наконецъ, прославился чудотвореніями по смерти.

he was ok honesch vnde mynnchlyk.
leftalych vnde ok wol ghehogen;
se worden alle ghudes hoghen
alle de ene angheseghen (vv. 144—150).

Удаленіе юноши изъ родительскаго дома объясняется скорбью и слезами матери. Узнавъ причину ея печали, обреченный демону пускается въ путь, чтобы отыскать человѣка, который помогъ бы ему избавиться отъ власти духа тьмы. Видимъ такимъ образомъ, что пересказы разсматриваемой нами саги представляютъ существенную разницу въ передачѣ и вступительной и заключительной части повѣствованія. Какъ же объяснить эту разницу? Какой изъ видовъ повѣсти слѣдуетъ признать болѣе близкимъ къ основному?

Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать сравненіе нашей повѣсти съ такими разказами, которые несомѣнно родственны съ преданіями о Робертѣ, но составъ которыхъ менѣе сложенъ, болѣе удобенъ для историко-литературнаго анализа.

1) Давно уже отмѣчено близкое сходство сказанія о Робертѣ съ легендой о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу и спасшемся отъ его власти при помощи св. Дѣвы. Первый указалъ на эту легенду *Pichard* въ указанной выше статьѣ: *Le Dict de Robert le Diable* ¹⁾; въ дополнительномъ примѣчаніи къ статьѣ напечатанъ текстъ легенды по рукописи парижской національной бібліотеки. По той же рукописи, болѣе точно, чѣмъ *Pichard*'омъ.—издана легенда въ приложеніи къ книгѣ *Breul's* ²⁾. Нѣсколько рукописныхъ пересказовъ указали *Mussafia* и *Tobler* ³⁾. Не осталась неизвѣстной эта легенда и въ греко-славянскомъ мірѣ. Пересказъ ея внесенъ въ сборникъ благочестивыхъ размышленій и легендъ, составленный монахомъ *Аг. ніемъ* подъ заглавіемъ: *Ἀγασθῶν σωτηρία*; извѣстны славянскіе переводы этого сборника, русскій и болгарскій ⁴⁾.

¹⁾ *Revue de Paris*, 1834, VII, 44.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 210.

³⁾ *Mussafia*, Studien zu den mittelalterlichen Marien-Legenden, 50, 56, 84 (*Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, 1888, Bd. CXV); *Tobler*, Altfranzösische Legenden, 21 (*Jahrbuch f. roman. und engl. Litter.*, hrsg. von *Ebert*, 1866, VII, 412—413). Легенда извѣстна и въ драматической обработкѣ: *Un miracle de Nostre Dame d'un enfant qui fu donne au dyable quant il fu engendre* (изданъ въ сборникѣ: *Miracles de Nostre Dame publiés par G. Paris et U. Robert*, I, и отдѣльно *Keller*'омъ. *Op. Götting. gel. Anzeigen*, 1867, II, 912; *Revue Critique*, 1866, pp. 103—105).

⁴⁾ Полное заглавіе труда Аганія такое: Βιβλίον ὡς ἱστῶν καὶ ὁμῶν Ἀγαν-

Содержаніе легенды слѣдующее.

Жила въ нѣкоемъ городѣ благочестивая чета. Избѣгая плотскихъ утѣхъ, мужъ и жена порѣшили воздерживаться отъ супружескаго общенія. Долгое время они хранили свой обѣтъ, но остаться ему вѣрными до конца не смогли. Обѣтъ былъ нарушенъ по неводержности мужа. Жена, нехотя уступившая его желанію, въ досадѣ обрекла дьяволу зачатое дитя (*laquelle en eust si grant dueil quelle donna au deable lenfant se point en engendroit*). Родился хорошенькій мальчикъ. Мать часто плакала надъ нимъ, припоминая свое неосторожное слово. Когда мальчикъ подросъ, онъ сталъ спрашивать мать, о чемъ она такъ часто плачетъ. Женщина долго не рѣшалась объяснить причину своего горя, но, наконецъ, по настоятельной просьбѣ сына, открыла ему свою тайну. Юноша, желая спасти свою душу и

τῶν Σωτηρία συνταξὴν εἰς κοινὴν τῶν Γρατικῶν ἀλεκτην παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός. Въ книгѣ три части; легендарный матеріалъ собранъ преимущественно въ послѣдней, содержащей чудеса Пресвятой Дѣвы. Авторъ бралъ этотъ матеріалъ частью изъ греческихъ синаксарей и патериковъ, частью изъ западныхъ источниковъ: онъ указываетъ на βιβλία διαφόρα Ἱταλικά καὶ Ῥωμαϊκά; упоминаетъ о Цезаріи (Caesarius Heisterbacensis) и Винценціи (Vincentius Bellovacensis). Книга Агапіи имѣла нѣсколько изданій (1641, 1671, 1803, 1840, 1883). Въ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка московской синодальной бібліотеки (№ III—337) помѣщены въ переводѣ два отрывка изъ книги: Ἀμαρτωλὼν Σωτηρία; относительно втораго отрывка въ описаніи синодальныхъ рукописей замѣчено: „черновой списокъ, правленный рукою Евхимія монаха“ (II, 3, стр. 808—809, 812). Въ числѣ рукописей архангельской семинаріи упоминается „Грѣшныхъ спасеніе, твореніе пустынножителя Агапіи святогорца. Въ сей книгѣ написаны чудеса Пресвятыя Богородицы, числомъ 67“ (Викторовъ, Описи рукописныхъ собраній сѣверной Руси, стр. 56). Судя по послѣднему замѣчанію, архангельская рукопись содержитъ переводъ только послѣдней части греческой книги. У меня есть списокъ перевода первой части; заглавіе: „Книга прозябшая, именуемая Амартолонъ Сотиріа, сирѣчь: грѣшныхъ спасеніе, юже сочиши на греческій простый языкъ многіиъ прилѣжаніемъ Агапіи, крѣпчанинъ, скитствующій во стои горѣ Авонѣстѣи и исправи той же и печатію издаде в Венеціи“ (имѣется, вѣроятно, въ виду изданіе 1641 года). Въ болгарскомъ переводѣ издана послѣдняя часть труда Агапіи: „Чудеса Пресвятыя Богородицы преведени отъ книга нарицаемая Грѣшникомъ спасеніе“ (1817, 1846, 1851). У меня были въ рукахъ Венеціанское изданіе греческаго текста 1883 года и болгарскій переводъ въ изданіи 1846 г. Этими книгами я пользовался изъ бібліотеки II. А. Сыржу, которому приношу глубокую благодарность. Въ виду малой распространенности у насъ греческихъ и болгарскихъ изданій считаю не безполезнымъ перепечатать въ приложеніи легенду о человѣкѣ, обреченномъ демону, въ греческомъ пересказѣ и въ болгарскомъ его переводѣ.

тѣло отъ власти дьявола, отправился къ папѣ и разказалъ ему о своей бѣдѣ; папа послалъ его къ епископу іерусалимскому (a levesque de Jerusalem), а тотъ направилъ къ святому отшельнику. Пустыльникъ, выслушавъ разказъ несчастнаго, молится вмѣстѣ съ нимъ Господу объ избавленіи отъ лукаваго. Разъ, когда святой мужъ служилъ обѣдню, явился дьяволъ, схватилъ обреченнаго ему и понесъ въ адъ. Но благословенная Дѣва Марія защитила несчастнаго, исторгла его изъ рукъ демона и передала пустыннику. Тогда отшельникъ и мальчикъ, узнавъ, что молитва ихъ услышана, воздали благодареніе Богу и Дѣвѣ Маріи. И возвратился отрокъ къ родителямъ своимъ и жилъ свято (et revint li enfes a son pere et a sa mere et mena sainte vie).

Кромѣ этого краткаго извода. легенда о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу, встрѣчается еще въ двухъ редакціяхъ болѣе сложнаго состава. Въ одной изъ этихъ редакцій легенда соединяется съ сказкой о мнимомъ шелудякѣ, въ другой—съ сказаніемъ о покаявшемся разбойникѣ.

2) Сказка о шелудякѣ (Grindkopf) извѣстна въ многочисленныхъ пересказахъ ¹⁾. На основаніи ихъ сравненія сказка можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Вторая часть въ общихъ ея чертахъ пере-

¹⁾ Рядъ вариантовъ этой сказки указали: Grimm (Märchen, Anmerk. zu № 136: Der Eisenhans), R. Köhler (*Jahrbuch f. roman. und engl. Litteratur*, VIII, 253; Sicilianische Märchen, ges. v. Laura Gonzenbach, № 26, II, 222; *Zeitschrift für romanische Philologie*, II, 182), Liebrecht (*Göttingische gel. Anzeigen*, 1870, 1417; *Heidelberger Jahrbücher der Litteratur*, 1869, Bd. LXII, 116; *Zur Volkskunde*, 107), Cosquin (*Contes populaires lorrains*, № XII: Le prince et son cheval, *Romania*, 1877, t. VI, 1881, t. X). Не повторяя этихъ указаній, ограничимся перечнемъ русскихъ пересказовъ: лубочная „сказка о Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ“ (Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. I, стр. 161—169, ср. кн. IV, стр. 163), лубочная же „сказка о Булатѣ молодцѣ“ (ibid., I, 170—178; IV, 163—164), „Сказка о Иванѣ Кручинѣ, купеческомъ сынѣ“ (Бронницкій, Русскія народныя сказки, С.-Пб., 1898, стр. 63—85), „Сказка объ Иванѣ богатырѣ“ (*Московский Городской Листокъ*, 1847 г., №№ 153, 154, 155, стр. 613, 616—618, 621—622), „Незнайко“ (Аванесовъ, Нар. русскія сказки, изд. 2, кн. III, № 165, а—б, стр. 62—86, кн. IV, стр. 391—405), „Дмитрій царевичъ“ (Худяковъ, Великорусскія сказки, вып. I, № 4, стр. 21—25; ср. его же, Матеріалы для изученія народной словесности, стр. 49), „Иван Ивановичъ“ (Рудченко, Народныя южнорусскія сказки, I, № 47, стр. 100—109), „Незнайко“ (ibid., № 48, стр. 109—115), „Про царевича и его коня“ (Чубинскій, Труды этнограф. экспедиціи въ Юго-Зап. край, II, № 58, стр. 214—219), „Голопузъ“ (ibid., № 59, стр. 219—226), „Старецъ пилигримъ“ (Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества, т. I, вып. 3: Верхоянскій сборникъ, стр. 268—288, якутскій пересказъ).

дается одинаково во всѣхъ пересказахъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ появляется юноша чужеземецъ, скрывающій свое имя ¹⁾. Голова юноши покрыта повязкой или пузыремъ; въ нѣкоторыхъ вариантахъ объясняется значеніе этой повязки: юноша утверждаетъ, что голова у него шелудивая, а потому онъ и закрываетъ ее. Юноша поступаетъ на службу при царскомъ дворѣ: помогаетъ царскому садовнику или повару. Спустя нѣкоторое время, на страну, гдѣ нашель себѣ пріютъ шелудякъ, напали сосѣди. Враги разбиты были какимъ-то неизвѣстнымъ удалцемъ, скрывшимся послѣ побѣды. Нападеніе повторилось, и снова побѣдителемъ остался невѣдомый воинъ ²⁾. Загадка рѣшается при участіи царской дочери, которая видѣла, какъ минимый шелудякъ отправился въ битву и какъ онъ вернулся послѣ побѣды. Сказка заканчивается бракомъ царевны съ заѣзжимъ удалцемъ. Вотъ для примѣра разказъ одного изъ велико-русскихъ вариантовъ. „Иванъ, купеческій сынъ,... нарядился въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣлъ и пошелъ на взморье. По синю морю корабль бѣжитъ; увидали корабельщики эдакое чудище—звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, на головѣ пузырь, кругомъ шерстью обросло, подплывали къ берегу на легкой лодочкѣ, стали его выпрашивать, изъ ума вывѣдывать. Иванъ, купеческій сынъ, одинъ отвѣтъ ладить: „не знаю!“. Коли такъ, будь же ты Незнайкою! Взяли его корабельщики, привезли съ собой на корабль и попали въ свое королевство. Долго ли, коротко ли—приплыли они къ столъному городу, пошли къ королю съ подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелѣлъ поставить то чудище предъ свои очи свѣтлыя. Привезли Незнайку во дворецъ, сбѣжалось народу видимо-невидимо на него глазѣть. Сталъ король его выпрашивать: „что ты за человѣкъ?“—„Не знаю.—„Изъ какихъ земель?“—„Не знаю.—„Чьего роду племени?“—„Не знаю. Король плюнулъ и отправилъ Незнайку въ садъ: пусть де на мѣсто чучела птацъ съ яблонь пугаетъ, а кормить его наказалъ съ своей королевской кухни.

¹⁾ Поэтому въ русскихъ пересказахъ онъ называется обыкновенно „Незнайкою“. Подобное же прозвище встрѣчается въ одномъ изъ нѣмецкихъ вариантовъ (*Zingerle, Sagen aus Tirol*, № 28). Упоминаніе о минимомъ—шелудивой головѣ во многихъ пересказахъ опущено; я удерживаю, однако, названіе: шелудякъ (*Grindkopf*), какъ установившееся и повторяемое въ изсѣдованіяхъ о сказкахъ.

²⁾ Въ нѣмецкой сказкѣ, помѣщенной въ сборникѣ бр. Гриммъ, королевичъ-шелудякъ является на первую битву въ красномъ вооруженіи, на вторую—въ бѣломъ, на третью—въ черномъ (№ 136: *Der Eisenhans*). Ср. подобное же разнообразіе вооруженія въ поэмѣ: *Sir Gowther*.

„У того короля было три дочери: старшія хороши, меньшая еще лучше! Въ скоромъ времени сталъ за меньшую королевну арабской королевичъ свататься, пишетъ къ королю съ такими угрозами: „если не отдашь ее изъ доброй воли, то силой возьму“. Королю это не по праву пришло, отвѣчаетъ арабскому королевичу: „начинай де войну; что велятъ судьбы Божіи!“. Собралъ королевичъ силу несмѣтную и обложилъ все его государство. Незнаюшко сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вышелъ на чистое поле, припалилъ волосокъ и крикнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ. Откуда ни взялся его чудной конь—конь бѣжить, земля дрожитъ: „Гой еси доброй молодецъ, что такъ скоро меня требуешь?“—На войну пора!—Сѣлъ Незнаюшка на своего коня добраго, а конь его спрашиваетъ: „Какъ тебя высоко нести—въ поддерева или поверхъ лѣса стоячаго?“—Неси поверхъ лѣса стоячаго!—Конь поднялся отъ земли и полетѣлъ на вражье войнство. Наскакалъ Незнайко на неприятелей, у одного мечъ боевой выхватилъ, у другаго шишакъ золотой сдернулъ да на себя надѣлъ, закрылся наличникомъ и сталъ побивать силу арабскую: куда ни повернетъ, такъ и летятъ головы—словно сѣно косить! Король и королевны съ городской стѣны смотрятъ да дивуются: „что за витязь такой! отколь взялся? ужъ не Егорій ли Храброй намъ помогаетъ?“—а того и на мысляхъ нѣтъ, что это тотъ самый Незнайко, что воронъ въ саду пугаетъ. Много войскъ побилъ Незнаюшко, да не столько побилъ, сколько конемъ потопталъ; оставилъ въ живыхъ только одного арабскаго королевича да человѣкъ десять для свиты на обратный путь. Послѣ того побойща великаго подѣхалъ онъ къ городской стѣнѣ и говорилъ: „ваше королевское величество, угодно ли вамъ моя послуга?“ Король его благодарилъ, къ себѣ въ гости звалъ, да Незнайка не послушался: ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ своего добраго коня, вернулся домой, надѣлъ пузырь да шкуру и началъ попрежнему по саду ходить, воронъ пугать.

„Прошло ни много, ни мало времени, опять пишетъ къ королю арабской королевичъ: „коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее въ полошъ возьму“. Королю это не показалось; написалъ въ отвѣтъ, что ждетъ его съ войскомъ. Арабской королевичъ собралъ силу больше прежняго, обложилъ государство со всѣхъ сторонъ, трехъ могучихъ богатырей впередъ выставилъ. Узналъ про то Незнаюшко, сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вызвалъ своего добраго коня и поскакалъ на побойще. Выѣхалъ супротивъ него одинъ богатырь; сѣхались они, поздорова-

лись, копьями ударились. Богатырь ударилъ Незнайку такъ сильно, что онъ едва-едва въ одномъ стремѣ (стремени) удержался; да потомъ оправился, налетѣлъ молодцомъ, снесъ съ богатыря голову, ухватилъ ее за волосы и подбросилъ вверхъ: „вотъ такъ-то всѣмъ головамъ летать!“. Выѣхалъ другой богатырь, и съ нимъ то же сталося. Выѣхалъ третій, бился съ нимъ Незнаюшка цѣлый часъ: богатырь разсѣкъ ему руку до крови, а Незнайко снялъ съ него голову и подбросилъ вверхъ; тутъ все войско арабское дрогнуло и побѣжало врозь. Въ тѣ поры король съ королевнами на городской стѣнѣ стоялъ; увидала меньшая королевна, что у храброго витязи кровь изъ руки струится, снимала съ своей шеи платочекъ и сама ему рану завязывала; а король звалъ его въ гости. „Буду,—отвѣчалъ Незнайко,—только не теперь“. Ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ коня, нарядился въ шкуру, на голову пузырь надѣлъ и сталъ по саду ходить, воробѣй пугать.

„Ни много, ни мало прошло времени, просвѣталъ король двухъ старшихъ дочерей за славныхъ царевичей и затѣялъ большое веселье. Пошли гости въ садъ погулять, увидали Незнайку и спрашиваютъ: „это что за чудовище?“. Отвѣчаетъ король: „это Незнайка, живетъ у меня вмѣсто пугала—отъ иблонъ птицъ отгоняетъ“. А меньшая королевна глянула Незнайкѣ на руку, заприѣтила свой платочекъ, покраснѣла и слова не молвила. Съ той поры, съ того времени начала она въ садъ почасту ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. „Гдѣ ты, дочка, все ходишь?“—спрашиваетъ ее отецъ.—Ахъ, батюшка, сколько лѣтъ я у васъ жила, сколько разъ по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной птички, какую теперь видѣла!—Потомъ стала она отца просить, чтобъ благословилъ ее за Незнайку замужъ идти; сколько отецъ ее ни отговаривалъ, она все свое: „если, говорить, за него не выдашь, такъ вѣкъ въ дѣвкахъ останусь, ни за кого не пойду!“. Отецъ согласился и обвинчалъ ихъ. Послѣ того пишетъ къ нему арабской королевичъ въ третій разъ, просить выдать за него меньшую дочь: „а коли не такъ, все государство огнемъ сожгу, а ее силой возьму“. Отвѣчаетъ король: „моя дочь ужъ обвинчана; если хочешь, приѣзжай—самъ увидишь“. Арабской королевичъ приѣхалъ; видя, что такое чудовище да на такой прекрасной королевнѣ обвинчано, задумалъ Незнайку убить и вызвалъ его на смертный бой.

„Незнайко сбросилъ съ себя шкуру, снялъ съ головы пузырь, вызвалъ своего добраго коня и выѣхалъ такимъ молодцомъ, что ни въ

сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Сбѣхались они въ чистомъ полѣ, широкомъ раздолѣ; бой не долго длился: Иванъ, купеческій сынъ, убилъ арабскаго королевича. Тутъ только король узналъ, что Незнайко—не чудище, а сильно могучій и прекрасный богатырь, и сдѣлалъ его своимъ наследникомъ¹⁾.

Захожіи юноша прикрываетъ свою голову пузыремъ, выдавая себя за шелудяка²⁾. На самомъ дѣлѣ повязка или пузырь нужны ему для того, чтобы скрыть *золотые волосы*. „Царевна пришла къ своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла и во время его сна увидила царевна у него на голове *златые власи*“,—замѣчено въ лубочной сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ³⁾. Эта подробность повторяется во многихъ пересказахъ. Даже и въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ золотые волосы забыты, удерживается покрываніе головы, указывающее на что-то недосказанное. Нужно поэтому признать, что золотые волосы представляютъ подробность, принадлежащую основному содержанію сказки.

Вступительный отдѣлъ сказки,—разказъ о приключеніяхъ мнимаго шелудяка до его появленія въ чужомъ государствѣ.—передается разнообразно. Въ большей части вариантовъ содержаніе вступительной части таково: юноша волей или неволей оставляетъ родительскій домъ и проводитъ нѣсколько времени въ обществѣ какого-то необыкновеннаго существа. Нѣмецкая сказка въ сборникѣ бр. Гриммъ (№ 136) разказываетъ при этомъ о королевскомъ охотникѣ, который нашелъ въ лѣсу дикаго человѣка (*ein wilder Mann*). Чудовищный человѣкъ посаженъ въ клѣтку. Сынъ короля выпустилъ дикаря и увнесъ имъ въ лѣсъ. Дикарь поручилъ мальчику смотрѣть за колодезцемъ съ золотой водой (*Goldbrunnen*). Разъ юноша нагнулся надъ колодезцемъ, длинные волосы его опустились въ воду и стали золотыми: голова его сияла, какъ солнце (*das ganze Haupthaar war schon vergoldet und glänzte, wie eine Sonne*). Дикій человѣкъ, узнавъ объ этомъ, разсердился на юношу и удалилъ его отъ себя, но въ благодарность за освобожденіе изъ плѣна далъ обѣщаніе являться къ цар-

¹⁾ *Афанасьевъ*, Народныя русскія сказки, III, № 165.

²⁾ Въ нѣмецкой сказкѣ королевичъ, объясняя, почему его голова всегда покрыта, говоритъ: „*ich habe einen bösen Grind auf dem Kopf*“ (*Grimm*, № 136). Въ русскомъ пересказѣ: „царь позвалъ садовника, спрашиваетъ его: почему никогда шапки не снимаешь?—У меня,—говоритъ Иванъ,—голова не чиста“ (*Афанасьевъ*, № 165).

³⁾ *Ровинскій*, Народныя картинки, I, стр. 169; *Афанасьевъ*, Сказки, IV, стр. 399.

вичу всякій разъ, какъ онъ будетъ нуждаться въ его помощи. Слѣдуетъ разказъ о появленіи юноши въ чужомъ государствѣ и объ его побѣдахъ при помощи дикаго человѣка. Русская сказка о Булатѣ молодцѣ замѣняетъ дикаго человѣка этимъ именно Булатомъ, который освобожденъ изъ темницы сыномъ царя Ходора. Освобожденный указываетъ царевичу, гдѣ и какъ онъ можетъ найти коня богатырскаго, и обѣщаетъ свою помощь въ случаѣ нужды¹⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ сказки о Незнайкѣ чудовище, къ которому попадаетъ сказочный герой, — змѣй чудо-юдо о двадцати пяти головахъ. „Иванъ... нанялся служить этому змѣю. На другой день говорить ему чудо-юдо: „вотъ тебѣ мои ключи; вездѣ можешь ходить, не ходи только въ конюшню; коди ослушаешься, убью тебя!“ Чудо-юдо полетѣлъ въ дальнія страны, за синія моря, за темные лѣса, а Иванъ, купеческій сынъ, не вытерпѣлъ, пошелъ и отворилъ конюшню; а въ конюшнѣ конь да левъ привязаны.... Говорить ему конь: „приподыми подомной половицу, достань мазь оттуда и намажь свою голову“. То же и левъ сказалъ. Иванъ, купеческій сынъ, помазалъ правую половину головы одной мазью, а лѣвую — другою, и сдѣлались у него кудри золотыя да серебряныя. Послѣ того ушелъ онъ отъ змѣя, нарядился въ коровью шкуру и нанялся къ царю въ садовники“ и т. д. Въ другихъ вариантахъ сказки о Незнайкѣ упоминаніе о пребываніи Ивана у чудовища опущено; рѣчь идетъ только о чудесномъ конѣ, доставшемся сказочному герою²⁾. Забыто чудовище и въ нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ (наша лубочная сказка о Иванѣ богатырѣ, крестьян-

¹⁾ Сказка забыла золотые волосы, но удерживаетъ упоминаніе о колодцѣ, хотя и въ иномъ значеніи. Послѣ свиданія съ Булатомъ царевичъ возвращается домой, а потомъ отправляется „во инныя государства“ вмѣстѣ съ своими дядькой. Подѣхали они къ колодцу. Чтобы достать воды, царевичъ опускается на веревкѣ вглубь водоема. Дядька соглашается вытащить спутника только подъ условіемъ переимѣниться именемъ: дядька выдаетъ себя за царевича, а царевичъ играетъ роль слуги. Побѣды, одержанныя истиннымъ царевичемъ, обнаруживаютъ коварство самозванца.

²⁾ *Адамсеевъ*, Сказки, № 165. Замѣчательной чертой сказки о Незнайкѣ представляется примѣсъ изъ сказокъ о злой мачехѣ. Отецъ сказочнаго героя женатъ на второй женѣ; мачеха преслѣдуетъ пасынка, старается его извести; юноша оставляетъ родительскій домъ при помощи чудеснаго коня. Ср. еще сказку объ Иванѣ Кручинѣ въ сборникѣ *Бронницкаго*. Въ малор. сказкѣ „Про царевича и его коня“ (*Чубинскій*, 58) мачеха замѣнена злой матерью, измѣнившей отцу царевича. Упоминаніе объ измѣнницѣ встрѣчается и въ другихъ пересказахъ (*Sicilianische Märchen*, II, 222, Anm. zu № 26). Въ сказкѣ, помѣщенной въ *Моск. Гор. Листки*, Иванъ богатырь — вдовій сынъ.

скомъ сынѣ; французскій варіантъ въ сборникѣ лотарингскихъ сказокъ *Cosquin'a* и др.) ¹⁾.

Во всѣхъ отмѣченныхъ пересказахъ юноша по той или другой причинѣ самъ оставляетъ родительскій домъ. Но есть группа вариантовъ, въ которыхъ обстоятельства удаленія юноши передаются иначе: сказочный герой удаленъ изъ дома отцомъ, вынужденнымъ исполнить обѣщаніе, данное по неосторожности или по невѣдѣнію. Пересказы этого разряда представляютъ два типа.

Примѣромъ перваго типа вариантовъ могутъ служить малорусскія сказки о Незнайкѣ въ сборникѣ *Рудченка*: „Був собі купец Иван ванович; він усе йїздив по морі. Ото набрав харчі на сім год и отпавився з своїми робітниками на море. Плавав він по тому морю довго, и заплив у таке море, що не видно ни світа, ни неба. То він узияв харчі на сім год, а то вже й не стало. Робітники на його кричать: „давай нам хліба, а то ми тебе тутъ утопим!“ Він їм каже: пливім далі, може, кого таки побачим. Ото пливуть, тай пливуть; коли дивляця, аж щось горить. Так він тоді каже: „пливім туди“. Допливають до того огню, так, може, як на сажених десяти: аж то змій з дванадцятьо головами, той каже їм: а хто то такій?—Иван Иванович каже йому: „я—Иван Иванович“. Змій: знаю я тебе добре, а чогож ти тут?—Иванович: „заблудив, не попаду на свою дорогу“. Тоді змій йому каже: а що міні дасі, як я виведу тебе изъ ційей темноти?—Иван Иванович каже йому: „а що тобі дати?“—Змій: а даси те, що в тебе дома без тебе стало. — Иван Иванович: „що-ж там таке? може, пара волив чумацких?“... Змій: я не скажу, бо ти не даси.—А Иван Иванович подумав: „чи лучше тут пропасти, чи лучше отдать йому те! Отдам“. Послѣ такого обѣщанія змій указавъ купцу дорогу. Иванъ Ивановичъ „приїїзжає до дому, аж йому син,—той, що як його не було дома, то він родився,—каже: „ви мене, тату, *отдали чортові*“. Тоді батько так зажуривсь, а син йому: „нічого, тату; якось будем жить“. Цей же син та звався Иваном. Ото вони радяця: як би тут достация туди. Так син йому каже: „глядіть, тату, достаньте таку віровку, щоб була сорок сажень“. Запасшись такою веревкою, отецъ и сынъ идуть къ колодцу. Мальчикъ опущенъ въ глубину и попадаєть „на тотъ свѣтъ“, къ двѣнадцати-

¹⁾ И въ этихъ сказкахъ помощникомъ героя является чудесный конь. Въ началѣ сказки объ Иванѣ богатырѣ введены подробности, напоминающія дѣтство Ильи Муромца.

головому змѣю. Освободивъ трехъ чудныхъ коней, купеческій сынъ при ихъ помощи выбирается изъ подземнаго царства. Во время пребыванія здѣсь голова у него стала золотой, руки—серебряными, ноги—мѣдными. Слѣдуетъ разказъ о службѣ Незнайки у какого-то царя, о побѣдѣ надъ врагами и т. д. ¹⁾). Сходенъ съ этимъ пересказомъ и другой вариантъ, помѣщенный у Рудченка. Купеческій сынъ отданъ змѣю, находитъ у него трехъ чудныхъ коней, выбирается изъ подземнаго міра и поступаетъ на службу къ царю; побѣда надъ царскими непріятелями замѣнена борьбой со змѣемъ и спасеніемъ отъ него трехъ царевенъ, на младшей изъ которыхъ Незнайко женится ²⁾). Въ сказкѣ о „Голопузѣ“, помѣщенной въ сборникѣ *Чубинскаго*, блужданіе по морю замѣнено бѣдствіемъ на сушѣ, недостаткомъ воды. „Прійшлося напоити коней, шукать води,—нема, а коні ажъ и ржуть. Що робить? уже верстѣ на пять обшукали води округи,—нема ніде. Позыздилися до повозокъ и хотіли уже запрягать коней, коли це вилазить изъ земли якийсь чоловікъ“. Чоловѣкъ этотъ обѣщаєтъ показать воду, если купецъ согласится отдать, „що дома єсть мнѣйше“. Путешественникъ соглашается и обрекаетъ такимъ образомъ чорту своего сына. Юноша, отданный чорту, отправляется къ нему и проводитъ на службѣ цѣлый годъ. Выбравшись при помощи коня, герой сказки „узявъ тай обмазався увесь половою“. Въ такомъ видѣ юноша, назвавшійся Голопузомъ, идетъ на царскій дворъ и занимается помогать садовнику. Разъ вышли въ садъ три царевны. „Гуляли, зривали яблука та іли, а меньша баришня побачила, що лежить Голопузъ підъ деревомъ. підійшла ближче до ёго, дивитьця—трошки закотилось у ёго щось на виду. Вона підняла ту шкурку до половини, дивитьця—красавчикъ, вона й влюбилаь у ёго“. Царевна выходитъ замужъ за Голопуза. На царя три раза нападають враги; Голопузъ каждый разъ остаєтся побѣдителемъ ³⁾).

Примѣры сказочнаго зачина втораго типа можно найти въ сказкахъ: итальянской, переданной *Келеромъ*, греческой въ сборникѣ *Хани* и нѣмецкой въ сборникѣ *Зоммера* ⁴⁾). Бездѣтные супруги, томящієся желаніемъ испытать чувство родительской любви. Мужъ встрѣчается

¹⁾ № 47, стр. 100—109.

²⁾ № 48, стр. 109—115.

³⁾ № 59, стр. 219—226.

⁴⁾ Всѣ эти сказки отмѣчены и рассмотрѣны въ указанной выше работѣ *Келера* (*Jahrbuch f. rom. und engl. Literatur*, VIII).

съ чародѣемъ (такъ въ итальянской сказкѣ; въ греческой вмѣсто чародѣя выступаетъ дракъ; въ нѣмецкой—ein gtaues Mäppchen). который обѣщается помочь горю, если только желающій стать отцомъ согласится отказаться отъ ребенка черезъ опредѣленное время. Слово дано. Обѣщаніе исполняется: у старика рождается сынъ. Когда мальчикъ подростъ, отецъ принужденъ отвести его къ волшебнику или драку. Далѣе сказка развивается по знакомому уже намъ плану: юноша нарушаетъ запрещеніе, данное тѣмъ, у кого онъ во власти; золотые волосы (или золотое пятно) выдаютъ его; герой сказки уходитъ отъ страшнаго существа, прикрывъ слѣды золота повязкой или колпакомъ. Мнимый шелудякъ. Служба у царя, побѣда надъ его врагами открываютъ, кто именно скрывался подъ образомъ шелудяка.

Въ послѣднихъ пересказахъ, изображающихъ сѣтующую бездѣтную чету, слышатся несомнѣнно отзвуки легенды о малюткѣ, обреченномъ дьяволу. Нельзя, однако, не только доказать, но и предположить, что изъ всѣхъ вариантовъ сказки о шелудякѣ первоначальная редакція сохранилась именно въ послѣднихъ пересказахъ. Противъ этого говорить рядъ такихъ вариантовъ, въ которыхъ вступительная часть сказки не имѣетъ никакого сходства съ преданіемъ о человѣкѣ, обреченномъ демону; къ этому ряду принадлежатъ большая часть вариантовъ. Да и сказки, упоминающія объ отцѣ, отдающемъ ребенка чудовищу, не безъ причины, конечно, замѣняютъ демона чародѣемъ, дракомъ, змѣемъ. Въ этомъ обнаруживается вліяніе традиціи, первичной сказочной схемы, не дававшей мѣста образу демона. Видимъ такимъ образомъ, что сказка о шелудякѣ въ нѣкоторыхъ вариантахъ приблизилась къ сказанію о жертвѣ, отданной демону, но вполне слиться легенда и сказка не могли.

Обратимся къ вопросу объ отношеніи разсматриваемой сказки къ повѣсти о Робертѣ Дьяволѣ. Указаніе на присутствіе въ этой повѣсти подробностей, напоминающихъ сказку о шелудякѣ, сдѣлано было впервые по поводу одного изъ русскихъ вариантовъ. *Антонъ Дитерихъ*, издавшій въ 1831 году небольшой сборникъ русскихъ сказокъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ примѣчаніи къ сказкѣ объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ, припомнилъ сходное преданіе о нормандскомъ герцогѣ: „In einigen Theilen hat dieses, so wie das zehnte Märchen (Bulat der brave Bursche) grosse Aehnlichkeit mit dem englischen Volksmärchen „Robert der Teufel“ ¹⁾. Это указаніе прошло, кажется,

¹⁾ Russische Volksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt v. Ant. Dieterich (1831), S. 260. Дитерихъ называетъ сару о Робертѣ

безслѣдно. На него не обратили вниманія изучавшіе повѣсть о Робертѣ. Сближеніе повѣсти съ сказками того разряда, къ которому принадлежать указанные Дитерихомъ варианты, сдѣлалось предметомъ историко-литературныхъ соображеній только со времени появленія замѣтки Либрехта, помѣщенной въ *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 1869 года ¹⁾. Либрехтъ останавливается на второй части саги о Робертѣ, то-есть, на разказѣ о пребываніи кающагося разбойника при императорскомъ дворѣ, объ его побѣдѣ надъ сарацинами, о женитьбѣ на нѣмой принцессѣ. Последнее обстоятельство, женитьба Роберта, не встрѣчается, — замѣчаетъ Либрехтъ, — въ древнѣйшихъ пересказахъ саги. Возможно, что составитель народной книги (*Vie de Robert*) ввелъ это измѣненіе, принаравливаясь къ вкусу своихъ читателей; но во всякомъ случаѣ и древнѣйшая версія саги не сохранила неизмѣненнымъ ея первоначальнаго вида. Сага принадлежитъ къ распространенному кругу сказокъ о шелудякѣ (*Grindkopf*). Въ средніе вѣка церковные писатели охотно брали и перерабатывали сообразно съ своими цѣлями мірской литературный матеріалъ. Къ сказкѣ о шелудякѣ придѣлано было вступленіе, связанное съ ученіемъ о дьяволѣ, и назидательное заключеніе ²⁾. Это замѣчаніе Либрехта, повторенное Cosquin'омъ въ примѣчаніи къ французскому варианту сказки о шелудякѣ ³⁾, положено Бреулемъ въ основу выясняемаго имъ генезиса всей повѣсти о Робертѣ. Указавъ на предположеніе Либрехта и Коскина, Бреуль говоритъ: „Взгляды этихъ изслѣдователей—вмѣстѣ съ тѣмъ и мой... По моему мнѣнію, легенда о Робертѣ представляетъ переработку старинной широко распространенной сказки объ юношѣ-героѣ, уничижающемся, а потомъ награждаемомъ рукой царской дочери, сказки о männliche Aschenputtel, по удачному выраженію

„англійской сказкой“, потому что познакомились съ этой сагой въ англійскомъ пересказѣ. Онъ цитуетъ: *Altenglische Sagen und Märchen...* hrsg. von W. S. Thoms, deutsch... von R. O. Spazier, 1830. Замѣчаніе Дитриха полностью повторено г. Ровинскимъ (Народныя картинки, IV, стр. 163, примѣч.).

¹⁾ Замѣтка перепечатана изъ известномъ сборникѣ статей Либрехта: *Zur Volkskunde*, 106—107 (Robert der Teufel).

²⁾ Diese Sage..., deren eigentliche Grundlage sich in dem letzten Theile derselben befindet und, wie ich gezeigt, aus dem angeführten Märchenkreise hervorgegangen ist, hat im Mittelalter, wo die Kirche so viele profane Stoffe für ihre Zwecke verwandelt und umarbeitete, einen diabolischen Anfang und erbaulichen Schluss erhalten (l. c. 107).

³⁾ Toute cette partie de notre conte se retrouve dans une légende du moyen âge, celle de Robert le Diable (примѣч. къ сказкѣ: Le prince et son cheval).

Гримма¹⁾. „Въ предупрежденіе недоразумѣній,—продолжаетъ Брейль.— замѣчу, что я не думаю, будто можно найти сказку, которая бы во всѣхъ подробностяхъ соотвѣтствовала сагѣ о Робертѣ... Духовному писателю, знакомому со сказками, могла припомниться та или другая сказочная подробность, которыми онъ и воспользовался; такимъ образомъ „первичная сказка“ (das ursprüngliche Märchen) можетъ быть понимаема только, какъ „сумма преданій“ (die Summe der Traditionen), которыя являются переработанными въ сагѣ о Робертѣ“²⁾. Слѣдуетъ затѣмъ подробное сопоставленіе предполагаемой „первичной сказки“ съ разными версіями саги о Робертѣ³⁾. По мнѣнію Брейля, это сопоставленіе не только убѣждаетъ въ томъ, что сага о нормандскомъ герцогѣ принадлежитъ къ кругу сказокъ о мнимомъ шедудакѣ, но и даетъ основаніе для дальнѣйшихъ соображеній: Führt uns die untersuchung dazu, in ihm zunächst einen elfensohn, mit wunderbaren kräften ausgestattet, zu sehen, einen spross überirdischer wesen, dessen überaus schnelles wachstum, goldiges haar, frühzeitige staunenswerte kraftentfaltung und weiser sinn seine herkunft noch verraten. Sollten wir aber nicht noch einen schritt weiter gehen dürfen und in seiner person ursprünglich einen lichten, segenspendenden gott, etwa den sonnengott oder frühlingsgott erkennen? ich bin mir sehr wohl bewusst, dass diese hypothese durch das bisher bemerkte noch keineswegs sicher erwiesen ist, doch scheint mir in allen den hier in betracht kommenden sagen und märchen sehr vieles eine solche vermuthung wahrscheinlich zu machen. Auch der sonnengott oder der frühlingsgott lebt eine zeitlang verborgen und in niedrigkeit unter der herrschaft des bösen prinzipis, der nacht oder des winters, unter dessen gewalt die menschheit leidet, aber er besiegt und vernichtet diesen, überwindet die feinde des lichtes, die drachen und riesen, gleich Apollo und Thor; in strahlender rüstung auf windschnellen rosse eilt er durch die lande; wo er sich zeigt, weichen die finsternen mächte vor ihm zurück und fliehen machtlos auseinander; aus langer banger haft befreit, entfaltet er plötzlich ungeahnte kräfte und zeigt sich der erstaunten und entzückten welt als herrscher in herlichkeit“⁴⁾. Эти соображенія Брейля вызвали возраженіе со стороны одного изъ критиковъ его книги,

¹⁾ Op. cit., 115—116.

²⁾ Ibidem, 117.

³⁾ Ibidem, 118—129.

⁴⁾ Ibidem, 129—130.

К. Боринскаю. „Der Charakter der Legende, — говоритъ Боринскій, — ist wie auch ihrer ersten Bearbeitungen ein rein geistlicher, ja kirchlicher. Reuige Bekehrung eines grossen und zugleich gefährlichen Sünders ist das Motiv... Der Typus jener Märchen vom „Grindkopf“ (wie ihn Köhler bezeichnet) oder vom „Starken Hans“ in Nöten (vergl. Grimmische Märchen, III, 258 ff.), wie man sie vielleicht charakterischer taufen könnte, enthalten zunächst den geraden Gegensatz zur Robertsage. Es ist der Held im Narrenkleide (vergl. Chrestien-Wolframs junger Parzival), der Königssohn in Niedrigkeit oder der in allen Gefahren unverwundliche Wundersteinbesitzer, der bretonische Lancelot, der Stammvater aller neueren Fortunate. Hier ist ein gutes Princip im Kampf mit bösen Mächten, die durch Wolken brechende Sonne. Robert aber zeigt in seinem Grundwesen ein entschieden böses Prinzip im trotzigen Kampf mit guten, hilfreichen Mächten. Es ist nicht in Not, wie jene Holden, sondern er schafft Not und zwar ohne jeden Grund. Er hat keines von den Attributen jener alten Sonnenhelden, selbst die Stärke tritt zurück vor der „Wildheit“, ist höchstens übel angewendete Stärke mit dem Grundzug der Bosheit“¹⁾. Съ этимъ замѣчаніемъ Боринскаго можно согласиться только на половину. То вѣрно, что сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ, имѣющее яркую легендарную окраску, существенно отличается отъ сказки о мнимомъ шелудякѣ. Но вѣдь ни Брейль, ни Либрехтъ не утверждаютъ, конечно, что въ сагѣ удержаны основной характеръ и идеальный смыслъ сказки. И Либрехтъ, и Брейль говорятъ о церковно-легендарной передѣлкѣ, давшей сказкѣ новое значеніе и новую мысль. Брейль, мнѣ кажется, былъ бы совершенно правъ, еслибы остановился на точкѣ зрѣнія Либрехта и не пускался въ догадки о какомъ-то солнечномъ героѣ или даже божествѣ, будто бы скрывающемся за образомъ Роберта Дьявола. Либрехтъ говоритъ о сходствѣ со сказкой *второй части* повѣсти о Робертѣ. Отрицать это сходство едва-ли возможно: уничиженное положеніе героя повѣсти, коварство сенешаля²⁾, нападеніе враговъ, борьба съ ними мнимоубогаго человѣка, участіе царской дочери — всѣ эти подробности совершенно одинаково повторяются и въ сказкѣ, и во второй части повѣсти о Робертѣ. Воспользовавшись указаніемъ Либрехта, Брейль попытался распространить параллелизмъ сказки и саги

¹⁾ „Zur Legende von Robert dem Teufel“ (*Zeitschrift für Völkerpsychologie*, 1889, I, 78—79).

²⁾ Припомнимъ, напримѣръ, коварнаго дядьку въ дубочной сказкѣ о Булатѣ.

и на первый отдѣлъ повѣсти о Робертѣ. Несостоятельность этой попытки ясно обнаруживается въ странномъ противорѣчій, замѣчаемомъ въ положеніяхъ Брейля. „Es ist also nach meinem dafürhalten die legende von Robert dem Teufel die geistliche überarbeitung eines alten weitverbreiteten volksmärchens vom sich selbst erniedrigenden und endlich durch die hand einer königstochter belohnten heldenjünglinge, dem männlichen aschenputtel, wie es treffend in der anm. zu Grimm's nr. 136 heisst“ (стр. 115 — 116). Рѣчь идетъ объ опредѣленной сказкѣ; изъ этой именно сказки объ Aschenputtel мужескаго рода Брейль общается объяснить намъ все развитіе саги о Робертѣ. На слѣдующей страницѣ, послѣ приведенной выше оговорки о „суммѣ традицій, переработанныхъ въ сагѣ о Робертѣ“ читаемъ: „im allgemeinen gesagt ist unsere sage eine zusammensetzung aus zwei märchen, deren erstes in den kreis der „kinderwunscharmärchen“, deren zweites in den der märchen vom „grindkopf“ oder „männlichen aschenputtel“ gehört“ (стр. 117). Оказывается такимъ образомъ, что изъ сказки о шелудякѣ объяснить всю сагу о Робертѣ нельзя; нужно предположить сліяніе въ сагѣ двухъ сказокъ: сказки о героѣ въ уничиженіи и какой-то сказки о желанныхъ дѣтяхъ; ближайшаго опредѣленія послѣдней сказки Брейль не даетъ. Эта поправка, вносимая изслѣдователемъ въ гипотезу о мнимомъ шелудякѣ, какъ первообразъ Роберта, ясно показываетъ, что самая гипотеза требуетъ иной формулы, не похожей на возстановленіе какой-то первичной сказки. „Ich will, — говоритъ Брейль, — nun das „ursprüngliche“ märchen der Robert-sage zum zweck einer eingehenden vergleichung zug um zug gegenüberstellen und dabei auf verwandte märchen hinweisen“ (стр. 118). Но о какой же первичной сказкѣ можетъ быть рѣчь, если самъ же изслѣдователь говоритъ, что сага основана на сліяніи сказокъ, относящихся къ двумъ различнымъ кругамъ? Брейль не берется доказать, что разказъ о бездѣтной четѣ, о ребенкѣ, обреченномъ демону, составлялъ существенную, исконную часть сказки о шелудякѣ; нельзя, стало быть, утверждать, что первый и второй отдѣлы саги о Робертѣ имѣютъ общую первоначальную основу.

Присматриваясь къ этимъ двумъ отдѣламъ саги, какъ они передаются въ разныхъ пересказахъ, находимъ, что одинъ изъ древнѣйшихъ пересказовъ, — пересказъ нормандской хроники, — знаетъ лишь первый отдѣлъ саги, совсѣмъ не упоминая о подробностяхъ, сходныхъ со сказкой о шелудякѣ. Не смотря на такой пропускъ, содержаніе разказа и самый образъ Роберта сохраняютъ полную опре-

дѣленность и законченность. Для церковнаго писателя, для этого geistlichen Uebersetzer народныхъ преданій. первая часть саги и должна была имѣть особенную цѣнность; въ этой именно части опредѣлялся правоучительный замыселъ повѣсти. Поэтому, если нужно говорить объ основѣ саги о Робертѣ, то такую основу можно предполагать въ легендарномъ, а не сказочномъ отдѣлѣ саги. Въ дополненіе слѣдуетъ еще замѣтить, что приведенная выше легенда о ребенкѣ, обреченномъ дьяволу, легенда несомнѣнно родственная съ сказаніемъ о Робертѣ, достаточно ясно говорить о самостоятельномъ значеніи перваго отдѣла саги.

Что касается второй части повѣсти о Робертѣ, то взятая внѣ связи съ первымъ отдѣломъ, она примкнетъ къ сказкамъ о мнимомъ шелудякѣ, которыя уведутъ насъ далеко отъ какихъ бы то ни было христіанско-легендарныхъ преданій. Правда, сказка о шелудякѣ въ нѣкоторыхъ вариантахъ представляется, какъ мы видѣли, соединенной съ разказомъ о человѣкѣ, отдавшемъ свое дитя демону ¹⁾. Для

¹⁾ Чтобы правильно оцѣнить это сочетаніе, не нужно опускать изъ виду, что обреченіе демону примѣшивается и къ сказкамъ иного состава. Такъ, въ одномъ изъ вариантовъ нашей сказки о Василисѣ Премудрой вмѣсто образа царя водянаго рисуется чортъ: „Воротился охотникъ домой, а у него сынъ родился; жаль стало ему отдавать чорту дѣтище родимое“ и т. д. (*Аванесеевъ*, II, стр. 334, № 125). Подобную же замѣну отмѣтилъ Аванесеевъ и въ другихъ пересказахъ (IV, стр. 282, 285, 293). Въ сказкѣ о Василисѣ развивается тема трудныхъ задачъ (постройка моста въ одну ночь, разведеніе сада въ такой же короткій срокъ и проч.). Такое же соединеніе мотивовъ обреченія демону и трудныхъ работъ находимъ въ лотарингской сказкѣ: *La baguette merveilleuse* (*Cosquin*, № LXXV, *Romania*, X), а также въ великорусскихъ сказкахъ въ сборникѣ *Худякова*: Мужикъ и Настасья Адовна (вып. I, № 18, стр. 60—65) и Младъ Вьюноша (вып. III, № 118, стр. 150—154). Въ нѣмецкой сказкѣ: *Der König von goldenen Berg* (*Grimm*, № 92), нѣющей много родичей, обреченіе демону связывается съ добываніемъ влады: бѣднякъ получаетъ золото за обещаніе отдать сына чорту (пересказы отмѣчены въ *Jahrbuch für roman. und engl. Literatur*, 1866, VII, Ss. 139—148). Сказка въ сборникѣ *Cosquin'a*: *Le fils du diable* (№ XIV), примыкающая къ тому кругу сказокъ, образцомъ которыхъ можетъ служить Пушкинская сказка о пошѣ и работникѣ его Балдѣ (ср. *Аванесеевъ*, № 87, *Grimm*, № 90), соединяетъ основную тему съ вступленіемъ, разказывающимъ объ отцѣ, отдавшемъ сына демону. Въ свою очередь сказка о шелудякѣ замѣняетъ иногда обреченіе демону преданіями совершенно иного характера. Въ сборникѣ русскихъ народныхъ легендъ *Аванесеева* помѣщенъ разказъ: „Крестный отецъ“ (№ 90, стр. 99—104 и 183—195), представляющій замѣчательное соединеніе сказки о шелудякѣ съ легендой о Божьемъ крестникѣ (Повѣсть о сынѣ крестномъ, какъ Господь креститъ младенца убогаго человѣка). О послѣдней легендѣ см. замѣчанія г. Петрова въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, 1872, № 8, стр. 765—766. (Ср. Описаніе рукоп. Кіевской Академіи, вып. II, 517—518).

саги. дающей подобное же соединеніе, отыскивается такимъ образомъ литературная аналогія. которая могла бы получить значительную цѣнность, еслибы нашлись основанія для предположенія, что такая именно сводная версія сказки извѣстна была еще въ XIII вѣкѣ. Для разъясненія дѣла можемъ допустить такое предположеніе. Признаемъ, что ранѣе обработки саги о Робертѣ была уже извѣстна сказка, въ которой соединенъ былъ разказъ о человѣкѣ, отданномъ демону, съ подробностями сказки объ уничижающемся героѣ. На возможность такого предположенія указываетъ ниже-нѣмецкое стихотвореніе, гдѣ выступаетъ *De verlorene Sone*. Стихотвореніе это, найденное въ рукописи XV вѣка, не предвѣщаетъ, конечно, литературной обработки преданій о Робертѣ, но оно свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о раннемъ соединеніи легенды и сказки. Но ни нѣмецкое стихотвореніе, ни сказка о шелудякѣ съ легендарнымъ зачиномъ не объясняютъ намъ повѣсти о Робертѣ вполне.

Въ вариантахъ сводной сказки повторяется безъ измѣненія знакомая намъ легенда о мальчикѣ, освобождающемся отъ власти дьявола. Но повѣсть о Робертѣ, при несомнѣнномъ сходствѣ ея общаго содержанія съ легендой, представляетъ и существенное различіе. Въ краткой легендѣ, а также въ ниже-нѣмецкомъ стихотвореніи предъ нами появляется несчастный невинный мальчикъ, обреченный дьяволу, но спасенный отъ угрожавшей ему бѣды молитвами и заступничествомъ Св. Дѣвы. О злобѣ и жестокости юноши нѣтъ и помину; онъ изображается, напротивъ, съ чертами добраго и кроткаго человѣка. Не таковъ Робертъ. Подобно герою легенды, Робертъ подчиняется власти дьявола и избавляется отъ этой власти при помощи св. пустытника. Но Робертъ не только несчастный человѣкъ, но и великій грѣшникъ; онъ не обреченъ дьяволу, а рожденъ подъ воздействием темной силы; онъ не жалкая жертва демона, а его страшный плодъ; онъ нуждается не только въ защитѣ отъ лукаваго, но и въ очищеніи отъ грѣха. въ прощеніи преступленій. Какъ объяснить эту разницу? Легенда ли осложнилась подробностями сказанія о покающемся грѣшникѣ, или образъ преступника успѣлъ освободиться въ легендѣ отъ покрывавшей его нечистоты? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать—

3) сказаніе, соединяющее легенду о малюткѣ, обреченномъ дьяволу, съ повѣствованіемъ о покающемся разбойникѣ ¹⁾. Мнѣ кажется, что сказаніе это, не привлекавшееся къ толкованію пре-

¹⁾ Обстоятельное обозрѣніе вариантовъ этого сказанія см. въ статьяхъ г. Кар-

даній о Робертѣ, можетъ послужить полезнымъ подспорьемъ при выясненіи развитія занимающей насъ саги. Въ большей части пересказовъ, которыхъ извѣстно не мало, содержаніе сказанія передается такъ: человекъ, возвращающійся изъ путешествія, попадаетъ въ болото, изъ котораго не въ силахъ выбратъся. Явившійся дьяволъ обѣщаетъ выручить путника изъ бѣды, если тотъ согласится отдать ему то, что неожиданно найдетъ у себя дома. Путникъ соглашается. Когда онъ приблизился къ дому, вышла къ нему на встрѣчу жена съ новорожденнымъ сыномъ (или беременная жена); ребенокъ оказывается такимъ образомъ обреченнымъ демону¹⁾. Родители скорбятъ, не находя средствъ помочь бѣдѣ. Вотъ для примѣра одинъ изъ малорусскихъ пересказовъ. „Бив един чоловік, їхав в дорогу і позастрігали му кони в багно велике. І так приходит к нему проклятий, повідат: „Запиші мі того, у нім незнаеш ніч, то я тя вивавлю, а як ні, то згинеш ту і з всім товаром“. Тот взяв, пригадавав собі де що мав, та записав; а оно жона зашла в тяж, а він не знав, і відтак як записав і приїздив домів і повідат жоні: „Кгаздинойко! бив ем в такім, же бив бим згіб, а приходит такій ге панич, та мовят: жебим того записав зачом не свідомий; та я записав“.

„А она мовит: „Кгаздойко! то ти свою дитину записав“. Він взяв, тот запис у скриню замок, та ся зажурив. Прийшло, она злегла, уродила хлопця; як уродила, так хлоп росте, так хлоп росте — дала го до чків учиться; уже ся вивчив і прийшов домів на накацію, та сі ходит так з вітцем, і єго сі отец все сумує. Він повідат: „Татуину, чому ви таки все сумні дуже?—Повідат: дітино, моя дітино! я сумний, бо ся тобов недовго видиш буду тишити.

„Тот ся питат: чому? А тот му не хоче повісти; потом пішов домів з поля, а отец му забив ключик, тот прийшов і знайшов тот за-

ловца: Podanie o Madeju (въ журналѣ: *Wisła*, t. II, 804—814; t. III, 102—134, 300—306, 602—604, 881—885. Madej — имя разбойника въ польскихъ пересказахъ). Въ русской литературѣ останавливались на этомъ сказаніи. А. Н. Леонасеевъ (Народныя русскія легенды, № 27, Кумова кровать, стр. 177—180), А. Н. Веселовскій (Разысканія въ области р. духовн. стиха, X, стр. 378—382), Н. О. Сумцовъ (Кіевская Старина, 1887 г., т. XIX, стр. 35—36, въ статьѣ: Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень).

¹⁾ Такая завязка повторяется, какъ мы видѣли, и въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки о шелудякѣ. Припомнимъ малорусскіе пересказы въ сборникѣ Рудченка.

пис, що у матерній утробі запродааний*. Провѣдавъ такимъ образомъ о своей судьбѣ, мальчикъ рѣшается отправиться въ адъ и освободиться отъ условія, заключеннаго его отцемъ. На пути онъ встрѣчается съ разбойникомъ. Узнавъ, куда идетъ захожіи челоуѣкъ, разбойникъ просить развѣдать, какая мука приготовлена для него въ аду. Въ указанномъ выше пересказѣ приводится при этомъ такой разговоръ разбойника и юноши:

— „Ого, повідат (разбойникъ), хвала Богу, то я тя забю.

— „О, повідат, вже мені єдно, бій!

— „А шо ти за єдин?

— „Я такіи самій. як ти.

— „А ци ти у матери в утробі запродааний?

— „Я.

— „Ну, то *ти такіи, як я є*, та ідиж на вислугу, іди, я тебе не буду бити, а жебись мі повів, яке мені тамъ ложе постелено“¹⁾.

Обреченный дьяволу приходитъ въ адъ и при Божьей помощи достигаетъ того, что дьяволъ отказывается отъ условія, заключеннаго съ нимъ когда-то челоуѣкомъ, завязшимъ въ болотѣ. Узнаетъ юноша и о наказаніи, ожидающемъ разбойника: для него приготовлено ложе съ острыми гвоздями. Если разбойникъ желаетъ избавиться отъ этой муки, онъ долженъ не только бросить свое ремесло, но выдержать еще такое испытаніе: воткнувъ въ землю сухую палку, поливать ее до тѣхъ поръ, пока она не зазеленѣетъ и не дастъ плодовъ. Разбойникъ кается и терпѣливо выдерживаетъ испытаніе. Прошло много лѣтъ. Челоуѣкъ, побывавшій въ аду, рукоположенъ былъ въ священники. Разъ случилось ему проходить около того мѣста, гдѣ жилъ кающійся разбойникъ. Изъ палки успѣла вырасти яблоня. На деревѣ было много плодовъ. Это свидѣтельствовало о томъ, что срокъ покаянія окончился. Привожу для примѣра отрывокъ бѣлорускаго пересказа: „Јонъ вернувсе съ некла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: якъ ты людзей рѣзау, такъ и себе рѣзаць будуць!“ Дыкъ јонъ просе высповядаць яго. Той мальчикъ каже: „я не ксендзъ тебе сповядаць“.—Коли не будзешъ сповядаць, я тебе зарѣжу!—Ну, јонъ зачау спавядаць яго. Разбойникъ каже, кабъ покуту задау. Јонъ пашоу у лѣсъ з нимъ, знашоу сухую яблыню и кажець: „носи съ своей хатци воду у губѣ на коляняхъ и поливай яе, ажъ поки яна ни отживецъ и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забю,

¹⁾ Драгомановъ, Малорусскіе народныя преданія и разказы, стр. 406—408.

столько тамъ будзе яблыковъ“. Сказау я самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька оддау яго учицца: јонъ выучиуся я высвянциуся на ксѣндза: Ёдзе јонъ дамоу са школы презъ той лѣсъ, идзѣ быу разбойникъ. и чѹе — яблыки пахнуць; стау шукаць и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць, ажъ подъ тей яблыней ляжиць умершій разбойникъ. Јонъ узяу яго, повезъ съ собой я сховау подъ церквой“ ¹⁾).

Двойственный составъ переданной легенды очевиденъ. Легенда складается изъ разказовъ: а) о покаявшемся разбойникѣ и б) о чело-вѣкѣ, обреченномъ демону. Независимость этихъ двухъ повѣствований подтверждается такими вариантами, въ которыхъ кающемуся разбойнику дается болѣе дѣятельная роль, чѣмъ въ отмѣченныхъ выше пересказахъ. Для примѣра можно указать одинъ изъ малорусскихъ вариантовъ: „Як був собі розбойник і він ходив дванадцять годъ по світу, щоб хто з попів покуту ёму накинув за гріхи. Як которий не накине, то він ёго і вб'є. За дванадцять годів убив дванадцять попів. Прийшов до 13-го, щоб той спокутував ёго гріхи, розказав своє походженіє і похвалився, стілко попів убив. Перелякався піп і каже: „ну, я тобі покуту накину. Іди, каже, до мене в сад, там єсть яблуня і від неї йде 7 одростків, зрубай ти її, порубай на мілкі часті, запали, тай положи зверху руки по лікті, а ноги по коліна“. Зробив так розбойник і поодпалював собі руки й ноги. Після того привосє ёму піп мідну цеберку й каже: „на, та в цій цеберці носи дванадцять годъ воду, та поливай яблуню, поки вона одростє і уроде“. Прошло двѣнадцять лѣтъ; у разбойника отросли руки и ноги; яблоня покрылась листовой и плодами. Попъ велѣлъ тряхнуть яблоню; всѣ яблоки осыпались, осталось на деревѣ только два. „Піп и каже: „то батькові та материні гріхи“. Щоб спокутувать, каже піп, батькові й материні гріхи, то наймись до мене, або так стань на год вівицї настя“. Разбойникъ согласился. От раз іде по біля кладбища. коли дивяться, хосє чоловік з цпнком, тай штрика в гробки: „уставайте, каже. сукини-сини, та ідіть на панщину“. Розбойник прийшов тай пита: „шо ти тут робиш?“ Той молчить“. Кающійся убиваетъ этого человека и разказываетъ объ этомъ священнику. Оказывается, что это убійство завершило покайные подвиги бывшего разбойника. „Ну, каже піп, тепер ти совсєм спокутував уже свої гріхи і не грішним став, бо вбив того чоловіка, шо ёго й земля не прийма: то чоловік був у пана отама-

¹⁾ *Аванасъвъ*, Народныя русскія легенды, 178.

ном надъ панськими людьми. та так дуже обіжав людей, та не по правді робив, шо грішнішого від ёго мабутъ і в сніті вже не було“. Тай отпустив тоді піп розбойника¹⁾. О чоловікѣ, обреченномъ дяволу, о видѣнні страшнаго ложа въ этомъ пересказѣ нѣтъ и помину. Остановимся еще на любопытной легендѣ „Грѣхъ и покаяніе“. помещенной въ сборникѣ Аванасьева. Сынъ бѣдной вдовы нашель кладъ — большой котель съ золотомъ. Онъ нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать. какъ послышался голосъ: „не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!“. Оглянулся онъ назадъ, никого не видно и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось. Опять нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать изъ котла. какъ послышались тѣ же самыя слова. „Что такое? — говоритъ онъ самъ себѣ:—никого нѣтъ. а голосъ слышу“. Думалъ, думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: „Тебѣ сказано: не смѣй трогать! А коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи, все золото твое будетъ“. Воротился парень домой и крѣпко призадумался. По настоянію матери, парень открылъ ей причину своей задумчивости. Жадная старуха подговорила куму и дочь добиться того. чтобы золото досталось парню. Онѣ подпоили его, и грѣхъ былъ совершенъ. „Пьяному море по колено, а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы!—“ „Ну, что же, сынокъ,—говоритъ ему старуха,—о чемъ тебѣ печалиться? Ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу“. Собрался парень, взомель на гору, смотреть: золото стоитъ въ котлѣ не тронуто, такъ и блестятъ: „Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдать, только бѣ грѣха избыть“. И послышался голосъ: „Ну, что еще думаешь? Теперича не бойся, бери смѣло, все золото твое!“ Тяжело вздохнулъ парень, горько заплакалъ, не взявъ ни одной копѣйки и пошелъ, куда глаза

¹⁾ *Драгомановъ*, *op. cit.*, 131—132. Въ сводномъ разказѣ, сообщенномъ г. Кулишемъ, выступаетъ также разбойникъ, ищущій покаянныхъ испытаній. Онъ убилъ двухъ священниковъ, не успѣвшихъ назначить ему эпитимію. Только третій духовникъ, человекъ, бывавшій въ аду, указать на похищеніе патки, какъ на средство покаянія. Особенностью этого пересказа представляется его заключеніе: покаяніе не достигло цѣли, разбойникъ не получилъ прощенія. Явившійся священникъ велѣлъ кающемуся тряхнуть яблоко: „усі серібні яблука обсыпались, а двое золотыхъ висить.... Опе жъ, каже (іерей), твоі два гріхи висить, що ти отця й матірѣ убивъ“. (Записки о южной Руси, I, 309—311).

глядятъ. Идетъ себѣ да идетъ дорогою и, кто ни встрѣтится, всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страицана юря пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадется на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ, тотчасъ убиваетъ до смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, всего девяносто девять душъ, а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе“. Последней, сотой жертвой разбойника сдѣлался отшельникъ, не умѣвшій сказать, какъ замолить грѣхи. Наконецъ, несчастный отыскалъ таки такого человѣка, который указалъ средство, какъ очиститься отъ грѣха. То былъ скитникъ, обитавшій въ дремучемъ лѣсу.

„Взявъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. „Видишь,—спрашиваетъ онъ,—озеро?“ А озеро-то было внизу горы, съ полверсты здакъ.—„Важу“,—говоритъ разбойникъ. — „Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттуда воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она не пуститъ она отростковъ и не вырастетъ отъ нея яблоня. Вотъ когда вырастетъ отъ нея яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты трянешь ее и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на землю, тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи“. Прошло 37 лѣтъ. „Выросла яблоня, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худого да тонкаго: однѣ кости! „Ну, братъ, трясись теперь яблоню!“ Тряхнулъ онъ дерево, и сразу осыпались всѣ до единого яблоки; въ ту же минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ ему яму и предалъ его землѣ честно“ ¹⁾. Легенда, рассказывая о кающемся кровосмѣшителѣ, примыкаетъ къ цѣлому ряду сказаній подобнаго же содержанія ²⁾, но замѣчательно, что русскій пересказчикъ

¹⁾ *Авантисъ*, Легенды, № 28, стр. 91—94.

²⁾ Сводъ легендъ о кровосмѣшеніи см. въ статьѣ *A. Seelisch'a*: Die Gregorius-Legende; въ концѣ: Uebersicht über die Gregorlegende und verwandte Fassungen (*Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1887, Bd. XIX, 385—421). Извѣстные у насъ пересказы разсказывали: *Костомаровъ* (Легенда о кровосмѣшителѣ въ Моногр., I, 329—358), *V. Diederichs* (Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Stein und der Sage von Judas Ischariot въ *Russische Revue*, 1880, Bd. XVII, 119—146), *Веселовскій* (Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣшителѣ

легенды нашелъ возможнымъ слить съ нею разказъ о кающемся разбойникѣ. Очевидно, легенда объ инцестѣ напоминала нѣкоторыми подробностями разказъ о разбойникѣ; составъ этихъ двухъ сказаній представлялъ нѣкоторое сходство, вызывая смѣшеніе. Кающійся любовѣй-разбойникъ самъ (а не черезъ посредство человѣка, обреченнаго демону) разузнаетъ, какъ ему замолитъ грѣхи тяжкіе; способъ примиренія съ небомъ указываетъ ему, какъ и кающемуся Роберту, благочестивый отшельникъ.

Что касается другаго разказа, входящаго въ составъ приведенной выше легенды, то въ нѣкоторыхъ вариантахъ этотъ разказъ допускаетъ любопытное замѣшеніе: вмѣсто путника, отдающаго дьяволу свое дитя за помощь, оказанную нечистымъ, появляется знакомый намъ образъ бездѣтной четы, обрекающей демону своего единственнаго ребенка. Таковъ вариантъ, записанный въ Бретани. Бездѣтные супруги тоскуютъ въ одиночествѣ. Разъ у горюющей женщины вырвались неосторожныя слова: „мнѣ хотѣлось бы имѣть дитя, хотя бы потомъ и чортъ его взялъ“. Это желаніе исполняется. Появляется на свѣтъ Божій малютка, еще до рожденія обѣщанный дьяволу. Слѣдуетъ затѣмъ разказъ о томъ, какъ обреченный демону идетъ за совѣтомъ къ священнику, какъ священникъ отсылаетъ его къ папѣ, а папа — къ пустыннику, какъ мальчикъ встрѣчается съ разбойникомъ ¹⁾ и т. д. Нѣчто подобное находимъ въ великорусской сказкѣ:

и сказаніе объ ап. Андреѣ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885, июнь). Смѣшеніе легенды о кровосмѣсителяхъ и разбойникѣ облегчалось сходствомъ показанныхъ испытаній. Поливаше сухаго дерева призыву къ апокрифнымъ преданіямъ о ветхозавѣтномъ инцестѣ: Авраамъ приказываетъ Лоту принести три головы и поливать ихъ: „аще въ 40 дній оживится и вкоренится главни, вѣдомо буди, яко умилостися есть Богъ“ (*Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукоп. Солов. библиот., стр. 102). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что палка, дающая ростки,—подробность, повторяющаяся во многихъ легендахъ, не только христіанскихъ (*Веселовскій*, Розысканія..., X, 379—380; ср. въ моей книгѣ: „Къ литер. исторіи р. былевой поэзіи, стр. 183; *Мандельштамъ*, Опытъ объясненія бытаевъ, созд. подъ вліяніемъ мѣла, I, стр. 102—104), а и буддійскихъ (*Стасовъ*, О происх. р. былинъ въ *Востокѣ Европы*, 1868, мартъ, стр. 273; ср. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стран. 738, примѣч. 39).

¹⁾ *Luzel*, *Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne*, I, 107—203 (указ. у *Карловича*, *Wista*, II, 117). Легенда удерживаетъ упоминаніе о показавшемся разбойникѣ. Сказка въ сборникѣ *Coguin'a: Saint Etienne* (N° LXIV) передаетъ разказъ о человѣкѣ, отданномъ дьяволу, еще ближе къ приведенной выше старо-французской легендѣ. Подробностей, напоминающихъ сказку о шелудякѣ для легенду о разбойникѣ, въ разказѣ о св. Стефанѣ нѣтъ.

„Спасеніе души“, помѣщенной въ сборникъ *Худякова*. „Жила баба на горѣ; мужъ у ней ушелъ въ Москву. А къ ней вмѣсто мужа приходилъ чортъ. Вотъ родился у нихъ сынъ. Нечистый и написалъ: „живой твой, а мертвый мой“. Стало ему восемь лѣтъ; а эта записка была въ столикѣ. Онъ игралъ, игралъ, да и заглянулъ въ столикъ. а въ столикѣ лежитъ записка. Онъ и читаетъ: „живой твой, а мертвый мой“.—Мамаша, говоритъ, что это такое?—Она разказала ему. Мальчикъ взялъ эту записку и пошелъ свою душу отыскивать. Пошелъ онъ къ труженяку. Пришелъ, показываетъ ему записку. „Ахъ, говоритъ, какъ мнѣ душу выручить?“—Ты, говоритъ, ступай къ такому-то купцу, наймись у него служить“.—Мальчикъ исполнилъ этотъ совѣтъ. Купецъ, оказывается, водилъ знакомство съ нечистымъ. Отправившись вмѣстѣ съ хозяиномъ къ чертямъ, мальчикъ выручилъ свою душу и узналъ о казни, ожидающей купца: ему прѣготовлена желѣзная кровать, а подъ кроватью бугоръ огня. „Купецъ и спрашиваетъ: „какъ же мнѣ, говоритъ, душу свою выручить?“ А мальчикъ и говоритъ: „я схожу, говоритъ, къ труженнику, узнаю, что онъ мнѣ скажетъ“. Пошелъ онъ къ труженнику узнавать, какъ купцу душу выручить. Труженикъ ему и говоритъ: „скажи купцу: сколько у него ни есть денегъ, чтобы на всѣ деньги дровъ накопилъ. Возилъ бы ихъ въ поле; когда до копѣйки деньги выйдутъ, тогда зажечь эти дрова; покуда они всѣ не сгорятъ въ уголья, лечь и у Бога прощенія просить“.—Купецъ такъ и сдѣлалъ. „Зажегъ онъ эти дрова, и горѣли они три года. Пока не сгорѣли всѣ эти дрова, купецъ лежалъ на жару и у Бога прощенія просилъ. Богъ его прсстилъ“ ¹⁾. Любопытно, что и въ сказкѣ, записанной въ Бретани, разбойникъ строить печь; жаръ печи долженъ напоминать грѣшнику огонь геенны. Въ одномъ изъ малорусскихъ пересказовъ начало легенды передано такъ: „Була на селі вдова та все її хотілось, щоб син був у неї. От чорт і довідавсь та перекинувсь паном і перестрів її. „Деб тут, кає, можно було переночувать та так щоб і з бабою?“—Чом, кає, не можно, і я переночую.—„Ну, так, то й так, кає, тілкі зробимо росписку, як син народиться, то буде твій до зросту, а там буде мій,

¹⁾ Великорусскія сказки, вып. III, стр. 95—97. Припомнимъ, что по одному изъ малорусскихъ вариантовъ разбойникъ, по повелѣнію священника, долженъ развести огонь и положить „зверху руки по лѣкті, а ноги по коліна“ (*Драчюмось*, 131). Въ нѣмецкомъ пересказѣ разбойникъ разводитъ огонь, ставитъ на него котелъ съ масломъ и погружается въ горячую жидкость. (*Monat, Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit*. 1837, VI, 390—400: *Teutsche Volkssagen*, № 30).

а як дочка—хай твоя!“—Та вертілась, вертілась,—согласилась. Погуляли от то ніч, вранці распростились чорт і пішов. От як уж вийшло її, родила вона сина. Став син до літ доходити, такий став грамотний та разумний. Якось і найшов ті росписки. „Що це ви, кас, мамо, наробили?“—Плаче.“—Слѣдуетъ далѣе розказъ о путешествіяхъ сатанѣ, о страшной кровати и проч. ¹⁾).

Знакомаясь съ пересказами отмѣченныхъ выше легендъ и сказокъ, мы возвращаемся, очевидно, въ кругу эпическихъ данныхъ, связанныхъ взаимнымъ притяженіемъ, и потому легко поддававшихся соединенію и общему подробностей. Легенда о человѣкѣ, освобождающемся отъ власти дьявола, сливалась то съ разказомъ о покаявшемся разбойникѣ, то съ сказкой о мнимомъ шедудякѣ.

Связь этихъ переплетающихся повѣствованій съ сказаніемъ типа Роберта Дьявола несомнѣнна: въ легендахъ и сказкахъ мы находимъ всѣ элементы, изъ которыхъ сложилась повѣсть о смирившемся удалецѣ. Одна легенда разказывала о бездѣтныхъ супругахъ, обрекающихъ демону желанное дитя (прямымъ ли призываніемъ нечистаго, или нарушеніемъ обѣта цѣломудрія); позже этотъ обреченный дьяволу человѣкъ, при помощи благочестиваго отшельника, освобождается отъ темной силы. Въ другой легендѣ рѣчь шла о великомъ преступникѣ, о разбойникѣ, разузнающемъ, какъ ему загладить свои грѣхи; способъ примиренія съ небомъ указывается святымъ отшельникомъ. Мы знаемъ, что эти двѣ легенды соединились въ сводномъ разказѣ: обреченный демону встрѣчается съ разбойникомъ и не только самъ спасается отъ грозившей ему бѣды, но и разбойнику указываетъ путь спасенія. Повѣсть типа Роберта Дьявола представляетъ иное сѣйленіе тѣхъ же легендъ: Робертъ—человѣкъ, отданный дьяволу, и кающійся разбойникъ. Въ только что указанномъ сводномъ разказѣ образъ благочестиваго отшельника, назначающаго преступнику эпитимію, сливается съ образомъ человѣка, ходившаго въ адъ. Повѣсть о Робертѣ даетъ иное смѣшеніе, отождествляя человѣка, обреченнаго демону, съ разбойникомъ, отыскивающимъ средство примиренія съ небомъ.

Остается коснуться еще одного вопроса. Въ приведенныхъ выше легендахъ настойчиво повторяется одно и то же покаянное испытаніе: поливаніе сухаго дерева. Испытаніе Роберта иное. Не мѣшаетъ ли эта разница сопоставленію легендъ о разбойникѣ съ сагой о нормандскомъ герцогѣ? Въ правѣ ли мы поэтому разсматривать

¹⁾ Драгомановъ, op. cit., стр. 50—51.

сводную легенду о разбойникѣ и человекѣ, обреченномъ демону, какъ литературную аналогію повѣсти о Робертѣ Драгоцѣннымъ пособіемъ для разрѣшенія этихъ недоумѣній можетъ служить житіе св. Варвара разбойника, помѣщаемое въ житейныхъ сборникахъ греческихъ и славяно-русскихъ ¹⁾. Житіе это представляетъ замѣча-

¹⁾ Житіе св. Варвара помѣщается въ славянскихъ прологахъ и минеяхъ подъ разными числами: 6-го мая, 18-го августа, 2-го октября (*Серій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, т. I, прилож., стр. 114; т. II, ч. I, стр. 118, ч. 2, стр. 125). Въ четьихъ-минеяхъ Димитрія Ростовскаго въ началѣ житія Варвара (подъ 6-мъ мая) помѣчено на полѣ: „изъ великіи минеи четьи“. „Слово о Варварѣ, разбойникѣ, како приведе его Богъ на показанье“ напечатано г. *Лопаревымъ* по рукописи. Торжественнику XVI вѣка (Описание рукописей Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, ч. I, № CLXXXV, стр. 344—346). Въ греческихъ синаксаряхъ память Варвара отвесена къ 15-му мая. Г. *Пападопуло-Керамей* нашелъ и напечаталъ Κωνσταντίνου Ἀκροπολίτου Λόγος εἰς τὸν ἅγιον Βάρβαρον (Ἀνέκκτα Ἱεροσολυμιτικά σταχυολογία... Ἐκδ. ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμεῖος, τόμος Α' XVIII, 406—420). Разказъ Константина Акрополита, писателя XIII—XIV вѣка, представляетъ значительныя различія сравнительно съ текстомъ, внесеннымъ въ наши и греческіе синаксари. Г. *Сл. Дестумистъ*, въ статьѣ, вызванной появленіемъ сборника г. Керамея, высказываетъ такіа соображенія относительно различій въ сказаніи о Варварѣ: „Въ сказаніяхъ, доселѣ издававшихся о житіи этого угодника... обращеніе его изъ разбойника и безбожника въ христіанина изображалось, какъ плодъ его собственнаго размышленія и богомыслия. По тексту Константина Акрополита, на обращеніе Варвара подѣйствовало необычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на него святою литургіей. Хотя авторъ этого жизнеописанія жилъ въ XIII—XIV вѣкахъ и отдаленъ былъ слишкомъ четырьмя столѣтіями отъ самыхъ событий, но онъ, безъ сомнѣнія имѣлъ, подъ рукою болѣе вѣрные источники, чѣмъ тѣ, которыми пользовались, издаваемые доселѣ минеи. Въ новомъ текстѣ находимъ живую картину релягіозныхъ гоненій, совершавшихся въ царствованіе Михаила Косовязмчаго (Травла) (820—828 г.) и рядомъ съ ними опустошеній имперскихъ земель извнѣ сарацинами. Съ этимъ-то общимъ ходомъ дѣлъ въ тѣсную связь поставлена прежняя грѣховная жизнь Варвара и его обращеніе на путь истинны. Отложивъ въ сторону плохое объясненіе самого Константина о происхожденіи этого лица отъ Афровъ, мы однако не отвергаемъ того факта, разказаннаго тѣмъ же авторомъ, что Варваръ принадлежалъ къ сонмищу жителей мѣстечка *Драгомисто*, по соседству съ Амвразіей (Артой) и что въ своихъ похожденияхъ онъ доходилъ до *Нина* (Настъ). Итакъ, вѣроятнѣе намъ кажется, что онъ былъ славянинъ“. (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1892, августъ, стр. 393—394). Не касаясь вопроса объ исторической основѣ житія, вызывающей не мало недоумѣній (*Серій* ор. cit. II, 2, 124—125), позволю себѣ высказать догадку о самой легендѣ, связанной съ именемъ Варвара. Неодинаковые изводы сказанія о Варварѣ напоминаютъ литературную исторію западной легенды о св. Христофорѣ, соединившей разказъ о диаволѣ, ставшемъ христоносцемъ, съ памятью св. мученика, носившаго имя Христо-

тельное сходство съ одной стороны съ отиѣченными выше легендами, а съ другой—съ сказаніями о Робертѣ.

Варваръ разбойничалъ „въ странахъ Ликийскихъ, многи крови человѣческия проливая; никто же можаше его няти, ни противитися

фора. Основою нашей легенды могла быть поучительная притча о дикарѣ, обратившемся къ Христу. Имя: *βάρβαρος*, имѣвшее въ притчѣ нарицательное значеніе, дало однако поводъ къ смѣшенію анонимнаго разказа съ памятью о св. мученикѣ Варварѣ, извѣстномъ по восточнымъ и западнымъ легендамъ. Позже, подъ вліяніемъ этого смѣшенія, когда легенда о Варварѣ распалась на двѣ редакціи (древнюю и новую, основанную на притчѣ), раздвоился и образъ Варвара: явилось „въ Греціи два Варвара мучоточда: одинъ устѣченный прѣ Іуліанѣ по Фракіи, по коего мощи положены въ Мевонѣ пелопонезскомъ, другой—на сѣверѣ Греціи“ (*Серій*, 1, cit.). Перная, пелопонезская локализация, принадлежитъ древней легендѣ. Для новой, приточной редакціи понадобилось отыскать и новую мѣстность. Она найдена была тамъ, гдѣ эллины смѣшивались съ варварами, въ странахъ съ греко-славянскимъ населеніемъ. Памятникъ, въ которомъ сохранилась эта приточная редакція,—слово Константина Акрополита. „*Ἦν μὲν ἐκ Βαρβάρων*“, замѣчаетъ Константинъ о своемъ героѣ. Видимъ такимъ образомъ, что нарицательное значеніе имени Варвара сохраняетъ еще полную прозрачность. Обращеніе Варвара къ Христу изображается такъ: *διήκου γὰρ χρονηθὼν προέας τῶν ὀφθαλμῶν ὁ διήκου πόλλας περιδὼν, μάλλον δὲ αὐτοῖς αὐτὰς διήκουσιν ἀγορεύει*; *παρταγόμενος, καὶ τὰ πιστὰ τοῦ ἐνθάδε τῆς μεταβάσεως μυσταὶ τὰ ὑψηλότερα, τὴν μακρὰν ὁμολογεῖ Γριάδα καὶ Κανδίκης*; *τις ἄλλος καὶ ἀπερεῖ βαπτισθήναι ζητεῖ καὶ βαπτίζεται*; то-есть: ручьемъ лиль слезы изъ глазъ многократно презиравшій слезы, болѣе того—многимъ много поводѣвъ давшій къ слезамъ; доказавъ этимъ свое раскаяніе, онъ посвящается въ высочайшія тайны (вѣры), исповѣдуетъ блаженную Троицу и подобно Кандаку ищетъ вѣщенія и крестится (стр. 413). Оказывается такимъ образомъ, что варваръ былъ язычникъ; авторъ слова сравниваетъ его съ зѳіопомъ, обращеннымъ и крещеннымъ ап. Филиппомъ (книга Дѣяній апостоловъ VII, 27—39). Выраженіе Константина: *Κανδίκης τις ἄλλος*—не точно; въ книгѣ Дѣяній упоминается *δυνάτης Κανδίκης τῆς βασιλέως Αἰθιοπῶν*. Но подобное же перенесеніе имени Кандаки на ея вельможу, встрѣчается, впрочемъ, и у другихъ писателей (*Lipsius*, *Die apocryphen Apostelgeschichten*, II, 2, 40). Упоминаніе о слезахъ, которыя презиралъ и причинялъ Варваръ, объясняется его жизнью до обращенія къ Христу: онъ былъ разбойникъ (стр. 410). Редакція житія, извѣстная по синаксаріямъ, запомнила только послѣднюю подробность, разбойничью жизнь Варвара. Его обращеніе къ Христовой вѣрѣ, всѣ подробности этого обращенія забыты. Въ этой вторичной передѣлкѣ легенда объ обращеніи Варварѣ перестроилась по типу разказовъ о покаявшемся разбойникѣ. Сообразно съ этимъ измѣнены, какъ увидимъ при дальнѣйшихъ слѣженіяхъ, и нѣкоторыя подробности разказа. Выстѣ съ тѣмъ и имя Варвара утратило прежнюю значимость; оно могло быть понято только какъ имя собственное. При переработкѣ содержанія житія я держался славянскаго текста, изданнаго г. Лопаревымъ.

ему; зане крѣпокъ бѣ тѣломъ“. Разъ, когда разбойникъ сидѣлъ въ пещерѣ и разсматривалъ золото, собранное грабежемъ, „внезапу осия его свѣтъ и умилися душою, прииде въ страхъ божии, в себѣ бывъ и плакашеся душа своя грѣшныя“. Задумавъ покаяться, Варваръ „остави все, токмо единъ мечъ подъ пазуху вземъ, и иде въ село, в немъ же бѣ церковь; и узре прозвитера въ церкви, по утренни падъ на ногу его моляшеся со слезами“¹⁾. Священникъ приводитъ грѣшника къ алтарю, выражая готовность выслушать его исповѣдь. Этой готовностью духовникъ спасъ себѣ жизнь. Оказалось, что разбойникъ уже обращался раньше къ двумъ іереямъ, но тѣ отказались принять его покаяніе и были убиты. „Убихъ, кается Варваръ, до трехсотъ мужей мечемъ своимъ, убихъ двою прозвитеръ не хотѣвше мя прияти на покаяніе“. Припомнимъ совершенно сходную подробность въ народныхъ легендахъ о кающемся разбойникѣ: онъ убиваетъ нѣсколько священниковъ, отказавшихся наложить на него зпитимію.

Выслушавъ исповѣдь Варвара, священникъ сказалъ ему: „чадо, нѣсть грѣхъ, иже милость Божію удоволити, но токмо не отчайся и поиди въ домъ мой, да яже ти глаголю, то сѣтвори дѣло“. Пошедшу же прозвитеру изъ церкви и обращеся *видѣ варвара на колѣну и на логію по себѣ идуща*²⁾ и рече: что се чадо? Онъ же рече: „Отнележе отвергохся всего зла предъ Богомъ, своихъ грѣ-

¹⁾ Въ словѣ К. Акрополита обращеніе Варвара объясняется чудеснымъ видѣніемъ: присутствуя въ церкви при литургіи, Варваръ видѣлъ въ алтарѣ пресвитера и съ нимъ прекрасное дитя (ὁρᾷ θαιράκιον οἷα καὶ βλεπέει ἐξ ἱστοῦ πρῶτα μὲν γὰρ τὸν πρεσβύτερον καὶ περὶ αὐτὸν βρέφος περικαλλές· ἀσταίον περικοιτῶεν τὸ ἄβυστον—стр. 411), видѣлъ также двухъ свѣтозарныхъ юношей, которые помѣщались по сторонамъ священнослужителя, держась надъ землей локтя на два (τεθίσταται δὲ καὶ νεανίας δύο ὡς λευκὰ μὲν ἐνδεδυμένους, ἡλίου δὲ δίσκῳ μᾶλλον δὲ καὶ ὑπὲρ ἡλίον λαμπρότας· οἱ καὶ ἐκατέρωθεν τὸν ὄντων ὑπῆρειον καὶ τῆς γῆς ὡσεὶ δύο πύργους ἐτίθειον μετέωρον, стр. 412). Это видѣніе напоминаетъ „Сказаніе Амфилога царя о святѣй литургіи“ („видѣлъ Христа яко дидятво малое“) и другіе подобныя же разказы объ евхаристическомъ чудѣ. Разказы эти разсмотрѣны въ ст. А. Н. Веселовскаго: „Амфилогъ—Evalach въ легендѣ о св. Гралѣ“ и „Къ видѣнію Амфилога“ (Разыск. въ области р. дух. стиха, вып. V, гл. XVII, стр. 331—349, 375—376, вып. VI, гл. XXI, стр. 137—146). Въ дополненіе могу указать разказы, записанные въ Dialogus miraculorum (отд. IX: De sacramento) и въ нашемъ патерикѣ (Древній патерикъ, изложенный по главамъ, изд. 2, стр. 339—341, 342—344).

²⁾ Хожденіе на четверенькахъ упоминается, какъ было уже замѣчено, въ нѣмецкомъ разказѣ о французскомъ королѣ: er solt kriechen auf dem ertrich als ein vihe (Germania, 1892, 50).

ховъ, и не имамъ вѣстати, дондеже ми отпушены будутъ. Вшедиши же има в домъ и рече ему поплъ: се, чадо, дѣти мои, а се раби и пси, кому хоцеша равенъ быти, да с тѣми ядъ прими. Варваръ же рече: азъ есми ни псомъ себе помышляю равна быти. но обаче нужды ради тѣлесныя, съ тѣми пси яди вкушу... ¹⁾. И рече ему: сътвори, чадо, якоже предъ Богомъ реклъ еси, и *пробысть три лѣта съ пси ядъ*²⁾. Такимъ образомъ кающійся Варваръ оказывается выдерживающимъ то именно испытаніе, которое знакомо намъ по сажъ о Робертѣ: *ascendit aulam regiam, pignat cum canibus, garrpit ea, quae eis prosciuntur, ab eorum dentibus*. Этотъ же видъ покаянія повторяется въ нѣкоторыхъ другихъ западныхъ сказаніяхъ: въ сажъ о Валентинѣ и Орсонѣ ³⁾ и въ одной изъ переработокъ легенды о гордомъ царѣ ⁴⁾. Припомнимъ при этомъ евангельскую притчу о богачѣ и нищемъ.—Бѣдный Лазарь „желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и пси приходя лизали струпья его“. (Ев. Луки, XVI, 21). Нашъ духовный стихъ развиваетъ евангельскую картину:

Псы по подстолямъ похаживали
Обронныя крошечки собиравали,
Къ убогому Лазарю принашивали.
(Калѣва перек. I, 56).

Этотъ же евангельскою картиною униженія воспользовалась и легенда, придавъ ей значеніе покаяннаго испытанія ⁴⁾.

¹⁾ Варваръ самъ выбираетъ себѣ этотъ способъ покаянія. Подобная же черта встрѣчается въ нормандской хроникѣ: *et voua a Dieu que iamaiz viande ne mengeroit sil ne l'ostoit aux chiens*. (*Breul*, op. cit. 76—77).

²⁾ Valentin und Namelos... nebst Einleitung, Bibliographie und Analyse des Romans Valentin et Orson von W. Seelmann (Denkmäler, herausg. vom Verein für niederdeutsche Sprachforschung IV), S. L, LVI.

³⁾ Переработка эта приурочена къ имени Роберта, короля Сицилійскаго (см. H. Varnhagen, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Litteraturen, 64—90). Фарнгагенъ съ изысканіемъ, кажется, рѣшительно утверждаетъ, будто авторъ стихотворенія о Робертѣ сицилійскомъ nicht verschmähte, gewisse Züge der im Mittelalter ebenfalls weit verbreiteten, interessanten Sage von Robert dem Teufel zu entlehnen und seiner Dichtung einzuverleiben. So nennt er auch den Helden Robert.

⁴⁾ Иное опять значеніе,—значеніе жизненнаго опыта,—получаетъ этотъ образъ въ изреченіяхъ Давида Заточника: „Не бывшия со псомъ объ одинъ мождоу, добра не видати. Не гнавши бо ся кому послѣ шершня съ метлоу о впроху, ни скаввши со стола по горохово зерно, добра не видати“. Въ былинѣ о Хотенѣ

Собачьей жизнью не ограничилось испытаніе Варвара. Послѣ трехъ лѣтъ такой жизни священникъ сказалъ покаявшемуся разбойнику: „уже чадо, не велить ти Богъ питатися съ тѣми. И рече Варваръ: отче, еще хошу скотомъ пасомъ быти. — И рече попъ: „се, чадо, Богъ вѣсть, за предняя своя прегрѣшенія хоцещи страдати. *И тако изыде скоты пасти*; оттолѣ же изыде въ дубраву и пребысть 12-ть лѣтъ в пустыни, зѣлая суровыя по нужѣ вкушаше. нагъ ходя. ничего же на тѣлѣ своемъ имѣяше; бяше же ему плоть. аки кора финикова, отъ мраза разсѣдшися, отъ солнца почерневши“ ¹⁾. Подобное же превращеніе разбойника въ пастуха встрѣчается и въ указанныхъ выше народныхъ легендахъ:

„Шоб спокутувать, каже піп, батькові й материні гріхя, то наймись до мене, або так стань на год вівці пасти. Разбойник согласся“ и пр.

Выдержавъ покаянный искусъ, Варваръ скончался смертью мученика. Какіе то прохожіе купцы приняли его за звѣря и подстрѣлили. Когда же они подошли и увидѣли свою ошибку, ужасъ охватилъ ихъ. Но умирающій не повелѣлъ имъ скорбѣть, разказалъ о себѣ и попросилъ отогнать овецъ къ попу. Священникъ, получивъ извѣстіе о смерти Варвара, пришелъ похоронить его и увидѣлъ тѣло его, свѣтящееся какъ солнце.

Двойной параллелизмъ житія Варвара разбойника придаетъ этому памятнику особенное значеніе. Повѣсть о св. Варварѣ представляетъ несомнѣнно пересказъ той именно легенды, которая извѣстна и по народнымъ преданіямъ о покаявшемся разбойникѣ. Сходство такихъ мелочныхъ подробностей, какъ убійство двухъ священниковъ, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Но житіе Варвара выдается изъ ряда сходныхъ съ нимъ сказаній картиною покаяннаго испытанія. Это испытаніе одинаково съ тѣмъ, которое изображается въ сагѣ о Робертѣ. Сага оказывается такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ

Блаудовичъ Часова жена пользуется сходнымъ же образомъ, чтобы поглумиться надъ бѣдностью жениха своей дочери:

Онъ ходитъ по городу — уродуетъ,
Ищетъ-то упалаго зернышка,
А чѣмъ бы ему голова пропитать.

(Рыбн. I, 256, 252; III, 142; Гильф., 836).

¹⁾ Константинъ Аврополитъ изображаетъ покаянное испытаніе Варвара иначе: на руки и ноги его навязываются тяжелыя путы; на шею накинута цѣпь, пригибающая голову къ рукамъ (πεδεῖται χεῖρας ἀπὸ καὶ πόδας βαρυστάτους ὅτι χλοιοῖ, καὶ ἐσφάτῃται τοῦτο τοῦ τραχήλου σείρα, τὴν κεφαλὴν συγκατακλίνουσα ταῖς χερσὶ 414).

примыкающей къ тому же кругу сказаній, къ которому принадлежать извѣстныя намъ народныя легенды.

Повѣсти о Варварѣ и Робертѣ тѣмъ удобнѣе сопоставить, что какъ та, такъ и другая дошли до насъ путемъ не устной, а письменной традиціи. Традиція эта уводитъ насъ за предѣлы русской литературы. Сага о Робертѣ знакомитъ насъ съ западной легендой. Житіе Варвара даетъ возможность прослѣдить сходныя черты въ области греческой агиологіи.

Но легенда о покаявшемся разбойникѣ объясняетъ лишь часть саги о Робертѣ, другая ея часть связана, какъ мы видѣли, съ легендой о человѣкѣ, обреченномъ демону. Сага не сопоставляетъ только эти двѣ темы, какъ сводный разказъ о разбойникѣ и о посѣтителѣ ада, а соединяетъ ихъ въ эпическое цѣлое, проникнутое одной мыслью и расположенное по опредѣленному, выдержанному плану. Повѣсть—не скопленіе легендарныхъ и сказочныхъ подробностей, набранныхъ по сходству содержанія, а обдуманное, цѣлесообразное сочетаніе этихъ подробностей, сплоченное живымъ творческимъ замысломъ. Въ одномъ изъ указанныхъ выше малорусскихъ разказовъ разбойникъ, встрѣтившійся съ юношей, обреченнымъ демону, спрашиваетъ: „А ци ти у матери в утробѣ запродаий?“ На утвердительный отвѣтъ юноши разбойникъ замѣчаетъ: „Ну то ти такіи якъ я е“. Этотъ намекъ на какую-то связь разбоя съ обреченіемъ демону остался въ народномъ разказѣ не развитымъ. Въ сагѣ о Робертѣ эта именно мысль о воздѣйствіи дьявола на обреченнаго ему человѣка положена въ основу всего разказа. Древній поэтъ, слагавшій впервые такой разказъ, зналъ преданія о чертовыхъ дѣтяхъ, о людяхъ съ демонической природой, какъ императоръ Юстиніанъ, и т. п. Эти преданія послужили для него образцомъ, дали ему основную нить, на которую онъ нанизывалъ подробности изъ подходящихъ по содержанію, и при томъ же легко подававшихся скрещиванію легендъ и сказокъ: о человѣкѣ, обреченномъ демону и освободившемся отъ его власти, о покаявшемся разбойникѣ, о мнимомъ шелудякѣ. Получилась сложная, но цѣльная повѣсть, которая повторяется и во французскомъ романѣ о нормандскомъ герцогѣ, и въ англійской поэмѣ о герцогѣ австрійскомъ, и въ нѣмецкомъ разказѣ о какомъ-то французскомъ королѣ, и въ нашей былинѣ о Василѣ Буслаевѣ.

Правда, наша былина не знаетъ теперь подробностей, соответствующихъ второй половинѣ саги о Робертѣ и его литературныхъ двойникахъ. Но въ древнюю пору, въ первоначальной редакціи былины

такія подробности, вѣроятно, были. Припомнимъ приуроченіе имени Василья къ году осады Новгорода суздальскими войсками. Такое приуроченіе, какъ было уже замѣчено, даетъ поводъ къ догадкѣ, что въ древней былинѣ передавался разказъ объ осадѣ города, объ отраженіи вражескаго набѣга, при чемъ дѣйствующимъ лицомъ выступалъ Василій Буслаевичъ. Припомнимъ еще пѣсню, гдѣ Василій является въ положеніи Ваньки ключника:

И пошелъ молодецъ изъ земли въ землю,
И попалъ молодецъ къ королю въ Литву,
Налаяся молодецъ къ королю на двѣнадцать лѣтъ,
И первый годъ жилъ въ конюхахъ:
И впа-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ...

На другой годъ молодецъ жилъ во поварахъ, на третій годъ—во ключникахъ (*Рыбниковъ*, II, № 49, стр. 260).

Для изображенія Василья въ такомъ положеніи приживальщика при королевскомъ дворѣ должны же были представляться какія-нибудь основанія; въ пѣсняхъ о Васильѣ должно было отыскиваться что-то похожее на положеніе добраго молодца, служившаго на чужбинѣ. Если дошедшіе до насъ пересказы былины не представляютъ такого сходства, то остается предположить, что въ этихъ пересказахъ нѣкоторые подробности прежней былины забыты. Пѣсня о Васильѣ, королевскомъ конюхѣ и ключникѣ, получаетъ, при такомъ предположеніи значеніе смутнаго, искаженнаго воспоминанія объ утраченномъ эпизодѣ древней былины.

Устойчивой подробностью сказки о шелудякѣ представляется, какъ мы видѣли, упоминаніе о золотыхъ волосахъ сказочнаго героя. Эти золотые волосы сближаютъ мнимаго шелудяка съ „Васильемъ златовласымъ, королевичемъ Чешскія земли“, дѣйствующимъ лицомъ повѣсти, вѣроятно, захожей, но успѣвшей натурализоваться на русской почвѣ ¹⁾. Въ извѣстномъ теперь текстѣ повѣсти нѣтъ объясненія прозвища героя; золотые волосы Василья не вылетаются въ содержаніе разказа. Но литературное творчество стараго времени не терпѣло условныхъ, ничего не выражающихъ прозвищъ. Вѣроятно, повѣсть о Василіѣ была измѣнена, при чемъ кое-какія подробности

¹⁾ Повѣсть о Василіѣ указана была впервые *И. М. Снегиревымъ* (въ изслѣд. о дубочныхъ картинкахъ; ср. *Пыпинъ*, *Исторія повѣстей и сказокъ*, 223), найдена въ погодинской рукописи *А. Ф. Бычковымъ* (*Описаніе рукоп. сборниковъ Публичной бібліотеки*, стр. 272), издана *И. А. Шапкинскимъ* (*Памятники др. письменности 1882 г.*), рассмотрѣна *А. Н. Веселовскимъ* (*Замѣтки по литературѣ и народной словесности*, стр. 62—80).

были забыты ¹⁾. Повѣсть развиваетъ теперь тему сказокъ о гордой, разборчивой невѣстѣ; въ сказкѣ этой группы женихъ является обыкновенно „въ чужомъ образѣ: нищаго, бѣдняка, садовника, ходебщика, угольщика, пекаря, парикмахера, пастуха, лакея, юродиваго, гусельника“ ²⁾. Такая тема имѣетъ нѣкоторое сходство съ знакомыми намъ сказками о героѣ въ уничиженіи, о мнимомъ шелудякѣ. Не представлялся-ли первоначально златовласый Василій такимъ именно златовласымъ шелудякомъ, какъ Незнайко и подобные ему сказочные герои? Повѣсть о королевичѣ Чешскія земли примкнула бы при такомъ предположеніи къ тому кругу сказокъ, къ которому съ другой стороны примыкаетъ повѣсть о Робертѣ, родственная съ былинной о Василѣ Буслаевѣ. Не случайно, быть можетъ, сходство именъ чешскаго королевича и новгородскаго удалыца...

Собирая эти мелочные, полузабытые намеки, предполагающіе сходство древней былины о Василѣ со второй частью саги о Робертѣ, я совсѣмъ не думаю утверждать, что такое предположеніе неизбежно необходимо. Если наша былина не знаетъ подробностей, отвѣчающихъ сказкѣ о мнимомъ шелудякѣ, то вѣдь не знаетъ такихъ подробностей и одинъ изъ древнѣйшихъ пересказовъ саги о Робертѣ, — Нормандская хроника. Былина о Василѣ Буслаевѣ въ ряду родственныхъ ей сказаній дѣйствительно должна занять отдѣльное мѣсто, должна быть признана своеобразною редакціей широко распространенной саги, но право на такое признаніе дается нашей былинѣ не отсутствіемъ сходства съ сказкой о шелудякѣ, а иными, болѣе важными и интересными особенностями.

Ив. Збдановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ На измѣненія и пропуски въ текстѣ повѣсти указываютъ и другія подробности ея состава. „Имена главныхъ дѣятелей повѣсти, замѣчаетъ академикъ Веселовскій, принадлежать вѣроятно ея искомому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненія и *никто не ясно разказанные ея эпизоды*. Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный полъ, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь же диковинною свирѣлью, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разказа, даже ничѣмъ не мотивирована, какъ остается не объясненнымъ, почему и гости, идущіи съ царевичемъ, и его тридцать спутниковъ названы Васильями“ (op. cit. 66—67).

²⁾ *ibid.* 73. См. еще замѣчанія о сказкахъ этой группы въ ст. II. Кузьмичевскаго: Шолудовый Бунига въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ (Кіевская Старина, 1887, т. XIX, октябрь, стр. 237—241).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

Образование территории Литовско-Русскаго государства.

Южная Русь ²⁾ вошла въ составъ территории Литовско-Русскаго государства въ XIV вѣкѣ, частью еще при Гедиминѣ, главнымъ же образомъ при Ольгердѣ. При немъ широко раздвинулись границы Литовско-Русскаго государства. Вновь присоединенная территория обнимала обширное пространство: съ одной стороны отъ Оки и истоковъ

¹⁾ Продолженіе. См. июльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ См. *Лантыш-Каменскій*, *Исторія Малой Россіи* (1822; втор. изд. 1830). *И. Срезневскій*, *Украинскія были*, 1657—1710 (1838). *Его же*: *Истор. обзоръ нѣе гражд. устройства Украины со времени ея заселенія* (1839). *Его же*: *Русское населеніе степей и поморья въ XI—XIV вв.* (*Извѣст. II. Отд. Ак. Наукъ*, XIII). *А. Сколковскій*, *Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго* (1841; втор. изд. 1846). *Н. Маркевичъ*, *Исторія Малороссіи* (1842—1843). *Г. Кошискій*, *Исторія руссовъ, или Малой Россіи* (*Чтен. въ Общ. Ист. и Др.*, 1846, I—IV; отдѣльно—1846). *Ризельманъ*, *Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи* (1850). *М. Grabowski*, *Ukraina* (1850). *П. Кулишъ*, *Записки о Южной Россіи* (1856—1857). *Его же*, *Хмельницщина* (1861). *Его же*, *Исторія воссоединенія Руси* (1874). *Его же*, *Отпаденіе Малороссіи отъ Польши, 1340—1654* (1890). *М. Потодинъ*, *О влияніи запустѣнія Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ново-пришлыхъ народомъ* (*Русская Бесѣда*, 1857, IV; *Сборн. сочин.*, I). *Максимовичъ*, *О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ* (*Русская Бесѣда*, 1857, IV; *Сборн. соч.*, I). *Г. Милорадовичъ*, *Матеріалы для исторіи Южной Руси* (1858). *Н. Костомаровъ*, *Два русскія народности, великорусская и малорусская* (*Основа*, 1861, №№ 3 и 10; *Историч. моногр.*, I). *Его же*: *Богданъ Хмельницкій*, послѣд. изд. 1884). *Его же*, *Борьба украинскіхъ казаковъ съ Польшею* (*Отеч. Зап.*, CV). *В. Bartoszewicz*, *Co znaczyła i gdzie była Ukraina* (*Bibl. Warsz.*, 1861, II; *Dzieła Bart.*, t. III). *Szajnoch*, *Zdobycze pług* Polskiego. *Dwa lata dziejów naszych* (Szkie historyczne, III). *Д. Мордовцевъ*, *Гайдамаччина*, историч. монографія (1870). *Г. Карповъ*, *Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей* (*Журн. Мин. Нар.*

Сейма до Западнаго Буга, съ другой—отъ нижнихъ притоковъ Припяти въ глубь Черноморскихъ степей. Все это пространство состояло изъ нѣсколькихъ группъ южно-русскихъ областей, начальное образованіе которыхъ относится еще къ первымъ временамъ русской исторіи, именно земель: Сѣверской, Кіевской и Воынской; татарской эпохѣ принадлежитъ образованіе земли Подольской, составившей съ второй половины XIV столѣтія южную окраину Литовско-Русскаго государства. Мы рассмотримъ образованіе территоріи южныхъ областей Литовской Руси въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ эти области перечислены выше.

V

Сѣверская земля (Сѣверщина). въ пору присоединенія къ Литвѣ, занимала Задвѣпрровье, отъ Посемья и нижняго теченія Десны до Угры и Оки, съ одной стороны, и отъ Днѣпра до истоковъ Сейма, съ другой, и образовалась изъ бывшихъ земель сѣверянъ, частію также радимичей и вятичей. Въ концѣ XI столѣтія область эта составляла обширную систему княжескихъ волостей, входившихъ въ составъ княжествъ-земель: Черниговской, Новгородсѣверской и Брянской; кромѣ того, къ Черниговскому княжеству первоначально тянули Муромъ и Рязань. Въ половинѣ XIII столѣтія, влѣдствіе крайняго дробленія Сѣверскихъ удѣловъ, монгольскаго разоренія и другихъ причинъ, старое главенство князей, сидѣвшихъ въ Черниговѣ, падаетъ; Муромско-Рязанскій край вовсе выходитъ изъ состава Сѣверскихъ волостей; центръ тяготѣнія Сѣверской земли переносится съ юга на сѣверъ,—къ Брянску начинаетъ тянуть вся Сѣверская земля. Въ началѣ второй половины XIV вѣка, при великомъ князѣ

Пр., 1871, т. 158). *Ею же*, Начало историч. дѣятельности Богдана Хмельницкаго (1873). *Леоцикій*, Очеркъ внутр. исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка (*Унив. Изв. Кіевск.* 1874, № 7). *В. Антоновичъ*, О гайдачакахъ, 1700—1768 (*Арх. Юго-Зап. Рос.*, 1876, ч. III, т. III). *Ею же*, Послѣднія времена казачества (*Кіевская Старина*, 1887, авг.). *В. Антоновичъ* и *В. А. Бенъ*, Историч. дѣятеля Юго-Зап. Россіи (1883). *Jablonowski*, Starostwa Ukrainne (*Żródła dz.*, t. V) *И. Житецкій*, Смысла народностей въ Южной Руси (*Кіевская Старина*, 1884, сент. ноябрь). *М. Владимірскій-Будановъ*, Населеніе юго-запади. Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка (*Арх. Ю. З. Р.*, 1886, ч. VII, т. I; отд. 1886); отъ половины XV вѣка до Люблинской Уніи (*ib.*, 1890, ч. VII, т. II, отд. 1891). *Д. Эварницкій* „Вольности“ (земля) запорожскихъ казаковъ (1890). *Ею же*, Исторія запорожскихъ казаковъ (1892).

литовскомъ Ольгердѣ, къ литовскимъ владѣніямъ присоединяются Брянскъ и другія волости Сѣверской земли. Какъ видно изъ источниковъ, области, подчинившіяся Ольгерду, частію при его жизни, частію при его преемникахъ, разбились на нѣсколько отдѣльныхъ группъ удѣльныхъ владѣній. Одна изъ такихъ группъ обнимала верхнюю часть Сѣверщины—собственно Брянскую землю съ Брянскомъ и Трубчевскомъ, составлявшими при Ольгердѣ удѣлъ его сына—Дмитрія старшаго. Другіе города (Карачевъ, Новосиаль, Воротыньскъ и др.) составляли съ своими волостями отдѣльныя владѣнія цѣлаго ряда русскихъ удѣльныхъ князей непосредственныхъ подручниковъ литовскихъ великихъ князей. Средняя часть Сѣверщины, съ Стародубомъ во главѣ, составляла удѣлъ стародубскаго князя, Александра Патрикѣвича (внука Пинскаго князя Наримонта Гедиминовича). Наконецъ, нижняя Сѣверщина, съ двумя главными центрами—Черняговомъ и Новгородсѣверскомъ, по всему видно, принадлежала первоначально двумъ сыновьямъ Ольгерда: Дмитрію - Кобыту и Скиргайлу-Ивану ¹⁾. Кромѣ Сѣверщины, при Витовтѣ (въ началѣ XV вѣка) становится въ зависимость отъ Литвы на нѣкоторое время также Рязанская земля, отошедшая въ половинѣ XIII вѣка изъ состава Сѣверскихъ волостей; зависимость эта, впрочемъ, окончилась со смертію Витовта ²⁾. Въ оставшейся за Литвой Сѣверской землѣ не долго удерживалось первоначальное дѣленіе ея на удѣлы, существовавшіе при Ольгердѣ. Появляются новыя комбинаціи Сѣверскихъ удѣловъ, состоявшихъ подъ властію различныхъ литовскихъ и русскихъ князей-подручниковъ великихъ князей литовскихъ. Въ первой половинѣ XV столѣтія главные Сѣверскіе удѣлы, въ которыхъ до того времени сидѣли различные литовскіе князья, въ большей своей части объединяются (впрочемъ, на короткое время) въ лицѣ Свидригайла-Болеслава Ольгердовича, затѣмъ Сигизмунда Кейстутовича и его сына, Михаила. Лишь въ одномъ Трубчевскомъ княжествѣ удерживался безъ перерыва старый родъ мѣстныхъ князей Ольгердовичей (Дмитрія старшаго) вплоть до присоединенія этого княжества къ Москвѣ ³⁾. Во второй половинѣ XV столѣтія появляется въ Сѣверской землѣ цѣлый рядъ московскихъ выходцевъ:

¹⁾ Основанія принятаго нами раздѣленія Сѣверщины на удѣлы между Гедиминовичами послѣ присоединенія ея къ Литвѣ будутъ указаны ниже, при обзорѣ исторіи каждаго изъ указанныхъ удѣловъ.

²⁾ А. А. Э., I, № 25. См. объ этомъ выше.

³⁾ См. объ этомъ ниже—обозрѣніе отдѣльныхъ Сѣверскихъ княжествъ.

князя Иванъ Можайскій ¹⁾, Иванъ Шемяка ²⁾, Василій и Иванъ Ярославичи (удѣльные князья Боровскіе) ³⁾, Михаилъ Борисовичъ Тверской ⁴⁾ и др. Между ними распределяются всѣ главные Сѣверскіе удѣлы: Черниговскій, Новгородсѣверскій, Стародубскій, Брянскій и др. ⁵⁾; во владѣніи литовскихъ князей Гедиминовичей оставалось, повидимому, лишь одно Трубчевское княжество. Чуть ли не въ каждомъ изъ главныхъ Сѣверскихъ княженій происходятъ дробленіе территорій на волости старшаго („большаго“, „велебнаго“ и пр.) и меньшихъ, удѣльныхъ князей, „послушныхъ“ князю большому. Удѣльные князья дѣлились на линіи, тянувшія по временамъ то къ той, то къ другой Сѣверской землѣ ⁶⁾. Дробленіе на мелкія удѣльные владѣнія сохранялось до послѣдняго времени, въ особенности въ украинскихъ (верховскихъ) удѣлахъ Брянской земли; мѣстные князья (издавна русскіе), нерѣдко одной и той же линіи, тянули попеременно то къ литовскимъ, то къ сосѣднимъ московскимъ князьямъ. Эта-то неопредѣленность пограничныхъ владѣній въ Сѣверщинѣ со второй половины XV столѣтія вызывала постоянные споры между правительствами литовскимъ и московскимъ. Борьба между ними изъ-за пограничныхъ владѣній окончилась въ началѣ XVI столѣтія присоединеніемъ къ Московскому государству всей Сѣверской земли. Первые приобрѣтенія въ ней сдѣланы были Московскимъ государствомъ на основаніи трактата 1494 г. съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ: по этому трактату къ Москвѣ отошли удѣлы пограничныхъ сѣверскихъ князей (Новосіальскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Перемысльскихъ, Бѣлевскихъ, Говдыревскихъ и частію Мезецкихъ) ⁷⁾. Результатомъ возникшей вскорѣ затѣй войны Литвы съ Москвою было занятіе Москвою всей Сѣвер-

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 52, 114, 139, 167. Skarb., №№ 2067, 2121, 2122.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 50, 114, 180, 194. А. Ю.-З. Р., II, № 97. Skarb. №№ 2067, 2121.

³⁾ II. С. Л., VI, 174; VIII, 117. Skarb., № 2067.

⁴⁾ Skarbiec, № 2067.

⁵⁾ Удѣлы, полученные князьями—Можайскимъ, Шемякою и Ярославичами, точно опредѣляются въ источникахъ (см. ниже). О владѣніяхъ же князя Тверскаго нѣтъ прямыхъ указаній; но изъ того обстоятельства, что въ источникахъ онъ упоминается вмѣстѣ съ другими московскими выходцами, получившими удѣлы въ Сѣверщинѣ, можно, кажется, заключать, что тамъ же имѣлъ владѣнія и князь Тверской.

⁶⁾ См. ниже объ удѣлахъ въ отдѣльныхъ Сѣверскихъ земляхъ.

⁷⁾ Карамзинъ, Ист., изд. 1834, VI, прим. 396. Skarbiec, № 2067.

ской земли, отошедшей къ Московскому государству на основаніи мирныхъ трактатовъ 1503, 1508 и 1523 гг. ¹⁾). Къ Московскому государству Сѣверская земля принадлежала до 1611 г. По Деулинскому трактату 1618 года Сѣверскіе города были снова присоединены къ Польшѣ, сначала временно (на 14 лѣтъ), а въ 1634 г. — навсегда. Заднѣпровская Украина отошла окончательно къ Россіи съ 1654 г., что было утверждено трактатами 1667 и 1686 г. ²⁾).

Скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ княжествахъ старой Сѣверщины, въ пору зависимости ея отъ великихъ князей литовскихъ. Къ сожалѣнію, отъ этой эпохи сохранилось весьма мало документальныхъ извѣстій. Лѣтописи (особенно литовскія) даютъ лишь отрывочныя, а иногда совершенно неточныя и противорѣчивыя показанія о судьбѣ Сѣверскихъ княжествъ въ литовскую эпоху. Оттого въ исторической литературѣ русской и польской доселѣ немало встрѣчается спорныхъ вопросовъ о судьбахъ отдѣльныхъ областей Литовской Сѣверщины. Мы постараемся сгруппировать несомнѣнныя, документальныя данныя объ этой землѣ и, по возможности, выяснитъ существенные вопросы, главнымъ образомъ касательно образованія удѣльнаго строя Сѣверщины, со времени подчиненія ея Литвѣ до присоединенія къ Московскому государству въ началѣ XVI столѣтія.

Прежде всего скажемъ о *Черниговскомъ княжествѣ*, древнѣйшемъ центрѣ, къ которому въ старое время тянула вся Сѣверская земля. Исторія этой древне-русской области въ литовскую эпоху, сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени остается весьма мало разра-

¹⁾ А. З. Р., I. № 192; II, № 120. Skarbies, № 2156. Собрн. Имп. Русск. Ист. Общ., XXXV, 348.

²⁾ См. Соловьевъ, Исторія Россіи, V, 172, 314 и слѣд. *Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія, II, 168—171, 177, 181—189. *Яловыйскій*, Исторія, II, 218. *Антоновичъ*, Монографія, I, 115, 177. *Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 6—9. *Дашкевичъ*, Борьба культуръ, 324. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 114 148. *Stadnicki*, Synowie Gedymina, I (изд. 1881), 40—41; II, 168—169. *Ею же*: *Bracia Jagielly* 54, 167, 206—209, 279 и др. *Ею же*, *Olgerd*, 133, 140, 181, и *Bar-toszewicz*, *Trubecka sprawa* (Encykl. Powsz., XXV, 599). *Wolff*, *Ród Gedymina*, 17, 29, 56, 90—95, 152, 174. *Smolka*, Kiejstut, 9. *Baliński*, *Staroż. Polaka*, 2-е изд., III, 511. *Sulimierski*, *Stown. geogr.*, I, 826; VII, 254; XI, 247 и др. По исторіи Сѣверщины до присоединенія къ Литвѣ см. сочин. *А. Голубовскаго* Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка (Собрн. соч. студентовъ Имп. Унив. св. Владим., 1881, вып. II); *Д. Багалъя*—подъ тѣмъ же заглавіемъ (ibid., вып. IV). Ср. также *Boniecki*, *Poczet rodów*, p. 6, 15, 190 и пр. *А. Lewicki*, *Powstanie Świdrigiełły (Rosprawę Akad. Krak., t. XXIX)*. *F. Koncesny*, *Jagiello i Witold (Pracownik, 1892, zes. I и сл.)*.

ботанной въ русской и польской исторической литературѣ. Къ числу нерѣшенныхъ въ наукѣ вопросовъ принадлежитъ существенно важный для насъ вопросъ о первыхъ литовскихъ князьяхъ, владѣвшихъ Черниговской землей послѣ присоединенія къ великому княжеству Литовскому. Изъ источниковъ видно, что, если не тотчасъ послѣ присоединенія Чернигова къ Литвѣ, то во всякомъ случаѣ при жизни Ольгерда и его сыновей, Черниговъ съ его волостями принадлежалъ къ удѣльнымъ владѣніямъ Ольгердовичей. Сохранились различные указанія на первыхъ черниговскихъ князей Гедиминова рода. Быховецъ называетъ сына Ольгерда—Константина, княземъ Чарторыскимъ и Черниховскимъ ¹⁾. Тотъ же самый фактъ повторяется затѣмъ у Стрыйковского, Кояловича ²⁾ и др. Другое извѣстіе о Черниговскомъ князѣ изъ рода Гедиминовичей (и именно Ольгердовичей) находится въ синодикѣ старыхъ Сѣверскихъ князей русскихъ и литовскихъ, сохранившемся въ архивѣ Антоіевскаго Любечскаго монастыря: „Великаго князя Дмитрія Черниговскаго и брата его князя Іоанна, великаго князя Скиргайла“ ³⁾. Историки русскіе и польскіе различно относятся къ изложеннымъ извѣстіямъ о первыхъ Черниговскихъ князьяхъ рода Гедиминовичей. Одни (Стадницій, Антоновичъ) обходятъ полнымъ молчаніемъ извѣстіе Быховца о Черниговскомъ князѣ Константиинѣ и обращаютъ все свое вниманіе на второе извѣстіе о князѣ Дмитріѣ. Другіе (Вольфъ) только констатируютъ извѣстіе о Константиинѣ, князѣ Черниговскомъ, не признавая и не отвергая категорически достовѣрности этого извѣстія ⁴⁾. Наконецъ, нѣкоторые (Смолька) высказываются въ пользу признанія достовѣрности факта, сообщаемого Быховцемъ, и полагаютъ, что Константинъ получилъ Черниговскій удѣлъ еще при жизни отца (Ольгерда) ⁵⁾. Съ своей стороны, замѣтимъ, что,

¹⁾ *Narbutt*, *Pomniki*, стр. 22. См. *Wolff*, *Ród Gedym.*, 95.

²⁾ *Strykowski*, *Kronika* (изд. 1846), II, 57. *Kojałowicz*, *Hist. Lith.* (изд. 1650), I, 353. *Wolff*, 82.

³⁾ См. № 48-й Любечскаго синодика, помѣщеннаго въ *Чтеніяхъ св. Им. Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1871, кн. 2. О Любечѣ. синодикъ см. *Квашнин-Самаринъ*, По поводу Любечскаго синодика, 1874. *Милорадовичъ*, Любечъ, 1876. *Р. Зотова*, О Черниговскихъ князьяхъ по Любечскому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время, 1892.

⁴⁾ *Wolff*, *Ród Gedymina*, 82, 87, 95.

⁵⁾ Смолька говоритъ, что „prawdnie późniejsze tylko źródła wymieniają Czernichów jako dzielnicę Konstantego, nie podając wiadomości, kiedy ją otrzymał. Samo jednak położenie geograficzne Czernichowa, pomiędzy dzielnicami dwóch braci Konstantego, Brjańskiem a Kijowem, świadczy za prawdopodobieństwem tej wia-

какъ будетъ показано ниже (см. о князьяхъ Чарторыскихъ на Во-
лыни), нельзя считать исторически достовернымъ показаніе Быховца
о Константинѣ Ольгердовичѣ, какъ князѣ Чарторыскомъ и Черни-
говскомъ. Затѣмъ, если даже признаемъ этотъ фактъ не подлежа-
щимъ сомнѣнію, то все-таки показаніе о Константинѣ, князѣ „Чер-
ниговскомъ“, нельзя относить именно къ Чернигову Сѣверскому. Дѣло
въ томъ, что поселеніе, по имени котораго Быховецъ называетъ князя
Чарторыскаго также Черниховскимъ, существовало въ старое время
въ той же Волинской землѣ, гдѣ находился и Чарторыскъ, главная
часть удѣла Константина¹⁾. Изъ актовъ, недавно изданныхъ въ „Ар-
хивѣ Сангушекъ“, видно, что въ Волинской землѣ, въ Збаражчинѣ,
къ югу отъ Кременца, находилось во второй половинѣ XV столѣ-
тія поселеніе Чернеховъ (Черниховъ) на р. Стрыпѣ, притокѣ Днѣ-
стра. Въ актахъ упоминается также Черниковъ въ Владимірскомъ
повѣтѣ²⁾. Въ виду изложенныхъ данныхъ мы полагаемъ, что слѣдуетъ
признать болѣе достовернымъ второе изъ приведенныхъ выше извѣ-
стій о первыхъ Черниговскихъ князьяхъ, именно извѣстіе синодика
Любечскаго монастыря о *Дмитріѣ*, князѣ Черниговскомъ. Но здѣсь
возникаютъ новыя затрудненія: въ числѣ сыновей Ольгерда было
два князя, носившихъ одно и то же имя Дмитрія; изъ нихъ одинъ
(старшій) происходилъ отъ перваго брака Ольгерда; другой, назы-
вавшійся также Корыбутомъ, принадлежалъ къ числу дѣтей Оль-
герда отъ второй жены³⁾. Кто именно изъ этихъ двухъ князей Оль-
гердовичей былъ въ дѣйствительности Черниговскимъ удѣльнымъ
княземъ, на этотъ вопросъ источники не даютъ точнаго, категори-
ческаго отвѣта. Вопросъ этотъ различно рѣшается историками. Кваш-
нинъ-Самаринъ, въ своей брошюрѣ о Любечскомъ синодикѣ, пола-

domości i przemawia za tem, że Konstanty dzielnicę tę otrzymał za życia ojca,
podobnie jak jego bracia“ (*Smolka*, *Kejstut i Jagiello*, 1888, стр. 9).

¹⁾ Чарторыскъ находился на Волини, къ сѣверу отъ Лудка, на р. Стыри
притокѣ Припяти, въ области, тянувшей къ Лудку (см. *Baliński*, *Staroż. Polska*,
2-е изд., III, 45).

²⁾ *Arch. Sangusz.*, I, стр. 54; III, 29. Упоминается „Черниховъ“ также въ
Рогатынскомъ повѣтѣ Галиціи (*ibid.*, стр. 184; ср. *Baliński*, II, 866). О географич.
положеніи Волинскаго Чернихова см. карту Польши 1772 г., изд. въ 1886 г. *Or-
szelъбрандомъ* въ приложеніи къ сочин. *Балинскаго*: „*Staroż. Polska* (2-е изд.).
IV, 720. Во второй половинѣ XV ст. одинъ изъ князей Чарторыскихъ владѣлъ
нѣкоторое время Черниговомъ Сѣверскимъ, но лишь въ качествѣ великокняже-
скаго старосты, а не удѣльнаго князя (см. *Wolff*, 93).

³⁾ *Wolff*, 87.

гаеть, что Черниговъ принадлежалъ къ удѣлу князя Брянскаго Дмитрія Ольгердовича (старшаго), что Вольфъ считаетъ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ¹⁾. Иначе рѣшаетъ данный вопросъ проф. В. Антоновичъ: по его предположенію, Дмитрій-Корыбутъ владѣлъ удѣлами Брянскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ, Дмитрій же старшій удѣлами Черниговскимъ и Трубчевскимъ²⁾. Вольфъ нерѣшительно высказывается по спорному вопросу. Онъ считаетъ, какъ только что замѣчено, сомнительнымъ положеніе о принадлежности Чернигова Дмитрію Ольгердовичу старшему; но, какъ кажется, онъ едва ли склонялся къ мысли о томъ, что Дмитрій-Корыбутъ могъ одновременно считаться удѣльнымъ княземъ Новгородъ-Сѣверска и Чернигова³⁾. Между тѣмъ, такое именно рѣшеніе вопроса намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ, не только въ виду географическаго положенія упомянутыхъ городовъ, находившихся между собой въ ближайшемъ соудѣствѣ, но и въ виду сопоставленія документальныхъ данныхъ, относящихся къ упомянутымъ двумъ князьямъ Ольгердовичамъ. Въ синодикѣ Антоііевскаго Любечскаго монастыря сохранились слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ князьяхъ:

„№ 48. Великаго князя Дмитрія Черниговскаго и брата его князя Іоанна, великаго князя Скиргайла“.

„№ 53. Дмитрія Ольгердовича, и княгиню его Анну, и сыновъ ихъ: князя Михаила, кн. Іоанна“⁴⁾.

Въ послѣднемъ извѣстіи говорится не о Корыбутѣ, а Дмитріѣ Ольгердовичѣ старшемъ, какъ это видно изъ показанія родословной литовскихъ князей о томъ, что Дмитрій, старшій сынъ Ольгерда, съ своей женой Анной оставилъ двухъ сыновей: Михаила и Ивана, изъ коихъ первый былъ родоначальникомъ князей Трубецкихъ⁵⁾. Разъ же оказывается, что второе извѣстіе Любечскаго синодика, подъ № 53, относится къ Дмитрію Ольгердовичу старшему, владѣвшему, какъ будетъ показано ниже, верхней частью Сѣверщины (Брянскомъ и Трубчевскомъ), является вполнѣ правдоподобнымъ предположеніе о томъ, что въ первомъ извѣстіи синодика Любечскаго, подъ № 48,

¹⁾ См. *Классикъ-Самаринъ*, По поводу Любечскаго синодика, 1874, стр. 220. Ср. *Wolff*, 92.

²⁾ В. Антоновичъ, *Моногр.*, I, 115.

³⁾ На стр. 94-й своей брошюры *Вольфъ* ставитъ вопросительный знакъ при имени князя Дмитрія Черниговскаго.

⁴⁾ *Милорадовичъ*, Любечъ, 37—38.

⁵⁾ *Временникъ Общ. Исторіи и Древн.*, X, 82; П. С. Р., Л., VIII, 255, Ср. *Wolff*, 92.

можетъ быть рѣчь лишь о Дмитріѣ-Корыбутѣ, какъ именно о князѣ Черниговскомъ. Тотъ же синодикъ ставитъ съ этимъ княземъ въ прямую связь его брата—князя Іоанна, вел. кн. Скиргайла. Синодикъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно указываетъ на Черниговъ, какъ на удѣльное владѣніе обоихъ братьевъ¹⁾. Изъ источниковъ не видно, въ какихъ именно отношеніяхъ находились между собой братья Корыбутъ и Скиргайло. Вопросъ этотъ, впрочемъ, нѣсколько разъясняется указаніями разныхъ актовъ 80-хъ годовъ XIV столѣтія, въ которыхъ говорится о Корыбутѣ, какъ о князѣ Новгородъ-Сѣверскомъ, безъ упоминанія о Черниговскомъ его удѣлѣ²⁾. Обстоятельство это, какъ намъ кажется, можно объяснить лишь въ томъ смыслѣ, что Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ составляли удѣлъ Корыбута и Скиргайлы, и что первоначально Корыбутъ жилъ въ Черниговѣ (почему въ Любечскомъ синодикѣ и называется Черниговскимъ княземъ), а затѣмъ позже (приблизительно около 80-хъ годовъ XIV столѣтія) перешелъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, сдѣлавшійся съ этихъ поръ главнымъ центромъ нижней, по-Деснянской половины Сѣверщины. Скиргайло при этомъ могъ оставаться въ Черниговѣ на положеніи удѣльнаго князя, „послушнаго“ главному князю Корыбуту, сидѣвшему въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Указаніе на Скиргайла, какъ именно Сѣверскаго князя, находимъ въ поручной записи (безъ даты), данной Скиргайлу князьями Плаксихами и другими Сѣверскими князьями и боярами за Гридка Константиновича³⁾. Въ позднѣйшихъ актахъ (80-хъ годовъ XIV столѣтія) сохранились свѣдѣнія о Скиргайлѣ, какъ объ удѣльномъ князѣ, владѣвшемъ (около 1382 г.) Трокскимъ удѣломъ, а затѣмъ (около 1387 г.) Полоцкомъ и другими волостями въ Литвѣ и на Руси⁴⁾. Быть можетъ, въ это время Скиргайло (ум.

¹⁾ Сохранилось также въ позднѣйшихъ источникахъ, именно у *Длугоса* (Hist., X, 138), сообщеніе о томъ, что Скиргайло владѣлъ въ концѣ XIV ст. (ок. 1392 г.) Стародубомъ. Въ сообщеніи этомъ несомнѣнно перепутаны историческіе факты (ниже мы увидимъ, что въ данное время въ Стародубѣ сидѣли литовскіе князья другого Гедиминова рода); но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ изложеннаго сообщенія, по всему видно, лежитъ смутное преданіе о томъ, что во второй половинѣ XIV ст. Скиргайло дѣйствительно принадлежалъ къ Сѣверскимъ князьямъ, и именно въ южныхъ областяхъ Сѣверщины, что и констатируется болѣе точно синодикомъ Любечскаго монастыря (Ср. *Stadnicki*, Bracia, 279; *Wolff*, 146).

²⁾ О Корыбутѣ, какъ Новгородъ-Сѣверскомъ князѣ, см. ниже подробнѣе.

³⁾ А. Ю.-З. Р. I, № 2. О князьяхъ Плаксихахъ и другихъ см. ниже о Новг.-Сѣвер. княжествѣ.

⁴⁾ *Stadnicki*, Bracia, 255, 259. *Wolff*, 145—146.

1396 г.) пересталъ вовсе числиться въ ряду Сѣверскихъ князей ¹⁾ Что касается Дмитрія-Корыбута, то, какъ видно изъ актовъ, за отказъ въ „покорѣ“ онъ лишился Сѣверскаго удѣла въ концѣ 1393 г. ²⁾ его удѣлъ (то-есть, не только Новгородъ-Сѣверскъ, но и, быть можетъ, Черниговъ) перешелъ во владѣніе Ѳедора Любартовича, взымающаго утраченнаго имъ Волынскаго удѣла (см. ниже) ³⁾. Любартовичъ, впрочемъ, не долго сидѣлъ въ нижней Сѣверщинѣ: въ 1398 г. въ послѣдней является бывшій Витебскій князь, Свидригайло-Болеславъ, младшій сынъ Ольгерда. Впрочемъ, и этотъ князь также вскорѣ оставилъ Сѣверщину и лишь въ 1407 г. Витовтъ разрѣшилъ ему жать въ Брянскѣ, но, какъ видно, и отсюда Свидригайло долженъ былъ вскорѣ уйти. Лишь черезъ 10 лѣтъ (около 1418—1420 г.) Свидригайло окончательно примирился съ Витовтомъ и получилъ отъ него обратно старыя Сѣверскія владѣнія, обнимавшія удѣлы Черниговскій, Новгородъ-Сѣверскій и Брянскій. Въ Сѣверщинѣ Свидригайло оставался, затѣмъ, до самой смерти Витовта (1430 г.) ⁴⁾. Послѣ Свидригайла, какъ видно по всему, Черниговское княжество было присоединено къ короннымъ владѣніямъ и управлялось великокняжескими намістниками ⁵⁾. Лишь подъ конецъ XV столѣтія въ Чернигов-

¹⁾ По крайней мѣрѣ, Скиргайло вовсе не упоминается въ присяжномъ листѣ удѣльныхъ князей нижней Сѣверщины, данномъ имъ въ 1388 г. въ вѣрности службъ королю Владиславу и коронѣ Польской за себя и за своего „господаря“ великаго („велебнаго“) князя Корыбута, сидѣвшаго въ Новгородъ-Сѣверскѣ (Arch. Sangusz., I, стр. 8). Будь въ это время послѣднему „послушенъ“ Скиргайло, какъ князь Черниговскій, онъ участвовалъ бы въ общей присягѣ удѣльныхъ князей Черниговскихъ и Новгородъ-Сѣверскихъ.

²⁾ Еще въ ноябрѣ 1393 г. рязанскій князь Олегъ Ивановичъ ручался Владиславу за вѣрность службъ своего зятя—Дмитрія Корыбута (А. Ю.-З. Р., II, № 67. Arch. Sang., II, стр. 16. *Lewicki, Rozprawy*, XXIX, стр. 146).

³⁾ *Stadnicki, Syn. Gedyń*, II, 106—108. *Wolff*, 152. См. запись Ѳедора Любартовича, данную имъ въ 1393 г. въ качествѣ Сѣверскаго князя (А. Ю.-З. Р., II, № 66). Сѣверскій удѣлъ данъ ему „до воли“ господарской.

⁴⁾ *Lewicki, Rozprawy*, XXIX, 192. *Stadnicki, Syn. Gedyń*, II, 169. *Ею же* Bracia Jagielly, 228, 309, 317. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольск. землѣ, 257. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 114. *Иловайскій*, Исторія, II, 218. Отъ 1420—1424 г., дошло нѣсколько грамотъ Свидригайла, въ которыхъ онъ именуется „въ Божьей милости княземъ Черниговскимъ и иныхъ“ (Arch. Sang., I, стр. 26, 28. А. З. Р., I, № 32. А. Ю.-З. Р., I, № 15). Подпись Свидригайла сохранилась также на трактатѣ Владислава и Витовта съ нѣмцами 1424 г.; затѣмъ онъ именуется „Beleslaus, alias Swidrigal, dux Czerniechoviensis“ (*Dogiel, Cod. dipl.*, IV, 114. *Skarbiec*, № 1359. *Prochaska*, Собр. № 1034. *Długosz, Hist.*, V, 219).

⁵⁾ Въ источникахъ упоминаются въ качествѣ Черниговскихъ намістниковъ кн. Чарторыскій и Глинскій (А. З. Р., I, №№ 133, 139).

ской землѣ на короткое время возстановляются старые удѣльные порядки. Въ 1496 г. вел. князь Литовскій Александръ пожаловалъ московскому выходцу Семену Ивановичу, князю Можайскому, Черниговъ съ другими Сѣверскими городами „вѣчно“ ему и дѣтямъ; вскорѣ (въ 1499 г.) Сѣверскій удѣлъ признанъ былъ потомственнымъ владѣніемъ князя Можайскаго, съ полными „отчинными“ правами¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ князь Можайскій отѣхалъ въ Москву; въ 1500 г. Черниговъ и другія Сѣверскія владѣнія этого князя были присоединены къ Московскому государству²⁾.

Новгородъ-Сѣверское княжество, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и другими сѣверскими волостями, составляло владѣніе потомковъ Черниговскаго князя, Олега Святославича. Послѣ присоединенія Сѣверщины къ Литовскому государству при Ольгердѣ, Новгородъ-Сѣверскій край достался въ удѣлъ его сыну, Дмитрію-Корыбуту. Въ значеніи Новгородъ-Сѣверскаго князя Корыбутъ выступаетъ въ актахъ начала 80-хъ годовъ XIV столѣтія³⁾. Въ пору первой уніи Литвы съ Польшей Корыбутъ вмѣстѣ съ своей радой далъ (въ 1388 году), подобно другимъ литовскимъ князьямъ, присягу въ вѣрности королю Владиславу и Коронѣ польской⁴⁾. Подпись Корыбута находимъ въ земскомъ при-

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 139, 167. Skarbiec, № 2107. Собрн. Муханова, № 58.

²⁾ Отѣздъ Сѣверскихъ князей въ Москву мотивируется религіозными преслѣдованіями (*Stadnicki*, Syn. Gedum., II, 169. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 170. Ср. Skarbiec, № 2121).

³⁾ *Stadnicki*, Olgerd, 181. *Wolff*, 90, 152.

⁴⁾ Листомъ 1388 г. Корыбутъ, по совѣту съ своей радой и землянами, обязался „поддаться с людьми и с землями и с городами и с твержами нашими на вѣки вѣкомъ тому истому Володиславу, королеви Польскому, и Ядвигаѣ и ихъ дѣтемъ и корунѣ польской... от тыхъ мѣстъ съ нашими дѣтми чистая вѣрность и полна будемъ держати... а николи ни в одно вереме не отставати, ани отступити на вѣки, и въ ихъ доброму радити, а лихого вѣрнѣ остерегати“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 10. *Prochaska*, Codex epistolaris Vitoldi, № 29,—здесь обозначена дата 1386). Тому же 1388 году принадлежитъ присяжный листъ мѣстныхъ удѣльныхъ князей (въ числѣ 6-ти), „послушныхъ“ Корыбуту, и бояръ (до 20-ти), составлявшихъ раду Корыбута. Княжая рада, со всѣмъ „посольствомъ“ и „землянами“, „со всеми своими землями и городами, з бояры и съ людьми, вѣрность правая и неизрушная слюбили“ и за „велебнаго князя Дмитрия, вѣнчанаго именемъ Корыбутъ, князя Новгородскаго и Сѣверскаго, господара нашего милого“ поручились, „дуже со всею своею землею и с городами вѣрне будетъ..., ани воли отстанеть; пашлибы хотѣли воли отстати явно алибо тайно, тогда мы со всѣмъ посольствомъ земли его хотимъ его отстати и его дѣтей, а нивчомъ его не хотимъ послушни быти, але короля польскаго и корунѣ польской вѣрни хотимъ быти, а николиж не хотимъ отставати, и на вѣки и во вшитки часы николижъ ихъ не отстати“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 8—9. Skarbiec, № 555. *Rykaczewski*, Inventarium, 376).

вилеѣ 1387 года и другихъ актахъ Владислава-Ягеллы ¹⁾. Сохранилась также одна изъ жалованныхъ грамотъ Корибута (около 1386 года) ²⁾. Дмитрій-Корибуть считался „велебнымъ“ княземъ сѣверскимъ, „господаремъ“ не только „поспольштва“ своего княжества, но и другихъ удѣльныхъ волостей, въ которыхъ сидѣли мѣстные князья, „послушные“ старшему князю Сѣверскому ³⁾. Подобно всѣмъ удѣльнымъ князьямъ того времени, Корибуть имѣлъ свою особую „раду“ изъ мѣстныхъ князей и бояръ и управлялъ главными городами чрезъ своихъ воеводъ ⁴⁾. Какъ выше замѣчено, за отказъ въ послушаніи великому князю Витовту Корибуть въ 1393 году утратилъ свой удѣлъ въ Сѣверщинѣ, — Новгородъ-Сѣверскъ перешелъ къ Ѳеодору Любартовичу ⁵⁾. Какъ видно изъ его присяжнаго листа 1393 года, онъ получилъ Сѣверскую землю со всѣми городами „до воли“ господарской ⁶⁾. Любартовичъ не долго оставался въ Сѣверщинѣ: въ 1398 году онъ, вмѣстѣ съ Свидригайломъ, былъ уже въ Венгрію. Чрезъ два года Свидригайло, при посредствѣ великаго магистра, примирился было съ Витовтомъ и получилъ отъ него во владѣніе Новгородъ-Сѣверскій, хотя вскорѣ затѣмъ (послѣ 1403 года). вслѣдствіе новыхъ несогласій съ Витовтомъ, долженъ былъ оставить Сѣверскій удѣлъ ⁷⁾. Послѣдній отданъ былъ Витовтомъ его брату, Си-

¹⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 1 и слѣд.; Skarbiec, №№ 588 и 589.

²⁾ А. З. Р., I, № 7.

³⁾ Въ присяжной записи 1386 г. Корибуть названъ „dominus et heres de Nowogródek“ (*Prochaska*, Cod. epist. Vitoldi, № 29). Въ виду названія Корибута „heres“ *Конечный* (Przewodnik, 1892, zes. VIII, p. 685) полагаетъ, что Корибуть получилъ отъ Ягеллы Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ „dziedzicznie, wbrew litewskiemu zwyczajowi“, что „tytuł heres zastanawia, bo ojciec Korybuta, Olgierd, tam nie władał, Korybut był pierwszym Gedyminowicem na Siewerszczyźnie“. Кто же, какъ не Ольгердъ, приобрѣлъ всю Сѣверщину и далъ Корибуту, какъ и другимъ литовскимъ князьямъ, удѣлъ въ Сѣверщинѣ? Въѣд источники, кажется, ясно говорить объ Ольгердѣ, какъ первомъ „господарѣ“ Сѣверскихъ земель, — его „heres“ и могъ счтаться Корибуть еще раньше 1386 г. Ничего тутъ не было противнаго литовскимъ обычаямъ.

⁴⁾ Arch. Sang., I, стр. 8—10, 16. Въ присяжномъ листѣ рады Корибута упоминается въ числѣ радныхъ бояръ два поводы: Глѣбъ Ендокимовичъ и Скушь, воевода Новгородскій; первый, повидямому, сидѣлъ въ Черниговѣ (*ibid.*, стр. 8).

⁵⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 167. *Wolff*, 152. *Lewicki*, *Rozprawy*, XXIX, 146.

⁶⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 66. Arch. Sang., I, стр. 13—14. *Supplementa ad hist. Russ. monum.*, стр. 509.

⁷⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedum., II, 168—169. *Его же*, Врасія, 309, 313. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 257.

гизмунду Кейстутовичу ¹⁾. Свидригайло позже опять появляется въ Сѣверщинѣ: примирившись съ Витовтомъ, Свидригайло въ 1420 году получилъ старый Сѣверскій удѣлъ и владѣлъ имъ до смерти Витовта (1430 года) ²⁾. Въ 40-хъ годахъ того же столѣтія упоминается въ качествѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя Михаилъ, сынъ великаго князя Сигизмунда (Войдата) ³⁾. При Казимірѣ Ягеллонѣ (во второй половинѣ XV столѣтія) утвердился въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ московскій выходецъ, князь Шемяка ⁴⁾. Сынъ послѣдняго, князь Василій Ивановичъ Шемятичъ, изъ-за религіозныхъ притѣсненій, начавшихся въ Литовской Руси при великомъ князѣ Александрѣ, отбѣжалъ въ 1499 году въ Москву, съ своей отчиной ⁵⁾. По договорамъ 1503 и 1523 годовъ Новгородъ-Сѣверскій, вмѣстѣ со своей Сѣверщиной, окончательно отчисленъ былъ къ владѣніямъ московскихъ государей ⁶⁾.

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedym., II, 168.

²⁾ *Stadnicki*, Bracia, 323—324. *Петроп.* Бѣлоруссія, 114. *Lewicki*, 192. Въ современныхъ актахъ Свидригайло титулуется княземъ Черниговскимъ, Сѣверскимъ и Трубецкимъ (?) (*Prochaska*, Codex epistol. Vitoldi, № 1034. А. Ю.-З. Р., I № 15. *Długosz*, Hist., V, 219).

³⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedym., II, 169.

⁴⁾ А. З. Р., I, 180. Изъ переписки, возникшей въ 1500 г. между правительствами московскимъ и литовскимъ по поводу подчиненія московскому великому князю Ивану III литовскихъ князей: Стародубскаго Семена Ивановича, Можайскаго и Новгородъ-Сѣверскаго Василя Ивановича Шемятича, видно, что при Казимірѣ Ягеллонѣ отбѣжали въ Литву отцы упомянутыхъ князей, бывшіе московскіе удѣльные князья, Можайскій и Шемяка. На заявленіе пословъ Ивана III о переходѣ къ нему на службу съ отчинами князей Стародубскаго и Сѣверскаго, великій князь литовскій Александръ отвѣчалъ: „ино вѣдаетъ самъ государь вашъ (Иванъ III), какъ тыхъ князей отцы выѣхали отъ его отца къ отцу (Казиміру) господара нашего, королю его милости, и надъ его отцомъ (Ивана III) и надъ нимъ самимъ, которую зраду вчинили; и отецъ господара нашего ихъ отцомъ подавалъ города и водости свои имъ на поживенье“ (*ibid.*, стр. 203, II). Московскимъ „изгнанникомъ“ былъ не князь Василій Шемятичъ (какъ полагаетъ *Лѣваевскій*, см. его „Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства“, *Чтенія*, III, стр. 47), но его отецъ—Иванъ Шемяка, ушедшій изъ Москвы, повидимому, одновременно (около 1450 г.) съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ (А. З. Р., I, № 52). Съ перешедшей отъ отца Сѣверской „отчиной“ Василій Ивановичъ Шемятичъ въ 1499 г. и отбѣжалъ въ Москву.

⁵⁾ *Карамзинъ*, VI, прим. 481. А. З. Р., I, №№ 180, 194. Шемятичъ и послѣ подчиненія Москвѣ продолжалъ владѣть своимъ старымъ удѣломъ и утратилъ его лишь въ 1523 г. (*Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія, II, 170, 181—182).

⁶⁾ Сборм. Имп. Рус. Ист. Общ., XXXV, 348 и слѣд. А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120.

Кромѣ князей, сидѣвшихъ въ главныхъ удѣлахъ нижней Сѣверщины, къ князьямъ „украиннымъ“, или „украинниками“¹⁾, относились также мѣстные князья, сидѣвшіе въ разныхъ мелкихъ волостяхъ Чернигово-Сѣверской земли и бывшіе „послушными“ господамъ всей этой земли. Въ радѣ Сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута, давшей въ 1388 году присягу вѣрности королю Владиславу за себя и своего господаря „велебнаго“ (старшаго или большаго, великаго) князя Сѣверскаго, на переднемъ планѣ стоятъ, очевидно, мѣстные же Сѣверскіе князья, подчинявшіеся старшему князю центрального города Чернигово-Сѣверской земли и имѣвшіе „свои земли и города, своихъ бояръ, земянъ и людей“ (поспольство)²⁾. Къ составу Корыбутовой рады 1388 года принадлежали слѣдующіе князья, бывшіе „подъ рукою, послушными“ Сѣверскому князю: Давидъ Дмитріевичъ, князь Русанъ Плаксичъ, Василій Даниловичъ, Феодоръ Евлашковичъ, Хвороща съ братомъ Иваномъ, Григорій и Иванъ Несвижскіе³⁾. Одинъ изъ князей Евлашковичей (Иванъ) упоминается въ числѣ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ въ 1399 году⁴⁾. Несвижскіе, какъ замѣчено раньше, представляютъ отдѣльную отрасль князей Несвижскихъ сѣвернаго Полѣсья; волости этихъ князей несомнѣнно были также въ нижней Сѣверщинѣ, и потому сами князья

¹⁾ Подъ украинниками и украинными князьями разумѣлись князья Новгород-сѣверскіе, Стародубскіе, Бѣльскіе и другіе князья Сѣверщины и Смоленщины, сидѣвшіе въ порубежныхъ волостяхъ съ Московскимъ государствомъ (см., напр. А. З. Р., I, № 192, стр. 238, 259). Специальнымъ названіемъ князей, сидѣвшихъ въ пограничныхъ волостяхъ верхней половины Сѣверщины, въ Брянской землѣ, въ особенности въ пограничныхъ ея волостяхъ (Бѣлевской, Воротынской и пр.), было „князья верховскіе“. Любавскій переводитъ это названіе терминомъ „верхнеовскіе“, въ виду того, что указанныя волости расположены на „верховьяхъ“ Оки (см. *Любавскій*, Областное дѣленіе, стр. 49). Подобное объясненіе термина „верховскій“ намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Терминъ этотъ скорѣе всего можно противопоставлять термину „понизовскіе“. „Верховскіе“ князья Брянщины отличались отъ князей нижней половины Сѣверщины—Черниговскихъ, Стародубскихъ и др.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 8—9. Тестъ Корыбута, рязанскій князь, Олегъ Ивановичъ, ручался въ 1393 г. за него въ томъ, что онъ ничего не учинитъ ни противъ короля Владислава, ни „противъ тыхъ, што суть подъ рукою его (Корыбута) послушни“ (Arch. Sang., I, стр. 16). Здѣсь, повидимому, разумѣются князья и бояре Корыбутовой рады 1388 г.

³⁾ Arch. Sag., I, стр. 8. Въ Skarbiec (№ 555) и *Rykaczewski*, Inwentar. (375), всѣ эти лица до Несвижскихъ включительно причисляются къ князьямъ, dukes. Ср. *Wolff*, Ród., 94, 150.

⁴⁾ *Wolff*, Ród Gedym., 36.

находились въ „послушаньи“ сѣверскому князю Корибуту. По всему видно, упомянутые князья, подручники сѣверскаго князя Корибута, принадлежали къ потомкамъ удѣльных Чернигово-Сѣверскихъ князей, сидѣвшихъ въ отдѣльных городахъ и волостяхъ нижней Сѣверщины, быть можетъ, еще до присоединенія ея къ Литовскому государству ¹⁾. Таковы были извѣстные по русскимъ лѣтописямъ князья Рыльскіе, Путивльскіе и Глуховскіе. До присоединенія Рыльска къ Литвѣ въ немъ сидѣли потомки Черниговскаго князя, Олега Святославича ²⁾. Нужно думать, что къ потомкамъ тѣхъ же Ольговичей принадлежалъ князь Рыльскій Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, павшій въ 1399 году съ другими литовскими князьями въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Ворсклѣ ³⁾. Связь Рыльской волости съ Чернигово-Сѣверской землей удерживалась до конца XV столѣтія, когда Рыльскъ, принадлежавшій къ владѣніямъ Новгородъ-Сѣверскаго князя Семена Ивановича Шемятича, отошелъ со всей его отчиной къ Москвѣ ⁴⁾. Къ потомкамъ тѣхъ же князей Ольговичей принадлежали старые князья Путивльскіе и Глуховскіе, упоминающіеся въ источникахъ до литовской эпохи. Въ концѣ XV столѣтія въ Путивлѣ сидѣлъ въ качествѣ великокняжескаго намѣстника князь Богданъ Ѳеодоровичъ Глинскій ⁵⁾. Потомки глуховскаго князя Семена Михайловича удерж-

¹⁾ *Долаловичъ* (Hist. Lith., t. II, p. 14) называетъ Давида Русана Пласича и другихъ князей, упоминающихся въ записи 1388 г., князьями *Смоерскими*, посланными Новгородъ-Сѣверскимъ княземъ Корибутомъ въ Ягеллѣ для принесенія присяги за себя и Корибута. Замѣтимъ при этомъ, что князья Пласичи („князь Левъ Пласичъ, Левъ Васильевъ сынъ Русинъ Пласичъ“) упоминаются въ другомъ современномъ актѣ, именно въ поручной записи (безъ даты), данной Свиргайлу (раньше о немъ замѣчено, какъ о Сѣверскомъ князѣ, до начала 80-хъ годовъ XIV столѣтія владѣвшемъ вмѣстѣ съ Корибутомъ Чернигово-Сѣверскимъ удѣломъ) нѣсколькими князьями и боярами за какого-то Гридка Константиновича (А. Ю.-З. Р., I, № 2). Въ томъ же актѣ упоминаются и другіе, очевидно, также Сѣверскіе князья, участвовавшіе въ ручательствѣ за Гридка: князь Ѳеодоръ Мирли, братъ его Дмитрій *Липля Братиша* и князь Юрій *Кожюжно*. Ни у Бонепцаго, ни у другихъ историковъ, нѣтъ никакихъ указаній на послѣднихъ трехъ князей.

²⁾ П. С. Р. Л., II, 130.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 104, 142.

⁴⁾ *Барамзинъ*, Ист., VI, прим. 481. Въ числѣ Сѣверскихъ городовъ, отошедшихъ къ Москвѣ по договору 1508 г., показанъ „городъ Рыльскъ съ волостями“ (А. З. Р., I, № 192, стр. 288).

⁵⁾ А. З. Р., I, №№ 129, 158; II, № 76. П. С. Р. Л., II, 130. *Любовскій*. Областное дѣленіе, въ *Чтеніяхъ*, III, стр. 44.

жались въ литовскую эпоху въ лицѣ князей Новосильскихъ и Вортыньскихъ, имѣвшихъ владѣнія въ Брянской землѣ ¹⁾).

Среднюю часть Сѣверской земли занимало *Стародубское* княжество, съ древнихъ временъ составлявшее особое удѣльное владѣніе русскихъ князей. Еще въ XIV столѣтіи существовали удѣльные князья Стародубскіе изъ рода Рюриковичей ²⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ Стародуба Сѣверскаго въ литовскую эпоху считается внукъ Наримонта Гедиминовича—князь Александръ Патрикѣевичъ. Получилъ ли онъ удѣлъ еще при жизни Ольгерда (умершаго въ 1377 году), или же въ позднѣйшее время,—на этотъ вопросъ источники не даютъ категорическаго отвѣта. Первые документальныя извѣстія объ этомъ князѣ въ источникахъ принадлежатъ концу XIV и началу XV столѣтія ³⁾. Какъ видно изъ современныхъ актовъ, Александръ Патри-

¹⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе (*Чтенія*, III, 47). См. ниже о Брянской землѣ.

²⁾ *Wolff*, 17. Къ Рюриковичамъ принадлежалъ князь Патрикій Давидовичъ Стародубскій, записанный въ синодикѣ Антоніевского Любецкаго монастыря: „§ 40: Князя Патрикія Давидовича Стародубскаго, принимашаго ангельскій образъ, и княгиню его Елену, и сына ихъ князя Іоанна“ (*Милорадовичъ*, Любечъ, 37). Проф. В. Антоновичъ ошибочно отождествляетъ Патрикія Давидовича съ племянникомъ Ольгерда—Патрикѣемъ Наримонтовичемъ и считаетъ его первымъ литовскимъ удѣльнымъ княземъ Стародуба-Сѣверскаго, получившимъ его въ удѣлъ отъ Ольгерда еще при его жизни (*Монистъ*, I, 115). Въ родословной литовскихъ князей (П. С. Р. Л. VII, 254) составъ семьи Патрикія Наримонтовича опредѣляется изъ 3-хъ сыновей: Александра, Юрія и Ѳеодора. Самъ Наримонтъ упоминается только какъ участникъ въ дѣлахъ Новгородскихъ въ 1383—1397 г. (*Wolff*, 16). Столь же ошибочно Стадницкій относитъ Стародубъ къ владѣніямъ перваго Брянскаго князя Дмитрія Ольгердовича старшаго: въ лѣтописи, на которую ссылается Стадницкій, находимъ указаніе на одного Трубочевскъ, какъ владѣніе князя Дмитрія (П. С. Л. VIII, 34. *Stadnicki*, Olgerd, 140; *Wacław Jagiełły*, 24). Затѣмъ въ лѣтописномъ сводѣ Быховца (стр. 39) записано темное преданіе, повидимому, еще отъ временъ Ольгерда, о какомъ-то князѣ Андреѣ Лукомскомъ и Стародубскомъ, дочь котораго Марія была первой женой Витовта (*Wolff*, 56). Въ виду общаго характера лѣтописи Быховца нельзя считать исторически достовернымъ извѣстіе ея о князѣ Андреѣ Стародубскомъ.

³⁾ Подъ 1388 г. Стародубскій князь упоминается въ числѣ лицъ, бывшихъ при дворѣ Владислава и Ягеллы (*Wolff*, 17). Его подпись находится на трактатѣ 1398 г., заключенномъ съ нѣмцами (*Raczynski*, Cod. diplom., стр. 256. *Skarbies*, № 694, 695. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., 54). Въ 1400 г. тотъ же князь даетъ присягу вѣрности королю Владиславу и Коронѣ польской (А. З. Р., I, № 17. *Skarbies*, № 723, *Prochaska*, Cod., 71). Въ 1402 г. Стародубскій князь, вмѣстѣ съ Семеновъ-Лингвенеиъ Ольгердовичемъ, участвуетъ въ защитѣ Брянской земли отъ Рязанской рати (П. С. Р. Л., IV, 106; V, 232; VI, 131; VIII, 75).

кѣвичъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ всего государства, жилъ нѣкоторое время при дворѣ Ягеллы, участвовалъ въ заключеніи мирнаго трактата Литвы съ нѣмцами и пр. ¹⁾). Александръ Патрикевичъ владѣлъ Стародубомъ Сѣверскимъ до 1406 года: за враждебныя дѣйствія противъ князя литовскаго Витовта, во время войны послѣдняго съ Василиемъ Дмитриевичемъ Московскимъ, Стародубскій князь лишился своего удѣла, который Витовтъ отдалъ сначала Свидригайлу, а въ 1408 году брату своему, Сигизмунду Кейстутовичу ²⁾). Въ качествѣ Стародубскаго князя Сигизмундъ подписалъ трактатъ съ нѣмцами 1422 года ³⁾). Сигизмундъ оставался въ Сѣверщинѣ до 1432 года, когда онъ, по низверженіи Свидригайла, сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ ⁴⁾). Старый его удѣлъ въ Сѣверщинѣ, впрочемъ, продолжалъ числиться за нимъ до его смерти (1440 года) и управлялся его намѣстниками. При Казимирѣ Ягеллонѣ главные сѣверскіе удѣлы, въ томъ числѣ и Стародубскій, раздаются русскимъ выходцамъ-князьямъ, лишившимся своихъ удѣловъ въ Московскомъ государствѣ и ухотившимъ въ Литву. Къ такимъ выходцамъ принадлежалъ бывшій Боровскій удѣльный князь Василій Ярославичъ. Въ 1446 году онъ получалъ отъ Казимира въ „вотчину“ цѣлый рядъ сѣверскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Стародубъ ⁵⁾); вскорѣ, впрочемъ, Ярославичъ ушелъ обратно въ Москву ⁶⁾). Есть указанія въ источникахъ, что Стародубъ поступилъ въ слѣдующемъ (1447) году по пожалованію Казимира во владѣніе Михайла, сына бывшаго великаго

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedym., I (изд. 1881), 40. *Wolff*, Ród Gedym., 17.

²⁾ Свидригайло въ 1408 г. ушелъ въ Москву. Стародубскій его удѣлъ и былъ послѣ того переданъ Витовтомъ брату Сигизмунду. См. *Lewicki* (*Rozprawy*, XXIX, p. 184). *Długoss*, Hist., III, 571. Script. rer. Pruss., III, 291. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., стр. 136. *Wolff*, 18. *Любаскій*, Областное дѣленіе, 10, 46. Александръ Патрик. позже получилъ во владѣніе Корецъ.

³⁾ *Dogiel*, Cod. dipl., IV, 114. Skarbiec, № 1359.

⁴⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 333. *Wolff*, 18. *Любаскій*, Областное дѣленіе, 46. При Сигизмундѣ, около 1429 г., упоминается въ Воскресенской лѣтописи какой-то стародубскій князь Ѳеодоръ Пестрой (П. С. Р. Л., VIII, годъ 6937. *Stadnicki*, Syn. Gedym., I, изд. 1881, стр. 41). Можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ либо мелкомъ удѣльномъ князѣ (повидимому, русскаго происхожденія), сидѣвшемъ въ Стародубщинѣ и бывшемъ въ „послушаніи“ старшаго князя Стародубскаго.

⁵⁾ П. С. Р. Л., VI, 174; VIII, 117.

⁶⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 49. *Wolff*, 29. *Любаскій*, Областное дѣленіе (*Чтенія*, III, 46).

князя Сигизмунда ¹⁾. Во второй половинѣ XV столѣтія Стародубъ Сѣверскій съ Гомелемъ былъ отданъ Казиміромъ въ вотчину другому московскому выходцу Ивану Андреевичу Можайскому, вмѣсто Брянскаго удѣла, даннаго ему въ 1450 году ²⁾. Въ 1496 и началѣ 1499 года великій князь Александръ далъ сыну Ивана Можайскаго, Семену, подтвердительные привилеи на владѣніе Стародубомъ Сѣверскимъ въ качествѣ наследственной вотчины ³⁾. Въ концѣ 1499 года князь Семень Ивановичъ, вмѣстѣ съ другими сѣверскими князьями, передался съ своей вотчиной великому князю московскому ⁴⁾. По договорамъ 1503 и 1523 годовъ, Стародубъ съ волостями остался во владѣніи московскихъ государей ⁵⁾.

Къ востоку отъ Стародуба, по среднему теченію Десны, располагалось старое *Трубецкое* княжество. Послѣ присоединенія Сѣверщины къ Литовскому государству при Ольгердѣ (въ 1356 г.), Трубецкъ (Трубчевскъ) принадлежалъ первоначально къ владѣніямъ Брянскаго князя, Дмитрія Ольгердовича ⁶⁾, и только послѣ его смерти (въ 1399 г.) выдѣлился въ особое княжество, пожалованное Витовтомъ сыну умершаго Брянскаго князя, Михайлу Дмитриевичу, родоначальнику послѣдующихъ князей Трубецкихъ ⁷⁾. Послѣ Михаила

¹⁾ Кромѣ Стародуба Сѣверскаго, удѣлъ Михаила слагался изъ Койданова въ Минской землѣ, Клецка въ Полѣсьи и Бѣлска, Брянска и Суража въ Подлѣхін (*Бытовецъ*, 55. *Stadnicki*, Syn. *Gedum.*, II, 169). Въ 1449 г. король Казиміръ отобралъ у Михаила Сигизмунда пожалованный ему удѣлъ и его самого выгналъ изъ Литвы (*Wolff*, 65).

²⁾ А. З. Р., I, №№ 52 и 139. *Любавскій*, Областное дѣленіе (*Ученія*, III, 46). Стародубъ могъ сдѣлаться вотчиной Ивана Андреевича Можайскаго въ промежутокъ времени между 1479 г., когда этотъ князь получилъ подтвердительный привилей на Брянскъ (*Skarbies*, № 1998), и 1494 г., когда въ Брянскѣ былъ великокняжескій намѣстникъ (А. З. Р., I, № 119).

³⁾ А. З. Р., I, №№ 189 и 167. *Stadnicki*, Syn. *Gedum.*, II, 169. *Бестужев-Рюминъ*, Ист., II, 181. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 46.

⁴⁾ *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 481. А. З. Р., I, № 180. *Skarbies*, № 2121.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., XXXV, 348. Князь Можайскій продолжалъ владѣть своей вотчиной и послѣ отъѣзда въ Москву вплоть до своей смерти въ 1519 г., когда его удѣлъ отошелъ въ общій составъ великокняжескихъ владѣній (*Бестужев-Рюминъ*, Ист., II, 182).

⁶⁾ П. С. Р. Л., VIII, 34, *Stadnicki*, Olgerd, 140; *Bracia*, 20. По показанію *Бытовецъ* (стр. 22), принятому также Стрыйковскимъ и Коляловичемъ, Трубецкъ составлялъ удѣлъ другого сына Ольгерда, Вингольта-Андрея; но Вольфъ доказалъ, что такого сына вовсе не было у Ольгерда (*Wolff*, *Ród Gedum.*, 82, 84).

⁷⁾ П. С. Р. Л., VII, 255. *Stadnicki*, *Bracia*, 110—111. *Wolff*, 92.

Дмитріевича его отчина перешла къ его сыновьямъ Юрію и Семену повидимому, бывшимъ въ зависимости отъ Свидригайла, владѣвшаго въ то время (1420—1430) главными Сѣверскими удѣлами: Брянскимъ,, Новгородсѣверскимъ и Черниговскимъ ¹⁾). Князья Трубецкіе владѣли своей отчиной по отдѣльнымъ „дѣльницамъ“: Юрій Михайловичъ владѣлъ одной половиной Трубецка, братъ его Семень Михайловичъ другой половиной ²⁾). По отъѣздѣ Юрія Михайловича въ Москву его дѣльница не перешла къ его брату, но была причислена къ короннымъ волостямъ и отдана въ „держаніе“, кажется, въ качествѣ простаго староства, сначала князю Ивану Чарторыйскому, затѣмъ господарскому конюшему, пану Гринко Воловичу ³⁾). Только въ 1495 году, по особому челобитію Ивана Юрьевича (сына ушедшаго въ Москву князя Юрія Трубецкаго), была пожалована ему великимъ княземъ Александромъ старая дѣльница отца (половина Трубецка) въ „вѣчное держанье“, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ владѣлъ той же дѣльницей его отецъ при Казимірѣ ⁴⁾). Съ замѣтиемъ въ 1500 году города Трубецка

¹⁾ Зависимостью Трубецкихъ князей отъ Свидригайла объясняется его титулъ: князя Черниговскаго, Сѣверскаго и Трубецкаго (*Prochaska*, Codex epistol. Vitoldi № 1034. См. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 46. *Lewicki*, 192).

²⁾ *Wolf*, 92.

³⁾ А. З. Р., I, № 125. *Wolf*, 92. *Bonieski*, 32.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 125. Вольфъ открылъ въ Литовской Метрицѣ одинъ судный актъ 1499 г., изъ котораго видно, что, по смерти послѣдняго державца половины Трубецка, Гринка Воловича, князь Юрій возвратился обратно на родину и получилъ старый свой удѣлъ—половину Трубецка. Приведенный выше привилей 1495 г. великаго князя Александра о пожалованіи Трубецка сыну Юрія не подтверждаетъ, однако, этого факта: изъ этого привилея ясно видно, что сынъ Юрія получилъ отцовскую дѣльницу непосредственно послѣ Воловича на основаніи представленнаго имъ, въ подтвержденіе своихъ правъ на дѣльницу отца, листа, даннаго послѣднему на Трубецкѣ еще Казиміромъ (А. З. Р., I, № 125). Вторая половина Трубецка составляла дѣльницу потомковъ Семена Михайловича, втораго сына Михаила Дмитріевича, родоначальника князей Трубецкихъ. Внуку послѣдняго Иванъ Семеновичъ Трубецкой получилъ въ 1490 г. отъ Казимира привилей на 6 копѣ изъ Путивльскаго мыта (изъ Литовской Метрики; см. *Wolf*, 92). Той же дѣльницей владѣли въ 1499 г. князья Трубецкіе, Андрей и Иванъ, сыновья Ивана Семеновича. Они-то возбудили предъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ искъ о томъ, что ихъ дядя, князь Иванъ Юрьевичъ (владѣвшій по привилею 1495 г. половиной Трубецка), не даетъ имъ удѣла въ ихъ Трубецкой отчинѣ, которой сообще владѣли ихъ дѣдъ съ его отцомъ, а ихъ отецъ съ нимъ. Великій князь, вырокомъ своимъ 1499 г., предписалъ князю Ивану Юрьевичу и брату его Александру раздѣлиться отчиной съ племянниками, князьями Иваномъ и Андреемъ Ивановичами (изъ Литовской Метрики; см. *Wolf*, 93).

московской ратью, князья Трубецкіе съ своими дѣльницами подчинились московскому государю ¹⁾. По договору 1503 и 1523 годовъ, Трубецкъ съ волостями окончательно былъ отчисленъ къ Московскому государству ²⁾.

Верхнюю часть Сѣверщины составляла *Брянская* земля, располагавшаяся по верховьямъ Десны и Оки съ ихъ притоками. Какъ замѣчено выше, съ половины XIII столѣтія Брянскъ съ его областью становится главнымъ центромъ всей Сѣверщины, что обуславливалось ³⁾ прежде всего самымъ географическимъ положеніемъ верхней Сѣверщины, располагавшейся, подобно Смоленщинѣ, у ключа главныхъ въ старину торговыхъ путей западной и восточной Руси. Главенство Брянской земли выражалось, между прочимъ, въ старѣйшинствѣ мѣстныхъ князей, являвшихся нерѣдко въ роли какъ бы представителей всей Сѣверщины и потому носившихъ титулъ великихъ князей Черниговскихъ ⁴⁾. Какъ замѣчено раньше, подчиненіе Брянска

¹⁾ *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 481. *Stadnicki*, Bracia, 112. *Wolff*, Ród Gedym. 90—94. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 45. Очеркъ исторіи Трубецкихъ князей изложенъ также въ этюдѣ Бартошевича: „Trubecka wprawa“ (*Encykl. Powaz.* XXV 593—600).

²⁾ А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120. *Skarbies*, № 2156.

³⁾ По словамъ Любавскаго, „возвышеніе Брянска, по всей вѣроятности, стояло въ связи съ приливомъ въ его область населенія, которое съ приходомъ татаръ должно было покинуть бассейнъ Семи и нижней Десны и искать спасенія въ лѣсистыхъ и болотистыхъ верховьяхъ Оки и Десны“. (Областное дѣленіе, 44). Мысль о запустѣннѣй нижней Сѣверщины съ приходомъ татаръ можно считать такимъ же „историческимъ міражемъ“ (по выраженію проф. Антоновича), какъ и вообще мнѣніе польскихъ, отчасти и русскихъ (Погодина) писателей о мнимомъ запустѣннѣ южной Руси съ XIII столѣтія (*Антоновичъ*, Монагр., I, 224; *Владимірскій-Будановъ*, Населеніе юго-западной Руси отъ половины XIII до половины XV вѣка, 4 и слѣд.). Еще и теперь (а тѣмъ болѣе въ XIII столѣтіи) область бассейна Сейма и нижней Десны почти въ такой же степени лѣсистая и болотистая страна, какъ и верховья Десны и Оки. Населеніе Посемья и Подесенья находило спасеніе отъ татаръ у себя же въ своихъ чуть ли не первобытныхъ лѣсныхъ и болотистыхъ захолустьяхъ и трупобахъ, въ сплошную покрывавшихъ (мѣстами и доселѣ покрывающихъ) все Посемье и нижнее теченіе Десны. Укрываться въ далекихъ Брянскихъ лѣсахъ не было надобности для населенія: надежныя лѣсныя убѣжища были въ то время подъ бокомъ чуть ли не у каждаго поселенія нижней Сѣверщины.

⁴⁾ *Ипатьевская* лѣтопись, 575. См. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 43. Въ извѣстномъ синодикѣ Антоніевскаго Любецкаго монастыря есть указанія на такое значеніе Брянскихъ князей. (См. синодикъ, помѣщ. въ *Успенскѣ* Моск. Общ. Ист. и Древ., 1871, кн. II). Потомки старыхъ Брянскихъ князей, происходившихъ отъ Черниговскихъ Ольговичей, жили еще въ началѣ XV столѣтія въ Смоленскѣ,

Ольгерду (въ 1356 году) было результатомъ стремленія брянцевъ освободиться отъ ордынской зависимости путемъ признанія надъ собой власти сильнаго литовскаго вождя. Въ лѣтописномъ извѣстїи о занятїи Брянска Ольгердомъ говорится, что послѣ „замятни велией“, послѣдовавшей за смертію послѣдняго русскаго князя (Василія), „нача обладати Брянскомъ князь Литовскій“ (Ольгердъ) ¹⁾. Изъ этого сообщенія видно только, что Брянскъ въ 1356 году поступилъ во владѣніе Ольгерда; но нѣтъ прямого указанія, чтобы тогда же былъ посаженъ въ Брянскѣ удѣльный князь ²⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ въ Брянскѣ, какъ видно изъ источниковъ, былъ Дмитрій Ольгердовичъ старшій, а не Дмитрій-Корыбутъ, какъ полагаютъ Стадницкій и Антоновичъ ³⁾. Дмитрій Ольгердовичъ впервые упоминается въ званїи Брянскаго князя въ договорѣ о перемирїи, заключенномъ въ 1372 г. Ольгердомъ и Кейстутомъ съ московскимъ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ (Донскимъ) ⁴⁾. Кромѣ Брянска, къ владѣніямъ Дмитрія Ольгердовича принадлежалъ также Трубецкъ ⁵⁾. Что касается „верховскихъ“ князей, владѣвшихъ удѣлами на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Сѣверской земли, то въ источникахъ нѣтъ указаній, чтобы въ литовскую эпоху они когда либо зависѣли отъ князей Брянскихъ; по всему видно, упомянутые князья непосредственно подчинялись великимъ князьямъ Литовскимъ ⁶⁾. Во время

куда они ушли послѣ занятія Брянска Ольгердомъ. Въ Любецкомъ синодикѣ упоминается князь Романъ Михайловичъ Брянскій, убитый въ Смоленскѣ въ 1401 г., и его сынъ князь Семенъ (*Милородовичъ*, Любечъ, 36).

¹⁾ Никоновская лѣтопись, III, 207. П. С. Р. Л., X, 228.

²⁾ *Стадницкій* (Wacław Jagiełły, 41) полагаетъ, что Брянскъ сталъ управляться особымъ удѣльнымъ княземъ съ 1356 г., то-есть, тотчасъ послѣ подчиненія Брянска Ольгерду. *Вольфъ* (Ród Gedym, 90) съ полной основательностью утверждаетъ, что назначеніе въ Брянскъ особаго князя могло случиться и гораздо позже.

³⁾ *Stadnicki*, Wacław Jagiełły, 41, 49; *Olgerd i Kiejstut*, 181, 209. *Антоновичъ*, Моногр., I, 115. Разъясненіе вопроса о первомъ Брянскомъ князѣ — Дмитріѣ старшемъ, а не Корыбутѣ, принадлежитъ *Вольфу* (Ród, 92, 152. Ср. *Smolka*, Kiejstut, 9). Дѣйствительно, Корыбутъ нигдѣ въ источникахъ не называется княземъ Брянскимъ. Название это вездѣ дается Дмитрію Ольгердовичу, о которомъ говоритъ, какъ имъ замѣтили раньше, Любецкій синодикъ подъ № 53: „Дмитрія Ольгердовича и княгиню его Анну, и сыновъ ихъ: князя Михаила, князя Іоанна“ (см. выше о кн. Черниговскихъ).

⁴⁾ По этому акту перемирїе распространяется на князя Дмитрія Брянскаго и всѣхъ князей, живущихъ въ земляхъ Ольгерда и смоленскаго князя Святослава Ивановича (*Skarbiec*, № 451).

⁵⁾ См. выше о Трубецкихъ князьяхъ.

⁶⁾ См. объ этомъ ниже.

вторженія въ Сѣвершину московской рати (въ 1379 г.), Брянскій князь со всей семьей и боярами, какъ полагають, изъ-за недовольства возведеніемъ въ великіе князья литовскіе младшаго брата Ягеллы, отъѣхалъ въ Москву ¹⁾, откуда онъ воротился на родину около 1388 года. Въ этомъ году Дмитрій Ольгердовичъ далъ присягу вѣрности королю Владиславу и коронѣ польской ²⁾. Брянскій князь, по возвращеніи изъ Москвы, получилъ обратно свой удѣлъ: въ 1390 году Дмитрій Ольгердовичъ заключаетъ окончательное примиреніе съ королемъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ описываетъ границы своего удѣла ³⁾. Дмитрій Ольгердовичъ княжилъ въ Брянской землѣ до 1399 года, когда онъ вмѣстѣ съ другими князьями палъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ ⁴⁾. Въ позднѣйшихъ литовскихъ хроникахъ ⁵⁾ сохранилось извѣстіе о томъ, что въ началѣ XV столѣтія (то-есть, тотчасъ по смерти Дмитрія Ольгердовича) Брянскомъ владѣлъ Стародубскій князь Александръ Патрикѣевичъ ⁶⁾. Княженіе его въ Брянскѣ продолжалось недолго: въ 1402 году Брянскомъ управлялъ намѣстникъ Витовта, Романъ Михайловичъ ⁷⁾. Въ слѣдующемъ году Брянскъ становится, впрочемъ, не надолго (до 1408 года) удѣломъ Свидригайла, который окончательно утвердился въ Брянщинѣ лишь съ 1420 года, послѣ примиренія съ Витовтомъ ⁸⁾. Свид-

¹⁾ Еще раньше отъѣхалъ въ Москву Андрей Ольгердовичъ Полоцкій, Дмитрій Михайловичъ Волинскій и др. (*Wolff*, 91). Объ отъѣздѣ въ Москву Дмитрія Ольгердовича см. П. С. Р. Л., VIII, 34. Ср. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 110. *Wolff*, *Ród Gedym.*, 91. Принятый въ московскую службу великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, Брянскій князь получилъ Переяславскій удѣлъ и въ 1380 г. принималъ участіе въ войнѣ московскаго государя съ татарами (*Stadnicki*, *Bracia*, 110. *Wolff*, *Ród*, 152).

²⁾ Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, изд. Виленскою археографическою Комисс., подъ редакцію *Круповича*, I, № 4. *Skarbies*, № 563. *Stadnicki*, *Bracia*, 111. *Wolff*, 91.

³⁾ *Skarbies*, № 575. *Wolff*, 91, 152.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 104, 114. *Wolff*, 91, 152.

⁵⁾ См. *Стрыйковскій*, *Kronika Polska*, изд. 1846, IV, стр. 58.

⁶⁾ *Stadnicki*, *Syn. Gedym.*, II, 168. *Ею же*, *Olgerd*, 209.

⁷⁾ См. IV Новгородскую лѣтопись, П. С. Р. Л., IV, подъ 6910 годъ. Ср. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 49. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 46.

⁸⁾ См. *Strzykowski*, *Kron. Polska*, изд. 1846 г., IV, 485—486. *Kojałowicz*, *Hist. Lith.*, II, 72; V, 219. *Długosz*, *Hist.*, III, 571; XI, 392. Лѣтоп. Даниловича, 230. П. С. Р. Л., VI, 141. *Prochaska*, *Cod. epist.*, № 1034. *Skarbies*, № 850 и 876. Ср. *Stadnicki*, *Syn. Gedym.*, II, 169; *ею же*, *Bracia*, 49, 317, 323. *Иловайскій*, *Ист.*, II, 218. *Петровъ*, *Бѣлоруссія*, 114. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 46. *Lewicki*, 184, 192.

ригайло оставался Брянским князем до 1430 года, когда онъ, по смерти Витовта, перешелъ въ Вильну, въ качествѣ великаго князя Литовскаго ¹⁾, послѣ чего въ Брянскѣ настаетъ снова намѣстническое управленіе. Въ 1446 году Брянскъ съ другими Сѣверскими городами (Стародубомъ и пр.) былъ пожалованъ въ вотчину московскому выходцу, Василию Ярославичу, князю Боровскому, вскорѣ, впрочемъ, ушедшему обратно въ Москву ²⁾. Въ 1450 году Казимиръ Ягеллонъ пожаловалъ Брянскъ въ „вотчину“ московскому выходцу, Ивану Андреевичу, князю Можайскому, на такихъ же основаніяхъ, на какихъ Брянскъ до того принадлежалъ королю; князь Можайскій обязался „съ того вѣрно служить“ королю ³⁾. Въ 1479 году тотъ же король далъ князю Можайскому подтвердительный привилей на владѣніе Брянской вотчиной на старыхъ основаніяхъ ⁴⁾. Позже Брянскъ былъ отчисленъ къ короннымъ владѣніямъ; вмѣсто него князю Можайскому была пожалована новая вотчина—Стародубъ съ Гомелемъ (см. выше). Въ 1494 году упоминается Брянскій намѣстникъ, князь Федоръ Жеславскій (Заславскій) ⁵⁾. По договору короля Александра съ Московскимъ великимъ княземъ въ 1494 году Брянскъ остался за

¹⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 324 — 327. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 46 *Исторія*, Бѣлоруссія, 114.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 174—175; VIII, 117. *Stadnicki*, *Bracia*, 49. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 46. *Стадницкій* (*Syn. Gedum.*, II, 169) полагаетъ, что въ 1447 г. Брянскъ съ другими Сѣверскими городами, по пожалованію Казимира, перешелъ въ руки Михаила, сына бывшаго великаго князя литовскаго Сигизмунда. Но изъ источниковъ (именно хроника *Выжовца*, 55) видно, что князь Михаилъ въ 1447 г. получилъ удѣлъ въ различныхъ областяхъ Литовской Руси: 1) въ Подляхін Бѣльскъ съ Суражемъ и Брянскомъ (о немъ см. выше); 2) въ Бѣлоруссіи — Койдаповъ; 3) въ Подѣсьи—Клецкъ и 4) въ Сѣверщинѣ—Стародубъ. Князь Михаилъ дѣйствительно владѣлъ Брянскомъ, но только не Сѣверскимъ, а Литовскимъ (см. *Wolff*, *Ród Gedum.*, 65).

³⁾ Самый привилей, данный князю Можайскому на Брянскій удѣлъ, не сохранился. Известна только послушная грамота 1450 г. Казимира боярамъ брянскимъ, мѣстичамъ и всѣмъ „мужамъ“ Брянскимъ, которыхъ король обязываетъ быть ему „послушными во всемъ, какъ насъ самихъ, а съ отчанъ своихъ и со всего своего имѣнья, какъ хто што первѣй того держалъ, служите ему. А ему васъ приказали есмо съ вашихъ имѣній не гнати, а ни отнимати, а въ церковное си ни во што не вступати; а суды судити по старынѣ, какъ у васъ издавна пошло, а своихъ новыхъ судовъ, а пикоторыхъ пошлнхъ новыхъ не вводити“ (*А. З. Р.*, I, № 52. Сборникъ *Мушанова*, стр. 22).

⁴⁾ *Skarbiec*, № 1998. Сборникъ *Мушанова*, № 20.

⁵⁾ *А. З. Р.*, I, 119.

Литвой; къ Москвѣ онъ отошелъ лишь со времени трактата 1503 года ¹⁾).

На сѣверовосточной окраинѣ Сѣверщины, въ землѣ древнихъ вятичей, по верховьямъ Оки съ ея притоками, располагались изстаринные удѣлы русскихъ князей Черниговскаго дома, подъ именемъ *князей верховскихъ*, владѣвшихъ своими родовыми отчинами въ теченіе всей литовской эпохи, вплоть до присоединенія Сѣверщины къ Московскому государству ²⁾. Удѣлы верховскихъ князей, носившіе обычное въ старое время названіе земель, отчинъ, дѣльницъ или дольницъ, простирались вдоль восточныхъ и сѣверныхъ границъ Брянщины и разбивались на отдѣльныя группы волостей, которыя связывались между собой принадлежностью одному роду мѣстныхъ князей, пользовавшихся въ предѣлахъ своего рода владѣтельными правами на ихъ родовыя отчины и дѣльницы.

Самую значительную группу волостей-удѣловъ составляли владѣнія потомковъ князей Черниговскихъ, именно потомковъ Семена Михайловича Глуховскаго и Новосильскаго (сына св. Михаила Черниговскаго). Главными центрами владѣній этой группы верховскихъ князей были города: *Новосиль*, *Блѣвъ*, *Одоевъ* и *Воротынскъ*, расположенные отдѣльной группой въ верховьяхъ Оки и ея притоковъ ³⁾. По сосѣдству съ этими княженіями, въ области между верхней Окой, Десной и Угрой, располагалась вторая группа удѣльных владѣній русскихъ князей-потомковъ Мстислава Михайловича Карачевскаго; сюда относились удѣлы князей: *Карачевскихъ*, *Кромскихъ*, *Козельскихъ*, *Мосальскихъ*, *Перемишльскихъ*, *Елецкихъ* и *Хотетовскихъ* ⁴⁾. Наконецъ, третью группу русскихъ удѣловъ составляли владѣнія,

¹⁾ Skarbiec, № 2067. А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120. См. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 49. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 46.

²⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 191, 196, 208—209. *Wolff*, *Ród Gedymina*, 10, 27. *Соловьевъ*, Ист., V, 172, 314 и сл. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 168, 171, 177. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 114, 144, 148. *Антоновичъ*, Моногр., I, 115. *Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское (*Кіевск. Univ. Изв.*, 1882). *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лиг.-Русскаго государства (*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.*, 1892, III и IV). Довольно подробныя замѣчанія о верховскихъ князьяхъ принадлежать Владимірскому-Буданову (стр. 6—9) и особенно Любавскому (стр. 47—56). Въ своемъ очеркѣ мы обратимъ вниманіе въ особенности на вопросы, не надлежаще выясненные въ перечисленныхъ трудахъ.

³⁾ См. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 47. *Воніескі*, 6, 213, 214, 289.

⁴⁾ *Любавскій*, 52, 280, 282. *Воніескі*, 156, 174—176.

расположенныя въ бассейнѣ р. Жиздры, по сосѣдству съ волостями Козельскими и Перемышльскими, и принадлежавшія князьямъ *Мезецкимъ* и *Товдыревскимъ*, потомкамъ Торусскаго князя Юрія Михайловича ¹⁾. Въ каждой изъ этихъ группъ княжескихъ владѣній сидѣлъ свой мѣстный родъ изстари русскихъ князей, дѣлившіеся на отдѣльныя линіи, съ сохраненіемъ однако стараго родового ихъ единства. Между князьями одного рода различался старшій (большой) князь отъ удѣльныхъ; между тѣми и другими происходили обычные въ то время переходы княжескихъ владѣній по родовому наслѣдованію, путемъ купли, завѣщанія и пр. Порядки эти сохранялись въ быту мѣстныхъ князей въ теченіе всей литовской эпохи ²⁾.

Верховскіе князья не всѣ въ одно время подчинялись великимъ князьямъ литовскимъ. При Ольгердѣ къ Литовскому государству примкнули лишь нѣкоторые князья изъ рода Новосильскихъ и Карачевскихъ ³⁾; князья этого рода переходили на литовскую службу также при Витовтѣ и въ послѣдующее время ⁴⁾. Времени Витовта (1407 — 1408 гг.) принадлежитъ подчиненіе литовскимъ государямъ князей Бѣлевскихъ; при Казимирѣ подчинились нѣкоторые изъ князей Одоевскихъ, Новосильскихъ и Воротынскихъ, служившихъ раньше московскимъ князьямъ ⁵⁾. Зависимость отъ Литвы верховскихъ князей второй и третьей группы (Мосальскихъ, Мезецкихъ и другихъ) принадлежитъ также, большею частью, времени Витовта (1407—1408); нѣкоторые князья (Козельскіе, Елецкіе, Перемышльскіе) примкнули къ Литовскому государству лишь въ половинѣ XV столѣтія ⁶⁾.

Не вездѣ, впрочемъ, удержались старые роды русскихъ князей: въ XV столѣтіи появляется цѣлый рядъ городовъ, перешедшихъ изъ владѣнія верховскихъ князей въ непосредственное распоряженіе вели-

¹⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе, 55. *Boniecki*, 179. Князья верховскіе, кромѣ отчизнъ, получали въ разное время отъ великихъ князей литовскихъ „данины“ въ Смоленщинѣ (см. выше), также въ Брянскомъ повѣтѣ. Въ концѣ XV столѣтія, наприимѣръ, князю Андрею Кромскому даны были „до осмотра“ волости Волконескъ и Рославль (*Boniecki*, 156).

²⁾ *Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 6.

³⁾ Въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія, при Ольгердѣ, упоминаются въ источникахъ два брата, князья Новосильскіе: одинъ изъ нихъ, князь Иванъ Семеновичъ, былъ подручникомъ Ольгерда, другой — Романъ Семеновичъ, служилъ великому князю московскому (*Любавскій*, Областное дѣленіе, 47, 53).

⁴⁾ *Любавскій*, 48, 53.

⁵⁾ *Ibid.*, 49. *Boniecki*, 213. *Skarbiec*, №№ 1889, 1950.

⁶⁾ *Любавскій*, 53—55.

кихъ князей литовскихъ. Изъ источниковъ не видно, какимъ именно путемъ верховскіе города и волости очутились во власти литовскихъ господарей; можно думать, что это случилось скорѣе всего путемъ испомѣщенія князей другими волостями взамѣнъ уступленныхъ ими великимъ князьямъ волостей и городовъ. Такимъ образомъ, города Мценскъ и Любутскъ, принадлежавшіе въ старое время къ княжеству Карачевскому, уже въ первой половинѣ XV столѣтія управлялись великокняжескими намѣстниками ¹⁾. Главный городъ Карачевского княжества (Карачевъ) въ послѣднюю четверть XV столѣтія составлялъ также непосредственное владѣніе великихъ князей литовскихъ. Въ 1496 году волости Карачевъ и Хотимль были отданы великимъ княземъ Александромъ Семену Можайскому „до воли“ ²⁾; въ 1499 году волости эти пожалованы тому же князю „на вѣчность“ ³⁾. Въ то же время и другіе города (напримѣръ, Мосальскъ и Козельскъ), принадлежавшіе къ удѣльнымъ владѣніямъ мѣстныхъ князей, стали переходить въ непосредственное распоряженіе великихъ князей литовскихъ ⁴⁾.

Пограничные князья, въ силу обычая, практиковавшагося въ старину вездѣ на Руси, въ особенности на „порубежьяхъ“ и „сумежьяхъ“ русскихъ земель, служили „на обѣ стороны“, то-есть, состояли въ докончаніи „послушанія“ и службы одновременно Литвѣ и Москвѣ, двумъ сосѣднимъ государствамъ. Въ 1491 году Иванъ III заявлялъ королю Казиміру: „вѣдомо ему самому, что нашимъ предкамъ, великимъ князьямъ и литовскимъ великимъ князьямъ, тѣ князь и (Одоевскіе, Воротынскіе и Бѣлевскіе) на обѣ стороны служили съ своими отчинами нашему отцу (Василію Темному) и намъ самимъ

¹⁾ Ibid., 51—52.

²⁾ А. З. Р., I, № 139, гр. II. О пожалованіи волости Хотимль одновременно съ Карачевымъ говорится въ подтвердительной грамотѣ 1499 года (ibid., № 167).

³⁾ Обѣ волости даны князю Можайскому „вѣчно, ему и его вѣнчанинъ, и ихъ дѣтямъ и потомъ будущимъ ихъ счадомъ“, со всѣми дворами и волостями, „съ данями грошowymi и медовыми, и зъ мыты, и со всеми платы и доходы, што здавна къ тымъ замкомъ и волостемъ прислухало“, съ правомъ „продати, и отдати, и замѣнити, и къ своему вжиточному обернути, какъ самъ налѣтитъ разумѣючи“. Князь Семень не воленъ вступаться въ нѣтъны и земли мѣстныхъ князей и бояръ (А. З. Р., I, № 167).

⁴⁾ Любавскій, 53. Козельскъ, на р. Жиздрѣ, одинъ изъ старыхъ удѣльныхъ городовъ (съ XII столѣтія), въ 40-хъ годахъ XV столѣтія былъ въ распоряженіи короля Казиміра. Въ 1447 году Козельскъ данъ князю Федору Львовичу Воротынскому. См. *Sokołowski-Szujski*, Cod. epist. saec., XV, № 28. *Boniecki*, 369 *Sulimierski*, Stawn., IV, 548.

служили тѣ самые князья и ихъ отцы“¹⁾). На такой двусторонній характеръ службы верховскихъ князей указываетъ докончальная грамота 1449 года московскаго великаго князя Василія Васильевича съ королемъ Казиміромъ. Московскій князь, очевидно, имѣвшій извѣстныя права на князей верховскихъ, вставилъ въ докончанье такую статью: „А Верховскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣчи давати, а болшы того не примышляти“²⁾). Въ такой двусторонней зависимости отъ Литвы и Москвы находились, кромѣ упомянутыхъ выше князей, также князья Мосальскіе и др.³⁾). Зависимость верховскихъ князей „на обѣ стороны“ вполнѣ аналогична съ двусторонней же зависимостью сѣверныхъ окраинъ Смоленской земли—Ржева и Великихъ Лукъ, составлявшихъ издавна общую „волость“ сперва Новгорода съ Литвой, затѣмъ государствъ Московскаго и Литовскаго⁴⁾). Зависимость верховскихъ князей „на обѣ стороны“ образовалась не подъ татарскимъ вліяніемъ⁵⁾, но имѣетъ свои корни

¹⁾ *Владимірскій-Будамовъ*, Государства Московское и Литовское, 7. Ср. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 51—52.

²⁾ А. З. Р., I, № 50.

³⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе, 53. Изъ докончальныхъ грамотъ (1442—1489 гг.) князей Новосильскихъ, Одоевскихъ и Воротынскихъ съ великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ видно, что, кромѣ московскихъ великихъ князей, верховскіе князья находились въ обязательныхъ отношеніяхъ и связяхъ также съ князьями Переяславскими и Пронскими. Въ докончальной грамотѣ князя Федора Львовича Новосильскаго 1442 года съ Казиміромъ находимъ слѣдующую статью: „А зъ великимъ княземъ московскимъ, хто будетъ Московское княжене великое держати, и съ великимъ княземъ Переславскимъ, хто будетъ Переславское княжене великое держати, и со княземъ великимъ Пронскимъ, хто будетъ княжене Пронское великое держати: ино имъ межы себе (то-есть, князю Новосильскому съ упомянутыми тремя князьями) судъ по старынѣ; а чого межы себе не въправятъ, ино положити на великаго князя Казиміровѣ воли, и великому князю Казиміру того досмотрѣти и въправити, коли тми три князи великии, верху писаныи, зъ великимъ княземъ Казиміромъ будутъ въ докончаньи, или зъ его сыномъ, или зъ намѣстникомъ, который будетъ держати послѣ его великое княжене Литовское“ (А. З. Р., I, № 41). Та же самая формула воспроизводится въ послѣдующихъ докончаньяхъ 1459 и 1483 г. (*ibid.*, №№ 63 и 80).

⁴⁾ См., напримѣръ, запись около 1479 года о Ржевской дани (А. З. Р., I, № 79). Ср. *Владимірскій-Будамовъ*, Государства Московское и Литовское, 4—6.

⁵⁾ Такими вліяніями, повидимому, объясняетъ г. Любавскій происхождение службъ верховскихъ князей „на обѣ стороны“—Литвѣ и Москвѣ. По его словамъ, „такая служба была вполнѣ естественна вслѣдствіе положенія верховскихъ княжествъ въ соосѣдствѣ съ Московскими владѣніями и на украинѣ, непрерывно подвергавшейся нападеніямъ татаръ, общаго врага Московскаго и Литовскаго

вообще въ автономныхъ правахъ старыхъ русскихъ князей и земель. Свою политическую независимость они гарантировали изстари путемъ рядовъ и докончаній съ сосѣдними князьями и землями; въ отношеніи къ нимъ, какъ своимъ союзникамъ, князья принимали на себя извѣстныя служебности, въ видахъ обоюдной охраны и обороны принадлежавшихъ имъ волостей. Такое автономное положеніе удалось верховскимъ князьямъ удержать за собой въ литовскую эпоху вплоть до окончательнаго присоединенія ихъ владѣній къ Московскому государству въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Князья верховскіе отстаивали свою „службу“ на обѣ стороны въ собственныхъ интересахъ: въ случаѣ кривды со стороны Москвы князья находили для себя „судъ“ въ Литвѣ, и наоборотъ: кривда литовская уполномочивала верховскихъ князей „снять цѣлованье доловъ“, предоставляла имъ „волю“ перейти въ безраздѣльное „послушаніе“ къ другой союзной сторонѣ—московскому великому князю ¹⁾).

государствъ“ (Областное дѣленіе, 50). Ближе къ истинѣ стоитъ объясненіе проф. Владимірскаго-Буданова: общее владѣніе Литвы и Москвы пограничными землями, по его словамъ, „объясняется весьма просто тѣмъ, что оба государства: и Литовское, и Московское, образовались изъ древне-русскихъ земель, границы которыхъ никогда не были очерчены точно. Прочность границъ опредѣляется не столько географическими условіями, сколько составомъ и сознаніемъ населенія. Когда существовали независимыя Новгородская и Полоцкая земли (рѣчь идетъ объ общемъ владѣніи Ржевомъ и Великими Луками), одинаково русскія, то пограничнымъ между ними областямъ было все равно, къ какой бы онѣ ни принадлежали. Общее владѣніе ими возможно было такъ же, какъ общее владѣніе городомъ Москвою для потомковъ Калиты. Все это были „князи крестьянскіи—однѣмъ чело-вѣкъ“ (Государства Московское и Литовское, 5).

¹⁾ Всѣ эти положенія категорически сформулированы въ докончаніяхъ XV столѣтія верховскихъ князей съ литовскимъ великимъ княземъ (А. З. Р., I, №№ 41, 63 и пр.). Въ концѣ 1492 года Семенъ Воротынский, отъѣхавшій въ Москву на службу, такъ объяснялъ великому князю Литовскому Александру причины своего отъѣзда отъ литовской службы: „язъ служилъ еси отцу твоему (королю Казимиру) и былъ еси у отца твоего, господаря моего, у крестномъ цѣлованьи, на томъ, что было отцу твоему *за отчину нашу стояти и боронити отъ всякаю: мно свѣдомо тебѣ, что отчина моя отстала, и отецъ твой за отчину мою не стоялъ и не боронилъ, а мнѣ, противъ отчины моеѣ, городовъ и волостей не измыслилъ. И къ тебѣ еси посылалъ бити челоу, чтобы пожаловалъ мене потомуужъ, въ докончанье и въ крестное цѣлованье (принялъ), какъ отецъ твой мене жаловалъ, города бы еси мнѣ обмыслилъ противъ моеѣ отчины, чимъ быхъ мѣлъ тебѣ служить: и твоя милость мене не жаловалъ, города не далъ, и въ докончанье не принималъ, а за отчину за мою не стоялъ; а бояръ моихъ не жаловалъ, не чтилъ, какъ отецъ твой нашихъ бояръ жаловалъ, чтилъ. Ино не я выступилъ,*

Такимъ именно союзнымъ характеромъ отличаются отношенія верховскихъ князей къ литовскимъ господарямъ. Отношенія эти установились между ними еще со временъ Витовта, путемъ взаимныхъ докончаній, вполне напоминающихъ старые ряды и докончанья восточно-русскихъ князей великихъ и удѣльныхъ. Таковы, напримѣръ, сохранившіяся до нашего времени докончанья князей Новосильскихъ и Одоевскихъ съ великимъ княземъ Казиміромъ 1442, 1459 и 1483 гг., вступавшихъ къ нему на службу „по князя великого Витовтову докончанью“¹⁾. Въ основѣ отношеній верховскихъ князей къ великимъ князьямъ литовскимъ лежали вообще изстаринныя начала, на какихъ построились междукняжескія отношенія древней Руси. Докончанья, опредѣлявшія „службу“ верховскихъ князей, имѣли въ существѣ дѣла такой же характеръ личныхъ союзовъ князей, главнымъ образомъ, ради обороны своихъ волостей, какъ и всѣ ряды и докончанья древне-русскихъ князей. Князья верховскіе вступали въ докончанья съ великими князьями литовскими, какъ „равные съ равными“: взаимная оборона и защита—главный и, можно сказать, единственный пунктъ, къ которому собственно сводились всѣ отношенія, существовавшія между князьями верховскими и литовскими господарями. Въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы князья верховскіе, подобно другимъ литовскимъ князьямъ, принимали дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ государства: жили при дворѣ господарей, участвовали въ ихъ радѣ и пр. Верховскій князь знаетъ лишь свою землю, свою дѣльницу; въ ней онъ совершенно самостоятельный господарь-отчичъ, какъ и всякій древне-русскій удѣльный князь. Съ Литовскимъ государствомъ его связывалъ лишь временный, личный союзъ²⁾ по весьма условному докончанью съ литовскимъ господа-

твоя милость,—ино отца твоего крестное дѣлованіе и твое съ мене доловъ; занѣже въ листу стоить въ докончанномъ отца твоего: „А по нашемъ животѣ, кто будетъ держати великое княжество Литовское нашихъ намѣстниковъ, ино имъ приняти князя Семена Федоровича въ таково жѣ докончанье и въ свое жалованье; а не имутъ жаловати и не примутъ въ докончанье, ино оо князя Семена Федоровича крестное дѣлованье доловъ, а ему воля“ (А. З. Р., I, № 106).

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 41, 63, 80.

²⁾ Мы не рѣшаемся употребить въ данномъ случаѣ терминъ: „политическая федерація“. Федерація въ точномъ смыслѣ государственнаго союза предполагаетъ не только политическую самобытность федеративныхъ частей, но и „единство жизни“, постоянство и прочность федеративныхъ связей, основанныхъ не на временныхъ и условныхъ рядахъ и докончаньяхъ (какъ было вездѣ въ удѣльной Руси), а на прочномъ, органическомъ, государственномъ законѣ. О политической

ремъ: нарушалось dokonчанье (съ чьей бы то ни было стороны), князь получалъ „волю“, отъѣзжалъ изъ литовской службы и этимъ порывалъ всякія связи своей дѣльницы съ государствомъ Литовскимъ.

федерациі едва ли можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ союзное dokonчанье, установленное сегодня, нарушается завтра, гдѣ федеративная часть отпадаетъ отъ своего дѣла, нерѣдко по чисто случайнымъ обстоятельствамъ, какъ это было обычнымъ явленіемъ въ удѣльной Руси, а въ XV столѣтіи во всей верхнеокской Сѣверщинѣ. Еще менѣе уместно придавать „федеративный“ характеръ Литовско-Русскому государству въ XV и XVI столѣтіяхъ, какъ это пытается доказать г. Любавскій въ своемъ очеркѣ „объ областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства“ (стр. 2, 26, 62). Мысль о федеративномъ строѣ послѣдняго Любавскій обосновываетъ на такихъ послыкахъ, какъ „политическая особенность“ областей, объединенныхъ только „въ единой верховной власти“, жившихъ по своимъ мѣстнымъ привилегіямъ и пр. Ниже мы подробнѣе рассмотримъ затронутый Любавскимъ вопросъ. Здѣсь замѣтимъ только, что на нашъ взглядъ авторъ не вполне вѣрно опредѣляетъ значеніе историческихъ данныхъ, на какихъ обоснованы комбинируемыя имъ послыки и дѣлаемый изъ нихъ основной выводъ о федеративности Литовскаго государства. „Особенностью“, даже съ политическимъ отгѣнкомъ, отличались и восточно-русскія земли еще въ XVI столѣтіи; земли эти жили также по своимъ особымъ уставамъ еще въ пору Судебниковъ. Тѣмъ не менѣе никто не рѣшится настаивать на мысли о федеративности Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Г. Любавскій едва ли правъ, утверждая, что земли Литовской Руси въ XVI вѣкѣ связывались съ государствомъ лишь единой верховной властью, и слишкомъ преувеличиваетъ значеніе уставныхъ грамотъ отдѣльныхъ земель XV и XVI столѣтій. Грамоты эти не были плодомъ уставнаго творчества самыхъ земель (какъ, напримѣръ, Псковская судная грамота), но такимъ же пожалованіемъ, какъ и, примѣрно, Двинская грамота 1397 года или грамота Бѣлозерская 1468 года. Области жили по мѣстнымъ уставамъ въ Литовскомъ и Московскомъ государствахъ въ существѣ дѣла, на одномъ и томъ-же основаніи—не въ силу своей политической особенности и самобытности, не по праву земскаго самоуправленія (политической децентрализаціи), а лишь въ силу одного пожалованія, основанія самаго латваго и не прочнаго, которое могло быть лишено всякой силы и во всякую минуту волей той же власти, которая его создала. Старое земское единство и самобытность западно-русскихъ областей, какъ увидимъ ниже, въ литовскую эпоху были въ корнѣ разрушены очень рано начавшимися дробленіемъ земель на „староства“ и „повѣты“, съ своими особыми старостами, великокняжескими намѣстниками, позже воеводами, непосредственно подчинявшимися литовскимъ государямъ. Если и можетъ быть рѣчь о „правительственной децентрализаціи“ въ литовско-русскихъ областяхъ, то не иначе, какъ лишь въ смыслѣ развитія безсвязной системы староствъ, быстро разросшихся въ сплошную сѣть магнатскихъ вотчинъ-державъ, куда (съ Люблинской уніи) не проникла больше никакая земская и государственная власть. Подобная „децентрализація“ могла привести лишь къ одному результату—политическому банкротству Рѣчи Посполитой, судьбу которой раздѣляло вошедшее въ ея составъ великое княжество Литовское.

И дѣйствительно, источники указываютъ на постоянные переходы въ XV столѣтіи князей верховскихъ то изъ Литвы въ Москву, то обратно: нельзя указать ни на одинъ моментъ въ исторіи верховскихъ князей въ литовскую эпоху, когда бы они въ полномъ составѣ служили литовскимъ государямъ.

Что касается, затѣмъ, отчинъ верховскихъ князей, то принадлежность ихъ къ Литовско-Русскому государству опредѣлялась не территоріальными правами литовскихъ государей на владѣнія верховскихъ князей, не твердыми, разъ навсегда установленными, рубежами украинскихъ владѣній Литвы и Москвы въ верхнеокской Сѣверщинѣ, но исключительно лишь личной службой верховскихъ князей-отчичей: кому изъ сосѣдей (литовскому или московскому великимъ князьямъ) въ данное время служилъ верховскій князь, тому подчинялась и принадлежавшая князю земля или дѣльница, и то лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ отчичъ служилъ литовскому или московскому великому князю: отбѣзжалъ верховскій князь отъ своего государя, за нимъ шла непременно и его отчина. Въ этомъ случаѣ сказывается коренное различіе въ положеніи князей верховскихъ и другихъ князей литовскихъ, владѣвшихъ удѣлами въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Князья литовскіе получали свои владѣнія отъ государей въ видѣ милости — наданья, пожалованія, выслуга, „до воли“ государя, „въ доживотье“ или „въ вотчину“. Главнымъ основаніемъ удѣльныхъ правъ и „службы“ литовскихъ князей являлось именно господарское пожалованье доживотья или вотчины. Такое пожалованіе нисколько, однако, не уничтожало правъ государя на пожалованное доживотье или вотчину. Государь могъ, по своему произволу, взять обратно въ свое распоряженіе пожалованную вотчину, могъ пожаловать удѣльнаго князя другой волостью (какъ это было, напримѣръ, съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ во второй половинѣ XV столѣтія, — см. выше) и пр. Разъ удѣльный князь отказывался отъ „покоры“ и „послушанья“ своему верховному государю, онъ прежде всего лишался своихъ удѣльныхъ владѣній, зачастую становился въ положеніе изгоя, волей-неволей долженъ былъ уходить за рубежъ литовской земли или же просто изгонялся изъ нея и вообще подвергался всѣмъ послѣдствіямъ своего изгойнаго положенія. Въ яномъ положеніи находились верховскіе князья въ теченіе всей литовской эпохи. Они были изстаринными отчичами своихъ родовыхъ дѣльницъ далеко раньше докончаній о службѣ, заключавшихся ими съ литовскими великими князьями. Въ источникахъ нѣтъ

нигдѣ ни малѣйшаго намека, чтобы князья верховскіе, служившіе литовскимъ господарямъ, получали отъ послѣднихъ свои родовыя дѣльницы и вотчины въ видѣ пожалованій и выслугъ; напротивъ, въ своихъ dokonчаніяхъ верховскіе князья ревниво отстаиваютъ свои родовыя дѣльницы отъ всякихъ притязаній на нихъ со стороны великихъ князей литовскихъ, всегда обязывавшихся не вступаться въ отчину, „земли и воды“ поступавшихъ къ нимъ на службу верховскихъ князей (см. выше). Служба ихъ основывалась на личномъ ихъ dokonчаніи съ литовскими господарями, а не на владѣніи дѣльницами. Служебная зависимость верховскихъ князей не имѣла никакого вліянія на ихъ удѣльныя владѣнія, нисколько не умаляла ихъ отчинныхъ правъ на дѣльницы. Замѣчательно, что въ актахъ о раздѣлѣ пограничныхъ волостей между литовскимъ и московскимъ великими князьями конца XV столѣтія, гдѣ только дѣло идетъ о раздѣлѣ верхнеокскихъ областей, говорится главнымъ образомъ о раздѣлѣ самихъ верховскихъ князей ¹⁾; за ними уже слѣдовали на ту или другую сторону принадлежавшія имъ отчины и дѣльницы.

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ въ верховскихъ областяхъ Сѣверщины не могли установиться здѣсь прочныя границы между сосѣдними государствами Литовскимъ и Московскимъ. При свободѣ княжескихъ отъѣздовъ на службу въ ту или другую сторону, было обычнымъ явленіемъ въ XV столѣтіи (особенно при Иванѣ III и Казимірѣ), что роды верховскихъ князей дѣлились на линіи, изъ коихъ одна служила Москвѣ, другая Литвѣ. Дѣло доходило до того, что, напримѣръ, „одна половина гор. Одоева принадлежала князю, служившему Литвѣ, а другая князю, служившему Москвѣ. Купить какой нибудь князь Федоръ удѣлъ у дяди или двоюроднаго брата, вытѣснить ли его силою изъ сосѣдней улицы,—тѣмъ самымъ измѣняетъ уже границу между двумя громадными государствами“ ²⁾. Подобное перемѣщеніе границъ могло случаться при всякомъ переходѣ владѣній верховскихъ князей по родовому наслѣдованію, по завѣщанію, куплѣ и т. д.: мѣнялся владѣлецъ дѣльницы,

¹⁾ Сborn. Имп. Русск. Ист. Общ., XXXV, 124—129. „А князи Новосильскіе Одоевскіе и Воротынскіе и Бѣлевскіе всѣ мѣи великого князя Ивановы и мѣи ихъ дѣтей къ нашему великому княжеству“. Князья Меаецкіе подѣлены по полямъ: одна изъ нихъ досталась Московскому, другіе—Литовскому великому князю (*Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 8—9).

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 6. Ср. Сborn. Имп. Русск. Истор. Общ., XXXV, 3, 37 и пр.

мѣнялась и принадлежность его отчины къ тому или другому сосѣднему государству. Правительства литовское и московское не разъ принимали мѣры къ точному установленію границъ своихъ владѣній, постановляли, чтобы князья, служившіе прежде съ своими удѣлами данному государству, продолжали служить ему навсегда. Но все это долго не вело ни къ чему: отъѣзды князей верховскихъ продолжали практиковаться попрежнему. Правда, литовскій господарь, напримѣръ, могъ силою удержать за собой удѣлъ отъѣхавшаго князя; но дѣло въ томъ, что послѣдній всегда находилъ для себя охрану въ службѣ „на обѣ стороны“. Московскій государь, принимавшій къ себѣ на службу князей, отъѣзжавшихъ отъ Литвы, требовалъ отъ литовскаго правительства не вступаться въ отчины отъѣхавшихъ и не разъ заявлялъ, что „за своихъ слугъ хочетъ стояти и боронити ихъ, колько намъ Богъ поможетъ“ ¹⁾. Конецъ споровъ изъ-за верховскихъ князей и ихъ волостей положенъ былъ мирными договорами 1494 и особенно 1503 г., когда волости верховскихъ князей выѣстъ со всей Сѣверщиной окончательно отошли къ Московскому государству ²⁾.

VI.

Со второй половины XIV столѣтія вошло въ составъ Литовско-Русскаго государства *Кіевское княжество* ³⁾. Въ старое время оно

¹⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 180.

²⁾ *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 51—56. Князья верховскіе (напримѣръ, Мосальскіе, Мезецкіе и др.) и позже упоминаются въ числѣ служившихъ князей литовскихъ (см., напримѣръ, А. З. Р., II, №№ 9, 56). Князья эти, оставшіеся въ Литвѣ или же уходившіе изъ Москвы, являлись вотчинами и доживотьями въ разныхъ литовскихъ областяхъ на общемъ положеніи служившихъ князей.

³⁾ О судьбѣ этого княжества въ литовскую эпоху см. слѣдующія монографіи: *В. Антоновичъ*, Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (*Кіевская Старина*, 1882, и Монографіи, I, 47—50, 121, 127, 221 и слѣд.). *Дашкевичъ*, Захѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, 42—65. *Владимірскій-Будановъ*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII столѣтія, 38 и сл. *Грушевскій*, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія, 470—497. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, 36—38, 235—248. *Stadnicki*, Synowie Gedymina, II, 23; *Bracia Jagiełły*, 114—118, 124, 139, 149—162, 280. *J. Bartoszewicz*, Szkice dziejopisów Kijowa (Album Malow. Raczyńskiego, 1861—62). *Wolff*, Ród Gedymina, 101, 107—108, 150. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., II, 499—646. *E. Rulikowski*, Kijów (*Sulimierski*, Słownik geogr., IV, 61 и слѣд.) См. также *Н. Захревскій*, Очеркъ исторіи Кіева (1836); *то же*, Описаніе Кіева (1868); *то же*,

носило специальное названіе „Руси“ или „Русской земли“ и занимало бывшую землю полянъ съ частью земли Древлянской. Послѣ присоединенія Кіева къ Литовско-Русскому государству, въ составъ Кіевской земли вошла также часть лѣвобережной Украйны—бывшее Переяславское княжество. Послѣ Батыева нашествія Кіевская земля находилась въ такой же зависимости отъ Орды, какъ и другія, подчиненныя ей, русскія земли, и управлялась по-старому русскими князьями, получавшими ханскіе ярлыки на Кіевское княженіе ¹⁾). По преданію, сохранившемуся въ Густынской лѣтописи подъ 1362 г., Кіевъ занятъ былъ Ольгердомъ вскорѣ послѣ побѣды надъ татарами при Синей водѣ ²⁾; на мѣсто сидѣвшаго въ то время въ Кіевѣ князя Феодора, ордынскаго подручника, Ольгердъ назначилъ сына своего Владимира кіевскимъ удѣльнымъ княземъ. По словамъ лѣтописи, кіевляне съ этихъ поръ стали платить дань Ольгерду (очевидно, вмѣсто Орды) ³⁾. Не смотря на утрату Кіевской земли, ордынцы продолжали еще долго называть ее своимъ улусомъ и дѣлали попытки возвратитъ ее

Лѣтописи и описаніе Кіева (1858). *М. Максимовичъ*, Нѣчто о землѣ Кіевской (Украинецъ, 1864). *Пахилевичъ*, Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи (1864). Сборникъ матеріаловъ для исторіи Кіева (изд. Кіевской комиссіи, 1874). *Новицкій*, Матеріалы для исторіи заселенія Кіевской губерніи. *А. Соболевскій* Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева (*Кіевск. Унив. Изв.* 1885). *И. Коромовскій*, Нѣсколько словъ о землѣ древлянъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1861, № 24). *Воейковъ*, Кіевская губернія (1867). *Е. Rutkowski*, Opis powiatu Wasilkowskiego. *В. Антоновичъ*, О мѣстоположеніи древн. Кіевскаго Звенигорода (*Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора*, 1879, I).

¹⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 121.

²⁾ П. С. Р. Л., II, 350. Объ обстоятельствахъ присоединенія Кіева къ Литовскому государству сказано выше, при разсмотрѣніи общаго вопроса о „заоеваніи“ Литвой юго-западной Россіи.

³⁾ О занятіи Кіева Ольгердомъ говорится въ лѣтописи слѣдующее: „Ольгердъ Кіевъ подъ Феодоромъ княземъ взялъ и посади въ немъ Володимира, сына своего. И нача надъ симъ владѣти, имъ же отци ею данъ оаляху“ (П. С. Р. Л., II, 350). Стадницкій переводитъ вторую половину лѣтоп. сообщенія такъ: „t. j. poezgå nad tymi władać, któremu ojcowie jego (Гедимины?) *niegdys* dań składali“ (Bracia, 114, прим. 3). Прибавка слова: *niegdys* (нѣкогда), совершенно измѣняетъ буквальный смыслъ лѣтописнаго сообщенія. По Стадницкому выходитъ, что лѣтописецъ намекаетъ на отца Ольгерда, то-есть. Гедимина, которому кіевляне будто бы платили дань; между тѣмъ, лѣтописи говорятъ лишь о томъ, что дань платилась отцу Владимира, то-есть, Ольгерду. Кіевская дань въ этомъ случаѣ вполнѣ однородна съ „поляннымъ“, ежегодной данью, уплачивавшейся до пооднѣйшаго времени съ своихъ волостей верховскими князьями Сѣверщины, одновременно съ кіевлянами признавшими надъ собой власть Ольгерда.

подъ свою власть. Вопросъ объ обладаніи Киевомъ окончательно рѣшенъ въ пользу Литвы лишь въ началѣ XV столѣтія при Витовтѣ ¹⁾).

Первое упоминаніе въ источникахъ о Владимірѣ Ольгердовичѣ, послѣ занятія имъ Киевскаго удѣла, находимъ въ трактатѣ Ольгерда и Кейстута съ магистромъ Вильгельмомъ, заключившими въ 1367 г. перемиріе подъ названіемъ *paх lantgrunculogum*. Въ числѣ лицъ, которымъ поручено было составленіе трактата, на первомъ планѣ упоминается съ литовской стороны Woldemar, сынъ Ольгерда, „короля“ литовскаго (*regis Lethoviae*) ²⁾. Въ качествѣ киевскаго князя Владиміръ Ольгердовичъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1382 г. ³⁾. Послѣ принятія Владиславомъ-Ягеллой польской короны, Владиміръ Ольгердовичъ выдалъ три грамоты (1386, 1388 и 1389 гг.) на вѣрность службы Владиславу и коронѣ польской ⁴⁾. Вскорѣ затѣмъ, вслѣдствіе отказа Владиміра Ольгердовича въ „покорѣ“ Витовту, занявшему въ 1392 г. великое княженіе ⁵⁾, Витовтъ, по договору съ Скиргайломъ Ольгердовичемъ, уступилъ ему Киевскій удѣлъ; но только въ 1395 г. имъ удалось соединенными силами заставить Владиміра отказаться отъ Киева и уступить его Скиргайлу ⁶⁾. Послѣдній кня-

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 128.

²⁾ *Dogiel*, Codex dipl., IV, № 56, стр. 78. Skarbies, № 437. Ольгердъ и Кейстутъ одинаково называются въ трактатѣ 1367 г. „*reges Lethoviae*“.

³⁾ Въ этомъ году Владиміръ, киевскій князь, задержанъ въ Киевѣ и посаженъ въ заточеніе Діонисія, архіепископа Суздальскаго, возвращавшагося изъ Царьграда уже въ санѣ митрополита, за то, что онъ ходилъ туда безъ его „повелѣнія“ (П. С. Р. Л., VIII, 49).

⁴⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagiełły. 115.

⁵⁾ По литовской лѣтописи, Владиміръ Ольгердовичъ „не восхотѣ покоры учинити и челомъ оударити великому князю Витовту“ (Лѣт. Попова, 39. Лѣт. Даниловича, 46). Въ лицѣ киевскаго князя отказывалась отъ „покоры“ литовскому господарю собственно Киевская земля, стоявшая за старую областную самобытность. Очевидно, Витовтъ потребовалъ отъ Киевской земли такого же „послушанія“, какъ и отъ земли Подольской (см. о послѣдней ниже). По всѣмъ видимостямъ, до Витовта отношенія обихъ земель къ литовскимъ господарямъ были одинаковы: связью ихъ съ Литовскимъ государствомъ служили главнымъ образомъ ихъ князья, бывшіе изъ явномъ „послушаніи“ великимъ князьямъ литовскимъ. Витовтъ впервые потребовалъ отъ подолянъ и киевлян такой же „покоры“, къ какой находились другія литовскія области. Покора эта и установилась въ Киевской землѣ со времени Скиргайла, которому по смѣщеніи Владиміра Ольгердовича переданъ былъ Киевскій удѣлъ на общемъ основаніи съ другими удѣльными князьями Литовскаго государства.

⁶⁾ Лѣтоп. Даниловича, 46. Быховецъ, 34. *Stadnicki*, Bracia, 117. *Wolff*, Ród Gedym., 151. *Lewicki*, 143, 146.

жилъ въ Кіевѣ не болѣе года: въ концѣ 1396 г. онъ умеръ безпотно, какъ полагають, отъ отравы ¹⁾. Кіевская земля была присоединена Витовтомъ къ короннымъ владѣніямъ и стала управляться великокняжескими намѣстниками—старостами или воеводами ²⁾. Свидригайло, бывшій великимъ княземъ литовскимъ въ 1430—1432 г., продолжалъ владѣть Кіевщиной и послѣ того, какъ онъ оставилъ великое княженіе и ушелъ на Волинь. Какъ видно изъ грамоты Свидригайла 1438 г., въ составъ его Волинской рады входилъ кіевскій воевода, панъ Юрша, очевидно, управлявшій Кіевомъ подъ властью Свидригайла; къ великому князю Сигизмунду перешелъ Кіевъ лишь подъ конецъ его княженія ³⁾. При Казиміръ-Ягеллонѣ снова восстанавливается старое удѣльное значеніе Кіевской земли. Въ 1440 г. Кіевъ со всей волостью былъ пожалованъ въ „доживотье“ князю Александру (Олелько), сыну смѣщеннаго Витовтомъ Владимира Ольгердовича ⁴⁾. Князь Олелько, какъ видно по всему, владѣлъ Кіевской землей на такихъ же основаніяхъ, какъ раньше его отецъ; въ актахъ онъ титулуется: „государемъ-отчичемъ“ кіевскимъ ⁵⁾ и даетъ жалованныя грамоты монастырямъ, служилымъ князьямъ и пр., наравнѣ съ другими удѣльными князьями ⁶⁾. Князь Олелько умеръ въ 1455 г.,

¹⁾ Лѣтоп. Даниловича, 47. *Narbutt*, *Dzieje staroż.* etc., V, 547. *Wolff*, 151.

²⁾ По смерти Свидригайла Витовтъ отдалъ Кіевъ въ управленіе князю Ивану Ольгимунтовичу Гольшанскому (см. выше объ удѣльныхъ княженіяхъ въ собственности Литвѣ), какъ полагають, на общемъ положеніи намѣстника (Лѣт. Даниловича, 47. П. С. Р. Л., II, 352. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 280. Любавскій, Облѣженіе, 37). На такихъ же основаніяхъ управлялъ Кіевомъ и князь Михаилъ Ивановичъ, преемникъ Ивана Ольгимунтовича (*Бызовецъ*, 46. Любавскій, 37). Въ подписяхъ трактата 1422 г. Михаилъ Ивановичъ названъ „старостой“ (*capitaneus*) кіевскимъ (*Dogiel*, *Codex dipl.*, IV, 110—116. *Skarbies*, № 1359). Въ числѣ князей, павшихъ въ 1399 г. въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ, упоминается загадочный князь кіевскій—Иванъ Борисовичъ (П. С. Р. Л., II, 104, 114); не принадлежитъ ли онъ въ потомкамъ русскихъ князей, сидѣвшихъ въ какомъ либо Кіевскомъ удѣлѣ до занятія Кіева Ольгердомъ въ 1362 г.? Что здѣсь нельзя разумѣть князя Ивана Гольшанскаго, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

³⁾ А. З. Р., I, № 36. В. Антоновичъ, Грамоты великихъ князей литовскихъ, № 3. Любавскій, 37.

⁴⁾ *Бызовецъ*, 56. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 124.

⁵⁾ А. И., I, № 259.

⁶⁾ Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ съ своею княгиней московскою (Анастасіей Васильевною) и дѣтьми пожаловалъ десятину изъ Турца въ пользу Лаврашевскаго монастыря (А. З. Р., I, № 28). Изъ одной позднѣйшей грамоты (1496) видно, что князь Олелько, какъ и его преемникъ, князь Семень, дали мѣстному служилому князю Федору жалованныя грамоты на имѣнія въ Кіевскомъ повѣтѣ (*Arch. Sang.* I, стр. 111. Ср. *ibid.*, III, 49).

оставивъ двухъ сыновей: Семена и Михаила. На челобитье послѣднихъ о раздѣлѣ между ними Киевской земли Казимиръ, смотрѣвшій на бывшее владѣніе ихъ отца, какъ только на „доживотье“, отвѣчалъ отказомъ за вину ихъ дѣда, князя Владимира, „бѣгавшаго въ Москву и тѣмъ пробѣгавшаго отчину свою Киевъ“. Киевская земля цѣликомъ была предоставлена королемъ „отъ себя“ въ управленіе князю Семену, въ значеніи не отчины, а лишь пожалованія „до живота“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, князь Семенъ Олельковичъ правилъ своимъ пожалованіемъ, какъ и его отецъ, на общемъ положеніи удѣльнаго князя и, подобно отцу, титуловался „господаремъ-дѣдичемъ“ Киевской земли ²⁾. Со смертію (въ концѣ 1470 г.) Семена Олельковича навсегда прекратилась самостоятельность Киевской земли ³⁾. Съ назначеніемъ послѣ Семена Олельковича новаго правителя-воеводы (пана Мартына Гаштольда—не князя и не православной вѣры) киевляне не хотѣли было мириться, но затѣмъ силою „принуждены быша“ подчиниться присланному воеводѣ: „и отселѣ на Киевѣ князи пересташа быти, а вмѣсто князей воеводы насташа“ ⁴⁾.

Въ актахъ очень долго встрѣчаемъ упоминанія о „Киевской землѣ“ ⁵⁾; универсалъ 1569 г. о присоединеніи ея къ Польшѣ назы-

¹⁾ *Бызовецъ*, 61. *Stadnicki*, Bracia Jagiełły, 149. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 37—38.

²⁾ Доч. къ А. И., I, стр. 488. *Stadnicki*, Bracia, 139. *Wolf*, Ród Gedym., 108.

³⁾ По словамъ *Длугоша* (*Hist.*, XIII, 462), Семенъ Олельковичъ предъ смертію послалъ королю свой дукъ и воня, на которомъ бился за него съ татарами, и поручилъ опеки короля Киевское княжество и свою семью. Какъ замѣчено выше (см. общее замѣчаніе объ удѣльномъ строѣ Литовско-Русскаго государства), Казимиръ имѣлъ намѣреніе оставить въ Киевѣ князя Василия, сына умершаго Семена Олелько; но это намѣреніе встрѣтило въ господарской радѣ сильную оппозицію, въ особенности со стороны магнатовъ (Монвида и Гаштольда), указывавшихъ на то, что, переходя отъ отца къ сыну, Киевская земля можетъ превратиться въ наследственное удѣльное княжество. Король предоставилъ семьѣ умершаго князя Пинскъ въ „хлѣбкормленіе“, а „граничную землю Киевъ на себе взять“ (А. З. Р., I, № 163. *Stadnicki*, Bracia Jagiełły, 152—153. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 38). Позже (въ 1496 г.) было въ ходу предположеніе, раздѣлявшееся, повидимому, великимъ княземъ Александромъ и нѣкоторыми членами господарской рады, сторонниками Польши, предоставить Киевъ съ другими городами „въ удѣлъ“ королевичу Сигизмунду; но предположеніе это не состоялось (А. З. Р., I, №№ 135 и 136).

⁴⁾ П. С. Р. Л., II, 368. Въ 1489 г. киевскимъ воеводой былъ панъ Юрій Пацовичъ, въ 1496 г. князь Дмитрій Путятичъ и пр. (А. З. Р., I, № 93, 41).

⁵⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., II, № 164, стр. 209. Привилей киевской шляхты 1529 г.: „А которые князи и панове и бояре литовскіе въ *Киевской землѣ*“...

ваетъ ее по-старому Киевскимъ княжествомъ ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, едва ли можно документально обосновать мысль о томъ, что, кромѣ замѣны князей воеводами, старые административные порядки и установленія въ Киевской землѣ остались въ силѣ на прежнихъ основаніяхъ ²⁾). Ближайшимъ результатомъ отміны княжескаго наряда было выдѣленіе изъ состава земли Кіева съ его непосредственной волостью въ особое „староство“ или „повѣтъ“ ³⁾, вмѣстѣ съ утратой имъ былаго значенія земскаго центра, къ которому тянуло населеніе всей земли. Выдѣленіе киевскихъ пригородовъ и волостей въ отдѣльныя намѣстничества и староства началось еще раньше, при Витовтѣ. именно со времени перваго присоединенія (въ 1396 г.) Киевской земли къ короннымъ владѣніямъ и введенія по городамъ отдѣльнаго намѣстническаго управленія. На такое же положеніе дѣлъ въ Киевской землѣ въ началѣ XVI столѣтія указываютъ слѣдующія двѣ статьи привилея киевской шляхты 1507 г.: „А волости Киевскія кіяномъ держати, а иному никому. А городки киевскіе въ нашей воли: кіяномъ будемъ давати, комуся будетъ годити“ ⁴⁾). Пока Киевская земля составляла удѣльное княженіе, до тѣхъ поръ мѣстные старосты и намѣстники подчинялись общей мѣстной власти—киевскимъ князьямъ; старое земское единство принадлежавшей имъ области сохранялось въ полной силѣ: всѣ волости и города тянули къ одному общему центру—Кіеву. Съ отміной княженія и съ выдѣленіемъ самаго Кіева въ отдѣльный повѣтъ староство съ своимъ особымъ намѣстником—воеводой, прежнее единство земли должно было сразу рушиться: земля разбилась на совершенно обособленные волости и староства, не имѣвшія между собой ничего общаго; каждое намѣстничество, каждое староство, съ своими независимыми другъ отъ друга правителями, получили видъ отдѣльныхъ земель округовъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ литовскаго господаря. Немаловажный ударъ старому земскому единству Киевской области былъ также нанесенъ, съ одной стороны, шляхетскими привилеями (какъ видно, еще съ Витовта), выдѣлившими древне-русское боярство изъ земщины, какъ особый привилегированный „народъ“, а съ другой—магдебургскимъ правомъ (съ половины или конца XV столѣтія). поставившимъ „мѣста“ въ

¹⁾ Vol. leg. II, 84. *Stadnicki Bracia Jagielly*, 153.

²⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе, 38.

³⁾ По Дрогошу, Кіевъ послѣ отміны князей былъ обращенъ въ староство (in capitaneum), а по Стрыйковскому—въ „повѣтъ“ (*Stadnicki, Bracia*, 153).

⁴⁾ А. З. Р., II, № 30.

совершенно изолированное положеніе въ отношеніи къ остальному земскому населенію.

Мысль о разрушеніи стараго земскаго единства Кіевской земли вслѣдъ за упраздненіемъ Кіевского удѣла не представляетъ чего либо новаго въ наукѣ; мысль это давно уже высказана компетентными изслѣдователями ¹⁾. Неосновательность этой-то мысли пытается доказать г. Любавскій въ своемъ изслѣдованіи объ „Областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“ ²⁾. На основаніи цѣлага ряда соображеній авторъ приходитъ къ конечному заключенію о томъ, что политическое и административное единство Кіевской земли сохранялось и послѣ упраздненія въ ней удѣльнаго стола. Представителемъ такого единства является, по мнѣнію г. Любавскаго, кіевскій воевода; къ нему „при упраздненіи Кіевского удѣла перешли многія функціи бывшаго удѣльнаго князя“; ему, „какъ высшей инстанціи“, подчинялись великокняжескіе намѣстники; его же суду подлежали всѣ мѣстные князья, паны и бояре, къ какому бы повѣту ни принадлежали, и пр. Свои положенія авторъ мотивируетъ документальными данными, извлеченными изъ извѣстнаго привилея Сигизмунда I Кіевской землѣ (1507 г.), а также изъ нѣкоторыхъ актовъ (рукописныхъ) Литовской Метрики. Въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ—объ областномъ управленіи Литовско-Русскаго государства, мы подробно рассмотримъ вопросъ о литовско-русскихъ воеводахъ и ихъ отношеніяхъ къ другимъ областнымъ правителямъ. Теперь ограничимся лишь общей замѣткой о воеводахъ кіевскихъ.

Прежде всего остановимся на привилеѣ Сигизмунда I Кіевской землѣ (собственно шляхтѣ кіевской). Въ подтвержденіе своего положенія о томъ, что кіевскій воевода вовсе не былъ равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, г. Любавскій ссылается на одну изъ статей этого привилея и полагаетъ, что кіевскій воевода, „сѣдши съ князи и бояры“, судилъ всѣхъ князей, пановъ и бояръ этой земли, къ какому бы повѣту они ни принадлежали, „о грабежи безправные“ ³⁾. По этой формулировкѣ статьи кіевскаго привилея дѣйствительно выходитъ, что кіевскій воевода, по выраженію автора, „высшая инстанція“ для великокняжескихъ намѣстниковъ, являлся вмѣстѣ

¹⁾ См., напримѣръ, В. Антоновичъ, Моногр., I, 246 и слѣд.

²⁾ Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1892, кн. III, стр. 38; IV, 235 и слѣд.

³⁾ Областное дѣленіе, 237.

съ тѣмъ главнѣйшмъ, компетентнымъ судьей для всей кievской шляхты, къ какому бы повѣту кто ни принадлежалъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности дѣло это стояло нѣсколько иначе. Нужно помнить, что кievскій уставъ 1507 г. — чисто шляхетскій привилей ¹⁾; въ немъ „кievской шляхтѣ“ предоставляются права и вольности, какія стала приобрѣтать шляхта литовско-русская еще со временъ Владислава-Ягеллы и Витовта. Какъ извѣстно, въ ряду шляхетскихъ „вольностей“ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало право литовско-русской шляхты на непосредственный судъ литовскаго господаря (съ радой). Это-то право предоставляется и кievской шляхтѣ въ привилей 1507 г.: „а коли проступитъ бояринъ, ино намѣстнику нашему (здѣсь разумѣются не только намѣстники, сидѣвшіе въ бывшихъ кievскихъ пригородахъ, но и самъ кievскій воевода), осудивъ и за поруку давши, до насъ отложить; мы такъ волни будемъ въ той винѣ взяти и отпустить“ ²⁾. Въ болѣе важныхъ случаяхъ (каковы въ особенности „грабежи безправные“), когда требовался немедленный судъ на мѣстѣ, что называется, по горячимъ слѣдамъ, кievской шляхтѣ предоставлялось право обращаться на мѣстѣ же къ суду кievскаго воеводы; но этотъ судъ, однако, вовсе не былъ обязателенъ ни для кого изъ кievскихъ князей, пановъ и бояръ. Кievскій воевода судить, „сѣдши съ князи и бояры“, лишь въ такихъ случаяхъ, когда сама обиженный обратится къ его суду, „коли бы ся который князь, або панъ, або человекъ нашъ *пожаловалъ* нашему воеводѣ на князя, або на боярина кievскаго“. По дѣламъ о „грабежахъ безправныхъ“, какъ и въ другихъ случаяхъ, вовсе не отмѣнялась подсудность мѣстной шляхты непосредственному господарскому суду. Съ жалобой о грабежѣ, какъ и по другимъ дѣламъ, каждый панъ и бояринъ имѣлъ право, минуя воеводу и намѣстника, обращаться прямо къ господарю литовскому, какъ единственному, компетентному судѣ литовско-русской шляхты. Даже въ томъ случаѣ, когда жалоба о грабежѣ уже заявлена воеводѣ и назначенъ „рокъ“ (время явки сторонъ къ воеводскому суду), предоставлялось шляхтѣ, „не вступая у право“ предъ воеводой, переносить все дѣло на судъ господарскій: „а хто бы, не

¹⁾ Привилей Сигизмунда I данъ кievской шляхтѣ въ подтвержденіе правъ и вольностей шляхетскихъ, предоставленныхъ ей листомъ короля Александра. Вольности эти, какъ видно изъ привилей Сигизмунда, въ большинствѣ стали устанавливаться еще при Витовтѣ (А. З. Р., II, № 80).

²⁾ А. З. Р., № 30, стр. 34.

вступая у право, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ, на господаря, того пустити передъ насъ" и пр. ¹⁾.

Какъ увидимъ ниже изъ очерка управления и суда по литовско-русскому праву, въ послѣднемъ никогда не исчезало одно изъ коренныхъ возрѣній древне-русскаго права о „посредническомъ“ характерѣ суда и наряда, какъ князя, такъ и другихъ органовъ общественной власти. Возрѣніе это выражалось въ широкомъ развитіи въ литовско-русскомъ правѣ, съ одной стороны, института полюбовныхъ и пріятельскихъ судовъ (позднѣйшихъ „коммиссій“, коммисіонныхъ судовъ), а съ другой — системы „приказаній“, или порученій, дававшихся въ каждомъ данномъ случаѣ господаремъ какъ состоявшей при немъ радѣ, такъ и кому либо изъ господарскихъ намѣстниковъ, старостъ и воеводъ, — приказаній, состоявшихъ въ порученіи третейскаго разбирательства по разнымъ вопросамъ и дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Затѣмъ, основное начало древне-русскаго административнаго строя земской эпохи, выражавшееся въ непосредственной зависимости намѣстниковъ и волостелей отъ князей безъ всякихъ іерархически-подчиненныхъ отношеній между самими областными правителями, строго держалось и въ литовской Руси до и послѣ упраздненія въ ней княжескихъ удѣловъ: намѣстники, старосты (волостели восточно-русскихъ земель) и воеводы, въ удѣльную эпоху подчинявшіеся непосредственно мѣстнымъ удѣльнымъ князьямъ, съ упраздненіемъ въ областяхъ княжескихъ удѣловъ стали подчиняться также непосредственно литовскимъ господарямъ, вступившимъ во всѣ права старыхъ удѣльныхъ князей. Понятіе іерархически-подчиненныхъ одна другой областныхъ „инстанцій“ въ равной мѣрѣ было чуждо какъ восточно-русскому праву вплоть до Петровской административной реформы, такъ и праву литовско-русскому до и послѣ Люблинской уніи. Слѣдуетъ также имѣть въ виду и другую, весьма замѣтную аналогію въ развитіи административныхъ порядковъ Литовской и Московской Руси: тамъ и здѣсь изстари удерживалась административная обособленность „грамотчиковъ“ — крупныхъ землевладѣльцевъ (монастырей, большихъ боярь-вотчинниковъ и пр.), подчинявшихся непосредственному суду и наряду князя и княжеской думы. Обособленность эта позже въ Литовской Руси приняла польскую форму исключительной, сословной привилегіи мѣстной поземельной шляхты, тогда какъ въ Московской Руси административная обособленность

¹⁾ А. З. Р., II, стр. 35.

старыхъ грамотчиковъ стала позже проникаться началами монгольскаго „тарханства“ — служебно-тяглового и административно-судебнаго подчиненія тарханщиковъ непосредственному суду и управлѣю московскихъ государей. Если затѣмъ въ литовско-русскихъ актахъ встрѣчаемъ указанія на то, что воеводѣ данной области ввѣряются иногда дѣла, касающіяся другаго повѣта или владѣній мѣстнаго князя и крупнаго пана-землевладѣльца (старыхъ грамотчиковъ), то это вовсе не значитъ, что эти дѣла ввѣрялись воеводѣ, какъ административному „главѣ и старшинѣ“ цѣлой земли, принявшему функции бывшаго удѣльнаго князя и, подобно послѣднему, имѣвшему въ зависимости отъ себя, какъ „вышей инстанціи“, намѣстниковъ пригородныхъ и крупныхъ волостныхъ и повѣтовыхъ землевладѣльцевъ. Въ основѣ всѣхъ подобныхъ случаевъ, несомнѣнно, лежитъ система личныхъ „приказаній“, дававшихся лишь временно на данные случаи. Литовско-русское административное право знало въ этомъ отношеніи лишь систему временныхъ распоряженій и порученій господаря, по отдѣльнымъ административно-судебнымъ случаямъ, никогда не устанавливало никакой общей системы областныхъ инстанцій высшихъ и низшихъ, словомъ, строго держалось древне-русскаго административнаго начала: каждый намѣстникъ-староста бѣдалъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ воеводой, своей волостью-повѣтомъ, каждый зналъ лишь одну высшую инстанцію—власть литовскаго господаря. Въ одинаковомъ „послушаніи“ и зависимости отъ него находился всякій мѣстный урядникъ-правитель (будетъ ли то воевода, староста, маршалокъ цѣлой земли, или же намѣстникъ-староста небольшой волости-повѣта), сажавшійся на данный урядъ самимъ господаремъ. Въ этомъ отношеніи не было рѣшительно никакой существенной разницы вообще между литовскими воеводами и другими областными правителями, намѣстниками-старостами и пр. Система „приказаній“ лишь на данные случаи особенно ясно опредѣляется въ актахъ, касающихся администраціи Волынской земли, гдѣ, по гипотезѣ г. Любавскаго, луцкій староста занималъ будто бы такое же главенствующее положеніе, какъ въ Киевской землѣ мѣстный воевода ¹⁾. Между тѣмъ, какъ будетъ показано ниже ²⁾, если Луцкій староста иногда дѣйствительно бѣдалъ дѣла другихъ волостей и повѣтовъ, не тянувшихъ непосредственно къ Луцку, то вовсе не въ силу общаго административнаго

¹⁾ Любавскій, Областное дѣленіе, 211.

²⁾ См. въ слѣдующей главѣ—о князьяхъ Збаражскихъ и ихъ отношеніяхъ къ луцкому старостѣ и вообще къ мѣстнымъ господарскимъ урядникамъ.

главенства и старшинства лужскаго старосты, но лишь въ силу дававшася ему, обыкновенно вмѣстѣ съ другими мѣстными урядниками, въ каждомъ данномъ случаѣ господарскаго „приказанья“ — „досмотрѣти“ данное дѣло и дать по нему свой „судъ“. Въ волинскихъ актахъ находимъ указанія на такіе случаи разсмотрѣнія дѣлъ нѣсколькими мѣстными урядниками по „господарскому приказанію“, когда первенство давалось, напримѣръ, кременецкому намѣстнику, лужскій староста и волинскій маршалокъ занимали при этомъ второстепенное положеніе ¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ трактовать и тѣ документальныя данныя, которыя приводятся г. Любавскимъ въ подтвержденіе его гипотезы касательно главенства и старшинства кievскаго воеводы въ ряду другихъ мѣстныхъ урядниковъ-намѣстниковъ, державцевъ и старостъ, назначавшихся литовскимъ господаремъ правителями отдѣльныхъ кievскихъ волостей,

¹⁾ Такой случай принадлежитъ 1475 г. по дѣлу о дѣльнищахъ князей Збаржскихъ (Arch. Sang., I, № LXXIV, стр. 69—70). Замѣчательно, что г. Любавскій ссылается, между прочимъ, и на актъ 1475 г. тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свою гипотезу о главенствѣ лужскаго старосты, не смотря на то, что этотъ актъ рѣшительно опровергаетъ упомянутую гипотезу. Такое невнимательное отношеніе автора къ показаніямъ актовъ, обнародованныхъ въ печати, невольно наводитъ на сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ излагалъ въ надлежащемъ освѣщеніи и архивныя данныя, извлеченныя имъ изъ рукописныхъ матеріаловъ Литовской Метрики. Данныя эти не подлежатъ никакой ближайшей провѣркѣ касательно полной точности и вѣрности передачи ихъ въ изложеніи нашего автора. Во всякомъ случаѣ было бы вполне желательно, чтобы почтенный авторъ, какъ видно по всему, пользовавшійся богатымъ запасомъ архивныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ Литовской Метрики, не ограничился изложеніемъ этихъ данныхъ въ своемъ изслѣдованіи, но обнародовалъ ихъ полностью въ печати, въ приложеніи ли къ своему изслѣдованію, или же въ видѣ отдѣльнаго сборника, какъ это сдѣлалъ не такъ давно Прохаска, издавшій въ 1890 г. „Materiały archiwalne, wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 г.“, или же проф. С. А. Бершадскій, издавшій въ 1882 г. „Документы и регестры къ исторіи литовскихъ евреевъ“. Капитальный трудъ петербургскаго профессора о литовскихъ евреяхъ, обоснованный главнымъ образомъ на предварительно обнародованныхъ имъ матеріалахъ Литовской Метрики, безмѣрно выигрываетъ именно тѣмъ, что лежащія въ основѣ этого труда документальныя данныя подлежатъ самой тщательной провѣркѣ, благодаря именно предварительно изданному сборнику архивныхъ матеріаловъ. Нужно пожалѣть, что примѣру проф. Бершадскаго не послѣдовалъ нашъ авторъ: достовѣрность его выводовъ подлежала бы тогда основательной провѣркѣ, да и само изслѣдованіе значительно выиграло бы въ томъ отношеніи, что автору не пришлось бы наполнять свою работу массой совершенно лишняго матеріала, разъ этотъ послѣдній былъ полностью изданъ отдѣльно отъ самаго изслѣдованія.

старостѣ и повѣтовѣ. По всему видно, кievскій воевода, подобно лудскому старостѣ, вѣдалъ отдѣльно или большею частью вмѣстѣ съ другими мѣстными намѣстниками-старостами дѣла, касавшіяся разныхъ кievскихъ волостей-повѣтовѣ, не въ силу своего административнаго главенства надъ остальными кievскими урядниками, но на основаніи „господарскихъ приказаній“, дававшихся великими князьями литовскими лишь на данные случаи, какъ это издавна практиковалось на Волини и въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ. Во всякомъ же случаѣ данныя, приводимыя Любавскимъ въ подтвержденіе доказываемой имъ гипотезы главенства кievскаго воеводы, а вмѣстѣ съ этимъ и административно-политическаго единства Кievской земли при воеводахъ, извлечены изъ архивныхъ актовъ, вовсе не приведенныхъ полностью въ изслѣдованіи автора, не подлежатъ поэтому никакой точной научной провѣркѣ; отсюда и главное положеніе, основанное на такихъ данныхъ, остается лишь простой, мало доказанной гипотезой, въ научномъ отношеніи не имѣющей никакого серьезнаго значенія ¹⁾.

¹⁾ Дѣйствительно, всѣ архивныя данныя, приводимыя г. Любавскимъ въ подтвержденіе своихъ положеній, лишь резюмируются, а не приводятся въ полномъ составѣ актовъ, изъ какихъ они извлечены авторомъ. Для провѣрки такихъ данныхъ авторъ указываетъ читателю лишь на листы и книги Литовской Метрики, гдѣ помѣщены самые акты. Провѣрка актовыхъ показаній, какъ эти послѣдніе изложены авторомъ, возможна была бы лишь въ такомъ случаѣ, еслибы авторъ, вмѣсто ничего не дающихъ ссылокъ на книги и листы недоступной для читателей Литовской Метрики, потрудился полностью помѣстить въ примѣчаніяхъ тѣ самые архивныя акты, изъ коихъ онъ черпалъ доказательства предлагаемой имъ гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ же изъ такихъ доказательствъ Любавскій дѣлаетъ цѣлое открытіе, утверждая, что при кievскомъ воеводѣ будто бы существовало какое-то, невѣдомое доселѣ „судебно-административное присутствіе“ (не губернскаго ли правленіе нашего времени?), состоявшее изъ намѣстниковъ-старостъ кievскихъ пригородовъ, которые, въ качествѣ помощниковъ кievскаго воеводы, „на ряду съ центральными кievскими урядниками (?), вершатъ вмѣстѣ съ нимъ (воеводой) общія дѣла всей Кievской земли“. Это-то „присутствіе“ при кievскомъ воеводѣ авторъ смѣло выводитъ отъ удѣльнаго времени, приравниваетъ его къ бывшей княжеской думѣ (Областное дѣленіе, стр. 236). Выходитъ, что рядомъ съ кievскимъ воеводой дѣйствовали какіе-то другіе „центральные кievскіе урядники“, что, дажѣ, при воеводѣ, какъ при удѣльныхъ князьяхъ, существовало особое, какъ видно, постоянное присутствіе, въ родѣ старой княжеской думы и т. д. И всѣ эти смѣлыя положенія мотивируются весьма несложными доказательствами: „Такъ, напримѣръ, намѣстники житомирскій и червасскій вмѣстѣ съ воеводою Андреемъ Немировичемъ выдаютъ (но какъ выдаютъ—по собственной ли инициативѣ, или по господарскому „приказа-

На территории Киевской земли располагались в литовскую эпоху владения различных удельных князей. Мы укажем на главнейшие киевские уделы, более или менее известные по источникам.

На крайнемъ западномъ рубежѣ Киевской земли, по соседству съ владѣніями волынскихъ князей Корецкихъ и Острожскихъ, располагалась по р. Случа в литовскую эпоху *Звягольская* волость, съ главнымъ городомъ Звяголемъ (или Звягелемъ, теперешнимъ Новградволынскомъ, Волынской губ.). История Звяголя до присоединения Южной Руси къ Литовскому государству мало известна. Полагаютъ, что Воввягль, одинъ изъ Болоховскихъ городовъ XIII столѣтія, есть позднѣйшій Звяголь Киевской земли ¹⁾. Въ XV столѣтіи Звягольская волость принадлежала къ Киевской землѣ; въ одномъ изъ актовъ конца XV столѣтія говорится о принадлежности Звяголя къ Киевскому „повѣту“ ²⁾; позже, какъ видно, послѣ Люблинской уніи, когда образованы были особые воеводства Волынское и Киевское, Звягольская волость отошла къ Волыни ³⁾. Какъ видно изъ актовъ, Звяголь составлялъ владѣніе особыхъ князей звягольскихъ, происхождение которыхъ не опредѣляется въ источникахъ. Сколько известно, князья звягольскіе впервые упоминаются въ привилеѣ князя Свидригайла, 1446 г. Въ числѣ членовъ его рады, подписавшихся на этомъ привилеѣ, упоминаются, между прочимъ, „князь Иванъ Звягольскій, братъ его князь Семень“ ⁴⁾. Затѣмъ, на записи п. Ивашка Дичка, продавашаго дворъ и село Ровное въ 1461 г. князю Семену Васильевичу Несвижскому, въ числѣ „светковъ“ подписался „князь Иванъ

нико(?)“ въ 1521 г. удостоверение бывшему воеводѣ киевскому пану Юрью Николаевичу относительно расходовъ его „изъ пенязей власныхъ“ въ бытность киевскимъ воеводой. Намѣстниковъ-старостъ киевскихъ пригородовъ мы встрѣчаемъ не разъ при киевскомъ воеводѣ, когда тотъ рѣшаетъ какія нибудь важныя дѣла“. Вотъ и всѣ доказательства, закрѣпленные ссылками на книги и листы Литовской Метрики, и только. Такимъ же малодоказательнымъ, голословнымъ характеромъ отличаются и другія архивныя данныя: проверить подчинность и точность ихъ формулировокъ нѣтъ никакой возможности, и именно потому, что авторъ ограничился лишь ссылками на книги Литовской Метрики и не позаботился привести подлинный текстъ самихъ актовъ (см. Областное дѣленіе, стр. 236 и слѣд.).

¹⁾ *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 118—119. Звяголь есть также въ Галиціи (*ibid.*, 128). Быть можетъ, къ Болоховцамъ тянулъ Галицкій, а не Киевскій Звяголь. Какъ увидимъ ниже, Болоховскіе города располагались, по всѣмъ вѣроятностямъ, группою близъ Галичины, на юго-западномъ рубежѣ Волыни.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 117. Ср. А. З. Р., II, № 29, гр. III.

³⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 519.

⁴⁾ *Wolff*, *Ród Gedym.*, стр. 98.

Борисовичъ Звягольскій¹⁾. Последними владѣльцами Звягольской волости, послѣ которыхъ Звяголь, очевидно, по праву выморочности, за прекращеніемъ рода мѣстныхъ князей-отчичей, отошелъ къ великокняжескимъ владѣніямъ, были князья Василій и Андрей Семеновичи Звягольскіе²⁾. Оба эти князя имѣли въ 1483 г. тяжбу съ княгиней Маріей Семеновой Трабской изъ-за присвоеннаго князьями Звягольскими имѣнія Остра и другихъ; король Казимиръ присудилъ эти имѣнія княгинѣ Трабской³⁾. Изъ приведеннаго выше привилея Свидригайла, владѣвшаго Волинью, Брацлавщиной и Киевской землей, видно, что князья Звягольскіе, наравнѣ съ другими мѣстными князьями, были въ „послушаньи“ Свидригайла, принадлежали къ составу его мѣстной рады. Въ свою очередь князья Звягольскіе пользовались обычными правами удѣльныхъ князей-отчичей. Въ привилеѣ великаго князя литовскаго Александра, 1499 г., есть, напримѣръ, указанія на земельныя пожалованія, какія давались Звягольскими князьями ихъ служилымъ людямъ (слугамъ)⁴⁾. Казимиръ-Ягеллонъ, очевидно, послѣ прекращенія рода князей Звягольскихъ, взялъ ихъ волость „къ своимъ рукамъ“. Въ 1488 г. упоминается великокняжескій намѣстникъ звягольскій Окушка Калениковичъ, въ 1496 — Яковъ Мезъ⁵⁾. Въ концѣ XV столѣтія снова возстановляется удѣльное значеніе Звягольской волости. Въ 1499 г. великій князь литовскій Александръ пожаловалъ Звяголь со всѣми его „приселками“ въ отчину „вѣчно на вѣки“, князю Константину Ивановичу Острожскому и его „властнымъ наследкамъ“, „со всемъ правом, панствомъ и власностью“, „тымъ же обычаемъ какъ же и перво того держали княжата: князь Василей а князь Андрей“ (бывшіе Звягольскіе князья)⁶⁾. На тѣхъ же основаніяхъ король Сигизмундъ, привилеемъ 1507 г., подтвердилъ „вѣчно на вѣки вѣкомъ“ владѣніе Звягольской волостью за княземъ Константиномъ Острожскимъ, его дѣтьми и „напотомъ будущими его

1) Arch. Sang., I, стр. 54. А. Ю.-З. Р., I, № 19.

2) Arch. Sang., I, стр. 117. А. Ю.-З. Р., II, № 29, гр. III. Любавскій почему-то полагаетъ, что во владѣніи князей Звягольскихъ ихъ волостью былъ перерывъ; но касательно этого обстоятельства мы не нашли никакихъ указаній въ источникахъ (Любавскій, Обл. дѣленіе, 241).

3) Boniecki, Poczet rodów, стр. 420—421. А. З. Р., I, № 77.

4) Arch. Sang., I, стр. 118.

5) Любавскій, Обл. дѣленіе, стр. 241.

6) Arch. Sang., I, стр. 117—118.

счадки и его ближніи¹⁾. Въ позднѣйшее время Звяголь перешелъ во владѣніе князей Любомирскихъ, а затѣмъ Потоцкихъ²⁾.

Въ Киевской землѣ находились также владѣнія другихъ князей. Такъ, въ началѣ XVI столѣтія Брягинская волость, на р. Брягинкѣ, притокѣ Припяти, была пожалована (1507 г.) князю Михаилу Васильевичу *Збаражскому* „до живота“, а въ 1512 г. на вѣчность со всѣмъ—съ мѣстомъ, геродищемъ, селами и разными доходами³⁾. Позже князьямъ Збаражскимъ принадлежали также другія Киевскія волости⁴⁾.

На такомъ же основаніи, какъ видно изъ актовъ, князья *Острожскіе* владѣли замкомъ Чудновымъ съ волостью въ Киевскомъ повѣтѣ (на р. Тетереви) еще со временъ киевскаго князя Семена Олельковича (умершаго въ 1470 г.). Въ 1507 г. король Сигизмундъ далъ новое пожалованіе князю Константину Ивановичу Острожскому на владѣніе замкомъ Чудновымъ съ волостью, ему и „его справедливымъ наслѣдникомъ и напотомъ будущимъ ихъ счадкомъ, вѣчно и непорочно, со всимъ правомъ и панствомъ, такъ долго и широко и округло, кака ся здавна, за отца нашего и перво того за князя Семена Александровича, въ своихъ границахъ мѣлъ, ничего не оставляючи на насъ и на наши наслѣдники“⁵⁾. Тому же князю Константину Острожскому принадлежалъ замокъ Черняховъ съ мѣстомъ, въ Киевскомъ же повѣтѣ (на р. Сухой Быстрицѣ)⁶⁾.

Замокъ Островъ съ волостью еще со временъ Витовта составлялъ удѣлъ князя Митка *Съкиры*⁷⁾, перешедшій послѣ его смерти, по „близкости“, въ качествѣ отчины, къ его дочери Маріи, бывшей замужемъ за княземъ Семеновичемъ Трабскимъ⁸⁾. Княгиня Трабская въ своемъ завѣщаніи записала Островъ съ другими киевскими воло-

¹⁾ А. З. Р., II, № 29, гр. III.

²⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, стр. 43, 518.

³⁾ *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 239.

⁴⁾ Сохранилось, напримѣръ, извѣстіе о томъ, что въ началѣ XVII ст. находились во владѣніи князей Збаражскихъ имѣнія Киевскія: Сяковецъ, Лойовецъ, Вижна и нижняя Кропивна (*Boniński*, *Poczet rodów*, 413). О князьяхъ Збаражскихъ см. въ слѣдующей главѣ.

⁵⁾ А. З. Р., II, № 29, гр. I.

⁶⁾ *Любавскій*, Обл. дѣленіе, стр. 244.

⁷⁾ Бонедій полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Миткѣ Давидовичѣ, племянникѣ великаго князя Свидригайла, казненномъ по приказанію великаго князя Сигизмунда (Ревизія пущь, 327. *Boniński*, *Poczet rodów*, 351).

⁸⁾ А. З. Р., I, № 77.

стами сыну своей сестры, бывшей замужемъ за п. Гаштольдомъ; запись эта въ 1505 г. была утверждена Александромъ Ягеллономъ. Съ тѣхъ поръ Островъ съ волостью остался во владѣніи рода Гаштольдовъ ¹⁾).

При королѣ Казимирѣ Ягеллонѣ замокъ Любечъ (на Днѣпрѣ) съ волостью былъ пожалованъ (1484 г.) въ удѣльное владѣніе московскому выходцу, князю Василю Михайловичу *Верейскому* ²⁾; пожалованіе это было затѣмъ подтверждено въ 1499 г. Александромъ Ягеллономъ. Въ началѣ XVI столѣтія Любечъ перешелъ во владѣніе дочери князя Верейскаго, бывшей замужемъ за п. Гаштольдомъ. За послѣднимъ Любечъ былъ признанъ сначала въ качествѣ простаго „держанія“, а въ 1516 г. пожалованъ тѣмъ же Гаштольдамъ въ „вѣчность“ ³⁾).

Къ старымъ удѣльнымъ князьямъ Киевскимъ принадлежали князья *Глинскіе*. Родоначальникомъ ихъ считается татарскій выходецъ, князь Лексада, прибывшій при Витовтѣ въ Литву и получившій въ удѣлъ Глинскъ (на р. Сулѣ, въ нынѣшнемъ Роменскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Путивля), по имени котораго князь Лексада и его потомки стали называться князьями Глинскими ⁴⁾. Достоверное показаніе о происхожденіи и древнемъ удѣлѣ князей Глинскихъ находимъ въ ихъ родословной: „къ великому князю Витовту прѣхалъ служить князь татаринъ Лекса, да крестился, а въ крещенье дано ему имя Александръ; а вотчина у него была Глинскъ, да Глинница, да Полтава“ ⁵⁾. Въ актахъ впервые при Свидригайлѣ, въ составѣ его рады, упоминаются князья Иванъ и Борисъ Глинскіе (1437—1443 гг.); изъ нихъ Борисъ числится въ ряду литовскихъ князей, давшихъ присягу вѣрности новому королю Владиславу ⁶⁾. Кромѣ упомянутыхъ выше, основныхъ отчинъ, князья Глинскіе получали въ потомственное владѣніе отъ бывшихъ киевскихъ князей Олельковичей (Олелька и его сына, Семена), а затѣмъ отъ литовскихъ господарей, цѣлый рядъ

¹⁾ *Boniecki*, *Poczet rodów*, 311, 351.

²⁾ Кромѣ Киевскаго удѣла, князю Верейскому были пожалованы владѣнія въ Бѣлоруссіи—Койдановъ и другія волости (см. выше). Въ Московскомъ княжествѣ, до ухода въ Литву въ 1488 г., князь Василій Михайловичъ владѣлъ удѣломъ, состоявшимъ изъ Верей, Вышгорода, Малоярославца и Бѣловерска.

³⁾ *Boniecki*, *Poczet rodów*, 366. *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 244. А. З. Р., I, № 114. *Skarbies*, № 2067. Сборн. Русск. Ист. Общ., XXXV, 398—402, 485—486.

⁴⁾ *Boniecki*, *Poczet rodów*, 63.

⁵⁾ А. З. Р., I, прилѣж., стр. 17, № 60.

⁶⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 34, 38, 43. *Sokołowski-Szujski*, *Cod. epist.* s. XV. *Boniecki*, *Poczet rodów*, 63.

киевскихъ волостей, частію также приобрѣтали купленины по сосѣдству съ киевскими отчинами ¹⁾. Въ началѣ XVI столѣтія одинъ изъ князей Глинскихъ (кн. Богданъ) получилъ въ вотчину замокъ Путивль съ тянувшей къ нему волостью; въ одномъ изъ актовъ (1512 г.) князь Богданъ Глинскій, поэтому, прямо титулуется княземъ Путивльскимъ ²⁾. Кромѣ киевскихъ волостей, князья Глинскіе получали въ разное время господарскія выслуги во многихъ литовско-русскихъ областяхъ. Таковъ Туровъ съ волостями ³⁾, пожалованный въ качествѣ выслуженной вотчины въ началѣ XVI столѣтія, и другія волости, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Литовской Руси ⁴⁾.

Князья Глинскіе владѣли своими волостями-вотчинами, выслугами и куплеинами по особымъ дѣльницамъ и вообще пользовались обычными правами литовскихъ князей. Первые князья Глинскіе, упоминающіеся въ актахъ (1437—1443 гг.), находились въ „послушаніи“ Свидригайла, владѣвшаго Киевскимъ удѣломъ, и принадлежали къ его мѣстной радѣ; князь Борисъ Глинскій числился подканцлеромъ Свидригайла ⁵⁾. Князья Глинскіе состояли позже въ послушаніи киевскихъ князей Олельковичей, а затѣмъ вообще литовскихъ господарей. Подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ, Глинскіе давали жалованныя грамоты, имѣли своихъ бояръ и служилыхъ людей. упра-

¹⁾ Въ актахъ упоминаются слѣдующія волости въ Киевскомъ повѣтѣ, принадлежавшія князьямъ Глинскимъ: Гатная (на р. Красной), Гостомы, Станомъ, Рунитъ Новый и Старый, Тогановъ, Очковъ, Гладковичи, Тулубе, Некрашовъ, вол. Хотѣвская, Меленская, Биринская, Немирская; затѣмъ, отдѣльныя имѣнія Бобровое и Сущаны въ Олѣвской волости, Голубѣвъ, (или Голубѣй) въ Завской волости; въ Черкасскомъ повѣтѣ—волость Радовоново на р. Тясминѣ (А. З. Р., I, №№ 129, 158, 171, 178; II, № 37. Arch. Sang., I, стр. 111. *Boniecki, Rozz. rodów*, 65).

²⁾ А. З. Р., I, № 73. Ср. *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 245.

³⁾ А. З. Р., I, № 222. См. выше о Туровскомъ княжествѣ.

⁴⁾ По источникамъ, князьямъ Глинскимъ до ухода ихъ въ Москву принадлежали слѣдующія имѣнія въ русскихъ областяхъ: подъ Клецкомъ три двorca (А. З. Р., II, № 38); въ Сѣверщинѣ: волость Вулковичи въ Стародубскомъ повѣтѣ и волости Смолинъ и Жуковъ (на Деснѣ) въ Черниговскомъ повѣтѣ (А. З. Р., I, № 133, 158); въ Подляхія—Гонядъ (*Boniecki, Rozzet*, 64); въ Слонимскомъ повѣтѣ—Лососино (*ibid.*); въ Минскомъ повѣтѣ—вол. Германовская, Кгиряково, Гиратовичи и Готовичи (А. З. Р., I, № 158. *Boniecki, Rozzet*, 65); въ Витебскомъ повѣтѣ—Клевичій десятокъ или волость Клевида (А. З. Р., I, № 164; II, № 40). Упоминаются также какія-то волости князей Глинскихъ въ Смоленскомъ повѣтѣ (А. З. Р., I, № 78).

⁵⁾ Arch. Sang. I, стр. 34, 38, 43.

являвшихъ подъ именемъ „сотниковъ“ отдѣльными волостями князей Глинскихъ ¹⁾.

Съ конца XV и въ началѣ XVI столѣтія князья Глинскіе, служившіе литовскимъ господарямъ въ разныхъ высшихъ урядахъ—воеводъ, намѣстниковъ и пр., подобно другимъ князьямъ-украинникамъ, стали уходить въ Москву. Первымъ литовскимъ выходцемъ является здѣсь князь Иванъ Глинскій, ушедшій въ Москву еще въ 1482 г.; его дѣльница перешла къ братьямъ ²⁾. Главные же представители рода литовскихъ князей Глинскихъ, братья Михаилъ, Василій и Иванъ Львовичи, вмѣстѣ съ племянниками—Дмитріемъ Васильевичемъ и Юрьемъ Хромымъ, вслѣдствіе „збѣды“ (измѣны) господарю, ушли въ Москву въ 1508 г.; ихъ дѣльницы были конфискованы въ господареву казну, частію же розданы другимъ князьямъ (Корецкому, Пинскому) и панамъ литовскимъ, остававшимся вѣрными господарю ³⁾. Князья Глинскіе, не участвовавшіе въ измѣнѣ своихъ родичей и потому оставшіеся въ Литвѣ, вошли въ рядъ захудалыхъ служилыхъ князей, владѣли лишь незначительными помѣстьями въ повѣтахъ Волковыскомъ, Витебскомъ и др. ⁴⁾.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ самыми крупными магнатами-владѣльцами въ Кіевщинѣ являются волинскіе князья—*Ружинскіе* и особенно *Вишневецкіе*. Своими обширными помѣстьями они владѣли чуть ли не на такомъ же обособленномъ положеніи, какъ и старыя удѣльные князья, именно внѣ всякой административной зависимости отъ мѣстныхъ господарскихъ намѣстниковъ-старостъ ⁵⁾. Владѣнія князей Ружинскихъ сосредоточивались преимущественно въ Правобережной Украинѣ, въ особенности въ Бѣлоцерковскомъ староствѣ ⁶⁾. Изъ пн-

¹⁾ А. З. Р., I, № 178.

²⁾ А. З. Р., I, № 78.

³⁾ А. З. Р. II №№ 33, 34, 37, 40, 76. *Boniecki*, *Poczet*, 64—65. *Антоновичъ*, *Моногр.*, I, 241—244.

⁴⁾ *Boniecki*, *Poczet rodów*, 66—67.

⁵⁾ Проф. В. Антоновичъ прямо называетъ удѣльными князьями Вишневецкихъ, владѣвшихъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ пѣлымъ рядомъ задѣлывовскихъ замковъ и волостей (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. 19, 23, 27, 29).

⁶⁾ Въ правобережной половинѣ Кіевщины принадлежали князьямъ Ружинскимъ слѣдующіе замки и отдѣльныя волости: Котельня, Попельня, Скирже, Бакожине, Романовъ, Чарнавка (Грытково), Жидовцы (Жидове или Матѣвевичи), Ставище, Гирсяки (Иршани), Кошлаки, Сквиръ, Городице, Буки (Бурки) и Строкъ (Żródła dziejowe, V, стр. 113, Люстрація Кіевского воеводства начала XVII столѣтія. Ср. *Boniecki*, *Poczet*, 286—287).

вентаря имѣній князя Дмитрія Вишневецкаго, составленнаго въ началѣ XVII столѣтія, видно, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ князья Вишневецкіе владѣли значительнымъ числомъ замковъ и волостей главнымъ образомъ на территоріи бывшаго Переяславскаго княжества ¹⁾).

Кромѣ удѣльныхъ владѣній кіевскихъ князей, располагавшихся особняками на территоріи Кіевской земли и имѣвшихъ значеніе совершенно обособленныхъ въ административномъ отношеніи волостей, Кіевская земля разбивалась на отдѣльныя намѣстничества-староства, держанья и волости, бывшія въ управленіи господарскихъ намѣстниковъ-старостъ и державцевъ. Въ правобережной Кіевщинѣ, со времени упраздненія великаго кіевскаго княженія, образовался рядъ отдѣльныхъ намѣстничествъ или староствъ—административныхъ районовъ, имѣвшихъ каждый своихъ особыхъ правителей, называвшихся то господарскими намѣстниками, то старостами, то державцами ²⁾. Какъ будетъ показано ниже (въ VIII главѣ, о Подольской землѣ), во второй половинѣ XV столѣтія и, повидимому, въ началѣ XVI столѣтія, литовскія владѣнія ниже Подольскаго замка Брацлава, къ востоку и югу отъ Днѣстровскаго притока Мурахвы, тянули не къ Подолю, а къ сосѣднему Черкасскому намѣстничеству ³⁾. На лѣвой сторонѣ Днѣпра располагались также отдѣльные повѣты, староства и волости, обнимавшія южную часть Сѣверской земли—Посемье (между прочимъ, со включеніемъ Путивля), территорію бывшаго Переяславскаго княжества, со включеніемъ поселеній средняго Поднѣпровья по Сулѣ, Пселѣ и Ворсклѣ ⁴⁾. Какъ видно изъ люстрацій Кіевского вое-

¹⁾ Къ владѣніямъ Вишневецкихъ, по инвентарю Мухомла Вишневецкаго, относились: Полтава, Чигиринъ, Лубны, Хороль, Пиратинъ, Золотоноша, Прилуки, Лохвица, Ромны и др. волости заднѣпровской Украйны (*Przełidsiecki*, Podole, I, 41—44. *Stecki*, Wotyby, II, 230). О кіевскихъ владѣніяхъ Ружинскихъ и Вишневецкихъ см. *Sulimierski*, Stowp. geogr., III, 806, IV, 492; V, 777; VII, 916, 955 и др.

²⁾ Любавскій насчитываетъ въ правобережной Кіевщинѣ, съ конца XV до начала второй четверти XVI столѣтія, шесть намѣстничествъ-староствъ: Мозырь, Овручъ, Чернобыль, Житомиръ, Черкассы, Каневъ и нѣсколько отдѣльныхъ волостей господарскихъ (Олевская, Вышгородская, Завская) и панскихъ (Обл. дѣленіе, 237—243).

³⁾ А. З. Р., II, № 199. Ср. *ibid.*, II, № 6, 200. Skarbiec, № 746. *Петровъ*, Подоля, 66.

⁴⁾ Въ половинѣ XV столѣтія, по лѣтонисямъ, къ Кіевскимъ волостямъ относились: Переяславъ (на Трубужѣ), Сокиятинъ (на Сулѣ), Ромень и др. Къ Кіевскимъ же волостямъ относятся южныя мѣстности, упоминаемыя въ ярлыкѣ Менгли-Гирея, 1506 г.: Снѣпорожъ, Снечъ (на Сулѣ), Лосичи (на Пселѣ), Хотмышъ (на Ворсклѣ), Осколь и др. (П. С. Р. Л., VI, 240. А. З. Р., II, № 6. *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 214—247).

водства первой четверти XVII столѣтія, территоріальный составъ Киевской земли въ это время окончательно опредѣлился въ формѣ отдѣльных „староствъ“, на какія раздѣлялось Киевское воеводство вплоть до присоединенія во второй половинѣ XVII столѣтія Кіева и лѣвобережной Украины къ Московскому государству ¹⁾.

Киевская земля принадлежала къ великому княжеству Литовскому до половины XVI столѣтія. Въ 1569 году, на основаніи особаго привилея, изданнаго раньше акта Люблинской уніи, бывшее Киевское княжество было присоединено непосредственно къ Польшѣ. Формула уніи Киевской земли съ польскимъ королевствомъ опредѣляется въ актѣ 1569 года такъ: „Княжество и землю Киевскую и всѣхъ обывателей той земли освобождаемъ навсегда отъ подчиненія, власти, повинностей и установленій великаго княжества Литовскаго, дѣлаемъ вольными и къ королевству Польскому, какъ равныхъ къ

¹⁾ По люстраціямъ Киевскаго воеводства 1616 и 1622 гг., оно состоитъ изъ 11-ти отдѣльных староствъ: Житомирскаго (замокъ и нѣсколько селъ), Овручскаго (замокъ Овручъ, мѣстечки—Михайловъ, Меджиречъ и Ярославецъ и нѣсколько селъ и частныхъ „земель“), Лубецкаго (мѣста Любечъ и Лойова Гора и рядъ волостей), Острожскаго (мѣсто Острогъ, мѣстечки Бобровица и Вышгородъ съ волостями), мѣста Кіевъ, стар. Каневского (мѣсто Каневъ и хутора по люстр. 1616 г., 32 поселка по люстр. 1622 г.), Переяславскаго (мѣсто Переяславъ, мѣстечки: Березань, Яготинъ, Гельмазовъ, Быковъ и Яблоновъ; селъ нѣтъ, один хутора по люстр. 1616 г.; въ 1622 г. прибавилось мѣстечко Миргородъ и 25 селъ или хуторовъ), Черкаскаго (по люстр. 1616 г.—мѣсто Черкасы, мѣстечки—Боровица, Архей, Олтва и Кропивно, двѣ частныя „земли“—Сиверь и Ворскла; по люстр. 1622 г. прибавились: 4 мѣстечка—Мандылія, Богущково, Константиновъ, городище Сарское и 16 селъ), Богуславскаго (мѣсто Богуславское, безъ селъ; по люстр. 1622 г. прибавилось 13 селъ или хуторовъ), Бѣлоцерковскаго (мѣсто Бѣлая Церковь, 4 мѣстечка—Таборъ, Тригѣсь, Гуляники и Романовъ и 18 селъ и хуторовъ; по люстр. 1622 г. прибавилось мѣстечко Сявиръ Городище, слободы Любомиръ и Пасѣчна и до 40 селъ или хуторовъ) и Корсунскаго (мѣсто Корсунъ и 6 мѣстечекъ—Стебловъ, Чигринъ, Даниловъ, Крыловъ, Демидовъ и Вышгородъ; селъ нѣтъ, один хутора). См. *Źródła dziejowe*, V, 77 и слѣд. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 284). Въ пору присоединенія Лѣвобережной Украины къ Московскому государству старыя кievскія староства были сведены въ „полки“ и „сотни“. Въ переписныхъ книгахъ, составленныхъ въ 1654 г. по случаю прихода къ присягѣ на Московское подданство жителей украинскихъ городовъ и селъ, находятъ подробныя свѣдѣнія о территоріальномъ составѣ полковъ—Полтавскаго, Миргородскаго и Бѣлоцерковскаго. Въ Полтавскомъ полку числилось 13 городовъ, 6 мѣстечекъ и 5 слободъ, въ Миргородскомъ—10 городовъ и 6 мѣстечекъ, въ Бѣлоцерковскомъ—17 городовъ и два мѣстечка; въ послѣднемъ полку селъ вовсе не было, а лишь один хутора (А. Ю.-З. Р., X; прилож. къ № 5, стр. 300 и слѣд., 782 и слѣд.).

равнымъ, вольныхъ къ вольнымъ людямъ присоединяемъ,—какъ собственный и истинный членъ къ первому и собственному тѣлу и головѣ, — въ общность, честь, собственность и въ титулъ короны присоединяемъ“¹⁾. Образование Киевскаго „воеводства“ по образцу польскихъ областей принадлежитъ времени уніи Киева съ Польшей²⁾. Унія эта продолжалась почти столѣтіе. Въ 1654 году Киевъ навсегда отошелъ къ Россіи, что затѣмъ подтверждено было Андрусовскимъ миромъ 1667 года и окончательно договоромъ Россіи съ Польшей въ 1686 году. На основаніи этихъ трактатовъ къ Россіи отошла вся Лѣвобережная Украина съ заднѣпровской частью Киевскаго воеводства, съ городами Любечемъ, Островомъ, Переяславлемъ и частью Черкаскаго староства; на правой сторонѣ Днѣпра за Россіей остался только Киевъ съ ближайшими городами — Трипольемъ, Васильковымъ, Стайками и Вышгородомъ. Вся остальная часть Киевскаго воеводства осталась за Польшей и была присоединена къ Россіи лишь въ 1795 г.³⁾.

VII.

Съ конца первой четверти XIV столѣтія входитъ въ составъ Литовско-Русскаго государства *Волинская земля*⁴⁾. Земля эта зани-

¹⁾ Vol. leg. II, 85. *Baliński*, Staroż. Polska, II. 499. *Działyński*, Zbiór pr. Lit. 77. Універсалъ о присоединеніи Киевской земли къ Польшѣ изданъ 6-го іюня, актъ же Люблинской уніи 1-го іюля 1569 г. Точно также раньше Любл. уніи изданы акты о присоединеніи Подляхія (5-го марта) и Волини (26-го мая). См. *Stadnicki*, Bracia Jagiełły, 158.

²⁾ *Stadnicki*, Bracia, 153.

³⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagiełły, 162. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., II, 500.

⁴⁾ *С. Руссо*, Волинск. записки (1809). *Карамзинъ*, Исторія госуд. Росс. (1816, т. I и III; позд. изд. 1846). *І. Потоцкій*, Древн. исторія Волинск. губ. (1829). *В. Зимоновичъ*, Triplex Leopoldis, czyli historyi miasta Lwowa, wyd. *M. Piwocki* (1835). *Зубрицкій*, Исторія народа русскаго и іерархіи въ Галиціи (1837). *Ею же*, Крит. историч. повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной, или Галицкой Руси (1845). *Ею же*, Gränzen zwischen der russischen u. polnischen Nation in Galizien (1849). *Ею же*, Исторія древн. Галицко-русс. княжества (1852—1855). *Ею же*, Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ (1855). *Ею же*, Kronika miasta Lwowa. *Т. Czacki*, Opisanie historyczne i topograficzne zamku Krzemienieckiego (Słowia-
nin, 1839, II). *А. Przezdziecki*, Podole, Wołyń i Ukraina (1841). *М. Baliński* i *Т. Lipiński*, Starożytna Polska (1843 — 1846; 2-е изд., III, 1886). *Noworzycki*, Wiadomość historyczna o zamku Krzemienieckim na Wołyniu (*Bił. Warsz.*, 1848, II). *Н. Ивановичъ*, Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волини (1849). *Со-*

мала древнюю территорію славянскаго племени дулѣбовъ, носившихъ позже названія бужанъ, затѣмъ воляннъ (велиннъ), сидѣвшихъ по западному Бугу и по притокамъ Припети (Стыри, Горыни и Случи). Позже населеніе Волини становится извѣстнымъ подъ различными мѣстными

названіями, *Исторія Россіи* (1851—1853). *K. Stadnicki*, *Synowie Gedymina*, I, 1849 (2-е изд., 1881); II, 1853. *Ею же*, *Bracia Władysława Jagiełły* (1867). *Ею же*, *Olgerd i Kiejstut* (1870). *Ею же*, О początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łacińskiego obrządku na Rusi halickiej i Wołyniu (1882). *M. Skirmont*, *Судьбы Червоной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею* (1860). *И. Шарпаневичъ*, *Исторія Галицко-Володимирской Руси до 1453 г.* (1863). *Ею же*, *Исследование на полѣ отечества. географіи и исторіи* (1869). *Skaraniewicz*, *Kościelne sprawy na Rusi za rządów Kazimierza W.* (Bibl. Ossolin., 1863, II). *Ею же*, *Rządy Władysława Opolskiego w Polsce* (Bibl. Ossolin. 1864, IV). *Ею же*, *Rys wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniej w drugiej połowie XV wieku* (1869). *A. hr. Stadnicki*, *Ziemia Lwowska za rządów polskich w XIV i XV w.* (Bibl. Ossolin., 1863, III). *T. I. Stecki*, *Wołyń pod względem statyst., historycz. i archeolog.* (1864—1871). *Ею же*, *Zuck starożytny i dzisiejszy* (1876). *Ею же*, *Miasto Równe* (1880). *Ею же*, *Książęce gniazdo* (1885). *M. Dzeduszycki*, *Kronika domowa* (1865). *Ею же*, *Starostowie ruscy i lwowscy* (*Przewodn. literac. i nauk.*, 1875). *Максимовичъ*, *Писма о князьяхъ Острожскихъ* (1866, Полное собраніе сочиненій, I). *Ею же*, *Дубровица* (Пол. собр. соч., II). *Крипицкій*, *Историч. очеркъ Волини* (Труды Волинск. Губ. Статист. Комит., 1867). *Кременецъ, уѣздный городъ Волинск. губ.* (*Волин. Губ. Вѣд.* 1868, №№ 98—101). *Stupnicki*, *Galicya pod względem topogr.-geogr. statyst* (1869). *Сендульскій*, *Мѣстечко Вишневецъ* (*Волинск. Епарх. Извѣст.*, 1872, № 22). *K. Бестужевъ-Рюминъ*, *Исторія* (1872—1885). *И. Дашкевичъ*, *Княженіе Данила Галицкаго* (1873). *Ею же*, *Болоховская земля* (1878). *Ею же*, *Литовско-Русское государство, условія его возникновенія и причины упадка* (*Кіевск. Унив. Изв.* 1884). *Ею же*, *Замѣтъ по исторіи Литовско-Русск. государства* (1885). *Reifenkugel*, *Die Gründung d. röm-katholischen Bisthümer in d. Territorien Halicz u. Wladimir* (*Arch. f. österr. Gesch.*, 1875, t. 52). *Я. Головацкій*, *Карпатская Русь* (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1875, VI). *Górski*, *Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią* (*Przewodn. lit. i nauk.*, 1875). *Д. Иловайскій*, *Исторія Россіи* (1876—1888). *В. Перовскій*, *Мѣстечко Корецъ и князья Корецкіе* (*Волинск. Губ. Вѣд.* 1876, № 79). *Ею же*, *Материалы для исторіи Волини* (1879). *J. Bartoszewicz*, *Князь и książę* (1876; *Dzieła J. Bartoszewicza*, 1881, III). *Ею же*, *Wołyń* (*Енцикл. Powsz.*, t. XXVII). *Ею же*, *Włodzimierskie księstwo* (ibid.). *Ею же*, *Wiśniowieccy i Zbarascy książęta* (ibid., XXVII, XXVIII). *A. Jabłkowski*, *Starostwa Ukrainie w pierwszej połowie XVII w.* (*Źródła dziejowe*, 1877, V). *Ею же*, *Ziemia Wołyńska w połowie XVI w.* (ibid., VI). *В. Антоновичъ*, *Очеркъ исторіи вел. княж. Литовск.* (1878. Монографія, 1885). *Свяж. Н. Трипольскій*, *Историч. изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волинск. губ.* (1879). *Rulikowski* и *Radziwiński*, *Князювѣ и шляхта między Sanem, Wieprzem, Bugiem etc.* (1880). *А. И. Добрянскій*, *О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со временъ Владимира св.* (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1880, III). *А. Lewicki*, *Образки з najdawniejszych dziejów Przemyśla* (1881). *Chełm* (*Енцикл.*

наименованіями: червянъ, владимірцевъ, лучанъ и пр. ¹⁾. Древнѣйшимъ центромъ Волинской земли считается городъ Воляня (Вельня). Позже первенствующее значеніе переходитъ къ Червену, а затѣмъ къ Владимиру ²⁾, сдѣлавшемуся стольнымъ центромъ Волини съ конца X столѣтія (съ Владимира Св.), когда Волянь вошла въ составъ волостей кievскихъ князей. Собственно же съ конца XI столѣтія Во-

Rowań., 1881, V). Городъ Холянь и его святиня (1882). *Линиченко*, Взаимныя отношенія Руси и Польши до конца XII вѣка (*Кіевск. Унив. Изв.* 1882—1883). *Rejzobek*, Iuri II, poslední knize Veškeré Malé Rusi (*Сѣверія Mus. Kral. Сѣск.*, 1889); Изслѣдованіе о Червенныхъ городахъ (*Холяско-Варш. Вѣстн.*, 1884). *Барсовъ*, Очеркъ русск. историч. географіи (1885), Холянская Русь (Памяти. русск. старини въ Западн. губ., изд. подъ ред. *Н. Н. Батюшкова*, 1885, VII и VIII). *Д. Иловайскій*, Даниилъ Романовичъ Галицкій и начало Холяма (*ibid.*, VII). *Г. Хрущевичъ*, Городъ Холянь (*ibid.*, XX), Краткій очеркъ состоянія Холянской Руси въ религ. отношеніи со времени введенія христіанства до церковн. уни на Брестск. соборѣ (*ib.*, VIII). *Е. Крыжановскій*, Забужная Русь (1886). *А. Ломоносовъ*, Червенскіе города. Историч. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червон. Руси (1885). *Ею же*, Грамоты малорусскаго князя Юрія II (*Чтен. въ Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1887, II). *Л. Рафальскій*, Путешествіе по Острожскому уѣзду (*Волинск. Губ. Вѣд.*, 1886, № 48). *I. Wolff*, Ród Gedymina (1886). *М. Bobrzyński*, Dzieje Polski (1887). *А. Semkowicz*, Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza do r. 1384 (1887). *А. Петрушевичъ*, О галицко-русскихъ митрополитахъ (Галиц. Ист. Сборн., III). *Н. Нубе*, Wyrok lwowski r. 1421 (1887). *S. Smolka*, Kiejstut i Jagiełło (1888). *Андрияшевъ*, Очеркъ исторіи Волинск. земли до конца XIV столѣтія (Сборн. сочин. студент. Унив. св. Владимира, 1888, вып. 6; отдѣльно—1888). *Н. Петровъ*, Волянь; историч. судьбы Юго-Запад. края. Изд. *Н. Батюшковымъ* (1888). *К. Liske*, Kilka uwag o sądownictwie czerwonoruskiem (*Kwartaln.*, 1888, III). *Е. Breiter*, Władysław Opolski (1889). *К. Gorzycki*, Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wiel. (1889); рец. *Н. Филевича* (*Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.*, 1889, сент.). *Ө.*, Историч. очеркъ угро-русскаго народа и угро-русс. церкви (*Славянск. Извѣстія*, 1889, № 52). *Н. П. Филевичъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1889; отд. 1890); рец. *Линиченка* (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1891, май), *С. Лисевича* (*Преводн. литер. і наук.*, 1891, I и II) и *Чучинскаго* (*Kwartaln. Histor.*, 1891, I). Отвѣтъ *Н. Филевича*: Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірск. наслѣдіе (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1891, дек.). *Грушевскій*, Волинскій вопросъ, 1097—1102 (*Кіевск. Старина*, 1891, №№ 4 и 5). *М. Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литов.-Русск. государства (*Чтен. въ Общ. Ист. и Др.*, 1892—1893). *Lewicki*, Powstanie Swidrigiełły (*Rozprawy Krak. Ak.*, t. XXIX). *Копецку*, Jagiełło i Witold (*Преводникъ*, 1892).

¹⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ ист. Волинск. земли, 7 и слѣд.

²⁾ Какъ полагають, на правомъ берегу Западнаго Буга, западнѣе повдѣйшаго Владимира. См. *Андрияшевъ*, Очеркъ, 9, 58. *Филевичъ*, Борьба, 176.

лынъ выдѣляется въ отдѣльное княжество ¹⁾, составлявшее волость Всеволода Владиміровича, въ родѣ котораго земля эта, съ незначительными перерывами, оставалась до начала XIV столѣтія, то-есть. до времени присоединенія Волыни къ Литовско-Русскому государству. Въ теченіе этого времени образовался на Волыни рядъ отдѣльных княженій-земель, сводившихся въ три основныя группы: княжества Холмско-Червенское (съ XIV столѣтія просто Холмское) и Белзское, образовавшіяся въ послѣдней четверти XII столѣтія изъ старыхъ „Червенскихъ городовъ“ ²⁾, и княжества Владимірское и Луцкое, составлявшія Волынскую землю въ тѣсномъ смыслѣ ³⁾. Луцкъ съ его волостью занималъ восточную часть Волыни и выдѣлился въ особое княжество съ половины XII столѣтія, когда къ Волыни была присоединена Погорина, сосѣдняя часть территоріи бывшей Древлянской земли ⁴⁾.

Кромѣ этихъ коренныхъ областей, въ составъ волостей Волынской земли входили въ разное время сосѣднія русскія земли, именпо: Галичина съ Забужьемъ, Берестейская земля, Понѣманье и, наконецъ, земля Кіевская.

Галичина (Галицкая или Червонная Русь) уже при Олегѣ находилась въ извѣстной связи съ кіевскими волостями, какъ это показываетъ участіе хорватовъ (древнихъ насельниковъ Галичины) въ Царьградскомъ походѣ Олега. При св. Владимірѣ Галичина вмѣстѣ съ Волынью несомнѣнно принадлежала къ кіевскимъ волостямъ и лишь позже (съ конца XI столѣтія) выдѣлилась въ особое княжество ⁵⁾. Въ концѣ XII столѣтія возстановляется старое единство Червонной Руси и Волыни: обѣ земли (около 1197—1200 г.) соединяются подъ властью Романа Мстиславича, князя волынскаго, и затѣмъ почти до половины XIV столѣтія (до 1349 г.), подъ общимъ наименованіемъ „Волынской земли“. составляютъ волость мѣстныхъ князей галицко-владимірскихъ или волынскихъ ⁶⁾.

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 181.

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 81—95.

³⁾ *Ibid.*, 54—81.

⁴⁾ Погорина простиралась съ востока по водораздѣлу съ Случью, на югѣ—ав Случь до истоковъ южн. Буга. См. *Андріашевъ*, Очеркъ, 37—38.

⁵⁾ *Филевичъ*, Борьба, 176—181.

⁶⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 147, 159, 163, 173, 199. *Филевичъ*, Борьба, 184—185. *Яблоновскій*, *Zródła dziejowe*, VI, стр. LIX.

Что касается Забужья (Забужной Руси, или Люблинской земли) ¹⁾, то первоначально земля эта, въ особенности сѣверная ея часть, тянула къ Киеву, затѣмъ къ Турово-Пинскому княжеству и, наконецъ, вошла въ составъ галицко-волинскихъ волостей. Къ Польшѣ Люблинская земля отошла окончательно лишь въ началѣ XIV столѣтія ²⁾.

Съ половины XII столѣтія въ составъ Волинскихъ волостей вошла Берестейская земля (Подляхія), а съ половины слѣдующаго вѣка утвердилось вліяніе волинскихъ князей также въ Турово-Пинскомъ княжествѣ ³⁾. Въ началѣ XIV столѣтія Подляхія и Понѣманье отошли подъ власть литовскихъ князей ⁴⁾.

Наконецъ, въ началѣ XIII столѣтія территоріальныя владѣнія Галицко-Владимірскихъ князей расширяются далеко на востокъ, достигаютъ крайнихъ рубежей Кіевского Поднѣпровья. Съ 1202 года Кіевская земля становится волостью волинскаго князя Романа Мстиславича; Кіевомъ онъ владѣлъ до своей смерти. Зависимость Кіевской земли отъ Галицко-Волинскихъ князей продолжалась до татарскаго нашествія ⁵⁾.

Изъ изложеннаго видно, что наибольшій территоріальный составъ имѣла Галицко-Волинская земля при Романѣ и Даніилѣ. Въ это время волинскимъ князьямъ подчинялось населеніе доброй половины юго-западной Руси, на обширномъ пространствѣ между Карпатами и Вислой съ запада и Днѣпромъ съ востока, между верховьями Нѣмана,

¹⁾ Забужье русское занимало въ старину пространство между Вислой, Бугомъ и Нуронъ. Западная часть составляла Украину (*Крыжановскій*, *Забужная Русь*, 76. *Филевичъ*, *Борьба*, 189—190).

²⁾ См. *Филевичъ*, *Борьба*, 191, прим. 3. Какъ полагаютъ, Люблинская земля до XIII столѣтія была весьма мало связана съ Польшей, представляла, по выраженію *Крыжановскаго*, своего рода Сѣчь, пріютъ бродячаго и гуляшаго люда (*Крыжановскій*, *Забужн. Русь*, 48. *Филевичъ*, *Борьба*, 188). Въ концѣ 20-хъ годовъ XIII столѣтія установилась несомнѣнная независимость Люблинской земли отъ Галицко-Волинской Руси при Даніилѣ Романовичѣ; зависимость эта продолжалась до 1253 г. Въ концѣ того же вѣка (около 1292 г.) русскимъ опять удалось захватить Люблинскую землю. Къ Польшѣ она отошла лишь въ 1302 году. (*Андриішевъ*, *Очеркъ*, 178, 200. *Филевичъ*, *Борьба*, 185—191; ср. 26).

³⁾ *Андриішевъ*, *Очеркъ ист. Волинской земли*, 9, 46. *Филевичъ*, *Борьба*, 190—192. Сынъ Романа, Шваритъ, нѣкоторое время управлялъ и Лятой, уступленной ему Войшелкомъ, сыномъ Миндовга (*Андриішевъ*, 183).

⁴⁾ *Андриішевъ*, 201.

⁵⁾ Предъ этимъ нашествіемъ въ Кіевѣ сидѣлъ воевода Даніила Романовича. Позже Кіевъ отошелъ къ другимъ русскимъ князьямъ—Ярославу Всеволодовичу, затѣмъ Александру Невскому (*Андриішевъ*, 148—151, 169).

Бобра и Нарева съ сѣвера и верхнимъ бассейномъ южнаго Буга и Днѣстра съ юга. Послѣ татарскаго нашествія территоріальный составъ Галицко-Волинской земли начинаетъ быстро уменьшаться. При ближайшихъ наслѣдникахъ Данила Романовича отходить отъ Волыни Киевская земля; въ началѣ XIV столѣтія отпадаютъ отъ Волыни Забужье, Берестье и Понѣманье. Ко времени присоединенія Волинской земли къ Литовско-Русскому государству ея территоріальный составъ ограничивался Галичиной и коренными Волинскими областями: Холмской, Белзской, Владимірской и Луцкой ¹⁾).

Изъ-за обладанія этимъ-то „галицко-волинскимъ наслѣдіемъ“, оставшимся послѣ волинскихъ князей Романовичей, завязывается въ XIV столѣтіи упорная борьба между государствами Литовско-Русскимъ и Польскимъ.

Обладаніе Волинской землей входило въ общую задачу литовской политики, намѣченной вполнѣ сознательно еще со времени Гедимина: объединеніе западно-русскихъ земель подъ властью литовскихъ вождей было въ интересахъ какъ Литвы, оказавшейся безсильной въ борьбѣ съ нѣмецкими крестоносцами, такъ и русскаго населенія, желавшаго избавиться отъ ордынской зависимости. Въ борьбѣ Литвы-Руси съ Польшей всѣ литовскіе князья были одинаково солидарны: для Литовско-Русскаго государства Волынь, какъ и Берестье, составляло порубежье, стоявшее на стражѣ литовскихъ владѣній со стороны западныхъ сосѣдей, въ особенности Польши и Венгріи ²⁾). Борьба съ

¹⁾ Понятіе „Волинской“ земли не только при старыхъ князьяхъ Романовичахъ, но и въ пору установленія на Волыни власти литовскихъ князей не ограничивалось собственно Волинскими землями: Белзской, Холмской, Владимірской и Луцкой, но распространялось также и на Галичину. Положеніе это, на нашъ взглядъ, безспорно доказано проф. И. П. Филевичемъ. Указанное понятіе Волинск. земли лежитъ въ основѣ, напримѣръ, лѣтописнаго опредѣленія территоріи владѣній Любарта: „а Любарта принялъ володимерскій князь въ дотце во Володимерь и въ Луцкѣ и во всю землю *Волинскую*“. Въ русскихъ лѣтописяхъ „Волинскими“ князьями называются и такіе, какъ Левъ, сидѣвшій въ Галичинѣ (Ипат. лѣт., 588); точно также Волинскими городами называются не только Владимір или Луцкъ, но и Львовъ, Перемышль, Галичъ и Самборъ (И. С. Р. Л., VII, 240). То же понятіе имѣетъ Волинская земля въ житіи митрополита Петра и пр. (См. И. Филевичъ, Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за галицко-волинское наслѣдіе, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 326, 339). Этимъ же значеніемъ Волинской земли доказывается справедливость мысли о правахъ Любарта не только на Луцкъ и Владимір, но и на Галицкую землю (Филевичъ, Борьба, 47—48, 82).

²⁾ См. *Smolka*, *Kiejstut*, 10.

Польшей въ XIV столѣтіи ведется, поэтому, не одними мѣстными силами, бывшими въ распоряженіи волинскаго князя Гедиминовича (Любарта), но, по возможности, силами всего Литовско-Русскаго государства. Солидарность дѣйствій Гедиминовичей въ борьбѣ съ Польшей за галицко-волинское наслѣдіе въ особенности высказывается въ трактатахъ о разграниченіи владѣній литовско-русскихъ и польскихъ: въ этихъ трактатахъ принимаютъ дѣятельное участіе всѣ представители литовскихъ интересовъ, не только волинскій князь Любартъ, но и, главнымъ образомъ, великій князь литовскій Ольгердъ. Кейстутъ и др. ¹⁾.

Съ другой стороны, территоріальныя приобрѣтенія на Руси составляли не менѣе жизненный вопросъ для сосѣдней Польши, въ отношеніи къ которой въ то время многое свидѣтельствовало о „крайнемъ истощеніи силъ польскаго организма“. По признанію самихъ польскихъ историковъ, Польша двинулась на Русь „за хлѣбомъ насущнымъ“ и, дѣйствительно, нашла въ Русской землѣ обильные его запасы, поддерживавшіе истощенныя силы Польши ²⁾. Стремленіе Казимира подчинить себѣ земли, принадлежавшія къ великому княженію Галицкому, ближайшимъ образомъ могло основываться на династическихъ счетахъ, по которымъ на галицкое наслѣдіе имѣли право князья Мазовецкіе, переуступившіе ихъ польскому королю ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что подобные счета могли служить только формальной основой территоріальныхъ захватовъ Польши на Руси: добываніе въ русской землѣ „насущнаго хлѣба“ являлось вполне реальной подкладкой борьбы Польши съ Литвой-Русью, закончившейся лишь въ послѣдней четверти XIV столѣтія.

Начало польскихъ попытокъ территоріальныхъ приобрѣтеній въ сосѣдней Русской землѣ совпадаетъ съ смертью Юрія-Болеслава, послѣдняго представителя (по женской линіи) галицкихъ князей Романовичей. Движеніе Казимира на Русь въ 1340 г. не привело ни къ какимъ благопріятнымъ для Польши результатамъ ⁴⁾. Первое территоріальное приобрѣтеніе Польши въ Русской землѣ упоминается въ 1345 г., когда во власти Казимира уже находился Санокъ, крайній

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 101—102, 113—114. *Ею же*, Къ вопросу о борьбѣ и проч., 341.

²⁾ *Smolka*, Rok 1386, стр. 76. *Филевичъ*, Борьба, 53.

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 128.

⁴⁾ *Филевичъ*, Борьба, 55 и сл. Къ вопросу о борьбѣ и пр., стр. 337.

западный городъ Галицкаго княжества ¹⁾. Въ 1349 г. предпринято было Казиміромъ новое движеніе на Русскую землю, въ результатъ котораго было завоеваніе Польшей въ томъ же году Львовской земли (вмѣстѣ съ Галичемъ); завоеваніе простерлось также на Кременецъ ²⁾. Трактатомъ о двухлѣтнемъ перемиріи, заключеннымъ въ 1352 г. литовскими князьями (Евнутомъ, Кейстутомъ, Любартомъ и др.) съ Казиміромъ, положено было: королю „держати Львовскую землю исполна“. а литовскимъ князьямъ (собственно Любарту) „держати Володимѣрскую. Луцкую, Белзьскую, Холмскую, Берестинскую (последнюю—Кейстуту) исполна жъ; а Кременецъ держати Юрью Наримонтовичю отъ князей литовскихъ и отъ короля, за два лѣтъ“ ³⁾. Перемиріе 1352 г. не имѣло значенія окончательнаго рѣшенія вопроса о галицко-волинскомъ наслѣдѣ: оно лишь временно закрѣпило за Казиміромъ приобрѣтеніе, сдѣланное имъ тремя годами раньше. Территориальныя приобрѣтенія на Волыни, достигнутыя Казиміромъ вооруженной силой въ 1366 г., еще болѣе сблизили литовскія владѣнія въ этой южно-русской области. Благодаря союзу съ орденомъ, вторгшимся въ Литву и отвлекшимъ литовскія силы для защиты государства съ сѣвера, Казиміръ успѣлъ въ одинъ походъ захватить значительную часть Волинской земли. По договору 1366 г. ⁴⁾, заключенному

¹⁾ Въ 1339 г. Саноукъ еще принадлежалъ къ Галицкой землѣ. Когда онъ отошелъ къ Польшѣ,—неизвѣстно. Полагаютъ, что это могло случиться не въ 1340 г., но позже, быть можетъ, въ томъ же (1345) году, отъ котораго дошло извѣстіе о Саноукѣ, какъ городѣ, бывшемъ уже во власти Казиміра (*Филевичъ*, Борьба, 87: Къ вопросу о борьбѣ, 338—339).

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 88—93.

³⁾ А. З. Р., I, № 1. Ср. *Филевичъ*, 93, 97, 100. При Казимірѣ Галичина дѣлилась на три части: Покутье—все пространство отъ Днѣстра до Карпатъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ—уголъ между Черемошемъ и Прутомъ; Подгорье—западная часть Покутья, прилегающая къ Карпатамъ; Подолье (лѣтописи. Попяжье)—Галицкое Подиѣстровье, къ востоку отъ р. Стрипы (*Филевичъ*, Борьба, 102). Въ 1379 г. Галичина отошла было къ Венгріи; въ 1387 г. окончательно присоединена къ Польшѣ. Галичина рассматривалась сначала въ значеніи „królewsczuznu“, бывшей въ полномъ распоряженіи короля, составляла личное его достоиніе. Лишь со времени Единской конституціи 1433 г., уравнившей Галицію по правамъ и привилегіямъ съ остальными частями королевства, Галичина, подъ общимъ именемъ русскаго воеводства, вошла въ общій составъ польскихъ провинцій (*Филевичъ*, Борьба, 3, 53, 116—118, 120, 208—209).

⁴⁾ Проф. И. П. Филевичъ, въ своемъ изслѣдованіи: „Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-волинское наслѣдіе“ (стр. 104—108), изложилъ рядъ доводовъ, говорящихъ о договорѣ 1366 г., какъ о „позднѣйшей и при томъ весьма грубой поддѣлкѣ“. Послѣдовавшіи, затѣмъ, разъясненія другихъ изслѣдователей, вызван-

Ольгердомъ и другими литовскими князьями (Кейстутомъ, Евнутомъ, Любартомъ и др.) съ польскимъ королемъ Казиміромъ, послѣднему досталась вся западная половина собственно Волинской земли: Владимірь съ округами—Городельскимъ, Любомльскимъ, Турійскимъ, Ратненскимъ, Коширскимъ и Влучинскимъ; затѣмъ къ Польшѣ отошли Кременецъ, Перемышль ¹⁾, Олеска, Белзъ, Грабовецъ, Холмъ, Щебрешинъ и Лопатинъ. Во владѣніи Любарта осталась, по тому же договору, Луцкая земля со всѣми старыми ея волостями: Стожкомъ, Даниловымъ, Закамнемъ, Шумскомъ, Острогомъ, Полоннымъ и Межибожьемъ. Кромѣ Луцкой земли, король отказался въ пользу Любарта отъ нѣсколькихъ округовъ, тянувшихъ непосредственно къ Владиміру; сюда причислены были: Ветлы, Любяжъ, Чернечъ Городокъ, Камень и Мельникъ ²⁾.

Что касается недавно изданнаго въ архивѣ Сангушковъ ³⁾ договора Любарта съ Казиміромъ, то, по всему видно, его нельзя считать предварительнымъ соглашеніемъ, предшествовавшимъ договору литовскихъ князей 1366 г. Еслибы въ дѣйствительности Любартовъ договоръ намѣчалъ именно предварительныя условія, которыя затѣмъ были санкционированы соглашеніемъ другихъ литовскихъ князей, то между условіями обоихъ договоровъ не было бы значительной разницы, какая замѣчается между ними. Въ Любартовскомъ договорѣ заключается именно цѣлый рядъ *уступокъ* со стороны короля въ пользу Луцкаго князя,—уступокъ, гораздо болѣе льготныхъ для послѣдняго, сравнительно съ условіями договора литовскихъ князей 1366 г. Уступки, выговоренныя на предварительномъ соглашеніи, непременно, въ такой

ния трудомъ проф. Филевича, повели, какъ кажется, къ болѣе положительному разрѣшенію спорнаго вопроса. Въ своемъ отвѣтѣ („Къ вопросу о борьбѣ“ и пр.,—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 341) проф. Филевичъ, съ полной добросовѣстностью серьезнаго ученаго, не настаиваетъ больше на прежнемъ своемъ мнѣніи о значеніи договора 1366 г.

¹⁾ Перемышль съ тянувшими къ нему волостями, повидимому, входитъ въ составъ владѣній Любарта до 1366 г. и отошелъ къ Польшѣ лишь въ этомъ году, послѣ похода Казиміра въ Волинскую землю. Раньше отошедшія къ Польшѣ земли (Львовская и Галицкая) вовсе не упоминаются въ договорѣ 1366 г.

²⁾ Послѣднія двѣ мѣстности, подъ именемъ Мельника и Камня Кошерскаго, обозначены на польской картѣ 1772 г. (*Baliński*, IV, 720) выше Владиміра, къ востоку отъ р. Туріи. Договоръ 1366 г. изложенъ у Нарушевича (*Historia*, изд. Лейпц., 1837, IX, стр. 244 и сл.; въ изд. Варшавск., т. VI, стр. 241 и слѣд.), Даниловича (*Skarb.*, № 432), Рыкачевскаго (*Inventarium*, 371).

³⁾ Arch. Sang., I, № 1.

или иной формѣ, вошли бы въ окончательный договоръ, а ихъ-то именно и нѣтъ въ послѣднемъ: договоръ 1366 г. весь направленъ противъ литовскихъ интересовъ. Уступки несомнѣнно могли появиться лишь позже. Въ то время, какъ договоръ 1366 г. отрѣзываетъ отъ любартовскихъ владѣній, можно сказать, прямой линіей все Владимірское княжество (за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, тянувшихъ съ востока непосредственно къ Владиміру), въ договорѣ съ Любартомъ Казиміръ сдѣлалъ ему значительную уступку, ограничившись Владиміромъ и сравнительно незначительнымъ, тянувшимъ къ нему, округомъ¹⁾. Затѣмъ, Любартовскій договоръ заключаетъ другія, несомнѣнно выгодныя для Любарта, условія²⁾, которыя опять не вошли въ договоръ литовскихъ князей, чего на дѣлѣ не было бы, разъ Любартовъ договоръ дѣйствительно имѣлъ значеніе предварительнаго соглашенія, предшествовавшаго основному договору 1366 г.

Въ виду изложенныхъ соображеній нужно полагать, что Любартовскій договоръ былъ на дѣлѣ сепаратнымъ, дополнительнымъ соглашеніемъ Любарта съ Казиміромъ, состоявшимся уже послѣ договора 1366 г.³⁾, когда, какъ видно по всему, польскій король согласился на значительныя уступки въ пользу луцкаго князя. Если это такъ, то становится понятнымъ, почему позднѣйшій договоръ заключенъ однимъ Любартомъ, безъ участія другихъ литовскихъ князей: Любартовскій договоръ ограничился исключительно вопросами, касавшимися одной Волини, и ни малѣйшимъ образомъ не шелъ въ разрѣзъ съ общелитовскими интересами, почему онъ и не нуждался вообще въ санкціи со стороны остальныхъ князей.

Наконецъ, разъ признаемъ Любартовскій договоръ не предварительнымъ соглашеніемъ, а самостоятельнымъ дополненіемъ къ договору

¹⁾ Округъ этотъ простирался къ Владиміру, съ весьма небольшимъ протяженіемъ къ востоку и сѣверу. Сѣверные предѣлы земель, отошедшихъ къ Казиміру, не переходили за Стоходъ съ одной и верховьевъ Туринъ—съ другой стороны (Филевичъ, Борьба, 105—106).

²⁾ „Мыто не примышляти, но какъ изъ вѣка пошло; а по старымъ дорогамъ гостемъ пойти куда хочеть, а гостя не приневолити, но куда хочеть, туды ий. деть“. Въ договорѣ литовскихъ князей Любартъ безусловно обязывается помогать королю своимъ войскомъ въ случаѣ войны его съ кѣмъ бы то ни было,—къ Любартовскому договору сдѣлано исключеніе на случай войны короля съ „братьями“ Любарта, который, въ такомъ случаѣ, не обязанъ помогать ни той, ни другой сторонѣ (Arch. Sang., I, № 1).

³⁾ Въ какое именно время—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ до 1370 г., когда оба договора были уже вполнѣ нарушены съ литовской стороны (см. ниже).

литовскихъ князей 1366 г., можно, какъ кажется, болѣе точнымъ образомъ выяснитъ также вопросъ о томъ, имѣлъ ли договоръ 1366 г. такой же характеръ временнаго „перемирья“, какъ и договоръ 1352 г., или же его нужно считать окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о галицко-волинскомъ наслѣдіи? Въ договорѣ 1366 г. нѣтъ точныхъ указаній по вопросу о времени, на какое онъ былъ заключенъ, то-есть, нужно ли считать его „вѣчнымъ“ миромъ, или же только срочнымъ перемирьемъ? Намъ кажется, что этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно разрѣшается, разъ сопоставимъ оба договора, какъ отдѣльные самостоятельные акты, дополняющіе другъ друга въ опредѣленіи отношеній Польши и Литвы-Руси къ галицко-волинскому наслѣдію. Если признать договоръ литовскихъ князей 1366 г. „вѣчнымъ“, безсрочнымъ миромъ, то несомнѣнно слѣдуетъ признать таковымъ же и послѣдовавшій затѣмъ, дополнительный договоръ Любарта съ Казиміромъ. И наоборотъ: разъ основной договоръ имѣлъ характеръ лишь временнаго соглашенія, не рѣшавшаго въ корнѣ спорныхъ вопросовъ,—и дополнительный договоръ не могъ имѣть инаго значенія, не могъ идти въ разрѣзъ съ обще-литовскими интересами и вообще не могъ выходить, въ этомъ отношеніи, изъ рамокъ опредѣленій основнаго договора. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ, какъ кажется, и ставится данный вопросъ въ Любартовскомъ договорѣ: въ немъ находимъ (впрочемъ, не совсѣмъ ясное) упоминаніе о срокѣ, въ теченіе котораго обязательно исполненіе условій, изложенныхъ въ договорѣ ¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, Любартовскій договоръ

¹⁾ „Оль (доколь) на годъ минеть Дмитріевъ день“ (26-го октября), то-есть, договоръ заключается на годъ съ Дмитріева дня. Издатели архива Сангушекъ полагаютъ, что упомянутый срокъ касается не всего договора, а лишь условія о взаимной военной помощи, а также „nie wariegania Gedyminowiczów przesiw Kазіmierzowi W.“ (послѣдняго условія нѣтъ въ договорѣ: Любартъ не могъ обязываться за другихъ литовскихъ князей). См. Arch. Sangusz., I, стр. 154, пр. I, пунктъ 5. По справедливому замѣчанію проф. И. П. Филевича (Борьба, 108, пр. I), изложенное предположеніе не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Въ исторіи междусоюзныхъ „докончаній“, заключавшихся въ старое время князьями, вездѣ, какъ на Русь и Литвѣ, такъ и у другихъ славянъ и вообще средневѣковыхъ европейскихъ народовъ, едва ли есть хоть одинъ примѣръ установленія срочности условія о вооруженной взаимопомощи въ докончаньяхъ, по существу, безсрочныхъ, то-есть, имѣвшихъ характеръ „вѣчнаго мира“. Условіе о взаимной помощи и охранѣ вездѣ и всегда было основнымъ пунктомъ междусоюзныхъ доковчаній стараго времени,—пунктомъ, опредѣлявшимъ основной характеръ всего докончанья. Разъ взаимопомощь выговаривалась лишь на время, и все докончанье носило срочный характеръ, и наоборотъ.

тврдо держался договора 1366 г.: Любартъ, въ своемъ договорѣ, не могъ произвольно измѣнять ни одного изъ коренныхъ условій, принятыхъ раньше по соглашенію литовскихъ князей, разъ такое или иное измѣненіе могло идти во вредъ литовскимъ интересамъ ¹⁾).

И дѣйствительно, послѣдующія дѣйствія Гедиминовичей вполне оправдываютъ воззрѣніе на договоръ 1366 г., какъ лишь на „временное перемиріе“, а не „вѣчный миръ“. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ оба договора Гедиминовичей были въ корнѣ ими нарушены, и это обстоятельство не вызвало съ польской стороны, какъ видно, никакого серьезнаго протеста: Гедиминовичи, очевидно, дѣйствовали по праву, не соображаясь больше съ договоромъ 1366 г., потерявшимъ силу за истеченіемъ срока, на какой онъ былъ принятъ. Тотчасъ по смерти Казимира въ 1370 г. Кейстутъ съ Любартомъ взяли Владиміръ безъ всякаго сопротивленія съ польской стороны; къ Литвѣ отошли затѣмъ и другія мѣста, занятія съ 1366 г. польскими гарнизонами ²⁾. Къ этому же времени слѣдуетъ относить и возвращеніе Холма и Белза изъ польскаго обладанія; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что Белзско-Холмская земля не была подвѣдома Владиславу Опольскому, которому новый король (Людовикъ) въ 1372 г. передалъ въ управленіе Галичину ³⁾. Лишь въ 1377 г. Холмско-Белзская земля была окончательно завоевана поляками и навсегда вышла изъ состава Волинской земли ⁴⁾. Видно также, что въ томъ же году были заняты поляками и нѣкоторые другіе волинскіе города, которые лишь по смерти Людовика (1382 г.) были сданы Любарту обратно мадьярскими начальниками занятыхъ городовъ ⁵⁾.

Польско-литовская борьба изъ-за территоріальныхъ приобрѣтеній въ русской землѣ прекратилась, собственно говоря, съ тѣхъ поръ, какъ съ исторической арены сошли Ольгердъ, Кейстутъ и Любартъ ⁶⁾—главные борцы старой Литвы-Руси, крѣпко державшіеся

¹⁾ По договору 1366 г. Любартъ обязанъ, въ случаѣ веденія войны королемъ и великимъ княземъ литовскимъ, помогать имъ своимъ войскомъ; въ свою очередь, въ такихъ же случаяхъ король и великій князь обязываются помогать Любарту своими войсками (Skarbies, № 432).

²⁾ Какъ полагаютъ, литовцы въ 1370 г. доходили до Сандомира безъ особаго сопротивленія со стороны поляковъ (Филевичъ, Борьба, 109—110).

³⁾ Филевичъ, Борьба, 110.

⁴⁾ Ibid., 110, 112.

⁵⁾ Филевичъ, Борьба, 116.

⁶⁾ Солидарность этихъ трехъ братьевъ Гедиминовичей, дружно преслѣдовав-

политики территориальной цѣльности и національно-политической самобытности Литовско-Русскаго государства. Территориальныя пріобрѣтенія и захваты въ Галицко-Волинской землѣ закрѣплены за Польшей не столько „случайностью“ — бракомъ Ягеллы съ Ядвигаей ¹⁾), сколько полной переимѣной фронта въ польско-литовской политикѣ, обозначившейся вскорѣ послѣ смерти Ольгерда и Кейстута. Переимѣна эта, вызванная, главнымъ образомъ, необходимостью борьбы съ сильными сосѣдями (между ними на первомъ планѣ становится съ XV столѣтія Москва), приняла вполне законченную форму польско-литовской уніи новой политической системы, первая начала которой были заложены при Владиславѣ-Ягеллѣ и затѣмъ послѣдовательно развиты при его преемникахъ—Ягеллонахъ. Это-то новое направление польско-литовской политики безповоротно рѣшило вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ литовско-русскихъ областей, въ томъ числѣ и Волинской земли. Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ актовъ Люблинской уніи 1569 г. было присоединеніе Волини непосредственно къ Польшѣ.

Рядомъ съ польскимъ вопросомъ, вліявшимъ на территориальный составъ Галицко-Волинской земли, послѣдняя должна была считаться въ литовскую эпоху также съ другимъ, не менѣе существеннымъ вопросомъ—съ ордынскою зависимою, въ силу которой Волинская земля считалась такимъ же татарскимъ „улусомъ“, какъ и другія русскія земли, подручныя ордынскимъ ханамъ. Въ Отверщинѣ, Киевщинѣ и Подоліи татарскій вопросъ былъ безповоротно порѣшенъ сразу, можно сказать, въ самый моментъ присоединенія ихъ къ Литовско-Русскому государству. Не такъ стоялъ татарскій вопросъ въ Галицко-Волинской землѣ: подобно старымъ волинскимъ князьямъ Романовичамъ и Даниловичамъ, Любартъ и Казиміръ, боровшіеся изъ-за обладанія Галицко-Волинской землей, должны были волею-неволею стать въ ряды „ханскихъ холоповъ“.

Татарское владычество установилось на Волини и въ Галичинѣ въ одно время съ другими южно-русскими землями. Первое наше-ствіе Батыевой орды на Галицко-Волинскую землю относится къ 1240 г. Ордынское данничество этой земли было формально признано лишь въ концѣ 1245 г., когда Даниилъ Романовичъ долж-

шихъ и осуществлявшихъ въ своей дѣятельности одинаковую политическую программу, указано въ правдивомъ и жѣткомъ очеркѣ проф. Н. Н. Филевича (Борьба, 113—115).

¹⁾ Филевичъ, Борьба, 53.

былъ явиться къ хану на поклонъ, признать свою зависимость отъ него, съ обязанностью платить татарскую дань и вообще стать въ положеніе ханскаго „холопа“. Впрочемъ, на первыхъ порахъ замѣчалась нѣкоторая разница въ отношеніяхъ волинскихъ князей къ ордѣ сравнительно съ другими русскими князьями. На Волини и въ Галичинѣ дань татарскую собирали не ордынскіе баскаки, а сами князья; послѣдніе не ѣздили въ орду ни на поклонъ, ни за ярлыками на княженіе и пр. Выѣшательство татаръ въ галицко-волинскія дѣла началось лишь при Львѣ Даниловичѣ, впервые призвавшемъ татаръ въ Галицкую Русь. Съ этихъ поръ отношенія татаръ къ галицко-волинскимъ князьямъ подходятъ подъ общій типъ ордынской зависимости, какой въ то время подлежали вообще князья сѣверной и восточной Руси: „тогда бяхуть вси князи Русци в воли татарской покорени“¹⁾. По смерти послѣднихъ князей Даниловичей (Андрея и Льва), Узбекъ²⁾ присылаетъ въ Русь двухъ своихъ намѣстниковъ. Юрій-Болеславъ сѣлъ на галицкомъ столѣ не безъ согласія ханскаго³⁾. То же было, нужно полагать, и при назначеніи Любарта наслѣдникомъ всѣхъ владѣній будущаго его тестя, Андрея Юрьевича, волинскаго князя.

Отношенія Литвы къ татарамъ послѣ занятія Волинской земли сразу не могли установиться со всей точностью. Татарскій вопросъ на Волини и въ Галичинѣ, естественно, долженъ былъ опредѣлиться прежде всего борьбой, завязавшейся между Любартомъ и Казиміромъ изъ-за галицко-волинскаго наслѣдія. Татары, силою вещей, должны были принять въ этой борьбѣ сторону литовскаго князя: въ данномъ случаѣ интересы татаръ вполне совпадали съ интересами Любарта. Участвуя въ отпорѣ Казиміру, при первомъ его нападеніи на Галичину (въ 1340 г.), татары прежде всего охраняли свои права на Русскую землю. Союзъ Любарта съ татарами, порванный было на время, возобновленъ съ 1351 г. Татары въ это время дѣйствуютъ за одно съ литовцами: союзъ Ольгерда и Любарта съ татарами былъ вызванъ именно занятіемъ Галичины Казиміромъ³⁾.

Въ первомъ договорѣ литовскихъ князей съ Казиміромъ (1352 г.) въ полной силѣ проявляется ордынская зависимость Волинской земли, — зависимость эта имѣется въ виду обѣими сторонами, заключавшими

¹⁾ Ипат. лѣт., 588. См. *Андріяшевъ*, Очеркъ, 175, 185 — 187, 193. *Филевичъ*, Борьба, 49.

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 50.

³⁾ *Филевичъ*, Борьба, 101—102.

договоръ, — и литовскими князьями, и Казиміромъ. По договору 1352 г., „Руси *неволя* пойти и с татары“ въ случаѣ похода ихъ „на ляховъ“, отъ татарской „неволи“ освобождается русская сторона лишь въ случаѣ похода татаръ на Русь, которая короля „слушаетъ“¹⁾. Есть извѣстіе о томъ, что чрезъ три года послѣ упомянутого договора Казиміръ вынужденъ былъ признать себя ханскимъ данникомъ, именно въ силу обладанія Галичиной, считавшейся въ то время татарскимъ улусомъ²⁾.

Зависимость отъ татаръ Волынской земли, какъ и всей южной Руси, продолжалась до Синеводской побѣды Ольгерда надъ татарами. Правда, и послѣ того татары долго еще не перестаютъ считать всю южную Русь своимъ улусомъ, дѣлаютъ не разъ попытки (битва на р. Ворсклѣ 1399 г.) возстановить свои старыя права. Та-

¹⁾ Въ договорѣ 1352 г. говорится о зависимости Волынской земли, какъ отъ хана („царя“) Золотой Орды и его темниковъ („князей темныхъ“), такъ и отъ „татаръ“ орды Подольской. Отношенія къ „царю“ опредѣляются слѣдующей статьей договора 1352 г.: „а поидеть ли царь на ляхи, а любо князь темный, княземъ литовскимъ помагати, аже поидутъ на Русь, што короля слушаетъ, литовскимъ княземъ не помагати“. О правахъ Подольской орды на „Русь“ рѣчь идетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи условій договора 1352 г.: „аже поидутъ татарове на Львовскую землю, тогда Руси на львовьѣ не помагати; аже поидутъ татарове на ляхи, тогда Руси *неволя* пойти и с татары“. (А. З. Р., I, № 1). Смыслъ обѣихъ статей договора одинъ и тотъ же. Мѣстные князья, управлявшіе русскими землями въ качествѣ ордынскихъ подручниковъ, по основному началу ордынскаго права, несли обязательную „службу“, въ силу которой они должны были, по требованію хана, участвовать во всѣхъ татарскихъ походахъ; исключеніе изъ этого общаго правила допускалось только на случай военныхъ предпріятій татаръ въ русскихъ же земляхъ: въ такихъ случаяхъ татары обходились собственными силами, безъ участія въ предпріятіи зависѣвшихъ отъ татаръ русскихъ князей. Это-то основное правило татарскаго военнаго права, практиковавшееся вездѣ на Руси въ татарскую эпоху, и имѣли въ виду составители договора 1352 г.: Любартъ съ подымастной ему Русью, по этому договору, имѣетъ „неволю“ помогать татарамъ въ ихъ походахъ „на ляховъ“ и освобождается отъ такой „неволи“ въ случаѣ татарскихъ походовъ на Русь, которая „слушаетъ“ короля польскаго. Какъ извѣстно, въ пору составленія договора 1352 г. татары, сидѣвшіе въ Подолѣ, отложились уже отъ Золотой Орды, составляли самостоятельную Подольскую орду. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ нашего договора, раздѣленіе татарской орды не вліяло на уменьшеніе ордынской зависимости русскихъ земель. Зависимость эта только раздвоилась между золото-ордынскими „царемъ“ и его темниками, съ одной стороны, и татарскими „князьями“ Подольской орды — съ другой: русскіе одинаково были въ „неволѣ“ тѣхъ и другихъ.

²⁾ Филевичъ, Борьба, 52.

тарскій вопросъ окончательно порѣшенъ при Витовтѣ; съ тѣхъ поръ татары нерѣдко тревожили Русь своими набѣгами, но уже не заявляли на нее прежнихъ правъ, какъ на свой улусъ.

Перемиѣна отношеній южной Руси къ татарамъ послѣ Синеводской битвы сказалась въ послѣдовавшихъ затѣмъ договорахъ Казимира съ литовскими князьями 1366 г. и отдѣльно съ Любартомъ. Договоры эти были заключены послѣ Синеводской битвы; въ нихъ уже нѣтъ и помину о „неволѣ“ татарской. Обѣ договаривающіяся стороны, какъ видно, не только не рассчитывали на какой либо союзъ съ татарами, но именно должны были принимать мѣры противъ грозившихъ имъ въ одинаковой мѣрѣ татарскихъ набѣговъ. Съ этой именно цѣлью въ обоихъ договорахъ Казимира устанавливается для договаривающихся сторонъ взаимная обязанность помогать другъ другу противъ „непріятелей“, подъ которыми, какъ видно по всему, разумѣлись по преимуществу татары ¹⁾).

(Продолженіе слѣдуетъ)

Ф. Леонтовичъ.

¹⁾ Skarbiec, № 432. Arch. Sang., I, № 1. См. *Филевичъ*, Борьба, 102, 106, прим. 2.

ЗАМѢТКИ ПО ТАЦИТУ.

I.

Новое изданіе „Лѣтописи“ (Annales).

Подъ заглавіемъ „Замѣтки по Тациту“ автору нижеслѣдующихъ строкъ хотѣлось бы отъ времени до времени помѣщать въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* небольшіе этюды, касающіеся въ томъ или другомъ отношеніи произведеній Тацита, на сколько они вызываются болѣе или менѣе крупными явленіями текущей литературы по данному предмету. Произведенія великаго римскаго историка не перестаютъ выходить въ свѣтъ все въ новыхъ и новыхъ, иногда очень важныхъ, изданіяхъ, и имъ посвящаются все новыя и новыя, иногда очень крупныя, изслѣдованія. Предметомъ этихъ изслѣдованій служатъ то рукописи, въ которыхъ дошли большія и малыя его сочиненія, то источники, которыми онъ пользовался при составленіи своихъ трудовъ, то особенности его языка въ лексическомъ, грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, то вліянія другихъ писателей, дѣйствовавшихъ на образованіе тацитовскаго словоупотребленія и стила, то политическая, философская, нравственная и литературная стороны безсмертныхъ твореній римскаго историка, то установленіе и объясненіе текста этихъ послѣднихъ. Между тѣмъ въ нашей ученой литературѣ эти многочисленныя труды европейскихъ ученыхъ, не смотря на то, что они относятся къ первостепенному писателю, почти никогда не вызываютъ обсужденія и обыкновенно даже не обращаютъ на себя вниманія. Можно подумать, что великій историкъ, котораго такъ охотно изучали наши ученые въ прежнее время, совсѣмъ не пользуется сочувствіемъ наличнаго состава русскихъ филологовъ. Нѣкоторое движеніе въ сторону Тацита, вызванное—если мнѣ будетъ позволено на это указать—моимъ переводомъ его произ-

веденій (С.-Пб., 1886—1887) и вскорѣ затѣмъ совершенно остановившееся, показало, что среди новаго поколѣнія русскихъ филологовъ, которое выступило намъ на сцену, совсѣмъ нѣтъ специалистовъ по изученію Тацита въ какомъ бы то ни было отношеніи.... Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что заводить по временамъ рѣчь о Тацитѣ, говорить о выдающихся явленіяхъ текущей ученой литературы по его изученію не будетъ съ моей стороны трудомъ напраснымъ и далекимъ отъ дѣйствительныхъ потребностей русской науки.

Первымъ нашимъ этюдомъ должна быть рѣчь о новомъ изданіи *Лѣтописи* (Annales) Тацита, принадлежащемъ англійскому ученому и вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri. The Annals of Tacitus edited with introduction and notes by Henry Furneaux, M. A. (magister artium). Vol. I. Books I—VI. Oxford, 1884. Vol. II. Books XI—XVI, with a map. Oxford, 1891 (at the Clarendon Press).*

Я начинаю съ труда г. Генри Фюрно, во первыхъ, потому, что это самый крупный трудъ по Тациту, явившійся въ послѣднюю четверть столѣтія, а во вторыхъ, потому, что онъ обратилъ на себя наименьшее вниманіе въ русской ученой литературѣ. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что, съ одной стороны, этимъ капитальнымъ изданіемъ главнаго произведенія Тацита до сихъ поръ не запаслось ни одно наше большое книгохранилище (ни университетская, ни Императорская публичная бібліотека, ни бібліотека Академіи наукъ), а съ другой стороны, на него не было указаній ни въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ни въ *Филологическомъ Обзорѣ*, то-есть, въ изданіяхъ, въ которыхъ по преимуществу, если не исключительно, отражается филологическое движеніе въ Россіи, то можно даже думать, что ни одинъ изъ нашихъ филологовъ, не исключая и тѣхъ, которые писали рецензій на мой переводъ Тацита (на сколько онѣ попадали мнѣ на глаза), еще не ознакомился de visu съ этимъ изданіемъ. Наши филологи любятъ изданія нѣмецкія и обыкновенно съ ними имѣютъ дѣло въ своихъ работахъ, изрѣдка пользуются французскими и почти никогда англійскими, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда объяснительнымъ англійскимъ изданіямъ, какъ, напримѣръ, изданіямъ Персія и Ювенала, принадлежитъ неоспоримое первенство передъ всѣмъ другими новыми изданіями. Изданіе *Лѣтописи* Тацита, сдѣланное Фюрно, безспорно, послѣ Ниппердеева изданія, составившаго эпоху въ изученіи Тацита, есть самое важное изданіе нашего времени. Если Ниппердееву изда-

нію принадлежить авторитетъ труда первостепеннаго филолога, умѣвшаго послѣ столькихъ славныхъ предшественниковъ проявить мощную самостоятельность въ комментаріѣ и придавшаго своему труду руководящее значеніе почти на цѣлыхъ полстолѣтія, то изданіе Фюрно по обилію, разнообразію, полнотѣ, свѣжести и тщательной обработкѣ ученаго матеріала, по широтѣ, обстоятельности и цѣлесообразности объясненій является въ наши дни незамѣнимымъ и единственнымъ. Всѣ эти качества его мнѣ пришлось хорошо испытать при переводѣ первыхъ шести книгъ *Лѣтописи*: нѣтъ въ этихъ книгахъ, составляющихъ первый томъ изданія Фюрно, ни одного затруднительнаго мѣста, гдѣ бы роскошный комментарий англійскаго филолога оставилъ меня безъ помощи, и я глубоко сожалѣлъ, что былъ лишень его драгоценной поддержки при переводѣ остальныхъ книгъ *Лѣтописи*, такъ какъ второй томъ его изданія сильно запоздалъ своимъ выходомъ, появившись въ свѣтъ почти ровно восемью годами позже перваго.

Особенность изданія Фюрно заключается въ томъ, что оно не оставляетъ ни одного вопроса, поднимаемаго *Лѣтописью* Тацита, безъ разъясненія. На первый планъ выступаютъ при этомъ „Введенія“, которыми англійскій филологъ сопровождаетъ оба тома своего изданія и которыми онъ создаетъ такую блестящую обстановку творенію великаго римскаго историка, о какой намъ изданія нѣмецкихъ ученыхъ не могутъ дать и приблизительнаго представленія. Оба введенія составляютъ вмѣстѣ 299 страницъ (150+149), то-есть, имѣють размѣръ цѣлой ученой книги, и содержатъ въ себѣ не только все то, что служить содержаніемъ всякихъ введеній или предисловій къ изданіямъ древнихъ авторовъ, именно біографію писателя, характеристику его сочиненій, особенности его языка и стиля, но и то, безъ чего нѣмецкія изданія обыкновенно обходятся. Это будетъ видно, если мы укажемъ на отдѣльныя главы „Введеній“ Фюрно къ тому и другому тому изданія *Лѣтописи*.

Первая глава „Введенія“ къ первому тому (стр. 1—7) говоритъ о жизни и сочиненіяхъ Тацита и о медичейской рукописи (Cod. Med. I), единственной, въ которой дошли первыя шесть книгъ *Лѣтописи*. Во второй главѣ рѣчь идетъ о подлинности *Лѣтописи* (стр. 7—10). Разсужденіе объ этомъ предметѣ, котораго обыкновенно не касаются введенія къ Тациту, Фюрно счелъ нужнымъ поднять въ виду появившагося въ 1878 г. въ Лондонѣ трактата, приписываваго *Лѣтописи* перу Поджо Браччолини, ученаго XV столѣтія. Предметомъ третьей главы (стр. 10—19) послужилъ вопросъ объ источникахъ

свѣдѣній, какими могъ располагать Тацитъ для этого періода, и о цѣнности, какую могъ имѣть каждый изъ нихъ для историка. Здѣсь послѣ писателей, обыкновенно указываемыхъ въ исторіи римской литературы, куда относятся авторы какъ историческихъ сочиненій, такъ и мемуаровъ (между прочимъ, Тиберія, Клавдія и Агриппины Младшей), указываются *acta senatus* (иначе *acta patrum, commentarii senatus*), *acta populi* (*acta, acta publica, acta diurna urbis, diurna actorum scriptura, diurna populi Romani, libri actorum*), *commentarii principum*, кабинетскій журналъ императоровъ, изъ котораго можно было познакомиться съ секретной исторіей доносовъ, игравшихъ такую роль съ самаго начала имперіи ¹⁾, общественныя надписи (или, правильнѣе, надписи на общественныхъ памятникахъ), которыхъ въ то время было огромное количество, наконецъ преданіе, то-есть, разказы лицъ, старшихъ возрастомъ, на которые Тацитъ иногда прямо ссылается (Апп. III, 16), и ходившіе въ народѣ слухи, которые нашъ историкъ нерѣдко сообщаетъ своимъ читателямъ, иногда, впрочемъ, прямо указывая ихъ несостоятельность (Апп., IV, 10—11). Особую главу, *четвертую* (стр. 19—28), авторъ посвящаетъ интересному вопросу о томъ, какъ Тацитъ пользовался своими матеріалами, и какое вліяніе имѣли его идеи и мнѣнія на его манеру историческаго повѣствованія. Здѣсь онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на цѣль, какую себѣ поставилъ Тацитъ, принимаясь за исторію. Извѣстное мѣсто *Литоници* (III, 65), гдѣ великій историкъ объявляетъ главною задачею своего труда, *ne virtutes sileantur utque pravus dictis factisque ex posteritate et infamia metus sit*, даетъ англійскому филологу основаніе объявить этой цѣлю „возвышеніе общественной нравственности“. Далѣе онъ говоритъ о философскихъ взглядахъ Тацита и его фаталистической теоріи, объ его усиліяхъ добиться истины и сохранить безпристрастіе, о тенденціозности, въ которой упрекаютъ *Литонисъ*, объ общихъ недостаткахъ римской исторической критики, о политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ Тацита, о вліяніи на него сатирической тенденціи его вѣка. *Пятая* глава подробно (стр. 29—62) трактуетъ о синтаксисѣ и стилѣ Тацита, при чемъ обращается специальное вниманіе на *Литонисъ*. Авторъ старается выяснитъ не только особенности языка и слога, принадлежащія исключительно Та-

¹⁾ Только доступъ къ этому источнику былъ очень труденъ, какъ видно изъ отвѣта Домиціана, еще не государя, на вопросъ о допущеніи къ нему сенаторовъ. Тас. *Hist.* IV, 40.

циту, но и наиболѣ замѣчательныя изъ грамматическихъ и стилистическихъ явленій, которыя, хотя они были усвоены еще прежними писателями, употреблялись однако Тацитомъ съ особенною смѣлостью и свободой.

Послѣ этихъ предварительныхъ трактатовъ, которыми англійскій ученый готовится читателя съ литературной стороны къ чтенію Тацита, онъ старается ввести его въ политическую обстановку повѣствованія *Литотиси* и начинаетъ трактатомъ (глава *шестая*, стр. 62—84) о конституціи установленнаго Августомъ принципата. Главнымъ пособіемъ для этой работы служилъ автору II томъ Моммзенова „*Römisches Staatsrecht*“; но авторъ широко пользуется при этомъ своимъ знакомствомъ съ древними писателями и надписями, начиная съ главной изъ нихъ—*Monumentum Ancyranum*, которую онъ предпочитаетъ называть „Магнот Аncyранумъ“. За этимъ слѣдуетъ также большая глава, *седьмая* (стр. 85—111), гдѣ рѣчь идетъ объ общей администраціи и положеніи римскаго міра, то-есть, Рима, Італіи и провинцій, въ моментъ смерти Августа и въ продолженіе принципата Тиберія. Сюда вошли результаты трудовъ Марквардта (*Römische Staatsverwaltung*) и Фридендера (*Sittengeschichte Roms*). Входя, наконецъ, какъ бы въ самый разказъ Тацита, авторъ даетъ новую главу, *восьмую* (стр. 112—137), которую озаглавливаетъ: „Объ оцѣнѣ у Тацита характера и личнаго правленія Тиберія“, и въ которой разсматриваетъ жизнь Тиберія по Тациту, раздѣляя ее, сообразно съ историкомъ, на пять періодовъ, излагаетъ свидѣтельства о немъ другихъ древнихъ авторовъ и дѣлаетъ свое заключеніе. Какъ и по всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ беретъ во вниманіе литературу предмета, изъ которой онъ, не желая повторять имена указанныхъ у Ниппердея писателей, поименовываетъ только: проф. Beesly „*Catilina, Clodius and Tiberius*“ („London, 1878),—книгу, представляющую собой, по его словамъ, сильную защиту Тиберія, Исторію Дюрюи, уже не такъ восхваляющаго преемника Августа, неблагоклонную къ нему извѣстную книгу Гастона Буассье „*L'opposition sous les Césars*“ и рѣзкую въ своихъ нападкахъ еще болѣе извѣстную книгу Шампаньи „*Les Césars*“, но въ то же время рѣшительно заявляетъ о своемъ самостоятельномъ сужденіи, которое не въ пользу Тиберія. Оканчивается „Введеніе“ (глава *десятая*, стр. 137—150) изложеніемъ генеалогіи фамиліи Августа и кесарей Клавдіева дома, съ двумя таблицами и примѣчаніями къ нимъ.

Одинаковой величины и „Введеніе“ ко второму тому *Литотиси*

(149 стр.). Оно состоитъ изъ пяти главъ, изъ которыхъ *первая* (стр. 1—5) говоритъ о рукописяхъ, передавшихъ намъ вторую половину сохранившейся части *Лѣтописи*, то-есть, послѣднія шесть ея книгъ, хотя она и озаглавляется такъ: „О текстѣ этихъ книгъ и о второй Медичейской рукописи“ Авторъ сообщаетъ, что матеріалъ для этой главы ему доставили, главнымъ образомъ, предисловіе Байтера ко 2-му изданію Орелли и предисловіе Риттера къ его изданію 1864 г. О какомъ либо самостоятельномъ сличеніи рукописей онъ не упоминаетъ. *Вторая* глава (стр. 5—14) посвящена краткому изложенію событій, о которыхъ было разказано Тацитомъ въ потерянной части середины *Лѣтописи*, именно съ конца ея VI книги до начала XI-й. Авторъ излагаетъ главныя событія этого времени по консульствамъ, начиная съ 16-го марта 790 (37 г. по Р. Хр.), то-есть, со дня вступленія въ управленіе Калигулы, до начала 800 г. (47 г. по Р. Хр.), то-есть, до седьмого года правленія Клавдія или, точнѣе, до того его момента, когда, по интригамъ Мессалины, начался политическій процессъ противъ Валерія Азіатика. Обзоръ этотъ составленъ на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Светоніемъ, Діономъ Кассіемъ, Иосифомъ Флавіемъ и Филономъ, при чемъ, разумѣется, взяты во вниманіе новыя изслѣдованія, изъ которыхъ авторъ специально указываетъ на изслѣдованіе Лемана о Клавдіѣ: *Claudius und seine Zeit* (Leipz., 1877). Въ *третьей*, самой большой главѣ (стр. 14—95) разсматриваются взгляды Тацита на характеръ и правленіе Калигулы, Клавдія и Нерона. Все это изложено съ обычною у автора обстоятельностью и съ полнымъ знакомствомъ какъ съ данными, оставленными древностью, такъ и съ новыми изслѣдованіями. Изъ общихъ сочиненій новаго времени особенно часто цитуются Мериваль, Момизенъ (5-й томъ *Исторіи*), Фридендеръ („*Sittengeschichte*“) и Марквардтъ („*Staatsverfassung*“); изъ специальныхъ—упомянутое сочиненіе Лемана (для времени Клавдія) и Герм. Шиллера (для времени Нерона): *Geschichte des Römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero* (Berl. 1872). Вездѣ авторъ входитъ въ оцѣнку спорныхъ извѣстій, старается разъяснить встрѣчающіеся на дорогѣ темные пункты и опредѣлить степень достовѣрности повѣствованія великаго историка. Наконецъ, такъ какъ на время Клавдія и Нерона падаютъ большія войны на Востокѣ, именно въ Арменіи, гдѣ римская политика столкнулась съ парянскимъ могуществомъ, и завоеваніе Британіи, то англійскій издатель Тацитовой *Лѣтописи* счелъ удобнымъ снабдить „Введеніе“ ко второму тому еще двумя главами—*чет-*

вертою (стр. 96—126), въ которой рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Рима къ Парѣи и Арменіи со времени Августа до смерти Нерона, и *пятою* (стр. 126—149), которая прямо озаглавляется „Римское завоеваніе Британіи при Клавдіѣ и Неронѣ“. При обработкѣ первой изъ нихъ, авторъ, кромѣ V тома Исторіи Моммзена, имѣлъ подъ руками книгу Раулинсона: „Sixt great oriental Monarchy“ (Lond. 1873), изслѣдованіе Эгли „Feldzüge in Armentien“, напечатанное въ I томѣ „Untersuchungen zur Römischen Kaisergeschichte“ Бюдингера и служившее автору для хронологіи и географіи походовъ Корбулона, и трудъ проф. Перси Гарднера „Numismata orientalia“ (Lond. 1877), оказывавшій ему важныя услуги относительно хронологіи парейанскихъ царей. Въ послѣдней главѣ, представляющей исторію отношеній Рима къ Британіи отъ смерти Юлія Кесаря до времени Клавдія, ходъ завоеванія при Клавдіѣ и Неронѣ и положеніе провинціи въ концѣ Неронова времени автору, кромѣ V тома Моммзеновой Исторіи, служили больше другихъ трудовъ: Гюбнера „Das Römische Heer in Britannien“ (*Hermes*, XVI, 1881), его же примѣчанія къ VII тому *Corpus inscriptionum latinarum*, содержащему въ себѣ британскія надписи, и Rhys'a „Celtic Britain“ (London, 1882).

Этотъ рядъ помѣщенныхъ во „Введеніяхъ“ къ тому и другому тому отдѣльныхъ этюдовъ, которыми англійскій филологъ старался подготовить читателя къ чтенію *Лѣтописи* Тацита, представляетъ своего рода бібліотеку, куда изучающій Тацита можетъ обращаться для знакомства какъ съ фактическими данными, такъ и съ положеніемъ въ наукѣ по данному предмету вопросовъ, его интересующихъ.

Теперь перейдемъ къ тексту Тацита.

Текстомъ какъ для перваго, такъ и для втораго тома *Лѣтописи* послужилъ Фюрно текстъ изданій Гальма (Leipzig. 1877, 3-е изд., и 1883, 4-е изд.). Отступленія отъ Гальмова текста въ первомъ томѣ незначительны. Такихъ мѣстъ всего шесть: I, 11,1: *varia edisserebat* вм. *varie disserebat*; II, 43,5 *insectandi* вм. *insectant*; IV, 12,6 *atque haec* вм. *agitque haec*; 71,5 *opperiretur* вм. *aperirentur* (какъ и въ рукописи); VI, 11,5 *viginti per annos* (какъ въ рукописи) вм. *quindecim per annos*; 12,2 *per magistros* вм. *per magistrum*. Но въ трехъ изъ этихъ случаевъ (во 2-мъ, 3-мъ и 6-мъ) 4-е изданіе Гальма даетъ текстъ уже согласно исправленію англійскаго издателя. Во второмъ томѣ несогласій съ текстомъ Гальма гораздо больше (въ 32-хъ мѣстахъ). Мѣста несогласія слѣдующія: XI, 24,11 *plebeji* вм. *plebei*, какъ 2-я медичейская рукопись; XII, 25,3 *in eundem... modum* вм.

eundem in... modum; 31,2 + cunctaque castris Antonam et Sabrinam fluvios вм. cunctaque castris Avonam *inter* et Sabrinam fluvios; 32,2 in Decangos вм. in Ceangos; 44,5 potentiae promptum, какъ Линсей, Орелли и Риттеръ, вм. potentiae promptae, что ближе къ медицинской рукописи (prompte); 60,3 proinde вм. perinde; 68,2 dolore victa вм. dolore evicta; XIII, 17,2 plerique etiam, какъ и медицинская рукопись, вм. plerique tamen, какъ Гейнзий; 21,3 proinde вм. perinde; 21,9 nec de beneficiis, какъ Ниппердей, вм. nec beneficiis; 34,5 illud magis вм. illud magis *ut*; 47,4 proinde вм. perinde; 56,6 hostes, in alieno вм. hostes in alieno; XIV, 7,2 quos expurgens statim acciverat incertum an вм. quos statim acciverat, incertum, experiens an; 10,5 poenas вм. poenam, какъ медицинская рукопись; 26,3 pars Armeniae вм. partes Armeniae; 31,4 Trinovantibus вм. Trinobantibus; 40,4 sociis вм. ascitis; 43,4 ut quem вм. at quem; 56,6 gravioribus jam ludibriis вм. gravioribus tum ludibriis; 60,6 his... tamquam Nero paenitentia flagitii вм. his... Nero, tamquam paenitentia flagitii; XV, 9,1 ballistis вм. ballistis, какъ медицинская рукопись; 21,3 et maneat provincialibus potentiam suam tali modo ostentandi вм. et maneat provincialibus jus potentiam suam tali modo ostentandi; 28,2 Corbuloni non vitatus вм. Corbuloni non vitavit; 43,1 Ceterum urbis quae domui supererant вм. Ceterum urbis quae domus perierant; 44,6 aut flammandi, atque вм. aut flamma usti, alitque; 45,6 persimplici victu вм. per simplicem victum; 51,1 accendere et arguere вм. accendere et urguere; 55,1 quae audierat conjectaverat docet вм. quae audierat *aut* conjectaverat, docet; 58,3 laetatum erga conjuratos вм. clam actum erga conjuratos; 68,3 in crimine traheretur вм. in crimen attraheretur XVI, 12,3 Iunius вм. Iulius; 26,3 quem perornavisset вм. quem semper ornavisset.

Если мы прибавимъ къ этому, что Фюрно не послѣдовалъ за Гальмомъ въ перемѣнѣ заглавія и удержалъ заглавіе *Annales*, и что каждая глава у него, кромѣ обычнаго въ изданіяхъ счета строкъ по пяткамъ, имѣетъ, въ видахъ облегченія справокъ, свое особое подраздѣленіе, каковое мы и отмѣчали въ только-что приведенныхъ мѣстахъ, представляющихъ отступленіе отъ Гальмова текста, то нами сказано все, касающееся вида, въ какомъ является у Фюрно текстъ важнѣйшаго произведенія Тацита.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ англійскаго издателя, текстъ *Литотипси* снабженъ богатымъ комментариемъ. Комментарій этотъ чисто англійскаго характера. Онъ широкъ на столько, чтобы не оставить

ни одного, требующаго вниманія, мѣста безъ объясненія со стороны ли формы слова, со стороны ли его особеннаго значенія, или по отношенію къ даннымъ хронологическаго, историческаго, географическаго и вообще такъ называемаго реального свойства. Но при этомъ онъ составленъ такъ, чтобъ въ немъ не было ничего лишняго, не служащаго къ дѣйствительному разъясненію текста, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы въ немъ было все, что нужно и безъ чего пониманіе мѣста было бы не полно и не отчетливо. Это не есть *commentarius perpetuus*, гдѣ ничего не оставлено безъ такого или другаго истолкованія, каковъ комментарий въ изданіяхъ Руперти; но и не такъ сказать, отрывочный комментарий новѣйшихъ нѣмецкихъ изданій. гдѣ обращается вниманіе на то или другое слово, на ту или другую фразу не потому, чтобы именно отъ краткаго поясненія этого слова или этой фразы зависѣло вѣрное пониманіе текста въ данномъ мѣстѣ, а потому, что толкователь выбираетъ для поясненія лишь то, что требуетъ поясненія съ его (а не читателей) точки зрѣнія. Таково, напримѣръ, Дрэгерово изданіе *Лѣтописи* Тацита, комментарий къ которому, не смотря на его авторитетность, совсѣмъ недостаточенъ для школы (изданіе Дрэгера называется „*Schulausgabe*“), если только въ школѣ требуется не поверхностное пониманіе Тацита. Образцовымъ нѣмецкимъ изданіемъ *Лѣтописи* Тацита по отношенію къ комментарию служить изданіе Ниппердея. Но изданіе Фюрно далеко превосходитъ полнотой—не въ смыслѣ пространности, а въ смыслѣ обилія объясненій—это прекрасное и дѣйствительно образцовое по авторитетности объяснительныхъ данныхъ изданіе, будучи богаче его и параллельными мѣстами, и новыми данными, заимствованными изъ специальной литературы. Переводъ Тацита въ то время, когда втораго тома изданія Фюрно еще не было, я сразу почувствовалъ, какого важнаго пособія я лишился, начиная съ XI книги *Лѣтописи*. Но при этомъ обилія объясненій изданіе Фюрно отличается такою точностью приводимыхъ данныхъ и осмотрительностью въ ихъ приведеніи, какъ и самыя строгія въ научномъ отношеніи изданія при ихъ меньшемъ объемѣ и содержаніи.

Но какъ ни обширны „Введенія“, составленныя Фюрно къ обоимъ томамъ изданной имъ *Лѣтописи*, какъ ни очевиденъ исчерпывающій характеръ его комментарія, всѣмъ этимъ однако не ограничился англійскій ученый, чтобъ доставить своимъ читателямъ возможно обстоятельное знакомство съ Тацитомъ и возможно точное его пониманіе. Онъ прибавилъ къ комментарию еще нѣсколько особыхъ дополненій

(appendices), которыя помѣстилъ вслѣдъ за нѣкоторыми изъ книгъ *Литониси*. Такъ, ко II-й ея книгѣ приложенъ отрывокъ въ 22½ стиха изъ поэмы Педона Альбинована, приводимый риторомъ Сенекой (Suas. I, 14), въ которомъ идетъ рѣчь о крушеніи въ Нѣмецкомъ морѣ флота Германника, везшаго римскихъ солдатъ послѣ побѣды ихъ на сѣверѣ Германіи, о чемъ разказано у Тацита въ *Апп.* II, 23—24. Приведеніемъ этого отрывка англійскій издатель хотѣлъ представить образчикъ современнаго событію литературнаго матеріала, которымъ могъ воспользоваться Тацитъ въ своемъ описаніи несчастія, постигшаго побѣдоносное войско. Къ III-й книгѣ, въ которой (гл. 25—28) говорится объ извѣстномъ законѣ противъ безбрачія, *lex Papia Poppaea*, Фюрно, послѣ замѣтки относительно поводовъ къ закону *de maritandis ordinibus* и его исторія, привелъ по Гейнекцію сохранившіеся отрывки этого важнаго законодательнаго акта времени Августа. За V-ю книгой или, лучше, за отрывкомъ въ 5 главъ, ее представляющимъ, слѣдуетъ „appendix“, въ которомъ излагаются вкратцѣ событія, разказанныя въ потерянной части этой книги. Точно также сдѣланы три приложения и къ книгамъ втораго тома. Первое—къ XI-й книгѣ, въ которомъ данъ сохранившійся въ Лионѣ на бронзовой таблицѣ отрывокъ рѣчи Клавдія въ пользу дарованія заальпійскимъ галламъ (*Gallia Comata*) права на занятіе почетныхъ должностей въ Римѣ и сравненіе текста подлинной рѣчи съ перифразомъ Тацита (гл. 24). Второе приложение сдѣлано къ XV-й книгѣ, къ поясненію ея 44 главы, содержащей въ себѣ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ всей *Литониси*, именно разказъ о преслѣдованіи Нерономъ христіанъ послѣ знаменитаго римскаго пожара 64 г. по Р. Хр. Приложение это такъ и озаглавивается: „О Нероновомъ преслѣдованіи христіанъ“, при чемъ авторъ выставляетъ, какъ главное пособие, специальное изслѣдованіе К. Ф. Арнольда: „*Die Neronische Christenverfolgung*“ (Leipz. 1888). Третье приложение сдѣлано къ XVI-й книгѣ. Оно заключаетъ въ себѣ лишь краткое изложеніе событій, о которыхъ говорилось въ потерянной части этой книги и которыя должны были заключиться смертію Нерона и вступленіемъ въ управленіе Гальбы. Наконецъ, въ интересахъ ближайшаго пониманія текста Тацита, ко второму тому приложена карта Арменіи съ прилежащими къ ней странами. Все изданіе заключается двумя указателями, изъ которыхъ первый есть „историческій указатель къ тексту“, а второй есть указатель къ „Введеніямъ“, приложениямъ и примѣчаніямъ.

Предыдущими строками, можно надѣяться, дано достаточное понятіе о характерѣ оксфордскаго изданія *Лѣтописи* Тацита. Читатель знаетъ теперь, чѣмъ по своему плану и составу это изданіе отличается отъ другихъ ученыхъ изданій знаменитаго римскаго историка. Но все-таки мы обрисовали характеръ изданія лишь общими чертами, почти совсѣмъ не останавливаясь на его внутреннихъ подробностяхъ. Мы указывали, правда, на то, какими, сверхъ основныхъ матеріаловъ, учеными пособіями пользовался англійскій филологъ, въ обработкѣ того или другаго вопроса, привели также отступленія въ даваемомъ имъ текстѣ Тацита отъ текста извѣстнаго критическаго изданія Гальма, но еще не входили ни въ какія подробности относительно того, какъ Фюрно обращается съ самимъ текстомъ Тацита, какъ онъ объясняетъ его своимъ читателямъ. Показать это необходимо хотя бы на одномъ примѣрѣ.

Примѣра этого искать нечего: въ настоящую минуту онъ самъ собою навязывается.

Въ русскихъ ученыхъ кружкахъ недавно было возбуждено довольно живое вниманіе къ одному ученому спору. Споръ этотъ происходилъ въ Кіевѣ на страницахъ тамошнихъ ученыхъ изданій: *Трудовъ Кіевской Духовной Академіи* и *Университетскихъ Извѣстій*. Поводомъ къ нему послужила публичная лекція профессора Кулаковскаго, одного изъ представителей классической филологіи въ университетѣ св. Владимира, на тему, озаглавленную имъ такъ: „Христіанство и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ“. Лекція была читана въ декабрѣ 1891 года и тогда же появилась въ мѣстномъ органѣ университетской науки, равно какъ и вышла отдѣльной брошюрой, помѣченной 1892 годомъ. Лекція, въ которой отвергалось гоненіе римскою властью христіанства, какъ религія, и высказывалось, что „принципъ религіозной нетерпимости проведенъ былъ въ государственный строй *христіанскими* императорами древняго Рима“ и что до этого принципа древній міръ „не могъ дойти безъ помощи христіанства“, — не могла найдти сочувствія въ средѣ русскихъ богослововъ и лицъ, специально занимающихся исторіей церкви, хотя лекторъ и являлся въ данномъ случаѣ представителемъ направленія, господствующаго въ современной наукѣ. Въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи* 1892 г. появилась рѣзкая полемическая статья, въ которой на 214 страницахъ доказывалась съ одной стороны неправильность взгляда университетскаго лектора, съ другой — полное незнакомство его съ

предметомъ, которому посвящена была лекція. Проф. Кулаковскому приходилось защищаться, защищаться не только какъ лицу, трактовавшему на тему, не входящую въ кругъ его ближайшихъ занятій, но и какъ филологу, неправильно передававшему по-русски латинскіе тексты. Защищаясь, онъ въ свою очередь также дѣлалъ нападенія, въ которыхъ указывалъ и на то, что противники его незнакомы съ новыми изданіями древнихъ текстовъ, относящихся къ процессамъ древнихъ мучениковъ, къ *acta martyrum*, и на невѣрное пониманіе мѣстъ языческихъ писателей, говорившихъ о христіанахъ. Сюда главнымъ образомъ относится 44-я глава XV-й книги *Лѣтописи* Тацита, въ которой идетъ рѣчь о жестокихъ казняхъ, на какія были осуждены и какимъ подверглись христіане по случаю римскаго пожара. На этомъ пунктѣ мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что 44-я глава XV-й книги Тацитовой *Лѣтописи* принадлежитъ къ интереснѣйшимъ мѣстамъ Тацита по исторической важности сообщаемыхъ въ ней данныхъ.

Для ясности дѣла приведемъ это мѣсто въ нѣкоторой полнотѣ.

Сказавъ о томъ, что никакія, принятія Нерономъ, мѣры не могли отклонить народъ отъ подозрѣнія, что страшный пожаръ, опустошившій большую часть Рима, произошелъ по повелѣнію самого императора (non... *decedebat infamia, quin jussum incendium crederetur*). Тацитъ продолжаетъ: „*Ergo abolendo rumori Nero subdidit reos et quæsitissimis poenis adfecit, quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat. Auctor nominis ejus Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pontium Pilatum supplicio adfectus erat; repressaque in præsens exitiabilis superstitio rursum erumpebat, non modo per Judæam, originem ejus mali, sed per urbem etiam, quo cuncta undique atrocita aut pudenda confluent celebranturque. Igitur primum correpti qui fatebantur, deinde indicio eorum multitudo ingens haud profunde in crimine incendii, quam odio humani generis convicti sunt*“. Слѣдуетъ повѣствованіе объ изысканныхъ казняхъ, возбудившихъ, по замѣчанію историка, въ населеніи жалость къ жертвамъ жестокаго тирана.

Въ виду необыкновенной исторической важности приведеннаго мѣста, легко понять, что оно съ давнихъ поръ тщательно изучалось историками церкви, историками римской имперіи и филологами, занимавшимися Тацитомъ. Каждое слово его извѣшивалось, оцѣнивалось—одно въ историческомъ, другое въ юридическомъ, третье въ религіоз-

номъ, четвертое въ грамматическомъ или стилистическомъ отношеніяхъ, не говоря уже о филологической критикѣ самаго текста, дошедшаго до насъ не въ безукоризненной правильности. Но въ общемъ и богословы, и историки, и филологи всегда были согласны въ пониманіи какъ историческаго значенія, такъ и смысла столь важнаго мѣста. Если исключить Гиббона, допускавшаго, что Тацитъ перенесъ на христіанъ времени Нерона предубѣжденія того времени, когда онъ писалъ, то-есть Траянова (по Гиббону, Адрианова, что не правильно) и что пострадали при этомъ іудеи зилоты, а не христіане, то можно сказать, что до нашей поры въ ученой средѣ не обнаруживалось въ пониманіи мѣста Тацита о Нероновомъ гоненіи на христіанъ почти никакого существеннаго разногласія. Такое разногласіе было внесено въ этотъ вопросъ съ исторической и филологической точки зрѣнія лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ однимъ нѣмецкимъ историкомъ, и хотя стараніе этого историка обезсилить мѣсто Тацита не произвело замѣтнаго вліянія ни среди историковъ, ни среди филологовъ, ни тѣмъ паче среди богослововъ, все-таки нельзя отрицать, что въ наше время не существуетъ одинаковаго пониманія мѣста Тацита о преслѣдованіи христіанъ Нерономъ послѣ римскаго пожара 64 г. по Р. Хр. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что несогласіе по отношенію къ означенному мѣсту проявилось и въ кievскомъ спорѣ. Кіевская академія въ лицѣ своего полемиста понимала это мѣсто по старому; проф. Кулаковскій—по новому. Старое толкованіе—то, которое установлено историками церкви и первоклассными филологами; новое принадлежитъ посредственному историку Римской имперіи, выступившему въ данномъ случаѣ и въ качествѣ филолога.

Въ 1872 году вышла въ Берлинѣ книга г. Германа Шиллера подъ заглавіемъ „Geschichte des Römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero“. Авторъ этой книги, очень учено написанной, хотя и не лишенной грубыхъ географическихъ и историческихъ ошибокъ, на которыя ему было тогда же указано критикой¹⁾, принялъ на себя не очень лестную задачу нападать на Тацита и защищать Нерона. Онъ утверждалъ, что никакого гоненія на хри-

¹⁾ См., напримѣръ, рецензію Ниссена въ *Historische Zeitschrift* 1874, гдѣ на стр. 336 указывается на то, что г. Шиллеръ отнесъ понтийскія болота къ устью Тибра и приписалъ городу Помпеямъ греческое происхожденіе.

стіанъ со стороны Нерова не было, что Нерону, у котораго, по его словамъ ¹⁾, „всегда было слишкомъ открытое для страданія и радости народной массы сердце“, не было нужды оправдываться отъ обвиненія въ поджогѣ, которое было взведено на него впервые участниками Пизонова заговора, что народъ самъ, какъ это всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ, искалъ поджигателей, но что такими всего естественнѣе могли ему показаться ненавидимые восточные люди (*die Orientalen*), многие изъ которыхъ содержали свои заведенія у Большаго цирка, гдѣ и начался пожаръ, что между этими восточными людьми могли быть и христіане, на которыхъ могли сдѣлать доносы іудейскіе фанатики, а также и отпавшіе отъ христіанства его прежніе послѣдователи, въ видахъ возстановленія своей репутаціи между римлянами, что собственно о христіанствѣ тутъ и не думали, да и самое имя христіанъ въ это время было въ Римѣ неизвѣстно, что христіанство даже и не существовало еще какъ особое вѣроисповѣданіе (*keine eigentliche Confession*), что, наконецъ, Тацитъ, какъ и Светоній, также говорившій (*Nero*, 16) о казняхъ христіанъ при Неронѣ, перенесли представленіе о христіанахъ, относящееся уже ко II вѣку, на время Нерона. Что же касается до изысканнѣйшихъ казней, о которыхъ говоритъ Тацитъ, то въ нихъ нѣтъ ничего новаго, а высказанная будто бы народомъ къ несчастнымъ жертвамъ нероновой тиранніи жалость есть не болѣе какъ выдумка Тацита, который при этомъ имѣлъ лишь одну цѣль—*„den Nero zu belasten“*. Такого рода сужденія, поражающія своею смѣлостью и безцеремонностью обращенія съ положительными свидѣтельствами, полныя натяжекъ и ничѣмъ не оправдываемаго произвола, г. Шиллеръ старался развить и подкрѣпить въ особой статьѣ, помѣщенной имъ подъ заглавіемъ *„Ein Problem der Tacituserklärung“* въ *„Commentationes philologicae“*, изданныя въ 1877 году въ честь Моммзена почитателями послѣдняго. Тамъ, стараясь особенно доказать, что въ фразѣ Тацита *qui fatebantur* не можетъ быть рѣчи объ исповѣданіи вѣры, онъ самымъ рѣзкимъ образомъ оспариваетъ фактъ извѣстности имени христіанъ римскому народу при Неронѣ, называя это сообщеніе римскаго историка (*quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat*) его „собственной прибавкой и анахронизмомъ“.

¹⁾ Стр. 431 указанного сочиненія: „Nero hat stets für Leid und Freud' der Menge ein nur zu offenes Herz; wie liesse es sich erklären, dass er solch unsägliches Unglück über dieselbe brachte“?

Шедшія въ разрѣзъ съ положительными свидѣтельствами двухъ авторитетныхъ языческихъ писателей (Тацита и Светонія), которые прямо говорили о гоненіи на *христіанъ*, а не на восточныхъ людей, съ ясными указаніями древнѣйшихъ (I и II вѣка) христіанскихъ писателей (Климента Римскаго и Мелитона, епископа Сардскаго) ¹⁾, не говоря вообще о христіанскомъ преданіи, всегда считавшемъ Нероновы казни первымъ римскимъ гоненіемъ, чрезчуръ развязныя заявленія Герм. Шиллера встрѣчены были съ одной стороны живѣйшими возраженіями, съ другой — молчаливымъ отрицаніемъ; но не остались также и безъ послѣдователей. Особенно живыя, но вѣстѣ съ тѣмъ и серьезныя возраженія были высказаны противъ нихъ въ Зибелевомъ *Historische Zeitschrift* 1874 г. историкомъ церкви Гольцманомъ (р. 1 слд.) и извѣстнымъ филологомъ и специалистомъ въ дѣлѣ знакомства съ текстами римскихъ историковъ Гейнр. Ниссеномъ (р. 333 слд.) и въ *Zeitschrift für deutsche Theologie* 1876 года (р. 266 слд.) историкомъ первоначальной церкви Вейцзеккеромъ. Ни одинъ изъ этихъ выдающихся ученыхъ не нашелъ возможности принять и его филологическихъ толкованій, но всѣ (прямо Ниссенъ и Вейцзеккеръ) заявляютъ, что подразумеваемое дополненіе къ фразѣ *qui fatebantur* можетъ быть *se Christianos esse* ²⁾, а не *se incendium fecisse*, какъ понимаетъ Шиллеръ „nach allen Gesetzen der Interpretation“, по его бойкому выраженію. Оставлены были безъ вниманія филологическія толкованія Шиллера крупными филологами, комментаторами Тацита: Ниппердеемъ и Дрэгеромъ, переиздателемъ Ниппердеевскаго изданія *Latinitas*, также специалистомъ по Тациту, Андре-

¹⁾ См. объ этомъ между прочимъ въ изслѣдованіи К. Франклина Арнольда „Die Neronische Christenverfolgung“ (Leipz. 1888), р. 34 слд.

²⁾ Не излишне будетъ привести здѣсь нѣсколько словъ изъ статьи Ниссена: „Der Verf. (то-есть, Шиллеръ) ist geneigt das Ereigniss als relativ harmlos anzusehen: wir müssen uns aber auch hier auf Schritt und Tritt gegen die philologische und historische Interpretation erklären, welche er von dem Bericht des Tacitus giebt“ (р. 339—340). Къ этому мѣсту Ниссенъ дѣлаетъ выводъ: „Zu correpti qui fatebantur kann nur ergänzt werden *se Christianos esse*. Dies Geständniss oder was gleichbedeutend das Bekenntniss einer exitiabilis superstitio war in den Augen des Tacitus und seiner Zeitgenossen ein Capitalverbrechen. Man vergesse ausserdem nicht, dass die Strafgewalt des Kaisers gegenüber Provinzialen rechtlich weder durch Schranken eingeengt noch an bestimmte Formen gebunden ist“...

зеномъ, иностранными комментаторами Тацита—Жакобомъ, Фюрно и др. Послѣдовали за Шиллеромъ въ толкованіи фразы *qui fatebantur* изъ комментаторовъ Тацита третъестепенный филологъ Пфигнеръ, обнаруживающій вообще въ толкованіи Тацита не мало страннаго, изъ богослововъ Кеймъ и Арнольдъ (если онъ богословъ). Это-же толкованіе вошло и въ „*Lexicon Taciteum*“ Гербера и Грѣфа (Greef)¹⁾. Къ числу немногихъ, принявшихъ его, принадлежить, какъ оказалось, и г. Кулаковскій.

Никто, разумѣется, не можетъ отрицать права у ученаго приставать къ тому или другому чужому мнѣнію, если онъ не могъ составить себѣ собственнаго мнѣнія. Но въ то же время отъ него требуется по меньшей мѣрѣ уваженіе и къ мнѣніямъ другихъ ученыхъ, особенно такимъ, которыя пахотятъ себѣ опору въ наиболѣе признанныхъ авторитетахъ науки. Кто до сихъ поръ представлялъ собой наибольшій авторитетъ въ толкованіи *Innotuisci* Тацита? Ниппердей и Дрэгерь. Какъ же объясняетъ *qui fatebantur* Ниппердей? Вотъ какъ: „*qui fatebantur*, die sich öffentlich dazu bekannten, aus ihrer Ueberzeugung kein Hehl machten, freiwillig, nicht infolge einer Untersuchung, wie *corrupti* zeigt. Ebenso XI. 1 *fateri gloriamque facinoris ultro petere*“. Теперь, какъ объясняетъ то же выраженіе Дрэгерь, первѣйшій знатокъ языка Тацита, авторъ капитальнаго труда „*Ueber Syntax und Stil des Tacitus*“ и еще болѣе извѣстнаго труда *Historische Syntax der lateinischen Sprache* (въ 4 частяхъ)? Вотъ какъ: „*qui fatebantur*, von dem religiösen Bekenntniss, bei Plin. I. I. *confitentes*“. Между тѣмъ г. Кулаковскій, нападая на своихъ противниковъ за то, что они понимаютъ *qui fatebantur* не согласно съ Шиллеромъ (а согласно съ смысломъ мѣста и толкованіемъ важнѣйшихъ филологическихъ авторитетовъ), высказывается такимъ образомъ: „Мнѣ не за чѣмъ отъ себя возражать на это неправильное, *противорѣчащее грамматикѣ и стилистикѣ*(?), толкованіе словъ Тацита. *Всякому, привыкшему читать латинскихъ авторовъ и не чуждому знакомства съ Тацитомъ, ясно, что въ фразѣ: igitur primum corrupti, qui fatebantur, къ послѣднему глаголу слѣдуетъ дополнить не se Christianos esse, какъ представляетъ смыслъ этой фразы мой антагонистъ, а crimen*

¹⁾ Полагаю, что я перчислилъ всѣхъ извѣстныхъ послѣдователей Шиллера въ данномъ пунктѣ.

или incendium⁴(?) ¹⁾. Выходить, что даже Ниппердей, даже Дрэггеръ, даже Андресенъ, даже Ниссенъ и извѣстные историки христіанской церкви Ренанъ, Гольцманъ, Вейцзеккеръ—что ужъ говорить о кievскомъ „антагонистѣ“!—не имѣютъ никакого знакомства съ Тацитомъ и совсѣмъ не привыкли читать по-латыни... Такъ, по крайней мѣрѣ, въ пылу своей полемики смотреть на дѣло кievскій профессоръ. Какія же онъ приводитъ основанія для своего толкованія? Да никакихъ, ровно никакихъ, кромѣ того, что такъ толкуетъ Шиллеръ. Чтобы придать, однако, сколько-нибудь вѣса своему совершенно голословному отрицанію толкованія авторитетныхъ филологовъ, онъ, заявивши, что „таково единственно возможное для филолога, а стало быть и для историка, толкованіе этого мѣста“, ссылается на бывшій „лѣтъ 15 тому назадъ“ споръ изъ-за этого мѣста въ средѣ германскихъ ученыхъ, споръ, окончившійся будто бы побѣдой толкованія, предлагаемаго Шиллеромъ и принятаго имъ, г. Кулаковскимъ. Но кто же въ этомъ спорѣ поддерживалъ Шиллера? Г. Кулаковскій приводитъ какъ участниковъ спора, кромѣ самого Шиллера, только Гольцмана и Ниссена. Но вѣдь и Гольцманъ и Ниссенъ были *противники*, а не защитники Шиллера. Быть не можетъ, чтобы это было не извѣстно г. Кулаковскому. А если такъ, то гдѣ же въ ссылкѣ на этотъ споръ доказательство торжества Шиллера? Можно ли до такой степени увлекаться въ полемикѣ? Впрочемъ, въ принятіи Шиллерова толкованія г. Кулаковскій у насъ стоитъ, повидимому, не одиноко. Въ выноскѣ на той же страницѣ онъ ссылается на рецензію моего перевода Тацита, напечатанную въ *Филологическихъ Запискахъ* 1890 г. профессоромъ Зѣлинскимъ, котораго онъ тутъ же аттестуетъ „однимъ изъ авторитетныхъ нашихъ классиковъ“, и который, какъ отсюда можно заключить, одинаковаго мнѣнія съ профессоромъ Кулаковскимъ. На сколько сильна поддержка, оказанная Шиллеру профессоромъ Зѣлинскимъ, сказать не могу, такъ какъ рецензію его на мой переводъ Тацита не читалъ, но что она не могла быть очень сильною, въ этомъ для меня уже по сущности самого дѣла не можетъ быть сомнѣнія.

Теперь возвратимся къ Фюрно.

¹⁾ Христіанская церковь и римскій законъ и пр. Отвѣтъ на „Нѣсколько замѣчаній“, помѣщенныхъ въ *Трудахъ Кievской Духовной Академіи*. Кievъ, 1892, стр. 26. Дѣлаю ссылку на отдѣльный оттискъ, такъ какъ лишь этотъ послѣдній находится у меня подъ руками.

Англійскій издатель разбираетъ вопросъ о Нероновомъ гоненіи на христіанъ въ специальномъ приложеніи къ XV книгѣ *Литотисис*, какъ объ этомъ было сказано выше. Но намъ нѣтъ нужды входить въ обсужденіе этого вопроса во всей цѣлости; мы должны лишь указать, какъ толкуетъ Фюрно спорныя мѣста Тацитава разказа. Но и тутъ мы ограничимся двумя мѣстами: *quos per flagitia in visos vulgus Christianos appellabat* и *igitur primum correpti qui fatebantur*, около которыхъ по преимуществу вертится полемика Шиллера, извратившая значеніе Тацитава разказа о Нероновомъ гоненіи на христіанъ и нашедшая, какъ мы видѣли, у насъ себѣ сочувствіе.

Vulgus Christianos appellabat. Фюрно не находитъ основаній даже вступать въ полемику съ Шиллеромъ относительно того, что будто бы имя христіанъ не было извѣстно во время Нероновыхъ казней 64 г. по Р. Хр., и что сообщеніе Тацита объ этомъ есть „анахронизмъ“¹⁾. Онъ прежде всего замѣчаетъ, что Тацитъ хочетъ сказать, что сами христіане еще не называли себя этимъ именемъ, но что они уже такъ назывались среди простаго народа. При этомъ дѣлается ссылка на Приложение, о которомъ по отношенію къ данному мѣсту мы скажемъ ниже. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на происхожденіе имени христіанъ изъ Антиохіи съ ссылкой на *Дѣянія Апостольскія* XI, 26, гдѣ дѣйствительно прямо говорится, что ученики Варнавы и Савла въ первый разъ стали называться христіанами (*ἡρτημένοι τε πρῶτον ἐν Ἀντιοχείᾳ τοὺς μαθητὰς Χριστιανοίς*). Указываемое въ *Дѣяніяхъ Апостольскихъ* происхожденіе имени христіанъ Фюрно сопоставляетъ съ мѣстомъ Свиды (*Χριστιανοί*), гдѣ имя христіанъ приводится въ связь съ назначеніемъ туда ап. Петромъ въ управители церкви Эводія, и говорится, что при немъ послѣдователи Христа, называвшіеся прежде назареянами и галилеянами, стали называться христіанами, а это назначеніе Эводія относится по Иерониму (Примѣч. къ хроникѣ Эвсевія) къ 798, то-есть, къ 45 году по Р. Хр. Приведши эти положительныя свидѣтельства въ кратчайшей формѣ (въ моемъ изложеніи распространенной), Фюрно ограничивается далѣе въ примѣчаніи къ разбираемому

¹⁾ Вслѣдъ за Шиллеромъ и проф. Кулаковскій повторяетъ: „Это утвержденіе Тацита есть очевидный (?) анахронизмъ, ибо въ ту пору имя Христіанъ не было извѣстно римской черни“ (тамъ-же, стр. 25) Можно подумать, что у г. Кулаковского, такъ снѣло вступающаго въ бой съ Тацитомъ, находится цѣлый арсеналъ аргументовъ въ запасѣ. Но къ удивленію, у него нѣтъ ничего, кромѣ ссылки на Шиллера, и при томъ самой скромной: „*Schiller, Ein Problem der Tacituserklärung*“, при чемъ нѣтъ даже указанія страницы.

мѣсту лишь заявленіемъ, что образованіе *Christianus* отъ *Christus* стоитъ въ согласіи съ употребленіемъ такого словообразованія въ латинскомъ языкѣ (*Augustiani*, какъ въ *App. XIV, 5, Tertullianus* и др.), хотя вмѣстѣ съ Арнольдомъ и допускаетъ возможность происхожденія этой формы отъ азіатскихъ грековъ, у которыхъ окончаніе—*ανος* было употребительно для обозначенія имени членовъ партій или послѣдователей чьего-либо ученія (*Σιμωνιανοί, Μετανομιανοί, Σηθιανοί, Βασιλειδανοί*)¹⁾.

Это столь содержательное примѣчаніе состоитъ всего изъ 16 полустрокъ. Фюрно добавляетъ его въ Приложеніи (*Appendix II*) слѣдующими соображеніями и данными. Допуская, что Тацитъ не имѣлъ совершенно яснаго представленія о разницѣ между іудеями и христіанами, англійскій ученый замѣчаетъ, что положительное утвержденіе Тацита объ извѣстности имени христіанъ народу въ Римѣ въ то время, о которомъ онъ писалъ, принадлежитъ къ такимъ, котораго не сдѣлалъ бы ни одинъ осмотрительный историкъ, еслибы не нашелъ его въ современныхъ событіямъ источникахъ, касающихся при этомъ обстоятельствъ столь громкой извѣстности. Нѣтъ никакой невѣроятности въ томъ, что при живыхъ сношеніяхъ Рима съ Малою Азіей, при давно начавшемся приливѣ переселенцевъ въ Римъ изъ Антиохіи, о чемъ Ювеналъ такъ картинно говоритъ въ стихѣ (3, 62): *Jampridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes*, ко времени римскаго пожара могло быть принесено оттуда имя христіанъ, уже около 20 лѣтъ бывшее въ употребленіи въ Антиохіи, уже употреблявшееся какъ укоризненное слово на Востокѣ²⁾ и ставшее спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этой даты видимо знакомымъ въ Помпеяхъ³⁾. Христіанская секта, продолжая Фюрно, могла быть, какъ думаетъ, повидимому, Тацитъ,

¹⁾ См. *Arnold*, p. 54. Но еще раньше указалъ на это Липсиусъ въ своемъ изслѣдованіи: *Ueber den Ursprung und früheren Gebrauch der Christennamen* (Leipz. 1873).

²⁾ Фюрно ссылается въ этомъ случаѣ на 1-е посланіе ап. Петра къ азіатскимъ христіанамъ, гдѣ (IV, 16) говорится: *εἰ δὲ ὧς Χριστιανὸς (πάσαις), μὴ αἰσχυρίζεσθαι*, и на нѣсколько презрительное употребленіе этого имени Агриппой въ обращеніи къ ап. Павлу (Дѣянія Апостольскія, XXVI, 28). Такимъ образомъ, предполагая, что это имя не употреблялось въ то время еще въ самой христіанской общинѣ, Тацитъ—заключаетъ Фюрно—находится въ полномъ согласіи съ свидѣтельствами Нового Завѣта.

³⁾ Объ этомъ свидѣтельствуемъ надпись съ словомъ *CHRISTIAN..*, изданная въ *C. I. L. IV, 679* и теперь утраченная.

больше известна простому народу, чѣмъ правительству, хотя оно и могло получить о ней понятіе не позже 810 г. (57 г. по Р. Хр.), по дѣлу о знатной дамѣ, Помпоніи Греціиѣ, обвиненной въ принадлежности къ *superstitio externa* и отданной на судъ ея мужа (см. Тацитъ *Ann.* XIII, 32). Эта *superstitio externa*, судя по образу жизни Помпоніи, описываемому Тацитомъ, было, какъ обыкновенно думаютъ, христіанство. Есть, наконецъ, основаніе предполагать, что во время осады Титомъ Іерусалима высшіе римскіе офицеры знали, что христіанство, хотя оно іудейскаго происхожденія и связано (какъ они думали) съ іудейскою національностью, не только отлично отъ юдаизма, но и совершенно противоположно ему. Это можно заключить изъ словъ христіанскаго писателя IV вѣка Сульпиція Севера, который, воспользовавшись Тацитомъ въ разказѣ о Нероновыхъ казняхъ, по всей вѣроятности, держался того же источника, въ данномъ случаѣ *Исторій* (V кн.), когда приводитъ (*Chron.* II, 30, 6—8) слѣдующее мѣсто о военномъ совѣтѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о разрушеніи Іерусалимскаго храма: „*alii et Titus ipse, evertendum templum inprimis censebant, quo plenius Judaeorum et Christianorum religio (у Тацита должно было быть *superstitio*) tolleretur; quippe has religiones (по Тациту, *superstitiones*), licet contrarias sibi, iisdem tamen auctoribus profectas; Christianos ex Judaeis exstitisse, radice sublata, stirpem facile perituram*“.

Кажется, достаточно данныхъ, что терминъ *Christiani* по отношенію къ Нероновому времени никакъ не можетъ назваться „анахронизмомъ“. Напротивъ, въ виду положительныхъ данныхъ, въ которыхъ языческіе писатели Тацитъ и Светоній ¹⁾ оказываются совершенно согласными со свидѣтельствами Новаго Завета, удивительна смѣлость упрека Шиллера Тациту въ анахронизмъ его словоупотребленія, хотя еще удивительнѣе легкость, съ какою произвольныя утвержденія нѣмецкаго ученаго безъ всякой повѣрки принимаются русскими учеными. Англійскій ученый можетъ служить примѣромъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ текстами древнихъ писателей.

Перейдемъ теперь къ объясненію другаго мѣста.

Primum correpti qui fatebantur. Фюрно начинаетъ объясненіе совершенно научнымъ заявленіемъ, что этими словами только говорится:

¹⁾ Вотъ свидѣтельство Светонія (*Nero*, 16): *afflicti suppliciiis Christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae.*

были сперва привлечены къ суду (ср. III, 28; XII. 41 и др.) тѣ, которые принимали обвиненіе (ср. XI, 1 и др.); но изъ этого еще не слѣдуетъ необходимо, что принимаемое ими обвиненіе было обвиненіе въ поджогѣ. Такіе явные поджигатели, какъ о нихъ говорилось въ 38 главѣ XV книги, если о нихъ и могло быть въ такомъ случаѣ сказано „*fateri incendium*“, едва ли здѣсь могутъ имѣться въ виду; но еще менѣе было бы вѣроятно, чтобы какіе-нибудь другіе люди, даже религіозные энтузіасты, все еще дѣлали (какъ этого требуетъ время глагола) открытое признаніе въ совершеніи этого преступленія, за которое ихъ стали преслѣдовать спустя лишь нѣкоторое время. То правда, конечно, что объ открытомъ исповѣданіи христіанства обыкновенно говорится *profiteri* (какъ въ Hist. IV, 40: *Cynicam sectam professo*), а не *fateri*. Но это затрудненіе исчезаетъ, если предположить, что христіане, какъ корпорація, уже клеймились нѣкоторыми дурными людьми именемъ поджигателей, такъ что вопросъ, христіанинъ ли извѣстное лицо, заключалъ въ себѣ существеннѣйшую часть обвиненія противъ него. Выраженіе *fatebantur* могло быть также употреблено съ тѣмъ же значеніемъ, какъ въ письмѣ Плинія къ Траяну (96 3): *Interrogavi ipsos, an essent Christiani. Confitentes iterum et tertio interrogavi... neque enim dubitabam, qualescumque esset, quod faterentur etc.*

Къ этому простому, естественному и строго научному объясненію мѣста въ примѣчаніи, объясненію, при которомъ, очевидно, были взяты во вниманіе и филологическія комбинаціи Германа Шиллера, но которое съ толкованіемъ этого послѣдняго рѣшительно расходится, Фюрно прибавляетъ нѣсколько строкъ въ *Приложеніи* (онъ указываетъ на нихъ ссылкой въ примѣчаніи на страницу 580). Здѣсь онъ позволяетъ себѣ вывести изъ разказа Тацита заключеніе, что лишь небольшая часть представителей христіанской общины въ Римѣ открыто признавала себя исповѣдующими христіанство (*qui fatebantur*) и что лишь подъ давленіемъ жесточайшихъ пытокъ нѣкоторые изъ этихъ открытыхъ христіанъ согласились выдать другихъ членовъ общины. Кто знаетъ, — продолжаетъ Фюрно, какія улики считаются достаточными при комедіи суда въ такіе времена общественнаго возбужденія, тотъ легко пойметъ, что уже одна принадлежность къ обществу „ненавистниковъ человѣческаго рода“ могла казаться достаточнымъ доказательствомъ участія въ поджогѣ на судилищѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ, можетъ быть, городской префектъ Тигеллинъ или и самъ Неронъ съ Тигеллиномъ подъ бокомъ. Нѣтъ поэтому ничего насильственнаго въ предположеніи, что Тацитъ, при всемъ своемъ

нерасположеніи къ христіанамъ, виновность которыхъ въ дурныхъ дѣлахъ (но не въ поджогахъ), по его мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, сочувствуетъ жалости народа къ несчастнымъ христіанамъ при видѣ страшныхъ казней, производившихся не въ видахъ общественной пользы, а въ удовлетвореніе жестокости одного человѣка.

По нашему мнѣнію, почтенный англійскій ученый, труду котораго посвящены эти строки, можетъ служить для русскихъ филологовъ высокимъ образцомъ того, какъ надобно обращаться съ древними текстами и какъ слѣдуетъ быть осмотрительными въ сужденіяхъ ¹⁾).

В. Модестовъ.

¹⁾ По поводу статьи В. И. Модестова мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторые оговорки. Читателямъ ея можетъ показаться, что упреки по адресу проф. Кулаковскаго, касаясь одной частности, все таки служатъ продолженіемъ и подкрѣпленіемъ извѣстныхъ обвиненій *римской* полемики, о которыхъ здѣсь говорится на стр. 337 и слѣд. Мы, съ своей стороны, никакъ не желали бы, чтобы утвердилось представленіе о такой хотя бы и косвенной солидарности. Въ двухъ главныхъ пунктахъ, возбуждавшихъ неудовольствіе въ средѣ русскихъ (нѣкоторыхъ?) богослововъ, какъ эти пункты формулированы на стр. 337, мы не находимъ ничего ужаснаго ни съ научной вообще, ни съ богословской точки зрѣнія. Проф. Кулаковскій въ своей лекціи отвергалъ гоненіе римскою властью христіанства какъ *религии*. Рѣчь шла, конечно, объ юридическихъ или формальныхъ основаніяхъ преслѣдованія христіанъ. Это старый вопросъ, поставленный съ одной стороны Плиніемъ, который спрашивалъ Траяна, слѣдуетъ-ли считать преступнымъ самое *имя* христіанъ или же только наказывать преступленія (мнимыя), связанныя съ именемъ, а съ другой стороны—Тертуліаномъ, который писалъ, что христіанъ считаютъ виновными въ святотатствѣ и оскорбленіи величества и что въ этомъ заключается вся сущность дѣла. Здѣсь нѣтъ мѣста для обзорѣнія новой литературы по данному вопросу. Но какъ бы онъ ни рѣшался, онъ нисколько не затрогиваетъ ни чести, ни славы, ни святости христіанскихъ мучениковъ. Ни проф. Кулаковскій, ни кто другой не думали отрицать ихъ существованія; что бы тамъ ни было, какова ни была точка зрѣнія римскихъ властей, сами-то христіане страдали за свои религіозныя убѣжденія, за свою вѣру, за Христа. Далеко, если проф. Кулаковскій все-таки несомнѣнную общую толерантность римской государственной власти по отношенію къ христіанству объясняетъ, съ одной стороны, *мертвенностію* національной римской религіи (выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ удачное), съ другой стороны—высокомѣрнымъ и презрительнымъ равнодушіемъ государства и общества, то понятно, что въ его словахъ о промисхожденіи позднѣйшей нетерпимости христіанскихъ императоровъ прежде всего заключается отрицаніе въ христіанствѣ такихъ качествъ мертвенности и равнодушія. Извѣстно, что обыкновенно говорится въ объясненіе, почему только въ христіанскій періодъ могла появиться настоящая религіозная нетерпимость, преслѣдующая самыя мнѣнія и вѣрованія. Только христіанство не знало ограниченій національностью и племені, только оно сознавало за собою обладаніе абсолютною

истиною, только оно вѣрило въ единую спасающую церковь, только христіанская любовь сдѣлала обязательною заботу о спасеніи души ближняго и т. д. Самые высшія идеи не бывають обезпечены противъ искаженія и злоупотребленія.... Наконецъ, никакъ нельзя было говорить о полномъ незнакомствѣ проф. Кулаковскаго съ предметомъ его лекціи: напротивъ, онъ и въ лекціи и въ полемикѣ показалъ вполне достаточную компетентность для трактованія вопроса, близко соприкасающагося съ кругомъ его ближайшихъ занятій. Болѣе важныя пробѣлы знанія обнаружались не на его сторонѣ. Перехода затѣхъ къ толкованію мѣста Тацита, мы должны замѣтить, что оно не играло важной роли въ кievской полемикѣ и что замѣчаніями проф. В. И. Модестова все-таки не устроена возможность такого объясненія, какова держался г. Кулаковскій. Если г. Кулаковскій и погрѣшилъ нѣкоторою излишнею живостью и рѣшительностью выраженій, рекомендуя толкованіе Шиллера, то, конечно, онъ при этомъ вовсе не думалъ ни о Нинцердеѣ, ни о Ниссенѣ. Въ свою очередь проф. Модестовъ, можетъ быть, слишкомъ понижаетъ значеніе книги и статьи Шиллера и напрасно помѣщаетъ Гольцмана въ число его рѣшительныхъ противниковъ. Но объ этомъ приличнѣе будетъ поговорить при другомъ случаѣ.

Ред.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новый переводъ „Энеиды“ Вергилія.

Энеида Вергилія. Перевелъ съ подлинника Н. Квашинъ-Самаринъ. С.-Пб. 1893. VI + 305. 8°. Цѣна 2 рубля.

«Переводчикъ занимался своей работой съ любовью, не жалея ни времени, ни труда. Переводъ начатъ въ 1875 году, а издается только теперь. Не мало найдется стиховъ, которые исправлялись разъ десять, пока получили теперешній видъ. Переводчикъ зналъ, что главное достоинство Энеиды состоитъ въ неподражаемомъ изяществѣ ея внѣшней формы (.) и полагалъ, что переводъ, не передающій даже въ слабой степени этого достоинства подлинника, не имѣетъ права существовать» (Предисловіе переводчика, стр. VI).

Выписанныя нами слова свидѣтельствуютъ о томъ, что почтенный авторъ перевода приступилъ къ своей задачѣ, вполне понимая важность ея, и къ выполненію ея старался отнестись съ рѣдкою въ наше время добросовѣстностію, такъ какъ изданный имъ трудъ является *плодомъ восемнадцатилѣтней работы*. Въ виду этого мы стараемся отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ этому труду, тѣмъ болѣе, что онъ горячо рекомендованъ редакціей спеціального журнала классической филологіи и педагогика ¹⁾).

Со стороны внѣшности книга производитъ вполне благопріятное впечатлѣніе. Отличная бумага, красивый и четкій шрифтъ сразу подкупаютъ читателей и указываютъ, что переводчикъ не только „не жалѣлъ ни времени, ни труда“, но также и крупныхъ издержекъ на изданіе своей многолѣтней работы. Въ текстѣ перевода, по мѣстамъ,

¹⁾ Филологическое Обозрѣніе, т. IV, кн. I, стр. 35, рец. А.

сдѣланы ссылки на примѣчанія, расположенныя довольно удобно, позади текста каждой книги.

По языку переводъ г. Квашнина-Самарина производитъ впечатлѣніе чрезвычайно оригинальное. Повидимому, почтенный переводчикъ задался цѣлью написать свою книгу не современнымъ литературнымъ русскимъ языкомъ, но какою-то помѣсью современнаго языка съ древне-русскимъ и славянскимъ; во многихъ мѣстахъ онъ, очевидно, какъ бы щеголяетъ необычными въ современномъ языкѣ словами и выраженіями, употребляя ихъ безъ всякой нужды. Переводъ до такой степени уснащенъ такими «украшеніями» рѣчи, что читатель можетъ, пожалуй, счесть опечаткою 1893 годъ, которымъ помѣчена книга. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о языкѣ г. Квашнина-Самарина, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя выписки, обозначая въ скобкахъ страницу ¹⁾, на которой встрѣчается цитируемое мѣсто. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что одна цифра въ скобкахъ отнюдь не обозначаетъ *ἀπὸ τοῦ ἀριθμοῦ*.

Первая же строка перевода начинается словомъ «брани» не въ смыслѣ порицанія, но въ смыслѣ «войны», и затѣмъ въ изобиліи слѣдуютъ такія слова, какъ «мужъ», «жена» (не въ смыслѣ супруговъ, но въ значеніи «человѣкъ» или «герой», «женщина»), «отрокъ», «дщерь», «чадо», «градъ» (не въ смыслѣ физическаго явленія, но въ значеніи «городъ»); «сей», «оный», «кои» имѣются во всякихъ формахъ, такъ что можно было бы набрать полное склоненіе этихъ словъ, равно какъ и слова «толикій»; встрѣчается даже: «коликій (!) Италы щить (praesidium) потеряли» (253); можно было бы подобрать также полное спряженіе глаголовъ «зрѣти» и «пріяти» (на одной 104 стр.: «пріаль», «пріали», «пріявшимъ»). Встрѣчаются даже формы мѣстоименія *иже* (который), правда, не въ формѣ именительнаго падежа, напримѣръ: «его же» (221), «ему же» (248). Вся книга обильно украшена такими словами, какъ «брашно» (21), «шуйца» (39), «десница», «длань» (вм. рука, оч. часто), «туль» (79), «ловы» (79), «ликъ» (79), «млеко» (89), «выя» (105), «вои» (то-есть, воины, 240), «тать» (трижды на одной стр. 185), «одръ» (108), «агница» (118), «агнцы» (203), «риза» (79), «утроба» (68), «блато» (134), «требища» (81), «князи» (27) «стогны» (37), «чресла» (41), «верви» (59), «прелестникъ» (29), «недобитки» (то-есть, уцѣлѣвшіе

¹⁾ Стиховъ не отиѣчаемъ, такъ какъ и г. Квашнинъ-Самаринъ не обозначаетъ ихъ въ своемъ переводѣ.

отъ избіенія, 18), „плески“ (то-есть, аплодисменты, 113), «человѣки» (279), «однородецъ» (118), «велерогій» (166), «паче» (9), «зане» (12), «наипаче» (30), «паки» (99), «вспять» (6), «завтра» (78), «всуге» (81), «присно» (92), «вкупѣ» (156), «вотще» (41), «днесь» (105), «поднесь» (209), «толико» (108), «долу» (128), «ошугу» (230), «за обде» (238), «показуесть» (7), «глаголетъ» (191), «отыдемъ» (16), «зовомая» (92), «родшій» (раgens, 237), «драгія плѣненные ткани» (48), «оружныя силы» (36), «оружные вои» (40), «десные берега», «десная страна» (63); «бдишь ли? бди и ослабь у вѣтрила канаты» (232) и т. п. Съ нѣкоторыми изъ этихъ реченій мы охотно примирились бы, еслибы они встрѣчались изрѣдка; но если писатель испещрилъ всю свою книгу «сими», «оними», «коими», «толикими» и т. п., то мы должны сказать: est modus in rebus.

Увлекаясь quasi-подражаніемъ старинному языку, переводчикъ сплошь и рядомъ употребляетъ такія выраженія, какъ «во чреватую Австрами землю» (2); «чреватую царствомъ витязь управилъ (sic) Италией» (81); «чреватая градами туча» (109); «громъ завываетъ» (81); «спины пучинъ несказанныя» (4); «надъ вѣтровъ заключенной темницей» (5); «оружіе гнѣвъ подставляетъ» (5); «влекомые суши хотѣньемъ великимъ, вышли Трояне и столь вождѣльнымъ пескомъ овладѣли» (6); «паче другихъ получила царица къ Тевкрамъ духъ благосклонный» (9); «гроза лопнетъ» (? 290); «съ полнымъ вѣтриломъ вступаютъ» (12); «возглаголетъ сама, и гортань и уста разрѣшая» (64); «собакъ ополченье» (79); «ополченье и соборище Нимфъ» (232); «о тебѣ, о Мисень, провѣшала» (129); «тучи какія, увы! для чего небеса окружили» (97); «возженный слухомъ» (81); «сердце ему возжигаетъ» (80); «умъ воздаяньемъ острить» (105); «при сопутствіи многомъ подходитъ» (61); «сто возградилъ алтарей» (80); «алтарь согражденъ» (186); «чредою отвязывать верви» (118); «воздвигается вопль и подъ облакомъ воетъ» (216); «душу свою ко звѣздамъ воздвигалъ онъ» (241); «щитъ твой, ему-жъ веселился, имѣй при себѣ» (248); «образъ, блѣдностію обліянный» (248); «убѣгаетъ изъ цѣлаго тѣла всякая боль, пресѣкаются токи кровяные въ ранѣ; длани послѣдую, собственной волей стрѣла выпадаетъ» (289); «видитъ отъ вала противнаго Турпъ устремленные сонмы» (290); «латнаго звона доносятся ужасъ» (35); «потокъ виромъ грохочетъ» (168) и т. п.

Вѣроятно, этимъ же стремленіемъ писать стариннымъ языкомъ слѣдуетъ объяснять отбрасываніе предлоговъ въ сложныхъ словахъ; иное объясненіе трудно подыскать, такъ какъ, въ большинствѣ слу-

чаевъ, вмѣсто этихъ уродливыхъ формъ можно вставить, не выходя изъ предѣловъ стиха, правильныя. Укажемъ для примѣра на стр. 97: вмѣсто напечатаннаго «взоры ко стѣламъ стремя» можно было написать «взоры къ стѣнамъ устремляя»; на стр. 41 вм. (видѣлъ) «кровью своею скверняшаго» отлично помѣщается въ стихѣ «кровью своею оскверняшаго» и т. п. Можно указать также на неудобныя въ современномъ языкѣ урѣзки прилагательныхъ, напримѣръ «краснѣйшую (то-есть, прекраснѣйшую) образомъ (!) Деіопею союзомъ съ тобой сопрягу» (3), «красный Латій» (87), «красный Іулъ» (156), «съ мечами нагими» (обнаженными, 39) и т. п.

Приходится отмѣтить также массу странныхъ оборотовъ рѣчи, употребляемыхъ переводчикомъ; нѣкоторые изъ нихъ можно объяснить его стремленіемъ писать «старымъ» языкомъ, а иные приходится считать просто безграмотными. Напримѣръ, «въ старческомъ тѣлѣ погружаетъ мечъ» (42); «владычество этого мѣста» (вм. надъ м., 81); «Граямъ враждебнымъ его не для этого дважды изъяла» (ibid.); (подарки) «изъятые гибели Трои» (19); «напрасно изъятые Граемъ пенаты» (114); «Трою и развалины дома я обиталъ бы» (84); «двое мѣдяныхъ треножниковъ» (104); «сдѣлалъ законы на мѣдѣ» (141); «дряхлымъ ругались отцамъ и послушникамъ (clienti!) строили ковы» (ibid.); «слѣдуетъ нынѣ изъ цѣлаго (intacto, sc. iugo!) стада семи вамъ зарѣзать тучныхъ тельцовъ и овецъ столько-жъ» (125; «семи» не опечатка, такъ какъ «семь» не даетъ здѣсь дактилической формы, къ которой переводчикъ стремится во что бы то ни стало); «жрецъ гласы внимаеть различныя» (155); «Иліоневы рѣчи такія внимаеть владыко, пристальный взоръ устремляя и тѣломъ недвижнымъ коснѣя. очи внимательно движеть» (160); «отважнымъ кивни начинаньямъ» (219); «(желѣзо) Ремулу сквозь головы, сквозь обоихъ висковъ (!) проскочило» (ibid.). Сюда же можно отнести употребленіе «Такъ, что не могъ я—послѣ точки (30; часто); «только бы» вм. еслибы: «только-бъ не напомнила жрица, ринулся-бъ князь» (132) и т. п.

На ряду съ этими любопытными оборотами крайне странное впечатлѣніе производять такія, напримѣръ, формы, какъ «оного» (2), «высокого» (38), «яримого» (41), «(пожарнаго) зноу» (46), «горшего» (89); «онѣ» (корабли, 4), «побѣлѣвшіе очи» (237); «брѣзды» (79); «владыко» (именит. пад., 125; не опечатка, такъ какъ «владыко» фигурируетъ, какъ форма именит. надежа, также на стр. 160, 181, 300) и т. п.

По мѣстамъ попадаются фразы, не имѣющія смысла, какъ напри-

мѣръ: «Троянъ, небеснымъ обваломъ гнетомыхъ» (5); «наипаче звенѣли (?) по цѣлому воздуху грозы» (30); «съ сына стряхаемъ кудри» (36), точно онъ въ парикѣ; подобнымъ же образомъ на стр. 278: «левъ отряхаетъ съ выи гриву»; «рыбли хвосты и при лонѣ сидящихъ волковъ сопрягая» (!? 64); «Пуновъ приданныхъ (dotaies!) своихъ подъ твою передавши защиту» (78); «рѣчью она разноличной (?) народы тогда наполняла» (80); «сномъ хребетъ разрѣшилъ онъ» (136); «надѣясь на что, онъ живетъ межъ врагами, чадъ Авзонійскихъ забавъ и Лавинія тучное поле» (?? 81); «съ мужемъ мужъ сопряглись» (236) и мн. др. О фразахъ, лишенныхъ смысла, намъ еще придется говорить.

Разстановка словъ и предложеній у почтеннаго переводчика просто замѣчательна; очевидно, онъ полагаетъ, что при стихотворномъ изложеніи мыслей можно бросать слова и предложенія, какъ придется, только бы выходилъ стихъ. Примѣръ можно найти на любой страницѣ. «Ибо не могутъ Аргійскія Пергамовъ силы разрушить» (32; въ текстѣ: *pes posse Argolicis excindi Pergama telis*); «сей, Гарамантиды нимфы, Аммономъ похищенный, чадо, сто возградилъ алтарей» (80); «гласомъ Палланта возженныхъ и видящихъ подвиги мужа стыдъ Аркадійцевъ и гнѣвъ на Латинскую рать возбуждаетъ» (237; въ текстѣ: *Arcadas accensos dolor et pudor armat...*); «плѣнниковъ кровью костра окропивъ погребальнаго пламя» (240); «симъ растеньемъ въ сосудѣ сияющемъ влагу, тайную силу вліявъ, настояла» (289). Чтобы показать, до какой степени безтолково иногда связываетъ мысли г. переводчикъ, мы сдѣлаемъ болѣе длинную выписку. На стр. 88 имѣется:

«Точно безумный Цепеей, какъ полки Эвменидъ предъ собою
Зреть олъ и солнце двойное и Фивы двойкія встали,
Или Орестъ, Агамемноновъ сынъ, на театрахъ извѣстный,
Матери, свѣточемъ адскимъ горящей и связкою змѣевъ
Онъ убѣгаетъ когда, а на прагѣ Эриніи сѣли».

Выписка сдѣлана точно; ей предшествуетъ точка... На стр. 134 читаемъ:

«Вдругъ беззаконный народъ отягченнаго мокрою ризой,
Выступы твердой скалы, искривляя персты, какъ хваталъ я,
Встрѣтилъ съ оружіемъ въ рукахъ, за добычу сочтя въ неразумьи».

Отмѣтимъ, кстати, что переводчикъ безъ мѣры злоупотребляетъ словомъ «какъ» вм. *когда* и словомъ «что» вм. *который*. Очень непріятное впечатлѣніе производитъ также часто практикуемая переводчикомъ постановка такихъ словъ, какъ «когда», «пока» и т. п. не на первомъ мѣстѣ предложенія. Къ цитированному «онъ убѣгаетъ

когда» можемъ прибавить для примѣра: «врагъ суетится пока и едва прикасается берегу» (234).

О недостаткахъ въ интерпункціи мы говорить не будемъ (ихъ слишкомъ много); скажемъ только, что они значительно оттягиваютъ другіе недостатки труда.

Вообще, нельзя не замѣтить, что даромъ излагать свои мысли въ формѣ красиваго стиха г. переводчикъ не обладаетъ. Такъ, онъ нисколько не стѣсняется мѣнять, по требованію стиха, ударенія словъ. Конечно, нѣкоторыя неправильности въ удареніи можно встрѣтить у самыхъ лучшихъ поэтовъ; но у нихъ онѣ встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія; въ переводѣ же г. Квашнина-Самарина представляють обычное явленіе такія формы, какъ «прѣдетъ», «идеть» (очень часто); «узрѣлъ», «узрѣли» (обыкновенно); «рога лука» (275), «мужи» (45) и т. п.; впрочемъ, мы видѣли въ книгѣ «мужи» (165) и «узрѣли». Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе странная любовь переводчика къ употребленію слова *ниже* (и не), которое онъ *всегда* неправильно акцентируетъ (у него вездѣ «ниже») и употребляетъ не вездѣ правильно; напримѣръ, на стр. 14 имѣется: «не успѣвшихъ *ниже* отвѣдать и напиться». Слѣдуетъ замѣтить, что непріятное впечатлѣніе отъ неправильной постановки ударенія особенно усиливается помѣщеніемъ такихъ словъ на первомъ мѣстѣ стиха; между тѣмъ, именно эти «прѣдетъ», «идеть», «узрѣли», «ниже» у почтеннаго переводчика особенно часто начинаютъ стихъ.

Съ неменьшею свободою обращается г. переводчикъ съ русскими словами и формами, если у него не хватаетъ слога для наполненія стиха, или же, наоборотъ, имѣется лишній. Для такихъ случаевъ у переводчика имѣется нѣсколько приемовъ: 1) прибавка иногда совсѣмъ некстати словъ, не имѣющихъ въ текстѣ соответствующихъ понятій (часто); 2) выбрасываніе предлоговъ или, наоборотъ, повтореніе ихъ, напримѣръ: «копіе на щитовомъ на яблокѣ тѣтно повисло» (42); «Лабиринѣ, что на Критѣ являлъ на высокомъ путь» (113); «на крови оступился на скользкой» (106); «изъ устенъ изъ сыновнихъ» (156); объ отбрасываніи предлоговъ въ словахъ сложных (напримѣръ «кидаю» вм. покидаю и т. п.) мы уже говорили, а примѣромъ прибавки (безъ всякой надобности) предлога можетъ служить имѣющееся на 55 стр. «Критъ средъ морей возлегаеть» (лежитъ); 3) выбрасываніе или вставка гласныхъ, напримѣръ «брегъ», «древо», «сребро» (очень часто), «полмертвый» (239) и т. п.; на стр. 11: «онъ воздохнулъ и съ усиленіемъ гласъ испустилъ онъ глу-

бокій»; 4) удлинненіе или сокращеніе формъ, напримѣръ на одной и той же стр. 46 собственное имя *Iulius* передано чрезъ *Іуль* (двусложн.), четыре строки спустя чрезъ *Юль* (односложн.), а еще четырьмя строками ниже стоитъ *Іуловый*; на 3 стр. «зовуся» вм. зовусь; на стр. 88: «клянуся головой» (вм. очень удобнаго въ стихѣ «клянусь головой»); на стр. 104 «мѣдяный» вм. мѣдный, которое имѣется на стр. 9; на стр. 33: «улеглись», «копіе», «с оруженъ»; удлинненіемъ предлоговъ (ко, во, со) переводчикъ положительно злоупотребляетъ, равно какъ и употребленіемъ прилагательныхъ и причастій съ окончаніемъ усѣченнымъ. Эти приемы, употребляемые для устройства шестистопнаго дактилическаго стиха, — довольно невиннаго свойства, и мы не подумали бы упрекать за нихъ переводчика, еслибы они встрѣчались у него, какъ рѣдкія исключенія; но такъ какъ они составляютъ въ его трудѣ заурядное явленіе, то мы считаемъ себя обязанными отмѣтить это явленіе, какъ нежелательное. Подобно тому, какъ около полтораста лѣтъ тому назадъ Ломоносовъ сказалъ по адресу Тредьяковского:

«Или ужъ стало *иль*, колѣ ужъ стало *коль*;
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*;
 За *спиши* *спишь*, и *спать* мы говоримъ за *спати*;
 На что же, Трисотинъ, къ намъ тынешь *И* не *кстати*?—

такъ же точно и мы ставимъ на видъ почтенному переводчику, что «копіе» давно уже стало *копьемъ*, а «облианный» сталъ *облитымъ*; *зовусь* никто теперь не «тѣняетъ» въ «зовуся», а *прими* въ «прійми» (64); вмѣсто такихъ формъ, какъ «словесь» (32), «древесь» (38), «устень» (188) мы давно уже говоримъ: словъ. деревьевъ, устъ и т. п. Подобныя формы нынѣ такъ же неумѣстны, какъ неумѣстны обильно разсыпанные по всей книгѣ г. Квашнина-Самарина «выи», «вои», «чресла», «свѣди» и т. п. реченія, «имъ же нѣтъ числа», выражаясь языкомъ г. переводчика. Особенно комичное впечатлѣніе даютъ тѣ мѣста, гдѣ имѣются на лицо обѣ формы извѣстнаго слова, и устарѣвшая и современная, въ *одномъ* стихѣ. Напримѣръ: «Кто *этой* ночи погибель, кто можетъ *сей* ночи убійства словомъ изречь» (37); «кормъ ополченіемъ *Берегъ* увѣнчанъ; на *брегъ* Гесперійскій» и т. д. (124); на стр. 62 «вѣтры подстрекають (!) *паруса*», которые въ слѣдующемъ стихѣ уже называются «вѣтрилами».

Естественно, что стихи, устроенные съ помощью допущенныхъ переводчикомъ въ широкомъ размѣрѣ насилій надъ современнымъ

языкомъ, могутъ быть признаны «правильными» лишь съ внѣшней, формальной стороны, именно въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ стихѣ можно насчитать шесть стопъ, состоящихъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ пяти дактилей и хорей. Говоримъ «въ большинствѣ случаевъ» потому, что иногда вмѣсто дактилей въ переводѣ имѣются хорей (напримѣръ, на стр. 47, 117, 224); впрочемъ, подобные стихи встрѣчаются у г. Квашнина-Самарина довольно рѣдко, такъ какъ онъ поставилъ себѣ цѣлью писать исключительно дактилями, не чередуя ихъ съ хорейми.

Полагаемъ, что сказаннаго достаточно для характеристики языка, которымъ написанъ переводъ г. Квашнина-Самарина.

Намъ остается теперь разсмотрѣть, не искупаются ли недостатки языка перевода точностью и вѣрностью тексту, которыхъ естественно ожидать, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что переводъ г. Квашнина-Самарина является плодомъ восемнадцатилѣтнихъ трудовъ. Къ сожалѣнію, сличеніе перевода съ оригиналомъ не даетъ намъ возможности сказать, что переводчикъ хоть въ этомъ отношеніи справился удовлетворительно съ своею задачею. По нашему мнѣнію, г. переводчику не хватаетъ основательнаго знанія латинскаго языка вообще и языка поэтическаго въ особенности; сверхъ того, ему слѣдовало бы ознакомиться, прежде чѣмъ приниматься за перо, съ особенностями стилистики латинскаго языка и не упускать изъ виду, что она часто предъявляетъ требованія, вовсе не похожія на требованія русской стилистики. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неопытность г. переводчика бросается въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ его труда.

Такъ, напримѣръ, г. переводчикъ, если и знакомъ съ фигурою *av dâ dootv*, то во всякомъ случаѣ не желаетъ, повидимому, ее признавать. Игнорированіе такого обычнаго у латинскихъ поэтовъ приема порождаетъ курьезнѣйшія ошибки. Напримѣръ, *cavernas ingentem uterunque* (sc. equi), то-есть, «пустоту внутри обширнаго брюха коня» г. Квашнинъ-Самаринъ на стр. 27 переводитъ: «и пещеры и чрево великое». Пещеры... внутри коня! Эти же «пещеры» въ брюхѣ коня фигурируютъ и на слѣдующей страницѣ: «завыли пещеры глухія» (*gemitum dedere cavae cavernae*). На этой же (28) страницѣ, *castra desertosque locos* (то-есть, *desertos locos castrorum*) переведено «стапы (sic) и безлюдную мѣстность». На стр. 36 *furor iraque mentem praecipitant* (то-есть, *nimis maturant consilium semel captum*)

переведено: «*управляютъ* умомъ только ярость и *мищенье*»; *ibid.* «Аполлона и замка священникъ» и т. п.

Съ метониміей почтенный переводчикъ знакомъ; онъ знаетъ, что *Vulcanus* метонимически ставится вм. *ignis* (стр. 36), *Mars* вм. *rigna*, *certamen* (*ibid.*). Въ началѣ труда онъ нѣсколько стѣсняется игнорировать этотъ общинѣйшій у латинскихъ поэтовъ приѣмъ; но съ каждой новой страницей смѣлость его растетъ и онъ, не задумываясь, начинаетъ употреблять такіа выраженія, какъ «дѣло равнымъ Мартомъ ведется» (168), «въ бѣшенствѣ Марта торопятъ» (169), «Римъ на первые Марта бои подымаетъ» (? *ibid.*), «немедленно Марта воздвигли» (192), «Марту слѣпому вѣряться» (216), «Марта заводятъ» (297) и т. п. Впрочемъ, особеннаго расположенія считаться съ метониміей почтенный переводчикъ не проявляетъ и въ началѣ своего труда. Такъ, на стр. 7 мы замѣтили «Вакхомъ стариннымъ (!) себя наполняютъ», а на стр. 6 имѣются любопытнѣйшіе стихи:

„Слѣдомъ Кереру они, поврежденную моремъ, достали;
Съ ней и Кереры орудія дланью усталой и зерна
Печь на огнѣ и молотъ жерновами уже собралися“.

Совершенно напрасно почтенный переводчикъ заставляетъ троянцевъ совершать страшное дѣло—«дланью усталой печь на огнѣ и молотъ жерновами»... богиню Цереру, ея «орудія» и зерна, чтобы такимъ страннымъ кушаньемъ утолить свой голодъ. Врядъ ли кто нибудь догадается, что здѣсь дѣло идетъ о томъ, что троянцы, вынужъ хлѣбъ (*Ceregeth*) и принадлежности для печенія его (*Cerealia agna*), просушиваютъ подмоченныя во время переѣзда зерна и собираются молотъ ихъ. Впрочемъ, почтенный переводчикъ почему-то особенно немилостивъ къ бѣдной Церерѣ: по его волѣ, троянцамъ приходится на стр. 156 снова повторить свое ужасное дѣло—«вкусить Кереру»!

Странно также, что почтенный переводчикъ позволяетъ себѣ игнорировать поэтическое *plural. pro sing., pars pro toto*. Напримѣръ, на 3 стр. «возсѣдаетъ Эолъ, скиптры держа»; подобнымъ же образомъ: «Пріамовы скиптры» (160), «Минервы (вм. Минервѣ) дары» (32)—объ одномъ дарѣ. Особенно странное впечатлѣніе производитъ множественное число отъ такъ называемыхъ *pluralia tantum*: «оружія» (*arma*, очень часто), «мраки» (*tenebrae*, 186), «станы» (*castra*, 28. 264); на стр. 84: «браками нашими, онимъ (!) зачатымъ (?) уже Гименеемъ» (у Вергилія: *per conubia nostra, per inceptos hymenaeos*). И почтенный переводчикъ до такой степени увлекается «оружіями», «мраками», «браками» и пр., что начинаетъ употреблять *plural. pro sing.*

и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ даже у Вергілія *sing.*, напримѣръ, на 83 стр. онъ пишетъ: «наши царства»—о царствѣ одной Дидоны (у Вергілія *mea terra*; вполне возможно было, не дѣлая никакихъ другихъ перемѣнъ въ стихѣ, сказать: наше царство). На стр. 57 имѣется лишенное смысла «*кѣлемъ пустимъ*» по морямъ убѣгаемъ» (*Cava trabe*, по Сервію, *navium periphrasis optima*). На стр. 114 приглашеніе зажечь корабли передано чрезъ «*кормы* несчастныя имѣте сожжете» (*mesum infaustas exurite puppis!*).

Не всегда обращаетъ вниманіе г. переводчикъ и на фигуру ботаровъ «*рбтаровъ*»; такъ, на стр. 37 читатель съ изумленіемъ узнаетъ, что можно умереть и затѣмъ... «въ средину враговъ устремиться» (*moriamur et in media arma ruamus*). Эта интересная картина толпы мертвыхъ, устремляющейся на враговъ (живыхъ), явилась у г. переводчика именно слѣдствіемъ игнорированія имъ бот. пр., которое допущено въ этомъ мѣстѣ Вергіліемъ.

Не мало имѣется въ переводѣ случаевъ игнорированія пролептического значенія понятій. Такъ, на стр. 53 «отъ ужаса холодная кровь застываетъ»: «хладная» (вопреки естественнымъ законамъ) кровь «застыла» у г. переводчика именно вслѣдствіе того, что онъ не пожелалъ признать здѣсь пролептическое значеніе прилагательнаго *gelidus*, такъ какъ Вергіліевское *gelidusque colit formidine sanguis* по смыслу—*sanguis formidine fit gelidus et colit*. На стр. 56 «жжетъ безплодное Сиріусъ поле», хотя въ слѣдующемъ стихѣ упоминается, что на этомъ полѣ растутъ хлѣба: несообразность опять объясняется игнорированіемъ пролептического употребленія слова *sterilis*. На стр. 59 (троянцы) «щиты потаенныя хитро скрываютъ»: эти въ высокой степени любопытные «щиты потаенныя» получились у переводчика по той же причинѣ: Вергіліевское *scuta latentia condunt* сказано пролептически въ смыслѣ *ita condunt scuta, ut lateant*. На стр. 202 совѣтъ произвести *неожиданное* нападеніе на лагерь является въ формѣ: «забирай *устрашенные* станы». На стр. 229 имѣется не вполне понятное «сравняло пучины (?) спокойное море» (*premit placida aequora pontus*), происшедшее съ одной стороны отъ непониманія переводчикомъ разницы между *aequora* и *pontus*, а съ другой—вслѣдствіе игнорированія пролептического значенія слова *placidus*; вѣдь если даже принять здѣсь «пучины» въ смыслѣ поверхности моря, то и въ такомъ случаѣ является несообразность: если море «покойное», то ему нечего уравнивать на своей поверхности. Вер-

гилій сказалъ *premit placida aequora pontus* пролептически въ смыслѣ *pontus premit* (l. e. *coërcet*) *aequora, ita ut placida fiant*.

На 47 стр. мы замѣтили непониманіе такъ называемой *ὑπαλλάγῃ* adiectivi: «Цереры забытой храмъ стародавній» (*templum vetustum desertae Cereris*); самое простое объясненіе «забытой» Цереры получится въ такомъ случаѣ, если мы прилагательное отнесемъ къ *templum* и скажемъ: старинный, забытый храмъ Цереры. Иногда почтенный переводчикъ употребляетъ эту *ὑπαλλάγῃ* даже тамъ, гдѣ у Вергилія ея нѣтъ. Такъ, напримѣръ, на 237 стр. имѣются «суровыя ребра Галеса», возникшія изъ Вергиліевскаго *duri pectus Halaesi*. Никакъ не можемъ одобрить введеніе въ русскій языкъ этого довольно обычнаго у латинскихъ писателей приема.

Не всегда счастливъ почтенный переводчикъ и при передачѣ тѣхъ мѣстъ оригинала, гдѣ слова соединены зевгматически (*per zeugma*). Такъ, напримѣръ, на стр. 166 читаемъ: «Красный (то-есть, прекрасный) Іуль и засадой звѣрей, и погоней тревожилъ». *Agitabat* удобно соединяется съ *cursu*, но къ *insidiis* относится *per zeugma*. Стр. 303: «устремляетъ и взоръ и десницу». Вергиліевское *oculos dextramque protendens* сказано въ смыслѣ *oculos convertens et manus protendens* (наше: обращать взоры, простирать руки). Сюда-же можно отнести неудачную передачу *verbum verbo* такихъ мѣстъ, какъ пох *Aeneas sompnusque reliquit* чрезъ «покидаютъ Энея и ночь и дремота» (181), *caelo palmas cum voce tetendit* чрезъ «къ небу направилъ и длани свои и молитву» (46) и т. п. Почтенному переводчику, очевидно, очень понравился этотъ приемъ латинскаго поэта, какъ облегчающій трудъ; но попытку ввести его въ русскій языкъ мы должны отмѣтить, какъ покушеніе на искаженіе нашего богатаго языка, и признать вовсе нежелательными такія соединенія, напримѣръ, какъ имѣющееся на страницѣ 279 «какія несчастья и рати (bella) я испыталъ», или на стр. 209 «рокъ и надежды полагаю въ ваши сердца»; въ самомъ дѣлѣ, если можно даже «положить надежды» въ чье нибудь сердце, то совѣмъ ужъ нелѣпо класть туда какой-то рокъ (даже у Вергилія здѣсь нѣтъ и помину о зевгмѣ: *quaesumque mihi fortuna fidesque est, in vestris pono gremiis*, то-есть. все свое счастье и надежды я отдаю въ ваши руки, вѣряю вамъ).

Ореографія словъ, взятыхъ съ греческаго и латинскаго, и образованіе собственныхъ именъ у г. Квашнина-Самарина довольно оригинальны. Почтенный переводчикъ нисколько не стѣсняется измѣнять установившееся правописаніе, давая иногда довольно странныя

формы, при чемъ строгой выдержки мы у него не замѣтили. Въ виду царствующаго у насъ произвола въ орфографіи словъ, взятыхъ съ иностранныхъ языковъ, мы не упрекаемъ почтеннаго переводчика за его вольности; мы отмѣчаемъ только особенности, встрѣчающіяся въ его книгѣ. Сочетаніе *th* онъ старается передавать чрезъ *ѳ*, напримѣръ «Лабиринѣъ», «ѳеатръ», однако на стр. 104, 105, 115, 129 мы замѣтили «эфиръ», а на стр. 88 «театръ»; букву *c* онъ передаетъ чрезъ *х*, напримѣръ «Керера», «Лукиферъ», «Вольскентъ», хотя на стр. 201 мы замѣтили форму «Цесаръ»; азіатскій является у него въ формѣ «Асійскій» (41), сицилійскій въ формѣ «Сикулійскій» (63) и «Сиканскій» (113), критяне въ формѣ «Креты» (79), хотя самый островъ фигурируетъ въ формѣ «Критъ» (55) и соответствующее прилагательное въ формѣ «Критскій» (*ibidem*); на ряду съ формами «троянецъ», «троянскій», онъ допускаетъ «Трой», «Тройскій». Формы собственныхъ именъ онъ старается образовывать отъ основъ, даже въ названіяхъ греческихъ острововъ, какъ «Самъ» (Самось), «Паръ» (Парось), «Родъ» (Родось) и т. п., однако на стр. 185 мы замѣтили «Какуса», а не Кака, на стр. 60 «Симоисъ», а не «Симоентъ». Названія городовъ, читающіяся въ латинскомъ текстѣ во множ. числѣ, онъ старается передавать формами множ. числа, напримѣръ Argos («Аргосъ»), встрѣчающійся у Вергилія во множ. числѣ, онъ передаетъ чрезъ «Аргя», Pergama чрезъ «Пергамы» (43), хотя на предыдущей страницѣ (42) пишетъ «Пергамъ»; на стр. 98 имѣемъ Микену, а на 36—Микены (правда, у Вергилія это слово встрѣчается и въ ед. числѣ, кромѣ обычнаго множ.; но намъ кажется, что переводчику слѣдовало бы держаться одной формы). Подобное же колебаніе мы замѣтили при передачѣ слова Carthago: на стр. 80 имѣется «Кароагенъ» (муж. р.), который измѣняется, шестью строками ниже, въ «Кароагену» (жен. р.). На стр. 253 мы замѣтили «толпу грустныхъ Илиадъ» (то-есть, троянокъ); неудобно, такъ какъ за именемъ Илиады у насъ вполне упрочилось извѣстное значеніе, точно также какъ съ словомъ «Мартъ» мы соединяемъ представленіе объ извѣстномъ мѣсяцѣ, а не о богѣ войны (Mars у г. Квашнина-Самарина вездѣ передается чрезъ «Мартъ», если не считать тѣхъ случаевъ, когда онъ, по требованію стиха, замѣняетъ его болѣе длиннымъ «Мавортъ», напримѣръ на стр. 222, и т. п.). Считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе и на переводъ такъ называемыхъ *ratonupis*, хотя здѣсь г. Квашнинъ-Самаринъ повторяетъ грѣхи другихъ переводчиковъ. Пора уже вспомнить нашимъ гг. переводчикамъ,

что окончаніе *идъ* (*адъ*) ничего не говоритъ русскому читателю и вовсе не передаетъ значенія классическаго *Ides* (*ades*); однако отечественные переводчики по какой-то причинѣ особенно возлюбили такія формы, какъ «Тидидъ» (32), «Дарданидъ» (233), «Энеидъ» (220), «Пріамидъ» (60) и т. п., не смотря на то, что русскій языкъ имѣетъ особую форму для обозначенія отчества; если же переводчикъ почему либо не считаетъ удобнымъ сказать Энеевичъ, Пріамовичъ и т. п., то ему слѣдуетъ сказать: сынъ Энея, потомокъ Дардана и т. д. Всѣ эти Белиды (29), Тидиды, Пріамиды и пр. очень непріятно дѣйствуютъ на всякаго, дорожащаго чистотою русской рѣчи, къ искаженію которой въ данномъ случаѣ не представляется иного основанія, кромѣ того только, что подобные *иды* упрощаютъ работу стихослагателей.

Въ числѣ особенностей образованія собственныхъ именъ у нашего почтеннаго переводчика не можемъ не отмѣтить курьеза на стр. 62: «о Троегородный боговъ толкователь» (у Вергилія *Troiugena, divum interpres*). Не говоря уже о томъ, что «боговъ толкователь» не имѣетъ смысла, мы не можемъ не замѣтить г. переводчику, что назвать уроженца города Трои «Троегороднымъ» такъ же нелѣпо, какъ наприимѣръ уроженца города Шуи назвать Шуегороднымъ. На предыдущей (61) страницѣ мы замѣтили «Ледейскую Герміону», въ которой нелегко узнать Герміону, внучку Леды.

Переводъ такъ называемыхъ *epitheta organia* и словъ, которыя г. переводчикъ считаетъ за таковыя, оставляетъ желать слишкомъ многого. Почтенный переводчикъ усердно повторяетъ всякихъ «копелорцевъ» Гнѣдича и прибавляетъ къ нимъ щедрой рукою своихъ собственныхъ, сфабрикованныхъ похуже, забывая, что если ужъ ковать новое слово, то слѣдуетъ смотрѣть, чтобы былъ смыслъ въ выкованномъ произведеніи. Г. Квашнинъ-Самаринъ, кажется, много мнѣнія: онъ очень развязно измышляетъ свои прилагательныя, при томъ не только для перевода *epith. орг.*, но и въ другихъ удобныхъ случаяхъ, гдѣ даже въ латинскомъ текстѣ стоитъ не одно слово и объ *epith. орг.* не можетъ быть и рѣчи. На стр. 14 имѣется «гребнистый» Ахиллъ: мудрено сообразить, что здѣсь дѣло идетъ о вѣснѣ, у котораго шлемъ украшенъ султаномъ. *Armipotens* на стр. 39 переведено чрезъ «копыеносная» (богиня), а на стр. 265 чрезъ «копьевластная» (кстати: почему для первой половины своего прилагательнаго переводчикъ беретъ понятіе *копья*?). Прилагательныя, сложныя съ *potens*, особенно не даются г. Квашнину-Самарину: на стр. 233 мы

съ недоумѣніемъ прочли «огневластный» (*ignipotens*, владыка огня, о Вулканѣ). На стр. 43 имѣются «уста розоцвѣтныя» (*roseum os*), на 60 «загибистый (*aegre cavo*) щить», на 67 «звучнобронная» Паллада, на 97 «ведедушный» (! *magnumime*), на 130 «черносинные (*nigrantis terga*) волю» (сочинять прилагательное «черноспинный» не слѣдовало не только потому, что даже въ латинскомъ текстѣ его нѣтъ, но также и потому, что *nigrantis terga* въ этомъ мѣстѣ сказано въ смыслѣ *nigros*—дѣло идетъ о жертвоприношеніи подземнымъ богамъ; этому не противорѣчитъ понятіе *terga*, которое нерѣдко употребляется поэтами, какъ *pars pro toto*, о цѣломъ животномъ, напримѣръ Аеп. I, 635: *mittit magnorum horrentia centum terga suum*,—мѣсто, также неправильно переведенное на стр. 19: «сто великихъ вепрей со щетинистымъ тыломъ». Эти вызывающіе улыбку «вепри со щетинистымъ тыломъ» появились въ переводѣ именно вслѣдствіе непониманія, что *terga* стоятъ здѣсь какъ *pars pro toto* (наше: стадо изъ сотни *юловъ* и т. п.). На стр. 232 мы замѣтили «ладей мѣднобронныхъ» (въ текстѣ *aegatae progae*) и «копьещетинныхъ Латиновъ» (*horrentes Marte*). Правда, Пушкинъ сказалъ: «стальной щетиною сверкая, не встанетъ русская земля»; но отсюда слишкомъ далеко до «копьещетинныхъ» Латиновъ. *Crinitus Apollo* (ἄχρωσχοῦρος) неудачно передано на стр. 219 чрезъ «волосатый Аполлонъ».

Въ виду того, что наша замѣтка разрослась уже до очень значительныхъ размѣровъ, мы не будемъ утруждать вниманіе читателей разборомъ *ошибокъ*, которыхъ мы замѣтили *очень* много въ переводѣ г. Квашнина-Самарина; не будемъ также говорить о «примѣчаніяхъ», которыми сопровождается каждая книга. равно какъ и о странномъ предисловіи.

Сожалѣемъ, что не можемъ, въ заключеніе рецензіи, подобно рецензенту «Филологическаго Обзорнія», пожелать переводу г. Квашнина-Самарина «самаго широкаго распространенія какъ въ школѣ, такъ еще болѣе среди образованнаго общества». Написанный уродливымъ языкомъ, часто невѣрный подлиннику, по мѣстамъ не дающій никакого смысла, довольно часто ведущій войну съ русскою этимологіею и весьма часто съ синтаксисомъ,—не говоря уже о замѣчательной небрежности въ интерпункціи,—этотъ переводъ представляетъ курьезное и прискорбное явленіе въ русской литературѣ. «Переводчикъ зналъ, что главное достоинство Энеиды состоитъ въ ненадражаемомъ изяществѣ ея внѣшней формы, и полагалъ, что переводъ, не передающій даже въ слабой степени этого достоинства подлинника, не

имѣть права существовать». Этими словами, высказанными въ предисловіи къ переводу, г. переводчикъ самъ произнесъ надъ собою приговоръ.

С. Орловскій.

Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по Византійскимъ древностямъ. Книга II. Съ таблицами и планами. Д. Θ. Бѣляева. С.-Петербургъ. 1893.

Сочиненіе профессора Д. Θ. Бѣляева посвящено весьма мало обслѣдованному вопросу византійскихъ древностей. Книга открывается описаніемъ царскихъ приѣмовъ и церемоній, наблюдавшихся при выходахъ царей; главное же содержаніе ея знакомитъ съ большими, средними и малыми выходами. Представляя собой реальный комментарий къ византійскому придворному уставу, означенное сочиненіе вводитъ читателя въ пышныя царскія палаты, гдѣ служилые чины въ парадныхъ облаченіяхъ, разставленные по рангамъ и чинамъ, ожидаютъ царскаго выхода; предъ читателемъ далѣе разыгрывается драма появленія царя и привѣтствія его со стороны собравшихъ для этого чиновъ, которые сопровождаютъ торжественную процессію изъ сборной палаты по портикамъ, площадямъ и улицамъ, гдѣ въ свою очередь другія нарочитыя лица или сословія обязаны были привѣтствовать царя по условленному обряду и славословить его; слѣдуя за процессіей до мѣста ея назначенія, которое измѣнялось сообразно цѣли ея и важности дѣя, читатель входитъ затѣмъ въ одинъ изъ константинопольскихъ храмовъ, присутствуетъ при богослуженіи и отмѣчаетъ особенности въ обрядахъ и церковной службѣ, обусловленные присутствіемъ царя въ храмѣ. Трактую подобные предметы, книга г. Бѣляева даетъ весьма обильный матеріалъ для топографіи, археологіи, общественной и частной жизни византійцевъ.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи занимающей насъ книги. Она представляетъ собою результатъ изученія „Придворнаго устава“, приписываемаго императору Константину Порфирородному. Хотя первое изданіе этого замѣчательнаго памятника появилось въ половинѣ прошлаго столѣтія, но до сихъ поръ изученіе его не подвинулось ни на шагъ, такъ что трудъ профессора Бѣляева долженъ быть разсматриваемъ, какъ первая, послѣ комментарія Рейске, попытка дать научное освѣщеніе важнымъ матеріаламъ для исторіи и археологій, заключающимся въ означенномъ уставѣ. Нѣтъ,—говорилъ Рейске,—ни въ области церковной, ни гражданской исторіи такого

предмета, котораго бы не касался „Придворный уставъ“. Желающій изучить церковные порядки и уставы узнаетъ изъ этой книги, какова была греческая церковь въ X вѣкѣ, какъ избирались патріархи, каковы были сношенія ихъ съ царями, каково было устройство греческихъ храмовъ, какой порядокъ праздниковъ; какіе были крестные ходы, въ какіе дни и въ какіе храмы и монастыри они совершались. Не менѣе обширное поле изученія ожидаетъ здѣсь и интересующагося свѣтской исторіей. Здѣсь можно видѣть, какъ происходила коронація царей, какъ цари праздновали свои свадьбы, крестили дѣтей, дѣлали производство въ чины, ѣздили въ загородные дворцы; какъ они смотрѣли игры въ циркѣ, слушали привѣтствія димовъ, раздавали награды побѣдившимъ наѣзdnикамъ; какъ совершались народные праздники (воты, врумали) и чествовались высокаторжественные дни (рожденіе и бракосочетаніе царей, годовщина основанія города); какъ происходили царскіе обѣды, ежедневные приемы и поздравленія; какъ совершались процессіи, какъ цари ходили на войну, возвращались изъ похода и дѣлали торжественные въѣзды въ городъ, какъ снаряжали на войну морскія и сухопутныя войска; какъ принимали иностранныхъ пословъ и какъ отправляли своихъ въ чужія страны. Въ этой книгѣ разсѣяно множество свѣдѣній о византійскомъ чиновномъ и служиломъ сословіи, о придворной, военной и гражданской службѣ....

Не смотря, однако, на такую оцѣнку первымъ издателемъ и комментаторомъ „Придворнаго устава“, изученіе его, какъ сказано, шло весьма медленно. Профессоръ Бѣляевъ въ обширномъ предисловіи (стр. I—XLVII) раскрываетъ исторію этого памятника послѣ его изданія и показываетъ, какъ и самъ ученый Рейске не всегда успѣшно боролся съ встрѣченными имъ трудностями при изученіи Устава и, составляя свой комментарий, часто впадалъ въ противорѣчія и допускалъ ошибки, такъ какъ не ознакомился предварительно со всѣми частями и подробностями его. Въ дальнѣйшей исторіи любопытно мнѣніе Нибура, который считалъ нашъ Уставъ такими пустяками, которые могутъ довести до тошноты порядочнаго человѣка!

„Придворный уставъ“ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ произведеніе одного автора. Подобные памятники (предисловіе, стр. XXXVI и слѣд.) состояются частями и постепенно, какъ постепенно вырабатываются и закрѣпляются практикой тѣ обряды, чины (τάξις) и послѣдованія, которыя нашли себѣ мѣсто въ Уставѣ. Составитель излагаетъ не новые или имъ придуманные обряды, но собираетъ и приводитъ въ порядокъ то, что было записано раньше; его личная

авторская роль заключается развѣ въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ найденному матеріалу сообразно съ практикой, наблюдаемой въ его время, и сообразно съ вызываемыми временемъ и обстоятельствами измѣненіями въ самыхъ обрядахъ. Даже о второй части, которая могла бы, на основаніи предисловія къ ней, быть приписываема одному автору, нельзя сказать, что она дѣйствительно составлена однимъ лицомъ. Точно также нельзя думать, что Уставъ окончательно редактированъ при Константинѣ Порфирородномъ, ибо въ немъ встрѣчаются статьи и позднѣйшаго происхожденія (стр. XXVIII. прим. 2). Въ Уставѣ можно находить и очень древніе элементы, относящіеся ко времени Льва, Анастасія и Іустина I, то-есть, записи, которыя происходятъ изъ V вѣка. Очень значительная часть устава должна быть отнесена ко времени Македонской династіи, ибо царь Василій многіе обряды возстановилъ, а иные впервые при немъ введены. Окончательная редакція Устава должна быть относима къ періоду отъ конца IX до конца X вѣка. Въ этотъ періодъ были вновь разсмотрѣны, редактированы и измѣнены, согласно существующей практикѣ, старыя записи или журналы о царскихъ церемоніяхъ.

Выводы, полученные Д. Θ. Бѣляевымъ объ изученіи Устава и о происхожденіи его частей, отличаются новизной и оригинальностью и сами по себѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что нашъ ученый приступилъ къ изданію своихъ „Очерковъ“ по византійскимъ древностямъ послѣ продолжительнаго и глубокаго вниканія въ этотъ весьма оригинальный и не поддававшійся объясненію памятникъ.

Переходя къ разбору содержанія сочиненія, позволяемъ себѣ сдѣлать небольшую оговорку. Еслибы мы взглянули на свою задачу рецензента съ той точки зрѣнія, что сочли бы для себя обязательнымъ слѣдить за авторомъ шагъ за шагомъ и анализировать все его сочиненіе, то подверглись бы большому риску нагнать на читателя скуку и утомленіе и въ концѣ концовъ не дать того, что читатель прежде всего имѣетъ право ожидать отъ научной рецензіи—оцѣнки метода и критическихъ пріемовъ, а равно подведенія общихъ итоговъ. Припоминая то, что сказалъ Рейске о содержаніи „Придворнаго устава“, можно бы думать, что правильное и методологическое изученіе его приведетъ къ появленію книги, которая будетъ имѣть громкое заглавіе, въ родѣ „Византійская цивилизація“, и во всякомъ случаѣ имѣть общій интересъ. Изслѣдованіе проф. Бѣляева далеко не многіе могутъ прочесть отъ начала до конца, оно отличается весьма спеціальнымъ характеромъ. Причина этого лежитъ въ методологическихъ

требованійхъ, а на нихъ-то и нужно остановить вниманіе. Что изъ „Придворнаго устава“ изслѣдователь можетъ брать полными горстями пригодный для церковныхъ, государственныхъ и частныхъ древностей матеріалъ, это давно не подлежало сомнѣнію. Но чтобы съ успѣхомъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, для этого нужно очистить его критикой, обдумать его въ общемъ и въ частностяхъ, словомъ продѣлать надъ нимъ массу предварительной черновой работы, послѣ которой этотъ сырой и грубый матеріалъ могъ бы явиться живымъ отраженіемъ живой нѣкогда дѣйствительности. Не отъ недостатка доброй воли, не отъ оскудѣнія научнаго интереса къ Византіи происходило то, что Уставъ до сихъ поръ не оказалъ почти никакого вліянія на разработку Византійской исторіи,—причины этому слѣдуетъ искать въ самомъ памятникѣ, который могъ сдѣлаться неисчерпаемой сокровищницей для многообразныхъ выводовъ и построеній въ области исторіи и археологій не иначе, какъ послѣ той предварительной домашней очистки, о которой говорено выше. Профессору Бѣляеву всецѣло принадлежитъ та заслуга, что онъ не побоялся черновой работы, что настойчиво и методично изучилъ Уставъ въ частяхъ и въ цѣломъ, подмѣтилъ въ немъ пропуски и сокращенія, недомолвки и противорѣчія и нашелъ средства дополнить пропуски и объяснить противорѣчія чрезъ сопоставленіе между собой разныхъ частей Устава.

Профессоръ Бѣляевъ предполагаетъ достигнуть изученія „Придворнаго устава“ посредствомъ предварительнаго объясненія составныхъ его частей. Для этой цѣли онъ разложилъ содержаніе памятника по отдѣльнымъ рубрикамъ, число которыхъ можетъ, однако, измѣняться по мѣрѣ углубленія въ матеріалъ, и послѣдовательно сообщаетъ въ отдѣльныхъ очеркахъ результаты изученія каждой рубрики. До сихъ поръ обработаны два отдѣла, то-есть, объясненъ матеріалъ, относящійся къ описанію большаго дворца и къ выходамъ царей въ праздники. Для знакомаго съ содержаніемъ Устава ясно, что еще можно ожидать не менѣе пяти очерковъ, послѣ которыхъ потребуется сводъ всѣхъ итоговъ, могущій дать содержаніе для цѣлой книги. Весьма возможно, что авторъ началъ свои очерки не съ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ, можетъ также оказаться, что въ дальнѣйшихъ очеркахъ ему придется частью повторяться, частью по необходимости дополнять уже сказанное ранѣе; но въ общемъ онъ несомнѣнно правъ, избравъ именно тотъ методъ, какому слѣдуетъ въ изданныхъ очеркахъ. Первая и самая существенная задача при объясненіи такого памятника, какъ „Придворный уставъ“, который заключаетъ сырой

матеріалъ для религіозныхъ, государственныхъ, военныхъ и частныхъ древностей, состоитъ въ разложеніи его на составные элементы. Уже собственное научное чутье должно подсказать изслѣдователю, какимъ элементамъ онъ долженъ отдать предпочтеніе и какой идеей руководиться при разложеніи Устава на составныя части. Предварительныя личныя занятія, предрасположеніе къ одному порядку вопросовъ и другія обстоятельства могутъ здѣсь обуславливать отношеніе изслѣдователя къ изучаемому матеріалу. Но что бы онъ ни выдвинулъ на первый планъ и съ чего бы ни началъ изслѣдованіе, во всякомъ случаѣ онъ долженъ не только сгруппировать весь извлеченный изъ Устава матеріалъ для выясненія даннаго вопроса, но и обладать обширной начитанностью въ источникахъ и литературѣ, чтобы быть въ состояніи объяснить историко-литературное и бытовое значеніе различныхъ обрядовъ, фактовъ и отношеній. Последнее, сводясь къ комментарию словъ и терминовъ, можетъ потребовать специальныхъ экскурсовъ въ разныя области археологіи. Изъ предыдущаго можно видѣть, что при оцѣнкѣ такой работы, какъ занимающая насъ, было бы несправедливо спрашивать у автора отчета, почему онъ въ изданныхъ имъ очеркахъ останавливается на той сторонѣ Устава, а не на другой, почему сначала занимается большимъ дворцомъ и царскими выходами, а не частными, не военными древностями, не табелью о рангахъ и проч. И та, и другая, и третья часть матеріала одинаково заслуживаютъ вниманія; все зависитъ отъ того, какъ ведется самое изслѣдованіе, исчерпываетъ ли авторъ доступный изученію матеріалъ и къ какимъ заключеніямъ можно приходиться на основаніи даваемыхъ имъ результатовъ.

Настоящій томъ, занимающійся описаніемъ обрядовъ праздничныхъ выходовъ царей въ храмъ св. Софіи, представляетъ вполне достаточный матеріалъ для характеристики научныхъ приѣмовъ автора. Ни въ самомъ „Придворномъ уставѣ“, ни въ комментаріяхъ къ нему ученаго Рейске нельзя находить полнаго и исчерпывающаго изложенія всѣхъ выходовъ царей. Кромѣ того, по тѣмъ даннымъ, какія находятся въ Уставѣ, нѣтъ возможности составить себѣ опредѣленное представленіе о направленіи, какого держится процессія, объ одеждахъ, въ какихъ обязаны были являться принимающіе въ ней участіе чины, обо всѣхъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, какіе при этомъ наблюдались. Но нельзя при этомъ не замѣтить, что Уставъ во многихъ частяхъ представляетъ ссылки на общеизвѣстные факты, обряды и дѣйствія, которыя излагать подробно не было необходимости; дѣлаетъ

указанія на другія части, въ которыхъ подробнѣе излагается тотъ или другой обрядъ: наконецъ, часто вообще обрываетъ описаніе ссылокъ, что остальное совершается „по обычаю“. Отъ изслѣдователя, имѣющаго въ виду дать исчерпывающее изложеніе своего предмета, требовалось по возможности раскрыть указанные намеки, дополнить пропуски и выяснитъ, что разумѣется въ выраженіи „обычно“ или „по обычаю“. Хотя авторъ нигдѣ не сообщаетъ, какъ онъ достигалъ этого, но можно догадываться, что, въпервыхъ, онъ долженъ былъ составить указатель всѣхъ обрядовъ, упомянутыхъ въ Уставѣ, съ точнымъ обозначеніемъ тѣхъ подробностей, которыя излагаются полно или на которыя дѣлаются только намеки и попутныя указанія; во вторыхъ, онъ долженъ имѣть у себя подробный указатель словъ и выраженій, который необходимъ столько же для того, чтобы въ каждомъ требуемомъ случаѣ можно было пустить въ оборотъ весь матеріалъ, заключающійся въ „Придворномъ уставѣ“, сколько и для того, чтобы предохранять себя отъ такихъ сопоставленій и домысловъ, которые не могутъ оправдываться содержаніемъ Устава. Только при помощи такихъ подготовительныхъ работъ авторъ могъ приступить къ составленію своихъ „Очерковъ“. Но и послѣ того при самой обработкѣ уже выдѣленного и очищеннаго матеріала ему предстояло побѣдить немаловажныя затрудненія. „Читатели.—приводимъ его слова изъ предисловія, стр. XLVII.—болѣе меня свѣдущіе въ вопросахъ византійской и церковной археологіи, найдутъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ Очеркѣ много неточностей, недосмотровъ, еще болѣе неяснаго и недостаточно разъясненнаго, недосказаннаго; но они, надѣюсь, будутъ имѣть въ виду, кромѣ изреченія еггате *humani est*, всѣ трудности правильнаго и точнаго пониманія и объясненія обрядовъ придворнаго устава, а равно и то обстоятельство, что автору приходилось значительную часть объяснительнаго труда сдѣлать самому и мало брать готовыхъ и не требующихъ дополненій и повѣрки толкованій и объясненій... При такомъ положеніи предмета сдѣлать все, что нужно и желательно, весьма трудно, и я сдѣлалъ только то, что было для меня возможно при тѣхъ научныхъ средствахъ, которыя были въ моемъ распоряженіи“.

Вполнѣ раздѣляя мысль о серьезныхъ затрудненіяхъ, ожидающихъ изслѣдователя при обработкѣ такого памятника, какъ византійскій „Придворный уставъ“, мы не могли не порадоваться, что эти затрудненія не послужили для Д. Θ. Бѣляева препятствіемъ. Весьма важнымъ обстоятельствомъ для византійской науки нужно почитать

то, что за изученіе „Придворнаго устава“ взялся уже опытный ученый, способный овладѣть и препобѣдить множество встрѣчающихся въ немъ техническихъ трудностей и хорошо знакомый съ тонкостями средневѣковаго греческаго языка. Выражая ему искреннія добрыя пожеланія благополучно довести до конца полезное дѣло, мы не заканчиваемъ здѣсь нашей замѣтки не потому, чтобы считали себя въ состояніи указать автору болѣе вѣрный и прямой путь для его цѣли, а лишь потому, что, давно справляясь съ „Придворнымъ уставомъ“ при своихъ занятіяхъ Византіей, могли сдѣлать нѣсколько наблюденій надъ этимъ памятникомъ, какъ извѣстно, представляющимъ цѣнный матеріалъ для многихъ другихъ сторонъ исторіи и археологій, которыя еще не нашли себѣ мѣста въ „Очеркахъ“ профессора Бѣляева. Нижеслѣдующія замѣчанія пусть будутъ разсматриваемы не болѣе, какъ провѣрка усвоеннаго авторомъ метода изученія „Придворнаго устава“.

Выше было сказано, что слѣдить за всѣми частями „Очерковъ“ значило бы безъ нужды утомлять вниманіе мелочами, не давъ при томъ самаго существеннаго, что ожидается отъ рецензіи. Ограничимся, поэтому, анализомъ одной главы, напимѣръ, третьей (стр. 70 — 89), и подвергнемъ ее подробному разсмотрѣнію. Означенная глава занимается описаніемъ шествія торжественной процессіи съ царемъ во главѣ чрезъ палату экскувитовъ, черезъ школы или трибуналы, далѣе чрезъ Халку къ храму св. Софіи, при чемъ процессія нѣсколько разъ останавливалась и, между прочимъ, выслушивала словесловія димовъ. Итакъ, въ чемъ состоитъ содержаніе третьей главы? Авторъ описываетъ парадный видъ палаты экскувитовъ, какой она имѣла передъ входомъ царя съ своимъ синклитомъ, кувуклиемъ и тѣлохранителями. Въ ней стояли расположенные въ два ряда знаменосцы съ римскими скипетрами, евтихіями и другими скипетрами и лавурами, равно какъ протикторы, сигнаторы, дриконаріи и кампидукторы съ вандами. Влѣво, отдѣльно отъ первыхъ, на трехъ скамьяхъ размѣщались канцелларія квестора съ domestikомъ, дипаниты и помики. При входѣ царя этотъ послѣдній элементъ, который можно назвать гражданскимъ въ отличіе отъ знаменосцевъ, долженъ былъ исполнять различныя пѣснопѣнія. По исполненіи положенныхъ пѣсень, царь со всей свитой, которая сопровождала его ранѣе, и съ знаменосцами, присоединившимися къ процессіи въ палатѣ экскувитовъ, направлялся въ палату школъ и, не входя еще въ нее, производилъ приготовленныхъ кандидатовъ въ должность скривоновъ. Затѣмъ про-

пессія направляется въ школы, гдѣ происходитъ возведеніе въ комиты школъ, въ доместики и протикторы. Сдѣлавъ здѣсь нѣсколько разъясненій по поводу небольшихъ отступленій въ направленіи процессіи по общему и рождественскому обряду, авторъ слѣдуетъ за царемъ и сопровождающими его чинами въ Лихны и трибуналь, гдѣ стояли димы ипподрома, за ними чужеземные послы и вообще знатные иностранцы, эпархъ города, логоуетъ преторія съ подвѣдомственными имъ чинами и, наконецъ, городскіе ремесленные союзы (*συντάματα τῆς πόλεως*). Украшеніе этой залы составляло обязанность эпарха, который въ свою очередь распредѣлялъ ее между придворными поставщиками и константинопольскими торговыми людьми. Здѣсь происходилъ *первый приемъ* димовъ, который состоялъ въ слѣдующемъ (Очерки, стр. 79). Когда въ трибуналь входили знаменосцы и чины синклита, шедшіе впереди царя, но царь еще не занялъ своего мѣста въ аркѣ Лихнѣ, пѣвчіе загороднаго дима венетовъ пѣли, если выходъ совершался въ Рождество Христово, на гласъ 3-й: звѣзда солнце предвѣщаетъ... Когда же царь становился на свое обычное мѣсто въ аркѣ Лихнѣ, церемоніарій торжественно подводилъ къ царю доместика школъ, онъ же и димократъ венетовъ, который кланялся царю въ ноги и подносилъ ему ливелларій. Царь бралъ подносимый ливелларій и передавалъ его препозиту, а этотъ кувикларію. Въ это время пѣвчіе возглашали „многая лѣта“, а венеты подхватывали многолѣтіе. Доместикъ школъ, во время пѣнія многолѣтій, трижды осѣняетъ царя крестнымъ знаменіемъ. Пѣснопѣнія во время приема царя димотами измѣнялись согласно праздникамъ. Всего происходило шесть приемовъ со стороны димовъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ чередовались партіи дима. За венетами привѣтствовали царя пѣснопѣніями прасины въ пропилеѣ предъ храмомъ Св. Апостоловъ. Обрядъ поднесенія царю ливелларія и осѣненія крестнымъ знаменіемъ совершаетъ здѣсь доместикъ экскувитовъ, онъ же димократъ прасиновъ. Третій приемъ совершается уже безъ поднесенія ливелларія димократомъ венетовъ. Четвертый димархомъ венетовъ и димомъ бѣлымъ; пятый димархомъ прасиновъ и димомъ краснымъ; шестой димархомъ венетовъ и димомъ бѣлымъ. Димархи съ своей стороны подносили царю ливелларій. Всѣ приемы димовъ совершались на пути процессіи изъ палаты экскувитовъ къ храму св. Софіи.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе главы. Она воспроизводитъ порядокъ процессіи въ большіе праздники отъ палаты экскувитовъ до храма св. Софіи, возстановляетъ на основаніи всего устава

какъ направленіе процессіи, такъ и отдѣльныя дѣйствія, совершаемыя царемъ и участвующими въ церемоніи чинами, дополняетъ свѣдѣнія, читаемыя во главѣ 2-й „Придворнаго устава“, изъ другихъ главъ, наконецъ, въ пространныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ даетъ объясненіе терминовъ и обрядовъ. Все это несомнѣнно очень важная заслуга со стороны автора, все это составляетъ цѣнное пособіе при изученіи и чтеніи Устава, который прежде всего нуждается въ критическомъ и реальномъ комментаріи. Но спрашивается, сколько же книгъ и главъ нужно написать, чтобы обработать все содержаніе памятника съ тою же точностію, какъ это сдѣлано по отношенію къ выходамъ? Кромѣ того, читатель не могъ не замѣтить и въ нашемъ краткомъ рефератѣ третьей главы обилія такихъ словъ, которыя не достаточно объяснить филологически, которыя сами представляютъ собой пережитки древнихъ учрежденій, остатки забытой уже въ вѣкъ составленія Устава гражданской и военной системы. Нельзя не согласиться, что авторъ въ обширныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ даетъ объясненіе всѣмъ болѣе или менѣе труднымъ словамъ и терминамъ; эти объясненія дѣлаютъ его книгу необходимымъ пособіемъ для того, кому придется пользоваться „Придворнымъ уставомъ“. Охотно также соглашаемся и съ тѣмъ, что лучший комментарій къ изучаемому памятнику при настоящемъ состояніи византиновѣдѣнія едва ли и можно представить. Но позволяемъ себѣ высказать сомнѣніе, что авторомъ избранъ наилучшій методъ при изданіи своихъ „Очерковъ“. Чтобы наша мысль не показалась странной послѣ всего сказаннаго выше, сдѣлаемъ нѣсколько объясненій. Матеріалъ для третьей главы заимствуется изъ 1 и 11 главы „Придворнаго устава“ (р. 11 ed. Вопп. и слѣд.; р. 35 и слѣд.); часто, впрочемъ, автору нужно было обращаться и къ другимъ главамъ для дополнительныхъ и объяснительныхъ къ главному матеріалу фактовъ, и мы уже замѣчали, что въ этомъ отдаемъ большую ему честь, такъ какъ онъ владѣетъ средствомъ привлекать въ нужномъ случаѣ все содержаніе Устава къ объясненію того или другаго частнаго недоразумѣнія. Благодаря тому же обстоятельству, у него встрѣчаемъ много важныхъ исправленій къ изданному тексту, исправленій, оправдываемыхъ параллельными мѣстами. Но сличая текстъ „Придворнаго устава“ съ избранной нами для анализа третьей главой, мы невольно наталкиваемся на недоумѣніе, которое состоитъ въ слѣдующемъ. Вмѣсто изслѣдованія по византийскимъ древностямъ Д. О. Бѣляевъ даетъ въ своей книгѣ комментарій къ тексту „Придворнаго устава“. Подобная работа была бы,

по нашему крайнему разумѣнію, болѣе умѣстна при изданіи оригинальнаго текста или русскаго перевода устава, но является нѣсколько неожиданной въ „Очеркахъ, матеріалахъ и замѣткахъ“ по византійскимъ древностямъ. Словомъ, или нужно было дать книгѣ другое заглавіе, или при данномъ оглавленіи иначе пользоваться даваемымъ въ Уставѣ матеріаломъ. „Придворный уставъ“ есть памятникъ совершенно спеціального характера, описывающій придворныя церемоніи Византійской имперіи. Онъ получилъ свою окончательную редакцію тогда, когда эти церемоніи сдѣлались весьма сложны и разнообразны и соблюдать въ точности обрядъ стало трудно. Уставъ редактировался окончательно для того, чтобы закрѣпить письмомъ разнообразныя формы этикета, сохраненіе конхъ считалось въ высшей степени важнымъ, такъ какъ въ нихъ видѣли реальную дѣйствительность, служащую выраженіемъ живущей имперіи. Мы въ настоящее время не можемъ относиться къ „Придворному уставу“ какъ къ факту реальной дѣйствительности, для насъ получаетъ значеніе не то, чтобы тотъ или другой чинъ, принимающій участіе въ придворной церемоніи, исполнялъ обязательно такъ, а не иначе предписанное ему дѣйствіе, не то, чтобы процессія въ тотъ или другой праздникъ шла непременно по тѣмъ портикамъ, а не по другимъ,—это былъ существенный вопросъ для византійскаго церемоніймейстера времени происхожденія Устава, котораго обязанность и заключалась въ томъ, чтобы все происходило согласно чину и программѣ. Современный ученый, правда, могъ бы усвоить себѣ до тонкости всѣ церемоніи X вѣка и воспроизвести во всѣхъ подробностяхъ большой выходъ византійскихъ царей, но едва ли это не будетъ излишней роскошью: возстановлять эти пышныя процессіи нѣтъ нужды, теперь нѣтъ потребности оберегать отъ забвенія и нарушенія придворный византійскій этикетъ, ибо нѣтъ ни такой имперіи, ни такого двора. Такимъ образомъ, напиримѣрь, для историка имѣютъ большое значеніе біографіи общественныхъ дѣятелей, и чѣмъ больше издается этого матеріала, тѣмъ полнѣе наши свѣдѣнія; но было бы ошибкой вводить въ историческое изслѣдованіе всѣ біографіи частныхъ лицъ, хотя бы въ каждой изъ нихъ встрѣчались не лишennыя интереса подробности, характеризующія жизнь той или другой личности. Въ историческое изслѣдованіе нужно вводить лишь черты общія, выведенныя изъ наблюденія частныхъ, индивидуальных же особенности могутъ затруднить изложеніе общихъ направленій и теченій. И въ изученіи „Придворнаго устава“ нужно различать возстановленіе индивидуальных особенностей каждаго обряда отъ

идеи, которая одушевляла его, форму отъ содержанія. Намъ представляется, что Д. Θ. Бѣляевъ слишкомъ много положилъ труда на восстановление формы обряда, слишкомъ вошелъ въ роль византійскаго церемоніймейстера, какъ будто и его глубоко интересуетъ то, какъ встанетъ и какъ поклонится и куда затѣмъ пойдетъ тотъ или другой чинъ. Не отрицаемъ, и это весьма важно въ изученіи „Придворнаго устава“, но никакъ нельзя ради этой внѣшней обрядности жертвовать сущностью, нельзя въ ученомъ изслѣдованіи прятать содержаніе подъ черту, въ примѣчаніи, а формѣ давать переднее мѣсто.

Весьма жаль, что авторъ не сообщаетъ плана своихъ будущихъ Очерковъ. Это очень стѣсняетъ рецензента, такъ какъ можетъ случиться, что онъ нападетъ на такія стороны предмета, которыя умышленно не затронуты въ настоящемъ выпускѣ. На стр. XLVI предисловія высказаны на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія, изъ которыхъ явствуется, что вопросъ о чиновникахъ и сановникахъ будетъ изложенъ отдѣльно, точно также можно ожидать, повидимому, отдѣльнаго очерка, посвященнаго одеждамъ и облаченіямъ. Но здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее заявленіе, съ которымъ нельзя не считаться при оцѣнкѣ труда Д. Θ. Бѣляева: „Болѣе или менѣе подробное и обстоятельное разъясненіе всѣхъ этихъ (то-есть, о чинахъ и объ одеждахъ) и нѣкоторыхъ другихъ археологическихъ вопросовъ постоянно отвлекало бы отъ главнаго предмета Очерка и... не позволяло бы читателю слѣдить за ходомъ излагаемыхъ обрядовъ, ясное и по возможности подробное изложеніе и описаніе которыхъ составляетъ главную задачу настоящаго Очерка“.

Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы въ настоящее время можно было ставить себѣ главной задачей изложеніе и описаніе хода торжественныхъ процессій уже по одному тому, что при этомъ пришлось бы пожертвовать очень многимъ и при томъ болѣе существеннымъ, чѣмъ то или другое направленіе процессіи. Въ самомъ дѣлѣ, эта мнимая главная задача воспрепятствовала автору сосредоточить свое вниманіе на терминологіи „Придворнаго устава“, которая, по нашему мнѣнію, должна быть главнымъ предметомъ изслѣдованія. Въ терминахъ „Придворнаго устава“ застыла когда-то живая дѣйствительность византійской гражданской жизни, и изслѣдователю нельзя терять надежды когда нибудь возстановить и оживить ее. Правда, авторъ также возстановляетъ эту дѣйствительность, но можно опасаться, что по дорогѣ онъ пропуститъ такія стороны въ изучаемомъ

материалъ, которыя потребуютъ новыхъ и новыхъ обращеній къ тѣмъ же текстамъ, которые онъ приводилъ и комментировалъ.

Сопоставимъ стр. 79 „Очерковъ“, гдѣ трактуется о первомъ приѣмѣ со стороны димовъ, съ основнымъ текстомъ „Придворнаго устава“ (1, р. 12, ed. Bonn.): δέχεται ἔχειε ὁ δημοκράτης τῶν Βενέτων, ἤγουν ὁ δομέστικος τῶν σχολῶν, μετὰ καὶ τοῦ περατικοῦ δήμου τῶν Βενέτων, καὶ ἐπιδίδωσιν ὁ δημοκράτης, ἤγουν ὁ δομέστικος, τὸ λιβελλάριον τὸν δεσπότην. ἀφικόμενος δηλονότι ὑπὸ τοῦ τῆς καταστάσεως πρὸς τὸν βασιλέα, ὁ δὲ βασιλεὺς ἐπιδίδωσι τοῦτο τῷ πραιποσίτῳ, καὶ ἀχτολογοῦσιν ἕκῃ οἱ τοῦ μέρους, ἤγουν ὁ δῆμος, κατὰ τὸ εἰσθῆς τοῦς δεσπότας... Для изслѣдователя „Придворнаго устава“ важно прежде всего установленіе текста или сводъ всѣхъ параллельныхъ мѣстъ, трактующихъ объ одномъ и томъ же обрядѣ и дѣйствиіи или просто упоминающихъ одинъ и тотъ же терминъ. Сводъ параллельныхъ мѣстъ необходимъ и для того, чтобы выяснитъ значеніе непонятнаго термина, который иногда и встрѣчается въ одномъ „Придворномъ уставѣ“. Нельзя не отдать чести автору: посредствомъ свода параллельныхъ мѣстъ онъ нерѣдко достигаетъ исправленій и дополненій текста. Но въ настоящемъ случаѣ онъ не воспользовался этимъ приѣмомъ въ должной мѣрѣ. Между прочимъ, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе λιβελλάριον и связанная съ нимъ дѣйствиія. Слѣдуя мнѣнію Рейске, которое, впрочемъ, высказано весьма условно (quale autem fuerit τὸ λιβελλάριον... non satis liquet), авторъ видитъ въ ливелларіѣ „книжечку или свертокъ съ приличными празднику поздравленіями, пожеланіями и словословіями“. Между тѣмъ параллельныя мѣста могутъ поселить сомнѣніе въ справедливости опредѣленія этого термина. Сюда относятся мѣста, въ которыхъ обозначено, кто и когда подаетъ ливелларій (р. 19, 5; 64, 2; 83, 6), подавать могли οἱ δημοκράται τῶν δύο μερῶν τῶν περατικῶν καὶ οἱ δήμαρχοι τῆς πολιτικῆς, ἕκαστος αὐτῶν κατὰ τὸ μέρος αὐτῶν, ἐν τῇ α' δοχῇ... ἐν δὲ ταῖς λοιπαῖς δοχαῖς λιβελλάρια οὐκ ἐπιδίδωσιν. На основаніи мѣста на стр. 105, 16 и слѣд. можно видѣть, что царю подавалось всего четыре ливелларія отъ четырехъ димовъ; очень любопытно также замѣчаніе на стр. 297, в Боннскаго изданія, что ливелларіи изготовляемы были отъ каждаго дима въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ предназначался для царя, другой для препозита. Далѣе, нельзя не остановить вниманія на томъ обстоятельстве, что подача димами ливелларіевъ сопровождалась нѣкоторымъ отвѣтнымъ актомъ со стороны царя, который выражалъ согласіе на то, что изложено было въ ливелларіяхъ. Это видно изъ замѣчанія на

стр. 285, 12 ἐπιβιβάζουσιν τὰ λιβελλάρια τοῖς πραιποσίτοις, αὐτοὶ δὲ δεξιμένοι αὐτὰ ἀντιβιβάζουσιν ἀπὸ χειρὸς εἰς τὸ παράτωρ. Что послѣднее выражение не можетъ быть толкуемо исключительно въ томъ смыслѣ, что все готово къ продолженію процессія, видно изъ параллельнаго мѣста, стр. 313, 20. Не разъ въ „Придворномъ уставѣ“ встрѣчаемъ указаніе на *обычныя четыре прошенія* димовъ и на *блатосклонный* приемъ царемъ этихъ прошеній, напримѣръ, р. 633, 2, τῶν γὰρ μερῶν αἰτησαμένων τὰς δ' αἰτήσεις, ἃς ἐξ ἑθους εἰσῃθαισι αἰτεῖσθαι, καὶ τοῦ βασιλέως συνταξαμένου τὴν ἐκπλήρωσιν τῶν τεσσάρων αἰτήσεων γενέσθαι (ср. 300, 1); такимъ образомъ, нельзя ли предполагать, что четыре ливелларія, которые подаются царю отъ димовъ, соотвѣтствуютъ *четыремъ просьбамъ* и дѣйствительно должны быть толкуемы въ смыслѣ прошеній. Во всякомъ случаѣ, содержаніемъ ливелларіевъ не были поздравленія и славословія, такъ какъ эту обязанность димы исполняли въ иной формѣ, что видно изъ мѣста на стр. 111, 5, ἀρχεται ὁ νοτάριος τοῦ αὐτοῦ μέρους λέγειν τοὺς ἱάμβους τῆς ἐορτῆς.

Изъ „Придворнаго устава“ узнаемъ также, что димы подавали ливелларія не только царю, но и высшимъ сановникамъ по случаю производства ихъ въ чины (рр. 240,9; 250,11; 260,10). Разсматривая первое изъ отмѣченныхъ мѣстъ, нельзя не прійти къ заключенію, что содержаніемъ ливелларіевъ и въ этомъ случаѣ не было славословіе и восхваленіе, такъ какъ тѣ похѣматы въ честь новопроизведенныхъ сановниковъ произносились отдѣльно, и не димархомъ, а другимъ лицомъ ¹⁾. Съ особымъ видомъ ливелларія знакомимся еще въ разказахъ о провозглашеніи царемъ Льва, Анастасія, Іустина (рр. 411,22; 412,10; 418,21; 423,18; 429,11 и слѣд.), гдѣ приводится и содержаніе этихъ любопытныхъ документовъ, напоминающихъ манифестъ при вступленіи на престолъ. Заключительныя слова: καταβουκοῦλον, κατασχοῦτάριν, καταχάσρα—всѣ должны писаться раздѣльно,—обозначаютъ военные термины и свидѣлствуютъ о томъ, что вновь провозглашенные императоры спѣшили заручиться расположеніемъ военнаго сословія. Изъ приведенныхъ мѣстъ можно еще видѣть, что ливелларія читаемы были особымъ чиномъ, называемымъ

¹⁾ Р. 240,9: καὶ ἐπιβιβάζουσιν τὸ λιβελλάριον ὁ δῆμάρχος... λέγων καὶ τὰ ποιήματα αὐτῶν. ὅτε δὲ λέγει τὸ ὄνομα καὶ τὴν ἀξίαν, προσκυνεῖ πρὸς τὸν δῆμαρχον. Текстъ нуждается въ исправленіи, ибо очевидно, что подающій ливелларій димархъ не можетъ быть тождественъ съ тѣмъ, кто *читаетъ поэму* и кланяется тому же димарху.

ливеллисіемъ, напримѣръ, р. 423, *ἐπεδόθη γὰρ αὐτῷ λιβελλάρην, καὶ αὐτὸς ἐπέδωκεν τῇ λιβελλήρϊφι, καὶ ἐκείνος ἐστὼς ἐν τῇ τριβουναλίῃ προσεφώνησεν αὐτοῖς, καὶ ὑπέσχετο διδόναι αὐγουστιάτικα... 1).*

Подобныя изслѣдованія терминологіи „Придворнаго устава“ въ высшей степени важны потому, что часто въ непонятномъ для насъ терминѣ скрывается намекъ на такіе факты и отношенія, которые даже для писателя X вѣка были забытою стариной.

Разбираемое мѣсто (стр. 12 „Придворнаго устава“) представляетъ наглядное тому доказательство: *ῥέχεται ἐκεῖσε ὁ δημοκράτης τῶν Βενέτων, ἧρουν ὁ δομῆστικος τῶν σχολῶν*. Замѣчаніе Д. Θ. Бѣляева, что доместикъ школъ по самой своей должности состоялъ и въ должности димократа партіи венетовъ и что доместикъ экскувитовъ состоялъ въ то же время въ должности димократа прасиновъ, хотя и вѣрное само по себѣ, даже не затрагиваетъ вопроса, который здѣсь предстоитъ къ разрѣшенію. Почему это *ἧρουν*? Для чего это странное соединеніе высшей военной должности съ начальствованіемъ надъ партіей цирка? Правда, по вопросу о константинопольскихъ димахъ до сихъ поръ господствуетъ странное недоразумѣніе: большинство видитъ въ нихъ только цирковыя партіи и ограничиваетъ значеніе ихъ инподромомъ, но нельзя же забывать, что въ источникахъ димы играютъ болѣе важную роль и составляютъ необходимый элементъ въ политической организаціи населенія Константинополя и многихъ другихъ греческихъ городовъ. Сознаемъ всю трудность рѣшенія этого вопроса, но онъ напрашивается на вниманіе при чтеніи тѣхъ страницъ „Придворнаго устава“, гдѣ описываются приемы (*δοχαί*). Не менѣе любопытенъ вопросъ о томъ, почему представительство димовъ выражено въ двухъ чинахъ: димократъ и димархъ? почему—первый всегда военный чинъ и служить представителемъ исключительно *τῶν περατικῶν δῆμων*, а второй—гражданскій чинъ и называется димархомъ *τῆς πολιτικῆς*? Намъ казалось бы, что изслѣдованіе этихъ и подобныхъ терминовъ могло дѣйствительно повести къ разъясненію многихъ важныхъ сторонъ жизни Византійскаго государства, но охотно соглашаемся, что при этомъ остались бы на второмъ планѣ тѣ явленія, которыя такъ прекрасно выяснены Д. Θ. Бѣляевымъ при усвоенномъ имъ методѣ изученій „Придворнаго устава.“

Въ обширномъ ученомъ аппаратѣ, какимъ снабжены Очерки про-

1) Эти мѣста, впрочемъ, указаны въ Очеркахъ, стр. 252, но не поставлены въ связь съ предыдущими.

фессора Бѣльева, встрѣчаемъ весьма цѣнные изслѣдованія. Въ особенности должно отмѣтить превосходныя и интересныя наблюденія по критикѣ текста. Этой сторонѣ мы придаемъ большое значеніе въ изученіи „Придворнаго устава“, такъ какъ многія темныя и доселѣ непонятныя мѣста Устава могутъ въ дальнѣйшемъ получить объясненіе посредствомъ незначительныхъ дополненій и исправленій текста на основаніи параллельныхъ мѣстъ. Точно также многіе термины и выраженія, которыми такъ затрудняетъ изслѣдователя нашъ памятникъ, нашли себѣ достаточное объясненіе въ Очеркахъ. Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ этой части труда профессора Бѣльева.

Относительно безразличнаго употребленія термина иπαρχη и ἐπαρχη въ приложеніи къ префекту города (praefectus urbi) нужно замѣтить, что въ источникахъ префектъ города обыкновеннѣе и чаще называется ὁ ἐπαρχος τῆς πόλεως, а ἑπαρχος есть praefectus praetorio. Для этого и подобныхъ вопросовъ—*Böcking*, *Notitia dignitatum*, Воннае, 1839—1853, и *Seeck*, *Notitia dignitatum*, Беролини, 1876.

По отношенію къ терминамъ τάγμα, ἀριθμός, νόμμερος и проч. (стр. 11 Очерковъ) вопросъ не можетъ быть рѣшаемъ на основаніи одного „Придворнаго устава“. Здѣсь требуется войти въ разсмотрѣніе военныхъ сочиненій (στρατηγικά) и въ обширную литературу. Словомъ, требуются мелочныя предварительныя изслѣдованія.

На стр. 71 объясняется значеніе термина ὁ νομικός. Къ правильной постановкѣ вопроса сошлемся на недавно опубликованный документъ Λέοντος τοῦ σοφοῦ τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον... par *Jules Nicole*. Genève, 1893. Здѣсь, р. 19, νομικός значить учитель первоначальной школы, при чемъ различаются παιδοδιδάσκαλος νομικός и ὁ διδάσκαλος, первый обыкновенно называется ὁ νομικός, какъ видно изъ слѣдующаго: οἱ νομικοὶ καὶ παιδοδιδάσκαλοι μὴ δεχέσθωσαν ἀφ' ἐτέρας σχολῆς παῖδα, εἰ μὴ ἐκπληρώσῃ τὸν μισθὸν τῆς μαθήσεως. Что касается регента или уставника, онъ и раньше и позже назывался домоestikомъ. Лучшее мѣсто объ этомъ въ похвальномъ словѣ въ честь Григорія Паламы, который чудесно исцѣлялъ домоестика (ар. *Migne*. *Patrologia graeca*, t. 151. col. 638): ὁ τῆς κατὰ Θεσσαλονίκην ἐκκλησίας τῶν ἱερῶν ᾠσμάτων τε καὶ μελῶν ἑξαρχος, καὶ τοῦ χοροῦ τῶν ᾄδόντων ἀρχηγός τε καὶ χορυφαῖος. Доместикон ἢ συνήθεια τοῦτόν φησιν... col. 639. ἐλύπει δ' οὐχ ἥττον, εἰ μὴ καὶ μᾶλλον αὐτόν, τὸ μηδὲ τῇ τέχνῃ δύνασθαι χρῆσθαι, κατὰ δὲ καὶ τὸ πρότερον, μηδὲ γράφειν μηδ' ἐκδιδόναι τὰ μέλη τῇ παρέσει τῆς δεξιᾶς.

На стр. 254, прим. 1, автора затрудняетъ объясненіе слѣдующаго

мѣста: чины числа (ὁ ἀριθμός) начинали пѣть свои обычные для этого дня пѣснопѣнія и славословія. По нашему мнѣнію, вопросъ могъ бы быть выясненъ на основаніи слѣдующихъ мѣстъ устава: р. 293.15; 294.11; 589.18 и слѣд.

Весьма хороши приложенія. Сюда мы отнесимъ указатель и объясненія къ таблицамъ. За послѣднія въ особенности слѣдуетъ быть благодарнымъ автору. Какъ бы ни описывать наглядно византійскія парадныя одѣянія, описаніе никакъ не можетъ замѣнить рисунка, въ особенности если онъ исполненъ такъ превосходно, какъ въ Очеркахъ профессора Бѣляева.

Ф. Успенскій.

Τὰ ἐν Ἀκροπόλει ἀγάλματα κατὰ ἀρχαίῃς τέχνης. Θεμιστοκλῆς Σοφοῦλης.
Ἐν Ἀθήναις. 1892.

Рѣдко когда современная греческая книга попадетъ къ намъ въ Россію: слишкомъ мало у насъ знаютъ ново-греческій языкъ, да немного и солидныхъ научныхъ книгъ пишутъ греческіе ученые, а въ особенности археологи. Съ одной изъ такихъ книгъ я и желаю познакомить русскихъ археологовъ, такъ какъ она трактуетъ объ одномъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ въ исторіи архаической греческой скульптуры, и при томъ такъ оригинально и самостоятельно, что съ ней приходится считаться.

Авторъ этой книги, приватъ-доцентъ Аѳинскаго университета по кафедрѣ художественной археологіи, получилъ свое научное образованіе въ Германіи, въ Мюнхенѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго знатока памятниковъ, Генриха Брунна; ему онъ и посвящаетъ свою книгу. Это пребываніе въ Германіи, въ старой классической школѣ, не прошло безслѣдно для г. Софулиса, и если среди немногочисленныхъ греческихъ художественныхъ археологовъ ему нужно отвести выдающееся мѣсто, то этимъ онъ обязанъ, конечно, въ значительной степени этой школѣ. Въ его работахъ видна смѣлость, которая приобрѣтается вмѣстѣ съ усвоеніемъ опредѣленнаго метода, видны умѣнье обращаться съ памятниками, интересъ къ нимъ—и все это неоспоримо унаслѣдовано имъ отъ его высоко талантливаго учителя. Кромѣ этихъ благоприобрѣтенныхъ качествъ, въ его работахъ постоянно проявляется художественное чутье, не особенно часто встрѣчающееся у археологовъ. Однако, рядомъ съ этими достоинствами въ его работахъ проявляются и недостатки, отчасти опять таки общіе

у него съ его учителемъ, и между ними на первомъ планѣ нужно поставить нѣкоторое пренебреженіе къ ученой литературѣ. Ссылки нашего автора оставляютъ впечатлѣніе дѣлаемыхъ по памяти, и, нельзя не признаться, это впечатлѣніе много вредитъ при оцѣнкѣ его изслѣдованій, особенно разбираемой нами книги его, которая предлагаетъ совершенно новое рѣшеніе интереснаго вопроса о характерѣ и ходѣ развитія арханческой аттической скульптуры, — рѣшеніе совершенно отличное отъ установившагося въ археологической литературѣ. При такомъ положеніи дѣла ему, конечно, нужно было бы болѣе тщательно, детально считаться съ чужими мнѣніями, а не говорить о нихъ въ общихъ ссылкахъ.

Въ общемъ книга г. Софулиса читается съ большимъ удовольствіемъ и производитъ впечатлѣніе свѣжести, увлеченія и самостоятельности; видно, что памятники были изучаемы сами въ себѣ, а не по книжнымъ описаніямъ; выводы же такъ противоположны общепринятымъ, что невольно внимательнѣе всматриваешься въ ходъ развитія мысли автора, увлекаясь смѣлостью, съ которой онъ идетъ навстрѣчу опасности не быть признаннымъ своими учителями. Можетъ быть, сознаніе, что его выводы преднамѣренно не будутъ приняты, было причиною нѣкоторой односторонности ихъ, но во всякомъ случаѣ своимъ изслѣдованіемъ г. Софулисъ далъ сильный толчекъ правильному разрѣшенію нантереснѣйшаго въ настоящее время вопроса исторіи классическаго искусства.

Самое заглавіе его книги совершенно ясно опредѣляетъ ея содержаніе: въ ней говорится о тѣхъ женскихъ статуяхъ, которыя были найдены на Акрополѣ въ восьмидесятыхъ годахъ въ цѣлой массѣ. Большинство этихъ статуй представляетъ фрагменты, но найдены и довольно хорошо сохранившіяся, даже съ остатками раскраски. Вмѣстѣ съ этими статуями были найдены и базы отъ нихъ и другихъ статуй съ именами художниковъ, въ большинствѣ случаевъ не извѣстныхъ еще по литературнымъ источникамъ. Среди этихъ художниковъ встрѣчаются и уроженцы Аттики, какъ, напримѣръ, Антеноръ, и островитяне. Эта находка возбудила большой интересъ и при разборѣ ея возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ являлись два: кого могутъ изображать эти статуи, всѣ одного типа, но съ разными по характеру фizioноміями, и кѣмъ созданъ этотъ типъ? Разрѣшенію главнымъ образомъ этихъ вопросовъ и посвящена названная нами въ заглавіи книга г. Софулиса.

На сколько мнѣ извѣстно, г. Софулисъ выступилъ на ученое по-

прише какъ разъ въ моментъ этихъ находокъ и, весьма естественно, на нихъ сосредоточилъ свое вниманіе. Съ первыхъ же своихъ статей онъ высказался совершенно ясно за принадлежность этихъ произведений аттическому искусству и за созданіе этого типа въ Атикѣ совершенно самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вліянія. Уже въ 1887 году онъ издалъ по этому вопросу особую книжку: „Περὶ τοῦ ἀρχαιοτέρου Ἀττικοῦ ἐργατηρίου“, не лишнюю интереса по высказываемымъ въ ней мыслямъ, но написанную, къ сожалѣнію, со слишкомъ большою, чисто юношескою, самоувѣренностью и еще большей легкостью, безъ достаточнаго научнаго балласта. Болѣе обстоятельно обратился онъ къ этому вопросу въ своей статьѣ „Ἡ Νίκη τοῦ Ἀρχερίου“ (Ἐφημερίς ἀρχαιολογική, 1891), гдѣ на основаніи подробнаго анализа деталей этой статуи, служащей точкой исхода для всѣхъ археологовъ, считающихъ статуи акропольскія за возникшія подъ островнымъ и особенно хіосскимъ вліяніемъ, сравнительно съ общепризнанными древнѣйшими аттическими произведеніями, онъ приходитъ къ тому заключенію, что древнѣйшія аттическія произведенія и Ники представляютъ только различныя ступени развитія одного и того же направленія; что исполнители этихъ произведений имѣютъ не только общую манеру работы, но и манеру передачи природы; если же въ каждомъ типѣ представляются нѣкоторыя различія, то ихъ нельзя разсматривать, какъ признаки отдѣльныхъ школъ, но какъ небольшія особенности различныхъ мастерскихъ одного и того же художественнаго центра или даже какъ особенности отдѣльнаго художника, тѣмъ болѣе, что эти памятники принадлежатъ далеко не одному времени. Г. Софулисъ склоненъ даже думать, что Архермъ еще мальчикомъ покинулъ Хіосъ и учился скульптурѣ не у отца въ Хіосѣ, а въ Аѣнахъ; его сыновья только вернулись на Хіосъ и прославили свое искусство, пріобрѣтенное въ Атикѣ, по всему Егейскому морю и его островамъ(?).

Итакъ, уже ранѣе нѣсколько разъ г. Софулисъ высказывалъ свой взглядъ на архаическое аттическое искусство; теперь же онъ прямо обращается къ вопросу о женскихъ статуяхъ Акрополя и тождественныхъ съ ними по типу статуяхъ Делоса и Елевзина. Совершенно отвергая мнѣніе Robert'a и нѣкоторыхъ другихъ, что эти статуи представляютъ Аѣнну Ергане, онъ не признаетъ ихъ и за статуи жрицъ Аѣины, такъ какъ должность эта была пожизненная, между тѣмъ какъ статуй названнаго типа, принадлежащихъ къ періоду не болѣе 60 лѣтъ протяженіемъ, найдено на Акрополѣ болѣе 40. Онъ

не отвергаетъ затѣмъ возможности признать эти статуи за изображенія ἑρρηφόρων и вообще лицъ, принимавшихъ какое либо участіе въ Панаѳинейскихъ празднествахъ и желавшихъ увѣковѣчить воспоминаніе объ этомъ участіи въ формѣ своихъ статуй, поставленныхъ на Акрополѣ въ честь Никіа-Аѳины; но на основаніи изданной г. Лоллингомъ въ Δελτίον ἀρχ., 1890 г., (стр. 146. № 5) надписи, свидѣтельствующей, что такія же женскія статуи могутъ быть подносными дарами любому божеству и по какому бы то ни было случаю, не представляя въ себѣ ничего другого, какъ достойный въ художественномъ и матеріальномъ отношеніи даръ божеству, онъ болѣе склоненъ думать, что также нужно смотрѣть и на большинство, если не на всѣ женскія статуи Акрополя, и поэтому даетъ имъ названіе *хоръ*, хорошо извѣстное вообще въ греческомъ искусствѣ.

Порѣшивъ такъ съ вопросомъ о назначеніи акропольскихъ статуй. во второй главѣ г. Софулисъ обращается къ вопросу объ одеждѣ этихъ статуй и въ этомъ отношеніи распредѣляетъ всѣ статуи на двѣ группы: около статуи Антенора и около статуи, изданной въ Musées d'Athènes, pl. V. Онъ убѣжденъ, что послѣдняя статуя одѣта только въ одинъ хитонъ, сильно вытященный кверху изъ-подъ пояса и такимъ образомъ образующій большую пазуху. Различный способъ трактовки верхней и нижней части одежды, какъ бы указывающій на различный матеріалъ этихъ двухъ частей, не смущаетъ нашего автора, такъ какъ, по его мнѣнію, аттический архаическій рельефъ, изображающій хоръ нимфъ съ Гермесомъ во главѣ (Bull. d. C. H., 1890, pl. XIV), ясно указываетъ, что аттическіе художники архаическаго періода не стѣснялись различно трактовать одну и ту же одежду на одномъ и томъ же памятникѣ; тѣ волнистыя линіи, которыя большинствомъ признаются за признакъ особой матеріи верхней части одежды статуй, на приведенномъ г. Софулисомъ рельефѣ, встрѣчаются и на нижней части, ниже пояса, рядомъ съ прямыми широкими складками; то же находитъ онъ и на многихъ вазныхъ рисункахъ. Эту манеру передачи складокъ волнистыми линіями,—думаетъ г. Софулисъ,—аттическіе скульпторы заимствовали изъ болѣе древней бронзовой пластики, и при этомъ изслѣдователь ссылается на олимпійскій рельефъ съ изображеніемъ крылатой Артемиды.

Въ разборѣ одежды группы статуй около Антеноровской нашъ авторъ главнымъ образомъ останавливается на манерѣ драпировки гиматіона, называемаго обыкновенно іонійскимъ, и старается прослѣдить развитіе этой одежды на статуяхъ Акрополя. Онъ ду-

масть, что начало этого гиматіона нужно видѣть въ той накидкѣ статуи, изданной въ *Musées d'Athènes*, pl. X, которую большинство признающее эту статую за аттическую, считаетъ за диплодіонъ хитона. Признавая эту накидку и гиматіонъ различными по существу. въ искусствѣ аттическомъ, — думаетъ онъ, — гиматіонъ коръ сложился изъ этой самой накидки, такъ какъ аттическіе художники передавали технически іонійскій гиматіонъ совершенно иначе, чѣмъ собственно іонійскіе художники. Какъ шло это видоизмѣненіе въ аттическомъ искусствѣ, г. Софулисъ считаетъ возможнымъ прослѣдить по слѣдующимъ фрагментамъ: статуямъ Ники ('Еф. 'Арх., 1888, стр. 90, А, и стр. 91, В), рельефу съ Аенной, которой приносятъ жертву цѣлая семья ('Еф. 'Арх., 1886, табл. 9), но наиболѣе ясно выступаетъ это происхожденіе на статуѣ коры, изданной въ 'Еф. 'Арх., 1891, табл. 15. Гиматіонъ этотъ могъ появиться, конечно, только тогда, когда подъ вліяніемъ усиленныхъ сношеній Аттики съ востокомъ, іонійскій хитонъ сдѣлался общей одеждой 'Ατθίδων, слѣдовательно, типъ коръ съ такого рода одеждой долженъ быть болѣе молодымъ, чѣмъ въ одномъ хитонѣ, но, тѣмъ не менѣе, оба эти типа одного происхожденія и различаются только по времени.

Въ третьей главѣ г. Софулисъ доказываетъ, что статуи коръ и по типу, и вообще по мамерѣ работы находятся въ связи съ древнѣйшими памятниками Аттики. Для этого онъ обращается къ разбору двухъ типовъ женскихъ изображеній, съ древнѣйшихъ временъ практикуемыхъ въ аттическомъ искусствѣ: типа сидящей фигуры, древнѣйшій образецъ которой представляетъ фрагментъ Центрального Музея № 7, и стоящей, много образцовъ котораго найдено повсюду. Выѣшніе признаки послѣдняго лучше всего характеризуютъ статуи, изображенныя въ 'Еф. 'Арх., 1891, табл. 11 и 12.

Переходъ отъ этихъ древнѣйшихъ произведеній къ корамъ г. Софулисъ видитъ въ женской сидящей статуѣ, изданной *Le Bas*. 3, 1, и извѣстной сидящей статуѣ Аенны. Первая, сохраняя всѣ черты древнѣйшихъ выше упомянутыхъ произведеній, имѣетъ нѣкоторыя общія черты и со статуями коръ, какъ, напримѣръ, увѣренность и тщательность трактовки складокъ; типъ же коръ сравнительно съ ней обнаруживаетъ болѣе жизни и духовнаго содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ большее знаніе человѣческаго тѣла, даже и подъ одеждой. Статуя Аенны представляетъ дальнѣйшее приближеніе къ корамъ и въ этомъ именно отношеніи, при чемъ она ближе къ корамъ, чѣмъ къ статуѣ *Le Bas*, представляя нѣкоторую новую

фазу въ развитіи аттическаго архаическаго искусства и смѣлое нововведеніе, давшее сильный толчекъ аттической школѣ. Отставивъ ногу статуи немного назадъ, художникъ придавъ статуѣ больше жизни, а соотвѣтствіемъ этому движенію въ расположеніи складокъ одежды устанавливалъ болѣе правильное соотношеніе между одеждой и тѣломъ.

Усматривая во всѣхъ этихъ произведеніяхъ одинъ и тотъ же художественный характеръ, тотъ же художественный духъ, какъ происходящихъ изъ одной и той же страны, онъ видитъ и различія, представляющія какъ бы особенности каждаго художника самого по себѣ. То же можно замѣтить и на нѣкоторыхъ иныхъ памятникахъ Атики, и это указываетъ, что въ установленныхъ границахъ аттическіе художники работали съ нѣкоторою условною свободой соотвѣтственно своему характеру, и эта свобода была тѣмъ больше, чѣмъ талантливѣе былъ художникъ. Среди аттическихъ художниковъ половины VI вѣка наиболѣе выдающимся скульпторомъ былъ Эндой, съ именемъ котораго, какъ съ большою вѣроятностью думаетъ г. Софулисъ, соединяется статуя сидящей Аины; а если это такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его произведеніи мы встрѣчаемся съ тѣми нововведеніями, которыя были усвоены слѣдующимъ поколѣніемъ художниковъ, создавшихъ коръ. Нашъ авторъ думаетъ, что если выпрямить сидящую Аину, то получится образъ одной изъ статуй коръ, а именно коры Антенора. Общее у нихъ не только постановка ногъ, но и сгибъ рукъ и форма плечъ; одинакова и трактовка тѣла. Преувеличенно высокая грудь, плотность туловища и основательный костякъ нижнихъ конечностей одинаково характеризуютъ обѣ эти статуи.

Итакъ типъ коры въ статуѣ Антенора представляетъ определенный шагъ въ развитіи архаическаго аттическаго искусства, по мнѣнію г. Софулиса.

Въ четвертой главѣ нашъ авторъ старается разобраться среди статуй коръ. Признавая, что этотъ типъ практиковался на протяжении не менѣе 60 лѣтъ, и что конечныя ступени развитія его представляются очень ярко въ головахъ *Ath. Mitth.*, 1890, стр. 4, и *Musées d' Athènes*, pl. XIV, онъ въ то же время отмѣчаетъ два періода въ этомъ развитіи; къ первому относитъ онъ коръ: *Ath. Mitth.*, 1890, стр. 4, Антенора, *Musées d' Athènes*, pl. III, *Journ. of hell. Stud.*, 'Еф. 'Арх., 1891, πιν. 15, *ibidem*, 1887, πιν. 9, *Ath. Mitth.*, 1879, Taf. VI, и 1888, стр. 120; ко второму же всѣ остальные статуи и головы въ шкапу залы Мосхофора, а также головы и статуи изъ Елевзина ('Еф. 'Арх., 1883, πιν. 5, и 1889, πιν. 3 и 4) и беотійскую

голову (Bull. de C. H., XI, pl. 7). Онъ различаетъ эти два періода главнымъ образомъ по формировкѣ глазъ и головы: въ первомъ періодѣ глазная впадина велика и широка; глазъ широко открытъ, и вѣки выступаютъ надъ глазнымъ яблокомъ мало; во второмъ періодѣ глаза длинны и узки и имѣютъ форму миндалины; верхняя вѣка отдѣлена скульптурно; замѣтенъ слезный мѣшечекъ. Въ первомъ періодѣ преобладаетъ лицо надъ черепомъ, во второмъ черепъ надъ лицомъ.

Кромѣ этого хронологическаго дѣленія, г. Софулисъ признаетъ еще и дѣленіе по характеру; но это различіе, рассматриваемое другими, какъ признакъ различнаго происхожденія и чуждаго вліянія, онъ объясняетъ, какъ различныя проявленія одного аттическаго искусства. Какъ древнѣйшіе примѣры этихъ двухъ направленій, онъ рассматриваетъ почти современные между собою произведенія одного типа: Ath. Mitth., 1890, стр. 4, и *ibidem*, 1879, табл. VI, 1. Первая статуя, очень близкая по моделировкѣ шеи, плечъ, груди и по трактовкѣ одеждъ къ сидящей статуѣ Аѳины, поражаетъ на столько своимъ сходствомъ съ несомнѣннымъ аттическимъ произведеніемъ, съ Мосхофоромъ, что г. Софулисъ совершенно основательно называетъ ее младшей его сестрой. Въ близкое соотношеніе съ головой Мосхофора, особенно по отдѣлкѣ волосъ, ставятъ и вторую голову даже лица, признающія хіосское происхожденіе акропольскихъ коръ. Однако между этими двумя женскими головами есть существенное различіе: у второй лицо болѣе мясистое и эпидерма передана болѣе деликатно, щеки болѣе близки къ природѣ, толще у скулъ и по бокамъ отъ шеи отдѣляются опредѣленною рѣзкой линіей, между тѣмъ какъ у первой плоскость щекъ съ боковъ совершенно совпадаетъ съ линіей шеи. Подъ ухомъ у второй наблюдается маленькая ямка, какъ это часто бываетъ въ природѣ. Челюсти и скулы обрисовываются даже съ преувеличеніемъ. Словомъ, въ общемъ работа этой головы детальнѣе и ближе къ природѣ, реальнѣе, если можно такъ выразиться.

Такимъ образомъ, отмѣтивъ различія между этими двумя несомнѣнно аттическими по своему происхожденію головами, нашъ авторъ, несмотря на незначительное число сохранившихся до насъ памятниковъ архаическаго искусства, находитъ и другіе примѣры для подтвержденія своей мысли о существованіи этого различія направленій въ самомъ аттическомъ искусствѣ. Онъ находитъ, что тѣ же черты, которыя характеризуютъ голову стелы дискофора, встрѣчаются и въ головѣ Аѳины на рельефѣ, изображающемъ жертвоприношеніе

ей, и въ головѣ изъ коллекціи Сабурова (pl. II). а голову дискофора сближаетъ съ головой *Ath. Mitth.*, 1879, до того, что считаетъ возможнымъ послѣднюю признать за позднѣйшее произведеніе того же художника. Совершенно другой характеръ представляетъ голова Аристона, не смотря, повидимому, на сходство ея съ головой дискофора. и это объясняетъ нашъ авторъ не только различіемъ времени и совершенства техники, но главнымъ образомъ различіемъ руководившихъ художниками принциповъ: въ Аристоклестѣ проявляется основательное знаніе природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ условность, работа по извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ правиламъ, канонамъ, подъ влияніемъ традицій школы.

Итакъ, въ самомъ аттическомъ архаическомъ искусствѣ г. Софулисъ отмѣчаетъ два направленія: одно стремится къ передачѣ природы даже въ нѣкоторомъ преувеличеніи, заботясь о реальной правдѣ, другое же—къ совершенству работы и красивой передачѣ человѣческаго тѣла.

Въ слѣдующихъ главахъ своей книги нашъ авторъ распредѣляетъ сохранившіяся до насъ статуи коръ на двѣ группы, соотвѣтственно этимъ двумъ направленіямъ, и въ основѣ первой ставитъ статую Кору, изданную въ *Musées d'Athènes*, pl. III и IV. и обыкновенно считаемуую за самый характерный образчикъ хіосскаго искусства, а во главѣ второй—статую Антенора, какъ самую яркую представительницу схематическаго, формальнаго направленія. Въ каждой изъ этихъ группъ статуи располагаются хронологически, при чемъ указывается, въ чемъ собственно состоитъ дальнѣйшее движеніе впередъ въ каждой изъ нихъ. Первой группѣ посвящена V глава, второй—VII, а VI глава трактуетъ о тѣхъ двухъ корахъ, которыя являются наиболѣе самостоятельными произведеніями какого нибудь одного аттическаго же художника, стоявшаго внѣ школъ и направленій, господствовавшихъ на его родинѣ. Эти статуи (*Musées d'Athènes*, X, и 'Еф. 'Арх., 1891, πῖν. 15) по совершенству техники должны быть относимы ко второй половинѣ VI вѣка и даже къ наиболѣе юнымъ статуямъ этого времени, а по типу представляютъ отраженіе древнѣйшаго періода, деревянной пластики.

Къ первой группѣ коръ г. Софулисъ относитъ уже упомянутую нами статую *Ath. Mitth.*, 1890, стр. 4, представляющую по типу головы такую близость со статуей Антенора, что хотѣлось бы считать ее за произведеніе отца Антенора, Евмера, еслибы преданіе говорило, что онъ занимался и скульптурой. Въ обѣихъ головахъ лицо, сформиро-

важное по самым строгимъ правиламъ, не отличается ни жизненностью, ни самостоятельностью выраженія. Къ этимъ двумъ статуямъ примыкаетъ Сабуровская голова (Collection, pl. II) и Луврская женская голова, изданная въ *Gaz. Arch.*, 1887, II. Затѣмъ слѣдуютъ статуи *Ath. Mitth.*, 1888, Seite 120, и *Musées d'Athènes*, pl. II. Последняя голова представляетъ уже сильный шагъ впередъ, такъ какъ пропорціи правильнѣе и, не смотря на каноничность симметріи, ближе къ природѣ; особенно замѣтно это въ формировкѣ глазъ и рта: болѣе правдиво переданы вѣки и губы. Все это представляетъ особенности не одного какого либо художника, а всего новаго періода искусства этого направления. и объясняется вліяніемъ художниковъ реального направления. Къ этой же группѣ въ этотъ же новый періодъ относятся статуи, изданныя въ 'Еф. 'Арх., 1883, т. 8, и голова въ залѣ Мосхофора, изданная въ *Gaz. d. B. N.*, 1892. page 105, а заканчиваетъ ее статуя *Musées d'Athènes*, pl. XIII, имѣющая уже совершенно опредѣленное выраженіе.

Статую второй группы *Musées d'Athènes*, III и IV, г. Софулисъ сближаетъ съ головой *Ath. Mitth.*, 1879, VI, 1, а особенности ея, прямо бросающіяся въ глаза, а именно необыкновенную опытность въ обработкѣ мрамора и крайнюю тщательность въ передачѣ мельчайшихъ деталей, за которою исчезаютъ ясность и единство цѣлаго и которая большинствомъ ученыхъ признается за признакъ хіосскаго происхожденія этой статуи, г. Софулисъ разсматриваетъ, какъ проявленія большей опытности аттического же художника въ мраморной техникѣ и желанія болѣе наглядно передать особенности женской природы въ присущей ей элегантности. Это же послѣднее стремленіе усматриваетъ онъ и въ особенностяхъ формировки головы и тѣла. Эта манера, по мнѣнію г. Софулиса, присуща цѣлому ряду аттическихъ скульптурныхъ произведеній, которыя онъ располагаетъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: за упомянутой выше статуей слѣдуетъ очень близкая къ ней статуэтка, изданная *Gaz. d. B. A.*, 1892, p. 207, *Musées d'Athènes*, pl. V. *ibidem*. pl. VII, *Journ. of h. St.*, 1887, page 197, голова изъ Беотіи (*Bull. d. C. H.* XI. pl. 7). Эти четыре коры г. Софулисъ находитъ представляющими значительный шагъ впередъ, но въ томъ же духѣ реалистической передачи природы. Гораздо выше ихъ, по своему выраженію, стоятъ относящаяся къ этой группѣ статуя *Bull. d. C. H.*, 1890, pl. VI, VII, поражающая своимъ осмысленнымъ, задумчивымъ выраженіемъ. Здѣсь нѣтъ уже какъ бы застывшей улыбки, нижняя губа толще и нѣ-

сколько отвисла, выстуная изъ-подъ верхней. Конечный пунктъ въ развитіи этой группы представляетъ статуя Musées d'Athènes, pl. XIV, по всей вѣроятности, относящаяся уже къ началу V вѣка и къ ней, какъ ближайшія представительницы, относятся статуя 685 и елевзинскія головы 'Еф. 'Арх., 1889, пів. 9, и особенно 1885, пів. 4.

Статуя, изданную въ 'Еф. 'Арх., 1883, пів. 8, и голову 643 г. Софулисъ приписываетъ одному художнику, который, не принадлежа ни къ той, ни къ другой школѣ, соединилъ гармонически особенности обѣихъ.

Въ заключеніе своей книги г. Софулисъ дѣлаетъ общую характеристику cadaго изъ этихъ направленій, постоянно сближавшихся между собою, и высказываетъ убѣжденіе, что собственно второе направление, реалистическое, соединяющее съ этимъ реализмомъ выраженія изящности обработки, техники, моделировки, и есть собственно чисто аттическое. и рѣшительно отказывается признать произведенія этого направленія за чуждыя, привозныя. Впрочемъ, онъ не отказывается совершенно отъ признанія и чужаго вліянія, преимущественно эгинскаго и пелопонезскаго. но думаетъ, что, при высотѣ развитія аттическаго искусства, оно могло сказываться на мелочахъ, а ничуть не въ цѣломъ направленіи, такъ какъ аттическіе художники все же были слишкомъ самостоятельны. Этимъ-то архаическимъ аттическимъ искусствомъ и былъ, по его убѣжденію, созданъ совершенно самостоятельно типъ женской одѣтой статуи, такъ называемой коры, и подробности этого типа измѣнялись по столько, по сколько измѣнялись сами афинянки.

А. Шамловскій.

А. Л. Бертъе-Делагардъ. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсоньса. Съ 7 таблицами и 2 полнотипажамъ. С.-Пб. 1893. (12-й выпускъ „Матеріаловъ по археологии Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею“).

А. Л. Бертъе-Делагардъ пользуется весьма почетною извѣстностью въ русской археологической литературѣ, какъ авторъ крупныхъ изслѣдованій въ области древностей Крыма и его исторіи. Его сочиненіе о древностяхъ Инкермана (*Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, т. XIV, стр. 166—283) показало въ авторѣ не только искуснаго наблюдателя, но и строгаго критика, котораго появленіе въ этой средѣ едва початыхъ древностей Крыма христі-

анской эпохи привѣтствовало всѣми компетентными людьми. Таковы же были дальнѣйшія работы автора по надписямъ, монетамъ и картографіи береговъ Чернаго моря. Тому же лицу Одесское общество исторіи и древностей и его музей обязаны цѣлымъ рядомъ крупныхъ пожертвованій, составившимъ эпоху въ лѣтописяхъ Общества. Прибавимъ, что авторъ, будучи самъ военнымъ и специалистомъ техникомъ, севастопольскій старожилъ и издавна слѣдитъ на мѣстѣ за древностями Крыма.

Понятно, отсюда, что Императорская археологическая коммисія обратилась именно къ А. .Л. Бертъе-Делагарду съ предложеніемъ составить научное объясненіе послѣднихъ ею произведенныхъ раскопокъ въ Херсонесѣ, въ результатѣ чего и появилось выше означенное сочиненіе. Авторъ даетъ, однако, гораздо больше, чѣмъ только объясненіе раскопокъ: его сочиненіе представляетъ мастерски начерченную общую характеристику древностей Херсонеса.

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, какъ много надеждъ всегда (и доселѣ) возлагалось на эту „русскую Помпею“, какъ, со времени Палласа, всѣ изслѣдователи, путешественники, гиды и топографы приходили въ разочарованіе, столкнувшись съ жалкою дѣйствительностью — кучами камня и щебня на мѣстѣ древняго города, будто бы вѣкогда богатаго даже и въ развалинахъ, но разнесеннаго по кускамъ жителями сосѣдняго Севастополя. Авторъ вскрылъ и обнаружилъ въ самыхъ источникахъ эту пресловутую легенду „русской Помпеи“, разнесенной русскими варварами. „Авторитетъ Палласа и наглость Кларка“ помогли образоваться этой легендѣ, затѣмъ стали повторять всѣ мы съ „разными прикрасами и преувеличеніями“. Чтобы прослѣдить и обнаружить народившуюся и выросшую басню, автору пришлось слѣдить за всѣмъ литературнымъ матеріаломъ въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, выраженіяхъ и фразахъ, и съ другой стороны собрать свой собственный громадный матеріалъ по древностямъ Херсонеса, чтобы этой массою задавить все растущую легенду. Правда, автору такъ близко и живо знакомы и самая мѣстность, и эти жалкія кучи камней, и еще болѣе убогія улочки и переулочки, и всѣ открываемыя древности Херсонеса, что ему легко было начертить для насъ эту картину. Но въ данномъ вопросѣ не такъ важно знаніе предмета, сколько умѣніе изложить, обобщить, дать читателю живой очеркъ, а не одну статистику,—и, надо признать, авторъ исполнилъ это мастерскою рукою. Прежде всего, разъяснено намъ, что при раскопкахъ (стр. 11) всѣ „мѣста оказывались нетронутыми, никто

никогда не копалъ вглубь, и всѣ развалины зданій. со всѣмъ своимъ содержаніемъ. открываются въ полной неприкосновенности“. Затѣмъ. стояція, очевидно, на первомъ мѣстѣ между зданій, церкви оказываются „малыхъ размѣровъ, съ весьма слабымъ художественнымъ значеніемъ“, нерѣдко выкроенными изъ другихъ болѣе древнихъ построекъ. Что касается частныхъ домовъ, „дѣйствительность гораздо ниже всего того, что можно себѣ представить“: „все это маленькія лачужки. одноэтажныя, всѣ безъ исключенія построенныя изъ самаго плохого мелкаго бутоваго камня“. Что тысячи ссыльных ломали будто бы для Херсонеса инкерманскій камень, это „выдумка, которую опровергаютъ какъ раскопки Херсонеса (нашелся одинъ только домъ изъ этого камня), такъ и древнія каменоломни Инкермана“ Нашелся водопроводъ, сточныя канавы, мостовая на главной улицѣ, множество цистернъ (доказывающихъ, что городъ былъ бѣденъ водою). но нигдѣ не встрѣтилось колоннадъ, портиковъ, фонтановъ, даже внутреннихъ дворовъ; въ домахъ нигдѣ не встрѣчено ни каменнаго пола, ни мозаичнаго. Между тѣмъ, раскопаны уже десятки кварталовъ и многія сотни домовъ.

„Изъ этого жалкаго состоянія развалинъ Херсонеса и незначительности находокъ въ немъ,—продолжаетъ авторъ (стр. 16).—можно бы сдѣлать выводъ о бесполезности систематическихъ раскопокъ въ этой грудѣ мусора, но съ такимъ выводомъ нельзя согласиться“. Въ Херсонесѣ можно ожидать много важныхъ находокъ, предметовъ древности даже и художественныхъ (какъ то доказали терракотовыя формы, найденныя въ 1888 году), но, главнымъ образомъ, историческихъ, надписей, мелкихъ древностей. Но значеніе раскопокъ Херсонеса не въ антикахъ: Херсонесъ есть почти единственное мѣсто для находокъ предметовъ древности *византійской*. „такъ какъ не скоро еще найдется городъ, брошенный жителями въ XIV вѣкѣ“. „Въ Херсонесѣ намъ открывается весь бытъ, вся культура византійскаго города, тѣмъ болѣе интересные, что они относятся именно къ самому обыкновенному мелкому городку, а не къ крупному исключительному центру. Въ Херсонесѣ же отыскиваются памятники церковной жизни и обрядности православія, правда, не первыхъ вѣковъ христіанства, но именно потому и особенно любопытные, что они относятся къ VII—XIII вѣкамъ. Такое рѣдкое, почти исключительное, значеніе раскопокъ въ Херсонесѣ, созданное его жизнью, точнѣе сказать, временемъ его гибели. становится особенно важнымъ, если вспомнить огромное значеніе этого города въ нашей исторіи, политической и особенно церковной.

Одного этого воспоминанія довольно, чтобы сдѣлать самыя полныя, самыя систематическія раскопки въ Херсонесѣ *обязательными* для насъ, хотя бы даже въ томъ случаѣ, если никакихъ находокъ и не предвидѣлось бы, а тѣмъ болѣе, когда онѣ вѣроятны и уже осуществились, доставивъ матеріалы, столь полезныя для пониманія культуры поздней Византіи².

Такова точка зрѣнія, установленная авторомъ въ результатѣ наблюденій за много лѣтъ и прочно сложившагося убѣжденія; къ этому взгляду, столь строго научному и столь ясному въ своей практичности, остается только присоединиться вполне. Но какъ много еще у насъ той незрѣлости ума и знанія, которая въ археологіи придаетъ значеніе лишь древности, доказываетъ именно эта, сдѣланная выше, выписка, съ ея ясно сквозящимъ опасеніемъ повредить точнымъ научнымъ и практическимъ анализомъ интересу къ раскопкамъ византійскаго города.

Главнымъ предметомъ частныхъ изслѣдованій автора являются, понятно, церкви Херсонеса, открытыя въ 1889 и 1890 годахъ, и въ церквахъ найденныя мраморныя колонны съ капителями: одна изъ этихъ капителей украшена внизу поясомъ акантовъ, а въ верхнемъ поясѣ по угламъ бараньими головками, и на мѣстѣ среднихъ розетокъ птицами, клюющими гроздья, и орломъ, уносящимъ въ когтяхъ зайца. Ища приурочить къ извѣстному времени эту скульптурную капитель авторъ находитъ тождественныя съ нею капители въ равеннской церкви VI столѣтія:

„Кому, сколько нибудь занимающемуся византійскимъ искусствомъ, — говоритъ авторъ, — не знакомы древности Равенны, во многомъ такъ хорошо и цѣльно сохранившіяся? Вопросъ о ихъ происхожденіи много разъ подвергался изслѣдованію, и византійскій элементъ въ нихъ часто отрицался совершенно, или допускалось только слабое вліяніе его на чисто мѣстныхъ художниковъ: даже вліяніе Равенны на Византію находило защитниковъ. Этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ и имѣетъ огромную литературу: подробно разбирать его здѣсь не возможно, но я скажу только, что въ послѣднее время, съ изученіемъ византійскаго искусства, въ немъ стали видѣть многое, недоступное прежде. Тѣмъ любопытнѣе будетъ услышать, что все до сихъ поръ описанныя здѣсь колонны и капители, найденныя на востокѣ, въ базиликахъ далекаго Херсонеса, совершенно одинаковы съ находящимися на западѣ, въ базиликахъ Равенны. Одинаковы онѣ не только въ смыслѣ сходства стили, а просто почти математически тождественны,

даже по матеріалу и размѣрамъ". Полное сходство, почти тождество, нашихъ мраморовъ съ равненскими должно указывать съ совершенною несомнѣнностью на одинаковость происхожденія ихъ, которое къ тому же можетъ быть точно опредѣлено. Всѣ указанные равненскіе мраморы, бѣлые или бѣлые съ синеватыми прожилками, происходятъ изъ ломокъ древняго Проконнеса (нынѣ Мармара) на Пропонтидѣ. Мраморныя ломки, которыми славился издревле этотъ островъ, разрабатывались въ большихъ размѣрахъ и, находясь на самомъ берегу моря, давали всѣ удобства для вывоза этого камня на судахъ во всѣ страны, поэтому мраморъ отсюда находится не только въ близкихъ къ ломкамъ мѣстахъ (Кизикъ, Константинополь и друг.), но и въ столь отдаленныхъ, какъ Італія (Равенна, Венеція съ островами. Торчелло и Мурано, Градо, Паренцо въ Істрія и проч.), гдѣ онъ и до сихъ поръ называется *grecco bianco* и него *apato*. Изъ этого мрамора именно и сдѣланы всѣ описанные мною фрагменты, да и вообще всѣ мраморы, попадающіеся въ Херсонесѣ; изъ него же и всѣ остатки мраморовъ древнихъ церквей восточнаго побережья Чернаго моря, а эти остатки по стилю своему часто, можно сказать, тождественны съ только что описанными херсонесскими. Не могу не замѣтить, что доставка этого мрамора къ намъ въ Крымъ и на Кавказъ тѣмъ болѣе облегчалась, что суда изъ Пропонтиды, идя къ намъ часто пустыни, брали мраморъ, какъ балластъ, чѣмъ и доводили его цѣну до совершенной ничтожности, дѣлая его доступнымъ для бѣднѣйшихъ приморскихъ мѣстностей".

Какъ вполне ясно становится изъ этой длинной выписки, вопросъ о такъ называемомъ сходствѣ стилей въ областяхъ Византіи переносится, дѣйствительно, изъ темной области эстетическихъ ощущеній и безграничной сферы эстетическихъ сужденій въ среду точно опредѣленную, но мы не можемъ лучше выставить всю ясность взглядовъ автора, какъ продолживъ выписку.

„Допустить,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—прямое близкое вліяніе византійскаго художества въ Італіи многимъ казалось невозможнымъ; сходство стилей въ общемъ и въ мелочахъ не признавалось достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ основанное на субъективномъ пониманіи, а потому и не для всѣхъ одинаковое; матеріальное свидѣтельство мрамора, добытаго въ греческихъ ломкахъ, нельзя было отрицать, но онъ допускался лишь какъ грубый матеріаль. а обдѣлка его будто бы производилась уже въ Італіи мѣстными художниками и чуть ли не отъ нихъ поучалась и сама Византія; до-

пускалось новое явление — искусство готовъ, видѣлся новый стиль, выработанный въ одряхлѣвшемъ Римѣ, не допускалось только вліянія Византіи. Кто, съ знаніемъ архитектурной техники и безъ предвзятыхъ идей, могъ сравнивать сараеобразныя базилики Запада, по основу своему доступныя къ построенію любому невѣждѣ, съ купольными сооруженіями Византіи, по трудности техники и необъятной величавости до сихъ поръ не имѣющими себѣ равныхъ (Св. Софія). для того до очевидности ясно, кто изъ строителей могъ быть и былъ учителемъ; но матеріальныхъ доказательствъ, такъ сказать, документальныхъ, въ этомъ дѣлѣ немного. Вотъ въ этотъ-то споръ наши бѣдныя херсонесскія раскопки и вносятъ рѣшающее слово. Для Равенны допускалось происхожденіе своей особой школы художества. не зависѣвшей отъ Византіи; но когда мы видимъ у себя въ Крыму точъ въ точъ тѣ же мраморы, что и въ Равеннѣ, то приходится, идя тѣмъ же путемъ, принять только одно рѣшеніе, уже давно подсказанное обыденнымъ здравымъ смысломъ: мраморныя ломки, принадлежавшія Византіи вообще и въ частности паходившіяся въ Проконнесѣ, посылали во всѣ страны не грубый, необдѣланный матеріалъ, съ которымъ столь же мало сѣумѣли бы справиться въ Равеннѣ, какъ и въ Херсонесѣ или въ Абхазіи, а вполне законченныя художественныя архитектурныя части. Византія въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ многихъ другихъ, была законодательницею и являлась не только учителемъ, но и исполнителемъ всего сколько нибудь художественнаго у своихъ сосѣдей варваровъ“.

Къ этимъ оригинальнымъ, вполне доказательнымъ и важнымъ заключеніямъ мы прибавимъ, что авторъ основалъ ихъ на мелочномъ, чрезвычайно точномъ и внимательномъ изученіи всего матеріала, какой представила ему богатая памятниками Равенна; чтобы не умножать выписокъ, отсылаемъ читателя къ самому сочиненію. Равно кратко укажемъ, что такой же путь анализа, постоянного сравненія и расширенія горизонта для того, чтобы точно опознаться въ даннѣмъ пунктѣ, пройденъ авторомъ прежде, чѣмъ онъ высказывается по поводу частныхъ вопросовъ о времени открытыхъ базиликъ, о ихъ иконостасныхъ преградахъ, формѣ абсидъ, ихъ оріентаціи, типахъ крещаленъ и проч., и проч., включительно до пресловутаго вопроса о той купели, въ которой будто бы крестился Владиміръ и которую показываютъ въ полу одной изъ развалинъ церковей Херсонеса (избрачной затѣй для возведенія надъ ней храма въ память этого событія). Вездѣ анализъ каждаго вопроса представляетъ подѣ рукою

автора такое же богатство известнаго ему матеріала, ясность и точность его группировки, какъ и полную определенность вывода и постановки предмета на своемъ, ему приходящемся, мѣстѣ. Для того, чтобы отнестись отрицательно къ легендѣ, связавшейся съ известнымъ пунктомъ, автору кажется недостаточнымъ разобрать лѣтописныя свидѣтельства, и онъ пересматриваетъ и вопросъ о формахъ купели, и данныя объ устройствѣ могилъ въ византійскихъ церквахъ. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, совершаются прочныя завоеванія въ избранной области. Мы ограничимся только указаніемъ на то, какъ систематически разсматриваетъ авторъ такіе, на первый взглядъ, не значущіе вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о передѣлкѣ херсонесскихъ базиликъ или перестройкѣ ихъ изъ вѣка въ вѣкъ, и какъ ясное разрѣшеніе этого, повидимому, пустаго вопроса даетъ, затѣмъ, остроумному изслѣдователю основаніе для общей постановки всего вопроса о базиликахъ въ христіанскомъ искусствѣ; но лучше обратимся къ тексту.

„Техника и художество въ Херсонесѣ, — говоритъ авторъ (стр. 48), — очевидно, стояли на низкой степени развитія, не обнаруживая ни малѣйшей доли самобытности, даже въ самыхъ мелкихъ, такъ сказать, элементарныхъ попыткахъ, напримѣръ, въ орнаментациі или въ архитектурныхъ деталяхъ. Когда оказывались средства, весьма, впрочемъ, жалкія, покупался рѣзной мраморъ, шаблонно приготовляемый Византіею на весь христіанскій міръ, добывался не зодчій, а кое-какой еле грамотный мастеръ, натаскивали изъ разваленныхъ построекъ камня и изъ всего этого изображали самую упрощенную сараеобразную базилику, столь же скоро разрушавшуюся, какъ и строившуюся. Изъ ея развалинъ возникала новая базилика, еще болѣе упрощенная и бѣдная, для которой уже и мрамора не покупали, а набирали его по развалинамъ. И такъ продолжалось изъ вѣка въ вѣкъ, доходя до самой крайней нищеты и до постройки стѣнъ базиликъ даже не на извести, а просто на мѣстной грязи“.

„Подобное состояніе церковнаго зодчества вполне объясняетъ причину долгаго построенія церквей по типу базиликъ и отсутствіе купольныхъ сооружений... Базилика есть простой сарай, доступный къ построенію съ необычайною быстротою, при самыхъ ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ и еще меньшемъ запасѣ строительной грамотности. Базилика могла быть громадна, роскошно и даже красиво убрана, но все же по существу оставалась сараемъ, который легко строился любымъ невѣждою каменщикомъ“... Отсюда авторъ легко

объясняетъ, почему базилика была примѣнена въ моментъ торжества христіанства, когда понадобилось наскоро выстраивать обширныя зданія, почему, затѣмъ, съ упадкомъ архитектуры, базилика прочно удержалась въ Римѣ, гдѣ дошли до „херсонесскаго невѣжества“.

Напротивъ того, на христіанскомъ Востокѣ базиличная форма, хотя и распространилась въ первое время, скоро была отброшена, послѣ различныхъ попытокъ ея улучшенія. „Въ этихъ попыткахъ вспыхнувшій новымъ блескомъ гений эллинизма, превзойдя съ технической стороны все сдѣланное..., создалъ, наконецъ, послѣ многихъ пробъ и колебаній идеаль христіанскаго храма, воплотивъ его въ зданія и понинѣ оставшемся не превзойденнымъ и даже не достигаемымъ—въ св. Софіи въ Константинополѣ... Послѣ св. Софіи христіанское зодчество на востокѣ могло быть только купольнымъ и сводчатымъ, но такъ какъ построеніе самаго обыкновеннаго купола требовало гораздо больше знанія и опытности, чѣмъ всѣхъ базиликъ вмѣстѣ взятыхъ, то новое зодчество было недоступно мѣстностямъ бѣднымъ и невѣжественнымъ. Такимъ медвѣжьимъ угломъ былъ, въ числѣ немногихъ на востокѣ, и нашъ Херсонесъ, вмѣстѣ со всѣмъ Крымомъ“.

Время построенія херсонесскихъ, нынѣ открываемыхъ, церквей авторъ полагаетъ между VII и X вѣками, начало установившагося типа относитъ къ VI—VII вѣкамъ и совершенно отрицаетъ какъ принадлежность открытой графомъ А. С. Уваровымъ ко времени Константина Великаго или къ IV вѣку, согласно мнѣнію знаменитаго археолога, такъ и вообще всѣ ходячія до сихъ поръ мнѣнія о древности херсонесскихъ базиликъ ¹⁾).

Мы оставляемъ въ сторонѣ любопытное приложеніе, въ которомъ авторъ описываетъ раскопки въ окрестностяхъ Казачьей бухты по его предположенію, на мѣстѣ древнѣйшаго Херсонеса, такъ какъ эти раскопки пока не дали ничего опредѣленнаго, кромѣ любопытныхъ развалинъ церкви на островкѣ въ этой бухтѣ, по поводу которыхъ можно вспомнить извѣстныя черты изъ житія св. Климента. Равно

¹⁾ Сочиненіе почтеннаго автора, помѣченное 1891 годомъ, было отдано тогда же въ печать, и потому любопытно тождественное мнѣніе о томъ же вопросѣ, высказанное въ изданіи „Русскія Древности“ графа И. Толстаго и Н. Кондакова вып. IV, 1891, стр. 15: „Херсонесскія базилики принадлежать самымъ разнообразнымъ эпохамъ, съ IV по XIV-е столѣтіе, но было бы заблужденіемъ думать, что между ними есть какія либо сохранившіяся, какъ полагають, отъ V—VI вѣка... и проч. „Блестящее время Херсонеса приходится на VII—IX столѣтія“ и такъ далѣе.

мы ограничимся лишь общимъ замѣчаніемъ о прекрасной внѣшности изданія, сопровождаемаго многими рисунками (изъ которыхъ, къ сожалѣнію, фотолитографіи мозаикъ испорчены въ краскахъ литографомъ).— для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о значеніи разбираемаго нами сочиненія.

Мы находимъ значеніе этого трактата капитальнымъ и не только по избранному для него вопросу о древностяхъ Херсонеса, но и вообще для русской археологін. Выше мы сказали, что авторъ является въ этой средѣ уже признаннымъ дѣятелемъ, начавшимъ свои изслѣдованія и занятія непосредственно въ области мѣстной археологін на основаніи продолжительныхъ, даже многолѣтнихъ наблюденій на мѣстѣ. Въ результатъ нашего краткаго разбора новаго изслѣдованія становится очевиднымъ, что авторъ не ограничился уже только мѣстными наблюденіями, но, все расширяя поле своихъ обзорѣй, перешелъ отъ частныхъ вопросовъ южнорусской археологін къ общимъ вопросамъ исторіи христіанскаго искусства. для того, чтобы получить отвѣты по своимъ, такъ сказать, мѣстнымъ пунктамъ. Равно, мы имѣли случай видѣть, что конечный выводъ, получавшійся авторомъ, получалъ определенное значеніе для общей исторіи, содержалъ въ себѣ точныя указанія для направленія ей обширныхъ задачъ. Всѣмъ извѣстно, какъ легко общая археологическая наука увлекается въ сторону пустыхъ умозрѣній, въ то время какъ содержаніе вопроса точно опредѣляется въ иной специальной области. Эта обоюдная или взаимная польза, получаемая отъ постановки мѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій на почву общей исторіи искусства, такъ очевидна и такъ велика, что всякое изслѣдованіе съ такимъ характеромъ получаетъ особое значеніе. Въ средѣ русской археологін, въ силу неудачно сложившихся обстоятельствъ, такое положеніе дѣла остается все еще не вполне яснымъ, и самая обширность этой области, возрастающая въ ней непрерывно масса матеріаловъ заставляютъ нерѣдко забывать, что сама русская археологія есть только поле для занятій, приемы же и методы научнаго изслѣдованія находятся въ общей исторіи искусства.

Н. Кондаковъ.

И. Соколовъ. Церковная реформа императора Іосифа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій. Саратовъ. 1892.

Вопросъ о церковной реформѣ Іосифа II былъ издавна предметомъ обширной литературы, но, тѣмъ не менѣе, онъ далеко не исчерпанъ. Съ одной стороны, много драгоцѣннаго матеріала хранится въ архивахъ Австріи, не получивъ еще надлежащаго освѣщенія; но, помимо того, церковная политика императора, „просвѣщеннаго“ въ духѣ XVIII вѣка, возбуждаетъ пререканія, связанныя съ личными и партійными симпатіями изслѣдователей. Поэтому появленіе новой книги въ этой области весьма кстати не только въ Россіи, въ виду бѣдности нашей литературы по этому предмету, но и для исторической науки вообще. По своему личному положенію, авторъ поставленъ въ особенно благопріятныя условія для правильной оцѣнки церковной политики Іосифа II. Какъ русскій, онъ свободенъ отъ національныхъ австрійскихъ предубѣжденій, какъ православный — не можетъ увлечься католическою ненавистью къ реформатору, наконецъ, онъ представилъ свое сочиненіе въ духовную академію, — слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не можетъ считаться слѣпымъ поклонникомъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, заранѣе предубѣжденнымъ въ пользу либеральнаго монарха.

Но это все условія чисто отрицательныя, и, конечно, партійныя страсти не ослѣпляли такихъ ученыхъ, какъ Арнетъ. Сужденіе же о томъ, удовлетворяетъ ли данное сочиненіе условіямъ научной работы, должно опредѣляться объемомъ и методомъ изслѣдованія.

Въ отношеніи источниковъ г. Соколовъ находился въ весьма неблагоприятномъ и, можно сказать, прямо невозможномъ положеніи для написанія исторической диссертациі по данному вопросу. Не бывъ въ Австріи, онъ работалъ въ провинціальномъ городѣ и даже въ Петербургѣ не имѣлъ возможности долго оставаться, такъ что, по собственному его заявленію, не могъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, даже петербургскими книгохранилищами. Объемъ документальнаго матеріала, положеннаго въ основаніе этой работы, зависѣлъ поэтому не столько отъ его цѣнности, сколько отъ случайныхъ условій его доступности.

Наиболѣе цѣнные источники легли въ основаніе первой части изслѣдованія, посвященной не самой политикѣ Іосифа II, а подготовившему ее и давшему ей нравственную санкцію такъ называемому

феброніанскому движенію, которое стремилось къ независимости епископовъ римско-католической церкви отъ папы. Что же касается самой церковной реформы Іосифа II, то она главнымъ образомъ разсматрѣна на основаніи свѣдѣній изъ вторыхъ рукъ, въ виду скудости положенныхъ въ основаніе этого разбора источниковъ.

Изданная переписка Іосифа II съ окружающими или близкими къ нему людьми относится къ церковной политикѣ императора въ весьма слабой степени какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Изданная Ад. Бееромъ переписка Іосифа съ братомъ Леопольдомъ и канцлеромъ Кауницемъ касается исключительно внѣшней политики и военныхъ предпріятій. Извѣстныя изданія Арнета, представляющія важный источникъ по эпохѣ Іосифа II, сравнительно очень не много даютъ для изученія церковнаго вопроса. Въ перепискѣ Маріи-Терезіи съ сыномъ помѣщена классическая полемика о вѣротерпимости, ставшая уже достояніемъ не только ученыхъ, но и публики. Въ перепискѣ Іосифа съ братомъ Леопольдомъ сообщаются любопытныя подробности о пребываніи папы Пія VI въ Вѣнѣ и т. д. Но всего этого было бы едва ли достаточно для написанія даже ученаго реферата о церковной политикѣ императора, а не то, что диссертациі. Не удивительно поэтому, что у г. Соколова очень не много ссылокъ на эти источники. Замѣтимъ во избѣжаніе недоразумѣній, что означенныя документальныя изданія не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитою исторіей Арнета, которою авторъ также пользовался какъ пособіемъ. Гораздо важнѣе сборникъ узаконеній Іосифа II, составленный Кропачкомъ, но внѣшнее законодательство Іосифа II давно уже разобрано исчерпывающимъ образомъ, а резолюціи императора по частнымъ вопросамъ и секретныя циркуляры, имѣвшіе преобладающее значеніе въ проведеніи реформъ, не вошли въ этотъ сборникъ. Полнаго свода безчисленныхъ резолюцій реформатора не издано до сихъ поръ, а богатый архивъ государственнаго совѣта все еще не вполне разработанъ. Между тѣмъ, безъ этихъ матеріаловъ не мыслимо изучать законодательство Іосифа II. Далѣе, если прослѣдить остальные поименованныя г. Соколовымъ источники, то окажется, что книга пастора Эйзенбаха не имѣетъ большого значенія, а разныя сочиненія и источники, относящіеся къ Екатеринѣ II, не имѣютъ ровно никакого значенія для разбираемаго вопроса. Къ этому перечню слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить нѣсколько гораздо болѣе важныхъ источниковъ, скромно причисленныхъ авторомъ къ числу пособій. Таковы 13 брошюръ, написанныхъ современниками Іосифа II

и представляющих исторический источник, такъ какъ онѣ излагаютъ мнѣнія той среды, которая была объектомъ, зрителемъ или участникомъ церковныхъ преобразованій. Равнымъ образомъ можно признать источникомъ одну работу Бруннера „*Theologische Dienergesellschaft*“, представляющую весьма богатый сырой матеріалъ, хотя и подобранный клерикальнымъ ученымъ съ партійной цѣлью. Но тутъ г. Соколовъ допустилъ совершенно необъяснимый пробѣлъ: у него, „къ сожалѣнію, не было подъ руками“ другаго не менѣе важнаго сочиненія Бруннера „*Mysterien der Aufklärung*“, гдѣ приводятся опять таки сырой матеріалъ, прямо относящійся къ церковному вопросу. Г. Соколовъ даже не упоминаетъ еще о важной работѣ Бруннера „*Der Humor in der Diplomatie und Regierungskunde des XVIII Jahrhunderts*“. Нельзя судить по заглавію: во 2-мъ томѣ этой книги почти сплошь приводятся архивныя данныя именно по церковному вопросу. Тутъ приводятся выдержки изъ переписки министра Кобенца съ епископами, любопытныя данныя о пребываніи папы въ Вѣнѣ, о бельгійскихъ дѣлахъ и т. д. Часть того же матеріала издана отдѣльно въ формѣ переписки: „*Correspondances intimes de Joseph II avec Cobenzl et Kaunitz*“ (1871). Хотя Бруннеръ ярый клерикалъ и папистъ, подбиравшій факты для вящаго посрамленія австрійскихъ либераловъ прошлаго вѣка, тѣмъ не менѣе онъ первый послѣ Арнета знатокъ архивнаго матеріала этой эпохи въ Австріи. Поэтому Бруннеръ требуетъ къ себѣ большаго вниманія, особенно въ виду бѣдности изданнаго матеріала.

Какъ бы то ни было, но на основаніи перечисленныхъ источниковъ не возможно представить самостоятельнаго изслѣдованія о церковной реформѣ Іосифа II.

Несомнѣнно, что изданія историческихъ источниковъ въ родѣ *corpus inscriptionum*, *monimenta*, *acta*, изданій археографической комиссіи и т. д. даютъ возможность ученому работать у себя дома, особенно по древней и отчасти средней исторіи, гдѣ наличный матеріалъ источниковъ, будучи болѣе или менѣе ограниченъ, можетъ быть исчерпанъ учеными изданіями. Но для самостоятельныхъ изслѣдованій по новой исторіи никакія изданія не могутъ по большей части освободить ученаго отъ обязанности рыться въ архивахъ. Сборникъ Императорскаго историческаго общества, административная переписка Людовика XIV, переписка Филиппа II и Гранвеллы, изданіе мемуаровъ, записокъ и дневниковъ, черновыхъ набросковъ министровъ и счетовъ управляющихъ—всего этого не достаточно для самостоятель-

ной работы по новой исторіи. Въ большинствѣ изданій дѣлается выборъ важнаго и неважнаго, и часто новый изслѣдователь находитъ ключъ къ объясненію запутаннаго вопроса въ запыленной, полустлѣвшей связкѣ, отброшенной ранѣе, какъ ненужный хламъ. Правда, когда изданный матеріалъ опубликованъ недавно, или по своей обширности не достаточно разработанъ (таковы указы представителямъ французскихъ сословій въ 1789 г.), тогда можно извлечь нѣчто новое по подлежащимъ вопросамъ. Но для церковныхъ реформъ Іосифа II ничего подобнаго сдѣлано не было. Къ тому же наиболѣе доступные источники по этой эпохѣ давнымъ давно разработаны, а менѣе извѣстные ждутъ въ книгохранилищахъ и архивахъ, чтобы работники науки пришли ихъ разыскать.

Приступая къ работѣ, ученый прежде всего спрашиваетъ себя, что по данному вопросу уже сдѣлано, и что еще остается сдѣлать. Церковная политика Іосифа II имѣетъ нѣсколько сторонъ. Прежде всего это—политика и дипломатія въ собственномъ смыслѣ, то-есть, отношенія монарха къ папѣ и епископамъ, отношенія государства къ церковной іерархіи, имѣющей главу за предѣлами его. Эти вопросы получили уже надлежащую разработку. Но за то по внутреннимъ распорядамъ австрійской церкви осталось выяснить еще многое, начиная съ духовнаго состоянія церковной паствы и пастырей.

Горячую полемику среди современниковъ и до настоящаго времени возбуждало произведенное Іосифомъ II упраздненіе монастырей и отобраніе монастырскихъ имуществъ. Бруннеръ, съ документами въ рукахъ, изображаетъ это, какъ слѣшное и безпощадное расхищеніе исконнаго достоянія церкви, поправленіе правъ личности и собственности. Адамъ Вольфъ пришелъ, наоборотъ, къ инымъ выводамъ, но не могъ пересмотрѣть всѣ провинціальныя архивы и разобрать подлежащіе инвентари, а потому призывалъ молодые силы къ продолженію его работы въ духѣ безпристрастія, на пользу науки и истины.

Съ другой стороны социальныя послѣдствія конфискаціи церковныхъ имуществъ представляютъ непочатый уголъ для изслѣдователя. Адамъ Вольфъ описывалъ благотѣльные послѣдствія такой мобилизации собственности, радовался раздробленію крупныхъ имѣній и устройству фабрикъ на монастырскихъ земляхъ и доходилъ до смѣлаго утвержденія, что секуляризацией монастырскихъ имуществъ Іосифъ II спасъ Австрію отъ революціи снизу, подобной французской! Наука не можетъ довольствоваться такими заявленіями: необходимо по архивнымъ даннымъ прослѣдить, въ какія руки попадали мона-

стырскія имущества, и какое изъ нихъ было сдѣлано употребленіе. Такъ поступаютъ современные ученые относительно подобнаго же явленія въ Англіи. Если Галламъ, какъ въ Австріи Бруннеръ, жалѣлъ объ упраздненіи монастырей, этого очага благотворительности, и связывалъ это съ возникновеніемъ „законовъ о бѣдныхъ“, если напротивъ Маколей, какъ для Австріи Ад. Вольфъ, радовался усиленію производительности страны отъ употребленія мертво-лежащаго земельного капитала, то современная наука провѣрила эти выводы англійскихъ ученыхъ по документамъ, которые привели къ неожиданнымъ открытіямъ. Подобнымъ же образомъ историки Франціи изучаютъ послѣдствія конфискаціи монастырей въ эпоху революціи. Впрочемъ, вопросъ о социальныхъ послѣдствіяхъ монастырской реформы Іосифа II выходитъ изъ задачи церковнаго историка, но за то изученіе ея приемовъ, цѣли и послѣдствій для духовенства представляетъ первостепенную важность для церковной исторіи.

Далѣе относительно вѣроисповѣдной политики Іосифа II остается еще широкое поле для изслѣдованія. Мало разработано, напримѣръ, положеніе въ Австріи православныхъ, которыхъ раньше притѣсняли, между тѣмъ какъ Іосифъ и его канцлеръ не желали ихъ даже обзывать схизматиками. Церковный вопросъ связанъ тутъ съ отношеніями племенными и социальными: положеніемъ славянъ и румынъ относительно венгерцевъ и крестьянъ относительно ихъ омадьяренныхъ и отѣмеченныхъ господъ. Выдѣлять вѣроисповѣдный вопросъ отъ національнаго и сословнаго входитъ въ задачу церковнаго историка. Далѣе еще много можно указать вопросовъ, подлежащихъ разбору, напримѣръ, отношенія церкви и государства въ дѣлѣ образованія, въ дѣлѣ поведенія духовенства и т. д.

Но для изслѣдованія всего этого необходимы были архивныя изысканія. Какъ же справился съ своею задачей г. Соколовъ, для котораго архивная работа была невозможна?

Первая глава начинается обстоятельнымъ изложеніемъ ученія Гонтгейма (Юстина Фебронія), при чемъ, однако, подробнымъ анализомъ, какъ думаетъ авторъ диссертации, этого изложенія назвать нельзя. Весьма внушительный ученый аппаратъ всей этой главы не совсѣмъ соответствуетъ ея внутреннему содержанію, такъ какъ вся связанная съ феброніанскимъ движеніемъ литература не разбирается по существу. Между тѣмъ подробныя заглавія множества сочиненій приводятся съ библиографическими замѣчаніями, заимствованными по большей части изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ г. Соколовъ знакомъ не-

посредственно только съ двумя сочиненіями галликанскаго направленія, двумя трактатами Баллерини въ защиту папы и актами „de consistorio secreto“ Пія VI. импонирующими болѣе своимъ заглавіемъ. На стр. 35, послѣ бѣлаго „указанія на связь теоріи Гонтгейма съ соборнымъ направленіемъ въ нѣдрахъ католичества, приводится in extenso длинное заглавіе одного сочиненія, изъ котораго, по мнѣнію одного ученаго, много заимствовалъ Феброній: „у насъ не было подъ рукою этой книги, и потому приходится вѣрить на слово“. Выѣсто анализа или даже простаго изложенія сущности возгорѣвшейся по поводу этого ученія полемики, г. Соколовъ представилъ длинное перечисленіе различныхъ сочиненій и ихъ судьбы, ограничившись этимъ потому, можетъ быть, что большей части изъ нихъ никогда не имѣлъ въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя въ правѣ произнести приговоръ надъ защитниками папскихъ притязаній: „литературный походъ противъ Фебронія защитниковъ папской власти обнаружилъ ихъ полное безсиліе“ (стр. 43). Въ церковно-исторической диссертациі подобный выводъ, не основанный на предварительномъ разборѣ подлежащихъ явленій, противорѣчитъ основному требованію науки— не высказывать ничего безъ приведенія соотвѣтствующихъ фактовъ или основаній. Вся первая глава не выѣстъ большаго значенія, тѣмъ болѣе, что ученіе Фебронія весьма подробно извѣстно германскимъ и инымъ богословамъ и историкамъ церкви.

Гораздо интереснѣе слѣдующая глава, посвященная разбору вѣроисповѣдной политики Маріи-Терезіи и отношенія къ ней Іосифа. Все это толково и живо изложено на основаніи современной литературы предмета, а знаменитая полемика о вѣротерпимости приведена изъ перениски, изданной Арнетомъ. Относясь критически къ разсматриваемымъ явленіямъ, авторъ (стр. 63) опровергаетъ тенденціозную натяжку Бруннера, оправдывающаго преслѣдованія протестантовъ въ Австріи тѣмъ, что они были политически неблагонадежны. Впрочемъ, положеніе протестантовъ достаточно разработано въ исторической литературѣ, послуживъ предметомъ капитальныхъ изслѣдованій, но православные въ Австріи при Маріи-Терезіи представили бы благодарный предметъ для изслѣдователя, который занялся бы въ архивахъ.

Обратившись къ царствованію самого Іосифа II (стр. 86), г. Соколовъ разсматриваетъ его церковную политику въ логическомъ, а не хронологическомъ порядкѣ, отъ чего изложеніе только выигрываетъ въ ясности. Сначала разбирается измѣненіе отношеній къ Риму

(стр. 103—120), а затѣмъ авторъ переходитъ къ краугольному вопросу церковной политики Іосифа II — къ упраздненію монастырей созерцательной жизни въ связи съ отношеніемъ императора къ монашеству вообще. Въ извѣстномъ спорѣ о характерѣ рѣшительныхъ мѣропріятій іозефинизма по отношенію къ нѣкоторымъ монастырямъ, историку, не откликнувшемуся на призывъ Ад. Вольфа къ молодымъ силамъ объ архивныхъ изысканіяхъ, оставалось стать на сторонѣ Адама Вольфа или Бруннера, сообразно своимъ личнымъ симпатіямъ. При этомъ, однако, г. Соколовъ не достаточно знакомъ со всѣмъ ходомъ этой полемики. Прежде всего онъ не имѣлъ въ рукахъ „*Mysterien der Aufklärung*“ Бруннера. Тѣмъ не менѣе русскій ученый заявляетъ, что Вольфъ совершенно уничтожилъ обвинительный актъ Бруннера. Однако послѣдній нисколько не призналъ себя разбитымъ и въ книгѣ, повидимому, незнакомой г. Соколову (*Brunner, Joseph II*, 2 изд., 1885 г.), свелъ во едино всѣ свои доводы, уличая Вольфа въ замазываніи картины и смѣясь надъ классической идилліей счастья фабричныхъ рабочихъ. Мы лично вполне раздѣляемъ недовѣріе г. Соколова къ выводамъ (но не учености) клерикальнаго полемиста, но между личнымъ взглядомъ и научно обоснованнымъ выводомъ научной диссертации существуетъ большая разница. По свойству своей работы, г. Соколовъ могъ представить только свое личное мнѣніе.

То же самое можно сказать относительно вопроса объ образованіи духовенства и улучшеніи положенія сельскихъ священниковъ. Учрежденныя Іосифомъ II генеральныя семинаріи возбудили къ себѣ всеобщую ненависть. Г. Соколовъ заявляетъ, что при всѣхъ неизбежныхъ недостаткахъ новаго дѣла генеральныя семинаріи были поставлены гораздо лучше прежнихъ, хотя Бруннеръ и другіе повторяютъ старые доносы клерикаловъ (стр. 145). Бруннеръ не отрицаетъ недостатковъ преподаванія до реформы, но указываетъ, между прочимъ, на слабыя стороны деспотической и назойливой регламентаціи іозефинизма.

Въ виду резолюціи объ уничтоженіи каникулъ, при введенномъ въ семинаріяхъ казарменномъ строѣ и безтактности начальства, объяснять неудовольствіе молодежи кознями іезуитовъ не значитъ подвигать вопросъ къ правильному разрѣшенію. Іосифъ II былъ недаромъ смущенъ тѣмъ, что такъ мало людей идутъ въ священники, и задавалъ одной комиссіи разобратъ: „*warum so wenige Geistliche werden?*“. Враждебный монахамъ, императоръ всячески покровительствовалъ бѣлому духовенству, которое, по заявленію Ад. Вольфа,

благословляло его царствованіе. Но съ другой стороны Бруннеръ доказываетъ, что система іозефинизма стремилась превратить сельское духовенство въ чиновниковъ. а подчасъ обращалась съ нимъ, какъ съ холопами. Отъ этого понижался нравственный уровень, и отбивалась охота вступать въ ряды духовенства изъ безкорыстныхъ побужденій. Правительство. требуя, чтобы духовенство было прямымъ орудіемъ власти, широко пользовалось щекотливымъ приѣмомъ чтенія распоряженій въ церкви.

Въ „Mysterien der Aufklärung“ можно найти тираду о чтеніи въ церкви заявленій, что дѣти тюремщиковъ и палачей не должны считаться опороченными, что позоръ незаконнаго происхожденія отмѣняется, что женщинамъ воспрещается носить корсеты, что крестьянскія кобылы подлежатъ переписи и случкѣ съ императорскими жеребцами (347). Тамъ же приведены протесты бельгійцевъ противъ злоупотребленія этимъ приѣмомъ воздѣйствія на массы (496—497).

Это явленіе, въ связи съ необходимостью для бѣднаго священника ладить съ начальствомъ, требовало бы тщательнаго и осторожнаго разсмотрѣнія церковнаго историка. Но, не имѣя подъ руками архивнаго матеріала, г. Соколовъ довольствуется краткимъ сообщеніемъ распоряженій, клонившихся къ улучшенію быта бѣлаго духовенства.

Не менѣе кратко (стр. 152—156) и нѣсколько блѣдно изложено внимательство реформатора въ богослужебныя подробности, церковное благочиніе и т. д. Императоръ своею властью отмѣнялъ освѣщеніе и цѣлованіе мощей, продажу свѣчъ при входѣ въ церковь и т. д. Манія регламентации выразилась въ „Gottesdienstordnung“. Мало того, Іосифъ II имѣлъ неосторожность учить своихъ подданныхъ, какъ слѣдуетъ хоронить усопшихъ, и вызвалъ противъ себя повсемѣстныя волненія, угрожавшія серьезными послѣдствіями, еслибы правительство во время не отмѣнило этого распоряженія. Послѣднему эпизоду посвящено всего полстраницы. Между тѣмъ это относится къ церковному вопросу уже потому, что народъ видѣлъ въ подобныхъ мѣрахъ посягательство на самую сущность религіи, а этимъ усугублялось недовѣріе ко всему дѣлу Іосифа II, склонность вѣрить анонимной клеветѣ и нашептываніямъ клерикаловъ.

За то всяческихъ похвалъ заслуживаетъ разборъ, въ послѣднемъ раздѣлѣ главы о церковной реформѣ, вѣроисповѣдной политики вѣротерпимаго государя. Умѣлая группировка матеріала и критическое къ нему отношеніе, ясность и рельефность изложенія производятъ самое

благоприятное впечатлѣніе. Конечно, тутъ не могло быть представлено ничего новаго, и авторъ самъ признаетъ, какъ много онъ извлекъ изъ сочиненія Франка о „*Teileganz-Patent*“. Конечно, г. Соколовъ не могъ изобразить намъ положеніе православныхъ, которые, въ виду своей малочисленности и неразвитости, меньше привлекали вниманіе изслѣдователей. Но нельзя предъявлять подобныхъ требованій историку, имѣвшему подъ рукою столь скудные источники. Можно сдѣлать тутъ только одно замѣчаніе: авторъ слишкомъ отодвигаетъ въ тѣнь гоненія, которымъ подвергались секты, возникавшія въ народной средѣ. Отмѣтивъ противорѣчіе этихъ мѣръ съ общимъ духомъ вѣроисповѣднаго законодательства Іосифа II и отвергнувъ произвольное толкованіе Гросгоффангеромъ мѣръ противъ деистовъ, онъ (стр. 195) приводитъ безъ возраженій хитрое разсужденіе, будто Іосифъ обнаружилъ въ этомъ вѣрность принципу отнимать пищу у всякаго религіознаго фанатизма. Въ концѣ книги (стр. 377) приведена подобная же тирада Мейнерта, прославляющаго императора за это, какъ охранителя духовнаго единства народа. Припомнимъ возраженіе г. Соколова относительно протестантовъ, что если среди диссидентовъ могли проявляться чувства, нежелательныя съ точки зрѣнія общественной безопасности, то это было результатомъ преслѣдованій, ожесточающихъ сердца. Впрочемъ, событія показали, что не фанатизмъ сектантовъ былъ опасенъ для цѣлости Австріи и обезпеченія тѣхъ началъ реформы Іосифа II, которымъ сочувствуетъ г. Соколовъ. Врагомъ порядка оказался фанатизмъ правовѣрныхъ католиковъ, противодѣйствіе которыхъ составляетъ предметъ V главы. Здѣсь, послѣ описанія поѣздки Пія VI въ Вѣну (стр. 213—230) и связанныхъ съ нею переговоровъ, авторъ переходитъ къ событіямъ въ Нидерландахъ. Въ изложеніи бельгійской революціи обращаетъ на себя вниманіе несоразмѣрная растянутость этого описанія въ общей экономіи диссертациі. Церковная реформа, центральный предметъ изученія всей работы, занимаетъ всего 93 страницы (102—195), а упомянутыя событія, въ которыхъ церковный вопросъ составлялъ только одну изъ причинъ неудовольствія противъ правительства, наполняютъ цѣлыхъ 60 страницъ (232—292). При этомъ авторъ упускаетъ изъ виду прямую цѣль изслѣдованія, не выдвигая церковнаго вопроса въ достаточной степени. Такъ, на стр. 260 говорится о представленіяхъ епископовъ, соборныхъ капитуловъ, семинаристовъ и студентовъ противъ генеральныхъ семинарій, сущность же протеста не излагается потому, что въ этихъ разсужденіяхъ нѣтъ ничего новаго! Возраженія про-

тивъ генеральныхъ семинарій подлежали разбору *in extenso*, а не отнесенію ихъ къ кознямъ іезуитовъ. Церковный историкъ толкуетъ, вмѣсто того, о вольностяхъ Брабанта, о проектѣ обѣда Бельгія на Баварію, о самоувѣренности Іосифа, сомнѣніяхъ Екатерины II и пропальности Фридриха Прусскаго, о промахахъ министровъ и хитростяхъ дипломатовъ. Конечно, всѣ эти факторы разыгравшихся событій тѣсно между собою связаны, но церковный вопросъ составляетъ центральный пунктъ, которому г. Соколовъ не достаточно подчинилъ все остальное. Если же разсматривать этотъ очеркъ внѣ всякой связи съ цѣлымъ, то и въ такомъ случаѣ изложеніе бельгійскихъ событій представляетъ существенные недостатки. Такъ, слишкомъ слабо выдѣлена роль намѣстниковъ Бельгія, сестры Іосифа Маріи-Христіны и ея мужа герцога Альберта. Ад. Вольфъ составилъ по архивнымъ матеріаламъ біографію Маріи-Христіны и издалъ ея переписку съ Леопольдомъ II, начало которой относится къ разсматриваемымъ событіямъ. Кое-что по тому же вопросу можно извлечь изъ сборника Ад. Беера и „*Correspondances intimes*“ Бруннера. Специальными сочиненіями по бельгійской революціи г. Соколовъ не пользовался, а изъ общихъ сочиненій слишкомъ мало вниманія удѣлилъ такому историкъ, какъ Ранке, на томъ, можетъ быть, основаніи, что проф. Трачевскій не придаетъ особаго значенія сочиненію „*Die Deutschen Mächte und der Fürstenbund*“ послѣ трудовъ Ад. Шмидта. Указывая на это, г. Соколовъ не ознакомился, однако, съ трудами Шмидта; что же касается бельгійской революціи, то она разказана у Ранке въ связи съ исторіей Іосифа II, хотя и кратко, но чрезвычайно рельефно, чего нельзя сказать про изложеніе г. Соколова въ данномъ случаѣ.

Дальнѣйшее изложеніе борьбы Іосифа съ клерикальной реакціей, подобно предыдущему, не достаточно выдѣляетъ церковный вопросъ отъ вопроса о венгерской свободѣ и т. д. Если нельзя въ сложномъ процессѣ исторіи вырывать одну только его сторону и разбирать безъ всякой связи съ цѣлымъ, тѣмъ не менѣе задача спеціального изслѣдованія опредѣляетъ то, что должно быть въ немъ выдвинуто на первый планъ. Между тѣмъ, по поводу окружнаго посланія епископа Кенигггрецкаго (стр. 304), составленнаго въ духѣ іозефинизма, церковный историкъ ограничивается сообщеніемъ, что Бруннеръ разбираетъ отдѣльные пункты этого посланія! То же отношеніе къ посланію епископа Гуркскаго: „Императоръ отмѣтилъ его, какъ вполне согласное съ своими

намѣреніями, а Бруннеръ (!) рѣзко нападаетъ на отдѣльные пункты этого посланія“ (стр. 308).

Тутъ же о знаменитомъ посланіи примаса Германіи сообщается только, что Бруннеръ называлъ его „реформаціоннымъ“. Церковному историку, да и историку культуры, необходимо, однако, выяснитъ нравственный источникъ союза съ реформаторомъ либеральнаго духовенства, которое Бруннеръ обвиняетъ въ холопствѣ и индиферентизмѣ. Гораздо большее значеніе имѣетъ сдѣланный г. Соколовымъ обзоръ брошюрной литературы того времени. Больше того, это, можетъ быть, самая цѣнная часть диссертации (310—339).

Напрасно причислилъ авторъ эти матеріалы къ пособіямъ, да еще съ замѣчаніемъ, что подобная литература не имѣетъ для него особенно важнаго значенія. Къ сожалѣнію, разобрано только 13 брошюръ, при чемъ у изслѣдователя не было подъ руками очень важныхъ сочиненій Ейбеля: „Was ist der Pabst?“, „Was ist der Bischof?“, „Was ist der Ablass?“, „Die Schädlichkeit der Ohrenbeicht“.

Все это представляетъ историческіе источники. Изъ современной Іосифу II литературы можно еще указать на сочиненіе знаменитаго Мирабо: „De la monarchie Prussienne“. Въ VII томѣ этого сочиненія г. Соколовъ нашелъ бы весьма цѣнную характеристику церковной реформы австрійскаго императора, сдѣланную не клерикаломъ и не обыкновеннымъ человѣкомъ. Будущій дѣятель революціи рассуждалъ, между прочимъ, что „уменьшеніе (числа) монаховъ—великое благо, но можно бы этого достигнуть съ большей мягкостью (douceur)“. Любопытны сужденія Мирабо о вѣротерпимости, о генеральныхъ семинаріяхъ и т. д.

Какъ бы то ни было, 13 брошюръ, разобранныхъ или скорѣе изложенныхъ г. Соколовымъ, представляютъ наиболѣе важный изъ всѣхъ источниковъ, какіе были ему доступны, изображая то, что думала часть подданныхъ Іосифа II по вопросамъ, связаннымъ съ его церковной реформой. Въ Германіи въ это время на встрѣчу императору шло самостоятельное церковное движеніе, которое описано г. Соколовымъ вполне обстоятельно, на основаніи солидной литературы предмета. Въ частности, впрочемъ, можно указать на нѣкоторыя упущенія; такъ, отвѣтъ папы епископамъ (бreve 14-го ноября 1789 г.), текстъ котораго знакомъ изслѣдователю по источнику, изложенъ слишкомъ кратко, и доводы папы не приводятся, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго (стр. 371).

Приступивъ, наконецъ, къ подводенію итоговъ, авторъ церковно-

историческаго изслѣдованія представилъ въ заключительной главѣ не выводы, извлеченные изъ разсмотрѣнія разныхъ сторонъ церковной реформы Іосифа II. а общія соображенія о значеніи этого царствованія вообще и о причинахъ неудачъ, постигшихъ неутомимаго труженика на тронѣ. О взглядѣ Іосифа II на религію вообще и католическую въ частности сказано слишкомъ мало, при чемъ не разобрано отношеніе императора къ масонамъ, которые, несомнѣнно, участвовали въ проведеніи церковныхъ преобразованій, между тѣмъ какъ католическая церковь считаетъ ихъ своимъ злѣйшимъ врагомъ (см. у Бруннера). Совершенно не выдѣляя церковнаго вопроса, г. Соколовъ разсуждаетъ объ исходѣ всѣхъ начинаній преобразователя Австріи. Пускаясь при этомъ въ область вопросовъ, которыхъ, по самому свойству его темы, ему не приходилось разбирать ближе, онъ поневолѣ повторяетъ общія мѣста объ этомъ предметѣ. Хотя при разборѣ церковныхъ преобразованій онъ склоненъ былъ выгораживать Іосифа II, признавая его замыслы въ общемъ вполнѣ разумными, теперь онъ находитъ, что императоръ „слишкомъ вѣрилъ въ силу идей, забывая дѣйствительность“. Идеалистъ порицается за игнорированіе „законныхъ путей въ родѣ сеймовъ, рейхстаговъ (?), чиновъ (?)“. Не говоря уже о неточности выраженій, обвиненіе абсолютнаго монарха въ игнорированіи законныхъ путей звучитъ нѣсколько странно, такъ какъ всѣ монархи боролись съ сеймами (ландтагами), старались не собирать сословныхъ чиновъ, а слѣдовательно, по терминологіи г. Соколова, игнорировали эти законные пути. Такъ поступали Карлъ V и Филиппъ II, Бурбоны и Валуа, Гогенцоллерны и Габсбурги, Тюдоры и Стюарты. Но Іосифъ II, какъ насъ увѣряютъ, представлялъ нѣчто совсѣмъ особенное: это былъ идеалистъ, увѣренный, что его преобразованія на общую пользу не будутъ приняты добровольно, а потому игнорировавшій законные пути (стр. 379). Но какъ же примирить эту неувѣренность съ только что приписанной ему преувеличенной вѣрой въ силу идей? Въ томъ-то и дѣло, что онъ вѣрилъ въ силу власти, могущей переверотить міръ въ нѣсколько лѣтъ, а не въ силу идей, побѣждающихъ міръ постепенно.

Далѣе оказывается, что Іосифъ II „поспѣшилъ родиться на одно столѣтіе: явился онъ черезъ 100 лѣтъ, его реформа встрѣтила бы не такой пріемъ“. Императоръ былъ либераломъ, это правда, но онъ въ столь же сильной степени былъ бюрократомъ и объединителемъ. Именно объединительныя попытки возмутили противъ него Бельгію

и отчасти Венгрію, что и послужило поводомъ къ его неудачѣ. По словамъ г. Соколова, бюрократизмъ былъ смертію для дѣла Іосифа II. но безъ этой черты невозможна личность, подобная ему. Представимъ же себѣ, что онъ родился бы черезъ 100 лѣтъ, то-есть, въ наше время, и сталъ бы попираить вольности венгерцевъ. Какой приемъ встрѣтилъ бы онъ въ современной Австріи?

Наконецъ, г. Соколовъ пускается даже въ область политической экономіи, говоря объ „извѣстномъ“ законѣ, что показателемъ прогресса страны „служить ростъ населенія“ (стр. 380). Этотъ законъ пользовался довѣріемъ только въ XVIII вѣкѣ, къ тому же онъ не относится къ церковной реформѣ Іосифа II. Къ ней также не относится примѣчаніе на стр. 378, гдѣ такой ученый, какъ Зибель, рѣзко обвиняется въ поверхностной оцѣнкѣ причинъ неудачи этого царствованія. Зибель толкуетъ о неестественномъ сочетаніи внутреннихъ преобразованій съ усиленною завоевательною политикой. Какъ самая личность ученаго, такъ и содержаніе этого взгляда не заслужили столь строгаго упрека. Замѣтимъ кстати, что такой современникъ, какъ Мирабо, говорить то же, что и Зибель: „Comment un prince toujours voyageur, toujours plein de projets au dehors, pourrait-il reformer l'intérieur?... une renonciation absolue à tout projet extérieur seraient seuls capables d'opérer cette réforme“. Оставимъ открытымъ этотъ вопросъ, поднятый г. Соколовымъ столь неосторожно, такъ какъ онъ не касается церковной реформы Іосифа II, въ разборѣ кторой г. Соколовъ проявилъ, при всѣхъ недостаткахъ своей работы, несомнѣнный даръ изложенія, умѣніе разбираться въ обширной литературѣ предмета и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу.

Многочисленные примѣчанія свидѣтельствуютъ о значительности затраченнаго труда ¹⁾. Что же касается внутренней ихъ цѣнности, то она соответствуетъ сказанному о характерѣ, объемѣ и содержаніи источниковъ. Для того, чтобы пролить новый свѣтъ на церковную политику Іосифа II. необходимо заняться въ австрійскихъ архивахъ. Г. Соко-

¹⁾ Впрочемъ, примѣчанія умножаются безъ прямой необходимости. Такъ, на стр. 38 подрядъ дѣлаются 4 ссылки на одну и ту же страницу одной и той же книги (*Wolf*, II, 193), а рядомъ на стр. 39 та же выноска приводится 2 раза. Итого 6 ссылокъ на одну страницу. Или на стр. 37 *шесть* выносокъ могутъ быть сведены къ слѣдующему: *Walch*, 155—157, 166, 167 (См. также стр. 40 41, 73 и т. д.).

ловъ исполнилъ первую половину работы, ознакомившись съ литературой и наиболѣе доступными источниками. Если онъ выполнить вторую, наиболѣе благодарную, часть задачи, то можно сказать съ увѣренностью, что наука обогатится очень цѣннымъ вкладомъ.

А. Ону.

Книжныя новости.

Наказъ Е. И. В. Екатерины Второя, самодержицы Всероссийскія, данный Комиссіею о сочиненіи проекта Новаго уложенія. Изданіе Л. Ф. Пакеттсва. С.-Пб. 1893.—Настоящее изданіе Екатерининскаго „Наказа“ является одиннадцатымъ отдѣльнымъ его изданіемъ на русскомъ языкѣ. Текстъ „Наказа“ и два приложенія къ нему перепечатаны съ изданія 1770 г., одного изъ лучшихъ старшихъ его изданій, съ тою только разницею, что въ 1770 г. „Наказъ“ былъ напечатанъ на четырехъ языкахъ—русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, а нынѣ онъ является только на языкахъ русскомъ и французскомъ. Форматъ книги, распредѣленіе текста по страницамъ, виньетки въ началѣ и концѣ книги,—совершенно тѣ же, какъ въ изданіи 1770 г.; самый шрифтъ въ томъ и другомъ очень схожій; вообще съ вѣншей стороны новое изданіе сдѣлано чрезвычайно изящно. Тексту „Наказа“ предпосланы довольно обширныя „Библиографическія примѣчанія къ изданіямъ „Наказа“ съ 1767 по 1893 г.“ (7—53), составленныя И. Г. Безгиннымъ. Авторъ говоритъ прежде всего о „рукописяхъ Наказа“ (8—13), затѣмъ о „происхожденіи Наказа“ и о „сужденіяхъ нѣкоторыхъ лицъ о его первоначальной редакціи“ (14—23), дѣлаетъ обзоръ печатныхъ изданій Наказа на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также указываетъ номера Полнаго Собранія Законовъ, имѣющіе отношеніе къ Наказу (23—31), и въ заключеніе говоритъ о значеніи Наказа. Въ статьѣ о рукописяхъ Наказа авторъ ограничился только перепечаткою того, что сказано было о нихъ Щебальскимъ, Пекарскимъ и Бакмейстеромъ (въ его описаніи бібліотеки и кабинета рѣдкостей Академіи Наукъ), и если нѣкоторые слова его и даютъ основаніе думать, что онъ лично осматривалъ по крайней мѣрѣ тѣ „матеріалы“, которые хранятся въ Академіи Наукъ, то во всякомъ случаѣ онъ не сообщилъ ничего существеннаго и новаго о ихъ составѣ и содержаніи, не говоря уже о томъ, что не указалъ отличій напечатаннаго текста Наказа отъ его первоначальной редакціи и не выяснилъ отношенія Наказа къ его „матеріаламъ“. Въ статьѣ о „происхожденіи Наказа“ г. Безгинъ приводитъ только извѣстное автобіографическое показаніе Екатерины о первыхъ годахъ ея царствованія (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 27, стр. 170—176) и выдержки изъ писемъ ея къ г-жѣ Жоффренъ и къ Фридриху II; кромѣ того, отчасти перепечатаны, отчасти только указаны замѣчанія о составѣ и происхожденіи Наказа въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и значительныхъ трудахъ и статьяхъ; равнымъ образомъ, говоря и о „Сужденіяхъ нѣкоторыхъ лицъ о первоначальной редакціи Наказа“, авторъ ограничивается только указаніемъ, что они напеча-

таны въ 10 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества; дѣликомъ приведено сообщеніе о просмотрѣ „Наказа“ тремя іерархами—епископами Гавріиломъ и Иннокентіемъ и іеромонахомъ Платономъ, изъ Снегиревской біографіи этого послѣдняго и изъ „Исторіи Россійской Академіи“ М. И. Сухомлинова. Но въ этой части работы г. Безгина можно указать нѣсколько, хотя и не особенно важныхъ, пробѣловъ. Такъ, перепечатывая выдержку изъ „Жизни митрополита Платона“, Снегирева, г. Безгинъ не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ не оговорилъ, несомнѣнной ошибки Снегирева: Снегиревъ говоритъ, что три іерарха, разсмотрѣвши Наказъ, представили императрицѣ свое мнѣніе черезъ графа Безбородко—между тѣмъ, какъ Безбородко появился при дворѣ только послѣ Турецкой войны. Затѣмъ, приводя слова Кастера, что „какіе-то Матоніусъ и Розецкій помогали императрицѣ въ сочиненіи Наказа“, г. Безгинъ приводитъ разсужденіе Шебальскаго, что „Матоніусу и Розецкому“ принадлежить „можетъ быть лишь расположеніе на главы,“—не замѣчая, повидимому, что этотъ Розецкій есть безъ сомнѣнія Козицкій, роль котораго въ работахъ надъ Наказомъ хорошо извѣстна; кого надо подразумѣвать подъ несомнѣнно испорченнымъ именемъ Матоніуса—не можемъ сказать; въ Комиссіи былъ депутатъ Мотонисъ, но нѣтъ никакихъ данныхъ о какомъ-либо участіи его въ составленіи Наказа. Наконецъ, приводя показанія самой Екатерины о ея работахъ по сочиненію Наказа, слѣдовало-бы указать заключающіяся въ нихъ противорѣчія. Время, когда императрица начала свою работу, указано ею самою дважды и совершенно согласно въ обоихъ случаяхъ—работа начата была въ январѣ 1765 г. (см. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 1, стр. 268 и т. 27, стр. 176); но, тогда какъ въ запискѣ „о первыхъ годахъ царствованія“ Екатерина заявляетъ, что будто бы полтора года не говорила о своей работѣ никому ни слова (Сб., т. 27, стр. 175),—въ письмѣ къ г-жѣ Жоффренъ, уже отъ 18-го іюня того же 1765 г., она сообщаетъ, что „общее мнѣніе тѣхъ, которые прочли Наказъ, гласитъ, что онъ по нѣмъ ultra совершенства; но мнѣ кажется, что можно еще кое-что исправить“ (см. Сборникъ, т. 1, стр. 275—276); и дѣйствительно, гр. М. Р. Воронцовъ уже 23-го сентября 1765 г. письменно благодарилъ императрицу за сообщеніе ему ея „многотруднаго и мудраго сочиненія“, которымъ она узаконяетъ „основательные права и законы“ къ „блаженству“ подданныхъ (Сборникъ, т. 10, стр. 76, прим.);—такимъ образомъ тутъ оказывается противорѣчіе въ показаніяхъ императрицы о ходѣ ея работы; другое противорѣчіе—въ томъ, что по одному заявленію Екатерины Наказъ былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ, тогда какъ въ другомъ случаѣ сама императрица, сообщаетъ, что большинство находило необходимыми многія поправки. Конечно: все эти замѣчанія мелкія; но если такихъ замѣчаній не дѣлать при изданіи документа, то гдѣ же и сообщать такія наблюденія и сопоставленія? Говоря объ разныхъ изданіяхъ Наказа, авторъ приводитъ свѣдѣнія о переводахъ его на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, голландскій, польскій, латинскій и греческій; указывая статьи Полнаго Собранія Законовъ, относящіяся къ Наказу, онъ приводитъ (стр. 32) два любопытныя распоряженія Сената,—чтобы Наказъ былъ разосланъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и чтобы чиновники прочитывали его по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ; 30-го декабря 1796 г. Комиссіи о сочиненіи проекта

новаго уложенія повѣдѣно было именоваться Коммиссією для составленія законовъ. Наконецъ, послѣдняя часть предисловія: „Значеніе Наказа. Обзоръ основныхъ его положеній. Сужденія и отзывы о Наказѣ (въ XVIII и XIX стол.) (31—53)“ содержитъ довольно полный перечень мѣстъ въ разныхъ русскихъ ученыхъ трудахъ, гдѣ говорится о Наказѣ, при чемъ иногда вкратцѣ пересказывается содержаніе указываемаго мѣста, а иногда цитуются собственныя слова автора; въ этомъ обзорѣ нельзя указать какихъ-нибудь крупныхъ пропусковъ; но во всякомъ случаѣ нельзя утверждать и того, чтобы тутъ перечислено было рѣшительно все, что говорится о Наказѣ; при крайней неопредѣленности того, какіе же именно—хотя бы по обстоятельствамъ—замѣчанія и отзывы надо указывать, сюда можно пожалуй включить очень многое; но намъ кажется, что вообще такіе обзоры не имѣютъ большого значенія; наиболѣе важною оцѣнкою Наказа едва ли не слѣдуетъ признать его оцѣнку, данную самими депутатами въ Коммиссіи; но авторъ этихъ именно отзывовъ и не перечисляетъ. Вообще, статья г. Безгина не исчерпываетъ и даже не пополняетъ существенно русской ученой литературы, посвященной Наказу; но во всякомъ случаѣ она является вполне умѣстною при новомъ и очень хорошемъ переизданіи этого любопытнѣйшаго произведенія.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Городъ Владимиръ Волинской губерніи въ связи съ исторіей Волинской епархіи. Историческій очеркъ *Н. И. Теодоровича*. Почаевъ.

— Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской епархіи Составилъ *Н. И. Теодоровичъ*. Томъ I: Уѣзды Житомирскій, Новоградъ-Волинскій и Овручскій. Почаевъ. 1888.—Томъ II: Уѣзды Ровенскій, Острожскій и Дубенскій. Почаевъ. 1890.—Томъ III: Уѣзды Кременецкій и Заславскій. Почаевъ. 1893.

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ XVII. Тифлисъ.

— Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. *В. Н. Перетисъ*. Изданіе редакціи журнала *Библиографъ* (*Н. М. Лисовскаго*). С.-Пб.

— *Николай Секировъ*. Опытъ усовершенствованія элементовъ математики. Выпускъ I. Москва.

— *Николай Секировъ*. Новооткрытый законъ приращеній простыхъ чиселъ. Москва.

— Педагогическая библіотека, издаваемая *Б. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*. Избранныя педагогическія сочиненія Яна Амоса Коменскаго. Часть II. Мелкія сочиненія, примыкающія къ Великой Дидактикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *Андрѣя Адольфа* и *Сергія Любомудрова*. М. 1894.

— Памяти отца современной педагогіи Яна Амоса Коменскаго. По поводу 301 годовщины его рожденія. Изданіе Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. С.-Пб.

— Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1893 годъ, книга 4-я, томъ 167-й. Москва.—Содержаніе: Объявленіе о второмъ конкурсѣ на соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова. I. Матеріалы историческіе: 1.—Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.).—Съ предисловіемъ *А. Н. Зерцалова*. 1—70. 2.—Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи).—Съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. С. Хатамова*. I—VI+1—43+I—XXVIII+I.—II. II. Матеріалы историко-литературныя. 1.—Житіе св. Леонтія епископа Ростовскаго. Съ предисловіемъ *А. А. Титова*. I — IV+1 — 36. III. Исследования. 1. — Междоусобицскія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вѣкахъ. (Къ вопросу о „двуименныхъ“ или „союзныхъ“ деньгахъ.—*В. А. Уляницкаго*. 1—54. 2.—Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. *П. А. Лаерова*. I—V+1—236+1—176. 2.—Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства во времени изданія 1-го Литовскаго статута. (Окончаніе). Очеркъ 4-й. (Съ картой *Литовско-Русскаго государства XV—XVI вв.*).—Исследование *М. К. Любавскаго*. 765—884+I—C+I—VI. IV. Смѣсь. 1.—Старинныя стихи по поводу смерти. Сообщилъ *М. Г. Поповъ*, 1—7. 2.—О доходахъ подьячихъ, служившихъ въ московскихъ приказахъ (о томъ, какъ „подьячіе, будучи въ приказахъ, отъ челобитчиковыхъ дѣлъ сыты бывали“). Сообщилъ *В. О. Эймаръ*, 8—10. 3.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о трехъ изъ числа привосновенныхъ къ дѣлу патріарха Никона лицъ. Сообщилъ *онъ же*. 11—13. 4.—„Описаніе чего ради невозможно отъ Архангелскаго города моремъ проходить въ Китайское государство и оттоле къ восточной Индіи“, 13—14. Сообщилъ *Сергей Блюмгуровъ*.

— Сборникъ отрывковъ для перевода съ латинскаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. Составили *А. Владимірскій* и *И. Поливановъ*. Москва.

— *М. М. Покровский*. Греческая морфологія въ средней школѣ. Пособіе при повтореніи и преподаваніи греческой грамматики. Москва.

— Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть первая. (Отдѣлъ позвоночныхъ). Составилъ *С. А. Персональный*. Москва.

•

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О ЧЕРЧЕНИИ.

(По поводу статьи В. Часовникова: „Школьное рисование“).

Въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 годъ напечатана статья В. Часовникова подъ заглавіемъ „Школьное рисование“; она написана, какъ говоритъ ея авторъ, по поводу моей статьи, озаглавленной „Замѣтки о преподаваніи черченія вообще“ и напечатанной въ этомъ же *Журналѣ*, въ іюньской его книжкѣ за 1892 годъ.

Обсужденіе одного и того же вопроса съ различныхъ точекъ зрѣнія всегда очень полезно и, при хладнокровномъ отношеніи къ дѣлу, можетъ привести къ очень полезнымъ и плодотворнымъ результатамъ. На этомъ основаніи и я берусь за перо, чтобы отвѣтить многоуважаемому г. Часовникову и постараться разъяснить, на сколько хватитъ у меня умѣнья, тѣ недоразумѣнія, которыя вызвала моя статья.

Въ самомъ началѣ своей статьи многоуважаемый г. Часовниковъ заявляетъ, что я въ своей статьѣ, говоря о черченіи вообще, нерѣдко упоминаю и о рисованіи, проводя *какъ бы аналогію* между этими двумя предметами, и, отдавая предпочтеніе первому, *какъ бы стараюсь* унизить значеніе втораго, что и вынуждаетъ его сказать нѣсколько словъ про и contra затронутыхъ вопросовъ. Но почему г. Часовниковъ прищелъ къ заключенію, что я въ моей статьѣ стараюсь провести *какъ бы аналогію* между черченіемъ и рисованіемъ, остается для меня непонятнымъ, потому что я старался именно разъяснить то существенное различіе, которое существуетъ между ними, но не сходство (аналогію). Такую аналогію между черченіемъ отъ руки и на глазъ (по принятой мною терминологіи, о которой я буду говорить далѣе) и рисованіемъ желаетъ отыскать

самъ г. Часовниковъ, обращая вниманіе только на механическое исполненіе той и другой работы и не желая принимать во вниманіе тѣ начала, на основаніи которыхъ исполняются чертежъ и рисунокъ.

Точно также осталось для меня непонятнымъ, почему г. Часовниковъ заключилъ, что я въ той же моей статьѣ старался *какъ бы* унизить значеніе рисованія, какъ общеобразовательнаго предмета, тогда какъ о подобномъ вопросѣ у меня нѣтъ и рѣчи. Высказывать же свои подозрѣнія, ни на чемъ не основанныя, печатно мнѣ кажется нѣсколько страннымъ!

Въ моихъ замѣткахъ о преподаваніи черченія вообще я желалъ выяснить, во первыхъ, въ *чемъ именно заключается существенная разница между черченіемъ и рисованіемъ*, а, во вторыхъ, *возможно ли преподаваніе черченія независимо отъ рисованія*. Само собою разумѣется, что при обсужденіи обоихъ этихъ вопросовъ приходилось кое-что сказать и о рисованіи, но сказать только то, что было необходимо для разъясненія дѣла, и совершенно не касаясь вопроса: какое имѣетъ значеніе рисованіе въ общеобразовательной школѣ? Это—совсѣмъ отдѣльный вопросъ и подлежитъ специальному обсужденію.

Всѣмъ вышесказаннымъ и могъ бы ограничиться мой отвѣтъ многоуважаемому г. Часовникову, еслибы онъ, при изложеніи своей статьи, не цитировалъ моей статьи съ указаніемъ ея страницъ, а это послѣднее и обязываетъ меня дать соответствующія разъясненія на сдѣланныя ссылки.

Послѣ высказаннаго подозрѣнія о моемъ скрытномъ желаніи унизить значеніе рисованія, какъ общеобразовательнаго предмета, многоуважаемый г. Часовниковъ приноситъ мнѣ „искреннюю благодарность за сдѣланный мною обзоръ различныхъ болѣе употребительныхъ способовъ проекціонной съемки съ указаніемъ преимуществъ и недостатковъ cadaго способа“. Смѣю увѣрить г. Часовникова, что я въ своей статьѣ говорилъ только о различныхъ проекціонныхъ методахъ или способахъ, и ни слова не сказалъ о *различныхъ способахъ проекціонной съемки*. При съемкахъ (для составленія чертежа съ натуры) знакомятъ учащихся съ приборами и инструментами (а также и ихъ употребленіемъ), при помощи которыхъ получаютъ необходимыя данныя для составленія того или другаго проекціоннаго чертежа. Всѣ эти приборы и инструменты согласованы съ требованіями того или другаго проекціоннаго метода, а соответствующіе требованіямъ одного могутъ быть совершенно непригодны для другаго. Какое мо-

жетъ имѣть значеніе при съемкѣ съ натуры какой нибудь детали машины мензула, теодолитъ и т. п. для составляемаго чертежа этой детали на основаніи метода ортогональнаго проектированія и какое будетъ имѣть значеніе крумциркуль, калибромѣръ при съемкѣ мѣстности, при составленіи топографическаго ея плана, исполняемаго на основаніи прозекціоннаго метода съ отмѣтками или числами? При этомъ кстати замѣчу, что иногда непосредственнымъ измѣреніемъ въ натурѣ и нельзя получить *тѣхъ данныхъ*, которыя *необходимы для составленія прозекціоннаго чертежа*, а приходится ихъ опредѣлять соотвѣтствующими вспомогательными построеніями на листѣ бумагѣ или же опредѣлять вычисленіемъ. Это все такіе вопросы и задачи, которые рисовальщику съ натуры и не встрѣчаются: ему надо передать на бумагѣ или на полотнѣ только видимый, съ извѣстнаго пункта наблюденія, образъ срисовываемаго предмета.

Далѣе г. Часовниковъ высказываетъ мнѣ и вторую благодарность за попытку установить возможно правильную и вполнѣ опредѣленную терминологию „процессовъ и производствъ по обоямъ графическимъ предметамъ“ и указываетъ на стр. 17 — 19 моей вышеупомянутой статьи, что употребляемая мною терминологія основана будто бы на этихъ началахъ, тогда какъ въ основу ея положенъ, такъ сказать, методъ изображенія вещественныхъ предметовъ, а не механизмъ или техника этого исполненія. Для разъясненія же этой мысли и было упомянуто, что рисунки и картины исполняются на началахъ перспективныхъ (всѣ вещественные предметы мы видимъ перспективно), а чертежи на началахъ прозекціонныхъ (условныхъ). Если же рисовальщики допускаютъ возможность замѣнять органъ зрѣнія точкою зрѣнія, то тогда рисунокъ видимаго контура вещественнаго предмета будетъ его коническою проекціею, но *не всякая коническая проекція*, какъ я это и замѣчаю въ моей статьѣ, *можетъ быть названа перспективою даннаго предмета*. Для полученія такой конической проекціи, которая могла бы быть названа перспективою даннаго предмета, необходимо, чтобы извѣстныя данныя удовлетворяли и извѣстному относительному ихъ расположенію. Напрасно г. Часовниковъ полагаетъ, что такую коническую проекцію, то-есть, перспективу, называютъ стереографическою проекціею, и ссылается при этомъ на стр. 4-ю курса Маккавѣева и Данилевскаго, изданія 1886 года. Въ этомъ курсѣ дѣйствительно, въ приводимомъ г. Часовниковымъ мѣстѣ, вкралась не-точность выраженія, а вкралась она изъ желанія облегчить начинающему выяснить себѣ разницу проектированія стереографическаго и

ореографическаго (ортогональнаго). Но въ своемъ руководствѣ (стр. 5) гг. Маккавѣевъ и Данилевскій говорятъ, что „изображенія (но не говорятъ: перспективы) земной поверхности“ составляются на плоскости, проходящей черезъ центръ земли, а *точки зрѣнія* (то-есть, та точка, черезъ которую проходятъ проектирующія линіи) *выбирается на линіи, перпендикулярной изъ этой плоскости и проходящей черезъ центръ*“. А изъ этого слѣдуетъ, что когда точки зрѣнія дадутъ другое положеніе, то тогда не получится стереографическая проекція земной поверхности, а потому и *не всякая коническая проекція, даже земной поверхности, можетъ быть названа стереографическою, а тѣмъ болѣе перспективою.*

Относительно же принятой мною терминологіи я долженъ сообщить слѣдующее. Въ 1889 году при Императорскомъ Техническомъ Обществѣ была образована особая коммиссія для разработки программъ преподаваній рисованія и черченія, и въ члены ея принимались всѣ желающіе принести пользу этому дѣлу. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности эта коммиссія подраздѣлилась на двѣ подкоммиссіи, изъ которыхъ одна специально занималась вопросами, относящимися къ рисованію, а другая—вопросами, специально относящимися къ черченію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не приурочивая вырабатываемой ею программы къ какому либо существующему у насъ въ Россіи учебному заведенію. Въ засѣданіяхъ этой послѣдней подкоммиссіи и я принималъ участіе, а потому и имѣлъ возможность ознакомиться съ преніями, которыя возникали по тому или другому вопросу, относящемуся къ дѣлу преподаванія черченія вообще. Выработанная этою подкоммиссіею программа преподаванія черченія могла быть доложена съѣзду дѣятелей по техническому и профессиональному образованію 1889—1890 годовъ безъ ея мотивовъ, потому что всѣ протоколы засѣданій этой подкоммиссіи въ день доклада оказались утерянными. Какъ эта программа, такъ и доложенная въ томъ же съѣздѣ программа по преподаванію рисованія, вызвали возраженія и возбудили пренія, изъ которыхъ можно было убѣдиться, что нѣкоторыя недоразумѣнія происходили именно потому, что каждый изъ оппонентовъ, употребляя техническій терминъ, придавалъ ему одно значеніе, а другой—другое. Такого рода пренія оканчивались соглашеніями, когда участвующіе въ нихъ выясняли значеніе употребляемаго ими термина. Поэтому на первомъ же засѣданіи этой подкоммиссіи послѣ упомянутаго съѣзда и былъ поднятъ вопросъ о разработкѣ соотвѣтствующей терминологіи для черченія, а слѣдовательно,

косвеннымъ образомъ такой вопросъ затронуть и рисованіе, но затронуть лишь на столько, на сколько это было необходимо для черченія. При обсужденіи сказаннаго вопроса была предлагаема и та терминологія, которой придерживается нынѣ г. Часовниковъ, но не была принята, между прочимъ, и потому, что тогда топографическій планъ мѣстности, исполненный отъ руки и на глазъ, пришлось бы называть *рисункомъ или кроки мѣстностей*, что выражаетъ совершенно другое понятіе, тогда какъ планъ мѣстности или кроки ясно характеризуютъ, что здѣсь говорится о чертежѣ проекціонномъ (условномъ) этой мѣстности. Точно также и техническій чертежъ (проекціонный) зубчатаго колеса, исполненный отъ руки и на глазъ, комиссия признала несоотвѣтственнымъ называть *рисункомъ* этого колеса.

Было предложено для выработки соотвѣтствующей терминологіи и слѣдующее основаніе: если изображеніе даннаго предмета сдѣлано въ однихъ чертахъ, то такое изображеніе называть *чертежемъ*; если же оно сдѣлано красками (въ особенности кистью), то называть *рисункомъ*. Но и это предложеніе не было принято потому, что тогда, на примѣръ, рисунки, сдѣланные въ контурахъ графомъ Э. П. Толстымъ къ поэмѣ Богдановича „Душенька“, пришлось бы назвать *чертежами*, а проектъ моста, исполненный на основаніи ортогональнаго проектированія и раскрашенный, пришлось бы называть *рисункомъ* моста.

Этими примѣрами я желаю только показать, что сказанная подкомmissія старалась по возможности всесторонне обсудить вопросъ, касающійся выработываемой терминологіи для черченія, и пришла къ убѣжденію, что въ основу этой терминологіи должны быть приняты тѣ начала, на которыхъ основываются исполненія изображеній вещественныхъ предметовъ, но никакъ не техника исполненія такихъ изображеній. Къ такому заключенію пришла подкомmissія самостоятельно въ 1890 году, безъ справокъ съ практикой Западной Европы; но, такъ какъ г. Часовниковъ признаетъ Францію (и совершенно справедливо) передовою страной въ дѣлѣ преподаванія рисованія и черченія, то и посмотримъ, что по этому поводу высказываютъ ея передовые люди. Но въ такомъ случаѣ я не могу сослаться на прекрасно составленную статью С. Васильева, напечатанную въ 1892 году въ *Педагогическомъ Сборникѣ* (какъ это дѣлаетъ многоуважаемый г. Часовниковъ), потому, что въ ней говорится о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя были сдѣланы во Франціи въ 1878 году; а сошлюсь на болѣе намъ современную

программу, напечатанную въ 1892 году въ *Revue Pédagogique* ¹⁾, изъ которой видно, какъ смотреть современные намъ педагоги во Франціи на то различіе, которое существуетъ между рисованіемъ и черченіемъ. Предварительно замѣчу, что французы словами *dessin à vue* называютъ то, что мы называемъ *рисункомъ*; словами *dessiner à vue* выражаютъ то, что мы называемъ *рисованіемъ*; словами же *dessin géométrique*—то, что я въ своей статьѣ называю *чертежемъ*. Въ отдѣлѣ этой программы, озаглавленномъ *Dessin Géométrique* ²⁾, при перечисленіи тѣхъ ученическихъ работъ, которыя должны быть исполнены учениками, между прочимъ, сказано, что имъ должно быть задано сдѣлать: 1) *d'un croquis coté*; 2) *de la mise au net, à l'échelle, de ce croquis*; слѣдовательно, первая задача относится къ составленію чертежа отъ руки и на глазъ съ соотвѣствующими отмѣтками, а вторая къ вычерчиванію начисто или набѣло того же чертежа при помощи чертежныхъ инструментовъ, но этотъ *croquis coté* не отнесенъ въ этой программѣ къ *dessins à vue* (рисункамъ), но къ отдѣлу, гдѣ говорится о *dessins géométriques*, то-есть, чертежахъ. Итакъ, подраздѣленіе изображеній вещественныхъ предметовъ и у французовъ основано не на способахъ механическаго исполненія самой работы, а на тѣхъ началахъ, на которыхъ основано исполненіе такихъ работъ. Та же мысль проводится у нихъ и далѣе въ *Directions pédagogiques*, гдѣ на стр. 535 говорится: *la distinction qui est constamment faite, dans ces programmes, entre les deux modes de représentation, rendra cette confusion de moins en moins possible. La répartition méthodique des connaissances habituera l'enfant à chercher auquel des deux modes se rapporte l'exercice qui lui est proposé.* И это высказываемое желаніе французскихъ педагоговъ понятно потому, что, для сокращенія рѣчи, французы очень часто и рисунокъ и чертежъ выражаютъ однимъ словомъ *dessin*. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, потому что эти два различныя понятія можемъ выражать двумя различными словами, назвавъ одну работу *рисункомъ*, а другую *чертежемъ*,—будетъ ли послѣдній представлять собою кроки или эскизъ, сдѣланный отъ руки и на глазъ, будетъ ли онъ исполненъ начисто при помощи чертежныхъ инструментовъ, безразлично.

¹⁾ Enseignement du dessin. Programmes et directions pour les écoles maternelles et les écoles primaires élémentaires du département de la Seine. Décembre 1891, p. 530.

²⁾ Ibidem, p. 532.

Если же принятая сказанною подкоммиссією терминологія (которой и я придерживаюсь) г. Часовникову не нравится, то это дѣло его личного вкуса, и я объ этомъ спорить не буду. Не могу только при этомъ не замѣтить, что предлагаемая г. Часовниковымъ терминологія „рисунокъ на чертежѣ“ (стр. 57) мнѣ кажется совершенно неудачной, тѣмъ болѣе, что тогда (по аналогіи) сдѣланное что либо на рисунокѣ чертежными инструментами пришлось бы называть „чертежемъ на рисунокѣ“. Но придерживаясь своей терминологіи, по которой все сдѣланное отъ руки и на глазъ г. Часовниковъ называетъ рисункомъ, а не чертежемъ, а исполненіе ихъ — рисованіемъ, не можетъ же онъ извѣщать выводомъ изъ моей статьи, придавая имъ значеніе не по внутреннему ихъ смыслу, то-есть, придерживаясь мною принятой терминологіи, а придавая имъ значеніе по принятой имъ. Такъ, напримѣръ, г. Часовниковъ на 64 стр. своей статьи говоритъ: „въ военное время или на маневрахъ, при рекогносцировкѣ, *рисовальщикъ незамѣнимъ. а чертежникъ никуда не годится*, потому что долженъ возить за собою телѣгу съ инструментами и служить удобною мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ. Военные кроки выполняются рукою и непремѣнно на глазъ, потому что нѣтъ возможности обращаться съ линейкой и циркулемъ, сидя въ сѣдлѣ“. Вопервыхъ, въ моихъ замѣткахъ о преподаваніи черченія я нигдѣ не говорилъ, что чертежниковъ-спеціалистовъ не слѣдуетъ обучать умѣнью чертить отъ руки и на глазъ; во вторыхъ, откуда же г. Часовниковъ почерпнулъ свѣдѣнія, что посланному на рекогносцировку или для освѣщенія мѣстности офицеру выставляется непремѣннымъ условіемъ, чтобы кроки плана (чертежа) пройденной мѣстности были сдѣланы обязательно отъ руки и на глазъ, и воспрещается при этомъ употребленіе складнаго циркуля, масштабной линейки и компаса?—не знаю! А что офицеры пользуются при такихъ порученіяхъ сказанными инструментами и приборами (если только они имѣются на рукахъ), не только мнѣ хорошо извѣстно, но и извѣстно одинаково какъ ближайшему, такъ и высшему военному ихъ начальству. Правда, иногда офицеръ, умѣющий рисовать, къ сказанному кроки прилагаетъ и *рисунокъ окружающей мѣстности*, но эта работа не обязательна для него. При этомъ замѣчу, что въ интересахъ военного вѣдомства желательно, чтобы не одни только офицеры могли исполнять сказанныя порученія, но и унтеръ-офицеры и развѣдчики, которые о рисованіи и понятія не имѣютъ, а обучать ихъ этому искусству въ полковыхъ школахъ немыслимо за неимѣніемъ на то свободного времени: для нихъ будетъ

совершенно достаточно, когда они выучатся какъ чертить при помощи чертежныхъ инструментовъ, такъ и чертить отъ руки и на глазъ.

По такому же поводу въ сказанной подкомиссіи обсуждался и такой вопросъ: можно ли выучить чертить съ инструментами и чертить отъ руки и на глазъ безъ предварительнаго обученія собственно рисованію? Подкомиссія рѣшила исполнить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, а я въ моихъ „Замѣткахъ о преподаваніи черченія вообще“ (на которыя указываетъ г. Часовниковъ) проводилъ ту же мысль, не касаясь общеобразовательнаго значенія преподаванія рисованія въ какой бы то ни было школѣ. Въ подкрѣпленіе же этой мысли я и старался приводимыми примѣрами разъяснить, что глазъ, развитой въ одномъ направленіи у учащагося, не можетъ служить ручательствомъ его развитія и въ другомъ направленіи. Теперь же прибавлю, что развитіе глаза для удовлетворительно исполняемой глазомѣрной съемки достигается при упражненіяхъ инструментальною съемкою, но не при рисованіи орнаментовъ и человѣческихъ фигуръ: на этомъ поприщѣ и отличнаго рисовальщика перещеголяетъ топографъ-съемщикъ, совершенно не умѣющій рисовать.

Упоминая въ моей статьѣ о рисованіи и рисунокѣ вообще, я придавалъ этимъ словамъ болѣе широкое значеніе, нежели то, которое желательно имъ придать г. Часовникову. Рисованіе (включая сюда и частный его видъ—живопись)¹⁾, какъ искусство, представляетъ въ своихъ произведеніяхъ и конечную цѣль, но не средство, какъ чертежъ, исполнять по немъ какія нибудь работы, имѣющія значеніе въ практической дѣятельности. Не разбирая же программы преподаванія рисованія, мнѣ нечего было и говорить о тѣхъ педагогическихъ приемахъ и средствахъ, при помощи которыхъ достигается возможность выучить рисованію (въ обширномъ значеніи этого слова), а потому и нечего было утверждать, что такіа школьныя ученическія работы могутъ вызывать эстетическое чувство и доставлять духовное наслажденіе, а слѣдовательно, и представлять собою конечную цѣль ихъ исполненія. Точно также я не могъ утверждать, что вычерченная ученическая работа, напримѣръ, окружность съ ея касательною, исполнена на основаніи какого нибудь проекціоннаго метода и можетъ служить (какъ средство) для изготовленія по такому чертежу какой нибудь вещи, имѣющей практическое значеніе.

¹⁾ Не имѣя по настоящее время соответствующаго термина для этого рода изищныхъ рисунковъ, приходится довольствоваться и этимъ.

Не могу не привести дословно и слѣдующаго мѣста статьи г. Часовникова: „остается сказать нѣсколько словъ по вопросу о *специализации* (курсивъ въ подлинникѣ) рисованія (ссылка на стр. 65-ю моей статьи). Имѣя въ виду школьное рисованіе, мы склонны вовсе не признавать такой специализаціи (стр. 65)“⁴. Прочитавъ это мѣсто статьи г. Часовникова, можно подумать, что я придерживаюсь убѣжденія въ полезности такой специализаціи въ школьномъ дѣлѣ, тогда какъ у меня совершенно и нѣтъ такого убѣжденія! На стр. 65-й моей статьи я говорилъ, что „рисованіе подраздѣляется тоже на специальности, и ученики, приобрѣта навѣкъ рисованія по одной специальности, могутъ быть плохими рисовальщиками по другой“. Мнѣ кажется, что я этими словами ясно высказалъ мое несочувствіе къ такой специализаціи, которая, къ сожалѣнію, существуетъ при преподаваніи рисованія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Существованіе же такой специализаціи подтверждаетъ и самъ г. Часовниковъ на стр. 66-й своей статьи словами: „въ результатѣ получается, что въ одномъ училищѣ прекрасно рисуютъ цвѣты, но не могутъ нарисовать кубика безъ грубыхъ ореографическихъ ошибокъ; въ другомъ училищѣ „очень мило“ рисуютъ цвѣты, домики, коровокъ, лошадокъ съ печатныхъ „оригиналовъ“, но ни одного штриха не могутъ сдѣлать съ натуры“. Въ чемъ же заключается наше разногласіе по этому вопросу съ г. Часовниковымъ?—Не понимаю!

Точно также, прочитавъ на стр. 56-й статьи г. Часовникова слѣдующую фразу: „если на большой картинѣ горизонтъ будетъ проведенъ при помощи шнура, а очертаніе луны при помощи циркуля (ссылка на стр. 19 моей статьи), то отъ этого картина не сдѣлается чертежемъ“,—можно подумать, что я-то самъ такую картину и называю чертежемъ, тогда какъ я за ней всецѣло оставляю названіе картины, а всѣхъ подготовительныхъ или вспомогательныхъ работъ, встречающихся при рисованіи (въ томъ числѣ и въ живописи), я и не принимаю въ соображеніе. Для какой цѣли была помѣщена эта фраза г. Часовниковымъ въ его статьѣ? Вообще въ моихъ „Замѣткахъ о преподаваніи черченія вообще“ я старался избѣгать затрогивать вопросы, специально касающіеся техники исполненія не только рисунка или картины (въ обширномъ значеніи этихъ словъ), но и чертежа, а потому я не останавливался на разъясненія значенія словъ: эскизъ, набросокъ, кроки и т. п., потому что каждый специалистъ по черченію понимаетъ ихъ значеніе, но не могу согласиться съ г. Часовни-

танникомъ III-го спеціального класса одного изъ военно-учебныхъ заведеній. подобнаго развитія глазоѣбра какъ онъ самъ, такъ и нѣкоторые его сотоварищи (интересовавшіеся этимъ вопросомъ) достигли въ одинъ учебный годъ, занимаясь черченіемъ только въ часы, для него назначенные.

Нельзя обойти молчаніемъ и того мѣста статьи г. Часовникова, въ которомъ онъ старается набросить на меня тѣнь, намекая на мою недобросовѣстность при изложеніи фактовъ. Для этого г. Часовниковъ употребляетъ нижеслѣдующій приемъ, останавливаясь на 23 страницѣ моей статьи, гдѣ я говорилъ о вычерчиваніи окружности отъ руки и на глазъ подъ руководствомъ преподавателя рисованія. Здѣсь я говорилъ, что преподаватель рисованія даетъ такіа средства для исполненія сказанной ученической работы, которыя прямо противорѣчатъ основнымъ правиламъ черченія, при чемъ не допускается имъ дѣлать циркулемъ провѣрку исполненной работы. Приобрѣтеніе же навыка чертить отъ руки и на глазъ (или, какъ говорить г. Часовниковъ, рисовать) окружности различныхъ радіусовъ (очень отличающихся между собою по величинѣ) потребуетъ очень и очень продолжительной практики, а однообразныя упражненія могутъ въ ученикахъ вселить отвращеніе къ подобнаго рода занятіямъ. На этомъ основаніи я и говорилъ о бесполезности стремиться достигать такого развитія глаза у учениковъ, при которомъ бы онъ могъ у нихъ замѣнять циркуль. Затѣмъ я проводилъ мысль, что при преподаваніи или обученіи чему нибудь сродственному, а въ настоящемъ случаѣ черченію и рисованію, необходимо придерживаться однообразнаго (по существу) метода, но не проводить по одному и тому же вопросу идеи прямо противоположныя. вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю необходимымъ придерживаться и однообразной терминологіи, когда вопросы касаются геометрическихъ величинъ: такъ, напримѣръ, я признаю не целесообразнымъ *наклонныя линіи* (терминъ изъ геометріи) называть *линіями косыми*, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые преподаватели рисованія. Г. Часовниковъ, упомянувъ въ своей статьѣ, что преподаватели рисованія, руководя работами учениковъ по черченію отъ руки и на глазъ (называя такую работу геометрическимъ рисованіемъ), дѣйствительно ученикамъ „предлагаютъ тотъ способъ построенія окружности“, о которомъ я упоминалъ въ моихъ замѣткахъ, — при этомъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что я не сказалъ, „что такому способу построенія окружности предшествуетъ рядъ построеній другихъ геометрическихъ фигуръ, болѣе простыхъ, ограниченныхъ прямыми линіями (квадратъ,

восьмиугольник), изъ которыхъ совершенно послѣдовательно и ясно вытекаетъ построение окружности упомянутымъ способомъ; черезъ это получается нечаянное или преднамѣренное извращеніе факта“. Выше-приведенное мѣсто моей статьи и не затрогиваетъ вопроса: логически или нелогически можно было отъ черченія квадрата и восьмиугольника дойти до черченія окружности; разбирался лишь способъ опредѣленія по положенію точекъ, принадлежащихъ вычерчиваемой окружности, съ указаніемъ его недостатковъ собственно для чертежнаго дѣла и развитія глазомера. А потому и полагаю, что если есть *нечаянное* или *преднамѣренное извращеніе факта*, то во всякомъ случаѣ не у меня. Кромѣ сказаннаго, въ статьѣ г. Часовникова въ выноскѣ на стр. 58 говорится: „нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Макарова, будто при рисованіи допускается (въ подлинникѣ поставлены знаки—?)!) бумажная линейка съ намѣченными на ней дѣленіями. Ни одинъ учитель рисованія, если онъ сколько нибудь знаетъ свой предметъ, не допустить этого“. Считая Императорскую академію художествъ компетентнымъ судьей въ дѣлѣ преподаванія рисованія, предлагаю г. Часовникову взглянуть на 13 страницу брошюры, озаглавленной: *Программа элементарнаго курса рисованія и тѣнки для рисовальныхъ школъ*, напечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1888 году по распоряженію этой академіи, и прочитать слѣдующее: „простая, сложенная изъ бумаги линейка служитъ въ то же время мѣркой и замѣняетъ циркуль“. На основаніи же сказаннаго г. Часовниковымъ выходитъ, что составитель этой программы совершенно незнакомъ съ дѣломъ преподаванія рисованія! Признаюсь откровенно, я этого не подозрѣвалъ.

Желая рисованію дать преобладающее значеніе надъ черченіемъ, г. Часовниковъ всѣ (безъ исключенія) чертежныя работы, сдѣланныя отъ руки и на глазъ, называетъ геометрическими рисунками, а не чертежами, и приходитъ къ заключенію, что рисованіе чаще понадобится большинству, нежели черченіе, а потому „рисованіе для общеобразовательной школы чуть ли не болѣе важный и необходимый предметъ, чѣмъ само черченіе (стр. 66)“. Принужденъ сказать по этому поводу, что перемѣна названія не измѣняетъ сущности дѣла, а черченіе отъ руки и на глазъ понадобится очень и очень многимъ людямъ, получившимъ различное высшее спеціальное образованіе, тогда какъ черченіе съ чертежными инструментами (черченіе чистовыхъ чертежей)—преимущественно спеціалистамъ по каллиграфіи черченія. Но и этимъ лицамъ, получившимъ высшее спеціальное образованіе, приходится дѣлать какія нибудь изображенія не перспективно (удовлетво-

ряя правильному расположенію точекъ схода перспективныхъ линій и т. п.) срисовываемыхъ предметовъ, а проекціонные ихъ чертежи. Но какъ черченію, хотя и не отличному въ каллиграфическомъ отношеніи, можно обучить почти cadaго, а рисованію можно обучить очень немногихъ, то поэтому во многихъ низшихъ и среднихъ промышленныхъ и профессиональныхъ школахъ и бесполезно затрачивать много времени на обученіе рисованію. Наконецъ, для вывода, что большинству учащихся понадобится скорѣе умѣнье рисовать, а не чертить, нельзя принимать въ соображеніе *только учениковъ нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ*.

Въ заключеніе долженъ опять повторить, что какъ черченіе, такъ и рисованіе имѣютъ свои особенныя цѣли и задачи, а потому каждое изъ нихъ и должно идти своею особенною дорогою, согласуясь между собою только въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, какъ предметы между собою сродственные, но не тождественные. Умалять же достоинство и значеніе того и другаго не слѣдуетъ, какъ нельзя стремиться соединить преподаваніе того и другаго въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Поручать же дѣло преподаванія черченія тѣмъ, которые, по словамъ г. Часовникова (стр. 66), не хотятъ знать никакихъ программъ и къ которымъ, поэтому, необходимо приставить еще гувернеровъ для наблюденія, тѣмъ болѣе нежелательно. Да и гдѣ возможно такое небрежное отношеніе къ выбору учителей рисованія и такое равнодушіе къ ихъ служебно-педагогической дѣятельности!

Признаюсь еще, что слѣдующее мѣсто статьи г. Часовникова: „какъ бы дурно чертежники ни отзывались о рисованіи, какихъ бы абсурдовъ ни высказывали, все это будетъ, пожалуй, справедливо, но только не по отношенію къ самому предмету, а лишь къ частнымъ случаямъ преподаванія его въ разныхъ училищахъ (стр. 66)“,—для меня осталось непонятнымъ. Какіе же и когда абсурды бываютъ справедливы? Не знаю!

Н. Макаровъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Начальное руководство къ изученію латинскаго языка, для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Грамматика и хрестоматія. Составилъ преподаватель 5-й С.-Петербургской гимназій *М. Михайловскій*. С.-Пб. 1893. Стр. VIII + 164 + 139. Цѣна 1 руб.

Въ нашей учебной литературѣ не мало элементарныхъ грамматикъ латинскаго языка; вновь появившаяся книжка г. Михайловскаго не выдается среди нихъ какими либо особенностями, которыя дали бы ей предпочтительное положеніе передъ другими: напротивъ, она вызываетъ не мало замѣчаній вслѣдствіе того, что представляетъ очевидные признаки поспѣшности, съ которой составлена. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

Стр. 2: Неподлежаще смѣшиваются понятія о звукѣ и буквѣ.

Стр. 3: Составитель учитъ, что латинское *logum* слѣдуетъ произносить, какъ *лѣрумъ*.

Ibid. „буквы читаются за Конструкція по-русски не употребительная.

Стр. 7: Приведа парадигмъ перваго склоненія существительныхъ, авторъ тутъ же говоритъ и о прилагательныхъ трехъ окончаній.

Стр. 11. *Ex vita discedimus tamquam ex hospitio*. Примѣръ и не полезный для учащихся, и неудобный.

Стр. 12: „Жалкій народъ, твои слова и дѣла безбожны!“. Что значить: слова народа?

Стр. 14: „Вы обманываетесь завистливыми сосѣдами“. Такъ по-русски не говорить.

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензій имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Стр. 21: *Enumerat miles vulnera, pastor oves*. Взятая внѣ контекста, фраза представляетъ мало смысла. Срвн. стр. 41: *Si non proficient artes, veniemus ad arma*.

Стр. 23: Слова: *conclave, hostile, tribunal, lacunar, pulvinar, hypocrita* (стр. 58) и мн. др. неумѣстны въ элементарномъ курсѣ.

Стр. 29: *Miser homo est sine fide*. Фраза неудобная.

Стр. 32: „Хорошіе примѣры лучше наставленій, потому что примѣрами исправляется часто самый худшій“. Фраза выражена неловко. Срвн. стр. 37: „Вы похвалены вашими наставниками за вашу скромность“. „Меня защитятъ добрые, если буду пренебреженъ злыми“

Стр. 50: Олущено *alter* въ значеніи: второй.

Стр. 52: *Frater meus annum agit tricesimum primum*. Въ словахъ глаголу *agit* дано лишь значеніе: веду, вслѣдствіе чего ученикъ переведетъ эту фразу: „Братъ мой ведетъ тридцать первый годъ“. Срвн. стр. 61: *inposuius censura potest permittere lusus*—гдѣ слову *censura* даны значенія: должность цензора, строгая критика, цензура. Помимо неудачнаго расположенія значеній, ни одно изъ нихъ съ точностью не подходитъ къ данному мѣсту. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что составитель очень любитъ для упражненія въ переводахъ съ латинскаго приводить отдѣльные стихи. Противъ этого приѣма ничего нельзя возразить, такъ какъ стихи запоминаются легче прозы, но должно замѣтить, что составитель не всегда удачно выбираетъ эти стихи: нѣкоторые изъ нихъ, взятые внѣ контекста, непонятны; другіе, по содержанию, недоступны мальчикамъ, въ родѣ: *odi, nec possum cupiens non esse quod odi; si fuit errandum, causas habet error honestas; caelum non animum mutant qui trans mare currunt* и мн. др.

Стр. 58: Особенности въ спряженіи глагола *prosum* изложены весьма неудачно: „*prosum*, говоритъ составитель, спрягается какъ *sum*, только передъ буквою *e* принимаетъ букву *d*“. Звукъ *d* органически примыкаетъ къ темѣ *prode*, что видно изъ нарѣчія *prode*=полезно. Слѣдовательно, передъ *e* звукъ этотъ не примыкаетъ, а сохраняется.

Также неудачно выражены правила 1-ое и 2-ое на страницѣ 66. Правило 1-ое гласитъ: „Союзъ *cum* когда ставится съ сослагательнымъ наклонен. прош. несов. вр., если дѣйствія обоихъ предложеній происходили одновременно“ и т. д. Выше о двухъ предложеніяхъ не было сказано ни слова, равно какъ и о томъ, что одно изъ нихъ главное, другое придаточное.

Правило 2-ое учить, что послѣ глаголовъ и „выраженій, означающихъ сомнѣніе: *non dubito* я не сомнѣваюсь, *nemo dubitat* никто не сомнѣвается, *quis dubitat* кто сомнѣвается?, *non est dubium* нѣтъ сомнѣнія—ставится союзъ *quip**. Да развѣ эти обороты обозначаютъ сомнѣніе, а не увѣренность?

Стр. 69: Авторъ говоритъ, что *utrum*—*an* и *ne*—*an* ставятся въ двойномъ вопросѣ, тогда какъ объ немъ еще не дано понятія.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что грамматика г. Михайловскаго нуждается въ серьезной переработкѣ.

Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ А. Поспишля, преподаватель древнихъ языковъ при Киевской 1-й гимназій. Часть I. Курсъ перваго класса. Изданіе 4-е. Киевъ, 1892. Стр. II+62. Цѣна 50 коп. Часть II. Курсъ втораго и третьяго классовъ. Изд. 3-е, Киевъ. 1893. Стр. III+232. Цѣна 1 рубль.

Четвертое изданіе 1-й части учебника г. Поспишля перепечатано безъ перемѣнъ съ третьяго, третье же изданіе второй части переработано и дополнено авторомъ. Переработка эта имѣла въ виду новыя учебныя планы и касалась, главнымъ образомъ, слѣдующихъ пунктовъ:

1) Морфологія глагола получила теперь болѣе полный и законченный видъ вслѣдствіе того, что въ нее вошли не только важнѣйшіе изъ глаголовъ, отступающихъ въ образованіи перфекта и супина, но также глаголы неправильные и недостаточные. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія синтактическія статьи отнесены къ курсу третьяго класса, вслѣдствіе чего матеріалъ, проходимый во II-мъ классѣ, не увеличился, а, скорѣе, уменьшился.

2) Грамматическій матеріалъ курса III-го класса раздѣленъ на двѣ части: въ первой заключается повторительный курсъ первыхъ двухъ классовъ съ необходимыми дополненіями, а во второй—ученіе о падежахъ. Къ первой части примыкаетъ краткая латинская хрестоматія, содержащая матеріалъ для практическихъ упражненій въ теченіе перваго полугодія III-го класса. Такъ какъ во второмъ полугодіи читаются біографіи Корнелія Непота, то составитель помѣстилъ въ началѣ матеріала для упражненій въ переводѣ съ русскаго на латинскій метафразы избранныхъ біографій Непота, по изданію Л. Георгіевскаго.

Весь грамматическій матеріалъ подвергнутъ тщательному пересмотру, при которомъ оказалась возможность сдѣлать значительныя сокращенія во всѣхъ его частяхъ, а также и нѣкоторыя исправленія.

Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій по книгамъ *Ходобая* и *Виноградова*. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. *П. Виноградовъ*. Выпускъ I. Москва. 1893. Стр. IV+79+69.

Въ этой книгѣ г. Виноградовъ задался цѣлю приспособить къ нынѣ дѣйствующимъ учебнымъ планамъ тотъ матеріалъ, который содержится въ изданныхъ имъ ранѣе, совмѣстно съ г. Ходобаевъ, книгахъ: „Книга упражненій“, „Сборникъ статей“ и „Стилистика“. Въ виду неудобства для учащихся пользоваться нѣсколькими пособиями, составитель призналъ цѣлесообразнымъ взять изъ названныхъ книгъ лишь то, что оказалось на практикѣ наиболѣе удобнымъ для преподаванія и издать это въ одной книгѣ, раздѣленной на два выпуска: первый предназначается для четвертаго класса, второй — для пятаго и шестаго.

При новой обработкѣ матеріала авторъ руководствовался дидактическими указаніями Учебныхъ плановъ 1890 г., въ которыхъ, между прочимъ, рекомендуется, чтобы переводы на древніе языки примыкали непосредственно къ читаемымъ и разрабатываемымъ въ классѣ текстамъ древнихъ писателей. Такъ какъ въ четвертомъ классѣ читается Цезарь, то составитель книги старался брать изъ него главный матеріалъ для упражненій: въ началѣ cadaго параграфа, предназначеннаго для первоначальныхъ упражненій въ грамматическихъ правилахъ и потому составленнаго изъ отдѣльныхъ фразъ, помѣщены болѣе или менѣе типичныя выраженія, взятые изъ Цезаря, на разборъ которыхъ ученикъ можетъ наглядно освоиться съ приложеніемъ грамматическаго правила.

За этими фразами слѣдуютъ русскіе примѣры для перевода, изъ которыхъ тоже не малое количество взято изъ Цезаря. За параграфами, состоящими изъ фразъ, слѣдуютъ въ перемежку параграфы, представляющіе связныя статьи; эти статьи не сложны по содержанію и способу выраженія. Въ концѣ книги помѣщенъ связный разказъ по Цезарю о войнѣ съ гелльветами. Для сбереженія времени учащихся, къ каждому параграфу переводовъ даны всѣ болѣе или менѣе неизвѣстныя слова, а также всѣ обороты рѣчи, представляющіе уклоненіе отъ русскаго способа выраженія. Въ концѣ книги присоеди-
ненъ русско-латинскій словарь.

Книжка г. Виноградова производитъ въ общемъ хорошее впечатлѣніе, хотя нельзя не замѣтить, что нѣкоторые фразы выражены по-русски не совсѣмъ удачно и нуждаются въ передѣлкѣ. Напримѣръ:

Стр. 8: „Развѣдчики извѣстили Цезаря, что гелъветы три части войска переправили черезъ рѣку“. Выраженіе: три части слѣдуетъ замѣнить черезъ: три четверти.

Стр. 11: „Велика слава Публия Деція, потому что онъ первый въ своей фамиліи былъ консуломъ“. Слово фамилія лучше замѣнить словомъ: родъ.

Стр. 12: транскрипцію Фаларисъ лучше замѣнить черезъ: Фаларидъ; ср. стр. 17 Калхасъ вм. Калхантъ.

Стр. 14: „Туль Гостилій.... былъ еще неукротимѣ Ромула“. Неукротимый лучше замѣнить словомъ: энергичный.

Ibid.: „Оргеторигъ убѣдилъ гелъветовъ выдти со всѣми силами изъ своихъ предѣловъ“. Со всѣми силами лучше замѣнить черезъ: со всѣми войсками.

Стр. 15: „У удовольствіи не можетъ быть никакой связи съ честностью“. Лучше—съ добродѣтелью.

Стр. 27: „Большое множество идотовъ“. А развѣ бываетъ малое множество? и т. д.

Древне-классическія реалии. Справочная книга и повторительной курсъ для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По *Мартину Вольрабу* и другимъ руководствамъ составилъ, согласно съ новыми учебными планами гимназическаго курса, а также и § 69 правилъ объ испытаніяхъ *М. Герьева*, преподаватель С.-Петербургскихъ VI и X гимназій. Съ 125 рисунками. С.-Пб. 1893. Часть I. Въ текстѣ есть рисунки. Цѣна за объ части 70 коп.

Въ основу разбираемой книжки составитель положилъ сочиненіе *Вольраба*: *Die altklassischen Realien im Gymnasium*. Lpzg. 1890, въ которомъ, въ сжатомъ, систематическомъ очеркѣ представлены главнѣйшія данныя для знакомства съ бытомъ, государственною жизнью и литературой древнихъ грековъ и римлянъ. Все это помѣщается въ оригиналѣ на 86 страницахъ, въ русской передѣлкѣ на 112. Само собою разумѣется, что, при такомъ объемѣ, нѣтъ возможности, отъ книги требовать не только подробности, но и подробности и читатель поневолѣ долженъ довольствоваться характеристиками, въ родѣ слѣдующихъ: стр. 78 — „*Decimus Iunius Iuvenalis* написалъ во время Траяна въ 5 книгахъ 16 сатиръ, бичующихъ безнравственность общества въ царствованіе Домиціана“, или стр. 45 — „*Лукіанъ* происходилъ изъ Самосаты въ Сиріи, но жилъ большею частію въ Аѣинахъ во времена Антониновъ. Будучи знатокомъ риторики и философіи, онъ писалъ діалоги, въ которыхъ, частію въ

шутливомъ и веселомъ тонѣ, частью съ горечью и насмѣшкой говорить какъ объ отношеніяхъ людей между собою, такъ и объ отношеніяхъ ихъ къ божеству", и т. п. Но въ предѣлахъ краткаго систематическаго конспекта, предназначеннаго для средней школы, книжка г. М. Георгіевскаго можетъ оказать извѣстную пользу, особенно если въ послѣдующемъ изданіи будетъ проредактирована съ должнымъ вниманіемъ. А что она нуждается въ этомъ, можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ, взятыхъ на удачу, фактовъ:

Стр. 54: *χούνη* у Гомера не только кожаный шлемъ, но и металлическій.

Стр. 55: *ἀχόντιον* у Гомера не встрѣчается.

Стр. 45: *Moralia* Плутарха довольно странно характеризуются, какъ собранія различныхъ правилъ.

Стр. 79: неправильно приписываются Сенека философу дошедшія до насъ 8 трагедій.

Ibid.: напрасно Плиній старшій зовется *C. Plinius Secundus maior*.

Стр. 80: не точно сказано, будто диктаторъ избирался сенатомъ; сенатъ издавалъ только *legem de dictatore creando*, а лицо обыкновенно назначалось (*nominabatur*) консуломъ.

Ibid.: при перечисленіи правъ магистратовъ опущено у *magistratus cum imperio* весьма важное *ius cum populo agendi*; затѣмъ врядъ ли можно утверждать, что *ius cum patribus agendi* имѣли эдилы и квесторы.

Стр. 85: трибунъ, внесшій предложеніе о введеніи письменнаго законодательства, звался *Terentillus Arsa*, и потому его законъ зовется *lex Terentilla*, а не *Terentilla*.

Стр. 87: говорится, что мѣстомъ собранія для *comitia centuriata* „служило Марсово поле, и при томъ виѣ *romaeum*“. Эта прибавка: „и при томъ“ заставляетъ предполагать, что было Марсово поле и въ предѣлахъ *romaeum*.

Стр. 88: извѣстная фраза *legis Oviniae: ex omni ordine optimum quiesque* не точно передана: „при чемъ изъ cadaго класса выби- рались наиболѣе выдающіеся граждане“.

Ibid.: выраженіе *ius legationis liberae* врядъ ли точно выражено черезъ: „право отправляться въ качествѣ пословъ“.

Стр. 91: странный терминъ *nominis rescipio*.

Стр. 104: базилика Юліевъ—вмѣсто Юліева.

Стр. 105: базилика и библіотека Ульпіана, вмѣсто Ульпіева.

Мы посовѣтовали бы г. Георгіевскому обратить вниманіе и на

последовательность въ транскрипціи иностранныхъ, преимущественно, греческихъ словъ, такъ какъ у него, встрѣчаются съ одной стороны формы: Біантъ, Стагейра, Аристогейтовъ, съ другой — еассосскій и даже колооонскій(?).

Приложенныя къ книжкѣ рисунки значительно облегчаютъ пониманіе текста. Желательно было бы замѣнить на стр. 29-й изображеніе, по „свободной композиціи“, Горація другимъ, болѣе удачнымъ: вмѣсто нязищаго эпикурейца читатель видитъ передъ собою какого-то грубаго, полупьянаго сатира.

V, VI и VII таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. *Ст. Цыбульская* учителя Императорской Николаевской Царскосельской гимназій, съ текстомъ къ нимъ, подъ заглавіемъ: Римское войско. Составъ и вооруженіе. С.-Пб. 1893. Стр. II+20.

Почтенное предпріятіе г. Цыбульскаго быстро движется впередъ: передъ нами три новыхъ таблицы, относящіяся къ римскому военному дѣлу и заключающія въ себѣ: табл. V — вооруженіе римскаго войска, изображенія оружія какъ наступательнаго, такъ и оборонительнаго; табл. VI — изображенія воиновъ: а) временъ республики, б) тяжело вооруженный воинъ временъ имперіи, с) легко вооруженный воинъ временъ имперіи, д) пращникъ, и табл. VII—а) полководецъ, б) центуріонъ, с) знаменосецъ вспомогательныхъ войскъ и д) всадникъ.

Рисунки сдѣланы на основаніи древнихъ оригиналовъ, которые вездѣ съ точностію указаны, и исполнены вполне удовлетворительно. Сопровождающій ихъ текстъ представляетъ сжатое обозрѣніе, въ формѣ учебника, развитія военнаго дѣла въ Римѣ въ эпохи: царскую, республиканскую и императорскую, а также и описаніе вооруженія и одежды римскихъ войскъ. Текстъ составленъ толково и съ знаніемъ дѣла.

Записки по педагогикѣ. Часть первая. Общая педагогика. Изданіе третье дополненное и исправленное. Составилъ *И. Скворцовъ*. С.-Пб. 1891. Стр. 184.

Настоящій учебникъ составленъ примѣнительно къ новой программѣ педагогики для женскихъ гимназій, которая должна войти въ силу по утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ предполагаемыхъ министерствомъ измѣненій въ уставѣ женскихъ гимназій. По существующей программѣ, въ VII классѣ гимназій проходитъ весь курсъ педагогики, именно: краткія свѣдѣнія о физическомъ воспитаніи, об-

пая педагогика, дидактика и методика; по новой же программѣ, при томъ же числѣ уроковъ и въ томъ же классѣ, предполагается пройти только первые два отдѣла, но при этомъ имѣется въ виду расширить свѣдѣнія изъ психологіи и логики, какъ наукъ, составляющихъ основу педагогики и методики. Такимъ образомъ, новая программа должна вызвать такіе учебники, въ которыхъ научныя положенія изъ психологіи и логики должны болѣе выдѣляться въ педагогическіе со-быты и наставленія, чѣмъ это обыкновенно встрѣчается въ существующихъ до сихъ поръ учебникахъ. Озаглавленный учебникъ представляетъ первый опытъ въ этомъ родѣ.

Отдѣлъ о физическомъ воспитаніи въ немъ изложенъ сжато, но со стороны содержанія достаточно полно и удовлетворительно; съ такою же похвалою нужно отнести почти ко всѣмъ педагогическимъ со-бытамъ и наставленіямъ, вошедшимъ во второй отдѣлъ, именно о духовномъ воспитаніи; для краткаго курса педагогики они достаточно полны, хорошо мотивированы и, за небольшимъ исключеніемъ, просто изложены. Но нельзя сказать того же объ отдѣлѣ, касающемся спеціально психологіи и логики. Свѣдѣнія изъ этихъ отдѣловъ авторъ изложилъ дедуктивнымъ путемъ, при чемъ нѣкая научныя положенія сопровождаются примѣрами, другія же остаются безъ нихъ. Такимъ способомъ автору удалось удовлетворительно изложить отдѣльныя чувствованія, наклонности, страсти, темпераменты, навыки; но тамъ, гдѣ дѣло касается матеріала наиболѣе отвлеченнаго, гдѣ автору приходится расчленять, отдѣлять, группировать явленія духовной жизни, тамъ учебникъ представитъ уже весьма много затрудненій для нашихъ ученицъ, не привыкшихъ къ отвлеченному мышленію. Въ § „Проявленія душевной дѣятельности“ мы читаемъ: „Наблюдая за жизнью собственной души, мы различаемъ слѣдующія основныя, главныя стороны или проявленія душевной дѣятельности: 1) Мы воспринимаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ или явленій (ощущенія), воспроизводимъ образы ихъ въ своемъ сознаніи (представленія), сопоставляемъ и сравниваемъ послѣднія, дѣлая новыя умственныя построенія (понятія, сужденія, умозаключенія) и т. д. Это проявленія умственной или познавательной дѣятельности. 2) Мы испытываемъ различныя душевныя волненія, вызванныя разнаго рода предметами, явленіями или мыслями (радость, печаль, страхъ, чувство религіознаго благоговѣнія и т. п.). Это проявленія чувствованій“.—§ „Методическое мышленіе“ начинается такъ: „Необходимымъ условіемъ при образованіи ощущеній и вообще при проявленіи всѣхъ сторонъ душевной жизни

человѣка служить вниманіе—сосредоточеніе души на томъ или иномъ внѣшнемъ предметѣ, сознаваемомъ нами, на нашихъ мысляхъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ. Безъ вниманія мы не можемъ ознакомиться съ предметами, воспринять отъ нихъ впечатлѣнія, имѣть о нихъ *ясная и отчетливая представленія*“ (стр. 69). Или: „Понятія, сужденія и умозаключенія составляютъ основу всей логической дѣятельности. О чемъ бы мы ни думали, что бы ни познавали, мы или образуемъ понятія, или судимъ о предметахъ, или составляемъ умозаключенія. Этимъ путемъ каждый изъ насъ, размышляя о предметахъ своего ежедневнаго опыта, напримѣръ, о предметахъ природы, служебной дѣятельности и пр. приобретаетъ множество знаній. Приобрѣтенныя такимъ образомъ познанія остаются однако-же разрозненными, не имѣя ни полноты, ни органической связности, и ограничиваться только этимъ въ умственной дѣятельности не достаточно. Высшее умственное развитіе образуется путемъ методическаго мышленія, когда человѣкъ, не довольствуясь одними отрывочными и случайными познаніями, стремится къ обдуманному и послѣдовательному изученію предметовъ, употребляя при этомъ различные методы или способы изслѣдованія (отъ греческаго слова „методосъ“—путь, способъ передвиженія) и заботится о приведеніи своихъ знаній въ систему, то есть, о сопоставленіи ихъ въ одно логическое цѣлое (отъ греческаго слова „система“—сопоставленное, составъ) (стр. 121)“. Все выписанное не заключаетъ въ себѣ никакихъ трудностей для читателя, уже знакомаго съ психологіею и логикою, для гимназистокъ же 15—17 лѣтъ съ средними способностями многое, многое въ этихъ мѣстахъ будетъ казаться наборомъ словъ, и онѣ, не отдавая себѣ яснаго отчета, станутъ затверживать все наизусть.

Вообще философскій способъ изложенія данныхъ изъ психологіи и логики въ такомъ маленькомъ курсѣ, какъ разсматриваемый, по нашему мнѣнію, не можетъ быть проведенъ съ одинаковою силою черезъ всѣ отдѣлы учебника. Такъ для большей части вопросовъ изъ отдѣла о познавательныхъ способностяхъ, методъ индуктивный и вообще элементарный былъ бы болѣе цѣлесообразенъ.

Въ 1876 году наша критика рекомендовала вниманію гг. преподавателей учительскихъ институтовъ нѣмецкую книгу Шутце („Schulkunde“), употреблявшуюся въ учительскихъ семинаріяхъ въ Саксоніи. Въ настоящее время эта книжка существуетъ въ подлинникѣ уже въ 7-мъ изданіи и въ прошедшемъ году появилась во второй разъ въ русскомъ переводѣ. Въ этой книжкѣ наиболѣе трудныя психологиче-

скія понятія излагаются сначала элементарно, на фактахъ уже болѣе или менѣе извѣстныхъ ученикамъ, и позднѣе уже сообщается въ формѣ тезиса опредѣленіе строго научное. О предпочтеніи индуктивнаго способа дедуктивному въ труднѣйшихъ частяхъ курса педагогики для нашихъ женскихъ гимназій съ учебнымъ курсомъ, рассчитаннымъ, главнымъ образомъ, на память, нѣтъ нужды распространяться. Общее педагогическое правило „*per exempla ad regulas*“ имѣетъ такое же приложеніе къ психологій и логикѣ, какъ и къ другимъ формальнымъ наукамъ; главная же выгода такого способа состоитъ въ томъ, что онъ какъ бы принуждаетъ преподавателей, а равно и составителей учебниковъ къ краткости изложенія (напримѣръ, у г. Скворцова понятіе о вниманіи дается въ 10 строкахъ, а у Шутце—въ двухъ), предупреждаетъ ихъ противъ забѣганія впередъ, что особенно видно на примѣрѣ о проявленіи душевной дѣятельности, а ученицъ освобождаетъ отъ необходимости затверживать ряды словъ, подобные тѣмъ, что находятся въ § „О методическомъ мышленіи“.

Могущее быть возраженіе, что предполагаемые примѣры должны быть подыскиваемы преподавателями, не имѣетъ силы уже потому, что за обученіе педагогики часто берутся преподаватели не подготовленные. Распириться отъ внесенія примѣровъ учебникъ также не можетъ, о чемъ свидѣлствуетъ то обстоятельство, что въ поименованномъ нѣмецкомъ учебникѣ, въ русскомъ переводѣ, находится столько же страницъ, сколько въ рассматриваемомъ, при этомъ изъ нѣмецкаго учебника можно исключить болѣе матеріала, чѣмъ изъ русскаго.

Впрочемъ, и при дедуктивномъ изложеніи учебникъ могъ бы выиграть въ ясности, еслибы авторъ не выдвигалъ разныхъ отгѣнковъ предмета, которые часто не имѣютъ педагогическаго значенія. Возьмемъ, для примѣра, отдѣлы „О представленіяхъ“ (стр. 72) и „Объ ассоціаціяхъ представленій“ (стр. 75), видимо, составленные при помощи „Психологій“ Чистовича, Каптерева и „Антропологій“ Ушинскаго. Опредѣленіе представленій выписано изъ Чистовича, и оно вполне удобопонятно; но затѣмъ авторъ безъ нужды осложняетъ его § о раздѣленіи представленій на простыя и сложныя, взятымъ изъ Каптерева, что въ книгу послѣдняго входитъ для полноты, но въ учебникъ только напрасно задерживаетъ изложеніе существеннаго въ предметѣ. Далѣе, ассоціаціи дѣлятся на двѣ группы, какъ это сдѣлано у Чистовича, и въ каждой группѣ выдѣлено два вида. Раздѣленіе ассоціацій на группы въ психологій вопросъ вообще спорный и

введеніе такого дѣленія въ педагогику можетъ только затруднить учащихся, такъ какъ ученицамъ придется: вопервыхъ, усвоить тонкія различія, существующія между группами (механической и логической), которыхъ не могъ хорошо установить даже Ушинскій въ своей „Антропологии“; вовторыхъ, анализировать и сравнивать ассоціаціи одного вида и отличать ихъ отъ ассоціацій другого вида, между тѣмъ вся эта работа могла бы быть менѣе сложна, еслибы авторъ разсматривалъ ассоціаціи безъ подраздѣленія ихъ на группы, что и въ педагогическихъ цѣляхъ гораздо удобнѣе. Самый текстъ учебника сократился бы, такъ какъ не потребовалось бы такого общаго мѣста: „И самая ассоціація по контрасту не представляетъ чего-либо совершенно отличнаго отъ закона ассоціаціи по сходству, но составляетъ выѣстъ съ послѣднею лишь видовзмѣненіе общаго закона ассоціацій по однородности“ (стр. 80).

Отдѣлу объ ощущеніяхъ отводится 33 страницы, тогда какъ вопросу о чувствованіяхъ, болѣе важному въ психологическомъ отношеніи, дано 26 страницъ. Не ограничиваясь при анализѣ ощущеній такими тонкостями, какъ максимумъ, минимумъ, раздраженіе органовъ вышнихъ чувствъ,—составитель, хотя и въ мелкомъ шрифтѣ, касается *процесса механическаго движенія матеріи*, что составляетъ уже прямое ничѣмъ необъяснимое уклоненіе отъ предмета. Замѣтимъ при этомъ, что г. Скворцовъ не упоминаетъ на своемъ мѣстѣ объ индивидуальныхъ ступеняхъ умственнаго развитія, какъ-то: о дарованіи, талантѣ и гениѣ, хотя знать кое-что объ этомъ предметѣ больше чѣмъ необходимо ученицамъ.

Отдѣламъ „О чувствованіяхъ“ и „О волѣ“ не достаетъ оживленности и задушевности, которыя въ хорошихъ курсахъ педагогики, подобно вышеупомянутому Шутце, достигаются при помощи разныхъ примѣровъ и изреченій изъ области исторіи, изящной литературы, а главнымъ образомъ изъ Св. Писанія. У нашего автора въ поименованныхъ отдѣлахъ мы не нашли ни одной строки изъ подобнаго матеріала, хотя цитаты изъ Св. Писанія могли бы найти мѣсто не только въ отдѣлахъ о нравственномъ воспитаніи, но и объ умственномъ, и, безъ сомнѣнія, цитаты, хорошо избранныя и къ мѣсту припоровленныя, оставили бы во многихъ воспитанникахъ больше слѣдонъ, чѣмъ разсужденія о такихъ тонкихъ и отчасти спорныхъ психологическихъ предметахъ, какъ о развитіи у дѣтей представленія о пространствѣ и времени, чему, между прочимъ, авторъ посвятилъ двѣ страницы мелкаго шрифта (стр. 66—67). Въ общемъ, нѣкоторые во-

просы въ „Запискахъ по педагогикѣ“, по нашему мнѣнію, должны подлежать новой переработкѣ, при чемъ желательно, чтобы составитель воздерживался отъ излишней книжной учености и больше бы заботился о педагогической практической мудрости, которою такъ полно поименованное нами нѣмецкое руководство.

Методы и принципы географіи. Руководство по методикѣ географіи. Д. Ю. Петри, профессора Императорскаго С-Петербургскаго Университета. С.-Пб. 1892. Стр. 315. Ц. 2 руб.

Въ настоящее время у насъ существуетъ въ переводѣ г. Воронцова методика географіи Оберлендера, нѣкогда признававшаяся въ нѣмецкой литературѣ лучшимъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ. Трудъ г. Петри преслѣдуетъ одинаковую съ Оберлендеромъ цѣль, именно, по его словамъ, „онъ имѣетъ въ виду какъ практиковъ—преподавателей, такъ и слушателей и слушательницъ его, будущихъ преподавателей географіи“. Но между тою и другою книгами существуетъ нѣкоторое различіе въ содержаніи. Въ книгѣ Оберлендера почти половина посвящена оцѣнкѣ важности и значенія каждаго географическаго элемента, останавливающаго на себѣ вниманіе при изученіи какой-бы то ни было страны. Профессоръ Петри спеціально не имѣлъ въ виду этого предмета, хотя мѣстами, попутно, останавливается на нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ, но за то онъ всестороннѣе и глубже и, можно сказать, болѣе примѣнимо къ практическимъ требованіямъ преподавателей географіи разсматриваетъ всѣ вопросы, которые входятъ въ первую часть книги Оберлендера. Сверхъ того, различіе между книгами Оберлендера и г. Петри состоитъ въ томъ, что въ первой разъясняются принципы преподаванія географіи, вытекающіе изъ школы Риттера, принципы уже утвердившіеся въ учебно-педагогической литературѣ, тогда какъ профессоръ Петри имѣетъ въ виду такую постановку преподаванія географіи, начала которой выработаны новѣйшими, по преимуществу нѣмецкими учеными географами, и которыя, на сколько объ этомъ можно судить по учебникамъ, примѣняются на практикѣ въ самой Германіи спорадически.

Трудъ профессора подраздѣляется на три отдѣла, изъ которыхъ первый представляетъ очеркъ развитія методики географіи, начиная съ классическихъ народовъ древности и оканчивая современными нѣмецкими учеными географами: Пешелемъ, Ритгофеномъ и Герландомъ. Въ этомъ же отдѣлѣ, подъ названіемъ „Система научной географіи“, профессоръ опредѣляетъ задачи, цѣль и объемъ географической науки

въ духѣ современныхъ ученыхъ географовъ, очерчиваетъ кругъ свѣдѣній, входящихъ въ „общую географію“, или въ землевѣдѣніе, и въ „спеціальную географію“, или страновѣдѣніе и, наконецъ, останавливается на научномъ, практическомъ и этическомъ значеніи географіи.

Во второмъ отдѣлѣ, самомъ обширномъ (стр. 61—270), подъ названіемъ „Географія, какъ школьный предметъ“ профессоръ, послѣ характеристики старинной и новой школьной географіи и послѣ разъясненія матеріальнаго и формальнаго значенія ея, а равно вліянія ея на патристическое и религіозное развитіе питомцевъ, рассматриваетъ методы школьной географіи, пособія при преподаваніи ея, минералогическія, ботаническія, зоологическія и антропологическія коллекціи, модели, типы народовъ, разнаго рода и вида рельефы, географическія картины, карты и способы черченія картъ и графикъ. Здѣсь же онъ отводитъ цѣлую главу географическимъ прогулкамъ.

Послѣднія три главы этого отдѣла профессоръ посвящаетъ рациональной научной постановкѣ географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, распредѣляя курсъ на два отдѣла: элементарный—для приготовительнаго и низшихъ классовъ и средній—для высшихъ классовъ.

Изъ этого перечня рубрикъ можно судить о содержательности втораго отдѣла. Выѣстъ съ тѣмъ этотъ отдѣлъ отличается большою обстоятельностью, проникающею въ вопросы чисто теоретическіе и особенно въ практическіе. Такъ, напримѣръ, авторъ, анализируя школьныя методы географіи (стр. 77—91), указываетъ на историческое примѣненіе каждаго изъ нихъ, преимущества же предъ другими сравнительнаго метода, а равно новаго пропагандируемаго самимъ авторомъ метода взаимоотношеній, или истолковательнаго, хорошо иллюстрируются примѣрами изъ гидрографіи Европы и климата Европейской Россіи. Говоря о рельефахъ (стр. 108—115), профессоръ останавливается на матеріалѣ, изъ котораго они готовятся, на намѣренныхъ погрѣшностяхъ при рельефахъ, на рельефахъ въ садахъ, на урокахъ, на рельефахъ, изготовляемыхъ самими учениками, учителями; перечисляетъ модели рельефовъ, существующихъ на Западѣ, преподаетъ техническія правила для изготовленія рельефовъ во время уроковъ учителемъ, самими учениками и, наконецъ, заканчиваетъ вопросъ благожеланіемъ, чтобы приготовленіемъ рельефовъ занимались ученики въ нашихъ техническихъ школахъ и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ главѣ „Черченіе картъ и графикъ“ (стр. 170—185) авторъ излагаетъ слѣдующіе вопросы: „Различныя взгляды на черченіе картъ.—Что требуется отъ учителя?—Значеніе черченія для учениковъ.—Раз-

нообразіе приѣмовъ въ черченіи.—Выполненіе готовыхъ шаблоновъ.—Чертежи съ плеча.—Какъ примѣняетъ самъ авторъ эти чертежи?—Способы черченія Умлауфта, Махачка, Летошка.—Значеніе географической сѣтки.—Черченіе въ равныхъ квадратахъ. Меркаторская проекція.—Способы Кирхгофа, Пуляковского, Михайлова и Раевского; способъ Матцата.—Конструктивный методъ* и т. д. Еще съ большими подробностями и тонкостями профессоръ останавливается на элементарномъ курсѣ географіи, именно на отчизновѣдѣніи, отечествовѣдѣніи и общей географіи.

Углубленію читателя въ содержаніе этого втораго отдѣла много способствуетъ то обстоятельство, что авторъ овладѣлъ методическою нѣмецкою литературою, по крайней мѣрѣ, въ характерныхъ ея представителяхъ. Мы находимъ въ книгѣ краткую оцѣнку 13-ти нѣмецкихъ сочиненій и только касающихся исторіи методики, вышедшихъ въ періодъ времени отъ 1848 г. до 1889 г. Наиболѣе характерныя монографіи и статьи, преимущественно нѣмецкія, упоминаются почти при всѣхъ частностяхъ географическаго преподаванія. На своемъ мѣстѣ также оцѣниваются, хотя кратко, но достаточно рельефно, наиболѣе употребительныя или чѣмъ-нибудь отличающіеся въ методическомъ отношеніи иностранныя и отечественныя карты, атласы и учебники (за исключеніемъ Турчаковскаго). Попутно, авторъ захватываетъ многіе вопросы, имѣющіе только отдаленное отношеніе къ занимающему его предмету, какъ, напримѣръ, о научномъ цензѣ преподавателей, о привлеченіи нашихъ ученыхъ обществъ къ заботамъ объ интересахъ и прусынаніи школьной географіи и т. д. Словомъ, въ этомъ отдѣлѣ преподаватель найдетъ весьма и весьма много цѣннаго для себя матеріала. Въ предисловіи профессоръ говоритъ, что онъ „искренно стремился къ тому, чтобы держаться на практической почвѣ и не потеряться въ безплодной области благихъ пожеланій“. И дѣйствительно, совѣты и наставленія автора, его мнѣнія, за небольшимъ исключеніемъ (какъ, напр., нѣмая карта—педагогическое зло), правильны, поучительны и примѣнимы ине при нынѣшней постановкѣ географіи, другіе при той постановкѣ, какую проектируетъ авторъ. По этой же проектируемой постановкѣ требуется слѣдующее: вопервыхъ, увеличеніе числа уроковъ въ нашихъ гимназіяхъ съ 8-ми до 10-ти и еще лучше до 12-ти, при этомъ послѣдніе 2—4 урока должны падать на старшіе классы. Въ вторыхъ, введеніе въ курсъ гимназій естественной исторіи. Въ третьихъ, преподаватели этого предмета должны готовиться не на историко-филологическомъ факультетѣ, какъ это дѣ-

ляется теперь, а на физико-математическомъ и, вчетвертыхъ, при гимназiи долженъ быть особый географическiй кабинетъ, снабженный необходимыми при преподаванiи географiи наглядными пособиями и въ которомъ должны происходить уроки географiи.

Третiй отдѣлъ книги, озаглавленный „Географiя какъ предметъ университетскаго преподаванiя“, также представляетъ не малый интересъ для всякаго занимающагося географiею, или интересующагося этимъ предметомъ.

Книга заканчивается прибавленiями, въ которыя вошли болѣе подробныя сообщенiя, касающiяся литературы какъ общей географической методики, такъ и разныхъ учебныхъ пособiй.

Вообще книга профессора Петри составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу методико-географическую литературу.

Браткiй ученикъ географiи *Н. Раевскаго*, директора втораго Петербургскаго реальнаго училища. Изданiе четвертое, исправленное и дополненное. С-Петербургъ. 1893 г. Три части: Часть I. Описанiе земнаго шара. Съ 65-ю рисунками и 3-мя окрашенными картинами. Стр. 61 Цѣна 50 коп. Часть II. Визъевропейскiя страны. Съ 4-мя раскраш. картами и 48 фиг. въ текстѣ. Стр. 86. Цѣна 65 коп. Часть III. Западная Европа. Съ 4-мя раскраш. картинами и 43 фиг. въ текстѣ. Стр. 95. Цѣна 65 коп.

Настоящее 4-е изданiе измѣнено, исправлено и вообще улучшено, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Улучшенiю книжки много способствуетъ прибавленiе графическихкихъ чертежей, изображающихъ профиль горъ, государствъ и материковъ, равно какъ и прибавка нѣсколькихъ, хорошо составленныхъ и хорошо напечатанныхъ картъ и замѣна старыхъ новыми, болѣе точными и наглядными. Нельзя, однако-же, не пожалѣть, что составитель не вполне проникся новыми учебными планами, требующими сокращенiя названiй, бесполезно обременяющихъ память учениковъ. Въ этомъ отношенiи учебникъ г. Раевскаго остается почти не измѣненнымъ. Впрочемъ, учебникъ не освободился и отъ нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ недостатковъ даже въ наиболѣе обработанной части, именно въ третьей книжкѣ. Возьмемъ примѣры:

На стр. 31 говорится, что Румелия расположена по теченiю р. Марицы, что невѣрно, такъ какъ западныя и восточныя границы ея идутъ далеко за эту рѣку; на картѣ—Румелия показана по притоку Марицы, рѣкѣ Эркентѣ, что опять невѣрно.

На стр. 44 читаемъ: „Народное образованiе на высокой степени

развитія; всѣ датчане грамотны“. Но по статистическимъ даннымъ оказывается, что между новобранцами встрѣчаются и неграмотные.

На стр. 50: Въ Англіи, какъ и въ прежнемъ изданіи, опущенъ Вулицъ, городъ важный по оружейнымъ заводамъ; въ то же время упомянуты города менѣе важные, какъ напримѣръ, Дунди.

На стр. 58. сказано: „Лозанна извѣстна своими учебными заведеніями“; выше же, при перечисленіи университетскихъ городовъ, Лозанна не упоминается..

По поводу правленія въ Германіи (стр. 64) говорится: „*Управление* (?) дѣлами всей имперіи лежитъ на канцлерѣ, который назначается императоромъ“. Выраженіе не объясняетъ дѣла.

Не хорошо, что авторъ въ 4-мъ изданіи пишетъ многія названія, явно неправильныя, напр.: Парнасъ, Валисъ, Лозана и т. п.

Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій.

А. Ребьера, профессора математическихъ наукъ. Перевелъ Н. де-Жоржъ, преподаватель математики восьмой С.-Пб. гимназій. С.-Пб. 1893. Цѣна 1 рубль. Стр. IV+219+V.

Тригонометрія А. Ребьера принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ къ изученію этой науки и отличается полнотою содержанія, ясностью изложенія и строгостью выводовъ. Достоинства ея еще усиливаются искусно подобранными и разнообразными примѣрами для упражненій, приложенными къ концу каждой главы и вполне освобождающими учащихся отъ необходимости пользоваться какими либо другими задачками и вообще пособиями для изученія тригонометріи.

Переводъ не уступаетъ своими достоинствами оригиналу; при томъ переводчикъ исключилъ тѣ вопросы и задачи, которыя не соответствуютъ программамъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, замѣнилъ семизначныя логарифмическія таблицы пятизначными Лалаанда и дополнилъ учебникъ краткимъ описаніемъ важнѣйшихъ приборовъ, употребляемыхъ при рѣшеніи практическихъ задачъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

I

ОТЧЕТЪ О ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ¹⁾.

Въ соисканіи наградъ митрополита Макарія участвовало 20 сочиненій; въ томъ числѣ было одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія приговора была назначена Академіею, согласно правиламъ о наградахъ митрополита Макарія, комиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академиковъ: П. Л. Чебышева, Л. И. Шренка, А. Θ. Бычкова, А. Н. Веселовскаго, В. Г. Васильевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. А. Куника, А. П. Карпинскаго и Н. Θ. Дубровина. Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ, частью изъ среды академиковъ, частью изъ постороннихъ ученыхъ. и пригласила ихъ доставить рецензіи къ назначенному для того сроку. По истеченіи означеннаго срока комиссія признала необходимымъ четыре сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе, а остальные 16 сочиненій подвергнуть тщательной и внимательной оцѣнкѣ сравнительныхъ ихъ достоинствъ. Согласно Высочайше утвержденному положенію о преміяхъ митрополита Макарія, въ одинъ конкурсъ можетъ быть выдаваемо не болѣе двухъ полныхъ премій (по 1.500 рублей каждая) и трехъ неполныхъ (по 1000 р. каждая). Такъ какъ раздробленіе премій вообще не допускается, а между тѣмъ на-

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Академіи, 19-го сентября 1893 года, академикомъ Н. Θ. Дубровинимъ.

стоящій конкурсъ изобиловалъ выдающимися трудами, то на долю комиссіи выпала трудная задача оцѣнить, въ порядкѣ постепенности, достоинство и значеніе соискательныхъ сочиненій, обнимающихъ почти всѣ области знаній.

По внимательномъ ознакомленіи съ доставленными рецензіями и по произведенной затѣмъ баллотировкѣ первымъ сочиненіемъ, увѣнчаннымъ полною премією, оказалась рукопись контръ-адмирала Ст. О. Макарова, подъ заглавіемъ: *Витязь и Тихій океанъ. Гидрологическія наблюденія, произведенныя офицерами корвета „Витязь“, во время кругосвѣтнаго плаванія 1886—1889 г., и сводъ наблюденій надъ температурою и удѣльнымъ вѣсомъ воды Сѣвернаго Тихаго океана. 2 тома съ 11 таблицами, двумя рисунками на деревѣ, съ 31 картами и чертежами.* Разборъ этого труда былъ составленъ, по порученію Академіи, членомъ-кореспондентомъ ея М. А. Рыкачевымъ, который призналъ, что контръ-адмиралъ С. О. Макаровъ въ этомъ сочиненіи даетъ важные для науки и полезные для мореплаванія результаты гидрологическихъ наблюденій, произведенныхъ на корветѣ „Витязь“ Для обобщенія выводовъ относительно температуры и удѣльнаго вѣса воды Сѣвернаго Тихаго океана и морей, расположенныхъ у восточнаго берега Азіи, авторъ принялъ во вниманіе и обработалъ матеріалъ, доставленный всѣми судами нашего флота и учеными экспедиціями, которыя были снаряжаемы англичанами, американцами и нѣмцами за послѣднія двадцать лѣтъ. „Витязь“ не готовился специально для научныхъ изслѣдованій и, лишь благодаря почину командира, неутомному его участию въ работахъ и обдуманному руководству послѣдними, корветъ доставилъ весьма цѣнный матеріалъ, обработанный авторомъ съ такимъ тщаніемъ, что полученнымъ результатомъ могла бы быть довольна и специально ученая экспедиція. Гидрологическія наблюденія въ океанахъ обнимали температуру и удѣльный вѣсъ морской воды на поверхности и на глубинѣ до 800 метровъ, опредѣлялись теченія на поверхности, собирались образцы воды. Сверхъ того, въ рѣкахъ и въблизи береговъ наблюдалась скорость теченій на разныхъ глубинахъ, измѣрялись глубины, добывались образцы грунта и экземпляры животныхъ. Наблюденія на поверхности воды производились шесть разъ въ сутки, одновременно съ метеорологическими; въ проливахъ же, въ устьяхъ рѣкъ, на границахъ теченій наблюденія учащались и дѣлались по временамъ каждый часъ, а иногда черезъ каждыя 10 или даже пять минутъ. На глубоководныхъ станціяхъ, числомъ до 261, температура и удѣльный вѣсъ опредѣлялись на глубинахъ 25, 50, 100, 200, 400, а иногда и

на 800 метровъ. Всѣ эти наблюденія помѣщены авторомъ во второмъ томѣ; въ первомъ же изложенъ текстъ въ трехъ частяхъ: въ 1-й части описаны инструменты и приведены изслѣдованія для опредѣленія поправокъ инструментовъ и вліянія постороннихъ обстоятельствъ на ихъ показанія. Во 2-й части сообщаются гидрологическія замѣтки, въ которыхъ указываются нѣкоторые новыя, не подмѣченные до сихъ поръ физическія явленія въ моряхъ и океанахъ, и объясняются ихъ причины. Важнѣйшими результатами обработки матеріала, помѣщенного въ 3-й части, являются карты изотермъ и линій одинаковаго удѣльнаго вѣса въ Сѣверномъ Тихомъ океанѣ на поверхности моря и на глубинѣ 400 метровъ. При обработкѣ матеріала, составляющаго 3-ю часть разсматриваемаго труда,—говоритъ М. А. Рыкачевъ,—авторъ распредѣлил собранныя имъ наблюденія по квадратамъ отъ 1° до 1°. а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ проливахъ, подраздѣлялъ эти квадраты на меньшіе отъ 20' до 20'. Для каждаго квадрата даны среднія, а также числа наблюденій maximum и minimum. Особенною полнотою отличаются изслѣдованія Японскаго моря и проливовъ Лаперуза и Корейскаго. Въ первомъ изъ этихъ проливовъ контръ-адмиралъ Макаровъ подробно изслѣдовалъ сложныя гидрологическія явленія, гдѣ рядомъ съ теплыми теченіями выступаетъ полоса холодной воды. Достойны вниманія карты Формозскаго пролива, съ указаніями о томъ, по какимъ изотермамъ и линіямъ равнаго удѣльнаго вѣса слѣдуетъ держаться въ разные мѣсяцы для безопаснаго плаванія. Много новаго встрѣчается также въ гидрологическихъ картахъ Охотскаго и Берингова морей. Интересны и важны карты изотермъ и одинаковыхъ удѣльныхъ вѣсовъ, составленныя для 15-го августа въ Тихомъ океанѣ, для наиболѣе обследованной С.-З. его части и для смежныхъ морей. Карта распредѣленія температуры на глубинѣ 400 метровъ дана для Тихаго океана впервые и представляетъ много интереснаго. Большая часть гидрологическихъ картъ составлена для 15-го августа. Для сужденія объ измѣненіяхъ температуры на поверхности моря съ временами года служатъ кривыя годоваго хода температуръ, вычисленныя авторомъ для разныхъ широтъ и для разныхъ морей. Для полноты картины даны карты съ линіями, указывающими послѣдовательность хода замерзанія и вскрытія воды по берегамъ внутреннихъ морей. Впрочемъ, эти линіи нельзя признать вполне надежными во всѣхъ частяхъ за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ. „Подводя итоги.—говоритъ въ заключеніе рецензентъ,—всего, что даетъ С. О. Макаровъ въ объемистомъ и многотѣмномъ трудѣ, мы не можемъ не при-

знать, что изслѣдованія и опыты, имъ произведенныя для испытанія его приборовъ, достигли этой цѣли и даютъ въ этомъ отношеніи полезныя указанія для будущихъ изслѣдователей. Точно также вычисленные имъ новыя таблицы для обработки наблюденій представляютъ преимущества передъ тѣми, которыя служили для этого до сихъ поръ. Богатый и надежный матеріалъ, доставленный корветомъ, былъ подвергнутъ обработкѣ, результатомъ которой появились гидрологическія карты Сѣвернаго Тихаго океана и морей восточнаго берега Азіи. Особенно тщательно обследованы и объяснены гидрологическія явленія въ Лаперузовомъ и другихъ проливахъ. Сдѣланы поучительныя обобщенія относительно обмѣна водъ, происходящаго въ моряхъ съ водами различной температуры и разнаго удѣльнаго вѣса и соединенныхъ проливами. Дано много полезныхъ указаній для мореплавателей. Многіе изъ выводовъ автора основаны на недостаточныхъ данныхъ, но это не можетъ быть поставлено ему въ виду, такъ какъ онъ самъ это оговариваетъ. Такія обобщенія оживляютъ сухія цифры и побуждаютъ къ пополненію указанныхъ пробѣловъ“.

Изъ всего изложеннаго видно, что трудъ С. О. Макарова значительно расширяетъ наши знанія о гидрологическихъ явленіяхъ въ океанахъ и моряхъ и вполне заслуживаетъ присужденія ему полной преміи митрополита Макарія.

Второе сочиненіе, увѣчанное полною премією, принадлежитъ Н. М. Бубнову и имѣетъ заглавіемъ: *Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ (983—997)*. Критическая монографія по рукописямъ. Ч. I, С.-Петербургъ, 1888 г.; ч. II, отд. I, С.-Петербургъ, 1889 г.; отд. II, 1890 года. Для разсмотрѣнія этого труда Академія обращалась къ просвѣщенному содѣйствію ректора Императорскаго университета Св. Владиміра Ѳ. Я. Фортискаго. Огромный трудъ автора посвященъ выясненію сравнительно небольшого сборника писемъ Герберта; это одно уже указываетъ, съ какими глубокими вниманіемъ отнесся Н. М. Бубновъ къ предмету своего изслѣдованія, считая его достойнымъ мельчайшей обработки. И въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ: сборникъ Герберта, не смотря на незначительность объема и на ограниченность періода, къ которому относятся заключающіяся въ немъ письма, занимаетъ среди другихъ историческихъ источниковъ той эпохи особое исключительное положеніе. Всѣ новѣйшіе изслѣдователи, занимавшіеся изученіемъ Франціи въ концѣ X вѣка, жалуются на крайне ограниченное число относящихся къ этому періоду источниковъ и на еще болѣшую скудость заклю-

чающихся въ нихъ свѣдѣній общенсторическаго характера. Тѣсныя отношенія, въ которыхъ Франція стояла тогда къ Германіи, давали, повидимому, надежду, что недостатокъ въ источникахъ французскаго происхожденія, для конца X вѣка, можетъ быть пополненъ извѣстіями нѣмецкихъ лѣтописцевъ, но и эта надежда оказывается напрасною. Въ Германіи встрѣчается такая же скудость въ историческихъ памятникахъ того времени, какъ и во Франціи, а потому письма Герберта пріобрѣтаютъ весьма важное значеніе среди источниковъ конца X вѣка. Интересъ къ письмамъ Герберта, съ появленія перваго ихъ изданія въ 1611 году, никогда не ослабѣвалъ и проявлялся то въ желаніи изслѣдователей собрать, по возможности, всѣ уцѣлѣвшія письма Герберта и перенздать ихъ съ различными дополненіями и объясненіями, то въ спорахъ относительно подлинности писемъ и проч. Но если письма Герберта, —говорить рецензентъ,—такъ часто переписывались и перенздавались въ XVII—XIX вѣкахъ, если они возбуждали такой интересъ къ себѣ издателей и изслѣдователей по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, то не былъ ли вопросъ о нихъ уже достаточно исчерпанъ, или же наоборотъ все еще чувствовалась и сознавалась крайняя потребность въ новомъ и, при томъ, до послѣдней степени детальномъ пересмотрѣ вопроса о значеніи писемъ Герберта, какъ историческаго источника. Рѣшеніе этихъ вопросовъ представилъ Н. М. Бубновъ въ своемъ обширномъ трудѣ. Когда авторъ въ 1882 году приступалъ къ своему труду, онъ имѣлъ въ виду написать этуодъ „Гербертъ и его время“, при чемъ предполагалъ освѣтить темныя стороны политической и церковной жизни конца X вѣка, сдѣлавъ центромъ картины личность Герберта, какъ превосходившаго всѣхъ современниковъ своими знаніями, счумѣвшаго изъ простаго монаха постепенно возвыситься до папскаго престола и успѣвшаго при этомъ войти въ сношенія со всѣми выдававшимися современниками по учено-литературнымъ, церковнымъ и политическимъ дѣламъ. Такъ какъ плодомъ этихъ сношеній были письма Герберта, то они-то и должны были послужить автору основой для задуманнаго имъ труда. Но, по мѣрѣ того, какъ авторъ углублялся въ изученіе своего предмета, онъ все болѣе убѣждался, что правильное пониманіе писемъ Герберта всецѣло зависитъ отъ предварительной установки ихъ хронологическаго порядка, а именно въ этомъ отношеніи онъ нашелъ у своихъ предшественниковъ полное разногласіе. Установить точный хронологическій порядокъ писемъ составляло трудную задачу, для разрѣшенія которой г. Бубнову пришлось изучать ру-

кописный матеріалъ въ Парижской Національной Библіотекѣ, предпринять путешествіе въ Англію, для занятій въ бібліотекахъ Лондона, Кембриджа, Оксфорда и Чентельгама, побывать въ Берлинѣ, Бамбергѣ, Мюнхенѣ, Зальцбургѣ, Римѣ, Монтекассино, Неаполѣ и Бернѣ. Такимъ образомъ, посѣтивъ почти всѣ главнѣйшіе центры Европы, Н. М. Бубновъ успѣлъ найти нѣсколько неизданныхъ писемъ Герберта, а главное—воспользоваться такими кодексами, какіе не были въ распоряженіи у прежнихъ издателей, и они-то позволили ему выяснитъ значеніе рукописнаго сборника, для разрѣшенія загадочнаго вопроса о хронологической послѣдовательности писемъ Герберта. Свой трудъ о сборникѣ писемъ Герберта Н. М. Бубновъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ первой онъ разбираетъ вообще о числѣ рукописей и писемъ и о взаимномъ отношеніи между этими рукописями, о порядкѣ писемъ, мѣстѣ и времени ихъ возникновенія, личности составителя и, наконецъ, о двухъ редакціяхъ сборника, основанныхъ на черновой тетради писемъ Герберта. Всю вторую часть авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію содержанія писемъ сборника. Повидимому, планъ труда автора,—говоритъ г. Фортинскій,—построенъ былъ вполне правильно, стройно и послѣдовательно, но при детальномъ его исполненіи у него замѣчаются нѣрѣдко колебанія, зависѣвшія, кажется, частію отъ того, что онъ свои выводы формулировалъ раньше, чѣмъ доказательства, на которыхъ они должны основываться, частію потому, что онъ стремился, по возможности, включать въ свою монографію такъ или иначе всѣ свои матеріалы, предназначавшіеся сперва для нѣсколькихъ самостоятельныхъ работъ.

Подтвердивъ свои предположенія нѣкоторыми фактическими указаніями, уважаемый рецензентъ приходитъ въ концѣ своего разбора къ слѣдующему окончательному выводу: „Детальное изученіе содержанія писемъ Герберта,—говоритъ онъ,—въ связи съ извѣстіями другихъ современныхъ источниковъ дало возможность автору доказать уже *a posteriori*, что рукописный порядокъ писемъ Герберта есть въ то же время почти всегда и строго-хронологическій. Наконецъ установленіе хронологическаго порядка писемъ Герберта позволило автору яснѣе понять смыслъ многихъ его писемъ, точнѣе опредѣлить упоминаемые въ нихъ лица, мѣста и событія. Лучшимъ доказательствомъ *высокаго научнаго значенія результатовъ* изслѣдованія Н. М. Бубнова надъ сборникомъ Герберта можетъ служить почти полное совпаденіе ихъ съ выводами *Ave (Havet)*, работавшаго надъ тѣмъ же вопросомъ и по тѣмъ же матеріаламъ одновременно съ на-

шимъ авторомъ, но независимо отъ него. Въ настоящее время загадочный вопросъ о хронологическомъ порядкѣ писемъ Герберта, такъ долго не поддававшийся разъясненію, можно считать окончательно рѣшеннымъ, благодаря большой энергіи, рѣдкому трудолюбію и блестящему остроумію главнымъ образомъ Н. М. Бубнова, и на долю будущихъ изслѣдователей осталось развѣ улучшить въ деталяхъ установленную имъ систему датировки писемъ Герберта, но ни въ какомъ случаѣ не перестраивать ее всю заново. Сравнительно съ высокими научными достоинствами монографіи Н. М. Бубнова и добытыхъ въ ней цѣнныхъ результатовъ, замѣченные въ ней недостатки (каковы, напримѣръ, неточность въ опредѣленіи термина „Сборникъ писемъ Герберта“, въ установленіи количества древнихъ рукописей съ цѣлыми сериями, существовавшихъ еще въ XVII вѣкѣ, а равно и количества редакцій Герберта, невыработанность плана, проявлявшаяся въ повтореніяхъ, въ приведеніи выводовъ раньше доказательствъ, на которыхъ они построены, въ отступленіяхъ отъ основной темы, наконецъ нѣкоторые мелкіе промахи и ошибки) настолько незначительны, что, конечно, никакъ не могутъ помѣшать общему заключенію, что представленный на конкурсъ обширный трудъ Н. М. Бубнова вполне заслуживаетъ Макарьевской преміи“.

Вслѣдствіе ограниченности числа полныхъ премій академія припуждена была присудить лишь неполную премію сочиненію И. В. Мушкетова—*Физическая геологія. Часть I. Общія свойства земли, вулканическія, сеисмическія и дислокаціонныя явленія*. С.-Петербургъ. 1891. Разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя нашъ уважаемый сочленъ академіи А. П. Карпинскій. „Сочиненіе Мушкетова „Физическая геологія“, — говоритъ онъ. — послѣдній вышедшій томъ которой появился еще въ 1891 году, успѣло обратить на себя общее вниманіе и вызвало цѣлый рядъ рецензій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, по достоинству оцѣнившихъ этотъ капитальный трудъ. Дѣйствительно сочиненіе представляетъ весьма обширный трактатъ по динамической геологіи, къ которому приближаются лишь весьма немногія изъ подобныхъ произведеній западныхъ ученыхъ и ни одно изъ принадлежащихъ русскимъ авторамъ“. Трудъ И. В. Мушкетова состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ, изъ которыхъ лишь тотъ, который включаетъ въ себѣ изложеніе общихъ свойствъ земли, вулканическихъ, сеисмическихъ и дислокаціонныхъ ея явленій, можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія Академіи. Часть II труда, вышедшая ранѣе, въ 1888 г., и представляю-

щая описаніе геологической дѣятельности атмосферы и воды, не соответствуетъ по времени ея изданія § 4-му правилъ о преміяхъ митрополита Макарія. Послѣ довольно обширнаго введенія I часть труда г. Мушкетова подраздѣляется на 10 главъ. Первая изъ нихъ разсматриваетъ землю въ міровомъ пространствѣ, при чемъ, кромѣ элементовъ ея движенія, излагаются различныя космогеническія гипотезы и современное состояніе планеты. Предметомъ II главы служить разсмотрѣніе свойствъ земли, ея фигуры, плотности, магнетизма и внутренней температуры. Глава III даетъ общій обзоръ атмосферы, гидросферы и другихъ главныхъ элементовъ земли. Двѣ слѣдующія главы (IV и V) посвящены подробному разсмотрѣнію разнообразныхъ вулканическихъ явленій. Главы VI и VII даютъ такое подробное изложеніе сейсмическихъ явленій, а глава VIII—дислокацій земной коры. Послѣ описанія пластики земной поверхности и разъясненія ея зависимости отъ дислокаціонныхъ явленій (глава IX), авторъ заканчиваетъ свое сочиненіе очеркомъ исторіи развитія такъ называемаго лика земной поверхности (глава X). являющагося результатомъ дѣятельности тектоническихъ и денудаціонныхъ процессовъ. „Конечно,—говоритъ академикъ А. П. Карпинскій,—въ сочиненіяхъ такого объемистаго характера, какъ *Физическая геологія* г. Мушкетова, имѣющая предметомъ дѣятельность всѣхъ силъ, видоизмѣняющихъ тектонику и пластику земной коры, или, другими словами, изслѣдованія всѣхъ совершающихся въ настоящее время геологическихъ процессовъ, ихъ причинъ и слѣдствій, значительнѣйшая часть фактическаго матеріала и взглядовъ принадлежитъ различнымъ ученымъ; но книга И. В. Мушкетова содержитъ и много вполне самостоятельнаго, при чемъ изложены выводы и матеріалы, добытые личными изслѣдованіями автора. Слѣдуетъ замѣтить также, что не малая часть заключающихся въ разсматриваемомъ сочиненіи данныхъ нигдѣ еще не была опубликована. Обиліе свѣдѣній по динамическимъ явленіямъ въ Россіи съ выгодой отличаетъ трудъ г. Мушкетова отъ наиболѣе подробныхъ трактатовъ подобнаго характера заграничныхъ авторовъ, и еслибы сочиненіе это сдѣлалось доступнымъ (напримѣръ, путемъ перевода) иностраннымъ геологамъ, то, вѣроятно, заняло бы у нихъ мѣсто среди необходимыхъ настольныхъ книгъ“.

Отмѣчая немногія погрѣшности и упущенія, указывая на то, что авторъ не воспользовался нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями и приводитъ гипотезы, далеко еще не могуція считаться

доказанными, почтенный рецензентъ не считаетъ этихъ недостатковъ существенными. Въ заключеніи своемъ академикъ А. П. Карпинскій говоритъ, что, „касаясь многихъ вопросовъ, впервые излагающихся печатно по-русски, г. Мушкетовъ долженъ былъ прискивать подходящія къ нашему языку термины, которые большею частію оказались удачными. При этомъ повсюду выдержано цѣлесообразное правило, которому стараются слѣдовать большинство современныхъ геологовъ, стремящихся создать для новыхъ научныхъ понятій термины, которые являлись бы почти тождественными для всѣхъ языковъ. Вообще характеръ изложенія „Физической геологій“ можно также отнести къ ея достоинствамъ. Написанное литературнымъ и общепонятнымъ языкомъ и снабженное въ изобиліи весьма наглядными и поучительными рисунками, сочиненіе г. Мушкетова, помимо его специальныхъ цѣлей, безъ сомнѣнія, послужитъ къ распространенію въ обществѣ правильныхъ понятій о чрезвычайно обширной области знанія“. Признавая „Физическую геологію“ г. Мушкетова трудомъ выдающимся, рецензентъ предлагаетъ присудить автору полную премію митрополита Макарія.

Слѣдующее затѣмъ сочиненіе, увѣнчанное премією митрополита Макарія, принадлежитъ А. С. Ермолову и имѣетъ заглавіемъ: *Организація полевого хозяйства. Системы земледѣлія съвооборота*. Изданіе второе, значительно дополненное и исправленное. С.-Пб. 1891 г. Разсмотрѣніе этого труда было поручено Академією заслуженному профессору С.-Петербургскаго университета Алекс. Вас. Совѣтову. Предметъ, избранный авторомъ для изслѣдованія, представляетъ высокій интересъ. Исторія развитія формъ земледѣлія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія развитія человѣчества. По той или другой формѣ земледѣлія можно судить о степени развитія народовъ, даже вымершихъ. Естественнытатель по одному скелету животнаго доходить до вѣрныхъ заключеній объ его образѣ жизни; такъ и среди народовъ, находя ту и другую систему земледѣлія, мы можемъ вывести много вѣрныхъ заключеній о разныхъ сторонахъ народной жизни. Такимъ образомъ,—говоритъ почтенный рецензентъ,—вопросъ о системахъ земледѣлія есть вопросъ не только лишь строго агрономическій; онъ вдается и въ область политической экономіи. Но такъ какъ экономисты мало обращаютъ вниманія на предметы, хотя и экономическаго характера, но касающіеся главнымъ образомъ сельскаго хозяйства, то агрономамъ приходится самымъ изслѣдовать подобные предметы. Авторъ разсматриваемой книги совмѣщаетъ въ себѣ и экономическую подготовку,

и агрономическое образованіе. Сколь ни трудно изложить въ общихъ чертахъ сущность такой объемистой книги, какъ разсматриваемая нами, но почтенный профессоръ, считая это необходимымъ, дѣлаетъ подробный очеркъ труда А. С. Ермолова. Прежде всего проф. Совѣтовъ находитъ, что авторъ задался цѣлью изслѣдовать формы земледѣлія, которыя принято называть системами хозяйства, полеводства и т. д. Поэтому заглавіе сочиненія А. С. Ермолова дополнено такъ: „Системы земледѣлія и сѣвооборота“. Г. Совѣтовъ признаетъ, что „последнее выраженіе должно бы быть не добавкою, а стоять въ заглавіи на первомъ мѣстѣ. Будь это такъ, трудъ автора обозначился бы ясно, и въ то же время для cadaго было бы понятно, почему его книга раздѣлена на двѣ части“. Въ первой части авторъ старается установить правильное понятіе *о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ* и въ бѣгломъ очеркѣ знакомитъ насъ съ *настоящимъ положеніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи*. Здѣсь рельефно обрисовывается дореформенное и настоящее положеніе нашего хозяйства. Реформа 1861 года затронула самыя главные основанія земледѣлія, то-есть, земельныя отношенія. Она стѣснила въ правѣ пользованія землею самый многочисленный классъ земледѣльцевъ—крестьянъ, что выразилось на югѣ сокращеніемъ залежей, а на сѣверѣ Россіи въ усиленной распашкѣ земли, въ заведеніи травосѣянія, расширеніи нѣкоторыхъ специальныхъ культуръ и т. п. Все это идетъ вслѣдъ за измѣненіемъ экономическихъ условій. Книга А. С. Ермолова наглядно убѣждаетъ насъ въ такомъ движеніи нашего земледѣлія. Такъ какъ системъ земледѣлія очень много, то прежде всего необходимо было отмѣтить наиболѣе типичныя. Съ этою цѣлью авторъ подвергъ разсмотрѣнію ихъ развитіе въ исторіи, что сразу выдѣлило наиболѣе прочныя и устойчивыя формы и дало ему возможность соединить ихъ въ три группы: 1) система первобытная (экстензивная); 2) системы паровыя (зерновыя) и 3) системы интензивныя (плодосмѣнныя, вольныя и т. п.). При разсмотрѣніи авторомъ этихъ системъ представляется полная картина хозяйства всѣхъ полосъ Россіи, начиная съ дальняго сѣвера и кончая югомъ. Вторая часть книги А. С. Ермолова посвящена *сѣвооборотамъ* и состоитъ изъ 10 обширныхъ главъ.

Разобравъ подробно трудъ автора, профессоръ А. Совѣтовъ выводитъ такое общее заключеніе: 1) „Книга А. С. Ермолова богата по содержанію; она затрагиваетъ самыя существенныя потребности русскаго сельскаго хозяйства и полна указаніями пу-

тей къ ихъ удовлетворенію. 2) Трудъ автора, по-преимуществу, практическій, но онъ не лишенъ и научнаго значенія. Вездѣ, гдѣ нужно освѣщеніе практики теоріею, авторъ обнаруживаетъ полное знакомство съ современными агрономическими ученіями. 3) Книга А. С. Ермолова знакомитъ читателя съ формами русскаго земледѣлія и развитіемъ ихъ въ исторіи. Она представляетъ такимъ образомъ какъ бы лѣтопись нашего хозяйства, что несомнѣнно имѣетъ большой интересъ. „Но есть въ разсматриваемой книгѣ и слабыя стороны, къ которымъ надобно отнести: 1) растянутасть изложенія, что можетъ иногда затруднить пользованіе книгою, 2) встрѣчающіяся мѣстами повторенія и 3) употребленіе нѣкоторыхъ не совсѣмъ удобныхъ выраженій, какъ, напримѣръ: растенія плугополольныя, системы спекулятивно-вольныя и т. п.*. Тѣмъ не менѣе, въ виду выше указанныхъ достоинствъ книги автора, его трудъ, по мнѣнію проф. Совѣтова, слѣдуетъ признать совершенно подходящимъ къ § 2 положенія о преміяхъ митрополита Макарія, а потому и достойнымъ одной изъ таковыхъ.

Третья неполная премія митрополита Макарія присуждена Е. Р. Романову, за его: а) *Бѣлорусскій сборникъ*, выпуски I и II, Кіевъ, 1885; выпускъ III, Витебскъ, 1887 г., и выпуски IV и V, Витебскъ, 1891 г.; б) *Отъѣтъ Бѣлорускаго народнаго снотолкователя*, Москва, 1889 г.; в) *Катрушницкій Лѣмезень* и г) *Очеркъ быта нищихъ Могилевской губерніи и ихъ условный языкъ* (Любѣцкій Лѣментъ), Москва, 1891 года. Разсмотрѣніе этого сборника принялъ на себя профессоръ Харьковскаго университета Ник. Ѳед. Сумцовъ, доставившій весьма обширную рецензію и прослѣдившій шагъ за шагомъ за всѣми изданіями Е. Р. Романова, представленными на соисканіе преміи. Подробный разборъ уважаемаго профессора будетъ напечатанъ въ изданіяхъ Академіи, и мы здѣсь укажемъ лишь на общій выводъ, къ которому приходитъ рецензентъ. „Въ послѣднихъ этнографическихъ трудахъ Е. Р. Романова,—говоритъ Н. Ѳ. Сумцовъ,—напечатанныхъ въ *Этнографическомъ Обзорнѣ*, обнаруживаются новыя и крупныя достоинства автора, какъ этнографа, именно благоразумная осторожность въ собственной оцѣнкѣ своихъ трудовъ, обстоятельный комментарий къ собраннымъ матеріаламъ, а главное—серьезное и внимательное отношеніе къ матеріаламъ, выразившееся въ старательномъ ихъ разборѣ и систематическомъ распорядкѣ при изданіи. Изъ обширныхъ и разнородныхъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ г. Романовымъ, самое крупное въ научномъ отношеніи мѣсто занимаютъ ле-

генды, сказки, заговоры и условные языки. Для бѣлорусской этнографіи въ частности имѣють большое значеніе и духовные стихи. Эти матеріалы обогащаютъ прежде всего бѣлорусскую этнографію, создавая сразу для нея новые обширные отдѣлы; затѣмъ они вносятъ много новаго и вообще въ русскую этнографію. Этнографическіе сборники г. Романова успѣли завоевать себѣ извѣстность; ими пользовались и пользуются не только выдающіеся русскіе ученые (А. А. Потебня, академикъ А. Н. Веселовскій, членъ-корреспондентъ Академіи А. Н. Пыпинъ и др.), но и ученые западно-славянскіе (Полишка въ *Drobné prispěvku*, 1891, стр. 103). Крупные недостатки въ распредѣленіи матеріала, преувеличенія и односторонности въ оцѣнкѣ собранныхъ матеріаловъ, отсутствіе бытовой характеристики населенія, карты, нотъ, рисунковъ—все это въ совокупности мѣшаетъ поставить Бѣлорусскій сборникъ г. Романова на ряду со сборниками Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга. При всемъ томъ Бѣлорусскій сборникъ и добавочные къ нему сборники бѣлорусскихъ условныхъ языковъ и свотолокованій (примѣняя къ нимъ требованіе § 2 правилъ о преміяхъ митрополита Макарія) представляютъ въ значительной степени самостоятельный трудъ, и при томъ такой, который существенно обогащаетъ русскую науку, внося въ нее новые этнографическіе факты и новыя наблюденія. Императорская Академія Наукъ поступить вполне справедливо, если увѣнчаетъ этнографическіе труды г. Романова неполною Макарьевскою преміей“.

Принимая во вниманіе серьезныя научныя достоинства нѣкоторыхъ сочиненій, оставшихся не награжденными, за недостаткомъ премій, академія признала справедливымъ присудить *почетные отзывы* слѣдующимъ пяти сочиненіямъ:

1. Доктора Э. Лейста—*О магнетизмъ планетъ* (рукоп.). Разборъ этого сочиненія былъ составленъ академиками Г. И. Вальдомъ и Ф. А. Бредихинымъ. Въ своемъ трудѣ Э. Лейстъ впервые сдѣлалъ попытку рѣшить научнымъ путемъ вопросъ: обладаютъ ли планеты свойствомъ магнетизма, какъ о томъ нѣкоторые ученые высказывались въ видѣ догадокъ? Для этой цѣли авторъ занялся изслѣдованіемъ, не имѣють ли планеты вліянія на земной магнетизмъ. На уснѣхъ такой работы, требующей большаго труда, можно было рассчитывать, лишь имѣя въ своемъ распоряженіи длинный рядъ однородныхъ и точныхъ наблюденій, произведенныхъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Г. Лейстъ не задумался предпринять такую работу въ 1890 г. на основаніи имѣвшихся тогда 17-лѣтнихъ наблюденій (1873—1889),

произведенныхъ въ С.-Петербургѣ и Павловскѣ и представлявшихъ дѣйствительно матеріалъ въ высокой степени точный и однородный. При своей работѣ авторъ пользуется временами *соединеній* и наибольшихъ *элонгацій* планетъ Меркурія и Венеры и временами *соединеній*, *противостояній* и *квадратуръ* планетъ: Марса, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Времена *соединеній* Венеры и времена *соединеній* и *противостояній* Марса, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна даны на черт. I съ точностью до одного дня (иногда 1,5 дня). Времена наибольшихъ *элонгацій* и *квадратуръ* въ сочиненіи не приведены; для Меркурія совсѣмъ не дано время; для Венеры пропущено нижнее соединеніе 5-го мая 1878 г. Въ табличкѣ плотностей и діаметровъ планетъ даны не совсѣмъ точныя числа. Но эти неточности не имѣютъ значенія для послѣдующаго изложенія, и г. Лейсту удалось доказать, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ближайшихъ къ землѣ планетъ, до Юпитера включительно, новый и важный для науки фактъ, что означенныя планеты имѣютъ вліяніе на земной магнетизмъ, а это указываетъ на магнитное состояніе этихъ планетъ.

Этотъ добытый г. Лейстомъ выводъ,—говорятъ академики Вильдъ и Бредихинъ въ заключеніи своей рецензіи,—несомнѣнно не пройдетъ незамѣченнымъ въ ученомъ мірѣ. Хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и потребуются дополнительныя изслѣдованія для выясненія нѣкоторыхъ частей и для болѣе точныхъ опредѣленій, тѣмъ не менѣе полученные г. Лейстомъ результаты въ его настоящей работѣ, потребовавшей такъ много труда, вполне заслуживаютъ присужденія ему преміи митрополита Макарія.

2. А. Петровъ — *Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853—1854 гг.* С.-Петербургъ, изд. 1890. Для составленія рецензіи объ этомъ сочиненіи Академія обращалась къ просвѣщенному содѣйствію Святи Его Величества генераль-маіора Н. К. Шильдера. Перечисливъ труды, предшествовавшіе сечиненію А. Н. Петрова и затѣмъ касаясь содержанія разбираемаго сочиненія, рецензентъ находитъ, что при оцѣнкѣ политической системы императора Иколая авторъ мѣстами слишкомъ рѣзокъ и переступаетъ границы исторической справедливости. Вступительныя главы сочиненія, по мнѣнію Н. К. Шильдера, недостаточно обстоятельны и не даютъ ничего новаго. Въ виду широкаго развитія политическаго отдѣла въ послѣдующихъ главахъ разсматриваемаго труда, мы вправѣ были ожидать и здѣсь нѣсколько большихъ подробностей, почерпнутыхъ изъ нашихъ архивныхъ сокровищъ, и новаго освѣщенія извѣстныхъ уже событій.

Слѣдя затѣмъ за сочиненіемъ А. Н. Петрова, рецензентъ указываетъ, что авторъ не сохраняетъ хронологіи относительно записки Императора Николая съ предположеніемъ о военныхъ дѣйствіяхъ и относитъ ее не къ тому времени, когда она дѣйствительно была написана. Авторъ не упоминаетъ вовсе о второй запискѣ Императора относительно морской экспедиціи противъ Варны и Бургаса. Описание событій 1854 года,—говоритъ рецензентъ,—составляетъ наиболѣе разнообразную и поучительную часть разбираемаго сочиненія. Разказъ о дипломатическихъ переговорахъ съ Австріею въ особенности украшенъ многими данными, впервые появляющимися въ печати и заимствованными изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Что же касается до изложенія военныхъ дѣйствій 1854 года на Дунаѣ, то у автора встрѣчается не больше подробностей, чѣмъ, напримѣръ, у М. И. Богдановича. Указавъ на нѣкоторыя неточности въ ссылкахъ на подлинныя письма, рецензентъ ставитъ автору въ особую заслугу рѣшеніе вопроса, намѣревалась ли Австрія въ 1854 году объявить намъ войну, и критическій разборъ кампаніи 1853—1854 года на Дунаѣ. Эти двѣ главы по обстоятельности ихъ изложенія должны быть признаны драгоценнымъ вкладомъ въ историческую литературу.

„Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ,—говоритъ Н. К. Шильдеръ въ своемъ заключеніи,—что г. Петровъ, при изложеніи событій на Дунаѣ въ 1853 и 1854 годахъ, не останавливается на описаніи однихъ военныхъ дѣйствій, но отводитъ также широкое мѣсто политической сторонѣ дѣла, которая и содержитъ въ себѣ ключъ къ разъясненію причинъ, по которымъ мы добровольно поставили себя въ безвыходное положеніе. Въ виду обилія новыхъ данныхъ, сообщенныхъ авторомъ и самостоятельности его изслѣдованій, основанныхъ на архивныхъ документахъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на сочиненіе А. Н. Петрова и просить удостоить его одной изъ премій митрополита Макарія, которую оно вполне заслуживаетъ“.

3. Н. М. Благовѣщенскій—*Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры*, С.-Петербургъ, 1891 г. Разсмотрѣніе этого труда, по предложенію Академіи, привялъ на себя Мих. Петр. Соловьевъ. Имя покойнаго Н. М. Благовѣщенскаго принадлежитъ уже исторіи русскаго просвѣщенія и давно заняло видное мѣсто въ русской наукѣ и въ классическомъ мірѣ, „благодаря,—говоритъ рецензентъ,—цѣлому ряду изслѣдованій на латинскомъ и русскомъ языкахъ о гіератическомъ періодѣ греческаго искусства, о римской трагедіи, Ювеналѣ и

въ особенности—цѣнной и единственной самостоятельной монографіи на русскомъ языкѣ о Гораціѣ и его времени. Ученый классикъ, поглощенный профессорской и учено-административной дѣятельностью на трудномъ поприщѣ управленія юнымъ первымъ русскимъ университетомъ въ Привислянскомъ краѣ. Н. М. Благовѣщенскій признавалъ необходимымъ время отъ времени дѣлиться съ образованной публикой плодами своихъ научныхъ занятій, избирая для этого изящную общедоступную форму“. Такъ написано вышеназванное сочиненіе, имѣющее двоякую цѣль: доказать высокое художественное значеніе позднихъ эпохъ греческаго ваянія и выяснить неправильность воззрѣній Винкельмана на эти эпохи. Слѣдя по страницамъ за изслѣдованіемъ Благовѣщенскаго, рецензентъ указываетъ, на сколько авторомъ достигнуты поставленные имъ цѣли. Къ сожалѣнію, покойный авторъ съ 1886 года не имѣлъ возможности дополнять свой трудъ на основаніи позднѣйшихъ открытій и новѣйшихъ сочиненій, которыя, безъ сомнѣнія, нѣсколько измѣнили бы его взгляды. Расходясь во многомъ съ воззрѣніемъ Благовѣщенскаго на искусство и его задачи, г. Соловьевъ все-таки признаетъ сочиненіе его о греко-римской скульптурѣ заслуживающимъ преміи митрополита Макарія.

4. Ив. Палимпсестовъ — *Стени тоа были ли искони въковы степенями и возможно ли облысити ихъ?* Одесса, 1890. Разборъ этого сочиненія былъ составленъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета Вас. Вас. Докучаевымъ. Рецензентъ находитъ, что отдѣльныя части сочиненія И. Палимпсестова и при томъ наиболѣе интересныя (историческаго характера) составляютъ перепечатку статей автора, помѣщавшихся имъ въ разное время (начиная съ 1852 года) въ *Запискахъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи* и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Сдѣланныя же авторомъ прибавки къ послѣднему изданію (1890 г.) или несущественны, или слишкомъ стары. Произошло это отъ того, что, по заявленію самого автора, онъ не слѣдилъ за литературою по данному вопросу въ теченіе 10—15 послѣднихъ лѣтъ и не упоминаетъ вовсе о трудахъ цѣлаго ряда не только иностранныхъ, но и русскихъ ученыхъ. Указавъ на эти главнѣйшіе недостатки и прослѣдивъ за всѣмъ сочиненіемъ Палимпсестова, рецензентъ приходитъ къ слѣдующему общему выводу. „Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—какъ въ разсматриваемой нами работѣ, такъ и особенно въ предшествующихъ трудахъ Ив. Палимпсестова лучшую часть составляютъ, по нашему мнѣнію, тѣ довольно многочисленныя *историческія данныя*, которыя собраны авторомъ, съ

цѣлю реставрированія древнихъ лѣсовъ въ степной Россіи. Какъ въ виду послѣдняго обстоятельства, такъ и особенно потому, что г. Палимпсестовъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, можно сказать, съ удивительными любовью и настойчивостію защищаетъ идею о возможности и необходимости облѣсенія юга Россіи, я полагаю бы возможнымъ наградить автора почетнымъ отзывомъ“.

5. И. Барсуковъ—*Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, officialнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ*. 2 тома, Москва, 1891. Для оцѣнки этого сочиненія Академія пользовалась содѣйствіемъ профессора Харьковскаго университета П. Н. Буцинскаго, доставившаго весьма обширную рецензію. „Когда вышелъ въ свѣтъ трудъ г. Барсукова, — говоритъ рецензентъ, — то появленіе его мы встрѣтили съ особеннымъ вниманіемъ. Къ чтенію этой громадной книги мы приступили уже съ готовыми вопросами: какъ почтенный историкъ отнесся къ бывшей когда-то полемикѣ объ Амурскихъ дѣлахъ? На чью сторону склонился его судъ? Какъ онъ разъяснилъ вышеупомянутый „спорный вопросъ“ и какія онъ представилъ намъ документальныя данныя въ подтвержденіе своего суда? Но, прочитавъ книгу г. Барсукова, мы пришли къ убѣжденію, что время исторической оцѣнки дѣятельности Муравьева въ Восточной Сибири и Приамурскомъ краѣ еще не настало, такъ какъ для этого нѣтъ еще матеріала; авторъ слишкомъ увлекся личностію Муравьева, и увлеченіе помѣшало ему отнестись объективно, безпристрастно и къ его дѣятельности“. Слѣдя за разсказомъ И. Барсукова и основываясь на *тѣхъ только* документахъ, которые авторъ приводитъ въ своей книгѣ, рецензентъ приходитъ нерѣдко къ противоположнымъ выводамъ относительно характера Муравьева, его дѣятельности, отношеній къ его предшественникамъ по управленію Восточной Сибирью, да и къ людямъ вообще и, наконецъ, заявляетъ категорически: „Нашъ взглядъ на личность Муравьева далеко не сходится съ взглядомъ г. Барсукова; равнымъ образомъ мы не можемъ согласиться и съ характеристикой его дѣятельности въ Сибири“. По мнѣнію профессора Буцинскаго, авторъ, при оцѣнкѣ дѣятельности Муравьева, слишкомъ много довѣрялъ его письмамъ, воспоминаніямъ и статьямъ Вуссе, Шумахера, Струве, Романова, Карнова и Назимова, тогда какъ подобнымъ матеріаломъ нужно было пользоваться весьма осторожно. Знакома читателя съ нѣкоторыми извѣстіями изъ хвалебныхъ и обличительныхъ статей, рецензентъ расходится съ г. Барсуковымъ въ оцѣнкѣ дѣятельности Му-

Муравьева по присоединенію р. Амура, колонизаціи, торговлѣ и по устройству края вообще. Все это приводитъ профессора П. Буцинскаго къ слѣдующему общему выводу: „Взгляды автора,—говоритъ онъ,—на личность Муравьева и сужденія о дѣятельности его въ Сибири въ высшей степени пристрастны, и съ ними невозможно согласиться. Но если отбросить эти пристрастныя характеристики и смотрѣть на трудъ г. Барсукова, какъ на матеріалы историческіе, то онъ имѣетъ высокое достоинство. Первая книга его труда заключаетъ въ себѣ обширную переписку Муравьева съ своими братьями и друзьями, представляющую очень цѣнный историческій матеріалъ, впервые обнародованный г. Барсуковымъ. А вторая составляетъ сборникъ 162 документовъ, относящихся къ дѣятельности Муравьева и преимущественно къ Сибири: тутъ мы находимъ нѣсколько его записокъ и проектовъ по разнымъ государственнымъ дѣламъ и множество его официальныхъ донесеній великому князю Константину, Императору Николаю Павловичу и Императору Александру II и ихъ министрамъ; съ этимъ цѣннымъ матеріаломъ мы также впервые познакомились, благодаря услугъ уважаемаго историка. Если имѣть въ виду только этотъ обширный историческій матеріалъ, заключающійся въ двухъ книгахъ г. Барсукова, то трудъ его представляетъ очень цѣнный вкладъ въ историческую науку и достоинъ поощренія“.

По присужденіи премій коммиссія постановила выразить глубокую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, требовавшихъ специальныхъ и разностороннихъ познаній. Почтенные ученые, оказавшіе Академіи услуги въ этомъ отношеніи, суть: членъ-корреспондентъ академіи полковникъ М. А. Рыкачевъ, ректоръ Императорскаго университета св. Владиміра Ѳед. Яковл. Фортинскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Александръ Васильевичъ Совѣтовъ; профессоръ Харьковскаго университета Ник. Ѳедор. Сумцовъ; Святѣ Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Ник. Карл. Шильдеръ; Михаилъ Петровичъ Соловьевъ; профессоръ С.-Петербургскаго университета Вас. Вас. Докучаевъ; профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Петръ Никитичъ Буцинскій; доцентъ С.-Петербургской духовной академіи Ив. Гав. Трояцкій; профессора Императорской медико-хирургической Академіи Евгений Павловъ, Ив. Прибытекъ, Соколовъ, приватъ-доценты Вас. Аванасьевъ и Батуевъ.

II.

ОТЧЕТЪ О ТРИДЦАТИ ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА
УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году представлено восемь сочиненій; для ихъ разсмотрѣнія и оцѣнки была назначена академією, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ: А. О. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, В. Г. Васильевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова, А. А. Куника и Н. О. Дубровина. Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока коммиссія принуждена была два сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе, а затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ шести сочиненій, положила присудить одному *большую*, а двумъ сочиненіямъ *малыя* Уваровскія преміи.

Увѣнчанное большою наградою сочиненіе принадлежитъ профессору университета св. Владиміра В. С. Иконникову подъ заглавіемъ: *Опытъ русской исторіографіи*, т. I, книги I и II, Кіевъ, 1891—1892 г. Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. О. Бычковъ. „Въ русской исторической наукѣ,—говоритъ онъ,—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощущается недостатокъ сочиненія, которое представляло бы, съ одной стороны, обзоръ источниковъ, въ теченіе полутора вѣка обнародованныхъ какъ правительственными учрежденіями, такъ и частными лицами, съ опредѣленіемъ ихъ относительнаго значенія и достоинства, а съ другой—разсмотрѣніе появившихся многочисленныхъ изслѣдованій по русской исторіи, съ указаніемъ, на сколько и какъ отечественные ученые воспользовались въ нихъ изданными матеріалами, на сколько они своими трудами содѣйствовали уясненію прошлой жизни государства. Однимъ словомъ, не доставало сочиненія, посвященнаго критическому изученію источ-

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1893 г. академикомъ Н. О. Дубровинымъ.

никовъ и литературы русской исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи". По составленному авторомъ плану сочиненіе должно раздѣляться на двѣ части: *первая* — обзоръ архивовъ и библіотекъ, въ которыхъ хранятся рукописные и печатные матеріалы, и указаніе на труды лицъ, содѣйствовавшихъ собранію и обнародованію этихъ матеріаловъ, а *вторая* — должна представлять систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторію развитія ея науки. Сдѣлавъ безпристрастную оцѣнку предшествовавшихъ библиографическихъ трудовъ, имѣвшихъ тотъ общій недостатокъ, что въ нихъ нельзя найти ничего, кромѣ заглавія актовъ и статей и указанія, гдѣ они напечатаны. г. Иконниковъ даетъ намъ свой „Опытъ русской исторіографіи“, трудъ, который могъ быть исполненъ, только благодаря замѣчательной начитанности, рѣдкому трудолюбію и настойчивости въ достиженіи однажды опредѣленной цѣли. Первый томъ сочиненія Иконникова, состоящій болѣе чѣмъ изъ 2.200 страницъ, раздѣляется на два отдѣла: первый состоитъ изъ семи главъ, изъ коихъ въ трехъ первыхъ излагается обстоятельная методологія предмета, а въ остальныхъ четырехъ главахъ — исторія собранія, храненія и обнародованія матеріаловъ по русской исторіи. Второй отдѣлъ состоитъ изъ девяти главъ и посвященъ исключительно обзору архивовъ, библіотекъ и музеевъ. Обзоръ этотъ составляетъ заслугу г. Иконникова, такъ какъ до него наша публика, даже ученая, имѣла смутное представленіе о многихъ библіотекахъ и архивахъ.

Прослѣдивъ за сочиненіемъ г. Иконникова и указавъ на нѣкоторые незначительные недостатки, нашъ уважаемый рецензентъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію. „Изъ представленнаго нами, — говоритъ онъ, — сжатаго изложенія капитальнаго труда г. Иконникова достаточно видно его значеніе какъ для науки, такъ и для занимающихся отечественною исторіею, у которыхъ она должна сдѣлаться настольною книгою. Встрѣчаются въ трудѣ В. С. Иконникова нѣсколько недосмотровъ и пропусковъ, но они теряются и исчезаютъ въ подавляющей массѣ собранныхъ данныхъ и нисколько не вредятъ достоинствамъ труда. Если можно въ чемъ упрекнуть автора, то только въ одномъ, а именно, что въ главахъ, посвященныхъ изложенію методологіи исторіи, онъ иногда не высказываетъ своего мнѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, а приводитъ массу мнѣній разныхъ ученыхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, и предоставляетъ читателю выбирать изъ нихъ то, которое имъ признается болѣе справедливымъ. Кромѣ того, противъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ здѣсь мнѣній

можно и спорить". Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти недостатки нисколько не умаляютъ заслуги В. С. Иконникова передъ русскою историческою наукою. Въ виду какъ несомнѣнныхъ достоинствъ „Опыта русской исторіографіи“, такъ и того обстоятельства, что онъ является единственнымъ въ нашей литературѣ и въ высшей степени необходимымъ, академикъ А. О. Бычковъ полагаетъ, „что со стороны Академіи Наукъ будетъ вполне справедливо, если она увѣнчаетъ автора этого труда, положившаго на него многіе годы усиленныхъ занятій, полною Уваровскою преміею и тѣмъ побудитъ его къ скорѣйшему выпуску въ свѣтъ втораго тома, который долженъ представить систематическій обзоръ источниковъ по русской исторіи и послѣдовательный ходъ ея разработки“.

Малыя Уваровскія преміи присуждены нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

А) А. Карпѣвъ — *Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога*, С.-Петербургъ, изд. 1890 г. Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено академику И. В. Ягичу. По мнѣнію рецензента, „трудъ г. А. Карпѣва представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей литературѣ, не богатой монографическими изслѣдованіями. Онъ занимается сравнительнымъ изученіемъ одного вопроса средне-вѣковой христіанской литературы, въ которомъ и русская словесность принимала участіе наравнѣ съ многими другими литературами Востока и Запада. Это такъ называемый *Физіологъ*“. Изслѣдованіе этого вопроса въ полномъ объемѣ принадлежитъ къ самымъ сложнымъ и трудно-исполнимымъ задачамъ. Но удачный выборъ какой либо одной части цѣлаго можетъ увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ и въ то же время оказать большую услугу цѣлому. Такъ и поступили нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи. Одни изучали преимущественно греческіе или латинскіе, другіе восточные, третьи западно-европейскіе тексты его. Такимъ образомъ вопросъ о Физіологѣ въ новѣйшее время значительно подвинулся и для многихъ литературъ приобрѣлъ большой научный интересъ. „Весь этотъ ходъ занятій по вопросу о Физіологѣ, — говоритъ нашъ почтенный товарищъ, — совершался до сихъ поръ почти исключительно на почвѣ иностранныхъ литературъ, участіе наше было крайне ничтожное. Но этими образцами чужой дѣятельности былъ ясно намѣченъ путь, по которому слѣдовало русскому ученому направить свои занятія по тому же вопросу, если и онъ съ своей стороны пожелалъ бы способствовать къ освѣщенію той или другой еще темной стороны его. Г. Карпѣвъ внималъ этому указанію. Взявшись

за изученіе этого предмета, онъ вскорѣ убѣдился въ томъ, что въ русской ученой литературѣ Физиологъ давно уже напрашивается на подробное изслѣдованіе въ различныхъ редакціяхъ славянскаго перевода, отчасти изданнаго, но не разобраннаго, отчасти даже и не изданнаго. Какъ послѣдствія доказали, обильная жатва ожидала его. Въ похвалу ему мы должны сказать, что онъ не пожалѣлъ труда и большихъ усилій, но зато и сочиненіе его вышло богато результатами“. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ сочиненія академикъ Ягичъ признаетъ то, что г. Карнѣву удалось отыскать полный русско-славянскій списокъ Физиолога, въ той редакціи, которую можно считать древнѣйшею. Счастливою находкою полнаго славянскаго Физиолога древнѣйшей редакціи было намѣчено и направленіе изслѣдованія. Найденный списокъ давалъ автору надежду на разрѣшимость вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между различными редакціями Физиолога, и задача сочиненія Карнѣва сосредоточилась на сравнительномъ анализѣ важнѣйшихъ рецензій Физиолога, съ цѣлью точнаго опредѣленія старшаго типа его. Не соглашаясь съ нѣкоторыми положеніями и выводами автора, рецензентъ указываетъ на недосмотры и пробѣлы, какъ, напримѣръ, по вопросу объ южно-славянскомъ Физиологѣ. Незнакомство автора съ текстомъ послѣдняго отразилось невыгодно и на ходѣ изслѣдованія во второй части, которая вслѣдствіе того вышла не такъ полна, какъ могла бы быть. „Во второй главѣ сочиненія г. Карнѣва,—говоритъ академикъ И. В. Ягичъ,—примыкающей къ анализу Физиолога, какъ непосредственное введеніе въ него, сдѣланъ „Перечень и описаніе текстовъ“, а потомъ прибавлены и выводы. Все это, въ сравненіи съ очень обширнымъ изложеніемъ исторіи вопроса, поражаетъ неожиданною сжатостію. Мы приступаемъ къ чтенію этихъ страницъ, какъ-то неподготовленные, слѣдимъ внимательно за изложеніемъ автора, но не видимъ подробныхъ доказательствъ, почему все имъ излагаемое непременно должно быть такъ, какъ онъ намъ рассказываетъ. Все это производитъ на насъ впечатлѣніе изложенія догматическаго. Еслибъ авторъ большую часть этого изложенія помѣстилъ ниже, то-есть, за анализомъ Физиолога, аргументація его, смѣю думать, вышла бы несравненно удобопонятнѣе и въ то же время убѣдительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно говорить, напримѣръ, о выводахъ раньше анализа, на которомъ построены выводы? Вотъ гдѣ, по моему, выказался формальный недостатокъ сочиненія русскаго ученаго. Книга г. Карнѣва,—продолжаетъ рецензентъ,—не можетъ похвалиться наглядностью изложенія, она не отдѣлана окончательно, въ

ней попадаются въ различныхъ частяхъ оговорки, поправки, дополненія или измѣненія. Замѣчанія самаго важнаго свойства сдѣланы иногда вскользь, какъ бы по случаю и мимоходомъ. Но не смотря на эти недостатки, не затрагивающіе существенныхъ сторонъ вопроса, сочиненіе г. Каріѣва — трудъ весьма почтенный. Оно не должно остаться незамѣченнымъ въ обширной литературѣ о Физиологѣ“ Благодаря труду г. Каріѣва, теперь разработанъ и объясненъ какъ нельзя лучше первый такъ называемый рагъ excellence Физиологъ, и „нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ,—говорить въ своемъ заключеніи академикъ Ягичъ,—что сочиненіе г. Каріѣва вполне достойно того, чтобы ему была присуждена премія. Я могу предложить это съ самою теплою рекомендаціею“.

В) Н. А. Бѣлозерская—*Василій Трофимовичъ Нарѣжскій. Историко-біографическое изслѣдованіе* (оттиски изъ *Русской Старины*, съ обширными рукописными прибавленіями). Оцѣнка этого сочиненія была поручена комиссіею академику К. Н. Бестужеву-Рюмину. „Изученіе русской литературы XVIII и XIX вѣка,—говоритъ онъ,—подвигается весьма успѣшно: появляются критическія изданія старыхъ писателей, отдѣльные бібліографическіе и біографическіе этюды о нихъ, есть и общіе курсы. Нельзя, конечно, считать, чтобы не являлась потребность въ дополненіяхъ, уясненіяхъ того, что сдѣлано, чему въ особенности помогаютъ появленіе новыхъ матеріаловъ и новыя изслѣдованія въ области исторіи. Есть наконецъ такіе вопросы, которые едва затронуты, и то мимоходомъ, исторіей литературы. Такъ мы еще очень мало знаемъ о русскомъ романтизмѣ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, изученіе котораго весьма важно для полнаго и обстоятельнаго пониманія поэзіи Лермонтова. Кто помнитъ впечатлѣнія повѣстей Бестужева, критики и повѣстей Полеваго, драмъ Кукольника, а изъ иностранныхъ романовъ и лирики Гюго, романовъ Бальзака, тотъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что всѣ они подготовили почву для пониманія Лермонтова. Такимъ же малоизвѣстнымъ эпизодомъ представляется исторія русскаго романа во второй половинѣ XVIII вѣка и до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, скорѣе даже до Гоголя. Дѣятельность Нарѣжнаго, представляющая важное явленіе въ первой четверти нашего вѣка, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Кромѣ мимоходныхъ замѣтокъ объ ея значеніи, мы ничего не имѣемъ; изъ произведеній Нарѣжнаго читается только „Бурсакъ“; о біографіи его имѣются у насъ только краткія свѣдѣнія. Этотъ недостатокъ восполняется трудомъ Н. А. Бѣлозерской, который сначала появился въ

Русской Старинѣ, а теперь лежитъ передъ нами въ дополненномъ и исправленномъ видѣ съ помощью рукописныхъ замѣтокъ“. Трудъ Н. А. Бѣлозерской—плодъ обширной начитанности и результатъ неутомимыхъ розысканій; большая часть его содержанія составляетъ новое явленіе въ исторіи русской литературы и важный вкладъ въ исторію общественности. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ краткаго обзора состоянія литературы и критики при появленіи первыхъ произведеній Нарѣжнаго, указываетъ на то, что Нарѣжный не находился въ сношеніи съ тогдашними литературными кружками и почти не участвовалъ въ журналахъ той эпохи. По мнѣнію рецензента, замѣчанія эти лучше было бы помѣстить въ біографіи Нарѣжнаго. Слѣдя въ частности за разбираемымъ сочиненіемъ, нашъ уважаемый сочленъ останавливается на нѣкоторыхъ неточностяхъ въ сближеніяхъ, выводахъ и отчасти въ хронологіи. Такъ, напримѣръ, по поводу исторической повѣсти „Ксенія — княгиня Галицкая“, вышедшей въ 1808 году, Н. А. Бѣлозерская замѣчаетъ, что сочинитель выписываетъ цѣлыя страницы изъ Исторіи Государства Россійскаго, чего, разумѣется, не могло быть, такъ какъ исторія Карамзина появилась въ 1818 г. Извѣстный романъ Измайлова „Евгеній“ отнесетъ авторомъ къ правоучительно-сатирическимъ, хотя его слѣдовало бы отнести къ реалистическимъ. Важное достоинство труда Н. А. Бѣлозерской состоитъ въ томъ, что она постоянно указываетъ, на сколько въ произведеніяхъ Нарѣжнаго отразились тѣ или другія черты предшествовавшей повѣствовательной литературы. Біографія Нарѣжнаго до сихъ поръ была мало извѣстна, и Н. А. Бѣлозерская собрала о немъ все, что могла: ей удалось получить нѣсколько официальныхъ актовъ, доставленныхъ невѣсткою автора „Бурсака“, тщательное же изученіе его сочиненій, при знаніи современныхъ ему обстоятельствъ, помогли ей составить нѣсколько въ высшей степени вѣроятныхъ предположеній. Такимъ образомъ, передъ нами является определенное живое лицо, а подробный анализъ его произведеній воспроизводитъ его нравственную фizioномію. Книга Н. А. Бѣлозерской заканчивается краткою, но вѣрною характеристикю литературнаго значенія Нарѣжнаго. Книгу сопровождаютъ многочисленныя примѣчанія, официальные акты, касающіеся жизни Нарѣжнаго, и хронологическій списокъ его сочиненій. „Слѣдя шагъ за шагомъ за изложеніемъ Н. А. Бѣлозерской,—говоритъ академикъ Вестужевъ-Рюминъ,—мы приходимъ къ убѣжденію, что ею употреблено много труда: просмотрѣно все, что только нужно было просмотрѣть, отчего трудъ ея вполне

вознагражденъ, такъ какъ ей удалось освѣтить ярче, чѣмъ было прежде, значеніе литературной дѣятельности Нарѣжнаго въ связи съ его біографіей. Если общій характеръ литературы той эпохи и того общества остается еще не вполне выясненнымъ, то это задача новыхъ тружениковъ. Нашъ авторъ нашелъ только указанія, конечно, очень плодотворныя, но самъ принужденъ былъ дѣлать обширныя розысканія. Вотъ почему считаемъ вполне справедливымъ ходатайствовать о присужденіи Н. А. Бѣлозерской второй Уваровской награды“.

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова, коммиссія признала заслуживающими наградъ сочиненія Александра Филиппова, И. И. Шимко и К. И. Арабажина, но, за раздачею всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи наградъ, коммиссія, на основаніи п. I, § 16 правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, признала справедливымъ присудить имъ *почетные отзывы*.

1. Александръ Филипповъ—*О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою*, Москва, 1891 года. Для оцѣнки этого труда Академія обращалась къ просвѣщенному содѣйствію профессора С.-Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскаго. „Исторія русскаго уголовного права до-Петровской эпохи,—говоритъ рецензентъ,—начиная съ древнѣйшихъ временъ, имѣетъ свою литературу. Рядъ монографій, весьма содержательные-отдѣлы въ курсахъ и учебникахъ даютъ ясныя и законченныя картины по основнымъ вопросамъ преступленія и наказанія. Наоборотъ, эпоха Петра Великаго и весь XVIII вѣкъ остаются понынѣ неразработанными ни въ монографіяхъ, ни въ систематическихъ курсахъ. А между тѣмъ какой громаднй интересъ, какое богатое содержаніе заключается въ развитіи уголовного права этого періода! Вѣдь въ этотъ періодъ совершился переходъ отъ законченныхъ типичныхъ началъ и возрѣній XVII вѣка къ тому, чѣмъ мы живемъ теперь и, вѣроятно, долго еще будемъ жить; при томъ переходъ въ высшей степени осложненный и крупными измѣненіями въ условіяхъ государственнаго и социальнаго быта, и величайшимъ разнообразіемъ происходящихъ, такъ сказать, случайныхъ воздѣйствій и вліяній. На столько-то мы знаемъ XVIII вѣкъ, чтобы опредѣлять его общее значеніе въ исторіи уголовного права, какъ переходной эпохи; но въ чемъ именно заключается этотъ періодъ, какъ совершалась замѣна однихъ представлений другими, какъ возникали институты новые, которыхъ не знала старая Русь, и какъ исчезали многіе старые, этого мы не

знаемъ. „При такомъ положеніи дѣла, изслѣдованіе профессора А. Н. Филиппова представляетъ собою, вопервыхъ, лучъ свѣта въ темной области нашего знанія, а, вовторыхъ—работу большой трудности. Автору пришлось начинать новое дѣло и идти путемъ разработки сырого матеріала, котораго или вовсе не касалась, или очень мало касалась предыдущая литература. И мы должны признать, что громадный матеріалъ исчерпанъ имъ въ полнотѣ и совершенствѣ. Правда, авторъ ограничивается лишь печатнымъ матеріаломъ; но этотъ печатный матеріалъ для Петровской эпохи громаденъ и всеобъемлющъ“. Профессоръ Сергѣевскій находитъ, что трудъ г. Филиппова есть какъ бы начало систематической исторіи уголовного права XVIII вѣка. Такая тема для отдѣльной монографіи едва ли могла бы быть названа удачной, такъ какъ она представляется исключительно внѣшнимъ моментомъ—періодомъ Петра Великаго, не совпадающимъ вовсе съ какимъ либо опредѣленнымъ типичнымъ состояніемъ карательныхъ институтовъ. Этотъ періодъ не есть ни начало новаго, ни окончаніе стараго; наоборотъ, въ этомъ періодѣ находится всего понемногу—и стараго и новаго, и существеннаго и случайнаго, но больше всего стараго. „Самому автору,—говоритъ рецензентъ,—пришлось разбить свое изслѣдованіе на два совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованій: наказаніе по указамъ и наказаніе по воинскому артикулу. Но еслибы принять въ руководство не внѣшній признакъ, а внутреннее содержаніе институтовъ, то періодъ Петра Великаго можно было бы разбить на три и на четыре части. Въ томъ-то и дѣло, что для выясненія уголовно-карательныхъ институтовъ царствованіе Петра, взятое въ цѣломъ, отдѣльно отъ предшествующей и послѣдующей эпохи, не представляетъ собою ничего законченнаго и ничего цѣлаго. Какъ тема для самостоятельной монографіи, такой предметъ мало годится; но для работы, полагающей въ литературѣ начало историческому изслѣдованію всего XVIII вѣка, такая программа должна быть признана вполне плодотворною. Интересно замѣтить, что всѣ черты наказанія, которыя авторъ признаетъ наиболее характеристическими для Петровскаго законодательства, принадлежатъ предыдущей эпохѣ, развиты и установлены до Петра и уже въ XVII вѣкѣ сложились въ законченныя устойчивыя картины“.

Не признавая въ уголовномъ правѣ эпохи Петра Великаго ничего цѣльнаго и законченнаго, профессоръ Сергѣевскій съ этой точки зрѣнія смотритъ на трудъ г. Филиппова и во многомъ съ нимъ не соглашается. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что весь общій очеркъ.

вся первая часть книги не имѣетъ никакой внутренней связи съ изслѣдованіемъ о наказаніи, и книга съ большимъ удобствомъ читается со второй части, чѣмъ съ первой. Такимъ образомъ общій очеркъ является какъ бы особымъ сочиненіемъ, приложеннымъ къ книгѣ и не имѣющимъ съ нею связи. Указавъ затѣмъ на нѣкоторыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ изслѣдованіи, на ошибочность взглядовъ автора и неправильное освѣщеніе имъ нѣкоторыхъ фактовъ, на поклоненіе авторитетамъ, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не вызываемое, и, наконецъ, на осторожность автора въ отношеніи выводовъ и обобщеній, профессоръ Сергѣевскій приходитъ къ слѣдующему общему выводу: 1) „Книга профессора Филиппова заключаетъ въ себѣ богатѣйшій историко-законодательный матеріалъ, прекрасно систематизированный; собранный въ полнотѣ и сгруппированный въ такомъ порядкѣ, что передъ читателемъ ясно и подробно рисуются законченныя картины наказаній въ періодъ царствованія Петра Великаго. Этого одного уже достаточно для признанія сочиненія достойнымъ искомой награды. 2) Что касается до болѣе широкихъ выводовъ и обобщеній, то здѣсь авторъ оказывается менѣе самостоятельнымъ, воздерживается отъ нихъ или даетъ формулы уклончивыя. 3) Существеннымъ недостаткомъ книги является стремленіе автора изобразить періодъ царствованія Петра Великаго въ качествѣ отдѣльной эпохи въ исторіи наказанія, съ индивидуально-типичными чертами. Результатомъ такого стремленія явилось неправильное освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ предмета и нѣсколько противорѣчій въ книгѣ. 4) Прочіе недостатки не могутъ и не должны имѣть вліянія на общую оцѣнку труда“.

2. И. И. Шимко—*Новыя данныя для біографіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ*, С.-Петербургъ, 1891 г. По порученію комиссіи сочиненіе это было разсмотрѣно академикомъ Л. Н. Майковымъ. Сущность его отзыва заключается въ слѣдующемъ. Книга г. Шимко, состоящая изъ 148 страницъ текста и 7 страницъ приложений, знакомитъ насъ съ содержаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ опытъ обработки документовъ, найденныхъ авторомъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи касательно нашего дипломата-писателя прошлаго вѣка, князя А. Д. Кантемира, его братьевъ и сестры. Въ I-й главѣ сочиненія излагаются общія свѣдѣнія о сохранившихся въ этомъ архивѣ фамиліныхъ бумагахъ князей Кантемировъ; во II-й главѣ характеризуется личность княжны Маріи Дмитріевны Кантемиръ; въ III-й

главѣ излагается содержаніе переписки князя Антиоха съ сестрой и братьями; наконецъ, въ главѣ IV-й идетъ рѣчь о духовномъ завѣщаніи князя Антиоха и о томъ, какъ оно было приведено въ исполненіе; въ приложеніи напечатаны шесть писемъ князя Антиоха къ княжнѣ Маріи на греческомъ и итальянскомъ языкахъ. Г. Шимко справедливо оцѣнилъ интересъ и важность найденныхъ имъ документовъ. Собственно для біографіи знаменитаго сатирика они имѣютъ лишь второстепенное значеніе, разъясняютъ только его семейныя и имущественныя отношенія; но изъ этихъ документовъ раскрывается внутренній бытъ и степень благосостоянія семьи Кантемировъ въ теченіе большей части прошлаго вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, чѣмъ за люди были родственники князя Антиоха. Оказывается, что его братья и ихъ потомство были людьми очень обыкновенными, безо всякихъ выдающихся достоинствъ. За то сестра князя Антиоха, княжна Марія Дмитриевна, обрисовывается, какъ личность очень замѣчательная. Г. Шимко поступилъ совершенно правильно, посвятивъ значительную часть своего сочиненія изображенію этой личности. Княжна Марія обладала яснымъ умомъ и замѣчательнымъ по своему времени образованіемъ, которое рѣзко выдѣляло ее изъ среды современныхъ ей русскихъ женщинъ даже высшаго сословія. Она была старше своихъ братьевъ и, оставшись въ дѣвцахъ, сосредоточила на младшемъ изъ нихъ, князѣ Антиохѣ, всю свою любовь и нѣжность. Разлученная съ братомъ его заграничною дипломатическою службой, она вела съ нимъ дѣятельную переписку и въ письмахъ своихъ сообщала ему не только о семейныхъ дѣлахъ, но и о своихъ занятіяхъ, чтеніи и общественныхъ сношеніяхъ. Нѣкоторыя изъ писемъ княжны Маріи г. Шимко приводитъ цѣликомъ въ переводѣ съ итальянскаго и греческаго, изъ другихъ сообщаетъ выдержки, и все, чѣмъ извлечено изъ этого источника, отличается интересомъ, содержать въ себѣ характерныя историческія и біографическія подробности. Таковы достоинства труда г. Шимко. Существенный его недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ подчинилъ себя вновь найденнымъ имъ матеріаламъ и не сдѣлалъ почти никакого сличенія ихъ съ тѣмъ, чѣмъ уже могъ бы найдти въ ученой литературѣ. Такъ, ему, повидимому, остались неизвѣстными письма князя А. Д. Кантемира, напечатанныя въ „Архивѣ князя Воронцова“, а также свѣдѣнія касательно завѣщанія князя Антиоха, находящіяся въ этомъ изданіи. Не знаетъ г. Шимко и того, чѣмъ сообщается въ депешахъ Кампредона касательно княжны Маріи и ея от-

пошеній къ императору Петру I; не знаетъ и упоминаній о ней въ походныхъ журналахъ Петра. Наконецъ, говоря о характерѣ ея образованія, г. Шимко не собралъ свѣдѣній объ ея учителяхъ, что также было возможно и вполне уместно въ данномъ случаѣ. Поэтому, признавая вполне несомнѣннымъ интересъ историческихъ матеріаловъ, впервые обнародованныхъ г. Шимко, слѣдуетъ въ то же время сказать, что онъ далъ имъ недостаточную ученую обработку.

Въ виду такого заключенія коммиссія, согласно съ представленіемъ академика Майкова, сочла возможнымъ поощрить любопытный и полезный трудъ г. Шимко присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

3. К. И. Арабаджинъ—*Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность (1791—1835)*. Удостоено историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго университета св. Владимира награды золотой медалью и премією имени Н. И. Пирогова. Кіевъ, 1891 года.—Разсмотрѣніе этого сочиненія обязательно принялъ на себя членъ-корреспондентъ академіи А. Н. Пыпинъ. „Польская литература,—говоритъ онъ.—кромѣ общаго значенія ея въ средѣ литературъ славянскихъ, должна бы представлять для насъ и особый частный интересъ, какъ по тѣмъ историческимъ отношеніямъ, какія издавна возникали и нынѣ существуютъ между двумя народами, такъ и по особеннымъ отношеніямъ польской литературы къ русской. Относительно послѣдняго историческія разысканія все больше раскрываютъ факты старинныхъ связей русской до-Петровской письменности съ польскими источниками. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ утверждается, по видимому, гораздо болѣе прочный, чѣмъ когда нибудь прежде, интересъ къ современной польской литературѣ. Но въ то время, какъ польская политическая исторія вызываетъ все болѣе значительное количество самостоятельныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ, исторія польской литературы до сихъ поръ очень мало привлекала нашихъ изслѣдователей, а между тѣмъ этимъ путемъ можетъ быть приобретено пониманіе той внутренней жизни общества, въ которой кроются мотивы и самой политической дѣятельности. Вслѣдствіе такой неравномѣрности въ научныхъ изслѣдованіяхъ,—замѣчаетъ рецензентъ,—о которой мы говорили и источникомъ которой является новостъ и неустановленность самой науки, въ нашей ученой литературѣ нерѣдко встрѣчаются спеціальныя труды, не имѣющіе такого цѣлаго, къ которому они могли бы логически примкнуть. Таковы бывали многіе появлявшіеся у насъ труды по славянской исторіи и литературѣ—отдѣльныя эпизоды изъ сербской или чешской, болгарской и т. п.

исторіи и литературы и именно по преимуществу древней, когда у насъ не имѣется собственно книгъ по цѣлой сербской, чешской, болгарской исторіи. Книги подобнаго рода по необходимости остаются интересны и доступны только для тѣснаго круга специалистовъ, остаются памятниками учености ихъ авторовъ и только въ очень отвлеченномъ смыслѣ, какъ говорится, обогащаютъ литературу. И въ то же время слышатся жалобы, что общество мало поддерживаетъ эту научную литературу. Къ такого рода книгамъ можетъ присоединиться и названное сочиненіе о „Казиміръ Бродзинскомъ“. Книга г. Арабажина представляетъ исполненіе факультетской задачи, и тема избрана не самимъ авторомъ. Во введеніи къ сочиненію онъ излагаетъ литературу предмета, затѣмъ—біографическій очеркъ; наиболѣе обширный отдѣлъ посвященъ литературнымъ взглядамъ Бродзинскаго, характеристикѣ его, какъ поэта, этнографа и славянофила; изображается его дѣятельность педагогическая и ученая, наконецъ опредѣляются его сочиненія масовско-мистическія. Прослѣдивъ со всею подробностью за сочиненіемъ К. И. Арабажина и указавъ на нѣкоторыя неточности и недосмотры, почтенный рецензентъ приходитъ къ тому заключенію, что авторъ внимательно изучилъ свой матеріалъ, далъ подробную біографію Бродзинскаго и обстоятельный разборъ его сочиненій, въ отношеніи ихъ содержанія и значенія въ современной и позднѣйшей литературѣ. „Недостаткомъ изслѣдованія является,—говоритъ А. Н. Пыпинъ въ заключеніи своего разбора,—кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ неточностей, не вполне правильная оцѣнка историческихъ условій, въ которыхъ происходила дѣятельность писателя: предъявляя ему слишкомъ высокія требованія, авторъ приходитъ часто къ отрицательнымъ заключеніямъ, и въ концѣ-концовъ остается неразъясненнымъ, почему Бродзинскій пользовался нѣкогда славой не въ одной польской литературѣ“. Есть недостатки и въ приемахъ изложенія. Авторъ нерѣдко обстоятеленъ до излишества, сообщая подробностей больше, чѣмъ ихъ требуется для объясненія дѣла. Въ разборѣ „міровоззрѣнія“ Бродзинскаго, его понятій философскихъ, психологическихъ, эстетическихъ, литературно-теоретическихъ біографъ, какъ будто забывъ на этотъ разъ о несамостоятельности Бродзинскаго, сличаетъ его воззрѣнія прямо съ идеями Аристотеля, Канта, Лесинга и др., приводитъ даже мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о разныхъ вопросахъ психологіи и т. п., когда нужно было только указать непосредственные источники Бродзинскаго и ихъ примѣненіе въ его работахъ. Неумѣстныя сближенія, какія дѣ-

лаетъ авторъ по поводу теорій Бродзинскаго и которыя косвенно побуждаютъ автора повышать критическія требованія, повторяются. когда, говоря о наступленіи полной зрѣлости его дарованія, авторъ вспоминаетъ для сравненія съ Бродзинскимъ о Байронѣ, Шиллерѣ, Мицкевичѣ и Пушкинѣ. „Но вообще изслѣдованіе Арабажина исполнено съ большимъ стараніемъ и, какъ трудъ начинающаго ученаго въ мало затронутой у насъ историко-литературной области, заслуживаетъ вниманія и имѣлъ бы право на вторую изъ Уваровскихъ наградъ“.

По присужденіи премій коммиссія въ изъясненіе глубокой признательности положила назначить, отъ имени Академіи, *золотыя* Уваровскія медали члену-корреспонденту Академіи А. Н. Пыпину и профессору С.-Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскому.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1891 ГОДУ.

Число мужскихъ гимназій и прогимназій въ Кавказскомъ учебномъ округѣ къ концу 1891 года оставалось безъ измѣненій, то-есть, первыхъ было 8 и вторыхъ—3. Измѣненіе послѣдовало лишь въ составѣ классовъ, а именно: Пятигорская четырехклассная прогимназія съ 1-го іюля отчетнаго года преобразована въ шестиклассную. Число классовъ въ 11 заведеніяхъ равнялось 120, въ томъ числѣ въ гимназіяхъ 100 и въпрогимназіяхъ—20; изъ нихъ нормальныхъ классовъ (считая и 14 пригготовительныхъ) 93 и параллелей 27; послѣднія имѣютъ всѣ гимназіи, кромѣ Эриванской, и прогимназія Кутаисская; всѣ гимназіи по составу своему 8-классныя, съ 9-мъ при каждой изъ нихъ пригготовительнымъ классомъ, а прогимназіи состоятъ: Тифлисская—изъ 6 классовъ и 2 пригготовительныхъ, Пятигорская—изъ 5 классовъ и 1 пригготовительнаго и Кутаисская—изъ 4 классовъ и также 1 пригготовительнаго. Изъ всѣхъ заведеній самая многочисленная по классамъ Тифлисская I гимназія: она имѣетъ двойной составъ гимназическихъ классовъ, съ двумя прогрессивными отдѣленіями пригготовительнаго класса, итого 18 классовъ.

Во всѣхъ гимназіяхъ округа, за время ихъ существованія, полныхъ выпусковъ было 166, при чемъ 3.323 воспитанника получили законное среднее образованіе, въ томъ числѣ въ отчетномъ году удостоены аттестата зрѣлости 134 воспитанника; въ трехъ прогимназіяхъ округа всѣхъ было 38 выпусковъ, а окончившихъ курсъ въ нихъ 337 человекъ, изъ коихъ 20 выпущено въ 1891 году. Изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ многіе трудятся съ пользою на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности не только въ предѣлахъ Кавказскаго края, но и въ другихъ частяхъ Имперіи.

Общая стоимость всѣхъ библіотекъ, физическихъ кабинетовъ и учебныхъ пособій гимназій и прогимназій округа увеличилась за годъ на сумму 14.194 р., или на 6,7⁰/₁₀₀. Самые богатые учебно-вспомогательныя собранія имѣютъ гимназіи: Тифлисская I-ая, Ставропольская и Кутаисская, а изъ прогимназій Пятигорская. Бѣднѣе же всѣхъ обставлена пока, что и понятно само собою, возникшая въ 1890 году Екатеринодарская гимназія (всѣхъ пособій имѣетъ только на 4.787 р.), но есть основаніе предполагать, что въ недалекомъ будущемъ составъ библіотекъ и физическаго кабинета и въ ней будетъ доведенъ до удовлетворительнаго состоянія. Въ частности, каждая гимназія и прогимназія имѣетъ по 2 библіотеки: одну учительскую, такъ называемую фундаментальную, а другую ученическую, и къ послѣдней присоединяются еще 4 пансіонскія библіотеки, имѣющіяся при гимназіяхъ Тифливской I, Кутаисской, Ставропольской и Эриванской, а также складъ учебниковъ для бѣдныхъ учениковъ. Общее достояніе всѣхъ библіотекъ состоитъ изъ 39.171 названія, въ 84.784 томахъ стоимостью въ 132.673 р.; въ томъ числѣ за отчетный годъ пополненій было произведено на 9.726 р.; какъ и слѣдовало ожидать, болѣе всего приобретений сдѣлала Екатеринодарская гимназія — на 1.532 р. Физическіе кабинеты имѣютъ всѣ гимназіи и нынѣ заведшая у себя таковой Тифлисская прогимназія; въ нихъ находится 3.056 приборовъ на сумму 48.803 р., при чемъ въ теченіе года вновь приобретено было 433 прибора, стоимостью въ 5.425 р.; болѣе всего приобретений сдѣлано Екатеринодарскою гимназіей — 205 приборовъ на сумму 1.972 р., и Тифлискою прогимназіей — 104 прибора на сумму 1.103 р., такъ какъ обонимъ этимъ учебнымъ заведеніямъ приходилось положить прочное основаніе своимъ кабинетамъ. Прочихъ учебныхъ пособій имѣется по 11 заведеніямъ 10.826 предметовъ, на сумму 55.554 р. въ томъ числѣ за 1891 годъ приобретено было 1.502 предмета, стоимостью въ 9.474 р.

Въ отчетномъ году на содержаніе всѣхъ 11 учебныхъ заведеній поступило на 132.316 р. больше, чѣмъ въ 1890 году, именно 829.385 р.; такое значительное увеличеніе источниковъ содержанія объясняется, главнымъ образомъ, ассигнованіемъ 105.800 р. на покупку зданія, занимаемаго Кутаисскою гимназіей. Вмѣстѣ же съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ въ размѣрѣ 227.000 р. гимназіи имѣли въ своемъ распоряженіи 933.876 р., а прогимназіи — 122.509 р., итого 1.056.385 р. Главныя источники содержанія составляютъ суммы, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства, въ количествѣ 539.453 р. — 65,1⁰/₁₀₀, въ томъ

числѣ на прибавочное жалованье 44.564 р.; остальная сумма въ 289.932 р. или 34,9% образовалась изъ слѣдующихъ поступлений: отъ казачьяго войска на содержаніе своихъ стипендіатовъ при Ставропольской гимназіи—10.610 р., отъ городскихъ обществъ, а именно: отъ Екатеринодарскаго на содержаніе городской гимназіи 30.307 р., отъ Владикавказскаго на содержаніе параллели къ 1-му классу гимназіи 1.350 р. и Пятигорскаго для своей прогимназіи 3.000 р., всего—34.657 р.; отъ сбора за право ученія—120.910 р., за содержаніе частныхъ пансіонеровъ—77.843 р., пожертвованій—25.207 р., процентовъ съ капиталовъ—9.805 р. и другихъ поступлений—10.900 р.

Расходоу на содержаніе гимназій и прогимназій округа произведено всего 772.995 р., при чемъ изъ этой суммы 82,7% израсходовано изъ штатныхъ суммъ и 17,3% изъ специальныхъ. Содержаніе личнаго состава, съ прибавочнымъ жалованьемъ, пособіемъ служащимъ и содержаніемъ параллелей составляетъ 53,6% общаго расхода; наемъ помѣщеній съ ихъ ремонтомъ и другіе хозяйственные расходы—12,7%; учебныя пособія—3,3%; содержаніе пансіонеровъ—11,3%; пособія учащимся—0,5%; отчисленія въ спеціальныя средства министерства и учебнаго округа—0,2%, и прочіе расходы—16,6%. Средняя стоимость обученія одного ученика равнялась въ отчетномъ году 129 р. (въ гимназіи—127 р. и въ прогимназіи—137 р.), а воспитанія въ пансіонѣ—294 р.

Плата за право ученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа взимается по 40 р. въ годъ съ ученика, кромѣ трехъ слѣдующихъ заведеній: Тифлисской 1-й гимназіи, въ которой назначена плата въ 50 р., въ Тифлисской прогимназіи—въ 60 р. и Екатеринодарской гимназіи, въ которой въ первое полугодіе взималось съ лицъ, обладающихъ въ городѣ недвижимою собственностію, плата въ размѣрѣ 20 р. въ годъ, а съ дѣтей лицъ, не обладающихъ такою собственностію, по 40 р. въ годъ; со втораго же учебнаго полугодія, въ виду открытія параллели при I классѣ, взималось съ дѣтей лицъ первой категоріи—25 р. въ годъ, а съ дѣтей лицъ второй категоріи—по 45 р. Плата за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ въ отчетномъ году не измѣнилась и составляетъ отъ 150 до 200 р. для казеннаго и отъ 245 до 300 р. для своекошнаго пансіонера.

Спеціальныхъ средствъ за отчетный годъ поступило: сбора за право ученія—120.910 р., платы за частныхъ воспитанниковъ—76.977 р.; отъ трехъ почетныхъ попечителей—2.160 р., процентовъ съ капиталовъ—9.805 р. и изъ разныхъ другихъ источниковъ—

33.947 р., а всего—244.665 р. Изъ этой суммы израсходовано было 200.280 р., именно: отчислено въ пособіе казнѣ—66.729 р. и израсходовано на нужды гимназій—133.551 р. Остальные 44.385 р., причисленные къ остаткамъ въ 221.315 отъ прежнихъ лѣтъ, образовали къ концу году сумму въ 265.700 р., изъ коихъ 113.588 р. имѣются наличными и 152.112 р. содержатся въ процентныхъ бумагахъ.

Число приходящихъ учениковъ, не вносившихъ платы за ученіе изъ собственныхъ средствъ, въ первое полугодіе отчетнаго года было 592 или 18,8% общаго числа приходящихъ, во второе полугодіе—609 или 18,1%; въ пансіонахъ же бесплатно содержались въ первое полугодіе 310 воспитанниковъ или 59,4% и во второе—309 или 56,8%; такимъ образомъ, оказываемая родителямъ помощь бесплатнымъ обученіемъ и воспитаніемъ ихъ дѣтей по гимназіямъ и прогимназіямъ выражается суммой въ 82.560 р. При всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ Владикавказской и Екатеринодарской, и при прогимназіи Пятигорской имѣются учрежденія для пособія учащимся, числомъ 9, такъ какъ при гимназіяхъ Тифлиской I-ой и Ставропольской они имѣются въ двухъ отдѣлахъ, какъ общества вспомошествованія и ученическіе фонды. За все время существованія этихъ учрежденій въ нихъ поступило 118.181 р., изъ коихъ оказано пособій на 81.867 р.; въ томъ числѣ въ отчетномъ году было поступленій на 7.992 р., изъ которыхъ израсходовано въ пользу бѣдныхъ учениковъ 5.714 р.; къ концу же года съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ имѣлось наличными и процентными бумагами 36.314 р., при чемъ болѣе двухъ третей этой суммы принадлежитъ учрежденіямъ при двухъ Тифлискихъ гимназіяхъ—14.718 и 11.881 р.

Изъ 11 заведеній собственными помѣщеніями до сихъ поръ располагали 4 гимназіи: Тифлисская I, Ставропольская, Елисаветпольская и Владикавказская, а съ отчетнаго года тѣмъ же удобствомъ стала пользоваться и Кутаисская гимназія, для которой казна приобрѣла зданіе, въ коемъ она помѣщалась много лѣтъ; это зданіе, не смотря на значительныя неудобства, имѣетъ и большія достоинства, занимая центральное положеніе въ городѣ и обладая огромнымъ дворовымъ мѣстомъ, которое въ будущемъ можетъ быть приспособлено согласно учебно-воспитательнымъ цѣлямъ. Изъ собственныхъ помѣщеній вполне удовлетворяютъ своему назначенію зданія гимназій Ставропольской и Елисаветпольской, въ особенности послѣдней; зданіе Владикавказской гимназіи хотя и отличается многими удобствами, однако крайне нуждается въ постройкѣ отдѣльнаго павильона для гимнастиче-

скихъ упражненій; совершенному же ремонту должно быть подвергнуто зданіе Тифлисской Гимназіи, какъ весьма давнишней постройки и капитально отремонтированное еще 20 лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ отъ времени и отъ бывшихъ въ послѣдніе три года землетрясеній пришедшее въ неудовлетворительное состояніе. Изъ шести наемныхъ помѣщеній только три, а именно Екатеринодарской гимназіи и Тифлисской и Кутаисской прогимназій, можно признать болѣе или менѣе удовлетворительными; остальные же страдаютъ значительно крупными неудобствами, что и заставляетъ начальства этихъ учебныхъ заведеній пріискивать средства къ постройкѣ собственныхъ зданій. Такъ, Тифлисская 2-я гимназія обратилась къ сочувствію общества, благодаря которому на собранныя путемъ пожертвованій деньги куплено за 24.000 р. мѣсто подъ постройку въ лучшей части города будущаго зданія гимназіи, и непременно съ пансіономъ, на который также уже имѣется крупное пожертвованіе въ 10.000 р., сдѣланное почетнымъ попечителемъ гимназіи М. І. Арамянцемъ; затѣмъ Эриванская гимназія, для удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей правильно организованнаго учебнаго заведенія, предполагаетъ также построить на отведенномъ городомъ мѣстѣ часть гимназическаго зданія, употребивъ на то имѣющіяся въ ея распоряженіи спеціальныя средства; что же касается Пятигорской прогимназіи, то можно надѣяться, что само городское общество г. Пятигорска придетъ на помощь существующему въ немъ уже болѣе 25 лѣтъ средне-учебному заведенію и позаботится о постройкѣ собственнаго для него зданія на мѣстѣ, отведенномъ для этой цѣли еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, ту же самую надежду слѣдуетъ высказать и по отношенію къ Екатеринодарскому городскому обществу, создавшему, въ замѣнъ закрытой войсковой, свою городскую гимназію; къ сожалѣнію, эта гимназія, кромѣ устройства домової церкви, нуждается еще въ расширеніи существующаго наемнаго помѣщенія, съ трудомъ вмѣщающаго въ себѣ наличное число (317) учащихся. Приблизительная стоимость собственныхъ помѣщеній пяти гимназій опредѣляется въ 775.000 р., а годовая плата за наемныя помѣщенія составляетъ 20.400 р.; на ремонтъ же всѣхъ зданій израсходовано 22.879 р. Какъ собственныя, такъ и наемныя зданія вообще удовлетворяютъ требованіямъ гігіены: среднее количество воздуха, приходящееся на каждаго ученика, составляетъ 18,1 кубическихъ аршинъ, что нѣсколько больше установленной Эрисманомъ нормы (18 куб. арш.); въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находится

Елисаветпольская гимназія, гдѣ имѣется 43,½ куб. арш. на 1 ученика, а въ самыхъ дурныхъ условіяхъ—Тифлисская 2-я, гдѣ приходится всего 13,½ куб. арш. на ученика; въ пансіонскихъ спальняхъ на каждого воспитанника приходится 48,½ куб. арш. воздуха. Ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было 243, и на нихъ проживало 566 учениковъ, платя за свое содержаніе отъ 8 до 100 р. въ мѣсяцъ. Всѣ квартиры посѣщаемы были классными наставниками и другими лицами 2.771 разъ. Имѣется еще общежитіе, открытое въ 1886 году при Владикавказской гимназіи для дѣтей служащихъ на Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ; въ немъ помѣщаются 23 ученика (кромя учениковъ реального училища), и для занятій въ свободное отъ учебныхъ занятій время при этомъ общежитіи устроена мастерская. Общее наблюденіе за этимъ общежитіемъ поручено директору гимназій, который и посѣщалъ его весьма часто, а для ближайшаго за нимъ надзора приглашенъ одинъ изъ преподавателей реального училища.

Въ продолженіе отчетнаго года большинство заведеній были посѣщены какъ гг. начальниками губерній и областей, такъ и мѣстными преосвященными, и кромѣ того, главнокомандующій гражданскою частію на Кавказѣ С. А. Шереметевъ и помощникъ главнокомандующаго графъ Татищевъ посѣтили обѣ Тифлисскія гимназіи, а экзархъ Грузій Палладій—I-ю Тифлискую гимназію.

Къ 1-му января 1892 года число служащихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ состояло изъ 320 лицъ, а именно: 4 почетныхъ попечителей, 10 директоровъ, 11 инспекторовъ, 170 учителей, изъ коихъ 7 сверхштатныхъ, 36 приглашенныхъ по найму и 127 штатныхъ, въ томъ числѣ: законоучителей 12, учителей языковъ—75, а именно: русскаго—16, древнихъ—40 и новыхъ—19, учителей наукъ—36, а именно: математики и физики—23 и исторіи и географіи—13; учителей чистописанія—4; преподавателей—48, въ томъ числѣ: приготовительнаго класса 14, рисованія—3, пѣнія и музыки—16, гимнастики и танцевъ—12 и ремеслъ—3; воспитателей и ихъ помощниковъ—64, помощниковъ классныхъ наставниковъ—24, врачей—11, письмоводителей и бухгалтеровъ—11 и другихъ служащихъ лицъ—7. Въ продолженіе года вышло изъ личнаго состава 28 и вновь назначено 37 лицъ, въ томъ числѣ 1 почетный попечитель, 1 директоръ, 1 инспекторъ, 5 законоучителей, 9 штатныхъ преподавателей, 1 учитель приготовительнаго класса, 6 помощниковъ воспитателей и классныхъ наставниковъ и 13 прочихъ должностныхъ лицъ. Вакантными

къ концу года остались 21 должность, въ томъ числѣ—почетныхъ попечителей при 7 заведеніяхъ, 1 законоучителя и 9 преподавательскихъ: 1 по русскому языку, 3 по древнимъ языкамъ, 4 по новымъ и 1 по математикѣ, но уроки по вакантнымъ должностямъ распределялись между наличными преподавателями и потому ущерба для учебнаго дѣла вовсе не было.

Директора, инспектора и исполняющіе обязанности послѣднихъ почти всѣ преподають языки русскій или древніе, а немногіе физику или исторію и географію, и дають въ общей сложности 212 уроковъ въ недѣлю, такъ что среднимъ числомъ на каждого директора приходится по 7,7 уроковъ, а на инспектора—по 13,6. Въ 106 классахъ, кромѣ приготовительнаго, состояло 104 классныхъ наставника, а именно: 10 директоровъ, 10 инспекторовъ и 84 преподавателя, при чемъ два преподавателя Тифлисской 2-й гимназіи завѣдывали двумя классами; они имѣють въ своихъ классахъ 575 уроковъ, изъ которыхъ большинство приходится на древніе языки—55,4% и русскій—21,4%. Преподавателей, преподающихъ два или болѣе предметовъ, было 36; чаще всего соединяются оба древніе языка—25, русскій съ латинскимъ—13, исторія съ географіей—13 и математика съ физикой—11.

Въ отчетномъ году были обнародованы правила объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныя 12-го марта 1891 года. До этого времени въ Кавказскомъ учебномъ округѣ директора и инспектора провѣряли познанія учениковъ по отдѣльнымъ предметамъ, начиная со 2-й четверти учебнаго года, являясь въ классы неожиданно и безъ предваренія о томъ учителей и учениковъ; вслѣдствіе сего, тѣ и другіе постоянно заботились о томъ, чтобы усвоиваемыя знанія учащимися были усвоены основательно и прочно. Вышеупомянутыя правила о новыхъ испытаніяхъ, полученныя только въ половинѣ апрѣля, не захватили учениковъ врасплохъ, а потому г. попечитель оставилъ въ силѣ практиковавшіяся въ Кавказскомъ учебномъ округѣ провѣрочныя испытанія и на будущее время, какъ испытанное уже средство для удостовѣренія въ правильности оцѣнки и для улучшенія успѣшности занятій въ учебныхъ заведеніяхъ.

Провѣрочныхъ испытаній или, какъ они называются въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, испытаній классныхъ комиссій, въ отчетномъ учебномъ году произведено устныхъ—1.155 и письменныхъ—617, всего 1.772; изъ постороннихъ лицъ, подвергавшихся разнаго рода испытаніямъ въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и прогимназій, удостоены искомымъ ими свидѣтельствъ 106 изъ 168, допущен-

ныхъ къ испытанію, а именно: 62 на вольно-опредѣляющихся по II-му разряду, 24 на первый классный чинъ, 6 на аптекарскаго ученика и 6 на разныя учительскія званія. Число пропущенныхъ уроковъ составляетъ 3,31% (въ 1890 году таковыхъ было 3,42%) тѣхъ уроковъ, которые слѣдовало дать во всѣ учебные дни; болѣе высокій процентъ преподавательскихъ манкировокъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ объясняется или отдѣльными случаями болѣзней ихъ самихъ, или эпидемическими заболѣваніями въ ихъ семействахъ. Педагогическіе совѣты гимназій и прогимназій имѣли за отчетный годъ 399 засѣданій; со включеніемъ же разныхъ комиссій совѣта, классныхъ и предметныхъ, засѣданій хозяйственныхъ комитетовъ и засѣданій для производствъ испытаній постороннимъ лицамъ, число это возрастаетъ до 1.635. Кромѣ текущихъ дѣлъ, совѣты были заняты вопросами о примѣненіи правилъ объ испытаніяхъ учениковъ отъ 12-го марта 1891 года; затѣмъ, изъ особенно полезныхъ частныхъ постановленій совѣтовъ можно указать на слѣдующія: совѣтъ Кутаисской прогимназіи обсуждалъ вопросъ объ устройствѣ при ней общежитія; для выработки лучшихъ методовъ преподаванія преподаватели русскаго и древняго языковъ Владикавказской гимназіи, въ присутствіи всѣхъ преподавателей языковъ, давали пробные уроки, которые потомъ разбирались въ совѣтахъ какъ со стороны метода, такъ и цѣли и содержанія его; въ Елисаветпольской и Эриванской гимназіяхъ обсуждались методы преподаванія нѣкоторыхъ преподавателей на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ предметными комиссіями. Что же касается самого преподавательскаго персонала, то, по отзывамъ начальниковъ учебныхъ заведеній, преподаватели, за исключеніемъ немногихъ, прилагали всѣ усилія, чтобы удовлетворить возложенныя на нихъ обязанности какъ по преподаванію, такъ и по воспитанію вѣранныхъ ихъ руководству питомцевъ.

Изъ служащихъ и преподающихъ заявили себя въ отчетномъ году слѣдующими трудами: окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа Л. Г. Лопатинскій редактировалъ XII выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, гдѣ и помѣстилъ составленную имъ кабардинскую грамматику съ русско-кабардинскимъ словаремъ, которая вышла также отдѣльнымъ изданіемъ. Онъ же выпустилъ V изданіемъ „Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку“ въ двухъ частяхъ. Въ Тифлисской 1-й гимназіи: инспекторъ К. Н. Шульгинъ составилъ и прочелъ рѣчь: „Очеркъ литературной дѣятельности М. Ю. Лермонтова“;

заслуженный учитель Ганъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ рядъ статей о Кавказѣ подъ заглавіемъ: „Aus dem Kaukasus“; учитель Приселковъ напечаталъ въ газетѣ *Кавказъ* статью: „О родительскомъ кружкѣ“ и въ журналѣ *Русская Школа* статью объ устройствѣ дѣтскихъ праздниковъ и народныхъ чтеній; учитель Богословскій напечаталъ вторымъ изданіемъ брошюру „Интересъ къ изученію древней русской литературы“. Въ Тифлисской 2-й гимназіи: учитель Богоявленскій составилъ систематическій каталогъ фундаментальной библіотеки Тифлисской 2-й гимназіи; учитель Словинскій редактировалъ XI выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, съ самостоятельною въ немъ работой „Описаніе промысловыхъ занятій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья“. Въ Тифлисской прогимназіи: директоръ В. А. Мартыновскій выпустилъ I и II томы книги „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“, изъ коихъ I—четвертымъ изданіемъ, а II—третьимъ, и приступилъ къ печатанію III тома той же книги; сверхштатный учитель Горяевъ приготовилъ къ печати „Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка“; учитель новыхъ иностранныхъ языковъ Крейсбергъ выпустилъ „Учебникъ нѣмецкаго языка, часть I-я“, „Le verger d'eau par Scribe“ съ примѣчаніями и словаремъ, и приступилъ къ печатанію II части „Учебника нѣмецкаго языка“; учитель Кумской приготовилъ къ печати вторую часть исторической хрестоматіи, подъ заглавіемъ: „Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ“; учитель рисованія Шамшиновъ приготовилъ къ печати „Правила перспективы“; учитель приготовительнаго класса Вересовъ напечаталъ „Образцы рисованія“, курсъ приготовительнаго класса мужскихъ гимназій. Въ Кутанской гимназіи: исправляющій должность воспитателя пансіона этой гимназіи Лабенскій производилъ ежедневно метеорологическія наблюденія, печатаемыя Тифлискою обсерваторіею. Въ Елисаветпольской гимназіи: законоучитель священникъ Смирновъ произнесъ на годичномъ актѣ гимназіи рѣчь на тему: „Воспитаніе юношества, какъ нравственная задача человѣческихъ обществъ“, и давалъ безвозмездно уроки по закону Божію въ четырехклассной школѣ заведенія св. Нины; учитель математики Самойленко заведывалъ метеорологическою станціей при гимназіи и руководилъ учениками въ производствѣ наблюденій, отсылая ежемѣсячно таблицы наблюденій въ Тифлискую физическую обсерваторію. Въ Эриванской гимназіи: инспекторъ А. В. Барсовъ напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* статью: „Живое слово“. Методика русскаго языка, курсъ

II, издана отдѣльно. Учитель Фиридунъ-бекъ Кочарлинскій перевелъ на татарскій языкъ и отпечаталъ въ отчетномъ году слѣдующія произведенія: а) „Жизнь и ученіе Сократа“ и б) „Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ“. Пушкина. Во Владикавказской гимназіи: учитель Боршевскій приготовилъ къ печати комментарий къ Сатирамъ Горация. Въ Ставропольской гимназіи: учитель Бѣлевичъ написалъ и прочелъ въ пансіонѣ гимназіи очеркъ личности о. Іоанна Кронштадтскаго; учитель Кузнецовъ написалъ и прочелъ на актѣ рѣчь „Характеристика Сократа“; учитель Котылевскій завѣдывалъ метеорологическою станціей и приучилъ къ наблюденіямъ пансіонеровъ старшихъ классовъ. Въ Пятигорской прогимназіи: директоръ Б. З. Коленко производилъ геологическія изслѣдованія въ южной части Кубанской области и въ Сухумскомъ округѣ; учителя Кляровскій и Раковъ составили и приготовили къ печати историческую записку о состояніи прогимназіи за 25-ти-лѣтнее ея существованіе.

Общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ началѣ отчетнаго года было 3.693; въ теченіе года оно возросло на 219 и было 3.924, а къ 1-му января 1892 года всѣхъ учащихся оставалось 3.912, въ томъ числѣ приходящихъ 3.368 и пансіонеровъ—544. По числу учащихся гимназіи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Тифлисская 1-я—682, Тифлисская 2-я—524, Кутаисская—493, Ставропольская—462, Владикавказская—372, Екатеринодарская—317, Эриванская—245 и Елисаветпольская—197; изъ прогимназій первое мѣсто занимаетъ Тифлисская съ 310 учениками, за нею Кутаисская—208 и Пятигорская—102. Изъ 4-хъ пансіоновъ при гимназіяхъ самый многочисленный—Ставропольскій: въ немъ 234 воспитанника въ гимназическомъ отдѣленіи и 65 въ реальномъ, а всего 299 воспитанниковъ, живущихъ въ одномъ пансіонѣ; за Ставропольскимъ слѣдуютъ пансіоны гимназій: Тифлиской 1-ой, въ которомъ 159, Кутаисской—134 и Эриванской—27. Распределеніе учащихся по національностямъ, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ мало чѣмъ измѣнилось, по сравненію съ предыдущимъ годомъ. Изъ національностей преобладаютъ русскіе—46,2%, армяне—22,7% и грузины—19,0%; по вѣроисповѣданіямъ: православное—64,7% и армяно-григоріанское—22,8%; по сословіямъ: дворянское—61,3% и городскіе—28,1%; въ числѣ пансіонеровъ преобладаютъ по національностямъ: русскіе—54,8%, грузины—22,6%, армяне—9,9%, татары—3,9% и горцы—6,4%; по сословіямъ—дворяне—82,7%, а по исповѣданіямъ—православные—76,8%.

Прошеній о приѣмѣ поступило въ отчетномъ году всего 1.408. Изъ этого числа не принято: по неявкѣ или добровольному отказу—112, по недостатку мѣста—113, по невыдержанію экзамена—319 и по другимъ причинамъ — 32, а всего—576; между прочимъ, въ однихъ только Тифлискихъ 1-й гимназіи и прогимназіи отказано въ приѣмѣ по недостатку мѣста 96 ученикамъ, то-есть, такому числу, котораго было бы достаточно для открытія еще двухъ новыхъ заведеній. Изъ 832 вновь принятыхъ больше половины—55,9%, получило подготовку домашнюю и въ частныхъ заведеніяхъ, а 17,8% составляютъ ученики, принятые по свидѣтельствамъ изъ другихъ однородныхъ заведеній; остальные же 26,8% приняты по испытанію. Изъ поступившихъ большинство попало въ приготовительные—457 и въ I классы—225, въ низшіе классы, со включеніемъ V—130 и въ три старшіе—20 человекъ. Выбыло въ теченіе года 613 учениковъ, въ числѣ коихъ было 134 окончившихъ полный гимназическій курсъ и 20 окончившихъ курсъ въ Кутаисской прогимназіи; въ двухъ же другихъ прогимназіяхъ окончившихъ курса въ отчетномъ году не было: въ Тифлиской—вслѣдствіе открытія въ ней VI класса, а въ Пятигорской—вслѣдствіе открытія V класса. Изъ 459 выбывшихъ до конца курса оставило заведенія болѣе всего по прошенію — 347, затѣмъ по неуспѣшности — 49, по невзносу платы — 25, по поведенію — 7, по болѣзни—12 и за смертью—19. Изъ 347 выбывшихъ по прошенію объ 265 извѣстно, что они имѣли намѣреніе поступить въ другія учебныя заведенія. именно 179, на службу гражданскую и военную—59 и на частную должность—27; остальные 82 не объяснили причины своего выbytія изъ учебнаго заведенія.

Успѣхи учащихся были слѣдующіе: всѣхъ учениковъ къ концу учебнаго года было 3.664; изъ этого числа удостоено аттестатовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи курса, а также переведено въ слѣдующіе классы 2.206, оставлено на 2-й годъ въ классахъ 770, и назначенъ экзаменъ послѣ каникулъ 688 ученикамъ, изъ коихъ выдержали переекзаменовку 473. Такимъ образомъ, всѣхъ успѣвающихъ было 2.679 или 73,7% общаго числа учащихся. Самые лучшіе успѣхи показали учащіеся въ гимназіяхъ 1-й и 2-й Тифлискихъ — по 77,9% и самые слабые—въ Тифлиской прогимназіи—62,8%; успѣшность въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ приближается болѣе или менѣе къ средней цифрѣ. По главнымъ предметамъ успѣшность выражается слѣдующими цифрами: по греческому языку—83,1%, по русскому 82,2%, по математикѣ—81,3% и, наконецъ, по латин-

скому языку—80,8%. Успѣхи пансіонеровъ въ отчетномъ году вообще были нѣсколько выше успѣховъ приходящихъ—75,2% и 72,5%; но слѣдуетъ замѣтить, что, въ то время какъ въ Тифлисской 1-й гимназіи замѣчается между успѣхами пансіонеровъ и приходящими рѣзкое различіе къ выгодѣ пансіонеровъ—91,6 и 73,7%, въ Кутаисской обнаружилось обратное явленіе: приходящіе занимались лучше пансіонеровъ, а именно—на 67,2% успѣвающихъ пансіонеровъ приходилось 71,2% приходящихъ, что объясняется плохой подготовкой воспитанниковъ, поступающихъ въ Кутаисскій пансіонъ на казенныя вакансіи. Результаты испытаній зрѣлости представляются такъ: въ VIII классахъ всѣхъ 8 гимназій къ концу учебнаго года числилось 164 ученика, изъ коихъ допущено къ испытаніямъ 150; изъ нихъ удостоено аттестата 134, и въ томъ числѣ 10 учениковъ награждены медалями: золотою—5 и серебряною—5. Изъ постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытанію вмѣстѣ съ учениками Эриванской и Владикавказской гимназій, оба удостоены искомаго свидѣтельства. Признанные зрѣлыми, со включеніемъ и постороннихъ лицъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по возрасту: отъ 17 до 21—66,2 и отъ 21 года и болѣе—33,6%; б) по національностямъ: русскихъ 72, грузинъ 22, армянъ 17, татаръ 4, горцевъ 5, евреевъ 2 и другихъ національностей 12; в) по роду избираемыхъ занятій: желавшихъ поступить въ университетъ было 115 или 84,6%, и въ томъ числѣ на факультеты: филологическій—8, юридическій—32, медицинскій—39, математическій—34, восточный—2; затѣмъ, въ спеціальныя заведенія—18, въ томъ числѣ: въ сельско-хозяйственное училище—1, въ институты путей сообщенія—5 и технологическій—2, въ военныя училища—7 и другія заведенія—3, а остальные 3 на военную службу. Въ средѣ 152. допущенныхъ къ испытаніямъ, 16 не выдержало ихъ въ большинствѣ по русскому языку—11; изъ нихъ 9 остались на 2-й годъ и 7 выбыли совсѣмъ изъ заведеній.

Необязательные предметы изучало слѣдующее число учениковъ: а) *Языки*: изъ 2.561 ученика въ классахъ, гдѣ преподаются языки, имъ обучалось: обоимъ новымъ—460, одному французскому—1.567 и одному нѣмецкому—втрое менѣе, чѣмъ французскому. именно, 534; равно замѣчается большое несоотвѣтствіе между различными учебными заведеніями въ числѣ изучающихъ оба языка; такъ, въ Ставропольской гимназіи ихъ изучаетъ только 1,5%. въ Пятигорской прогимназіи число изучающихъ составляетъ 87,0% всѣхъ учениковъ. Закавказскіе туземные языки преподаются въ приготовительномъ и

младшихъ 4-хъ классахъ; но не всѣ ученики, принадлежащіе къ известной національности, изучаютъ свои родныя нарѣчія: изъ грузинъ изучаютъ свой языкъ 89,2%, изъ армянъ—87,9%, а изъ татаръ—95,8%; за то обучаются этимъ языкамъ ученики другихъ національностей, а именно: грузинскому—18, армянскому—11, татарскому—30 учениковъ. б) *Гимнастика*: ею занимаются, за исключеніемъ освобождаемыхъ гимназическимъ врачомъ (5,2%), всѣ ученики гимназій и прогимназій. О гимнастикѣ можно сказать, что въ настоящее время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа она поставлена на прочную почву; въ особенности же выдѣляются блестящими результатами занятій гимнастикой обѣ Тифлискія гимназіи и прогимназія. Нѣкоторые заведенія удачно примѣнили къ дѣтскимъ гимнастическимъ упражненіямъ общественныя дѣтскія игры, какъ мячъ, кегли, городки, прыганіе черезъ веревку, а также ввели съ этою цѣлью приборы для такъ называемыхъ англійскихъ игръ. Военныя прогулки устраивали всѣ заведенія. Тифлисская 1-я гимназія совершила такихъ прогулокъ двѣ—весеннюю и осеннюю въ ближайшія окрестности города; Тифлисская 2-я гимназія совершила поѣздку въ городъ Гори, отстоящій отъ Тифлиса въ 70 верстахъ, и оттуда въ Уплисхиче, въ находящіеся по близости съ Гори пещерныя жилища доисторическаго человѣка. в) *Пѣніемъ* занимается 56% всѣхъ учащихся. Въ гимназіяхъ Владикавказской и Екатеринодарской и Кутаисской прогимназіи пѣніе входитъ въ кругъ общаго обученія, а въ другихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ общее пѣніе введено только для учениковъ младшихъ классовъ. Кромѣ того, во всѣхъ заведеніяхъ ученики, обладающіе хорошимъ голосомъ и слухомъ, обучаются свѣтскому пѣнію, а при заведеніяхъ, имѣющихъ домовныя церкви, существуютъ церковныя хоры. Ученическіе оркестры имѣются по всѣмъ 11 заведеніямъ, и въ нѣкоторыхъ даже существуютъ по два оркестра—одинъ струнный, другой духовой. г) *Рисованію* обучалось 50,5% или 1.974 ученика; этимъ искусствомъ занимаются и многіе ученики старшихъ классовъ, какъ предметомъ необязательнымъ. Наконецъ, д) *ремесла*: обучаются имъ почти исключительно пансіонеры; въ пансіонахъ же введено обученіе *танцамъ*. а въ нѣкоторыхъ и *фехтованію*. Кромѣ того, въ Кутаисской, Ставропольской и Елисаветпольской гимназіяхъ производились учениками метеорологическія наблюденія подъ руководствомъ своихъ учителей.

Поведеніе учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ отчетномъ году слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ, не смотря

даже на то, что 7 учащихся (въ томъ числѣ 1 пансіонеръ) подверглись высшей мѣрѣ наказанія—исключенію, при чемъ двое изъ нихъ рѣдкимъ случаямъ исключенія, безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія. Прочіе проступки были такого свойства, что ни число ихъ, ни характеръ не вызвали со стороны начальствъ заведеній и педагогическихъ совѣтовъ особу мѣръ, такъ какъ громадное большинство проступковъ сводилось къ обычнымъ дѣтскимъ шалостямъ и рѣдко—къ отступленіямъ отъ требованій внѣшней дисциплины, къ тому же, большая часть ихъ совершена во внѣурочное время. Такъ, за разные проступки подвергнуто въ теченіе года болѣе серьезнымъ взысканіямъ, именно, аресту свыше двухъ часовъ—337 и выговору педагогическаго совѣта—31. Изъ общаго числа учащихся имѣли отмѣтку за поведеніе въ концѣ года 5—82,9%, 4—14,7%, а остальные 2,4% имѣли отмѣтку меньше 4. Поведеніе пансіонеровъ было на столько же удовлетворительно, какъ и учениковъ приходящихъ, а проступки ихъ были однородны по характеру съ проступками послѣднихъ; наказаніямъ въ теченіе года подверглось: 175 воспитанниковъ—лишенію отпуска, 7—выговору совѣта и 6 исключенію изъ пансіона, но съ правомъ посѣщать гимназію. Отмѣтку за поведеніе воспитанники имѣли: 5—78,1, 4—17,6, менѣе 4—4,3%.

Всѣхъ заболѣваній въ 11 заведеніяхъ въ отчетномъ году было 9.437—на 100 человекъ 241, и самое большое число ихъ приходится на перемежающія лихорадки и разныя простудныя болѣзни—42,7%. Смертныхъ случаевъ было 19, въ томъ числѣ 1 въ пансіонѣ. Правильныя изслѣдованія здоровья учащихся дѣлались во всѣхъ почти заведеніяхъ, а на здоровье пансіонеровъ обращалось особенное вниманіе, для чего принимались всевозможныя санитарныя мѣры; между прочимъ, начальство Тифлисской 1-ой гимназіи нанимаетъ для не уѣзжающихъ въ отпускъ воспитанниковъ дачное помѣщеніе въ урочищѣ Манглистѣ, находящемся въ 60 верстахъ отъ Тифлиса.

Всѣхъ реальныхъ училищъ въ округѣ находится 8; въ нихъ, считая и реальное отдѣленіе Ставропольской гимназіи, къ 1-му января 1892 года было 77 классовъ, именно: 48—основныхъ, 8 — высшихъ дополнительныхъ, коя въ семи училищахъ общіе, а въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ — механико-техническій, 10 приготовительныхъ и 11 параллельныхъ отдѣленій при основныхъ классахъ. Въ отчетномъ году открыты: параллель ко II-му классу въ Бакинскомъ и второе отдѣленіе приготовительнаго класса въ Кубанскомъ училищахъ; послѣднее открыто по постановленію военнаго совѣта, для подготовленія

дѣтей офицеровъ, чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ кубанскаго войскаго сословія къ поступленію въ кадетскіе корпуса и Кубанское реальное училище. Другихъ перемѣнъ въ составѣ классовъ не было. Самое многоклассное изъ училищъ—Бакинское: въ немъ 8 нормальныхъ классовъ и 6 параллелей, итого 14.

Новыя таблицы числа уроковъ и учебные планы введены съ начала 1891—1892 учебнаго года, въ полномъ объемѣ въ пяти низшихъ основныхъ классахъ реальныхъ училищъ; къ VI-же и дополнительному классамъ было примѣнено предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 10-го августа 1890 года, за № 12710, съ приложенной къ нему таблицей. Въ дополнительномъ классѣ Ставропольскаго училища, вмѣсто нѣмецкаго языка, преподавался французскій, такъ какъ ученики этого класса въ теченіе всего курса изучали одинъ французскій языкъ, а въ приготовительномъ, I и II классахъ Темиръ-Ханъ-Шуринаго училища дѣти-иноувѣрцы освобождены отъ церковнославянскаго языка, вмѣсто котораго занимаются исполненіемъ письменныхъ работъ по русскому языку.

За все время своего существованія, то-есть, съ 1874 года (когда разомъ было открыто съ 1-го января два реальныхъ училища—Бакинское и Владикавказское, и съ сентября того же года преобразовано было въ таковое же и третье—Тифлиское; остальные 5 возникли: въ 1880—Темиръ-Ханъ-Шуринаго, Ейское и Кубанское и въ 1881 году—Шушинское и Ставропольское) училища произвели 90 выпусковъ шести классовъ, при чемъ удостоенныхъ аттестата объ окончаніи курса было 1.540, въ томъ числѣ въ отчетномъ году 129 человекъ, а дополнительные классы за то же время имѣли слѣдующее число выпусковъ: общія отдѣленія—73, механико-и химико-техническія по 10, а всего—93 выпуска, съ 1.148 окончившими курсъ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году 95 было окончившихъ.

Библіотеки 7 реальныхъ училищъ (Ставропольское не имѣетъ отдѣльной библіотеки, а пользуется гимназическою) состоятъ изъ: а) фундаментальныхъ, имѣющихся во всѣхъ училищахъ, б), ученическихъ, каковой не имѣетъ одно Кубанское училище, и в) трехъ пансіонскихъ, при училищахъ Бакинскомъ, Владикавказскомъ и Кубанскомъ. Къ 1-му января 1892 года всѣ библіотеки заключали въ себѣ 18.138 названій, въ 39.838 томахъ, на сумму 70.421 р., при чемъ за годъ было произведено пополненій на 3.941 р. Изъ трехъ родовъ учебныхъ кабинетовъ не имѣетъ физическаго только одно Ставропольское

училище; остальные 7 физических кабинетов состояли изъ 3.553 приборовъ, стоимостью въ 59.692 р.; 8 химическихъ лабораторій или кабинетовъ заключали въ себѣ 6.554 предмета, на сумму 18.468 р., и 8 естественно-историческихъ кабинетовъ имѣли 6.847 нумеровъ, на сумму 10.111 р. Прочихъ учебныхъ пособій, не входящихъ въ составъ библиотекъ и кабинетовъ, было по училищамъ, кромѣ Ставропольскаго, 8.415 экземпляровъ, стоимостью въ 34.210 р. Новыхъ пополненій въ теченіе года было сдѣлано на сумму 3.532 р. и приобретено 644 предмета. Такимъ образомъ, общая стоимость всѣхъ библиотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій составляетъ 192.902 р., больше сравнительно съ началомъ года на 3,5%. На приобретение разныхъ учебныхъ пособій больше всего израсходовали въ отчетномъ году училища Темиръ-Ханъ-Шуринское (760 р.), Владикавказское (648 р.) и Бакинское (624 р.). Почти всѣми реальными училищами въ отчетномъ году были допущены, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, нѣкоторыя перемены въ учебникахъ.

На содержаніе 7 реальныхъ училищъ (кромѣ Ставропольскаго) въ отчетномъ году поступило 370.360 р.; кромѣ того, остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ по училищамъ было 67.295 р., и того заведенія въ своемъ распоряженіи имѣли 437.655 р. Текуція поступления составились изъ ассигнованій: государственнаго казначейства — 61,0% (199.679 р. на содержаніе училищъ и 26.373 р. на прибавочное жалованье), казачьихъ войскъ — 16,1% (47.200 р. на содержаніе Кубанскаго училища и 12.325 р. — на стипендіатовъ во Владикавказскомъ училищѣ), городскихъ обществъ — 6,0% (Ейское училище — 11.130 р., Шушинское — 7.500 р., Бакинское — 3.000 р., Кубанское — 500 р.) изъ земскихъ сборовъ — 0,2% (900 р. на подготовительный классъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища); въ составъ остальныхъ поступленій вошли: сборъ за ученіе — 10,8%, плата за частныхъ воспитанниковъ — 5,1%, взносъ одного почетнаго попечителя — 0,2%, проценты съ капиталовъ — 0,2%, пожертвованія — 0,2% и другія поступления (въ размѣрѣ 80 р. въ Шушинскомъ училищѣ). На содержаніе 7 реальныхъ училищъ израсходовано въ 1891 году 356.636 р. (изъ штатныхъ суммъ — 304.631 р. и изъ специальныхъ средствъ — 52.002 р.), а именно: на содержаніе личнаго состава, включая прибавочное жалованье и содержаніе параллельныхъ отдѣленій — 64,4%, на содержаніе воспитанниковъ пансіоновъ — 19,2%, на наемъ помѣщеній, ремонтъ ихъ и хозяйственные расходы — 9,6%, учебныя пособия — 2,1% и остальные расходы, въ томъ числѣ пособия учащимся и служащимъ,

отчисленія въ министерство и округъ—4,7%. Средняя стоимость обученія равнялась 120 р. (отъ 89 р. въ Бакинскомъ до 167 р. въ Ейскомъ училищѣ), а содержаніе пансіонера—229 р. (отъ 193 въ Владикавказскомъ до 273 р. въ Бакинскомъ училищѣ).

Въ теченіе года нѣкоторые реальныя училища были посѣщаемы мѣстными начальниками областей, губернаторами и архіереями, а Темиръ-Ханъ-Шуринское училище въ сентябрѣ мѣсяцѣ посѣтилъ г. главноначальствующій гражданскою частію на Кавказѣ. Кромѣ того, всѣ реальныя училища были осматриваемы г. попечителемъ лично, равно и окружными инспекторами, а посѣщеній учениковъ, проживающихъ на ученическихъ квартирахъ, классными наставниками и другими лицами было 822.

Къ 1-му января 1892 года въ реальныхъ училищахъ было 190 служащихъ, а именно: 3 почетные попечителя, 7 директоровъ, 7 инспекторовъ, 7 штатныхъ законоучителей, 50 штатныхъ учителей языковъ и наукъ, а именно: русскаго языка—10, новыхъ языковъ—13, въ томъ числѣ 2 учительницы французскаго языка, математики—12, естественной исторіи и физики—8 и исторіи и географіи—7; 8 учителей рисованія, 10 учителей приготовительныхъ классовъ, 7 сверхштатныхъ преподавателей, 20 приглашенныхъ по найму законоучителей и учителей, 23 преподавателя музыки, гимнастики и ремеслъ, 7 воспитателей пансіонеровъ, 4 помощника воспитателей и 16 помощниковъ классныхъ наставниковъ, 8 врачей, 6 писмоводителей и 7 прочихъ служащихъ. Въ продолженіе отчетнаго года вышло изъ личнаго состава 20 лицъ, и вновь назначено 21 лицо: 1 исполняющій обязанности инспектора, 11 учителей и 9 другихъ должностныхъ лицъ.

Директора и инспектора реальныхъ училищъ давали въ концѣ отчетнаго года всего 168 уроковъ, по большей части математики. физики и естественныхъ наукъ, при чемъ на каждого директора приходилось, среднимъ числомъ, по 8,4, а на инспектора — по 13,6 уроковъ въ недѣлю. Въ 67 классахъ училищъ (не считая приготовительныхъ) состояли классными наставниками, кромѣ директоровъ и инспекторовъ, еще 51 преподаватель, изъ коихъ двумя классами завѣдывать одинъ учитель Ставропольскаго училища; значительное число уроковъ, даваемыхъ классными наставниками, относилось къ математическимъ и естественнымъ наукамъ — 55,3%. Изъ общаго числа 309 уроковъ, на каждого изъ 66 преподавателей, среднимъ числомъ, приходилось 4,7: преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ соединялось въ рукахъ 43 преподавателей.

Классныхъ испытаній въ 1890—1891 учебномъ году произведено въ реальныхъ училищахъ 1.662, въ томъ числѣ 1.066 устныхъ и 596 письменныхъ; сравнительно съ оцѣнкою преподавателей, получили на испытаніяхъ отіѣтки: одинаковыя — 73,9%, высшія — 14,1% и низшія — 12,0% всѣхъ спрошенныхъ учениковъ. Постороннихъ лицъ, подвергнутыхъ въ педагогическихъ совѣтахъ разнаго рода испытаніямъ, было 96; изъ нихъ удостоены искомымъ свидѣтельствомъ 57 или 59,4%, въ томъ числѣ: 41 изъ 72 (57%)—на льготы по воинской повинности, 10 изъ 14 (71%) — на право производства въ чинъ, 1 (100%)—на званіе аптекарскаго ученика и 5 изъ 9 (56%) — на учительскія званія.

Преподавателями реальныхъ училищъ пропущено въ отчетномъ году 3.036 уроковъ изъ числа 72.653, которые слѣдовало дать, или 4,18%, главнымъ образомъ, по причинѣ болѣзни (78,8%), но большая часть пропущенныхъ уроковъ употреблена на полезныя для учащихся занятія.

Педагогическіе совѣты 7 реальныхъ училищъ (кромѣ Ставропольскаго) имѣли въ отчетномъ году засѣданій: общихъ—149, классныхъ комиссій—162, предметныхъ—19, хозяйственныхъ комитетовъ—102, для испытаній постороннихъ лицъ—34, а всего 466 засѣданій. Педагогическіе совѣты и ихъ отдѣленія обсуждали вопросы, возникавшіе вслѣдствіе примѣненія новыхъ учебныхъ плановъ, и занимались рѣшеніемъ всѣхъ относящихся къ ихъ вѣдѣнію текущихъ дѣлъ. Между послѣдними главное мѣсто принадлежало заботамъ объ улучшеніи успѣховъ и поведенія учащихся и вообще о мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ заведеніяхъ.

Состоящія при 6 училищахъ (кромѣ Кубанскаго и Ставропольскаго) ссудо-сберегательныя кассы насчитываютъ у себя 209 членовъ, а сбереженій отъ прежнихъ лѣтъ 68.723 р.; вновь поступленій въ отчетномъ году было 25.476 р., обратно выдано 24.109 руб.; къ 1-му января 1892 года вся сумма сбереженій состояла изъ 70.090 р., изъ коихъ наибольшая часть принадлежитъ кассѣ Бакинскаго училища—25.066 р., наименьшая—Ейскому—1.301 р.

Нѣкоторые изъ служащихъ въ реальныхъ училищахъ заявили себя въ отчетномъ году слѣдующими отдѣльными трудами: заслуженный учитель Тифлискаго училища Левицкій прочелъ на годичномъ актѣ рѣчь: „Общественное и литературное значеніе Лермонтова“. Директоръ Бакинскаго училища Г. С. Каменскій на актѣ прочелъ отчетъ о состояніи реального училища за 1890 годъ и рѣчь о необ-

ходимости болѣе энергическаго содѣйствія общества и городского самоуправления наилучшему устройству учебнаго заведенія, а учитель того же училища Падоринъ, въ теченіе лѣтнихъ каникулъ, предпринималъ экскурсію въ Дагестанъ съ цѣлью ознакомленія съ существующими тамъ нарѣчіями; результаты его наблюденій представлены въ управление округа. Учитель Шушинскаго реальнаго училища Воеводскій завѣдывалъ метеорологическою станціей при училищѣ. Законоучитель Владикавказскаго училища І. Мамацевъ напечаталъ въ журналѣ *Духовный вѣстникъ Грузинскаго экзархата* слово, произнесенное имъ 21-го ноября въ кафедральномъ соборѣ; учителя того же училища Долбежавъ производилъ археологическія розысканія въ Терской области, а Мельниковъ-Разведенковъ приготовилъ къ печати сочиненіе „Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ“. Учителя Темиръ-Ханъ-Шурина реальнаго училища — Пламеневскій прочелъ въ пользу общества вспомошествованія учащимся публичныя лекціи: „Климатъ и погода“ и „Законы случайности“, завѣдывалъ метеорологическою станціей, руководилъ учениковъ въ производствѣ наблюденій и составилъ метеорологическія таблицы для г. Темиръ-Ханъ-Шуры за 1891 годъ и за одиннадцать лѣтъ 1881—1891 гг., а Козубскій прочелъ въ пользу того же общества три лекціи „Объ исторіи Дагестана“ и въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая одну лекцію „О неурожайныхъ и голодныхъ годахъ въ исторіи Россіи“. Учитель Ейскаго реальнаго училища Лашинскій руководилъ метеорологическими наблюденіями учениковъ училища въ 1891 году.

Въ началѣ отчетнаго года въ реальныхъ училищахъ было 2.237 учениковъ, въ томъ числѣ 439 пансіонеровъ; въ теченіе года число это увеличилось на 82, или на 3.4%, въ томъ числѣ 31 пансіонеръ; къ 1-му января 1892 года состояло 2.319 учениковъ, изъ коихъ было: приходящихъ—1.849 и пансіонеровъ — 470. По числу учащихся училища слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Бакинское—542, Тифлисское—362, Владикавказское—340, Темиръ-Ханъ-Шурина—282, Шушинское—275, Кубанское — 224, Ейское — 171 и Ставропольское—123. Изъ пяти пансіоновъ реальныхъ училищъ (считая и Ставропольскій) самый многолюдный Владикавказскій, въ коемъ 158 воспитанниковъ, затѣмъ Темиръ-Ханъ-Шурина—91, Бакинскомъ—81, Кубанскомъ—75 и Ставропольскомъ—65. Особенно значительно увеличилось, противъ предыдущаго года число войсковыхъ пансіоне-

ровъ въ Кубанскомъ училищѣ, вслѣдствіе открытія при этомъ училищѣ втораго отдѣленія приготовительнаго класса.

Относительно распредѣленія учащихся по національностямъ, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: а) по національностямъ: преобладающую группу составляютъ русскіе — 52,4%; больше двухъ третей учащихся они составляютъ въ Ейскомъ—89,6% и Кубанскомъ—84,8% училищахъ; больше половины, но меньше двухъ третей всего числа учащихся въ училищахъ: Ставропольскомъ — 70,7%, Владикавказскомъ — 61,2% и Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ — 56,0%; въ Тифлисскомъ и Бакинскомъ училищахъ немного меньше половины—45,3% и 44,7%, а въ Шушинскомъ русскіе представляютъ случайный элементъ — 4,4%; грузинъ имѣется въ 5 училищахъ и больше всего въ Тифлисскомъ училищѣ—9,9%, въ остальныхъ 4 училищахъ они составляютъ отъ 2,2% до 0,8%; армяне находятся во всѣхъ 8 училищахъ и составляютъ преобладающую группу въ Шушинскомъ—81,1% и значительныя группы въ училищахъ Бакинскомъ — 33,4% и Тифлисскомъ — 29,3%, въ остальныхъ пяти они составляютъ отъ 8,9% до 4,1%; татары имѣются въ 5 училищахъ, и довольно большія группы ихъ въ Шушинскомъ—13,8% и Бакинскомъ—11,4%, въ остальныхъ трехъ ихъ отъ 2,7 до 0,3%; горцевъ значительныя группы находятся въ училищахъ Владикавказскомъ — 23,6%, въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—22,7% и Ставропольскомъ — 21,2%, въ остальныхъ двухъ — 2,4 и 0,9%; евреевъ нѣтъ вовсе только въ Шушинскомъ училищѣ, изъ прочихъ училищъ больше всего ихъ въ Кубанскомъ — 6,2% и Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ — 3,2%, въ остальныхъ отъ 2,9 до 0,6%; иностранцевъ самый большой процентъ имѣется въ Тифлисскомъ — 12,2%, наименьшій въ Шушинскомъ — 0,7%, въ прочихъ отъ 6,4 до 1,6%. б) По вѣроисповѣданіямъ: во всѣхъ же училищахъ православныхъ — 56,7%, затѣмъ армяно-григоріанъ — 24,6%, мусульманъ — 10,9% и прочихъ вѣроисповѣданій — 8,8%. в) Между сословіями преобладающая группа—дѣти дворянъ и чиновниковъ—48,6%, которыя составляютъ меньше половины учащихся въ училищахъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—45,0% Шушинскомъ—38,9% и Ейскомъ—16,3%; затѣмъ слѣдуютъ дѣти лицъ различныхъ городскихъ сословій—34,5%, которыя составляютъ довольно значительныя группы во всѣхъ реальныхъ училищахъ и особенно въ Ейскомъ—73,7%, Шушинскомъ — 47,3% и Бакинскомъ — 41,6%; крестьяне преобладаютъ въ училищѣ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—12,8%, въ прочихъ

они составляютъ отъ 9,4°/о до 0,6°/о, какъ въ Ейскомъ; дѣтей нижнихъ чиновъ болѣе всего въ училищахъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—16,0°/о и Владикавказскомъ—12,3°/о, въ прочихъ ихъ—отъ 9,6°/о до 1,6°/о; наименьшій процентъ общаго числа учащихся составляютъ двѣ остальные категоріи, именно: духовнаго сословія—1,3°/о и иностраннаго—2,0°/о, изъ коихъ перваго болѣе всего въ Шуминскомъ училищѣ—3,6°/о, а послѣдняго въ Тифлисскомъ—6,4°/о. Между воспитанниками пансіоновъ преобладающее число въ отчетномъ году составляли, какъ и прежде: изъ сословій—дворяне—73,2°/о, изъ вѣроисповѣданій—православные—64,1°/о и мусульмане—30,0°/о и изъ національностей—русскіе—55,6°/о и горцы—33,0°/о. Всѣ же 75 пансіонеровъ Кубанскаго училища суть русскіе, православные и дворяне.

Изъ числа 910, подававшихъ въ 1891 году прошенія о приѣмѣ въ реальныя училища, не были приняты 384 или 42,2°/о, въ томъ числѣ: 246—по невыдержаніи экзамена, 57—по недостатку мѣста и 81—по разнымъ другимъ причинамъ. Принято 526 новыхъ учениковъ, или 57,8°/о, изъ числа которыхъ большинство поступило въ приготовительныя (58,0°/о) и I классы (24,1°/о всѣхъ принятыхъ); изъ принятыхъ поступили: безъ испытаній—72 и послѣ испытаній—454; въ числѣ послѣднихъ было 72 изъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ училищъ и 413 попавшихъ по домашней подготовкѣ.

Въ теченіе отчетнаго года вышло изъ реальныхъ училищъ 444 ученика, въ томъ числѣ: за окончаніемъ курса VI класса—9, VII—95 и до окончанія курса—340. Относительно общаго числа учащихся выбывшіе по случаю окончанія курса составляютъ 4,3°/о, а не окончившіе курса—14,6°/о (въ 1889 году—22°/о, въ 1890—17,3°/о), и таковыхъ больше всего вышло изъ классовъ V (18,8°/о) и III (17,9°/о). Въ числѣ выбывшихъ было уволенныхъ: за неуспѣшность—55, за дурное поведеніе—3, за невзносъ платы—11, по прошеніямъ—252; изъ 19 остальныхъ учениковъ 11 оставили училища по болѣзни и 8 умерли.

Изъ числа 2.145 учениковъ, бывшихъ въ реальныхъ училищахъ въ концѣ отчетнаго учебнаго года, на основаніи годичныхъ занятій, классныхъ испытаній и выпускныхъ экзаменовъ, безусловно переведены въ слѣдующіе классы, считая и удовлетворительно окончившихъ курсъ—1.203 ученика (56,1°/о), 437 (20,4°/о) оставлены въ тѣхъ же классахъ, и 505 (23,5°/о) назначена переекзаменовка послѣ каникулъ, которую выдержали 342 (67,7°/о). Такимъ образомъ, всѣхъ успѣвшихъ было 1.545 или 72,0°/о (въ 1889 году—64,2°/о, въ 1890—

69,4%). Число успѣвшихъ учениковъ въ приготовительныхъ классахъ, вообще, было равно 78,8%, въ четырехъ младшихъ—67,4%, въ трехъ старшихъ—78,0%. Успѣхи по главнымъ предметамъ выражаются слѣдующими цифрами: русскій языкъ—успѣвшихъ 79,1%, нѣмецкій языкъ—78,4%, математика—77,0%, рисованіе—92,0%. Успѣшность пансіонеровъ была во всѣхъ безъ исключенія реальныхъ училищахъ выше, чѣмъ успѣшность приходящихъ учениковъ: общій для всѣхъ училищъ процентъ успѣшности—пансіонеровъ 76,1%, приходящихъ—72,0%; сравнительно съ предыдущимъ годомъ, успѣшность пансіонеровъ повысилась, а приходящихъ осталась почти безъ измѣненія. За неуспѣшность въ ученіи уволено въ отчетномъ году изъ всѣхъ реальныхъ училищъ 55 учениковъ и больше всего изъ приготовительныхъ и I классовъ. Большинство уволенныхъ не успѣвало по математикѣ—65% и русскому языку—64%; изъ числа всѣхъ уволенныхъ оказали неудовлетворительные успѣхи: по одному предмету—12, по двумъ—19, по тремъ—10 и болѣе, чѣмъ по тремъ—114.

Окончательныя испытанія для учениковъ VI и дополнительныя для учениковъ VII классовъ были производимы въ отчетномъ году на точномъ основаніи установленныхъ правилъ во всѣхъ реальныхъ училищахъ округа, при чемъ въ Ейскомъ училищѣ былъ въ этомъ году первый выпускъ окончившихъ курсъ VII класса; въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ училищѣ испытанія производились по механико-техническому, а въ остальныхъ училищахъ—по общему отдѣленію дополнительнаго класса. Изъ 101 ученика VII классовъ допущены къ окончательнымъ испытаніямъ 99 и выдержали 95. Постороннихъ лицъ было допущено къ испытаніямъ изъ курса дополнительнаго класса 5 (въ Бакинскомъ училищѣ) и выдержали ихъ 4. Изъ 99 лицъ, получившихъ свидѣтельства, 96 заявили желаніе поступать въ слѣдующія высшія учебныя заведенія: въ военныя—32, въ институты: технологическій—27 и горный—7, въ академіи: лѣснукъ—5 и земледѣльческую—1, въ строительное училище—5 и въ другія учебныя заведенія—19; остальные 3 пожелали поступить на службу.

Изъ 173 учениковъ VI классовъ допущены къ испытаніямъ 152 и выдержало ихъ 129. Постороннихъ экзаменовалось вмѣстѣ съ учениками VI классовъ 13, и изъ нихъ выдержали испытаніе 9, итого 138, удостоенныхъ аттестата. Изъ этого числа заявили желаніе продолжать ученіе въ высшемъ дополнительномъ классѣ: въ общемъ отдѣленіи—116 и въ механико-техническомъ отдѣленіи Т.-Х.-Шуринаго училища—11; остальные 11 пожелали поступить:

въ военныя училища—3, въ другія учебныя заведенія—5, на военную службу—1 и на частную дѣятельность—2.

Изъ необязательныхъ предметовъ изучались: 4 языка—нѣмецкій и три изъ мѣстныхъ: грузинскій, армянскій и татарскій, гимнастика, музыка, пѣніе и нѣкоторыя ремесла. Нѣмецкій языкъ со второй половины отчетнаго года оставался обязательнымъ только для учениковъ VI и VII классовъ, въ училищахъ же Тифлискомъ и Шушинскомъ онъ сдѣланъ обязательнымъ и въ V классѣ; грузинскій преподается только въ одномъ Тифлискомъ училищѣ, гдѣ ему учились всѣ находящіеся въ IV низшихъ классахъ ученики-грузины (27); въ тѣхъ же классахъ изучаются армянскій въ трехъ училищахъ: въ Тифлискомъ—всѣмъ числомъ армянъ—83 (100%), въ Бакинскомъ—114 изъ 119 и въ Шушинскомъ—117 изъ 184, и татарскій въ двухъ училищахъ—Бакинскомъ—всѣмъ 55 татарамъ (100%) и въ Шушинскомъ—20 изъ 34. Отъ занятій гимнастикою было освобождено въ отчетномъ году, по физическимъ недостаткамъ, 27% всего числа учениковъ реальныхъ училищъ. Музыкой и пѣніемъ по всѣмъ 8 училищамъ занималось: первой—386 учениковъ, а вторымъ—1.236. Ремеслами занимаются 122 воспитанника пансіоновъ Бакинскаго (48). Владикавказскаго—(36) и Кубанскаго—(38) и кромѣ того приходящіе ученики Ейскаго училища. Танцамъ обучаются пансіонеры училищъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго—(51) и Ставропольскаго—(40), всего 91. Фехтованіемъ занимаются иногда воспитанники Темиръ-Ханъ-Шуринскаго (26), а въ маршировкѣ упражняются во всѣхъ пяти пансіонахъ 438 пансіонеровъ. Сверхъ того, садоводствомъ занимались ученики Владикавказскаго училища, а метеорологическія наблюденія производились учениками 4 училищъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Шушинскаго, Кубанскаго и Ейскаго.

Учащіеся въ реальныхъ училищахъ за свое поведеніе имѣли въ концѣ отчетнаго года отѣтки: 5—82,3%, 4—16,0%, 3—1,7% и 2—1 ученикъ. Все число учениковъ, подвергавшихся въ теченіе года болѣе или менѣе строгимъ взысканіямъ, составляло 7,1% общаго числа учащихся, въ томъ числѣ: за дурное поведеніе уволены были изъ училищъ, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія, 3 ученика младшихъ классовъ; выговоръ отъ педагогическаго совѣта былъ сдѣланъ 4 ученикамъ, и 157 учениковъ наказаны арестомъ на время свыше 2 часовъ. Поведеніе воспитанниковъ пансіоновъ было очень хорошее: случаевъ увольненія пансіонеровъ изъ заведеній или только изъ пансіона вовсе не было; другимъ же болѣе строгимъ взысканіямъ

было подвергнуто всего 49 пансіонеровъ, въ томъ числѣ аресту свыше двухъ часовъ—26. лишенію отпуска—22 и выговору совѣту—1. Отѣтку 5 за поведеніе имѣли 89,6%, а 4—8,6% всего числа пансіонеровъ. Учениками реальныхъ училищъ пропущено въ теченіе отчетнаго года 88.705 уроковъ, что составляетъ по 38,3 урока на 1 ученика; число уроковъ, пропущенныхъ пансіонерами, составляло въ среднемъ 29,3 на одного воспитанника.

Во всѣхъ училищахъ отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній учащихся въ отчетномъ году было 3.492, то-есть, 151 случай на 100 учениковъ; изъ заразныхъ болѣзней были: скарлатина—8 случаевъ, корь—6, дифтеритъ—6, оспа—19, тифъ—9; смертныхъ случаевъ было 8, изъ коихъ ни одного не было среди воспитанниковъ пансіоновъ. Врачами реальныхъ училищъ производились изслѣдованія состоянія здоровья, а также наблюденія надъ ростомъ, вѣсомъ тѣла, емкостью легкихъ и зрѣніемъ учащихся.

Въ округѣ существуютъ 9 женскихъ гимназій и 7 прогимназій. изъ которыхъ первая въ концѣ года 107 классовъ, а втория 45, всего же 152 класса, въ томъ числѣ 127 нормальныхъ, изъ коихъ 27 приготовительныхъ и 25 параллелей, на 8 классовъ больше, чѣмъ въ началѣ года. Всѣ гимназіи имѣютъ семиклассный составъ и числятся въ нихъ основныхъ классовъ 69, приготовительныхъ 16 (изъ коихъ въ пяти гимназіяхъ они состоятъ изъ двухъ отдѣленій, а въ Тифлисской изъ трехъ) и параллелей 22; кромѣ того, при всѣхъ гимназіяхъ, исключая Ставропольской св. Александры и Тифлискаго заведенія св. Нины, открыты дополнительные VIII классы; изъ прогимназій же имѣли: Тифлисская и Ейская по 6 основныхъ классовъ, Темиръ-Ханъ-Шурина—5, Александропольская и Горійская—по 4, а Сухумская и Эриванская по 3 класса; приготовительныхъ классовъ при прогимназіяхъ 11. въ томъ числѣ въ двухъ отдѣленіяхъ имѣютъ ихъ 4 прогимназіи, а параллели, числомъ 3, имѣла лишь Тифлисская прогимназія. Въ гимназіи съ дополнительными VIII классами введены двѣ специальности: русскій языкъ и математика, а въ Тифлисской и Бакинской, сверхъ того, имѣется отдѣленіе исторіи и географіи. Число выпускныхъ изъ VII класса всѣхъ гимназій, за все время ихъ существованія, было 104, а изъ VIII класса—42. Курсы VII класса окончили съ аттестатомъ 2.246 дѣвицъ, изъ которыхъ 252 награждены золотой медалью, а 224 серебряной. Изъ VIII класса выпущены 1.486 дѣвицъ, изъ которыхъ получили званіе домашней наставницы 390 и званіе домашней учительницы 1.096.

Изъ этого числа приобрѣли право на преподаваніе русскаго языка—663, математики—637, исторіи и географіи—174, новыхъ языковъ—12. Изъ окончившихъ многія находятся на службѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ округа. Женскія гимназіи и прогимназіи округа вообще руководствуются положеніемъ 24-го мая 1870 года и правилами 31-го августа 1874 года. Отступленіемъ отъ положенія 1870 года можно считать учрежденіе, на основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній, слѣдующихъ должностей: директоръ при гимназіяхъ Тифлисской, обѣихъ Ставропольскихъ и Бакинской и инспекторъ при гимназіи Владикавказской и Тифлискомъ заведеніи св. Нины. Высочайшимъ повелѣніемъ 24-го декабря отчетнаго 1891 года учреждена должность директора 2-й Тифлисской гимназіи, преобразованной изъ прогимназіи, въ замѣнъ существовавшей прежде должности инспектора Тифлискихъ гимназій и прогимназіи. Отступленія отъ учебныхъ плановъ 1874 года незначительны и заключаются: а) въ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку и математикѣ въ младшихъ и среднихъ классахъ Бакинской гимназіи и двухъ заведеній св. Нины—Кутанесскаго и Тифлисскаго; б) въ перенесеніи двухъ недѣльныхъ уроковъ географіи изъ VII класса въ V и VI и во введеніи уроковъ гігіены въ VIII классѣ; в) въ замѣнѣ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ 5 уроковъ нѣмецкаго языка въ I классѣ такимъ же числомъ уроковъ французскаго языка; г) въ сокращеніи числа уроковъ по новымъ языкамъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ число учащихся незначительно; д) во введеніи уроковъ рукодѣлія въ I и во II классахъ и въ обязательности обученія хорошему пѣнію и рукодѣлію.

Фундаментальныя, ученическія и пансіонскія библіотеки всѣхъ женскихъ гимназій и прогимназій состояли къ концу отчетнаго года изъ 13.162 названій въ 32.118 томахъ, на сумму 42.140 р., а въ физическихъ кабинетахъ, существующихъ при всѣхъ гимназіяхъ. кромѣ гимназіи г-жи Серпинѣ, находилось 1.254 прибора, стоимостью 13.248 р.; прочихъ же учебныхъ пособій въ 16 заведеніяхъ насчитывалось 8.154 предмета на сумму 32.821 р. Общая стоимость всѣхъ библіотекъ, кабинетовъ и пособій составляетъ 88.209 р..—больше, чѣмъ въ началѣ года, на 5.970 р.

Что касается матеріальныхъ средствъ женскихъ учебныхъ заведеній, то свѣдѣнія о томъ получены за отчетный 1891 годъ касательно только 15 заведеній, ибо ему не были доставлены, таковыя же свѣдѣнія отъ совѣта, заведывающаго хозяйственною частью Тифлисскаго заведенія св. Нины. На содержаніе 15 заведеній округа

въ 1891 году поступило 316.996 р. Главнымъ источникомъ содержанія женскихъ гимназій и прогимназій служить сборъ за учение — 159.937 р. и плата за частныхъ пансіонерокъ — 52.267 р., а всего — 212.204 р.; остальные 104.742 р. образовались изъ поступлений: государственнаго казначейства — 26.631 р., 5.731 р. на прибавочное жалованье служащихъ, а 20.900 р. въ видѣ субсидій. распределение которой между заведеніями дѣлается весьма неравномѣрно; отъ 11 городскихъ обществъ поступило 44.771 р.; отъ казачьихъ войскъ — 1000 р., отъ взноса почетныхъ попечителей въ двухъ гимназіяхъ — 1.320 р., пожертвованій — 8.994 р., процентовъ съ капиталовъ — 6.296 р. и другихъ поступлений — 15.807. Расходъ по заведеніямъ составилъ 311.056 р., а главную статью его составляетъ содержаніе личнаго состава вмѣстѣ съ прибавочнымъ жалованьемъ, именно — 192.628 р., или 61.9% общаго расхода, а затѣмъ слѣдуетъ содержаніе пансіонерокъ — 30.603 р., или 9.8%; остальные 28.3% составляютъ траты на наемъ и ремонтъ помѣщеній, различныя пособія, хозяйственные, канцелярскіе и прочіе расходы.

Къ 1-му января 1892 года образовалась въ совокупности съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ съ новыми поступлениями сумма въ 248.753 р., изъ которой 45.076 р. составляютъ наличный капиталъ заведеній, а 203.677 р. обращены въ процентныя бумаги, и большая часть изъ этого капитала составляетъ неприкосновенный фондъ, образовавшійся изъ пожертвованныхъ разновременно суммъ на содержаніе стипендій; такихъ неприкосновенныхъ капиталовъ имѣютъ больше всего Ставропольская гимназія св. Александры — 111.546 р. Кутаисское заведеніе св. Нины — 33.200 р., Тифлисская женская гимназія вмѣстѣ съ прогимназіей — 18.361 р. и Эриванская прогимназія — 18.125 р.

Средняя стоимость обученія одной ученицы составляла 61 р., а содержаніе въ пансіонахъ — 172 р.; дешевле всего обходится обученіе прогимназіи Сухумской — 31 р., а дороже всего въ гимназіи г-жи Серпизъ — 74 р. Плата за обученіе обязательнымъ предметамъ взимается въ различномъ размѣрѣ: въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ существующая плата одинакова во всѣхъ классахъ, какъ, напримѣръ, въ гимназіяхъ: Бакинской — 42 р., въ Тифлискомъ заведеніи св. Нины — 75 р., въ прогимназіяхъ: Сухумской — 18, Александропольской — 20, Эриванской — 36 р.; въ другихъ плата возрастаетъ отъ младшихъ классовъ къ старшимъ и взимается отъ 16 р. до 100 р., кромѣ Ейской прогимназіи, са мѣй дешевой изъ всѣхъ 16 заведеній, въ которой плата

существуетъ отъ 6 р. до 9 р.; наконецъ, установлена особая плата для приготовительнаго класса, доходящая до 60 р. и 75 р. Ученицы VIII-го дополнительнаго класса платятъ вообще нѣсколько дороже—отъ 50 р. до 100 р. Затѣмъ взимается особая плата за обученіе необязательнымъ предметамъ: за каждый изъ новыхъ языковъ отъ 6 до 15 р., за туземные языки по 3 р., за танцы отъ 3 до 10 р. Плата за содержаніе воспитанницъ въ пансіонахъ составляетъ отъ 120 р. до 300 р. Безплатнымъ обученіемъ пользовались въ 1-ое полугодіе 635 приходящихъ ученицъ, во второе—632; въ этомъ числѣ было освобожденныхъ отъ платы попечительными совѣтами: въ первое полугодіе 9,2%, во второе—8,9%. Пансіонерокъ, не вносившихъ платы за свое содержаніе, было въ первое полугодіе 190, во второе 192. Такимъ образомъ, обучавшіяся и воспитывающіяся безплатно должны были бы внести за себя въ отчетномъ году 72.148 р.

Обществъ для пособія учащимся въ женскихъ заведеніяхъ было два: одно въ Тифлисѣ, основанное въ 1876 году при гимназін и прогимназін, и другое въ Ставрополѣ, учрежденное въ 1880 году при обѣихъ гимназіяхъ. Въ другихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ ученицы пользовались пособиями отъ обществъ, основанныхъ при мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ или основанныхъ для оказанія пособія вообще всѣмъ учащимся города. Всѣхъ поступленій въ теченіе года въ оба названныя общества было сдѣлано 3.732 р., и изъ нихъ израсходовано на пособія 3.296 р., а съ сбереженіями, отъ прочихъ лѣтъ къ 1-му января 1892 года они имѣли въ остаткѣ 3.356 р.

Женскія гимназіи округа, за исключеніемъ гимназін г-жи Серпинз, имѣютъ собственныя помѣщенія, и нѣкоторыя изъ нихъ, по своему простору и приспособленности къ потребностямъ учебнаго заведенія, могутъ быть отнесены къ лучшимъ школьнымъ помѣщеніямъ округа, какъ, напримѣръ: зданіе Тифлисской великой княгини Ольги Феодоровны женской гимназін, построенное на суммы, собранныя при содѣйствіи покойной Августѣйшей основательницы и покровительницы этого заведенія; зданіе Тифлискаго учебнаго заведенія св. Нины, расширенное и перестроенное, благодаря заботамъ бывшей предсѣдательницы благотворительнаго общества св. Нины, покойной княгини Н. А. Дундуковой-Корсаковой; наконецъ, зданія гимназій Бакинской Маріинской и Екатеринодарской городской, отстроенныя въ 1887 году на средства городскихъ обществъ. Помѣщенія остальныхъ гимназій могутъ быть признаны удовлетворительными. При нѣкоторыхъ гимназіяхъ устроены домашнія церкви; въ отчетномъ году окон-

чена и освящена съ 1-го сентября церковь при Владикавказской гимназіи, благодаря заботамъ предсѣдателя попечительнаго совѣта И. Н. Уланова, соорудившаго иконостасъ и пожертвовавшаго всю церковную утварь. Стоимость всѣхъ собственныхъ помѣщеній гимназій составляетъ сумму въ 835.000 р. Изъ прогимназій въ собственныхъ домахъ помѣщаются Горійская, Сухумская и Эриванская; въ скоромъ времени предполагается приступить къ постройкѣ дома для прогимназіи Александропольской Ольгинской, такъ какъ для того приобрѣтенъ уже участокъ земли и нѣдется 8.000 р., а г. Эриванскій губернаторъ для той же цѣли внесъ въ смѣту земскихъ расходовъ на предстоящее трехлѣтіе 5.000 р. субсиди. Ейская прогимназія помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ городу, а остальные 3 пользуются наемными помѣщеніями, за кои плата была 3.400 р. На ремонтъ всѣхъ зданій израсходовано за 1891 годъ 20.559 р., больше всего Тифлесскою женскою гимназіей—3.931 р. По простору классовъ, помѣщенія женскихъ гимназій можно считать удовлетворительными, такъ какъ приходится 18,а куб. аршинъ на 1 ученицу. за исключеніемъ слишкомъ тѣсныхъ классовъ въ двухъ прогимназіяхъ—въ Эриванской, гдѣ нѣдется 10,а куб. аршинъ на 1 ученицу, и въ Ейской—12,а куб. арш. Въ пансіонскихъ дортуарахъ воспитанницы также пользуются вполне достаточнымъ количествомъ воздуха—въ среднемъ 40,а куб. аршина. Что касается ученическихъ квартиръ, то хотя ихъ и числится 101, но проживаетъ на нихъ всего 131 ученица; чаще же всего многогородные родители отдаютъ своихъ дѣтей въ семейства служащихъ при заведеніяхъ, гдѣ онѣ за плату не свыше 40 р. въ мѣсяцъ получаютъ полное содержаніе и необходимую помощь въ занятіяхъ.

Въ отчетномъ году, 1-го апрѣля, всѣхъ учащихся въ женскихъ заведеніяхъ края постигло большое горе. кончина великой княгини Ольги Феодоровны. Для женскихъ учебныхъ заведеній округа всегда будетъ дорога память Той, чьи возвышенныя мысли и любящее сердце всегда были проникнуты любовью и сочувствіемъ къ женскому образованію края. Это печальное событіе лишило, между прочимъ, Тифлесскія женскія гимназію и прогимназію ихъ Августѣйшей основательницы и покровительницы, и попечительный совѣтъ означенныхъ заведеній постановилъ почтить память почившей устройствомъ домовоѣ церкви во имя св. Ольги. Въ концѣ же года, 24-го декабря, состоялось, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, преобразование Тифлесской прогимназіи во 2-ю Тифлисскую великой княгини Ольги Феодоровны женскую гимназію.

Личный составъ женскихъ гимназій и прогимназій къ 1-му января 1892 года былъ слѣдующій: 136 почетныхъ попечителей, попечительницъ и членовъ попечительныхъ совѣтовъ, 18 директоровъ, инспекторовъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, 16 начальницъ и 1 помощница начальницы, 42 законоучителя, 116 преподавателей, 214 учительницъ и надзирательницъ, 11 врачей и 26 остальныхъ должностныхъ лицъ—всего 580 человекъ, изъ коихъ 364 числилось на дѣйствительной службѣ и 216 были приглашены по вольному найму, большею частью, изъ числа служащихъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ 580 лицъ по гимназіямъ состоитъ 414 служащихъ, по прогимназіямъ—166. Выбыло изъ личного состава 66 лицъ и вновь назначено или приглашено по вольному найму 87 лицъ. Оставалось къ 1-му января 1892 года незанятыми должности двухъ учительницъ—по одной въ Александропольской и Сухумской прогимназіяхъ.

Дѣятельность служащихъ состоитъ въ слѣдующемъ: директоръ Тифлисскихъ гимназій и прогимназій, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, даетъ 12 уроковъ педагогикѣ; директоръ обѣихъ Ставропольскихъ гимназій даетъ 12 уроковъ математики; директоръ Бакинской гимназій—10 уроковъ географіи и нѣмецкаго языка; инспекторъ Тифлисскихъ гимназій и прогимназій даетъ 6 уроковъ физики и 6 математики, инспекторъ Владикавказской гимназій—13 уроковъ математики и инспекторъ Тифлисскаго заведенія св. Нины — 12 уроковъ математики. Изъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ принимаютъ участіе въ преподаваніи только 2, изъ коихъ одинъ имѣетъ 4 урока французскаго языка и одинъ 2 урока исторіи. Изъ 16 начальницъ 7 вовсе не даютъ уроковъ, а остальные 9 даютъ 115 уроковъ, большею частью, по иностраннымъ языкамъ, такъ что на каждую приходится по 7,2 урока, среднимъ числомъ. Классныхъ испытаній при женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, по большею части при участіи директоровъ, инспекторовъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, въ теченіе года было произведено 2.175, изъ коихъ 1.534 устныхъ и 641 письменныхъ; достоинство отвѣтовъ, въ большинствѣ случаевъ, оцѣнено тѣми же отиѣтками, какія ученицы получили за предшествующую четверть, а таковыхъ было 65,4%, рѣдко высшими—22,7% и еще рѣже низшими—11,8%. Къ приготовительнымъ классамъ въ теченіе года прикомандировано было 12 дѣвицъ изъ числа бывшихъ ученицъ, прошедшихъ прогимназическій курсъ, для пригготовленія ихъ къ званію начальной учительницы, и за успѣшное ис-

полненіе возложенныхъ обязанностей 10 изъ нихъ получили искомое званіе.

Общее число преподавательскихъ манкировокъ за отчетный годъ составляетъ 4,8%. Изъ 4.498 пропущенныхъ уроковъ наибольшее число падаетъ на случаи болѣзни, именно 3.411 (75,8%). Значительная часть свободныхъ уроковъ была занята производительнымъ образомъ: давались уроки директорами, инспекторами, начальниками заведеній, или же кѣмъ-либо изъ свободныхъ учителей и учительницъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ для этой же цѣли привлекаются ученицы VIII класса, которыя въ отчетномъ году дали въ младшихъ классахъ 227 уроковъ.

Попечительные совѣты женскихъ гимназій и прогимназій имѣли въ теченіе года 124 засѣданія, а педагогическіе—237. Дѣятельность послѣднихъ состояла въ изысканіи мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія заведеній и особенно ихъ санитарнаго состоянія. Затѣмъ, кромѣ разсмотрѣнія общихъ педагогическихъ вопросовъ, совѣты изыскивали мѣры правильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ заведеніяхъ, такъ и внѣ стѣнъ его. Наконецъ, педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ гимназій занимались подробною разработкой программъ и правилъ для теоретическихъ и практическихъ занятій ученицъ VIII дополнительнаго класса, въ основу которыхъ былъ положенъ планъ, составленный министерствомъ народнаго просвѣщенія 31-го августа 1874 года.

Особыми трудами заявили себя служащіе въ слѣдующихъ женскихъ заведеніяхъ: въ Тифлискомъ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины: инспекторъ И. А. Крупениковъ разсмотрѣлъ 5 книгъ на грузинскомъ языкѣ и написалъ о нихъ рецензіи; законоучитель Авдашкевичъ занимался составленіемъ сочиненія на тему: „Церковно-административная дѣятельность Московскаго митрополита Филарета“; учитель Мгвареловъ помѣстилъ въ грузинской газетѣ *Иверія* за 1891 годъ статью: „Состояніе грузинскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ V до XIX вѣка включительно“; учитель Ѳедоровскій помѣстилъ въ газетѣ *Кавказъ* за 1891 годъ двѣ статьи: 1) „Забытый литературный вопросъ“ и 2) „Памяти М. Ю. Лермонтова“; учитель Бороздинъ составилъ: 1) программу для описанія административныхъ участковъ; 2) программу для собранія свѣдѣній о бытѣ и воззрѣніяхъ русскихъ сектантовъ на Кавказѣ; редактировалъ статьи для помѣщенія въ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ и готовилъ къ печати статью:

„Утвержденіе христіанства въ Римской имперіи“. Во Владикавказской Ольгинской гимназіи священникъ Малиновскій издалъ три брошюры: „О задачахъ приходскихъ попечительствъ“, „Свѣдѣнія о шелупутахъ“ и „Прощаніе преосвященнѣйшаго епископа Петра съ Владикавказской паствою“, а учитель Мельниковъ-Разведенковъ произнесъ на актѣ рѣчь „О значеніи Лермонтова для русской литературы вообще и для Кавказа въ частности“. Въ двухъ женскихъ Ставропольскихъ гимназіяхъ: учитель Динникъ напечаталъ въ V книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* за 1891 годъ статью „Вѣчные снѣга и ледники“ и въ *Запискахъ Кавказскаго отдѣла Географическаго Общества* „Путешествіе по Осетіи“; учитель Карпинскій руководилъ литературными ученическими бесѣдами и чтеніями, а учительницы Ясинская, Жаринцева, Динникъ, Первушина, Кривцова, Иванова, Никанорова и Панова безвозмездно участвовали въ преподаваніи въ воскресной женской школѣ, помѣщающейся въ зданіи Ольгинской гимназіи, коей и завѣдуетъ учительница Ясинская; кромѣ того, исполняющая должность учительницы тѣхъ же гимназій Динникъ составила и принесла въ даръ обѣимъ Ставропольскимъ гимназіямъ отдѣльныя коллекціи насѣкомыхъ, водящихся на Сѣверномъ Кавказѣ. Въ Кутаисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины: законоучитель священникъ Георгадзе приготовилъ и произнесъ рѣчь въ день 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ; учительница Языкова продолжала собирать армянскія сказки и составила „Очеркъ армянской народной поэзіи“, а женщина-врачъ Измайлова занималась физическимъ изслѣдованіемъ ученицъ, какъ-то: измѣреніемъ роста, вѣса, емкости легкихъ, а также изслѣдованіемъ зрѣнія, слуха и состоянія пищеварительныхъ органовъ ученицъ.

Въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, происходило возростаніе числа учащихся. Такъ, въ 1890 году число учащихся увеличилось на 172 ученицы, а въ отчетномъ году на 221 и къ 1-му января 1892 года число учащихся въ 9 гимназіяхъ было 3.486, а въ 7 прогимназіяхъ — 1.043, всего 4.529 дѣвицъ, изъ коихъ 4.000 приходящихъ, 529 пансіонерокъ. По числу учащихся заведенія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Гимназіи:		Прогимназіи:	
Тифлисская	721	Тифлисская	320
Владикавказская	472	Ейская .	221
Тифлиское заведеніе св.		Эриванская . .	111
Нины	424	Темиръ-Ханъ-Шурина .	106

Екатеринодарская.	383	Горійская.	99
Бакинская	379	Александропольская.	94
Кутанская	360	Сухумская.	83
Ставропольская св. Ольги	316		
Ставропольская св. Александры	234		
Г-жи Серпинэ	197		

Изъ 6 пансіоновъ, въ которыхъ числилось въ началѣ года 509. а въ концѣ его 530 пансіонерокъ, самые многочисленныя 2—при заведеніи св. Нины въ Тифлисѣ—255 и св. Александры въ Ставрополѣ—139; въ остальныхъ четырехъ воспитанницъ немного, а именно: въ Кутанскомъ — 63, Сухумскомъ—32, г-жи Серпинэ — 32 и Эриванскомъ—19.

Распределеніе учащихся по національностямъ, исповѣданіямъ и сословіямъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа за отчетный годъ мало отличается отъ прошлогодняго; такъ, преобладающую національность составляли за оба года русскія — 59,1%; затѣмъ слѣдуютъ армянки — 18,4¹/₂%, грузинки — 11,7%. а остальныхъ національностей, какъ-то: татарокъ, евреекъ и проч. было 10,3% всего числа учащихся; вообще же учащихся, принадлежащихъ къ разнымъ туземнымъ народностямъ Закавказья, въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ было 30,9%. Такихъ заведеній, въ которыхъ русскія составляютъ менѣе трети всѣхъ учащихся, только 3, а именно 3 прогимназіи: Александропольская, съ преобладающимъ армянскимъ контингентомъ учащихся (55,3%), Горійская, въ которой преобладаютъ грузинки (70,7%), и Сухумская, въ которой преобладаютъ мингрелки (14,3%) и абхазки (16,3%). Въ заведеніяхъ города Тифлиса между 1.671 учащимися русскія составляютъ 48,8%. грузинки 14,8%, армянки 25,8%. Преобладающее исповѣданіе — православное, составляющее 72,2%, затѣмъ армяно-григоріанское — 17,3%; остальные вѣроисповѣданія составляютъ 10,6% Изъ сословій по численности первое мѣсто занимаетъ дворянство—57,2%, а затѣмъ городское—30,3%; остальные сословія составляютъ 12,3%.

Прошеній о приѣмѣ въ отчетномъ году подано 1.543. по нимъ не принято было за неявку 35, по недостатку мѣста—43, по невыдержанію экзамена—118, по разнымъ причинамъ—177, а всего 373 или 24,2% числа подававшихъ прошенія. Изъ 1.170 вновь поступившихъ большинство получили домашнюю подготовку—867 или 74 1⁰/₁₀%, затѣмъ по свидѣтельствамъ—183 или 15,6%, остальные 10,3% по-

казали: изъ училищъ общественныхъ и частныхъ поровну—по 51 или по 4,4% и изъ казенныхъ—18 или 1,5%; большая часть изъ нихъ помѣщена въ приготовительный классъ, именно 51%, и въ I классъ—22,8%. Выбыло въ теченіе года 949 ученицъ, между которыми было 134 окончившихъ курсъ VIII класса, 41 окончившихъ курсъ въ двухъ гимназіяхъ, не имѣющихъ дополнительнаго класса. 60 окончившихъ курсъ VII класса, но не пожелавшихъ поступить въ VIII классъ, 47 окончившихъ курсъ въ прогимназіяхъ и 667 не окончившихъ курса; это число выбывшихъ до окончанія курса составляетъ 14,8% общаго числа учащихся, при чемъ больше всего выбыло изъ младшихъ и среднихъ классовъ, которые для многихъ учащихся замѣняютъ низшія женскія училища.

Успѣхи учащихся въ отчетномъ году были слѣдующіе: изъ 4.266 учащихся въ концѣ учебнаго года удостоены аттестатовъ и перевода въ высшіе классы, на основаніи годичныхъ занятій, 2.941, оставлены въ тѣхъ же классахъ на второй годъ 467 и назначены дополнительный экзаменъ послѣ каникулъ 858, и такъ какъ изъ послѣднихъ выдержали испытаніе 544, то общее число успѣвающихъ возросло до 3.485. По главнымъ предметамъ успѣвающихъ было: по русскому языку 86,5%, по математикѣ—88%, при чемъ по обоимъ предметамъ старшіе классы шли успѣшнѣе младшихъ. Случаи увольненій за малоуспѣшность были только въ 6 заведеніяхъ, гдѣ уволенныхъ было 12 ученицъ, пробывшихъ по два года въ классѣ и не успѣвавшихъ, по большей части по математикѣ—50% и русскому языку—83,8%.

Въ VIII дополнительныхъ классахъ 6 гимназій было въ концѣ года ученицъ 141; изъ нихъ удостоены званія домашней наставницы 25 ученицъ и домашней учительницы 109, и въ томъ числѣ: по русскому языку—72, по математикѣ—54, по исторіи и географіи—8. Изъ 239 ученицъ VII классовъ допущено было къ экзаменамъ 234, а изъ нихъ удостоено аттестатовъ 225, въ томъ числѣ медалями награждены: золотою 26 и серебряною 20 дѣвицъ. Изъ удостоенныхъ аттестатовъ поступили для продолженія ученія въ VIII классѣ 175 или 77,8%.

Занятія необязательными предметами состояли въ слѣдующемъ: изъ двухъ новыхъ языковъ, введенныхъ въ гимназіи и прогимназіи округа, однимъ французскимъ занимались во всѣхъ заведеніяхъ, кромѣ прогимназій Сухумской и Эриванской, 1.183 ученицы; однимъ нѣмецкимъ въ шести гимназіяхъ и 3 прогимназіяхъ—75 ученицъ, а обо-

имъ языкамъ тамъ же—333 ученицы, при чемъ, согласно учебнымъ планамъ 1874 года, новые языки начинаются съ I класса; отступление отъ этого правила сдѣлано четырьмя заведеніями и состоитъ въ томъ, что въ Тифлискомъ заведеніи св. Нины и въ гимназій г-жи Серпинѣ обученіе языкамъ начинается съ приготовительнаго класса, а въ Тифлисскихъ гимназій и прогимназій изученіе нѣмецкаго языка начинается со II класса. Изъ туземныхъ языковъ грузинскій преподается въ Тифлискомъ и Кутаисскомъ заведеніяхъ св. Нины и въ Горійской прогимназій, гдѣ всѣ грузинки обучаются своему языку (100%), и кромѣ того, ему обучаются еще 70 ученицъ другихъ національностей; языкъ армянскій, введенный въ четырехъ гимназійхъ и трехъ прогимназійхъ, изучается изъ 571 армянокъ 357 или 62.6%. Гимнастика введена въ пяти гимназійхъ и въ двухъ прогимназійхъ, обучается ей 1.445 ученицъ; въ прочихъ 8 заведеніяхъ она не преподается за недостаткомъ мѣста или за неимѣніемъ опытныхъ учительницъ этого предмета. Танцы преподаются въ 8 заведеніяхъ, обучается 1.023 ученицы. Рисованіе—въ 12 заведеніяхъ, при чемъ рисующихъ 2.835 ученицъ. Пѣнію, за исключеніемъ Александропольской прогимназій, обучаются во всѣхъ заведеніяхъ 3.556 ученицъ. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ искусствъ, воспитанницы пансіоновъ обучаются еще фортепіанной игрѣ, въ числѣ 148 дѣвицъ.

Поведеніе ученицъ женскихъ гимназій и прогимназій и воспитанницъ пансіоновъ было вполне хорошее: большинство имѣло отмѣтку 5—95,8%, очень немногія 4—4%, и только 10 ученицъ (0.2%) имѣли—3. Самою строгою мѣрою взыскація былъ выговоръ отъ педагогическаго совѣта, которому подверглись за весь отчетный годъ только 2 ученицы. Среднее число пропущенныхъ ученицами заведеній уроковъ равняется 45,2 на 1 ученицу, а между пансіонерками равняется 29,5 на 1 воспитанницу; наибольшая причина пропусковъ отходить на случаи болѣзни: 39,4 на 1 ученицу и 28,8 на 1 воспитанницу. Всѣхъ случаевъ заболѣваній въ годъ было 13.938, или 308 на 100 ученицъ, между пансіонерками 735 случаевъ или 139 на 100 воспитанницъ. Изъ болѣзней болѣе половины приходится на перемежающія лихорадки и горловые болѣзни—55,1%; были и заразные заболѣванія, изъ коихъ чаще другихъ проявлялись корь—99 случаевъ, скарлатина—48, оспа—34, тифъ—21 и дифтеритъ—18. Смертныхъ случаевъ было 21, изъ коихъ ни одного не было по пансіонамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ Г. ЧИКАГО.

I.

Нѣкоторыя особенности выставки.

На первыхъ трехъ всемирныхъ выставкахъ въ Лондонѣ (1851 и 1862 гг.) и въ Парижѣ (1855 г.) не было устроено педагогическихъ отдѣловъ. Впервые онъ былъ организованъ на второй Парижской выставкѣ въ 1867 г. и имѣлъ тогда весьма значительный успѣхъ. На выставкѣ въ Филадельфіи въ 1876 г. отдѣлу народнаго образованія было придано надлежащее значеніе, и онъ послужилъ для пріѣзжихъ педагоговъ источникомъ для ознакомленія съ американской народной школой. Въ немъ, однако, приняло тогда участіе сравнительно незначительное количество штатовъ—всего 12, при чемъ только выставки нѣкоторыхъ изъ нихъ и отличались полнотой и интересомъ, остальные состояли изъ незначительнаго количества учебныхъ пособій, ученическихъ работъ и официальныхъ документовъ.

Настоящая выставка въ память четырехсотлѣтія открытія Америки не могла, конечно, обойтись безъ педагогическаго отдѣла. Сѣверо-американцы любятъ и гордятся своею начальной школой, и они рѣшились не жалѣть средствъ и энергій, чтобы представить народное образованіе на выставкѣ на сколько возможно полнѣе и лучше.

Задолго до ея открытія по всей странѣ была произведена энергичная агитація среди лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями. Всѣ штаты, духовныя конгрегаціи, общества, преслѣдующія воспитатель-

ныя цѣли, издательскія и другія фирмы и частныя лица были приглашены прислать свои экспонаты на выставку.

Въ результатъ получилось громадное количество экспонатовъ, для размѣщенія которыхъ было отведено пространство, превышавшее во много разъ таковое же на предыдущей выставкѣ.

Педагогическій отдѣлъ составлялъ подраздѣленіе болѣе крупнаго отдѣла „Свободныхъ Искусствъ“ и помѣщался въ зданіи мануфактуръ, которое, какъ извѣстно, является въ настоящее время самымъ обширнымъ зданіемъ во всемъ мірѣ. Нижний этажъ, гдѣ размѣщены собственно мануфактурныя издѣлія, занималъ 10 десятинъ, а верхній, отведенный подъ выставку „Свободныхъ Искусствъ“—5 десятинъ. и изъ нихъ около половины было занято школьными выставками.

Американцы затребовали 175.000 кв. фут., а иностранцы 50 тыс. ф. Въ общемъ получилась громадная площадь въ 225.000 кв. ф., равная пространству, занятому на той же выставкѣ зданіемъ садоводства. Площадь эта была разбита на отдѣльныя комнатки-альковы, состоявшія изъ трехъ стѣнъ и обращенныя открытой стороной къ проходу. или, если мѣсто было достаточно длинно, то раздѣленныхъ еще поперечными перегородками. Нѣкоторые штаты и иностранныя государства предпочитали строить комнаты или залы со всѣми четырьмя стѣнками и проходами въ нихъ въ видѣ дверей. Экспонаты помѣщались на столахъ, въ шкапахъ, витринахъ и были развѣшаны на стѣнахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ японскомъ отдѣлѣ, былъ сдѣланъ даже потолокъ, который также былъ покрытъ экспонатами. Не смотря, однако, на такія ухищренія, мѣста для многихъ экспонатовъ часто не хватало, и они оставались въ ящикахъ подъ столами.

Число экспонатовъ по описываемому отдѣлу и судя по экспертнымъ спискамъ и каталогу должно было быть не меньше 25—30 тысячъ, а такъ какъ нѣкоторые экспонаты содержали по сотнѣ и болѣе отдѣльныхъ предметовъ, то общее количество выставленныхъ предметовъ было громадно и указывало на безпримѣрное развитіе школьнаго дѣла, какъ въ Америкѣ, такъ и въ другихъ странахъ. Первые дни, понавъ на выставку, посѣтители совершенно терялись. Тысячи фотографій, груды отчетовъ, ученическихъ тетрадей и работъ, ученые труды и прочее, развлекая вниманіе, не давали въ то же время возможности остановиться на чемъ нибудь и сосредоточиться. Только осмотрѣвшись и привыкнувъ къ топографіи зданія, можно было ориентироваться нѣсколько въ этой подавляющей массѣ матеріала. Не ма-

лымъ затрудненіемъ являлось и то обстоятельство, что интересующіе насъ экспонаты были выставлены не только въ зданія мануфактуръ, но и во многихъ другихъ. Такъ, школьныя выставки имѣлись въ отдѣльныхъ зданіяхъ, устроенныхъ штатами и различными иностранными государствами, напримѣръ, Швеціей, Уругваемъ и прочее; въ зданіи антропологии и гигиены; во дворцѣ правительственныхъ учреждений Соединенныхъ Штатовъ; въ женскомъ отдѣлѣ, зданія дѣтей и, наконецъ, въ отдѣльныхъ, специально для того выстроенныхъ зданіяхъ, а именно: индѣйской школы и воскресной. Главный интересъ сосредоточивался на центральной выставкѣ, помѣщенной во дворцѣ мануфактуръ. Выставки, размѣщенные въ отдѣльныхъ штатныхъ зданіяхъ, были внѣ конкурса. Въ американскомъ отдѣлѣ первенствующее значеніе было отведено начальному образованію. Подъ этимъ именемъ въ Соединенныхъ Штатахъ понимается образованіе, даваемое въ школахъ для малолѣтнихъ (дѣтскіе сады—*kindergärten*, *infant schools*), въ элементарныхъ начальныхъ (*primary*), средненачальныхъ (грамматическихъ—*grammar schools*) и высшихъ начальныхъ училищахъ (*high schools*). Сюда же присоединяются вечерніе классы (*evening schools*), спеціальныя учебныя заведенія и нормальныя учительскія школы разныхъ разрядовъ, имѣющія цѣлью готовить учителей и учительницъ для указанныхъ выше школъ. По статистическимъ даннымъ оказывается, что въ Соединенныхъ Штатахъ 96½% учащихся ограничиваются образованіемъ въ начальной школѣ, которая, въ сущности говоря, и является единственнымъ публичнымъ учебнымъ заведеніемъ, содержимымъ и контролируемымъ правительственными органами. Средне-учебныя заведенія и большинство университетовъ содержались до сихъ поръ на пожертвованныя деньги, проценты съ капиталовъ и доходы съ имѣній, отказанныхъ по смерти частными лицами, и отчасти взносами студентовъ. Лишь въ послѣднее время стала сознаться необходимость устройства государственныхъ колледжей и университетовъ. Поэтому въ секціяхъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ штатамъ, были выставлены главнымъ образомъ предметы, касающіеся начальныхъ школъ, учительскихъ семинарій и профессиональныхъ учебныхъ заведеній, а штатнымъ средне-учебнымъ заведеніямъ и университетамъ, тамъ гдѣ они уже имѣются, отведено сравнительно мало мѣста. Въ виду сказаннаго, а главнымъ образомъ, принимая во вниманіе, что я взялъ на себя по соглашенію съ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета Л. П. Дымшей (делегатомъ мипи-

стерства) начальное образованіе, а онъ среднее и высшее. я въ описаніи своемъ буду касаться этихъ послѣднихъ лишь мелькомъ, насколько это будетъ нужно для внѣшней характеристики выставки.

Передъ отъѣздомъ меня спрашивали, что можетъ быть выставлено по учебной части? нѣсколько книгъ, учебныя пособія и образцы женскихъ рукодѣлій! На описываемой выставкѣ американцы доказали, что педагогическіе отдѣлы могутъ быть при современныхъ средствахъ и разнообразны и интересны даже и не для специалистовъ.

Описываемый отдѣлъ былъ разбитъ на нѣсколько подотдѣловъ. Войдя съ южной стороны и поднявшись по лѣстницѣ, посѣтители попадали въ канцелярію, гдѣ чиновники выдавали нужныя справки, а особый служитель „гардъ“ объяснялъ посѣтителямъ, какъ найдти въ общемъ лабиринтѣ проходовъ ту или другую секцію. Мы не будемъ, конечно, останавливаться и описывать каждую секцію въ отдѣльности, на это потребовалось бы слишкомъ много времени. Постараемся лишь охарактеризовать главнѣйшія группы экспонатовъ, связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ матеріала, цѣли, или попавшихъ въ одну и ту же группу вслѣдствіе выставочной классификаціи. Дифференціація нѣкоторыхъ экспонатовъ и выдѣленіе ихъ изъ общей массы предметовъ, происходящихъ и присылаемыхъ изъ одной какой либо мѣстности, и соединеніе ихъ затѣмъ на выставкѣ съ однородными экспонатами подъ одною общей фирмой составляютъ характерную особенность Чикагской выставки.

Такая спеціализація экспонатовъ даетъ возможность лицамъ, интересующимся какимъ либо отдѣльнымъ вопросомъ, находить нужный имъ матеріалъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Выгода такихъ соединенныхъ выставокъ заключалась еще въ томъ, что при нихъ легко было организовать постоянныя дежурства специалистовъ для дачи публикѣ нужныхъ объясненій. На выставкѣ встрѣчались соединенія двухъ родовъ. Въ однихъ экспонаты составляли коллективную выставку въ тѣсномъ смыслѣ слова, они помѣщались въ одной секціи и находились въ завѣдываніи избранной для того общей администраціи, въ другихъ они были соединены лишь механически, тѣмъ, что имъ отводилось одно общее мѣсто, на которомъ каждый экспонентъ устраивался самостоятельно. Въ западномъ крылѣ зданія помѣщались въ американскомъ отдѣлѣ *коллективныя* выставки учебныхъ заведеній для слѣпыхъ, 23-хъ училищъ для глухонѣмыхъ, 17-ти штатныхъ учрежденій для призрѣнія и воспитанія слабоумныхъ, художественно про-

мысленныхъ школъ и частныхъ коммерческихъ училищъ, а въ германскомъ отдѣлѣ коллективная выставка для выясненія системы и методовъ нѣмецкаго народнаго образованія. Въ южной части особый отдѣлъ былъ отведенъ для высшихъ учебныхъ заведеній, университетовъ и колледжей, учебныхъ заведеній, экспонирующихъ предметы по ручному труду, и еврейскихъ школъ общества іудейскаго союза (Alliance Israelite), а въ восточной обширная коллективная выставка, — коллективная по духу, а не по однородности школъ, — католическаго духовенства, далѣе секція союза гимнастическихъ обществъ и учреждений и, наконецъ, всѣ штатныя выставки. При группировкѣ экспонатовъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, принимались во вниманіе: 1) однородность характера соединяемыхъ учебныхъ заведеній, или 2) мѣсто ихъ въ общей системѣ воспитательно-образовательныхъ учреждений, или, наконецъ, 3) общность ихъ по мѣсту происхожденія. Провести, однако, эту систему до конца не удалось. Многія выставки имѣли смѣшанный характеръ, а нѣкоторыя спеціальныя учреждения размѣстились особнякомъ внѣ своихъ группъ.

Весьма значительнымъ препятствіемъ для правильной классификаціи должна была служить неустановленность, разнообразіе и произвольность названій, употребляемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ для опредѣленія характера учебныхъ заведеній. Въ виду отсутствія нормальной, установленной закономъ классификаціи, штаты, города, графства и частныя лица присваиваютъ часто своимъ учебнымъ заведеніямъ названія, совершенно не соответствующія дѣйствительности. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣуемыхъ университетами, дается лишь среднее образованіе, тогда какъ нѣкоторые колледжи, соединяющіе по нѣскольку факультетовъ, соответствуютъ въ дѣйствительности какъ по объему преподаванія, такъ и по своей организаціи университету въ европейскомъ смыслѣ слова. Съ другой стороны, есть колледжи, какъ, напримѣръ, колледжъ Жирара въ Филадельфіи, представляющіе въ сущности начальныя школы съ преподаваніемъ нѣсколькихъ профессиональныхъ предметовъ. Подъ именемъ школъ „ручнаго труда“ фигурируютъ и начальныя школы съ общеобразовательнымъ курсомъ и спеціальныя средне-техническія учебныя заведенія. „Академіи“ подчасъ оказываются по курсу ниже высшихъ начальныхъ школъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, вовсе не сходны между собою; совершенно неподходящій терминъ прилагается къ нѣкоторымъ учительскимъ семинаріямъ, называемымъ „штатными по-

мальными университетами". Полная несообразность. Университетъ есть совокупность факультетовъ, нормальная школа—единичное специальное заведеніе; она можетъ составлять часть университета, но, будучи одна, не можетъ носить имени, указывающаго на множественность факультетовъ или школъ. Понятно, что при такомъ разнообразіи типовъ и названій учебныхъ заведеній для правильной классификаціи ихъ представлялось не мало затрудненій, но и то, что было сдѣлано, является хорошимъ примѣромъ для будущихъ выставокъ. Начальныя школы, какъ указано выше, были сгруппированы по отдѣльнымъ штатамъ, при чемъ выставки нормальныхъ школъ и штатныхъ академій, колледжей и университетовъ, гдѣ они есть, выдѣлялись изъ общей массы и по большей части занимали самостоятельные альковы. Слѣдующая выписка изъ официального каталога штата Мичигана съ перечисленіемъ представленныхъ предметовъ можетъ въ полной мѣрѣ охарактеризовать содержаніе большинства штатныхъ витринъ.

Пространство, занятое этой выставкой, равнялась 80¹/₂ фут. въ длину и 20 ф. въ ширину. По характеру своему выставленные предметы могутъ быть раздѣлены на три слѣдующіе класса: I. Статистика по народному образованію. II. Официальные отчеты и бланки. III. Работы публичныхъ школъ.

I. *Статистика народнаго образованія*: а) серія изъ 30 таблицъ съ діаграммами, рисующими школьную систему, управленіе ими и графически изображающими ростъ и развитіе въ теченіе полустолѣтія народнаго образованія въ штатѣ. Въ таблицахъ изображено относительное увеличеніе за указанный періодъ времени числа школьных посѣщеній какъ въ частныхъ, такъ и государственныхъ школахъ, числа дѣтей школьнаго возраста, возрастаніе населенія, увеличеніе стоимости училищной недвижной собственности, поступленій и расходовъ по народному образованію, умноженіе библіотекъ и училищныхъ зданій, ихъ расширеніе, среднія числа слушателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отношеніе ихъ къ общему числу жителей и всему количеству учащихся. Развитіе штатнаго университета, нормальной школы и другихъ штатныхъ учебныхъ заведеній, а также тѣхъ, которыя находятся въ вѣдѣніи духовныхъ конгрегацій. Относительное возрастаніе средней величины годоваго содержанія учителей и учительницъ и развитіе педагогическихъ съѣздовъ, курсовъ и ассоціацій; б) серія изъ 84 картъ для каждаго графства (уѣзды) съ указаніемъ мѣстоположенія и характера всѣхъ школъ, городскихъ библіотекъ, матеріала, употребленнаго на школьныя постройки, числа учителей, преподающихъ въ школахъ, и главнѣйшія статистическія данныя относительно образованія въ отдѣльныхъ графствахъ; в) большая (9×9 футъ)

карта, представляющая тѣ же данныя для всего штата; d) серія статистическихъ таблицъ, фотографій и программъ для высшихъ начальныхъ школъ.

II. Офіціальные отчеты и бланки въ томъ видѣ, какъ они изготовляются и употребляются въ бюро народнаго образованія.

III. Работы учащихся въ публичныхъ школахъ: образцы издѣлій по ручному труду, лѣпки изъ глины, руководствъ, работы изъ дѣтскихъ садовъ, историческія и географическія карты, тетради и листы по рисованію и черченію, акварели, фотографіи школьныхъ зданій, учебныя пособия и аппараты, переплетенные томы съ тетрадями учениковъ.

Послѣдніе были двухъ родовъ: 1) заключающіе бумаги съ учебными работами учениковъ, собранными изъ различныхъ школъ штата и классифицированными по предметамъ и разрядамъ школъ, 2) индивидуальныя собранія городовъ и мѣстечекъ, украшенныя фотографіями зданій, учениковъ и учителей. Первые характеризуютъ, „что“ и „какъ“ преподается въ школахъ всего штата, вторыя—каковы результаты преподаванія въ каждомъ данномъ мѣстѣ. Собраніе работъ учениковъ по одному какому либо отдѣльному предмету въ одномъ томѣ представляетъ въ дѣйствительности много удобствъ. Лица, интересующіяся, напримѣръ, преподаваніемъ естественныхъ наукъ, должны были только спрашивать рукописи съ работами по означенному предмету и тѣмъ освобождались отъ необходимости перелистывать сотни тетрадокъ, въ которыхъ иногда, какъ это имѣетъ мѣсто во французскихъ школахъ, собраны работы по всѣмъ предметамъ обученія вмѣстѣ. *Статистическія таблицы*, которыми были покрыты стѣны, въ большинствѣ оказались очень полезными. Публикѣ некогда останавливаться и читать отчеты или изучать тетради, а цифры и діаграммы, вывѣшанныя на стѣнахъ, бросаются невольно въ глаза и производятъ должное впечатлѣніе. Историческо-статистическія таблицы были полезны, кромѣ того, въ качествѣ, если можно такъ выразиться, „введенія“ къ каждой выставкѣ. Взглянувъ на нихъ, можно было съ большою вѣроятностью сказать, стоятъ ли выставленные предметы детальнаго обозрѣнія. Въ такихъ штатахъ, какъ, напримѣръ, Массачузетсъ, Родъ-Айландъ, и другихъ, лежащихъ ближе къ Атлантическому океану, исторія народнаго образованія охватываетъ періодъ отъ 200 до 250 лѣтъ; въ тѣхъ же изъ нихъ, которые переименованы недавно изъ территорій, она равняется едва нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ; въ штатѣ же Нью-Мексико первый законъ по народному образованію, устанавливающій школьный налогъ (school tax), относится лишь къ 1891 году.

Не смотря на это, согласно „Исторіи народнаго образованія“, въ этомъ штатѣ за періодъ времени съ 1891 г. по 31-е декабря 1892 г. (очевидно, что эту исторію нельзя назвать иначе, какъ „самоновѣйшей“), тамъ было построено 532 сельскія школы, въ которыхъ учать 557 учителей и учительницъ и изъ 28.291 дѣтей школьнаго возраста, записанныхъ въ качествѣ учениковъ и ученицъ, 23.251 посѣщали школы. Энергія поразительная! Для изученія выставки такихъ штатовъ представляли мало интереса въ виду того, что у нихъ нѣтъ ни выработаннаго законодательства, ни чего либо самостоятельнаго по отношенію къ школьнымъ вопросамъ. Все заимствуется обыкновенно у другихъ штатовъ, имѣющихъ болѣе опыта.

Помимо таблицъ, многіе суперинтенденты прислали на выставку для раздачи *летучіе листки*, которые имѣли ту же цѣль—ознакомить публику съ положеніемъ и развитіемъ образованія въ данномъ штатѣ. Листки эти, замѣняя отчасти отчеты, оказались весьма полезными. Возьмемъ для примѣра листокъ штата Канзасъ. На четырехъ небольшихъ страничкахъ изображены: на первой штатный университетъ въ Лауренсѣ, на второй—школа мазанка (на 10 учениковъ) съ земляной крышей, какъ онѣ дѣлаются въ преріяхъ, въ малолюдныхъ мѣстностяхъ, на третьей—штатный сельско-хозяйственный колледжъ, а на четвертой страничкѣ—нормальная школа въ г. Емпоріа. Картинки эти, въ 6 дюймовъ вышиной и 1½ шириной, помѣщены по угламъ страницъ, а остальное пространство занято печатными свѣдѣніями о совѣтѣ директоровъ и о комитетахъ по народному образованію, краткими историческими данными (исторія начинается въ 1852 г., когда не было ни одной школы, и заканчивается въ 1892 г., когда ихъ было 9.088), статистическими свѣдѣніями о публичныхъ, конфессіональныхъ и частныхъ школахъ и изъясненіемъ финансовой организаціи и школьнаго управленія. На нѣкоторыхъ листкахъ напечатаны, кромѣ того, и діаграммы, такъ что онѣ служатъ дополненіемъ къ стѣннымъ таблицамъ. Лицо, заинтересовавшееся даннымъ штатомъ на основаніи стѣнныхъ картъ, можетъ взять съ собой подобный листокъ для памяти домой.

Большіе отчеты въ видѣ книгъ и даже брошюры представляютъ то неудобство, что въ нихъ бываетъ много лишняго, при большомъ количествѣ они затрудняютъ посѣтителя своимъ вѣсомъ и объемомъ и стоятъ слишкомъ дорого экспонентамъ и потому не могутъ быть раздаваемы всѣмъ желающимъ. Для полученныхъ отчетовъ и книгъ иностран-

нымъ делегатамъ пришлось заказывать особые сундуки, которые вѣсили съ ними по нѣсколько пудовъ. Какое же количество бумаги пришлось роздать на выставкѣ при ежедневномъ посѣщеніи ея въ среднемъ 50—60 тысячами человѣкъ. Лица, интересующіяся народнымъ образованіемъ (а въ Америкѣ ихъ миллионы), обыкновенно не ограничивались поверхностнымъ осмотромъ, а требовали объясненій, которыя давались *лицами, дежурившими* весь день въ порученныхъ имъ отдѣлахъ. Офіціальные представители, впрочемъ, разѣхались въ половинѣ лѣта, оставивъ, вмѣсто себя, нанятыхъ съ этой цѣлью юношей и, главнымъ образомъ, дѣвушекъ, по большей части изъ Чикаго, которыя очень скоро освоились со своею ролью. Такъ какъ каждая американка немножко учительница и не чужда школы, то объясненія ихъ выходили весьма удовлетворительными.

Оригинальную новинку представляли *фонографы*. Въ определенное время они заводились и произносили привѣтственные слухи и рѣчи о состояніи народного образованія, его задачахъ и о достигнутыхъ успѣхахъ; они передавали, — что было интереснѣе, — объясненія учителей по различнымъ предметамъ, вопросы ихъ и отвѣты учениковъ, уроки музыки и выразительнаго чтенія. Въ секціи штата Колорадо, въ числѣ другихъ валиковъ, имѣлась полная коллекція фонограммъ по урокамъ пѣнія. Посвятивъ полчаса, я, при помощи завѣдывающаго секціей, замѣнявшаго валики, прослушалъ послѣдовательно пѣніе учащихся во всѣхъ 8 классахъ разныхъ городскихъ школъ города Денвера, посѣщенныхъ мною нѣсколько времени передъ тѣмъ. Пѣніе, или, какъ тамъ выражаются, „музыка“, преподается особыми учителями, и ежедневно на нее посвящается въ каждомъ классѣ по десяти минутъ. Въ первомъ классѣ пѣли ученики и ученицы, имѣющіе въ среднемъ всего по 6—7 лѣтъ; участвовавшихъ было 56; исполняли первоначальные экзерсисы; въ слѣдующихъ — упражненія все усложнялись, 7-ой и 8-ой классы, соединенные вмѣстѣ, въ числѣ 70 человѣкъ, исполняли уже довольно трудныя вещи. Голоса учениковъ, замѣчанія учителей, аккомпанементъ, однимъ словомъ весь урокъ пѣнія, включая ошибки поющихъ, были слышны весьма отчетливо, и, не смотря на полгода времени и 3 тысячи верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ этихъ голосовъ, казалось, что мы присутствуемъ съ закрытыми глазами при исполненіи выслушанныхъ нами отрывковъ. Одинъ и тотъ же фонографъ могли слушать сразу отъ 10 до 12 человѣкъ; они имѣлись при выставкахъ 5 штатовъ. Штатъ Колорадо

выставилъ, кромѣ того, весьма любопытную новинку по части школьных документовъ—*стенографическіе отчеты* уроковъ. Зимой 1893 г. въ нѣкоторыя школы города Денвера были приглашены стенографы, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней записали все, что происходило въ теченіе учебнаго дня въ порученныхъ имъ классахъ. Получились весьма интересные документы, дающіе полное понятіе объ учебныхъ занятіяхъ въ элементарныхъ, средне-начальныхъ и высшихъ школахъ и въ учительской семинаріи. Въ протоколы эти включены какъ слова учителей, такъ и отвѣты и вопросы учениковъ, ихъ восклицанія, замѣчанія учителей и проч., такъ что получается полное воспроизведеніе урока, особенно при соединеніи ихъ со слуховымъ матеріаломъ, доставляемымъ фонографомъ.

Фотографіи играли на выставкѣ весьма значительную роль. Помимо фотографій зданій и ученическихъ группъ, которыя скучны по своей избитости, на выставкѣ были представлены фотографіи классныхъ помѣщеній, мастерскихъ и лабораторій во время учебныхъ занятій. Благодаря возможности дѣлать снимки моментально, многимъ фотографамъ удалось сдѣлать ихъ, не приостанавливая занятій, изображивъ учениковъ и ученицъ въ самыхъ естественныхъ и непринужденныхъ позахъ. Такимъ образомъ при посредствѣ представленныхъ фотографій можно было получить понятіе объ обстановкѣ класса, положеніи учениковъ и учителей и урокахъ, которые въ это время происходили, такъ какъ тема ихъ обыкновенно пишется на доскѣ, гдѣ иногда записываются и всѣ объясненія. Если снимокъ былъ сдѣланъ во время отвѣта учениковъ или ученицъ, напримѣръ, по ариметикѣ, то зрители могли судить, какъ рѣшали ученики предложенныя имъ задачи.

Наиболѣе полная и интересная коллекція была представлена штатомъ Индіана. Тамъ были послѣдовательныя фотографіи различныхъ классовъ, снятыя во время различныхъ уроковъ и занятій (дѣти во время предметнаго урока, классы ариметики и географіи, мастерская ручнаго труда, химическая лабораторія, классъ шитья и проч.). Въ одной изъ витринъ была выставлена серія фотографій, снятыхъ во время уроковъ математики, послѣдовательно во всѣхъ 7 классахъ, съ ученицъ, рѣшившихъ заданныя имъ задачи. Наиболѣе полезными фотографіи оказались для иллюстраціи гимнастическихъ упражненій. Бостонская нормальная школа для обученія гимнастики и подготовленія преподавателей и преподавательницъ гимнастики представила нѣсколько сотъ фото-

графій, изображавшихъ весь рядъ движеній, исполняемыхъ учениками и ученицами. Дѣвушки снимались въ вуаляхъ, такъ чтобы лица ихъ нельзя было узнать.

Нѣкоторые штаты представляли фотографіи съ *астидныхъ досокъ*, съ цѣлью дать возможность посѣтителямъ выставки ознакомиться съ работами учениковъ, еще не употребляющихъ тетрадей. Какъ извѣстно, въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе перваго года обученія избѣгаютъ употребленія пера и бумаги, и грифельныя доски пользуются большой симпатіей учителей. Штатъ Западной Виргиніи прислалъ такія доски въ подлинникѣ. Онѣ хранились въ особыхъ шкапчикахъ съ полочками, откуда ихъ было удобно вынимать для обозрѣнія.

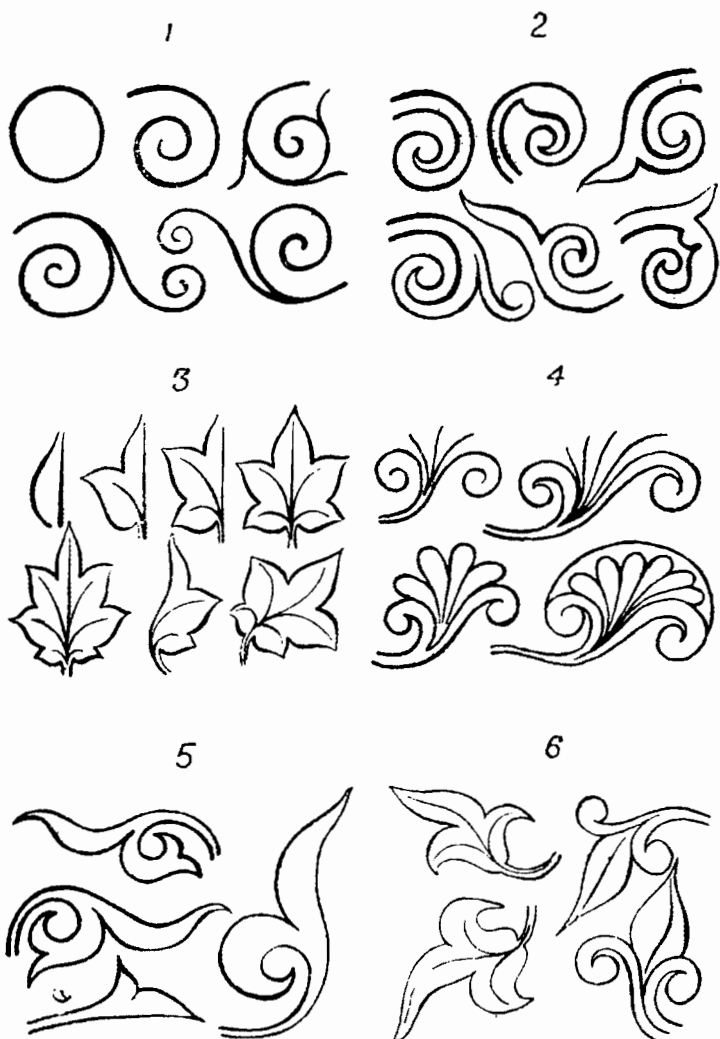
Съ фотографіями какъ количествомъ, такъ и разнообразіемъ соперничаютъ *рисунки*. Ихъ было цѣлая тысяча, начиная отъ фигурокъ, сдѣланныхъ дѣтьми 6 и 7 лѣтъ на грифельныхъ доскахъ, и кончая рисунками карандашемъ, перомъ и картинами, писанными акварелью и масляными красками. Въ общемъ этотъ видъ школьныхъ экспонатовъ внушаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ другіе, такъ какъ есть основаніе предполагать, что нѣкоторые изъ рисунковъ были исправлены учителями, а другіе суть индивидуальныя работы наиболѣе талантливыхъ въ этомъ отношеніи учениковъ, сдѣлавшихъ рисунки специально для выставки. Съ указанными оговорками отдѣлъ этотъ представлялъ много интереснаго для изученія.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить такъ называемую „Филладельфійскую художественно-промышленную школу“. Какое громкое имя для учебнаго заведенія, въ которое ученики среднихъ начальныхъ школъ приходятъ два раза въ недѣлю для изученія рисованія, лѣпки и рѣзбы по дереву, какъ одного изъ видовъ ручнаго труда. Школа эта выработала и проводитъ въ жизнь новую методу рисованія, которая привлекала вниманіе многихъ педагоговъ, посѣтившихъ выставку, и произвела вообще нѣкоторую сенсацію.

По мысли г. Ж. Л. Тадда, директора школы и автора указанного ниже метода, рисованіе должно дѣлаться въ школахъ преимущественно на *черной доскѣ, отъ руки*. безъ помощи инструментовъ, *употребляя попеременно какъ правую, такъ и лѣвую руку, или обѣ руки вмѣстѣ*.

Первые элементы рисованія должны состоять изъ *кривыхъ* линій, а не прямыхъ, такъ какъ кривая, по его мнѣнію, болѣе естественна, ближе къ природѣ и легче усваиваются и проводятся дѣтьми, по-

строенія же изъ прямыхъ, будучи искусственными и абстрактными, даются имъ труднѣе и должны быть отнесены къ болѣе позднимъ урокамъ. Рисованіе на бумагѣ, въ тетрадяхъ вредно влияетъ, какъ и всѣ письменныя занятія и чтеніе, на зрѣніе учениковъ. принужденныхъ нагибаться и напрягать глаза, чтобы рассмотреть ту или другую линію. Рисуя на доскѣ, они стоятъ, движенія ихъ свободны. линіи, нарисованныя толстымъ штрихомъ, не утомляютъ зрѣнія. Главное вниманіе г. Тадда обращаетъ на рисованіе лѣвой рукой. Употребленіе исключительно правой онъ считаетъ крайне неправильнымъ и одностороннимъ. Пользованіе обѣими руками давало у него въ школѣ прекрасные результаты. и многіе ученики по окончаніи курса владѣли лѣвой рукой въ такой же мѣрѣ, какъ правой. Никто не станетъ спорить, что рабочій, который ловокъ на обѣ руки, будетъ выше того, который можетъ исполнять нѣкоторыя работы только правой. Рисуя обѣими руками вмѣстѣ, учащіеся приучаются къ координаціи движеній той и другой руки, и въ то же время работа эта развиваетъ у нихъ сообразительность, вѣрность глаза и ловкость рукъ. Во время подобныхъ упражненій мускулы ученика находятся въ полномъ равновѣсіи, онъ стоитъ прямо и держитъ голову высоко и ровно. Система эта, по мнѣнію г. Тадда, сокращая время обученія, облегчаетъ трудъ учениковъ; они легче усваиваютъ пужныя знанія и съ меньшими усилиями приобретаютъ полезныя навыки и необходимую ловкость при исполненіи работы. Для иллюстрацій этой системы на выставкѣ двѣ ученицы одной изъ Филадельфійскихъ школъ исполняли на черной доскѣ рядъ различныхъ рисунковъ. Основной фигурой считается кругъ. на которомъ и учатся владѣть обѣими руками. Ученикъ, сдѣлавъ легкій размахъ, обрисовываетъ два круга и продолжаетъ повторять ту же круговую линію, не отрывая руки отъ доски; при этомъ возможны три комбинаціи: руки движутся такимъ образомъ, что при достиженіи верхвей точки круга онѣ расходятся; вторая—что онѣ сходятся, и третья—идутъ въ одномъ направленіи. Кромѣ круга, учащіеся рисуютъ сначала отдѣльныя кривыя линіи, а потомъ комбинаціи ихъ, образующія различныя фигуры. Каждая послѣдующая работа включаетъ въ себѣ элементы предыдущихъ. Вотъ нѣсколько образцовъ этихъ рисунковъ и изображеніе рисующихъ.

Изъ русскихъ представителей князь С. М. Волконскій и Т. Б. Сѣмечкина, талантливая художница, высказывались въ пользу этой системы. И. Я. Гердь относился къ ней скептически. Во всякомъ случаѣ она, какъ намъ думается, достойна изученія и представляетъ интересъ какъ съ гигиенической, такъ и педагогической точки зрѣнія.

Отбросивъ, какъ ненужный балластъ, рисунки и картины, носящія явно выставочный характеръ, можно, на основаніи представленныхъ на выставку рисунковъ и альбомовъ, указать на слѣдующія характерныя особенности въ преподаваніи рисованія въ нѣкоторыхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ. До послѣдняго времени преобладало рисованіе съ плоскости. Ученики копировали рисунки изъ тетрадей, съ черной доски и рисовали геометрическія построенія и затѣмъ уже орнаменты съ гипсовыхъ фигуръ. Въ настоящее время сталъ преобладать методъ рисованія съ натуры—съ предметовъ изъ обыденной жизни.

Выборъ предметовъ хотя и дѣлается учителями, но очень часто ученикамъ предоставляется право подъ руководствомъ учителя найти самому тему для рисунка. Поэтому въ классѣ рѣдко когда рисуется одинъ предметъ или одна группа вещей; ихъ бываетъ по нѣскольку. Понятно, что при свободѣ избирать темы трудно провести какую либо систему, и ученики сразу попадаютъ на довольно трудныя вещи. Это, однако, не смущаетъ американскихъ педагоговъ, которые говорятъ, что разъ тема интересуетъ учащагося, то онъ будетъ работать усерднѣе надъ ея исполненіемъ. Тщательная отдѣлка рисунка рѣдко когда требуется. Во многихъ школахъ, судя по выставленнымъ рисункамъ, принятъ для рисованія толстый и мягкій карандашъ, дающій очень широкій штрихъ. Ученики, работающіе имъ, должны передать только общее впечатлѣніе, которое произвелъ на нихъ въ зрительномъ отношеніи предметъ, не заботясь объ отдѣлкѣ и деталяхъ. Такимъ образомъ граница между линейнымъ рисованіемъ и рисованіемъ съ тушевкой исчезаетъ. При такой работѣ ученики успѣваютъ сдѣлать много рисунковъ и привыкаютъ схватывать главнѣйшія внѣшнія черты предмета, но въ общемъ получается своего рода импрессионизмъ. Употребленіе линеекъ, циркулей и тетрадокъ, разлинованныхъ квадратиками, изгоняется. Отмѣтимъ еще работы по рисованію, продиктованныя учителемъ (нарисуйте прямоугольникъ, треугольникъ, вписанный въ квадратъ, и проч.), нарисованныя на память, и орнаменты, составленные самостоятельно учениками. Рисованіе тѣсно связано здѣсь въ начальныхъ школахъ съ обученіемъ письму и основами геометріи и естествовѣдѣнія. Въ элементарныхъ школахъ

для него не имѣется особыхъ тетрадей, такъ какъ рисованіе не признается въ нихъ самостоятельнымъ предметомъ, а лишь однимъ изъ средствъ, при помощи которыхъ дѣтямъ можно облегчить и сдѣлать болѣе производительнымъ изученіе роднаго языка и указанныхъ выше предметовъ, по скольку они входятъ въ программу первыхъ 4-хъ классовъ. Рисунки, сдѣланные дѣтьми (самымъ примитивнымъ, конечно, образомъ), служатъ имъ темой для письменныхъ работъ или иллюстрируютъ эти послѣднія. Такія тетради по англійскому языку, „иллюстрированныя“ перомъ, по выраженію отчетовъ, были представлены на выставку въ значительномъ количествѣ и интересовали многихъ. Изъ специальныхъ художественныхъ учебныхъ заведеній отмѣтимъ институтъ искусствъ въ Чикаго, школу изящныхъ искусствъ въ Семъ-Луи, нормальную школу для подготовленія учителей и учительницъ рисованія въ Бостонѣ, школу рисованія для женщинъ въ Филадельфіи и выставку субботнихъ вечернихъ классовъ по рисованію въ г. Чикаго.

Очень большое мѣсто на штатныхъ выставкахъ занимали витрины съ коллекціями работъ *по ручному труду*. Въ большинствѣ секцій для нихъ были отведены особые мѣста на стѣнѣ или въ ящикахъ подъ стекломъ, при чемъ изобиліе и разнообразіе ихъ ясно указывало на то, что въ Америкѣ заинтересовались этимъ еще новымъ предметомъ и серьезно занялись разработкой его. Представленные въ означенной группѣ коллекціи были трехъ родовъ: шведская (слэйдъ), французская (система Салисиса) и американскія системы. находящіяся еще въ періодѣ образованія. Означенныя коллекціи заключали въ себѣ лишь предметы, которые могутъ быть исполнены въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и ограничивались преимущественно образцами по обработкѣ дерева. Болѣе развитые курсы по ручному труду нашли свое осуществленіе въ учебныхъ заведеніяхъ, выдѣленныхъ въ отдѣльную группу подъ именемъ школъ ручнаго труда.

Рядомъ съ моделями по ручному труду фигурировало безчисленное множество работъ по бумагѣ, картону и простѣйшихъ образцовъ лѣпки изъ глины, упражненія со спичками, горохомъ и проч., дѣлаемая по Фребелевской методѣ въ дѣтскихъ садахъ. Собранія образцовъ *лпки изъ глины*, преподаваемой, какъ сказано, въ дѣтскихъ садахъ, а ровно и въ начальныхъ и высшихъ школахъ, также фигурировали въ многихъ витринахъ штатныхъ выставокъ. Лѣпка тѣсно связана здѣсь съ рисованіемъ, и въ нѣкоторыхъ школахъ одинъ и тотъ же предметъ сначала лѣпится изъ глины и потомъ срисовы-

вается учениками и наоборотъ. Однимъ изъ видовъ лѣпки является приготовленіе изъ глины рельефныхъ географическихъ картъ (въ грубомъ, конечно, видѣ), служащихъ въ качествѣ учебнаго пособія и употребляемыхъ учителями для выясненія ученикамъ на урокахъ географіи строенія земной поверхности. Нѣсколько подобныхъ картъ фигурируютъ рядомъ съ *картами*, которыя должны изображать въ отдѣльных штатахъ или въ Союзѣ распредѣленіе естественныхъ богатствъ или распространеніе различныхъ видовъ промышленности. На географическихъ картахъ, наклеенныхъ на картонъ, были прикрѣплены въ соответствующихъ мѣстахъ кусочки угля, желѣза, мѣди, зерна хлѣба, кукурузы, комочки хлопка и т. п. и нарисованы быки, овцы, лошади и проч., или если составители ихъ желали дать понятіе о промышленности страны, то прикрѣплялись образчики матеріи, стали, кожи и т. п. Если мы добавимъ къ этому книги, образцовыя библіотека, учебныя пособія, сдѣланныя учениками, аппараты и приборы для физическихъ и химическихъ опытовъ, нѣсколько гербаріевъ и естественно-историческихъ коллекцій, то мы исчерпаемъ главнѣйшіе виды экспонатовъ на штатныхъ выставкахъ (въ общеобразовательныхъ отдѣлахъ).

Нѣкоторые штаты не удовольствовались, однако, вышеуказаннымъ, но устроили еще въ дополненіе *активныя выставки*. Въ зданіи штата Иллинойсъ были двѣ активныя выставки: Фребелевская школа и училище слѣпыхъ. Для первой была отведена комната, гдѣ дѣти соответствующаго возраста, подъ руководствомъ опытныхъ наставницъ, занимались различными упражненіями и играми. Программа учебнаго дня была та же, которая принята во всѣхъ дѣтскихъ садахъ этого штата. Посѣтители допускались только во время рекреаций съ правомъ просидѣть весь урокъ до 1-й слѣдующей перемѣны. Во время занятій двери были закрыты. Классы посѣщались довольно усердно, преимущественно женщинами.

Слѣпые были помѣщены въ довольно обширной залѣ, гдѣ для нихъ было отведено въ серединѣ помѣщеніе, отдѣленное отъ публики барьеромъ. Они занимались различными ремеслами и рукодѣліями, нѣкоторые читали и писали, а одинъ печаталъ на особой машинѣ на небольшихъ карточкахъ по нѣсколько словъ выпуклаго шрифта. Карточки раздавались присутствующимъ. Посрединѣ сидѣло нѣсколько слѣпыхъ, составлявшихъ оркестръ и прекрасно игравшихъ. Впечатленіе, при посѣщеніи этой залы, было очень сильное, и публика уходила задумчивая, удивляясь прекраснымъ результатамъ обученія слѣпыхъ, научившихся бѣгло читать и писать, изготовлять прекрасныя

издѣлія по шитью и плетенію. щеточному и др. производствамъ и изучившихъ, кромѣ того, музыку.

Въ отдѣльномъ зданіи, построенномъ Союзнымъ бюро по индѣйскимъ дѣламъ, была устроена активная выставка школъ индѣйцевъ. Ученики и ученицы индѣйцы, въ числѣ 30—40 человекъ, помѣщались въ этой школѣ въ теченіе всего выставочнаго сезона. Выставленные работы учениковъ и различныя предметы, характеризующіе бытъ индѣйцевъ и присланные изъ различныхъ школъ, смѣнялись каждыя 3—4 недѣли, чтобы дать возможность посѣтителямъ видѣть всѣ экспонаты по очереди. Учащіеся жили въ зданіи, представляющемъ образецъ школъ, устроенныхъ въ различныхъ штатахъ указаннымъ бюро. Учащіеся сами готовили себѣ пищу, проводя день совершенно такъ же, какъ у себя въ училищѣ. Они занимались въ положенное время уроками, рукодѣліями и мастерствами. Члены различныхъ духовныхъ конгрегацій, заботящихся о просвѣщеніи краснокожихъ, также демонстрировали здѣсь свои методы преподаванія.

Въ зданіи мануфактуръ можно указать на подопную же выставку коммерческихъ училищъ, учащіеся которыхъ работали въ устроенныхъ съ демонстративной цѣлью отдѣленіяхъ промышленныхъ и торговыхъ домовъ, и отчасти на активную выставку описанной выше секція художественно-промышленной школы въ Филадельфія.

Классная обстановка, помимо фотографій, могла быть изучена по тремъ образцовымъ класснымъ комнатамъ, устроеннымъ двумя въ зданіи дворца мануфактуръ (одна въ американскомъ отдѣлѣ, другая въ германскомъ), а одной въ зданіи штата Илинойсъ. Цѣльныя *школьныя зданія* были устроены одно въ два этажа для упомянутой индѣйской школы (185 фут. длины и 80 фут. ширины), другое—въ качествѣ модели для воскресной школы. Планъ послѣдняго зданія обсуждался очень долго различными специалистами, и теперь оно считается образцовымъ. Въ него по воскресеньямъ собирались для занятій и для выслушиванія сообщеній и участія въ засѣданіяхъ по вопросамъ религіознаго образованія. Полная коллекція учебниковъ и пособій, употребляемыхъ въ означенныхъ школахъ, была выставлена въ залахъ описываемаго домика. Архитектура его весьма изящна, а внутреннее расположеніе очень удобно.

II.

Выставки отдѣльныхъ штатовъ.

Изъ *штатныхъ выставокъ* отличались тѣ, которыя принадлежали старѣйшимъ штатамъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить отдѣлъ штата *Массачузетса* съ городомъ Бостономъ во главѣ, называемымъ американскими Афинами. Онъ занимаетъ очень большое пространство, раздѣленное на 8 комнатъ, занятыхъ экспонатами дѣтскихъ садовъ, начальныхъ, грамматическихъ и высшихъ школъ, работами по ручному труду и рукодѣліямъ, департаментомъ народнаго образованія, нормальными школами и работами вечернихъ школъ. Выставка по ручному труду, весьма интересная и разнообразная, отличалась той особенностью, что отдѣльныя модели были представлены въ нѣсколькихъ экземплярахъ съ различною степенью отдѣлки, такъ что получалась возможность судить о ходѣ и послѣдовательности обработки сырого матеріала. Тутъ же рядомъ выставка знаменитаго университета Говарда, университета Кларка и колледжей Вильямса и Туерта.

экспонаты американскаго колледжа для дѣвушекъ въ Константинополѣ и интернаціональнаго института для дѣвицъ въ Испаніи. Весьма интересны въ описываемомъ отдѣлѣ фотографіи *даровыхъ публичныхъ библиотекъ*, имѣющихся въ такомъ количествѣ и такъ расположенныхъ по штату, что ими можетъ пользоваться все населеніе поголовно. Онѣ, судя по стѣннымъ таблицамъ, имѣются въ 352 городахъ и мѣстечкахъ и заключаютъ въ себѣ 2.759.400 томовъ. Требованій въ 1892 г. для домашняго чтенія было 5.040.629. Дѣло это находится въ завѣдываніи особой комиссіи даровыхъ публичныхъ библиотекъ, организованной лишь съ 1890 года. Комиссіи дано право отпускать городамъ и мѣстечкамъ, не имѣющимъ еще подобныхъ библиотекъ, одновременное пособіе на покупку книгъ и выписку журналовъ въ размѣрѣ 100 долларовъ. Она же беретъ на себя содержание канцеляріи библиотeki и уплачиваетъ всѣ необходимые расходы на сумму не свыше 500 долларовъ въ годъ на каждую изъ нихъ. Городъ или мѣстечко, устраивающіе библиотeku, обязуются, смотря по своей величинѣ, отпускать ежегодно на пополненіе библиотекъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ таксы на собакъ, или другихъ источниковъ отъ 15 до 50 долларовъ и избирать особый комитетъ, въ завѣдываніе котораго отдается библиотeka. Комитетъ

имѣть надзоръ за цѣлостью книгъ и принимаетъ мѣры къ сбору пожертвованій и вообще къ возможному расширенію вѣреннаго ему учрежденія. Въ настоящее время стоимость частныхъ пожертвованій (въ видѣ книгъ, денегъ и проч.) достигла колоссальной цифры—1.000.000 долларовъ. По расчету наличнаго населенія—2.238.000 человекъ—оказывается, что въ настоящее время уже 97% жителей могутъ пользоваться этими библіотеками. Хотя въ 1891 г. налогъ на собакъ далъ въ штатѣ около 80 тысячъ долл., но суммы этой не хватило на доплату по содержанію библіотекъ и, главное, на устройство зданій, и городамъ пришлось добавить на эти нужды свыше 200 тысячъ рублей.

Великолѣпная и обширная выставка была представлена штатомъ и городомъ *Нью-Йоркъ*. Всѣ экспонаты были расположены съ замѣчательной систематичностью и порядкомъ. Нѣсколько шкаповъ были наполнены сотнями переплетенныхъ томовъ, заключавшихъ въ себѣ работы учениковъ и ученицъ различныхъ учебныхъ заведеній. На корешкѣ каждого тома былъ обозначенъ предметъ, классъ, гдѣ онъ преподается, и средній возрастъ учениковъ. Въ общемъ получился громадный и очень цѣнный архивъ. Прекрасныя витрины съ работами по ручному труду соперничали съ экспонатами изъ Фребелевскихъ школъ. Въ 1820 г. Нью-Йоркъ тратилъ на образованіе по 200 тысячъ долларовъ, а въ прошломъ 1892 г. имъ была израсходована, страшно сказать, сумма въ 18 милл. долларовъ, или 36 милл. рублей по курсу. Число начальныхъ школъ равняется 12 тысяч., число учителей и учительницъ 32.000, содержаніе ихъ въ среднемъ достигаетъ въ годъ почти 1.000 рублей (934). Число учащихся въ публичныхъ начальныхъ школахъ 1.800.000, въ частныхъ 164.000. Уже въ 1652 г. по водвореніи переселенцевъ голландцевъ на территоріи, занимаемой нынѣ г. Нью-Йоркомъ, были организованы первыя школы грамоты, но за нимѣвшимъ особыхъ зданій преподаваніе дѣлалось въ тавернахъ, и учителя получали въ годъ всего по 8 долларовъ.

Не менѣе обширная и богатая выставка была устроена штатомъ *Иллинойса*, въ которомъ находится городъ Чикаго. Педагогическій отдѣлъ этого штата былъ помѣщенъ въ великолѣпномъ штатномъ дворцѣ и занималъ болѣе половины восточнаго крыла. Помимо указанныхъ выше двухъ активныхъ выставокъ и образцовой школьной комнаты, отдѣлъ выдѣлялся полнотой и систематичностью выставленныхъ коллекцій. Очень хороши были рисунки и коллекціи работъ по ручному труду. Первое мѣсто занималъ городъ Чикаго, экспонаты котораго были превос-

ходны. Городъ Кевани представилъ работы, судя по которымъ ознакомленіе учениковъ съ основами естествовѣдѣнія и физики какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ путемъ (на урокахъ отечественнаго языка, ариметики и рисованія) имѣть мѣсто во всѣхъ классахъ городскихъ начальныхъ школъ, начиная съ 1-го и до 8-го (4 класса въ элементарной и 4 въ средней начальной), а тетради изъ города Авроры указываютъ на хорошую постановку тамъ преподаванія англійскаго языка. Высшая школа въ Моррисѣ представила геологическіе образцы каменноугольной флоры Иллинойса. Обѣ штатныя нормальныя школы выставили много интересныхъ экспонатовъ. Въ отдѣлѣ одной изъ нихъ, находящейся въ Карбондаль, были помѣщены составленныя учениками стѣнные таблицы для обученія дѣтей чтенію. Выставка образцовъ нормальной школы графства Кука была устроена почему-то въ зданіи дѣтей.

Изъ сѣверозападныхъ штатовъ лучшая выставка принадлежала *Миннезотѣ*. Въ ней приняли участіе многіе города и мѣстечки штата, но первенствующее значеніе заняли Сентъ-Поля и Минеаполисъ, два города-близнеца. Расположенные почти рядомъ и раздѣленные только рѣкой Миссисипи, оба эти города являются непримиримыми соперниками. Что сдѣлано однимъ, то непременно должно быть сдѣлано и, если возможно, въ лучшемъ и болѣе совершенномъ видѣ другимъ. Секціи какъ Минеаполиса, такъ и Сентъ-Поля были очень богаты матеріалами. Заслуживали вниманія работы по отечественному языку, ариметикѣ, географіи, исторіи, естествовѣдѣнію, домоводству, ручному труду и рисованію, то-есть, почти по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ курсъ начальной школы. Специально для Минеаполиса можно отмѣтить прекрасные образцы рѣзбы по дереву. Городъ Дулусъ прислалъ рельефныя географическія карты. Четыре штатныя нормальныя школы представили хорошія работы по литературѣ и рисованію. Посѣтителѣмъ раздавался изящный альбомъ со свѣдѣніями по народному образованію, иллюстрированный болѣе чѣмъ 300 прекрасно исполненными рисунками.

Въ отдѣлѣ штата *Индіана* такъ же, какъ и въ Миннезотѣ, главное мѣсто принадлежало двумъ городамъ Индіанопольсу и Лапорту. Первый прислалъ прекрасную коллекцію фотографій, о которыхъ упомянуто выше. Въ школахъ этого города принята система преподаванія всѣхъ школьныхъ предметовъ въ связи и на основаніи матеріаловъ, черпаемыхъ по возможности изъ жизни и явлений природы. Въ школахъ города Лапорта хороши письменныя

работы. Отъ Фребелевскихъ школъ представлено значительное количество предметовъ. Весьма интересны двѣ большія стѣнные таблицы, указывающія на распространеніе дѣтскихъ и юношескихъ *кружковъ для чтенія* (Young people's reading circle) и подобныхъ же кружковъ для учителей. Въ штатѣ Индіана при каждой почти школѣ имѣется школьная бібліотека, но ими пользуются не всѣ ученики, а лишь тѣ, которые состоятъ членами кружковъ для чтенія, приуроченныхъ къ каждому училищу. За право чтенія книгъ платить ничего не приходится, и членомъ можетъ быть всякій ученикъ, который, прочтя съ разрѣшенія учителя одну или нѣсколько книгъ изъ бібліотеки, заявитъ о своемъ желаніи читать дальше и быть членомъ кружка. Изъ состава кружка выбирается одинъ или нѣсколько учениковъ, которые завѣдуютъ раздачей книгъ и записываютъ фамиліи взявшихъ ихъ. Книги пополняются на средства, отпускаемыя городами и мѣстечками, на подписныя деньги и часто жертвуются членами кружка—учениками, которые, какъ лица, заинтересованныя въ процвѣтаніи и расширеніи „своей общей бібліотеки“, охотно дѣлаютъ это и вообще относятся къ книгамъ съ болѣею внимательностью и аккуратностью, чѣмъ къ тѣмъ, которыя получаютъ изъ учреждений, гдѣ они участія не принимаютъ. Ежегодно центральное бюро означенныхъ кружковъ для чтенія, находящееся подъ предѣтельствомъ г-жи Эммы Монтъ-Мак-рэ (профессора англійской литературы въ университетѣ Пердю въ гор. Лафайетъ), выбираетъ изъ всемірной литературы нѣсколько образцовыхъ сочиненій, которыя было бы желательно ввести въ школьныя бібліотеки и, войдя въ соглашеніе съ книгопродавцами относительно ихъ удешевленія, рекомендуетъ ихъ учителямъ. Съ 1887 г., когда были организованы означенные кружки, теперь набралось уже порядочно книгъ, заслуживающихъ дѣйствительно серьезнаго вниманія, и мы, просматривая подобную образцовую бібліотеку, съ удовольствіемъ ознакомились съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ 1892—1893 году въ кружкахъ насчитывалось 6.515 членовъ, что при наличности 6.761 ученика составитъ около 93%. Книгъ было прочитано 26.678—въ среднемъ на одного ученика 4 книги. Это немного, но надо помнить, что въ Америкѣ книги достаются сравнительно легко, и ученики читаютъ какъ свои собственныя книги, такъ и получаемыя изъ другихъ бібліотекъ. Эти же четыре книги указываютъ, что ученики прочли 4 цѣнныхъ литературныхъ произведенія. При неимѣніи подобной бібліотеки въ сосѣдней школѣ прочитанныя книги пересылаются въ нее

на время, такъ что книжныя собранія эти играютъ роль передвижныхъ библиотекъ и имѣютъ, благодаря этому, обширный кругъ читателей. Для учителей тоже устроены особые клубы или кружки, имѣющіе цѣлью объединять учителей и посредствомъ чтенія и обсуждения серьезныхъ сочиненій способствовать ихъ взаимному развитію. Участники такихъ кружковъ выбираютъ сначала какую нибудь книгу на общемъ собраніи или принимаютъ къ обсужденію сочиненіе, избранное центральнымъ бюро, и послѣ собираются, чтобы обмѣняться мыслями по поводу прочитаннаго.

Въ учительскихъ кружкахъ въ 1892 г. изъ 13.632 учителей и учительницъ принимало участіе 11.916. Администрація придаетъ весьма большое значеніе участію учителей въ подобныхъ клубахъ, и поэтому въ нихъ обыкновенно принимаютъ участіе и ученики высшихъ начальныхъ школъ, подготовляющіеся къ учительскому званію. На экзаменахъ для означенныхъ лицъ требуется знаніе нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, назначаемыхъ заранее. Заглавія ихъ обыкновенно совпадаютъ съ тѣми, которыя бывають избраны центральнымъ бюро учительскихъ кружковъ для чтенія ¹⁾).

Отъ Пенсильваніи, одного изъ богатѣйшихъ и наиболѣе передовыхъ штатовъ, можно было бы ожидать большаго. Впрочемъ, суперинтендентъ штата составилъ къ выставкѣ весьма обстоятельный отчетъ съ массою данныхъ, касающихся исторіи, системы и статистики народнаго образованія. Стѣнныя таблицы тоже были очень обстоятельны. Посѣтителѣмъ бросалась въ глаза громадная цифра школъ въ штатѣ—23 тысячи.

По ручному труду отмѣтимъ выставку одной изъ высшихъ начальныхъ школъ, въ которыхъ рисованіе соединено съ выпиливаніемъ. На стѣнахъ было развѣшано 13 витринъ съ образцами работъ по выпиливанію (въ каждой витринѣ было отъ 9 до 15 пред-

¹⁾ Съ 1884—1893 гг. были рекомендованы слѣдующія книги: 1884 г.—*Brooks' Mental Science*, *Barnes' General History*, *Parker's Talks on Teaching*. 1885 г.—*Brooks' Mental Science*, *Smith's English Literature*, *Hewitt's Pedagogy*. 1886 г.—*Hailman's Lectures on Education*, *Green's History of the English People*, *Watts on the Mind*. 1887 г.—*Lights of Two Centuries*, *Sully's Hand-Book of Psychology*. 1888 г.—*Compayre's History of Education*, *The Marble Faun*, *Heroes and Hero Worship*. 1889 г.—*Compayre's Lectures on Teaching*, *Steele's Popular Zoology*. 1890 г.—*Wood's How to Study Plants*, *Boone's Education in the United States*, with review of previous psychological studies. 1891 г.—*Page's Theory and Practice of Teaching*, *Hawthorne's Studies in American Literature*. 1892 г.—*Fiske's Civil Government in the United States*, and *Holme's Autocrat of the Breakfast Table*.

метовъ), представляющихъ послѣдовательную систему. Курсъ заканчивается рельефными работами по мѣди (6 образцовъ).

Въ отдѣлѣ штата *Колорадо* были интересны упомянутые нами фонографы, такъ-же какъ и стенографическіе отчеты города Денвера. Въ школахъ послѣдняго обращается особенное вниманіе на изученіе отечественнаго языка. Въ правописаніи, изложеніи и разговорѣ ученики достигаютъ прекрасныхъ результатовъ, и въ этомъ отношеніи школы Денвера могутъ быть сравниваемы съ училищами Бостона. Минеаполиса, Сентъ-Поля и Индианополиса.

Остальные отдѣлы были болѣе скромны, но тоже отличались разнообразіемъ и интересомъ. Сюда можно отнести слѣдующіе штаты: *Мичиганъ*, выписка изъ каталога котораго представлена выше; *Висконсинъ*—въ немъ въ начальныхъ школахъ преподается рядомъ съ англійскимъ нѣмецкій языкъ; работы по географіи, представленныя имъ, были неудачны; онѣ состояли изъ экзаменаціонныхъ листовъ съ написанными на нихъ краткими отвѣтами; *Миссури*—прекрасная постановка арифметики; *Иова*—рельефныя карты изъ палье-машъ; *Небраска*—французская система ручнаго труда и мозаика по дереву; *Орегонъ*—преподаваніе въ начальныхъ школахъ первоначальныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству; *Канзасъ*, *Монъ*, *Мэрилендъ*, *Тенесси*, *Кентукки*, *Монтана*, *Конектикутъ* и *Сѣверная Дакота*, гордо выѣсившая лаконическую, но многозначительную надпись: „У Сѣверной Дакоты 3.000.000 акровъ плодородныхъ школьныхъ земель!“ Счастливый штатъ, которому никогда не придется искать денегъ на святое дѣло народнаго образованія и не нужно будетъ отказывать желающимъ получить его за невѣніемъ школъ, учителей или мѣстъ. Гораздо слабѣе были выставки штатовъ Флориды. Новой Мексики, Южной Дакоты и Юты. Нѣкоторые изъ штатовъ, преимущественно южныхъ, а именно: Джоржія, Алабама, Миссисипи, Луизиана, Техасъ и Калифорнія и новые штаты Аризона, Невада, Віѳомингъ и Вашингтонъ, наравлѣ съ небольшими Вермонтомъ и Делаваромъ и остальными Віргиніей и Южной Каролиной,—совѣтъ не имѣли педагогическихъ выставокъ въ отдѣлѣ свободныхъ искусствъ. Впрочемъ, *Вашингтонъ* и *Калифорнія* организовали педагогическіе отдѣлы въ своихъ штатныхъ здаціяхъ, а *Луизиана* представила въ своемъ здаціи школы для негровъ.

О школьныхъ сбережительныхъ кассахъ въ штатныхъ отдѣлахъ не имѣлось на сколько мнѣ извѣстно, никакихъ свѣдѣній. Въ южной галлерей этому вопросу была посвящена специальная витрина. Она

представляла изъ себя рамку изъ рѣзнаго дерева, въ которой была помѣщена подъ стекломъ таблица съ подробнымъ указаніемъ, сколько въ каждомъ штатѣ сберегательныхъ кассъ. Оказывается, что онѣ были впервые введены въ одной изъ школъ Лонгъ-Айленда (Нью-Йоркъ) въ 1885 г. Въ мартѣ 1893 г. ихъ было устроено 1467 въ школахъ, расположенныхъ въ 78 городахъ и селеніяхъ, главнымъ образомъ въ штатахъ Пенсильванія и Нью-Йоркъ. Кассы эти имѣютъ 33.810 вкладчиковъ, вложившихъ въ нихъ 345.634 доллара; изъ этихъ денегъ 177.886 долларовъ было взято въ разное время обратно, такъ что на лицо осталось 167.748 д.

III.

Изъ специальныхъ отдѣловъ отмѣтимъ нижеслѣдующіе:

Витрины, посвященныя *дѣтскимъ садамъ*.

Помимо экспонатовъ дѣтскихъ садовъ, помѣщенныхъ во многихъ штатныхъ выставкахъ, этому виду воспитательно-образовательныхъ учебныхъ заведеній было посвящено нѣсколько специальныхъ секцій.

Школьнымъ садамъ въ качествѣ подготовительной ступени къ начальной школѣ посчастливилось въ Америкѣ. Они пользуются здѣсь большимъ вниманіемъ педагоговъ, хотя двѣ трети ихъ суть частныя учрежденія. Они не вошли тутъ еще въ систему публичныхъ школъ въ видѣ обязательнаго звена, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи, съ такъ называемыми „материнскими школами“, и пока встрѣчаются главнымъ образомъ въ городахъ. Въ настоящее время уже 137 городовъ и нѣсколько штатовъ признали ихъ полезность и выдаютъ средства на ихъ содержаніе. Многочисленныя общества, какъ, напримеръ, Golden Gate Kindergarten Association въ Санъ-Франциско. Free Kindergarten and Children's Aid Society въ Индианополисѣ. Free Kindergarten Association въ Луисвилѣ и другія, всего, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ. 115 обществъ и ассоціацій энергично пропагандируютъ это дѣло, устраивая Фребелевскія школы, готовя учебный персоналъ, издавая учебники, журналы, газеты и прочее.

Помимо обществъ, имѣющихъ мѣстный характеръ, въ іюль 1892 г. въ г. Саратогѣ былъ организованъ „Международный союзъ дѣтскихъ садовъ“, имѣющій цѣлью объединять усилія отдѣльныхъ обществъ и способствовать усиленію и расширенію ихъ дѣятельности.

Отдѣльными витрины по разбираемому отдѣлу принадлежали колледжу дѣтскихъ садовъ въ городѣ Чикаго, фирмѣ *Брадлея*, специально занимающейся изготовленіемъ и продажей учебныхъ пособій и книгъ для училищъ по системѣ Фребеля, и, наконецъ, *Песталоцци-Фребелевскаю* дома въ Берлинѣ, выставка котораго служила наглядной иллюстраціей системы указанныхъ двухъ педагоговъ. Кіоскъ представлялъ изящное сооруженіе, украшенное 5-ю скульптурными группами, изображавшими различные моменты изъ жизни дѣтей, и барельефомъ (подъ бронзу) Фребеля и Песталоцци. Въ витринахъ, устроенныхъ въ нижней части сооруженія, были разложены въ систематическомъ и послѣдовательномъ порядкѣ работы учениковъ и ученицъ. Для каждаго отдѣленія въ кіоскѣ былъ устроенъ особый ящикъ, надъ которымъ укрѣплена одна или нѣсколько картинокъ, иллюстрирующихъ жизнь учебнаго заведенія или имѣющихъ связь съ преподаваніемъ.

Въ первомъ отдѣленіи школы находятся дѣти въ возрастѣ отъ 2¹/₂ до 3¹/₂ лѣтъ; въ приготовительномъ—отъ 3¹/₂ до 6, въ элементарномъ отъ 6 до 7, въ ремесленныхъ классахъ отъ 6 до 14 лѣтъ. Въ послѣднихъ классахъ мальчикамъ преподается слѣзидъ и плетеніе, а дѣвочкамъ вязаніе, шитье и домашнее хозяйство. Впрочемъ, послѣ 12 лѣтъ дѣти рѣдко остаются въ заведеніи, переходя въ другія школы.

Въ витринѣ, посвященной дѣтямъ отъ 2¹/₂ до 3¹/₂ лѣтъ, лежатъ плетевія, бусы, квадратики изъ промасленнаго коленкора съ заранѣе проколотыми дырочками, сквозь которыя дѣвочки дѣлаютъ свои первыя стежки; вырѣзыванія изъ бумаги и клѣточки, свернутыя изъ кусочковъ матерій съ выпиланными поперечными нитками. Надъ этой витриной помѣщены рисунки, имѣющіе связь съ рождественской елкой. На одномъ—старикъ несетъ срубленную елку, на другомъ—елка эта уже украшена и зажжена, на третьемъ—дѣти окружаютъ вдовствующую императрицу Фредерику, которая раздастъ имъ подарки.

Мальчики до 5¹/₂ лѣтъ только выслушиваютъ разказы объ елкѣ и любятъ ея, ученикамъ слѣдующаго приготовительнаго и элементарнаго класса сообщается, что елка не только приноситъ удовольствіе, но и пользу, и что строеніе ея поучительно. Вѣточки, хвоя, части шишекъ, наклеенныхъ на картонъ, знакомятъ дѣтей съ строеніемъ дерева. Распиленное оно идетъ на подѣлки. Старшіе ученики употребляютъ его на работы по ручному труду, а тоненькія щепочки идутъ на плетенія корзиночнаго дна (подносика). Во 2-й витринѣ помѣщена комнатка, въ которой все сдѣлано дѣтьми: коврики, шкафъ.

толикъ. занавѣски; кукла одѣта ими же. Эти игрушки остаются въ рекреационной залѣ, и дѣти забавляются ими. Для предметныхъ уроковъ употребляются спички и горохъ, изъ которыхъ дѣти составляютъ рисунки и фигуры. Мотивы для плетенія въ этой витринѣ сложились, чѣмъ въ предыдущихъ; рисунки разукрашены цвѣтнымъ карандашемъ; вводятся вырѣзыванія. Тутъ же образцы складываній изъ бумаги (отъ простаго квадрата до розетки) и вязанія. Надъ 2-й витриной размѣщены 4 картины, посвященныя водѣ, какъ стихіи, и водной жизни; на 1-й—чайникъ съ кипящей водой, паръ; на 2-й—дѣти смотрятъ въ акваріумъ (рыбы); на 3-й—кормятъ лебедей—водяныя птицы, и на 4-й моютъ бѣлье. Всѣ работы въ это время подносятся къ этому понятію (вырѣзываніе изображеній рыбъ, водяныхъ птицъ, рисованіе акваріума и проч.). Различныя части туалета нарисованы, вырѣзаны и наклеены въ тетрадошки. Дѣти отиѣчаютъ крестиками въ своихъ тетрадошкахъ количество бѣлья, идущаго въ стирку, и сами стираютъ простыя вещи. Вырѣзываніе въ этомъ случаѣ замѣнило записываніе. Кромѣ мытья, дѣти въ этомъ возрастѣ начинаютъ приучаться стряпать (посуда, употребляемая дѣтьми, тоже была представлена). Надъ лицевой витриной представлены учительницы и дѣти въ саду и на молитвѣ. Это общая витрина, не касающаяся одного какого либо возраста. Въ ней находятся: 1) предметы, указывающіе, какимъ образомъ дѣтямъ объясняются первыя географическія понятія: планъ дома, измѣренный руками, шагами и на глазъ, домъ, выстроенный изъ кубиковъ, рисунокъ дома для цыплятъ—курятникъ; вязанія—шерстяные шарфы и коврики, и лѣпка изъ глины (примѣненіе основныхъ геометрическихъ формъ въ практической жизни: цилиндръ, гиря или груша, шаръ и картофель или яблоко, кубъ, раздѣленный на маленькіе кубы или параллелепипеды). 3-я и 4-я витрины киоска посвящены саду и фермѣ. Одинъ рисунокъ представляетъ корову. При ознакомленіи съ этимъ отдѣломъ дѣти ходятъ въ садъ, копаютъ гряды въ огородѣ, берутъ масло и проч. Рисунки и фигурки, вырѣзываемыя изъ картона, изображаютъ орудія, употребляемыя въ молочномъ хозяйствѣ (кувшины, телѣга, разносящая молоко), растенія и предметы, имѣющіе отношенія къ садоводству (тачка, лопата, ягоды). Дѣвочки вышиваютъ листочки, а мальчики собираютъ живыя растенія. Девизъ школы, обращенный къ педагогическому персоналу, слѣдующій: „Чтобы учить, надо постоянно учиться самому“. При школѣ на 200 дѣтей 120 учительницъ, надзирательницъ и прочихъ служащихъ. Администрація училища полагаетъ, что чѣмъ меньше прихо-

дится на одну учительницу занимающихся, тѣмъ успѣшнѣе послѣдняя можетъ справиться со своими обязанностями, и содержитъ поэтому, какъ указано выше, очень большой учебный персоналъ. Для очень отсталыхъ и слабыхъ дѣтей иногда назначается по специальной учительницѣ на каждого.

Песталоцци-Фребелевскій домъ осуществляетъ систему дѣтскихъ садовъ въ ея чистомъ и цѣльномъ видѣ (при домѣ имѣется дѣйствительно обширный садъ и всѣ нужныя добавочныя учрежденія), и американцы постоянно осаждали лицо, завѣдывавшее кіоскомъ, засыпая его различными вопросами и справками. Школа не стремится учить въ техническомъ смыслѣ этого слова, и въ витринахъ ея мы не видимъ тетрадей и книгъ. Она задается цѣлью, какъ вообще всѣ фребелевскія школы, развивать въ дѣтяхъ путемъ игръ, бесѣдъ и занятій врожденные въ нихъ инстинкты къ добру и прекрасному, знакомить ихъ съ цвѣтами и формами, приучать ихъ видѣть и слышать правильно, выражаться ясно и точно, развивать у нихъ ловкость рукъ и вливать имъ любовь къ товарищамъ, ближнимъ, приготовить ихъ, такимъ образомъ, къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Для подготовленія руководительницъ, способныхъ вести занятія въ подобныхъ заведеніяхъ, былъ устроенъ *колледжъ киндермартеновъ* въ г. Чикаго, о витринѣ котораго мы упомянули выше. Полный курсъ продолжается три года; кандидатки должны окончить предварительно высшую начальную школу. Занятія бываютъ теоретическія и практическія.

На первомъ курсѣ (*Freshman course*) изучается воспитательно-образовательная система Фребеля, предметные уроки и образовательныя игры. словесность, естественныя науки (на сколько онѣ требуются во фребелевскихъ школахъ), психологія, рисованіе, черченіе, музыка, пѣніе и регулярныя посѣщенія избранныхъ съ этою цѣлью дѣтскихъ садовъ. На 2-ой младшій курсъ поступаютъ лица, прошедшія первый или окончившія такъ называемые подготовительные классы, *Training classes*, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ немъ изучаютъ, помимо Фребелевской системы, философію, литературу, теорію рисованія и его значеніе въ дѣлѣ развитія у дѣтей пониманія прекраснаго и производится дидактическія занятія, сопровождаемыя обсужденіемъ трудностей, возникающихъ при веденіи занятій съ малолѣтними; читаются лекціи относительно физическаго развитія дѣтей, психологіи воспитанія, и, наконецъ, проходитъ музыка и пѣніе. На 3-мъ старшемъ курсѣ добавляется философія исторіи, занятія со слушательницами и веденіе классовъ для нянекъ.

Лица, не могущія посвятить на свое обученіе три года, могутъ ограничиться однимъ или двумя, получая соответствующія свидѣ-

тельства. Тѣ же, которыя стремятся къ дальнѣйшему усовершенствованію, могутъ продолжать свои занятія въ высшемъ, такъ называемомъ, нормальномъ классѣ, гдѣ онѣ готовятся къ преподаванію Фребелевской системы взрослымъ ученицамъ, которыя должны поступить въ фребелевскія нормальныя школы, а также матерямъ, желающимъ изучить означенную систему воспитанія для примѣненія ея въ своихъ семьяхъ. Студенткамъ, остающимся на 4-й годъ, даются отъ времени до времени порученія: составить и прочесть публичную лекцію о методахъ обученія и задачахъ дѣтскихъ садовъ, чтобы приучить ихъ говорить при постороннихъ, что имъ необходимо при исполненіи учительскихъ обязанностей. Для матерей лекціи и занятія организуются разъ въ недѣлю по утрамъ. Дѣтскихъ садовъ въ настоящее время насчитывается въ Соединенныхъ Штатахъ около 1.200. Изъ нихъ частныхъ 852, а публичныхъ 457. Учительницъ въ нихъ 2.535, учениковъ и ученицъ 65.296. Въ 1873 году школъ было всего 42, въ 1882 году—348. Руководительницы дѣтскихъ садовъ любятъ здѣсь украшать свои изданія и книги изреченіями и фразами, выбранными изъ сочиненій Фребеля, котораго они чуть ли не причислили къ лику святыхъ, справляя день его рожденія наравнѣ съ національными праздниками и прекращая на этотъ день учебныя занятія. Надъ витриной описаннаго колледжа надписано крупными буквами извѣстное изреченіе Фребеля: „Будущее націй лежитъ въ рукахъ женщинъ!“. Ассоціація г. Санъ-Франциско избрала девизъ: „Надежды міра лежатъ въ дѣтяхъ“. Общество г. Индіанополиса приняло девизомъ тоже слова Фребеля: „Я вижу въ каждомъ ребенкѣ возможность совершеннаго человѣка!“.

Отмѣтимъ кстати, что употребленіе подобныхъ *девизовъ и изреченій*, формулирующихъ въ нѣсколькихъ словахъ идею и цѣль общества или учрежденія и могущихъ подѣйствовать на публику, было очень распространено и составляло характерную особенность описываемой выставки.

Штатъ Арканзасъ избралъ себѣ девизъ: „Образованное юношество есть лучшее наслѣдство, которое правительство можетъ оставить послѣ себя!“; Общество христіанскаго образованія въ Цинцинати — „Образованіе есть самый дешевый способъ самозащиты націи“; учебный отдѣлъ женской ассоціаціи трезвости—„Звѣзда воздержанія сіяетъ надъ народною школою!“ и проч. и проч.

По *техническому образованію* укажемъ на группу учебныхъ заведеній, названныхъ „школами ручнаго труда“ Тутъ принимали участіе двѣ

школы города Чикаго: одна начальная, другая профессиональная. и техническія училища городовъ Сентъ-Луи, Тоledo, Балтиморы. Цинцинати и Нью-Йорка. Въ сторонѣ отъ нихъ была выставка, профессиональной еврейской школы барона Гирша (тоже Нью-Йоркской). Для такой выставки, какъ Колумбова, по части технического образованія этого немного, особенно въ странѣ, гдѣ техника стоитъ высоко. Впрочемъ, американцы сами не заблуждаются въ этомъ и сознаются, что техническое образованіе далеко не такъ распространено, какъ бы слѣдовало. По словамъ Тверскаго, автора писемъ изъ Америки, одинъ мировой судья, присуждая юнаго подсудимаго къ заключенію въ исправительномъ заведеніи, поздравилъ его съ счастливой возможностью изучить тамъ какое либо ремесло, что, при неизбѣнн въ Союзѣ потребнаго числа соответствующихъ школъ, составляетъ лишь удѣлъ немногихъ счастливцевъ. Часть работы по обработкѣ дерева и металловъ была, какъ указано выше, представлена въ нѣкоторыхъ штатныхъ выставкахъ. Тѣ же предметы, которые фигурировали въ отдѣлѣ техническихъ учебныхъ заведеній, отличались какъ разнообразіемъ, такъ и тщательной отдѣлкой и указывали на прекрасную постановку практическихъ занятій въ означенныхъ заведеніяхъ. Училища эти такъ же, какъ и вообще американская система ручнаго труда, заслуживаютъ, чтобы имъ была посвящена особая глава. Изъ настоящаго краткаго обзора выставки приходится выдѣлить также группу учреждений: для слѣпыхъ, глухо-пѣмыхъ и слабоумныхъ, выставки которыхъ были расположены рядомъ въ западной галлерей, школы для цвѣтныхъ расъ—негровъ, индѣйцевъ и китайцевъ, и витрину школьнаго отдѣла женской ассоціаціи трезвости, дѣятельность которой достойна особаго вниманія.

Отдѣлы учебныхъ пособій, учебниковъ и школьныхъ принадлежностей находились въ сѣверной части зданія.

Отдѣлъ книгъ для школьнаго употребленія былъ очень великъ. Въ немъ принимали участіе такія выдающіяся фирмы, какъ Rand Mc Nally and Co (Нью-Йоркъ), A. C. Mc Clurg and Co Chicago, American Book Co (Нью-Йоркъ, Цинцинати, Чикаго), Houghton, Mifflin and Co (Бостонъ), C. W. Bardeen въ Сиракузахъ, A. Flanagan въ Чикаго, Нью-Йоркская и, наконецъ, фирма D. Appleton and Co, издающая пользующіяся заслуженной извѣстностью книги по исторіи, теоріи и практикѣ образованія и критическія работы подъ общимъ заглавіемъ International Education series. Вся коллекція имѣется въ педагогической библіотекѣ министерства народнаго просвѣщенія. Это

единственно-полная и систематическая коллекція научныхъ трудовъ, трактующихъ серьезно и систематически о разныхъ вопросахъ педагогическаго и школьнаго дѣла. До настоящаго времени вышло 23 тома ¹⁾.

Кромѣ этой серіи, Аплетонъ издалъ еще 10 томовъ отдѣльныхъ сочиненій по подобнымъ же вопросамъ. Остальныя фирмы обращаютъ главное вниманіе на *учебники*, которые, будучи въ большомъ спросѣ, представляютъ для каждаго изъ нихъ источникъ значительныхъ доходовъ. Въ виду права каждаго училищно-административнаго учрежденія выбирать тотъ или другой учебникъ для подвѣдомственныхъ ему школъ и при свободѣ учителей тоже распоряжаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ по этой части, учебники отличаются какъ крайней разнообразностью содержанія, такъ и разнообразіемъ объема, цѣны, качества матеріала и рисунковъ.

Такое изобиліе различныхъ видовъ учебныхъ книгъ имѣетъ то преимущество, что всякій можетъ найти на свой вкусъ, по своему карману и согласно своимъ потребностямъ. Бѣдные стѣнные одноклассныя школы покупаютъ дешевенькія небольшія изданья, напечатанныя на плохой бумагѣ, богатые же городскія школы такихъ центровъ, какъ Нью-Йоркъ, Бостонъ, Сентъ-Луи и проч., приобретаютъ учебники въ изящныхъ переплетахъ, стоимостью до 1½—2 рублей каждый. Съ другой стороны, разнообразіе книгъ оказывается неудобною при переходахъ учениковъ изъ одной школы въ другую, что при подвижности населенія дѣлается довольно часто и не гарантируетъ родителей отъ произвола учителей при выборѣ книгъ. Наконецъ, провинціальныя издатели, стремящіеся заработать побольше, выпускаютъ изданія, имѣющія мало достоинствъ и много недостатковъ, но ихъ книги расходятся, если они сумѣютъ заинтересовать.

¹⁾ Вотъ ихъ заглавія: The Philosophy of Education, A history of Education, The Rise and Early Constitution of Universities, The Ventilation and Warming of School Buildings, Froebel's Education of Man, Elementary Psychology and Education, The Senses and the Will, Memory, The development of the intellect, How to study Geography, Education in the United States, European Schools, Practical Hints for the teachers of Public schools, Pestalozzi: his life and work, School Supervision, Higher Education of Women in Europe, Essays on educational reformers, A text-book in Psychology, Psychology applied to the art of teaching, Rousseau's Émile, The Moral Instruction of Children, English Education in the Elementary and Secondary Schools, Education from a National Standpoint.

тѣмъ или другимъ образомъ, учителей или членовъ мѣстныхъ училищныхъ комитетовъ.

Въ настоящее время замѣчается поэтому стремленіе централизовать это дѣло.

Штатные училищные совѣты, напримѣръ, штата Индіаны или отдѣльных городовъ, въ родѣ Чикаго, въ школахъ которыхъ введена общая однообразная программа, составляютъ списокъ учебниковъ, рекомендуемыхъ или обязательныхъ для школъ. Въ штатѣ Калифорнія употребляются правительственные учебники, одобренные училищнымъ совѣтомъ и печатаемые въ специально для того устроенной типографіи. Учебники эти, однако, не отличаются достоинствами, и изданія извѣстныхъ частныхъ фирмъ превосходятъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы собрали полную коллекцію изъ книгъ, употребляемыхъ въ начальныхъ хорошо обставленныхъ школахъ (элементарныхъ и грамматическихъ), которыя могутъ дать понятіе о характерныхъ особенностяхъ книгъ, служащихъ для обученія въ американскихъ школахъ. Она сдана въ педагогическую бібліотеку министерства народнаго просвѣщенія.

Изъ учебниковъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить книги для чтенія, такъ называемые „ридеры“ (readers), служащіе источникомъ для изученія всѣхъ школьныхъ премудростей. Ридеры представляютъ рядъ сборниковъ, или хрестоматій, обыкновенно въ числѣ пяти, которыми ученики пользуются въ теченіе всего своего пребыванія въ элементарной и средне-начальной школѣ.

Каждый слѣдующій сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи болѣе трудныя и сложныя, чѣмъ въ предыдущихъ. Усложненіе дѣлается не только въ смыслѣ содержанія, но и по отношенію къ произношенію. Въ первомъ ридерѣ употребляются, по возможности, только короткія нетрудныя слова, значеніе которыхъ дѣти могутъ познать непосредственно при помощи внѣшнихъ чувствъ. Ридеры болѣе извѣстныхъ фирмъ изданы прекрасно: бумага бѣлая, плотная, печать четкая, рисунки исполнены чисто и даже изящно, переплетъ тоже очень хорошъ. Мы говоримъ не о выставочныхъ только экземплярахъ, но и о тѣхъ, которые видѣли въ школахъ. Въ нѣкоторыхъ школьныхъ статистикахъ встрѣчается даже рубрика числа учениковъ, дошедшихъ до того или другаго ридера. Для педагога считается достаточнымъ сказать, что въ томъ или другомъ графствѣ, напримѣръ, 5.000 дѣтей читаютъ первый ридеръ, 2.000—3-й и 700—5-й, чтобы онъ могъ судить объ успѣхахъ въ немъ образованія.

Второе мѣсто занимаютъ *справочныя изданія*, съ словаремъ Вебстера во главѣ. Въ каждой почти школѣ имѣется на особомъ треножникѣ громадный томъ болѣе чѣмъ въ 2.000 стр. текста (въ три столбца съ иллюстраціями) этого популярнаго справочнаго словаря. Заглавіе его слѣдующее: Webster's International Dictionary of the English language ¹⁾. Въ немъ помѣщены правописаніе, произношенія и объясненія значеній словъ, встрѣчающихся въ англійскомъ языкѣ, историческіе, географическіе и проч. термины, имена собственные и т. д. Присутствіе такого словаря необходимо уже потому, что въ англійскомъ языкѣ, какъ извѣстно, нѣтъ общихъ правилъ для произношенія, и всякое малоупотребительное слово могло бы при чтеніи поставить втупикъ учителей, которые въ Америкѣ, гдѣ такъ мало коренныхъ англичанъ, не владѣютъ этимъ языкомъ въ должномъ совершенствѣ. Наконецъ, система американскаго воспитанія и обученія, предоставляющая воспитаннику широкій просторъ для самостоятельности, вызываетъ необходимость наличности въ классѣ справочнаго изданія. Во время письменныхъ работъ, ученикъ, сомнѣвающийся въ правописаніи того или другаго слова, справляется въ словарь. Американскіе педагоги находятъ, что лучше, чтобы ученикъ справился въ книгѣ, чѣмъ еслибы онъ написалъ слово невѣрно. Глазъ привыкаетъ къ невѣрной орфографіи такъ же, какъ и къ правильной, а отучиться всегда труднѣе, чѣмъ просто выучиться. Различныя слова, понятія и термины, которые ученики могутъ слышать въ школахъ или въ ней, часто будучи не поняты учениками, поставили бы ихъ въ затрудненіе, еслибы не было словаря, гдѣ они самостоятельно разыскиваютъ нужныя слова и уясняютъ себѣ ихъ значеніе, не имѣя нужды каждый разъ обращаться къ учителю. Фирма, издающая словарь Вебстера, имѣла отдѣльную витрину, въ родѣ конторки, на которой былъ положенъ экземпляръ словаря, служившій многимъ для различныхъ справокъ. Съ типографской стороны словарь этотъ представлялъ одну изъ диковинокъ выставки. Въ немъ замѣчательны, между прочимъ, приспособленія для нахождения нужной буквы, печать и переплетъ. По содержанію словарь припоровленъ къ потребностямъ американской публики, постоянно нуждающейся въ свѣдѣ-

¹⁾ Недавно рѣшено было провѣрить текстъ и сдѣлать нѣсколько улучшеній въ новомъ изданіи. Работа эта обошлась издателю около 300.000 долларовъ, или 600 т. рублей.

ніяхъ о предметахъ, которые для европейски-образованнаго человѣка кажутся простыми и общеизвѣстными.

Помимо интернаціональнаго словаря англійскаго языка фирмы Мерріама, извѣстная компанія „American Book—Co“ издаетъ еще серію изъ 13 томовъ другихъ словарей Вебстера.

Изъ нихъ отиѣтимъ специально школьные словари для элементарныхъ и высшихъ школъ и сокращенный словарь—*Condensed Dictionary*, употребляемый въ низшихъ классахъ школъ. Цѣна словарю фирмы Мерріама доведена до минимума, хотя по нашимъ воззрѣніямъ онъ, можетъ быть, и покажется дорогимъ: 10 долларовъ, или по курсу 18—20 рублей. Кромѣ указаннаго выше словаря Вебстера, употребляются представленныя тоже на выставку другія справочныя изданія:

Линникова—географическій словарь, *Томаса*—библіографическій, *А. Смита*—классическій, *Чамплина*—1-й лицъ и мѣстъ, 2-й обиходный и интернаціональная энциклопедія, и *Лоссина*—словарь американской исторіи. Въ высшихъ начальныхъ школахъ, кромѣ того, встрѣчаются: *Апплетона*—новая энциклопедія, *Аллиота*—словарь авторовъ, *Гадина*—хронологическій справочникъ, *Смита*—этимологическій словарь, и др.

Многіе изъ этихъ словарей были тоже приобрѣтены нами для иллюстраціи этой отрасли учебныхъ пособій.

Вмѣстѣ съ учебниками многія фирмы выставили коллекціи стѣнныхъ таблицъ, рисунковъ и географическихъ картъ. Какъ тѣ, такъ и другія не помѣщаются вдоль стѣнъ, какъ это дѣлается въ европейскихъ школахъ, а держатся всегда свернутыми въ небольшихъ продолговатыхъ футлярахъ, висящихъ на стѣнѣ. Въ одномъ футлярѣ можетъ помѣститься до 10 различныхъ картъ, расположенныхъ одна подъ другой или параллельно другъ къ другу. Когда учителю или ученику нужна какая либо карта, они тянутъ за кольцо, и карта развертывается и, благодаря остроумному пружинному приспособленію, остается въ такомъ положеніи, на какой бы высотѣ ее ни оставили. Когда карта не нужна, ее дергаютъ слегка внизъ, и она вновь наворачивается на валикъ, къ которому прикрѣплена.

Благодаря этой системѣ, экономизируется много мѣста, такъ какъ свернутыя карты умящаются, какъ сказано, въ небольшомъ ящикѣ; затѣмъ онѣ лучше сохраняются, не выгорая отъ солнца и не будучи подвержены дѣйствію пыли, загаживанію мухами и проч. Представленные на выставку карты американскаго происхожденія, между прочимъ, упомянутой фирмы *Mc Nolly and Co*, отличались отчетливостью исполненія и яркостью красокъ.

Очень остроумно простое приспособленіе для выясненій различій

часовъ на земной поверхности. Къ картѣ, изображающей оба полушарія, прикрѣплена сверху картонная лента съ напечатанными на ней 24 римскими цифрами, указывающая часы въ теченіе дня и ночи. Передвигая ленту вправо или влѣво, можно опредѣлить наглядно, какая будетъ разница во времени между мѣстомъ наблюденія и любымъ пунктомъ земнаго шара.

Въ общемъ по части картографіи американцы не встали еще окончательно на ноги и получаютъ много картъ изъ Германіи, Англіи и Франціи. Извѣстная фирма Дитриха Реймера въ Берлинѣ поставляетъ сюда громадное количество историческихъ и физическихъ картъ Киперта; Джонстонъ изъ Эдинбурга, Бэконъ изъ Лондона и Гашетъ изъ Парижа поставляютъ тоже всякаго рода географическія карты. Джемсъ Ивъ изъ Филадельфіи выставилъ рельефныя и „слоевыя“ карты Соединенныхъ Штатовъ. Первая служитъ для облегченія изученія рельефа страны. Она сдѣлана изъ картона съ углубленіями для рѣкъ и долинъ и выпуклостями для горъ. Относительная высота горъ обозначена при помощи различныхъ красокъ. Слойная карта представляетъ очень остроумное изобрѣтеніе и въ то же время полезное учебное пособие для изученія геологій. Она состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ картъ, наложенныхъ одна на другую, и представляетъ въ совокупности рельефную карту Соединенныхъ Штатовъ. Каждая карта въ отдѣльности соответствуетъ тому или другому геологическому періоду и имѣетъ цѣлью выяснитъ соотношеніе между различными формациями и ихъ распредѣленіемъ по поверхности. Всѣ пространства, занятые ниже лежащими слоями, вырѣзаны, такъ что карта не представляетъ сплошной поверхности. Каждая порода изображена своей спеціальной окраской. При помощи этой карты, по мнѣнію автора ея, можно объяснять нагляднымъ путемъ явленія наслоеній, обнаженія и выхода рудоносныхъ слоевъ, осыпей, склоненія слоевъ и соединенія ихъ. Если карту слегка согнуть, то можно показать образованіе на землѣ складокъ, представляющихъ изъ себя горныя возвышенности.

Карта эта не предназначена для начальныхъ училищъ. Мысль приготовленія такихъ слоевыхъ картъ кажется намъ удачной, и весьма возможно, что въ болѣе простомъ видѣ онѣ будутъ употребляться въ высшихъ начальныхъ школахъ для выясненія строенія земной поверхности ¹⁾.

¹⁾ James T. B. Sves, strata Map size 21×15 inches, prices 9 долл. Academy of Natural Science, Philadelphia.

Въ англійскомъ отдѣлѣ были тоже рельефныя карты Андруса, изготовляемыя фирмой Васон (F. K. G. S.) въ Лондонѣ. Въ рускомъ отдѣлѣ была рельефная карта Кавказа, выставленная Н. Ф. Клементьевымъ, изготовляющимъ ежегодно до 15 оттисковъ ея изъ папье-маше.

Глобусовъ мы на выставкѣ видѣли очень мало, между тѣмъ они дѣлаются тутъ съ большимъ искусствомъ и расходятся въ значительномъ количествѣ; фирма Mc Nally готовитъ ихъ по самымъ разнымъ образцамъ. Цѣны довольно значительны: отъ 25 рублей до 120 рублей. Коллекція завершается 24 дюймовымъ глобусомъ съ рельефной поверхностью, стоящимъ 125 долларовъ. Фирма „U. St. School furniture Co“ выпустила глобусы чернаго цвѣта изъ сланца для черченія географическихкихъ картъ; ихъ называютъ „сферической черной доской“. Они употребляются также при изученіи геометріи и тригонометріи. Въ вѣмецкомъ отдѣлѣ былъ выставленъ складной глобусъ изъ бумаги, подклеенной полотномъ, который передъ употребленіемъ надувается и приобретаетъ сферическую форму. Достоинства этого глобуса—его дешевизна и легкость перевозки; недостатокъ—непрочность и не изысканный видъ.

Стѣнные таблицы по англійскому языку, чистописанію, ариметикѣ, исторіи, физиологіи и гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ и проч. были представлены въ большомъ количествѣ. Таблицы эти или наворачиваются на пружинные валики, какъ карты, и сохраняются въ закрытыхъ футлярахъ, или навѣшиваются на подставкахъ. Къ одной подставкѣ прикрѣпляется штукъ десять, двѣнадцать таблицъ, длиною обыкновенно отъ аршина до $1\frac{1}{2}$ и шириною отъ $\frac{3}{4}$ до аршина. Таблицы бывають иногда напечатаны на обѣихъ сторонахъ листа. Учитель ставитъ подставку съ таблицами и рисунками впереди учениковъ такъ, чтобы они могли всю видѣть ее, и даетъ объясненія, откидывая назадъ по мѣрѣ надобности тотъ или другой листъ или поворачивая подставку, чтобы показать напечатанное на обратной сторонѣ.

Таблицы печатаются крупнымъ отчетливымъ шрифтомъ, снабжены хорошими рисунками и служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ объясненіямъ учителя. Ихъ считаютъ особенно полезными въ одноклассныхъ школахъ, гдѣ учителю надо заниматься заразъ съ нѣсколькими отдѣленіями. Задавъ ученикамъ урокъ, онъ ставитъ передъ ними подставку съ соотвѣтствующей таблицей и оставляетъ ихъ работать самостоятельно. Онѣ сокращають также потребность въ учебныхъ по-

собияхъ, такъ какъ, напримѣръ, при наличности таблицы по чистописанію уже не зачѣмъ покупать тетради по этому предмету для каждого ученика въ отдѣльности. Графическія таблицы по этимологіи и синтаксису имѣють цѣль выяснитъ нагляднымъ путемъ составъ словъ, ихъ правописаніе и взаимное отношеніе различныхъ частей рѣчи.

Весьма практична для школъ, не отличающихся большими средствами, коллекція „школьныхъ хартій“ американской книжной компаніи, заключающая въ себѣ 36 №№, напечатанныхъ на обѣихъ сторонахъ листа размѣромъ по 27×36 дюйм. Содержаніе таблицъ слѣдующее: 5 таблицъ по чтенію, 2—произношенію, 3—чистописанію, 2—рисованію, 3—арифметикѣ, 3—исторіи Соединенныхъ Штатовъ, 9—географіи, 4—государственного устройства Соединенныхъ Штатовъ и 5—по физиологіи и гигиенѣ (коллекція эта тоже приобрѣтена).

Въ виду введенія во многихъ штатахъ обязательныхъ объясненій въ школахъ строенія человѣческаго тѣла съ указаніемъ вреднаго вліянія на здоровье спиртныхъ напитковъ и наркотическихъ веществъ, издатели выпускають въ значительномъ количествѣ таблицы, посвященныя этому предмету. Между ними выдаются такъ называемыя „таблицы жизни“ Сиварта, прекрасно исполненныя и богатые содержаніемъ. Изъ специальныхъ таблицъ по этому отдѣлу наиболѣе популярны составленныя докторомъ Келлоггомъ, называемыя D-r Kellogg's New temperance charts (Health publishing C^o, Battle Green Mich., 12 таблицъ на валькахъ—12 долл.).

Для среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ употребляются модели изъ воска (U. St. Sch. furniture C^o Chicago) и модели человѣческаго тѣла изъ бумаги. Такихъ сложныхъ таблицъ было нѣсколько. Лучшіе экземпляры, по нашему мнѣнію, были представлены центральнымъ складомъ учебныхъ пособій (Chicago, Monroe st., № 190—194). Модель представляетъ человѣческую фигуру въ натуральную величину; на урокахъ она можетъ быть разбираема почти цѣликомъ. Внѣшніе покровы, мускулатура, кровеносная и нервная системы откидываются по очереди въ видѣ отдѣльныхъ листовъ; внутренніе органы, расположенные какъ въ натурѣ, могутъ быть тоже открываемы постепенно вплоть до послѣдняго листа, изображающаго костякъ человѣка на фонѣ внутренней стороны спины.

Черныя классныя доски были выставлены многими фирмами. Я не видѣлъ, впрочемъ, отдѣльныхъ витринъ для этого рода учебныхъ пособій, но онѣ входили въ число экспонатовъ образцовыхъ классныхъ

комнатъ и были, между прочимъ, представлены въ отдѣленіи Филадельфійской художественной школы, гдѣ служили для рисованія по методу Тадда. Какъ извѣстно, въ Америкѣ и главнымъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ придаютъ гораздо больше значенія упражненіямъ на черной доскѣ, чѣмъ въ Европѣ. Какъ въ образцовыхъ выставочныхъ классныхъ комнатахъ, такъ и въ громадномъ большинствѣ видѣнныхъ мною школъ черныя доски идутъ по стѣнамъ кругомъ всего класса, образуя надъ панелью своего рода черный бордюръ, шириною въ 3—4 фута. Благодаря столь большому пространству, на которомъ можно писать, учителя вызываютъ сразу по 5—6—10 человекъ учениковъ, задавая имъ разные задачи и упражненія, которыя они и исполняютъ, не мѣшая другъ другу. Въ одноклассныхъ школахъ вызывается цѣлое отдѣленіе. При этой системѣ преслѣдуются и достигаются двѣ цѣли: 1-я—привлечь къ работѣ, отличающейся самостоятельностью, какъ можно больше учащихся и 2-я—дать возможность нѣкоторой долѣ изъ нихъ провести часть учебнаго времени не за скамьею сидя, а стоя. Если мѣста не хватаетъ на весь классъ, то во время каждаго урока производится одна или двѣ смѣны. При такомъ порядкѣ дѣтя не страдаетъ отъ сидячаго положенія въ классѣ, мускулы рукъ и пальцы, напрягаемые при писаніи перомъ или карандашомъ, отдыхаютъ, также какъ и глаза, на которые вредно вліяетъ мелкая печать и письмо. Исправленіе учителями работъ, сдѣланныхъ на доскѣ, полезно для всѣхъ учениковъ. На доскахъ ученики рѣшаютъ задачи, доказываютъ теоремы, пишутъ упражненія по правописанію, рисуютъ и чертятъ карты и т. п.

Матеріалы для черныхъ досокъ употребляются самые разнообразныя.

Въ настоящее время не довольствуются аспидными досками, употреблявшимися въ прежнее время. Аспидныя доски бывають только опредѣленной величины (не болѣе 3—4 кв. футовъ), часто не соответствующей ширинѣ тѣхъ простѣнковъ, въ которые надо ихъ вставлять; онѣ очень ломки и тяжелы при перевозкѣ и довольно дороги: квадратный футъ ихъ обходится отъ 40 до 50 центовъ.

Деревянные доски хотя и дѣлаются, но также довольно дороги и громоздки и не очень практичны: онѣ даютъ трещины, расходятся по швамъ и сдаютъ окраску. Наконецъ, какъ аспидныя, такъ и деревянные доски требуютъ при установкѣ ихъ различныхъ приспособленій и значительнаго физическаго труда. Учитель же вновь открытой стѣнной школы требуетъ доски изъ матеріала легкаго, дешеваго и легко уста-

навливающегося на мѣсто. Поставщики учебныхъ пособій выработали продукты, соотвѣтствующіе указаннымъ выше требованіямъ, и экспонировали на выставкѣ слѣдующіе два сорта черныхъ досокъ: 1) хилоплата (hyloplate blackboard), это—композиція, напоминающая прессованный картонъ, легка, пластична, довольно прочна, дѣлается любой величины, двухсторонняя, можетъ быть разрѣзана, при писаніи на ней грифелемъ не производитъ шума и прикрѣпляется къ стѣнѣ багетами, продаваемыми вмѣстѣ съ доской (стоимость 25 центовъ кв. футъ); 2) черная досочная канва (national blackboard canvas), это—матерія, покрытая съ одной стороны чернымъ составомъ, на которомъ очень удобно писать; она очень легка для перевозки, дешева ¹⁾ и можетъ быть безъ затрудненій натянута на каждой стѣнѣ.

Нѣсколько сложнѣе употребленіе черного аспиднаго тѣста и красокъ. Тѣсто приготовлено на гипсѣ и накладывается, какъ штукатурка. Для того, чтобы операція эта вышла удачною, надо имѣть совершенно гладкую стѣну, лучше всего каменную. Краски, которыхъ нѣсколько сортовъ (спиртовые), накладываются на стѣну при посредствѣ обыкновенныхъ малярныхъ кистей. Наконецъ, нѣкоторыя фирмы изготовляютъ матеріалъ для черного бордюра изъ толстой непрерывной бумажной ленты, шириной въ 3 и 4 фута (за ярдъ отъ одного до 1,30 доллара), и изъ полотна, покрытаго черной массой и прикрѣпленнаго сверху къ багету, а снизу къ валику, на который оно можетъ быть завернуто ²⁾. Доски эти навѣшиваются прямо на крючкахъ и могутъ быть сняты въ любую минуту. При большомъ количествѣ учениковъ, пишущихъ въ классѣ на черныхъ доскахъ, можетъ быть шумъ и получаться много мѣловой пыли. И то и другое устраняется употребленіемъ мягкихъ карандашей, изготовленныхъ изъ различныхъ композицій, и щетокъ, вбирающихъ пыль.

Отдѣлъ черныхъ досокъ очень интересовалъ пріѣзжихъ педагоговъ.

Большинство находили американскую систему очень разумной и высказывались за примѣненіе ея и въ другихъ странахъ.

По нашему мнѣнію, система эта заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскихъ педагоговъ, и было бы желательно, чтобы ее испытали на практикѣ.

¹⁾ Погонный ярдъ канвы шириною въ 36 д. стоитъ 1 1/2 доллара, 45 дюймовъ—1,75 долл.; 48—2 долл.

²⁾ Школьными досками занимается спеціально фирма U. St. School Furniture Co, Chicago, Wabash av., 307 и 309, и N. J., fifth av., 74.

Остановимся еще на отдѣлѣ волшебныхъ фонарей. Этотъ аппаратъ начинаетъ распространяться въ Россіи, какъ пособіе при народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ въ нѣкоторыхъ школахъ. Препятствіемъ къ широкому распространенію его служить дороговизна картинъ, раскраска которыхъ производится особыми специалистами-миниатюристами, оцѣнивающими свою работу довольно дорого. Въ Америкѣ въ настоящее время въ большомъ ходу картины, сдѣланныя фотографическимъ путемъ. Большимъ облегченіемъ для употребленія волшебнаго фонаря служила бы возможность полученія картинъ изъ центральныхъ складовъ, которые устраиваются иногда уѣздными земствами.

Практика, однако, показала, что при пересылкѣ картинъ встрѣчаются нѣкоторыя неудобства. Стекло вѣситъ довольно много, легко бьется и пересылка его по почтѣ обходится дорого. До настоящаго времени, однако, не найдено хорошаго матеріала, чтобы замѣнить стекло; по крайней мѣрѣ, на выставкѣ, не смотря на распросы, не нашлось ничего. Прекрасные фонари и свѣтовые картины были выставлены фирмами Т. Макъ-Алистера въ Нью-Йоркѣ, Рау въ Филадельфій и др.

Волшебные фонари употребляются въ Америкѣ въ качествѣ учебнаго пособія, для иллюстраціи всякаго рода объясненій и лекцій, какъ въ начальныхъ школахъ, такъ и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ.

При помощи сильнаго электрическаго свѣта получается возможность показывать картины на стѣнѣ даже безъ опусканія шторъ.

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ употребляется волшебный фонарь, дѣйствующій при посредствѣ солнечнаго свѣта.

Евграфъ Ковалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1891 ГОДУ ¹⁾.

Александровскій учительскій институтъ въ Тифлисѣ, преобразованный въ силу Высочайшаго повелѣнія въ 1872 году изъ бывшей учительской школы Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, состоитъ изъ 4-хъ классовъ,—для практическихъ же упражненій воспитанниковъ при немъ имѣется трехклассное городское училище. Въ продолженіе своего девятнадцатилѣтняго существованія Александровскій учительскій институтъ выпустилъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ ученія со званіемъ учителя городского училища, 241 и снабженныхъ свидѣтельствомъ на то же званіе 48 лицъ; въ числѣ послѣднихъ находится 30 учителей уѣздныхъ училищъ, которые между 1872 и 1883 годами прикомандировывались къ Александровскому учительскому институту какъ для пополненія образованія, такъ и для ознакомленія съ лучшими методами преподаванія; затѣмъ—18 учениковъ, окончившихъ курсъ ученія въ учительскомъ институтѣ, но не удостоенныхъ аттестата вслѣдствіе невыдержанія полного окончательнаго экзамена, выпущены со званіемъ начальныхъ учителей. Къ этой послѣдней категоріи учителей слѣдуетъ присоединить еще 66 человекъ, окончившихъ курсъ до 1872 года въ бывшей учительской школѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе всего времени существованія въ Тифлисѣ двухъ училищъ для приготовленія учителей, выпущено преподавателей начальныхъ и городскихъ училищъ, въ общей сложности, 355.

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

Учительскій институтъ имѣетъ бібліотеку: 1) фундаментальную, состоящую изъ 2.799 сочиненій, стоимостью въ 5.817 р., и 2) ученическую изъ 599 сочиненій, стоимостью въ 465 р. Кроме того, имѣется физическій кабинетъ изъ 147 приборовъ, стоимостью въ 3.414 р., естественно-историческая коллекція и собраніе учебныхъ пособій по разнымъ предметамъ преподаванія на суммѣ 2.622 р.

На содержаніе института и состоящаго при немъ городского училища въ отчетномъ году поступило 37.387 р., а именно: изъ государственнаго казначейства 30.260 р., сбора за право ученія—2.617 р., за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—3.780 р. и остатка отъ прежнихъ лѣтъ—730 р. Изъ этой суммы израсходовано 18.614 р. на содержаніе личнаго состава, 3.844 р. на наемъ и ремонтъ помѣщенія, 8.574 р. на содержаніе пансіонеровъ и 6.249 р. на остальные нужды по институту, итого 37.281 р. Специальныхъ средствъ къ концу года оставалось 106 р. Средняя стоимость приготовленія одного ученика равняется 299 р., а отдѣльно содержаніе одного пансіонера—150 р. Въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ плата за ученіе назначена въ 15 р. въ годъ, отъ нея освобождены казеннокоштные воспитанники, коихъ воспитывается 30 человекъ и на полное содержаніе которыхъ отпускается изъ казны по 145 р. ежегодно; своекоштные же, коихъ между пансіонерами было 20, за свое содержаніе вносятъ по 150 р. въ годъ и, сверхъ того, единовременно при поступленіи въ пансіонъ по 30 р. на первоначальное обзаведеніе. Такъ какъ контингентъ учащихся въ учительскомъ институтѣ состоитъ главнѣйшимъ образомъ изъ недостаточныхъ учениковъ, а спеціальныя средства института весьма скудны, то педагогическая collegія онаго дѣлаетъ все возможное, чтобы облегчить матеріальное положеніе своихъ воспитанниковъ. Съ этою цѣлью въ отчетномъ году удалось содержать на счетъ институтскаго пансіона въ качествѣ экономическихъ воспитанниковъ 8 учениковъ, освободить отъ платы за ученіе 31 и сдѣлать пособіе разлѣчной одеждой 8 ученикамъ.

Институтъ съ городскимъ при немъ училищемъ помѣщается въ просторномъ и хорошо приспособленномъ къ нуждамъ учебнаго заведенія наемномъ домѣ, гдѣ чувствуется единственный важный недостатокъ—тѣснота двора и классныхъ комнатъ, занимаемыхъ городскимъ училищемъ. За то при домѣ имѣется довольно обширный садъ, которымъ пользуются пансіонеры въ теплые мѣсяцы, проводя въ немъ свободное отъ занятій время. Среднее количество воздуха въ клас-

спальныхъ комнатахъ института равняется 16,3, а въ спальнѣ—50,4. Тѣмъ не менѣе, число пансіонеровъ, доходившее въ 1890 году до 70 человекъ, пришлось уменьшить вслѣдствіе недостаточности помѣщенія въ спальняхъ—до 57; опытъ показалъ, что помѣщеніе, занимаемое нынѣ институтомъ, можетъ свободно помѣстить до 60 пансіонеровъ безъ вреда для нихъ, но не болѣе. На ученическихъ квартирахъ, коихъ числится 23, проживало 30 учениковъ, платя за помѣщеніе отъ 4 до 6 р. и за содержаніе отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ. Эти квартиры въ теченіе отчетнаго года посѣщаемы были учителями-воспитателями до 65 разъ, а самый институтъ посѣтилъ въ разное время г. попечитель 8 разъ въ продолженіе года.

Въ личномъ составѣ института за отчетный годъ не произошло никакихъ перемѣнъ; онъ состоялъ по прежнему изъ 10 лицъ, а именно: 1 директора, 1 законоучителя, 4-хъ учителей-воспитателей, 1 учителя рисованія и письма, 1 учителя пѣнія, 1 гимнастики и 1 врача. Педагогическій совѣтъ имѣлъ 29 засѣданій общихъ и 142 частныхъ по обсужденію пробныхъ уроковъ воспитанниковъ выпускнаго класса. Повѣрочныхъ испытаній въ классахъ за отчетный годъ было произведено устныхъ 46 и письменныхъ 15, всего 61; за то же время допущены были къ испытанію на званіе учителя городского училища 4 постороннія лица, изъ коихъ не выдержалъ испытаній лишь 1. Число уроковъ, пропущенныхъ преподавателями, составляетъ всего 1,66% или 48 изъ 3.035 уроковъ, кои слѣдовало дать.

Всѣхъ воспитанниковъ въ институтѣ было въ началѣ отчетнаго года 97, въ концѣ его—96, въ томъ числѣ: 1) по національностямъ: русскихъ—54, грузинъ—27, армянъ—6, горцевъ—7, иностранцевъ—2; 2) по исповѣданіямъ: православныхъ—88, армяно-григоріанъ—6, мусульманъ—2; 3) по сословіямъ: дворянъ—17, духовнаго званія—7, городскихъ сословій—28, крестьянъ—32 и дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—12. Желавшихъ поступить въ институтъ въ отчетномъ году было 56, и изъ нихъ принято 23, всѣ въ 1 классъ, при чемъ вновь принятые получили почти всѣ подготовку въ городскихъ училищахъ. Въ теченіе года выбыли 24 ученика: 15 по окончаніи курса, 6—по прошенію, 2—по неуспѣшности и 1 умеръ.

Изъ 92 учениковъ, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, оказали удовлетворительные успѣхи 83 ученика, или 93,3%; изъ 17 учениковъ выпускнаго класса 15 окончили курсъ съ успѣхомъ и удостоены званія учителей городскихъ училищъ, двое же выпущены со званіемъ сельскихъ учителей. Кромѣ занятій учебными предметами, во-

спитанники института, какъ и въ 4 предыдущіе года, занимались культурою шелковичнаго червя. Занятія учениковъ по рисованію за послѣдніе годы достигли значительнаго успѣха, такъ что изъ рисунковъ, посланныхъ въ Академію художествъ на конкурсъ 1885 и 1888 г., нѣкоторые были удостоены наградъ, а именно: въ первый разъ получены были 2 серебряныя медали и 3 похвальные отзыва. а во второй—опять 2 серебряныя медали и 6 похвальныхъ отзывовъ. Что касается поведенія пансіонеровъ и вообще всѣхъ учащихся въ институтѣ, то, какъ и въ прежніе годы, огромное большинство ихъ держало себя отлично, именно — 81,3; изъ числа же учениковъ, не удостоившихся высшей отмѣтки за поведеніе, всего 8 имѣли баллъ менѣе 4-хъ. Пропущенныхъ уроковъ въ теченіе года на каждаго ученика приходится 38, въ томъ числѣ 25,3 по болѣзни. Всѣхъ вообще заболѣваній на каждые 100 учениковъ было 281, но большинство этихъ заболѣваній не имѣло серьезнаго характера, за исключеніемъ двухъ случаевъ, изъ коихъ одинъ имѣлъ смертный исходъ.

Учительскихъ семинарій въ округѣ находится 4: Кубанская въ станицѣ Ладожской, Закавказская въ г. Гори, Кутаисская въ мѣстечкѣ Хони и Эриванская въ г. Эривани; каждая изъ нихъ состоитъ изъ 3 основныхъ классовъ и 1 приготовительнаго, за исключеніемъ Закавказской, въ коей, одновременно съ учрежденіемъ въ 1879 г. особаго татарскаго отдѣленія, открыто младшее отдѣленіе приготовительнаго класса. Кромѣ того, для упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи при трехъ семинаріяхъ имѣется по одному начальному училищу, а при четвертой—Закавказской—4 таковыя училища: русское, грузинское, татарское и армянское. За все время своего существованія эти семинаріи приготовили 737 учителей, изъ которыхъ половина приходится на Кубанскую, какъ старѣйшую (основана въ 1871 году). Изъ бывшихъ воспитанниковъ семинарій въ настоящее время состоятъ въ учительскихъ должностяхъ 422, большею частью. въ сельскихъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа.

Въ каждой изъ семинарій находилось по библиотекѣ съ двумя отдѣлами: въ фундаментальныхъ отдѣлахъ имѣлось 4.693 названія, въ 8.675 томахъ, на сумму 16.998 р., а въ ученическихъ—4.069 названій, въ 8.055 томахъ, на сумму 7.637 р.; пополненій за годъ было произведено на 1.633 р. Четыре физическихъ кабинета состояли изъ 1.537 приборовъ, стоимостью въ 7.998 р., а прочихъ учебныхъ пособій по семинаріямъ имѣлось 7.143 предмета, стоимостью въ 17.146 р..

въ томъ числѣ вновь прибрѣтенныхъ предметовъ 868, на сумму 1.364 руб.

На содержаніе 4-хъ семинарій въ отчетномъ году поступило: изъ государственнаго казначейства 113.440 р., отъ казачьихъ войскъ— 27.451 р., за право ученія и содержаніе пансіонеровъ — 997, изъ другихъ источниковъ—1.179 р., итого 143.067 р., а съ остаткомъ въ 11.910 р. всего было 154.977 р. Изъ этой суммы израсходовано 141.813 р., а именно: на содержаніе личнаго состава 75.166 р., на содержаніе пансіонеровъ—38.202 р., на наемъ и ремонтъ помѣщеній—11.101 р., на пособия учебныя—3.245 р., на пособия служащимъ и учащимся—1.781 р., на хозяйственные и прочіе расходы—12.318 р.

Платы за ученіе въ семинаріяхъ не существуетъ; но съ учениковъ начальныхъ училищъ при семинаріяхъ Кутаисской и Закавказской взимается небольшой взносъ, отъ котораго, впрочемъ, освобождены ученики татарскаго начальнаго училища Закавказской семинаріи. На содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ изъ государственнаго казначейства отпускается по 130 р. на каждого; таковыхъ казенныхъ стипендій въ семинаріяхъ положено: въ Закавказской 90—для христіанъ 50 и для магометанъ 40, и въ Эриванской и Кутаисской по 50 въ каждой; всѣ 190 стипендій въ отчетномъ году были заняты. Въ 130 р. установлена плата и для своекоштныхъ воспитанниковъ, кромѣ Закавказской семинаріи, гдѣ таковыя воспитанники платятъ 200 р. въ годъ; но число платящихъ воспитанниковъ весьма незначительно, и въ семинаріяхъ Кубанской и Кутаисской нѣтъ ихъ вовсе.

Кубанская семинарія помѣщается въ войсковыхъ зданіяхъ упраздненной первой бригады, которая весьма удовлетворительна по простору въ особенности классныхъ комнатъ, ибо на каждого ученика приходится по 25,9 куб. арш. воздуха, но самыя зданія до того стары, что, не смотря на ежегодный ремонтъ, сильно ветшаютъ; въ виду того войсковая администрація рѣшила построить новое зданіе для семинаріи съ церковью и интернатомъ; въ настоящее время проектъ плановъ новыхъ зданій уже составленъ, и можно надѣяться, что постройка ихъ вскорѣ осуществится. Закавказская семинарія, вмѣстѣ съ татарскимъ при ней отдѣленіемъ и начальными училищами, помѣщается въ наемныхъ домахъ, довольно тѣсныхъ, исключая классовъ, въ которыхъ на 1 ученика имѣется 22,3 куб. арш. воздуха, и спаленъ—гдѣ 40,5 куб. арш. на воспитанника; другаго помѣщенія для этой семинаріи съ ея училищами нѣтъ возможности подыскать въ

г. Гори, за неимѣніемъ въ немъ подходящихъ домовъ. Кутаисская семинарія помѣщается въ зданіяхъ, вполне приноровленныхъ къ нуждамъ заведенія, кромѣ нѣскольکو тѣсной спальни, за то въ классахъ имѣется избытокъ воздуха — 46 куб. арш. на 1 ученика; въ 1902 году настанетъ послѣдній 3.000 р. взносъ домохозяину, и зданія семинаріи станутъ казенною собственностью. Эриванская семинарія, подобно Закавказской, помѣщается въ наемномъ домѣ, но имѣетъ то весьма важное преимущество, что домъ этотъ построенъ для нея по плану, данному строителю учебнымъ начальствомъ, почему и помѣщеніе семинаріи является удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. На ученическихъ квартирахъ проживаетъ почти четверть всѣхъ обучающихся въ семинаріяхъ, именно 72 изъ 277; все это большое число, за исключеніемъ 5 учащихся въ Эриванской семинаріи, принадлежитъ къ Кубанской, что объясняется отсутствіемъ въ ней интерната и составляетъ важное неудобство въ воспитательномъ отношеніи, потому что ученическія квартиры помѣщаются очень разбросанно; это обстоятельство затрудняетъ правильный надзоръ за учениками; а такъ какъ лучшею мѣрою въ этомъ отношеніи служить возможно частое посѣщеніе ученическихъ квартиръ, то коллегія озабочилась сократить число квартиръ, и въ отчетномъ году довела ихъ до 11, а посѣщеній классными наставниками и другими штатными лицами семинарій было сдѣлано 205.

Всѣ 4 семинаріи въ отчетномъ году были посѣщены слѣдующими лицами: Кубанская—г. начальникомъ области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго войска Леоновымъ, Закавказская—Тифлискимъ губернаторомъ княземъ Шервашидзе, Кутаисская — военнымъ губернаторомъ Шаликовымъ и Эриванская—мѣстнымъ губернаторомъ Фрезе. Кромѣ того, произведена была ревизія въ семинаріяхъ Закавказской и Эриванской.

Личный составъ 4-хъ семинарій къ 1-му января 1892 года состоялъ изъ 60 человекъ, въ томъ числѣ: 4 директора, 1 инспекторъ татарскаго отдѣленія при Закавказской семинаріи, 8 законоучителей. 20 штатныхъ наставниковъ, 4 врача и 23 лица, служащихъ по найму, изъ коихъ 2 преподавателя наукъ, 13—искусствъ и ремеселъ и 8 на прочихъ должностяхъ. Перемѣнъ въ личномъ составѣ за отчетный годъ было 10 случаевъ, болѣе всего въ Кутаисской семинаріи; вакантныхъ должностей къ концу года оставалась лишь одна—законоучителя въ той же Кутаисской семинаріи. Директора семинарій преподаютъ слѣдующіе предметы: Кубанской и Закавказской—педагогку.

Эриванской—русскій языкъ и Кутаисской—рисованіе. Число засѣданій педагогическихъ совѣтовъ 4 семинарій въ теченіе отчетнаго года дошло до 723, въ томъ числѣ 142 общихъ, 214 хозяйственныхъ и 367 по обсужденію пробныхъ уроковъ. Классныхъ испытаній во всѣхъ семинаріяхъ произведено было устныхъ 521 и письменныхъ—201, итого 722. Постороннихъ лицъ подвергалось испытаніямъ 9; всѣ они выдержали ихъ и получили искомое званіе учителей сельскихъ начальныхъ училищъ. За отчетный годъ слѣдовало дать въ семинаріяхъ 18.417 уроковъ; изъ нихъ пропущено 465 (2,4⁹/₁₀), но 399 были замѣнены директорами или свободными преподавателями, и лишь въ 66 случаяхъ ученики были отпущены по домамъ.

Нѣсколько лицъ, служащихъ въ Закавказской семинаріи и ея начальныхъ училищахъ, и 1 учитель Кутаисской заявили себя въ отчетномъ году слѣдующими самостоятельными трудами: директоръ Закавказской семинаріи Н. С. Срѣльскій производилъ періодическія измѣренія роста и вѣса всѣхъ учениковъ своей семинаріи. Инспекторъ татарскаго отдѣленія при Закавказской семинаріи А. О. Черняевскій завѣдывалъ метеорологическою станціей при отдѣленіи, обучалъ воспитанниковъ производству наблюденій и составлялъ ежемѣсячные и годовые выводы изъ нихъ, которые печатаются въ *Лѣтописяхъ* Главной физической обсерваторіи; на устроенной имъ въ 1889—1890 годахъ при отдѣленіи образцовой учебной пасѣкѣ обучалъ воспитанниковъ рациональному пчеловодству; завѣдывалъ устроенною имъ столярною мастерскою; составилъ и приготовилъ къ печати „Программу для собранія кавказскихъ растений и образцовъ деревьевъ“ и рассмотрѣлъ двѣ книжки—одну на татарскомъ и одну на русскомъ языкѣ—и написалъ о нихъ рецензіи. Законоучитель армяно-григоріанскаго исповѣданія Закавказской семинаріи протоіерей Теръ-Степановъ, учитель татарскаго при татарскомъ отдѣленіи семинаріи начальнаго училища Велибековъ и учитель грузинскаго при семинаріи начальнаго училища Гараканидзе провѣрили, исправили и перевели на русскій языкъ составленные Закавказскимъ статистическимъ комитетомъ списки названій населенныхъ мѣстностей Тифлисской и Эриванской губерній. Учителя Закавказской семинаріи: Новоспасскій руководилъ особыми еженедѣльными во внѣклассное время литературными чтеніями учениковъ старшихъ классовъ, сопровождая эти чтенія необходимыми объясненіями; руководилъ исполненіемъ учениками работъ этнографическаго характера, которыя, въ числѣ 50, представлены въ управленіе округа; кромѣ того, рассмотрѣлъ нѣсколько книжекъ и написалъ о нихъ ре-

пензіи, а Дмитріевъ напечаталъ въ газетѣ *Новое Обозрѣніе* статью подъ заглавіемъ: „Пѣшая прогулка по Тушетіи и Пшавіи“. Учитель Кутаисской семинаріи Сусловъ приготовилъ къ печати два сборника пѣсенъ для учебныхъ заведеній.

Всѣхъ учащихся по 4-мъ семинаріямъ въ началѣ отчетнаго года состояло 282, къ концу года ихъ по тремъ семинаріямъ уменьшилось на 5 человекъ, а увеличеніе послѣдовало въ Закавказской семинаріи на 1 ученика. По числу учащихся семинаріи идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Закавказская—86, Кубанская—74, Эриванская—66 и Кутаисская—50. За исключеніемъ Кубанской, въ остальныхъ трехъ семинаріяхъ имѣются интернаты, при чемъ въ Закавказской даже два—одинъ для христіанъ, другой для мусульманъ-татаръ; въ этихъ интернатахъ проживаютъ всѣ безъ исключенія учащіеся въ Закавказской и Кутаисской семинаріяхъ, въ Эриванской же есть и небольшое число приходящихъ учениковъ.

Учащіеся въ семинаріяхъ распределяются по національностямъ, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ слѣдующимъ образомъ: въ Кубанской семинаріи изъ 74 учениковъ русскихъ было 70 и горцевъ—4; изъ нихъ православныхъ 72; всѣ они, кромѣ 1 дворянина и 1 крестьянина, сыновья нижнихъ чиновъ и казаковъ. Изъ остальныхъ 203 учениковъ въ трехъ семинаріяхъ Закавказья было: русскихъ—21 ученикъ, грузинъ—61, армянъ—53, татаръ (главнѣйшимъ образомъ въ Закавказской семинаріи)—49, горцевъ—8 и другихъ національностей—11; по вѣроисповѣданіямъ изъ нихъ было: православныхъ—98, армяно-григоріанъ—52, мусульманъ—52, иностранцевъ—1; въ отношеніи сословій наибольшій контингентъ учащихся доставляютъ сыновья крестьянъ—82, за ними по числу слѣдуютъ дворяне—57, далѣе сыновья лицъ городскихъ сословій—30 и духовнаго званія—27, остальные 7—дѣти нижнихъ чиновъ.

Подававшихъ прошенія о принятіи въ семинаріи въ отчетномъ году было 191 лицо; изъ этого числа принято 60 въ приготовительные и 12 въ первые классы, всего 72. Вновь принятые получили подготовку: въ начальныхъ училищахъ—49, въ городскихъ—9, въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ—5, въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—6 и домашнюю—3. Изъ 119 непринятыхъ болѣе всего не попало по невыдержанію экзаменовъ—94, затѣмъ по неявкѣ—12 и по другимъ причинамъ—13, но по недостатку мѣста никому изъ подававшихъ прошенія не было отказано въ приѣмѣ. Выбыло въ теченіе отчетнаго года изъ всѣхъ семинарій 77 учениковъ.

въ томъ числѣ по окончаніи курса—51 и до окончанія его—26. въ томъ числѣ: по неуспѣшности — 13, по прошенію — 9, за поведеніе—1 и по болѣзни—3. Успѣхи учащихся выразились тѣмъ, что изъ бывшихъ 273 въ концѣ отчетнаго года окончило курсъ и переведено въ слѣдующіе классы 220 или 80,9%. Изъ 55 учениковъ выпускнаго класса аттестаты получили 51 и 4 выпущены безъ учительскаго званія. За поведеніе учащихся имѣли отѣтки: 5—87,4%, 4—11,2% и 3—1,4%; въ теченіе года взысканій было всего 39 случаевъ, при чемъ 1 ученикъ былъ исключенъ.

Кромѣ положенныхъ по уставу учительскихъ семинарій предметовъ, въ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края преподаются мѣстные языки: въ Кутаисской—грузинскій, въ Эриванской—армянскій и татарскій и въ Закавказской—всѣ три эти языка. Во всѣхъ 4-хъ семинаріяхъ всѣ ученики практически занимались культурою шелководнаго червя, строевымъ ученіемъ, гимнастикой и пѣніемъ; кромѣ того, въ Кубанской семинаріи всѣ ученики занимались въ послѣбѣдненное время садоводствомъ и огородничествомъ, и 39 учениковъ—ручнымъ трудомъ. Въ Кутаисской семинаріи ученики занимались столярнымъ и переплетнымъ ремеслами. Въ Эриванской 42 ученика занимались огородничествомъ и садоводствомъ, 49—переплетнымъ ремесломъ и 36—столярно-токарнымъ.

Въ теченіе отчетнаго года во всѣхъ семинаріяхъ пропущено было учащимися 13.339 уроковъ, что дастъ 48,1 пропусковъ на 1 ученика. главнымъ образомъ, по болѣзни. Всѣхъ же случаевъ заболѣваній по семинаріямъ было въ годъ 460.

Всѣхъ городскихъ училищъ, преобразованныхъ или вновь открытыхъ съ 1872 по 1890 гг. включительно находилось въ округѣ 33. Въ теченіе отчетнаго года прибавилось къ нимъ еще два: Екатеринодарское, открытое въ августъ на средства города, и Тифлисское 2-ое, возникшее въ декабрѣ на суммы управленія Закавказской желѣзной дороги, — оба трехклассныя. Въ Тифлисской дирекціи 9 училищъ, въ томъ числѣ одно при учительской семинаріи, въ Елисаветпольско-Эриванской и Карсской—7, Кубанской—6, Терской—5. Кутаисской—4, Бакинско-Дагестанской—3 и въ Ставропольской—1. Изъ нихъ четырехклассныхъ — 8, трехклассныхъ — 25 и двухклассныхъ—2, именно: Новобаязетское и Кизлярское. Классовъ во всѣхъ 35 училищахъ 169 съ 219 отдѣленіями, въ томъ числѣ 12 приготовительныхъ классовъ. Ремесленныя отдѣленія существуютъ при 10 училищахъ, въ числѣ 20. Въ отчетномъ году выпускъ были въ 31

училищъ. и окончило курсъ 315 мальчиковъ; за все же время въ городскихъ училищахъ окончило курсъ 2.839 учениковъ. Четыре же училища, какъ недавно открытыя, не имѣли еще ни одного выпуска.

Библіотеки фундаментальныя и ученическія имѣются при всѣхъ училищахъ, а состоящее при учительскомъ институтѣ пользуется какъ его библіотекою, такъ и всѣми учебными пособіями его. Въ теченіе отчетнаго года было приобрѣтено книгъ на 4.997 р.; къ 1-му января 1892 года въ ученическихъ библіотекахъ имѣлось 10.686 названій въ 18.057 томахъ, въ фундаментальныхъ—23.211 названій въ 58.890 томахъ. при чемъ стоимость всѣхъ 33.897 названій простирается до 87.924 рублей. Физическихъ кабинетовъ нѣтъ только при недавно открытыхъ Тифлискомъ 2-мъ и Бакинскомъ училищахъ, въ остальныхъ же находится 4.318 приборовъ на 21.283 р., въ томъ числѣ и вновь приобрѣтенные 281 приборъ, цѣною въ 1.828 р. Учебныхъ пособій по училищамъ имѣется 15.026 предметовъ, стоимостью въ 38.026 р.; въ теченіе года таковыхъ предметовъ приобрѣтено 926 на 4,352 р. Итого всѣхъ книгъ, приборовъ и предметовъ учебно-вспомогательныхъ городскихъ училища имѣютъ на 147.233 р.

На содержаніе училищъ поступило въ отчетномъ году 225.482 р., а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ имѣлось 295.222 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства—109.982 р., отъ городскихъ обществъ—49.664 р., отъ платы за ученіе—47.700 р., отъ казачьихъ и земскихъ сборовъ—7.448 р. и прочихъ доходовъ какъ за частныхъ пансіонеровъ (2.250 р.), пожертвованія, процентовъ съ капиталовъ в т. п.—10.688 р. и остатка—въ 69.740 р. Изъ 23 училищъ дирекціи Закавказскаго края 15 содержатся исключительно на средства казны. 7—при болѣе или менѣе значительномъ ея пособіи, и только одно Бакинское содержится городомъ; изъ 12 училищъ Сѣвернаго Кавказа 7 содержатся исключительно на суммы общества, а остальные 5 на совмѣстныя средства казны и общества. Расходъ по содержанію 35 училищъ въ отчетномъ году заключался въ 222.107 р.; изъ нихъ на личный составъ—59,8%, на хозяйственные расходы—11,6%, на наемъ и ремонтъ помѣщеній—9,4%, содержаніе параллелей—7,0%, содержаніе пансіонеровъ и пособія учащимся—4,7% и другіе расходы—14,6%. Размѣръ платы за ученіе колеблется отъ 4 до 16 р. въ годъ: въ 2 училищахъ вимается по 16 р., въ 1—15 р., въ 6—по 12 р., въ 12—по 10 р., въ 7—по 8 р., въ 1—6 р., въ 3—по 5 р., въ 1—4 р. и въ 2—Темрюкскомъ и Бакинскомъ—оно бесплатно. По 35 училищамъ освобожденныхъ отъ платы въ 1-е полугодіе было

1.181 ученикъ, и во 2-е полугодіе — 1.300; бесплатныхъ воспитанниковъ въ пансіонахъ при Ахалцхскомъ и Закатальскомъ училищахъ и въ конвиктѣ при Шушинскомъ было 69 учениковъ: изъ нихъ 55 содержались на счетъ казны, 12—на счетъ разныхъ обществъ и 2—экономически.

Спеціальныя средства училищъ возросли на 11.410 р., а именно: сбора за ученіе въ отчетномъ году поступило 47.700 р., а сверхъ того, другихъ поступленій было на 13.889 р., всего 61.589 р., которые, съ остаткомъ въ 69.740 р. отъ прежнихъ лѣтъ, образовали сумму въ 131.329 р. Расхода изъ этого числа было сдѣлано на 58.330 р., къ 1-му января 1892 года осталось—72.999 р., наличными 27.420 р. и въ процентныхъ бумагахъ—45.579 р. Спеціальныхъ средствъ общества для пособія недостаточнымъ ученикамъ, существующія при 11 училищахъ, къ началу отчетнаго года имѣли 13.327 р.; вновь поступило въ нихъ 5.660 р., израсходовано на пособія 4.388 р., и къ 1-му января 1892 г. въ кассахъ находилось 14.599 р., изъ коихъ въ процентныхъ бумагахъ сохраняется 10.285 р.

Изъ 35 училищъ помѣщаются въ наемныхъ домахъ 16; остальные 18 училищъ (за исключеніемъ училища при институтѣ) пользуются или собственными зданіями, именно 7, или отведенными для нихъ городскими обществами, и таковыхъ 11; но какъ тѣ, такъ и другія зданія, за пемпогими исключеніями, не могутъ быть признаны достаточно удобными: среднее содержаніе воздуха на 1 ученика равняется 12,5 куб. арш.; наибольшее количество воздуха приходится въ городскихъ Бакинскомъ—30,8, Владикавказскомъ—19,2 и Майкопскомъ—18,1 и въ наемныхъ—Закатальскомъ—21,0, Нухинскомъ—18,8 и Кизлярскомъ—18,1, а въ остальныхъ же всѣхъ воздуху отъ 16,8 до 5,9 куб. арш. На ученическихъ или частныхъ квартирахъ проживало 658, или 9,6"/₁₀, учащихся, и болѣе всего таковыхъ было въ училищахъ: Озургетскомъ—80, Кутаисскомъ—98 и Горійскомъ—85. Всѣхъ не живущихъ при родителяхъ учениковъ члены педагогическихъ совѣтовъ посѣщали по квартирамъ; таковыхъ посѣщеній было сдѣлано 941.

Всѣхъ служащихъ въ 35 училищахъ къ концу отчетнаго года состояло 338, въ томъ числѣ почетныхъ смотрителей—20, инспекторовъ—33, завѣдывающихъ—1, законоучителей—62, учителей—93, помощниковъ учителей—40, врачей—25, учителей гимнастики, пѣнія, ремеслъ и другихъ служащихъ—64. Въ теченіе года вновь назначено было 104, въ томъ числѣ почетныхъ смотрителей—4, ин-

спекторовъ—7, заклоучителей 8, учителей—29, ихъ помощниковъ—21 и другихъ служащихъ—35; выбыло за то же время—63, изъ коихъ умерло—6, перемѣщено въ другія учрежденія—45 и уволено—12.

Учебныхъ дней въ отчетномъ году въ городскихъ училищахъ было, въ среднемъ, 184,7: классныя занятія продолжались въ училищахъ Сѣвернаго Кавказа отъ 20-го августа, а въ училищахъ Закавказскаго края съ 1-го сентября по 20-е іюня, и учащіе должны были дать 121.363 урока, изъ коихъ пропущено 5.925, большею частью по причинѣ болѣзней—49,9%, затѣмъ по служебнымъ—17,6%, а также по домашнимъ уважительнымъ обстоятельствамъ—12%. Изъ числа пропущенныхъ уроковъ ученики были заняты, подъ руководствомъ инспекторовъ и свободныхъ учителей, на 2.718 урокахъ. Наибольшій процентъ пропущенныхъ уроковъ былъ въ Мингрельскомъ—11,21%. Кизлярскомъ—10,72% и Елисаветпольскомъ—10,61, что объясняется отчасти лихорадочною мѣстностью первыхъ двухъ школъ. Всѣхъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ было 1.173. Кромѣ дѣлъ по внутреннему распорядку въ училищахъ, совѣты подвергли испытаніямъ 96 лицъ, желавшихъ ихъ выдержать для полученія права на чинъ, именно 35 человекъ, а остальные 61 искали правъ на разные учительскія званія. Засѣданія совѣтовъ посвящены были вопросамъ хозяйственнымъ и учебно-воспитательнымъ, имѣвшимъ цѣлью правильную постановку преподаванія всѣхъ предметовъ вообще и особенно русскаго языка; по примѣру прежнихъ лѣтъ, совѣты заботились о развитіи и объ организаціи новыхъ оркестровъ, о веденіи при содѣйствіи учащихся метеорологическихъ наблюденій, обращалось вниманіе на развитіе занятій ремеслами и нѣкоторыми отраслями сельскаго хозяйства и проч.; въ нѣкоторыхъ училищахъ совершаемы были ботаническія и зоологическія экскурсіи учениковъ подъ руководствомъ учителей, и собранные предметы сдавались въ школьныя коллекціи.

Нѣкоторые служащіе въ городскихъ училищахъ заявили себя въ отчетномъ году самостоятельными трудами: такъ, учитель Сигнахскаго училища Мирановъ сталъ производить въ сентябрѣ 1891 года метеорологическія наблюденія надъ осадками атмосферы и грозами; инспекторъ Ахалцихскаго училища Ростововъ приготовилъ къ печати „Руководство къ лексическому изученію русскаго языка“ для старшихъ классовъ, а учитель Теръ-Кригоровъ помѣстилъ въ газетѣ *Кавказъ* статью „Гора Большой-Абулъ и ея окрестности“ и въ армянскомъ дѣтскомъ журналѣ *Абюръ* повѣсть „Скупой и расточительный“; инспекторъ Закатальскаго училища Митаревскій со-

ставилъ полную коллекцію по шелководству и производилъ метеорологическія наблюденія надъ осадками атмосферы и грозами; учитель того же училища Гулисовъ составилъ гербарій мѣстныхъ растений и коллекцію мѣстныхъ насѣкомыхъ; учитель-инспекторъ Баталпашинскаго училища Потаповъ съ мая мѣсяца завѣдывалъ Баталпашинскою метеорологическою станціей и доставлялъ свѣдѣнія о своихъ наблюденіяхъ въ главную физическую и Тифлискую обсерваторію; учитель-инспекторъ Темрюкского городского училища Арканниковъ печаталъ свои наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками въ изданіяхъ главной физической обсерваторіи, а наблюденія надъ періодическими явленіями природы, имѣющими сельско-хозяйственное значеніе, въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества, куда также представилъ и отчетъ о наблюденіяхъ надъ снѣговымъ покровомъ, мителями, вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ въ гор. Тюрюкѣ и его окрестностяхъ, собралъ въ Темрюкскомъ отдѣлѣ и представилъ въ Кубанскій музей коллекцію памятниконъ древностей, описалъ взрывъ отъ горючихъ газовъ (29-го марта и 20-го апрѣля) грязеваго вулкана Цимбалы и представилъ это описаніе и образцы обожженной грязи въ Русское Географическое Общество и напечаталъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1891 года статью „О пребываніи Лермонтова въ Тамани“; учитель Майкопскаго училища Петровъ представилъ свои наблюденія надъ грозами въ главную физическую обсерваторію, а надъ періодическими явленіями природы, имѣющими сельско-хозяйственное значеніе, и свѣдѣнія о наблюденіяхъ надъ снѣговымъ покровомъ, мителями, вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ въ г. Майкопѣ и его окрестностяхъ въ Русское Географическое Общество; инспекторъ Нухинскаго училища Ѳ. С. Кобешавидзе напечаталъ въ XI выпускѣ „Сборника“ статью „О черепичномъ и кирпичномъ производствѣ въ городѣ Нухѣ“ и производилъ наблюденія надъ атмосферными осадками и снѣжнымъ покровомъ, которыя печатаются въ изданіяхъ главной физической обсерваторіи, а помощникъ учителя того же училища Попандопуло напечаталъ въ XI выпускѣ „Сборника“ статью „О производствѣ издѣлій изъ латуни въ городѣ Александрополь“; завѣдывающій Новобаязетскимъ училищемъ Оедоровъ помѣстилъ въ газетѣ *Кавказъ* три статьи: „Рыбный промыселъ въ Новобаязетскомъ уѣздѣ“, „Кочевки въ Новобаязетскомъ уѣздѣ“ и „Озеро Гокча: физическое свойство и судоходство“, а въ выпускѣ XI „Сборника“ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа — „Омолочныхъ продуктахъ, изготовляемыхъ въ Новобаязетскомъ уѣздѣ“;

затѣмъ, составилъ коллекцію злаковъ и техническихъ растений и собралъ гербарій мѣстной флоры, съ 20-го іюля 1890 года завѣдывалъ метеорологическою станціей 2-го разряда и производилъ наблюденія надъ атмосферными осадками и снѣговымъ покровомъ въ Новобаязетѣ и его окрестностяхъ и ежемѣсячные отчеты о томъ посылалъ въ главную физическую обсерваторію; инспекторъ Бакинскаго училища А. Д. Григорашвили напечаталъ въ XI выпускѣ „Сборника“ статью „О бондарномъ промыслѣ города Дербента“, а учитель того же училища Семеновъ помѣстилъ тамъ же „Описаніе производства серебряныхъ и золотыхъ издѣлій въ городѣ Дербентѣ“.

Всѣхъ учащихся въ 35 городскихъ училищахъ въ началѣ 1891 года состояло 6.240 учениковъ; въ теченіе года вновь поступило 2,333, выбыло 1.874, и къ 1-му января 1892 года оставалось 6.627 приходящихъ и 72 пансіонера, а всего 6.699 учениковъ, то-есть, число ихъ увеличилось на 459. Изъ 1.874 выбывшихъ окончило курсъ 315, удалено за неуспѣшность и поведеніе—71, за невзносъ платы за ученіе—199, выбыло по болѣзни—50, по прошеніямъ—1.218 и умерло 21.

Учащіеся распредѣлялись такъ: а) по національностямъ: русскіе составляли 35,3% всего числа, грузины, имеретины и мингрельцы—22,2%, армяне—30,2%, татары—4,3%, горцы,—1,5%, евреи—1,4% и прочіе—4,2%; б) по исповѣданіямъ: православные—61,1, армяно-григоріане—28,6%, католики—2,4%, протестанты—0,5%, іудеи—1,5%, магометане—5,0% и прочіе—0,9%; в) по сословіямъ: городскихъ сословій, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—52,1%, крестьянъ—17,2%, дворянъ—15,1%, нижнихъ чиновъ и казаковъ—10,6%,—духовнаго званія—4,3%, иностранцевъ—0,7%. Изъ 6.699 учащихся въ городскихъ училищахъ туземцевъ обучается 3.919, или 58,6%. Изъ 35 училищъ самое многолюдное по числу учениковъ Тифлисское 1-е: въ немъ 322 учащихся; затѣмъ отъ 250 до 300 имѣется въ 7 училищахъ, отъ 200 до 250—въ 9 училищахъ, отъ 150 до 200—въ 8 училищахъ, отъ 100 до 150—въ 7, менѣе 100—въ 2 училищахъ, именно въ Анапскомъ—99 и Новобаязетскомъ—77, и менѣе 50—въ 1 Кизлярскомъ—44. При трехъ училищахъ существуютъ: конвиктъ—при Шушинскомъ, на 20 мальчиковъ; пансіонъ—при Закатальскомъ, на 25 казеннокоштныхъ и 10 воспитанниковъ конвиктеровъ; общежитіе для стипендіатовъ сельскихъ и другихъ частныхъ стипендіатовъ — при Ахалцыхскомъ. Въ 1891 году воспитанниковъ всѣхъ категорій состояло: въ Ахалцыхскомъ—13. Закатальскомъ—

39 и Шушинскомъ — 20, всего 72; къ концу же года ихъ было 71; изъ нихъ горцевъ было 34,7%, армянь—29,2%, татаръ и грузинъ—по 11,8%, русскихъ—12,5%, остальныхъ—1,6%.

Въ концѣ учебнаго года учащихся было 5.814; изъ нихъ переведено въ слѣдующіе отдѣленія и классы—4.018; наибольшій процентъ успѣвающихъ былъ по училищамъ: Озургетскомъ—81,7%, Телавскомъ—81,4%, Анапскомъ—80,6%, Карсскомъ—78,6%, Кутаисскомъ—75,4%, Георгіевскомъ—75,2%; наименьшій—въ Закатальскомъ, Темрюкскомъ и Новобаязетскомъ—отъ 51,0% до 56,0%. Изъ необязательныхъ предметовъ преподаются языки: грузинскій—въ 9 училищахъ, обучается ему 1.147; армянскій—въ 16 училищахъ, обучается 1.602; татарскій—въ 7 училищахъ, обучается 266; затѣмъ, греческій—въ Карсскомъ и французскій—въ Телавскомъ, коимъ обучаются въ первомъ 97 учениковъ и во второмъ 34 ученика. Мастерствамъ обучаются учениковъ по училищамъ: столярному—175 въ 7 училищахъ, токарному—40 въ 3 училищахъ, слесарному—37 въ 3 училищахъ, сапожному—6 въ Ахалцихскомъ, шорному—3 въ Баталпашинскомъ, переплетному—96 въ 2 училищахъ. Садоводству обучаются 186 учениковъ въ 3 училищахъ, шелководству 346 въ 9 училищахъ и пчеловодству въ 3 училищахъ. Пѣніе и гимнастика преподаются во всѣхъ училищахъ, а въ 11 училищахъ, именно: Ейскомъ, Телавскомъ, Майкопскомъ, Анапскомъ, Батумскомъ, Тифлиссскомъ 1-мъ, Мингрельскомъ, Шемахинскомъ, Елисаветпольскомъ, Нухинскомъ, Пятигорскомъ, организованы оркестры болѣе или менѣе полные. При Ахалцихскомъ училищѣ существуетъ особое сельско-хозяйственное отдѣленіе.

По отзыву директоровъ. поведение учениковъ, въ общемъ, было вполне удовлетворительно: изъ 6.699 учащихся исключено 32 и подвергнуто разнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ 862 ученика. Изъ всего числа уроковъ пропущено 163.755, или 1 ученикомъ 24,4. Случаевъ заболѣваній въ теченіе 1891 года было 5.899, (то-есть, 101 на 100 учениковъ). изъ нихъ со смертельнымъ исходомъ—20.

Всѣхъ горскихъ школъ, которыя существуютъ на основаніи устава, Высочайше утвержденного 20-го октября 1859 года, имѣется въ округѣ 5: окружная въ слоб. Налъчикъ, Терской области и 4 начальныхъ—въ Назранѣ и въ г. Грозномъ Терской же области, въ г. Майкопѣ Кубанской области и въ г. Сухумѣ Кутаисской губерніи. Кромѣ основныхъ классовъ, каждая школа имѣетъ еще приготовительный,

всѣхъ же классовъ 19 съ 24 отдѣленіями. За все время въ школахъ окончило курсъ 1.095 мальчиковъ, въ томъ числѣ въ 1891 году 48.

Всѣ школы имѣютъ фундаментальныя и ученическія библіотеки, въ коихъ состоитъ 4.147 названій въ 10.013 томахъ, стоимостью 11.837 руб.; въ 1891 году вновь приобрѣтено книгъ на 768 р. Физическіе кабинеты, стоимостью въ 722 р., имѣются только въ школахъ Нальчикской, гдѣ 113 приборовъ, и въ Сухумской, съ 125 приборами. Разныхъ учебныхъ пособій по всѣмъ 5 школамъ имѣется 1.852, на 4.106 р.; за годъ вновь приобрѣтено было 182 экземпляра за 970 р.

На содержаніе школъ поступило въ 1891 году 49.835 р., а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ имѣлось всего 53.832 р., въ томъ числѣ получено изъ государственнаго казначейства—37.305 р., изъ суммъ земскихъ—6.050 р., отъ платы за ученіе и содержаніе воспитанниковъ—4.382 р. и разныхъ пожертвованій и поступленій—2.098 р. Изъ всей суммы 53.832 р. израсходовано 49.719 р., а именно: на содержаніе личнаго состава 17.277 р., на содержаніе пансіонеровъ и пособіе учащимся 17.391 р., на хозяйственныя надобности, наемъ и ремонтъ зданій 11.572 р., на учебныя пособія 1.737 р. и остальное на прочія потребности школъ. Специальныя средства школъ къ 1-му января 1892 года съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ состояли изъ 4.113 р. Размѣръ платы за ученіе колеблется отъ 3 р. до 6 р. въ годъ; въ теченіе года поступило этой платы всего 1.322 р., при чемъ освобождено было отъ взноса ея въ первое полугодіе 90 учениковъ и во второе—83. Плата за содержаніе въ пансіонѣ казеннокоштныхъ была: въ Майкопской, Грозненской и Нальчикской по 60 р. въ годъ, въ Назрановской—98 р. и въ Сухумской—134 р.; за частныхъ же воспитанниковъ взималось въ первыхъ трехъ школахъ по 80 р., въ Назрановской 75 р. и въ Сухумской—100 р. Пансіонеровъ на казенный счетъ воспитывалось 153 и на счетъ разныхъ учреждений—38.

Помѣщенія школы имѣютъ: Грозненская—наемное, а остальные—собственные дома. По размѣрамъ классовъ и спаленъ и по общему устройству лучшія помѣщенія имѣютъ Майкопская и Сухумская школы; зданіе послѣдней расширено и капитально отремонтировано въ 1891 году; также улучшены и нѣкоторыя части помѣщенія Назрановской школы на счетъ суммъ, находящихся въ распоряженіи начальника края.

Всего служащихъ въ горскихъ школахъ въ 1891 году было 53, въ томъ числѣ законоучителей 5, почетныхъ попечителей 5, смотрителей—5, учителей—18, врачей—4 и другихъ служащихъ—16. Въ теченіе года вновь назначено 14, въ томъ числѣ 8 учителей;

выбыло 16, изъ коихъ 6 перешло на службу въ другія вѣдомства, 9 оставили службу и 1 умеръ. Изъ всего числа 14.825 уроковъ, которые слѣдовало дать, пропущено 939, больше всего въ Нальчикской школѣ, именно, 10,15%, что объясняется продолжительною болѣзнью учителя, вышедшаго затѣмъ въ отставку и умершаго. Засѣданій совѣтовъ было 145.

Учащихся въ 5 школахъ къ концу 1891 года было 565, и число это, сравнительно съ началомъ года, уменьшилось на 11. Приходящихъ учениковъ было 339 и пансіонеровъ 226. Больше всего учащихся въ Сухумской школѣ—145, затѣмъ въ школахъ: Грозненской—138, Нальчикской—112, Назрановской—97 и Майкопской—73. Изъ всего числа учащихся русскихъ—180, грузинъ—58, армянъ—27, горцевъ—259, евреевъ—16 и иностранцевъ—25; по вѣроисповѣданіямъ изъ учащихся православныхъ—315, армяно-грегоріанъ—27, католиковъ и протестантовъ—5, евреевъ—16, мусульманъ—201 и прочихъ исповѣданій—1, а по сословіямъ: дворянъ—154, духовнаго званія—5, городскихъ сословій—148, крестьянъ—177, нижнихъ чиновъ и казаковъ—58 и иностранцевъ—23.

Въ теченіе года выбыло 173 ученика, въ томъ числѣ за окончаніемъ курса 48, по неуспѣшности и поведенію—12, по болѣзни—6, за невзносъ платы—1, по домашнимъ обстоятельствамъ—103 и умерло 3. Изъ 103 выбывшихъ по прошенію 27 изъявило желаніе поступить въ другія учебныя заведенія, 1 на гражданскую службу и 24 на частную дѣятельность. Желавшихъ поступить въ школы въ 1891 году было 251; изъ нихъ принято 162—въ приготовительные классы 154 и въ другіе классы 7; изъ 89 непринятыхъ 75 не попали по недостатку мѣста. Изъ 523 учениковъ, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, переведено въ слѣдующіе классы 356. Кромѣ предметовъ, положенныхъ для соотвѣтственныхъ школъ программами, преподаются: французскій языкъ—въ Нальчикской школѣ, гдѣ обучается ему 46 учениковъ, арабскій—въ Нальчикской и Назрановской, и обучается 129 учениковъ; пѣніе—во всѣхъ школахъ; мастерства: столярное—въ 4 школахъ, слесарное—въ Майкопской, переплетное—въ 2 школахъ, токарное—въ 3 школахъ, и ажурное—въ 1 школѣ; во всѣхъ школахъ обучаются садоводству 175 учениковъ, огородничеству, во всѣхъ, кромѣ Сухумской школы, 130 учениковъ. Музыкѣ обучаются 21 ученикъ въ Нальчикской школѣ, гдѣ имѣется и духовой оркестръ, а военной гимнастикѣ и на снарядахъ обучаются въ Сухумской и въ Нальчикской школахъ, въ остальныхъ же трехъ—общей гимнастикѣ.

Поведеніе учащихся въ школахъ было вообще хорошее: изъ 565 учениковъ взысканіямъ подверглось 48; отъѣтку за поведеніе имѣли 5—76,8% учащихся, 4—18,4%. Всего пропущено уроковъ 13.433 или 1 ученикомъ—23,8. Изъ приходящихъ только 5 жило не у родителей. Случаевъ заболѣваній въ 1891 году было 950.

Въ вѣдѣніи Кавказскаго учебнаго округа состоятъ 7 ремесленныхъ училищъ, изъ которыхъ старѣйшія суть: Владикавказское, существующее съ 1868 года, и Ставропольское, основанное въ ноябрѣ 1872 года; остальные 5 возникли въ 1882—1889 годахъ. Училища эти руководствуются: Батумское—уставомъ ремесленныхъ училищъ 21-го сентября 1889 года и Ставропольское—уставомъ, утвержденнымъ 18-го іюля 1872 года бывшимъ намѣстникомъ кавказскимъ; Владикавказское—особымъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 20-го мая 1886 г.. Елисаветпольское Михайловское — руководствуется впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ выработаннаго для него положенія, особымъ частнымъ уставомъ, утвержденнымъ г. попечителемъ округа; Закатальское—также уставомъ, утвержденнымъ г. попечителемъ округа; два же училища: Тифлиское и Бакинское открыты на правахъ частныхъ заведеній. Всѣхъ классовъ по училищамъ 25, въ томъ числѣ 2 приготовительныхъ, существующіе только при Елисаветпольскомъ училищѣ, и 39 отдѣленій, да сверхъ того, ремесленныхъ отдѣленій 24. Число классовъ и программа занятій въ каждомъ училищѣ слѣдующія: Батумское состоятъ изъ трехъ классовъ и 2 отдѣленій мастерскихъ: столярно-токарнаго и кузнечно-слесарнаго, а изъ предметовъ преподаются: законъ Божій, русскій языкъ, арифметика съ счетоводствомъ, геометрія, основныя понятія о физикѣ и механикѣ, технология дерева и металловъ, рисованіе, черченіе геометрическое и техническое, чистописаніе,—по программамъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 1890 г. Владикавказское состоятъ изъ 4-хъ классовъ съ пятилѣтнимъ курсомъ, и въ немъ преподаются: 1) изъ общихъ предметовъ — законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, геометрія, географія, исторія, черченіе и рисованіе; 2) изъ прикладныхъ предметовъ—техническое черченіе, счетоводство и краткія свѣдѣнія по гигиенѣ, естественной исторіи, физикѣ и технологіи дерева и металловъ; 3) ремесла столярное, слесарное, токарное и кузнечное. Введенный въ училищѣ общеобразовательный курсъ проходитъ примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ по положенію 1872 года, и окончившіе курсъ пользуются по отбываніи воинской повинности правами III разряда. Ставропольское Михайловское состоятъ

изъ трехъ классовъ и трехъ отдѣленій; курсъ обученія продолжается три года, въ число предметовъ преподаванія входятъ: законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, геометрія, черченіе, рисованіе, технология дерева и металла, а изъ ремеслъ: столярное, токарное, слесарное, кузнечное и литейное. Елисаветпольское Михайловское состоитъ изъ 6-ти классовъ, въ томъ числѣ 2-хъ приготовительныхъ классовъ, съ 4 послѣдовательными отдѣленіями, и 4-хъ специальныхъ. Занятія между учащимися распределены такъ, что ученики I класса знакомятся съ садоводствомъ, шелководствомъ и огородничествомъ; ученики старшаго приготовительнаго класса въ мастерскихъ занимаются черезъ день по 4 часа и столько же употребляютъ на занятія садоводствомъ; ученики младшаго приготовительнаго класса исполняютъ легчайшія работы по саду; ученики II, III и IV классовъ изучаютъ ремесла каждый по одному изъ отдѣленій: столярному, кузнечному, слесарному, бондарно-колесному. Закатальское состоитъ изъ 2-хъ классовъ съ 4 отдѣленіями. Общеобразовательный курсъ предметовъ преподается въ объемѣ курса начальныхъ училищъ, а изъ ремеслъ изучаются: столярное, токарное, кузнечное, слесарное и литейное; ученики знакомятся и съ шелководствомъ. Тифлиское состоитъ изъ 4-хъ классовъ и 4-хъ отдѣленій, въ коихъ преподаются изъ предметовъ: законъ Божій, русскій языкъ, туземные языки, географія, исторія, ариметика, геометрія, естествовѣдѣніе, счетоводство, технология дерева и металловъ, а также черченіе, рисованіе и чистописаніе; изъ ремеслъ—столярное съ токарнымъ, слесарное съ кузнечнымъ и литейное. Бакинское состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ классовъ, и въ нихъ, кромѣ обще-образовательныхъ и нѣкоторыхъ прикладныхъ предметовъ, преподаются ремесла: столярное, слесарное, токарное и кузнечное. За все время существованія ремесленныхъ училищъ въ 5 изъ нихъ было 47 выпускъ и 388 окончившихъ курсъ, въ томъ числѣ 41 въ 1891 году; въ училищахъ же Батумскомъ и Бакинскомъ выпускъ еще вовсе не было.

Всѣ училища, кромѣ Закатальскаго, снабжены бібліотеками, состоящими изъ фундаментальныхъ отдѣловъ, въ 1,181 названіе въ 2.285 томахъ на сумму 3.480 р., и ученическихъ, въ 1.122 названія въ 2.261 томѣ стоимостью въ 1.917 р.; небольшіе физическіе кабинеты имѣются при училищахъ Батумскомъ, Владикавказскомъ, Ставропольскомъ и Тифлискомъ, и заключаютъ въ себѣ 303 прибора на цѣну 1.480 р. Что касается мастерскихъ, то на устройство и обстановку ихъ обращено серьезное вниманіе во всѣхъ училищахъ, и

общая стоимость инструментовъ и другихъ предметовъ оцѣнивается въ 58.040 р. Особенно выдѣляются по богатству инвентаря мастерскія училища: Тифлискаго—въ 16.973 р., Бакинскаго—въ 12.363 р. и Батумскаго—въ 10.537 р. Изъ крупныхъ приборовъ имѣются паровики въ училищахъ Батумскомъ, Владикавказскомъ и Тифлискомъ; разныхъ станковъ и верстаковъ—808, инструментовъ по столярному и токарному мастерствамъ—1.621, по кузнечному и слесарному—12.436. Прочихъ учебныхъ пособій училища имѣютъ 4.476 предметовъ на сумму 3.860 р.

На содержаніе 7 училищъ въ отчетный годъ поступило 172.350 р., а съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—195.339 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства—16.398 р., отъ городскихъ и сельскихъ обществъ—92,361 р., изъ земскихъ сборовъ—14.928 р., сбора за право ученія—1.057 р., за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—3.390 р. Изъ 195.339 р. израсходовано 156.736 р., на содержаніе личнаго состава—59.025 р., на хозяйственные расходы—23.904 р., на содержаніе пансіонеровъ и пособіе ученикамъ—23.282 р., на учебныя пособія—4.712 р., ремонтъ и наемъ помѣщеній—6.465 р. и на другіе расходы—39.344 р. Средняя стоимость содержанія одного воспитанника равняется 108 р., а обученія одного ученика—265 р. Плата за ученіе установлена въ шести училищахъ въ размѣрахъ 3 р., въ Ставропольскомъ 6 р., въ Батумскомъ 10 р., въ Бакинскомъ 12 р., въ Елисаветпольскомъ 24 р., въ Закатальскомъ и во Владикавказскомъ 25 р.; а за содержаніе воспитанниковъ эти училища получаютъ отъ 96 р. до 120 р. въ годъ. Въ училищѣ же Тифлискомъ всѣ ученики пользуются бесплатнымъ обученіемъ и получаютъ обѣдъ, и на этотъ предметъ въ 1891 году было употреблено 5.559 р.; въ остальныхъ училищахъ освобождено было отъ платы за ученіе и за содержаніе въ пансіонахъ въ 1-е полугодіе 236 учениковъ и во 2-е—352. Всего въ спеціальныя средства училищъ поступило 60.912 р., оставалось отъ прежнихъ лѣтъ 22.989 р., и того было 83.901 р., изъ которыхъ израсходовано 45.294 р., и къ 1-му января 1892 года состояло 38.607 р.

Изъ 7 училищъ одно только Бакинское помѣщалось въ наемномъ зданіи, остальные же пользуются собственными помѣщеніями; сверхъ того, три заведенія владѣютъ земельною собственностью, именно: Владикавказское училище владѣетъ двумя участками, изъ которыхъ на одномъ, въ 16 десятинъ, разведенъ фруктовый садъ въ 1.200 деревьевъ, значительный огородъ и небольшая пастба, а на другомъ.

почти въ 9 десятинъ. находится одинъ огородъ; Елисаветпольское училище имѣть также два участка: изъ нихъ одинъ, возлѣ зданія училища, занятъ подъ древесную школу и огородъ, а другимъ — большимъ и нѣсколько удаленнымъ отъ училища пока еще не пользуются для обработки; наконецъ, на участкѣ земли, принадлежащемъ Закатальскому училищу, имѣется фруктовый садъ, виноградникъ и образцовая червоводня. Большой дворъ Батумскаго училища далѣ возможность развести на немъ садъ, въ коемъ устраивается небольшая тутовая плантація. Всѣ зданія училищъ, въ общемъ, довольно просторны: въ классахъ на одного ученика приходится, среднимъ числомъ, 28,7 куб. арш. воздуха, въ мастерскихъ — 63,а и въ спальняхъ—31,з. На ученическихъ квартирахъ проживаетъ всего 61 изъ приходящихъ учениковъ, и большинство изъ числа учащихся въ Тифлискомъ ремесленномъ училищѣ.

Всѣхъ служащихъ въ 7-ми ремесленныхъ училищахъ было 104, въ томъ числѣ почетныхъ попечителей — 3, завѣдывающихъ—7, законоучителей—9, учителей наукъ и языковъ—24, учителей ремеслъ—21, врачей—5 и прочихъ должностныхъ лицъ—39. Въ теченіе года вновь было назначено 10 и вышло 6. Изъ числа 20.121 урока преподавателями пропущено 1.060. Число засѣданій совѣта было 137; на нихъ подвергались обсужденію всѣ вопросы по дѣламъ учебно-воспитательнымъ.

Число учащихся въ ремесленныхъ училищахъ въ теченіе 1891 года увеличилось на 37 учениковъ, и къ 1-му января 1892 года всѣхъ ихъ было 591, въ томъ числѣ приходящихъ 363 и пансіонеровъ—228. По числу учениковъ училища стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Тифлиское — 222 ученика, 2) Елисаветпольское — 121, 3) Владикавказское—75, 4) Бакинское—70, 5) Батумское—43, 6) Закатальское—36 и Ставропольское—24; изъ 4-хъ пансіонеровъ болѣе всего воспитанниковъ въ Елисаветпольскомъ—112, затѣмъ во Владикавказскомъ—64, въ Закатальскомъ—30 и менѣе всего въ Батумскомъ—22. Всѣхъ выбывшихъ въ 1891 году было 187, и изъ нихъ: окончилъ курсъ 41, уволено за неусидѣнность—18, за поведеніе—7, по болѣзни—6, по прошенію—109, за невзносъ платы—1 и умерло—5. Прошеній о приѣмѣ въ училища было подано 413; принято по нимъ 224, а 189 отказано, въ томъ числѣ: по невыдержанію экзамена—74, по недостатку мѣста—57 и по разнымъ другимъ причинамъ—58. Учащіеся распредѣлялись такъ: а) по національностямъ: русскихъ — 212, грузинъ — 48, армянъ—177, татаръ—31, горцевъ—35, евреевъ — 4, иностран-

цевъ—34; б) по исповѣданіямъ: православныхъ — 306, армяно-григоріанъ—176, католиковъ—19, протестантовъ—10, іудеевъ—4, мусульманъ—62, другихъ исповѣданій—14; в) по сословіямъ: дворянъ—64, духовнаго званія — 22, городскихъ сословій — 197, крестьянъ—216. нижнихъ чиновъ и казаковъ — 88, иностранцевъ — 4. Изъ 486 учащихся, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, переведено въ слѣдующіе классы и окончило курсъ—364.

За успѣхи въ ремеслахъ учащіеся въ концѣ учебнаго года имѣли слѣдующія отмітки: 5—76 учениковъ, 4—133, 3—204 и неудовлетворительныя отмітки—61. Въ теченіе года ремесламъ обучалось: слесарному—306, столярному—169, токарному—56, кузнечному—61. литейному—50, бондарному—11. На занятія ремеслами употреблялось въ недѣлю: въ приготовительномъ — 12 часовъ, въ I-мъ классѣ отъ 42 (какъ въ Закатальскомъ) до 18 (во Владикавказскомъ), во II-мъ отъ 32 (въ Тифлисскомъ) до 20-ти (въ прочихъ), въ III-хъ отъ 32 до 20 и въ IV-хъ отъ 41 (въ Тифлисскомъ) до 24 (въ Елисаветпольскомъ). Продано было за годъ разныхъ издѣлій мастерскихъ на 26.604 рублей. Учащіеся вообще охотно занимались изученіемъ ремеселъ, особенно слесарнаго; за неуспѣшность въ ремеслахъ уволено изъ всего числа учащихся всего 4. Кромѣ выше названныхъ ремеселъ, нѣкоторые учащіеся Елисаветпольскаго и Закатальскаго училищъ имѣли еще возможность заниматься садоводствомъ, именно 127 учениковъ, затѣмъ шелководствомъ — 75 и огородничествомъ — 52. Изъ числа 41 выпущенныхъ въ 1891 году съ окончаніемъ курса изучали столярное ремесло — 17, слесарное — 18, токарное и кузнечное—по 1, садоводство—3 и шелководство—1. Изъ необязательныхъ предметовъ гимнастика введена въ Елисаветпольскомъ и Батумскомъ училищахъ, и ей обучается 164 ученика; затѣмъ пѣніе изучаютъ въ Батумскомъ, Владикавказскомъ и Елисаветпольскомъ училищахъ 190, а музыку во Владикавказскомъ — 17 человекъ, изъ которыхъ такъ составленъ оркестръ.

Поведеніе учащихся, въ общемъ, было хорошее: случаевъ взысканій было 124; отмітки: 3 за поведеніе получили 13 учениковъ, 4—94, а остальные 484 ученика имѣли отличный баллъ, то-есть, 5. Всѣхъ уроковъ пропущено учениками 17.928, или 1 ученикомъ 30, 3. Что касается санитарнаго состоянія училищъ, то оно было вообще удовлетворительное: среднее число заболѣваній на 100 учащихся не превышало 136; смертныхъ случаевъ было по училищамъ—5.

Въ числѣ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа находятся такъ же

мореходные классы; ихъ всего 3: Анапскій Кубанской области, Потійскій Кутаисской губерніи и Бакинскій Бакинской губерніи. Классовъ имѣютъ они 5, въ томъ числѣ въ 1891 году открыть II классъ въ Анапскомъ мореходномъ классѣ, а отдѣленій — 7. Эти училища открыты въ 1879—1881 годахъ и имѣли съ тѣхъ поръ 23 выпуска, въ коихъ окончило курсъ 174 ученика, въ томъ числѣ въ 1891 году 24. Каждое изъ заведеній снабжено небольшою библіотекой, и во всѣхъ трехъ числится 540 названій въ 1.147 томахъ, стоимостью 1.370 р., при чемъ въ 1891 году новыхъ приобретений было сдѣлано на 106 р.; въ трехъ навигаціонныхъ кабинетахъ имѣется приборовъ 311, стоимостью въ 3.510 р., и за годъ приобретено на 186 р. еще 7 приборовъ; прочихъ учебныхъ пособій имѣется весьма незначительное количество, и то только въ Бакинскихъ классахъ—14 предметовъ на 135 р.

На содержаніе каждого класса правительство отпускаетъ въ годъ по 1.000 р.; сверхъ того, городскія общества даютъ: Бакинское—4.300, Потійское—600 р. и Анапское—100 р., всего же, съ деньгами на добавочное содержаніе—73 р., съ другими поступлениями—261 р. и съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—424 р., классы имѣли въ 1891 году 8.758 р. Изъ этой суммы израсходовано: на содержаніе личнаго состава — 4.940 р., на наемъ помѣщеній — 1.925 р., на учебныя пособія—367 р., на хозяйственныя и прочія надобности—1.132 р., итого 8.364 р. Средняя стоимость обученія, при небольшомъ числѣ учащихся, достигаетъ 80 р. въ годъ. Плата за ученіе не взимается, и потому специальныхъ средствъ, кромѣ случайныхъ поступленій, мореходные классы не имѣютъ. Зданія, которыя нанимаются для мореходныхъ классовъ, въ общемъ, болѣе или менѣе удовлетворительны, такъ что на 1 ученика въ среднемъ приходится воздуха 17.6 куб. арш.

Всѣхъ служащихъ въ мореходныхъ классахъ было въ отчетномъ году 14 лицъ, въ томъ числѣ завѣдывающихъ — 3, учителей — 7 и другихъ должностныхъ лицъ — 4. Классныя занятія, какъ обычно, продолжались съ начала ноября до марта мѣсяца, когда, послѣ экзаменовъ, наступаетъ періодъ льготныхъ практическихъ занятій на судахъ. Въ 1891 году число учебныхъ дней было всѣхъ 88, а число уроковъ — 1339, кои всѣ сполна были даны преподавателями. Число засѣданій совѣтовъ было 7.

Всѣхъ учащихся въ началѣ 1891 года въ мореходныхъ классахъ было 97, затѣмъ поступило 53, выбыло 45, и къ концу года состояло

105, въ томъ числѣ по классамъ: въ Анапскомъ — 17, въ Потійскомъ — 15 и въ Бакинскомъ — 65. Учащіеся распредѣлялись такъ: а) по національностямъ: русскихъ—81, грузинъ—5, армянъ,—4, татаръ—9, евреевъ—1 и иностранцевъ—5; б) по исповѣданіямъ: православныхъ—88, армяно-григоріанъ—4, протестантовъ—3, іудеевъ—1 и мусульманъ—9; в) по сословіямъ: дворянъ—25, духовнаго званія—7, городскихъ сословій—61, крестьянъ—9 и иностранцевъ—7. Подававшихъ прошенія о приѣмѣ было 66, и изъ нихъ отказано было 13—по недостатку мѣста въ Бакинскомъ классѣ. Изъ 45 выбывшихъ было 24 окончившихъ курсъ и 21 не окончившихъ его, въ томъ числѣ 10 оставили классы по неуспѣшности въ занятіяхъ, 3—за поведение, 6—по прошеніямъ и 2 умерло. Общая успѣшность занятій выразилась весьма небольшимъ процентомъ—30,0%, окончившихъ курсъ и переведенныхъ въ старшія отдѣленія. Поведеніе учащихся выразилось тѣмъ, что отлѣтку 5 имѣло 78, а 4 остальные 27 учениковъ. Число пропущенныхъ уроковъ приходилось на 1 ученика 6,4, а число случаевъ заболѣваній приходилось на 100 учениковъ 179.

Два женскія Марійскія училища, открытыя въ городахъ Батумѣ и Карсѣ въ 1890 году, согласно Высочайше утвержденному 8-го мая того же года положенію, имѣли 7 основныхъ и 2 приготовительныхъ класса, изъ коихъ въ 1891 году открыто два: III-ій въ Батумскомъ и IV-й въ Карсскомъ. Учебная часть этихъ училищъ организована согласно числу уроковъ и учебному плану, данному министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ разрѣшенія коего въ 1891 году введены были въ Батумскомъ училищѣ для желающихъ французскій языкъ и музыка.

При училищахъ имѣются пока небольшія библіотеки и такія же собранія учебныхъ пособій, общая стоимость которыхъ достигла 1.740 р.; въ фундаментальныхъ отдѣлахъ библіотекъ имѣется 311 названій въ 1.115 томахъ, а въ ученическихъ — 106 названій въ 931 томѣ; за годъ онѣ пополнились на 152 р.; учебныхъ пособій всего 124 предмета, стоимостью въ 464 р., изъ коихъ вновь заведено 34 предмета на 100 р.

На содержаніе обоихъ училищъ поступило, съ остаткомъ отъ предыдущаго года, 15.703 р., а именно: изъ государственнаго казначейства 1000 р., отъ городскихъ обществъ—6.310 р., сбора за ученіе—2.500 р., пожертвованій и другихъ поступленій—5.720 р., затѣмъ остатокъ былъ въ 173 р. Расходу было сдѣлано: на содержаніе личнаго состава и пособіе служащимъ—7.579 р., на ремонтъ и

хозяйственные расходы—2.375 р., на учебныя пособия—252 р. и на другія надобности—4.747 р., всего на 14.953 р. Къ 1-му января 1892 года остатокъ былъ въ 750 р. Плата за ученіе установлена въ обонхъ училищахъ: въ Батумскомъ—20 р. и въ Карсскомъ—8 р. и въ 1-е полугодіе освобождено было отъ нея 75 ученицъ, а во второе—72. Въ среднемъ обученіе 1 ученицы въ годъ стоило въ Батумскомъ—51 р. и въ Карсскомъ—98 р.

Оба училища имѣютъ собственные, вполне приспособленные для потребностей училищъ дома; въ нихъ приходится воздуху на 1 ученицу Батумскаго училища 19,7 куб. арш., и Карскаго—25,0 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ изъ всего числа учащихся проживаетъ всего 4 ученицы Батумскаго училища, коихъ посѣщали въ теченіе года служащіе 45 разъ.

Всѣхъ служащихъ въ двухъ Маріанскихъ училищахъ было 31, а именно: 9 членовъ попечительныхъ совѣтовъ, 1 предсѣдатель педагогическаго совѣта, 2 смотрительницы, 2 законоучителя и 17 учительницъ и учителей. Попечительные совѣты имѣли 8 засѣданій, а педагогическіе совѣты—31. Уроковъ всѣми преподающими слѣдовало дать 6.578, изъ нихъ пропущено всего 312, и въ томъ числѣ по болѣзни—57,0%, по служебнымъ обязанностямъ—15,7%, по домашнимъ обстоятельствамъ—15,4%, по нахожденію въ отпуску и другимъ причинамъ—11,9%.

Всѣхъ учащихся въ началѣ 1891 года было 200 ученицъ, затѣмъ, въ теченіе года вышло 60, вновь поступило 69 и въ концѣ года состояло 206; всѣ онѣ были приходящія. Изъ 60 выбывшихъ оставили заведеніе 58 по прошенію, 1—за невзносъ платы и 1 умерла. Подававшихъ прошенія о пріемѣ было 79, изъ нихъ 9 не попали за невыдержаніемъ экзамена и 1 не явилась, всего 10; принятыя 69 были размѣщены въ классы: приготовительный—61, въ I—6 и во II—2. Всѣ ученицы распредѣлялись такъ: а) по національностямъ: русскихъ и армянокъ было по 70, грузинокъ—19, евреекъ 20 и другихъ національностей—30; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—107, григоріанокъ—68, католичекъ—8, протестантокъ—4, іудеекъ—20 и другихъ исповѣданій—2; в) по сословіямъ: дворянокъ—38, духовнаго званія—5, городскихъ сословій—130, дѣтей крестьянъ и нижнихъ чиновъ—34, иностранокъ—2. Сверхъ общихъ для всѣхъ ученицъ предметовъ, необязательные предметы изучали: французскій языкъ—30, армянскій—56, греческій—20 и музыку—10 ученицъ. Пѣніе введено въ оба училища и преподается всѣмъ ученицамъ.

Къ концу учебнаго года состояло 178 ученицъ, изъ которыхъ переведено было въ высшіе классы 139. Поведеніе ученицъ было въ 1891 году вполне хорошее, и только 3 ученицы подверглись выговору совѣта, а отмѣтку 5 получили 205 учащихся, остальные же—4. Число пропущенныхъ уроковъ въ 1891 году было 5.074 (или, среднимъ числомъ, 1 ученицею 24,3), изъ коихъ 3.968 пропусковъ приходилось на болѣзнь, а прочіе послѣдовали по домашнимъ и другимъ уважительнымъ причинамъ. Случаевъ заболѣваній было 160, изъ коихъ одинъ былъ съ смертельнымъ исходомъ въ Карсскомъ училищѣ.

Частныхъ учебныхъ заведеній въ округѣ находилось въ началѣ 1891 года 103, и за годъ число ихъ уменьшилось до 95, изъ которыхъ 30 находилось въ Сѣверномъ Кавказѣ и 65 въ Закавказскомъ краѣ; изъ училищъ по составу своему къ первому разряду принадлежить 3, ко второму—6 и къ третьему—86. Наибольшее число частныхъ заведеній Сѣвернаго Кавказа сосредоточилось въ Кубанской области—18, затѣмъ въ Ставропольской губерніи—7, и въ Терской области—5; а въ Закавказскомъ краѣ первое мѣсто по числу заведеній занимаетъ Тифлисская губернія—28, потомъ слѣдуютъ губерніи: Елисаветпольская—12, Бакинская 10, Кутаисская—9 и Эриванская—5; въ Дагестанской области имѣется всего 1 частное училище, а въ Карской не имѣется ни одного. Пансіоны существуютъ изъ 95 заведеній при 24 училищахъ. Директорами народныхъ училищъ сдѣлано въ отчетномъ году 80, а инспекторами—105 осмотровъ; вовсе не осматрѣнными остались 11 заведеній. Осматривавшими лицами найдены удовлетворительными помѣщенія 75 училищъ, классная мебель—въ 78 и учебныя пособія—въ 70. Среднее количество воздуха въ классахъ равняется 13,5 куб. арш. на 1 ученицу, а въ спальняхъ—49,0 куб. арш. Годовая плата за обученіе взимается по заведеніямъ отъ 6 до 250 р., а за содержаніе въ пансіонахъ—отъ 100 до 600 р. Изъ этихъ и другихъ источниковъ училища получили всего—216.067 р., изъ которыхъ израсходовано было на наемъ помѣщенія—41.308 р., на личный составъ—87.834 р. и на другіе расходы—79299 р., итого—208.441 р. Число бесплатно обучающихся на счетъ благотворительныхъ обществъ и другихъ учреждений было 733 и живущихъ въ пансіонахъ—9.

Всѣхъ служащихъ въ частныхъ заведеніяхъ въ 1891 году было 304, въ томъ числѣ: содержателей и содержательницъ—96, законоучителей—32, учителей—76, учительницъ—84, воспитателей—9

и прочихъ должностныхъ лицъ—7. По отзывамъ чиновъ дирекцій, ведутъ дѣло обученія успѣшно: изъ учителей—89, то-есть, 67%, изъ учительницъ—109, или 81%, а всего—198 лицъ (74%).

Учащихся въ частныхъ заведеніяхъ въ началѣ 1891 года было 2.980 мальчиковъ и 998 дѣвочекъ, а всего 3.978; къ концу же года число это уменьшилось: мальчиковъ оставалось 2.865, а дѣвочекъ—873, всего же учащихся пребывало 3.738, изъ коихъ приходящихъ было 3.409 и пансіонеровъ и пансіонерокъ—329. Среднимъ числомъ, учащихся въ 1 училищѣ—38, а въ 1 классѣ—23,1. Изъ общаго числа учащихся по національностямъ было: русскихъ—1.139, грузинъ—974, армянъ—1.293, татаръ—87, горскихъ народностей—16, евреевъ—124 и другихъ національностей—105, всего же туземцевъ изъ 3.738 находилось 2.370; по исповѣданіямъ—православныхъ было 2.022, армяно-григоріанъ—1.276, католиковъ—59, протестантовъ—90, евреевъ—123, мусульманъ 107 и прочихъ исповѣданій—61, а по сословіямъ учащихся было изъ дворянъ—1226, духовнаго званія—113, почетныхъ гражданъ и 1-й гильдіи купцовъ—347, другихъ городскихъ сословій—1.351, крестьянъ—581, нижнихъ чиновъ и казаковъ—57, иностранцевъ—63. Въ теченіе 1891 года случаевъ заболѣванія заразными болѣзнями, удостовѣренныхъ свидѣтельствами и записками родителей, было 913, то-есть, на 100 учащихся 24, а смертныхъ случаевъ вслѣдствіе этихъ болѣзней было по училищамъ—10.

Общее число всѣхъ начальныхъ училищъ, непосредственно подчиненныхъ учебному вѣдомству, состояло въ округѣ къ концу 1891 года 905; въ теченіе года было закрыто 14 училищъ и открыто 23. Въ Кубанской дирекціи вновь открыто 6 училищъ; 2 въ городахъ—Екатеринодарѣ, женское одноклассное и въ Новороссійскѣ, при станціи Владикавказской желѣзной дороги, 1 въ ст. Пашковской и 3 въ поселкахъ Ставропольскомъ, Михайловскомъ и Александровскомъ, а преобразованы: Ивановское одноклассное въ двухклассное и станичныя Шнуринское и Бѣломечетное въ одноклассныя по образцу сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; кромѣ того, при Мансуровскомъ училищѣ открытъ пансіонъ для дѣтей, приходящихъ изъ сосѣднихъ ауловъ. Въ Ставропольской дирекціи открыто 3 училища: въ гор. Ставрополѣ, два преобразованы въ сельскія министерства народнаго просвѣщенія, и при училищѣ, находящемся въ гор. Ставрополѣ, на дачѣ Павлова, открытъ второй классъ и организовано сельскохозяйственное отдѣленіе. Въ Терской дирекціи открыто вновь Несте-

ровское училище, закрытое передъ симъ за полтора года, послѣ пожара, уничтожившаго училищное зданіе. Въ губерніяхъ Кутаисской и Бакинской открыто вновь по 3 училища, въ Тифлисской — 2, а въ Карсской области и Эриванской губерніи — по 1. Изъ числа начальныхъ училищъ въ 1891 году исключены два: двухклассное — Екатеринодарское — за преобразованіемъ его въ городское по положенію 1872 года и Кубанская войсковая женская школа — за переходомъ ея въ другое вѣдомство,

Изъ 905 училищъ находятся: на Сѣверномъ Кавказѣ — 541, въ Закавказскомъ краѣ — 361 и въ Закаспійской области — 3, а именно: въ Кубанской области съ Черноморскимъ округомъ — 285, въ Терской области — 107 и въ Ставропольской губерніи — 149; въ Тифлисской губерніи и Закатальскомъ округѣ — 119; въ Кутаисской губерніи — 125; въ Эриванской — 26; въ Елисаветпольской — 36; въ Карсской области — 4; въ Бакинской губерніи — 41; въ Дагеставской области — 10; въ Закаспійской области — 3. Въ распредѣленіи училищъ по уѣздамъ, округамъ и отдѣламъ перемѣнъ, сравнительно съ 1890 годомъ, почти не произошло; равно остались безъ измѣненія и числа, показывающія, на сколько существующія школы соотвѣтствуютъ цифрѣ населенія. Во всемъ Кавказскомъ краѣ приходится 1 училище на 8,2 тысячъ жителей, въ городахъ 1 на 6,3 тыс., а въ деревняхъ — на 8,7 тыс.: на Сѣверномъ Кавказѣ — на 5,0 тыс., въ Закавказьѣ — на 13,1. Болѣе выгодно и одинаково поставлены: Ставропольская губернія и Кубанская область, гдѣ въ каждой приходится 1 училище на 4,3 тыс.; за ними слѣдуютъ: Кутаисская губернія — 1 училище на 6,5 тыс., Терская область — на 7,3; Тифлисская губернія на 7,4, Бакинская — на 18,4, Елисаветпольская — на 20,3, Эриванская — на 25,7, Дагестанская область — на 59,2. Эти данныя показываютъ, что образовательныя нужды еще слишкомъ мало удовлетворены, и что для удовлетворенія ихъ еще требуются значительныя матеріальныя средства. Въ настоящее время изъ 905 начальныхъ училищъ 50 казенныхъ, изъ коихъ 7 образцовыхъ при учительскихъ семинаріяхъ, 16 городскихъ по положенію 1867 года и по особо утвержденнымъ штатамъ, и 27 сельскихъ нормальныхъ по штату 1873 года; затѣмъ 785 содержимыхъ городскими и сельскими обществами и 46 церковно-приходскихъ, а именно: 14 католическихъ и 32 лютеранскихъ, изъ числа коихъ 24 содержимыхъ благотворительными обществами и частными лицами. Изъ числа же 785 общественныхъ училищъ 67 содержатся городами, 689 — сельскими обществами и 29 на суммы общихъ

сборовъ по Закавказскому краю. По типу и учебнымъ программамъ всѣ эти училища раздѣляются на начальныя городскія, коихъ имѣется 67, начальныя сельскія—493, на сельскія министерства народнаго просвѣщенія—196 и земскія нормальныя—29; кромѣ того, 24 училища, содержимыя благотворительными обществами и церковными приходами, руководствуются общими для сихъ училищъ программами и правилами. Пансіоны находятся только при 4-хъ училищахъ: при Мансуровскомъ, Кубанской области, для дѣтей сосѣднихъ ауловъ, и при 3 казенныхъ — Сацхенинскомъ, Душетско-Тіонетскомъ и татарскомъ училищѣ Закавказской учительской семинаріи. Въ 662 училищахъ преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ и въ 243, согласно программѣ для училищъ среди туземнаго населенія, на русскомъ и мѣстныхъ языкахъ.

На содержаніе училищъ въ 1891 году поступило всего 877.301 р., именно: на Сѣверный Кавказъ 473.707 р., или 54%, и на Закавказскій край съ Закаспійскою областью — 403.594, или 45,6% и 0,5%; въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства — 81.682 р., отъ сельскихъ обществъ — 427.151 р., отъ городскихъ обществъ—95.788, земскихъ сборовъ—48.682 р., сбора за ученіе—42.397 р., и остальные 181.601 р. изъ суммъ казачьихъ войскъ, отъ благотворительныхъ обществъ, церквей, монастырей, частныхъ лицъ, почетныхъ блюстителей и смотрителей, съ пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ источниковъ. Израсходовано въ теченіе 1891 года 782.627 руб., на Сѣверномъ Кавказѣ — 447.974 р. и въ Закавказьѣ съ Закаспійскою областью—334.653 р. Запасныхъ капиталовъ и специальныхъ средствъ къ началу 1891 года состояло 342.348 р., въ теченіе года поступило 65.141 р., израсходовано 49.505 р., и къ 1-му января 1892 года оставалось наличными 110.466 р. и процентными бумагами 247.518, а всего—357.984 р., изъ коихъ въ училищахъ Сѣвернаго Кавказа было 221.995 р., Закавказья—129.989 р. и закаспійской области—6.000 р. Плата за ученіе введена лишь въ 365 училищахъ въ размѣрѣ отъ 1 до 30 р. въ годъ, на Сѣверномъ Кавказѣ изъ 541 училища въ 229, и получилось сбору 13.330 р. и въ Закавказьѣ изъ 364 училищъ въ 136, гдѣ сбору было 29.067 р., всего 42.397 р.

Большая часть училищъ, именно 700, помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ, изъ коихъ удобными, отвѣчающими по своимъ размѣрамъ числу учениковъ, можно считать 565. Наибольшее число собственныхъ зданій имѣетъ Кубанская область—264, при чемъ

254 изъ нихъ совершенно удобныя. Новыхъ собственныхъ зданій въ 1891 году сооружено 48, въ томъ числѣ 16 въ Закавказскомъ краѣ и 32 на Сѣверномъ Кавказѣ. Эти зданія строятся обыкновенно по типичному школьному плану, выработанному каждою дирекціей сообразно климатическимъ и другимъ условіямъ мѣстности. Остальныя 205 училищъ пользуются наемными помѣщеніями, изъ коихъ только около половины болѣе или менѣе отвѣчаютъ потребностямъ учебныхъ заведеній. Объемъ воздуха, въ среднемъ, въ училищахъ равняется на 1 ученика 9,а куб. арш., и это несоотвѣтствіе требованіямъ школьной гигиены (==18 куб. арш.) восполняется сравнительно благоприятными климатическими условіями, значительно облегчающими, въ теченіе почти всего года, возможность поддерживать въ классахъ довольно чистый воздухъ.

Изъ 905 училищъ въ 839 имѣются бібліотеки для учителей и учениковъ, заключающія въ себѣ 406.990 томовъ, стоимостью въ 237.359 р., а въ 808 училищахъ имѣются и собранія учебныхъ пособій; въ 1891 году на пополненіе бібліотекъ и учебныхъ пособій израсходовано было 47.893 р., сравнительно съ предыдущимъ годомъ больше на 12.000 р., въ томъ числѣ для училищъ Сѣвернаго Кавказа затрачено 32.190 р., при чемъ для училищъ одной Кубанской области израсходовано 21.127 р. Въ 1891 году чинами 7 дирекцій осмотрѣно 773 училища, а именно: 7 директорами—326 училищъ, для чего употреблено было 413 дней; 13 инспекторами—736 училищъ въ 976 дней. Но обширность районовъ, отдаленность и разнообразность, а въ Кубанской области многочисленность училищъ, при небольшомъ числѣ чиновъ дирекцій, препятствовали осмотру всѣхъ школъ; такимъ образомъ, не осмотрѣнными осталось 132 училища.

Къ 1-му января 1892 года всѣхъ служащихъ въ начальныхъ училищахъ было: на Сѣверномъ Кавказѣ—1.835, въ Закавказьѣ—912 и въ Закаспійской области—13. итого 2.760, въ томъ числѣ лицъ мужскаго пола—2.437 и женскаго—323; изъ нихъ было: попечителей и попечительницъ—359, почетныхъ блюстителей и блюстительницъ—226, завѣдывающихъ училищами обоюго пола—589, учителей и учительницъ—545, ихъ помощниковъ и помощницъ—69, законоучителей разныхъ исповѣданій—691 и прочихъ должностныхъ лицъ—281. Вновь назначено въ теченіе года 589, въ томъ числѣ учителей—204, учительницъ—63 и законоучителей—83; уволено—363 и умерло—8.

Слѣдующія лица, служащія при начальныхъ училищахъ, заявили себя, помимо служебныхъ обязанностей, еще самостоятельными трудами, а именно: директоръ народныхъ училищъ Кутаисской губерніи Ф. З. Левитскій напечаталъ „Курсъ русскаго языка для грузинскихъ начальныхъ школъ“; смотритель Квирильскаго нормальнаго училища О. Иоселіани составилъ статьи: „О промышленныхъ издѣліяхъ м. Квириль“ и „О шелководствѣ въ Шорапанскомъ уѣздѣ“, напечатанныя въ XI выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. и собралъ для этого же „Сборника“ грузинскія сказки, легенды, пословицы и поговорки, а учитель того же Квирильскаго училища Хускивадзе напечаталъ въ грузинской газетѣ *Иверія* статью: „Ріонское ущелье“; учитель Ванской сельской школы Бакрадзе описалъ „Ванское общество“ и собралъ свѣдѣнія о шелководствѣ въ этомъ обществѣ, напечатанныя въ XI выпускѣ „Сборника матеріаловъ“; такого же рода свѣдѣнія о сельскихъ обществахъ и шелководствѣ въ нихъ представили еще учителя 13 сельскихъ школъ, и статьи ихъ помѣщены въ XI же выпускѣ „Сборника матеріаловъ“. Учитель Микель-Габріельской школы Каландарашвили сообщилъ въ редакцію того же „Сборника матеріаловъ“ свѣдѣнія о состояніи шелководства въ сельскомъ обществѣ, гдѣ находится его школа; такія же свѣдѣнія представлены въ редакцію „Сборника“ еще 7 учителями, и труды ихъ напечатаны въ XI выпускѣ „Сборника“; смотритель Новороссійскаго однокласснаго училища Самойловъ завѣдывалъ метеорологическою станціей 2-го разряда; учительница Григорополисскаго однокласснаго училища Васильева помѣстила въ журналъ *Русскій Начальный Учитель* статью „О рождественской елкѣ въ народныхъ училищахъ“; учитель Кавказскаго сельскаго училища Ивановъ помѣстилъ въ газетѣ *Школьное Обзорніе* статьи: „Дирекція народныхъ училищъ Кубанской области“ и „О попечителяхъ и школьныхъ музеяхъ“; учитель Удобнаго станичнаго училища Жуковъ доставилъ свѣдѣнія въ статистическое отдѣленіе департамента земледѣлія и сельской промышленности, а учащіе въ училищахъ: Абинскомъ двухклассномъ. Вознесенскомъ, Карданинскомъ станичномъ, Кабардинскомъ и Карачаевскомъ завѣдывали метеорологическими станціями 3-го разряда, посылая свои наблюденія Тифлисской обсерваторіи.

Всѣхъ учащихся въ начальныхъ училищахъ въ началѣ 1891 года было 56.564; за годъ число это увеличилось на 1.211 учениковъ; къ концу года учащихся состояло 57.775, въ томъ числѣ мальчиковъ — 45.553 и дѣвочекъ — 12.222. Увеличеніе учащихся послѣдо-

вало почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, уменьшеніе же произошло вслѣдствіе закрытія школъ въ Терской области еврейскихъ—на 346, въ Карской области греческихъ—на 155 и въ Тифлисской губерніи—отъ разныхъ причинъ временнаго характера—на 165 учащихся. Изъ всего числа учащихся состояло въ одноклассныхъ училищахъ 46.944 и въ двухклассныхъ—10.831. Изъ 57.775 дѣтей обучается: 3.820 въ казенныхъ, 1.695 — въ земскихъ нормальныхъ, 1.976—въ содержимыхъ благотворительными обществами, 4.012—въ церковныхъ лютеранскихъ и католическихъ и 46.272—въ училищахъ, содержимыхъ городскими и сельскими обществами.

Учащіеся распредѣляются: а) по мѣстности: 34.190 учащихся посѣщали училища Сѣвернаго Кавказа, 23.348—Закавказья и 237—Закаспійской области; б) по національностямъ: русскихъ—32.932, изъ коихъ въ училищахъ Сѣвернаго Кавказа находилось 30.376, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—2.556; грузинъ, мингрельцевъ и сванетовъ—11.988, армянъ—5.434, татаръ—1.598, горцевъ—804, евреевъ—431, другихъ національностей—4.588; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—44.128, армяно-грегоріанъ—4.644, католиковъ—1.452, протестантовъ—3.384, іудеевъ—568, мусульманъ—2064 и другихъ исповѣданій—1.535; г) по сословіямъ: дворянъ—2.003, духовнаго званія—916, городскихъ сословій—7.169, крестьянъ, нижнихъ чиновъ и казаковъ—47.054 и иностранцевъ—633.

Изъ необязательныхъ предметовъ пѣніе, гимнастика и рукодѣліе сдѣлались почти обязательными и введены вездѣ, гдѣ представлялась къ тому хотя малѣйшая возможность. Такъ, пѣнію обучаются въ 656 училищахъ, и сравнительно лучше оно поставлено въ Кубанской дирекціи, гдѣ преподаваніе его ведется въ 240 училищахъ, при чемъ въ 100 училищахъ, образованы церковные хоры, изъ которыхъ въ 65 училищахъ учащіеся всѣмъ составомъ исполняютъ во время богослуженія пока нѣсколько молитвъ, но есть и такія училища, въ которыхъ всѣми учащимися исполняется вся литургія. Гимнастикѣ обучаются въ 608 училищахъ, собственно военной, и болѣе правильно она поставлена опять-таки въ Кубанской дирекціи—въ 245 училищахъ, гдѣ она преподается особыми учителями-инструкторами изъ казаковъ или фельдфебелей мѣстныхъ войскъ. Рукодѣлію обучаютъ, по опредѣленнымъ программамъ, во всѣхъ женскихъ и почти во всѣхъ смѣшанныхъ школахъ, итого въ 192, при чемъ особенно выдающихся результатовъ достигаютъ въ Кутаисской бесплатной школѣ, въ Майкопскомъ и въ Тифлисскомъ учили-

цахъ, содержимыхъ благотворительнымъ обществомъ. Изъ другихъ необязательныхъ предметовъ, по мѣрѣ изысканія средствъ и сообразно мѣстнымъ условіямъ. вводятся нѣкоторыя ремесла, а также сельско-хозяйственныя занятія; такъ, ремесламъ обучаются: столярному—въ 22 училищахъ, токарному—въ 12, бочарному—въ 2, слесарному—въ 62, кузнечному и саложному—по 1, переплетному—въ 32; при нѣкоторыхъ училищахъ существуютъ особыя ремесленные отдѣленія, содержимыя на средства обществъ, которыя отпускаютъ для того деньги, не входящія въ общую сумму бюджета училищъ; въ такихъ отдѣленіяхъ обучаются не только ученики, но и постороннія лица. Сравнительно малое развитіе ремесленныхъ занятій зависитъ не только отъ ограниченности средствъ и неимѣнія подходящихъ мѣстныхъ мастеровъ, но главнымъ образомъ оттого, что первенствующій предметъ занятій жителей составляетъ сельское хозяйство; изъ отраслей его наибольшее развитіе получили: садоводство, введенное въ 266 училищахъ, огородничество—въ 137, шелководство—въ 104, пчеловодство—въ 50 и виноградарство—въ 6. Въ убѣжденіи, что профессиональныя занятія могутъ имѣть не только практически-житейское, но и важное педагогическое значеніе, начальники дирекцій принимали въ 1891 году разныя мѣры къ распространенію и развитію таковыхъ, какъ напримѣръ, устраивались собранія учителей: для обученія ухода за шелковичными червями и изслѣдованіями гренъ, для сообщенія другимъ учителямъ свѣдѣній по устройству пасѣкъ, и приемовъ разнаго рода прищепъ, прививокъ и т. п., также для ознакомленія съ приемами шьенія и гимнастики, а въ Кутаисѣ устроены были курсы ручнаго труда, каковой и введенъ уже въ нѣсколькихъ училищахъ, и т. п.

Въ 1891 году вновь окончило курсъ 4.061, то-есть, 7,1% всего числа учащихся—больше, чѣмъ въ предыдущемъ году, на 403 ученика: въ Сѣверномъ Кавказѣ—2 508 и въ прочихъ мѣстностяхъ—1.553. Но это число окончившихъ курсъ не даетъ еще полного понятія о распространеніи грамотности путемъ начальныхъ училищъ, такъ какъ къ грамотнымъ нужно еще прибавить и всѣхъ тѣхъ, которые, не окончивъ курса, были умѣющими читать и писать, а таковыхъ было 9.179; такимъ образомъ, въ теченіе 1891 года общества получили 13.240 знающихъ болѣе или менѣе грамоту.

Изъ окончившихъ 4.061 приобрѣли право на льготу IV разряда 934, въ томъ числѣ 701 на Сѣверномъ Кавказѣ и 233 въ Закавказьѣ съ Закаспійскою областью. Небольшое число свидѣтельствъ, выдан-

ныхъ на льготу IV разряда, объясняется особыми условіями отбыванія воинской повинности жителями Закавказскаго и большей части Кавказскаго края: въ нихъ нуждаются почти исключительно жители Ставропольской губерніи и такъ-называемые иногородные Терской и Кубанской областей.

Поведеніе учащихся въ начальныхъ училищахъ за 1891 годъ было добропорядочное; изъ всего числа 57.775 учащихся исключенію изъ школы подверглось всего 104. Санитарное состояніе училищъ и учащихся также было, вообще, довольно удовлетворительно. Тѣ неполныя свѣдѣнія, которыя доставлены учителями, даютъ только приблизительное понятіе о числѣ заболѣваній и числѣ смертныхъ случаевъ: первыхъ было 25.521, то-есть, на 100 учащихся—44 случая, а вторыхъ—211, или на 100—0,27, изъ коихъ 133 послѣдовали отъ заразныхъ болѣзней: дифтерита—67, кори—11, скарлатины—22, тифа—12 и оспы—21.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, въ немъ состоятъ еще 2.685 училищъ, или не подчиненныхъ непосредственно управленію округа, какъ армяно-григоріанскія церковно-приходскія, магометанскія при мечетяхъ и еврейскія при синагогахъ, или совершенно не подчиненныхъ ему, какъ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ.

Свѣдѣнія объ училищахъ двухъ первыхъ категорій имѣются самыя краткія и при томъ весьма неполныя. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ епархіальными начальствами и не вполне согласными съ таковыми, полученными отъ дирекцій, всѣхъ училищъ церковно-приходскихъ армяно-григоріанскихъ въ округѣ было въ началѣ 1891 года 147, а въ концѣ—183, изъ коихъ на Сѣверномъ Кавказѣ—17, въ Терской области—9 и въ Кубанской области и Ставропольской губерніи—по 4, и въ Закавказскомъ краѣ—166, въ томъ числѣ: въ Эриванской губерніи—50, Тифлисской—44, Елисаветпольской—38, въ Каресской области—13, въ Бакинской губерніи—10, въ Кутанской—8 и въ Дагестанской области—3. Наибольшій приростъ за годъ замѣчается въ Эриванской губерніи—на 19 школъ, Тифлисской—на 8, и Елисаветпольской—на 3. Изъ 183 школъ 32 двухклассныя и 151 одноклассныя, а по составу—мужскихъ—114, женскихъ—30 и смѣшанныхъ—7. Въ этихъ училищахъ, на содержаніе коихъ израсходовано 210.891 р., служащихъ состояло: законоучителей—89, учителей—314, учительницъ—122; учащихся было: мальчиковъ—8.116 и дѣвочекъ—4.470, всего—12.586. По Высочайшему повелѣ-

нію 22-го марта 1889 года, преподаватели и преподавательницы русскаго языка, исторіи и географіи въ означенныхъ училищахъ должны имѣть учительскія свидѣтельства, но до сихъ поръ это могло быть достигнуто лишь для одной четверти преподающихъ. Почти всѣ директора училищъ заявляютъ, что учебное дѣло церковно-приходскихъ армяно-григоріанскихъ школъ идетъ мало удовлетворительно вслѣдствіе низкаго образовательнаго ценза самихъ учащихся.

Свѣдѣнія о мусульманскихъ и еврейскихъ училищахъ также неполны. Изъ доставленныхъ списковъ видно, что число училищъ мечетскихъ въ теченіе года увеличилось съ 1.828 до 1.896 и, за исключеніемъ 4, принадлежащихъ Кубанской области, всѣ находятся въ Закавказьѣ; по численности своей они располагаются: въ Дагестанской области—722, въ Елисаветнольской губерніи—433, въ Бакинской—261, въ Кутанской—258, въ Тифлисской—102, въ Карсской области—94 и въ Эриванской губерніи—22. Всѣхъ преподающихъ въ школахъ въ концѣ 1891 года значилось 1.905, а учащихся—21.688, въ томъ числѣ мальчиковъ—19.716 и дѣвочекъ—1.972. Еврейскихъ училищъ въ началѣ 1891 года было 38, но число это уменьшилось къ концу на два; учителей въ нихъ состояло 37, а учащихся—719, въ томъ числѣ 699 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. Самыя школы еврейскія находятся: 17 въ Бакинской губерніи, 10—въ Дагестанской области 9—въ Кутанской губерніи; а двѣ закрытыя находились въ Тифлисской губерніи.

Свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ, вовсе не подчиненныхъ учебной администраціи, за 1891 годъ слѣдующія: число ихъ увеличилось съ 434 до 590, изъ коихъ вѣдомства православнаго духовенства—570, а остальные 20 принадлежать: вѣдомству Эчмиадзинскаго синода—4, учрежденій Императрицы Маріи—3, министерствамъ: военному—5, внутреннихъ дѣлъ—4, путей сообщенія—1, государственныхъ имуществъ—2, юстиціи—1. Училищъ этой категоріи на Сѣверномъ Кавказѣ—322, въ Закавказскомъ краѣ—268. На содержаніе всѣхъ 590 училищъ израсходовано въ 1891 году 1.227.861 р. По типу училищъ было: среднихъ—14, низшихъ—17 и начальныхъ—559; учащихся въ нихъ въ началѣ года было 21.544, а въ концѣ—26.252, въ томъ числѣ мужскаго пола—22.373 и женскаго—3.879.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Октябрь 1893 года.

I.

Я уже писалъ вамъ объ организаціи у насъ такъ-называемаго новаго или современнаго (moderne) средняго образованія, то-есть, о такой системѣ среднихъ школъ, въ которой изученіе классическихъ языковъ замѣнено изученіемъ языковъ новыхъ. Такимъ образомъ осуществилась мысль, высказанная покойнымъ Фрари въ его книгѣ: „La Question du Latin“. Въ принципѣ предполагалось изучать два языка: англійскій и нѣмецкій. Только что вышедшее постановленіе министра измѣняетъ первоначальный планъ, изученіе нѣмецкаго или англійскаго языка будетъ обязательнымъ; другой же языкъ можетъ быть нѣмецкій, итальянскій, испанскій, арабскій или русскій смотря по характеру учебнаго учрежденія. Итакъ, русскій языкъ вводится въ программу средней школы, но это не значитъ, что изученіе его начнется немедленно. Необходимы учителя, а ихъ трудно найти. Во Франціи встрѣчаются русскіе эмигранты, предлагающіе свои услуги; но сами они не знаютъ языка грамматически и не обладаютъ педагогическими способностями. Пришлось бы съ ними начать все уже испробованное лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ съ нѣмецкими революціонерами, занимавшими мѣста преподавателей въ нашихъ тогдашнихъ коллегіяхъ. Опытъ этотъ не былъ удаченъ. Надо замѣтить, что и теперь лица, стремящіяся къ преподаванію русскаго языка въ лицейяхъ, смотря на это, главнымъ образомъ, какъ на средство къ существованію. Въ минувшемъ году попробовали было ввести преподаваніе русскаго языка въ трехъ или четырехъ парижскихъ лицейяхъ, но о результатѣ этого нововведенія можно будетъ судить только по истеченіи года. Я лично отношусь къ этому опыту скептически: наши

дѣти никогда не могли изучить греческій языкъ до степени пониманія газеты, если бы таковыя имѣлись, и я сомнѣваюсь, чтобы они усвоили себѣ знаніе русской грамматики. Опытъ этотъ надо было бы примѣнить въ высшемъ преподаваніи, и дѣйствительно, два года тому назадъ въ Лиллѣ произошло слѣдующее: при открытіи курса русскаго языка собралось много торговцевъ и промышленниковъ, воображавшихъ себѣ, что языкъ этотъ можно изучать также, какъ англійскій или итальянскій. Когда дѣло дошло до склоненій, они устрашились: они никогда ничего не слышали о предложномъ или о творительномъ падежѣ; а когда зашла рѣчь о спряженіяхъ, они разбѣжались, и у преподавателя осталось всего двѣнадцать серьезныхъ слушателей, состоявшихъ исключительно изъ учителей лицеевъ и офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Ищущіе степени бакалавра по новому образованію должны будутъ писать сочиненія и дѣлать переводы безъ словаря, устно переводить иноязычный текстъ прямо безъ приготовленія и говорить на томъ языкѣ, по которому происходятъ испытанія. Экзаменъ такого рода труднѣе экзамена классическихъ языковъ, гдѣ отъ ученика не требуется умѣнья говорить на древнихъ языкахъ.

Подъ заглавіемъ: „Высшее историческое и филологическое образованіе во Франціи“ (*Le haut enseignement historique et philologique en France*) Гастонъ Парисъ только что напечаталъ въ *Journal des Débats* цѣлую серію весьма любопытныхъ статей, по поводу книги Ло, о которой я уже сообщалъ вамъ: „*L'Enseignement supérieur en France, ce qu'il est et ce qu'il devrait être*“. Несмотря на видимый успѣхъ. Парисъ жалуется на недостатки провинціальныхъ факультетовъ. Чтобы приготовить новый составъ учителей, онъ предлагаетъ выбирать ихъ изъ числа учениковъ Школы высшихъ знаній. Съ другой стороны, онъ желаетъ, чтобы между провинціальными факультетами возникло такое же соревнованіе, какое существуетъ между нѣмецкими университетами, чтобы Ліонъ и Бордо, Реннъ и Нанси оспаривали бы цѣною золота лучшихъ профессоровъ, какъ то дѣлаютъ въ Германіи Берлинъ и Лейпцигъ, Боннъ и Гейдельбергъ. Но это—*plac desirés*, это—совершенно противно духу равенства, служащему основаніемъ всѣмъ нашимъ учрежденіямъ. Сѣтованія Париса и Ло нѣсколько преувеличены; вполнѣ естественно, что Парисъ, директоръ Школы высшихъ знаній, стремится открыть ея питомцамъ дорогу къ дѣятельности прибыльной и почетной; до сихъ поръ права слушателя этой школы, получившаго дипломъ, не считались равными

степени доктора словесности, необходимой, чтобы сдѣлаться профессоромъ факультета.

Молодымъ людямъ не приходится, впрочемъ, жаловаться; въ моей молодости готовившіеся къ ученой дѣятельности и не имѣвшіе собственныхъ средствъ къ существованію занимались преподаваніемъ въ лицейхъ и пансіонахъ или занимали въ нихъ мѣста воспитателей; теперь же многіе изъ готовящихся къ профессурѣ получаютъ стипендіи, дающія имъ возможность заниматься свободно ихъ личнымъ трудомъ.

Въ скоромъ времени въ Парижѣ откроется учрежденіе, предназначенное для неимущихъ молодыхъ ученыхъ. Это учрежденіе Тьера, основанное вдовой его въ память знаменитаго ея мужа. Зданіе этого общежитія рассчитано на пятнадцать человѣкъ; въ него поступаютъ молодые люди около 26 лѣтъ, имѣющіе степень доктора магистра или получившіе дипломы по высшему образованію, или, наконецъ, увѣнчанные Институтомъ за свои ученые труды. Эти молодые люди будутъ имѣть столъ, помѣщеніе и годовую стипендію въ 1800 франковъ. Они обязаны провести три года въ этомъ учрежденіи, не занимаясь ничѣмъ, кромѣ подготовки своего научнаго труда. Молодые люди, принимаемые въ это истинно царственное учрежденіе, избираются комиссіей, составленною изъ слѣдующихъ лицъ: Бартолеми Сентъ-Илера (старѣйшій другъ Тьера), попечителя Парижскаго учебнаго округа Греара, членовъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Окока и Жоржа Пико. Члену Академіи словесности и надписей Орео, хорошо извѣстному своими сочиненіями по средневѣковой литературѣ, ввѣрено управленіе всѣмъ заведеніемъ.

Это превосходное заведеніе имѣетъ одинъ недостатокъ: оно находится около Булонскаго лѣса, на окраинѣ Парижа, очень далеко отъ Латинскаго квартала, гдѣ собраны всѣ научныя учрежденія, необходимыя для работъ молодыхъ стипендіантовъ.

II.

Я писалъ вамъ въ прошедшемъ году о появленіи новой „Всеобщей исторіи“, издаваемой подъ редакціей Лависса и Рамбо. Этотъ трудъ выходитъ въ свѣтъ книжками, и каждая глава его поручена особому сотруднику. Второй томъ „Исторіи“ только что вышелъ изъ печати (у Армана Колена); онъ заключаетъ въ себѣ періодъ отъ 1095 до 1270 года, подъ заглавіемъ: „Феодальная Европа и Кресто-

вые походы". Четырнадцать авторовъ приняли участіе въ составленіи этого тома. Происхожденіе феодальной системы описано Шарлемъ Сеньеобо, борьба духовенства съ имперіей—Шарлемъ Байе, исторія королевской власти во Франціи—Шарлемъ Люшеромъ, исторія общинъ и буржуазіи—Жири. Шарль Ланглуа описалъ состояніе образованности на западѣ въ XII и въ XIII вѣкѣ, Шарль Бемонъ—образованіе англійской націи и исторію великой хартіи; Маріежолъ помѣстилъ статью объ Испаніи, Дени—о славянскихъ и мадьярской народностяхъ, Рамбо—о Византійской имперіи, Леонъ Кагенъ—о переворотахъ въ Азін, о туркахъ, Китаѣ, Иранѣ и Средней Азін до конца XIII столѣтія. Эта мозаичная работа лучшихъ сотрудниковъ составляетъ одно цѣлое сочиненіе новое и весьма любопытное. Успѣхъ его и теперь значителенъ: насчитываютъ болѣе 5.000 подписчиковъ. Полное сочиненіе должно составить двѣнадцать томовъ, но очевидно, число это еще увеличится. Первоначальная цѣна за все сочиненіе была назначена въ 120 франковъ, а теперь увеличена до 144 франковъ. Вѣроятно, со временемъ она еще болѣе возрастетъ.

Членъ Института (Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ) Морисъ Блокъ считается однимъ изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ. Ему мы обязаны между прочимъ „Словаремъ политической экономіи“ и „Словаремъ французской администраціи“, трудами, которые признаны классическими въ своемъ родѣ. Его небольшое руководство къ практической экономіи переведено на двѣнадцать языковъ по меньшей мѣрѣ. Въ 1869 году онъ издалъ книгу: „Политическая и социальная Европа“ (*L'Europe politique et sociale*), быстро разошедшуюся. Съ той поры физономія Европы очень измѣнилась. Блокъ передѣлалъ заново свою книгу и издалъ ее теперь (у Гашетта). Онъ послѣдовательно изображаетъ политическое устройство Европы, ея территорію, населеніе государствъ, ихъ финансы, армію, флотъ, экономическую жизнь, земледѣліе, промышленность, торговлю, пути и способы сообщенія, затѣмъ ихъ общественный строй, благотворительныя и общепользныя учрежденія, значеніе вѣроисповѣданій и народнаго образованія, среду преступныхъ элементовъ, социализмъ, наконецъ общественныя реформы, осуществимыя по частной инициативѣ или при содѣйствіи государства. Это сочиненіе почти въ 600 страницъ представляетъ собою драгоценное руководство и займетъ почетное мѣсто, во всѣхъ большихъ библіотекахъ. Да и само по себѣ оно составляетъ цѣлую библіотеку.

Мнѣ рѣдко приходилось писать вамъ объ изданіяхъ „Междуна-

родной научной библиотеки“, выходящей въ свѣтъ подъ редакціей Альглава; книги, принадлежащія къ ея составу, по большей части внѣ моей компетенціи. Но послѣдній томъ, только что вышедшій, подходитъ къ содержанію моихъ писемъ: онъ заключаетъ въ себѣ трудъ Андрея Лефевра, профессора антропологической школы въ Парижѣ, и озаглавленъ имъ такъ: „Племена и нарѣчія“ (*Les races et les langues*, 1 томъ въ 8-ку у Алькана). Лефевр—поэтъ и ученый. Какъ поэтъ, онъ извѣстенъ превосходнымъ переводомъ Лукреція (*De natura rerum*) и издалъ собраніе прекрасныхъ стихотвореній. Какъ ученый, онъ занимался преимущественно міеологіей и лингвистикой. Онъ редактируетъ лингвистическій отдѣлъ въ „Словарѣ антропологическихъ наукъ“; онъ же напечаталъ нѣсколько этимологовъ по сравнительной міеологіи, лингвистикѣ и филологіи. Въ только что вышедшемъ томѣ Лефевръ изучаетъ происхожденіе и измѣненіе рѣчи и обозрѣваетъ географическое распредѣленіе нарѣчій и племенъ. Болѣе половины книги посвящено изученію языковъ индо-европейской группы. Сочиненіе это увлекательно въ чтеніи и не составляетъ повторенія книги Овелака, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ „*La linguistique*“, о которой я писалъ вамъ въ свое время.

Изъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій по лингвистикѣ укажу прежде всего на „Этюды по ново-греческой филологіи“ Жана Психари, профессора Школы высшихъ знаній (*Etudes de philologie néo-grecque*). Психари, по происхожденію грекъ, натурализовался во Франціи. Онъ занимался уже нѣсколько лѣтъ преимущественно изученіемъ тѣхъ измѣненій, въ силу которыхъ древне-греческій языкъ превратился въ современный. Онъ уже издалъ въ свѣтъ „Опыты исторической ново-греческой грамматики“ (*Essais de grammaire historique néo-grecque*), за которые получилъ премію Вольнея, присуждаемую Институтомъ за лучший трудъ по лингвистикѣ, и кромѣ того, написалъ нѣсколько сочиненій по вопросамъ ново-греческой филологіи. Теперь вышедшій въ свѣтъ сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи самого Психари и нѣкоторыхъ слушателей его курса. Весьма интересное предисловіе содержитъ въ себѣ очеркъ исторической грамматики и исторіи литературы ново-греческаго языка. Затѣмъ идетъ нѣсколько отдѣльныхъ статей слушателей Психари; укажу въ особенности на „Опытъ о вліяніи латинскаго языка на греческій“—Лафоскада.

Собраніе біографій великихъ французскихъ писателей, издаваемое

Гашеттомъ, увеличилось еще тремя монографіями: „Декартъ“—Альфреда Фулье, „Альфредъ де Мюссэ“—Арведа Барина и „Викторъ Гюго“—Леопольда Мабилльо. Ваши читатели знаютъ, какое значительное мѣсто занимаетъ Фулье въ ряду нашихъ современныхъ философовъ. Онъ кромѣ того изящный писатель. Его этюдъ о Декартѣ изображаетъ знаменитаго философа въ новомъ свѣтѣ; Фулье чуть не обращаетъ его въ одного изъ предшественниковъ Дарвина.

Арведъ Баринъ, авторъ книги о Мюссэ, уже напечаталъ въ той же коллекціи этюдъ о Бернарденѣ де-Сенъ-Пьерѣ. Эта умная писательница (мнѣ помнится, я уже сообщилъ вамъ, что Баринъ—женщина) справилась вполне хорошо со своею трудною задачей. Альфредъ де-Мюссэ—несомнѣнно одинъ изъ величайшихъ поэтовъ XIX вѣка, что и не трудно было доказать; но не легко описать его жизнь; въ молодости онъ, какъ извѣстно, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Жоржъ Зандъ. Близость этихъ отношеній истолковывали различно, смотря потому, принадлежалъ ли біографъ къ партіи Мюссе, или къ партіи Жоржъ Зандъ. Въ своемъ этюдѣ о Жоржъ Зандъ (въ той же коллекціи) покойный Каро говоритъ объ этомъ эпизодѣ неясными намеками. Арведъ Баринъ изображаетъ его съ большею ясностью и приличіемъ. Въ его рукахъ было нѣсколько писемъ самого Альфреда де-Мюссэ, текстъ которыхъ не вполне согласенъ съ текстомъ писемъ, изданныхъ въ свѣтъ Полемъ де-Мюссэ. По этой небольшой книжкѣ видно, сколько еще потребуется лѣтъ для вполне правдивой характеристики поэта.

Авторъ книги о Викторѣ Гюго, Леопольдъ Мабилльо, менѣе извѣстенъ какъ писатель, чѣмъ Фулье и Баринъ. Очень трудно въ одномъ небольшомъ томѣ объять творенія и характеръ такого человѣка, какъ Викторъ Гюго. И при жизни, и по смерти великій поэтъ былъ предметомъ, по меньшей мѣрѣ, двадцати монографій. Не смѣю утверждать, что монографія Мабилльо—наиболѣе полная. Не имѣя возможности обозрѣть все написанное поэтомъ, авторъ удовольствовался изученіемъ фیزیологическихъ и психологическихъ условій, отразившихся на его талантѣ. И это ему вообще удалось. Однако книга его менѣе увлекательна, чѣмъ книга Арведа Барина объ Альфредѣ де-Мюссэ.

Подъ заглавіемъ „Литературныхъ и художественныхъ этюдовъ“ (*Etudes de Littérature et d'Art*) Гюставъ Ларруме напечаталъ новый томъ сборника своихъ статей, служащій продолженіемъ его прежде изданныхъ историческихъ и критико-драматическихъ этюдовъ. Онъ

довольно долго читалъ лекціи французской литературы въ Сорбоннѣ, затѣмъ состоялъ директоромъ управленія изящныхъ искусствъ и имѣлъ счастье сдѣлаться очень рано свободнымъ членомъ нашей Академіи художествъ. Благодаря своей должности онъ получалъ порученія написать нѣсколько этюдовъ по исторіи этой Академіи и по французской живописи въ XIX вѣкѣ. Но самая любопытная часть книги посвящена исторіи литературы въ XVII и XVIII вѣкѣ. Особенно хороша глава о знаменитой актрисѣ Адриеннѣ Лекуверрь. Укажу также на этюдъ о происхожденіи французскаго романтизма. Сочиненіе Ларруме вышло въ составѣ „Bibliothèque Variée“ (у Гашетта). Въ той же коллекціи Эмиль Монтегю издалъ сборникъ „Литературныхъ очерковъ“ (*Esquisses littéraires*), то-есть, статей его, появившихся въ *Revue des Deux Mondes*. Онъ говоритъ здѣсь о нѣкоторыхъ нашихъ второстепенныхъ писательницахъ—о г-жѣ Дебордъ Вальморъ, о графинѣ де-Гаспаренъ, о маркизѣ де-Блоквилль; кромѣ того, значительный очеркъ посвященъ Густаву Планшу, бывшему полвѣка тому назадъ критикомъ въ *Revue des Deux Mondes*; но этотъ очеркъ походить скорѣе на надгробную рѣчь, а не на серьезный этюдъ, и даетъ весьма неполное понятіе о темпераментѣ и талантѣ Планша.

Въ той же серіи книгъ появилось весьма обстоятельное сочиненіе Апри Лемонье: „Французское искусство во время Ришелье и Мазарини“ (*L'Art français au temps de Richelieu et de Mazarin*). Лемонье состоитъ профессоромъ исторіи въ Школѣ изящныхъ искусствъ, и его лекціи очень высоко цѣнятся. Періодъ, имъ изучаемый, идетъ отъ смерти Генриха IV до Людовика XIV (1610 — 1648 гг.), во время котораго установилось, наконецъ, искусство великаго вѣка. Изъ архитекторовъ того времени блисталъ Мансаръ де-Броссъ; тогда построены были такіе памятники, какъ Валь-де-Грасъ и Люксембургскій дворецъ; по живописи выдѣлялись имена такихъ мастеровъ, какъ Вуэ, Лебрень, Пуссенъ, Филиппъ де-Шампань, Лесюеръ, произведенія которыхъ можно изучать въ Луврѣ; изъ скульпторовъ славятся Сарразенъ, Ангье, Гюшленъ; Лемонье изучаетъ не только произведенія этихъ мастеровъ, но и разъясняетъ чужеземныя и историческія вліянія на французское искусство въ началѣ XVII вѣка, изображаетъ общественныя условія жизни художниковъ, уставы ихъ корпорацій, ихъ сношенія съ обществомъ и литературой. При Людовикѣ XIII художники еще пользовались независимостью; основаніе Академіи изящныхъ искусствъ послужило для нихъ центромъ и

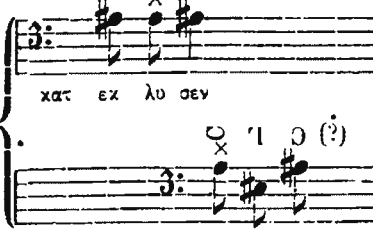
дало единство ихъ дѣятельности; но со времени Людовика XIV искусство вдохновляется не обществомъ, а самимъ королемъ и правительствомъ. Монографія Лемонье въ общемъ весьма занимательна и поучительна.

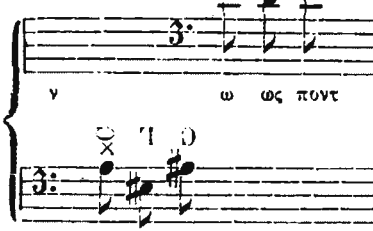
Перро и Шипье издали новый выпускъ своей „Исторіи искусства въ древности“. Онъ посвященъ преимущественно Троѣ, Тиринеу и Микенамъ. 18-й выпускъ „Словарь греческихъ и римскихъ древностей“, издаваемого Даранберомъ и Сальо, заключаетъ въ себѣ между прочими статью *Fasti*—Буше-Леклерка, *Feria* и *Flamen*—Камилла Жюллиана, *Fiscus*—Сальо и Ембера.

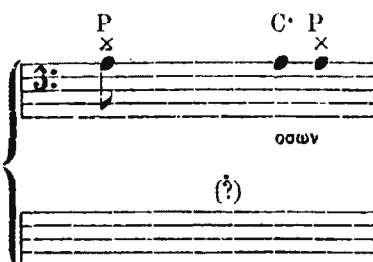
Академія надписей и словесности лишилась одного изъ своихъ старѣйшихъ членовъ—Россиньоля. Онъ принадлежалъ къ ея составу съ 1853 года; онъ написалъ нѣсколько сочиненій о метрикѣ и греческой археології, а также по исторіи металловъ въ древности. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ латинскихъ поэтовъ XIX вѣка; въ 1836 году онъ сочинилъ латинскую поэму въ четырехъ книгахъ, подъ заглавіемъ „*Vita Scholastica*“. Россиньоль многие годы состоялъ профессоромъ греческой литературы во Французской коллегіи. Еще болѣе тяжелая утрата понесена наукой въ лицѣ молодого хранителя Національной Библіотеки: Жюльену Авэ было только сорокъ лѣтъ отъ роду; онъ напечаталъ нѣсколько превосходныхъ изслѣдованій по литературѣ среднихъ вѣковъ, и сочиненія его не разъ увѣнчаны были Институтомъ.

Л. Л—ръ

(?) П Р П

5.

6.

7.

Прежде чѣмъ говорить о мелодіи и ея ритмическомъ дѣленіи, намъ необходимо установить текстъ нашего отрывка. Онъ взятъ изъ антистрофы 332—347 включительно. Въ 3-мъ изданіи текста А. Наука (Lipsiae, Teubner 1876), которое у меня подъ рукою, эта антистрофа заключаетъ въ себѣ слѣдующіе стихи:

332. ὦ Ζεῦ,
 333. τίς ἔλσος, τίς ὁδ' ἀγών
 334. φόνιος ἔρχεται,
 335. θοάζων σε τὸν μέλεον, ᾗ δάκρυα
 336. δάκρυα συμβάλλει
 337. πορεύων τις εἰς δόμον ἀλαστόρων
 338. ματέρος αἷμα σᾶς, ὃ σ' ἀναβαχχεύει;
 339. κατολοφύρομαι κατολοφύρομαι.
 340. ὁ μέγας ὄλβος οὐ μόνιμος ἐν βροτοῖς
 341. ἀνὰ δὲ λαῖφος ὥς
 342. τις ἀκάτου θοᾶς τινάξας δαίμων
 343. κατακλυσεν δεινῶν πόνων, ὥς πόντου
 344. λάβροις ὀλεθρίοισιν ἐν χύμασιν.
 345. τίνα γὰρ ἔτι πάρος οἶκον ἄλλον

346. ἔτερον ἢ τὸν ἀπὸ θεογόνων γάμων

347. τὸν ἀπὸ Ταντάλου σέβασθαι με χρῆ;

Однакожь этотъ традиціонный текстъ не вполне согласенъ съ текстомъ нашего отрывка, который начинается словомъ -ύρομαι, очевидно католоφ]ύρομαι, послѣ котораго слѣдуетъ матέρος и т. д. Изъ этого явствуется, что стихи 338 и 339 должны быть переставлены одинъ на мѣсто другаго, слѣдовательно такъ:

339. католоφ]όρομαι католоφ]ύρομαι

338. матέρος [αἶμα οἶς, ὃ σ' ἀναβ]αχχέουαι

Интересно то, что *Кириюфъ*, чувствуя неумѣстность 339 стиха, замѣнилъ его стихомъ слѣдующимъ, поставивъ на мѣсто послѣдняго стихъ 339-й; *Вейль* же переставилъ обѣ половины 338 стиха (ὃ σ' ἀναβαχχέουαι, матέρος αἶμα οἶς). Но этимъ ничего не достигнуто, такъ какъ смыслу мѣшаетъ не католоφ]όρομαι, а 338 стихъ: матέρος αἶμα οἶς, хотя бы съ перестановкою Вейля, такъ какъ онъ никакъ не вяжется логически съ предыдущимъ. Начиная съ 332 до 337 включительно, стихи даютъ вполне хорошій смыслъ: „О Зевсъ, гдѣ у тебя состраданіе? какой это смертный бой близится, наводя ужасъ на тебя, несчастный Орестъ, у котораго слезу за слезой вызываетъ тотъ губитель, который ворвался въ твой домъ“. Затѣмъ, согласно нашему папирусу, идетъ слѣдующая мысль: „Жалѣю я, очень жалѣю крови матери твоей, крови, которая гонитъ тебя въ бѣшенство“.

Остальное: 340. ὁ μέγας [δῶλος οὐ μόνιμος] ἐμ βροτοῖς.

341. ἀνὰ [δὲ λαῖφος ὧς

342. τι]ς ἀκάτου θεοῦς τινά[ξας δαίμων

343. κατέκλυσεν [δεινῶν πόνω]ν, ὧς πόντ[ου

согласно съ традиціоннымъ текстомъ.

Достойно вниманія, что въ концѣ каждаго изъ 3 приведенныхъ стиховъ стоитъ инструментальная нота $\dot{Z}=g$, которая, очевидно, отдѣляла одинъ стихъ отъ другаго. Въ дальнѣйшемъ текстѣ такая же инструментальная нота $\dot{Z}=g$ стоитъ среди вокальных нотъ (между $\dot{Z}$

Р и Ф) надъ $\sigma\tau$ въ словахъ θεοῦς τινά[ξας, тогда какъ она должна находиться въ текстѣ. Въ данномъ случаѣ это оказалось невозможнымъ, такъ какъ звуки $\sigma\tau$ выражены лигатурою (*смима*), вслѣдствіе чего инструментальную ноту пришлось поставить надъ лигатурою. Если ноту $\dot{Z}$ отмѣченъ конецъ стиха, то слѣдующій за названными тремя стихами долженъ былъ состоять изъ традиціоннаго 341-го и

первой половины 342-го: ἀνὰ [δὲ λαῖφος ὥς τις ἀχάτου θοᾶς. Впрочем, такое дѣленіе имѣется въ Альдовомъ изданіи. Эти 4 стиха представляютъ слѣдующую метрическую схему:

κατολοφύρομαι		κατολοφύρομαι	ζ
ματέρος αἶμα οἶς,		ὁ σ' ἀναβαχχεόαι	ζ
ὁ μέγας ὄλβος οὐ		μόνιμος ἐμ βροτοῖς	ζ
ἀνὰ δὲ λαῖφος ὥς		τις ἀχάτου θοᾶς	ζ.

Это *дохмические* диметры. Надобно предположить, что и остальные стихи представляли такіе же дохмические диметры. Текстъ остальной части нашего отрывка представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: τινά[ξας δαίμων] κατέκλυσεν Ὀΐο? [δεινῶν πόνων]ν Ὀΐο ὡς πόντ[ου λάβροις ὀλεθρίοισιν ἐν κόμασιν] ὄσων. Последняго слова ὄσων въ традиціонномъ текстѣ нѣтъ.

5. τινάξας δαίμων	κατέκλυσεν	Λ	Λ
6. Δ δεινῶν πόνων	Δ	Λ	Δ ὡς πόντου
7. λάβροις ὀλεθρίοι—σιν ἐν κόμασιν			
8. ὄσων...			

Въ концѣ 2-го дохмія перваго диметра недостаетъ 2 слоговъ (ῶ ῶ), въ началѣ перваго дохмія втораго диметра отсутствуетъ 1-й слогъ (ῶ), а въ началѣ 2-го дохмія того же диметра не досчитываемъ 3 слоговъ (ῶ ῶ ῶ); мѣсто ихъ занято инструментальными нотами. Очевидно, что стойки (паузы) хора заполнялись инструментальною музыкою того же ритма, что и напѣвъ.

Здѣсь уместно коснуться вопроса, дѣйствительно ли музыка аккомпанирующихъ инструментовъ подчинялась тѣмъ же ритмическимъ законамъ, что и стихотворная рѣчь и пѣніе. Съ нашей точки зрѣнія подобный вопросъ кажется даже смѣшнымъ, а между тѣмъ никто иной, какъ знаменитый *Германъ*, отрицалъ въ греческой музыкѣ вообще всякую ритмичность. Правда, какъ повѣя, такъ и музыка можетъ существовать безъ ритма, и безспорно такой была въ эпоху первобытнаго существованія человѣка, и у грековъ въ самую отдален-

ную эпоху греческой жизни. Въ эпоху развитія искусствъ у грековъ ритмъ овладѣлъ музыкальными или „музыкальными“ искусствами, то-есть, музыкою, поэзіею и орхестикою на столько, что связалъ ихъ въ одно цѣлое, которое Аристидъ (περί μουσικῆς р. 32 Meib.) называетъ *φῶν*—одомъ (какъ, напримѣръ, у Пиндара). Въ одѣ, а также въ лирическихъ партіяхъ драматической поэзіи, исполнялась музыка, пѣніе и поэзія совмѣстно съ орхестикою, то-есть, пѣлись стихи подѣ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ хоромъ, производившимъ маршевыя и плясовые движенія, что немислимо безъ общаго ритма, безъ котораго на сценѣ происходила бы невообразимая путаница. Если же въ опроверженіе того, что въ хоровыхъ партіяхъ существовалъ ритмъ, приводится примѣръ церковныхъ хоровъ христіанской эпохи, которые пѣлись безъ тактовъ, то такое возраженіе не имѣетъ значенія, такъ какъ въ эту эпоху музыкальное искусство находилось въ упадкѣ, выразившемся, между прочимъ, въ отсутствіи ритма, безъ котораго церковный хоръ, стоявшій на мѣстѣ безъ движенія, могъ обходиться. Что же касается вообще ритма, какъ въ пѣніи и музыкѣ, такъ и въ поэзіи, то Аристоксенъ ясно говоритъ о томъ и другомъ, чего бы не было, если бы греческая музыка была лишена ритма. Вспомнимъ слова Цицерона *De orat.* III 50: *non solum verbis arte positus moventur homines, verum etiam numeris ac vocibus. quotus enim quisque est, qui teneat artem numerorum ac modorum? at in his, si paulum modo offensum est, ut aut contractione brevius fieret aut productione longius, theatra tota reclamant.* Да еще Квинтиліанъ IX, 4, 55 говоритъ: *rhythmī neque finem habeant certum nec ullam in contextu varietatem, sed qua coeperunt sublacione ac positione ad finem usque decurrunt.*

Передъ *ὄσων* въ пространствѣ между вокальными нотами и текстомъ видна точка, которая стояла надъ исчезнувшею инструментальною нотою; а такъ какъ такая точка въ нашемъ памятникѣ четыре раза встрѣчалась надъ нотою *ζ̄*, отмѣчающею конецъ стиха, то естественно предположить, что и въ данномъ случаѣ стояла нота *ζ̄*, тѣмъ болѣе, что передъ *ὄσων* дѣйствительно заканчивается стихъ словомъ *χώραν*; по аналогіи можно предположить такую же ноту *ζ̄* и въ концѣ предшествующаго диметра послѣ слова *πόντου*. Относительно 344-го стиха Наукъ замѣчаетъ, что онъ *metro laborat*, и дѣйствительно, стихъ этотъ хромаетъ въ томъ смыслѣ, что три краткихъ находятся въ немъ во второй половинѣ *дохміа*, тогда какъ въ нашемъ

отрывкѣ три краткихъ встрѣчаются не во второй, а всегда въ первой половинѣ дохміевъ; а потому, переставивъ слова λάβροις и ὀλεθρίοισιν одно на мѣсто другаго, и предположивъ, вмѣстѣ съ г-номъ Веселинъ, что послѣ первой группы трехъ инструментальныхъ нотъ (C T C), судя по точкѣ вверху надъ остатками какой-то ноты, стоитъ еще четвертая инструментальная нота C=A, мы получимъ текстъ послѣдней части отрывка съ инструментальными нотами и метрическою схемою въ слѣдующемъ видѣ:

5. τῖν' ᾧ ξας δ' αἰμων		χατέχλυσεν C T C
6. ὦ δεινὼν πόνων		C T C ὦς πόντου ζ
7. ὀλεθρίοις λάβροισιν ἐν χύμασιν ζ		
8. ὦσων...		

Предположеніе о томъ, что конецъ стиха обозначался ударомъ (χροῦμα) по струнамъ, а также, что напѣвъ прерывался инструментальною музыкою, какъ видно въ настоящемъ примѣрѣ, можетъ быть подтверждено свидѣтельствомъ древнихъ ¹⁾. Такъ, относительно конца стиха схолиастъ на Діонисія Θρακίида въ вышеприведенномъ мѣстѣ (Beck. anec. 751: "Ἐστὶ τινὰ ποιήματα, ἃ οὐ μόνον ἐμμέτρως γέγραπται, ἀλλὰ καὶ μετὰ μέλους) говорить: διὸ οὐδ' ὁ στίχος καίται ἐν τῇ στοιχείᾳ τέλει, ἀλλὰ μέχρι τοῦ ἀπληγήματος τῆς λύρας στίζει τὴν ὀρμήν. Въ этихъ, нѣскольکو темныхъ, словахъ выражено приблизительно слѣдующее: стихъ не совпадаетъ всегда съ концомъ словъ, а напротивъ, конецъ ритмическаго движенія опредѣляется звукомъ лиры. Что же касается прерывовъ напѣва музыкою, то Аристофанъ въ „Лягушкахъ“ (1286—1296), вставляя среди несвязныхъ стиховъ, выитыхъ изъ разныхъ Эсхиловыхъ драмъ, флаттобраттофлаттобрат, осмѣиваетъ, устами Еврипида, Эсхила за то, что онъ такъ обильно прерываетъ инструментальными вставками напѣвъ:

ὦπα: Ἀχαιῶν διθρονον κράτος, Ἑλλάδος ἥβας
 φлатτοбраттоφлаттобрат.
 Σφίγγα δουραμεριᾶν πρότανιν κύνα πέμπει.
 φлатτοбраттоφлаттобрат и т. д.

¹⁾ Graf, De Graecorum veterum re musica, p. 67 seqq.

Кромѣ того, въ „Птицахъ“ (737 — 752 и 769 — 785) хоръ, представляя птицъ, вставляетъ въ свое пѣніе

(τιὸ τιὸ τιὸ) τιὸ τιὸ τιὸ τιοτίγξ или тотоототоототоототігξ

и такимъ образомъ безъ словъ, голосомъ подражаетъ пѣнію птицъ:

Μοῦσα λοχμαία,

τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τιοτίγξ,

ποιχίλῃ, μεθ' ἧς ἐγὼ

νάπαισι τε καὶ χορυφαῖς ἐν ὀρεαῖαις,

τιὸ τιὸ τιὸ τιοτίγξ,

ἰζόμενος μελίας ἐπὶ φυλλοκόμου.

τιὸ τιὸ τιὸ τιοτίγξ,

δι' ἐμῆς γένους ξουθῆς μελέων

Πανὶ νόμους ἱεροῦς ἀναφαίνω

σεμνά τε μητρὶ χορεύματ' ὀρεῖα,

тотоототоототоототігξ и т. д.

Такія вставки назывались теретіората, то-есть чирканьемъ, щебетаньемъ; такъ Аристотель Probl. XIX 10 теретіζειν называетъ φωνὴν ἄνευ λόγου ᾄδοντος—пѣніе безъ словъ. Затѣмъ въ переносномъ смыслѣ такъ называлась музыка безъ словъ вообще; такъ у Исихія: теретіората· χιθάραις· χροόμενα. Аристофанъ, пародируя Эсхила, прерываетъ напѣвъ такими вставками, чего бы онъ не дѣлалъ, если бы публика къ этому не привыкла въ Эсхилovýchъ драмахъ. Такимъ образомъ въ этихъ Аристофановыхъ теретіората мы должны видѣть образецъ, хотя шутиваго свойства, перерывовъ напѣва инструментальными вставками; но по нимъ судить о свойствахъ и отношеніи инструментальныхъ вставокъ къ напѣву и его ритму едва ли возможно; нашъ отрывокъ выясняетъ эти отношенія.

Ритмъ нашего отрывка, какъ мы видѣли, дохмическій, а дохмій—это стопа восьмидольная, основная форма которой $\vee \text{ — — } \vee \text{ — —}$, причемъ на мѣстѣ краткихъ слоговъ допускаются слоги ирраціональные или алогичные; такъ наприимѣръ $\text{—}^{\vee}\text{—}^{\vee} \text{ — } \vee \text{ — —}$ или $\vee \text{ — } > > \text{ — —}$ или даже $\text{—}^{\vee}\text{—}^{\vee} > > \text{ — —}$. Посредствомъ замѣны долгаго слога двумя краткими поэты еще больше разнообразили его формы. Въ нашемъ отрывкѣ имѣются кромѣ основной формы $\vee \text{ — — } \vee \text{ — —}$, слѣдующія варіаціи: $\vee \vee \vee \text{ — } \vee \text{ — —}$ (самая употребительная въ первой части дохміа), $\vee \vee \vee > > \text{ — —}$ и $\text{—}^{\vee}\text{—}^{\vee} \vee \text{ — } \vee \text{ — —}$. Изъ предыдущаго (стр. 22 и 9) видно, что древніе точкою отмѣчали иеты, горизонтальною же чертою долготу (двудольную). Въ нашемъ памятникѣ на нотахъ,

снабженных знаком долготы, точка эта стоит надъ чертою, въ прочихъ случаяхъ она поставлена съ правой стороны. Вотъ въ какихъ случаяхъ отмѣченн икты, насколько они сохранились на па-
парусѣ:

1. P· Φ Π	
μα τέ ρος	
2. I· Z E	7. Π P C
ὁ μέγας	ἐμ βροτοῖς
3. I· Z	8. Π C P
ἀνά [δᾶ	ἀχάτου θοᾶς
4. Φ· C	
τινά [ξας	
5. P· Π P	9. Π
κατέχλυ-	ων ο̇ τ ο̇
6. C· P	
ὁ ων	

Замѣчательно, что отмѣчается долгота лишь той долгой, хотя бы только по положенію, ноты, которая имѣетъ иктъ, тогда какъ прочія долги, хотя бы и по природѣ, не имѣютъ знака долготы. Это очень важно, такъ какъ оказывается, что въ дохмѣн снабжены иктами первый краткій и второй долгій слогъ: $\smile \quad \smile \quad \smile \quad \smile \quad \smile$; а такъ какъ первый иктъ второстепенный, второй же—главный, то очевидно, что второстепенный обозначается въ нашемъ отрывкѣ точкою съ правой стороны, а главный—точкою сверху. А такъ какъ слогъ, имѣющій главный иктъ, всегда долгій, то знакъ главнаго икта стоитъ всегда надъ знакомъ долготы. Интересна еще пунктація надъ $\omega\varsigma \pi\acute{o}\tau\epsilon[\omicron]\upsilon$. Дѣло въ томъ, что въ рукописи передъ $\omega\varsigma$ стоятъ еще одно ω , а именно такъ:

$$\begin{array}{c} \acute{\omega} \quad \acute{\omega} \quad \omega\varsigma \quad \pi\acute{o}\tau\epsilon[\omicron]\upsilon. \\ \omega \quad \omega\varsigma \quad \pi\acute{o}\tau\epsilon[\omicron]\upsilon. \end{array}$$

Изъ Аристоксена (р. 12, 13) мы узнаемъ, что въ его время поэты стали употреблять на одну долгую ноту нѣсколько слоговъ, и наоборотъ, на одинъ долгій слогъ нѣсколько нотъ. Еврипидъ, жившій до Аристоксена, дѣлалъ послѣднее, какъ видно изъ Аристофановыхъ Лягушекъ, гдѣ Эсхилъ смѣется надъ Еврипидомъ за то, что онъ слово $\epsilon\iota\lambda\acute{\iota}\sigma\sigma\epsilon\tau\epsilon$ (1314) и $\epsilon\iota\lambda\acute{\iota}\sigma\sigma\omicron\upsilon\sigma\alpha$ (1348) поетъ $\epsilon\iota\text{-}\epsilon\iota\text{-}\epsilon\iota\text{-}\epsilon\iota\text{-}\epsilon\iota\text{-}\epsilon\iota\text{-}\lambda\acute{\iota}\sigma\text{-}$

αε-τε и εἰ-εἰ-εἰ-εἰ-λῖς-σου-σα, повторяя слогъ εἰ въ первомъ случаѣ 6 разъ, а во второмъ 4 раза, то-есть воспроизводя на слогъ εἰ въ первомъ случаѣ 6 нотъ, во второмъ 4; ибо сходіасть къ тому мѣсту говорить, что Еврипидъ повторяетъ εἰ—κατὰ μέτρον τῆς μελοποιίας. Въ нашемъ мѣстѣ мы имѣемъ аналогичное явленіе; на слогъ ὦς приходится пѣть двѣ ноты Z и I. Такъ какъ въ пѣніи двухъ нотъ слышны собственно два гласныхъ звука, въ данномъ случаѣ ω, то оно и повторено въ письмѣ. Само по себѣ ὦς πόντου составляетъ вторую часть дохміа (первая $\sim \sim \sim$ заполнена инструментальными нотами), и на ὦς долженъ быть главный нѣтъ. Мы бы ожидали, по аналогіи, надъ ὦς знака $\wedge$ который и былъ бы тамъ навѣрно, еслибы на ὦς пришлось одна, долгая нота. Но такъ какъ на этотъ долгій слогъ въ напѣвѣ приходится двѣ краткихъ ноты Z I, то онѣ обѣ получили знакъ нкта, а именно точку надъ Z, какъ надъ главной нотой, и другую съ правой стороны надъ I, какъ надъ второю нотой; такимъ способомъ получается дохміа:

$\begin{array}{ccccccc} \sim & \sim & \sim & \cdot & \cdot & & \\ \Delta & \Delta & \Delta & Z & I & \cdot & Z \\ \cup & \cup & \cup & \omega & \text{ποντ[ου]} & & \end{array}$

Остается еще опредѣлять, въ какомъ ритмическомъ отношеніи находились музыкальныя хробата или удары въ концѣ стиховъ на нотѣ Z. Такъ какъ всѣ доли времени этихъ стиховъ выполнены и словеснымъ. и мелическимъ ритмизованомъ, и для инструментальной ноты въ концѣ каждаго стиха нѣтъ свободной доли, то необходимо предположить, что музыкантъ ударялъ по струнамъ одновременно съ послѣднею долгою нотой пѣнія такого стиха. Въ такомъ случаѣ должна была получиться *ἐτεροφωνία*, такъ какъ въ такомъ случаѣ стихи въ нашемъ отрывкѣ оканчиваются слѣдующими различными тонами (изъ которыхъ верхніе принадлежать инструменту, нижніе напѣву):

Инструм.	Инструм.	Инструм.	Инструм.
1-й СТИХЪ.	2-й СТИХЪ.	3-й СТИХЪ.	4-й СТИХЪ.
Напѣвъ.	Напѣвъ.	Напѣвъ.	Напѣвъ.

Первоначально, по свидѣтельству Плутарха, древніе играли на музыкальномъ инструментѣ въ унисонъ съ пѣніемъ (τοὺς δ' ἀρχαίους [οἰοῦνται] πάντα πρόσχorda χροῦειν Плут. mus. 28), впоследствии Архилохъ избралъ аккомпаниментъ неунисонный (οἰοῦνται δὲ καὶ τὴν χροῦειν τὴν ὑπὸ τὴν ῥῥῆν τοῦτον [Ἀρχίλοχον] πρῶτον εὐρεῖν Ib.). Въ главѣ 19 онъ приводитъ примѣры гетерофоніи изъ древнихъ композиторовъ (Терпандра, Олимпа и ихъ учениковъ); такъ они, воздерживаясь въ пѣніи отъ употребленія триты (с) дорійскаго разъединеннаго октахорда (e, f, g, a, h, c, d, e'), употребляли ее въ аккомпаниментѣ, какъ симфоническую ноту съ парипатой (f) напѣва:

(ὅτι δὲ οἱ παλαιοὶ οὐ δι'

ἄγνωτον ἀπέιχοντο τῆς τρίτης . . . , φανερόν ποιεῖ ἡ ἐν τῇ χροῦσει γινομένη χρῆσις· οὐ γάρ ἂν ποτ' αὐτῇ πρὸς τὴν παρυπάτην καυχῆσθαι συμφῶνως μὴ γνωρίζοντας τὴν χρῆσιν); или, воздерживаясь въ пѣніи отъ ниты (e'), употребляли ее въ аккомпаниментѣ, какъ діафоническую ноту съ парипатой (d) и симфоническую съ месою (a):

(ὁ αὐτὸς δὲ λόγος καὶ περὶ τῆς νήτης· καὶ γάρ ταύτῃ κατὰ μὲν τὴν χροῦσιν ἔχρῳντο καὶ πρὸς παρανήτην διαφῶνως καὶ πρὸς μέσην συμφῶνως); и ниты (d) соединеннаго гентахорда (e, f, g, a, b, c, d), избѣгая ее въ пѣніи, употребляли діафонически съ парипатой (c) и парипатой (f), симфонически съ месою (a) и лиханомъ (g):

(οὐ μόνον δὲ τοῦτοις, ἀλλὰ καὶ τῇ

συνημμένων νήτῃ οὕτω χέχρηται πάντες· κατὰ μὲν γὰρ τὴν χροῦσιν αὐτὴν διαφῶνουν πρὸς τε παρανήτην καὶ πρὸς παραμέσην. καὶ [συνεφῶνουν] πρὸς τε [μέσην καὶ πρὸς] λιχανόν).

Во времена Платона ἐταροφονία должна была быть развита въ значительной степени, если философъ въ „Законахъ“ VII 812 требуетъ отъ учителей музыки или киеаристовъ, чтобы они играли съ учениками мелодію въ унисонъ (δεῖ... τοῖς φθόγοις τῆς λόρας προσχεῖσθαι σαφήνειας ἕνεκα τῶν χορδῶν κιθαριστὴν καὶ τὸν παιδεύομενον, ἀποδιδόντας πρόσχorda τὰ φθέγματα τοῖς φθέγμασι), а инозвучью и пестротѣ

лиры, которые возникают, когда учитель, сопровождая ученика, играет одно, а ученикъ, воспроизводя мелодію поэта, другое, не учили бы ученика, долженствующаго въ 3 года быстро извлечь изъ музыки все полезное (τὴν ἑτεροφωνίαν καὶ ποικιλίαν τῆς λύρας, ἅλλα μὲν τὰ μάλῃ τῶν χορδῶν ἰσίων, ἅλλα δὲ τοῦ τὴν μελωδίαν ζωνθέντος ποιητοῦ.

μὴ προσφέρειν τοῖς μέλλουσιν ἐν τρισὶν ἔτεσι τὸ τῆς μουσικῆς χρῆσιν ἀκλήφασθαι διὰ τάχους).

Такия же инновучныя или гетерофоническія сочетанія двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ напѣву, а другой инструменту, имѣемъ въ концѣ колы нашего памятника.

Замѣтимъ еще, что аккомпанирующіе звуки инструмента положены выше мелодіи, что вполне согласно съ музыкальною проблемою Аристотеля XIX 12, гдѣ сказано, что болѣе низкая струна всегда ведетъ мелодію (διὰ τί τῶν χορδῶν ἡ βαρυτέρα ἀπὸ τὸ μέλος λαμβάνει), откуда слѣдуетъ, что тоны сопровождающаго инструмента лежали выше мелодіи.

Что касается музыкальных вставокъ среди стиха, то эти музыкальныя фразы, какъ продолженіе напѣва, лежали въ позиціи напѣва, какъ видно изъ нашего памятника.

На основаніи вышесказаннаго мы можемъ нынѣ установить ритмическое дѣленіе всего отрывка:

1.

2.

3.

I· Z E Π P C̄

ὁ μέγας ὄλβος οὐ μόνιμος ἐμ βροτοῖς

Z

4.

I· Z C P Π C P̄

ἀνὰ δὲ λαῖφος ὥς τις ἀχάτου θοᾶς

Z

5.

Φ· C̄ Π P̄ Π

τινάξας δαίμων χυτέχλευσεν

Τ Ω

6.

7.

8.

Выше, по поводу Сейкиловой пѣсни, мы говорили (стр. 22) объ отношеніи акцента слова къ повышенію голоса въ наѣвѣхъ и нашли, что не всегда соответствуетъ высокая нота акценту, что иногда высокая нота приходится на безакцентный слогъ, и наоборотъ, низкая нота на слогъ съ акцентомъ. Разсмотримъ вторично этотъ вопросъ здѣсь. Для этой цѣли мы должны обратиться къ тому мѣсту изъ Діонисія De comp. verb. 11, гдѣ описывается отношеніе акцентовъ рѣчи къ повышеніямъ и пониженіямъ въ мелодіи.

Діонисій говорить: инструментальная и вокальная музыка требуетъ, чтобы слова подчинялись мелодіи, а не мелодія словамъ, какъ видно изъ многихъ другихъ мелодій, а главнымъ образомъ изъ Еврипидовыхъ, гдѣ онъ заставляеть Электру говорить съ хоромъ ([τῇ δ' ὀργανικῇ τε καὶ φθικῇ μουσῇ] τὰς λέξεις τοῖς μέλεσιν ὑποτάττειν ἀξιοῖ καὶ οὐ τὰ μέλη ταῖς λέξεσιν, ὡς ἐξ ἄλλων τε πολλῶν δῆλον καὶ μάλιστα τῶν Εὐριπίδου μελῶν, ἃ πεποίηκε τὴν Ἥλεκτραν λέγουσαν ἐν Ὁρέστῃ πρὸς τὸν χορόν):

Хоръ: σῖγα σῖγα λευκὸν (или λεπτὸν) ἔχνος ἀρβύλης
τίθετε, μὴ χτυπεῖτε·

Элект. ἀποπρόβατ' ἐχεῖσ' ἀποπρό μοι κοίτας.

Тутъ σῖγα σῖγα λευκὸν (или λεπτὸν) поется на одной нотѣ, хотя каждое изъ этихъ трехъ словъ имѣетъ и высокую, и низкую ступени тона (ἐν γὰρ δὴ τοῦτοις τὸ „σῖγα σῖγα λευκόν“ ἐφ' ἑνὸς φθόγγου μελῳδεῖται, καίτοι τῶν τριῶν λέξεων ἐκάστη βαρείας τε τάσεις ἔχει καὶ ὀξείας). Въ „ἀρβύλης“ средній и третій слогъ имѣютъ тотъ же тонъ, хотя невозможно допустить, чтобы на одномъ словѣ было два одинаковыхъ (острыхъ) акцента (καὶ τὸ „ἀρβύλης“ ἐπὶ μέσῃ συλλαβῇ τὴν τρίτην ὁμότονον ἔχει, ἀμυχάνου ὄντος ἐν ὀνόμα δύο λαβεῖν ὀξείας). И въ словѣ „τίθετε“ первый слогъ съ акцентомъ имѣетъ высокую ноту, а оба слѣдующіе слоги (безъ акцента) поются одинаковою высокою нотой (καὶ τοῦ „τίθετε“ βαρυτέρα μὲν ἢ πρώτη γίνεται, δύο δὲ μετ' αὐτὴν ὀξύτονοι τε καὶ ὁμόφωνοι). Въ „χτυπεῖτε“ пропадаетъ обремененное удареніе надъ слогомъ ει, такъ какъ два звука (ε-ι) поются однимъ высокимъ тономъ (τοῦ „χτυπεῖτε“ ὁ περισπασμὸς ἡφάνισται· μὴ γὰρ αἱ δύο συλλαβαὶ λέγονται τάσει). Въ словѣ „ἀποπρόβατ'“ высокая нота находится не на среднемъ слогѣ, гдѣ акцентъ, а на четвертомъ (καὶ τὸ „ἀποπρόβατ'“ οὐ λαμβάνει τὴν τῆς μέσης συλλαβῆς προσηδῖαν ὀξεῖαν, ἀλλ' ἐπὶ τὴν τετάρτην συλλαβὴν καταβέβηκε ἢ τάσει τῆς τρίτης).

Такъ какъ объ остальныхъ словахъ вышеприведенныхъ стиховъ Діонисій ничего не говоритъ, то нужно предположить, что въ нихъ акценты соотвѣтствовали высотѣ нотъ, то-есть слогъ съ острымъ акцентомъ пѣлся на высокой нотѣ, слогъ же безъ акцента на болѣе низкой, а слогъ съ обремененнымъ акцентомъ—на двухъ нотахъ, высшей и низшей.

Ставя высокія ноты на верхней изъ двухъ линій, низкія—на нижней, а тѣ, степени которыхъ Діонисій не опредѣляетъ,—на обѣихъ линіяхъ, мы получимъ слѣдующую схему движенія напѣва приведенныхъ стиховъ:

1. σῖγα σῖγα λευκὸν ἵχνος ἀρβύλης
или
λεπτὸν

2. τίθεται, μὴ χτοπεῖτ'

3. ἀποπρόβατ' ἐχεῖσ', ἀποπρόμοι κοίτας

Въ этихъ стихахъ можно опредѣлять и количественность нотъ, и ритмическое дѣленіе, соединивъ дохмн, кромѣ перваго стиха (троханческой триподіи) по парно:

1. σῖγα σῖγα λευ-

дохмиче-
скіе
диметры:

2. хὸν ἵχνος ἀρ βύλης τίθεται μὴ χτοπεῖτ'

3. ἀποπρόβατ' ἐχεῖσ' ἀποπρόμοι κοίτας

Изъ этого разбора видно, что несоотвѣтствіе высокихъ нотъ напѣва акцентамъ словъ существовало уже при Еврипидѣ, и что, слѣдовательно, законъ этотъ сталъ нарушаться очень рано. Что такой законъ существовалъ и долженъ былъ существовать, указываетъ теорія происхожденія рѣчи и пѣнія, о которыхъ нельзя сказать, что одно возникло раньше другаго. Напротивъ, рѣчь и пѣніе первоначально были неразлучны, ибо рѣчь, въ которой соблюдается въ точности количество гласныхъ, и повышенія и пониженія голоса дѣлаются отчетливо, представляетъ собою до нѣкоторой степени напѣвъ; а съ другой стороны, пѣніе, въ которомъ, при соблюденіи количественности гласныхъ, повышение и пониженіе голоса происходитъ свободно безъ стѣснительныхъ законовъ въ видѣ нотъ, походить на рѣчь. Какъ только голосъ останавливается на различныхъ ступеняхъ высоты, рѣчь превращается въ пѣніе. Въ такомъ смыслѣ опредѣлялъ различіе рѣчи отъ пѣнія *Аристоксенъ* Арм. στοιχ. I § 28: ὅταν

οὕτω κινῆται ἡ φωνή, ὥστε μηδαμοῦ δοκεῖν ἴσασθαι τῇ ἀκούῃ, συνεχῇ λέγομεν τοιαύτην τὴν κίνησιν· ὅταν δὲ στήναί που δόξασα, εἴτα πάλιν διαβαίνειν τιὰ τόπον φανῇ καὶ τοῦτο ποιήσασα πάλιν ἐφ' ἐτέρας τάσεως στήναι δόξῃ, καὶ τοῦτο ἐναλλάξ ποιεῖν φαινόμενη συνεχῶς διατελῇ, λογικὴν εἶναι φανέν. διαλεγόμενων γὰρ ἡμῶν οὕτως ἡ φωνὴ κινεῖται κατὰ τόπον, ὥστε μηδαμοῦ δοκεῖν ἴσασθαι, κατὰ δὲ τὴν ἐτέραν, τὴν ὀνομαζομένην διαστηματικὴν, ἐναντίας πέφοκε γενέσθαι. ἀλλὰ γὰρ ἴσασθαι, καὶ πάντας τὸν τοῦτο φαινόμενον ποιεῖν, οὐκέτι λέγειν φασί, ἀλλ' ᾄδειν, то-есть движеніе голоса, не останавливающегося на разныхъ степеняхъ высоты, а плавно скользящаго по нимъ, называется рѣчью (φωνὴ λογική), тогда какъ движеніе голоса по разнымъ степенямъ высоты съ остановками на нихъ, называется пѣніемъ (ᾄδειν). Діонисій De Comp. verb. 11, опредѣляя высоту подъема голоса съ одной стороны въ рѣчи, а съ другой — въ музыкѣ и пѣніи, говоритъ, что голосъ въ рѣчи повышается или понижается не болѣе какъ на квинту ($3\frac{1}{2}$ тона), при чемъ слоги одного и того же слова стоятъ не всѣ на одной высотѣ, а наоборотъ, одни находятся выше, другіе ниже, а третьи въ одно время на обонхъ (облеченный акцентъ), тогда какъ въ музыкѣ и пѣніи возможны интерваллы не только квинты, но и октавы, и кварты, и терціи, и полутоны, и даже четверти тона (διαλέκτοο μὲν οὖν μέλος ἐνὶ μετρείται διαστήματι τῷ λεγομένῳ διὰ πέντε, ὡς ἑγγιστα, καὶ οὔτε ἐπιτείνεται πέρα τῶν τριῶν τόνων καὶ ἡμιτονίου ἐπὶ τὸ ὄξυ οὔτε ἀνίσταται τοῦ χωρίου τοῦτοο πλεῖον ἐπὶ τὸ βαρὺ. οὐ μὴν ἀπασά γε ἡ λέξις ἡ καθ' ἑν μόριον λόγου ταττομένη τῆς αὐτῆς λέγεται τάσεως, ἀλλ' ἡ μὲν ἐπὶ τῆς ὀξείας, ἡ δ' ἐπὶ τῆς βαρείας, ἡ δ' ἐπ' ἀμφοῖν τῶν δ' ἀμφοτέρας τὰς τάσεις ἔχουσῶν αἱ μὲν κατὰ μίαν συλλαβὴν συνεφθαρμένον ἔχουσι τῷ ὀξαι τὸ βαρὺ, ἅς δὲ περισπωμένας καλοῦμεν. αἱ δὲ ἐν ἀτέρφ τε καὶ ἐτέρφ χωρὶς ἐκάτερον ἐφ' ἑαυτοῦ τὴν οἰκείαν φυλάττον φύσιν... ἡ δ' ὀργανικὴ τε καὶ ψυχικὴ μοῦσα διαστήμασι τε χρῆται πλείοσιν. οὐ τῷ διὰ πέντε μόνον, ἀλλ' ἀπὸ τοῦ διὰ πασῶν ἀρξαμένη, καὶ τὸ διὰ πέντε μελφδεῖ, καὶ τὸ διὰ τεσσάρων, καὶ τὸ διάτονον, καὶ τὸ ἡμιτόνιον, ὡς δὲ τινας οἶονται, καὶ τὴν δίεσιν αἰσθητῶς.

Развивая эти мысли, Діонисій, очевидно, имѣлъ въ виду старый законъ о соотвѣтствіи акцентовъ словъ высотѣ нотъ, который, однакожъ, нарушался не только въ его время и во время Селікила, но еще раньше при Еврипидѣ, изъ котораго приведенъ примѣръ: οἶγα, οἶγα и т. д. (Орестъ 140). Сульбѣ угодно было сохранить изъ того же Ореста нашъ отрывокъ, который вполне подтверждаетъ мнѣніе Діонисія.

Къ сожалѣнію, мелодія сохранившагося отрывка на столько отрывочна, что мы не получаемъ яснаго понятія о свойствахъ ея. Поста-

раемся возстановить всю мелодію на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, вытекающихъ изъ сравненія отдѣльныхъ частей. Въ папирускѣ дважды повторяется вторая часть втораго дохмія $\dot{\bar{\Pi}} \bar{P} \bar{C}$ —въ 1 и 3, а одинъ разъ $\dot{\bar{\Pi}} \bar{C} \bar{P}$ въ 4. Если въ первой части перваго дохмія въ 3 имѣется $\dot{I} \cdot \dot{Z} \dot{E}$, то въ той же части въ 4 легко дополнить $\dot{I} \cdot \dot{Z}$ нотою $\dot{E}$ и предположить такой-же ходъ въ той-же части въ 1. Итакъ можно съ увѣренностью сказать, что 1, 3 и 4 стихъ начинался фразою $\dot{I} \cdot \dot{Z} \dot{E}$, которой соотвѣтствовало въ концѣ 1 и 3 стиховъ $\dot{\bar{\Pi}} \bar{P} \bar{C}$, а въ 4 съ маленькимъ измѣненіемъ $\dot{\bar{\Pi}} \bar{C} \bar{P}$. Исходя отъ $\dot{I} \cdot \dot{Z} \dot{E}$ въ 4 стихѣ, мы замѣчаемъ сходство хода звуковъ въ первой части втораго дохмія того-же 4 стиха, гдѣ легко предположить передъ $\bar{C} \bar{P}$ звукъ $\bar{\Phi}$, такъ какъ $\bar{\Phi} \cdot \bar{C} \bar{P} = \bar{G}$. А $\bar{A}$ $\times$ вполне соотвѣтствуетъ по послѣдовательности звуковъ ходу $\dot{I} \cdot \dot{Z} \dot{E} = \dot{d} \quad \dot{e}' \quad \dot{e}'$. Сообразно съ этимъ мы дополнимъ и первую часть втораго дохмія и въ 1 и въ 3 стихѣ фразою $\bar{\Phi} \cdot \bar{C} \bar{P}$. А такъ какъ первая часть перваго дохмія въ 1, 3 и 4 стихахъ соотвѣтствуетъ первой части втораго дохмія тѣхъ-же стиховъ, то и вторая часть втораго дохмія должна соотвѣтствовать второй части перваго дохмія въ тѣхъ-же стихахъ, а потому мы во второй части перваго дохмія названныхъ 1 и 3 стиховъ дополняемъ мелодію слѣдующими тонами: $\dot{\bar{\Delta}} \dot{E} \dot{Z} = \text{cis} \quad \dot{e} \quad \dot{e}$, соотвѣтственно съ $\dot{\bar{\Pi}} \bar{P} \bar{C} = \text{Ais} \quad \dot{\bar{A}} \dot{\bar{A}}$ ($\text{Ais} = \text{B}$), а 4 стиха $\dot{\bar{\Delta}} \dot{Z} \dot{E}$, соотвѣтственно съ $\dot{\bar{\Pi}} \bar{C} \bar{P}$. Такимъ способомъ восполнены болѣе или менѣе достовѣрно прорѣхи 1, 3 и 4 стиховъ.

Первые 4 стиха составляютъ, очевидно, самостоятельную часть, такъ какъ въ нихъ напѣвъ музыкальными инструментами не нарушается—это имѣетъ мѣсто въ 5 и 6 части,—а они заканчиваются ударомъ по одной и той-же струнѣ. Поэтому, если въ 1, 3 и 4 стихахъ проведено соотвѣтствіе частей дохміевъ, то же можно предположить и во 2-мъ

стихѣ, гдѣ фразѣ $\bar{\mu} \quad \bar{\alpha} \quad \bar{\tau} \quad \bar{\epsilon} \quad \bar{\rho} \quad \bar{o} \quad \bar{\varsigma}$ должно соотвѣтствовать $\bar{e} \quad \bar{o}' \quad \bar{a} \quad \bar{\nu} \quad \bar{a}$
 $\times$
 $\bar{A} \quad 1\frac{1}{4} \quad \bar{G} \quad 1\frac{1}{4} \quad \text{Ais}$ $\times$ $\bar{e} \quad 1\frac{1}{4} \quad \bar{d} \quad 1\frac{1}{4} \quad \text{cis}$
 а также должно быть соотвѣтствіе между мелодіями текста $\bar{\rho}\alpha\chi\chi\omega\iota\epsilon\iota$
 и $\alpha\iota\mu\alpha \quad \bar{o}\bar{\alpha}\varsigma$; если $\bar{\rho}\alpha\chi\chi\omega\iota\epsilon\iota$ поется $\dot{Z}$, то-есть $\dot{Z} \quad \dot{Z} \quad \dot{Z}$, то и надъ $\alpha\iota\mu\alpha \quad \bar{o}\bar{\alpha}\varsigma$ должно быть $\dot{\bar{C}}$, то-есть $\bar{C} \quad \bar{C} \quad \bar{C}$, при чемъ однакожъ

облеченный акцентъ α' долженъ бы быть выраженъ примѣрно вотъ какъ: $\dot{C}\Phi = \widehat{AG}$.

Возстановивъ напѣвъ первыхъ четырехъ стиховъ, перейдемъ къ слѣдующимъ двумъ, 5 и 6.

Разсматривая возстановленный напѣвъ первыхъ 4-хъ стиховъ, мы видимъ, что тѣмъ тетрахордомъ, которымъ кончается какой-либо диметръ, начинается слѣдующій диметръ, за исключеніемъ конца третьяго и начала четвертаго диметра. Такъ, второй дохмій перваго стиха оканчивается *нижнимъ* фригійскимъ энармоническимъ тетрахордомъ ($G A \overset{\times}{A} A\dot{I}s$), имъ же и начинается первый дохмій 2-го стиха; второй стихъ кончается *верхнимъ* тетрахордомъ того-же рода ($d e \overset{\times}{e} eis$), имъ же и начинается третій стихъ; четвертый-же стихъ оканчивается *нижнимъ* тетрахордомъ, а пятый стихъ начинается тѣмъ-же *нижнимъ* тетрахордомъ. Если примѣнить это правило ко всему отрывку, то шестой стихъ долженъ начинаться *нижнимъ* тетрахордомъ, такъ какъ пятый стихъ оканчивается имъ-же. На томъ-же основаніи 7-ой стихъ долженъ начинаться *верхнимъ* тетрахордомъ, а кончатся *нижнимъ*, такъ какъ 8-ой стихъ начинается *нижнимъ*.

Въ концѣ инструментальной фразы $\odot \tau \odot$, какъ выше (стр. 37) было замѣчено, видны слѣды еще одной ноты, а именно, судя по точкѣ надъ ними, ноты инструментальной; въ которой г. Весели предполагаетъ $\dot{C}=A$. Принимая во вниманіе эти инструментальныя ноты $\odot \tau \odot \dot{C}$, я предполагаю приблизительно слѣдующую мелодію пятаго стиха: $\Phi \cdot \overset{\cdot}{C} \overset{\cdot}{P} \overset{\cdot}{R} \overset{\cdot}{S} \Phi \cdot \overset{\cdot}{P} \overset{\cdot}{R} \overset{\cdot}{P} \overset{\cdot}{A} \overset{\cdot}{A}$; а въ 6 стихѣ: $\overset{\cdot}{A} \overset{\cdot}{P} \overset{\cdot}{P} \Phi \cdot \overset{\cdot}{C} \overset{\cdot}{P} \overset{\cdot}{A} \overset{\cdot}{A} \overset{\cdot}{A} \overset{\cdot}{Z} \overset{\cdot}{I} \cdot \overset{\cdot}{Z} \overset{\cdot}{Z}$ гдѣ послѣдняя нота поставлена по аналогіи втораго дохмія 2-го, стиха, а $\overset{\cdot}{P} \Phi$ въ виду облеченнаго акцента надъ $\omega\omega\omega$ въ $\delta\epsilon\iota\omega\omega\omega$.

Мелодія 7-го стиха взята изъ 4-го стиха, и въ ней нота $\bar{P}$, сохранившаяся на папирусѣ, приходится приблизительно на слогъ $\epsilon\nu$.

$C \cdot \bar{P}$

Ихъ передъ $\delta\omega\omega\omega$, стоящій ниже уровня вокальных нотъ, относится, очевидно, къ предполагаемой инструментальной нотѣ $\bar{Z}$, которою оканчиваются стихи нашего отрывка. Такимъ образомъ, вся мелодія этого отрывка была приблизительно слѣдующая ¹⁾:

¹⁾ Обращаемъ вниманіе на то, что болѣе крупныя ноты выражаютъ знаки оригинала, мелкія же представляютъ собою догадки автора.

1. $\Gamma \cdot \dot{Z} \text{ E } \dot{\Delta} \text{ E } \dot{Z}$ $\Phi \cdot \text{C} \text{ P } \dot{\Pi} \text{ P } \bar{\text{C}}$

κατολοφύρομαι κατολοφύρομαι

$\dot{\Delta} \dot{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta}$ $\dot{\Delta} \dot{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta} \dot{\Delta} \dot{Z}$

2. $\text{P} \cdot \Phi \Pi \dot{\text{C}} \Phi \cdot \bar{\text{C}} (\bar{\text{C}})$ $\text{E} \cdot \text{I} \Delta \dot{Z} (\dot{Z} \dot{Z})$

ματέρως αἰμαῶς ὁ σ' ἀναβαχθεύει

$\dot{\Delta} \dot{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta}$ $\dot{\Delta} \dot{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta} \bar{\Delta} \dot{Z}$

3. $\text{I} \cdot \dot{Z} \text{ E } \dot{\Delta} \text{ E } \bar{Z}$ $\Phi \cdot \text{C} \text{ P } \dot{\Pi} \text{ P } \bar{\text{C}}$

ὁ μέγας ὀλβος οὐ μόνιμος ἐν βροταῖς

$\dot{\Delta} \dot{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta} \dot{\Delta} \bar{\Delta}$ $\Delta \Delta \Delta \Delta \Delta \dot{Z}$

4.

Ι Ζ Ε Δ Ζ Ε Φ · С Р П С Р

ἀνὰ θελαῖφός ὤς τις ἀχάτου θεῶς

Λ Λ Λ Λ Λ Δ Λ Λ Λ Λ Λ Ζ

5.

Φ · С П Р · С Φ · П Р П Λ Δ

τινάξας δαίμων κατέχλυσεν

Λ Λ Λ Λ Λ Δ Λ Λ Λ Λ Λ Χ Τ Θ

6.

Λ Ρ Π Φ · С П Ζ Ι · Ζ Ζ

δεινῶν πόνων ἐς πόντου

С Λ Λ Λ Λ Δ Λ Δ Λ Ζ

7.

I · Z E Δ Z̄ E Φ · Ρ Π C Ρ

ὀ λ ε θ ρ ῖ ο ις λ α β ρ ο ι · σ ῖ ν ἂ ν χ ὁ μ ᾱ σ ῖ ν

Δ Δ Δ Δ Δ Δ Δ Δ Δ Α Z̄

8.

C · Ρ

ῶ σ ω ν

Δ Δ

Остается перечислить добытые результаты, которыми существенно обогащается учение об античной музыкѣ, ритмикѣ и метрикѣ и исправляется текстъ.

1. Дохмій, основная форма котораго $\sim - - \sim -$, имѣетъ два ударенія, изъ которыхъ одно, второстепенное, до сихъ поръ полагалось на второмъ (долгомъ) слогѣ, другое—главное на третьемъ (долгомъ) слогѣ: $\sim \cdot \cdot \sim -$; если же второй слогъ замѣнялся двумя краткими, то удареніе полагалось на второмъ (краткомъ) слогѣ: $\sim \cdot \sim \cdot \sim -$. Такого мнѣнія были всѣ ритмики, за исключеніемъ Криста, который предполагалъ второстепенное удареніе на первомъ (краткомъ) слогѣ: $\cdot \sim \sim \cdot \sim -$ (Metrik p. 435. 449). Мнѣніе Криста оправдалось. Хотя въ нашемъ отрывкѣ не имѣемъ ни одного полного дохміа, однакожъ сохранившіяся части свидѣтельствуютъ о

томъ, наприимѣръ первыя части дохмiа: $\overset{\text{Ф. С}}{\text{τινάξας}} \text{ — } [\overset{\text{С. Р}}{\text{ὄζων}}]$
 $\overset{\text{I. Z E}}{\text{—}}, \overset{\text{Р. Ф. П}}{\text{ὁ μέγας}} \text{ — } [\text{—}] \text{ — }, \overset{\text{—}}{\text{ματέρος}} \text{ — } [\text{—}] \text{ — }; \text{вторыя:}$
 $\overset{\text{П. Р. С}}{\text{ὀροσάει}} \text{ — } [\text{—}] \text{ — }, \overset{\text{П. Р. С}}{\text{ἐν βροτοῖς}} \text{ — } [\text{—}] \text{ — } \text{и т. д. Объ осо-}$
 бенностяхъ обозначенiя иктовъ въ нашемъ папирусѣ см. выше.

2. Концы стиховъ оттъняются звукомъ аккомпанирующаго инструмента, при чемъ эта нота берется въ одно время съ послѣднею нотой напѣва, образуя съ нею гетерофонію.

3. За исключением концов стихов, инструментъ съ наѣвомъ не сливается, а прерывая наѣвъ, играетъ самостоятельную мелодію, которая, въ свою очередь, подчиняется общему ритму всего произведенія и заполняетъ недостающее ритмизоменовъ рѣчи и наѣва ритмизоменомъ инструментальной музыки.

4. Благодаря такому явлению, необходимо изменить ритмическое дѣленіе дошедшаго до насъ текста, главнымъ образомъ въ слѣдующихъ 4 стихахъ: 341, 342, 343 и 344, а именно:

341 акаталектичеській (безъ паузы въ концѣ):

ἀνὰ δὲ λαῖωος ὥς τις ἀκάτου θοᾶς.

342 каталектичскій (съ паузами въ концѣ):

τινάξας δαίμων κατέχλυσεν Ἄ Ἀ

343 съ паузи въ началѣ и срединѣ:

Ἄ δεινῶν πόνων ἌἌἌ ὥς πόντου

344 безъ паузъ, но съ перестановкою словъ:

ὀλεθρίοις λάβροισιν ἐν χύμασιν.

Наконецъ, необходимо переставить 338 и 339 стихи одинъ на мѣсто другого.

5. Ученіе объ ἀνάφθοις или затактных нотахъ (Auftakt), котораго не знали древніе, оказывается дѣйствительно лишнимъ. Зная, что инструментальная музыка можетъ прерывать напѣвъ гдѣ угодно, въ началѣ-ли, въ серединѣ-ли или въ концѣ стиха, мы можемъ предположить въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ находится въ началѣ стиха затактная нота, что эта нота есть послѣдняя часть перваго такта, первая часть которой исполнены были музыкальнымъ инструментомъ. Въ иныхъ-же случаяхъ, въ которыхъ предыдущій стихъ имѣетъ κατὰληξιν, затактная нота можетъ быть перенесена въ конецъ предыдущаго стиха для заполнения недостатка послѣдней части послѣдняго

такта. Приемъ первого способа представляетъ 343 стихъ Еврипидова Ореста: Ἄ δαυὼν πόνῳ, а второго— Сейкилова пѣсня: πρὸς ὀλίγον καὶ τὸ τέλος. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ затактная нота должна войти въ составъ первого такта, какъ въ началѣ Сейкиловой пѣсни βρον, гдѣ вмѣсто ожидаемаго трохея получается ямбъ. Но такъ какъ и трохеи и ямбъ принадлежать къ категоріи тредольныхъ тактовъ, то въ логандическихъ стихахъ, состоящихъ изъ тредольныхъ тактовъ, введеніемъ ямба ритмъ не нарушается. Требуется лишь измѣненіе якта вошедшаго въ составъ логандическихъ стиховъ ямба, то-есть, вмѣсто $\sim$ должно быть $\cup$ — Что это возможно, ясно доказываютъ ямбы въ дохміахъ: $\cup$ — | — $\sim$ —. Итакъ ямбъ, вошедшій въ составъ логандическихъ стиховъ, переносить нѣтъ съ долгаго (второго) слога на краткій (первый).

Въ заключеніе я долженъ обратить на добытые изъ Еврипидова отрывка результаты вниманіе тѣхъ ученыхъ, которые даютъ волю своей фантазіи въ критикѣ текстовъ мелическихъ поэтовъ и хоровыхъ партій древнихъ трагиковъ. Текстъ лирическихъ партій трагиковъ переполненъ конъектурами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ, судя по сравненію строфъ съ антистрофами, недостаетъ нѣкоторыхъ антифоническихъ частей стиховъ. Произволь, царящій въ этихъ вопросахъ, долженъ съ настоящаго времени прекратиться, такъ какъ найденный отрывокъ изъ партитуры Ореста ясно показываетъ, что самъ поэтъ умышленно пропускалъ не только антифоническіе слоги и слова, но и такія же части стиховъ, а вѣроятно цѣлыя стихи, какъ мелическія ритмизомена, для того, чтобы ихъ замѣстить инструментальною музыкою. Итакъ, кажущимися пропусками мы обязаны не небрежности переписчиковъ, а тому обстоятельству, что въ болѣе позднее время, при переписываніи, умышленно выбрасывались ноты, вслѣдствіе чего тамъ, гдѣ метрическая схема дополнялась музыкою безъ словъ, получились пропуски. Критики, не зная того, что напѣвъ прерывался музыкою, и что послѣ удаленія изъ текста музыкальнаго элемента, получались прорѣхи въ метрическихъ схемахъ, стали изощрять свой умъ конъектурами для восполненія этихъ пропусковъ. Если когда либо удастся найти полную партитуру какой-нибудь трагедіи, то тогда обнаружится, какъ много потрудились критика—во вредъ текста.

В. Истръ.

ЧЕТЫРЕ ЭПИНИКИ ПИНДАРА ВЪ ЧЕСТЬ ІЕРОНА СИРАКУЗСКАГО И ЭТНЕЙСКАГО ¹⁾.

Слѣдующій за II Пивейскимъ эпиникіемъ — III Пивейскій относится къ тому-же Іерону. Контекстъ оды ясно указываетъ на обстоятельства частной жизни Іерона, такъ что весь этотъ эпиникій есть утѣшительная пѣснь, цѣль которой уврачевать тѣлесныя страданія Сиракузскаго владыки сладкими словами поэзии. Какъ мы видѣли ранѣе, Іеронъ—этотъ могущественный династъ, гроза своихъ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ, страдалъ болѣзнью, передъ которою было безсильно тогдашнее состояніе медицинской науки. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду, дабы надлежащимъ образомъ понять смыслъ первыхъ стиховъ оды, заключающихъ въ себѣ воззваніе къ Хирону и разказъ о Коронидѣ и ея сынѣ Асклипіѣ.

III Пивейскій эпиникій, по своей структурѣ, одно изъ самыхъ понятныхъ стихотвореній Пиндара. Послѣ первыхъ вступительныхъ словъ, гдѣ мы встрѣчаемъ уже имена Хирона и Филиры, поэтъ, не упоминая имени Іерона, (чего и не требовалось, такъ какъ современнымъ слушателямъ было ясно, къ чему клонится рѣчь Пиндара), разказываетъ мнѣ о рожденіи Хирона, этого отца медицины. Ходъ мыслей въ данной одѣ представляется намъ въ такомъ видѣ: Іеронъ боленъ тяжкою болѣзнью, передъ которою безсильно искусство земныхъ врачей. Отсюда желаніе поэта воскресить Хирона и его питомца Асклипія, „отвратителя всякихъ недуговъ“ (*παντοδαπῶν ἀλχητῆρα νοῖσιν*). Имя Хирона сейчасъ же вызываетъ въ памяти поэта мнѣ о

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую книжку *Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

его рожденія. Вѣрный традиціи, завѣщенной эпическими поэтами, Пиндаръ разказываетъ со всѣми подробностями мнѣ о Коронидѣ, матери Аскліпія. Эпическія традиціи даютъ обильный матеріалъ фантазіи поэта для избранной имъ темы и въ свой разказъ онъ. быть можетъ, помимо воли, а—пожалуй—и умышленно—вноситъ подробности, въ которыхъ многіе не безъ основанія видятъ намеки на частныя факты Іероновой жизни. Какъ бы то ни было, въ устахъ Пиндара избранный имъ мнѣ о Коронидѣ, кромѣ своего прямого значенія, получаетъ и правоучительный характеръ. чуждый главной цѣли эпиникія, но все же не лишенный значенія по отношенію къ Іерону. Предостереженіе отъ исключительнаго предпочтенія къ чужестранцамъ, конечно, не лишено значенія, и союзъ Корониды съ чужеземцемъ безспорно имѣетъ связь съ современной исторіею Сициліи и съ образомъ дѣйствія Іерона, который былъ до нѣкоторой степени Петромъ Великимъ въ своемъ государствѣ. Но, повторяемъ, это лишь подробность, а не суть избраннаго поэтомъ сюжета. Смерть Корониды, ея погребеніе, внимательство Аполлона и его примирительныя слова заключаютъ этотъ *эпизодъ*. Пиндаръ снова возвращается къ Аскліпію и немногими словами характеризуетъ его чело-вѣколюбивую дѣятельность. Эта вторая часть оды заключается афоризмомъ, столь свойственнымъ благочестивой мудрости поэта, о невозможности преступить удѣлъ, дарованный богами людямъ, и нельзя не признать, что на этой мысли поэтъ останавливается съ особенною силою, и въ этихъ то стихахъ мы должны признать не урокъ, но неподкупный голосъ мудрости, предостерегающій Іерона отъ увлеченія властью и напоминающій ему о его человѣческомъ безсиліи предъ волею боговъ. Но поэтъ умѣетъ позолотить свою пилюлю и заключаетъ свой урокъ словами, смыслъ которыхъ смягчаетъ горечь его предостереженія: Пиндаръ величаетъ Іерона, который *Συρακόσας αἰνέει βασιλεὺς — πρῶτος ἀνθρώπων, οὐ φθονέειν ἀγαθούς, ζείνους δὲ θαυμάσιος πατήρ*. Трудно рѣшить, заключаютъ ли эти слова лишь пожеланія поэта или констатируютъ фактъ. Іеронъ, конечно, принялъ ихъ въ буквальный смыслъ.

Поэтическое чутье поэта подсказало ему, что онъ долженъ переимѣнить тонъ своей рѣчи, и дѣйствительно Пиндаръ въ своихъ заключительныхъ словахъ снова возвращается къ страданіямъ Іерона и примѣрами Кадма и Пилея утѣшаетъ его въ постигшей его болѣзни. Последнія слова оды напоминаютъ Сиракузскому владыкѣ о личности самого пѣвца и о значеніи его пѣсенъ. Это обычный приемъ, не

чуждый и современнымъ поэтамъ. Пиндаръ прибѣгалъ къ нему неоднократно.

Труднѣе построень і Писейскій эпикикій, который во многихъ отношеніяхъ отстываетъ отъ общаго плана другихъ эпикикіевъ Пиндара. Эпикикій открывается знаменитою картиною силы музыки и ея смягчающаго дѣйствія на боговъ и все имъ угодное. Далѣе, по контрасту, поэтъ переходитъ къ врагамъ музыки, невыносящимъ ея чарующихъ звуковъ. Такимъ является столбавый Тифонъ, лежащій подъ громадою Этны,—виновникъ ея частыхъ изверженій. Затѣмъ Пиндаръ упоминаетъ объ новооснованномъ городѣ того же имени, самое основаніе котораго прославлено новою побѣдою Іерона на Писейскомъ ристалищѣ. Побѣда эта, по мнѣнію Пиндара, должна служить блестящимъ предзнаменованіемъ дальнѣйшаго процвѣтанія города. Отъ города поэтъ переходитъ къ его основателю и сравниваетъ его съ Филоктитомъ, который, несмотря на мучительную болѣзнь, способствовалъ покоренію Троя. При этомъ поэтъ мимоходомъ упоминаетъ о его сынѣ Диноменѣ, которому Іеронъ ввѣрилъ управленіе новооснованнымъ городомъ, а затѣмъ снова переходитъ къ восхваленію побѣдъ, одержанныхъ Іерономъ надъ кареагенянами при Имерѣ и надъ этрусками при Кимѣ; при чемъ его побѣды сопоставляются съ знаменитѣйшими побѣдами восточной Греціи. Вся заключительная часть оды представляетъ цѣлый рядъ нравственныхъ наставленій, значеніе которыхъ различными толкователями понимается различно. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что эти нравственныя сентенціи относятся не къ Іерону, а къ только что упомянутому Диномену. Но такъ или иначе, Пиндаръ, имѣетъ въ виду процвѣтаніе Этны подъ управленіемъ Іерона и Диномена. Все стихотвореніе заканчивается упоминаніемъ значенія хвалебныхъ пѣсенъ, которыя достаются въ удѣлъ лишь избраннымъ любимцамъ боговъ. Таково содержаніе оды.

Уже при первомъ взглядѣ на разбираемый эпикикій легко замѣтить, что миическая часть занимаетъ въ немъ лишь второстепенное мѣсто, и даже, строго говоря, не содержитъ въ себѣ послѣдовательнаго эпического разказа, а ограничивается лишь краткими намеками или упоминаніями. Миесъ о Тифонѣ занимаетъ всего нѣсколько строкъ оды и въ значительной степени отстываетъ отъ написанныхъ въ болѣе эпическомъ духѣ миическихъ разказовъ другихъ Іероновскихъ эпикикіевъ. Зато съ другой стороны разбираемая ода богѣ другихъ изобилуетъ фактами, касающимися обстоятельствъ жизни Іерона, и нравственными афоризмами. Это обстоятельство въ значи-

тельной степени затрудняетъ пониманіе какъ ея основной мысли, такъ и общаго плана, что однако отнюдь не мѣшаетъ тому, что I Писійскій эпипикій есть одно изъ превосходныхъ стихотвореній Пиндара, какъ съ этимъ согласны всѣ безъ исключенія древніе и новые толкователи Оиванскаго поэта.

Постараемся хотя до нѣкоторой степени угадать основную мысль Пиндара въ разбираемомъ эпипикіи. Намъ кажется, что центръ тяжести всего стихотворенія лежитъ въ грядущей судьбѣ новооснованнаго города Этны. На это указываетъ прежде всего самое заглавіе оды: „Іерону Этнейскому“. Всѣ обстоятельства, сопровождавшія его основаніе сулятъ ему дальнѣйшее процвѣтаніе: и новоодержанная побѣда его основателя, и прежнія его побѣды на играхъ и на войнѣ; наконецъ самое устройство правленія въ строго-дорійскомъ духѣ, — все это, по мнѣнію Пиндара, придаетъ особый блескъ будущей судьбѣ Этны. Мысль эту Пиндаръ иллюстрируетъ сравненіемъ съ началомъ мореплаванія, когда, по его словамъ, „людямъ, несомымъ на корабляхъ, внушаетъ первую надежду при началѣ плаванія возникновеніе попутнаго вѣтра, ибо оно позволяетъ имъ надѣяться достичь еще болѣе счастливаго возврата“. Если принять эти слова за выраженіе основной мысли оды, то, какъ намъ кажется, легко сгруппировать вокругъ нея и другія подробности: обузданіе чудовищнаго Тифона служить какъ бы аллегоріею того, что и всѣ другія враждебныя силы, которыя могли бы повредить процвѣтанію Этны, будутъ также укрощены гармоніей и порядкомъ дальнѣйшаго управленія городомъ. Та же мысль, если не ошибаемся, лежитъ и въ упоминаніи о побѣдахъ Іерона надъ финикійцами и тирринцами. Заключительная часть оды посвящена собственно Іерону; но и въ этой части Пиндаръ не отступаетъ отъ основной мысли, заключающейся въ томъ, что правленіе Іерона и его сына Диномена будетъ на высотѣ тѣхъ благопріятныхъ надеждъ, которыя окружили колыбель новооснованнаго города. Пиндаръ примѣромъ привѣтливаго Креза и жестокосердаго Фаларида указываетъ на истинныя задачи, предстоящія правителямъ города Этны, возникновеніе котораго сопровождалось обстоятельствами столь благопріятными и славными.

I Олимпійскій эпипикій есть по времени послѣдняя изъ одъ, посвященныхъ Іерону. Одою этою начинаются всѣ рукописи эпипикіевъ Пиндара и первые слова оды: ἄριστον μέν ὄδῳ въ древности получили особенную извѣстность, какъ основной принципъ космическихъ воззрѣній поэта. Построеніе оды довольно доступно пониманію. Въ

приступъ поэтъ указываетъ на первостепенное мѣсто, которое занимаютъ Олимпійскія игры. среди другихъ общественныхъ игръ Греціи. Ихъ первенство приравняется первенству воды между стихіями, золота между металлами и солнца между свѣтилами. Отъ Олимпійскихъ игръ естественно перейти къ виновнику торжества Іерону. Въ короткихъ словахъ упомянувъ о гостепріимствѣ, оказываемомъ Іерономъ поэтамъ и артистамъ Греціи, Пиндаръ переходитъ къ изображенію ристанія, на которомъ одержалъ побѣду Ференикъ, конь Іерона. и къ мнѳу о Пелопѣ, основателѣ Олимпійскихъ состязаній. Разказъ свой Пиндаръ начинаетъ предувѣдомленіемъ, что его слова будутъ отличаться отъ разказовъ его предшественниковъ, которые, въ пылу поэтической фантазіи, иногда позволяютъ себѣ разказывать о богахъ неподобающіе ихъ достоинству вымыслы. Въ данномъ случаѣ поэтъ разумѣетъ мнѳъ о Танталѣ, зарѣзавшемъ своего сына и угостившемъ мясомъ его собравшихся у него боговъ. Такіе разказы возмущаютъ благочестиваго Пиндара и онъ пытается дать новую версію Пелопова мнѳа. По его словамъ, Пелопъ былъ похищенъ на Олимпѣ плѣвившимся его красотою Посидономъ, а разказы о беззаконномъ паршествѣ, устроенномъ Танталомъ, суть не болѣе какъ злостныя сплетни завистливыхъ сосѣдей. Наказаніе же, въ послѣдствіи постигшее Тантала, было вызвано совсѣмъ другою причиною. Зазнавшійся Танталъ угостилъ своихъ сверстниковъ украденными у боговъ нектаромъ и амброзією. Гнѣвъ боговъ на отца распространился и на сына. Пелопъ былъ возвращенъ съ Олимпа на землю.

Здѣсь оканчивается первая половина мнѳической части. Во второй Пиндаръ разказываетъ о попыткѣ Пелопа овладѣть рукою Ипподаміи, о его свиданіи съ Посидономъ и побѣдѣ надъ Иномаемъ.

Такимъ образомъ Пиндаръ снова возвращается къ Олимпійскимъ играмъ, начало которымъ положило состязаніе Пелопа съ Иномаемъ. Побѣдившій на нихъ во все продолженіе жизни пользуется неувыдаемымъ почетомъ. Такой удѣлъ достался Іерону, въ чемъ поэтъ видитъ знакъ особаго благоволенія боговъ. Эпикій заканчивается упоминаніемъ о тѣсной связи, существующей между побѣдителемъ и поэтомъ, воспѣвшимъ его побѣду.

Заключаемъ нашъ краткій анализъ Іероновыхъ эпикіевъ общимъ выводомъ относительно ихъ структуры. За исключеніемъ I Пиндійскаго эпикія всѣ они распадаются на три составныя части: первая заключаетъ въ себѣ изложеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ па-

писаніе эпипикія, то-есть упоминаніемъ о воспѣваемой побѣдѣ и обстоятельствѣ, ее сопровождавшихъ; вторая—наиболѣе распространенная, содержитъ въ себѣ часть мионическую, занимающую не менѣе одной тріады; третья, заключительная, снова переноситъ насъ къ герою оды и въ большинствѣ случаевъ связана съ упоминаніемъ поэта о самомъ себѣ. Связующими переходными мыслями служатъ этические афоризмы, не имѣющіе значенія самостоятельной части и служащіе лишь лигатурою отдѣльныхъ частей. Какъ читатель видитъ, мы слѣдуемъ толкованіямъ Круаза, которыя представляются намъ проще и естественнѣе теоріи Вестфалъ-Мецгера о Тернандровомъ номѣ съ его детальными подраздѣленіями. Эту трихотомію Пиндаровыхъ эпипикіевъ нѣсколько не нарушаютъ и тѣ его эпипикіи, въ которыхъ мионическая часть распадается на двѣ или болѣе частей, какъ это мы видѣли въ I Олимпійскомъ и увидимъ еще во многихъ другихъ эпипикіяхъ.

Валеріанъ Майковъ.

„ЭЛЛАДА“ И „ЭЛИНЫ“.

Имена Эллада и элины дороги всему образованному міру, а въ глазахъ каждаго любителя классической древности они окружены такимъ ореоломъ, что, думаемъ, не мало найдется людей, интересующихся вопросомъ, откуда произошло это имя и что выражало оно въ первоначальномъ своемъ видѣ. Извѣстно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой рѣчи, въ Иліадѣ и Одиссеѣ, слово Ἑλλάς хотя и встрѣчается, но не въ значеніи, придаваемомъ ему въ послѣдствіи, какъ названію цѣлаго народа. У Гомера есть другія имена, имѣющія такое болѣе широкое значеніе. Совокупность войскъ и племень, отправившихся въ походъ противъ Трои, называется аргосцами или данайцами, а всего чаще ахейцами. Мы, однако, не можемъ сказать утвердительно, чтобы одно изъ этихъ именъ имѣло всеобъемлющее значеніе, равносильное позднѣйшему — элины. По подлинному разказу Иліады, въ войско ахейцевъ входили далеко не всѣ греческія государства и племена. Въ послѣдствіи же, начиная съ младшаго эпоса, такъ называемаго киклическаго, всѣ греки добивались чести участія ихъ предковъ въ столь прославленномъ походѣ. Поэтому уже въ такъ называемомъ каталогѣ кораблей, вставленномъ въ подлинную Иліаду, а сочиненномъ уже съ помощью младшаго эпоса, мы видимъ, что кругъ участниковъ, то-есть, ахейцевъ, аргосцевъ или данайцевъ, расширенъ почти на всю Грецію. Какого мы ни держались бы мнѣнія о происхожденіи нынѣшней Иліады и Одиссеи, одно несомнѣнно, что и та, и другая собою представляютъ пересказъ болѣе древнихъ сказаній. Авторъ заимствовалъ три традиціонныя названія участвовавшихъ въ походѣ войскъ, по всей вѣроятности, у своихъ предшественниковъ. Первоначальный смыслъ терминовъ, отъ времени, быть можетъ, уже нѣсколько затемненный, естественно, подвергся

известному перетолкованию. Кроме того, уже то, что грекамъ передъ Троею попеременно даются три названія, а не одно, служить всѣмъ доказательствомъ отсутствія одного установившагося имени. Мы здѣсь еще не беремся рѣшить, что собственно разумѣлось подъ ахейцами, аргосцами и данайцами; достаточно того, что сказанія Гомера, не даютъ намъ права утверждать, будто имени эллины во время Гомера предшествовало другое, подобное же общее наименованіе греческаго народа. Всего вѣроятнѣе напротивъ, что въ то время у грековъ никакого такого имени еще не было. Въ этомъ смыслѣ рѣшительно высказался и Низе въ известномъ своемъ сочиненіи о развитіи Гомеровской поэзіи (стр. 215), въ противоположность общему мнѣнію, распространенному уже среди древнихъ ученыхъ и повторяемому многими изъ современныхъ. Отсутствіе у грековъ въ древнѣйшія времена общаго всенароднаго имени само по себѣ очень вѣроятно уже потому, что и у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ до известнаго времени не было такихъ именъ.

Въ слѣдующія послѣ Гомера столѣтія уже устанавливается употребленіе имени Ἑλλήνες, однако не сразу. Ему предшествовало другое выраженіе, Πανέλληνες, всеэллины. Этотъ отгѣнокъ заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе. Выраженіе Πανέλληνες въ первый разъ встрѣчается въ каталогѣ кораблей, гдѣ, по примѣру другихъ пѣсень Илиады, просто эллинами названы жители одной, вѣроятно небольшой, области, принадлежавшей къ южной Θεσσαλίи. Эта Эллада, „славная жень красотой“, является входящей въ составъ владѣній Пилея и Ахилла, фтійскаго царства. Затѣмъ Πανέλληνες упомянуты въ стихотвореніяхъ Гесиода и древнѣйшаго іонійскаго лирика Архилоха¹⁾.

¹⁾ О Πανέλληνας см. В 530 Αἶας—ἐγχείη δ' ἐπέπαστο Πανέλληνες καὶ Ἀχαιοὺς; Страбонъ VIII 370 Ἡσιόδου μέντοι καὶ Ἀρχιλόχου ἤδη εἶδέναι καὶ Ἑλλήνας λεγόμενους τοὺς σύμπαντας καὶ Πανέλληνες, τὸν μὲν περὶ τῶν Προϊτίδων λέγοντα ὡς Πανέλληνες ἐμνήστεον αὐτάς, τὸν δὲ ὡς Πανελλήνων οἰζὺς ἐς Θάσον συνέδραμεν. Низе Die Entwicklung der Homerischen Poesie стр. 215: Dieser Name scheint den Uebergang zu den Hellenen im späteren Sinne zu bilden. — Объ Элладѣ, подвластной Ахиллу см.:

В 681 Νῦν αὖ τοὺς ὅσσοι τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἔναϊον,
οἳ τ' Ἄλόν οἳ τ' Ἀλόπην οἳ τε Τρηχῖν' ἐνέμοντο,
οἳ τ' εἶχον Φθίην ἢδ' Ἑλλάδα καλλιγύναικα,
Μυρμιδόνες δὲ καλεῦντο καὶ Ἑλλήνες καὶ Ἀχαιοί,
τῶν αὖ πεντήκοντα νεῶν ἦν ἀρχὸς Ἀχιλλεύς.

Ι 393 Ἦν γάρ δὴ με σώσει θεοὶ καὶ οἴκαδ' ἵκωμαι,
Πηλεὺς θῆν μοι ἔπειτα γυναῖκα γαμήσεται αὐτός.

Спустя уже около двух столѣтій, въ прозаической литературѣ, возникшей въ концѣ шестаго столѣтія въ Іоніи, выраженіе Πανελλήνιος замѣнено простымъ Ἑλληνες, какъ видно, получившимъ уже полное право гражданства. Изъ этого позволительно вывести заключеніе, что имя Эллины долгое время, по крайней мѣрѣ нѣсколько столѣтій, употреблялось въ двухъ значеніяхъ. Оно обозначало одновременно и известную часть или известныя части греческаго народа, въ отличіе отъ другихъ частей, и въ болѣе широкомъ смыслѣ весь народъ, отличающійся такимъ образомъ грековъ отъ другихъ націй. Въ послѣднемъ значеніи для большей точности и во избѣжаніе недоразумѣній говорилось Πανελλήνιος, всеэллины. Подобное явленіе въ сущности еще до сихъ поръ можно замѣтить и у славянъ. Два племени въ Австріи и Венгріи называютъ себя словянами и словаками, каковымъ специальнымъ именемъ они отличаютъ себя не только, подобно остальнымъ славянамъ, отъ неславянскихъ сосѣдей, но и отъ соплеменниковъ другаго, наименованія, напримѣръ, чеховъ, поляковъ, хорватовъ, своихъ славянскихъ или всеславянскихъ братьевъ. Итакъ, кто задастся вопросомъ, какимъ образомъ имя эллины получило свое позднѣйшее значеніе, долженъ придти къ заключенію, что эллинами сначала назывались греки по частямъ, а поднѣе всѣ, при чемъ переходъ отъ частнаго значенія къ общему совершался постепенно, въ силу какихъ то особыхъ географическихъ или историческихъ условій. Въ общемъ съ этимъ согласны всѣ занимавшіеся нашимъ вопросомъ ученые. Остается найти ту мѣстность частнаго примѣненія и тѣ условія, которыя могли благоприятствовать обобщенію, относительно чего, понятно, значительно расходятся мнѣнія толкователей. Эта именно темная часть вопроса будетъ служить предметомъ и нашего разсужденія.

-
- πολλὰ Ἀχαιῖδες εἰσὶν ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε,
 κοῦραι ἄριστόν, οἳ τε πτολίεθρα ρύονται.
 τῶν ἦν κ' ἐθέλωμι φίλην ποιήσοιμ' ἄκοιτιν
 λ 494 εἰπέ δέ μοι, Πηληῖος ἀμόμονος εἰ τι πάπυσσai,
 ἦ ἔτ' ἔχει τιμὴν πολέσιν μετὰ Μυρμιδόνεσσιν,
 ἦ μιν ἀτιμάζουσιν ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε.
 I 447 οἷόν ὃτε πρῶτον λίπον Ἑλλάδα καλλιγύναικα,
 φεύγων νείκεα πατρός Ἀμύκτορος Ὀρμενίδαο.
 I 478 φεύγον ἔπειτ' ἀπάνευθε δι' Ἑλλάδος εὐρυχόροιο,
 Φθίην δ' ἐξέκομην ἐριβόλακα, μητέρα μῆλων,
 εἰς Πηλῆα ἀναχθ'. ὁ δέ με πρόφρων ὑπέδεκτο
 II 595 Χάλκωνος φίλον υἱόν, ὃς Ἑλλάδι οἰκία ναίων
 ὄλβφ τε πλούτφ τε μετέπρεπε Μυρμιδόνεσσιν.

Для опредѣленія исходной точки, откуда пошло всенародное названіе эллины, необходимо взвѣсить нѣсколько возможностей, такъ какъ Эллада и равносильныя ей имена приурочены были не къ одной только мѣстности, а къ нѣсколькимъ. Мы уже упомянули объ Элладѣ ессалийской въ Иліадѣ. Въ той-же поэмѣ говорится о селлахъ или эллахъ (Σαλλοί, Ἑλλοί), обитателяхъ Додоны, позднѣе еще называемой Ἑλλά или Ἑλλοπία. Названіе Эллонія, дагѣе, носили или весь островъ Еввія, или извѣстная часть (Ἑλλοπία μοῖρη) области города Ἰστίανα или Ὀρεός, а кромѣ того еще мѣстность ессалийскихъ долоповъ. Ἑλλόπιον былъ городъ въ Этоліи¹⁾. Прибавимъ еще ἡ μεγάλη Ἑλλάς, названіе южной Италіи, и званіе Ἑλλανδοίαις, судья эллиновъ, должностное лицо элейскаго союза, упомянутое въ очень древнихъ надписяхъ, найденныхъ въ Олимпіи. Наконецъ, укажемъ еще на немного темное показаніе Геродота (I 56) о тождествѣ эллиновъ и доріанъ. Такое множество мѣстностей, къ которымъ приурочено было особое названіе Эллады, не можетъ не служить намъ серьезнымъ предостереженіемъ противъ поспѣшнаго и односторонняго опредѣленія. Очень возможно, что распространеніе имени по всей Греціи не исходило даже ни отъ одной изъ нихъ, а еще отъ какой-то мѣстной Эллады.

¹⁾ О Селлахъ: Π 238 Ζεὸ ἄνα, Δωδωναίε, Πηλασγῆ, τηλόθι ναίων,

Δωδώνης μεθῶν δυσχειμέρου. ἀμφὶ δὲ Σαλλοὶ
σοὶ ναίουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαμαίνοναι

сл. σχολіи и Страб. VII 328 πότερον δὲ χρῆ λέγειν Ἑλλούς, ὡς Πίνδαρος, ἢ Σαλλούς ὡς ὑπονοοῦσι παρ' Ὀμήρῳ καίεσθαι, ἢ γραφῇ ἀμφίβολος οὐσα οὐκ ἐξ ἐπισχυρίζεσθαι. Φιλόχορος δὲ φησὶ καὶ τὸν περὶ Δωδώνην τόπον, ὡς περὶ τὴν Εὐβοίαν, Ἑλλοπίαν κληῖσθαι, καὶ γὰρ Ἡσιόδου οὕτω λέγειν «ἔστι τις Ἑλλοπία. πολυτήριος ἢδ' εὐλείμων. ἐνθα δὲ Δωδώνη τις ἐν ἰσχυτῇ πεπόλισται». οἴονται δὲ, φησὶν ὁ Ἀπολλόδοτος, ἀπὸ τῶν ἑλῶν τῶν περὶ τὸ ἱερὸν οὕτω καλεῖσθαι: τὸν μὲντοι ποιητὴν οὐχ οὕτω λέγειν Ἑλλούς, ἀλλὰ Σαλλούς ὑπολαμβάνει τοὺς περὶ τὸ ἱερὸν. Другое названіе Додоны у Исихія Ἑλλά («Ἑλλα?») = Διὸς ἱερὸν ἐν Δωδώνῃ. Додонскихъ Ἑλλοί соединялъ съ древнѣйшею Элладю Аристотель Метеор. I 14 ὁ καλούμενος ἐπὶ Δευκαλίωνος κατακλυσμῶς—περὶ τὸν Ἑλληνικὸν ἐγένετο μάλιστα τόπον, καὶ τοῦτου περὶ τὴν Ἑλλάδα τὴν ἀρχαίαν. αὕτη δ' ἐστὶν ἡ περὶ Δωδώνην καὶ τὸν Ἀχελῶν. οὗτος γὰρ ποταμοῦ τὸ ρεῖμα μεταβέβηκεν. ὥκουν γὰρ οἱ Σαλλοὶ ἐνταῦθα καὶ οἱ καλούμενοι τότε μὲν Γραικοί, νῦν δ' Ἑλληνες, сл. σχολ. Φ 194 ἡ ἀρχαιοτάτη Ἑλλάς περὶ Δωδώνην καὶ Σαλλούς ἔκειτο, Исихія Ἑλλοί, Ἑλληνες οἱ ἐν Δωδώνῃ καὶ οἱ ἱερεῖς.—Относительно Ἑλλοπία, какъ названія всей Еввіи, см. выше цитату изъ Филохора у Страб. VII 328; его же X 445 ἡ νῆσος—καὶ Ἑλλοπία δ' ὠνομάσθη, а дальше τὴν Ἑλλοπίαν—χωρίον ἐν τῇ Ὀρείᾳ καλούμενῃ τῆς Ἰστιαίωτιδος πρὸς τῇ Τελεθρίῳ ὄρει. Герод. VIII 23 ἀπτόμενοι δὲ τὴν πόλιν τῶν Ἰστιαίων, καὶ τῆς Ἑλλοπίας μοίρης. Эллонія у Θεσπії и въ Долоніи, а также Этолійскій городъ Ἑλλόπιον, упоминаются Стефаномъ Византийскимъ.

о которой и помину нѣтъ въ дошедшемъ до насъ довольно отрывочномъ литературномъ преданіи. Древніе историки, у которыхъ Гомеръ пользовался громаднымъ авторитетомъ какъ источникъ историческихъ свѣдѣній, не долго думая, выводили общую Элладу изъ одноименной небольшой области Фессалии, какъ единственной, упомянутой въ Иліадѣ. Другіе еще допускали, тоже на основаніи Иліады и упомянутыхъ въ ней Ἐλλοί или Ἑλλοί, что древнѣйшею Элладою была Додона. Современная классическая филологія здѣсь, какъ и во множествѣ подобныхъ вопросовъ, въ общемъ продолжаетъ держаться въ рамкѣ, разѣ начертанной древними. Уваженіе къ преданію, къ переданнымъ намъ непреложнымъ фактамъ, конечно одинъ изъ первыхъ признаковъ научности. Но это безусловное уваженіе не должно распространяться и на такія данныя, которыя, хотя сообщаются намъ въ видѣ фактовъ, однако на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ догадки древнихъ ученыхъ. Такими догадками, понятно, въ особенности изобилуетъ преданіе о древнѣйшей исторіи Греціи. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что тысячи подобныхъ догадокъ цѣлкомъ основаны на такихъ методическихъ приемахъ, какіе едва ли взялся бы защищать кто нибудь изъ нашихъ филологовъ. Неправильность методики какъ нельзя замѣтнѣе отзывалась и на нашемъ предметѣ. О происхожденіи именъ странъ, племенъ, народовъ, городовъ и т. д. у древнихъ установилась наивная теорія, что каждое такое имя происходило отъ сходнаго имени какой-то эпонимной личности. Другимъ, не менѣе излюбленнымъ, приемомъ древніе пользовались каждый разъ, когда приходилось объяснить причину повторенія одного и того-же имени въ разныхъ мѣстностяхъ. Не долго разсуждая, ученые по догадкѣ устанавливали историческую причину повторенія сходнаго имени. Всего чаще они прибѣгали къ предположенію доисторическихъ переселеній, при чемъ переселенцы будто-бы переносили въ новыя мѣста имена прежнихъ мѣстъ жительства. Если и на самомъ дѣлѣ иногда бывали примѣры подобнаго перенесенія именъ, изъ этого еще не слѣдуетъ общее правило. У насъ поморы или поморяне, напримѣръ, живутъ на берегахъ Сѣвернаго моря и Чернаго, они-же жили и на побережьи Балтійскаго моря. Намъ конечно не пришло бы въ голову между ними установить какую-нибудь прямую историческую связь, потому что мы сразу понимаемъ, что поморяне жители приморскіе и, слѣдовательно, могутъ встрѣчаться у cadaго славянскаго моря. Изъ одного этого примѣра видно, что причина повторенія одной и той-же номенклатуры можетъ заключаться просто въ одинаковыхъ мѣстныхъ, бы-

товых или исторических условіяхъ, вызвавшихъ и одинаковое наименованіе. Древніе ученые, а за ними слѣдуютъ и современные филологи въ большинствѣ случаевъ не доходили до этой простой истины. Если бы спросить у любого изъ древнихъ историковъ о поморянахъ, онъ вѣроятно отвѣтилъ бы, что на гиперборейскомъ морѣ, во время оно, жилъ царь Поморъ (Πομόρος), сынъ Борей. Подвластный ему народъ по его имени сталъ называться поморами. Черезъ нѣсколько времени, по поводу моровой язвы, сильнаго голода, напора непріятелей или тому подобной причины, они обратились къ оракулу и получили повелѣніе одной половиной выселиться изъ страны. Сѣли они на корабли и поплыли, одна часть въ Балтійское море, другая въ Черное, гдѣ до сихъ поръ и живутъ. Мы остановились на этомъ примѣрѣ потому, что и вопросъ о распространении Эллады и эллиновъ рѣшался въ томъ же духѣ. Въ Додонѣ поселился человѣкъ "Ελλοςъ и народъ его сталъ именоваться 'Ελλοσι: эллы затѣмъ двинулись въ Θεσσαλίю и т. д. Или: у Девкаліона послѣ потопа родился сынъ Эллинъ, который сталъ жить въ южной Θεσσαλίи, въ прозванной по нему Элладѣ, а царствовалъ онъ тутъ надъ эллинами. Сынъ же его и внуки Іонъ, Доръ и Ахей переселились въ другія области и распространили тамъ, какъ свои имена, такъ и имя общаго отца Эллина. Это разсужденіе, съ точки зрѣнія древнихъ не удивительно, удивительно только то, что осто́въ его стоитъ понынѣ и устойчиво держится почти во всей современной литературѣ. Понятно, выкинуты теперь Эллинъ съ семействомъ, а общій ходъ перенесенія имени Эллады остался тотъ-же. Около Додоны жилъ маленький народецъ Эллинскій, выгнанный оттуда какими-то непріятелями, напримѣръ иллирійцами: онъ перебрался отчасти въ южную Θεσσαλίю, вторую Элладу, отчасти въ Еввійскую Эллопію и т. д. Во всѣхъ современныхъ вариантахъ этого мнимоисторическаго происшествія. Мы сожалѣнію, остался недостаточно освѣщеннымъ одинъ пунктъ. именно самый важный: какимъ образомъ имя Эллада могло распространиться на всѣ греческія племена. Немыслимо же, чтобы додонскіе или ессалійскіе эллины въ короткій промежутокъ отъ Гомера до Гесіода разбрелись по всѣмъ концамъ и уголкамъ греческаго міра. Тутъ уже обязательно требуется помощь какого-нибудь *deus ex machina*, спеціальнаго распространителя въ родѣ Іона, Дора и Ахея. Дѣйствительно, мы видимъ, эта роль передается у одного историка, Бузольта, дорійскому племени, у другаго—эссалійскимъ золийцамъ, у третьяго (Виламовица-Меллендорфа)—доисторическому населенію Пелопоннуса. Никто, однако, не объясняетъ намъ, какая

историческая сила могла бы заставить всё другія племена принять названіе, свойственное одному изъ нихъ. Никто не думалъ подкрѣпить свою догадку хотя бы одною только историческою аналогіею. Примѣры подобнаго обобщенія имени одного племени между тѣмъ очень нерѣдки. Мы позволяемъ себѣ поэтому немного остановиться на нихъ. Всѣ примѣры происхожденія названія цѣлаго народа отъ имени одного племени сводятся къ двумъ категоріямъ. Въ первомъ случаѣ дѣйствующимъ факторомъ является политическій перевѣсъ или власть одного племени надъ другими. Такъ, напримѣръ, жители цѣлаго міра считали честью носить имя гражданъ одного города Рима. Римскіе галлы присвоили названіе господствовавшихъ надъ ними франковъ. Пруссакіи въ силу завоеванія или присоединенія навязали свое имя самымъ различнымъ нѣмецкимъ племенамъ. Въ другомъ случаѣ обобщеніе племеннаго названія происходитъ отъ чужаго народа. Послѣдній переноситъ имя племени, съ которымъ онъ первоначально столкнулся, также и на всё остальные племена этого же народа. Такъ, напримѣръ, французы до сихъ поръ восточныхъ своихъ сосѣдей называютъ алеманнами. Предки французовъ, если вѣрить Тациту, подобнымъ образомъ имя германцевъ отъ племени тунгровъ перепесли на всё зарейнскія племена. Италіею сначала называлась одна только южная оконечность полуострова, близкая къ Сициліи, а потомъ весь полуостровъ. Греки у всѣхъ восточныхъ народовъ до Индіи и Египта, вѣроятно, обозначались именемъ іонянъ.

Спрашивается теперь: подходит ли одинъ изъ этихъ двухъ примѣровъ къ нашему вопросу. Очевидно, что нѣтъ. Никогда ни одно изъ греческихъ племенъ, ни іоняне, ни доряне, ни конечно какіе-то додонскіе или южноэссалійскіе элины не имѣли никакого рѣшительнаго перевѣса, никакой власти надъ остальными племенами. Съ другой стороны, обобщеніе имени элины не могло быть дѣломъ сосѣдняго чужаго народа; оно, безъ всякаго сомнѣнія, родилось у самихъ грековъ. Подводя такимъ образомъ итоги своему разсужденію, мы полагаемъ, что всѣ попытки объяснить происхожденіе національнаго названія древнихъ грековъ лишены и необходимой общенсторической подкладки, и логической послѣдовательности.

Приступая теперь къ изложенію своего собственнаго мнѣнія, мы считаемъ не безполезнымъ сказать нѣсколько словъ объ общихъ историческихъ условіяхъ, благодаря которымъ у другихъ народовъ образовалось національное имя. Какъ древнѣйшіе греки, такъ и всѣ другіе европейскіе народы, до извѣстнаго времени обходились безъ

такихъ именъ. Возникновеніе ихъ вездѣ является продуктомъ одного и того-же могучаго фактора. Этотъ факторъ—столкновеніе съ другимъ народомъ, уже вполне сплотившимся и сознательно чувствующимъ свое національное единство: или наименованіе, если оно чужое, исходить отъ такого чужаго народа, или же, если оно не заимствовано, оно образовалось въ сосѣдствѣ чужаго народа. Поэтому мы и видимъ, что очагомъ наименованія обыкновенно бываетъ окраина, или своя, или чужая. Славянское имя впервые появилось на окраинахъ славянскаго міра, на югѣ за Дунаемъ, на чужой, римской землѣ, на западной, германской окраинѣ и на сѣверѣ у новгородцевъ, въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ. Тевтонское имя впервые носила толпа, сплоченная изъ разныхъ германскихъ племенъ, съ цѣлью завоеванія нахлынувшая на римскія границы. Имя Італія распространилось отъ оконечности полуострова, противолежавшей греческой Сициліи. Германцами назывались сначала пограничныя племена, перешедшія черезъ Рейнъ, за рубежъ кельтской земли. Если имѣть въ виду такое множество аналогичныхъ примѣровъ, почти необходимо предположить, что и эллинское имя получило свое общее значеніе на такой окраинѣ греческаго міра, гдѣ произошло столкновеніе съ какимъ-то чужимъ государствомъ. Такою окраиною была Малая Азія, древнѣйшее и важнѣйшее завоеваніе греческаго народа. Тамъ въ восьмомъ столѣтіи образовалось могущественное лидійское государство. При дружномъ отраженіи варваровъ тутъ всего скорѣе могло народиться греческое самосознаніе. На этомъ побережьи встрѣтились и смѣшались вселенцы разныхъ племенъ родины, а вслѣдствіе того и могло развиться сознаніе общей народности. Наконецъ мы видѣли, что дѣйствительно терминъ Πανελληνες, древнѣйшее выраженіе всеэллинской общности, исходилъ отъ малоазіатской поэзіи, а послѣдовавшее за нимъ широкое значеніе именъ Эллада и эллины впервые является уже вполне сформировавшимся въ іонической прозѣ. Преобладаніемъ и громаднымъ влияніемъ литературы азіатскихъ грековъ на европейскихъ какъ нельзя лучше объяснялось бы быстрое распространеніе новаго имени на весь греческій міръ. Считая такимъ образомъ самымъ пригоднымъ выходомъ изъ всѣхъ затрудненій предполагаемое нами возникновеніе имени эллины, какъ общенароднаго въ азіатской Греціи, необходимо правда предположить, что оно уже служило особымъ мѣстнымъ названіемъ между прочимъ и этой части греческой земли ¹⁾. Тутъ мыѣ

¹⁾ Въ пользу нашего предположенія, что подъ эллинами когда-то понимали обитателей малоазіатскихъ колоній, можетъ говорить и то, что имя Эллада приу-

однако могутъ возразить вопросомъ, отчего въ стихотвореніяхъ Гомера, сочиненныхъ въ самой Малой Азіи, нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобное ея названіе. На это есть простой отвѣтъ: Илиада не могла называть эллинами греческихъ поселенцевъ Малой Азіи потому, что

речено было также и ко второй большой колоніальной странѣ грековъ, южной Италіи. Не легко конечно отгадать, по какой причинѣ эта Эллада получила эпитетъ великой. Римскіе ученые объясняли это тѣмъ, что тутъ было больше греческихъ жителей, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ и даже въ самой Греціи. Это однако положительно неѣрно: и въ Греціи, и въ Малой Азіи, а можетъ быть даже въ Сициліи ихъ было гораздо больше. Эд. Мейеръ, отказавшись отъ толкованія древнихъ, высказалъ догадку, что основатели ахейскихъ городовъ Италіи происходили изъ фтіотійской Ахеи, называемой у Гомера Элладю. Новую страну они назвали великою въ противоположность къ небольшой родной области. Ничѣмъ однако не доказано, чтобъ Ахея — метрополія кротоніатовъ, сибаритовъ и т. д. была Тессалійская, а не Πελοποννησιακή Ахея, никогда спеціально не называемая Элладю. Ниссенъ (Italische Landeskunde стр. 59) названіе „Великой Эллады“ объясняетъ хвастовствомъ разбогатѣвшихъ сибаритовъ, кротоніатовъ и т. д. предъ убогою старою Греціею. „Великая Эллада“ собственно не могла быть сравниваема съ Греціею уже потому, что эта послѣдняя сравнительно поздно получила названіе Эллады. Всего вѣроятнѣе, „Великой Элладѣ“ въ самой близости соотвѣтствовала какая-то „Малая“. Въ книгѣ Бытинъ (10, 4) между островитянами-язычниками, потомками Іавана, встрѣчается и имя Елиса. Имена трехъ остальныхъ Фарсая, Киттимъ (Кипръ) и Роданимъ (Родосъ) указываетъ, что и Елиса островъ, близко знакомый финикіянамъ. Новѣйшіе толкователи, опираясь на таргумъ къ Іезекіилю: страна въ Италіи, и глоссу у Синкелла: 'Ελισσα, ἐξ οὗ Σικελία, въ этомъ островѣ признаютъ Сицилію. Едва ли кто-нибудь согласится съ Леви, въ Jahrb. für Philologie 1892 стр. 177 усматривающимъ въ Елисѣ греческое 'Ηλόσιον — будто-бы плодородность Сициліи породила идею о странѣ блаженныхъ. За то, можетъ быть, найдутъ возможнымъ, что въ Елисѣ—Сициліи скрывается неточная или немного искаженная транскрипція слова 'Ελλάς. Она служила бы какъ нѣльзя лучшимъ дополненіемъ къ сосѣдней Μεγάλη 'Ελλάς. Общій признакъ этихъ трехъ областей: Италіи, Сициліи и малоазійскаго побережья, что всѣ онѣ окраины греческаго міра. Приписывая распространение имени эллины особенно малоазійскимъ грекамъ, мы этимъ, понятно, не отрицаемъ, что распространенію могли способствовать и западные эллины. Противъ нашего предположенія о малоазійской Элладѣ высказано было замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ восточные народы малоазійскихъ грековъ называли бы эллинами, а не іонянами. Но предпочтеніе оказанное имени 'Ιάφους, объяснялось, можетъ быть, совершенно опредѣленною причиною; чтобы судить о ней, необходимо узнать, во первыхъ, значеніе самаго слова 'Ιάφους, восторыхъ, который изъ восточныхъ народовъ первый грековъ называлъ Іавана. Если это были лядяне, ближайшіе сосѣди іонянъ, то обобщеніе этого племеннаго имени столь же понятно, какъ, напримѣръ, обобщеніе племеннаго названія алеманнъ со стороны французовъ. Какъ имя алеманнъ изъ Франціи перешло и къ испанцамъ, такъ же и названіе іоняне легко могло передаваться другимъ на-

въ ней нигдѣ и не говорится о нихъ. Молчаніе поэта о колонизаціи Малой Азіи можно объяснить двояко. Авторъ Иліады или жилъ еще до переселенія грековъ, или онъ умышленно умолчалъ о немъ, считая поселеніе фактомъ, не состоявшимся еще въ тѣ времена, про которыя онъ повѣствовалъ. Умалчиваніе объ азіатскихъ эллинахъ составляло бы необходимую принадлежность историческаго колорита. Эта вторая возможность тѣмъ вѣроятнѣе, что поэтъ въ самомъ дѣлѣ неоднократно намекаетъ, что дѣйствующіе въ его сказаніяхъ лица люди давно прошедшихъ временъ. Никто, кажется, изъ современныхъ ученыхъ не сомнѣвается, что поэтъ самъ уже жилъ въ Малой Азіи. Однимъ словомъ, молчаніе Гомера объ азіатской Элладѣ не можетъ служить аргументомъ въ пользу того, что не было таковой въ его время. Если

родамъ востока. На основаніи нашихъ источниковъ мы, въ сожалѣнію, не можемъ доказать, что широкое значеніе имени Іавана возникло именно въ Лидіи. Древнѣйшіе источники наши, египетскія надписи, упоминаютъ Іавана въ числѣ союзниковъ царей геттиговъ. Такую-же роль, наемныхъ или вспомогательныхъ войскъ, греки продолжали исполнять и въ другихъ восточныхъ царствахъ, въ Ассирійскомъ, Вавилонскомъ, Египетскомъ и Персидскомъ. Войны навѣрное принадлежали не къ однимъ іонянамъ, но и къ другимъ племенамъ. Очень можетъ быть, что и слово Іавана, обозначающая грековъ всѣхъ племенъ, прямо относилось къ тому роду услугъ, благодаря которымъ они стали извѣстны всѣмъ народамъ востока. Слово *ἱάφονες*, *Yavapa* прекрасно производится отъ осн. *yav*—*yū* „отражать, помогать“ (см. скр. *yu* *yavate*, защищать, лат. *iuvare*), значеніе *iuvantes*, *auxiliares* какъ разъ подошло бы къ роду ихъ службы. Имя *Ἰών* носилъ дельфійскій герой, который въ извѣстной легендѣ является слугою бога. Подобные герои, тѣсно связанные съ Аполлономъ, признавались и во многихъ другихъ культахъ. Въ одной кипрской свѣтлѣ, по показанію надписей, такой геройскій сподвижникъ Аполлона названъ *ἰσάων* „помощникъ“, къ которому и присоединимъ дельфійскаго Іона (*iuvans*). Возможно, что и племенное имя іонянъ не прямо связано съ восточными Іавана. Жители двѣнадцати городовъ, образовавшіе союзъ на основаніи взаимной помощи, другъ друга, по нашему мнѣнію, знали „вспомогателями“ (сл. *Ἀρχαῖες* отъ *ἰρх*—*ἰω* помогать).

Предполагаемое нами происхожденіе имени эллиновъ въ Малой Азіи и переходъ его отсюда въ европейскую Грецію находятъ себѣ полную аналогію въ ходѣ развитія названій важнѣйшихъ греческихъ племенъ. Имена іонянъ, эолийцевъ, а по всей вѣроятности, также и дорянъ возникли за моремъ, на островахъ и берегахъ Малой Азіи. Оттуда каждое изъ нихъ перешло на соплеменниковъ въ Европѣ. Геродоту (I 149) еще извѣстны были двѣнадцать *Ἰοιῶν πόλεις αἱ ἀρχαῖαι*: на материкѣ Малой Азіи. Впослѣдствіи въ эолийцамъ причислены были жители Лесбоса, а наконецъ Віотіи и Θεσσαλίи. Имя *Ἰόνες* уже въ одномъ, вѣроятно вставленномъ, мѣстѣ Иліады (X 685) перенесено на Аонянъ. Объ этомъ и о расширеніи имени дорянъ трактуется въ замѣчательной статіи Белоха „О дорійскомъ переселеніи“ въ *Rhein. Museum* т. 45 стр. 559 сл.

предположить напротивъ, что и до, и послѣ Гомера долгое время подъ эллинами разумѣлись преимущественно греки, выселившіеся изъ Греціи въ Малую Азію вообще, то-есть и эоійцы, и іоняне, и доряне, то отъ такого предположенія пролилось бы, думаемъ, достаточно свѣта на нѣкоторыя темныя стороны нашего вопроса. Стало бы понятнымъ, отчего обитатели европейской Греціи, ополчившіеся на Трою, названы не эллинами, а другими именами. Еслибъ эллинами сначала назывались всѣ греческіе колонисты Малой Азіи въ противоположность къ оставшимся на родинѣ, то это общее имя поселенцевъ—грековъ съ другой стороны и могло служить общимъ отличіемъ ихъ отъ туземцевъ, окружающихъ иноязычныхъ, варварскихъ народовъ. Пробудившееся на окраинѣ національное самосознаніе, вмѣстѣ съ именемъ, со временемъ распространилось и на соплеменниковъ на родинѣ, чему, вѣроятно, способствовало преобладающее до V вѣка вліяніе азиатско-греческой литературы.

Изъ частныхъ Элладъ всего больше вниманія на себя обращала Эллада подвластная Пилею и Ахиллу. Она упомянута въ четырехъ мѣстахъ Иліады и разъ въ Одиссеѣ. Изъ этихъ пяти разъ только въ одномъ мѣстѣ II 595 Эллада названа отдѣльно, въ другихъ же четырехъ вмѣстѣ съ Фтіею. В 683 перечисляется войско Ахилла *αἰεὶ εἶχον Φθίην ἤδ' Ἑλλάδα καλλιγύναικα*, *Μορμιδῶνας δὲ καλεῦντο καὶ Ἕλληνες καὶ Ἀχαιοί*. I 398 Ахиллъ говоритъ, что отецъ его поженить дома, тамъ *πολλὰι Ἀχαιῖδες αἰσὶν αὖν Ἑλλάδα τε Φθίην τε*, *κοῦραι ἀριστεύων*, *οἳ τε πτολίεθρα ῥέοντα*. I 478 Финикъ разсказываетъ, какъ онъ оставилъ *Ἑλλάδα καλλιγύναικα* и, бѣжавъ черезъ всю Элладу (*δι' Ἑλλάδος εὐρυχόρου*), прибылъ во Фтію къ царю Пилею. Царь его одарилъ большимъ богатствомъ и пожаловалъ его княженіемъ надъ долами, на окраинѣ Фтіи. Наконецъ N 494 Ахиллъ справляется у Одиссея, чтятъ-ли Пилея или нѣтъ въ городахъ мирмидоновъ *αὖν Ἑλλάδα τε Φθίην τε*. Только II 595 упоминается Эллада безъ Фтіи, о ней говорится, какъ о мѣстѣ жительства одного изъ мирмидоновъ. Царство Пилея и Ахилла, какъ видно, представляется состоящимъ изъ двухъ частей, Фтіи и Эллады. Обѣ области другъ съ другомъ граничатъ. Мирмидоны живутъ въ обѣихъ; кромѣ нихъ обитателями являются ахейцы и эллины. Послѣдніе конечно жители Эллады, для ахейцевъ, по видимому, остается вторая половина царства, Фтія. Дѣйствительно, въ историческое время Фтіотида (Фθιώτις или Фθιήτις), южная часть Θεσσαλίας другимъ именемъ называлась—Ахеею, а жители ея ахейцами. Это почти единственная точка совпаденія темной

географіи мирмидонскаго царства съ настоящимъ историческомъ. Известно, что географія эпоса вообще состоитъ изъ смѣси дѣйствительности съ вымысломъ. Дѣйствіе многихъ миеологическихъ сказаній, по всей вѣроятности, подобно нашимъ сказкамъ, первоначально происходило въ какихъ-то неопредѣленныхъ сказочныхъ мѣстностяхъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ. Со временемъ и слушатели, и поэты дѣлались просвѣщеннѣе и, смущаясь наивною беззаботностью прежнихъ вѣковъ, стали требовательнѣе относиться къ географической точности. Началось безконечное дѣло сглаживанія географіи, прилаживанія ея къ дѣйствительной. Это стараніе уже замѣтно, какъ у самого Гомера, такъ и въ особенности у представителей младшаго эпоса, оно достигло апогея въ трудахъ Аполлодора и другихъ александрійскихъ и пергамскихъ ученыхъ. Работу эту въ общемъ нельзя назвать особенно успѣшною. Топографія Греціи и сосѣднихъ странъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась въ сказаніяхъ древнихъ поэтовъ, очень значительно отличалась отъ топографіи историческаго времени, въ точности известной не ранѣе какъ съ начала пятаго вѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій со временъ Гомера многое конечно могло измѣниться, а вѣроятно и измѣнилось, особенно въ номенклатурѣ областей и городовъ. Опредѣленіе прежнихъ именъ, при отсутствіи историческихъ памятниковъ древнѣе пятаго или шестаго столѣтія, носило на себѣ характеръ довольно сбивчиваго гаданія. Считая притомъ Гомера болѣе или менѣе достовѣрнымъ историкомъ и географомъ, ученые толкователи его часто совершенно неправильно относились къ особенностямъ поэтическаго повѣствованія. Многія имена, отношеніе которыхъ къ известнымъ мѣстностямъ не подлежало никакому сомнѣнію, въ родѣ напримѣръ: Подѣи, Дельфъ или 'Ορτυγίη вм. Дилоса, вѣроятно, никогда не употреблялись въ живой рѣчи, а созданы были потребностью возвышеннаго поэтическаго слога. Многія другія сначала не относились ни къ какимъ дѣйствительнымъ мѣстностямъ, обозначая неопредѣленные сказочныя мѣста. Тѣмъ не менѣе и они впослѣдствіи тѣмъ или другимъ путемъ были приурочены къ дѣйствительной топографіи, какъ напримѣръ: Συφρίη, Αἰαίη, 'Ερυνίη и пр. Къ недоумѣніямъ, вызываемымъ миеическою географіею, можно прибавить еще одно, на правильную оцѣнку котораго еще до сихъ поръ мало обращено вниманія. Типичный примѣръ слѣдующій: въ четырехъ мѣстахъ Илиады и Одиссеи употребляется выраженіе *τῆλόθεν ἐξ ἀπίης γαίης*. Древніе толкователи сомнѣвались, слѣдуетъ ли понимать *ἀπίη* въ смыслѣ имени собственнаго или

нарицательного. Въ языкѣ историческаго вѣка такого нарицательнаго имени не имѣлось, поэтому въ 'Απὶη признавали имя собственное, „древнее имя“ Пелопонниса. Новѣйшіе толкователи, наоборотъ, въ словѣ ἄπιος усматриваютъ древнее имя нарицательное, имя прилагательное, производное отъ предлога ἀπό, какъ ἄντιος произведено отъ ἀντί. Если перевести εἰς ἀπὶος γαίης „изъ дальней страны“, то Пелопоннисъ древнихъ авторовъ сразу превратится въ какую-то совершенно неопредѣленную мѣстность. Современное толкованіе основано на томъ вѣрномъ соображеніи, что въ старинномъ эпическомъ говорѣ не мало такихъ словъ, какихъ уже не было въ словарѣ послѣдующихъ литературныхъ періодовъ. Пѣтъ Иліады и Одиссея на нѣсколько столѣтій былъ древнѣе всѣхъ другихъ греческихъ писателей, а онъ самъ уже, безъ сомнѣнія, унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ множество употребительныхъ съ давнихъ временъ поэтическихъ оборотовъ.

Много словъ эпическихъ, непонятныхъ по причинѣ старины, такъ называемыхъ γλῶσσαι, объяснено только въ новѣйшее время, благодаря успѣхамъ современной лингвистики. Къ такимъ же остаткамъ старины, по всей вѣроятности, можно причислить также не мало словъ, которыми искони обозначались мѣста дѣйствія извѣстныхъ мифическихъ событій. Вопросъ о толкованіи мѣстности ἀπὶη γαίη, въ своемъ родѣ типиченъ и для другихъ мифологическихъ странъ, острововъ и т. п. Въ виду того, что всѣ имена собственные до извѣстнаго времени еще были нарицательными, опредѣленіе между тѣми и другими. твердой границы становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ древнѣе преданіе. Мифологическое преданіе грековъ доходитъ до очень древнихъ временъ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ основѣ многихъ сказаній лежитъ еще ясное пониманіе старинныхъ именъ боговъ и героевъ. Между тѣмъ значеніе этихъ именъ вполне затемнено и забыто уже въ ранній періодъ развитія греческаго языка. То-же самое замѣчается и въ отношеніи именъ мифическихъ мѣстностей. Большинство географическихъ именъ, не считая конечно тѣхъ, которыя произведены отъ другихъ именъ собственныхъ, допускало или допускаетъ два толкованія: одно дословное, относящееся къ цѣлому роду одинаковыхъ мѣстъ, и другое присвоенное опредѣленнымъ мѣстамъ, выдѣленнымъ изъ своего рода. Имена, напримѣръ, Новгородъ, Νηϊρος, Вург и др. могли примѣняться къ каждому новому городу, матеріку, замку. Въ спеціальномъ же примѣненіи, въ качествѣ именъ собственныхъ, они относятся только къ извѣстному новому

городу, материку, замку. Въ указанныхъ примѣрахъ путаницы отъ двоякаго смысла не можетъ произойти потому, что въ языкѣ еще живо чувствуется разница употребленія. У большей части древнихъ именъ осталось только одна примѣняемость къ одному или немногимъ мѣстамъ, вслѣдствіе того, что общее значеніе ихъ пришло въ полное забвеніе. Въ такихъ старинныхъ преданіяхъ, каково мифологическое творчество грековъ, легко могло случиться, что мнимое имя собственное еще употреблено въ болѣе широкомъ дословномъ смыслѣ, то-есть, въ значеніи имени нарицательнаго. При постепенной передачѣ сказаній это должно было служить источникомъ многихъ недоразумѣній и перетолкованій. Сравненіе индоевропейскихъ языковъ, при помощи которыхъ до извѣстной степени дополняются наши свѣдѣнія о доисторическомъ словарѣ греческаго языка, содѣйствуетъ и тутъ распутыванію. Укажемъ только на нѣсколько примѣровъ. Не мало мнѣошь, какъ всѣмъ извѣстно, имѣть мѣстомъ дѣйствія Крѣтъ, то-есть, по общему толкованію древнихъ, островъ Критъ. Слово κρήτη, безъ сомнѣнія, древнее причастіе отъ глагольной основы κερ-(κεῖρω) отрѣзать. Подъ Крѣтъ, то-есть, κρήτη специально понимали извѣстную страну, моремъ отрѣзанную отъ Эллады. Но κρήτη κρήνη, secreta tegga, могла называться и любая страна, отрѣзанная или отлученная отъ остальнаго міра. Царемъ Крита въ мифахъ является Минось, онъ-же властвуетъ надъ усопшими, въ царствѣ смерти. Судя по имени, онъ просто alter ego Плутона, такъ какъ Πλοῦτων (умножитель) κατ' ἐξέφρασιν то же самое, что Μίνω (уменьшитель, minuens, ср. μινός, μινόςω, μίνονθα, μείων). Также и имя царицы Крита Πασίφαια близко подходитъ къ имени царицы страны мертвыхъ Περсеφάσσα. Увозъ Европы (темной?) въ Крѣтъ очень напоминаетъ собою увозъ Персефоны въ подземное царство. Двусмысленность выраженія Κρήτη довольно ясна; она наводитъ на мысль, что подъ странюю отрѣзанной, отлученной въ мифахъ, собственно, разумѣлась между прочимъ страна усопшихъ, мѣсто которой потомъ заступилъ островъ Критъ. Въ Одиссеѣ (с 404) упомянута страна Ὀρτυγία, гдѣ солнце совершаетъ свои повороты (ὅθι τροπαὶ ἡλίου). Ортигія было однимъ изъ поэтическихъ названій Дилоса, но Ортигія Гомера, лежащая на краю міра, понятно, не подходитъ къ этому близкому острову. Выручить изъ затрудненія насъ можетъ только разборъ имени. Слово ὄρτος, санскритское vartukas, производится отъ индоевропейской глагольной основы vert—„вертѣть, вертѣться“. По одному поэтическому преданію, островъ Дилосъ когда-то кружился въ морѣ, почему и названъ былъ Ὀρτυγία, странюю круженія. Ясно что та-

кой-же смысл подходит и къ 'Ορτογῆ, гдѣ совершаются повороты солнца. При разборѣ значенія оказывается, что и въ этомъ случаѣ одно и то же имя относилось то къ опредѣленному острову, то къ совершенно неопредѣленной, воображаемой мѣстности. По эпическимъ сказаніямъ Ахиллѣ спрятался на островъ Скиросъ (Σκῆρος), туда-же спасся и другой герой, Одисей. Въ Аеянахъ судъ надъ человекомъ, спрятавшемся отъ правосудія, зывался ἐν Σκῆρφ δίκη. Троякая роль Скироса какъ мѣста, куда прятались, вѣроятно объясняется общимъ смысломъ слова σκῆρος. Изъ данныхъ сравненія языковъ оказывается, что самое слово это обозначало мѣсто, куда скрываются, „защита, убѣжище“ ¹⁾. Острову Σκῆρος дано это названіе, вѣроятно, потому, что онъ долгое время, до пятого столѣтія, служилъ убѣжищемъ для морскихъ разбойниковъ. Намъ думается, что эпическое σκῆρος еще имѣло значеніе имени нарицательнаго, не собственнаго, а аеяняне съ Кимонѣмъ, отыскавъ на островѣ Скиросѣ останки Одисея, сдѣлались жертвой одного простительнаго недоразумѣнія. Увеличить число примѣровъ было бы не трудно. Приведенныхъ однако, смѣемъ думать, достаточно будетъ для разъясненія нашей мысли, что въ именахъ мѣстностей мѣстностей нерѣдко переживало первоначальное значеніе нарицательнаго имени. Правильное объясненіе значенія—дѣло этимологіи, а поэтому полагаемъ, что какъ здѣсь, такъ и во множествѣ подобнаго рода вопросовъ примѣненіе къ дѣлу этимологій именъ должно оказаться важнымъ подспорьемъ для рѣшенія проблемъ древнѣйшей исторіи Греціи и Рима ²⁾.

¹⁾ Фикъ I 566: sçevo, покрывать, скр. sku skunati: покрывать, гр. σκῆρος, ἐπισκῆνιον, лат. scutum scutra obscurus, нѣм. Schauer Scheuer, Scheune.

²⁾ Пользуясь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ въ свою защиту. Страніе мое привлечь къ критическому изученію древнѣйшей исторіи между прочимъ и данными этимологій именъ собственныхъ встрѣтило неодобрительный отзывъ со стороны моего почтеннаго рецензента, профессора Ю. А. Кулаковскаго (Филолог. Обзор. III. Обзоръ книгъ стр. 90). Отиѣчая у меня какое-то пристрастіе къ этимологіямъ и этимологизаціи (?), которое врядъ ли можетъ снискать мнѣ сочувствіе въ рядахъ филологовъ и историковъ, онъ жалѣетъ, что я не вынулъ доброжелательному совѣту другаго рецензента, профессора Зѣлинскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1888 годъ). Въ первомъ плуу новаго для меня дѣла, девять лѣтъ тому назадъ, я выпустилъ рядъ совершенно неудовлетворительныхъ и неудачныхъ этимологическихъ догадокъ, строгое осужденіе которыхъ со стороны профессора Зѣлинскаго и другихъ рецензентовъ и нахожу болѣе чѣмъ справедливымъ. Несправедливо и неумѣстно за то, мнѣ вѣжется, примѣненіе мною этимологическихъ данныхъ приписывать какому-

Мы остановились на воображаемомъ царствѣ Эакидовъ, состоящемъ у Гомера изъ Фтіи и Эллады. Фтія въ каталогѣ кораблей приблизительно равняется одной части Фтіотиды историческаго времени, положеніе же Эллады нигдѣ ближе не указано, а въ историческій пе-

то суетному пристрастію. Г. Зѣлинскій, критикуя предложенныя мною отвѣты, не входитъ въ провѣрку формулировки поставленныхъ мною-же вопросовъ. Вѣрнѣйшимъ признакомъ чужаго происхожденія восточныхъ божествъ, принятыхъ въ греческую и римскую религіи, служатъ ихъ иностранныя имена. Такъ, если задаться вопросомъ, иностраннаго ли происхожденія Афродита, Киниръ, Іакинвъ и др., то какъ-же упустить изъ виду одинъ изъ важнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ критеріевъ, этимологическое опредѣленіе именъ? Убѣжденіе, что большая часть греческихъ острововъ и береговъ въ доисторическія времена была населена финикіанцами, прямо основано на производствѣ немалого числа географическихъ именъ отъ семитскихъ корней словъ. Мыслима ли провѣрка теоріи о финикійскихъ колоніяхъ, не прибѣгая къ этимологіямъ этихъ-же именъ? Г. Кулаковскій ошибается, воображая, что заниматься или не заниматься именами собственными, въ связи съ вопросами древнѣйшей исторіи, можетъ зависетьъ отъ чьего либо добраго желанія или доброжелательныхъ совѣтовъ. Если эти занятія ставятся необходимымъ требованіемъ методики и если отъ нихъ можно ожидать пользы для рѣшенія темныхъ вопросовъ, то, по нашему мнѣнію, и необходимо заниматься ими, все равно, удобно ли или неудобно это для историковъ и филологовъ, въ настоящее время, правда, обыкновенно не занимающихся и не интересующихся именами собственными. Если я въ послѣднихъ своихъ трудахъ не только не избѣгалъ, но даже искалъ такихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ необходимъ этимологическій разборъ именъ собственныхъ, то это кажущееся пристрастіе оправдывается господствующимъ невниманіемъ. Непривычка брать во вниманіе имена собственные въ глазахъ многихъ филологовъ, а также, думаю, моихъ почтенныхъ рецензентовъ чуть-ли не превратилась въ какое-то законное право, защищать которое считается обязанностью истиннаго классика. По словамъ г. Зѣлинскаго, правда, имена собственные составляютъ богатѣйшую сокровищницу драгоцѣнныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію только влючъ къ ней потеряны. Поэтому онъ и совѣтуетъ не думать объ открываніи ея. Внимать такому совѣту невозможно уже въ интересахъ науки, да и простой логики. Коли есть богатая сокровищница, влючъ которой затерянъ, разумно, по моему, всѣми силами отыскивать его, а не успокаиваться, ничего для этого не сдѣлавъ. Приговоръ г. Зѣлинскаго былъ бы вѣрнѣе, еслибъ формулировать его такъ: влючъ потерянъ для филологовъ, разъ навсегда рѣшившихъ не выходить за предѣлы своей спеціальной науки. Для этого необходимо игнорировать результаты сравненія индоевропейскихъ языковъ, благодаря которымъ на самомъ дѣлѣ освѣтилось уже не мало тѣхъ старинныхъ доисторическихъ словъ, изъ которыхъ составляется словарь греческихъ и латинскихъ именъ собственныхъ. Болѣе разносторонніе изъ филологовъ-классиковъ поэтому и уповаютъ на услуги языковѣдовъ и готовы вполне предоставить имъ толкованіе именъ собственныхъ. Добрая надежда едва-ли сбудется. Для успѣшнаго веденія дѣла необходимо не только умѣнье справляться съ формальной стороною именъ, но и съ такъ называемою

родъ не осталось никакого слѣда ея. Мы не отвергаемъ возможности прежняго ея существованія, хотя съ другой стороны и нельзя отрицать, что существованіе это за собою не имѣетъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ, кромѣ названнаго памятника мифологическаго творчества.

вещественной. Отъ языковѣдовъ, на попеченіи которыхъ лежитъ формальное изученіе такого множества языковъ и которые—особенно въ нынѣшнее время—долго заняты самыми сложными грамматическими вопросами, едва ли можно ожидать необходимаго углубленія въ спеціальныя тайны классическихъ древностей. Если гора не хочетъ придти къ Магомету, то Магометъ пусть подойдетъ къ горѣ. Классической филологіи, какъ наиболѣе заинтересованной части, надлежитъ заботиться о сближеніи двухъ наукъ. Результаты индоевропейской лингвистики доступны всякому въ прекрасныхъ руководствахъ и спеціальныхъ журналахъ. При такихъ пособіяхъ дана всякому возможность ориентироваться и выбирать столько свѣдѣній, сколько требуется. Одно высокомѣріе завятаго спеціалиста можетъ требовать полнаго знанія всѣхъ языковъ и языковѣднѣй. Полное обладаніе двумя спеціальными науками нынѣ стало невозможнымъ; тѣмъ не менѣе истина, что самые плодотворные результаты получаются отъ комбинаціи нѣсколькихъ наукъ, не потеряла еще своей силы. Также и не слѣдуетъ увертываться отъ необходимаго дѣла подъ предлогомъ возможности ошибокъ. Ошибки не только возможны, но въ извѣстныхъ предѣлахъ неизбежны во всякомъ умственномъ трудѣ. При томъ, къ счастью, многія изъ нихъ поправимы. Мои погрѣшности между тѣмъ окончательно убѣдили г. Зѣлинскаго—если оставалось еще въ чемъ убѣждать—въ пустотѣ всякаго этимологическаго мудрствованія, которое мнѣ я советую бросить. Изъ ошибочности отнѣстись однако, какъ мы уже говорили, не слѣдуетъ и невѣрность вопросовъ, которыхъ рецензентъ не коснулся, хотя на нихъ-то я и настаиваю. Вся бѣда легко поправима. Будь советъ г. Зѣлинскаго такой: слѣдуетъ лучше познакомиться съ данными языковѣднѣй, напрактиковаться въ трудномъ дѣлѣ этимологическаго угадыванія и затѣмъ замѣнить неудачныя этимологіи лучшими, то такой советъ былъ-бы и логичнѣе, и цѣлесообразнѣе, а наконецъ и „доброжелательнѣе“ по отношенію къ наукѣ. Пусть г. Кулаковскій проститъ меня, что я послѣдовалъ именно послѣднему совету. Опытъ убѣдилъ меня не только въ возможности, но и въ необходимости помощи этимологіи именъ для рѣшенія многихъ вопросовъ древнѣйшей исторіи и тѣсно связанной съ нею мифологіи. Имена собственные и ихъ толкованіе въ древней поэзіи и наукѣ сдѣлались правымъ источникомъ громадной массы вымышленныхъ разказовъ. Каждая малѣйшая попытка критическаго разобратъ въ этой путаницѣ необходимо поведетъ къ сугубой путаницѣ, если критикъ не въ состояніи себѣ дать яснаго ответа объ этой области научнаго или полунучнаго творчества. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что громадное большинство именъ божествъ, героевъ, а также народовъ, племенъ, областей, городовъ и т. д. не пустыя слова, но даны съ цѣлью мѣтко обрисовать основныя качества предметовъ. Наша научная цѣль—добратся до первоначальнаго облика, до основныхъ понятій. Ясно, что имена не только могутъ, но и должны намъ служить руководствомъ для достиженія этой цѣли. Возможно имъ исторіку, серьезно относящемуся къ своему дѣлу, судить, напримѣръ, объ историческомъ

Какъ самъ Ахиллъ. такъ и предки его,—чисто мифическія, воображаемыя личности. Это одинъ изъ вѣрнѣйшихъ результатовъ сравнительной мифологіи. Изъ того, что выдуманы цари, конечно еще не слѣдуетъ, чтобъ непременно было выдумано ихъ царство. Героямъ доставались царства по разнымъ соображеніямъ. Или они годились быть эпонимами какой-то мѣстности. надъ которой-де когда-то царствовали; или они считались родоначальниками какого-то царскаго дома или другаго знатнаго рода; или они въ какой-то мѣстности пользовались религіознымъ поклоненіемъ, показывались тамъ могилы ихъ или другіе памятники мнимаго ихъ прежняго пребыванія и царствованія; или же наконецъ локализациа ихъ въ извѣстной мѣстности совершилась путемъ приурочиванія мифическаго жилища къ дѣйствительной географіи. Въ Фессаліи ни одно географическое имя не напоминало собою именъ кого-либо изъ Эакидовъ. Родоначальниками они не признавались ни однимъ изъ знатныхъ фессалійскихъ родовъ, на сколько мы знаемъ, они признавались таковыми только въ царской династіи эпирскихъ молоссовъ. Религіознымъ почитаніемъ Ахиллъ пользовался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пелопоннуса, въ Лаконіи, Элидѣ, затѣмъ въ Іоніи и въ области іонійскихъ колоній Чернаго моря, но ни во Фтіотидѣ, ни вообще въ Фессаліи ¹⁾). Фантастическій разказъ въ романѣ Фило-

значенія пелазговъ, лелеговъ, кавконовъ, мнѣевъ, аттическихъ и дорійскихъ филъ или Кадма, Фисея, Иракла, или римскихъ царей, не обращая должнаго вниманія на ихъ имена, столь знаменательныя и содержащія въ себѣ ихъ истинное значеніе? Помощь этимологіи именъ въ томъ и другомъ случаѣ, для критики псевдо-историческаго вымысла и для опредѣленія перваго значенія, одинаково необходима. Не скрываю своего убѣжденія, что господствующее невниманіе къ этимологіи именъ одна изъ причинъ, почему изученіе мифологіи и древнѣйшей исторіи не подвигается впередъ, представляя изъ себя въ большинствѣ случаевъ одно переливаніе изъ пустого въ порожнее. Смѣло берусь доказать, что и тѣ работы, которыя подвинули впередъ науку—не исключая и эту мою—ученыхъ речензентовъ—много выиграли бы, еслибъ въ нихъ разборъ именъ отведено было болѣе видное мѣсто. Я могу только настоятельно совѣтовать всякому, отягчающемуся отправиться въ дебри древнѣйшей исторіи Эллады и Рима, во время заплести столь важнымъ орудіемъ, какъ то, о которомъ я говорю.

¹⁾ Недалеко отъ Фарсала, слѣдс. вѣроятно не во Фтіотидѣ, а въ Фессаліидѣ, лежалъ городокъ Фетидеонъ. Онъ могъ бы служить свидѣтельствомъ о мѣстномъ культѣ, если и не самого Ахилла, то по крайней мѣрѣ его матеря, еслибъ предположить, по примѣру Бурзіана (Geographie v. Griechenland I стр. 75), неоспоримымъ фактомъ, что селеніе это образовалось изъ святилища Фетиды. Древніе авторы изощряются въ разныхъ легендахъ, имѣющихъ дѣлю связать имя Фетидеонъ съ Фетидою. Или Іоніей поселился съ Фетидою въ Фарсалѣ (Ферикидъ fr. 16)

страта не может считаться достовернымъ свидѣтельствомъ о поклоненіи еессалійцевъ Ахиллу. Выходить такимъ образомъ, что помѣщеніе царства Эакидовъ во Фтіотидѣ, по всей вѣроятности, было дѣломъ поэтической локализации. Неувѣренность поэтовъ въ томъ, куда помѣстить мирмидонское царство видна между прочимъ и изъ того, что по другому преданію оно находилось на островѣ Эгинѣ. Сливая потомъ оба преданія въ одно, рассказывали, что Пилей съ мирмидонами бѣжалъ изъ Эгины въ Фтіотиду. Что могло побудить поэтовъ, отвести Эакидамъ именно Фтіотиду, объ этомъ догадаться довольно трудно. Мы полагаемъ, что это случилось по одинаковой причинѣ, по которой и Критъ сдѣлался царствомъ Миноса, то-есть вслѣдствіе перехода именъ Фѳіη и 'Ελλάς изъ нарицательныхъ въ собственные и приуроченія первой къ Θεσσαλίσкой Фтіотидѣ. Постараемся привести нѣсколько доводовъ, какъ намъ кажется, говорящихъ въ пользу такого рѣшенія, надѣясь, что при этомъ прольется отчасти свѣтъ и на основное значеніе Эллады.

Мы выше замѣтили, что, за исключеніемъ собственно только одного мѣста (II 595), у Гомера Эллада постоянно упоминается въ связи со Фтіею. Повтореніе словъ ἂν 'Ελλάδα τε Φθίην τε производить впечатлѣніе твердо установившейся формулы. Сочетаніе Эллады со Фтіею живо напоминаетъ подобное же соединеніе ея въ одну формулу съ Аргосомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Одиссеи.оборотъ καὶ 'Ελλάδα καὶ μέσσω "Αργοςъ повторяется въ четырехъ стихахъ Одиссеи, изъ которыхъ два (δ 726, 816) обыкновенно выкидываются издателями. Остается стихъ α 344, гдѣ Пинелопя, восхваляя своего мужа, называетъ его мужемъ, который „славою своею преисполнилъ Элладу и посреди лежащій Аргосъ“, τοὺ κλέος εὐρὺ καὶ 'Ελλάδα καὶ

или богиня была тамъ въ то время, когда лечилась отъ раны, полученной отъ Ифеста (Филархъ fr. 82), или же Ахиллъ наименовалъ городокъ въ честь матери (Стравонъ IX стр. 431). Ничто изъ нихъ не указываетъ на существованіе въ городѣ святилища Фетиды (Θετίδαιον), которое всего проще объясняло бы имя его. Вопросъ, имѣлось ли тамъ святилище Фетиды, поэтому остается открытымъ, хотя молчаніе авторовъ можно считать скорѣе отрицательнымъ показаніемъ. Если упомянутый у Стефана Византійскаго еессалійскій городъ Θετίδαιον, который по его свидѣтельству у Эллианъ назывался Θεστίδαιον, совпадаетъ съ фарсальскимъ Θεστίδαιον, то имя его, вѣроятно, не имѣло никакого отношенія къ имени богини. Формы Θεστίδαιον и Θετ(τ)ίδαιον объяснялись бы подобной ассимиляціею, какъ и ἑττία ἑττω ἑττασαν 'Αφραττοςъ и т. п. вѣсто ἑστίαν ἑττω ἑττασαν 'Αφραττοςъ (см. Г. Мейера Griech. Grammatik § 269). Θεστίδαιον сближается съ Θεστιάς въ Этоліи. а вѣроятно также съ Θεσπία въ Віотіи и Θεσπεια въ Θεσσαλίи.

ῥέσων "Αργός. Въ другой связи оборотъ повторенъ о 80. Тилемахъ торопится домой и просить Менелая отпустить его. Царь отвѣчаетъ, что задержать гостя было бы нескромно, и просить подождать только немного, чтобъ онъ успѣлъ въ колесницу Тилемаха уложить подарки и гостей, ѣдущихъ въ дальнюю землю (ἐπ' ἀπειρώνα γαίαν), угостить сытнымъ завтракомъ. Если же Тилемахъ еще пожелаетъ прогуляться по Элладѣ и посреди лежащему Аргосу, онъ согласенъ быть его проводникомъ по городамъ людей. Никто тогда не откажетъ имъ въ угощеніи и въ подаркахъ. При объясненіи этихъ двухъ мѣстъ до сихъ поръ безъ исключенія отправлялись отъ обычнаго пониманія словъ Ἑλλάς и "Αργός какъ именъ собственныхъ въ позднѣйшемъ значеніи. Такое толкованіе однако встрѣчаетъ большія затрудненія. Ни въ одномъ мѣстѣ у Гомера Эллада не равняется Греціи. Единственная Эллада, извѣстная ему — вессалійская, но о ней здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи. Пинелопѣ не къ чему бы гордиться, что славою Одиссея преисполнена именно часть южной Тессаліи. Со стороны же Менелая было бы престранно торопящемуся домой въ долгій путь гостю предложить прогулку вдвое дальше, до границъ Тессаліи. Не менѣе трудно объясненіе „въ срединѣ лежащаго Аргоса“. Кто въ немъ видитъ извѣстный пелопоннискій городъ или область Арголиду, тому и надлежитъ объяснить во всякомъ случаѣ странное прозвище ῥέσων. Обыкновенно полагаютъ, что Аргосъ величается среднимъ потому, что онъ во времена оны былъ политическимъ центромъ всей Греціи, при чемъ въ видѣ доказательства ссылаются на то, что у Гомера подъ Аргосомъ и аргосцами часто понимается вся Греція и всѣ греки. Но послѣдній фактъ, самъ по себѣ очень загадочный, можетъ быть объясняемъ и иначе, не только мнимымъ преобладаніемъ Аргоса. Гипотеза, что греки названы аргосцами а πότιογε, — въ родѣ того, какъ у французовъ часто всѣ германцы именуются пруссаками, — сама по себѣ, очень невѣроятна. Она не находитъ себѣ ни одной аналогіи на протяженіи всей греческой исторіи, а кромѣ того свидѣтельство одного поэтическаго преданія не можетъ считаться особенно прочной опорой. Очень можетъ быть, что поэтическое распространеніе имени Аргоса на всю европейскую Грецію ничто иное, какъ полуученый выводъ поэтовъ, извлеченный изъ термина Ἀργεῖοι, которымъ искони обозначались участники похода на Трою. Благодаря распространенію этого участія на всѣ племена Греціи, Ἀργεῖοι, аргосцами сдѣлались и всѣ греки, а со-гноузъ съ этимъ вся Греція — Аргосомъ. Понимать ῥέσων "Αργός въ смыслѣ

пелопонисскаго Аргоса, составлявшаго центръ Эллады, невозможно и потому, что это опять принуждало бы насъ, вопреки результатамъ критики, въ Элладѣ признать Грецію. Другая возможность та, что мѣсовъ Ἄργοςъ вся Греція. Тогда подъ Элладою необходимо было бы понимать какую-то страну внѣ предѣловъ Греціи, населенную однако греками. какова напримѣръ, Малая Азія. Но и это объясненіе, подходящее къ словамъ Пинелопы, почти невозможно по отношенію къ словамъ Менелая. Немыслимо же, чтобы Менелай заторопившагося домою гостя могъ пригласить прогуляться съ нимъ не только по всей Греціи, но даже и по сосѣднимъ частямъ міра. Очевидно, Эллада и Аргосъ Менелая Тилемаху приблизительно по пути. Предложеніе Менелая, судя по связи разказа, одно изъ выраженій вѣжливости, принятыхъ въ отношеніи къ отъѣзжающимъ гостямъ. Самъ царь своего гостя угостилъ и одарилъ, нужно чтобы и обыватели Аргоса и Эллады его угостили и одарили. При чемъ однако, спрашивается, тутъ сопровожденіе царя? Еслибъ Менелай рассчитывалъ для Тилемаха на простое гостепріимство, то Тилемахъ могъ бы гостить въ городахъ и безъ него. Безъ сомнѣнія, присутствіе царя должно было поощрить щедрость обывателей. Но въ чужихъ царствахъ Менелай оказался бы такимъ же частнымъ лицомъ, какъ и Тилемахъ. Другое дѣло въ царствѣ Менелая. Въ вѣкъ Гомера всѣ подданные обязаны своимъ царямъ какъ платить правильные налоги, такъ и, въ видѣ вольной повинности, приносить дары. Цари для собиранія этихъ даровъ отъѣзжали свои царства. Когда они ѣздили въ сопровожденіи какого-нибудь царскаго гостя, подданные, вѣроятно, не смѣли отказываться подносить дары также и гостю. Если, хотя только на минуту, забыть о всѣхъ Элладахъ и Аргосахъ, то, казалось бы, предлагаемый Менелаемъ отъѣздъ, объяснился бы самымъ простымъ и непринужденнымъ образомъ такъ, что отъѣздъ этотъ относится къ собственному государству спартанскаго царя. Такъ какъ Спарта не Аргосъ или Эллада, мы считаемъ единственнымъ средствомъ спасенія изъ всей этой путаницы—слова ἑλλάς; и Ἄργοςъ понимать не въ смыслѣ именъ собственныхъ. Мы полагаемъ, что въ поговоркѣ καὶ ἑλλάδα καὶ μέσος Ἄργοςъ еще переживало первоначальное значеніе словъ какъ именъ нарицательныхъ. Какъ поговорка эти слова могутъ быть поняты и въ устахъ Пинелопы. Слова Менелая могутъ быть поняты въ общемъ смыслѣ, по всѣмъ частямъ страны, „государства“. а такой-же смыслъ приблизительно подойдетъ и къ словамъ Пинелопы: слава Одиссея распространена по всей странѣ, по всему міру. Обобщеніе это въ нѣкоторомъ родѣ напоминаетъ со-

временныя выраженія, какъ напримѣръ, „по селамъ, городамъ“ въ смыслѣ „по всему міру, вездѣ, повсюду“. Какъ изъ селъ и городовъ состоитъ вся страна, а наконецъ и весь міръ, такъ же терминами ἄγρος и ἄλλας, вѣроятно, исчерпывалась понятіе древне-греческой страны. Эпитетъ μέσος при этомъ показываетъ, что подъ ἄγρος понимали средину, центръ страны или государства, а подъ ἄλλας, слѣдовательно, окружающую землю, окраины. Припомнимъ, что имя Ἑλλήνας, какъ мы видѣли, дѣйствительно появилось ранѣе на окраинахъ греческаго міра, чѣмъ въ центрѣ. То, что замѣчается на всемъ пространствѣ, населенномъ греками, повторялось, по нашему предположенію, и въ отдѣльных государствахъ Греціи, именно дѣленіе страны на ἄλλας, вокругъ лежащую, и ἄγρος, въ срединѣ. Въ номенклатурѣ греческихъ областей и ихъ политическихъ учреждений сохранились еще нѣкоторые слѣды старинной терминологіи. Въ сѣверо-восточномъ Пелопоннيسѣ было государство, состоявшее изъ владѣній господствующей общины Ἄργος и окружающихъ (περίοικοι) подвластныхъ союзныхъ городовъ. Но и въ сѣверо-западномъ углу Греціи находилась область ἡ Ἀμφιλοχία, то-есть, „вокругъ лежащая“, центромъ которой былъ городъ Аргось, въ отличіе отъ другихъ названный Ἄργος Ἀμφιλοχικόν.

Типъ государственнаго устройства пелопоннесскаго Аргоса повторялся и въ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Фессаліи. Спартѣ и Элидѣ. Въ двухъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ должность судьи эллиновъ (ἐλλανοδίαις). Кто эти эллины, споры которыхъ они разбирали, намъ неизвѣстно, но едва-ли власть того или другаго судьи въ старину простиралась за границы своего государства. Вѣроятно, эти Ἑλλήνας принадлежали къ населенію какъ спартанскаго, такъ и элидскаго государства ¹⁾.

Спартанскій ἐλλανοδίαις времени Ксенофонта исполнялъ всѣ су-

¹⁾ Къ компетенціи элидскихъ элланодиовъ кромѣ олимпійскихъ игръ принадлежали еще другія судебныя рѣшенія, см. Pauly Real-Encyclopädie III стр. 1120 и надписи I. G. A. 112, гдѣ на элланодика возлагается изысканіе денежнаго штрафа. Впрочемъ, и то возможно, что участвовавшіе въ олимпійскихъ празднествахъ сосѣднія государства — Ахей служили общей между ними границей (Из. S 711 сл.) — первоначально между собою составляли союзъ, въ родѣ дельфійской амфиктіоніи, цѣль котораго заключалась въ заведываніи общимъ празднествомъ. Официальное названіе союзниковъ такъ же могло быть Ἑλλήνας, какъ и двѣнадцати государствъ дельфійской амфиктіоніи. Впослѣдствіи эллины одни захватили въ свои руки союзное дѣло, администрацію игръ.

дебныя обязанности царей во время походовъ. Въ прежнія времена, когда сами цари судили, онъ, вѣроятно, служилъ помощникомъ ихъ, замѣняя ихъ въ известной части правосудія, а именно въ дѣлахъ эллиновъ, опредѣленной части жителей государства. Старое, болѣе узкое значеніе термина *Ἕλληνας* всего лучше видно изъ того факта, что совѣтъ дельфійскихъ амфиктионовъ издревле носилъ названіе *τὸ συνέδριον τῶν Ἑλλήνων*. Этотъ союзъ всеэллинское значеніе получилъ только въ позднія времена. Образовался онъ изъ маленькихъ народцевъ, жившихъ вокругъ дельфійскаго святилища, составлявшихъ конечно только незначительную частицу всего греческаго народа. Это соображеніе должно было вызывать естественный вопросъ, почему амфиктионы специально могли себя называть эллинами. По примѣру другихъ ученыхъ, Гольмъ (*Griech. Gesch.* I стр. 270 сл.) объясняетъ это тѣмъ, что къ союзу принадлежали жители фтіотійской Эллады, упомянутой въ Иліадѣ. При этомъ онъ предполагаетъ, что дельфійскій союзъ служилъ первымъ очагомъ распространенія имени эллины на всю Грецію. Согласиться съ объясненіемъ Гольма и его предшественниковъ мы считаемъ невозможнымъ. Союзъ амфиктионовъ всегда держался полного равенства всѣхъ участниковъ. Чѣмъ же объяснить перевѣсъ одного изъ нихъ, эссалийскихъ эллиновъ, дошедшій будто-бы даже до того, что и всѣ другіе участники почувствовали потребность именовать себя эллинами? Двойное наименованіе *τὸ συνέδριον τῶν Ἑλλήνων* и *τῶν Ἀμφικτιόνων* объясняется, думаемъ, просто тѣмъ, что слово *Ἕλληνας* относительно значенія своего прежде не отличалось отъ понятій *ἀμφικτιόνας* и *περίοικοι*. Достоинно вниманія, что и Селлы (*Σελλοί* или *Ἑλλοί*) въ классическомъ о нихъ показаніи Гомера (II 233 *ἀμφὶ δὲ Σελλοί σσι ναίουσι*) прямо названы людьми, обитающими вокругъ додонскаго святилища. О возможности другаго объясненія именъ Додоны, *Ἑλλά* (оттуда *Ἑλλοί?*) или *Ἑλλοπίη*, мы будемъ говорить ниже.

Повторимъ вкратцѣ наши положенія. Слово *Ἑλλάς*, по нашему мнѣнію, обозначало страну, окружающую известную средину. Подъ такое общее понятіе мы подводимъ: 1) отмѣченный нами фактъ, что Элладою специально назывались Италия, а вѣроятно также и Сицилія и мало-азіатское побережье, однимъ словомъ важнѣйшія изъ окружающихъ Грецію странъ, заселенныхъ греками; 2) эллинами назывались жители государствъ, окружающихъ дельфійское святилище, такъ называемые „вокругъ живущіе“ (*ἀμφικτιόνας*); 3) Въ Спартѣ и Элидѣ называлась эллинами известная часть населенія, можетъ быть зависи-

мые союзники (περίοικοι), споры которых разбирались отдельным судьей (ἐλλανοδίκας); 4) поговорка καθ' ἑλλάδα καὶ μέσον ἄργος выражала совокупность страны, дѣлившейся на двѣ составныя части. среднюю часть страны (μέσον ἄργος) и окружающую ее окрину (ἐλλάς). Остатки этой типичной номенклатуры мы усматриваемъ въ Аргосѣ, центрѣ такъ называемой 'Αμφιλοχία, то-есть. страны вокругъ лежащей, и въ пелопоннисккомъ Аргосѣ. Последній 'Αργος, какъ извѣстно, составлялъ прямое владѣніе господствующей общины, въ противоположность къ союзнымъ городамъ. Точно также и центры другихъ государствъ, напримѣръ, Θεσσαλίη, Элиды, Спарты, образовались изъ удѣловъ господствующихъ общинъ, вокругъ которыхъ лежали города періиковь. Изъ этой особенности, думаемъ, объясняется и терминъ ἄργος. Мы сближаемъ его съ санскритскимъ глаголомъ аг् *приобрѣтатъ, добывать, наживать*. Не даромъ родоначальниками и первыми царями аргосцевъ считались Φορωναῖος (пользующійся доходами или сборами, отъ φορά, или φόρος, и οὐνίημι) и супруга его Κερδω (приобрѣтающая, наживающая). Древнее, коренное значеніе словъ 'Αργος и 'Αργεῖοι отражалось еще въ поговоркѣ 'Αργεῖοι φῶρες, которая, вѣроятно, совершенно несправедливо отнесена была къ аргосцамъ и послужила даже поводомъ къ глумленію комическихъ поэтовъ надъ страстью аргосцевъ къ присвоенію чужаго добра. Το ἄργος такимъ образомъ значило „приобрѣтеніе, собственность, собственная земля“, въ противоположность къ Элладѣ, находящейся лишь въ зависимости, а не въ полной собственности. Въ другомъ дорійскомъ государствѣ центральный удѣлъ (μέσον ἄργος) звали просто *срединою* (Μεσσήνη). За то имя 'Ηλκ, fālk (отъ осн. fāl—см. ἐάων, ἀλίσκομαι, Искхій: ὑψηλόμενοι κατεχόμενοι) опять вполнѣ совпадаетъ съ ἄργος. Относительно слова Σπάρτα наконецъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія значеніе скр. глагола srag, прич. пр. вр. sprta „тянуть“, „спасать“, но и „добывать, овладѣвать“.

Возвращаемся къ царству Ахилла. Со страной, объѣзжаемой Менелаемъ съ цѣлью собиранія повинныхъ даровъ, оно имѣетъ ту общую черту, что въ немъ, какъ и въ той странѣ, есть не только Эллада, но и Аргосъ. Описаніе царства Ахилла въ каталогѣ кораблей (В 681) начинается словами Νῦν αὖ τοὺς ὅσοι τὸ Πελασγικὸν 'Αργος ἔναον. Въ историческое время на картѣ Греціи ни Аргосъ этотъ, ни Эллада не оказывались. Поэтому даже неизвѣстно было, нужно ли подъ ними разумѣть города или области (см. Страв. IX, 431, 432). Относительно Эллады уже слова δι' Ἑλλάδος εὐρυχόροιο (I 478) не оставляютъ никакого

сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ области. Отъ города Аргоса въ Фессалии никакого слѣда не осталось, но и области такой не было. Поэтому нѣкоторые комментаторы прибѣгали къ тому же выводу, какъ и мы, признавая слово "Αργος именемъ нарицательнымъ и придавая ему, по догадкѣ, значеніе „равнины“ (πεδῖον) (см. Страв. IX, 5, 6 р. 431). На чемъ эта этимологическая конъектура основана, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ намъ не возбраняется замѣнить ее другой, если найдется лучшая. Мы привели нѣсколько доводовъ, говорящихъ въ пользу того, что значеніе слова ἄργος было „приобрѣтеніе, собственность, владѣніе собственное“, въ отличіе отъ зависимой, хотя автономной области періиновъ. На этомъ объясненіи мы остановимся, тѣмъ болѣе что есть полная возможность подвести подъ то же понятіе и слово Φθίη, одинаково противоположное слову Ἑλλάς, какъ и Ἀργος. Извѣстный лингвистъ Коллицъ въ двухъ статьяхъ (American Journal of Philology VIII стр. 214 сл., и Die drei indischen Wurzeln kshi und ihre Verwandten im Griechischen: Bezz. Beitr. 18 стр. 201 сл.) подвергаетъ подробному разбору вопросъ, какія греческія слова соотвѣтствуютъ тремъ созвучнымъ санскритскимъ глаг. основамъ ksh, означающимъ 1) обитать, 2) владѣть, 3) уничтожать. Къ первой онъ относитъ κτίω κτίς κτίσις ἀμφι-κτίνας и пр., къ третьему φθίνω φθίσις и пр., ко второму же kshi владѣть, властвовать, имѣть власть надъ чѣмъ-нибудь, онъ ставитъ ἱ-φθι-μος властный (ср. i-χθός i-κτίνας ἱ-κτίς). Наше слово Φθίη не можетъ быть произведено отъ 1. kshi (обитать) по фонетическимъ причинамъ, о которыхъ см. Коллица (стр. 205 статьи въ Beitr.). Производить бы его отъ φθίνω и пр. (3 kshi) значило бы отказываться отъ всякаго удовлетворительнаго смысла. Сближеніе же съ ἱ-φθι-μος (2. kshi владѣть) вполне уместно какъ со стороны фонетики, такъ и значенія. Оба термина ἄργος, область находящаяся въ собственности царя или общины, и Φθίη, область находящаяся подъ властью, во владѣніи ихъ, почти равнозначущіе. Противоположно тому и другому понятію Ἑλλάς, вокругъ лежащая окраина, зависимая, но автономная. Дѣйствительно, изъ разказа Финника (I 447 сл.) явствуетъ, что въ Элладѣ Ахилла управляли отдѣльные цари, зависимые отъ верховнаго правителя, царя Фтіи. При параллельности двухъ выраженій ἄργος и Φθίη мы полагаемъ, что и пресловутое Πελαγονίδων Ἀργος, висящее, такъ-сказать, между небомъ и землею, вѣроятно, ничто иное, какъ другое названіе Фтіи. Какъ общему названію, ему и отведено первое мѣсто, во главѣ всего перечня областей и городовъ Ахилла. Составитель каталога, который, безъ сомнѣнія,

пользовался разными поэтическими источниками, въ одномъ, можетъ быть, нашелъ одно имя царства Ахилла τὸ Πελασγικὸν Ἄργος, въ другомъ другое, Фтію, и не понявъ тождества ихъ, прицѣпилъ одно къ другому. Почему это Ἄργος названо пелазгическимъ, такой же темный вопросъ, какъ наименованіе додонскаго Зевса пелазгическимъ. Ни то, ни другое, конечно, не можетъ имѣть никакого отношенія къ Пелазгіотидѣ, средней части Θεσσαλίας. Эта область далеко отстояла отъ владѣній Ахилла, а кромѣ того, она въ каталогѣ по частямъ отведена другимъ царямъ. Вопросъ о пелазгахъ, какъ извѣстно, до того запутанъ, уже со временъ Геродота, что мало надежды когда нибудь доискаться до полной истины. Всѣ авторы, однако, согласны въ одномъ, что ессалійская Πελασγικὴ названа потому, что когда-то населена была пелазгами. Такое же простое объясненіе, можетъ быть, подойдетъ и къ пелазгическому Ἄργος. О коренномъ значеніи пелазговъ, или скорѣе объ одномъ изъ значеній этого неоднозначаго слова, есть одно драгоцѣнное показаніе у Стефана Византійскаго (s. v. Χῖος), по всей вѣроятности заимствованное у Аполлодора. Въ немъ показано, что Πελασγοί одно изъ областныхъ названій крѣпостныхъ поселянъ, въ родѣ αἰῶται, πενέται, χλαρῶται и др. Такими крѣпостными или „работниками“ (πενέται) въ самомъ дѣлѣ заселена была вся Пелазгіотида, за исключеніемъ городовъ, въ которыхъ жили властелины-еессалійцы. Подобные порядки, какъ извѣстно, были и въ удѣльныхъ областяхъ доріанъ, въ Спартѣ, Аргосѣ, также иногда называемомъ пелазгическимъ, и др. Царство Ахилла, какъ видно, совершенно уподоблено типу ессалійскихъ государствъ, устроенныхъ на началахъ завоеванія. Трѣмъ раздѣленіямъ населенія (господа, періики, крѣпостные) соотвѣтствуютъ мирмидоны, эллины и пелазги. Существовало ли когда-нибудь такое мирмидонское царство, это очень сомнительно. Фтія Ахилла, очевидно, приспособлена къ Фтіотидѣ, поэтому въ ней и живутъ ахейцы (В 684), позднѣйшіе историческіе обитатели всей Фтіотиды. Тѣмъ не менѣе она, явно, не совпадаетъ съ Фтіотидою, составляя только часть ея. Въ одномъ мѣстѣ Илиады (N 685 сл.) неожиданно подъ именемъ Φθίᾱ, раумѣются подданные не Ахилла, а Протесилая, царя Филакіи, города Фтіотиды. Весь этотъ эпизодъ, по всѣмъ признакамъ, одна изъ аинскихъ интерполяцій. Такое расширеніе Фтіи уже явная уступка дѣйствительной географіи, второй рѣшительный шагъ къ полному приуроченію Фтіи къ Фтіотидѣ. Первымъ шагомъ было помѣщеніе по созвучію неопредѣленнаго „владѣнія“ (φθίῃ) Ахилла въ ахейской Фтіотидѣ. Эллада, служивъ

как будто дополненіемъ Фтіи, вѣроятно раздѣлила судьбу послѣдней и вмѣстѣ съ нею приурочена была къ эссалийской Фтіотидѣ. Рѣшаясь на такое предположеніе, мы, конечно, при скудости нашихъ свѣдѣній о доисторической географіи, не желаемъ рѣшительно отрицать возможности существованія въ тѣ времена такой области въ сосѣдствѣ или пнутри границъ Фтіотиды. Была ли или не была такая Эллада, отъ этого не много зависитъ для основнаго вопроса, что собственно понимали подъ терминомъ Эллада.

Пришедши къ заключенію, что въ болѣе тѣсномъ смыслѣ 'Ελλάς приближалась къ понятію „вокругъ лежащая страна, окраина“, мы обязаны провѣрить это объясненіе данными лингвистики. Этимологія словъ 'Ελλάς и 'Ελληνες уже не разъ возбуждала интересъ ученыхъ филологовъ. Изъ литературы послѣднихъ десятилѣтій до нашего свѣдѣнія дошли три попытки этимологическаго производства. Бергкъ 'Ελλάς уподобилъ лаконскому областному выраженію ἄλλά, *сидные*, *sella*. 'Ελληνες онъ перевелъ die Sesshaften (осѣдые). Вторую этимологію предложилъ Г. Курциусъ, сблизивъ 'Ελληνες съ корнемъ svel *гореть*, *святить*, откуда производится и ἑλας, *селѣνη*, ἑλάνη (факель). Въ результатъ получилось бы довольно хвастливое названіе грековъ „свѣтлѣйшими“, illustres. Новѣйшимъ, совершенно оригинальнымъ объясненіемъ мы обязаны Вилламовицу-Меллендорфу (Euripides Herakles I стр. 258 сл.). Увлечшись, кажется, сходствомъ именъ ἑλλοί 'Ελλοί 'Ελλοπίη со словами ἄλλος ἄλλος, *нѣмой* (ср. ἀλλήλῃσι φελλίζειν, *заикаться*), онъ призналъ возможнымъ отсюда выводить и имя 'Ελληνες. Сѣверныя племена, между ними и доріане, нападавшія на среднюю и южную Грецію, старыхъ жителей, предковъ эолійцевъ и іонянъ, называли 'Ελληνες, *заиками*, *нѣмыми*, вслѣдствіи затрудненія для послѣднихъ правильно выражаться на нарѣчій вновъ пришедшаго племени. Авторъ самъ къ своей догадкѣ прибавилъ слѣдующую оговорку: „странно, конечно, что эллины сами именovali себя такимъ словомъ, равняющимся по смыслу слову βάρβαρος (заика) и *нѣмецъ*. какъ славяне зовутъ своихъ германскихъ сосѣдей“. Едва ли нужно что-нибудь прибавить къ этой собственной deductio ad absurdum. Остроумному автору въ голову не пришло провѣрить свою мысль историческою дѣйствительностью. На самомъ дѣлѣ греки, несмотря на всѣ различія нарѣчій, всегда прекрасно понимали другъ друга. Спартанскіе послы въ Афинахъ или афинскіе въ Спартѣ безъ всякаго стѣсненія говорили на своемъ родномъ нарѣчій, не думая лепетать на чужомъ. Въ древнія времена, когда нарѣчій еще гораздо менѣе разошлись, о не-

понятности их и подавно не может быть рѣчи. Мысль Виламовица, что одно греческое племя другому могло показаться нѣмымъ или напоминать ему съ трудомъ лепечущихъ по гречески иностранцевъ, поэтому намъ кажется, дѣйствительно, необыкновенно „странною“, и каждый, навѣрное съ удовольствіемъ отклонить даже возможность, чтобы самому краснорѣчивому народу древняго міра вдругъ выпало такое крайне неподходящее названіе. Неопытность въ этимологическихъ вопросахъ, — впрочемъ, совсѣмъ не рѣдкая у представителей классической филологіи, при томъ часто соединенная съ принципиальнымъ пренебреженіемъ къ современной лингвистикѣ и выработанной ею методикѣ — заставила Виламовица удовлетвориться первой попавшейся фонетической возможностью, забывая при этомъ, что для удачной этимологіи требуется не только соблюденіе фонетическихъ законовъ, но и здраваго смысла. Двойная форма Ἑλλοί 'Ελλοί и прозвища Зевса и Аеины въ Спартѣ Ἑλλάνιος и Ἑλλάνία (если только вѣрно это чтеніе, а не Ἑλλάνιος и Ἑλλάνία) не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что и въ словахъ 'Ελλάς и 'Ελληνες густое придыханіе произошло изъ сигмы. Но и начальная сигма опять часто является результатомъ различныхъ фонетическихъ измѣненій, она могла произойти изъ *ss of sj tj θj xj* или же еще болѣе сложныхъ фонетическихъ процессовъ, примѣромъ которыхъ можетъ служить приведенная Виламовицемъ группа *φελός, σελλίζω ἑλλός*. Всѣ подобные примѣры измѣненія начальной группы звуковъ, состоящей изъ небнаго или гортаннаго звука на первомъ мѣстѣ и шипящаго на второмъ, обстоятельно изучены Кречмеромъ въ *Zeitschrift für vergl. Sprachforschung* т. 31 стр. 412 сл. Автору удалось установить три правильные перехода, при чемъ правило не ограничивается однимъ греческимъ языкомъ, но относится и къ другимъ индоевропейскимъ. Первая, сильная степень — *ksθ* гр. ξ ψ χθ φθ χт πт — сохранилась только въ греческомъ, санскритскомъ и древнеиранскомъ языкахъ; въ остальныхъ порядокъ буквъ подвергался перестановкѣ *sk sp*. Вторая степень — простое *s*; третья встрѣчается только въ греческомъ языкѣ: начальная сигма подвергалась обыкновенному переходу въ *h* (густое придыханіе). Примѣрами подобнаго чередованія начальныхъ звуковъ могутъ служить:

I ξυν	II συν	III ὕν (см. ὕ-λογος, кипр. ὕ' τόχα, ὕγ-γυμος)
I ξύλον ξύλινος	II σύλος σύλινος (въ аттич. падн.)	III ὕλη

I $\xi\rho\acute{o}\varsigma$	II герм. <i>sūr</i> , лит. <i>suras</i>	
I $\xi\acute{\epsilon}\omega\ \xi\acute{o}\alpha\nu\omicron\nu$	II $\sigma\acute{o}\alpha\nu\eta$	
I скр. <i>kshīvatī</i>	II $\sigma\acute{\iota}\alpha\lambda\omicron\varsigma$	
I $\psi\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\omicron\varsigma$	II герм. <i>sant</i> (изъ <i>sam</i> <i>dho</i>)	III $\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\mu\alpha\theta\omicron\varsigma$
I $\psi\acute{\alpha}\varphi\omicron\varsigma$	II <i>sabulum</i>	
I $\psi\acute{\iota}\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$	II $\sigma\iota\nu\acute{\alpha}\varsigma$	III $\iota\nu\acute{\omega}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$
I $\psi\acute{\epsilon}\gamma\omega$	II $\acute{\alpha}\text{-}\sigma\epsilon\chi\tau\omicron\varsigma$	
I $\psi\acute{\alpha}\psi\omega$		III $\alpha\acute{\omega}\omega$
I $\psi\acute{\omega}\gamma\omega$	II $\kappa\alpha\tau\alpha\psi\acute{\omega}\chi\omega$	
I $\varphi\theta\acute{\iota}\nu\omega\ kshi$	II <i>situs</i>	
I $\acute{\alpha}\rho\kappa\tau\omicron\varsigma\ rkshas$	II <i>ursus</i>	

Итакъ, если формы $\Sigma\epsilon\lambda\lambda\acute{o}\varsigma\ \Sigma\epsilon\lambda\lambda\acute{\alpha}\nu\iota\omicron\varsigma$ съ одной стороны, а Ἑλλός Ἑλλήν и т. д. съ другой, представляли бы собою вторую и третью степень подобнаго же пониженія, то въ началѣ сильной степени основы всего скорѣе можно бы ожидать греч. ξ или ψ или же въ другихъ европейскихъ языкахъ *sk-sp-*. Подобная перестановка впрочемъ бывала и въ греческомъ языкѣ (см. $\xi\acute{\iota}\varphi\omicron\varsigma\ \sigma\chi\acute{\iota}\varphi\omicron\varsigma$ — $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \sigma\chi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ — $\psi\alpha\acute{\iota}\rho\omega\ \sigma\pi\alpha\acute{\iota}\rho\omega$ — $\psi\alpha\lambda\acute{\iota}\varsigma\ \sigma\pi\alpha\lambda\acute{\iota}\varsigma$ и т. п.). Почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ встрѣчается общая основа *sqel* со значеніемъ расщелять, раскалывать, раздроблять, раздѣлять, разлучать, различать (см. лат. *qui-squillae*, др. сѣв. *skilja* раздѣлять, разлучать. *skill* рассудокъ, англ. *skill skilful*, лит. *skeliū skelti* раскалывать расщелять, *skulė* щель, дыра, слав. щель, осколокъ, скала, скалить), Изъ греческихъ словъ сюда относятся $\sigma\acute{\kappa}\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ (осн. $\sigma\kappa\alpha\lambda\text{-}$. какъ $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\ \pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ изъ $\beta\epsilon\lambda\text{-}$ $\pi\epsilon\lambda\text{-}$), $\sigma\chi\acute{\iota}\lambda\lambda\omega$, $\kappa\omicron\sigma\kappa\omicron\lambda\mu\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\nu$. Объясняемое выше правило позволяетъ отнести къ той же основѣ и слова $\sigma\acute{\epsilon}\lambda\mu\alpha$ доска, сидѣнье гребцовъ. $\sigma\epsilon\lambda\iota\omega\acute{\nu}\ \sigma\alpha\acute{\nu}\iota\delta\omega\acute{\nu}$, $\acute{\epsilon}\lambda\mu\alpha\tau\alpha$... $\sigma\alpha\acute{\nu}\iota\delta\omega\mu\alpha\tau\alpha$ (Исихій), ср. др. слав. слѣмъ=бревенно, др. сакс. *selmo* кровать. Дальше, приведемъ $\sigma\acute{\epsilon}\lambda\mu\alpha\ \sigma\epsilon\lambda\acute{\iota}\varsigma$ расстояние между бревнами корабля, $\sigma\epsilon\lambda\acute{\iota}\varsigma$ промежутокъ между столбцами или параграфами книги (Исихій $\sigma\epsilon\lambda\acute{\iota}\varsigma\ \pi\tau\upsilon\chi\acute{\iota}\omicron\nu$, $\kappa\alpha\tau\alpha\beta\alpha\tau\omicron\nu\ \beta\epsilon\beta\lambda\acute{\iota}\omicron\upsilon$, $\sigma\epsilon\lambda\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma\ \tau\acute{\alpha}\ \mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\epsilon}\tau\upsilon\ \delta\iota\alpha\gamma\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha\ \tau\omega\acute{\nu}\ \delta\iota\alpha\tau\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\acute{\nu}\ \tau\eta\varsigma\ \nu\epsilon\omega\varsigma$, $\kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\pi\epsilon\rho\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \beta\epsilon\beta\lambda\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma\ \tau\acute{\alpha}\ \mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\epsilon}\tau\upsilon\ \tau\omega\acute{\nu}\ \pi\alpha\rho\alpha\gamma\rho\acute{\alpha}\varphi\omega\acute{\nu}$). Изъ этой же основы легко производится $\sigma\acute{\epsilon}\lambda\iota\nu\omicron\nu$ $\tau\omicron\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\acute{\epsilon}\iota\omicron\nu$, а можетъ быть также еще $\sigma\acute{\epsilon}\lambda\iota\nu\omicron\nu$, петрушка; растение это обязано своимъ названіемъ раздробляющимся зубчатымъ листикамъ. Наконецъ, не сомнѣваемся, что темное $\acute{\epsilon}\tau\omicron\mu\omicron\nu$ слова $\acute{\zeta}\acute{o}\lambda\omicron\nu$ $\sigma\acute{o}\lambda\omicron\nu$ $\acute{\omicron}\lambda\eta$ и *silva* содержится въ нашей основѣ также, какъ и дерево $\delta\omicron\rho\omicron\varsigma$ и т. д. производится отъ $\delta\epsilon\gamma\text{-}$ $\delta\rho\alpha\tau\eta$, раздирать. Кстати будетъ указать на легенду, записанную въ схолияхъ къ Иліадѣ II 234:

нѣкій Ἑλλός (прародитель зловъ), дровосѣкъ (δρυτόμος), разъ попалъ въ лѣсъ, покрывавшій тогда мѣсто Додоны. Дикая голубка (πέλας), сидѣвшая на деревѣ ему велѣла построить на томъ мѣстѣ святилище. Жрицы-пророчицы додонскія почему-то назывались πέλας. Созвучіе слова πέλας (дикий голубъ) вызвало легенду, что первая жрица прилетѣла въ Додону въ образѣ голубки. Очень возможно, что и вторая черта легенды, что первый пророкъ (Ἑλλός) былъ дровосѣкомъ, объясняется подобнымъ двусмысліемъ слова ἑλλός ελλός. Архилохъ воспѣвалъ какихъ-то Σαλλιάδες, родъ жрецовъ-пророковъ, потомковъ пророка Σαλλεύς (Ис. п. сл. Σαλλιάδης). Сходство имени этихъ пророковъ съ додонскими пророками Σαλλοί едва-ли случайно (вспомнить еще знаменитаго пророка Ἐλευός). Вѣроятно, прагреческій языкъ позволялъ такое же переносное примѣненіе основы ἑλ- ελ- къ умственной области, какое обнаруживается въ др. сѣв. и англ. skill умѣніе раздѣлять, различать, рассуждать, такъ что одно и то-же слово ἑλλός могло быть толкуемо какъ „раздробитель“ (дровъ) и какъ „разсудитель“ (скрытой истины).

Къ разбираемой нами семьѣ словъ, безъ сомнѣнія, принадлежало нѣсколько именъ географическихъ, особенно рѣкъ: Σελινόυς (названіе семи рѣкъ въ разныхъ мѣстахъ греческаго міра), Σαλλήεις (три рѣки) и Σέλλας, а можетъ быть и Ἰλίας Ἰλλας. Эти рѣки носили свои имена потому, что теченіе ихъ раздѣлялось на рукава. Подтвердимъ это положеніе тремя примѣрами. О рѣкѣ Σέλλας мы читаемъ у Стефана Византійскаго п. сл. Ἀπάμεια: „есть и другая Апамея въ Мессеніи, окруженная рѣкою Πίρρης. Эта рѣка раздѣляется (οὐρίζεται) у самаго города. На правую руку вокругъ города течетъ рѣка Σέλλας, на лѣвую Πίρρης, называемый тѣмъ же именемъ, какъ и главная рѣка“. Отдѣлившійся рукавъ звали Σέλλας. Древній Σελινόυς въ Ахей, нынѣшняя рѣка сел. Востницы (см. Лоллинга Handbuch d. klass. Alterth. III 167) еще теперь около восьми верстъ выше устьевъ раздѣляется на два рукава, которые отдѣльно впадаютъ въ море. Рѣка Σαλλάεις въ Элидѣ, позднѣе называемая Λάδων, раздѣлялась нѣсколькими островами, однимъ изъ которыхъ былъ Κοράων νῆσος (Павс. VIII, 25, 12). Если эти „раздѣльныя“ рѣки раздѣлялись, то другія раздѣляли, служили границею между двумя государствами. Такъ, изъ разказа Θυкидида VII 35 выходитъ, что рѣка Ἰλίας составляла границу между областями Κρόтона и Θυρίи.

Изъ именъ рѣкъ въ грамматическомъ отношеніи особенно интересно Σαλλήεις. Имена прилагательныя съ суффиксомъ — εις (fent)

выражаютъ, что предметъ или лицо одѣлены, обладаютъ чѣмъ-нибудь. Прилагательныя съ окончаніемъ *ήας* правильно производятся отъ существительныхъ женскаго рода, оканчивающихся на *η*, напримѣръ *αἰγλήας* (*αἰγλη*), *αὐδήας* (*αὐδή*), *δινήας* (*δίνη*), *ἑρσήας* (*ἑρση*), *ήχηας* (*ήχη*), *κνιστήας* (*κνίσση*) и ин. др. (см. перечень въ Vergl. Grammt. J. Мейера II стр. 606). *Σαλλήας*, то-есть *ποταμός*, слѣдовательно, рѣка у которой есть *σάλλη* (раздѣленіе). Родительный падежъ этого древняго существительнаго сохранился въ *Ἑλλης πόντος*. Пролитъ, отдѣляющій другъ отъ друга два материка, справедливо звали „раздѣломъ“ (ср. *γοῦθ-μός* съ скр. *grth-ak* отдѣльно, *grthak* какъ отдѣлять раздѣлять, *grthak bhū* отдѣляться, и лат. *pars partior portio*). *Ἑλλης πόντος* означало или „море раздѣла, пролива“ или „путь по проливу“. Мы приходимъ къ *Ἑλλην* и *Ἑλλάς*. Первое слово оканчивается на *ην* *ην*, по аналогіи съ другими именами народовъ *Αἰνάν*, *Ἑκτήν*, *Κηφήν* и т. п., отъ которыхъ однако отличается удареніемъ. *Ἑλλάς*, то-есть *ῆ*, имя прилагательное женскаго рода. Мы то и другое производимъ отъ *ἔλλη*, *σάλλη* „раздѣленіе, раздѣлъ“, полагая, что этому слову когда-то придавалось м. пр. и значеніе „граница“, такъ что, по нашей догадкѣ, коренное значеніе словъ *Ἑλλάς* и *Ἑλληνες* сводилось бы къ понятіямъ „пограничной страны“ и „пограничныхъ жителей“. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній мы нарочно указываемъ, что предполагаемое нами значеніе „граница“ основано на догадкѣ, а не на какомъ-нибудь преданіи. Наша догадка оправдывается стремленіемъ, общимъ всѣмъ домысламъ, именно стремленіемъ дополнить преданіе такими фактами, которые освѣтили бы затемненные пункты вопроса. Существованіе слова *σάλλη* *ἔλλη* мы считаемъ доказаннымъ, благодаря производному прилагательному *Σαλλήας* и род. пад. *Ἑλλης πόντος*. Наши читатели, надѣмся, согласятся, что придаваемое ему общее значеніе (раздѣлъ, раздѣленіе) поддерживается нѣкоторыми фактами. Допустивъ по догадкѣ, что у этого же слова, кромѣ общаго, только что указаннаго значенія, еще было болѣе специальное „граница“, мы этимъ объяснили бы многое. Стало бы яснымъ, во-первыхъ, отчего въ поговоркѣ *καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος* Эллада противопоставлялась срединѣ, а во-вторыхъ, почему *Ἑλλάς* специально назывались окранны греческаго міра, южная Италія, а вѣроятно и Сицилія и малоазіатское побережье. Чтобы однако показать, что наше предположеніе основано не на одной пригодности его для объясненія другихъ темныхъ фактовъ, прибавимъ еще слѣдующія указанія. Священный округъ Додоны, называемый и *Ἑλλοπία*, и *Ἑλ(λ)α*, составлялъ границу между

двумя эпирскими государствами Молоссия и Эсепротия. Мѣстоположеніе это не случайное; мы замѣчаемъ и на границахъ другихъ греческихъ и италійскихъ общинъ подобныя святилища, служившія мѣстомъ для общихъ празднествъ и, такъ сказать, охранявшихъ святость и неприкосновенность границъ. Переводя 'Ελλά „граница“, а 'Ελλοπιή γαίη „пограничная страна“, мы имѣемъ въ виду возможность того же объясненія и для такъ называемой 'Ελλοπιή μοίρη, части области города Истиеи. По показанію Стравона стр. 445 Эллопія была χωρίον ἐν τῇ Ὠρεῖᾳ καλούμενῃ τῆς Ἰστιαιώτιδος, а дальше онъ уже прямо отождествляетъ ее съ димомъ Ὠρεός, объясняя, что эллопійцы, прежніе обитатели дима, отъ горной мѣстности своей получили имя Ὠρεῖται (отъ οὐρος ὄρος ὄρος гора). Но съ тѣмъ же правомъ Ὠρεός можно производить отъ ὄρος οὐρος граница, на что указываетъ и имя дима Ὠρεπός, лежавшаго на границѣ Аттики и Вiotin. Наконецъ, возвратимся къ рѣкѣ Ὑλίας (Ὑλλας?), служившей границей Кротона и Θурій. Имя этой рѣки необходимо сравнить съ именемъ другой рѣки, Ὑλλος, притока Эрмона. Ὑλλος конечно не производится отъ ὕλη, хотя оба слова, можетъ быть, въ концѣ концовъ общаго происхожденія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не совсѣмъ выяснено первоначальное значеніе слова ὕλη. Никто не сомнѣвается въ тождественности его съ латинскимъ silva. Хотя ученые не пришли еще къ полному согласію относительно греко-италійской формы, но все-таки почти всѣми признается предложенная Л. Мейеромъ форма sulva сульф-а. Гораздо труднѣе найти этимологию. Г. Курціусъ ὕλη—silva сблизилъ съ основою svel- горѣть, полагая, что на лѣсъ смотрѣли какъ на дрова, топливо. Къ сожалѣнію, silva никогда не имѣло значенія „дрова“. Кромѣ того, и основа svel- въ греческихъ и латинскихъ отросткахъ значить не „горѣть“, а „сіять“. Наконецъ, ни изъ одной аналогіи не видно, чтобы идею лѣса соединяли съ понятіемъ топлива. На другую мысль можетъ навести насъ одна извѣстная аналогія. Общее нѣсколькимъ индоевропейскимъ языкамъ слово, обозначающее край, границу (лат. *stagus*, др. герм. *staka* граница, зендск. древн. перс. *тегези* граница) въ древнѣеверномъ *stōrk* перешло въ значеніе „лѣсъ“. Переходъ значенія совершенно естественный; древніе обитатели Европы повсемѣстно устраивались въ рощистяхъ. Сплошной лѣсъ, окружавшій ихъ со всѣхъ сторонъ, былъ границею всѣхъ поселеній. Дремучіе лѣса составляли границы между народами. Близкая связь двухъ понятій у древнихъ италійцевъ особенно ясно рисуется въ народномъ культѣ Сильвана. Изображенія или

символы этого *tutor finium*, по выражению Горация, вездѣ служили обозначеніемъ сельскихъ границъ (см. Rudorff Die römischen Feldmesser I p. 302). Итакъ, можно поставить вопросъ, не произошло-ли понятіе лѣса (ἔλῃ, *silva*) изъ первоначальнаго значенія „граница“. Предполагаемая форма σόλφα отъ ἔλλα (σολφα?) произошла тѣмъ же путемъ, какъ напримѣръ, и πόλη отъ πέλω, σπυρίς отъ σπαίρω и т. п.

А. Эмманъ.

ЭПИНИКИ ПИНДАРА ВЪ ЧЕСТЬ АРКЕСИЛАЯ КИРИНСКАГО.

(Pyth. IV, V)

Пинейскій IV. Эпиникій.

Аркесилаю Киринскому, побѣдителю на ристаніи колесницъ.

Сегодня, о Муза, ты должна предстать предъ дружественнымъ мужемъ, царемъ славной конями Кирины, чтобы въ честь ликующаго Аркесилая воздвигнуть попутный вѣтеръ гимнамъ, подобающій ⁽¹⁾ чадамъ Латоны и Пнеону, гдѣ нѣкогда жрица, возсѣдающая между золотыхъ орловъ Зевса ⁽²⁾, въ присутствіи самого Аполлона ⁽³⁾, прорекла, что Ваттъ будетъ основателемъ поселенія ⁽⁴⁾ въ обильной плодами Ливіи, что онъ, оставивъ священный островъ, создастъ на бѣлѣющемъ холмѣ ⁽⁵⁾ славный колесницами городъ и тѣмъ въ семнадцатомъ поколѣніи воскресить ⁽⁶⁾ сказанное про Оиру слово Медуи, которое нѣкогда священная дщерь Энта, владычица колховъ испустила изъ безсмертныхъ устъ. Она сказала такъ полубогамъ, морякамъ воинственнаго Ясона:

„Внимайте, дѣти возвышающихся великихъ надъ людьми мужей и боговъ: я утверждаю, что изъ этой земли, о берега которой разбиваются ⁽⁷⁾ морскія волны, нѣкогда дочь Эпафа насадитъ незабвенный для людей корень городовъ ⁽⁸⁾ въ удѣлахъ Аммонскаго Зевса. (Ихъ жители,) промѣнявъ короткокрылыхъ дельфиновъ на быстрыхъ коней ⁽⁹⁾, вмѣсто весель возжами будутъ направлять буреносныя колесницы. Знаменіемъ того, что Оира сдѣлается метрополіей великихъ городовъ, будетъ служить тотъ залогъ, который нѣкогда, при устѣ Тритонова озера ⁽¹⁰⁾, Евфамъ, соскочивъ съ носа (корабля), принявъ въ видѣ комка земли, какъ даръ пришельцамъ (гостинцевъ) отъ божества, принявшаго человѣческій образъ ⁽¹¹⁾: и въ знакъ согласія

отецъ Зевсъ, сынъ Кроноса, загремѣлъ ему своими громами. (Это случилось тогда) ⁽¹²⁾, когда мы встрѣтились съ Тритономъ, поднимая на корабль мѣднощекий якорь, узду быстрого Арго. Двѣнадцать дней передъ тѣмъ ⁽¹³⁾, по моему совѣту вытащивъ изъ Океана морское судно (дубъ), мы несли его по хребту пустынной земли ⁽¹⁴⁾. Тогда-то предстало предъ нами одиноко бродившее божество ⁽¹⁵⁾, окруживъ себя блестящимъ видомъ облеченнаго почетомъ мужа ⁽¹⁶⁾. Оно начало привѣтственную рѣчь, которою новоприбывшихъ чужеземцевъ гостепріимные хозяева приглашаютъ на пиришество ⁽¹⁷⁾. Но сильное желаніе возвращенія на родину было причиною, помѣшавшею намъ остаться ⁽¹⁸⁾. Божество тогда объявило намъ, что онъ Еврипилъ, сынъ земледержца, безсмертнаго Энносиды, и, узнавъ, что мы спѣшимъ, оно тотчасъ схватило съ пашни первое, что попало подъ руку, и пожелало дать намъ это въ замѣнъ привѣтственнаго дара ⁽¹⁹⁾. Повинуясь ему ⁽²⁰⁾, герой (Евфамъ), соскочивъ на берегъ и протянувъ руку къ его рукѣ, принявъ божественную горсть земли. Горсть эта, какъ я знаю ⁽²¹⁾, вечеромъ погрузившись въ воду съ корабля, исчезла съ морскою волною, послѣдовавъ за нею во влажное море; а вѣдъ я постоянно побуждала свободныхъ отъ гребли слугъ ⁽²²⁾ наблюдать за нею, но ихъ память затмилась. И вотъ теперь на этомъ островѣ лежитъ размытою прежде срока ⁽²³⁾ эта горсть, непогибающее сѣмя, изъ котораго возникнуть обширная Ливія. Да, если бы горсть эту у себя на родинѣ, придя въ священный Тенаръ, бросилъ у подземныхъ вратъ Анды царственный сынъ повелѣвающаго конями Посидона, Евфамъ, котораго нѣкогда у холмистыхъ береговъ Кафиса породила дочь Титія Европа, то, по народженіи четвертаго поколѣнія, его потомство совмѣстно съ данаями получило бы себѣ въ достояніе этотъ обширный материкъ: уже тогда поднялись бы они изъ великаго Лакедемона, съ залива Аргосскаго и Микенъ. Теперь же (такъ какъ этого не случилось) Евфамъ на ложѣ чужеземныхъ женъ ⁽²⁴⁾ получить избранное потомство; оно по благоволенію боговъ придетъ на этотъ островъ и произведетъ мужа, владыку равнинъ, покрытыхъ черными тучами ⁽²⁵⁾. Ему-то нѣкогда въ обильномъ золотомъ храмѣ Фебъ напомнить своими пророчествами (когда онъ много лѣтъ спустя вступить въ Писойскій храмъ) на корабляхъ привести многочисленныхъ (поселенцевъ) къ тучному удѣлу Нила, сына Кронида ⁽²⁶⁾.

Таково было пророчество ⁽²⁷⁾ Медей; неподвижно, въ молчаніи были поражены равные богамъ герои, слушая вѣщую ⁽²⁸⁾ (ея) рѣчь. О блаженный сынъ Полиинаста, прорицаніе Дельфійской пчелы ⁽²⁹⁾.

согласное съ этою рѣчью, воздвигло тебя, невольно вырвавшись изъ устъ Пиеи. До трехъ разъ встрѣтивъ тебя привѣтомъ, она объявила тебя назначеннымъ судьбою въ царя Кирины, хотя ты вопрошалъ ее, какъ при помощи боговъ освободиться отъ косноязычной рѣчи ⁽³⁰⁾. И вотъ, послѣ многихъ дней, теперь, какъ бы въ полномъ блескѣ ⁽³¹⁾ пестрой цвѣтами весны, въ потомствѣ Ватта цвѣтетъ восьмое звено— Аркесилай, которому Аполлонъ и Пиеонъ, по приговору амфиктионовъ, даровали славу побѣды на конскомъ ристалищѣ ⁽³²⁾. Оттуда я передамъ его Музамъ вмѣстѣ съ золотымъ руномъ ⁽³³⁾, такъ какъ посланныя отъ боговъ почести ихъ роду возникли во время похода за нимъ (руномъ) минійцевъ ⁽³⁴⁾.

Итакъ, какая причина увлекла ихъ въ это плаваніе? Какой подвигъ приковалъ ихъ къ себѣ узами крѣпче стали? ⁽³⁵⁾.

Было предсказано, что Пелій умретъ отъ руки или отъ неумолимаго замысла славныхъ ⁽³⁶⁾ Эолидовъ. Въ его мудромъ умѣ запечатлѣлось грозное предсказаніе, произнесенное у средоточія обильной лѣсами матери-земли ⁽³⁷⁾: всячески, съ великою предосторожностью оберегать себя отъ мужа обь одной сандалии, когда онъ съ гористаго жилища придетъ въ открытую долину славнаго Іолка, будь то пришлецъ, или туземецъ ⁽³⁸⁾. И вотъ наконецъ пришелъ этотъ страшный ⁽³⁹⁾ мужъ, вооруженный двумя копьями; его облекала двойная одежда: одна обычная магннтамъ, плотно облегавшая дивные члены, сверху же другая леопардовымъ плащомъ отражала отъ себя пронизывающіе дожди ⁽⁴⁰⁾; блестящіе локоны волосъ не были острижены, но лучами разсыпались по всей спинѣ ⁽⁴¹⁾. Быстро и прямо вступивъ, онъ остановился на площади, полной народомъ, испытывая свой неустрашимый духъ ⁽⁴²⁾. Его не узнавали; однако, оглядываясь ⁽⁴³⁾, тотъ и другой изъ народа говорили такъ: „Не Апполонъ же это, да и не славный мѣдною колесницею супругъ Афродиты ⁽⁴⁴⁾; на блестящемъ Наксосѣ, говорятъ, скончались дѣти Ифимедіи, отъ и ты, смѣлый царь Эфіальтъ ⁽⁴⁵⁾. Точно также и Титія настигла быстрая стрѣла Артемиды, исторженная изъ непобѣдимаго колчана, чтобы каждый стремился вкушать любовь въ предѣлахъ возможнаго“ ⁽⁴⁶⁾.

Такими словами они переговаривались, другъ съ другомъ. Но вотъ на мулахъ, въ блестящей колесницѣ, быстрымъ ходомъ, поспѣшно прибылъ Пелій ⁽⁴⁷⁾, и тотчасъ, остолбенѣвъ, остановился: ему бросился въ глаза давно ему предсказанный одинъ сандалій на правой ногѣ (пришельца) ⁽⁴⁸⁾. Скрывая въ душѣ испугъ, Пелій обратился къ нему: „Какую землю, о чужеземецъ, ты объявляешь своимъ оте-

чествомъ? ⁽⁴⁹⁾. Кто изъ живущихъ на землѣ извергъ тебя изъ сѣдаго чрева? ⁽⁵⁰⁾ Назови свой родъ, не срамя его ненавистною ложью!" Ему смѣло отвѣтилъ (пришлецъ) такими спокойными ⁽⁵¹⁾ словами: „Я утверждаю, что приношу съ собою воспитаніе Хирона и прихожу сюда изъ пещеры отъ Харикла и Филиры, гдѣ меня вскормили чистыя дѣвы Кентавра ⁽⁵²⁾. Мнѣ исполнилось 20 лѣтъ, и я пришелъ домой, ни дѣломъ, ни словомъ не покривя передъ ними ⁽⁵³⁾, чтобы возвратитъ власть моего отца, которою распоряжаются не по закону ⁽⁵⁴⁾: ею нѣкогда Зевсъ почтилъ вождя народа—Эола и его дѣтей, а теперь я узнаю, что беззаконный Пелій, отдавшись честолюбивымъ ⁽⁵⁵⁾ мыслямъ, насильственно похитилъ ее у моихъ родителей, исконныхъ владыкъ ⁽⁵⁶⁾. Опасаясь насилія надменнаго правителя, они, когда я впервые увидѣлъ свѣтъ, совершивъ въ своемъ жилищѣ печальный обрядъ, какъ бы надъ умершимъ, среди воплей женщинъ тайно вынесли меня ⁽⁵⁷⁾ въ пурпурныхъ пеленахъ, улучивъ для пути ночное время ⁽⁵⁸⁾, и отдали на воспитаніе Хирону, сыну Кроноса. Итакъ вы теперь знаете самое главное моей рѣчи ⁽⁵⁹⁾. Досточтимые граждане, укажите же мнѣ ясно жилище моихъ благородныхъ ⁽⁶⁰⁾ родителей: вѣдь я вашъ землякъ—сынъ Эсона, а не гость, пришедшій въ чуждую землю; божественный Кентавръ нарекъ меня именемъ Ясона“.

Такъ онъ сказалъ. Когда же онъ переступилъ порогъ отцовскаго жилища, его признали очи родителя, и изъ старческихъ вѣждъ капали горячія слезы, когда онъ возрадовался въ душѣ, увидѣвъ свое чадо прекраснѣйшимъ изъ мужей. На вѣсть о его прибытіи пришли къ нимъ и оба брата его отца ⁽⁶¹⁾: Ферить, жившій недалеко, у источника Иперійскаго, а изъ Мессаны Амиванъ. Вскорѣ пришли и Адметъ съ Мелампомъ, радостно привѣтствуя брата. Во время пира Ясонъ, принявъ всѣхъ ихъ ласковыми словами и одаривъ подобающими случая дарамъ, проявилъ всю свою привѣтливость, напролетъ ⁽⁶²⁾ пять ночей и пять дней срывая священный цвѣтъ веселья ⁽⁶³⁾.

Но на шестой день Ясонъ, возвратившись къ серьезной рѣчи ⁽⁶⁴⁾, все съ самаго начала сообщилъ своимъ родственникамъ, и они съ нимъ согласились. Тотчасъ вставъ изъ-за стола, онъ поднялся вмѣстѣ съ ними ⁽⁶⁵⁾, и вотъ они пришли въ чертогъ Пелія и, войдя въ домъ, остановились. Услыхавъ ихъ приходъ, ихъ встрѣтилъ самъ сынъ привлекательной волосами Тиро ⁽⁶⁶⁾. Ясонъ, изливая привѣтливымъ голосомъ кроткую рѣчь ⁽⁶⁷⁾, сталъ приводить основаніе своихъ мудрыхъ словъ ⁽⁶⁸⁾: „Сынъ Посидона Петрейскаго! сердца смертныхъ ⁽⁶⁹⁾ слишкомъ поспѣшно предпочитаютъ справедливости лукавую корысть,

но тѣмъ не менѣ люди отъ этого незамѣтно приходятъ къ горькому похмѣлю⁽⁵⁸⁾. Но намъ съ тобою, подчинивъ свои страсти тому, что законно, слѣдуетъ стать ткачами нашего грядущаго счастья⁽⁵⁹⁾. Тебѣ извѣстны тѣ обстоятельства, о которыхъ я буду говорить⁽⁶⁰⁾: одна женщина⁽⁶¹⁾ была матерью Криеею и пылкому Салмонею, а мы въ третьемъ поколѣнн, родившись отъ нихъ, наслаждаемся свѣтомъ златаго солнца⁽⁶²⁾. Меры (Меры) отвращаютъ свой ликъ, чтобы скрыть стыдъ, если между родственниками возникаетъ вражда⁽⁶³⁾. Не слѣдуетъ и намъ мѣднокоеванными мечами или копьями дѣлать великое наслѣдіе предковъ. Что до меня, то я уступаю тебѣ и мелкій скоть, и стада бурыхъ быковъ, и всѣ пашни, все, чѣмъ, ты распоряжаешься, отнявъ отъ моихъ родителей, умножая свое достоинствѣ⁽⁶⁴⁾: все это, столь много обогащающее твое хозяйство, меня не огорчаетъ; но мнѣ горько⁽⁶⁵⁾, что ты владѣешь единодержавнымъ скипетромъ и трономъ, на которомъ возсѣдая прежде сынъ Криеея оказывалъ правосудіе славному конями народу. Уступи же намъ это, безъ общей для насъ непріязни, не то берегись, чтобы изъ-за этого⁽⁶⁶⁾ не возникло какое нибудь новое бѣдствіе“.

Такъ онъ сказалъ. Въ отвѣтъ ему тихо⁽⁶⁷⁾ сталъ говорить и Пелій: „Буду такимъ (какимъ ты желаешь⁽⁶⁸⁾); то-есть постараюсь не навлечь новой бѣды), но меня удручаетъ⁽⁶⁹⁾ уже старческій возрастъ; въ тебѣ же только теперь начинается волноваться кипучій цвѣтъ юности: итакъ ты лучше, чѣмъ я⁽⁷⁰⁾, можешь отвратить гнѣвъ подземныхъ боговъ. Вотъ въ чемъ дѣло⁽⁷¹⁾: Фриксъ приказалъ (мнѣ), придя къ жилищу Энта, возвратить на родину его душу и привезти густошерстное руно барана, на которомъ онъ нѣкогда спасся отъ морскихъ пучинъ и отъ безбожныхъ стрѣлъ мачихи⁽⁷²⁾. Такъ гласило посѣтившее меня дивное сновидѣніе. У Кастальскаго источника я просилъ его разъясненія⁽⁷³⁾: и богъ побуждаетъ меня не медля снарядить на корабль походъ (ополченіе). Итакъ прими добровольно на себя совершить этотъ подвигъ—и я клянусь передать тебѣ единую власть и царскій санъ. Свидѣтелемъ моей великой клятвы да будетъ Зевсъ, нашъ общій родоначальникъ“⁽⁷⁴⁾.

Согласившись на этомъ, они разошлись; и вотъ Ясонъ уже сталъ самъ разсылать гонцовъ, чтобы повсюду объявлять о предстоящемъ походѣ. Вскорѣ (на зовъ его) пришли три неустанные въ битвѣ сыны Зевса Кроида: одинъ отъ чернобровой Алкмены⁽⁷⁵⁾, двое отъ Леды⁽⁷⁶⁾; пришли и два длинновласые мужа, порожденіе Энносиды⁽⁷⁷⁾. чтимые за силу, одинъ изъ Пилоса, другой съ Тенарскаго

мыса: ихъ слава—Евфама и твоя, широкомошный Периклиментъ, здѣсь достигла полнаго блеска. Пришелъ и рожденный Аполлономъ вооруженный лирою отецъ пѣсень, прославленный Орфей. Ермій, владѣющій золотымъ жезломъ, послалъ на неутомимый ⁽⁸⁶⁾ подвигъ двухъ сыновей, кипящихъ юностью: Эхіона и Эрита, и быстро они прилетѣли, хотя жили въ предѣлахъ Пангейской горы ⁽⁸⁷⁾. Вотъ съ готовностью и съ радостнымъ духомъ и царь вѣтровъ отецъ Борей быстро направилъ (туда) Зита ⁽⁸⁸⁾ и Калаида: оба они наводили ужасъ пурпурными крыльями, находившимися на ихъ спинахъ. Ира воспламенила въ геронхъ это всѣхъ увлекающее сладкое стремленіе къ кораблю Аргò ⁽⁸⁹⁾; каждый изъ нихъ предпочелъ вмѣсто того, чтобы, пребывая при матери, влечить чуждую опасностей жизнь,—вмѣстѣ съ другими сверстниками снискать себѣ лучшее лекарство для своей доблести, даже цѣною смерти ⁽⁹⁰⁾.

Когда цвѣтъ моряковъ спустился въ (долину) Иолка, Ясонъ обозрѣлъ всѣхъ съ похвалою. И вотъ прорицатель Мопсъ ⁽⁹¹⁾, свершая священное гаданіе по птицамъ и жребіямъ, благосклонно далъ воинамъ взойти (на корабль). Когда они подняли якорь, ихъ вождь ⁽⁹²⁾, находясь на кормѣ, взялъ въ руки золотой фіалъ, сталъ звать къ отцу Уранидовъ, вооруженному молніями Зевсу, и къ стремительнымъ волнамъ и вѣтрамъ, и къ ночамъ и теченіямъ ⁽⁹³⁾ моря, и къ благосклоннымъ днямъ и къ удѣлу желаннаго возвращенія; въ отвѣтъ ему изъ облаковъ раздался священный раскатъ грома, и блестящіе лучи молніи прорѣзали небо. Легче вздохнули ⁽⁹⁴⁾ героя, полагаясь на знаменіе бога, а толкователь чудесъ ⁽⁹⁵⁾ возвѣстилъ имъ, чтобы они налегли на весла, внушая имъ сладкія надежды. Тогда быстрыя руки героевъ неутомимо взялись за весла.

При попутномъ вѣяніи ⁽⁹⁶⁾ Нота герои пришли ко входу въ Аксинъ; тамъ они воздвигли священный алтарь Посидона Морскаго; глазамъ ихъ предстало ⁽⁹⁷⁾ бурое стадо Фракійскихъ быковъ и новопостроенное изъ камней вмѣстѣище алтаря. Увлекаемые къ страшной опасности, герои молили владыку кораблей, чтобы онъ далъ имъ избѣгнуть неодолимаго движенія сбѣгающихъ скалъ ⁽⁹⁸⁾: были двѣ скалы, одаренныя жизнью, и онѣ крутились сильнѣе, чѣмъ полчища тяжело ревущихъ вѣтровъ. Но вотъ это плаваніе героевъ уже навело на нихъ смерть ⁽⁹⁹⁾.

Потомъ герои прибыли въ Фасиду, гдѣ вступили въ бой съ черноокиими Колхами, у самаго Энта ⁽¹⁰⁰⁾. Но владычица острыхъ стрѣлъ Киприда тогда впервые принесла съ Олимпа людямъ неструю верти-

шейку (¹⁰¹), волшебную птицу, привязавъ ее къ четыремъ спицамъ въ несокрушимомъ колесѣ, и научила мудраго сына Эсона заговорами и заклинаніямъ, которыми онъ могъ заглушить въ Медеѣ почтеніе къ родителямъ и силою убѣжденія зажечь въ ея сердцѣ непреодолимое стремленіе къ Элладѣ (чтобы желанная Эллада терзала ее, пылающую въ сердцѣ, ударами плети Пибѣ) (¹⁰²). И Медея вскорѣ указала Ясону средства привести въ исполненіе задачи ея отца: приготовивъ съ оливковымъ масломъ лекарство противъ жестокихъ болей, она дала эту мазь Ясону (¹⁰³). Оба они согласились другъ съ другомъ вступить въ согласное и сладкое супружество.

И вотъ, остановивъ посреди (поля) стальной плугъ и быковъ, которые изъ раскаленныхъ пастей выдыхали пламенные потоки жгучаго огня и мѣдными копытами поочередно (¹⁰⁴) ударили о землю, — Эитъ одинъ подвелъ ихъ къ ярму и запрегъ. Проводя прямыя борозды, онъ погонялъ быковъ и разсѣкалъ кочковатую поверхность земли на глубину сажени. Затѣмъ царь (¹⁰⁵) сказалъ слѣдующее: „Если тотъ, кто начальствуетъ кораблемъ, совершить мнѣ такое же дѣло, то пусть онъ увозитъ съ собою нетлѣнный чепракъ, руно блестящее золотомъ шерстью“ (¹⁰⁶). Услышавъ эти слова, Ясонъ, сбросивъ съ себя цвѣтную одежду, уповавъ на бога, принялся за дѣло; благодаря наставленіямъ искусной во всякомъ врачеваніи хозяйки, огонь ему не причинялъ вреда; подтащивъ плугъ и заставивъ быковъ склонить шею къ неизбѣжному ярму, могучій мужъ выполнилъ назначенный ему трудный урокъ, поражая широкогрудыхъ быковъ причиняющими острую боль ударами кнута. У Эита же вырвалось восклицаніе, хотя и при нѣмой печали (¹⁰⁷), такъ какъ онъ былъ изумленъ такою мощью. Товарищи Ясона простирали сильному мужу дружелюбныя руки, осыпали его вѣтками изъ зеленой ливы и привѣтствовали лестными словами. И тотчасъ же дивный сынъ Ілія (Геліоса) указалъ мѣсто гдѣ ножъ Фрыкса снялъ съ барана его блестящее руно. Онъ надѣялся что Ясонъ все же не сможетъ совершить хоть этотъ подвигъ: руно лежало въ кустарникѣ, около самой пасти свирѣлаго дракона, который толщиною и длиною превосходилъ пятидесяти весельный корабль, когда либо построенный ударами желѣза.

Слишкомъ долго идти мнѣ по проторенной дорогѣ, — время истекаетъ; но я знаю иной — короткій путь, и въ этомъ искусствѣ мнѣ подражаютъ многіе другіе (¹⁰⁸).

Ясонъ убилъ при помощи хитрости голубоглазую (¹⁰⁹) змѣю съ

пестрою спиною, о Аркесилай ⁽¹¹⁰⁾, и вмѣстѣ съ руномъ похитилъ Медею, (на) гибель Пелія ⁽¹¹¹⁾.

Герои изъ водъ океана приплыли къ красному морю и къ Лемносскимъ женамъ-мужеубійцамъ. Здѣсь они приняли участіе въ тѣлесныхъ состязаніяхъ изъ-за одежды (служившей наградою) ⁽¹¹²⁾ и взошли на ихъ ложа.

Тогда то на чуждыхъ поляхъ опредѣленный судьбою день или ночи онѣ пріяли сѣмя и зарю вашего блаженства; тамъ-то насажденный родъ Евфима возникъ на вѣчныя времена. Оттуда переселившись въ жилища Лакедемонскихъ мужей ⁽¹¹³⁾, потомки Евфима со временемъ основали колонію на островѣ прежде называвшемся Камлиста ⁽¹¹⁴⁾, а оттуда сынъ Латоны даровалъ вамъ Ливійскую равнину, дабы вы возвеличили ее почестями въ честь бога, найдя внушающее справедливость благоразуміе въ управленіи божественнымъ городомъ златотронной Кирины ⁽¹¹⁵⁾.

Теперь женознай Эдипову мудрость ⁽¹¹⁶⁾: если кто острымъ топоромъ обрубитъ вѣтви высокаго дуба ⁽¹¹⁷⁾ и обезобразитъ его величественный видъ; то все же, хоть и безплодный, дубъ этотъ обнаружить свою цѣну ⁽¹¹⁸⁾, или — когда въ концѣ концовъ ⁽¹¹⁹⁾ зимою будетъ брошенъ въ огонь, или служа подпорою среди царственныхъ ⁽¹²⁰⁾ прямыхъ колоннъ, онъ будетъ выносить горестный трудъ въ чуждыхъ стѣнахъ, лишенный своего мѣста ⁽¹²¹⁾. Ты врачъ, лучше всѣхъ могущій во время подать помощь, и Пзанъ ⁽¹²²⁾ украшаетъ твои дни. За тяжелой раной надо ухаживать, нѣжно налагая руку ⁽¹²³⁾. Даже глупымъ легко потрясти государство, но снова поставить (все) на свое мѣсто поистинѣ становится труднымъ, если только, вопреки ожиданію, богъ не сдѣлается руководителемъ вождей, а ихъ за это вознаграждать Хариты ⁽¹²⁴⁾. И такъ не уставай всячески заботиться о благословенной Кириѣ. Вспомни и творенія Гомера ⁽¹²⁵⁾, вразумись его словомъ, что добрый вѣстникъ приноситъ величайшую честь вся кому дѣлу ⁽¹²⁶⁾; такъ и моя Муза гордится справедливою вѣстью: Кирина и знаменитый чертогъ Ватта познали честный образъ мыслей Дамофила: онъ среди юношей молодъ; въ совѣтахъ-же — старецъ, опирающийся на столѣтній жизненный опытъ: онъ помрачаетъ злословіе, лишая его блестящаго вида; онъ научился питать ненависть къ высококомѣрному мужу, не сопротивляясь добрымъ и не откладывая исполненія никакого дѣла ⁽¹²⁷⁾. Благопріятная минута у людей всегда имѣетъ краткій предѣлъ, и онъ это хорошо знаетъ и подчиняется ей, какъ слуга, но не какъ слѣпой рабъ. Говорятъ вѣдь, что нѣтъ ничего

хуже, какъ зная то, что хорошо, быть вынужденнымъ уклонять свои стопы въ сторону. Этотъ Атлантъ теперь подпираетъ небо, далеко отъ отеческой земли и имѣній; но безсмертный Зевсъ освободилъ Титановъ. При прекращеніи вѣтра во время должно мѣнять паруса. Дамофилъ возносить мольбы о томъ, чтобы, перенеся тяжкую болѣзнь ⁽¹²⁹⁾, вновь увидѣть родину и, устраивая торжества у источника Аполлона, часто предаваться веселью и при звукахъ прекрасной лиры вмѣстѣ съ мудрыми гражданами наслаждаться тишиною, не принося никому горя, и самому не получая огорченія отъ гражданъ ⁽¹³⁰⁾. Пусть же онъ повѣдаетъ тебѣ, Аркесилай, какой источникъ безсмертныхъ словъ онъ нашелъ, недавно гостепріимно принятый въ Оивахъ ⁽¹³⁰⁾.

Пинейскій V Эпипикій.

Аркесилаю Кириному, побѣдителю въ ристаніи.

Ширококомощно богатство ¹⁾, когда смертный человѣкъ приобрѣтаетъ его (приносить въ свой домъ) ²⁾, какъ возлюбленнаго спутника, подчинивъ его чистой доблести, получивъ въ даръ отъ (счастливой) судьбы ³⁾. Ты, отъ бога пріявшій (такой) жребій, о Аркесилай, начиная съ высшихъ ступеней славной жизни ⁴⁾, съ доброю молвою привлекаешь себѣ богатство, при помощи Кастора со златою колесницею ⁵⁾; какъ послѣ зимняго ливня, слава эта лѣтнимъ блескомъ обливаешь твой благословенный очагъ ⁶⁾. Несомнѣнно, что мудрые прекраснѣе переносятъ (пользуются) власть (властью), даже если она дана отъ боговъ ⁷⁾; такъ и надъ тобою, шествующимъ по пути справедливости, витаетъ великое блаженство: съ одной стороны, такъ какъ ты царь надъ великими городами ⁸⁾, то унаслѣдованный тобою блескъ вмѣщаетъ въ себѣ почетнѣйшее положеніе, данное въ удѣлъ твоей мудрости ⁹⁾; съ другой стороны—въ настоящую минуту ты счастливъ еще и тѣмъ, что, получивъ на славныхъ пинейскихъ играхъ хвалу за побѣду на ристалищѣ, ты принимаешь торжественное шествіе мужей, Аполлонову усладу ¹⁰⁾. Итакъ, пусть не будетъ тобою забыто то, что было возвѣщено въ сладкомъ саду Афродиты—въ Кириѣ ¹¹⁾: выше всего ставить бога, виновника всякаго дѣла. Затѣмъ люби Каррота ¹²⁾ болѣе другихъ товарищей: вѣдь онъ прибылъ къ жилищу законно царящихъ Ваттидовъ, не принося съ собою Отговорки (Извиненія) ¹³⁾, дочери крѣпкаго заднимъ умомъ Эпиминея, но возвратился, будучи гостепріимно принятъ у Кастальскихъ водъ и возложивъ на твои власы вѣнецъ за быстроту колесницы, безукло-

ризенными возжами ¹⁴⁾ осиливъ двѣнадцатикруговую арену. Онъ не изорвалъ ни одной части упряжи: вся она, въ томъ видѣ, какъ была получена, въ видѣ художественной колесницы отъ искусныхъ мастеровъ, была имъ привезена къ Крисейскому холму и висить, посвященная богу у лѣснаго грота; ею владѣть его кипарисный храмъ, находящійся вблизи статуи, которую стрѣлоносные критяне воздвигли въ своемъ Парнаасскомъ храмѣ ¹⁵⁾,—растение, состоящее изъ одного куска дерева ¹⁶⁾.

Итакъ прилично съ радушіемъ встрѣтить этого оказавшаго такую услугу мужа. О сынъ Алексивія ¹⁷⁾, тебя прославляютъ прекраснокудрыя Хариты! Благословенъ ты, послѣ великаго труда владѣя памятникомъ прекраснѣйшихъ словъ; среди сорока потерѣвшихъ неудачу возницъ, ты, доведя до цѣли непоколебимымъ духомъ неповрежденную колесницу, уже возвратился отъ блестящихъ состязаній въ равнину Ливии и въ отеческій городъ ¹⁸⁾.

Никто никогда не бывалъ освобожденъ отъ трудностей жизни; никто никогда и не будетъ ¹⁹⁾. Однако древнее благословеніе Ватта продолжаетъ ему ²⁰⁾ сопутствовать, давая ему то то, то другое; оно служитъ твердынею города и блестящимъ свѣтиломъ для чужестранцевъ ²¹⁾. Даже громкоревущіе львы въ ужасѣ передъ нимъ бѣжали, когда Ваттъ крикнулъ на нихъ принесеннымъ изъ-за моря кликомъ ²²⁾: руководящій мужами Аполлонъ повергъ звѣрей въ жестокий ужасъ, чтобы не стать для повелителя Кирины не исполняющимъ своихъ предсказаній ²³⁾. Тотъ-же богъ даетъ средства противъ тяжкихъ болѣзней мужамъ и женамъ ²⁴⁾; онъ-же даруетъ кивару и Музу тѣмъ кому захочетъ, вселивъ въ ихъ сердца чуждое войнѣ чувство справедливости ²⁵⁾; онъ господствуетъ и надъ ущельемъ, изъ котораго происходятъ предвѣщанія ²⁶⁾; изъ этого ущелья гласъ того же бога поселилъ въ священномъ Пилосѣ, Аргосѣ и Лакедемонѣ сильныхъ потомковъ Иракла и Эгимія ²⁷⁾. И вотъ—моя задача воспѣть исходящую отъ Спарты желанную славу: ведя свое происхожденіе оттуда, мужи Эгеиды, мои предки ²⁸⁾, пришли въ Оиру, но не вопреки желанію боговъ, нѣтъ, ихъ влекло туда нѣкое рѣшеніе судьбы. Прибывши оттуда и вкушая обильный жертвами общій пиръ, мы, о Карнейскій Аполлонъ, на пиру преклоняемся предъ тобою и предъ прекрасно построеннымъ городомъ Кирины ²⁹⁾: имъ владѣютъ любящіе оружіе пришлецы—троянцы, потомки Антенора ³⁰⁾. Они пришли съ Еленою ³¹⁾, послѣ того какъ увидѣли свой городъ превращеннымъ въ пепелъ во время битвы, сюда, къ этому погоняющему коней народу ³²⁾.

Сердечно принимаютъ ихъ по смерти ³³⁾ жертвами и дарами мужи, которыхъ привелъ сюда Аристотель ³⁴⁾, открывъ путь глубокаго моря быстрымъ кораблямъ. Онъ насадилъ великія рощи боговъ и учредилъ прямо вырубленную долину для цѣлительныхъ Аполлоновыхъ процессій, чтобы она была вымощенной дорогою для ударовъ лошадиныхъ копытъ ³⁵⁾; а тамъ — на краю площади, отдѣльно, лежитъ и самъ онъ въ могилѣ ³⁶⁾. Онъ счастливо жилъ, пока былъ среди людей, а послѣ смерти сталъ чтимымъ въ народѣ героемъ. На другой сторонѣ, передъ дворцомъ, находятся прочіе священные цари, пріившіе смерть, и они конечно слышатъ подземнымъ духомъ о великихъ доблестяхъ, орошенныхъ сладкою росой среди волнъ пѣсень ³⁷⁾, о своемъ доблестномъ удѣлѣ и такомъ-же успѣхѣ ихъ потомка, отъ предковъ унаслѣдованномъ Аркесилаемъ. Въ пѣснѣ юношей ему ³⁸⁾ подобаетъ воззвать къ Фебу, украшенному золотомъ лирою, такъ какъ изъ Пиеона онъ пріялъ дающую славу побѣду, сладостную пѣснь, вознаграждающую издержки ³⁹⁾. Мужа, котораго восхваляютъ мудрые (пѣвцы) ⁴⁰⁾, я называю избранникомъ. Умъ его упреждаетъ его возрастъ такъ же, какъ и его рѣчи ⁴¹⁾; его стремленія, среди всѣхъ окрыленныхъ птицъ, равняется порывамъ орла; въ битвѣ — сила его все равно, что стѣна; въ дѣлахъ Музъ, онъ уже отъ милой матери (съ ранняго дѣтства) одаренъ крылами, теперь же онъ явился искуснымъ въ дѣлѣ ристанія ⁴²⁾. Сколько есть въ странѣ его доступныхъ путей къ славѣ, всѣ имъ испытаны; а теперь богъ, будучи къ нему благосклоненъ, даетъ ему силу. Также и въ будущемъ, о блаженные чада Кроноса, не отнимайте ее у Аркесилая во всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ ⁴³⁾ дабы холодное, губящее плоды дыханіе вѣтровъ не разрушало его счастья. Великій промыслъ Зевса управляетъ судьбою любезныхъ ему мужей: къ нему и взываю я, умолая даровать такой-же почетъ роду Ватта и въ Олимпіи ⁴⁴⁾!

ПРИМѢЧАНІЯ ЕЪ ПИО. IV.

Схолиастъ: „Ода написана Аркесилаю, сыну Полиминиста ¹⁾, родомъ киринцу въ Ливіи, побѣдившему въ 31-ую пнеиаду, по нѣкоторымъ же и въ 80 олимпіадѣ. Но къ Олимпійской побѣдѣ наша ода не относится, хотя она была одержана послѣ пнейской, но только къ этой послѣдней. На ту же пнейскую побѣду Пиндаръ написалъ Аркесилаю и еще оду (слѣдующую), которая занимательнѣе и по мыслямъ, и по расположенію (плану) ²⁾. Наша ода со-

¹⁾ Очевидная ошибка: читай „сыну Ватта“. См Воескh, II, 342.

²⁾ ἤτις καὶ οἰκονομικὰ ἐστὶ κατὰ τὰ νοήματα καὶ κατὰ τὴν οἰκονομίαν.

держитъ въ себѣ историческій экскурсъ (ιστορικὴν ἐξὺς παραβαίν). Въ ней разсказывается про основаніе Кирины и про тамошнія смуты; о томъ, какъ Аркесилай предалъ нѣкоторыхъ мятежниковъ казни, а другихъ изгналъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Дамофилъ. Лишенный отечества, онъ прибылъ въ Фивы. За него-то Пиндаръ и ходатайствуетъ передъ Аркесилаемъ при посредствѣ своей музы“¹⁾.

Другой схолиастъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о династіи Ваттидовъ въ Киринѣ. „Первымъ царемъ Кирины, говорить онъ, былъ Ваттъ, сынъ Полиминста, который съ острова Фиры основалъ колонію въ Ливіи и заложилъ городъ Кирину. Преемникомъ его былъ его сынъ Аркесилай. Послѣ чего власть получилъ Ваттъ, по прозвищу „Счастливыи“. Сынъ Ватта былъ опять Аркесилай и т. д. поочередно, такъ что всего было четыре Ватта и четыре Аркесилая. Пятымъ Аркесилаемъ былъ сынъ Феретимы²⁾, какъ свидѣтельствуєтъ Геродотъ; этотъ Аркесилай, умерщвленный Киринцами, былъ послѣдній изъ Ваттидовъ, сохранявшихъ власть въ Киринѣ впродолженіе 200 лѣтъ“.

О поводѣ къ основанію Кирины у Геродота находимъ слѣдующія подробности³⁾: „Гриниѣ, сынъ Эсанія, царь острова Фиры, отправился въ Дельфы, чтобы совершить тамъ гекатомбу. Его сопровождали многіе жители этого острова, и между ними Ваттъ, сынъ Полиминста, изъ рода Евфима, одинъ изъ минійцевъ. Когда Гриниѣ о чемъ-то спросилъ оракула, пнеія повелѣла ему основать городъ въ Ливіи. „Царь Локсій, возразилъ Гриниѣ, я уже старъ и обремененъ годами; возложи это предпріятіе на кого-либо изъ молодыхъ людей, пришедшихъ со мною“ и съ этими словами указалъ на Ватта. Фирейцы, возвратившись домой, не заботились объ отвѣтѣ оракула, да и не знали, гдѣ находится Ливія, и поэтому не отваживались снарядить туда поселенцевъ.

Вслѣдъ за симъ въ Фирѣ семь лѣтъ не было дождя, и всѣ деревья засохли, за исключеніемъ одного. Когда фирейцы обратились къ оракулу, пнеія упрекнула ихъ въ томъ, что они не послали колоніи въ Ливію, какъ имъ было приказано. Не видя исхода изъ своихъ бѣдъ, фирейцы послали посольство на Критъ, чтобы разузнать, вѣтъ-ли тамъ какого критянина или ино-странца, бывавшаго въ Ливіи. Послы объѣздили весь островъ и прибыли въ городъ Итанъ; тамъ они столкнулись съ красильщикомъ въ пурпуръ, по имени Коровіемъ, который сообщилъ имъ, что однажды онъ былъ занесенъ вѣтромъ на островъ Платею въ Ливіи. За известную плату, Коровій согласился поѣхать съ ними на Фиру.—На первый разъ отправили небольшое число гражданъ, дабы ознакомиться съ мѣстностью. Коровій былъ путеводителемъ. Когда онъ привелъ фирейцевъ къ острову Платеѣ, они оставили его тамъ съ съестными припасами на нѣсколько мѣсяцевъ, а сами отплыли назадъ, чтобы скорѣе дать своимъ согражданамъ отчетъ о томъ, что видѣли.... На родинѣ они объявили о всемъ случившемся; вслѣдствіе нхъ донесенія рѣшено было изъ каждаго участка, которыхъ было числомъ семь, послать по-

¹⁾ Schol. Boeckh II, 342.

²⁾ Схолиастъ ошибается: послѣднимъ изъ Ваттидовъ былъ Аркесилай IV (а не V), тотъ самый, которому посвящены обѣ Пнейскія оды Пиндара. Феретима же по свидѣтельству Геродота, была жена Ватта III Хромаго и матерью Аркесилая III.

³⁾ Herod., IV, с. 160 sqq.

селенцевъ, избравъ ихъ по жребію. Ваттъ долженъ былъ сдѣлаться ихъ предводителемъ и царемъ. Въ силу такого рѣшенія на Платею были посланы двѣ пентеры. Такъ разказываютъ объ этомъ дѣлѣ еврейцы. Съ ними согласны во всемъ и киринейцы, за исключеніемъ того, что относится къ Ватту. По ихъ словамъ, дѣло было такъ: Этеархъ, царь города Акса на Критѣ, овдовѣвъ, остался отцемъ дочери Фронины. Онъ женился вторично, и мачиха оклеветала свою падчерицу въ невозможительной связи съ мушиною. Разгнѣванный отецъ поручилъ одному купцу съ острова Оиры, который клятвою обязался передъ нимъ исполнить всякое его порученіе,—взять его дочь и утопить гдѣ нибудь въ морѣ. Оиреецъ, возмущенный такимъ порученіемъ, порвалъ дружескія связи съ Этеархомъ; съ дочерью его онъ вышелъ въ море и чтобы исполнить клятву, погрузилъ дѣвушку въ море, привязавъ къ канату, но затѣмъ вытащилъ ее и привезъ съ собою на островъ Оиру. Здѣсь на ней женился нѣкто Полиминстъ, знатный человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени у нихъ родился сынъ, заикавшійся и картавившійся.... Когда Ваттъ (такъ звали мальчнна) достигъ зрѣлаго возраста, онъ отправился въ Дельфы, чтобы посоветоваться съ пнеіей. Эта послѣдняя ему сказала: „Ваттъ, ты пришелъ спросить совѣта о своемъ косноязычій; но Аполлонъ приказываетъ тебѣ основать колонію въ стадообильной Ливіи“..... Не смотря на возраженія Ватта, жрица стояла на своемъ. Ваттъ оставилъ Дельфы и возвратился на Оиру. Съ тѣхъ поръ онъ и другіе жители Оиры стали испытывать разные бѣдствія. Недоумѣвая, чѣмъ они вызваны, еврейцы послали посольство въ Дельфы. Пнеія объявила, что жизнь ихъ будетъ счастливѣе, если они съ Ваттомъ во главѣ сдѣлаются основателями города Кирини въ Ливіи. Повинуясь словамъ пнеіи, еврейцы снарядили Ватта съ двумя пентерами въ Ливію. Ваттъ съ своими спутниками волею-неволею отправился въ путь, но вскорѣ вернулся на Оиру. Оирейцы однако не допустили ихъ высадки и прогнали туда, откуда они пришли. Скрѣпя сердце, они отправились въ путь и устроились на островѣ по близости къ Ливіи. Островъ этотъ, какъ сказано выше, назывался Платея. Говорятъ, что площадь его равняется площади современнаго города киринейцевъ“.

„Өңрейцы два года оставались на островѣ Платей; но какъ тамъ имъ ни въ чемъ не было удачи, то они оставили на островѣ одного изъ товарищей, а сами сѣли на корабль и поѣхали въ Дельфы. Прибывъ туда, они сказали пнеи, что они основались въ Ливіи, но счастливыя отъ того не стали. Пнеи имъ отвѣчала: „Дилуюсь твоей провинцальности: еще никогда не былъ въ Ливіи, а хочешь знать эту страну лучше меня, тамъ бывшаго“. Въслѣдствіе такого отвѣта Ваттъ возвратился со своими спутниками, такъ какъ богъ не освободилъ ихъ отъ обязанности переселиться, пока они не побывали въ самой Ливіи. По возвращеніи на Платею, они, захвативъ съ собою оставленнаго тамъ товарища, поселились въ Ливіи, наслупротивъ острова Платей, въ Азирисѣ, прекрасномъ мѣстѣ, съ двухъ сторонъ окаймленномъ красивыми холмами, а съ третьей орошаемомъ рѣкою“.

„Шесть лѣтъ прожили они въ Азирисѣ; но на седьмой годъ они сдались на убѣжденія ливійцевъ оставить свое поселеніе, въ надеждѣ найти еще лучшую мѣстность. Ливійцы повели ихъ на западъ; изъ боязни, чтобы греки не прельстились лежащими по пути странами, они устранивали такъ, что лучшія страны были проходимы ночью. Эта прекрасная страна называется Ираса.

Приведа грековъ къ источнику, посвященному, какъ говорятъ, Аполлону, ливійцы сказали: „греки, удобство этой мѣстности приглашаетъ васъ утвердиться здѣсь: небо открыто здѣсь для дождей, которые утучняютъ ваши пашни“¹⁾.

„При жизни Ватта-основателя, царствовавшего 40 лѣтъ, и сына его Аркесилая, царствовавшего 16 лѣтъ, число киринейцевъ не превышало числа первыхъ переселенцевъ. Но въ правленіе Ватта, третьяго царя, по прозванію Благополучнаго, пнеія стала побуждать всѣхъ грековъ къ переселенію въ Ливію, совмѣстно съ киринейцами, приглашавшими раздѣлить съ ними ихъ земли. Оракулъ гласилъ такъ: „кто не отправится въ плодородную Ливію, не дожидаясь раздѣла земли, тотъ въ этомъ потоцѣ будетъ ваяться“. Греки отправились въ значительномъ числѣ и заняли большую область“²⁾.

Такъ завершилось основаніе этой обширной колоніи. Геродотъ далѣе разказываетъ исторію династіи Ваттидовъ. Дополняя разказъ Геродота другими источниками³⁾, мы получимъ слѣдующій списокъ владыкъ Кирины:

1) Аристотель или Ваттъ I, сынъ Полимниста, основатель Кирины (ок. ол. 37), царствовалъ сорокъ лѣтъ.

2) Аркесилая I царствовалъ 16 лѣтъ (+ ол. 51).

3) Ваттъ II Εὐδαίμων, современникъ фараона Аурія.

4) Аркесилая II Χαλεπός, убитъ своимъ братомъ Леархомъ.

5) Ваттъ III Χωλός. При немъ. Димонакъ мантинеецъ далъ Кириѣ новое политическое устройство, раздѣливъ народъ на три класса и ограничивъ царскую власть.

6) Аркесилая III пытался возстановить прежнее устройство; о его печальной судьбѣ, равно какъ и о матери его Феретидѣ, подробно разказываетъ Геродотъ. Этого Аркесилая схоласти смѣшали съ Аркесилаемъ IV, героемъ нашего эпиникия.

7) Ваттъ IV ὁ Καλός.

8) Аркесилая IV, послѣдній изъ Ваттидовъ, воспѣтый Пиндаромъ въ IV и V пнеійскихъ эпиникияхъ. Объ этомъ четвертомъ Аркесилаѣ, на которомъ сбылось предсказаніе пнеіи: ἐπὶ μὲν τέσσαρας Βάττους καὶ Ἀρκεσίλω; τέσσαρας ὅτ' ἄνδρῶν γενεάς, διδοὶ ὑμῖν Λοφίης βασιλεύειν Κορίνῃ;· πλέον μάλιστα τούτου οὐδὲ περᾶσθαι· πτραίνετε—мы знаемъ весьма немного и то болѣе по догадкамъ. Приведемъ слова Бѣка⁴⁾: Hic coloniam in Hesperidas Euphemo curante duxit, eamque post hanc Pythiam victoriam, quae curru parva est Pyth. 31, Olymp. 78,3, iuvenitum Arcesilaio. Mox Olymp. 80 Olympia quoque vicit auctoribus veteribus ap. schol. (см. выше). Postea anno incerto simul cum Arcesilaio quarto regia Cyrenis potestas abolita est; quodque fata praedixerant, ipse videtur Arcesilaus acceperat. Etenim civibus eum graviorem fuisse ex ipso poeta colligas, vs. 263 sqq.⁵⁾, et mercenariis usum esse, tum ad imperium, ut mihi videtur, tutandum, tum ad bellum, ut traditur, Theotimus et Didymus docent. Num tamen aliquo casu

¹⁾ Cp. P. IV 52: ... φῶτα καλαινὰ ζείων πεδίων δεσπόταν (sc. Κυράνας).

²⁾ Герод. IV 159.

³⁾ См. Boeckh III 265 sq.

⁴⁾ Op. cit. III 266.

⁵⁾ Εἰ γὰρ τις ὄζους ὀφυσόμεν πελέκει ἐξεραιψῇ καὶ μεγάλας δρούς, αἰσχύνῃ δὲ οἱ θαγόνει εἶδος κτλ.

afflictus Arcesilaus quartus perierit, non constat. Nam quod Schol. habet — ὁ δὲ τελευταῖος οὗτος 'Αρκεσίλαος βολοφρονηθεὶς ὑπὸ Κυρηναίων ἀπέβαλε τῶν Βατταίων τὴν ἀρχὴν ἐπὶ διακόσια διαμείνας, — in eo ambiguum est, utrum Arcesilao huic attemperata sit Herodoti de Arcesilao Pheretimae filio narratio, quem a Schol. cum ultimo confundi videmus, an hic simili, quo ille, fato circumventus sit: magis tamen eo inclino, ut quae de ultimi morte Schol. tradidit vera sint, illa autem, quae de Arcesilao Pheretimae filio in scholiis habentur, recentior intruserit manus.

1) ὅρρι κωμάζοντι: сὺν 'Αρκεσίλᾳ, Μοῖσᾳ, Λατοῖθαισιν ὀφειλόμενον Πυθωνί τ' αὖτις οὖρον θυνῶν—глаголь ὀφείλω здѣсь употребленъ въ смыслѣ „подобающія, приличествующія“: въ другомъ смыслѣ это слово употреблено Ol. X, 8, γλοὺ γάρ αὐτῷ μέλος ὀφείλων ἐπιλέλαθ', то-есть я былъ долженъ епу (Агисидаму) сладкую пѣснь, — и забыть о своемъ долгѣ.

2) См. Strab. IX p. 642 C. 643 A. 'Εκάλεσαν τῆς γῆς ὀμφαλὸν προσπλίζαντες καὶ μῦθον, ἐν φησι Πίνδαρος, ὅτι συμπέσειεν ἐνταῦθα οἱ ' ἰ οἱ ἀφθέντες ὑπὸ τοῦ Διός, ὁ μὲν ἀπὸ τῆς δύσεως, ὁ δ' ἀπὸ τῆς ἀνατολῆς.

3) Οὐχ ἀποδάμου 'Απόλλωνος τυχόντος. По представлѣніямъ грековъ, Аполлонъ отлучался изъ Дельфъ, отчего происходили его ἐπιδημίαι и ἀποδημίαι. Предсказаніе пиѣи въ данномъ случаѣ получать особое значеніе, такъ какъ Аполлонъ въ то время не находился въ отлучкѣ.

4) Χρῆς Βίττον, ὡς χτίσσειεν—nota Atticam, quae dicitur, structuram (B.)

5) ἐν ἄρρινόντι μαστῷ—ἐπὶ λόφου μαρμαρινοῦ λευκογείου (schol.). Cyrenarum montem cretaceum vel calcarium ex una quidem parte fuisse ex nostro fere loco coniecetis (B.)

6) καὶ τὸ Μηδείας: ἐπος ἀχομίσαιθ' ἐβδόμη καὶ сὺν δεκάτῃ γενεᾷ Θήραιον: τοῦ-τίστιν ἀνασώσειν, ἐπὶ τέλος: ἀγάγοι (Schol.).

7) τὰς δ' ἐξ ἀπικλάτου γὰς—рѣчь идетъ оу островѣ Θирѣ.

8) ἀστέων ῥίζαν—Cyrenas dixit poeta, quia urbium plurium mater: nota est „pentapolis“, quae postea vocata est Cyrenaica, qua praeter Cyrenas comprehenduntur Apollonia, portus Cyrenensium, Hesperides, quae posthac Berenice, Teuchira, cuius nomen in Arsiuoen versum, Barca, quae deinde Ptolemais, Cyrenarum coloniae omnes (B.).

9) То-есть, переселившіеся съ острова на материкъ.

10) Τριτωνίς: Τριτωνίδος λίμνης οὕτω καλουμένης περὶ τὴν Λιβύην (Schol.). Геродотъ (IV 178 sq.) сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія оу этомъ Тритоновомъ озерѣ и рѣкѣ того же имени: κατέκουσι δὲ (οἱ Μάλεις) ἐπὶ ποταμὸν μέγαν τῷ ὀνόμα Τρίτων ἐστί: ἐκείδοι δὲ οὗτος: ἐς λίμνην μεγάλην Τριτωνίδα: ἐν δὲ αὐτῇ νῆσος: ἐνὶ τῇ ὀνόμα Φλά. ταύτην δὲ τὴν νῆσον Λακεδαιμονίοισι φασὶ λόγιον εἶναι κτίσας. 'Ἐστὶ δὲ καὶ ὅδε λόγος λεγόμενος: 'Ἰήσωνα, ἐπεὶ οἱ ἐξεργάσθη ὑπὸ τῷ Πηλῷ ἢ 'Αργῷ, ἐσθόμενον ἐς αὐτὴν ἄλλην τε ἐκαστόμβην καὶ τρίποδα γάλακτος περιπλάθειν ἡλοπόννησον, βουλόμενον ἐς Δελφοῦς ἀπικέσθαι: καὶ μιν, ὡς πλέοντα γενέσθαι κατὰ Μάλειν, ὑπολαβεῖν ἄνεμον βορέην καὶ ἀποφέρειν πρὸς τὴν Λιβύην: πρὶν δὲ κατιδεσθαι γῆν, ἐν τοῖς βράχεσι γενέσθαι λίμνης τῆς Τριτωνίδος. Καὶ οἱ ἀπορόντι τὴν ἐξαγωγὴν λόγος ἐστὶ φανήναι Τρίτωνα, καὶ κελεύειν τὸν 'Ἰήσωνα ἐωυτῷ δοῦναι τὸν τρίποδα, φάμενόν σφι καὶ τὸν πόρον δεῖξιν καὶ ἀπῆμονας ἀποστελέειν. πειθόμενου δὲ τοῦ 'Ἰήσονος, οὕτω δὴ τὸν τε διέκπλον τῶν βραχέων δεικνύσαι τὸν Τρίτωνι σφι, καὶ τὸν τρίποδα θεῖναι ἐν τῷ ἐωυτοῦ ἱρῷ ἐπιθεσπισαντά τε τῷ τρίποδι καὶ τοῖς сὺν 'Ἰήσωνι σμηναντα τὸν πάντα λόγον, ὡς ἐπεὶ τὸν τρίποδα κομισγται τῶν τις ἐχόντων τῶν ἐν τῇ 'Αργοὶ συμπλέον-

των, τότε ἑκατὸν πόλειος οἰκῆσαι παρὶ τὴν Τριτωνίδα Λίμνην Ἑλληνίδας πᾶσαν εἶνοι ἀνάγκην. ταῦτα ἀκούσαντες τοὺς ἐπιχωρίους τῶν Λιβύων κρύψαι τὸν τρίποδα.

11) θεῶ ἀνέρι: εἰδομένῳ.

12) ἀνίχ' ἀγκυραν ποτὶ χαλκόμενον ναῖ χρημάντων ἐπέτασε, θεῶς Ἀργεὺς χαλινόν.

13) Довольно обычная фигура ὑστερον—πρότερον.

14) εἰνάλιον δόρυ—ср. Horat. carm., 1, 14, 11: Quamvis pontica pinus, eivnae filia nobilis. Едва ли нужно писать Pontica. Сравня также славянское „дубъ“—¹⁾ въ смыслѣ „судно“. Φέρομεν νότων ὑπερ γαῖα; ἐρήμου — ср. наше лѣтописное выраженіе „волокомъ“.

15) Οἰοπέλος δαίμων—Solivagus.

16) θεῶ ἀνέρι: εἰδομένῳ γαῖαν δίδόντι — Dativum γαῖαν δίδόντι iunge voci θεῶ, поп ἀνέρι (B.).

17—18) Der Fremde lud die Argonauten ein zu bleiben, indem er sie bewirten wollte: allein sie hatten keine Zeit und sehnten sich nach der Heimat (Hartung).

19) Большинство комментаторовъ по этому поводу вспоминаютъ γῆν καὶ ὄψωρ δίδόναι.

20) Οὐδ' ἀπιθῆσέ νιν. Едва ли не правъ Hartung, читая οὐδ' ἀπιθῆσέ οἱ. Во всякомъ случаѣ уже схоласти считали чтеніе вульгаты необычнымъ, что ясно изъ перифразы: οὐδ' ἀπιθῆ αὐτὸν πατοίηκε.

21) πύθεται δ' αὐτὰν (ср. βωλάχα) κατακλυσθείσαν ἐκ δοῦρατος ἐναλίῳ βάρει σὺν ἄλμῳ. По сравненію съ предыдущимъ (см. примѣчаніе 14-е) не лучше ли читать ἐκ δοῦρατος ἐναλίῳ?

22) Λοσιπόνους θεράποντας — прилагательное λοσιπόνος понимается двояко: qui dominos labore liberant, quem pro illis suscipiunt (Boeckh); но уже Гедике, ссылаясь на Hor. Carm. 111, 17, 16—famulos operum solutos, понимаетъ этотъ эпитетъ въ смыслѣ освобожденныхъ отъ работы, то-есть, гребли. Безъ сомнѣнія, гребцы раздѣлялись на нѣсколько смѣнъ: пока одни гребли, другіе отдыхали; охранять священную горсть земли должны были эти послѣдніе. Такъ думаетъ и Мюдгертъ: „operum solutis, wenn sie von der Arbeit (das Ruderns) befreit waren“.

23) πρὶν ὥρα: горсть земли, данная аргонавтамъ, упала въ море и волнами унесена на островъ Ойру. Поэтому Ойра становится какъ бы промежуточнымъ звеномъ между Эладаю и нѣтъющею возникнуть Киряною. Объ этомъ подробнѣе см. Boeckh III 259.

24) νῦν γе μὲν ἀλλοδαπὴν χριτὸν εὐρύσαι γυναῖκα ἐν λέχεσιν γένος—ср. v. 252: Λαμνιδὴν τ' εἶθαι γυναῖκα ἀνδροφόνων... καὶ συνεύνασθαι.

25) См. выше: ἐνθαυτα γάρ οὐρανὸς τέτρηται (Her, IV, 158) ²⁾. Сравни также Argian. Ind. 43.

26) Рѣчь идетъ о Ваттѣ, сынѣ Полимаста—см. выше.

¹⁾ Ср. II начальнымъ правя дубомъ (Ал. Толстой).

²⁾ Die Regenzeit beginnt gewöhnlich um die Mitte des November und die Güsse sind dann so heftig, dass ihnen kein Zelt widerstehen kann. Von Beginn des Frühjahrs bis Ende October fällt selten ein Tropfen, obgleich von Mitte August, an der Himmel fast immer mit Wolken umzogen ist (Hamilton Wanderings in N Africa, p. 92 ff. приведено у Н. Stein'a въ его изданіи Геродота).

27) ἡ ῥα Μηδείας ἐπέων στίχας. Libri fere ἡ ῥα. Locus haud dubie vitium contraxit, sed neque Boeckhii coniectura αἱ ῥα neque Hartungi ταὶ ῥα satisfaciunt; quod Matthiae proposuit ἡ ῥα Μηδεία γ' ἐπέων στίχας non magis admittendum, quam quod M. Schmidt suasit: ἡ ῥα, τὰς δ' ἄρδεν ἑταίων στίχας. i. e. συναρμόσθησαν. Equidem olim commendavi ἡ ῥα, καὶ Μηδεῖ' ὀπίσω στίχας, nam ἡ ἀρ' omnino non addubitandum, nunc malim: ἡ ῥα Μηδεία; δ' ἐπέων στίχας ἐπτάξαντ' ἀκίνητοι, quamquam mediae formae aliud exemplum non novi. (Bergk).

28) πικινὰν μῆτιν ἀλύοντες

29) Apte autem idem (scil. Schneiderus) mellis usum etiam ad vaticinium spectare animadvertit, quod colligi potest ex Hom. Hymn. in Mercur. 556 sqq: какъ бы то ни было, похъ χρησμὸς; μελίσσας Δελφίδος несомнѣнно разумѣтся предсказаніе Медеи.

30) См. выше.

31) ὥτε φοινικανθέμου ἤρος ἀκμᾷ κτλ. Cf. Isthm. IV 18 (III 36): νῦν δ' αὖ μετὰ χειμέριον ποικίλα μῆψιν ζόφον χθών ὥτε φοινικέοισιν ἀνθῆσεν ῥόδοις δαιμόνων βουλαῖς.

32) τῷ μὲν Ἀπόλλωνι ἃ τε Πυθῶ κύδος ἐξ ἀμφικτιόνων ἔπορεν ἱπποδρομίας: Welchem Apoll und Python durch den Bundesrath Verherrlichung schenkte im Streit des Wagenrennes (Hart.) Ex hippodromo populorum circum habitantium, quorum sunt Pythia. Quod ita dicit ad augendam laudem; praesentibus vicinis populis victoriam a deo datam. Intellige autem Amphictyoniam notissimam Delphicam, cuius erant hi ludi (Dissen).

33—35) ἀπὸ δ' αὐτὸν ἐγὼ Μοῖσαισι δώσω καὶ τὸ πάγχρυσον νίκας κριοῦ. Довольно ясный переходъ къ эпической части стихотворенія. Замѣчательно, что и пріемъ Пиндара есть не что иное, какъ близкое подражаніе эпикамъ (Гомеридамъ). Приступая къ пространному повѣствованію о походѣ аргонавтовъ, поэтъ пользуется чисто эпическимъ пріемомъ, заимствованнымъ Гомеромъ.

Это эпическое зачатое подготовлено уже въ стихѣ 67-мъ словами Μοῖσαισι δώσω и заканчивается въ стихѣ 71-мъ словами δῆσαν ἄλοις. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателя на слова: τίς τῆ χίνδυος κρατεροῖς ἀδάμαντος δῆσαν ἄλοις; едва-ли возможно допустить отсутствіе объекта (прямаго дополненія) къ слову δῆσαν. Мы склонны думать, что это дополненіе скрыто въ рукописномъ чтеніи κρατεροῖς, вмѣсто котораго можно было бы читать κρατερούς. Сравни приводимое у Бергка выраженіе Геродота τοὺς Σκύθας ἐξεδέξато πόνο;. Конечно, одного этого исправленія недостаточно, и все мѣсто требуетъ тщательнаго изслѣдованія ²⁾).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Валеріанъ Майковъ.

²⁾ См. многочисленные варианты у Т. Моммзена, op. cit. p. 181.

ЖЕНСКАЯ ГОЛОВА ИЗЪ АРГОССКАГО ИРЭОНА.

При раскопкахъ американцевъ на мѣстѣ древней святыни Иры Аргосской въ 1892 г., была найдена прекрасная женская голова въ натуральную величину, изваянная изъ паросскаго мрамора. Она издана Вальдштейномъ въ его *Excavations of the American School of Athens at the Heraion of Argos* (London, New-York and Boston, 1892, pl. IV—V) и вызвала замѣтку со стороны Овербека въ *Berichte der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, Phil. Hist. Classe*, 1893, I, S. 31 сл. И Вальдштейнъ (о. с., р. 8 сл.), и Овербекъ признали въ этой аргосской головѣ голову Иры.

Аргосская голова имѣетъ слишкомъ мало какихъ-либо характерныхъ чертъ, на основаніи которыхъ можно съ увѣренностью усвоить ее той или другой богинѣ. Вѣнецъ, окружающій голову, не доказываетъ ничего: онъ служилъ перѣдко уборомъ и простыхъ женщинъ (Ср. Iwan Müller, *Griech. Privataltertümer*, S. 110). Было бы рискованнымъ видѣть въ аргосской головѣ—голову Ивы, на что намекаетъ Фуртвенглеръ (*Archäologische Studien...* H. Brunn... *dargebracht von A. Furtwängler, G. Körte und A. Milchhöfer*, Berlin 1893, S. 89), такъ какъ пластическаго образа этой богини, за малымъ количествомъ сохранившихся до насъ памятниковъ, мы почти не знаемъ.

Мысль о принадлежности аргосской головы Ирѣ должна быть, кажется, оставлена. Съ изображеніемъ этой богини на аргосскихъ монетахъ (ср. Overbeck, *Griech. Kunstmythologie*, Hera, *Münztafel* II, 6—9. III, 1—2. *Journ. of hell. stud.* VI, Taf. 55 J 12—15), равно какъ съ сохранившимися до насъ скульптурными ея изображеніями аргосская голова сходна настолько, насколько всякая женская голова походить на другую. Если угодно, аргосская голова имѣетъ болѣе или менѣе близкое сходство съ хранящеюся въ Британскомъ музеѣ головою Иры Girgenti (Overbeck, *Kunstmythologie*, Atlas, IX, 4—5);

но въ подлинности послѣдней, не безъ основанія, усумнился Фуртвенглеръ (*Archäol. Zeitung*, 1885, S. 275 сл.).

Вальдштейнъ полагаетъ, что аргосская голова принадлежала одной изъ фигуръ на западномъ фронтоѣ храма ¹⁾. Это положеніе Вальдштейна ничѣмъ не обосновано; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что аргосская голова принадлежала *статуѣ*, стоявшей на базѣ предъ западной стороною храма, гдѣ она и найдена. Въ описаніи аргесской сѣятыни Павсаній, между прочимъ, замѣчаетъ: ἀνδριάντες τε ἐστῆχανι πρὸ τῆς ἐοῦδος καὶ γυναικῶν, αἱ γυνόνασιν ἱέρατι τῆς Ἥρας (II, 17, 3). Не могла ли, исходя изъ этого текста, принадлежать рассматриваемая голова статуѣ одной изъ такихъ *жрицъ* Иры?

Если это такъ, то я былъ бы не прочь относить къ статуямъ жрицъ и ту голову, которая была найдена въ Ирэонѣ еще въ 1854 г., при раскопкахъ Рангависа и Бурзіана, неудовлетворительно издана Ленорманомъ (*Revue archéologique*, 1867, pl. XV) и теперь хранится въ аргесскомъ музеѣ, и ту, о которой упоминаетъ въ своемъ „*Antikenbericht aus dem Peloponnes*“ Мильхгёферъ (*Ath. Mitth.*, IV, S. 148 сл.), хотя до окончательнаго сужденія о нихъ лучше подождать болѣе надлежащихъ публикацій ²⁾.

Вальдштейнъ и Овербекъ относятъ аргесскую голову въ школы Поликлита; Фуртвенглеръ (*Archäol. Studien etc.*, S. 89 сл.)—къ аттической школѣ V вѣка. Онъ сравниваетъ аргесскую голову съ изданою имъ (Taf. 3) головою Эрота, которая была найдена въ Вравронѣ. И аргесская, и вравронская головы, по заключеніи Фуртвенглера, совершенно сходны. Однако это сходство, при внимательномъ сравненіи обѣихъ головъ, оказывается не столь близкимъ. Правда, волосы на обѣихъ головахъ трактованы до нѣкоторой степени сходно, съ пробормомъ по срединѣ; но на аргесской головѣ они выдѣланы тщательнѣе и обрамляютъ лобъ правильнымъ полукругомъ; у вравронскаго же Эрота замѣтны выступы; далѣе у него волосы зачесаны за ухо, на аргесской головѣ они закрываютъ полъ-уха. Линія, очерчивающая

¹⁾ Думается, что Вальдштейнъ неудачно толкуетъ текстъ Павсанія (II, 17, 3) относительно декоративныхъ скульптуръ аргесскаго Ирэона. Во всякомъ случаѣ Вальдштейнъ, безъ всякихъ основаній, фантазируетъ, считая сюжетомъ западнаго фронтона „отплытіе въ Трою“. Ср. и *Овербека Berichte etc.*, S. 34. Болѣе вѣроятное размѣщеніе декоративныхъ скульптуръ аргесскаго Ирэона даетъ В. А. Милембергъ, *Метопы древне-греческихъ храмовъ*, Дертъ 1892, стр. 177 сл.

²⁾ Ср. также женскую голову изъ Лерны, хранящуюся въ аргесскомъ музеѣ и принимаемую Фуртвенглеромъ за голову жрицы. *Ath. Mitth.*, VIII, Taf. X, S. 197.

ноздри, на вравронской головѣ прямая. на аргосской слегка ломанная. Верхняя губа на вравронской головѣ выдается нѣсколько впередъ, сравнительно съ нижней, у аргосской головы обѣ губы ровныя.

Гораздо ближе напоминаетъ аргосская голова голову Кариатиды отъ Эрехеіона, хранящуюся въ Британскомъ музеѣ (Brunn-Bruckmann, *Denkmäler der griech. u. röm. Sculptur*, Taf. 176). У обѣихъ—одинаково волнистые волосы обрамляютъ лобъ правильнымъ полукругомъ. круглое очертаніе лица и. по видимому, одинаково трактованы носъ и губы; „по видимому“, такъ какъ эти части на Кариатидѣ попорчены. Нѣсколько грубѣе, но того же характера голова амазонки на фигалійскомъ фризѣ (Brunn-Bruckmann, *о. с.*, Taf. 87, фигура на лошади).

Итакъ, не считая правильнымъ совершенно отвергать принадлежности аргосской головы къ аттической школѣ V вѣка. подождемъ, пока лица, болѣе насъ свѣдущія въ этомъ дѣлѣ, рѣшающимъ образомъ подтвердятъ, что аргосская голова—произведеніе аттического искусства V вѣка. Что же касается отношенія ея къ школѣ Поликлита, то приходится сознаться, что искусство послѣдняго, по край ней мѣрѣ, касательно изваяній женскихъ типовъ, намъ до сихъ поръ почти неизвѣстно: ученые не пришли еще къ единогласному признанію того, какія изъ сохранившихся до насъ копій должно считать за копіи Иры Аргосской и амазонки Эфесской, статуй, усвояемыхъ Поликлиту. Въ виду этихъ соображеній, думается, что вопросъ относительно принадлежности аргосской головы къ школѣ аргосской или аттической приходится пока считать открытымъ ¹⁾.

С. Жебелевъ.

¹⁾ Найденный при аргосскихъ раскопкахъ торсъ обнаженного мужчины (гиганта?), *Waldstein*, *Excavations etc.*, pl. VI, трудно сопоставлять съ торсами Поликлитовыхъ Дорифора и Діадумена (*Brunn-Bruckmann*, *Denkmäler d. griech. u. röm. Sculptur*, Taf. 272—273). Хотя и на аргосскомъ торсѣ детали моделировки и мускулатура исполнены замѣчательно тщательно, но тѣхъ *рычкихъ* характерныхъ чертъ, какія мы находимъ на Поликлитовыхъ статуяхъ, на немъ все-таки нѣтъ. И по техникѣ изваянія аргосскій торсъ стоитъ гораздо ближе къ скульптурамъ храмовъ Аеяны Ники и Фигалійскаго, чѣмъ къ Дорифору и Діадумену. Ср. *Brunn-Bruckmann*, *о. с.*, Taf. 118 (верхъ, лѣвая фигура).

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ДЕВЯТИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(ноябрь и декабрь 1893 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ.

1893 года, ноября 2-го.

ОТРАВ.
23

Высочайшія повелѣнія.

1. (12-го іюля 1893 года). О принятіи Императорскимъ Московскимъ университетомъ капитала для учрежденія преміи имени Льва Ивановича Поливанова и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи	3
2. (19-го августа 1893 года). О принятіи завѣщаннаго Императорскому Московскому университету потомственному почетному гражданкою А. А. Сазиковою капитала, для учрежденія, изъ процентовъ съ онаго, одной преміи имени завѣщательницы, и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи	—
3. (20-го сентября 1892 года). Объ учрежденіи при Солецкомъ приходскомъ училищѣ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи, должности врача	23
4. (20-го сентября 1893 года). Объ учрежденіи преміи имени В. Н. Лешкова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи	—

5. (20-го сентября 1893 года). О присвоении низшему механико-техническому училищу въ г. Архангельскѣ наименованія: „Техническое училище Императора Петра I“ 25
6. (27-го сентября 1893 года). Объ учрежденіи при Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память проѣзда чрезъ Забайкалье Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича —
7. (8-го октября 1893 года). О принятіи капиталовъ, пожертвованныхъ Кяхтинскимъ купечествомъ на учрежденіе стипендіи въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ, въ Читинской гимназій и въ Читинской женской прогимназій. 26
8. (25-го октября 1893 года). Объ учрежденіи при Рижскомъ казенномъ приходскомъ училищѣ должности врача —
9. (25-го октября 1893 года). О предоставленіи пенсіонныхъ правъ преподавательницамъ Казанскаго училища для глухонѣмыхъ дѣтей. 27
10. (25-го октября 1893 года). Объ учрежденіи при Рязанской мужской гимназій, вмѣсто одной, двухъ стипендій имени Императора Александрѣ II. —

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го октября 1893 года	4
25-го октября 1893 года	28

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го сентября 1893 года). Положеніе о преміи имени Л. И. Поливанова 5
2. (3-го октября 1893 года). Положеніе о преміи въ память покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Василя Николаевича Лешкова. 7
3. (6-го іюля 1893 года). Положеніе о стипендіи, учреждаемой Вспомогательнымъ Обществомъ купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ въ Московскомъ реальномъ училищѣ въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александрѣ II 30
4. (17-го іюля 1893 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы губернскаго секретаря Ольги Васильевны и ея покойнаго мужа Александра Воронцовыхъ при Кременчугскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ. 31
5. (23-го іюля 1893 года). Положеніе о стипендіяхъ имени дворянки Викторіи Бартошевичъ при гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа 33
6. (20-го августа 1893 года). Положеніе о стипендіяхъ имени сотника Пятизбынской станицы, 2-го Донскаго округа, Области войска Донскаго, Матвѣя Матвѣевича Курнакова при Новочеркасской гимназій 34
7. (5-го октября 1893 года). Положеніе о стипендіи имени князя

Владимира Андреевича Долгорукова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	35
8. (10-го октября 1893 года). Положеніе о стипендіи имени князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова при Императорскомъ университетѣ Св. Владимира	36
9. (14-го октября 1893 года). Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ въ память посѣщенія Сибири въ 1891 году Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ	37
10. (16-го октября 1893 года). Положеніе о стипендіи при Читинской женской прогимназии въ память посѣщенія Сибири Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ	—

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

5-го октября 1893 года	8
----------------------------------	---

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	11 и 38
---	---------

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	18
--	----

Открытіе училищъ	19 и 40
----------------------------	---------

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. И. Кирпичниковъ. Денсусъ на востокъ и западъ и его литературныя параллели	1
М. В. Безобразова. Забѣтка о Діонтрѣ	27
А. И. Соболевскій. Одно изъ рѣдкихъ явленій славянской фонетики	48
А. Н. Гренъ. Династія Багратидовъ въ Арменіи	52
Ив. Н. Ждановъ. Василій Буслаевичъ и Волкъ Всеславьевичъ (продолженіе)	199
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе)	259
В. И. Модестовъ. Забѣтки по Тациту	327

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Евг. А. Лѣве. Русская библіографія о Коменскомъ	140
В. Н. Палаузовъ. Новый трудъ въ области учебной литературы по русскому уголовному процессу	147

Э. Л. Радловъ. <i>Кн. Евгений Трубецкой</i> . Религіозно-общественный идеаль западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Часть I. Міросозерпаніе блаженнаго Августина. Москва. 1892 .	169
К. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы 1881—1893). <i>А. Н. Гиллрова</i> . Кіевъ. 1893. .	184
С. Ф. Орловскій. Энеида Виргилія. Перевелъ <i>Н. Леопиминъ-Самаринъ</i> . С.-Пб. .	350
Ө. И. Успенскій. <i>Byzantina</i> . Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга II. Съ таблицами и планами <i>Д. Ө. Бяляева</i> . С.-Пб. 1893	364
А. А. Павловскій. <i>Ta én 'Akrókólai agálmata korōn árchaikḗs tékḗs. Θεμιστοκλῆς Σοφοῦλης 'Εν 'Αθήναις</i> . 1892 .	379
Н. П. Кондаковъ. <i>А. Л. Бертье-Делагардъ</i> . Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. С.-Пб. 1893. .	388
А. М. Ону. <i>П. Соколовъ</i> . Церковная реформа императора Іосифа II. Саратовъ. 1892 .	397
Княжныя новости	191 и 410

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Н. И. Макаровъ. Еще кое-что о черченіи	1
Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Академія Наукъ .	1
Наша учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1891 году. 31 и 105	
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго.	65
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа.	140

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. И. Петръ. Вновь открытыя памятники античной музыки (<i>окончаніе</i>)	33
Вал. В. Майковъ. Четыре эпипники Пиндара въ честь Іерона Сиракузскаго и Этнейскаго (<i>окончаніе</i>)	55
А. Ө. Эманъ. Эпигра и Эллины.	61
Вал. В. Майковъ. Эпипники Пиндара въ честь Аркесилая Киринскаго	94
С. А. Жебелевъ. Женская голова изъ Аргосскаго Ирзона.	111

